Кир

БУЛЫЧЕВ

ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

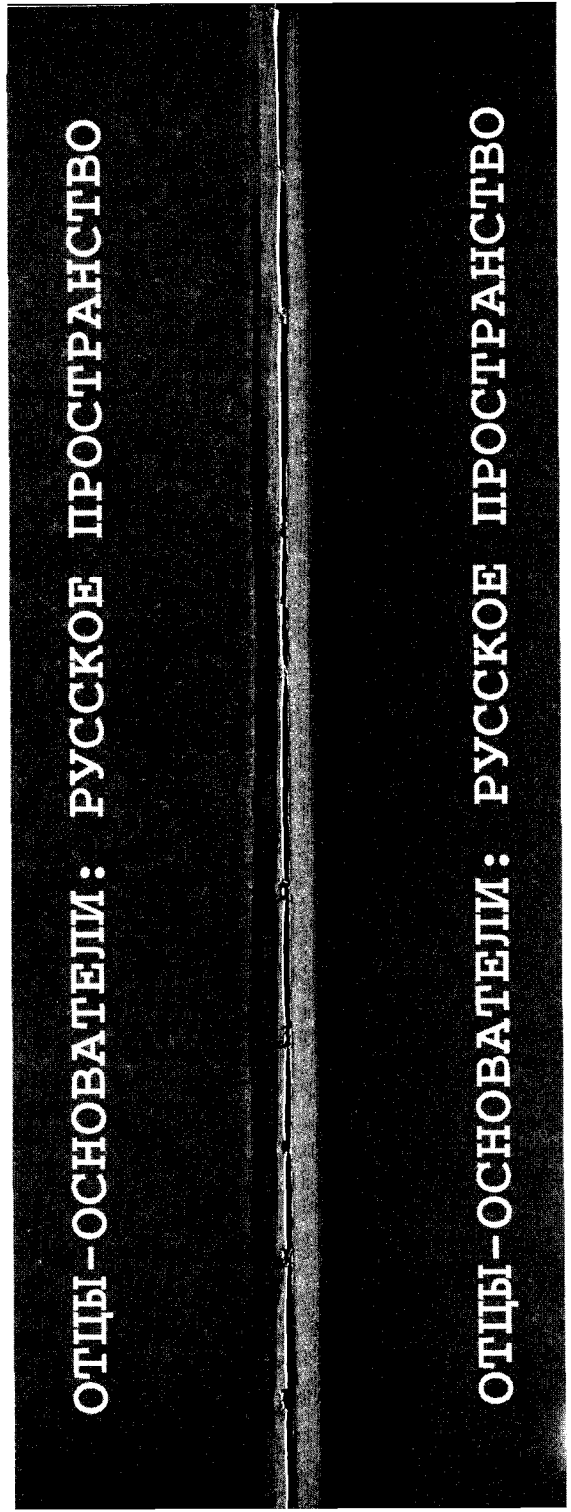
Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»



Кир

БУЛЫЧЕВ

ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»

Москва
ЭКСМО
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.

Б 90 Операция «Гадюка»: Фантастические романы. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 1024 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-13105-1

В очередной том собрания сочинений Кира Булычева вошли произведения из цикла «Театр теней», повествующие о приключениях сотрудников Института экспертизы.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13105-1

© Булычев К., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ВИД НА БИТВУ С ВЫСОТЫ

Словно мячик, гонимый жестокой судьбой,
Мчись вперед, торопись под удар, на убой!
Хода этой игре не изменишь мольбой.
Знает правила тот, кто играет тобой.

Омар Хайям

ПРОЛОГ

В комнате было душно, хотелось устроить сквозняк, но Манана сразу закрывала окно, потому что у нее был хронический бронхит.

— Сейчас бы пива выпить, — сказал Крогиус. Ему было так жарко, что очки вспотели.

— Катрин ждет моего звонка, — сказал я.

Только убежденный мазохист мог отправиться на свидание в шесть вечера, в разгар летней жары, подобной которой не припомнят даже ветераны-синоптики.

— У бывшего памятника Свердлову, — сообщил Крогиус, — поставили белые столики.

Я набрал номер.

Хорошо бы Катрин отказалась от свидания — у нее незапланированное профсоюзное собрание: ее лаборатория намерена голодать, пока не выплатят зарплату за февраль.

Катрин сразу взяла трубку, словно сидела у телефона и ждала моего звонка. Такой преданности я недостоин.

Первым делом Катрин сообщила, что я мог бы позвонить раньше. В такую жару даже самые нежные девушки становятся сварливыми.

Крогиус положил хозяйственную сумку рядом с телефоном. Из нее вывалился пакет с сахарным песком. Значит, Света ждет его, чтобы ехать на дачу, где идет подготовка к варке вишневого варенья. Крогиус нависал надо мной, глядя сверху собачьими глазами.

Катрин говорила так тихо, что я ничего не понимал.

— Говори в трубку! — потребовал я.

— Я и так кричу, — ответила Катрин.

— Гарик, — попросил Крогиус, — я совсем забыл. Светка вот-вот уйдет с работы. Мне тогда лучше не жить.

— Полчаса телефон был свободен, — сказал я. — Неужели надо было ждать, пока я возьму трубку?

— Но ты же знаешь, какой у Светки характер!

— Ты меня еще слушаешь? — спросила в трубке Катрин.

— И очень внимательно.

— Повтори, что я только что сказала.

— Мы с тобой встречаемся через двадцать пять минут. Там же, где всегда.

— А мне показалось, что ты меня не слушаешь.

— Все, — сказал я, нажал на рычаг и протянул трубку Крогиусу.

У выхода я врезался в девочку Соню из библиотеки. Почему-то ей захотелось выяснить со мной отношения в момент окончания рабочего дня. Соня сообщила, что у меня закрыт абонемент, потому что я не вернул шесть книг. Я совсем забыл об этих книгах. По крайней мере три из них взял Гамлет. Гамлет уехал к себе в Армению, которая тут же стала независимым государством.

Покончив с неприятностями, Сонечка согнала с лица строгость и ласково спросила:

— Вы будете выступать в устном журнале?

А может, она не Сонечка? Розочка? Или Розалинда?

— К сожалению, я отбываю в командировку, — ответил я и улыбнулся, как известный французский актер.

Сонечка узнала во мне Жан-Поля Бельмондо и сказала, что у меня дар к перевоплощению. Во мне погибает великий артист. Я и без нее знал, что у меня есть дар к перевоплощению. Но погибает ли во мне великий артист?

— Как жаль, что вы не учитесь!

— Я уже все науки выучил.

— Ах, вы ужасный шутник!

— Я не шутил.

— С вами так интересно! Вы добрый.

— Вы заблуждаетесь, девушка, — возразил я. — Я только притворяюсь добрым. На деле же я...

Я осекся, потому что чуть было не показал ребенку голодного крокодила. Она бы испугалась до смерти.

На улице было даже хуже, чем в нашем полуподвале. Чтобы убить время, я пошел пешком. У подземного перехода продавали поникшие тепличные розы. Нет, если я куплю этих плакальщиц, то рядом с Катрин буду выглядеть неудачливым женихом.

Я вышел к памятнику Пушкину. У ног монумента лежал вылинявший букетик васильков.

Меня охватило странное чувство, будто все это уже было — и духота, и васильки, и фотограф у переносного стенда.

Я подошел к полукруглой мраморной скамье в тени недавно распустившихся лип. Катрин опаздывала. Я сел на пустой край скамьи. На скамейках потели туристы с покупками, с ними вперемежку сидели старички ветераны со свернутыми плакатами, ожидавшие начала демонстрации или митинга протеста, и кавалеры вроде меня.

Катрин пришла не одна.

Сбоку и на полшага сзади брел большой широкий мужчина с молодой бородкой, неудачно приклеенной к подбородку и щекам, отчего он казался проходимцем. Над красным лбом нависал козырек белой кепочки. Будь чуть прохладнее, он напялил бы свободно ниспадающий пиджак.

Я разглядывал мужчину, потому что Катрин не надо было разглядывать. Со вчерашнего дня она не изменилась. Катрин похожа на щенка дога — руки и ноги ей еще велики, их слишком много, но в том-то и прелесть.

Катрин издали увидела меня, подошла к скамейке и опустилась рядом со мной. Мужчина сел с другой стороны, потеснив злого ветерана с комсомольским значком на черном пиджаке. Катрин сделала вид, что меня не знает, я тоже не смотрел в ее сторону. Мужчина бодро сказал:

— Какая жара! Самое время для теплового удара.

Катрин, окаменев, смотрела прямо перед собой, а мужчина замолк, любуясь ее профилем. Ему хотелось дотронуться до ее обнаженной руки, но он не осмеливался, и его пальцы, приподнявшись, нависли над ее кистью.

Лицо мужчины было мокрым, на кончике носа собиралась капля.

Катрин отвернулась от него, убрав при этом свою руку с колена, и, глядя на меня, прошептала:

— Превратись в паука! Испугай его до смерти. Только чтобы я этого не видела.

— Вы что-то сказали? — спросил мужчина и дотронулся наконец до ее локтя. Пальцы его замерли, коснувшись прохладной кожи.

Тогда я наклонился вперед, и он вздрогнул от неожиданности.

Мне надо было встретиться с ним взглядом.

Затем я превратился в очень большого паука.

У меня было круглое тело в полметра диаметром и метро-

вые мохнатые лапы. Я придумал себе жвалы, похожие на кривые пилы и измазанные желтым смертельным ядом.

Мужчина не сразу сообразил, что же случилось.

Он зажмурился, но не оторвал пальцев от локтя Катрин.

Тогда я был вынужден превратить Катрин в паучиху и заставил его ощутить под пальцами холод хитинового панциря.

Мужчина прижал растопыренные пальцы к груди, а другой рукой прикрыл глаза.

— Черт возьми! — произнес он. Ему показалось, что он заболел. Как многие большие вялые мужчины, он был мнителен. Но, веря в здравый смысл, он заставил себя еще разок взглянуть на меня.

Тогда я протянул к нему передние лапы с когтями.

И он убежал.

Ему было стыдно убегать, но он не мог ничего поделать со страхом. Туристы схватились за сумки с покупками. Старики начали подниматься, решив, что пришла пора народного гнева.

Катрин заразительно засмеялась, привычным жестом откинула с лица тяжелую русую прядь.

— Спасибо, — сказала она. — У тебя это здорово получается. Если бы я не знала, наверняка бы испугалась. Хотя не поняла, что ты натворил на этот раз.

— Я превратил тебя в паучиху соответствующего размера.

— Как тебе не стыдно!

— Куда мы пойдем? — спросил я.

— Куда хочешь, мой властелин, — сказала Катрин.

— Я хочу пить пиво в парке и лежать на траве.

— Я слышала, что в Москве учредили полицию нравов, — заметила Катрин.

— Я постараюсь скромно валяться на траве и сдержанно пить пиво.

— У меня так не получится. Правда, там, наверное, много народу.

— Все, кто обладает средствами или садовым участком, толкутся в электричках, — сказал я. — В парке остались только бомжи.

— Тогда пошли в метро.

— Может, поймаем машину? — спросил я.

— Тебе нравится шиковать, мой воздыхатель, — возразила Катрин. — Шикуй в одиночестве, я трижды обгоню тебя в метро.

Мне хотелось принять вызов, но тогда бы я лишился общества Катрин. А мне не хотелось его лишаться.

Вагон был набит, почему-то каждый второй пассажир вез остроконечный садовый инвентарь, а другая половина волокла чемоданы и сумки на колесиках. Но на «Комсомольской» все эти страшные потные люди выжались из вагонов, как паста из тюбика. Стало свободно, и даже можно было сесть.

— Жалко, — сказал я. — Жалко, что стало так свободно.

— Ты мазохист! — шепотом воскликнула Катрин.

— Нет, сладострастник, — возразил я. — Толпа так сладко прижимала меня к твоей груди.

Катрин чуть растерялась. Ее синие глаза сузились от неуверенности: то ли рассердиться на меня, то ли отыскать достойный ответ. Она предпочла второе.

— И как тебе моя грудь? — прошептала она.

— Твоя грудь божественна, — сказал я. — Ты можешь смело переходить в третье тысячелетие с его сексуальной свободой и полной эмансипацией.

— Чуть-чуть, — вздохнула Катрин, — ты чуть-чуть переборщил в своем мужском самомнении. И я тебе это припомню.

Шутя, она была серьезна. И я согласился с ней. Если переиграл, то умей признаться.

Под большими деревьями у входа в парк «Сокольники» было прохладно, но нас обогнали другие любители пива. Они сидели на лавочках томными рядами и сосали пиво из бутылок. Ни один из банки, все — из бутылок. Здесь собирался народ серьезный, ценители и патриоты.

Я взял в киоске четыре банки «Будвайзера».

Впереди, за круглым бассейном, поднимался серебряный пластиковый купол какой-то очередной выставки. Нам бы в экспедицию такой купол — под ним свободно и не очень жарко. Под одним куполом можно устроить камералку, склад, столовую и танцевальный зал.

Нет, нельзя, придут заморенные, но гордые казачки и разрежут купол на полотна, а полотна унесут для хозяйственных надобностей. Если ты хочешь, чтобы археологическая экспедиция прожила на Кубани свой срок, то будь скромен, незаметен, плати рабочим достойно, но не очень много.

— Ты думаешь? — спросила Катрин.

Она была со мной одного роста — метр восемьдесят, и наши глаза, когда мы разговаривали, оказывались совсем рядом.

— Ты имеешь в виду процесс мышления? — уточнил я.

— Вот именно. Я вдруг тебя потеряла.

— Скоро в экспедицию, — сказал я.

— Почему ты вдруг об этом подумал?

— Увидел серебряную палатку, — показал я на купол.

— Пойдем левее, — предложила Катрин, будто не хотела, чтобы я думал об экспедиции.

Мы взяли левее.

...Скажите, почему мы должны зависеть от какого-то Нечипоренки, который и компьютера настоящего в глаза не видел? Крогиус клянется, что обсчитал бы бусы, пользуясь карманным вычислителем, быстрее, чем Нечипоренко с его лентяями. А нам так хотелось получить данные до лета, чтобы успеть сдать тезисы к полевому сезону — тогда мы получим слово на сентябрьской конференции и совершим наш небольшой переворот в отечественной археологии. Нам не поверят, и на нас даже ссылаться не станут — мало ли кто совершал небольшие перевороты? А вятичи и ныне там!

Когда я очнулся от мыслей, то понял, что Катрин идет на некотором расстоянии от меня и глядит недобро.

— Я о другом думал, — поспешил я оправдаться. — Я думал о бусах и компьютере.

В лесу, изрезанном тропинками, но почти не загаженном, Катрин постелила на траву газету. Я поставил на газету банки с пивом и две из них открыл. Они были теплыми и плевались пеной.

Солнце пробивалось сквозь молодую и остро пахнущую березовую листву. Мне захотелось березового сока, но мы опоздали — раз пошла листва, сок не побежит.

— А в детском доме я писал стихи, — сказал я. — Меня звали Лермонтовым.

— Почему не Пушкиным? — спросила Катрин.

— Потому что я имел наглость сказать, что люблю Лермонтова больше.

— А теперь?

— И теперь больше.

— Прочти стихотворение, — попросила Катрин.

— Какое?

— О котором сейчас вспомнил.

— Ты слишком прозорлива, Катрин.

— Мужчина должен думать, что свободен в своих решениях... и капризах.

— Тогда я не буду читать.

— Все равно тебе хочется.

— Я его забыл.

— Ну, как хочешь...

— Только последнюю строфу.

...А капли стучат и плещут в стакане.
Весеннее утро. Рассвет невесом.
И с каждой каплей прозрачнее станет
Мутный сначала березовый сок.

— Это не Лермонтов. Это ты.

Катрин открыла еще одну банку. Сдула пену. Я растянулся на траве и смотрел, прищурившись, на облака.

— Земля не холодная? — спросила Катрин.

— Я закаленный, я детдомовский.

— Для меня в этом есть анахронизм. Детские дома были сто лет назад. Ими командовал писатель Макаренко.

— И Железный Феликс.

— Если простудишься, раздружусь, — сказала Катрин.

Мне хотелось поцеловать ее, но ей этого не хотелось. Я спросил:

— Ты хотела бы летать?

— На самолете?

— Сама.

— Без крыльев?

— Без крыльев.

— Это называется левитацией, — назидательно сказала Катрин. — А левитации не бывает. Это мистика.

— Это мистика для первобытных землян, но не для существа высшего порядка...

Она склонилась надо мной и посмотрела на меня в упор.

— Угадай мои мысли! — потребовала она.

— Я не умею.

— Тогда почувствуй мои мысли!

— Не мучай меня. Я все равно не признаюсь, так как не хочу получить пощечину.

— Твое молчание тоже оскорбительно.

Она коротко размахнулась и дотронулась до моей щеки ладонью. Ладонь была сухой и горячей.

— Очень жарко, — сказала Катрин. — И все потому, что ты не разрешаешь мне закалывать волосы наверх.

— Ты меня не спутала с кем-нибудь?

— Я тебя ни с кем не спутала. Неделю назад ты сказал мне, что любишь, когда у меня распущенные волосы.

— Ты мне нравишься в любом виде, — заверил я.

— Но с распущенными волосами больше.

— С распущенными больше.

Я принял ее жертву.

Она сидела, опершись ладонью о траву. Рука у нее была тонкая и сильная.

— Катрин, — сказал я, — выходи за меня замуж. Я тебя люблю.

— Ты меня не любишь, — возразила Катрин.

Я повернулся на бок, дотянулся губами до ее руки и поцеловал по очереди ее длинные загорелые пальцы.

— Если ты выйдешь за меня замуж, — сказал я, — то я всегда буду казаться тебе красивым. Как артист Янковский.

— Устанешь, — сказала Катрин. — И я устану.

— Давай попробуем.

— Ты сошел с ума, — заявила Катрин. — Ты же чужой человек. Опасный.

— Агент ЦРУ? — спросил я.

— Хуже, пришелец из космоса.

— Никто, кроме тебя, так не думает, — сказал я. — А гипнотизировать дураков я умею с детства. Ведь тебя мне не загипнотизировать?

— Разве я знаю? А может быть, я сижу здесь с тобой, потому что загипнотизирована?

Она сказала это как будто в шутку, а на самом деле серьезно. Она выпрямилась и забрала от меня свои пальцы.

— Нет, — сказал я. — Я позволил себе сделать это только один раз.

— Знаю. Когда у меня на Красной площади заболел зуб, правда?

— А ты мне даже спасибо не сказала.

Из леса вышла лосиха. У нее было грустное верблюжье лицо. Может, оттого, что она чувствовала себя неполноценной без рогов. Нас она будто не замечала. Понюхала пивные банки, глубоко вздохнула и пошла в лес, медленно переставляя ноги, словно училась ходить.

— А больше ты мне ничего не внушал? — спросила Катрин.

Она была настолько погружена в свои мысли, что не заметила визита лосихи.

Я не ответил ей, потому что лосиха обернулась от густых кустов, в которых намеревалась скрыться, и посмотрела мне в глаза.

— Я тебе не верю, — сказала Катрин.

Мы допили пиво, а пустые банки завернули в газету и положили ко мне в «дипломат». Мы были борцами за чистоту природы. Я впервые увидел Катрин на митинге «Гринписа»

на Пушкинской площади. Она там была активисткой, а я проходил мимо и загляделся на нее.

Мы вышли из парка, когда загудели первые комары, отряхивая с крылышек сладостную жару, а у входа на круге зажглись фонари, желтые в синем воздухе.

Я проводил Катрин до ее подъезда, но она не пожелала поцеловать меня на прощание. Чем-то я ее прогневил, но чем, я не догадался.

Я пошел домой пешком. Мне было так грустно, что я придумал работающий вечный двигатель, а потом доказал, почему он не будет работать. Порой так хочется опровергнуть законы физики, но пока это у меня не выходило.

Доказательство и контрдоказательство были очень сложными, и я почти забыл о Катрин.

И вдруг я понял, что, когда вернусь домой, зазвонит телефон и расстроенный Крогиус, который поссорился со Светкой и не поехал на дачу, сообщит мне, что наше открытие не состоится. Может быть, из-за неумелого Нечипоренки, а может, потому, что мы с Крогиусом дураки.

Мне не хотелось обходить широкий газон, засаженный какими-то колючими, плохо цветущими и дурно пахнущими цветочками. Я решил через него перелететь. Лететь оказалось непросто, я все терял равновесие и валился на бок, отталкивался рукой от земли, чтобы снова взлететь, и все повторялось.

Разочарованный, я пошел на четвертый этаж по лестнице. Пускай лифт отдохнет.

Когда я открывал дверь, то почувствовал, что в комнате, не зажигая света, сидит кто-то чужой.

Я аккуратно закрыл за собой дверь. Потом зажег свет в прихожей. Я старался вести себя так, словно ни о чем лишнем не догадываюсь.

Человек, который сидел в темной комнате, знал, что я его обнаружил, но молчал. Я спросил:

— Почему вы сидите без света?

— Я вздремнул, — соврал посетитель, — вас долго не было.

Входя в комнату, я нажал на кнопку выключателя и спросил:

— Кофе поставить?

— Только для себя, — ответил посетитель, — я не пью кофе.

Человек, поднявшийся с дивана при моем появлении, был

обыкновенен и респектабелен. Западный клерк в русском исполнении. Чтобы ему не было скучно в одиночестве, я тоже принял вид чиновника по особым поручениям.

Гость улыбнулся и сказал:

— Не старайтесь, лучше поставьте кофе.

Он прошел за мной на кухню и зажег газ, пока я наливал в чайник воду.

— Неужели вы пьете растворимку? — спросил он осуждающе.

— Пью, — признался я словно в преступлении.

— Вот уж не думал, — сказал гость.

Он смотрел, как я насыпаю кофе, наливаю кипяток, размешиваю. Когда он убедился в том, что я обеспечен кофе, то повернулся и пошел обратно в комнату. Я послушно проследовал за ним.

— Вы не чувствуете себя одиноким? — спросил гость, опускаясь на диван. Он двигался не очень уверенно, словно был немного пьян или ему давил под мышками пиджак.

— Мне некогда чувствовать себя одиноким, — сказал я. И удивился тому, что принимаю так спокойно пришельца, без спросу вторгшегося в мою квартиру поздним вечером.

— Даже сегодня?

— А чем сегодня хуже, чем вчера? — спросил я.

— Почему вы до сих пор не женились? — спросил гость. Его лицо оставалось в тени, и я не видел, какого цвета у него глаза.

— Меня девушки не любят, — сказал я.

— А может быть, вы привыкли к одиночеству и предпочитаете остаться один?

— Я ценю одиночество, только вряд ли вы сможете понять почему.

— Попробуйте объяснить.

— Я провел много лет в детском доме, где слова «одиночество» не существует. И первое, что я сделал, получив эту квартиру, — запер за собой дверь, разделся догола и весь день в таком виде бродил по комнате.

— Вы правы, мне это чувство непонятно, — согласился гость.

Теперь наступила моя очередь задавать вопросы, чем я и воспользовался.

— Как вы ко мне попали?

— Я прилетел, — ответил гость. Впрочем, этот ответ я предугадал. — Окно было открыто.

Он глядел на меня, чуть склонив голову набок, словно

ожидал, что я выкажу изумление. Но я не изумился. Я сам не раз пытался полетать. Только никак не мог удержать равновесия. Это труднее, чем оторваться от земли.

Человек покачал головой.

Тут я заметил, что у него на носу очки — старенькие, в толстой пластиковой оправе. Разве у него раньше были очки?

— Были, — догадался гость. — Человек в очках выглядит безопасным. Наверное, оттого, что очки можно разбить одним ударом.

Человек с неудовольствием смотрел, как я отхлебываю кофе. Было душновато, а я пил кофе.

Человек отвернулся от меня и пошел вдоль стеллажей, читая названия книг.

— Много лишнего, — вынес он приговор. — Всего не перечитать. А если и перечитать, то ничего не получишь взамен. Чтение непроизводительно. Скоро вы это сами поймете.

Мне не хотелось ничего понимать. Я устал, и меня клонило в сон. Может же человек хотеть спать после трудового дня?

— Итак, — сказал гость, как бы пародируя доктора, — вы не раз задавали себе вопрос: почему я не такой, как другие? С раннего детства вы привыкли таиться, обманывать, лукавить, потому что нет большей опасности погибнуть в детской стае, чем показаться иным, умнее других, смелее других. Ты несешь друзьям свой талант, а друзья в отвращении отворачиваются или кидают в тебя каменьями.

— Я такой, как все! — поспешил я с ответом, чем вызвал печальную ухмылку на никаком лице гостя.

— Я полагаю, что еще в младших классах ты учился лучше, чем остальные, и тебе не составляло усилий быть лучшим... — Незаметно для меня он перешел на «ты». Бог с ним — он явно старше. — Когда я разыскивал тебя, Гарик, — продолжал гость, — то познакомился не только с характеристиками на тебя и анонимными письмами. Я убедился, что с годами ты все лучше умел притворяться, казаться тупее, чем был на самом деле.

— Чепуха!

— А кто сломал модель самолета, которая могла летать быстрее настоящего самолета?

— Это Петька Лукин на него нечаянно наступил!

— Ты толкнул Петьку Лукина. Он, кстати, в этом уверен.

— Вы и с ним говорили?

— И не только с ним.

— Вы знаете обо мне...

— Больше, чем ты сам. И знаю, как тяжко молодому человеку, мальчику заставлять себя таиться, пригибаться от славы, зная, что за вспышкой славы последует тень презрения, зависти, ненависти...

— А второй приз на районной математической олимпиаде? — спросил я, будто был не согласен с гостем.

— Второй! А почему не первый на городской олимпиаде? А специальную стипендию на физическом факультете университета ты не смог бы получить?

Я пожал плечами. К чему этот напор и натиск?

— И дернуло же тебя идти на исторический!

Я понял, что он говорит, не раскрывая рта. А я слышу его. Неужели он телепат?

— Не отвлекайся! — потребовал гость. — Ответь мне честно: зачем ты пошел на исторический — в эту тупиковую псевдонауку?

— Потому что я люблю историю. Потому что я родился археологом. Потому что вернуть к жизни прошлое — значит дать новую жизнь людям, которые надеялись на бессмертие и оказались забыты. Это мои счеты с вечностью.

— Перестань! — приказал гость. — Прошлое не может интересовать сознательное существо. Есть только будущее, и туда должен быть устремлен разум.

— Видно, мы с вами по-разному относимся к мирозданию.

— Мы не можем относиться по-разному, — сказал гость, — потому что вся ваша история — это всплески молодой энергии, это тупиковые ветви растущего сознания.

— И я буду таким, как вы?

— Вот именно, — обрадовался гость. — Мы одной крови — ты и я.

— Не понимаю.

— Поймешь, сейчас поймешь. Давай задумаемся о твоих способностях, о тех качествах, которых лишены твои друзья и знакомые. Например, о силе внушения. Ты же можешь внушить любому человеку черт знает что!

Гость тут же превратился в небольшого каменного сфинкса. Сфинкс заговорил голосом гостя:

— Надеюсь, этим я тебя не удивил?

— Чего уж там, — ответил я и превратился в верблюда. Ведь сфинксу одиноко без нормального верблюда по соседству. Если бы нас увидела Катрин, она бы влезла на верблюда и стала кататься вокруг сфинкса.

— Отлично получается! — похвалил меня гость. — Но это

лишь верхушка айсберга. Многие твои качества еще дремлют. И их открытие впереди.

— А что я умею делать?

— Скоро ты научишься летать. Невысоко и с большой тратой душевных сил, но научишься обязательно. Тебе уже хочется подняться в воздух.

— Разве это не нарушение физических законов?

— Смотря каких законов, — проворчал гость. — Ты же не знаешь современной физики.

— Чего я еще не знаю? Современной химии? Современной биологии?

— Ты не безнадежен. Но продолжим перечисление твоих способностей. Ты быстро читаешь?

— Более или менее.

— Чепуха! Тебе достаточно взглянуть на страницу — и ты запоминаешь ее целиком. В классе ты тщательно таил этот талант, чтобы не вызвать зависть друзей. Ты складываешь, вычитаешь, извлекаешь корни с такой легкостью и быстротой, что мог бы с успехом выступать на эстраде. Ты уже сейчас можешь не спать несколько суток и столько же обходиться без еды.

— Мне не приходилось еще обходиться несколько дней без еды.

— Попробуй. Как существу, обладающему особыми способностями, тебе неудивительны такие способности в других. Ты умудрился не удивиться моему появлению в запертой квартире и заявлению, что я взлетел на четвертый этаж.

— Удивился, удивился!

Но он уже не слушал меня. Его голос дрожал от пафоса:

— По принятым меркам, ты — потенциальный гений! Но далеко не всеми своими способностями ты умеешь распоряжаться и о большинстве их даже не подозреваешь.

— Значит, я, слава богу, не гений! — прервал я. — Потому что просто гения не бывает. Гений — это особое развитие таланта. Конкретного таланта.

— Давай не будем спорить по пустякам!

— Ничего себе — пустяки! Ко мне приходит незнакомый человек и объявляет меня гением. Затем, правда, сообщает, что я еще ничего не могу и не умею. А вы умеете?

Ничего не ответив, гость растворился в воздухе и окликнул меня сзади, из дверного проема. Потом не спеша подошел к книжному стеллажу и показал другой фокус — вынул книгу и кинул ее перед собой. Книга замерла в воздухе. Мне очень хо-

телось, чтобы она, болезная, поскорее упала куда-нибудь, не мучилась. Но через полминуты, с некоторым напряжением, скривив рот, гость поставил ее на место.

— И мне все это предстоит? — без особого энтузиазма спросил я.

— Это далеко не все! — Гость говорил напыщенно, словно продавал мне Британскую энциклопедию, а я, дурак, не мог оценить величия этого многотомника.

— С меня достаточно.

— Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле. В отличие от друзей-детдомовцев, я вижу тебя насквозь.

Я покорно склонил голову.

Нельзя сказать, что я не был заинтригован. Более того, я вовсе не думал, что мой гость — фокусник или жулик. В нем была сногсшибательная искренность, граничившая с занудством. У таких людей не бывает чувства юмора.

— Однако я должен тебя предупредить, — сообщил гость, — что в полном объеме ты сможешь раскрыть свои возможности, только если окажешься в окружении себе подобных.

— Вы хотите сказать, что я мутант? — вздохнул я. — Что я генетический урод? Но не один в своей беде?

— Нет, — серьезно возразил гость, — объяснение твоим странностям лежит в том, что ты здесь чужой.

— Где здесь?

— На Земле.

— Нет. — Я сопротивлялся как лев. — Я родился в поселке Дворцы Вологодской области. Мои родители погибли при лесном пожаре. Вернее всего, они были туристами. От них и следа не осталось. А я выжил. Меня нашли пожарные и принесли в поселок.

— Ты это помнишь?

— Это есть в документах. Когда меня брали в детский приемник, то все это записали.

— Ты сам не уверен в том, что говоришь.

— Ну, я же был маленький! Вот такой маленький!

— Тогда выслушай правду. И не возражай, хотя она покажется невероятной. Тебя потеряли. Тебя потеряли и думали, что ты погиб вместе с родителями.

— Вот именно, — сказал я.

— Не перебивай. Твои родители находились на космическом корабле. На разведывательном космическом корабле. Их корабль потерпел бедствие. Он погиб. Тебя успели выбро-

сить из корабля в спасательной капсуле. Потом корабль упал. Лес загорелся. Пожарные очень удивлялись, почему ты не пострадал. Но тебя же окружало силовое поле. До тех пор, пока твоей жизни грозила опасность.

Я слушал его и внутренне соглашался. Потому что он был вполне серьезен и деловит, как почтальон, принесший вам повестку в суд. Его дело — сообщить. Ваше дело — явиться. Но меня-то мучило совсем другое.

— Допустим, — сказал я, — что вы правы. Тогда как я должен выглядеть... как я выгляжу на самом деле?

— Примерно так же, как ты видишь себя в зеркале.

— То есть я — человек?

— Определение неточное. Но если ты слышал о панспермии...

— Да. Если верить этой теории, все люди в Галактике произошли из одного семени. Они все — люди!

— Именно так! Ты понимаешь, что мы не всесильны. Как мы могли бы запрограммировать тебя на много лет вперед?

— Ну и слава богу, — сообщил я с облегчением. — Я боялся, что вы сейчас сообщите, что я — разумный паук в человеческой оболочке.

— Глупости!

— И генетически я тоже человек?

— Разумеется. Ты можешь здесь жениться, иметь детей... Но этого не будет.

— Почему же?

— Неужели ты полагаешь, что мы потратили столько лет и невероятные усилия ради того, чтобы выслушать твой неразумный отказ?

— Может быть.

— Ты не поверил мне?

— Я вам поверил. Вы не умеете врать!

— Вот именно! — Впервые в его голосе прозвучало чувство. Он гордился своей правдивостью.

— А я научился.

— Разучишься. Тебе не понадобится более таиться и лгать.

— Не хотите ли вы сказать, что приглашаете меня в гости?

— Я предлагаю тебе вернуться домой.

— Тогда я должен позвонить Крогиусу. У нас с ним общая работа. Я не могу его подвести.

— Не надо ему звонить. Крогиус утешится через неделю. То, что вы с ним делаете, пока Земле не нужно. Вас не пой-

мут. Над вами будут смеяться академики. Я вообще удивлен, как ты смог внушить Крогиусу эту дикую идею?

— Вы только что высоко отзывались о моих способностях.

Я поднял телефонную трубку.

— Я просил тебя не звонить Крогиусу.

— Хорошо, — ответил я и набрал телефон Катрин. Гость аккуратно ткнул пальчиком в рычажок.

— Все это в прошлом, — сообщил он. — И твое бесконечное одиночество среди особей, столь уступающих тебе. Пришла пора человеку уйти из стаи горилл. Пойми же, что, если бы я не нашел тебя, ты бы погиб. Потому что ты не смог бы себя реализовать. С возрастом ты все более отказывался бы от своего «я». И стал бы приматом, подобно тем павианам, что тебя окружают.

Я подумал, что в чем-то с ним согласен. Среди моих знакомых встречаются павианы. И другие животные. Но порой можно встретить очень милого кроманьонца.

— Мы должны спешить, — продолжал мой гость. — Нас ждет корабль. Здесь наши корабли бывают редко... Запри квартиру, тебя никто не хватится.

Я колебался.

Ведь храбрился я скорее по инерции, так как чувство, схожее сразу и с восторгом, и с отчаянием, держало меня в когтях. Я был лишен возможности трезво и разумно выбирать. По нескольким причинам. Во-первых, я был ошарашен самим фактом того, что среди нас, людей, встречаются космические пришельцы. И я — один из них. Может быть, уникальное существо, может быть, обыкновенное, как поганка. Но для меня это не важно. Для себя, неповторимого, я уникален.

На ошарашенность накладывалась необычность ситуации — появление незваного гостя, который может взлететь к тебе на четвертый этаж и знаком с деталями твоей прошлой жизни. Мне проще и спокойней было бы отнести эту историю к разряду снов или галлюцинаций. Но именно этого гость сделать не позволил. Он требовал от меня действий, решений, которые, оказывается, он за меня уже принял.

Поэтому я и старался шутить — так мозгу было легче справляться с безумием.

— Надо спешить, — сказал гость. Он снял очки, и они исчезли в его руке. — Каждая секунда пребывания корабля на низкой орбите обходится в миллионы единиц энергии, которая нужна для других целей. Но мы никогда не покидаем в беде соотечественников, даже если они об этом не подозревают.

— Но я должен позвонить, объяснить...

— Ты никому ничего не должен, — сказал гость. — О тебе все завтра забудут.

«Ну уж не завтра!» — хотел возмутиться я. Но промолчал. Какое дело разумненькому гостю до моих личных проблем и связей с другими людьми?

— Ну чего ты медлишь?

— Трудно объяснить.

Гость взял меня за локоть и повлек к открытой двери на балкон.

— А может, выйдем через дверь?

— Зачем? Чтобы нас увидели и потом поднялись лишние пересуды?

— Какое нам с вами дело? — передразнил я гостя, но тому не были свойственны излишние чувства, и он игнорировал мою фразу. Ну хоть бы прислали кого-нибудь повеселее! Или у них... у нас там все такие?

— Ну хотя бы подумай, — заявил гость, ступая на балкон и выволакивая меня за собой, — подумай о новых впечатлениях, новых открытиях, новых свершениях! Неужели ты уже закис в этом болоте?

Так как я не закис в этом болоте, то, продолжая пребывать в шоке, я вышел на балкон и остановился у перил.

Внизу, во дворе, на скамейке под тополями, Валя-пижон из шестой квартиры играл на гитаре, неумело, но старательно изображая Элвиса Пресли. Вокруг, как всегда, томились девицы.

— Только не бойся. Держись за мою руку — ты не упадешь. Это даже приятно.

Рука у него была сухая и уверенная.

И тут зазвонил телефон. Я дернулся было обратно. Гость цепко держал меня.

— Это Крогиус? — спросил я у гостя.

— Это Крогиус, — уверенно ответил тот. — Он расстроен, он разочарован, он не уверен в себе, он намерен ближайший час плакать тебе в жилетку. Завтра он обо всем забудет.

— Конечно, вы правы, — согласился я. — Это Крогиус.

Лететь и в самом деле было приятно и совсем не страшно. Может быть, потому, что стояла теплая ночь.

Мы быстро долетели до корабля.

Корабль висел над Сетунью, над огородами и крапивными зарослями. Он был почти не виден — я догадался о его при-

сутствии только потому, что в звездном небе обнаружилась черная дыра.

Я обернулся к строкам освещенных окон над обрывом.

— Постарайся преодолеть охватившую тебя печаль, — дал мне совет гость. — Она рождается внутри, она зависит от страха перед будущим. Прошлое тебя уже не интересует. Завтра ты лишь улыбнешься, вспомнив о мелких заботах и маленьких неприятностях, окружавших тебя в этом мире.

В черной бездне корабля открылся люк — круг светлячкового света. Гость подтолкнул меня к кругу, и я врезался головой в нечто мягкое, податливое, прорвал эту пленку и оказался внутри корабля, который, разумеется, ничем не был похож на космические корабли, привычные по фантастическим фильмам. Это было пустое помещение, гладкость стен и округлость потолка которого говорили о серьезности намерений и привычек его обитателей. Даже кнопок, столь обычных по фильмам, в корабле не оказалось. Правда, при моем появлении из пола поднялось низкое мягкое сиденье. А может быть, плаха. Нет, об этом говорить моему гостю не стоит, он может и не понять.

— Ну что ж, — сказал гость. — Прощайся со своим детством. Пора становиться взрослым.

Я почувствовал, как корабль начал медленно набирать высоту. Сквозь полупрозрачный пол просвечивали огоньки фонарей, окон, бегущих автомобилей...

— И чтобы у тебя не оставалось сомнений, — произнес гость, — я дам тебе послушать настоящую музыку. Музыку твоего мира...

Музыка возникла извне, влилась в корабль, мягко подхватила мои чувства и понесла их к звездам. И была она гармонична, как само звездное небо. Это было то совершенство, к которому меня влекло пустыми ночами и в периоды раздражения и усталости.

И тут сквозь музыку донесся звук телефона. Телефон звонил у меня в квартире, я в этом не сомневался.

Телефон звонил в покинутой, неприбранной квартире. Его ручка замотана изоляционной лентой, потому что кто-то из друзей скинул аппарат со стола, чтобы освободить место для шахматной доски. Ему, видите ли, захотелось поиграть в шахматы после трех банок пива!

— Я возвращаюсь, — сообщил я гостю.

— Куда? — не понял гость.

Казалось бы, если ты телепат, то загляни ко мне в душу и

погляди, какой там творится кавардак. Наверное, гость страдал самоуверенностью — качеством, которое погубило многих славных полководцев.

— Я возвращаюсь в мой старый дом. В тот самый, который грозит мне одиночеством и деградацией.

— Возвращаться поздно! — закричал гость. — Возвращение в прошлое невозможно. В далеком темном прошлом тебе нечего делать.

— До свидания, спасибо за урок!

— Какой урок! Все, что делалось, делалось ради тебя! Мы спасаем тебя!

— Скажите там, у себя, что не смогли меня обнаружить!

— Я не умею лгать!

— А я умею, — сказал я.

Я прошел сквозь люк, ибо уже знал, как это делается, и полетел к Земле. Было очень холодно и трудно дышать. Пришлось отключить дыхание. Ну и залетели мы! Сюда не доберется даже горный орел!

— Ты обрекаешь себя на жизнь, полную унижений и обманов, — булькал в ушах голос гостя. — Мы больше не сможем прилететь к тебе! Ты всю жизнь будешь стремиться возвратиться, но будет поздно.

Я полетел быстрее и чуть не врезался в землю. Если он еще что-нибудь говорил, то я не слышал — я был занят тем, как погасить скорость.

Дверь на балкон была по-прежнему распахнута. Телефон, конечно же, умолк. Не зажигая света, я нащупал трубку, позвонил Катрин и спросил ее:

— Катюш, ты мне звонила?

— У тебя занято. Это, наверное, твой сумасшедший Крогиус звонит! Он тебя по всему городу разыскивает, чтобы сообщить, как вы промахнулись со своими вятичами. Хоть этого тебе жалко?

Я прошел к выключателю, не выпуская из руки аппарата, включил верхний свет.

— А ты мне не звонила?

— Я боюсь, что ты всех соседей перебудил. Уже первый час.

— Так ты звонила?

— Зачем я должна была тебе звонить?

— Чтобы сказать, что ты от меня без ума.

— Гарик, я иногда подозреваю, что ты — не наш человек. Ты — пришелец из космоса и притом моральный урод с даром

внушения. Я не могу с тобой дружить, потому что не знаю, когда целую тебя, а когда Жан-Поля Бельмондо.

— Я повешусь!

— Пришельцы не вешаются.

— У нас гильотины, — вспомнил я. — Мягкие гильотины. Пуховые плахи.

— Ложись спать, а то я тебя возненавижу.

— Ты завтра когда кончаешь работу?

— Гарик, что-нибудь случилось? Скажи честно! Какие-то неприятности? Может, надо к тебе приехать?

— Честная земная девушка не ездит ночью к космическим уродам.

— Я не честная. Я за тебя отвечаю.

— Может, ты тоже гость из космоса?

— Нет, я в тебя влюблена — и это катастрофа.

— Ты не ответила, когда ты завтра кончаешь работу?

— Тебя это не касается. У меня свидание.

— У тебя свидание со мной.

— Ладно, пускай с тобой, — быстро согласилась Катрин. — Но сначала позвони Крогиусу.

Я позвонил Крогиусу и успокоил его.

Потом лег спать и старался не думать о госте и тайне моего рождения. Это меня не касается. Я не любитель фантастики. А вот кофе дома не осталось — придется с утра сбегать на угол в палатку.

— Мне приснился странный сон, — сообщил я Катрин, когда мы сидели на террасе кафе в «Сокольниках» и пили почти настоящий капуччино. В трех метрах от нас хлестал неожиданный дождь, от которого мы еле успели скрыться на этой террасе. Сразу стало прохладно, почти холодно, но зато мы здесь были одни.

— Наконец-то мы переходим в область снов и видений, — сказала Катрин. Она была задумчива, рассеянна и слушала мою исповедь без ожидаемого изумления. Я сказал:

— Честно говоря, не знаю, показалось мне все это... странно, если показалось. Уж очень подробно я помню все, о чем мы с ним говорили. И когда мы расстались, я поглядел на часы. Прошло больше часа. Что ты думаешь?

— Это очень похоже на фантастическую правду, — сказала Катрин. — Знаешь, на ту правду, которая порождена трезвым

сознанием. Без логических провалов. А тебя в самом деле нашли в горящем лесу?

— Я думал, что рассказывал тебе об этом.

— Как видишь, упустил. И я не спросила.

— Принести еще кофе?

— Давай.

Я принес две чашечки и поставил на стол.

— Что же мне теперь делать? — спросил я.

— Наверное, ничего, — сказала Катрин. — А может быть, ждать, не вернется ли он снова?

— Он может вернуться?

— Одно время мне снился один и тот же сон, правда, с вариациями, раз сто. Он мне так надоел, что я боялась идти спать.

— И о чем был сон?

Катрин задумалась. Я видел, как в ней борется желание поведать мне правду или, воспользовавшись случаем, удариться в какую-то выдумку.

— Сон был о том, — решилась она наконец, — как мы с тобой расстаемся. По моей вине.

— Вот это уже интересно.

— Но в отличие от твоего сна мой — чистая правда.

— Мой сон тоже был чистой правдой.

— Неужели не понимаешь, что твое подсознание боролось с невозможностью объяснить с помощью Дарвина и Тимирязева некоторые свойства твоего организма?

— Значит, свойства существуют?

— Разумеется.

— Это уже шаг вперед. А может, допустить, что я космический подкидыш?

— Есть такая версия, — спокойно ответила Катрин.

Я готов был ее разорвать — еще не хватало, чтобы и она оказалась пришельцем, готовым утащить меня с Земли.

— Не думай, что я — космический странник, — сказала Катрин. — Но сейчас я тебе расскажу мой сон и боюсь, что ты повернешься и уйдешь. А мне этого не хочется.

— Тогда не рассказывай.

— Я должна. Я обязана.

— Ну ладно, Катюша, если тебе не хочется.

— Сон такой: я работаю в Институте экспертизы.

— Нашла чем удивить!

— Но ты ни разу не удосужился спросить, чем мы занимаемся.

— Я знаю. Теорией криминалистики.

— Лучше бы спросил, чем гадать.

— Это секретная фирма.

— Настолько, насколько идиотов не пускают внутрь, чтобы они не сломали ценные часики.

— Значит, тебе рекомендовали познакомиться с космическим уродом? — догадался я. И мне стало грустно. Лучше бы я улетел.

— Рекомендовали, — сказала Катрин.

Чего ей стоило промолчать!

— Больше можешь ничего не говорить, — сказал я.

Катрин не стала возражать. Она смотрела на дождь, а я видел ее четкий профиль. Мне было видно, как блестят ее глаза, словно она собиралась разреветься.

— С моей склонностью к анализу... — начал я.

— С твоей чертовой склонностью все препарировать, словно перед тобой не люди, а бабочки!

— На этот раз в роли бабочки выступаю я. И мне, признаюсь, грустно. Потому что, если бы на твоем месте сидел некий гражданин Кошкин, я бы повернулся, ушел и забыл бы о Кошкине. А ты меня обидела.

— Честное слово, Гарик, я и не подозревала, что из этого выйдет. И если ты постараешься потерпеть немного, я расскажу тебе то, что знаю сама. Может, этого недостаточно, но по крайней мере ты будешь знать, какая роль в этом отведена мне.

— Господи, — сказал я, — капуччино здесь без сахара!

— А ты размешай.

— Не выношу капуччино.

— Тогда закажи себе водки.

— Ты лучше расскажи мне. Если это, конечно, сон.

— Конечно, сон! — Катрин облегченно улыбнулась. Больше всего на свете она боялась, когда я терял чувство юмора. Это было событием редким, но катастрофическим.

— Не тяни, я умираю, так хочу узнать, что вы обо мне знаете. То же, что мой гость? Или меньше?

— Ни черта мы о тебе не знаем! — призналась Катрин. — А как ты думаешь, дождик кончается?

Уголки ее полных розовых губ дрогнули.

— Только договорились — без слез, — сказал я. — Меня ведь обижает не то, что за мной кто-то наблюдает. За Пушкиным тоже наблюдало Третье отделение. Мне обидно, что некто изображает при этом нежные чувства и целуется со мной в

подъезде, что я считаю более высоким проявлением любви, чем краткое свидание в квартире подруги Нелли.

— У меня нет подруги Нелли, — возразила Катрин.

— Тогда расскажи мне о подруге, которая велела тебе изображать чувства к отвратительному тебе существу!

— Ну, честное слово, честное-пречестное слово, я к тебе так отношусь... так отношусь, что ты просто глупый идиот, который не хочет ничего замечать! Если бы ты сказал, чтобы я поехала с тобой к подруге Нелли...

— Только не перегибай палку. Опошлить можно все, включая чувства. А склеить уже ничего нельзя. Так что, поплакав над черепками, расскажем жертве о тех ловушках, в которые она угодила.

— О каких ловушках?

— О твоих прекрасных синих глазах и твоих тонких щиколотках, о твоей высокой груди и очень красивых ушах...

— Гарик, мне нельзя этого рассказывать. Я нарушаю правила.

— Тогда не рассказывай.

— Я не расскажу, и ты улетишь на свою планету.

— Значит, в самом деле это не сон?

— Может быть, и не сон.

— Чем занимается твой институт?

— Всем на свете, — сказала Катрин.

— Чудесное объяснение! И что же вы можете сказать о падении популяции леммингов в Северной Норвегии?

— Если падение популяции вызвано необъяснимыми причинами, наш институт направит туда экспедицию или хотя бы одного специалиста.

— Точнее!

— А точнее — наш институт имеет дело с вещами, людьми и проблемами, которым нет разумного объяснения. И ищет им разумное объяснение.

— При чем тут я?

— Зачем задавать вопрос, если ты знаешь на него ответ? — спросила Катрин, взглянув наконец на меня. Глаза ее были глубоки и печальны.

— Какой ответ? — настаивал я.

— Наш институт получил сигнал о том, что в аспирантуре при Государственном историческом музее, в отделе археологии, трудится молодой человек, который обнаруживает странные способности. Настолько странные, что они были замечены его друзьями, и друзья рассказали о них знакомым, а зна-

комые своим женам, а их жены — своим приятельницам, а у одной из приятельниц муж трудится в нашем институте... До сих пор значительная часть информации попадает к нам таким вот первобытным путем.

— И тебя послали знакомиться со мной?

— С тобой не надо было знакомиться, — возразила Катрин. — При виде меня ты кинулся на бедную девушку, как птеродактиль на питекантропа.

— Никогда не видел, как птеродактили кидаются на добычу, но помню тебя на дне рождения Крогиуса. Это он про меня сообщил куда надо?

— Куда надо про тебя, насколько мне известно, не сообщали. Все шло на более низком, любительском уровне.

— И вы доверились информации, полученной таким путем?

— Мы не жалеем сил проверять. Порой открываются любопытные вещи.

— А теперь ты поняла, что исследование закончилось, что все оказалось банальным сном о пришельцах. И прощаешься с подопытным кроликом Юрием Гагариным, названным так в детском доме, потому что он имел счастье родиться в десятилетие героического полета первого космонавта. Знали бы мои крестные, как иронически обернется их предчувствие.

— Как бы мне хотелось так же шутить, как ты, — сказала Катрин. — А я не умею.

— Так плохо, мой следователь?

— Так плохо, потому что я потеряла тебя, мой Гарик. Ты не простишь мне того, что я познакомилась с тобой специально. Что я наблюдала за тобой.

— Ты наблюдала за мной?

— Все эти недели. С марта месяца.

— Ну и как?

— Гарик, пойми, мне очень плохо!

— Не капай слезы в капуччино. Кто будет допивать эту соленую бурду?

Катрин потянулась ко мне, но стол мешал — он умудрился встать точно между нами. Мне даже не пришлось отстраняться.

— Я, честное слово, очень расстроена. — Катрин старалась найти убедительные слова, чтобы я поверил, что лишь сначала она следила за мной, как за непонятной зверушкой, а потом уже общалась со мной, как с настоящим человеком. Я понимал ее и заранее знал все, что она хочет сказать. Но от этого моя обида на нее не проходила. Именно на нее, а не на идиотский Институт экспертизы, измышление нездорового ума. Институт не может целоваться, а Катрин целовалась сказочно, как самая страстная из десятиклассниц.

— Значит, сначала ты изучала, а потом заинтересовалась? — сказал я.

— Ты можешь издеваться надо мной сколько хочешь...

— Тебе надо было еще несколько недель потерпеть. Может, тогда бы всем это надоело и ты взяла бы расчет в институте... по собственному желанию.

— Я не могла... — Катрин достала платок и высморкалась. Это было неэстетично, но раздражения во мне не вызывало. У нее покраснел кончик носа, что тоже было неэстетично, но умилительно. — Я не могла, потому что завтра я должна привести тебя в институт и познакомить с нашей завлабораторией. С Калерией Петровной.

— Зачем? Я же не умею стоять на голове.

— Она предложит тебе переходить к нам на работу. Нам позарез нужны полевые сотрудники.

— Это тоже твоя инициатива?

— Я — винтик в машине, которая зовется Институтом экспертизы. Но нашему институту позарез нужны люди со всякими удивительными способностями. Потому что у нас бывают очень сложные экспедиции... и наши ребята даже порой... погибают.

— Значит, наблюдение за мной не прекращается, но изымается из твоего ведения?

— Значит, ты станешь одним из нас.

— Все это глупо, Катька, — сказал я. — И дождик совсем прошел. Пошли погуляем. Допивай свой соленый напиток — и смываемся, не заплатив.

— А как? — заинтересовалась Катрин.

Моральные устои мои рухнули. Одно дело быть равноправным членом общества, молодым ученым, с которым здоровается в коридоре сам директор института Александр Иванович Шкурко. Другое — чувствовать себя поднадзорным существом неизвестного происхождения. Ну откуда у существа такого происхождения могут быть принципы и мораль?

Я поманил к себе мелькнувшего в дверях официанта и показался ему в виде известного своей строгостью с цивильными людьми генерала Лебедя в парадной форме генерал-лейтенанта с орденами на груди, включая казачий крест за войну в Приднестровье, где генерал не воевал, но обеспечивал мир после войны.

— Слушай, парень, — сказал ему Лебедь. — В каких войсках ты служил?

— В пехоте, товарищ генерал-лейтенант, — обрадовался вниманию самого командарма-14 официант. — В семнадцатой отдельной мотострелковой бригаде.

— Вот это лишнее, — сказал генерал-лейтенант. — Всякому постороннему запрещается выдавать сведения военного характера.

— Ну какое же вы постороннее лицо? — удивился официант.

— Ладно, ладно, я не сержусь, — ответил генерал-лейтенант.

— А вы, значит, бумажник дома забыли? — спросил официант.

Такая прозорливость официанта сразила меня в образе генерала. Не знаю, как бы повел себя генерал в такой ситуации, но я грозно проревел:

— Это еще что за шутки?

И тут же заплатил за двоих и даже потребовал сдачу, потому что должен быть порядок в мотострелковых войсках!

Катрин отсмеялась на узкой аллее и остановилась, обернувшись ко мне. Ветки деревьев распрямлялись и сбрасывали на нас гроздь капель.

— Ты уже не сердишься? — с надеждой спросила она.

— Я и не сердился, — ответил я. Такой ответ можно было трактовать двояко. Скорее всего он был аналогичен старинному «Бог простит», что означало «Пока не будет соответствующего указания свыше, нет тебе прощения».

— Но ведь я совершенно не знала тебя, — сказала Катрин, глядя под ноги и обходя лужи, чтобы не замочить ноги. — Мне сказали просто: ознакомься с исходными, есть один странный парень, может быть, «чайник», а может, и в самом деле — по нашей части.

— По вашей части?

— Ну ты же понимаешь! Это значит, что в тебе есть некие свойства, которые явно отличают тебя от остальных людей. Мне предстояло узнать, существуют ли эти качества или придуманы сплетниками. А если есть, откуда они?

— Откуда же?

Катрин остановилась и обернулась ко мне. Ее глаза были совсем близко. Мне всегда казалось, что в них отражается небо, даже если она смотрела на красную стенку.

— Ты сегодня аккуратно положил последний кирпичик в стену, — сказала она, — рассказав о своем сне.

— Ты в него поверила?

— Я вообще неверующий человек, — ответила Катрин. — Вера и наука редко совместимы. Я проверяю, а потом сомневаюсь снова.

— Чудесное правило, мистер Дарвин, — согласился я. — Но если бы ты знала, как противно ощущать, что ты — лишь объект для наблюдений!

— Гарик!

— В чем я не прав?

— Когда я узнала тебя, когда я узнала, что ты... вот такой, я стала мучиться. Меня утешало лишь то, что все твои странности были легко объяснимы, ничего в них особенного не было. И я тебе честно скажу — до последних дней я надеялась, что все обойдется и я даже не стану докладывать о тебе. Скажу, что ты не представляешь интереса ни для кого, кроме меня.

Она снова шла рядом со мной, но уже не глядела под ноги и влетела в лужу, подняв столбик воды.

Я не успел подхватить ее, хотя обычно в таких случаях моя реакция быстрее, чем реакция среднего кавалера, и я всегда успевал вытаскивать Катрин из луж, ям и из-под машин.

— Когда ты вчера попрощался со мной, я стояла в подъезде у окошка и смотрела тебе вслед. А ты не знал, что за тобой следят. И даже не думал о том, как идешь. И через несколько шагов ты взлетел в воздух и пошел по воздуху — ты летел, думая, что идешь! Это меня ужаснуло!

— Нет, я шел!

— Ты думал о чем-то...

— О тебе, конечно!

— Ты глубоко задумался.

— Разумеется.

— А сегодня ты рассказываешь мне о своем сне, причем и сам не веришь в то, что это сон.

— А ты?

Мы шли некоторое время молча. Я был встревожен, встревожен неприятно, как человек, которому то ли в шутку, то ли всерьез предсказали, что ему суждено умереть от рака. Мне так хотелось вернуть жизнь в тот недалекий момент прошлого, когда главной моей заботой была статья, выкованная с Крогиусом, или какой-нибудь каприз Катрин. А оказывается, капризов не было — был холодный расчет исследователя, который дотрагивается проводами под напряжением к животу

распятой лягушки, и она судорожно дергается, полагая, что это и есть любовный экстаз.

— Мне жаль, — сказал я, — мне жаль, что у нас с тобой больше не будет так, как раньше.

— Мне тоже. И может, еще жальче, потому что я чувствую себя виноватой.

— Чего уж... ты на работе.

— Я тебя почти люблю. И это не имеет отношения к работе.

— Не люблю я ваших «почти».

— Мальчики первые объясняются в любви. Но боюсь, что я этого уже не дождусь.

Я промолчал.

— Я хочу, чтобы ты приехал к нам в институт, — сказала Катрин. — Тебе у нас понравится.

— Зачем мне к вам ехать? Чтобы вы сняли с меня шкурку?

Катрин ответила не сразу.

— Ты не любишь говорить серьезно, — сказала она наконец. — Но иногда приходится вылезать из своей раковины. Я не знаю, будут ли они, твои соотечественники, предпринимать новые попытки тебя умыкнуть. Мы этого не знаем. Но я убеждена, что тебе лучше наладить контакт с нашей фирмой. По крайней мере мы знаем о тебе больше всех, и мы хотим тебе добра. Единственное, о чем я тебя прошу, — встретиться с Калерией и поговорить с ней. Она — лапочка.

— Это специальность или должность?

— Это призвание.

— А сколько ей лет?

— Ей уже скоро сорок, но ты в нее, к сожалению, влюбишься.

— Почему? Она красива?

— Не в этом дело. Но лучше бы ты продолжал хорошо относиться ко мне.

Мне стало смешно.

— Можно подумать, что все уже решено — я выбираю между перспективой стать космическим странником или институтом, в котором работает одна моя знакомая. В пользу института. Завтра я вхожу туда в роли младшего научного кролика и влюбляюсь без памяти в заведующую сектором. Или в завлаба?

— У тебя нет выбора, — решительно заявила Катрин. — Ведь на самом деле ты — отрезанный ломоть. Тебе страшно отправиться в твой сон, если он, конечно, не сон.

— Страшно?

— Конечно! Ты же привык быть первым павианом в стае — там окажешься самым махоньким и хроменьким. И достанется тебе хроменькая макака.

— Катрин, ваши шутки переходят все возможные границы!

— А я почти и не шучу. Поедем к нам в институт?

— Нет, нет и еще раз нет!

— Значит, ты на меня уже не так злишься?

— Ты намертво лишена логики.

— Ты недоволен?

— Ты же знаешь, что я зол, оскорблен и к тому же, честное слово, растерян. Оказывается, многие люди на Земле и в космосе знают обо мне больше, чем я сам. Кстати, а тебе не приходило в голову, что я могу оказаться инопланетным монстром?

— Меньше надо видео крутить, — заметила Катрин. — Значит, ты не идешь?

— Ни в коем случае!

Через две недели Нечипоренко опубликовал наши данные, получился скандал, Крогиус остался, а я подал заявление об уходе.

Институт экспертизы выглядел вполне пристойно — некогда там размещался особняк Гиреевых, потомков хана, вывезенного из Золотой Орды либо бежавшего оттуда в ходе родовых свар. От Гиреевых остался герб на фронтоне центрального трехэтажного корпуса, вернее, не весь герб, а щит, на котором было изображено нечто недостойное великой страны социализма. Недостойное было сбито в период борьбы с недостойностями, а посреди щита появились серп и молот. Фасад главного корпуса выходил на Спасопречистенский переулок, еще вчера — переулок Фабзавуча, а полутораэтажные флигели загибались под прямым углом назад, как руки пловца, занесенные для гребка. В образовавшемся между флигелями дворе росло несколько деревьев, располагалась большая круглая клумба с давно высохшим фонтаном посредине, стоянка для автомобилей, а также небольшая свалка вещей и машин, которые разочаровали исследователей, но вывозить из института их не решились.

Как вы понимаете, все эти подробности, как и многие другие, я узнал не с первого взгляда на институт, а уже потом, когда я шлялся по нему, привыкая и осваиваясь. Но последовательность — не сестра рассказа, она губит неожиданность. Так

что я позволю себе в рассказе забегать вперед и оглядываться в нетерпеливом ожидании читателя. Куда же ты запропастился, зайчик?

В небольшом холле, справа от гардероба, за обыкновенным ученическим столом сидел мрачного вида вахтер Матвеич, который пропускал людей в институт либо по знакомству, либо по интуиции, которую он называл жизненным опытом. Когда интуиция молчала, он покидал свой пост и уходил пить пиво. Матвеич покупал пиво в банках, осторожно переливал его в отечественные бутылки, а потом употреблял. Так он унижал западный мир.

Справа от Матвеича шла парадная лестница на второй этаж. Видно, ханы Гиреевы не выносили, чтобы кто-то шагал по лестнице рядом с ними, поэтому лестница была рассчитана на одного толстого человека. Люди расходились на ней, как машины на узком серпантине, — один из них прижимался к стене и втягивал живот. Каждый новый директор (а институтов в этом особняке за годы советской власти сменилось полдюжины) обещал коллективу первым делом расширить лестницу и открыть буфет. Но лестница так и осталась узкой, а ближайший буфет находился за квартал, в Управлении бурых углей.

Лепнина на потолке была выполнена в виде восточного орнамента, а в приемной директора, которая, видимо, была гостиной, сохранилась, несмотря на социальные катаклизмы, люстра, какой не найдешь и в Бахчисарайском дворце.

Остальные помещения выглядели скромно, без затей. Вместо пяти залов и гаремных покоев в правом флигеле, а также общежития для прислуги в левом крыле в институте появилось пятьдесят помещений, пронумерованных и учтенных, размером чуть больше десяти квадратных метров каждое. Ни у кого не поднималась рука поломать перегородки, так как это означало неминуемое сокращение штатов. Если же у тебя пятьдесят помещений, то ты обязан заполнить их научными сотрудниками.

Десятиметровым был даже кабинет всемогущего академика Бенгура, временно исполняющего обязанности директора Института экспертизы. Настоящий его директор доктор Полоний Лепид уже третий год как исчез, что, говорят, входило в долгосрочную программу института. Самое удивительное, что по личному указанию всеведущего Александра Федоровича Андреева ему продолжали начислять зарплату с учетом инфляции, все виды вознаграждений и даже вручили Ломоносовскую медаль, которую получил за доктора академик Бенгур.

Наступил тот первый день, когда мы с Катрин подошли к дверям института на Полянке. На двери висела табличка, сообщавшая о том, что мы стоим у входа в Институт научно-технической экспертизы РАН, что не вызывало у прохожих никакого интереса. Впрочем, и я бы в иной день миновал табличку без трепета. Мало ли что положено проверять этому институту?

В холле было прохладно и гулко. Матвеич продрал очи и спросил:

— Ты кого привела, Ольсен?

— К Калерии Петровне, — ответила Катрин.

— Так и запишем, — ответил Матвеич. Но, конечно же, ничего записывать не стал. И нечем, и не на чем. — Калерия у Мироныча, — сказал вахтер.

— Мы подождем.

Катрин шла на шаг сзади и легонько подталкивала меня в спину, чтобы я не сбился с дороги. А сбиться я мог бы, потому что коридор шириной чуть меньше метра извивался вдоль здания, а так как был разгар утра и никто еще не утомился, то десятки сотрудников института спешили по этому коридору, создавая пробки и не всегда улыбаясь при столкновении.

Потом мы уткнулись в дверь с табличкой золотом на черном стекле: «Лаборатория № 16 Т.С.».

В лаборатории Т.С. было две комнаты, в одной сидела девушка Тамара, она вяло тыкала пальчиками по клавишам — на экране компьютера шустро бегали индейцы с томагавками. Тамара сразу в меня влюбилась — видно, понимала толк в мужчинах.

Второй человек мне не обрадовался. Он оказался лаборантом Сашей Добряком, юным джентльменом парикмахерской красоты с черными бакенбардами. Саша Добряк собрался в местную командировку, то есть в «Детский мир», покупать себе велосипед, а в присутствии Катрин он сбежать не смел.

— Гарик будет работать у нас, — сказала Катрин.

— Ой, как хорошо! — сказала влюбленная в меня Тамара.

— А у нас по штатному расписанию единиц нет, — отрезал Добряк.

Остальным про штатное расписание и единицы думать не хотелось.

— Тогда будем пить чай, — сказала Тамара. — Самое время начинать.

— Я буду кофе, — сказал Добряк. — И без сахара.

— Он у нас худеет, — сообщила Тамара.

Добряк был сказочно худ, но оказалось, что он худеет авансом, так как у него плохая наследственность.

Все окружающие посматривали на меня, словно знали, что я вот-вот погибну, но улыбались сдержанно и понимающе — я был не первой жертвой Калерии Петровны.

Надо сказать, что бывают обыкновенные дни, когда Калерия Петровна выглядит просто очаровательной женщиной и роковой опасности для мужчин не представляет. Наоборот, им хочется ее опекать, холить, лелеять и выделять кредиты на лабораторию — самую дорогостоящую лабораторию во всей Академии наук.

Но бывает Один-из-Тех-Дней.

Обычно раз в неделю, ближе к воскресенью.

Катрин, знавшая об этом, привела меня именно в такой день.

Катрин с Тамарой накрывали на столик, занимавший четверть площади выгородки завлаба. Добряк вяло развлекал меня разговорами о футболе. Разговор все время прерывался. Мои новые знакомые смотрели на дверь, затем обращали взоры ко мне, словно хотели сказать нечто важное, будто хотели предупредить меня — беги, но в последний момент сдерживались.

Впрочем, я мог ложно истолковать эти взоры и вздохи. Состояние мое было нервным.

— Ничего в ней особенного нет, — сказал Добряк. — Завлаб как завлаб.

И окружающие согласно закивали.

И тут дверь резко распахнулась, и в ней, словно в драгоценной раме, оглядывая нас быстрым взглядом, остановилась женщина средних лет, среднего роста, сероглазая, русая, формально обыкновенная.

Но это был Один-из-Тех-Дней.

И я погиб.

У меня возникло желание тут же рухнуть на колени и возопить:

«Госпожа моя, прекраснейшая из женщин Вселенной! Умоляю тебя, владей моим сердцем и душой, владей моими поступками и желаниями, ибо цель моей мелкой жизни, смысл ее заключается в том, чтобы стать твоим послушным рабом и исполнять твои самые нелепые капризы».

— Вы — Гарик Гагарин! — произнесла Калерия Петровна

низким, полным внутреннего звона голосом. — Мне о вас много рассказывала Катрин. Ну как, надумали у нас поработать?

— Конечно, Калерия Петровна, — ответил я. — В руководимой вами... вашей лаборатории. Только платить мне не надо...

— А я много платить и не смогу, — ответила Калерия Петровна и рассмеялась.

Остальные тоже смеялись.

Серебро, которое звенело в голосе Калерии, принадлежало английскому герцогскому сервизу.

Калерия Петровна обнаружила свои способности в восьмом классе средней школы, когда, к негодованию таких школьных звезд, как Алиса Шарапова и Тамарка Петкова, внимание всех подростков было обращено к ней. Но следует признать, что она вызывала чувства возвышенные, добрые и нежные, так что даже ее собственные родители ни о чем не догадывались, пока из ревности чуть было не отравилась Людмила Н. из соседнего класса.

Следует отдать Калерии должное — она старалась не привлекать внимания мальчиков и мужчин и рано вышла замуж за молодого человека, который отличался от остальных юношей тем, что почти не обращал на Леру внимания.

С возрастом таинственное качество — способность очаровать любого мужчину куда стремительней шемаханской царицы — лишь усиливалось. Наконец ею заинтересовались психологи, а затем Леру пригласили в Институт экспертизы, где ее изучал, и безуспешно притом, сам доктор Полоний Лепид. Затем он пригласил ее в институт на работу. И Калерия, будучи женщиной решительной и неглупой, в несколько лет прошла путь от младшего научного сотрудника до завлаба и доктора биологии.

Лаборатория занималась Тупиковыми Ситуациями. То есть ей доставались проблемы, от которых отказались все остальные отделы и лаборатории института. Процент провалов в работе Калерии и ее сподвижников был высок, зато и достижения, если случались, были невероятны.

Так что я был не первым уродом, которого позвали в институт, чтобы находился под рукой.

Разумно.

Но я не знал, что кроме меня в институте трудится целый коллектив людей и нелюдей, которые не укладываются в нормы, придуманные для «сапиенсов».

В тот момент я мечтал только об одном — чтобы меня взяли на работу в лабораторию Калерии Петровны.

— Конченый человек, — отозвался обо мне Добряк.

— Может быть, я его убью, — сказала негромко Катрин.

— Ты его никогда не убьешь, — ответила Калерия и протянула мне узкую жесткую ладонь. — Калерия Петровна, заведующая лабораторией. Гожусь вам...

— В старшие сестры, — подсказала Тамара. — Гарику двадцать семь, а вам тридцать шесть.

— Пока тридцать пять, — поправила ее Калерия Петровна, у которой тоже были маленькие слабости.

— Я хотел бы работать в вашей лаборатории, — сказал моими устами Гарик. — Я родом из детдома, ничто меня к жизни не привязывает. Так что можете рассчитывать на меня...

— Он хочет, чтобы мы заменили ему семью, — сказал Добряк, саркастически улыбаясь.

— Я провожу Гарика в отдел кадров, — сказала Тамара. — Чтобы Катрин по дороге не выцарапала ему глаза.

Они смеялись, я им казался забавен.

Но с того дня я, честный советский инопланетянин и рядовой дезертир-археолог, стал полевым сотрудником лаборатории Тупиковых Ситуаций Института экспертизы Российской академии наук.

Я могу рассказать немало интересного о первых моих месяцах в институте. Если отыщу в себе талант новеллиста. Девяносто процентов дел, которые мы расследуем, оказываются на поверку чепухой, девять процентов достойны лишь краткой новеллы, и даже не по научной значимости дела, а по человеческим отношениям, открывающимся во время расследования. Лишь один процент — раз в год, раз в три года — оказывается достоин романа.

С романом, который чуть не стоил мне жизни и унес с собой жизни многих людей, я столкнулся через семь месяцев после прихода в нашу лабораторию. А до того участвовал в трех расследованиях, из которых одно стоит новеллы, а два других недостойны упоминания в анналах.

Новелла, которую я мог бы написать, касалась письма из поселка Каруй Вологодской области, где сообщалось, что у них там приземлился беспилотный космический корабль явно неземного происхождения. Так как письмо показалось беспредметной шуткой, позвонили в тамошний руководящий орган — не помню уж, как он назывался, но каруйское руководство начало темнить, не отрицая факта, и доказывало, что сам по себе он не стоит упоминания. Наконец каруйцы при-

знались, что корабль на самом деле приземлялся, был взят под охрану милицией, а потом отправлен в область, потому что был небольшого размера и помещался в кузове «КамАЗа». С Иваном Дмитриевым из космического отдела мы поехали на поезде в Каруй и отыскали там свидетелей космического чуда, уверенных в том, что чуждый посланец инопланетного разума уже давно разобран на винтики в Академии наук, потому что эта Москва все лучшее берет себе.

Мне понравился Каруй и тамошний народ — серьезный, неторопливый, верящий в то, что небо бесконечно, а на Марсе тоже живут люди. Москву каруйцы не любили с XV века, когда она начала завоевывать каруйские земли и устанавливать налоги.

Нам с Иваном показали воронку на месте падения космического корабля, познакомили с милыми очевидцами — собирателями рыжиков, рассказали, как из Каруя шли настойчивые письма с просьбами забрать у них космический корабль, который принесет большую пользу национальной науке. Но ответа не дождались.

Потом едва не получилась трагедия. Каким-то чудом одно из писем достигло Японии, и японцы прислали свою делегацию с массой йен и подъемных кранов, чтобы увезти бесхозный корабль, утверждая даже, что он был ими и запущен. Японцев погубило то, что они не сообразили поменять йены на доллары еще до отъезда с родины. А никого подкупить на непонятные йены в городе не удалось. Тем временем в опасении других иностранных вторжений корабль отвезли на грузовике до Пьяного Бора, откуда на железнодорожной платформе отправили в Вологду.

Мы с Иваном поехали в Вологду. Вологда была реставрирована для иностранных туристов, на Сухоне стояли декоративные пароходики, набережная на той стороне светилась реставрационными красками. Никаких следов корабля мы не отыскали.

Не буду отнимать у вас время. Но скажу лишь, что по туманным наводкам, которым можно было верить, а можно и не верить, мы побывали в Котласе, потом в Архангельске и даже в Инте. Корабль был похож на нужного тебе человека, который только что был, «чай с нами пил», да вот вышел, а куда — неизвестно.

В общем, наш поход занял три недели, мы загорели, испортили себе желудки столовской пищей, но корабля так и не нашли. У нас были его рисунки, сделанные по памяти местными юными художниками, несколько любительских фотографий,

на которых перед кораблем или вокруг него стояли толпами местные жители, отчего рассмотреть корабль в деталях было невозможно.

Но в целом материалов оказалось достаточно, чтобы ребята из конструкторского бюро нашего института сделали модель корабля и даже на основе ее смогли доказать, что скорость у корабля была невероятной, а сделан он был далеко за пределами Солнечной системы.

Три генерал-лейтенанта космической службы и шесть капитанов при них долго вздыхали и обещали институту сказочные дотации. Нам все обещают сказочные дотации, пока не доходит дело до выплаты. Тогда дотации исчезают.

А потом, еще дня через три, мы стояли и курили во дворе, в той его части, где свалены железки и прочие неудавшиеся гениальные приборы и вечные двигатели. Среди этих предметов была известная нам и не очень удобная скамейка синего металла с высокой прямой спинкой.

Иван с Саней и Борькой Коганом из компьютерного обеспечения травили анекдоты, а я стоял в сторонке и думал, что же мне эта скамейка напоминает. Потом я догадался, что если склонить голову так, чтобы она располагалась горизонтально, то вместо скамейки увидишь тот самый космический корабль. Я об этом сказал ребятам, они посмеялись надо мной, но поставили скамейку на попа — и в самом деле получился тот самый космический корабль.

К вечеру об этом знал не только институт, но и вся научная общественность Москвы. К сожалению, за три месяца, пока корабль неизвестными нам путями добирался до института, чтобы занять место на курилке, он был выпотрошен до звенящей пустоты.

Но все равно примчавшимся вновь генералам и капитанам корабль был интересен — сплавом, пропорциями и черт знает чем. Корабль от нас увезли, а Борька Коган из компьютерного обеспечения до сих пор клянется, что железяка на курилке стояла три года, тогда как корабль в Каруе упал лишь этой весной.

Я рассказал об этом, чтобы показать, сколько еще в природе неразгаданных тайн и подобных глупостей.

А теперь пора переходить к первому визиту полковника Миши, с которым мне еще не раз придется в жизни встретиться.

Часть I

ГАРИК ГАГАРИН

Я до сих пор совершенно не уверен, что Мишу зовут Мишей, что он на самом деле скромный милицейский полковник, я даже не знаю, похож ли он внешне на того Мишу, который возвращается со службы домой и садится ужинать. Ни в чем нельзя быть уверенным. Кроме одного — у полковника Миши нет чувства юмора, вернее, оно у него спрятано так далеко, как солоноватая вода в пустынном каракумском колодце: копай — не докопаешься.

Мы с Катрин пили кофе и мирно беседовали о незначительных вещах. За открытым окном надрывался кран, грузивший на трейлер случайно обретенный космический корабль.

Прошедшие месяцы не сблизили нас. Нет, мы не расстались совсем, мы несколько раз ходили вдвоем в захаровский театр, на Майкла Джексона, на выставку Шемякина, в китайский ресторан... Катрин говорит, что я не смог простить ей того, что она выполняла задание, общаясь со мной. Разумеется, все не так просто. Вернее, мы стали сотрудниками, и, если роман продолжать, он станет романом служебным, а это, согласитесь, вносит в него элемент банальности. Конечно, Катрин мне очень нравится. Порой безумно нравится...

Открылась дверь, и в лабораторию заглянул высокий худой человек со скучным лицом. Волосы у него были зачесаны назад слишком правильно, нос был великоват, чуть нависал над верхней губой, но не более чем допустимо. Глаза у него были невыразительного серого цвета, в тон костюму. На вид этому человеку было лет сорок — сорок пять. Если бы я встретил его на улице через полчаса, то ни за что бы не узнал.

— Здравствуйте, — сказал человек. — Калерия Петровна не приходила?

— Она у шефа, Михаил Степанович, — сказала Катрин, улыбаясь человеку как хорошему знакомому. — Кофе будете?

Человек кивнул и уткнулся в меня зрачками. Это был неприятный взгляд, какой бывает у кобры, перед тем как она решила воткнуть в вас ядовитые зубы. Узкие губы шевельнулись, и слова прозвучали как при неточном дубляже.

— У вас новый сотрудник? Мне кофе, пожалуйста, и один кусочек сахара.

Он протянул мне широкую теплую ладонь и представился:

— Михаил.

— Юрий, — ответил я. — Но как-то неловко...

— Гарик, не говорите мне о разнице в возрасте, — ответил гость и уселся за стол. — Я не люблю отчеств. Не потому, что преклоняюсь перед Западом в такой отвратительной форме, а потому, что взаимное величание неэкономно и требует запоминать массу лишних слов.

Вот тогда я впервые подумал, что у него все же есть чувство юмора, но очень глубоко запрятанное. Недаром он дал понять, что изучил мою биографию перед визитом. Он знал, что меня зовут Гарик.

Катрин положила в чашку Мише четыре куска сахара. Он видел это и не возразил.

Но потом заметил мое удивление и сказал:

— Катрин знает мои вкусы лучше меня самого. Я порой забываю о своих привычках.

Странно. Я здесь уже три месяца, а ни разу не встречал этого посетителя.

— У нас проблемы? — спросила Катрин.

— Как всегда.

Миша отпивал кофе маленькими аккуратными глотками, наверное, оно капало ему в желудок.

— Что дали последние исследования? — Он обратился ко мне.

— Какие исследования?

— Вашего организма, Гарик.

— Разумеется, ничего не дали, — ответил я грубо. Мне было неприятно, что какой-то чужой чекист имеет наглость при Катрин обсуждать особенности моего организма. Ну а если бы что-нибудь оказалось не как у людей — Мише до этого какое дело?

— Не сердись, Гарик, — сказал Миша. — Я по специальности сыщик. Мне интересно все, что происходит в этом институте.

— В институте, но не в сотрудниках, — уточнил я.

Пришла Калерия и прервала наш разговор.

— Миша, — спросила она с порога, — что-нибудь серьезное?

— Почему ты так думаешь? Я просто проезжал мимо.

— Когда ты позвонил мне, у тебя был особенный голос, —

сказала Калерия. — И не надо рассказывать, как ты стосковался по мне.

— Надо поговорить, — признался Миша. — Пойдем к тебе?

— Бессмысленно. Перегородки у нас тонкие, Катрин с Гариком все равно услышат. Ты познакомился с Гариком?

Миша кивнул, я кивнул. Но Калерия сочла нужным все же представить нас друг другу:

— Полковник Михаил Порецкий. Сыщик. Я правильно назвала твою редкую специальность?

— Правильно.

— А это Гарик Гагарин — наш относительно новый сотрудник. Уже успел отличиться. Участвовал в поисках космического корабля. Нашел его во дворе института. К тому же ты знаешь — у меня нет секретов от моих людей. За пределами института они будут молчать.

— Исключая Тамару.

— Ты недооцениваешь Тамару, — сказала Калерия. — Мне чашку без сахара.

Она уселась за стол.

Из-за чужого человека в лаборатории было тесно.

— Начинай, Миша, — сказала Калерия Петровна. — Вряд ли у тебя много свободного времени.

— О том, что я пришел к тебе, никто в моей фирме не знает, — неожиданно сообщил нам Миша. — Там усомнились бы в моем психическом состоянии.

— Уже интересно, — сказала Калерия. — Похоже, что ты пришел по адресу.

— Мы никогда не смеемся над болезными, — сказала Катрин, и я понял, что она давно и близко знакома с полковником Мишей, что мне не понравилось.

— Но если вы согласитесь сотрудничать, — продолжал Миша, походя улыбнувшись Катрин, — то я поставлю командование в известность.

Руки у Миши лежали на столе неподвижно. Полежат-полежат, поднимут осторожно чашечку, поднесут ко рту, потом поставят чашку на блюдце и снова улягутся на стол.

— Как вы знаете, — сказал полковник Миша, — в последнее время пропадает много людей.

Никто не удивился. Миша вздохнул, словно ожидал другой реакции.

— Пропадают десятки тысяч людей. Их можно разделить на категории. Категория первая — старики, находящиеся в склерозе. Они замерзают, тонут, умирают в лесу... это всегда

есть и будет. Надо лучше охранять родителей и строить побольше приличных домов для престарелых. Правильно?

Все мы согласились, что правильно.

— Вторая категория — жертвы ограбления или изнасилования. Объяснять не буду — откройте газету, и все станет ясно. Третья категория — это те, кто не входит в первые две категории. И речь пойдет о третьей категории.

«Он классический зануда, — подумал я. — Неужели никто этого не замечает?»

— С развалом Советского Союза, с увеличением числа беженцев и возникновением локальных конфликтов исчезновение людей в расцвете лет стало массовым явлением. Причин тому много: от бандитизма до наемничества, до проживания под чужими документами или ухода за границу. Вам все ясно?

Нашим молчанием он был удовлетворен.

— Но на все есть своя статистика. Мы примерно знаем и даже можем предсказать, когда и откуда исчезнут люди, какой они составят процент от населения, включая пенсионеров. Мы знаем, что такой статистике свойственна динамика. То есть тот или иной процент пять лет назад был ниже, чем сегодня.

— Миша, дорогой, — сказала Калерия Петровна. — Давай завершим вступительную часть и перейдем к делу. Ведь ты пришел сюда не просвещать нас, а просить о помощи?

— Я пришел к вам посоветоваться, — поправил ее Миша.

— Тогда переходи к делу.

Миша глубоко и даже как-то обиженно вздохнул. Он не любил, когда ему указывали, что надо делать.

— Исчезновение людей определенной категории нарушает законы статистики, — сообщил он и вновь поднес к губам чашечку.

— Какую категорию ты имеешь в виду? — спросила Калерия.

— Сексуальный маньяк! — подсказала Тамара, которая незаметно вошла в комнату и стояла, прижавшись спиной к двери. — Он уничтожает нас во цвете лет.

— Тамарочка, — сказала Калерия. — Или мы с тобой молчим, или ты уходишь на урок английского языка. Он начался в шестнадцатой комнате три минуты назад.

У Калерии есть отвратительное качество — она всегда в курсе всех наших прегрешений и ошибок.

— Я тихо, — сказала Тамара. — Здравствуйте, дядя Миша.

Полковник улыбнулся губами, не потому, что ему было смешно, скорее — забавно. Оценивать забавность ситуации можно и без чувства юмора.

— Пропадают без вести большей частью молодые люди, обычно холостые или одинокие с почти обязательным условием: они прошли какую-то войну — афганскую, чеченскую, приднестровскую, — но прошли.

— Они едут еще на какую-то войну, — сказала Катрин.

— Значит ли это, — спросила Калерия, — что вас беспокоит негласный отток ветеранов, потому что вы опасаетесь нового и еще неизвестно где зреющего вооруженного конфликта?

— Нет, — сказал Миша. — Это мы проверили.

— Объясни подробнее, — попросила Калерия.

— Допустим, — сказал Миша, — что в... ну где же, где?

— В Абхазии, — подсказала Тамара.

— В Нагорном Карабахе, — не воспользовался подсказкой Миша, — готовится новая война, и в Россию приезжают вербовщики, чтобы набирать людей.

— Они могут обойтись и без вербовщиков, — сказала Катрин. — Они могут использовать посредников — казаков, всякие там ветеранские организации.

— Вот именно! — обрадовался Миша. — Мы тоже так предположили. Но ничего из этого не вышло.

Мы молчали. Миша завладел нашим вниманием и, понимая это, держал паузу.

— Схема исчезновения людей, назовем их условно ветеранами, не подходит к стандартным схемам, не укладывается в них. Началось с того, что мы получили сигнал об исчезновении всех или почти всех холостых и одиноких ветеранов в одном районном центре. А таких набежало человек шестьдесят. Представляете? В один прекрасный день в городе исчезают шестьдесят человек, в основном молодых, заметных. И ни записки, ни свидетеля, ни следа, ничего!

— И все же не исключена случайность, — сказала Калерия.

— Да мы зачесались только после четвертого сигнала! — принял удар полковник Миша. — Когда в четвертом подряд небольшом городе произошло совершенно адекватное событие, мы послали туда людей. И люди вернулись ни с чем. А затем все это случилось снова. Словно корова языком слизнула!

— До сих пор никто из журналистов не докопался? — спросила Калерия.

— Одна девица с НТВ почуяла неладное, мы с ней договорились — она нам не мешает, а мы ей гарантируем первую реальную информацию. Но мы не знаем, сколько она еще будет молчать. Она же журналистка, это специфические люди.

И стало ясно, что слово «специфический» в лексиконе полковника относится к числу бранных.

— Когда это началось? — спросила Калерия.

— Четыре месяца назад, — ответил Миша. — Ты магнитофон не трогай, мало ли какой слесарь его случайно включит. У меня сможете просмотреть все материалы.

— К нам чужие слесари не ходят, — сказала Тамара с сожалением, — у нас охрана.

— Я сквозь эту охрану танк вынесу, — сказал Миша.

— У нас нет танка! — оценила шутку Тамара и приятно засмеялась.

— А какова механика исчезновения? — спросила Калерия.

— Не понял.

— Пропадают ли они в течение недели или одновременно из своих домов? Может, идут в кино и из зала больше не выходят или, наконец, все вместе садятся в пригородный поезд?

— Последнее вероятней всего, — сказал Миша. — Во всех четырех случаях ветераны... кандидаты на исчезновение собирались вместе. На собрание, на прогулку.

— Они специально одевались для этого? Брали с собой рюкзаки, чемоданы?

— Ничего подобного! В этом и заключается основная загадка. Давай мы с тобой, Лера, как разумные жители нашей сумасшедшей страны, предположим самое реальное решение загадки: наших ветеранов, одиноких, малосемейных, не нашедших места в мирной жизни, некто соблазняет поездкой в Бурунди или Перу. Зная человеческую натуру, мы предположим, что кандидаты будут уезжать в пункт сбора поодиночке, возьмут с собой по сумке или чемодану, наверняка кто-то из них пропьет полученный аванс и проговорится знакомой девушке или собутыльнику. Другого мы случайно задержим на таможне, а третий просто передумает... Не может быть, чтобы часть населения четырех городов исчезла без следа, не взяв с собой бритв, запасных рубашек или кроссовок.

— Их убили, — сказала Тамара. — Их достал Достоевский с топором.

Образование свое Тамара черпала не из школьной программы, а скорее у экрана телевизора. Кое-что смешалось в ее хорошенькой головке, а это приводит порой к комическим эффектам.

— Лично Достоевский? — серьезно спросил Миша.

— Я в переносном смысле! — спохватилась Тамара. — Главное, что они мешали Чубайсу.

— А он тут при чем?

— Он разворовал страну вместо приватизации, — сообщила Тамара фразу, явно подслушанную в транспорте. — И теперь боится справедливого возмездия.

— Хорошо, — сказал Миша, — перерыв на смешки закончен. Поговорим о деле.

— Что вы еще узнали? Например, готовились ли исчезнувшие к этой акции? — спросила Калерия. — Может, кто-то из них продал дом, другой загадочно вел себя с соседкой?

— Проверяли, — сказал Миша. — Ничего не обнаружили.

— Только не смейтесь, — сказала Тамара. — Я как член коллектива имею право на ошибку. Но, может быть, вы читали легенду о том, как один бременский музыкант увел из города сразу всех крыс и детей?

— Они так и шли парочками, — не выдержала Катрин, — девочка и крысочка.

— Не хохочи! Сейчас есть потрясные приборы, они воздействуют тебе на мозг — и ты пошел! У меня есть подруга, Римма, вы ее не знаете. За ней ходил один Фархад. Она — ноль внимания. Тогда он начал воздействовать на ее сознание на расстоянии, из своей гостиницы. И знаете, чем дело кончилось?

— Знаем, — сказал я, — она купила билет и улетела на его историческую родину, где они построили счастливую семью.

— Ты неудачно пошутил, Гарик, — с торжеством сообщила Тамара. — Его зарезали на Коптевском рынке.

Все замолчали, переваривая сложную информацию. Затем Калерия сказала:

— А вы версию с крысоловом проверяли?

— Как ее проверишь? — развел руками Миша.

При нашей тесноте его руки стукнулись об углы шкафов.

— Простите, — сказал Миша шкафам. Шкафы промолчали.

Миша продолжал:

— Беда в том, что до последнего инцидента мое начальство считало, что я выжил из ума.

— И что же случилось?

— В Вязьму мы послали нашего сотрудника. Из афганцев. Он должен был проверить, когда и как это случится.

— Ну и что? — спросила Тамара.

Калерия подняла бровь. Умница. Она уже готова была задать мой вопрос, но почему-то медлила.

— Почему вы послали его именно в Вязьму? — Я не выдержал.

Калерия кивнула, она не сердилась на меня за то, что я полез в пекло поперед мамки.

— Поймите же, Калерия, — он обращался к ней — видно, по чину было так положено, — здесь действует простая арифметика. На первый случай никто не обратил внимания. На второй почти никто не обратил внимания, но у меня есть один въедливый лейтенант, который как раз поехал в Кимры к брату и услышал, какой шум стоит в городе... и утихает за его пределами. Он прискакал ко мне на боевом коне и кричит: «Миха Степанович! Полгорода без вести пропало». Я ему ответил, что так не бывает, потому что так не может быть никогда, — это лучший ответ начальника, если он чего-то не понимает. А мой упрямый лейтенант в нерабочее время стал искать в компьютере информацию о массовых исчезновениях людей примерно одного возраста и пола. Он отыскал аналогичный случай в Талдоме и положил мне на стол. Я, разумеется, отмахнулся. Ну поймите меня — разве не может статься, что в двух русских городах появляются вербовщики и вытаскивают молодцев... или вдруг прошел слух, что в Китае можно хорошо заработать, — да мало ли что может произойти в нашем государстве? Вам интересно?

— Кури, у нас курят, — сказала Калерия.

— Ну вот. — Миша закурил от старого «Ронсона» и захлопнул крышку зажигалки. — Мой лейтенант Коля Полянский стал ждать продолжения. Правда, никто, кроме меня, в управлении о его теории организованного злодейства не знал. И тут пришло известие из Калязина. Вы представляете, где это?

— Верхняя Волга, — сказал я, — чуть ниже Кимр. Талдом тоже в том районе.

— А мой Коля даже провел кривую, соединяющую эти три центра, и попросился у меня в командировку. Благо, что недалеко и недорого. И в Калязине он также не обнаружил следов пропавших людей. А там провалились сквозь землю шестьдесят два человека.

— А в Талдоме, в Кимрах? — спросила Калерия.

— В Талдоме тридцать один человек, — полковник был готов к такому вопросу, — а вот в Кимрах больше всех. Очевидно, около девяноста.

— И в один день?

— В один день.

— И в Москве даже не поднялась паника?

— Поставь себя на место калязинской власти. Разве у них других дел нет, как считать парней? Тем более что мы запустили в компьютер их дела, чтобы найти закономерности, и оказалось, что практически все исчезнувшие одиноки.

— Чего же вы Москвой не занялись? — спросила Тамара. — Увидели бы, что у нас тысячами пропадают.

Полковник игнорировал ремарку:

— Мой Полянский был убежден в том, что здесь есть система. И преступная притом.

— А дальше Полянский сделал предсказание, — предположила Калерия.

— С чего ты так решила?

— Это так просто. У вас есть три точки, у вас есть даты, у вас, наконец, есть событие.

Дядя Миша погасил сигарету.

— В принципе ты права.

— И следующий пункт был Углич? Мышкин? Кашин?

— Кашин, Кашин! — Полковник был недоволен тем, что его загадки так просты для аудитории.

— А дата? — спросила Катрин.

— Дата? — Полковник почему-то принялся чертить пальцем по столу, изображая забывчивого старикашку, а Тамара не выдержала напряжения:

— Неужели вы не послали туда отряд?

— Дата нам была известна лишь приблизительно, — сказал Миша. — А кто даст людей для проверки диких гипотез?

— Хорошо, и чем все это кончилось? Что увидел и узнал лейтенант Полянский?

— К сожалению, на этот вопрос я не могу ответить, — сказал Миша. — Полянский погиб.

— Погиб? Не может быть! — сказала Тамара. — Он же милиционер.

— В ту ночь, когда люди исчезли из Кашина... Полянский утонул в Волге.

— Простите, — произнес я. — В студенческие годы мы ходили на байдарках по Верхней Волге. Я те места неплохо знаю. Кашин стоит не на Волге. Он стоит на Медведице. Правильно? А Медведица впадает в Волгу. И там несколько километров...

— Не Медведица, а Кашинка, — поправил меня полковник. — До Волги от Кашина далеко, и у нас нет никаких оснований связывать смерть Полянского с событиями в Кашине.

— Они его убили, — возразила Тамара, — а потом бросили в Волгу. Обычная манера мафии.

— Никаких следов насилия, — сказал полковник. — Лишь повышенное содержание алкоголя в крови.

— Он пил?

— Не больше, чем мы с вами, Тамарочка, — ответил дядя Миша.

— Значит, изредка, — сказала Тамара.

Полковник снова закурил, потом нарушил общее молчание:

— Больше мне нечего рассказывать.

— Врешь, Миша, — сказала Калерия. — Прежде чем пойти к нам, ты побывал в Кашине, ты перерыл там землю, ты привез с собой экспертов...

— Ничего подобного, — сказал Миша. — С точки зрения элементарного ментовского поведения я так бы себя и вел. И всех спугнул. Поэтому все расследование вели люди из Кашина, я там был, конечно, но инкогнито.

— Если, конечно, у них не было сообщников в милиции, — заметила Катрин, — иначе ваше инкогнито не поможет.

— Там, кажется, курорт? — спросила Калерия.

— Старый среднерусский курорт. Милейшее место. Но сейчас выдохся. Хотя санаторий существует. Там в санатории и отдыхал мой лейтенант по документам инженера-технолога, которому не по карману Канарские острова.

— Он знакомился с окрестностями, как Тургенев, — сказала Тамара.

— И чего ты ждешь? — спросила Калерия.

— Я жду нового факта, — ответил полковник. — Или в Бежецке, или в Меховске. Примерно через две недели. Точные данные у меня в конторе. Я хочу понять, кому и с какой целью понадобились все эти люди. Куда их сманивают? Ну и конечно, я отыщу тех, кто погубил Колю Полянского.

— Ясно. Ты посылаешь своих людей?

— Это мои проблемы, — сказал полковник. — Но мои люди — сыщики и размышляют как сыщики. Это совсем другой тип мышления.

— Значит, два городка... — произнесла Калерия.

— Не совсем так. По мнению нашего компьютера, девяносто два процента за то, что следующий инцидент произойдет в Меховске, шесть — за Бежецк, два — за то, что он не произойдет вообще.

— Замечательно, — сказала Калерия. — Все это очень интересно. Осталось нам узнать всего ничего. Что же привело тебя к нам?

— Нехватка кадров, — сказал Миша.

— Точнее.

— Дай мне на две недели Гарика Гагарина.

— Так я и знала, — вмешалась в разговор Тамара. — Только мужчина мне понравился, как его посылают на верную смерть в Афганистан.

— Это несерьезно, — сказала Калерия. — Гарик работает у нас без году неделя. И к тому же он сам испытуемый.

Я не сдержал вздоха. Диагноз никуда не годился.

— Мне нужны некоторые его качества, — сказал Миша.

— Откуда они тебе известны?

— От верблюда. Ты отлично знаешь, что за вашим институтом мы внимательно наблюдаем. И по мере сил помогаем. Разве не так?

— Но Гарика я не отдам.

— Мне нужен полевой агент, — сказал Миша, — который может воздействовать на психику врага, который, говорят, даже может левитировать. Я правильно произнес?

— У меня не всегда получается, — сказал я.

— Мне нужен свой парень, надежный товарищ, честный человек...

— И это все о нем! — сказала Тамара. — Такого типа я лучше оставлю себе.

— Для вашей работы, — сказала Калерия, — люди готовятся десятилетиями. Вы же ничего не добились. Больше того, твой сотрудник погиб.

— Я не погибну! — сообщил я. Эти слова вырвались из моих уст непроизвольно.

— Он будет не один.

— Но предупреждаю, — сказала Тамара. — Если вы поделились с милицией или ФСБ, наш Гарик погибнет без следа. Утонет.

Тамара не хотела, чтобы я утонул. Как приятно.

— Нет, — твердо сказала Калерия. — Гарик и сам не понимает риска, которому вы его подвергаете.

— Мы с этой дамой на «ты» уже десять лет, — сообщил нам полковник Миша. — Видно, она очень на меня сердита. А зря.

— Иди к директору. Посмотрим, что он тебе скажет.

— Я был у вашего директора, — ответил Миша. И тут я увидел, каким он может стать, если захочет. — Директор согласился с моими доводами, но оставил право окончательного решения за тобой и младшим научным сотрудником без степени Гагариным. Директор института отлично понимает, что

сложившаяся ситуация, вернее всего, выходит за рамки обычного милицейского расследования. В течение двух месяцев в Средней России пропало бесследно около двухсот человек. Ни один не вернулся, ни один труп не найден, ни одно письмо от них не пришло. Поэтому у нас есть все основания отнести случившееся к разряду необъяснимых явлений. Поэтому я обратился к вам.

— Почему этим не занялись чекисты? — спросила Калерия. — Казалось бы, им и карты в руки.

— Они в курсе дел. Но так как с самого начала этим занялись мы, они не вмешиваются. До поры до времени.

И тогда я понял, что, помимо всего прочего, Мишей руководит уязвленное самолюбие. И к нам он пришел, потому что почуял, что дело вот-вот отнимет ФСБ. А у него, у Миши, свои счеты с вербовщиками или похитителями — ему надо рассчитаться с ними за лейтенанта Полянского.

— Допустим, Калерия, — продолжал полковник, — что мы столкнулись с каким-то явлением не только всероссийского, но и международного масштаба. И организация, которая может таким образом организовать исчезновение людей, достаточно сильна, чтобы угрожать всем. И всей нашей стране.

— Вернее всего, ты преувеличиваешь.

— А ты включи воображение, Лера. Подумай, что может произойти завтра.

— Может и не произойти. — Калерия упрямилась. Я такой ее еще не видел. Неужели она в самом деле боится за меня?

— Если не произойдет, то твой сотрудник возвратится через две-три недели и приступит к исполнению своих обязанностей. В целости и сохранности, отдохнувший на свежем воздухе.

— Калерия Петровна, — сказал я. — Мне очень хочется провести две-три недели на свежем воздухе и помочь родной милиции.

— Ты еще мальчишка, Гарик, — отрезала Калерия. Она вновь обернулась к полковнику: — А какую роль вы ему придумали?

— Мы обсудим это с ним. У меня.

— Почему не здесь?

— Наша беседа будет совершенно конфиденциальной.

— Ты не доверяешь даже нам? — удивилась Калерия.

— Он недобитый бериевец, — констатировала Тамара. — Столько лет скрывался.

— Тамара! — оборвала ее Калерия.

— Я всем верю. И тебе, и Кате, и Тамаре с ее слишком длинным языком, — ответил Миша. — Но я не хочу повторять ошибок. Кто-то узнал о поездке Полянского. Где? В Москве? В моем управлении? В Кашине? Я ручаюсь тебе, Лера, что о том, с кем работает Гарик, кроме меня будет известно лишь моему начальнику. Но ему не надо знать настоящего имени Гарика.

Мы встретились с полковником Мишей на его секретной квартире. На такой, что фигурируют в романах о КГБ или М-5. Он дал мне адрес и время. Простой девятиэтажный дом. Башня. На Пресне. Внизу воняет из-за сломанного мусоропровода, на синей масляной краске лестничных стенок — граффити — переписка местной молодежи с сообщениями, кто кого любит, а кто кого хочет, а также названия неизвестных мне групп. Толстая струя черного распылителя поверх этих скромных надписей сообщала: «Лебедя в президенты!» Лампочка в лифте была выбита, и мне пришлось ощупью искать кнопку седьмого этажа.

Полковник Миша был в тренировочном костюме и шлепанцах.

— Вы в самом деле здесь живете? — спросил я.

— К счастью, нет, — сказал тот, проводя меня в однокомнатную стандартную квартирку. — Посидим на кухне, я кофе приготовил.

Кофе он готовил славно. Обычно полковники этого делать не умеют. А он умел.

— Как мне показалось, — сказал Миша, — вы не возражаете против командировки?

— Не возражаю, — согласился я.

— Я надеялся на это. Но... — он поднял указательный палец, — нужно, чтобы вы... можно я вас на «ты» буду называть?

— Разумеется, а то мне даже неловко.

— Отлично. Но ты мне будешь нужен только при одном условии — если ты сможешь сделать больше, чем сделали мои сотрудники раньше, и если ты останешься живым.

— Наши интересы совпадают, — сказал я легкомысленно, и полковник нахмурился. Все же у него не было чувства юмора. А может быть, он воспринимал только юмор, направленный сверху. Юмор снизу он полагал фрондой.

Полковник разложил на кухонном столе небольшую схему города Меховска.

— Про историю и так далее говорить не буду — прочтешь в библиотеке. У тебя завтра целый день на сборы, — сказал полковник. — Начнем с тобой ориентироваться на местности. Ты ведь там уже был?

— Нет, — сказал я тупо, — не был.

— Мальчишкой был. Там у тебя двоюродный брат живет. И дядя жил. Вот здесь... ну где эта чертова улица? Вот — улица Желябова. Знаешь, кто такой Желябов?

— Наверное, революционер.

— Мне стыдно за нынешнее поколение. Желябов — народоволец, убийца царей.

— Почему я должен знать про ископаемых террористов?

— Гарик, именами террористов улицы не называют. А у нас в любом областном центре или улица Перовской, или Каляевская. Итак, давай поглядим внимательнее. Старая часть города протянулась вот здесь по высокому левому берегу Мологи. За ручьем... как он называется? Нет названия. А ведь наверняка местные жители его как-то зовут. Вот тут за ручьем лет пятнадцать назад построили десяток четырехэтажных хрущоб. Для текстильной фабрики. На этой фабрике работал твой дядя. Все документы и фотографии вон в той папке, у тебя будет время их изучить. Твой дядя Борис Бенедиктович. Тут дом, тут квартира — теперь живет твой кузен Аркадий. Только слово «кузен» в Меховске не употребляется. Он тебе двоюродный.

— Он женат?

— У него есть подруга. Она с тобой незнакома. Ты давно пропал. Как в Афганистан тебя послали, в восемьдесят седьмом, мальчишкой. Потом ты где-то работал.

— Как так — где-то?

— В Москве ты был недолго, потом пошел в контрактники, добровольно поехал в Приднестровье.

— Там везде было много свидетелей, — сказал я. — Проверьте, не было ли кого-нибудь из меховских в Абхазии. Я предпочел бы потеряться там.

— Молодец, мальчик! Умница. Абхазия куда более экзотический район. Давай дальше займемся твоей биографией. Времени у нас в обрез — я боюсь, что в любой момент в Меховск может приехать вербовщик.

— Или охотник за черепами, — опять неудачно пошутил я.

— Мы в Кимрах и Кашине прочесали окрестности — ты что думаешь, легко полсотни трупов закопать?

— А река?

— Волга там как проходной двор, на каждом шагу по моторке.

Он меня не убедил.

— Ладно, — сказал полковник, — мне замминистра уже заявил, что видит в этом чеченский след. Так что можешь не размышлять на эту тему.

— Но у меня должны быть документы, письма, фотографии. А вдруг кто-нибудь всерьез заинтересуется моей скромной особой?

— Фотографии ты принципиально не носишь — чтобы не засвечиваться. Были у тебя нелады с правоохранительными органами. Какие? Не важно — на свободе остался, и дело с концом. Документы у тебя будут. Имя тебе оставим, а фамилию поменяем. На всякий случай. Ты сам подсказал — найдем парня, который не вернулся из Абхазии. Юрия или Георгия.

Он сразу делал пометки в небольшой книжечке, лежавшей у его правой руки.

— А зачем я туда приехал? Просто навестить кузена или жить?

— Ты и сам еще не знаешь.

— Аркадий? У него же другая фамилия.

— Борис Бенедиктович — брат твоей покойной мамы.

— Аркадий у вас работает?

— Ни в коем случае! — почему-то резко возразил Миша. — Но он нам обязан. Он верный человек. Работает на текстильной фабрике.

— Он тоже ветеран?

— Нет, он хромой. Он с детства хромой. Он кладовщик.

— Это создаст трудности, — сказал я, будто играл роль в шпионском фильме, где агента забрасывают в тыл к врагу. — Он никого не знает из ветеранов. Он мне не сможет помочь.

— Он всех знает. Он там родился и прожил жизнь. Он учился в школе.

— Вы правы.

— Теперь — главное. В Меховске есть отделение «Союза ветеранов — XX век».

— Афганцы?

— Нет, это сравнительно новая и любопытная организация. Она должна объединить ветеранов всех малых и больших войн.

— Это официальный союз?

— Совершенно официальный, лояльный, склоняющийся в

сторону сильной власти, однако умеренно оппозиционный, но не по идеологическим соображениям, а потому, что опоздал к дележу привилегий и лицензий.

— Значит, водкой не торгуют?

— Ты у нас можешь создать фонд имени дедушки Крылова, добиться для него таких таможенных льгот, что вся страна пошатнется. Но эти ветераны не суетятся, хотя что-то для своих членов достают.

— А почему этот союз вас заинтересовал?

— Потому что он — плод новой идеи. Его основатель Рустем Марков подумал о том, сколько ветеранов у нас остались бесхозными. Даже о ветеранах Куликовской битвы никто не радеет. Он сразу получил поддержку неутомимых дедушек, которые умеют и любят проникать в высокие кабинеты, позванивая иконостасами юбилейных медалей.

— Вы не любите Рустема Маркова?

— И все его окружение. И почетного председателя генерала Чулкова, и Порейку из Меховска.

— Меховск — его центр?

— При чем тут Меховск? У них даже в парламенте есть свои люди. Это тебе знать необязательно. Тем более что мы и сами пока что до корней не добрались — кто-то этот союз подкармливает, лелеет, но не афиширует свою заботу. Мои аналитики могли ошибиться, но большинство из исчезнувших людей состояли в этом союзе.

Миша включил видик, и мы стали смотреть кассету о городе Меховске — его сотрудники работали оперативно. Одноэтажный каменный вокзал, построенный при Александре III, — тогда, по-моему, и расцветала такая кирпичная архитектура. Потом пыльная улица — сплошные заборы, между которыми вставлены деревянные домики в три или четыре окна. Заборы плотные, высокие, ворота крепкие. Ближе к центру дома полукаменные и двухэтажные, главная улица — Советская, значит, местным демократам в свое время не удалось вернуть ей старое название: Николаевская или Екатерининская. В самом центре дома были двухэтажными, каменными, остались в наследство от купцов. Советская улица пересекала площадь, посреди которой стоял Гостиный двор. Он был невелик, но окружен галереей с дорическими пузатыми колоннами. На выложенной булыжником, а частично залитой асфальтом площади разместился также собор, недавно покрашенный, с вызолоченными крестами, трехэтажное — сборные плиты и стекло — государственное здание и другое, тоже в три

этажа, но из красного кирпича — бывшая гимназия. Теперь, как пояснил Миша, там обитает сельхозтехникум. В прошлом году его переименовали было в сельхозакадемию, но область не утвердила нового статуса, может, потому, что в ней самой еще не было ни одной академии.

За скудным — видно, пленку снимали в начале лета, месяца два назад — рынком, где в тени крытых прилавков томились десятка два продавцов, темнел городской сквер — ну до чего же они все одинаковы, наши среднерусские городки! А там, за ручьем, Черемушки — четырехэтажные тоскливые дома и сама текстильная фабрика, тоже красного кирпича. Возле нее такие же красные корпуса — дореволюционные казармы для ткачей. В стороне по высокому берегу над Мологой тянется Гоголевская улица и пристань — дебаркадер, который давно пора бы покрасить.

С городком я познакомился. И узнал, что ресторан на первом этаже отеля «Молога» сразу за Гостиным двором зовется «Мологой», что там есть кафе «Синий ветер» и универмаг, — мы прокрутили кассеты еще два раза, хоть я все сразу запомнил. Но я не хотел огорчать Мишу, уверенного в том, что его агентам все надо показывать и объяснять трижды — видно, ему раньше с агентами не везло.

Я не спорил еще и потому, что с каждым разом фиксировал детали, незаметные даже глазу моего нового шефа. Я запоминал людей — снимали днем, видно, работал турист, вернее, человек, притворявшийся туристом. И на него внимания никто не обращал.

Полезные мне лица включали в себя хозяев лавочек и киосков на базарной площади, местного городского начальника, который поехал обедать на своей серой «Волге», лицо его шофера, а также лица двух милиционеров.

К тому же я был теперь уверен, что не заблужусь в Меховске ни днем ни ночью и знаю в нем почти каждый дом, — к счастью, оператор был дотошным и терпеливым.

— Теперь смотри на своих родственников — у меня есть их фотографии, но нет пленки, сам понимаешь — не посылать же человека, чтобы снимал в рабочем квартале. Послушай еще раз — что ты знаешь о любимом дяде Боре, покойнике, о живой еще тете Нине, его жене, о братишке Аркадии и его сожительнице Маргарите, что работает медсестрой в поликлинике.

Дядя на меня не произвел впечатления, тетя Нина показа-

лась доброй, а брат Аркадий... У него было тонкое лицо горбуна и два стальных зуба спереди — за собой он не следил.

— Твой круг знакомых этим не ограничится. Честно говоря, сначала я решил было не показывать тебе физиономий тех людей, кого ты не знаешь и знать не должен.

— Ветеранов?

— Ты ведь не профессионал. Если знаешь лицо человека заранее, то можешь себя выдать.

— Но потом передумали?

— Передумал.

— Почему?

— Ты вроде бы умеешь собой владеть. Есть малый шанс, что кого-то из них случайно увидишь. По крайней мере будешь настороже.

Я видел, что дядя Миша ничего не может с собой поделать — этот «Союз ветеранов» настолько ему не нравился, что он забыл о презумпции невиновности.

Все фотографии были сделаны «Полароидом». Как удалось фотографу не только снять крупные планы, но и посадить героев в тюремные позы — фас—профиль, — ума не приложу.

Первый был человек средних лет, с оливковой кожей, черными редкими волосами, на макушке они пересекали лысину поперек в несколько рядов черных блестящих ленточек и проволочек. Глаза у этого человека были карими, под ними мешки — что-то с почками. Плечи оказались узкими — даже под пиджаком видно.

— Это Порейко, — сказал дядя Миша. Имени-отчества он не сообщил — видно, решил, что узнаю это при знакомстве.

Затем он положил передо мной две фотографии кудлатого брюнета с черной повязкой через левый глаз.

— Одноглазый Джо, — сказал он. — Правая рука и телохранитель Порейки. Воевал в Приднестровье или по крайней мере там побывал.

Наконец он показал мне фотографию самого генерала Матвея Семеновича Чулкова — его второй подбородок лежал на тугом воротнике, туда же спускались брылы, а вот глазки так затянуло свинячьим жиром, что их трудно было разглядеть. К сожалению, генерал был в фуражке, и потому растительность на голове я не рассмотрел.

Четвертым персонажем, которого мне дали лицезреть, был сам Рустем Марков, человек, судя по имени и фамилии, смешанного происхождения. Но внешность Марков унаследовал от кавказских предков: был он горбонос, черноглаз, с хорошо

организованной курчавой прической, единственное, что подкачало, — подбородок. Подбородок убегал к кадыку. Такие подбородки бывали и у Габсбургов, и ничего — правили империей.

— Отдохни, просмотри еще раз кассету, вот семейный альбом, познакомься со своей мамой, бабушкой и так далее — там везде есть подписи. А я сейчас свяжусь с нашим человеком, который работает по Абхазии. У тебя должна быть непотопляемая «легенда».

Миша ушел в комнату, хотя телефонный аппарат стоял и на кухне. Но мало ли о чем хочет поговорить полковник со своими майорами. Я же принялся за наш семейный альбом.

Смешно, но я стал воображать, что это и есть мои настоящие родители. Да и ничего странного в том нет — типичный комплекс детдомовца. Вот этот дядя — сначала молодой, на лыжной вылазке, в старомодном костюме, потом постарше, сержант, — оказался моим отцом. А это свадебная фотография.

Папа с мамой. Мама у меня — просто красавица. Правда, красавицей она была лишь на одной свадебной фотографии. Видно, умелая парикмахерша попалась.

— Где мы жили тогда? — спросил я у полковника, когда он вернулся на кухню.

— В Вологде, — ответил Миша. — Вы все северяне — у тебя еще один дядя есть — он в Архангельске живет.

— А мама жива?

— Мать твоя умерла относительно молодой. Попала под машину. А отец давно ушел от вас, женился на другой, связей с ним ты не поддерживаешь.

— Я уже запутался, — взмолился я. — Где здесь правда, а где моя «легенда»?

— Мы не стали бы так придумывать тебе семью — мало ли, Аркадий рассказывал женщинам, да и дядя с тетей у тебя живы. Нет, все правда. Только настоящий Юра без вести пропал в Абхазии.

— Почему я вернулся?

— Надоело скитаться. Хочешь осесть, работу найти, семья поможет. У тебя же на самом деле, кроме Аркадия и тети Нины, никого нет.

— Но почему они должны меня признать и принять?

— Сегодня вечером нам привезут материальные следы твоей биографии, потом начнешь готовиться к экзамену.

— К какому еще экзамену?

— Ты в жизни где-нибудь воевал?

— Я действительную служил, после школы.

— Вот именно. А твой герой, то есть Юрий Старицкий, прошел три войны. Ты должен знать современное оружие как свои пять пальцев, ты должен знать слова, песни, отношения уставные и неуставные — не дай бог тебе опозориться, попасться на пустяке. У тебя три дня.

— Мало.

— Я бы никогда не рискнул провести такую операцию с простым человеком. Потому я и просил тебя у Калерии. Понимаешь, от твоего поведения, от твоих знаний и умения зависит очень многое.

— Значит, у вас уже есть подозрения?

— Нет, никаких подозрений нет!

Он ответил так решительно и даже сердито, что я понял: какие-то подозрения существуют и очень не нравятся моему новому начальнику. Хотя у меня нет начальников. Я вольная птица.

— Что ж, — сказал я, — поехали учиться.

Экзамен я кое-как сдал, правда, не на третий день, а на пятый. Но прежде чем отбыть в командировку, мне пришлось в очередной раз пройти всю бюрократическую цепочку — выписать удостоверение, получить деньги, а также подвергнуться специфическим испытаниям, принятым в нашей системе.

Ничего смешного здесь нет.

Я сдал чемодан и рюкзачок на проверку в наш спецотдел, где «прекрасная девушка Нина, та, что в спецотделе живет», прошлась по вещам, а потом и по мне частым электронным и интуитивным гребнем, чтобы убедиться — на мне и во мне нет ничего могущего указывать на связь с институтом.

Кстати, еще разок меня проверили в ведомстве полковника Миши на следующий день.

А потом притащили к Воробышку.

Воробышек — существо махонькое, ничтожное, робкое, в миру его зовут Яковом Савельевичем, и никто его не боится, хотя гениев от медицины надо бояться, чтобы не изобрели лишнего.

Яков Савельевич, которого Воробышком прозвали в институте, был подчеркнуто вежлив, но настырен, как голодный овод.

В его компьютере я содержался до последней клетки организма. Правда, найдя тысячу отклонений от нормы, он вынужден был в свое время признать, что при всем том я остаюсь гомо сапиенсом и отношусь к тому же виду, что и Воробышек, только к другой национальности. Что касается его национальности, то она была еврейской, что касается моей — то паспорт, относивший меня к русской нации, ошибался на несколько парсеков.

— Гарик, — взмолился Яков Савельевич, — Лерочка просила заблокировать травматические центры. Тебе не будет больно. Клянусь здоровьем мамы!

Маме было девяносто, и он отправил ее в Иерусалим, где более теплый климат.

Воробышек взмахнул крылышками, встрепенулся и, пока я пытался понять, что они с Калерией задумали, скомандовал своим помощницам, чтобы меня готовили к имплантации.

Так как я пытался сопротивляться, Воробышек вызвал Калерию, и та поклялась, что моему здоровью и возможности заводить семью ничего не угрожает.

— Ангел мой, — сказала она. — Мы не знаем, куда ты попадешь. И ты этого не знаешь. Нам лишь известно, что некто для каких-то непонятных нам целей крадет молодых людей. Современные средства обработки психики открывают...

— Опаснейшие возможности! — подхватил Воробышек.

Я поглядывал на стеклянную дверь в операционную, которую здесь почему-то называли процедурной. Там покачивалась широкая спина анестезиолога Гриши, который еще сегодня утром стрельнул у меня сигарету. И вот вместо благодарности он участвует в пытках!

— Гарик, не отвлекайся, — сказала Калерия. — Я хочу быть уверена, что они ничего не сотворят с твоим мозгом. Если они лишат тебя памяти или способности логически рассуждать, то все наше участие в операции летит к чертовой бабушке, а я буду вынуждена отправить тебя на пенсию в двадцать пять лет.

— Маловероятно, — сказал я. — Зачем им лишать меня памяти?

— Но раз мы не знаем, то должны подстраховаться! — закричал Воробышек. — Я бесконечно благодарен Лере, что она подумала о таком блоке.

— А Яков Савельевич, — ответила комплиментом Калерия, — сделает так, что воздействия на тебя через мозг будут сведены до минимума. Если там тобой постараются командовать, вызывая в тебе радостные повизгивания, как у лабораторной крысы, страх или душевную боль, — все эти чувства и воздействия ты будешь ощущать в сто крат ослабленными. Но

будешь знать об их существовании и потому сможешь имитировать нужную реакцию.

— То есть «малыш уж отморозил пальчик», — сказал Воробышек, — а ты вопишь, что вся рука побелела и вот-вот отвалится.

— Две проблемы, — сказал я и постарался показаться моим мучителям несчастным ребенком, которого бросили родители. — Первая: не сунете ли вы мне в мозг чего-то лишнего, забыв сказать об этом? И вторая: не забудете ли вы вытащить шарики и датчики, когда я вернусь к вам в одном куске? Если, конечно, я вернусь в одном куске...

— Перестань гипнотизировать, — сказала Калерия. — Прибереги свои способности для аутсайдеров. Это первое. А второе — раз ты пришел к нам работать, то приходится идти на некоторые жертвы. Учти, что институту нужны нормальные, здоровые и желательно умные люди. До этого момента я тебя к ним и относила.

Я подумал, что Калерия вовсе не такая красивая, как мне вчера показалось.

— Договорились, — сказал я. Они с Воробышком были правы. Судя по всему, мне придется работать в сложной обстановке. Они же хотят подстраховаться. Ради меня самого.

Калерия обернулась к доктору:

— Яков Савельевич, а вы гарантируете, что никаких следов вашей операции внешне не будет?

— Мы же говорили! — вспорхнул куда-то под потолок мой мучитель. — Я же обещал! Ни одна драная собака не заметит дурного!

И я покорно пошел в соседнюю комнату, в процедурную.

Я приехал в Меховск через шесть дней. Три дня были нереальным сроком даже для энергичного полковника Миши и его команды. Но и через шесть дней в моей «легенде» оставались зияющие провалы. И если бы кто-нибудь решил всерьез заняться моей проверкой, он бы скоро меня разоблачил. Надежда была на то, что никому не придет в голову этим заниматься.

Добра у меня было рюкзак через плечо и турецкий чемодан. Небольшой, мягкий и не слишком набитый. Я не вез с собой гостинцев.

Поезд замер минуты на две. Я сошел на прибитую недавним дождиком пыль меж путей. Не знаю, почему на не очень

загруженной дороге надо останавливаться на третьем пути, — наверное, чтобы несподручнее было «челнокам» тащить полосатые, как матрасы, баулы. Вся Россия тащит за собой такие баулы размером с бабушкин сундук. В зависимости от силы носильщика и содержимого баула его положено тащить в руке или крепить к тележке. Что возят из города в город, из страны в страну мои соотечественники, не знаю. Наверное, все, кроме лыж. В том, что из моего поезда в рассветный Меховск вывалилось с полдюжины «челноков», не было ничего удивительного. Удивительней было то, что на путях нас ждали другие «челноки», которые волочили «матрасы» из Меховска в иные края. Им всем продали билеты в один вагон, видно, кассирша обладала зловредным характером, и я даже замер в сторонке, потрясенный скоростью и энергией, с которой все меховские «челноки» успели за две минуты втолкнуть в вагон десятка два объемистых сум и залезть сами — правда, с проклятиями, которые пошатывали старинное кирпичное здание вокзала, и с зарядом ненависти, которого хватило бы на штурм Зимнего дворца.

Меня никто не встречал, но я, конечно, помнил город — все улицы были знакомы, даже дома. И приятно было узнавать их в натуре и истинном масштабе.

Я пошел не спеша, не самой близкой дорогой, чтобы поглядеть на центр города, выкурил сигарету в городском сквере, поглядел, как на автобусной остановке толпятся грибники — видно, лес начинался близко от города и не надо было уезжать с вечера.

Птицы пели оглушительно. Наверное, сюда, в чистые края, слетелись птицы из Черновцов-12, Магнитогорска-18, Челябинска-46 — из всех тех страшных мест, где под предлогом будущего уничтожения империалистов травят и природу, и местных жителей, и, конечно же, лесную живность. Вот птицы и слетелись в Меховск.

Городок был таким мирным, таким российски идиллическим, так деликатно поскрипывали телеги, съезжаясь к рынку, что было совершенно невозможно даже допустить вероятность какого-то преступления, большой беды, грозящей этому мирку.

По дорожке, ведущей через сквер, прошли быстрым шагом две монашки с сумками — спешили на рынок. А я и не знал, что здесь где-то есть монастырь. Вернее всего, догадался я, его открыли совсем недавно и управление дяди Миши еще не

получило сведений от своих агентов. Впрочем, вернее всего, и для меня информация — лишняя.

Впитав в себя запахи пыли и отцветающей сирени, согретой солнцем травы и теплого хлеба, я поднялся и пошел к ручью, к современным домам. Домов было немного, не больше дюжины, были они четырехэтажными — скучными, одинаковыми, запущенными и своим существованием на окраине городка угрожали его будущему.

Сама фабрика была старой, из красного кирпича, но сбоку от здания поднимался на три этажа новый административный корпус — как говорится, стекло и бетон, а вернее, немытые стекла и бетонные панели, обсыпавшиеся на стыках.

Солнце уже поднялось и пронизывало еще непыльную листву, но на улицах было малолюдно: люди досматривали свои последние сны — половина седьмого.

Мне бы поберечь сладкий сон моего кузена Аркадия, но ошиваться возле дома, когда здесь каждая собака на виду, смысла не было. Чем менее я буду заметен, тем лучше для всех, включая меня самого.

Служба есть служба. На ней всегда недосыпают.

Я поднялся на третий этаж. Дверь была обита клеенкой и поделена на ромбы кнопками. Я позвонил. Коротко, чтобы не пугать человека. Аркадий должен быть один — тетя Нина уехала в деревню. Она всегда летом уезжает в нашу деревню, там сохранился дедушкин дом, она все лето занимается хозяйством, пашет, получает удовольствие и внука тоже берет. У Аркадия раньше была жена Клавдия, бросила его лет шесть назад, живет в Курске.

Я не подумал, что Аркадий может быть не один.

Он открыл быстро. Как был, в трусах и майке. Длинноликий, красивый, болезненный, мягкие волосы слежались от подушки.

— Впустишь? — спросил я. — Привет тебе от дяди Миши.

— Чего? — Глаза у него были сонные, мутные, даже не блестели. — Какой еще дядя Миша?

— Кто там? — Хриплый голос вырвался из комнаты. Мужской или женский — непонятно. Наверное, там — Маргарита.

Ну что мне оставалось делать?

— Аркаша, — сказал я, — неужели я так изменился? Я же твой брат двоюродный, тети Зины сын. Ты что, протри глаза! Я же тебе письмо посылал и телеграмму.

Разум медленно освещал глаза кузена.

— А сколько времени? — спросил он.

— Скоро семь. Я с поезда. Немного погулял, а потом решил — досплю уж у тебя.

В дверях комнаты появилась молодая женщина, высокая, широкоплечая, у нее были медовые волосы — не назовешь рыжими, но и не блондинка. Волосы были распущены, покрывали плечи халата. Она стояла босиком.

— Это... — сказал неуверенно кузен, — Гарик.

— Какой еще Гарик? — спросила женщина. — Откуда в семь утра Гарики ходят?

Даже в полумраке маленькой прихожей было видно, что у женщины очень белая кожа, какая бывает у рыжих.

— Гарик! — более уверенно произнес мой кузен. — Ты чего здесь стоишь, заходи на кухню. У меня в комнате не убрано.

— Спасибо. — Я прошел на кухню. Кухня была махонькой, половину занимал стол с остатками вчерашней трапезы.

— У меня тут ребята были, — сказал Аркадий. — Друзья, понимаешь? А потом, когда убираться?

— Ты Гарик или Алик? — спросила женщина. Она была пьяной. Словно не спала ночью, она хранила в себе выпивку, а Аркадий спал, вот и получился мрачным, сонным, но трезвым.

— Погоди, Ритка, — сказал Аркадий. — И без тебя тошно.

— Со мной тошнее? Недоволен? Да я с тобой время трачу, потому что в этой дыре никого лучше не найдешь.

Аркадий только отмахнулся.

— Ты подожди на кухне, — сказал он, — я оденусь.

— А ты меня познакомишь? — спросила Рита, которая ушла в комнату за кузеном. Оттуда мне все было слышно.

— Брат мой, — сказал Аркадий. — Двоюродный.

— А почему раньше не говорил?

— А чего тебе отчитываться?

— А он далеко был?

— Слушай, Ритка, заткнись. Хоть джинсы натяни, далеко он был, далеко, понимаешь?

— Так бы и говорил.

Я стоял на кухне, бутылка была не допита и не закупорена. Значит, они сильно были пьяные, когда пошли спать. Русский человек пробку всегда завернет, чтобы не выдыхалось.

Голоса из комнаты стали невнятными, они там заговорили вполголоса, не хотели, чтобы я слышал. Я подошел к окну. Пространство между домами было вытоптано, деревья какие-то недокормленные — а странно, ведь край здесь лесной. Це-

почкой пробежали бродячие собаки. В доме напротив открылось окно — на кухне возилась хозяйка. В ванной шумела вода.

— Теперь познакомимся, — сказала Рита за моей спиной. Я обернулся. Она была в свитере и джинсах. Волосы были убраны назад, но выбивались и падали волнистыми прядями на щеки. По белой коже были рассеяны веснушки, они густели к переносице. Вообще-то лицо у нее было веселое, нормальное, приятное лицо.

— Я блудный брат, — сказал я. — Зовут Юрием, иногда Гариком.

— А я вас буду звать Гошей, — сказала Рита.

— Как хотите. Только мне это имя не нравится.

— Почему?

— Получается толстый мальчик в очках и говорит писклявым голосом.

— Жалко, — сказала Рита. — У меня парень был, давно еще, в юности, он в баскет играл. Гоша Арзуманян.

— Я не возражаю, — повторил я.

— Ну я пошла, — сказала Рита. — Мне на работу пора. Вы сами за собой ухаживайте.

— Что-то рано у вас работа начинается, — сказал я.

— Какая есть.

Она сняла с вешалки куртку из искусственной кожи. Накинула ее и ушла, больше не сказав ни слова.

Она как раз вышла из подъезда и обернулась. Увидела меня в окне и подняла руку, прощаясь.

Из ванной вышел Аркадий. Он был аккуратно причесан, побрит, в чистой рубашке. С отвращением поглядел на стол. Говоря со мной, он принялся убирать посуду со стола и складывать в мойку, а бутылки, консервные банки, пустые баллоны из-под пепси кидал в ведро.

— Чего им надо? — спросил Аркадий. — Мне сказали — приедет человек. Братишка. Но больше ни слова — конспираторы.

— Я хочу пожить у вас немного.

— Где здесь жить? Они что, забыли, что у нас одна комната?

— Я ваш двоюродный брат, — сказал я.

— Знаю, мне сообщили. Когда мать дома, я на раскладушке сплю.

— Тогда давайте подумаем, — сказал я, — как нам лучше поступить. Ведь если я стану устраиваться в гостиницу, об этом все узнают. Это странно — приехал к брату, живет в гостинице.

— Да, неестественно.

— Я не хочу, чтобы все сорвалось из-за пустяка. И может быть, будем привыкать обращаться друг к другу на «ты»? А то еще глупее будет.

— Хорошо, значит, ты — Гарик?

— Да, Гарик, сын тети Зины.

— Хорошо, что мои в деревне.

— Иначе дядя Миша придумал бы другую версию, — предположил я.

— А ты надолго?

— По расчетам дяди Миши — на две недели.

— Я с Риткой поговорю, — сказал Аркадий. — Может, я у нее эти дни поживу. Перекантуюсь как-нибудь.

— Как знаешь. Мне нужно только, чтобы мой приезд и моя встреча с тобой ни у кого, ни у одной живой души не вызвали подозрений.

— А кого опасаешься?

— Не знаю — значит, всех.

— А что я о тебе знаю?

На столе было чисто, Аркадий вытер пластик мокрой тряпкой, поставил чайник, вымытые чашки, достал с полки завернутый в пластиковый мешок батон и порезал его на тарелку.

— Ты голодный? — спросил он, не дав мне ответить на предыдущий вопрос.

— Спасибо, не голодный.

— Сейчас скажешь, что в поезде тебе завтрак давали.

— Я из дома взял, — соврал я.

Аркадий открыл масленку, порезал колбасы.

— Ладно, рассказывай теперь, что я о тебе должен знать. А то получается, как в шпионском романе. Ты обо мне знаешь все, а я — ничего.

— Меньше будешь знать, меньше проболтаешься, — нетактично ответил я.

— Так дело не пойдет, — сказал Аркадий. Он ждал, что отступлю, иначе получалось как-то не по-людски.

Лицо у него было нерусское: большой хрящеватый, туго обтянутый кожей нос, острые скулы, глаза в глубоких впадинах, под черными бровями. Такое лицо обычнее встретить где-то в Испании. Недоброе лицо, но красивое.

— Я вкратце расскажу? — спросил я.

— Только вкратце. А то я из-за тебя не выспался. — Все ему было неладно.

Я рассказал о том, как было уговорено с дядей Мишей. Здесь слово «полковник» забылось — осталось «дядя».

— Мне нужно будет познакомиться с ребятами, которые служили в Чечне. Афганцы тоже подойдут, но они для меня староваты. У вас есть отделение «Союза ветеранов — XX век»?

— Я от этого далек, — сказал он. — Я не служил.

— Ты не слыхал — среди твоих знакомых никто в Абхазии не бывал?

— Ты имеешь в виду отдых или что?

— Нет, войну.

— А чего там делать?

— Некоторые воевали. Как наемники.

— Дурачье везде найдется.

— Значит, не знаешь?

— У нас один парень на фабрике в Приднестровье воевал. Только за кого — не знаю. Он себя казаком называет.

— Вот он мне и нужен. Познакомишь?

— Не пойдет. Он меня на дух не выносит. Я про этих воителей ему как-то сказал, что думал.

— И что?

— Хотели меня наказать. Но, к счастью, за мной ребята из моего цеха шли. Вот и сбежали твои казачки.

— Это не мои казачки.

— Так что же ты с ними в Абхазии делал?

Он налил мне чаю и подвинул по клеенке бутерброд.

— Давай договоримся, — сказал я миролюбиво. — У тебя какое отношение к дяде Мише? Ты ему доверяешь?

— Я ему обязан, — ответил Аркадий, не глядя на меня.

— Я спросил — доверяешь?

— У меня нет другого выхода, — сказал Аркадий. — Я ему обязан.

— Допустим, что все же доверяешь. И тогда постарайся доверять мне. Где я был, где я не был — не твое дело. Но если я был, то выполнял задание. И здесь тоже выполняю задание. Я думаю, что мы с тобой по одну сторону баррикады, если тебе это что-нибудь говорит.

— Значит, тебе надо внедриться к ветеранам?

— Значит, так.

— Только этот казачок из Приднестровья как узнает, что ты мой двоюродный, тебя сильно не полюбит.

— Это мои проблемы. Ты мне только его покажи... И подумай, пожалуйста, может быть, есть кто-то еще. Ну чтобы не

был к тебе враждебен. Просто ветеран. Должны же здесь быть ребята, которые служили в «горячих точках».

— Пойди в военкомат.

Нет, расположения родственника я так и не добился.

Он долил себе кипятку в чашку и сказал задумчиво:

— А вы там, в Москве, меня разрабатывали. Как Кальтенбруннера.

— Не гордись. Просто дядя Миша не хотел завалить тебя, меня и все наше дело.

— Я в вашем деле не участвую.

— Ни в коем случае. Ты мне только помогаешь.

Аркадий стал собирать со стола.

— Мы так и не решили, — сказал я, — где я буду жить.

— Ладно, поживешь у меня. Куда тебе деваться? В Дом колхозника, что ли?

— А он есть?

— Его нету. Там дискотека. Смешно?

— А как я буду спать?

— Я раскладушку у соседей возьму.

— А Рита?

— А я к ней сам схожу, — ответил Аркадий. Ему бы тут улыбнуться, но он был совершенно серьезен.

Было уже около восьми, Аркадий стал собираться на службу.

— Ты, конечно, можешь дома посидеть, но, если пойдешь куда, оставь ключ под половиком на лестнице.

— Не боишься?

— У меня брать нечего, — сказал Аркадий.

Когда он ушел, я не спеша осмотрел квартиру. Я не обыскивал ее, не мое это дело, хотя дядя Миша осторожно сказал: «При первой возможности осмотрись — мы Аркадия давно не трогали, мало ли что могло измениться. Погляди, какие он письма получает, какие сувениры хранит и так далее...»

Я сказал тогда, что к этому не готов. Пускай они посылают еще одного человека. Специалиста.

— Некогда, — всерьез ответил дядя Миша, — хотя следовало бы. Ну ладно, надеюсь, тебя не покоробит моя просьба — поглядеть, какие он выписывает газеты и какие читает книжки. Не покоробит?

— Нет, не покоробит. Если увижу портрет президента, значит, наш человек, если значок с Анпиловым, то возвращаюсь в Москву?

— Будешь действовать по обстановке. Для нас Аркадий —

как оболочка для куколки: под ней не видно, какие у тебя красивые крылья.

Нет, пожалуй, у дяди Миши было определенное чувство юмора.

Так что я послушался полковника.

Я прошел в комнату — там была широкая тахта, наскоро прибранная — видно, Рита спешила, — стол под цветной скатертью, шкаф, две полки с книгами. В самом деле Аркадий жил скудно.

Газет он не получал. Вернее, я нашел номер местной, городской газеты, но есть ли у нее политическое лицо, мне в Москве забыли сказать.

Значков тоже не было, а вместо портрета президента на стене висел коврик — такие, наверное, из Турции привозят — с двумя оленями на фоне леса. Один смотрел на тебя, другой перед собой, поджидая опасность.

Я собрался в город. Закрыл дверь, положил ключ под коврик. Когда я занимался этим, открылась соседняя дверь, из нее выглянула худая женщина лет пятидесяти и вопросительно поглядела на меня. Надо было оправдываться.

— Здравствуйте, — сказал я. — Меня Юрием зовут. Я двоюродный брат Аркадия, в гости приехал. Так что вы не волнуйтесь.

Я включил все свое обаяние. На ее лице, для улыбки не приспособленной, возникло ее подобие.

— Очень приятно, — сказала она. — Меня Дашей зовут. Если что надо, соль или масло — вы ко мне заходите, не стесняйтесь. Мы с мамой живем, она у меня пожилая. А то Аркадий-то у вас небогатый.

— Правда, я заметил, — согласился я с женщиной. — А он что, пьет разве?

Я старался быть таким же обаятельным, доверчивым и вызывающим доверие.

— Да зарплату им уже полгода не платят, — сказала Даша. — А он не очень энергичный. Другие у нас с этой фабрики давно уж ушли — кто в бизнес, а кто уехал. А Аркадий, он, знаете, какой-то вялый. Пьет он, конечно, ну кто не пьет? Но, в общем, не особенно. Просто нет денег.

— А как Рита? — спросил я, чувствуя, что мы с Дашей уже подружки и она от меня ничего не скроет.

— Рита? Шалава. В худшем смысле слова, — сказала Даша. — Я про людей плохо не говорю, но лучше бы Аркаше забыть про нее. У нее же муж есть.

— А он...

Я дал возможность ей развить начало фразы.

— Он-то, конечно, алкаш проклятый, но все равно это хорошо не кончится. Она, говорят, с милиционером жила и с Порейкой.

Тут я насторожился. Фамилия редкая. А я знал, что это глава «XX века».

— А он, Порейко, не возражает?

— Ты смешной, Юрик, — сказала Даша. — Он ее боится. Он только на митингах выступать умеет, а так она его пришибет — ведь моральных устоев никаких, вы меня понимаете? У нее знакомства — вся торговля. Там бандит на бандите ездит, бандитом погоняет.

— Извините. — Я улыбнулся самой трогательной из набора моих улыбок. — А она какое отношение имеет к торговле?

— Торгует, — ответила Даша с отвращением. Она осталась советским человеком. — В Турцию ездит, кожу возит. Докатилась.

Это было хуже распутства.

Конечно, я мог пойти прямо к Порейке или даже в комнатку, которую Союз снимал в горисполкоме, но не хотелось спешить — мне надо было сделать так, чтобы меня туда привели свои люди, местные ветераны.

Я вышел на улицу. Было уже позднее утро. Можно было подъехать до центра на автобусе, он как раз остановился возле наших домов, но народ лез в автобус с таким отчаянием, словно это был последний дилижанс на Клондайк.

Городок оказался оживленным и бестолковым, так как улицы тянулись по склонам, прорезанным ручьями, порой у улицы была всего одна сторона, вторая круто обрывалась к воде.

На площади, куда я добрался минут через десять, я увидел киоск с газетами и журналами. Купил местную, районную «Вперед!», основанную в 1926 году и даже украшенную орденом «Знак Почета». В ней мирно уживались таблица с данными по косовице в колхозах района и объявления вполне столичного характера, включая сообщения о гигиенических прокладках.

— А центральную прессу получаете? — спросил я у толстой грустной женщины армянского вида, которая заполняла собой все свободное пространство внутри киоска, так что ей трудно было поворачиваться.

— Центральный пресса на пятый день прибывает, — пропела женщина с гортанным кавказским акцентом.

Потом я пошел к продуктовым ларькам. Они стояли в ряд, все голубые и одинаковой формы, — видно, в городе были приняты соответствующие решения по эстетике.

Риту я там не встретил, хотя заглядывал в маленькие окошечки, и в последнем не выдержал, спросил:

— Рита не заходила?

Маленький человек в пенсне — это было удивительно, может быть, свежая мода? — высунулся наружу:

— Какую такую Риту?

Он сразу понял, что я — чужой.

— Рыжую, — сказал я.

— А зачем она вам?

— По делу.

— Не знаю никакой Риты.

И спрятался, как белка в дупле.

Придется идти в пивную. Пора показывать себя городку.

Спросить о пивной было некого — ведь еще неизвестно, где кто здесь собирается.

Но тут я увидел кафе «Синий ветер». Кафе занимало первый этаж каменного двухэтажного дома неподалеку от рынка. Кафе было знакомо — по фильму. Я, помню, обратил внимание, что здесь работает хорошенькая официантка. Агент запечатлел ее крупным планом.

Кафе оказалось столовой, переделанной под заведение более высокого класса. На стенах висели картины местного пейзажиста, столики были покрыты черным пластиком, стулья тоже выписали откуда-то издалека. Добавилась и полукруглая стойка — и уже совсем экзотично рядом с Гостиным двором выглядели иностранные бутылки за спиной бармена, читавшего дамский роман, — я даже прочел название — «Страсть без конца».

За одним из столиков сидел какой-то местный чиновник, умеренно одетый и умеренно сытый. Я спросил:

— У вас самообслуживание?

— Сейчас подойдет, — ответил бармен, не поднимая головы. И крикнул: — Александра, клиент пришел!

— Иду, — откликнулась откуда-то Александра и тут же появилась из-за занавески, заменявшей дверь на кухню. Она сразу увидела меня и подошла, вытаскивая из кармашка передника блокнотик.

Наш оператор не польстил ей — Одри Хепберн меховского

края замерла надо мной с изяществом горной серны (в жизни не приходилось видеть горную серну!).

— Что будем заказывать? — спросила она добродушно, с легкой улыбкой девушки из хорошей детской. Я сразу понял, кто она такая: дочь английского посла, которая проходит летнюю практику в русском кафе, готовя диссертацию по психологии русского мещанина.

— А что у нас есть, Александра? — спросил я. — Только честно!

Взгляд ее, до того блуждавший где-то чуть выше моего затылка, тут же упал на мое лицо, в озерных глазах отразилось любопытство русалки.

— Я вас не знаю, — сказала она твердо.

Бармен отложил книжку и тоже стал смотреть на меня, словно я нарушил правила поведения и достоин того, чтобы меня вышибли из порядочного заведения.

— Я вас тоже в первый раз вижу, — сказал я. — Честное слово. Но очень рад.

— И я вас.

— Бармен вас назвал. Только что. Мне ничего не оставалось, как подслушать.

Загадка разрешилась буднично, и глаза ее стали обыкновенными и равнодушными.

Сам по себе я для нее интереса не представлял, что, разумеется, задело меня за живое, и я задумался: кто бы мог понравиться такой девушке? Ален Делон или Депардье? Скорей первый.

— Александра, — сказал я официантке, превращаясь для нее и только для нее в Алена Делона средних лет. И попросил, пытаясь внести смятение в ее неокрепшую душу: — Можно сделать яичницу с ветчиной из шести яиц?

Нет, я не угадал. Она и в грош не ставила Алена Делона.

— Нет ветчины, — сказала Александра и добавила: — А из шести яиц яичницу не делают.

Депардье, сказал я себе мысленно, вот кто меня спасет! И тут же подбородок Алена стал увеличиваться, и лицо приобрело характерный для Депардье грубый вид.

— Тогда с беконом, — сказал я, чуть играя голосом.

— Ну не привезли еще, — ответила Александра, глядя поверх прекрасной головы несчастного актера.

Ну кто же, кто же ее кумир? Как жаль, что я плохо знаю американцев. Может, попробовать Николсона? Но у Никол-

сона отрицательное обаяние, ему только бы чертей и оборотней играть.

Размышляя так, я непроизвольно превратился в Николсона и понял, что Александра смотрит на меня с любопытством.

Я понадеялся, что она уже забыла о моих прежних обличьях. Мои жертвы обычно забывали о них мгновенно.

Девушка глазела на меня так, как я хотел бы, чтобы она глазела на меня. То есть на Гарика Гагарина, а не на проклятого Николсона.

— А если с сосисками? — спросила она. — У нас сосиски хорошие, местные.

— Отлично, — сказал я. — А вы сами-то завтракали?

— А я сама не завтракаю вообще, — с готовностью сообщила официантка. — Я фигуру берегу. Потерять легко, а потом ищи как ветра в поле.

— Разумно, — согласился я, — очень разумно.

Хотя мог бы поклясться, что еще лет двадцать ей придется оставаться горной серной. А может быть, всю жизнь.

— Значит, две яичницы, сосиски... Гарнир будет?

— Ну разумеется... а вы где так научились по-русски говорить?

— Вы имеете в виду Николсона? — спросил я.

Она кивнула, уже готовая к горькому разочарованию.

— Я прошу вас, умоляю, — прошептал я, — никто не должен знать, что я родом из этих мест. Меня мать в сорок первом отсюда вывезла, на Украину, спасала. Вот я и попал в руки гестапо. Она вырастила меня в приюте, и еще мальчиком меня выкрали агенты ЦРУ...

Я говорил тихо, быстро, настойчиво. Ни черта она не запомнит, кроме памяти о том, что я несчастен с детства и меня желательно согревать и спасать.

— Тогда яичницу, сосиски, два апельсиновых сока и два кофе — быстро! — приказал я, завершая монолог.

Бармен снова взял книжку, но читал еле-еле, ему хотелось подслушать, о чем мы так воодушевленно, но негромко говорим. Но не услышал.

Я надеялся, что не нарушил каких-нибудь местных табу. Ведь, допустим, в Москве вряд ли можно было пригласить за стол официантку... но мне нужно было, чтобы она побыла со мной, запомнила меня (конечно же, не Николсона) и, может быть, рассказала обо мне своим друзьям. У официантки в провинциальном кафе весь городок должен быть в знакомых.

Но все получилось не так, как я рассчитывал, лицедействуя

перед принцессой официанток. В тот момент, когда она выплыла с тяжелым подносом из кухни и стала расставлять на столе тарелки и чашки, в кафе стало чуть темнее, я сразу поглядел вправо — тень падала от окна. Там, уперев в стекло рожу, стоял коротко стриженный амбал, бык, качок — черт знает, как их еще называют. Плечи его легли как раз по ширине окна.

Александра тоже заметила наблюдателя и мгновенно вышла из транса. Так гипнотизер может потерять клиента в одно мгновение, если в зале раздастся неожиданный свист.

Бац — поднос, который она держала на весу, шлепнулся о стол, плеснул на черный пластик оранжевый сок из высоких стаканов, я еле успел подхватить кофейник, решивший было спрыгнуть на пол.

— Простите, — сказала Александра, глядя на окно.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Ничего, — сказала Александра. — Совсем ничего.

Качок всем телом отодвинулся от окна, словно был широкой доской, поставленной на попа. Он исчез из моего поля зрения.

— Яичница скоро будет, — сказала Александра.

— А вы?

Качок уже был в кафе, он направился к нашему столу. Бармен увлеченно уткнулся в книгу.

Нет, это был не Порейко — его я знал по фильму и фотографиям. Это действующее лицо мне было незнакомо.

— Санька, — сказал качок, и мне показалось, что он пьян, — ты чего перед ним рассыпаешься? Я разве не вижу?

— Кирилл, — Александра инстинктивно закрылась подносом, прижав его к переднику как щит, — Кирилл, ты бы отстал от меня.

Кирилл хотел боя, Кирилл был недоволен, и я показался ему замечательной добычей.

Он наступал на Александру и оказался рядом со мной. Но пока он ограничивался упреками, я не вмешивался и стоял, опустив руки.

Такие вещи в незнакомых вертепах недопустимы.

Он мгновенно развернулся и врезал мне в плечо — целил в челюсть, и тогда я бы наверняка попал в нокаут, но он не рассчитал, забыв, что я выше его, хоть он, конечно, шире меня в плечах.

Я должен честно признаться, что в отличие от героев боевиков никогда не обучался у-шу, у-ку-шу или переку-шу, ка-

ратистов видел только на экране, а боксерской секции в детдоме не было. Но мне свойственно некоторое тщеславие. Люблю быть первым. Вернее, любил, пока не поумнел. А для этого в детдоме надо драться куда отчаяннее, чем на любой улице. Там сама жизнь ценилась ниже, чем у домашних людей. К шестнадцати, когда я на год раньше срока покидал детдом, я был независим. И не потому, что стремился к особому положению среди прочих, а потому, что люблю одиночество и не выношу, если меня трогают руками.

— Кирилл! — закричала Александра и замахнулась на него подносом.

Этот крик прошел сквозь меня, как сквозь кисель, потому что в тот момент я еще совершал странное волчковое движение. Я чудом удержался на ногах, правда, при том опрокинул соседний столик и разбил вазочку с полевыми цветами, поставленную на него Александрой.

Я не рассердился. В конце концов, я на чужой территории. Но если я разрешу себя бить, мне лучше сегодня же сматываться из Меховска.

Поэтому я позволил себе (говорю о том с сожалением) кинуться на глупого тяжелого амбала и нанести ему несколько болезненных и неожиданных ударов по ухмыляющейся физиономии. Конечно же, этот дурак был неповоротлив, и, даже если бы он оказался втрое сильнее меня, все равно в драке со мной он был обречен.

Когда он поднялся с пола, то принялся грязно ругаться и, естественно, полез за ножиком.

Тут очнулся бармен и стал кричать на Александру:

— Уходи, не видишь, что ли!

Непонятно было, что такого она могла увидеть. Ведь с грязными выражениями она, несмотря на свою хрупкую красоту, была отлично знакома.

Кирилл изображал, и довольно удачно, гориллу, идущую на случку, но его ножик опасности не представлял. Для того чтобы Кирилл обрел опасность для настоящих соперников, ему надо дать в лапы «калашникова», но, к счастью, «калашникова» ему не дали. В Меховске он, видно, пугал соперников видом мускулатуры.

Я отобрал у него ножик, и мне, чтобы получить передышку, пришлось, завернув ему за спину лапу и делая больно, вывести Кирилла из кафе и наподдать ему в зад так, чтобы он побежал, согнувшись вперед, стараясь удержать равновесие, но не удержал и кончил свой бег нырком по асфальту.

Тогда я возвратился в кафе.

Бармена не было.

Александра вела себя безукоризненно. Она перенесла мой завтрак на соседний, чистый столик. Была она при том печальна, лет сто назад я сказал бы, что она охвачена скорбью.

— Это ваш друг? — спросил я, стараясь вести себя солидно и естественно, хотя сердце колотилось и дыхание срывалось — давно мне не приходилось драться.

— Это мой враг, — ответила в тон Александра. — Но он очень опасный парень.

— Почему? Ведь он ушел?

— Он бандит, — сказала Александра.

— Настоящий?

— Они все ларьки держат, и здесь, и на базаре.

Говоря, она поглядывала в окно. Но я сидел к окну боком и изо всех сил боролся с искушением посмотреть, что делается на площади.

— Он и ваше кафе... охраняет?

— Нет. Только он на мне жениться хочет. Смешно, правда?

— Смешно, — согласился я.

— А вы откуда? — спросила она, все поглядывая на окно.

— Я к тетке приехал, только ее сейчас нет.

— А зачем вы приехали?

— Хочу отдохнуть, может, устроюсь на фабрику. Я — шофер и механик. Я в армии шофером служил.

— Чего же вы — один живете?

— Нет, — сказал я. — Тут мой брат двоюродный живет. Я у него пока остановился.

— Брат?

— Аркадий, — сказал я, доверчиво улыбаясь. — Может, вы знаете? Аркадий Полухин.

— А вы меня не разыгрываете? — спросила она с неожиданной для постороннего подозрительностью.

— А зачем мне вас разыгрывать?

Она не успела ответить.

— Бегите! — приказала она.

Тут уж я услышал такую тревогу в ее голосе, что невольно посмотрел в сторону окна.

Они шли вчетвером. Как ходят пешие ковбои, чтобы навести порядок в салуне. Меня ждала веревка, если шериф не успеет прискакать на вороном коне.

Александра потянула меня к двери на кухню.

Я подчинился. Я приехал сюда знакомиться с людьми и

дружить по мере сил с местным населением. Но не лишиться рук и ног...

Мы пробежали в заднюю дверь.

И тут же я услышал, как народные мстители вошли в зальчик кафе. Нет, не вошли — вломились, врезались, рухнули.

Как назло, в полутьме у заднего хода я свалил какую-то бочку, бандиты услышали шум и затопотали следом.

Мы оказались во дворе, с левой стороны был открытый сарай, справа — распахнутые в высоком деревянном заборе ворота, около них поленница, по краям и углам двора росла трава.

— Прячься в сарай! — приказала Александра.

— А вы?

— Прячься, говорю, меня они не тронут. Я позову Диму.

— Не хочу в сарае прятаться, как в норе.

Последнее рассуждение было лишним — пока я произносил эту фразу, преследователи вывалились во двор. Александра, добежавшая уже до ворот, остановилась, потому что я оказался в положении неприятном — до сарая добежать не успевал. Впрочем, если я бегаю быстрее... Но бежать мне не хотелось. Я готов был даже получить пару синяков, но завоевать краешек сердца Александры.

Они ворвались во двор разгоряченные, полные справедливого гнева и желания стаи волков расправиться с наглым кроликом.

Нервы мои не выдержали, и я кинулся следом за Александрой.

Они настигли меня у самых ворот, кто-то толкнул в спину, я полетел вперед, покатился по траве, стараясь сохранить власть над собственными членами и, даже падая, ускользнуть от ударов.

Это мне удалось, я почти успел подняться на ноги спиной к забору, но все же крайний из них врезался в меня, припечатав к доскам так, что у меня вылетел весь воздух из легких. Похоже, что я переоценил свои силы...

Я отмахивался достаточно быстро и, как мне казалось, эффективно, но мне все же попали в скулу и чуть не оторвали голову.

Совсем близко визжала женщина — это была Александра, — я потом уж понял, когда в голове прояснилось. Она колотила их кулачками по спинам, даже ногами дралась, но молодцы были заняты тем, как бы им получше свалить меня себе под ноги, а я из последних сил отбивался, чтобы не упасть — иначе они переломали бы мне все ребра.

Краем глаза я увидел, как один из бандитов, осерчав, развернулся и врезал по щеке Александре, так что она упала в пыль.

И именно в этот момент во двор следом за барменом, который, оказывается, совсем не зря покидал свой пост, вбежал Дима Порейко в камуфляже и с газовым пистолетом в руке.

Лучше бы у него был простой пистолет, ну пристрелил бы кого из бандитов — одним меньше, остальные бы остались живы. Но Порейко не придумал ничего лучше, как выпустить всю обойму в нашу сторону. Так что пострадали все — и нападающие, и жертва. И даже Александра, которая лежала на земле.

С другой стороны, враги были достаточно деморализованы и сразу отступили, обливаясь слезами, кашляя и задыхаясь, а Одноглазый Джо, верный адъютант Порейки, в поношенном мундире с погонами без звездочек, как он был атаманом Меховского казачьего войска, погнал их нагайкой и дикими воплями. Бармен помогал ему, а Порейко разрывался между желанием красиво спасти свою возлюбленную и отомстить негодяям.

Я его сразу узнал. И стало не так обидно, что меня помяли и покалечили. Мне не понадобится помощь Аркадия, я сам познакомлюсь с нужным человеком.

Опираясь рукой о забор, я пошел к большой бочке с водой, что стояла у заднего входа в кафе. Неверными руками стал плескать себе на лицо холодную дождевую стоялую воду. На виске кожа была сорвана и сочилась кровь. На виске не страшно, а вот глаз будет резко выделяться на черном фоне — тут мне заехали удачно.

Охладив физиономию, я поплелся в кафе — мне не хотелось, чтобы обо мне забыли.

Александра сидела на табуретке у плиты. Она прижимала мокрый платок к щеке.

— Привет, — сказала она. — Еще живой?

— Немного живой, — сказал я. И обернулся к Порейке, который вынул расческу и стал укладывать длинные редкие черные волосы поперек ранней лысины.

Смотрел он как-то сквозь меня.

— Спасибо, — сказал я. — Вы, коллега, подоспели вовремя.

— Я не к тебе подоспел, — сообщил Порейко.

Он был среднего роста, но фигура его была устроена неудачно: она была узкой в плечах и расширялась к земле, словно он был облачен в юбку восемнадцатого века. Женствен-

ность не уменьшалась от камуфляжа, который на нем выглядел вовсе не воинственно.

— Ты скажи ему спасибо, — произнесла Александра и скривилась от боли — говорить ей было трудно, и в прекрасных глазах английской кинозвезды стояла глубокая влага. — Ведь этот Кирилл совсем с ума сошел. Полез ко мне приставать прямо в кафе.

Александра чуть лукавила, но я понял, что ей хочется представить виноватым во всем Кирилла и о нашем сомнительном со стороны знакомстве она рассказывать Порейке не будет.

— А Гарик, то есть Георгий, его хотел остановить. Правда, Гоша?

Гошей оказался бармен. Он с готовностью подтвердил слова Александры.

— А почему Гарик? — спросил Порейко. — Это что за фамильярности?

На вид ему было лет под сорок, лицо было бледным, нездоровым, изгрызенным ямами от юношеских фурункулов.

— А Гарик — Аркаши Полухина двоюродный брат. Он здесь уже был, лет десять назад.

— Двадцать, — поправил я Александру. Мы с ней как будто разыгрывали спектакль.

— Ясно. — Порейко принял объяснение, посмотрел на Александру и спросил: — Может, до поликлиники дойдешь?

— Еще чего не хватало! — ответила Александра. — У меня здесь пластырь есть.

Она выдвинула ящик хозяйственного стола и достала пластырь — на щеке была основательная ссадина.

— Сходите в поликлинику, — сказал я, — а то инфекция может попасть. Раздует еще.

— Джо, — приказал Порейко, — отведешь Александру в поликлинику к дежурной сестре.

— Знаю, — сказал Джо.

Из-под фуражки у него торчал чуб странного, почти оранжевого цвета, как будто надевался вместе с фуражкой, как на детском карнавале. Черная повязка и черная шевелюра над ушами подчеркивали опереточность этого типа.

— Пошли, — приказал Джо. И спросил у Порейки: — Может, пистолет дашь?

— Я всю обойму расстрелял, — признался Порейко. — Если что — зови ребят. Но я думаю, они не посмеют. Нет, не посмеют. Мы тогда их взорвем к чертовой бабушке.

Когда Александра в сопровождении Одноглазого Джо покинула кафе, Порейко сказал Гоше:

— Быстро накрой нам — бутылец, бутербродов с рыбкой и мое любимое.

Его любимое оказалось крабовыми палочками. У каждого свои склонности.

Порейко разлил по рюмкам из мгновенно появившейся перед нами бутылки.

— С приездом, — сказал он.

Глаза у него были светло-карие, почти зеленые, кошачьи, злые.

— Спасибо, — сказал я. — Со знакомством.

Он внимательно смотрел, как я пью. Я пил не спеша, без жадности.

Порейко удовлетворенно кивнул и залпом кинул в рот содержимое своей рюмки.

— И чем же ты им не понравился? — спросил Порейко.

— Могу предположить, — ответил я. — Один из них по имени Кирилл увидел, как я разговариваю с Александрой, и решил меня наказать.

— А как же ты разговаривал?

— Обыкновенно. Мне интересно было на Александру поглядеть. Она красивая.

— А ты, парень, наглец!

— Посмотреть никому не запретишь.

Порейко достал гребешок и снова принялся раскладывать черные волосы поперек лысины. Видно, это было его любимым занятием.

— И что же ты сказал Кирюше? — спросил Порейко.

— Я его не трогал. Не лез. Но не люблю, когда руки распускают.

— А Александра сказала тебе, что у него черный пояс по карате? — спросил Порейко.

— Она ничего сказать не успела. Я его раньше выкинул.

— Не похоже.

— Спросите у бармена.

— Спрошу. И у Александры спрошу.

Любопытно, подумал я. Бывают люди, которых до старости зовут Сашками, а Александру называют Александрой. Значит, в ней что-то есть...

— А ты хоть знаешь, кто такой Кирилл? — спросил Порейко, пряча расческу в карман.

— Теперь знаю, — сказал я. — Ваш местный бандит.

— Шантрапа, — заметил Порейко. — Но они не в законе, они отмороженные. Тебе это что-нибудь говорит?

— Говорит. Старших не уважают.

— Их приходится наказывать, — сказал Порейко и вздохнул, как палач, уставший от этих висельников. — Еще по одной?

— Как скажете.

Я никак не мог найти с ним правильный тон. То в ответ на его «тыканье» я тоже обращался к нему на «ты», то вспоминал о том, что он лет на пятнадцать старше меня, и становился вежливым.

— А ты вообще-то употребляешь?

— Когда надо, могу пить.

— А сейчас надо?

— Я хотел бы здесь осесть на время. Может, на работу устроюсь. Мне с вами ссориться не хотелось бы.

— Почему?

— Потому что вы авторитетный человек.

— Это тебе Аркашка сказал?

— С Аркадием мы о вас не говорили. Мы вообще мало с ним говорили. Я на утреннем поезде приехал, а потом он на службу ушел.

— Значит, ты полседьмого пришел?

— Примерно.

Порейко, довольный, засмеялся. Он щурился и мотал головой, тщательно уложенные пряди рассыпались, упали на нос.

— Ох, Ритка тебе и задала! — заявил он утвердительно.

Я ничего не ответил. Маленький городок, все спальни под рентгеном...

— И куда же ты работать намылился? — спросил Порейко. Он снова достал расческу, чтобы привести волосы в порядок.

— Я в армии механиком-водителем был.

— Генерала возил? — Порейко улыбнулся, улыбался он некрасиво, недобро.

— Разных людей приходилось возить, — сказал я. — И разные машины осваивал.

— Может, и БМП?

— Может быть.

— И танк?

— Может быть.

Я надеялся, что танка у них здесь нет и они не смогут меня проверить. Шофер я хороший, в двигателях разбираюсь, но

танк водить не приходилось. Хотя, впрочем, это тот же трактор.

— А точнее? — спросил Порейко.

— Надо будет, расскажу и точнее.

— Вот сейчас и надо, — приказал Порейко.

— Не понял! — Я хотел, чтобы мой голос прозвучал агрессивно, но не слишком.

— Ладно, — сказал Порейко. — Пошли ко мне.

— Куда?

— Слушай, парень, — рассердился Порейко. — Мы здесь люди солидные. Хотим тебе помочь. Не пойдешь — приведут.

— Меня пугать не надо, — сказал я.

Порейко поднялся.

Бутылка водки осталась на две трети полной. Порейко с жалостью поглядел на нее, и мне вдруг подумалось, что сейчас он ее сунет в карман и унесет. Но если он и хотел так поступить, то сообразил, что при мне так делать не стоит. Он громко сказал бармену:

— Посуду забери, чтобы не пропала.

Бармен, который наливал пиво из крана двум девицам с багровыми рожами бомжей, кивнул.

— Пошли. — Порейко, не оглядываясь, пошел к выходу.

Я последовал после секундной паузы. Все пока шло по моему плану, однако мне надо было показать некоторое сопротивление, чтобы Порейко убедился в том, что я подчиняюсь ему принудительно.

Мы вышли на улицу не рядом, а последовательно — я шел в двух шагах сзади.

Улица была пустынной, лишь возле ларьков бродили женщины, а у одного из них разгружали «Газель».

Навстречу нам шел Одноглазый Джо.

— Ну что? — спросил у него Порейко.

— Жить будет, — ответил Джо и расхохотался. Он любил громко смеяться. Я видел его «дело» у полковника Миши. «Дело» умещалось на листке компьютерной распечатки, но от этого его биография не становилась проще. У него было две судимости за хулиганство, он проходил совсем близко от посадки в деле о групповом изнасиловании — неприятный тип.

— Ты проще, Джо, — мягко сказал Порейко, но это тоже звучало как приказ.

— Смазали и пластырь наложили. Но она сказала, что голова болит, и ее домой отправили. Сказали, чтобы полежала, потому что есть опасность сотрясения мозгов.

И тут уж Джо нельзя было остановить.

— Ты чего? — прервал его смех Порейко. — Что тебя, идиота, веселит?

— Мозги, — признался Джо. — У нее мозги!

— Куда больше, чем у тебя, — сказал Порейко. — Понял?

— Так точно, — сказал Джо, не обидевшись. — Вы к себе идете?

— Вот веду юношу в офис, — сказал Порейко. — Побалакаем.

— Юношу! — И Джо поплелся за нами, взвывая от приступов смеха.

Идти было недалеко. Мы поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж. Дверь в ближайшую комнату была приоткрыта. Из-за нее доносился стук пишущей машинки.

— Заходи, — сказал Порейко.

Одноглазый Джо толкнул меня в спину, но я промолчал. Я должен быть хитрым, как змей, и осторожным, как пугливая лань.

Это была большая комната в два окна. В ней помещались шкаф и два письменных стола. На стене висело красное знамя, рядом с ним портрет императора Николая II, который отвернулся от знамени, видно возмущенный таким соседством.

Кроме того, к стенам были прикноплены какие-то листовки, плакатики, записки, карикатура на Гайдара и большой плакат из военного кабинета, на котором был показан в общем виде и в разрезе автомат Калашникова и объяснялось, как его разбирать и смазывать.

За одним из столов сидел молодой человек при усиках и в черной кожаной куртке.

— Ну как? — спросил Порейко. — Кончаешь?

— Скоро кончу, Дмитрий Трофимович, — ответил молодой человек.

Порейко обогнул второй стол, что стоял как раз между портретом и знаменем, и уселся за него. Я оглянулся в поисках стула. Стула не оказалось.

— Ты садись, садись, — сказал Порейко, который отлично видел, что стула в комнате нет.

Я молча направился к другому столу и сказал молодому человеку с усиками:

— Привстань.

— Зачем?

— Привстань!

Тот вскочил. Я взялся за спинку стула, перенес его к столу.

Одноглазый Джо ринулся было ко мне, но Порейко остановил его, подняв ладонь.

— Дмитрий Трофимович, — пожаловался усатик, — я так не успею.

— Пиши стоя, — ответил Порейко.

Смотри-ка, а он находчив и хладнокровен и, видно, привык общаться с нахалами вроде меня!

— Ты из той комнаты принеси, — подсказал Джо и широко улыбнулся. А когда парень ушел, он сказал: — Ну, ты даешь!

— Помолчи, — велел ему Порейко. — Иди погуляй, пивка выпей и Жору с собой забери.

— Будет сделано, — сказал Джо.

Мы остались одни.

— А теперь рассказывай, — ровным вялым голосом произнес Порейко, — кто и зачем тебя сюда прислал. Что тебе нужно от нас?

— Это вместо здравствуйте? — спросил я.

— Ты говори, говори...

— Слушайте, мне такой разговор не нравится, — сказал я. — Я к вам не напрашивался, вы меня позвали, а теперь все наоборот?

Я должен быть прост, но не так уж и прост.

— Город у нас небольшой, каждый человек на виду. С чего бы тебе к нам приезжать?

— Повторяю по буквам, — сказал я. — Можете проверить у Аркадия, тем более что вы с ним знакомы. Пошлите телеграмму тете Нине. Что вам еще показать?

— Паспорт, — сказал Порейко, протягивая открытую ладонь.

— Зачем я буду вам паспорт показывать?

— Покажи.

Я отрицательно покачал головой.

— Ты в самом деле собираешься в нашем городе жить? — спросил Порейко. — Так учти, что за первый же день нажил себе опасных врагов. И они тебя на улице тут же подхватят. Зачем тебе враги? Это же смертный приговор.

Я подумал — недолго, секунд пять, — достал из внутреннего кармана бумажник, из него — паспорт.

Паспорт был самый настоящий, с моей фотографией, только некоторые данные были изменены. Но умеренно. Так, чтобы при проверке не возникло подозрений. Моя мать, Зинаида, вышла замуж за одного железнодорожника, когда мне было пять лет, и уехала из нашей деревни. Так что мое рождение

и родственные связи с семейством Лопухиных подтверждались.

Докопаться до правды было возможно, но этого надо было очень захотеть. Я надеялся, что такого желания не возникнет. Если я буду вести себя естественно.

Порейко перелистал паспорт.

— Прописан в Каунасе. Это еще что такое?

— Я женился там, — ответил я. Мне сделали эту женитьбу, надеясь, что проверить мое прошлое в Литве будет сложнее, чем в Калуге.

— На литовке? — Я понял, что литовцы для него хуже негров.

— На нашей, — успокоил я Порейку. — Только мы расстались.

— Ага, — сказал Порейко, — ...зарегистрирован с гражданкой Кузнецовой... И почему же расстались?

— Не сидится мне на месте, — ответил я.

— Паспорт пока побудет у меня, — сказал Порейко. Он прихлопнул его ладонью.

— Я что, к ментам попал? — спросил я.

— Ты к серьезным людям попал. Так что рассказывай дальше свою биографию.

— Не пойдет, — сказал я. — Надоело мне. Что за страшилки? Обойдусь я без вашего покровительства.

— Не обойдешься. Рассказывай дальше.

— Но хоть скажите, кто вы такой, — взмолился я.

Порейко смилостивился.

— Тайны тут нет, — сказал он. — Я председатель меховской секции «Союза ветеранов — XX век». Слышал о таком Союзе?

— Союз ветеранов Афганистана? — спросил я.

— Не совсем так. «Союз ветеранов — XX век». Мы объединяем все здоровые силы в ветеранском движении под лозунгами единства и нерушимости нашей родины. Ясно?

Текст был прочитан как с плаката, хотелось посмотреть по стенам — откуда же он прочел эти громкие слова?

— Ну что ж, — сказал я, даже без особого желания, так, к слову пришлось, — значит, мне у вас надо зарегистрироваться.

— А ты что, ветеран? — Порейко был удивлен. — Ты же сказал, что только на действительной был.

— И еще три года, — сказал я.

— И где же служил?

— Я много где служил.

— А ты говори, нам спешить некуда.

Я принялся рассказывать вымышленную боевую биографию, путь советского конкистадора конца XX века. Моя «легенда» была относительно скромной, чтобы максимально снизить риск от встречи с бывшим однополчанином. Правда, дядя Миша не успел толком проверить все личные дела меховских ветеранов, но он был почти уверен, что там не было абхазцев и никто из них не побывал в Африке. Африку придумал я сам — наемник в Сомали! Я еле спасся, когда власть переменилась. Но везде — механик-водитель, не снайпер, не террорист — избави боже, просто хотелось посмотреть мир и немного заработать. Мир кое-как посмотрел, большей частью через прорезь в БМП, заработать не удалось — плохо у меня держатся деньги.

Порейко слушал меня, почти не перебивая, делал пометки в черном блокноте. Когда я бежал из Сомали в Киншасу, скептически покачал головой и сказал: «Клуб кинопутешественников».

— Да ты, может, снаряды возил для черных! — взвился Порейко.

— А ты считал? — спросил я. — Кто эти снаряды возил и кто дачи себе строил? Там и без снарядов было что возить.

Я закончил рассказ своим появлением здесь. Захотелось осмотреться, может, осесть, хотя люблю я больше крупные города, а может, отправлюсь дальше. Как получится. Главное — я мирный человек, приехал с дружескими намерениями и встревать в войны не желаю...

— Черт тя знает, — сказал по завершении моей одиссеи Порейко. — Черт вас всех знает.

— Мне можно идти? — спросил я.

— Нет, — сказал Порейко.

Он поднялся, решительно кинул мой паспорт в ящик своего стола, вернее, ему показалось, что он кинул мой паспорт в ящик стола, — на самом деле паспорт уже был у меня в кармане. Но мало ли кому что кажется.

— Пойдем с тобой вместе, — сказал он.

Стоя, он расчесал свои кудри, распределив по лысине параллельными прядками, кликнул Одноглазого Джо и велел усатику садиться за завершение какого-то документа.

— Сейчас навестим Одуванчика, — сказал он своему адъютанту.

— Он сейчас в мастерской занят, — с почтением в голосе ответил Джо.

Порейко вылетел из комнаты подобно Петру Первому на каком-то полотне Лансере и помчался, поднимая ветер.

За ним бежал Одноглазый Джо и сзади — я.

День уже разгорелся, солнце светило жарко и влажно, под ним подушками лежали сизые тучи.

Люди оборачивались, глядя на нас, Порейку узнавали, некоторые пытались приветствовать его. Но Порейко никого не видел.

Мы промчались вдоль рядов рынка, в конце их у забора была мастерская «Металлоремонт», типичная хижина дяди Тома с окошком, как в заводской кассе.

Но мы не стали заказывать ключ, Порейко обогнул мастерскую сбоку, толкнул дверь, а мы с Джо остались снаружи, на пороге, потому что места внутри хватало лишь для длинного верстака с вальцами, половинки стола, где были сложены инструменты, и стула, на котором сидел хозяин мастерской Одуванчик.

Я сразу понял, почему его зовут Одуванчиком. Он был смуглым, загорелым или с детства смуглым, а тонкие завитые волосы вокруг лысинки-тыквы казались одуванчиковым белым пухом. А лицо у него было гладким и добрым, с большими бараньими глазами.

— Все знаю, — сказал он, не оборачиваясь и не переставая обтачивать болванку. — Все слышал. Страшно недоволен. Всех накажу. А ты, Трофимыч, своих тоже накажи.

— Я там сам был, — сказал Порейко. — Знаю, кого наказывать.

— Зачем волнуешься, гипертонию подхватишь.

— Ты предупреди, Артем Давидович, — сказал Порейко, — ты предупреди Кирилла, чтобы он глупостей не делал. А я тебе хочу представить (он так и сказал: представить) моего нового человека, прибыл к нам из самой столицы, состоит моим личным водителем. Познакомься, Юрик, и прониknись уважением к единственному в наших краях «авторитету».

— Преувеличение. — Мастер Одуванчик обернулся ко мне. Он отложил болванку и вытирал ветошью пальцы. — «Авторитетов» в Меховске нет, а вот авторитетные люди имеются в наличии.

Он протянул мне руку.

Ладонь и пальцы были жесткими, как у человека, который занимается ручным — металлическим или каменным — трудом.

— Не могу без работы, — сказал Одуванчик. — Руки мои

тянутся к труду. И вроде пенсия у меня хорошая, и квартира есть, а все продолжаю приносить пользу людям.

— Значит, договорились? — спросил Порейко.

— Что-то твой Юрик очень злой, это плохо, — сказал Одуванчик. — Людей надо любить, а не калечить.

— Александра в больнице, — ответил также коротко Порейко. — Люблю я Александру, жениться на ней собрался.

— Неужели Александру обидели? Значит, я был прав, когда рассердился на бездельников. Но за Александру они от меня вдвое получат. Так что иди, Трофимыч, гуляй, воспитывай своих молодых ветеранов. Нам с тобой делить нечего.

Мы вышли наружу. Тучи подобрались к самому солнцу. Воздух был тяжким, мокрым, парным.

— Врет он все, — сказал Порейко.

Одноглазый Джо уже пошел вдоль рядов, остановился возле торговки, стал приценяться к огурчикам.

— Ты думаешь, что он чудак — Одуванчик? — сказал Порейко.

— Я так не думаю.

— Он на рынке сидит как паук. Контролирует рынок, а когда рядом хозяйский глаз, всегда можно пожаловаться или совета попросить.

— Он вас не любит? — спросил я.

— Конечно, не любит, но ссориться со мной не будет. И особенно ему неприятно, что Александру задели. Это уж совсем не по-людски. Но он ничего поделать со своими не может. Они же отмороженные, надо с ними разобраться. А ты как думаешь?

Мы вышли с рынка и остановились. Порейко закурил.

— Не знаю ваших возможностей, — сказал я.

— Правильно, и я спешить не буду, — сказал Порейко. — Но когда время придет, я их отправлю куда положено.

— А куда?

— Так вот что тебе надо? Я специально, гад, тебя испытывал!

— А это не я спросил. Это Джо спросил, — ответил я.

— Точно, — согласился Джо. — Куда ты их отправишь, Трофимыч?

— А пошел ты!

Вдруг Порейко остановился и погрозил кому-то пальцем.

Я поглядел в ту сторону. За воротами рынка стоял Кирилл. Смотрел он на меня с нескрываемой ненавистью.

— Я бы ему не доверял, — заметил Порейко.

— Даже после вашей беседы с Одуванчиком? — спросил я.

— Эффект есть, — ответил Порейко. — По крайней мере он не кидается на прохожих. Обратил внимание?

— Обратил. Только я бы на вашем месте тоже был с ним осторожен.

— Почему? — Порейко смотрел на меня, чуть склонив голову, ветерок, предвестник близкой грозы, разметал его параллельную конструкцию на голове.

— Любовь — великий катализатор, — сказал я. — А он неравнодушен к Александре.

— Это точно! — откликнулся Одноглазый Джо.

— Молчать! — прикрикнул на нас Порейко. — Пошли, поглядишь на мой кар, мне водила нужен.

Солнце зашло, ветер становился все сильней, и Порейко зря достал свою расческу — ветер поднимал пряди вертикально.

Мы побежали. Мы бежали долго, квартала два, потом, запыхавшись, влетели в полуоткрытую калитку, в заросший такой ровной зеленой травой двор, словно здесь трудился английский газонокосильщик.

Первые капли дождя ударили по пыли и траве.

Во дворе расположился красный кирпичный гараж с железными воротами.

Порейко достал связку ключей, самым большим из них открыл ворота. Налетел отчаянный порыв ветра, который намеревался свалить нас с ног. Мы спрятались в гараж. Хлынул ливень.

В сарае стоял «Мерседес-600», синий в искру, с затемненными стеклами.

— Видел такую? — спросил Порейко.

— Видел, — сказал я.

— Водить приходилось?

— Ну не эту точно, но «Мерседес» водил.

— Здесь автоматическая коробка передач.

Порейко относился к машине, как мальчик к игрушке, он ее гладил и готов был лизнуть.

— Я ее сам водил, — сказал Порейко. — Дело простое. Но мне авторитет не позволяет. Я давно шофера ищу. Настоящего. Если у тебя выйдет, считай, что трудовой книжкой ты обеспечен.

Он осмотрел меня с ног до головы. Я сначала не сообразил зачем, но он сам сказал:

— Если у тебя на джинсах грязь — лучше близко не подходи.

— Я не напрашивался, — сказал я.

— А я и не интересовался, — ответил Порейко.

Он обежал машину, залез на место рядом с водителем, потом откинулся назад, чтобы открыть дверь для Джо, и налево, чтобы впустить меня.

Я сел на водительское место. По правде говоря, «Мерседес» я не водил, но «Ауди» знаю и поездил на джипах.

Главное было — не проявить неуверенности, он должен поверить, что для меня его «мерс» прост, как «Запорожец».

Машина завелась сразу, заурчала, бензин полился ей в глотку, она вздрогнула, побуждая меня понукать ее.

Я выкатил машину задом из гаража.

Мальчик, взявшийся неизвестно откуда, отворил ворота. Порейко сунул ему скомканный доллар. Мне хотелось засмеяться — мы выезжали со двора в городишке Меховске на «Мерседесе-600», а хозяин давал на чай мальчишке долларами.

— Куда поедем, шеф? — спросил я.

— Давай направо, — сказал Порейко. — Только не спеши. Едем навестить Александру.

Я медленно ехал по улице. Вести машину было одно наслаждение. Какие черные дела скрываются под ее шкурой? Ведь куплена она мелким жучком ветеранской организации в районном городке — и он не таит ее, не скрывает от любопытных соседских взглядов. Больше того, обзавелся шофером...

— Надо тебя приодеть, — перебил Порейко мои мысли. — Мне с таким водилой как бы несолидно.

— Приоденьте, — согласился я.

Одноглазый Джо, сидевший сзади, давал мне указания, куда повернуть. Порейко до этого не снисходил. Он думал.

И додумался.

— И все же я тебе не доверяю, — сказал он, когда мы повернули на длинную, сбегавшую к реке улицу одноэтажных домов за высокими сплошными заборами. — Остановись вот здесь, — сказал он без связи с предыдущей фразой.

Он протянул руку налево и нажал на клаксон.

Машина издала благородный звук, словно великий баритон проверял связки перед концертом.

Дом как дом, забор как забор.

— Ты будешь заходить? — спросил Порейко.

— Здесь Александра живет?

— А то ты не знаешь, — заметил Порейко.

— Если можно, зайду, — сказал я.

— Тебя не остановить, будешь бегать тайком. А кому это нужно?

Джо остался стеречь машину, а мы пошли в дом. Калитка была не заперта, куры разбегались из-под ног.

Мы поднялись на крыльцо, Порейко стукнул в дверь костяшками пальцев, и мы тут же вошли. Маленькая женщина, похожая на гнома, встретила нас в сенях.

— Она не спит? — спросил Порейко.

— Заходите, она все равно услышала.

Александра стояла у окна. Халатик просвечивал, и мы застряли в дверях, любуясь ее легкой фигурой.

Она живо обернулась, будто наши взгляды дотронулись до нее.

— Ну и как? — спросил Порейко. — Сотрясение мозга наблюдается?

Так он шутил.

— Обошлось, — сказала Александра. — Навестить пришли?

— Разумеется, — сказал Порейко. — Дуся чаем угостит?

— Ты с компанией? — спросила Александра.

— Да вот, новый шофер. Теперь мой «мерс» в надежных руках. В надежных, Юрик?

Я кивнул.

— Быстро у тебя это получается. — Слова относились к Порейке.

— Люди меня любят, — ответил Порейко, усаживаясь за стол, покрытый плюшевой скатертью. — Люди хотят мне помочь. Дуся, чаю нам сделаешь?

— Уже! — откликнулась из кухни хозяйка. — Уже чайник поставила.

Вечером я пришел позже Аркадия. Дела на фабрике были так себе, работали четыре дня в неделю и то до обеда.

Аркадий встретил меня неприветливо.

— Ничего не натворил? — спросил он.

— Все в порядке.

— А что на роже?

— На дверь налетел.

— Ясно. Тогда рассказывай.

Я выложил на кухонный стол продукты, которые купил по дороге.

— Это лишнее, — сказал Аркадий, но тут же смирился, поставил воду для пельменей.

— Пиво употребляешь? — спросил я Аркадия. Шесть банок «Хейникена» украсили стол.

— Ты долго жить у меня собираешься?

— По нашим расчетам, дней десять, может, две недели. Но если у тебя будут проблемы с Ритой, я всегда могу уйти.

— Спасибо, благодетель, — буркнул Аркадий. — Докладывай, кого видел, с кем познакомился.

— Тебе еще не доложили?

— Мне доложить не могут. Я целый день на фабрике. Хромой, сам понимаешь, счетовод.

— Сначала я познакомился с Александрой, — сказал я. — Из кафе «Синий ветер».

— Зачем? — вскинулся кузен. Он знал ее!

— А затем, что она живет с Порейкой, — ответил я.

— Враки!

— Нет, и ты об этом знаешь. Мне нужно было выйти на Порейку, но случайно. Понимаешь, я мог бы прийти к нему в Союз — хочу встать на учет. Но он заподозрил бы неладное.

— А теперь не заподозрил?

— Нет.

— Врешь! Почему?

— Два объяснения, — сказал я. — Или он мне доверяет после боя с друзьями Одуванчика...

— Ты и с ним познакомился? Ну, ты даешь, лейтенант!

До лейтенанта я в армии не дослужился и не стремился к этому.

— Второе объяснение лежит в том, что он мне совсем не поверил. И хочет держать при себе, чтобы за мной присматривать.

— Почему он должен был тебе не поверить?

— Приезжает в город человек, неизвестно откуда, неизвестно кто, уверяет, что он — твой брат. Вы хорошо знакомы?

— Нам нечего делить. Как ты его встретил?

Я рассказал о событиях в кафе «Синий ветер» сдержанно, кратко, но не упустив ничего важного. Потом о том, как мы достали «Мерседес» и я получил место шофера.

— Значит, ты все же сам вышел на Порейку? — Вопрос у Аркадия получился утвердительным. — А я тебе знакомство с Мельником устраивал.

— С Мельником я познакомлюсь, — сказал я.

Мельник был председателем Союза ветеранов Афганистана. Но он меня интересовал куда меньше, чем Порейко, потому что исчезали в основном члены «СВ-ХХ». К тому же теперь знакомство с Мельником могло помешать моей работе. Если

Порейко узнает о моих новых контактах, то его доверие ко мне рухнет окончательно.

— Мельник мужик нормальный, — сказал Аркадий. — Для него важнее власть, чем деньги. Он играет в батю — как в партизанском отряде.

— А Порейко?

— Порейко — дерьмо.

— А говорил, что вам нечего делить.

— Город небольшой. Воруешь — все знают. У Порейки транспортная компания. Трейлеры. Его ветераны — шоферы и охрана. Считается, что все прибыли должны идти на ветеранов. Но Мельник еще как-никак делится, а Порейко с дружками всю прибыль прикарманивают.

— И кто же тогда Одуванчик?

— А этот просто бандит. Его мальчики, их зовут посадскими, потому что большая часть банды с того берега Мологи, берут дань со всех ларьков и киосков, у них в подчинении рынок и часть магазинов — после милиции это главная банда.

— И у них имущественный конфликт с Порейкой?

— У них были стычки, но сейчас вроде бы мир. Им выгодней мир — одни возят добро, другие берут дань.

— Почему же тогда Кирилл сегодня напал на меня?

— Кирилл? Какой еще Кирилл?

— Бандит из компании Одуванчика. Амбал с голым затылком, ну, типичный такой. И ребят потом привел таких же.

— Понял, о ком ты говоришь, хотя не имею чести. А зачем ему было своих ребят приводить?

— Чтобы отомстить.

— Хочешь сказать, что ты его обидел?

— Не в этом дело. Обидеть я его обидел — но с самого начала ему незачем было на меня нападать.

— Из-за Александры?

— Мне надо было выйти на Порейку, но нечаянно, не привлекая тебя.

— Ты сказал ей, что мой брат?

— Сказал.

— Ты понимаешь, что меня подставил?

— Не сердись, Аркадий. Я не хочу делать секрета из наших родственных отношений. Лучше, чтобы это было известно с самого начала.

— Не знаю, не знаю. Порейко меня не выносит. И вдруг берет тебя шофером, в первый же день, без проверки.

— Он у меня паспорт взял.

— И ты ему отдал?

— Отдал, потом обратно забрал. Оставлять у него не стал.

— Ну и то слава богу — они бы его по своим каналам послали на проверку. Он видел, что ты паспорт забрал?

— Нет.

— Тогда завтра жди скандала. Еще пельменей положить?

— Положи.

— Времена меняются, — сказал Аркадий. — Ты не думай, что я последний человек в Меховске. Семь лет назад меня прочили в мэры. Честное слово.

— Я не знал.

— Такие вещи быстро забываются. Вождь демократов Станкевич к нам приезжал, руку мне жал, а за две недели до выборов меня сбило машиной. Я подозреваю, кто и зачем это сделал. Они хотели меня до смерти пришибить, а я выжил. Пока болел, к власти пришли гниды.

— Они и сейчас при власти?

— И сейчас.

Аркадий собрал тарелки, свалил их в мойку, поставил на стол чашки, достал с полки банку с вареньем, почти полную.

— Меня интересует Александра, — сказал я.

— Она многих здесь интересует.

— И тебя?

— Я не интересуюсь недоступными вещами и женщинами.

— Это значит, что она тебе нравится?

— Чудак ты, Юра. Я и так благодарен судьбе, что Маргарита меня до сих пор не бросила.

— Ты меня не убедил.

— Они с Маргаритой... корешились. Когда Александра к нам приехала, она сначала в поликлинику пошла, медсестрой. Они с Маргаритой сблизились. Александра здесь бывала, вот на этом стуле сидела.

— А потом?

— Потом появился Порейко. И перевел ее в кафе официанткой. Мы с Риткой удивились.

— Может, он ей понравился?

— Нет. — Аркадий ответил уверенно. Жестко.

— Большие деньги предложил?

— Предложил. И это странно. Хотя кто в женщине разберется?

— И они поссорились с Маргаритой?

Аркадий снял чайник с плиты, налил кипятка в заварочный чайник.

— Александра прекратила отношения.

— Может, Маргарита ее чем-нибудь обидела, ну, высказала свое неодобрение?

— Из-за такого дружба не нарушается.

— А Маргарита с Порейкой раньше были знакомы?

— Ты не поверишь, но моя Ритка была медсестрой в Приднестровье. Я шутил раньше, что она — «белые колготки». Знаешь, кто это?

— Снайперы, девушки-снайперы. Легенда локальных войн.

— Образованный.

Он разлил чай по чашкам. Сел напротив меня, принялся мешать в чашке ложечкой.

— Давно Александра приехала сюда? — спросил я.

— Не очень давно, месяца два назад.

— Всего два месяца! — Я полагал, что разговор идет о годах.

— Твое дело размышлять и подозревать, — сказал Аркадий. — Я в это уже не играю.

Но я совершенно не представлял, в чем можно заподозрить Александру. Хотя что-то здесь было неладно.

— Дядя Миша знает, что любовница Порейки появилась здесь всего два месяца назад?

— А ты словами не кидайся. Тем более терминами.

Я не сразу его понял. Он пояснил:

— Она живет отдельно от него. У нее однокомнатная квартира. Порейко ей снял. И это еще ни о чем не говорит.

— Извини. — Я с ним согласился. Легче всего повесить ярлык на одинокую молодую женщину. Особенно если ее нет рядом. — Откуда она приехала?

— У Ритки надо спросить. То ли из Ярославля, то ли из Самары.

Мы пили чай молча, словно устали говорить. Мне хотелось спать. Аркадий приготовил мне раскладушку. Сам лег на широком диване. Он сказал, что на этом диване спит его мать. Раньше спала с отцом.

— Ты сможешь сообщить в Москву, что я вышел на Порейку и пока все у меня в порядке?

— Сообщу, — сказал Аркадий.

Я не стал рисковать — вдруг на почте сидят люди Порейки или Одуванчика и им будет интересно узнать, что новый шофер любит поговорить с Москвой.

— Только ты осторожнее, — сказал я, — они теперь могут за нами обоими следить.

— Они не догадаются, — сказал Аркадий.

Рита в тот вечер, разумеется, не пришла. Заснул я не сразу. Размышлял.

Такой тихий городок, а оказывается, в нем не один, а несколько центров опасности. В Москве дядя Миша думал о Порейке, о его Союзе, но вдруг возник еще Одуванчик. И еще мне предстоит осторожно присмотреться к Мельнику...

Утром, как договорились, я дошел пешком до гаража. У забора сидел на корточках усатик Жора из конторы Порейки.

Он был вежливым и даже подобострастным юношей и потому мне не понравился.

— Я вас уже полчаса жду, — жалобно сообщил он.

— А что, приказано выступать на рассвете?

Жора показал в улыбке красивые зубы.

— Не, Трофимыч еще спит. Но он приказал мне к семи быть, я к семи и пришел. Я его боюсь.

Мы с ним зашли в гараж.

— Здесь автолавка есть? — спросил я.

— За рынком на улице Софьи Перовской, — сообщил Жора. У него были маленькие, близко посаженные к переносице рыжие глазки и черные, коротко остриженные волосы.

— Мне надо будет купить кое-что для машины, — сказал я. — Тут, видишь, не гараж, а сарай, а такая тачка не любит, когда с ней обращаются, как с козой.

Жора достал из заднего кармана джинсов бумажник и заглянул в него, словно ждал, что оттуда выскочит кузнечик.

— Ты купишь, — сказал он, — я заплачу.

— Ты из своих платить будешь?

— Не клади в голову, — сказал молодой человек.

Что-то в его фигуре, манере держаться говорило мне, что Жора очень молод, почти подросток. А кожа лица, мешки под глазами принадлежали немолодому человеку.

— Тебе сколько лет? — спросил я.

— Лишний вопрос, — ответил Жора.

— Ясно.

Я выкатил машину на улицу, открыл переднюю дверцу для Жоры.

— И кем ты числишься в нашей конторе? — спросил я.

— Агент по связи с прессой и населением, — ответил Жора вполне серьезно.

— Это важно, — сказал я.

— А вообще-то я телохранитель, — повторил Жора. Он гордился своей профессией.

— Что же ты умеешь делать как телохранитель?

— Не могу тебе показать, — сказал он, — потому что ты за рулем.

— Хорошо, — улыбнулся я. — Как приедем на место, покажешь?

— Чего ж не показать хорошему человеку?

Он говорил слишком серьезно. Я улыбался, а он — нет.

Недолгое путешествие по городу закончилось у стоявшего у дороги стеллажа, на полках которого стояли иностранного происхождения банки и спреи. Возле стеллажа сидел на раскладном стульчике, какие носят с собой художники, знакомый мне Кирилл. Вот так встреча! Я-то думал, что Кирилл — вольный агент, пенитель морей. А оказывается, что в Меховске ширится движение за совмещение редких профессий.

Кирилл со мной не поздоровался. Нос у него был вспухшим и цветом отдавал в синеву. Но так как у меня самого под глазом была дуля, то мы, можно считать, были квиты.

— Чего тебе? — спросил он у Жоры. Здороваться его еще не научили.

— Юра скажет, — ответил Жора, вынимая бумажник.

Я выбирал нужные мне вещи, у Кирилла нашлись замшевые лоскуты, чтобы протереть красавицу.

На меня Кирилл не смотрел.

— Кстати, — сказал Жора, расплачиваясь, — надеюсь, тебе Одуванчик вчера объяснил неправильность твоего поведения? Ты теперь будешь хорошо себя вести?

Кирилл тихо, но внятно выругался.

— Ну вот и ладно, — сказал Жора. — Только учти, что я не выношу грубых слов.

И как он это сделал — ума не приложу, но Кирилл тут же оказался в пыли под своим стеллажом.

— Заплатишь за все сам, — сказал наставительно Жора. — И Одуванчику ни слова не скажешь. И ругаться больше — ни-ни!

Это был очень грозный птенчик. Я подумал, хорошо, если он не злопамятный и забыл о том, как я вчера вытащил из-под него стул.

Жора обернулся ко мне.

— А за тобой должок, — сказал он. — Ты вчера меня в офисе немного обидел.

Но я был готов к его движению, потому что, к счастью,

вспомнил об инциденте за секунду до того, как Жора открыл рот.

Я ушел в сторону от его захвата, и он ткнулся носом в машину.

— А вот так себя вести не стоит, — сказал я. — Можно машину попортить.

Жора выпрямился. Он смотрел на меня узко посаженными глазами кобры.

— Как же ты успел? — удивился он.

— Случайно, — признался я.

— Тогда тебе повезло. — Жора не стал больше повторять своих трюков. Он вытащил из бумажника зеленую десятку и протянул мне: — Твоя доля за покупки.

Кирилл зашевелился и начал водить ручищами по пыли.

— Поехали, что ли? — спросил Жора. — Большая разборка может начаться, а Трофимычу она ни к чему.

Мы поехали на бензоколонку. Платил Жора.

Когда снова сели в «мерс», он сказал:

— Ты не думай, что я небольшой. Я как ядовитая змея. Честное слово, мне даже не обидно, если про меня как про гадюку думают. Все считают, что телохранитель должен быть амбалом, так чтобы при виде его с копыт падали. А это все чепуха. Меня не должны опасаться, меня замечать не нужно. Зато ко мне человек поворачивается незащищенным боком, а я кусаю. До смерти. Усек?

— Понял, — сказал я. — Хороший урок. Я ведь тоже принял тебя за недоразвитого счетовода и подставил тебе незащищенный бок. А ты еще и философ...

— Вот ты из-под меня стул вытащил. И твое счастье, что шеф дал мне сигнал — у нас с ним есть система сигналов, — дал мне сигнал, чтобы я тебя не трогал. А то бы ты с этим стулом так бы и остался при своих.

— А чья заправка? — спросил я. — У вас ведь все схвачено.

— Заправка не наша, заправка у нашего городского головы, у мэра, они с милицией власть делят. Но нас не трогают. И мы их не трогаем.

Порейко жил в двухэтажном доме. В отличие от прочих домов, двери которых выходили во двор, этот дом имел собственный подъезд.

— Дай сигнал, — сказал Жора.

Порейко с Александрой вышли на сигнал сразу, словно ждали в подъезде за дверью.

Александра была в коротком синем платье, в скромном

платье, призванном показать, какая она робкая, тихая, послушная. А эффект был иной — ты сразу видел, что это опасная кошка.

— Юрик, — сказала она, улыбнувшись мне, — как тебе на новом месте, не дует?

И какого черта ей работать в этом «Синем ветре», если у Порейки «Мерседес» с шофером-инопланетянином? Впрочем, об этом мы им не скажем. На мгновение я превратился в ее глазах в Николсона, вызвав растерянность. И тут же все вернулось на свои места.

Телохранитель Жора выскочил из машины, придержал дверь, как в хронике о приезде израильского премьера на переговоры с палестинцами. Порейко уселся сзади, держа расческу, как пистолет.

Мы завезли Александру на работу. По дороге Порейко сыто спросил меня:

— Как там Аркадий? Не болеет? У них вроде зарплату придерживают?

— Он мне говорил об этом, — согласился я.

— Общественной работой занимается?

— Не знаю, не говорили мы об этом.

Александра, выходя из машины, заглянула ко мне в окошко и сказала:

— Спасибо. Гладко водишь.

Я не стал ни в кого превращаться. Она мне нравилась, и было в ней нечто, сигнализировавшее об опасности.

Когда мы остались в машине без чужих, Порейко сразу спросил:

— Где твой паспорт?

— У меня, — ответил я.

— Когда ты успел свистнуть его?

— Считайте, что вы мне его отдали.

— Дай мне его сюда.

— Я его дома оставил.

— Почему?

— Манера здесь странная — чуть что, сразу паспорт требуют, как в Москве.

— Потом принесешь, — приказал Порейко. Он задумался. Видно, пытался восстановить в памяти вчерашние движения — почему бы он отдал мне паспорт? И в комнате я один не оставался.

Он помотал головой и принялся причесываться. Значит,

отчаялся припомнить. Мне он был виден в зеркале, но я старался не заглядывать в зеркало слишком очевидно.

— А как у тебя с грузовиком? — спросил Порейко.

— В каком смысле?

— Водил?

— Лишний вопрос — чего я только не водил!

— Сегодня ночью будет работа. Так что останешься у меня в офисе с ребятами, чтобы потом из дома не выходить.

— Надо Аркадию сказать, — ответил я.

— Ничего с твоим Аркадием не случится.

— Он будет волноваться.

— С чего бы?

— Подумает, что вы меня зарезали.

— Не зарежем, не бойся.

— Я не о себе говорю. Я-то не боюсь.

— А Аркаша — твой начальник, что ли? — легко спросил Порейко.

Я остановил машину возле офиса. Порейко выскочил первым. У него были узкая сутулая спина и широкий зад.

Я остался за рулем.

Порейко крикнул мне, обернувшись от двери:

— Подожди, сейчас поедем!

«Мерс» все еще был непривычен в Меховске. Ребята, шедшие в школу, замерли возле него, оглядывая, как в зоопарке, когда смотрят на настоящего льва. Надо бы выйти, протереть машину еще разок, чтобы блестела, — да бог с ним, обойдется.

Через пять минут Порейко выбежал из подъезда, за ним Жора.

Наконец в дверях показался Одноглазый Джо, который, садясь рядом со мной, поздоровался. Его чуб был рыжим, словно он окунул его в сурик, а на остальные волосы не хватило.

— Сейчас прямо, — сказал Джо, который знал, куда ехать. Затем мы повернули направо, там, на широкой улице, по которой мне еще не приходилось ходить, стояла покрашенная в зеленый цвет трибуна — небольшая трибуна для демонстраций. Тут положено стоять городскому начальству.

За трибуной возвышался на высоком постаменте потемневший от дождей бронзовый Ленин по грудь, без рук. Фоном этому великолепию служило длинное здание с колоннами.

— Что здесь раньше было? — спросил я у Джо.

— Горком, — ответил тот.

— А еще раньше?

— Всегда был горком, — сказал Джо, полагая меня психом.

— Реальное училище, — сказал Порейко.

— Ну это, наверное, еще до революции, — сказал Джо. — А я думал, ты спрашиваешь, что раньше было.

На этот раз Жора остался со мной. Шефа сопровождал в желтое здание только Джо. Перед зданием стояли два милиционера с автоматами и в бронежилетах — на что здесь милиционеры в бронежилетах, один бог знает. Наверное, местным властям очень хотелось, чтобы Меховск был похож на настоящий шикарный областной центр.

В стороне, между трибуной для парадов и монументом Ильича, стоял пикет — человек шесть или семь с одной рукой написанными плакатиками: «Живите сами на нашу пенсию!» и «Позор губителям Советского Союза. Под суд преступников Беловежской пущи!»

Ничего нового оппозиционеры здесь не придумали.

— Шеф тебе не доверяет, — сказал Жора.

— Спасибо за откровенность, — сказал я. — Чем же я провинился?

— Приехал неизвестно откуда, живешь у Аркашки, «мерс» водишь, как собственную тачку.

— А Аркадий при чем?

— Шеф его на дух не выносит. Может, он на Александру глаз положил? Или наоборот? Не жить ему здесь.

— Спасибо за подсказку.

— А я тебе тоже не доверяю, — сообщил Жора.

— Жалко.

— Ох и будет тебя шеф проверять!

— Правильно, — согласился я. — Я бы тоже на его месте меня проверял. Подумай: приехал неизвестно откуда, живу у Аркашки, «мерс» вожу, как собственную тачку.

К сожалению, Жора не почувствовал сарказма.

— А куда мы приехали? — спросил я.

— Не знаешь, что ли? — Удивление было равно удивлению москвича, приехавшего в Кремль с человеком, который не знает, как эта штука называется.

— Нет.

— Он с Мельником беседует.

— А что за Мельник?

— Председатель Союза ветеранов Афгана. Не слышал?

— Я здесь второй день.

Мы помолчали. Жора переваривал удивительную информацию — он познакомился с человеком, который не знает Мельника!

— А что, раньше у Порейки не было шофера? — спросил я.

— Почему? Был.

— И что?

— Весь вышел.

— Ты не темни. Мы вместе работаем, — рассердился я. — Что я тебе, белополяк, что ли?

— Какой еще белополяк? — изумился Жора.

— Были такие враги у советской власти.

Жора замолчал, потрясенный моей эрудицией.

— Мельник кто — городской голова?

— Не мели чепухи, — сказал Жора. — Мельник — это Мельник. И пускай тебе шеф обо всем рассказывает. Мое дело маленькое.

— Ладно уж, я пошутил, — сказал я. — Знаю я, кто такой Мельник. Мне брат говорил. А разве у вас общие дела?

— Вот вернется шеф и объяснит.

Шеф вернулся как раз в этот момент. Был он задумчив и даже мрачен.

— Чего он ко мне вяжется? — сразу настучал на меня Жора. — Да кто такой Мельник, да что у вас за дела?

— Вяжется? Ну мы его быстро развяжем, — сказал Порейко.

— Куда ехать? — спросил я голосом английского дворецкого — ни следа эмоций.

— На станцию, — сказал Порейко.

На станции мы встали за грузовыми пакгаузами, и все ушли, оставив меня минут на двадцать. Вылезать из машины я не рискнул, хотя было жарковато. Потом они вернулись в сопровождении милиционера и еще пошептались немного за углом склада.

Я все время был настороже. Порейко играл со мной. Конечно же, он не должен был допускать до себя невесть откуда заявившегося человека, даже доверять ему машину. В то же время именно подозрительность Порейки и заставила его не отпускать меня ни на шаг. Ладно, посмотрим, кто кого перехитрит.

Перекусили мы в «Синем ветре», скромно, с пивом, но без крепких напитков, а я даже и пива не пригубил: такая привычка — за рулем не пить. И никто меня не неволил.

Подавала нам Александра. Я перехватил ее внимательный взгляд, но отвернулся, потому что всей шкурой чувствовал, как Порейко не спускает с меня глаз.

После обеда собрались в штаб-квартире «Союза ветеранов — XX век». Народу собралось человек пятнадцать. Окна не открывали. Курить Порейко не велел.

— Я собрал вас, мальчики, — начал Порейко (сейчас он вытащит расческу и начнет приводить в порядок камуфляж на своей лысине — так и случилось), — чтобы сообщить: в ближайшие два дня город не покидаем. Ждем поступления груза. Важного груза. Понадобится ваша физическая сила и дисциплина. Могут быть возражения, не в вакууме живем.

Присутствующие согласились коллективным мычанием, в чем я принял участие.

— Если кто болен или у кого бабушка требует ухода, сообщите мне сразу. У меня каждый человек на счету, так что прогульщиков не потерплю.

Никто не стал отказываться от работы.

Я смог приглядеться к моим новым товарищам. Народ они были тертый, если среди них и были обыкновенные мирные ветераны, то меньшинство. Большей частью они относились к тем неприкаянным душам, рожденным нашими окаянными днями, которые научились убивать и разучились строить. Они осели здесь на какое-то время и тянутся к Порейке и его Союзу, потому что это как бы замена казармы, банды, отряда, группы. Поодиночке такие люди жить и действовать не любят. Они привыкли быть экипажем, группой захвата, отделением.

— А у нас прибавление в семействе, — сказал добродушно Порейко. И мне не понравился его тон. — Вот Юрик, Юрик Старицкий, приехал к нам из матушки-Москвы к своему братану, Аркаше Хромому, вы его знаете, на фабрике работает, известный дерьмократ, агент МВД.

Кто-то кивнул, кто-то прогудел, но без радости — я понял, что здесь те, кто знает Аркадия, большой любви к нему не испытывают.

— Юрик тоже ветеран. Побывал в «горячих точках», добровольно. Правильно я излагаю, Юрик?

— Правильно, — согласился я.

— Скажи товарищам, где и в какие годы ты побывал. А вдруг сослуживец отыщется?

Они рассматривали меня, как новую девицу на танцплощадке. Впрочем, Порейко был прав. Он подозревал меня, он держал меня при себе, полагая, что так легче меня контролировать, он, наконец, созвал свою бригаду, чтобы не потерять шанса меня разоблачить.

Я тоже разглядывал товарищей. Кроме Одноглазого Джо и телохранителя Жоры, знакомых среди них не оказалось.

Я начал не спеша рассказывать, где служил, когда служил — все это проверялось, но проверялось с трудом. Начало — пограничная застава на Дальнем Востоке. Потом попытки ходить матросом на траулере — нет, оттуда у нас в Меховске никого нет. А потом поездка моя в Карабах. И карабахцев не нашлось. На это мы и рассчитывали. И наконец Абхазия, но не просто Абхазия, а горные ущелья, откуда мы выкуривали грузинские заставы. Один парень, приземистый, с ранним брюшком, оказывается, в Абхазии побывал, но в «МС», после меня. А потом я поведал им, как в последние два года подался в Африку и старался отыскать себе кусок хлеба с маслом. Таких здесь не было, мой рассказ, сдержанный, недлинный, вызывал ко мне уважение. Они поверили, что я не вру. И я внушал им, что не вру, насколько хватало сил.

Порейку я не убедил. Но оснований растерзать меня не нашлось.

— Жаль, — сказал он по окончании смотрин, — я так надеялся, что ты найдешь земляка, с которым у костра сидел или в одном окопе ошивался.

— Нет, к сожалению, мне опять не повезло, — согласился я.

— Тогда все свободны, — сказал Порейко. — Совершенно свободны. Кроме того, Юрик, не любишь ты чистить мою тачку, а учти, что от ее состояния зависит мой авторитет. Сегодня вечером встречаем важных гостей, и чтобы машина сверкала, как водопад Ниагара.

Он не был лишен образного мышления.

Я спустился вниз, там меня ждали двое из ветеранов, просто так, потрепаться, как там в Москве, что говорят о пенсиях. Поговорили и о простых вещах: как собираюсь жить, где, не делить же квартирку с Аркашкой, у него мать приезжает из деревни — чертов городишко, где нельзя укрыться!

Они предложили было выпить, но я был на службе, так что все разошлись, я постарался запомнить их имена — но имена были такими же стертыми и незначительными, как и их лица. Так, неприкаянный народ, пушечное мясо, правда пока еще живое.

Будет война, она их востребует и уничтожит. А пока они пережидают паузу.

Я протер машину, потом еще разок протер — лучше уж я буду хорошим шофером, пускай Порейко ищет придирки в другом. Мне так даже интереснее.

Шеф вышел через четыре часа, я уж испекся на солнце, к тому же хотелось пить.

Порейко вышел так, как выходят министры, — видно, ему приходилось в жизни занимать, может, и невысокие, но ответственные должности.

— Вы бы сказали, что столько проторчите, — буркнул я, — я бы выкупаться сбегал.

— Я сюда не купаться приезжал, — отрезал шеф. Видно, он никогда не купался, даже не раздевался на свежем воздухе, у него была чиновничья, писарская сероватая кожа.

— Заедем за Александрой, — сказал он, — потом на вокзал.

Я лихо тормознул у «Синего ветра», Порейко гуднул — гудок у нашего зверя был милиционерским.

Потом он закурил.

Александра вышла минут через пять, на ней было дорогое, длиннее, чем ей шло, сиреневое платье, волосы уложены в пучок на затылке — она была благородна до безобразия. Мне захотелось поцеловать пыль у ее ног. Это была опасная женщина, но Порейко об этом вроде бы не догадывался.

На этот раз в машине был только телохранитель Жора. Он выскочил, отворил дверь, привычно — он не впервые открывал ей дверь.

В ответ на мое приветствие Александра чуть кивнула.

— На вокзал? — спросил я.

— Я два раза свои указания не повторяю.

Все же он был неумен. Он позволял гордыне овладеть собой. Он был всего-навсего прапорщиком по интендантской части, а ощущал себя Наполеоном на том самом мосту.

Мы поехали на станцию. Наверное, ее Порейко именовал вокзалом. Впрочем, я был предвзятым — все в том городке называли станцию вокзалом. Этим городок сравнивался с Тверью.

Мы все вышли на платформу. Порейко велел и мне его сопровождать. Видно, ждали какого-то друга или начальника и Порейке надо было показаться со свитой.

Народу на перроне было немного. Несколько торговок с ранними огурчиками, простоквашей и творогом, милиционер и будущие пассажиры с баулами и полосатыми сумками.

— Они будут в третьем вагоне, — сказал Порейко Александре. — Наверное, надо бы цветов принести, букетик. Купим?

— Где его здесь купишь? — удивился Одноглазый Джо. — Может, я до дому добегу, у нас пионы не отцвели?

— Пионы! — В это слово Порейко вложил все возможное

презрение. В его представлении подношение букета пионов, плебейского цветка, было равнозначно оскорблению высокого лица. Именно тогда я понял, что люди, которых мы встречаем, относятся именно к высоким лицам.

Александра хмыкнула. Она не была, видно, приучена к тонкостям вокзального этикета.

Почувствовав скрытое сопротивление в своей команде, Порейко решил объяснить нам, как положено себя вести графьям.

— Вот если встречаешь или на свадьбу идешь, — сообщил он, — то преподносишь розы, смотря по своему имущественному состоянию. Но обязательно розы или в крайнем случае гвоздики. Потому что эти цветы выращивают специально для торжественных случаев.

— А если похороны? — совершенно серьезно спросил Одноглазый Джо, который хотел расширить свой кругозор, а не смел смеяться над учителем и наставником.

— Дурак ты, при чем тут похороны! Мы же Матвея Семеныча встречаем.

— Я не в том смысле, — сказал Джо. — Я не хотел.

Тут вышел на платформу начальник станции и, приложив руки рупором к губам, крикнул, что через пять минут на первую (и единственную) платформу прибывает скорый поезд Тверь — Архангельск. Номера вагонов с головы поезда.

— Они в третьем вагоне будут. В купейном, потому что здесь СВ-вагонов нету. Они себе отдельное купе взяли. Мне был звонок, — сообщил нам вождь, нервничая и теребя блестящие пуговицы военного френча.

Поезд проявил себя сначала приближающимся шумом, затем вполз и замер перед станцией, прогремев всеми суставами. Поезд был старым, ржавчина просвечивала сквозь зеленую краску вагонов.

Проезжающие посыпались из вагонов — поезду стоять всего пять минут, а надо купить продуктов, заглянуть в буфет, а может, купить областную газету в киоске, открывшемся специально для такого случая.

Мы поспешили к вагону номер три.

Сначала из него выползли какие-то одинаковые мужики в тренировочных брюках и несвежих майках, а потом наступила пауза, и на площадку вышел настоящий генерал, орел, молодец, я его, кажется, даже видел как-то на телеэкране. Матвей Семенович Чулков собственной персоной.

Почетный председатель был немолод, даже скорее стар. Но

из тех неутомимых толстячков, которые красят и укладывают волосы и даже носят корсет и играют в городки. Генерал красиво помахал нам рукой и начал осторожно, медленно, изображая бодрость, спускаться по ступенькам вагона.

Порейко кинулся к вагону и подставил руку генералу.

— Я сам, сам! — прохрипел генерал. Ему было нелегко, но он отличался сильным духом.

В конце концов помогла генералу Александра. Она, оттолкнув Порейку, протянула генералу руку словно для поцелуя — и опереться на такую руку мог каждый, даже Геркулесу не стыдно.

Следом за генералом спустился кавказский человек — сам Рустем Марков! Как нам повезло!

Про него достаточно было сказать — яростный! Никакая другая характеристика не выдержала бы сравнения. Несмотря на теплый вечер, Марков был в шляпе и в том слишком большом и широком пальто, которое таскают нувориши, чтобы отличаться от меня.

Когда все эти люди оказались на земле, Порейко, покачавшись на месте, схватил лицо генерала в жадные ладони и впился в него губами (а может, и зубами — зрелище было страшное). Но генерал не испугался, он был боевой генерал. Он обнял пухлыми лапками плечи Порейки, потянул к себе, чтобы удобнее было ответить поцелуями на поцелуи. Затем, полагая, что ему надо целоваться и дальше, генерал кинулся ко мне, а я, не ожидая нападения, убежать не успел. Он меня тискал, как насильник в подъезде, урчал, слюнявил, и от него воняло чесноком и водкой.

— Все! — закричала Александра. — Хватит, мальчики. Все в порядке.

Тут я увидел третьего из приезжих. Он изображал из себя марковского или корниловского офицера — я, честно говоря, не помню, какой из белогвардейских полков носил черные мундиры с черепом на левом предплечье. Фуражка у него была тоже черная. Он был красив и суров красотой гестаповских плакатов. И притом скрипел множеством ремней и портупей. Несколько снижался образ гауптштурмфюрера тем, что в руке он тащил объемистый генеральский чемодан.

— Рад, — сообщил генерал, как только поцелуйная часть кончилась. — Очень польщен. Наслышан о ваших успехах, мать твою.

Окончание фразы было несколько неожиданным, но по-

том я понял — генерал испугался, не сочтут ли его слишком интеллигентным, и пресек заранее подобные подозрения.

— Куда идти? — спросил он почти сердито.

— Сюда, товарищ Чулков, — показал Порейко.

Он показал генералу, куда идти, а мне махнул, чтобы я спешил к машине.

Я подчинился.

Как в лучших британских фильмах, я открыл все возможные двери в «Мерседесе». Генерал радостно ахнул:

— Вот и сюда, в дальние уголки, проникла цивилизация.

— Вы будете обеспечены всем необходимым, — предупредил его Порейко.

— Куда ехать-то? — спросил я шоферским голосом.

— В «Мологу».

«Мологой» именуется наша гостиница.

— Мы подготовили для вас номера «полулюкс», — сообщил Порейко генералу, который втаскивал пузо на заднее сиденье. — Высший класс по нашим меркам.

Корниловец хлопнул крышкой багажника так, что Порейко посмотрел на него с ненавистью.

Одноглазый Джо и Жора стояли поодаль с грустным видом — им места в машине не оставалось, значит, придется тащиться в гостиницу на автобусе. Несолидно.

— Нам обещали загородный пансионат, — рявкнул Рустем Марков.

— Пансионат, к сожалению, сгорел, — сказал Порейко.

— Поджог? — спросил генерал. Он снял фуражку и протирал синим платком потную лысину.

— Неизвестно, — ответил Порейко. — Он назывался «Лесные поляны».

Я не знал о гибели «Лесных полян».

— Но гостиница три звезды. Все мобилизовано. И питание в том числе.

Порейко боялся, что гости рассердятся на то, что он непредусмотрительно сжег «Лесные поляны».

— Похоже на диверсию, — сказал генерал. — Прямо перед нашим приездом ликвидируется наша лесная база. Вы как думаете, Рустем Борисович?

— Я думаю, что вы правы, — строго сказал Марков. — В этом надо разобраться.

— Не надо разбираться, — ответила Александра.

Я как раз мягко тронул с места, чтобы не растрясти.

— Не надо разбираться, потому что «Лесные поляны» сго-

рели еще в том месяце. Тогда даже вы не знали, что к нам приедете, правда?

— Так что же ты тогда нам мозги пудришь? — рассердился генерал.

— Но все гости, если у нас бывали гости из центра, все гости всегда жили в «Лесных полянах», — ответил Порейко. Для него неважно было, когда сгорели эти несчастные «Поляны», — важен был лишь факт — теперь генералу придется жить, как простому командированному.

Бывают дни, когда все неладно.

В гостинице — двухэтажной, желтой, пахнущей керосином от политуры — нас заставили просидеть полчаса под гигантским фикусом, какого, наверное, и на его родине нет. Оказывается, из номера выехал какой-то певец, который выступал вчера в Доме культуры речников, и сейчас номер приводили в порядок и отмывали. Певец нахулиганил и вел себя непристойно.

Рустем Марков обиделся. Он сидел, зажав ладони меж колен, и смотрел прямо перед собой.

Генерал был не так привередлив.

Ему понравилась Александра.

— И что же вы делаете в организации? — спрашивал он.

— А я в ней состою, — вежливо отвечала Александра.

— Вы тоже, простите, ветеран? — Он хотел бы сказать что-нибудь весьма сомнительное, но рядом сидели мы с Порейко, а в дверь как раз вошли взмыленные наши телохранители и остановились на почтительном расстоянии.

— Своего рода, — вежливо ответила Александра. В ответе звучала двусмысленность, но толстяк не посмел ее угадать.

Порейко погнал Жору наверх узнать, как там идет уборка — мало ли чем занимаются горничные, может, чай пьют! Оказалось, что и в самом деле пьют чай. Наверху возник страшный шум — Жора разбил чашку, вылил чай на пол, показал силу, хотя, пожалуй, этого делать не стоило. Гостиница тоже организация и, как таковая, имеет «крышу», а «крыша» у нее милицейская. Так что не успела окончиться уборка, как на мотоцикле приехал пропыленный и злой сержант, чтобы составить протокол, и Порейке пришлось шептаться с ним за фикусом и отстегивать какие-то деньги. Это было унизительно делать на глазах генерала и Маркова.

Наконец мир был достигнут и номера готовы.

Порейко проводил гостей наверх, я не мог подняться с

ним — не звали. Хотя мне очень хотелось узнать, когда они собираются встретиться, чтобы не спеша поговорить.

Я рассчитывал на свои преимущества как шофера. Порейко захочет отправиться на встречу в машине.

Я угадал.

Спустившись от генерала, Порейко велел мне отвезти себя домой, а потом к восьми вечера подать тачку к подъезду.

— Может, вас куда-нибудь подвезти? — спросил я Александру. Я был не виноват — она сама дарила мне взгляды, которые расшифровываются однозначно.

— Нет, — ответил за нее Порейко. — Мы будем заняты до вечера.

— В следующий раз, — подтвердила Александра. И опять же не голосом, а взглядом сказала куда больше, чем заключалось в этой фразе.

Я пришел домой. Я легко привыкаю к новым местам. Вот и Аркашину квартиру считаю домом.

Аркадий был дома, и не один. Но я об этом догадался не сразу и повел себя нетактично.

Я прошел на кухню, где Аркадий сидел у маленького телевизора — смотрел футбол. Я выложил на стол колбасу, сыр и поставил банку растворимки.

— Ну как тебе у нас служится? — спросил кузен.

— Встречал начальство.

— Значит, операцию готовят.

— Какую?

— Контрабанду. А может, разборку. Обо мне он не спрашивал?

— Порейко считает, что ты связан с милицией.

— Почему?

— Меня он не информировал. Но Жора сказал, что Александре ты мог понравиться.

— Не было ничего, — начал Аркадий, но потом замолк, вспомнив нечто неприятное. И обернулся к двери в комнату.

— Ну и идиот, — сказала Рита, появившись в халате из комнаты, где она, оказывается, спала на диване. — Она же на Аркашку глаз положила. Я ее за это отшила.

— Здравствуй, — сказал я.

— Не перебивай! — вскинулась Рита. — Ты не представляешь, какая это дрянь, шлюха продажная! Ах, я ветка, я тра-

винка — она травинка из железа. Для нее мужики — ступеньки в лестнице. Скажи спасибо, что живым остался.

— Это была случайность, — возразил Аркадий.

— Случайность? Только ты мне об этом не рассказывай. У меня от вашей лапши все уши отсохли.

Они говорили, как будто меня не было в комнате.

Я прервал перепалку.

— Порейко сегодня угрожал Аркадию. Мне не понравилось, как он говорил, — сказал я. — У меня создалось впечатление, что он, то есть его люди, не выносит Аркадия.

— И тебя? — спросила Рита.

Она забрала тяжелые медовые волосы в пук на затылке и, взяв со стола резинку, перетянула ею хвост.

— И меня, — признался я.

— Поэтому и позвали в шоферы?

— Отчасти. А что, у него не было шофера?

— Хорошего шофера не было, — сказал Аркадий. — Был один парень, но его порезали в какой-то разборке, до сих пор в больнице отлеживается, в областной.

— Ты бы уехал куда-нибудь, Аркадий, — сказала Рита. — Хочешь, я с тобой уеду?

— В круиз за пять тысяч баксов? — спросил Аркадий.

— В Курскую область, — сказал я, — к родственникам. Отдохни. Сейчас ты вряд ли особенно нужен на фабрике.

— Как раз сейчас я и нужен, — возразил Аркадий. — У нас многое решается.

— А черт с ним, пускай его пристрелят, — сказала Рита. — Он сам нарывается.

— Ничего они не сделают, шакалы. Только ты эту тачку паршивую у моих окон не ставь. А то я тебя с тачкой вышвырну подальше, — сказал Аркадий.

Я спустился, отогнал машину немного в сторону, благо место было, а когда вернулся, Рита уже ушла.

Я не заметил, как она вышла из подъезда.

Я улегся на диван и спросил Аркадия:

— Надеюсь, ты работаешь с дядей Мишей не только потому, что не выносишь Порейку.

— Все не так просто, — ответил Аркадий и невесело рассмеялся.

— Тогда слушай внимательно, — сказал я. — Сегодня мы с Порейкой встречали людей из центра.

— Ты уже говорил.

— Приехал почетный председатель генерал Чулков. С ним реальный хозяин Фонда — Рустем Марков. Запомнил?

— Несложно.

— Третий — на подхвате, но характерно, что он или из «Памяти», или «баркашовец», я их плохо различаю — черный мундир, много ремней, и сапоги скрипят. Однако он у них прислуга — носит чемоданы. Они остановились в гостинице. Немного поскандалили, поэтому местный милиционер приходил объясняться, и Порейко ему что-то сунул.

— Ничего удивительного, — сказал Аркадий. — Гостиница у милиции под «крышей». Они следят, чтобы был порядок.

— Сегодня вечером они будут что-то обсуждать. Я постараюсь подслушать. Пока мы будем в гостинице, пожалуйста, передай в Москву информацию о приезде генерала Чулкова.

— Не талдычь. Сделаю.

— И тут же, как сообщишь, уходи. Прошу тебя. Приказать не могу, но очень прошу. И Рита просит. Ты ей доверяешь?

— Нечестный прием, — улыбнулся Аркадий. — Ритка здесь ни при чем.

— Когда я вернусь ночью — чтобы тебя не было. Останешься в Курске, пока тебе не скажут возвращаться. Ключ под половиком.

— Ну ладно, ладно, — сказал Аркадий.

Он открыл шкаф и стал вынимать что-то — наверное, белье. Мне было очень неловко. Какого черта я заставляю людей срываться с места, куда-то нестись, как преступников?

Без десяти восемь я попрощался с Аркадием.

— Послание мое отправишь, не забудешь? — спросил я.

— Не забуду.

Он почти обнял меня, коснулся ладонями плеч и отстранился.

Я спустился вниз, к машине, и погнал ее к дому Порейки, не хотел опаздывать — шофер должен быть безукоризненным.

Я прибыл вовремя — мои хозяева уже стояли возле дверей.

— Чего опаздываешь? — буркнул Порейко.

Я выразительно посмотрел на часы.

— Не сюда в восемь, а там надо быть в восемь, — проворчал шеф.

— Ты не прав, Дмитрий, — сказала Александра. — Ты велел ему здесь к восьми быть.

— А ты бы помолчала, — сказал Порейко.

Александра чуть улыбнулась, как улыбается мудрая мать, слушая вопли своего младенца.

Вечер был бархатным, темнело, жужжали комары.

У гостиницы нас ждал Одноглазый Джо. Жоры не было.

Порейко первым вбежал в гостиницу, словно боялся хоть на минуту опоздать. Александра задержалась у машины.

— Александра, — сказал я. — Я боюсь, что они замышляют что-то плохое против Аркадия. Ты могла бы этому помешать?

— Ты бы лучше о себе думал, — ответила Александра. — Ты на подозрении хуже, чем Аркашка.

Она быстро ушла в гостиницу следом за Порейкой.

Уже темнело, вечер обещал быть длинным и облачным, это будут бесконечные сумерки.

Мне надо было подслушать их разговор. Может быть, тогда все и решится.

Но я не знаю, какая из комнат — «полулюкс». Ведь не иначе как там будут идти переговоры.

Я вышел из машины, закрыл ее, чтобы не соблазнять мелких преступников блестящими штучками, перешел на другую сторону улицы, соображая, где находится «полулюкс», — гостиница была массивная, обширная, даром что двухэтажная, но половину первого этажа занимал ресторан, а вторую — служебные помещения. Номера были на втором этаже.

Я прошел по улице. За гостиницей были полуоткрытые ворота — они вели на хозяйственный двор. Двор был обширным, с конюшнями, где стояли разные, видно, не только гостиничные, машины, у одного из складов под желтой в полумраке лампой сгружали с грузовика овощи.

Гостиница была построена в виде буквы Г, причем длинная полоска шла перпендикулярно улице, выходя во двор, а с другой стороны...

Я вышел снова на улицу и посмотрел с другой стороны. Там шел высокий забор, затем начиналось здание магазина «Промтовары». Вернее, он раньше был магазином «Промтовары», а нынче назывался «Кугюр» — черт знает, что этим они хотели сказать. Но вывеску «Промтовары» закрасияи кое-как, так что я догадался, чем в нем торговали раньше.

Из-за высокого забора между магазином и гостиницей поднимались купы яблонь с небольшими пока плодами. Там был сад. Но чей? Возможно, он тянулся параллельно улице.

Я попал в глупое положение. Если бежать вокруг квартала и искать, как заглянуть в чужое окно, то за это время кто-нибудь обязательно выйдет проверить и меня не найдет возле машины. Заниматься обычной левитацией на центральной

улице города нелогично. Неизвестно, куда тебя потащат сначала — в сумасшедший дом или милицию.

В глубокой задумчивости, свойственной лишь кинорежиссерам и героям авантюрных романов, я отправился обратно, поравнялся с машиной и тут совершенно явственно услышал знакомый голос Порейки:

— А этот тост разрешите поднять за присутствующего среди нас освободителя Европы от фашистского ига!

Господи, и я собирался летать по воздуху и лазить по крышам в то время, как эти бездельники праздновали встречу друзей в ресторане, у открытого окна, не обращая внимания на шоферов и лакеев.

В этот момент грянул оркестр, и все мои радужные надежды разлетелись в пыль. Для того чтобы подслушивать их и дальше, мне пришлось бы сесть на стол, а это вызвало бы удивление.

У меня оставалась надежда на то, что им захочется всерьез поговорить после славного ужина. Надо же на что-то надеяться.

Время у меня было, но мыслей, как назло, — никаких. В результате я не придумал ничего лучше, как заглянуть в холл. Там никого не было. Я осторожно прошел ко входу в ресторан, прикрытому лиловыми портьерами, видно, оставшимися со славных купеческих времен. Все столы длинного скучного зала, разрисованного по стенам плодами южных земель, были заняты. Толстяк танцевал с Александрой, Рустем чокался с Порейкой. Жора с Одноглазым Джо сидели за соседним столиком, пили водку со скудной закуской и всех охраняли. Мне показалось, что Александра увидела меня и подмигнула. Хотя, может, мне хотелось, чтобы она подмигнула.

В зале было дымно, и освещен он был несколькими цветными прожекторами, которые мельтешили, стараясь создать атмосферу непринужденного праздника.

Я вышел из зала и, подойдя к дежурной, показался ей проверяющим. Неважно каким — может, по электрической части, может, по газовой. Я спросил, как пройти в «полулюкс».

Проходить я никуда не стал, а возвратился к машине. Как я и предполагал, окна «полулюкса» выходили в сад. Два окна — третье и четвертое от дальнего конца. Информация есть, но пользы от нее пока мало.

Зато штора в ресторане была прикрыта не до конца, так что я точно увидел, как они, расплатившись, покинули ресторан.

Было без десяти десять. Стемнело, но ночью это серебряное сияние назвать было нельзя. В такую погоду в Питере вы-

ходят в два часа ночи посмотреть, как разводят мосты. Люди и предметы приобрели некий полупрозрачный вид и потеряли свой цвет — все было сиреневым и смутным.

Деятельность на гостиничном дворе давно уже прекратилась. Сторож прикрыл ворота и куда-то отошел, возможно, он ждет проказников во дворе.

Через дверь я поглядел, как вся честная компания поднималась наверх. Первым шел генерал, а дальше построением немецких псов-рыцарей, известным по нашему кинематографу как «свинья», шествовали Рустем с Александрой, а затем латники — простые ратники — Порейко и Джо с Жорой и телохранитель в черном, скрипевший ремнями на весь район.

Значит, они решили никого мне в помощь не присылать и вообще списали меня со счетов. Обидно, но удобно.

Меховск рано ложится спать или прилипает к телевизорам, чтобы лучше разбираться в мировом искусстве и политике. Если не считать золотой молодежи, которая догуливала в ресторане, постепенно переходя от рока к присядке, да случайных прохожих, улица была пуста. Теперь можно было рискнуть.

Я сделал так: дошел до магазина и резким прыжком поднялся на его крышу. С непривычки я потянул ногу, и мне пришлось минуты три корчиться за трубой от боли. Все летающие люди из фантастических романов померли бы от смеха, увидев, до чего дошла левитация в наши дни.

Не поднимая высоко головы, я перебрался на другой скат крыши. И разглядел сад. Он в самом деле относился к какому-то большому зданию — больнице или школе, нет, скорее больнице, потому что несколько окон в нем светилось.

Окна длинного крыла гостиницы выходили в этот сад. Мне не стоило труда увидеть свет в «полулюксе», где жил генерал. В обоих окнах.

К счастью, не все деревья в том саду были яблонями. Среди них встречались и более солидные создания. На ветвях одного из них — кажется, липы — я устроился, готовый, если надо, взлететь.

Я должен сказать, что летал я по обязанности, без всякого удовольствия и понимал проблему Икара, который предпочел свалиться в море, только бы не шастать между облаками.

Начало каждого полета требовало такой концентрации всей душевной и физической энергии, что начинал болеть живот и ломить в затылке. Боюсь, что, если бы мне в такой

момент смерили давление, оказалось бы, что меня надо срочно класть в больницу.

Нет, я не птица и не создан для полета.

Рассуждая так, я устраивался поудобнее на ветке, глядя в открытое окно номера «полулюкс».

Как раз когда я еще шумел и потрескивал ветвями, Порейко подошел к окну и стал вглядываться в полутьму.

— Как бы кто не подслушал, — сказал он.

— Вы же знаете, это больничный сад. Ну кто в него ночью пойдет? — ответил Одноглазый Джо.

— Кому не надо, тот и пойдет, — ответил Порейко. Он стал закрывать занавеску, но изнутри комнаты сразу откликнулся генерал.

— Можно оставить немного свежего воздуха? — спросил он. — Как говорится, голова в холоде, ноги в тепле. Суворов.

Штору закрывать не стали.

Генерал пил кефир из квадратного пакета. Ему нравилось пить кефир.

— Не то что алкогольные напитки, — сообщил он.

— Я надеюсь, что здесь никто не услышит, — сказал Порейко. — Хотя я продолжаю думать — неплохо бы закрыть окно.

— И не думай, — воспротивился генерал.

Порейко вернулся к окну. Он смотрел вниз, словно кто-то мог подобраться к дому и подложить бомбу. Он курил, и, когда затягивался, его лицо становилось оранжевым от разгоревшегося уголька.

— Я рассчитывал на большее количество живой силы, — сказал генерал. — Моя статистика показывала другие величины.

Наверное, он был генералом по интендантству. Хотя в политику обычно уходили генералы из политорганов.

Я ощутил вечернюю тишину. И запах листвы. Где-то далеко залаяла собака. Вечер был безветренным, парным, и каждое слово, сказанное в комнате, мне было слышно, будто я сидел среди собеседников.

— В общей сложности, — ответил Порейко, отвернувшись от окна и возвратившись в комнату, — мы достигнем нужного числа. Добавим со стороны.

— Ни-ни! — возразил Рустем. Перед ним стояли в ряд несколько банок с пивом «Хейникен», он открывал их по очереди, слизывал пену и потом высасывал банку до дна. — Никакой самодеятельности. Мы мобилизуем наших людей, спецконтингент. Мне надоели объяснения. К тому же, по некоторым

сведениям, к нашей деятельности проявляет интерес департамент Мясоедова.

— Это в МВД? — спросил Порейко. Теперь к окну подошла Александра.

— Ты куда? — спросил Порейко.

— Душно у вас, накурено, — сказала она.

Нас разделяла пропасть в десять метров; если бы она смотрела прямо на меня, наверняка бы углядела в листве.

Я замер, превратившись в сук. Сук был не очень убедителен, но она меня не заметила.

— В МВД, — сказал Марков и почесал убегающий подбородок, — но у нас к ним хода пока нет. Пока.

— Как же так, с вашими-то деньгами, с вашим влиянием?

— Я тоже удивлен, — сказал генерал. Он пил кефир, расплывшись на стуле, видно, спине привычней было опираться на прямую твердую доску.

— Это дело времени. Департамент невелик — одно слово, что департамент. Но они решили, что чем меньше людей, тем меньше утечки. Купим. Обязательно купим.

Я подумал, что разговор идет о департаменте полковника Миши. Мне хотелось, чтобы существовал департамент, куда еще никто не смог залезть, купить, развратить и уничтожить.

— Это опасно, — сказал генерал. — Поймите, что я обладаю высокой репутацией. Если что-то просочится в продажную прессу, моей репутации будет нанесен непоправимый ущерб.

— Непоправимых ущербов не бывает, — Рустем открыл еще одну банку пива, — все забывается. На этот счет есть поговорка, но я ее забыл. — Он говорил без акцента, но жестко произносил согласные.

Он сыто засмеялся, словно забыл поговорку нарочно, чтобы подшутить над собеседниками.

— Так, и что же? — спросил Порейко. — Что им известно?

— Им известны предыдущие мобилизации, — сказал Рустем. — Они уже вычисляют, что произошло, и даже, мне сообщили, просили прикрытия для того, чтобы послать агентуру в пункты, где могут произойти новые казусы.

— К нам тоже? — Александра отвернулась от окна и кинула вопрос в густую полутьму комнаты. Им бы свет зажечь. И, как бы услышав мою мысль, генерал произнес:

— Совсем ничего не видно, я этого не выношу. Даже в блиндаже у меня всегда было освещение проведено. Я помню,

сидели мы в Грозном под вокзалом, и я говорю ребятам: «А ну-ка сделайте мне свет!» Сделали, черти полосатые!

Генерал врал. Не был он в Грозном под вокзалом, потому что и в прошлом, и в позапрошлом году ему было все те же восемьдесят лет. Такой генерал годен только для митингов.

— Значит, к нам прислали агента? — спросила Александра.

— Вот именно это и я хотел спросить, — произнес Порейко.

Александра зажгла торшер. Его уютный свет как бы сплотил людей, словно на полотне Рембрандта, — остальной мир перестал существовать, растворившись в теплой темноте.

— Не исключено, — сказал толстый. — Мясоедов отличается методичностью.

— А если у нас возникли подозрения? Даже без ваших предупреждений. Что нам делать? — спросил Порейко.

— В двух словах попрошу изложить суть дела, — приказал генерал.

— Недавно у нас в городе появился человек лет двадцати пяти. По биографии и документам — ветеран. Но что меня смутило с самого начала — он остановился в доме у некоего Аркадия Полухина, личности подозрительной и, по нашим сведениям, тайного сотрудника органов.

— Какие основания? — спросил Марков. — Я спрашиваю, чтобы призвать вас к осторожности. Наши товарищи в других местах часто ударяются в подозрительность. А излишняя подозрительность так же опасна, как излишняя доверчивость. Мы можем оттолкнуть, а то и погубить хорошего, преданного идее человека. И главное — привлечь к себе внимание органов. Учтите, не все у нас еще куплено, не все еще нам подвластно. Мы стремимся к этому и в центре, и на местах. Но работа нелегкая, ох нелегкая.

Марков подвигал козырьком и с тоской посмотрел, как уменьшается ряд пивных банок. Перед ним оставалось три или четыре.

Александра перехватила взгляд и, улыбнувшись, сказала:

— Мы можем нашего человека послать. Он всегда киоск откроет.

— Киоск не надо! — предупредил Порейко. — Киоски контролируются враждебной нам группой.

— И вы допускаете?.. — удивился генерал. Он постучал донышком кефирного пакета о столик, стук получился авторитетным и даже строгим.

— У каждого свои проблемы, — сказала Александра. — Вы не можете навести порядок в Москве, а мы не можем разо-

браться со всеми противниками в маленьком Меховске. Чувствуете сходство ситуации?

— У вас молодые, сильные, смелые ребята! — рассердился генерал. — Поднимите их, направьте, дайте цель, лозунги, и пускай они все сделают.

— Командарм, — сказал Рустем, — ты требуешь от ребят невозможного. Сам говорил, что они нам могут выделить слишком мало людей, а хочешь, чтобы они схватили весь город. В Меховске действует параллельная организация?

— Действует, ох как действует! — поспешил с ответом Порейко. — Союз ветеранов Афганистана во главе с неким Мельником. Мы не наладили с ними связи.

— И не надо, — согласился Марков. — Это не наши люди. Но если вам удастся оттянуть от них в свою структуру отдельных ребят, сделайте это. И если завтра вы позовете на дело кого-то, мы только скажем спасибо.

— Понимаю, как не понять, — согласился Порейко. — Но все не так просто, как кажется.

— А мне ничего не кажется, — сказал Марков. — Ваше дело подчиняться, а наше — принимать решения.

— Вам хорошо оттуда рассуждать, — пытался сопротивляться Порейко.

— Вы лучше скажите мне о шпионе, — сказал генерал. — Многие операции, должен вам сказать, срывались оттого, что в ряды наших сил внедряли их разведчика. Так что, попрошу вас, по порядку, а мы уж будем принимать решения.

— Юрий, — сказал Порейко, — Юрий Иванович Старицкий.

— Хорошая фамилия, — сообщил генерал, — из столбовых дворян.

— Я у него изъял паспорт, а он его у меня потом выкрал, — сказал Порейко.

— Как выкрал? — спросил Марков.

— Честно говоря, не знаю. И это мне тем более не нравится. Я у него изъял паспорт для проверки и регистрации, положил в стол, а когда хотел вечером изучить — нет паспорта! Где паспорт?

— Мало ли куда вы его сунули!

— Он сам признался, что украл.

— Это еще не аргумент, — сказал генерал. — Давайте нам другие аргументы.

— Мне не понравилось, что он сразу же пошел искать Александру.

— Кого? — спросил генерал.

— Меня, — сказала Александра.

— Как так пошел искать?

— Я работаю официанткой в кафе, — сказала Александра. — А он пришел в то кафе завтракать.

— И много у вас в городе кафе? — спросил Чулков. — Есть выбор?

— Есть еще на станции буфет и ресторан, в котором мы сидели.

— Ясно, — сказал Рустем. — Значит, если человек хочет поесть, то ему лучше всего пойти в кафе, где работает Александра. Что же подозрительного он совершил?

— Мне он не понравился, — сказала Александра. — Представляете, он предложил мне с ним позавтракать.

— Хорошее предложение, — усмехнулся Рустем. — Благородное. Я бы тоже предложил. Сначала поужинать, потом позавтракать.

— Так не делают, — возразил генерал. — Обслуживающий персонал не имеет права присаживаться за стол к клиентуре. Это дисциплинарное нарушение.

— Помолчи, командарм, — сказал Рустем. — Я отлично понимаю этого парня.

Александра отвернулась от него. Почти демонстративно. Мне непонятно было, зачем Порейко затащил ее в эту компанию. Я знаю, как важно при переговорах на обедах и встречах иметь красивую женщину. Очень полезно. Но тут шла встреча доверительного характера.

Рустем, который и был здесь главным, продолжал:

— Чем еще проштрафился этот Старицкий?

— Не нравится он мне, — сказал Порейко. — Не вовремя возник. Ну шел бы к Мельнику, к его ветеранам.

— А он в Афгане воевал?

— Нет, молодой для этого.

— Тогда ему некуда деваться, только к тебе, наш осторожненький.

— И в драку ввязался.

— В какую еще драку? — сердито спросил генерал. — Я не дозволяю рукоприкладства в моем округе. Немедленно доложите.

— Он был ни при чем, — сказала Александра. — Один мой поклонник, из бандитов, увидел через окно, что мы разговариваем. И ворвался. Вот Юра и уложил его. А Кирилл привел с собой еще людей. Тут уж пришлось вмешаться нашему шефу.

— Все обошлось? — спросил Рустем. — Мне еще не хватало милицейского дела накануне операции!

Это были первые очень нужные мне слова. Операция состоится завтра. Или на днях. Но какая-то операция, о которой не положено знать милиции, готовилась. У меня защекотало под сердцем. Это было подобно лотерее — один номер совпал, второй номер совпал, теперь третий...

— Еще обвинения против этого парня есть?

— Обвинений нет. Я сделал его своим шофером. Он говорит, что воевал в Абхазии и даже в Африке. Был механиком-водителем. А мне как раз нужен водитель. Я решил — пускай будет у меня на глазах.

— С одной стороны, мудрое решение, решение настоящего контрразведчика, — заметил генерал. — С другой стороны — рискованное решение.

— Я тоже думаю, что рискованное решение, — сказал Марков.

— Вы, наверное, не совсем понимаете, — сказала Александра. — Мы живем в маленьком городе. Наш город поделен на сферы влияния. Бандиты, с которыми дрался Юра, нам не подчиняются. Если мы его оставим одного, без прикрытия, — его сегодня же ночью зарежут.

— Так круто? — спросил Рустем и засмеялся своим мыслям. Потом добавил: — Надо вас прорежать. Знаете, бывает лес слишком густой, деревья друг дружке мешают, душат друг друга вопреки законам товарища Лысенко. Их тогда прорежают, чтобы росли свободно. Поняли?

Интересно, он помнит о Лысенко. Впрочем, ему на вид лет под пятьдесят. Он вполне мог застать отголоски той биологической борьбы в школе. А впрочем, что я о нем знаю?

— Вы считаете, что я должен его выгнать? — Голос Порейки дрогнул. Он был из тех вождей, которые очень решительны на словах, но когда доходит до дела, у них начинается геморрой.

— Нет, — улыбнулся Рустем. — Зачем? Нам такой человек нужен. Драчливый, смелый, с опытом. Пускай поживет еще немного. Вместе с другими борцами.

Этой фразы я не понял.

— Меня тянет в сон. Простите, у меня строгий режим, — сказал генерал. — Но требуется до наступления моего сна обсудить все важные детали.

Он посмотрел на Александру.

Черт возьми! Я готов был выругаться.

— А мне домой пора, — сказала Александра, — я с вами тут заболталась. А то хозяйка беспокоится.

— Вот и отлично, — сказал Рустем и, не поднимаясь, протянул ей руку. — Рад был познакомиться. Надеюсь, встреча не последняя. Вы там будете?

— Собираюсь, если Дмитрий Трофимович возьмет.

— Тебя Юра подвезет, — сказал Порейко.

— Я сама дойду, — улыбнулась Александра. — Кто меня тронет?

— Не уверен, не уверен, — возразил Порейко. — К тому же мы еще полчасика здесь поговорим. Он успеет тебя проводить. Но ребят не трогай. Ребята пускай здесь остаются.

Александра чуть поклонилась генералу.

— С богом, девочка, с богом, — сказал генерал.

Александра пошла к двери. Она еще не успела уйти, как Рустем заговорил вновь, застав меня в движении, — я как раз пытался высвободиться из ветвей, которые меня столь надежно укрывали.

— Вы начали говорить об Аркадии Полухине. Это бывший кандидат. Он хромает?

— Полиомиелит, — сказал Порейко.

— Он нам много крови попортил.

— И еще попортит, — сказал Рустем.

Но я не мог здесь оставаться. Александра поднимет крик... Я взлетел над деревом и, сиганув через крышу, опустился у самого входа в магазин. Магазин был закрыт, но на ступеньках у него нежил недопитую бутылку местный бомж. Рядом с ним я и опустился.

— Привет, — сказал он, — ангел божий. Не желаешь ли просветить?

— Не желаю, — ответил я грубее, чем разговаривают с бомжами ангелы.

И побежал к машине.

Я подошел к ней в тот момент, когда из дверей гостиницы вышла Александра. На всякий случай за ней следовал Одноглазый Джо, но когда он увидел меня стоявшим у машины, то успокоился и начальственным тоном приказал:

— Отвезешь Александру и сразу обратно. Не задерживаться. В любую минуту можешь понадобиться шефу.

— Это так? — спросил я Александру, показывая, что ставлю ее ступенькой выше Одноглазого Джо. Александра поняла, негромко зажурчала горловым смехом и сказала:

— Он не посмел бы соврать.

Джо надулся, но проглотил обиду. Александру они все побаивались, фаворитка всегда опаснее самого шефа.

— Соскучился? — спросила Александра, садясь рядом со мной.

— Нет, время пробежало, как одно мгновение, — ответил я цитатой из дамского романа.

Она жила далеко от центра. В отличие от соседних домов забор в ее доме был невысок. В окнах горел свет. Когда машина затормозила, занавеска на открытом окошке откинулась, высунулась женская голова, всматриваясь в сумрак, загустевший, как черносмородиновый компот.

Александра шлепнула меня ладошкой по руке, лежавшей на руле, и сказала:

— Спасибо, Юрик. Проводи меня до калитки, мало ли кто здесь может притаиться.

Притаиться там никто не мог, но я не стал спорить с женщиной, которая ходит сама по себе.

Мы вышли из машины.

Она заговорила тихо, глядя на свой палисадник в сторону от машины:

— Я знаю, они «жучок» в машине ставили. Трофимыч сам провоцирует тех, кто с ним поехал, на всякие разговоры, а потом слушает. Он коллекционер подлостей, понимаешь?

Я кивнул.

Она перешла на шепот:

— Они тебе не верят, Юрик. Они думают, что ты легавый, так что береги каждый свой шаг, оглядывайся.

— Зачем же он меня в шоферы взял? — наивно спросил я.

— Дурак, чтобы ты всегда был под рукой, чтобы глаз с тебя не спускать. Кстати, и за Аркашкой приглядывай. Тут такая штука... — Ей как будто не хотелось говорить, боялась она, но все же сказала: — Ты здоровый, ты им нужен, а Аркашка хромой, на что он им?

— Для чего я нужен?

— Не могу же я этого сказать! Иди, иди, а то Трофимыч подсчитает, сколько тебя не было, и решит, что ты меня под забором трахнул. А ты хотел бы?

— У тебя и без меня коллекция богатая.

— Это не ответ мужчины.

— Будет время, будет и ответ, — дипломатично заявил я.

— Александра! — послышался женский голос от двери. — Сколько тебя ждать?

— Квартирная хозяйка, — сказала Александра. — Добрая тетка. Я ей вместо дочки.

Она легонько, но больно щелкнула меня ладошкой по щеке.

— Ты не стоишь жалости, — сказала она. — Понял? Я тебе честно скажу: ни один из вас, козлов, мне не нужен.

Хлопнула калитка.

Она побежала к двери. Хозяйка, ворча, проследовала за ней. Дверь громко хлопнула.

Трудно ей тут, подумал я, забираясь в машину. Какая бы она ни была — распутная, жадная, легкомысленная, запуганная, не знаю, будет ли время разобраться, — ей тут трудно. Это не город, а какой-то скорпионник.

Я за пять минут доехал до гостиницы. На пороге стоял Жора.

— Тебя только за смертью посылать, — буркнул он и побежал внутрь.

Через три минуты появился недовольный Порейко в сопровождении Одноглазого Джо.

— Что случилось? Тебя полчаса не было.

— С Александрой разговаривали, — сказал я. — О смысле жизни.

— Без шуток! — велел Порейко. — Когда тебя спрашивают...

— А я не шучу. Спросите сами у нее.

— Не о чем вам разговаривать, — сообщил мне Порейко.

Он сел в машину один.

Я обернулся к оставшимся у входа в гостиницу холуям.

— А личная охрана? — спросил я.

— Они сами доберутся, — сказал Порейко. — Им недалеко.

Мы проехали полдороги до его дома, и тут Порейко передумал. Он велел мне поворачивать к гаражу. Он сообщил мне, что обстановка в городе неспокойна — они обсуждали ее с гостями, руководителями центральной организации.

— А в гараже спокойнее? — удивился я. — Это же простой сарай.

— Все же под замком и за воротами — не так легко надругаться.

Я не стал спорить — его воля, тем более что от гаража мне до дома даже ближе, чем от его дома.

Мы быстро доехали до гаража, открыли ворота и загнали машину в сарай. Порейко был молчалив, только рассказал мне, что товарищ Рустем — большой человек в Москве, его знают в ВПК. Но главное — он считает, что в нашей стране пора установить настоящий порядок. Для этого надо уже сейчас готовиться к тому, чтобы подобрать власть, когда она упа-

дет на землю, — а ведь каждый понимает, что наша власть как груша, — перезрела, вот-вот шмякнется.

Когда я запер сарай, он отобрал у меня ключ и сказал, блестя в темноте золотыми клыками:

— Я тебе, Юрик, прости, пока не доверяю. Оставишь тебе ключ, а ты возьмешь ночью машину и уедешь с девочками кататься. Учти, Александре доверять нельзя. Тот мужчина, который этой сучке доверяет, считай — труп в прямом и переносном смысле. Нет, ключ завтра получишь.

— Так что, я за ним к вам домой пойду?

— Не так строго, — засмеялся Порейко. — Тебя в восемь здесь Жора ждать будет. Вы с ним за мной и заедете. Добро?

Мы вышли на улицу.

— Ну что ж, прощайте, до завтра, — сказал я.

— Нет, у меня к тебе просьба будет, — ответил Порейко. — Проводи меня до дому. Уж очень у меня много в этом городе недоброжелателей. Ты не поверишь.

— Чего же вы ваших охранников не взяли?

— А зачем мне охранники, когда ты один десяти стоишь? Стоишь, правда?

— Мне спать хочется, я устал.

— Чего тебе усталость! — Он жестко взял меня за предплечье и повел за собой. — Не отказывай мне, не надо. Мы с тобой ветераны, а ветеран своего командира никогда не бросит на враждебной территории.

— Ничего себе — враждебная территория...

— А тут каждый куст стрельнуть может, — убежденно сказал Порейко.

От него несло алкоголем и луком, он все норовил взять меня под руку, но я не доверял его приятельству.

— Ты мне лучше расскажи свою биографию, — сказал он, — вроде мы с тобой одного поля ягоды, должны все о себе знать, а мне мало что известно. Разве это порядок? Это непорядок.

— Вы уже знаете мою биографию.

— А ты не формально, по-человечески. Например, братья, сестры у тебя остались?

— Есть сестра, в Сызрани.

— Замужем?

— И двое детей. Мужа зовут Георгием, он брюнет, работает в рыбинспекции, у них двухкомнатная квартира...

— Хватит. С ним все ясно. Фамилия Георгия?

— Арутюнян.

У них нет времени проверять. И не будет он проверять. Порейко планирует для меня какую-то другую судьбу.

— А вот когда ты из Африки вернулся, то где жил?

— Я жил в Москве, у любовницы. Мою любовницу зовут Любой, она кончает курсы иностранных языков, сама темная блондинка, глаза серые, шрамов пока не заметил...

— Нормально, спасибо. — Порейко делал вид, что идет нормальная беседа. — Мы и ее проверим. Фамилию не забыл?

— Не забыл. Кузнецова, Любовь Викторовна.

— А теперь расскажи...

К счастью, тут мы добрались до дома Порейки, и я его не успел придушить. Может быть, мой отчаянный поступок и сорвал бы всю нашу операцию, но принес бы пользу человечеству в целом. Я почему-то вспомнил рассуждения Маркова о том, как прореживают лес. Самый главный сорняк шагал рядом со мной и делал вид, что принимает на веру мои глупости. Но в тот момент я еще не подозревал, насколько он опасен.

* * *

Я позвонил, Аркадий не открыл. Наверное, пошел провожать Риту, почему-то подумал я. Я толкнул дверь. Дверь была отперта. Это тоже меня не удивило. Я не знал привычек Аркадия. Но был уверен, что красть у него дома нечего. Так что он вполне мог оставлять дверь открытой настежь. Я прошел на кухню. Там стояли две недопитые чашки. И вот тут я, несмотря на открытые окна, почувствовал запах крови. У меня удивительное, звериное обоняние, я никому в этом не признаюсь, скорее во избежание шуток. Я вошел в комнату, уже зная, что они убили Аркадия. Впрочем, к такому выводу давно надо было бы прийти. Надо было бы прийти к такому выводу, а не гулять по ночным улицам, создавая алиби Порейке, как будто он был моим задушевным другом.

Аркадий лежал в углу между тахтой и стеной, опершись спиной о прикроватный столик. Он, видно, отступал от них, но не звал на помощь, что-то не позволяло ему звать на помощь. Он отступал, потом отступать больше было некуда, и они его достали и зарезали. Причем он видел, что они хотят сделать, отбивался и хватался руками за лезвие — его пальцы были окровавлены и изрезаны.

Они разрезали ему горло большим кухонным ножом.

Нож валялся тут же, они бросили его.

Но я сначала сел на корточки и стал щупать пульс, потом приподнял веко; это был пустой труд: Аркадий был мертв уже несколько минут, а может быть, и полчаса — я не знаю, с какой скоростью охлаждается тело, тем более в такой теплый вечер. Тело еще было теплым.

Я знал, что есть телефон у соседа.

Я вышел на лестничную площадку и постучал в дверь напротив. Но не сильно, не тревожно, как мне хотелось, а заставил себя позвонить робко и коротко, будто я пришел занять соли.

В двери был глазок, меня долго разглядывали, потом мужской голос спросил:

— Чего тебе?

— Я напротив живу, — сказал я, — я брат Аркадия.

— Ага, — сказал голос, — я тебя видел.

— Скажите, откуда можно позвонить?

— А зачем?

Господи, ну в какой стране я живу!

— С Аркадием несчастье, мне нужно вызвать «Скорую».

— Подрались, что ли?

Чтобы слышать друг друга, нам приходилось говорить громко, почти кричать, но моего собеседника это совершенно не смущало.

— Да вы скажите, где телефон?

— Нет телефона, — сказал голос. — А ты в больницу сходи.

— А где больница?

— А как выйдешь из подъезда, так поверни направо и по тропке, по тропке, не отклоняйся, еще два дома будет, там спросишь.

Я понял, что пользы от него больше не добьюсь, и кинулся бежать.

Тропинка повела меня сквозь заросли сорных кустов. В кустах кто-то возился и страстно подвывал.

— Эй, где больница? — крикнул я.

В кустах замолчали, затаили дыхание.

— Я тебя спрашиваю! — крикнул я и двинулся в кусты в направлении голоса.

— Вы правильно идете, — ответил девичий голос, — скоро дорожка асфальтовая будет.

В больнице было сонно, пустынно, а дежурный врач ушел домой спать. Так объяснила сестра — единственное существо в белом халате. Но из больницы мне удалось по крайней мере дозвониться до милиции. Этот город безобразно рано ложил-

ся спать, его даже не волновали поздние телевизионные сериалы. Но постепенно моя деятельность возвращала его к жизни — медсестра побежала в соседний дом будить шофера «Скорой помощи», я дозвонился еще и до врача, врач пытался отговориться от выезда, раз мой брат мертв, но я припугнул его, сказав, что не уверен в его смерти. А вот если он умрет в ближайший час, то я дойду до министра.

Шофер «Скорой помощи» был в майке и тренировочных брюках, но по крайней мере он не тянул время и не изображал невинную жертву моего заговора. Вместо врача, которого мы так и не дождались, поехала ночная медсестра. Когда мы прибыли, милицейский «газик» как раз подъехал к подъезду. Возле квартиры стояла небольшая толпа, какие-то люди, видно соседи, ходили по квартире, милиционер стал их гнать. Он сказал мне доверительно:

— Так я и думал, все вещдоки затоптали.

Я подумал, что затаптывать особенно нечего, тем более что в «газике» было лишь двое патрульных, а что касается экспертов, то раньше утра их не ждали.

Медсестра вместе с милиционером осмотрели Аркадия.

Конечно же, он был мертв.

Милиционер сразу накинулся на меня как на главного подозреваемого. Как у подозреваемого у меня было одно достоинство — я оказался под рукой. Он спрашивал меня, когда я пришел домой, почему не пришел раньше, я оправдывался, просил уточнить у медсестры — она должна знать — или милиционеры должны знать — их же учили чему-то! — сколько часов назад убит Аркадий.

— Недавно, — сказала сестра, — час-полтора, совсем недавно.

— Значит, перед моим приходом, — сказал я.

— Или сразу после вашего прихода, — уточнил милиционер. Он отобрал у меня паспорт и велел пройти с ним в отделение.

Но тут, на мое счастье, прибежала Рита. Откуда-то эта медовая красавица узнала о смерти Аркадия — так быстро вести разлетаются по городу.

Волосы во все стороны, лицо красное, некрасивая, грубая, крикливая.

Она думала, что Аркадий еще в квартире, но когда узнала, что его увезли в морг, ринулась было туда и тут увидела, что меня ведут к «газику».

— А его зачем? — спросила она сквозь рыдания и невнятные обвинения в адрес убийц.

— Он тут был.

— Ты видел? — Она удивилась. — Когда ты приехал?

— В одиннадцать двадцать, — сказал я. — Я время всегда отмечаю.

— И Аркашка уже был мертв?

— Конечно. Я сначала это понял, а потом побежал в больницу.

— Ну пошли, пошли, — тянул меня за рукав милиционер.

— Да оставь ты его! — закричала Рита. — Или меня бери. Я от него в одиннадцать ушла. Ты понимаешь, что я в одиннадцать, ну, может, без четверти одиннадцать ушла, и еще с ним поссорилась, как следует поссорилась.

— Ну и что? — спросил милиционер. — Ты поссорилась, а он пришел и убил.

— Ну зачем мне? Подумайте — я прихожу домой и убиваю брата?

— А вот зачем — разберемся. Но оставлять тебя на свободе я не буду. А ты, Маргарита, иди домой, дети плачут. Хватит.

— Ты не издевайся, Петров, — сказала Маргарита грозно. — Я ведь и пришибить могу. Я тебе сказала — Юру отпусти. Юра ни при чем. Я знаю, кто Аркашку убил, кто к нему подбирался.

— А кто?

— Я сама до них доберусь. Они жить не будут.

— Ну пошли, пошли, — повторил милиционер.

Толпа вокруг стояла тесно, чтобы не пропустить ни слова.

— Ты только попробуй! — пригрозила Рита. — Тебя завтра здесь не будет. А ну, отпусти Юрика!

В толпе засмеялись.

— А мне в больницу надо, ты же понимаешь — я хочу Аркашку увидеть, — сказала Рита.

— Ладно, — сказал милиционер, который, видно, не чаял, как отсюда убраться, — давай по дороге тебя завезем.

Второй милиционер, что сидел за рулем, вообще не вылезал из машины.

— По пьянке? — спросил он и посмотрел на меня.

— А потом в больницу побежал — нервы у них сдают. — Милиционер не желал отказаться от своей версии.

Милиционер отправил нас на заднее сиденье — это был самый обыкновенный «газик», — а сам сел спереди.

— Юрка, — спросила Рита меня как своего, словно беда

сблизила нас. — А ты чего сегодня так поздно пришел? Ведь Аркашка ждал тебя. Он очень ждал, ты же понимаешь.

— Меня шеф не отпускал, — сказал я. — К нему люди из Москвы приехали, а потом я у ресторана стоял, ждал их.

— Об этом я знаю. — Рита перевела дух, сглотнула слезы. — Но потом почему домой не поспешил? Ничего бы не было.

— Вот это мне и не нравится, — сказал я.

— Ага, ты чуешь, чуешь, говори!

— Шеф один со мной остался, велел машину в гараж поставить, а потом его до дома провожать.

— Вдвоем?

— Только вдвоем.

— И сколько же у них времени было?

— Ну уж не меньше чем полчаса.

— Они! — закричала Рита. — Они, суки! Ну они у меня жить не будут! Стой!

«Газик» остановился у больницы. Она выскочила и сказала милиционеру:

— Юрка пойдет со мной. Мне провожатый нужен.

— А кого же я в отделение привезу? — удивился милиционер.

— Слушай, Петров, ты еще не догадался, кого ты в своем «газике» возишь и подозреваешь?

— Кого-кого, сам знаю кого!

— А вот не знаешь. Ты возишь личного водилу товарища Порейки! С его личного «Мерседеса», это тебе что-нибудь говорит?

— Врешь! — сказал милиционер.

— А я думаю — чего это мне его харя знакома? — сказал второй милиционер. — Это точно порейковский шофер. Да?

— Да, — сказал я.

— Тогда мотай отсюда, пока цел, — приказал мне милиционер, забыв о своем решении отвезти меня в околоток.

Я выскочил наружу. Машина газанула и умчалась, визжа тормозами на поворотах.

— А ты знаешь, где морг? — спросила Рита. Она подняла полные руки, заправляя назад густые, даже под светом луны золотые волосы.

— Нет.

— А мне страшно, Юрик, ой как мне страшно!

— Пойдем к главному корпусу, спросим.

— Пошли по этой вот тропинке. Там ведь свет должен гореть.

На морг мы наткнулись через десять шагов. Это было одноэтажное кирпичное строение, совсем маленькое, окна были забраны решетками, свет не горел.

Рита потянула дверь, дверь была заперта.

— Ну вот, — сказала она, — не могу я в больницу идти.

Я вынул из кармана связку ключей — среди ключей была отмычка. Я ведь не всегда был законопослушным научным сотрудником. Я и сейчас, если кто из знакомых теряет ключ, всегда прихожу на помощь. Я легко открыл замок — простой был замок, хоть и большой. Амбарный.

— Смотри-ка...

Непонятно было, одобрила ли она мою помощь или осудила. Мы вошли. Я пошарил рукой справа от двери — нашел выключатель. За маленькими сенями была прозекторская. В ней стояли два оцинкованных стола. Один пустой, на втором — Аркаша. Они его даже не раздели до конца, оставили в трусах и в майке — видно, спешили домой. Ничего, завтра разденут.

Лицо у Аркадия осунулось, стало лицом мертвеца. Чужое лицо. Волосы неопрятно сбились вбок. Рита сначала ахнула, потом глубоко вздохнула и произнесла:

— Расческа у тебя есть?

Она принялась расчесывать его, будто это играло роль.

— Я так и знала, что они его убьют, — говорила Рита тихо.

Голая двухсотваттная лампочка светила сверху, и потому волосы светились, а лицо было страшным, из фильма ужасов.

— И ты в этом виноват, — продолжала она. — Конечно, такая у тебя работа. Он тоже мог отказаться, но они ему в Москве доверяли, а в милиции тут все купленные. Я ему говорила — рано или поздно они тебя заподозрят и тогда церемониться не станут. Даже странно, что он так долго прожил. Александра ведь тоже знала.

Я кивнул:

— Кое-что о нем она знала.

— Значит, и Порейко знал.

— Возможно.

— Ты учти — она как гадюка, как скорпион смертоносный.

— Если она хотела, чтобы он умер...

— Ты не понимаешь, Юрик. — Она возвратила мне расческу. — Порейко ждал, когда к Аркадию пришлют связника или он себя чем-то проявит. А как только ты появился, они своего дождались. Наверно, и ты проговорился или не то показал.

— Может быть, — согласился я.

— Так ты знал? — Она говорила все так же тихо, но в голосе булькали злые слезы.

— Я сегодня вечером почувствовал, — сказал я. — Но я не предполагал, что они так сделают.

— Как сделают?

— Заставят меня остаться на лишних полчаса с Порейкой, а за это время пришлют своих убийц. И одним ударом расправятся со всеми — и со мной, и с ним.

— Что-то они с тобой не расправились, — сказала Рита. — Но почему? Я не понимаю!

— Я тоже не понимаю. У них какие-то планы относительно меня.

— Ты не обманываешь?

— Рита, ты же знаешь, что я тебя не обманываю. Иначе бы ты сюда со мной не пошла.

— Они должны были тебя тоже убрать. Они ведь ничего не боятся.

Говоря, она гладила Аркадия по плечу, непроизвольно. Потом вдруг отдернула руку.

— Холодный, — сказала она, — мертвый.

Из глаз, по выдающимся крутым скулам, по упругим щекам, как дождь по стеклу, текли слезы.

— Я же говорила — уедем, Аркаша, — сказала она. — А он говорит — они меня не тронут. Я им нужен. Чего им меня бояться?

— Именно сейчас они очень испугались, — сказал я. — И они могли предположить, что он мой связник. Тогда они завтра будут следить за мной — что же я сделаю, какие другие пути буду искать. А вдруг я здесь не один?

— Сложно, — сказала Рита, — сложно рассуждаешь.

— Ничего сложного. Они как бы перекрыли плотиной речку и смотрят — есть ли другое русло, куда повернет вода.

— А куда ты повернешь?

— Лучше я тебе не скажу об этом.

— Ты мне не доверяешь, что ли?

— Я за тебя боюсь, — ответил я. — Сейчас ты не знаешь, что я собираюсь делать, и ты в относительной безопасности. Если тебя даже будут допрашивать, ты все равно не ответишь.

— Глупости, — сказала Рита. — Главное, что мы должны их наказать!

— Мы с тобой ничего не можем доказать.

— Но мы знаем, что это — Порейко.

— Мы подозреваем его. Не более того. Почему не предположить, что Аркадий еще кому-то мешал?

— Кому же? Одуванчику? С ними он и не общался. Милиции?

— Не знаю, Рита, честное слово, не знаю.

— А я знаю. И они не уйдут от меня живыми.

— Рита, будь осторожна. Извини, если тебе покажется, что я говорю как по учебнику, но месть никогда не была хорошим советчиком.

— Иди ты знаешь куда!

Она кинулась в угол, там на стуле лежала смятая простыня. Рита развернула ее, и я увидел на простыне какие-то бурые пятна. Но Рита не думала об этом. Она накрыла простыней Аркадия с головой. И он сразу исчез — как будто ушел свидетель. Мы остались одни.

— Рита, — спросил я, — ты не знаешь, где у него был факс? — спросил я. — Мне сейчас очень нужен факс — я должен доложить о том, что произошло.

— Не знаю. Он тоже считал, что месть плохой советчик.

— Здесь часто проходят поезда? — спросил я.

— Зачем тебе?

— Чтобы доехать до Рыбинска или Ржева и к утру вернуться.

— Здесь редко ходят поезда. Ночью только один, и ты к утру не вернешься.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда мне надо идти.

— И что ты придумал?

— Не знаю. Проводить тебя?

— Я останусь здесь, — сказала она.

Она наклонилась над ним, отогнула простыню, будто закрытый белой тканью с головой Аркадий раздражал ее, потом подвинула табурет, села возле Аркадия и стала смотреть на него.

— До свидания, Рита.

— Убирайся отсюда, пока живой, — сказала она. — Очень тебя прошу. И от имени Аркаши тоже.

— До свидания, — повторил я и ушел.

Я вышел на улицу. Еще недавно я бежал по ней к больнице. Больничный корпус тянулся в стороне от дороги. В одном только окошке на первом этаже еще горел свет. Кому-то там было плохо.

Я пошел к вокзалу. Я думал, что если поездов не будет, то по крайней мере рядом автобусная станция и может быть поздний автобус. На площади перед станцией бывают леваки, ждут запоздалых пассажиров.

Я проверил по карманам — денег было немного, меньше двухсот тысяч.

Правда, под пяткой у меня были спрятаны триста долларов на крайний случай.

Рита была слишком спокойна. Словно она уже решила, что будет делать. Одна она ничего не может, но помочь ей — означает выдать себя и провалить дело. А я всей шкурой чувствовал, что нахожусь на пороге открытия — то, что должно произойти, произойдет в ближайшие дни, именно в Меховске, и полковник должен быть предупрежден об этом.

Если он узнает обо всем завтра, может быть поздно.

Я быстро шел по улице, которая должна была привести меня к станции. Я мог бы и подняться, воспарить... но мой мозг подсказывал, что к скоростным перелетам я не готов и не знаю, научусь ли летать быстро. Так что лучше всего бежать. Но бежать я не хотел, чтобы не привлечь к себе постороннего внимания.

Сзади меня догоняла машина. Она ехала не очень быстро. Я подумал, что если водитель смилостивится или захочет заработать — пускай подбросит меня до станции. Все же километра два.

Шагая по улице, я теряю драгоценные минуты. Может, именно сейчас отбывает автобус до Кашина.

Не понимаю, как я мог настолько потерять осторожность.

Только последний идиот мог остановиться на обочине и поднять руку, голосуя.

Машина послушно тормознула. Я шагнул к ней.

Ну что бы мне притвориться кем-то другим!

Я склонился к открытому окошку.

И тогда сообразил, что меня догнал знакомый милицейский «газик». Тот самый милиционер сказал, глядя на меня с ухмылкой:

— Садись назад. Тебе куда?

Я колебался — бежать или подчиниться. Но, как назло, справа от меня тянулся высокий забор. Пока буду перелезать, наверняка пристрелят.

— Спасибо, — сказал я.

Задняя дверца открылась, приглашая меня внутрь.

Внутри сидел Одноглазый Джо. Но я узнал его, только когда он заговорил, как всегда, со смешком:

— Куда собрался? На вокзал или автобусную станцию?

Не оборачиваясь, милиционер предупредил меня:

— Только ничего не придумывай. Я хорошо стреляю.

Я решил — говорить как можно ближе к правде. Не объяснять же, что я дышал свежим воздухом!

— Я хотел уехать, — сказал я. — Немедленно. К чертовой матери от вас всех подальше. Мне еще не хватало уголовки. Ведь на меня повесите.

— С чего ты такой умный? — спросил Одноглазый Джо.

— А я самый удобный клиент. Я даже думаю, что те, кто Аркашку убил, на меня и рассчитывали. Приехал какой-то братан, неизвестно зачем, лучший кандидат в убийцы.

— Зачем же тебе Аркашку убивать? — спросил милиционер. — Мы тебя и не подозревали сначала. Отпустили же?

— А ты с Риткой в морг побежал. Зачем вы с Риткой в морг побежали? — спросил Джо.

— Она же увидеть Аркашку хотела! — воскликнул я. — Разве не понятно?

— Мы бы тебя отвезли на автобусную станцию, — сказал второй милиционер, — но последний автобус уже ушел. Христом богом клянусь, что ушел. Так что неизвестно, куда тебя доставить. В отделение, что ли?

— Не надо обижать Юрика, — сказал Одноглазый Джо. — Не надо его подозревать. Он у товарища Порейко работает шофером, может, вы слыхали, сержант?

— Кажется, слыхал, — сказал милиционер. — Но нам он кажется подозрительным.

— А ты почему в милицейской машине ночью разъезжаешь? — спросил я Одноглазого.

— Смотри, какой любопытный. Неужели не догадался, что мы тебя ищем, волнуемся, переживаем? Мало ли что может случиться с мальчиком в незнакомом городе? У нас здесь мальчиков иногда насилуют.

Одноглазый Джо принялся смеяться. Если милиционеры и смеялись, то беззвучно.

— Конечно, можно отправить тебя в милицию, — продолжал Джо, — но я нашей родной рабоче-крестьянской не доверяю. Вроде бы все повязаны, а интересы у них свои. Вдруг кому-то захочется другую карьеру сделать или кто на Мельника работает? Разве не так, Петров?

— Все может быть, — равнодушно откликнулся милиционер.

— Так что закиньте его к нам, наш шеф с ним поговорить хочет.

«Газик» остановился возле дома Порейки. У подъезда нас ждал Жора.

Дело мое было плохо. И, как назло, я за день устал настолько, что моя попытка на лестнице убедить моих конвоиров, что я вовсе не Юра, а их собственный начальник Порейко, с грохотом провалилась.

— Что-то у меня в глазах рябит, — сообщил Жора Одноглазому Джо, который в силу простого своего устройства вообще не был подвластен гипнозу или какому-нибудь умственному воздействию.

Провели они меня не в квартиру, на что я надеялся — из любого окна, даже с сотого этажа, я уйду без труда, — а в подвал. В котельной у них было место для сведения счетов.

Подвал двухэтажного каменного дома был переоборудован под котельную. Но там оставалось и место для камеры из фильма ужасов — за бурой железной дверью, открывшейся с отвратительным скрипом, была длинная комната, по дальней стене которой тянулись кабели и трубы, посреди стоял ученический стол, за ним — стул.

Напротив стола ближе к двери стояла табуретка, такая же, как в морге, но не белая, а грязно-голубая. Мое обоняние сразу определило комплекс свежих и застарелых запахов — перегара, страха, крови, тупой жестокости...

— Садись, — сказал Одноглазый Джо, показывая на табуретку.

— Зачем?

Жора вытащил пистолет. Самый настоящий пистолет. Они не намеревались со мной шутить.

Вошел Порейко. Не ложившийся спать, но готовый к боям. При виде меня он изобразил на лице радость. Причесываться не стал, а прошел за стол и уселся на стул так, как делает опоздавший к началу торжественного заседания член президиума. В руке он нес диктофон. Положил его на стол.

— Молодцы, что привезли.

— Сам попросился, — засмеялся Джо, — мы за ним ехали, а он к станции бежал.

— Знаю, — Порейко укоризненно наклонил голову, — убегал.

— А мы его догоняли. Думали, погоняемся, а он остановился и нам голосует. Мы его и подсадили.

— Значит, спешил. Бежал. Думал, что попутка подбросит. Денег у него много?

— Двести тысяч нашли.

— Аркашину квартиру обыскали?

— Там пусто.

— Дурачье, значит, плохо обыскивали. Или он успел избавиться. У него должны быть деньги. И оружие.

— Не было у него денег! И оружия не было. Мы хорошо смотрели, Трофимыч.

— Плохо. Но не в этом дело.

Он обратил свой взор ко мне.

В подвале горела лишь одна яркая лампочка, без абажура, за спиной Порейки. Так что он меня видел отлично, а я его — с трудом.

— Значит, убил своего брата, — сказал Порейко, — а потом сбежал. Чего не поделили с Аркашкой?

— Кончайте, — сказал я. — Вы же знаете, что не убивал я Аркадия. Ну за что мне его убивать?

— Вот это мы и хотим выяснить.

— В то время я был с вами. Вы же знаете. Я в любой милиции это повторю.

— Ты уже это повторял. Да кто тебе поверит? Ты у нас чужой. Наблюдатель. Но, наверное, хочешь жить. Хочешь жить?

— Хочу, — сказал я.

— Тогда придется тебе признаться. Напишешь объяснение, что убил в пьяной драке из-за обладания женщиной Маргаритой Савельевой своего случайного знакомого.

— Двоюродного брата, — подсказал Одноглазый Джо, который, видно, решил, что шеф ошибся.

— Не лезь, — отмахнулся Порейко. И продолжал: — В пьяной драке. Вы оба уголовники, наркоманы — ты не сомневайся, травку вам в квартиру подложим. Завтра при обыске найдут.

— Ну ладно, — сказал я миролюбиво, — чего вам от меня нужно? Вы же все знаете, а говорите.

— А я хочу знать, — сказал Порейко, — кто тебя к нам прислал, что вы тут с Аркадием вынюхивали, кто еще с вами на связи. Все расскажешь — отпустим, будешь запираться — сделаем из тебя котлету, потом сдадим в милицию, и там тебя пристрелят при попытке к бегству. Понимаешь, мне в этом городе даже убивать не надо. За меня все делают.

— А кто это сделал с Аркашей? — спросил я.

Порейко как будто не услышал моих слов.

— Начнем с самого начала, — произнес он. — Твое настоящее имя, отчество и прочие анкетные данные. И не надо возражать, потому что спешить нам некуда, мы все равно из тебя все вытряхнем. У нас для этого и медицина есть, слыхал об

уколах — один кубик, и ты уже мечтаешь, как бы нам все рассказать.

— Глупости все это, — сказал я. — Честное слово, глупости. И если я узнаю, кто Аркашку убил, я до него доберусь.

Порейко вздохнул:

— Это ты у Ритки наслушался, когда вы в морге говорили? Много лишнего наговорили.

Идиот! Это я — идиот. Как я мог не подумать, что они нас подслушивают?

— Ну, будешь говорить?

Я не понял, почему он прикрыл глаза, взглянул на стоявшего за моей спиной Джо. Поэтому я не был готов к удару — такому, что я полетел на пол с табуретки.

Я оказался в нокдауне — это я сейчас понимаю, что оказался в нокдауне, потому что следующее, что я помню, — как они бьют меня ногами по спине, по почкам, а я стараюсь откатиться от них, спрятаться в угол, а встать на ноги они мне не дают, сразу сбивают снова. Я ни о чем не думал — просто прятался от ударов, и это мне не удавалось.

А очнулся я, когда меня перестали бить — Порейко приказал остановиться.

Я не слышал, как и что он сказал, но понял, что у меня есть перерыв. Пускай маленький перерыв, но я должен собрать все свои силы, чтобы не дать им восторжествовать надо мной. Конечно, такое высокое слово, как «восторжествовать», в ту минуту в моем растерянном и полном болью мозгу уместиться не могло — это позднейшие размышления.

Я лежал неподвижно. Пока я лежу неподвижно, они не знают, что со мной, не перестарались ли они.

— Эй! — крикнул Порейко — и голос донесся издалека. — Вставай, ты чего разлегся?

Теперь придется потерпеть — но уже сознательно. Я быстро прихожу в себя — мне доводилось отчаянно драться в детдоме, и я знаю — главное, чтобы противник тебя недооценил, чтобы он считал тебя слабее. Пускай он думает, что я неопасен. А я мысленно проверяю все уголки своего тела — что повреждено, где болит, что сломано. Ко мне как бы сбегались гонцы, рапортуя: щека рассечена и бровь кровоточит, гематомы на спине, ушиб правой почки... Мои земные собратья такой способности не имеют. И не могут, как я, тут же послать гонцов обратно, чтобы тело, пожирая ресурсы, немедленно принялось за починку важных повреждений. Щека и бровь подождут...

— Посмотри, — услышал я голос Порейки, — чего он там притворяется.

Я знал, что сейчас последует удар. Я уже все знал за секунду до события. Как и бывает в ситуации крайней опасности, во мне возникало предупредительное чувство — пусть за жалкое мгновение, но я знал, что со мной сделают.

Он ударит меня в спину, по ребрам.

Ребра, расслабьтесь! Мышцы, разойдитесь — не сопротивляйтесь удару, поглотите его!

Было больно. Я даже не вздрогнул.

— Да ты что! Прекрати сейчас же! — Порейко, видно, смотрел на меня и испугался именно моей неподвижности. — Жорка! Где вода?

— Наверху.

— Какой, к черту, наверху, за дверью в котельной кран!

— А во что я ее наберу?

— Через минуту принесешь воду!

Порейко склонился надо мной, перевалил на спину, открыл мне глаз, я закатил их чуть-чуть. Порейко стал щупать мой пульс.

Я не йог, пульс мне не остановить — но я мог ускорить или замедлить... замедлить и сделать чуть слышным.

— Если вы его мне убили, — тихо произнес Порейко, — если вы, сволочи, его убили, вам тоже не жить! Идиоты!

— Да я же его рукой бил! Чего могло случиться? Я же не камнем бил! — Джо говорил плаксивым голосом. Он был напуган.

— Не дрожи ты! Когда Аркашку убивал, не дрожал.

— Аркашку не я! Честное слово, Жорка. Я только в дверь позвонил. Вы же знаете, я с ножом совсем не умею.

— Где этот гребаный Жорка?! Убийца нашелся, мать его!

Вместо Жоры появился другой свидетель. Я узнал голос Рустема:

— Я слышу — шум, думаю, почему до меня доносится шум? А что, простите, у вас весь этот дом откуплен? Чужих нет?

— Чужих нет, — откликнулся Порейко. — Извините, Рустем Борисович, мы не хотели вас разбудить. Мы тут проводим свое расследование...

— Так-так-так, — сказал вождь. — Я уж на подходе сюда слышал, как вы проводите расследование. Как вы отлично умеете проводить расследование! — Голос его поднимался с каждым словом и кончился высоким криком. — Гнать вас надо с вашими доморощенными «Майданеками»! Тоже мне, Берия!

— Ну вот это лишнее, — неуверенно возразил Порейко. — Мы проводим расследование.

— Вы не проводите расследование, а пытаете людей.

— Я почти уверен, что он — агент органов.

— А что он говорит?

— Он молчит, сволочь.

— И правильно делает.

Он наклонился надо мной, я чувствовал запах, исходящий от него, — дорогих мужских духов, вонючего пота, коньяка с шашлыком, — господи, бывают же такие комбинации!

Он потрепал меня по щеке, крепко схватил пальцами за щеку, чтобы раскрылся рот, потом сказал:

— Жив и будет жить. Но вот я вас попрошу, голубчики, чтобы никаких больше физических повреждений ему нанесено не было. Этот парень нам пригодится.

— Ему нельзя доверять!

— А я и не собираюсь ему доверять. Я собираюсь с ним работать. Ты меня слышишь?

У меня возник соблазн подтвердить, но я сдержался.

— Слышишь, — сказал уверенно Рустем. — Ты у нас умный. Лежи отдыхай. А вы, Порейко, разговаривать с ним будете лишь по его доброй воле. И кстати, пришлите вашу сожительницу, чтобы она промыла ему раны и заклеила пластырем.

— Я не могу его отправить со всеми. Люди удивятся.

— А я вас не спрашиваю, — ответил Рустем. — Есть вещи, которые вам не положено знать... Я устал, я хочу спать, а вы тут устроили пыточные камеры. Напакостили тут. Стыдно.

Я услышал, как Рустем уходит, и испугался. Мне захотелось крикнуть ему вслед, чтобы он меня не оставлял одного, они меня убьют. Но я лежал и терпел. Страх тоже можно терпеть.

— И что будем делать? — спросил Одноглазый Джо.

— Ничего, запри его здесь, пускай отлежится.

— И Александру будить не будете?

— Ты что, оболтус, в самом деле его слова всерьез принял? Да пускай он в своем дерьме захлебнется.

Джо промолчал.

— Еле нашел, — сказал из дверей Жора. — На втором этаже графин. Я из него цветы выбросил.

— Убью! — закричал Порейко. — Ты где, гад, шлялся?

Жора что-то отвечал, но Порейко перебил его:

— Давай сюда, да давай же!

Раздался звон разбитого графина — он его долбанул о цементный пол!

И тут же застучали шаги — Порейко кинулся прочь.

— Чего это он? — шепотом спросил Жора.

— А пошел ты! — закричал на Жору Одноглазый Джо.

— Понял, — покорно сказал Жора.

— Пошли! — Джо был зол.

— А этого?

— А с этим завтра пускай начальство разберется. Мне что, больше всех нужно?

— Но ведь мы же обещали Петрову, что в милицию его привезем. Когда обработаем, отвезем. Им нужен клиент, который Аркашу пришил.

— Обойдутся.

— Они сердиться будут.

— Пускай на шефа сердятся.

Джо пошел прочь, Жора остался и спросил вслед:

— А свет тушить?

— Туши, туши!

Свет погас. Жора вышел, и страшно заскрипела дверь. Потом я услышал, как Жора закрывает замок. Он все еще пребывал в растерянности, и даже сквозь дверь было слышно, как он ворчал: «А чего я? Я как сказали, так и принес...»

Когда стало тихо, я поднялся, зажег свет. Было очень больно — видно, все же отбили мне почки. Потом я проверил, хорошо ли заперта дверь. Дверь была заперта как следует.

Я отыскал в углу чью-то замасленную куртку. Сложил ее, скатал. Потом потушил свет и лег, подложив ее под голову.

И заставил себя заснуть. Мне обязательно надо было заснуть — на пять или шесть часов. Чтобы восстановиться.

Я заставил себя не думать. Я заставил себя заснуть.

Я очнулся от боли. Боль преследовала меня и во сне, из-за чего мне грезились схватки, падения, пытки. Но все же за несколько часов сна мне удалось почти привести себя в порядок. Даже ссадины и царапины подсохли.

Я пересилил себя и поднялся, понимая, что лишь в движении мои мышцы смогут преодолеть постоянную боль, добрался до выключателя. Свет был слишком ярким, неживым, запахи вызывали тошноту.

Я обошел отсек подвала. Нет, выбраться отсюда мне не

удастся. К сожалению, я не супермен и взламывание стен не моя специальность.

Тогда я принялся за гимнастику. К предстоящей встрече с врагами я должен быть наготове. Я потягивался, массировал мышцы, отжимался, страдал от жажды настолько, что забыл о голоде, и отвлекал себя рассуждениями, в основном пустыми. Например, почему они убили Аркашу, а пожалели меня? Ведь если они заподозрили нас в связях с милицией, зачем такая избирательность? В конце концов, места в подвале хватило бы для двоих. И, уж конечно, колченогий Аркадий представлял куда меньшую опасность, чем я.

Я не догадывался тогда о главном, хотя понимал, что ничто здесь не делается без смысла и появление всевластного Рустема, так неожиданно взявшего меня под защиту, имеет простое объяснение.

Но я не приблизился к разгадке больше, чем в первый момент моего появления в Меховске.

Было ли мне страшно? Надеялся ли я на спасение? Вот врывается в Меховск дядя Миша на танке и наводит порядок...

Вряд ли и даже нежелательно. Ведь если так случится, то преступники спрячут концы в воду, затаятся, и вся операция провалится. Так что в случае, если грядущие события достаточно серьезны, то дядя Миша уже пожертвовал Аркадием и может пожертвовать мною. А почему нет? Я же ветеран. Погиб в Абхазии или Приднестровье. Кто меня хватится, детдомовца?

Страшно не было, но мною овладела вполне понятная грусть.

Я постарался представить себе, как у нас в лаборатории за рабочим столом усаживаются пить кофе Катрин с Тамарой. И рассуждают — как там наш Гарик. Не скучает ли по нас в командировке? Скучаю. Скучаю... но вызвать перед внутренним взором благополучные картинки я не смог. Вместо них все вставала страшная сцена в морге, когда Рита плакала над мертвым Аркадием. Хорошо бы они ее не тронули... а она бы не натворила бед.

Время тянулось, я улегся на прохладный пол. Потом встал и пошел щупать трубы — горячие были сухими, одна из труб была холодной и влажной, но не более того.

Мне очень хотелось подойти к двери, постучать в нее и объяснить тюремщикам, что я не объявлял сухой голодовки.

Сколько времени? Восемь утра. С ума сойти! Пора вставать.

Мне пришлось справить нужду в углу подвала, и почему-то мне было очень стыдно, что когда люди войдут, они это учуют и будут смеяться.

Потом я решил заснуть снова.

Ничего из сна не вышло. Слишком хотелось пить. Я лежал и считал. Досчитал до четырех тысяч восьмисот — может быть, сбился раз или два. Потом проснулся. Все же можно себя усыпить!

Было чуть меньше двенадцати.

В половине второго, когда я уже готов был откусить себе палец, чтобы выпить кровь, я услышал шаги. Дверь завизжала на ржавых петлях. В дверях стоял Жора с пистолетом. Он не хотел рисковать.

Я сидел на полу, привалившись спиной к стене, вдали от него.

— Живой еще? — спросил Жора. Он кинул мне от двери пластиковый баллон с пепси-колой. — Благодари Рустема Борисовича, — сказал он. — Это он приказал тебя напоить, а то, говорит, не доживешь до праздника.

Жора стоял и смотрел на меня. Я не делал попытки дотянуться до баллона, потому что был уверен, что Жора замыслил какую-то подлую каверзу.

Жоре надоело ждать, и он приказал:

— Бери, а то унесу!

Я просто смотрел на него и молчал. Такие животные, как Жора, не выдерживают упорного взгляда.

— Ну и сиди в своем дерьме! — закричал он со злостью и, выскочив за дверь, навалился на нее, закрывая, — видно, боялся, что я успею схватиться за ручку.

А у меня не было сил.

Так я и не узнал, какую каверзу готовил мне телохранитель.

Только когда дверь закрылась и Жора ушел, я протянул руку — пластиковая бутыль, такая прохладная, лежала на расстоянии вытянутой руки. Я медленно подкатил ее к себе. Я оттягивал момент счастья, может, потому, что не до конца верил в него, может, потому, что боялся — внутри окажется не пепси, а, допустим, моча. С них бы сталось.

Но бутыль была пластиковая, рифленая крышечка бутыли была закупорена фабрично. Потребовалось усилие, чтобы отвинтить ее. Вода зашипела и пошла через край, а я ловил языком пену и всасывал ее. Погоди, не пей, не кидайся, успеешь. Главное, что они не будут тебя убивать — не будут, потому что они не стали бы тебя поить перед смертью. Ах, какой милый и добрый человек — Рустем дал мне индульгенцию! Но такие, как он, лишены чувства жалости. Значит, у него есть цель. Может, и в самом деле он намерен вколоть мне какой-нибудь «трус-драгз» — состав, вызывающий неконтролируемую болтливость. Смогу ли я удержаться? А потом меня (к тому времени я уже отхлебнул три или четыре раза из бутыли) обрадовала мысль: а что я могу им сказать, даже если они найдут способ меня одолеть? Что в Москве подозревают неладное из-за исчезновения в некоторых городах ветеранов последних войн? Разумеется, и генерал, и Рустем об этом информированы. Или что Меховск избран как один из возможных будущих пунктов исчезновения людей? Вернее всего, они к этому готовы. Главное — мы не знаем, зачем это происходит и почему.

Я поставил себе предел — четверть банки. Она полуторалитровая, значит, на ладонь сверху. Потом я заставил себя закрутить крышечку и задумался — а прав ли я? Мой организм обезвожен и тем более нездоров, он нуждается во влаге. Ведь не будут они меня держать здесь неделю? Я выпью половину — этого пока достаточно. У меня останется чуть ли не литр. Что я и сделал.

А потом снова разлегся на полу, на этот раз я был почти в мире с самим собой. Потом я постарался испытать себя: я поднялся в воздух и небольно ударился головой в низкий потолок — в двух метрах от пола.

Перебирая руками по потолку, я пропутешествовал из конца в конец подвала, как муха, затем спустился по стене. Ничего, получается, надо развивать свои способности, а то ведь неизвестно, может, понадобится ходить по потолку.

Вдруг я испугался, что они за мной подглядывают. В подвале была лишь решетка вентиляции в углу — больше отверстия я не заметил. Но ведь современная техника делает чудеса. Я от испуга грохнулся на пол, сведя на нет все свои усилия по самолечению.

Отлежавшись и отругав себя, я в качестве утешения отхлебнул еще один большой глоток из баллона.

День клонился к закату. А обо мне не вспоминали. Я еще раз поспал, потом попытался сочинить стихотворение в честь Катрин, однако вдохновения не хватило.

Вечерние часы прошли как в тумане, единственное, что помню, — искреннее сочувствие к судьбе графа Монте-Кри-

сто, который просидел в такой вот котельной примерно в десять тысяч раз больше, чем я.

Так прошел этот день, о котором в настоящем романе и не рассказывают, а, пропустив его, сообщают: «На рассвете следующего дня...»

Наступила ночь, и, за исключением последнего глотка, в баллоне ничего не осталось.

Но я был почти уверен, что все той ночью и решится. Поэтому, когда за мной наконец пришли, я уже был готов, героя из себя не изображал, а продолжал сидеть на полу у стены, вдыхая миазмы, накопившиеся в подвале за последние сутки.

Жора, который пришел за мной, даже заходить не стал, а выматерился и приказал выматываться из подвала.

Там же ждал и Одноглазый Джо. Они боялись, что я буду драться или убегу. Но мне совсем не хотелось бегать и срывать ответственное задание, полученное от дяди Миши.

Джо ловко надел на меня наручники. Я не ожидал этого и не был готов — так что попался. Вылезать из наручников я не умею. Очевидно, и летать в наручниках не смог бы.

— Ты иди, — сказал Джо.

Он шел за мной брезгливо, хотя не думаю, что я был так уж грязен и отвратителен. А что касается щетины, то я обратил внимание, что двухдневная щетина модна у телевизионных ведущих.

На улице было темно. Второй час ночи. Город спал, даже большинство фонарей в нем отключалось после двенадцати, потому что после двенадцати порядочный человек на улицу не полезет.

Почему-то я решил, что меня посадят в мой любимый «Мерседес». Но его не оказалось. У дома стоял самый обыкновенный грузовичок, в кузове которого в сопровождении Джо я доехал до товарной станции.

Потом меня повели по путям. Иногда мы проходили под светом прожектора. Вдруг, испугав меня, сонный голос диспетчерши велел кому-то подать состав на третий путь.

Вагон-холодильник, до которого мы наконец добрели, стоял в тупике одного из запасных путей, уткнувшись в бревенчатый ограничитель.

Дверь в него была полуоткрыта.

Джо сказал:

— Залезай.

— Наручники снимешь? — спросил я.

— Где надо, там и снимут.

— Мы куда-то собрались путешествовать? — спросил я.

Джо врезал мне по шее — ответить я не мог, даже лягнуть не успел. Больше он со мной не разговаривал.

Но подсадил меня — с руками пред собой в кандалах трудно влезть в холодильник.

В холодильнике было до удручения пусто и пахло дезинфекцией.

Послышался скрип тормозов. Кто-то еще приехал.

В двери вагона появился торс Порейки. Сзади него подсвечивали станционные огни. Я угадал его по характерному жесту — он расчесывал свои три волоска.

— Если хочешь остаться жив, — сказал он, — будешь молчать. Сейчас придут сюда мои ребята. На твое счастье, они пока не знают, что ты предал нашу организацию. Но с вами в вагоне поедет Джо. И если ты хоть разок пикнешь, он ребятам расскажет, и как ты Аркашку убил, и как ты на ментов пашешь. Ясно?

Мне было все ясно и разговаривать с Порейкой не хотелось.

Под ложечкой щекотало — сейчас все выяснится! Мы куда-то должны ехать.

Куда? Если они меня не убили, значит, я дождусь ответа. И мне хотелось ответить Порейке: «Конечно же, я буду паинькой, конечно, я сделаю все, чтобы меня не били и не обижали, потому что мне очень хочется узнать, что за подлость ты задумал».

Дверь в вагон двинулась и закрылась. Я сначала не понял почему, но потом услышал новые голоса снаружи. Видно, подъехали другие люди.

Говорил генерал. Его высокий со взвизгом голос дергал слова за ниточки, вытаскивая их из фраз:

— Родина надеется на вас! В ваших руках ее будущее! Сейчас, в дни унижения и позора, до которых довели нас те, кто развалил и уничтожил Советский Союз...

Я не стал дальше прислушиваться. Он выдавал очередную передовицу из газеты «Патриот».

— Последний парад наступает!.. — запел вдруг генерал.

Кто-то подхватил песню. Еще один. Но хоровое пение не получилось.

А уже говорил Рустем Марков:

— По выполнении задания каждый получает компенсацию в десять минимальных зарплат, сорок процентов в конвертируемой валюте. Я не хочу ставить под сомнение вашу предан-

ность идеалам, за которые отдавали жизнь Павлик Морозов и Павка Корчагин, но я понимаю, что каждому нужно материальное поощрение, чего мы никогда не отрицали.

Потом Порейко спросил:

— Надеюсь, наша экспедиция сохраняется в тайне? Кто из вас, сволочи, проговорился? Матери, кошке, любовнице? Не бойтесь, мы ничего не сделаем. Но вы должны понять, что вся судьба нашей благородной миссии зависит от неосторожно сказанного слова. И если ты проговорился, что уезжаешь, то признайся и уходи. Уходи, ложись спать и забудь.

Молчание.

— Значит, никто?

— Никто, — сказал чей-то молодой голос.

— Тогда — по вагонам, друзья! — Это был голос самого Рустема!

— Славные ребята! — сказал генерал.

Дверь в холодильнике отъехала в сторону, и в вагон начали влезать люди, в основном молодые — мне их было плохо видно.

— Рассаживайтесь, — сказал Одноглазый Джо, который влез одним из первых, — садитесь на пол, скоро нас прицепят к составу.

Джо начал считать нас по головам. Получилось двадцать два человека.

— Двадцать два, — сказал он, высунувшись наружу.

Заметившие меня ребята с удивлением поглядывали на фигуру человека, сидевшего на четвереньках в углу. Руки я спрятал между коленями, и наручников не было видно.

Некоторые здоровались со мной.

Я отвечал или просто кивал. Джо поглядывал на меня, но не возражал.

— Кто еще будет? — спросил Джо.

— Сейчас, одну минуту, — сказал Порейко.

Машина резко затормозила. По звуку мотора — «газик». Голос знакомого мне милиционера Петрова сказал:

— Поднимайте груз!

Было слышно, как они возятся у машины. Хлопнула дверь.

— Мотайте отсюда! — приказал Порейко.

Я слышал, как укатил «газик», а Жора с Порейкой подсадили и втолкнули женщину. Руки у нее были тоже закованы. Она была без чувств и свалилась у двери.

Я ждал, что это будет Рита, хоть и надеялся, что в свои набеги они не берут женщин. Но взяли.

Кто-то из ребят наклонился над ней.

В вагоне было полутемно.

— Это кто? — спросил парень из угла.

— Это не Ритка Савельева? — спросил другой голос.

— Отставить разговорчики! — приказал Джо. — Сейчас будет темно. Несколько минут придется потерпеть.

— Что тут, лампочки нет? — удивился кто-то.

— Для тебя не сделали. Как прицепят к составу, — сказал второй, — будет энергия.

— Правильно, — сказал Джо.

Он лязгнул засовом, закрывая вагон изнутри.

— Всем сесть на пол и сохранять тишину, — приказал Джо.

Мне слышно было, как ребята садятся на пол.

И тут мое внимание привлек легкий шум. Я поднял голову — под потолком я увидел небольшое, забранное сеткой отверстие. Оттуда шел газ.

Они накачивали холодильник газом.

— Эй, ребята, — сказал я. — Послушайте, газ идет!

Кто-то нервно засмеялся.

— А ты не пускай газы, вот и не пойдет, — сказал еще кто-то, и все захохотали.

Я чувствовал почти неуловимый запах газа и опасность его — но ничего сказать не успел, потому что действовал этот газ чертовски быстро.

Меня приподняла легкая нежная рука и понесла, покачивая, над землей, и это движение становилось все быстрее, и я исчез.

Часть II

КОРШУН

В третьем взводе был придурок по кличке Попугай. Он говорил: «Дождичка хочется. Вот дождик пойдет, травка поднимется». Коршун думал, что Попугай из баптистов. Он точно не знал, кто такие баптисты, но был уверен, что здесь баптисты долго не живут. Так и случилось. После отбоя Попугай пошел по нужде. Они его и подстерегли. А потом его голову за вал кинули, да еще выбрали, гады, небоевой день. Так люди не делают. Но разве это люди?

Сначала третий взвод хотел мстить. Не потому, что Попугая любили, кому он нужен — этот Попугай вонючий! Но потом комроты сказал: «Забудьте, мальчики, про эту птичку. Не хочу я вашими жизнями рисковать из-за безголового трупа».

Голову Попугая закопали за клумбой санатория. Разумеется, это была не клумба и санаторий — не санаторий, но говорят, что раньше сюда приезжали бароны и даже бывали поединки.

Коршуну было скучно. Душа ныла. Бывает такое чувство у человека: нытье души. Как будто сейчас придет понимание собственной жизни, а вместо этого тебе показывают скучное кино про чужую смерть.

Но поминки по Попугаю взвод устроил. Выдали всем водку, и Коршун пил из своей знаменитой боевой чашки. Боевые чашки делают из черепушек, но покупать и продавать их грешно — ты должен или сам врага убить в бою, или получить чашку по наследству от товарища. У Коршуна была чаша их воеводы или какого-то другого шефа. Когда Коршун его зарубил в рукопашной, оттуда присылали, предлагали обмен. Но Коршун, конечно же, не согласился. Он вычистил черепушку от мозгов, пропесочил ее, потом отпилил как положено и послал с вестовым в штаб. Там Сизяк оправил чашу в золото — тонкий краешек из золота. Стала ценная вещь.

Оруженосец комкора приставал к Коршуну, просил от имени своего господина. Ему тоже не повезло. Не столько ценная вещь, как почетная. У дружинников мало ценностей, и переходят они по наследству от погибших к тем, кто еще по-

гибнет. Погибают все, даже мухи, — одни от старости, другие от стрелы или топора. Хотя Коршуну еще не приходилось видеть человека, который бы умер от старости, впрочем, и от болезней люди умирают редко — и не на передовых позициях. Наверное, в городе, там, далеко, в тылу.

От водки не было пьяного чувства. Она на вкус была нормальная, водка как водка. А вот влияния на организм не оказывала. Некоторые рассказывали, как раньше, бывало, загуливали, и еще рассказывали, как заваливали баб. Чего ж не рассказывать. Коршун был не таким старым, и у него не было хвоста памяти. Он всегда был здесь, на переднем крае. Ну не то чтобы с рождения, когда оно было — рождение! Как себя помнит, он всегда солдат. Защитник отечества. В этом смысл его жизни, и в этом состоит его честь. Если он уйдет с позиции, если оставит свой пост, то лучше пускай его растерзают души тех невинных людей, которых он оставил на поругание врагу.

Сразу после поминок пришел комроты Шундарай, косоглазый, рожа поперек себя шире — и откуда только такие люди появляются? — но хитрый, свой, если надо что добыть для роты или сберечь людей — ему цены нет. Так что для Коршуна что Шундарай, что Ганнибал — все одно, был бы свой и настоящий патриот. Откуда у него в голове возникло слово «Ганнибал», Коршун не задумывался. В голове у людей часто возникают непонятные слова или даже картинки — у каждого бывает. На них можно обращать внимание, а можно и не обращать. Некоторые ходят к полковому жрецу, тот может истолковать, а может сделать укол. Но чаще всего достаточно поговорить — Вавила Коршуну как-то объяснял, что видения и слова происходят из прошлой жизни. Каждый человек, как учит религия, рождался уже тысячу раз, рождался, жил, умирал, защищал своих близких или даже был облаком — это сложная наука, не всем по зубам. И в тех, старых жизнях бывают непонятные вещи и непонятные люди — человек ведь бывшее насекомое. Но это не освобождает его от ответственности перед народом и своими родными.

Шундарай собрал младших командиров в своей штабной яме.

Яма была хорошая, глубокая, в рост, пол засыпан песком, по краям разложены матрасы из пенопласта — спальные места для Шундарая и его штаба. В этой штабной яме, называется она бункером, стоит стол, принесенный когда-то кем-то из города, и две скамейки.

Шундарай всегда ходит в бронежилете, правда, бронежилет старый, ткань обтрепалась, металл наружу, но ремни хорошие, крепкие, и еще у него есть каска, вернее шлем, но шлемы есть у многих.

Шундарай расстелил на столе штабную карту. Карта была порвана на сгибах и подклеена бумагой — старая карта. На ней столько стрелок, полосок и пунктиров, что разобраться могут только старожилы. Но младшие командиры, как правило, и есть старожилы.

Четыре комвзвода, трое старшин и ротный адъютант Мордвин, трус. Странно, как может человек быть таким трусливым, когда идет последняя и справедливая война за спасение народа? «Я так думаю, — как-то сказал Шундарай, — что мы все, как и положено, добровольцы, а ты по мобилизации к нам попал». Мордвин только ухмыльнулся и ушел. Все думают, что Мордвин — ничтожество, пустое место, только Коршун имеет сомнения, и, когда он поделился ими с Шундараем, тот закрыл ему рот своей широкой жесткой ладонью и прошептал: «Хочешь жить, умей молчать». Звали еще и доктора, но доктор не пришел, сказал — у него дела в лазарете.

И это понятно. У него раненых вагон и маленькая тележка.

— Я из штаба полка, — сказал Шундарай. — Дела наши так себе. Мы были вынуждены оставить высоту Лысую.

Все и так знали, что полк оставил высоту. Там погибли ребята из соседней роты. Коршун там не бился, он просидел весь бой в засаде, не по своей вине — так ему велели, весь взвод просидел в засаде, — остались живы, но, конечно, стыдно.

— А что будешь делать? — сказал комвзвода-2 Золотуха. — Я сам ихнего дракона видел.

— Чепуха это, нет у них дракона, — оборвал его Шундарай, — мне в штабе полка твердо сказали, чтобы мы эти слухи душили в самом зародыше. Это все бабушкины сказки.

— У него огонь из пасти идет, — сказал Золотуха.

— Да не увидишь ты его, — возразил Коршун. — Он в дыму весь, не вылезает.

Шундарай только вздохнул. Конечно, если бы перед ним сидели солдатики, рядовые дружинники, он бы им врезал за упрямство, но что будешь делать с ветеранами, изрезанными, израненными, прошедшими такие битвы и стычки, что никакому шпаку не снились.

— Все, — сказал он, — разговорчики о драконах отставить, обменивайтесь мнениями в мое отсутствие. Не хочу выглядеть в глазах командования хлюпиком.

Он посмотрел вверх и воздел руку раскрытой ладонью к небу, к вечно серым скучным облакам. Остальные дружно поднялись, сдвинули пятки, замерли на секунду.

Великий вождь никогда не дремлет, он смотрит сверху, с заоблачной высоты, пронзая острым взором всю землю вплоть до ее центра.

Конечно же, никто не отказался от своего старого воинского опыта. Видели они и драконов, знали и о подземных червях с людьми в нутре. Да если бы у слуг тьмы, агрессоров, не было этих дьявольских хитростей, разве наши бы отступали, упорно грызясь и цепляясь за каждый холмик?

— Когда начнутся боевые действия? — спросил Золотуха.

Все знали, когда начнутся, но обернулись к Шундараю за подтверждением.

— Будет знак, — сказал он.

Младшие командиры уже чувствовали, что знак приближается, и замерли в ожидании этого момента.

И тут над краем штабной ямы появилась сверкающая фигура фельдъегеря.

— Живы, третья рота? — спросил он.

Фельдъегерь был в жестяной маске, рот в ней прорезан полумесяцем, так что он все время улыбался, на щеках были нарисованы розочки.

— Живы, живы, спускайся, — пригласил его Шундарай.

Фельдъегерь медленно сошел в яму по ступенькам, вырубленным в сухой твердой земле, подошел к столу, поставил на него спецсаквояж и с громким щелчком растворил его створки.

Внутри, в особых гнездах, стояли боевые указатели.

Вообще-то вернее всего их было бы называть песочными часами, но так было не принято.

Указатели были большими, сантиметров двадцать высотой. Тонкий песок уже высыпался на четверть.

Фельдъегерь вынул один боевой указатель из саквояжа и поставил посреди стола, Шундарай еле успел убрать со стола карту.

Часы звякнули.

Младшие командиры посмотрели на них, Золотуха сказал:

— Выспаться не успеем.

— Зато оружие почистим, — сказал Шундарай.

— Я тоже так думаю, — сказал фельдъегерь. — У нас есть время подготовиться к бою. На словах я должен сказать, что командование недовольно действиями вашей роты. Вы оставили высоту Лысую и поставили под угрозу всю линию оборо-

ны. Господин генерал просил сказать вам, что не потерпит трусости и беспорядка в наших рядах. Судьба города зависит от того, насколько вы решительно будете жертвовать жизнью ради защиты невинных мирных жителей от этих монстров и убийц! Ура!

— Ура, — коротко и негромко произнесли младшие командиры.

Фельдъегеря на передовой не любили. Хороших новостей он не приносил. Хорошие новости приносил полковой адъютант. И боевое время было назначено слишком близко — только-только кончился бой, люди толком не отдохнут. Но было правилом дурного тона выражать при фельдъегере свое недовольство начальством. Начальство всегда право, пока его не поставило к стенке и не шлепнуло вышестоящее начальство. Так устроен мир. Многие хотели бы побывать в штабе, Коршун тоже хотел, но преграда между штабом и фронтом непреодолима ни для кого, кроме фельдъегерей и людей, им подобных. В этом была несправедливость, потому что на фронте были лишь добровольцы, сознательно идущие на смерть ради жизни на Земле. Здесь все знают, за что бьются, — не наемники, нет, многие потеряли в боях близких.

Младшие командиры ждали, пока фельдъегерь уйдет. Но фельдъегерь не спешил. Он уселся за стол, пододвинул к себе карту.

— Вы же мир видите как будто из норы. Высунул морду, и обратно. Вы не можете подняться над всем миром и увидеть масштабы противостояния. Нет, не можете.

В его голосе не было сочувствия, он бахвалился привычно, без удали, без куража. Ему было все равно, поверят ему слушатели или пойдут спать. Просто ему приятно было напомнить грязи под своими сапогами, что она — грязь.

Но все знали, что фельдъегерь — око штаба, при нем нельзя было позволить себе вольностей, потому что его слово там, наверху, пользовалось полным доверием, а ведь, случалось, хорошие ребята гибли из-за своей неосмотрительности — не вовремя возмутился или не тому доверился.

— А дела наши плохи. Трещит вся линия фронта. Агрессор силен, как никогда. У него появляются все новые виды оружия. А мы, как и прежде, бьемся на мечах. Боюсь, что плохо кончится наша война...

Он обвел слушателей острым светом из круглых отверстий в жестяной маске.

Отвечать надо было Шундараю.

Но Шундарай — старый солдат. Его трудно обойти с фланга.

— Сколько себя помню, — сказал он, — я всегда на фронте. Сколько войн прошел — не знаю, не считал.

Все сочувственно склонили головы.

— Но такой войны еще не было, — сказал Шундарай. — Сегодня я не наемник и не на чужой земле воюю, я стою как стена, потому что за моей спиной — последняя граница. И дети, которые плачут, — мои дети, хоть у меня самого вроде бы и не было детей.

— Вы наемники, вам все равно, — произнес фельдъегерь. — Вы всегда можете перебежать к ублюдкам.

Наступила такая тишина, что слышно было лишь дыхание людей, скопившихся в яме.

— А вот эти свои слова ты возьмешь обратно, — сказал Шундарай.

— Рискуешь, поручик, — сказал фельдъегерь, не двинувшись с места.

— Я свое отрисковал. Теперь твоя очередь, — сказал Шундарай.

Коршун хотел схватить комроты за рукав, оттянуть от ядовитого фельдъегеря. Шундарай шел на смерть, но не боевую, почетную, под свист стрел и звон мечей, — он шел на смерть позорную, на расстрел перед строем. И знал об этом он лучше всех, потому что всего три или четыре боя назад Шундарай командовал казнью пойманного перебежчика. Сам отрубил ему правую руку, потом Коршун рубил — левую ногу. Рубил долго — не привык рубить людей. От этого осталось жуткое чувство, которое возвращается во сне кошмарами. Сначала перебежчик кричал, потом стал выть, бессмысленно, будто уже и боль стала привычкой.

— Я повторяю, — сказал фельдъегерь, поднимаясь с места, — что ты, комроты, должен знать свое место. Таких, как ты, у нас десятки. Вы — мясо войны. Понял? Мясо войны! И смотрите на часы. Помните, что с последней песчинкой начнется боевое время. Вот тогда ты и будешь рассуждать. Привет.

Фельдъегерь пошел к ступенькам, вырубленным в плотной земле, чтобы уйти из ямы, и Коршун с облегчением подумал, что обошлось и Шундарай взял себя в руки и отпустит фельдъегеря невредимым.

Но этого не произошло.

Когда фельдъегерь поднялся по ступенькам до середины и голова его уже показалась над поверхностью земли, Шундарай что-то закричал на своем непонятном языке, на котором он иногда разговаривал и кричал во сне, и кинулся за фельдъегерем.

Он рванулся по ступенькам, схватил фельдъегеря за сапог, дернул на себя и зарычал:

— Убью!

Фельдъегерь вдруг испугался, буквально выпрыгнул из ямы как пробка из бутылки шампанского (странная мысль — странная память!), выскочил как пробка и кинулся бежать, а Шундарай, уже неуправляемый, уже обезумевший, уже такой страшный, что никто не смел бы поймать и успокоить его, вылез за ним. Потом полезли, толкаясь, но молча, все остальные. Коршун оттолкнул кого-то и оказался наверху среди первых.

И он увидел, как фельдъегерь бежит, припадая на босую ногу, а за ним, приближаясь, несется Шундарай, размахивая фельдъегерским сапогом.

Фельдъегерь перебрался через вал, который отделял позиции роты от ничейной земли, и застрял на несколько секунд среди заостренных копий, которыми под углом вверх был утыкан внешний склон вала.

Непонятно, куда он хотел убежать? Там, за ничейной землей, уже начинались ямы ублюдков, которые никого не оставляют в живых.

Шундарай проломил копья своим каменным телом и догнал фельдъегеря, ударил его по голове каблуком сапога — достал его, как дубинкой.

Фельдъегерь споткнулся и потерял равновесие, а потом уже бежал, падая, — и упал шагов через десять.

— Стой, Шундарай! — закричал Коршун.

— Стой! — кричали его младшие командиры.

Из ямы и лунок высовывались рожи солдат, да и там, за ничейной землей, показались головки ублюдков в шлемах, надвинутых на уши, — они и спят и едят в железных забралах — из-за этого никогда не увидишь их лица. Впрочем, и слава богу, потому что увидеть живое лицо врага — значит сойти с ума от отвращения. После смерти, если тебе попался ублюдок, его лицо становится человеческим — такая у них посмертная мимикрия, как нам рассказывал на беседе майор по идеологии.

Но, как назло — уж лучше бы фельдъегерь добежал до ублюдков и они бы его прикончили, тогда бы можно было отбрехаться, — но, как назло, фельдъегерь угодил ногой в какую-то ямку и полетел вперед. Он лежал и отбивался ногами — одна голая, а другая в сапоге, в очень блестящем командирском сапоге.

Шундарай навалился на фельдъегеря, отбросил в сторону сапог. Он молотил его кулаками. Тут повыскакивали из ям и ублюдки и наши — благо день небоевой — и сблизились двумя полумесяцами, а Коршун с Золотухой начали отрывать Шундарая от фельдъегеря, пока тот жив, — они надеялись, что фельдъегерь жив, тогда комполка обязательно выручит Шундарая, ну разжалуют его, ну накажут, пошлют в передовой дозор — только бы не казнили нашего комроты.

Но что ты будешь делать — на открытом поле, между двумя боевыми линиями, на глазах у сотен бойцов и ублюдков насмерть дрались наш командир и наш же штабной неприкасаемый фельдъегерь.

Коршун рванул Шундарая за локоть правой руки и, как сам потом догадался, допустил этим страшную ошибку — он как бы помог комроты свернуть фельдъегерю шею — тот успел охнуть, выпуская воздух, и засучил ногами. Потом вытянулся, а Шундарай поднялся, почему-то отряхнул ладони, как будто от песка, и сказал:

— Ну вот и кранты.

— Пошли. — Золотуха старался поднять сразу обессилевшего Шундарая, тащил его к своим ямам, другие младшие командиры загоняли рядовых в убежища, а про фельдъегеря забыли, может, всего на две минуты — и в этом заключалось самое непростительное преступление, — может быть, Шундарая бы помиловали — он самый старый и самый отважный из командиров в полку, если не во всей армии, но пока одни командиры гнали собственных рядовых в окопы и ямы, а другие оттаскивали бесчувственного Шундарая, кто-то из сообразительных ублюдков догадался, они кинулись к трупу фельдъегеря и, подхватив его, унесли к себе в расположение.

Когда через десять минут из тыла прибыли два высоких чина — настолько высоких, что комполка, который перед тем махал личным кинжалом и все норовил зарезать Шундарая, стушевался и только елозил губами, — они уже знали, что не только произошла смертельная драка с нападением на представителя власти, но и труп фельдъегеря был фактически по-

дарен ублюдкам, врагам, которые будут измываться над ним. Поэтому их гнев был запредельным.

— Притом, — говорил один из высоких чинов в вышитом золотом мундире и в шелковой маске домино, чтобы не узнали агенты противника, — притом фельдъегерь нес с собой секретные документы о ближайшем нашем наступлении, которое мы остановить не можем, и о наших слабых местах, которые нам нечем прикрыть. Так что проступок, нет, преступление вашего комроты Шундарая превращается в государственное преступление первого разряда с четвертованием.

— Нет! — вырвалось у Золотухи.

Чин услышал и повернул маску в сторону Золотухи, который стоял перед строем своего сильно поредевшего за последние дни взвода.

— А вот тебя, комвзвода, — сказал чин устало, — за открытое неповиновение мы переводим в рядовые второго разряда с лишением всех наград.

— Это неправильно, — сказал тогда Коршун. — Золотуха не виноват.

— Он виноват так же, как ты, сержант, — сказал высокий чин. — И мы не позволим неповиновению, бунту и мятежу проникнуть в наши силы именно в те дни и часы, когда решаются судьбы миллионов беззащитных вдов и сирот. Считай, сержант Коршун, что ты разжалован в рядовые второго разряда с лишением тебя всех наград и нашивок и переводом в штрафной батальон.

И тут зашумел весь взвод. И к нему присоединился взвод Золотухи.

А комвзвода-1, по имени Пан, сказал:

— Меня тоже попрошу разжаловать. Стыдно мне ребятам в глаза смотреть. Мы с ними вокзал защищали, на высоте Лысой погибали, нас Шундарай вел. Прошу меня лишить.

— Ты лишен, — сказал чин.

Но второй, сильно усатый, судя по всему, он был выше чином, чем первый — у них, у штабной безопасности, не разберешь, кто в каком чине, а этот был во френче без знаков различия, — остановил своего товарища и сказал тихо:

— Помолчи.

Потом обратился к строю роты. К усталым, завшивевшим, израненным, но отважным ребятам, которые готовы были на смерть ради справедливости и которые шли в бой не только защищать город, но и мстить за своих ребят паршивым духам и ублюдкам. И второй чин сказал:

— Слушайте меня, товарищи и друзья! У каждого из нас есть нервы и сердце. Вы стоите за своих командиров — и правильно делаете. А мой товарищ, комиссар второго класса барон Бранди, тоже пришел к вам с горящим сердцем. В прошлое боевое время в засаде погиб его старый друг и побратим, а тело его досталось подонкам!

Возмущенный гул голосов родился над голой, избитой подошвами отступлений и наступлений, атак и контратак землей. Оставлять тело врагу — немыслимо и преступно.

— Честно говоря, даже жалею, что комроты Шундарая уже увезли, потому что он сам казнил бы себя за такое преступление. Нет, даже не за конфликт, не за бой. Нет, он казнил бы себя за то, что отдал тело товарища врагу. Молчите, молчите! Все равно в душе вы со мной согласны.

Над полем воцарилась тишина.

Комиссар второго ранга Бранди стоял в стороне понурив голову.

— И поймите еще одно — вам кажется, что мой товарищ, комиссар второго ранга барон Бранди, был жесток к вам, снимая с должностей ваших младших командиров, которые вступились за Шундарая. Но мы с вами добровольцы. Мы сражаемся. И в армии должна быть железная дисциплина. Иначе нам не выстоять. Наше положение трудное, наши силы на пределе, вокруг нас шпионы. И в этой обстановке неповиновение в армии, попытки оспорить приказ приведут к тому, что армия превратится в толпу, в неуправляемое стадо — и тогда мы все станем жертвами ублюдков. И если кто не согласен со мной — выйди вперед и говори открыто. Я не буду наказывать.

Коршун понял, что должен сказать. От него ждут. Золотуха, солдаты. А он двух слов связать не может. Какой же он тогда авторитет?

Коршун вздохнул и заговорил.

— Мы понимаем о дисциплине, — сказал он, сделав шаг вперед и остановившись по стойке «смирно». — Мы понимаем, что виноваты в том, что отдали тело фельдъегеря ублюдкам. Наказывайте нас. Мы понимаем. Но и нас поймите. Мы сидим на переднем крае, у нас каждый день гибнут ребята. Попугая вчера убили в небоевое время. Мы стоим до конца. Но Шундарая этот фельдъегерь достал. Нельзя обижать командиров. И солдат тоже. Мы согласны гибнуть, но не согласны, чтоб о нас вытирали ноги.

Комиссар Бранди подпрыгнул и закричал:

— Фельдъегерь Злак был честным малым! Я за него согласен драться.

— И я согласен за Шундарая, — сказал Золотуха раньше, чем успел сказать это Коршун.

— Отменить! — приказал усатый чин. — Дуэли отменяются до окончания боев за нашу доблестную столицу. Нам дорог каждый человек, каждый боец. А после нашей победы я сам буду секундантом. Коршун, — сказал он, — запомни мое имя — комиссар второго класса граф Шейн. Василий Шейн. Я не скрываюсь.

Он снял домино. Под маской было усталое лицо со светлыми глазами, обведенными такими темными кругами, что казалось, будто в глазах вообще нет зрачков.

— Я начальник разведки фронта. И не надо мне представляться, сержант. Я все знаю о тебе. Коршун. И твое имя, и твою должность, и твое прошлое, которого не существует. Если ты хочешь, можешь прийти на наказание комроты Шундарая. Его смерть будет легкой, хотя преступление было тяжелым. Если захочешь ускорить его смерть — вызовись.

— Когда будет смерть? — спросил Золотуха.

— Через две тысячи спокойных ударов сердца, — сказал граф Шейн. Он подергал себя за правый ус — такая у него была привычка.

Чины пошли к себе.

Над полем боя было тихо.

— Ты пойдешь? — спросил ротный фельдшер Аркашка.

— Пойду, — сказал Коршун. — Надо попрощаться.

— И я пойду, — сказал Золотуха.

Остальные не пошли — не потому, что не желали, но договорились, что надо оставаться в роте, нельзя оголять. Боевой период боевым, но бывали случаи, когда эти подонки наступали в мирное время. Так что отпустили Коршуна и Золотуху.

Идти недалеко, но все равно они спешили, потому что казни на фронте всегда проводятся быстро, чтобы об этом не успели узнать враги, а тем более друзья преступника. Бывало, что преступника освобождали, и потом частям особого назначения приходилось биться со своими же, употреблять сонный газ или огнеметы. В фольклоре фронта есть рассказ о том, как восстал целый полк, чтобы освободить своего командира, и трое суток бился в окружении. Говорили даже, что командование фронта, не в силах справиться с окопавшимся полком, объявило перемирие и призвало на помощь общего врага — с их помощью и удалось перебить повстанцев. С тех пор казни

устраиваются сразу после преступления, без суда, недалеко за линией фронта.

Так как Коршуна и Золотуху допустили на казнь специально, то по приказу чинов из генштаба им выдали в разведроте по велосипеду. Под расписку и под залог. Коршун оставил в залог чашу с золотым ободком, а Золотуха крест на золотой цепочке — он верил в Бога.

Они выбрались из ямы разведроты на тропинку, которая вела в тыл. Тропинка сначала спускалась в овраг и шла по его дну, вдоль грязного ручья, в который попадали помои и сточная вода из сортиров и прачечных. Через пятьсот метров, куда уже не достигали взоры ублюдков, тропинка влилась в широкую стратегическую дорогу, по которой могли проходить телеги. Возле дороги к деревянному столбу был прибит здоровенный жестяной лист со страшной картинкой: ублюдок в маске держал в руках младенца и пожирал его, вонзив клыки ему в животик. Младенец испуганно орал.

«УБЕЙ ЛЮДОЕДА!» — восклицала надпись под картинкой.

Коршун уже не раз проезжал под этим плакатом, он помнил его новеньким и ярким, а за последние месяцы он потускнел, и кое-где краска осыпалась.

— Все-таки они звери. Сколько смотрю, столько поражаюсь низости этих сук, — сказал Золотуха.

— Ты кем на гражданке был? — спросил Коршун.

— А хрен его знает, — ответил Золотуха. — Но разве это играет роль? Я их все равно всех достану. И передушу.

Коршун промолчал. Он думал о Шундарае. Сколько они рядом прошли — его комроты от смерти спасал, и вот теперь он увидит его смерть. И не в бою — с кем такое не случится! — смерть в яме палача — низине, окутанной мерзким запахом смерти и разложения, где и происходят все фронтовые казни.

Как бы угадав мысли Коршуна, Золотуха сказал сзади:

— Для меня Шундарай как брат, понял? Но раз мы фельдъегеря ублюдкам отдали — нам нет прощения.

По крайней мере он Шундарая не выделял — сегодня ему не повезло, завтра тебе.

— А кем же я на гражданке был? — подумал Коршун вслух.

— Не было гражданки! — откликнулся Золотуха. — Мы с тобой родились в камуфляже.

Он рассмеялся.

Они перевалили через невысокую гряду и остановились наверху, хоть это и было запрещено категорически — ублюд-

ки могли запустить из катапульты снаряд — и нет у тебя головы!

Но они остановились, чтобы взглянуть на родной город, который они защищали от врага, там живут их родные, их близкие, их невесты, а у кого — и дети с женами. Живут и надеются, что ублюдки не прорвутся к ним и не изнасилуют женщин, белых чистых наших женщин, не расстреляют детей и стариков. Лучше смерть, чем уступить беззащитный город. И Золотуха опять угадал мысли и сказал то, о чем Коршуну думать не хотелось:

— А ведь Шундарая по делу наказывают. Он же своего убил.

— Шундарай десяти таких, как тот... стоит.

— Для тебя стоит, для меня стоит, а для закона не стоит. Для закона все равны. Этим мы отличаемся от ублюдков.

Город, казалось, был нарисован на фоне облаков, спускавшихся к горизонту. Вон там, чуть правее, — центр: высокие дома, новые, в них правительственные учреждения. Но в каком доме, на каком этаже — на сороковом, на пятидесятом — сидят девочки, считают, сколько нужно фронту колючей проволоки, наконечников для копий, металлических щитов или каменных ядер, на каком этаже сидят милые работницы тыла, вяжут носки, чтобы не замерзали ноги, куют шлемы или распределяют, какой фабрике какие шлемы ковать для фронта, для победы?! Но не эти дома так дороги сердцу Коршуна, — хоть ему все дорого. Ему милы дома поменьше, в жилых районах, пятиэтажки, а то и бараки — там живут простые люди, трудящиеся, там где-то и его родные — наверное, у него есть отец, и мать, и сестренка. По крайней мере они есть на фотографии. Когда ему выдавали личный номер, удостоверение бойца, то он получил вклеенную на внутреннюю сторону удостоверения семейную фотографию — отец, мать и младшая сестренка. А отдельно фотографию его девушки и письмо от нее с приветом и обещанием верности. Роза. Ее зовут Роза, сейчас ее эвакуировали, потому что близко фронт, нет питания, не работают свет и водопровод — трудно приходится родине!

— Поехали? — спросил Золотуха.

Они нажали на педали и съехали в долину смерти.

Может, и зря они согласились, но нельзя же было оставить Шундарая одного.

Облака низко неслись над впадиной, как всегда сизые, тоскливые. Но Коршун знал, что как только война закончится

победой сил справедливости, их победой, то из-за облаков выглянет солнце и осветит освобожденную землю, над которой поднимутся колосистые нивы.

В низине была большая яма — им пришлось проехать мимо, — в яме лежали присыпанные хлоркой тела и куски тел наказанных предателей и других преступников. Справа, у виселицы с длинной перекладиной, стояли кучкой люди и смотрели, как палач в чине сержанта войск охраны, стоя на стремянке, прилаживал петлю на шее какого-то толстяка. Толстяк увидел Коршуна, перехватил его взгляд и вдруг пронзительно закричал:

— Передайте моей дочке на авеню де Вульф, 18, что я умираю невиновным. Это все клевета интенданта Жоффруа!

— Проходи, проходи, — крикнул Коршуну палач, — не мешай работать.

Но Коршун задержался — не мог двинуться, пока тот человек не умрет. Толстяк был в одних подштанниках, и ему было холодно стоять на табурете.

— Вы скажете, вы передадите? — спросил он, и палач вышиб, спустившись со стремянки, табуретку из-под его ног.

Толстяк не успел договорить.

Он еще корчился и тянул к Коршуну толстую, как у малыша, руку, но Золотуха уже объехал Коршуна и поехал вперед.

Там стояла целая команда. Не каждый день наказывают командира роты.

Шундарай увидел их издали.

— Спасибо, что приехали, ребята, — сказал он. — Я уж боялся, что меня порешат втихую.

Куртку с него содрали. Осталась только майка, грязная, серая, но зато было видно, что тело Шундарая состоит из желваков, бугров, ничего мягкого, кажется, что копьем не пробьешь. Но пытались — по буграм и мышцам светлые полосы шрамов, белые звезды в местах, где врезались в него стрелы или пули...

Коршун поймал себя на том, что употребил чужое слово — он не должен его знать. Но подобно снам из прошлой жизни — оттуда же пришло и слово «пуля», и даже образ, соответствующий этому, — нечто металлическое, движущееся со страшной скоростью, способное пронзить человеческое тело или даже бронежилет... пуля! — странное слово, неприятное слово.

— Ничего, — сказал Золотуха, — скоро с тобой встретимся.

— Встретимся, да не встретимся, — ответил печально Шундарай.

Коршун понял, что он имел в виду, — человек, павший в бою, воин, дружинник, рождается вновь командиром, героем, а казненный, справедливо или нет — богам ли разбираться, — должен пройти серию унизительных жизней — слизняка, раба, козла, может, даже женщины — длинный путь в тысячи лет предстоит человеку, погибшему бесславной смертью.

Там стояли давешний чин из штаба, палач с помощником и начальник фельдъегерей в серебряной маске — он был мстителем, ему наносить первый удар.

Наш мир — мир войны, и он весь стоит на мести, думал Коршун, глядя, как серьезны и даже преувеличенно деловиты все участники казни. Это были похороны, но ни одного зрителя на них — только гробовщики и землекопы. В отдалении стоял с журналом замкомандира полка по кадрам. Он должен был, как только доктор удостоверит смерть, вычеркнуть славного Шундарая из списков части. Рядом маячил доктор.

Коршун надеялся на то, что увидит лучников, что Шундарая расстреляют, это была бы не такая позорная смерть... Солдат не было, если не считать двух охранников из комендантского взвода, чтобы осужденный не сбежал или его не пришли бы освободить товарищи — такое бывало. Наказание следовало немедленно и жестоко — казнили всех. Всех солдат взвода. И правильно. «Если ты будешь отбивать осужденного, значит, ты не признаешь дисциплину. И хоть я бы сейчас с радостью кинулся на это кодло, разогнал бы их... но мы с Золотухой не взяли никакого оружия, кроме кинжалов. Мы знали о справедливости и наказании. Когда казнит армия, мести быть не может».

Адъютант из штаба вышел, держа в руке приговор, — когда они успевают его написать и заверить большой печатью?

Коршун смотрел на Шундарая, стараясь угадать в нем — в глазах, в движениях рук, в посадке головы — то, что произойдет в ближайшие минуты. Ведь он перестанет существовать. И никогда уже не станет снова Шундараем. Еще стоит — живой, совсем живой, — можно потрогать... «Нет, наверное, я никогда не стану генералом, у меня нет в котомке маршальского жезла. Я слишком часто думаю на посторонние темы».

— ...Набросившись без основательной причины на офицера фельдъегерского корпуса, находившегося при исполнении своих обязанностей, он предательски догнал его и жестоко убил, хотя его жертва не оказывала сопротивления.

— Оказывал, — неожиданно сказал Золотуха.

— Не вмешиваться! — прикрикнул на него полковой адъютант. И его можно было понять — такая позорная казнь неминуемо падает черным пятном на весь полк. А это может обернуться очень печально.

— Жестоко убив младшего офицера на глазах у всего полка, а также, что усугубляет его вину, в присутствии воинских чинов противника, которые с наслаждением наблюдали за конфликтом в среде наших славных вооруженных сил, командир роты Шундарай Мункуев оставил тело своего старшего товарища на нейтральной полосе, что позволило гнусной толпе моджахедов утащить тело офицера в свое расположение и измываться над ним, как они всегда измываются над телами наших товарищей. И это было совершено при попустительстве всей роты. Это из ряда вон выходящее преступление по законам военного времени требует смертной казни по первому разряду. Однако ввиду того, что подсудимый в течение долгого времени честно исполнял свои обязанности и был храбрым воином...

Читавший сделал паузу, и у Коршуна мелькнула надежда — а вдруг третий разряд? Четвертый не дадут. Четвертый — это благородный расстрел. Эта казнь лишена позора. Но третий — обезглавливание. Это мгновенная смерть.

— Они и не хотели первую давать, видишь, керосина здесь нет, — шепнул Золотуха.

Конечно, он был прав. Казнь первой степени — сожжение заживо — не провести без канистры с керосином или бензином. Иначе как загорится человек?

— Принимая все это во внимание, военный трибунал постановил заменить казнь первой степени на казнь второй степени. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Офицеры, собравшиеся там, захлопали в ладоши, словно не они сами только что написали этот приговор.

Охранники не хлопали, потому что держали оружие наготове, а мы с Золотухой — потому что не были согласны с приговором.

— Последнее слово предоставляется приговоренному, — сказал адъютант полка.

— Прошу милости, — сказал Шундарай. — Не хочу позорной смерти.

Он замолчал. Все тоже молчали. Только потом один из штаба произнес:

— Какие у вас последние пожелания, Шундарай Мункуев?

— Мои вещи отдайте им. — Он кивнул в сторону товарищей. Рукой он двинуть не мог, руки у него были на всякий случай связаны за спиной.

— Это будет сделано, — сказал чин.

Помост с виселицей был рядом — таких помостов в низине несколько. Палач потащил к веревке времянку. Один из охранников по его приказу понес туда табурет.

— Прошу слова, господа офицеры, — сказал Коршун.

— Это не положено, — быстро ответил командир фельдъегерей.

— Пускай скажет, — вмешался чин из штаба. Хоть он был в маске, Коршун по голосу узнал графа Шейна, начальника разведки. Это был приличный офицер, таких в штабе мало.

— Я клянусь, — сказал Коршун, — как комвзвода в роте лейтенанта Шундарая, что он не хотел нападать на фельдъегеря, но фельдъегерь нарочно вывел Шундарая из себя, он издевался над ним и над всеми нами. Лейтенант Шундарай спасал честь роты, когда решил убить фельдъегеря. Это правда. Каждый солдат и командир нашей роты подтвердит это.

— Последнее дело обвинять человека, которого подло убили! — закричал командир фельдъегерей. — Убил, отдал его тело врагам на издевательство, и теперь находятся некоторые защитники, к которым мне хочется как следует присмотреться.

— Присматривайтесь ко мне сколько хотите, полковник, — сказал Коршун. — Ничего не изменится. Мы все виноваты, что ублюдки утащили труп нашего человека.

— Нашего с вами товарища, — вмешался адъютант полка, который не хотел ссор со всесильными фельдъегерями.

— Мы все виноваты — недосмотрели. Но Шундарай был в ярости, потому что была задета его честь. Мой свидетель — сержант Золотуха, — упорствовал Коршун.

— Да, — твердо сказал Золотуха. — Я свидетель. Шундарай не мог оставить без ответа слова фельдъегеря.

— Что значит ответ? — закричал командир фельдъегерей. — Ответ — убить и сдать врагу беспомощное тело? А что, если наш товарищ был еще жив? Вы знаете, что они там с ним сделали? Или вы первый день на фронте? Ваш Шундарай хуже ублюдка, хуже моджахеда. Он предатель, и я требую казни первого разряда.

«Господи, не сделал ли я хуже?» — испугался Коршун. Но вслух произнес:

— Фельдъегерь сказал Шундараю, что мы все, все люди Шундарая, хотим перебежать к ублюдкам. Он так сказал.

— Он так сказал, — подтвердил Золотуха.

— И это слышали все, кто был в штабной яме, — сказал Коршун.

Фельдъегерский офицер начал было возмущаться, но штабной чин велел всем офицерам отойти в сторону. Они отошли и стали спорить приглушенными голосами, почти шепотом.

— Спасибо, ребята, — сказал Шундарай.

— Молчать! — рявкнул палач. Но так, без злости, для порядка, он понимал, что творится, и будь его воля — отпустил бы Шундарая.

Вернулись офицеры.

Чин из штаба сказал:

— Посоветовавшись, военный трибунал решил, что Шундарай совершил тяжкое и непростительное преступление, за что заслуживает смерти. Но мы хотим верить его младшим командирам, которые пришли защитить его. И чтобы не быть в ответе перед блуждающей в отчаянии от бесконечных мрачных перерождений душой и телом Шундарая Мункуева, мы решили дать его душе шанс возвратиться к людям. Поэтому трибунал приговаривает Шундарая Мункуева к казни третьей степени.

Коршун чуть не закричал от радости.

Шундарай, как только до него дошло, что же случилось, сказал палачу срывающимся голосом:

— Слезы мне вытри.

Тот достал из кармана тряпку и вытер Шундараю лицо.

— Разнюнился, — сказал он.

— Ты же понимаешь!

— Казнь, — произнес граф Шейн, — приводится в исполнение немедленно.

Золотуха толкнул Коршуна в бок кулаком — тоже выражал радость.

Фельдъегерский офицер смотрел мрачно. Это было заметно лишь по наклону головы и по тому, как глаза совсем спрятались в глубине маски — черные дырки, никакого блеска.

— Последнее слово! — воскликнул Шундарай, когда палач сводил его с помоста под веревкой, чтобы отвести к колоде, на которой рубили головы и четвертовали. — Последнее слово!

— Мы слушаем тебя, — сказал граф Шейн.

— Пускай это сделает мой комвзвода Коршун. Ведь в приговоре не сказано, кто будет меня казнить, правда?

— Ну и хитрец! — вырвалось у адъютанта полка.

— Ни в коем случае! — вмешался фельдъегерь.

Все смотрели на графа Шейна, он был председателем трибунала.

— Раз в приговоре не указано, кто исполнит приговор, то мы не возражаем, чтобы это сделал любой из присутствующих.

Коршун вдруг испугался.

Он все понял, он угадал и оценил последнюю хитрость Шундарая — ведь погибнуть от руки воина вовсе не позорно. Хоть, конечно, это не бой, когда душа улетает в высшие сферы, а поле казни, но рука палача и рука воина — две разные руки. И через два или три существования его душа войдет в тело воина или иного достойного человека. А там недалеко и до вознесения.

— Может, ты? — спросил Коршун Золотуху.

— Нет, — твердо сказал Шундарай. — Я тебя просил, Коршун. У тебя рука вернее. Ты не дрогнешь. Золотуха переживает, погляди на него, он же промахнуться может, он меня с одного удара не обезглавит. Прошу тебя. Я видел, как ты рубить умеешь.

Коршун не стал больше спорить.

Он подошел к колоде.

Колода некогда была частью ствола многовекового дерева, в два обхвата. Ее вкопали в землю и много раз использовали, отчего весь ее торец был изрублен так, что стал похож на шкуру ежа. Щепки были бурыми, бурым пропиталось дерево далеко вглубь — столько человеческой крови вылилось на колоду.

— Только ты осторожнее, — сказал Шундарай. — По затылку не попади, не изуродуй меня.

— Я постараюсь, — сказал Коршун. — Но и ты не являйся ко мне, не преследуй меня, так как я убиваю тебя по твоей же воле.

— Я постараюсь, — сказал Шундарай. — Но ты же знаешь — обещает тебе живой, а приходит мертвый. Я давно мертвым не был, однако.

Он криво усмехнулся, становясь на колени. Ему было неудобно, потому что руки были связаны сзади.

— Развяжите мне руки, — попросил он палача.

Палач посмотрел на офицеров.

Возникла долгая пауза. Всем было не по себе. А вдруг он, славный и умелый воин, вырвет в последний момент топор у Коршуна?

— Я руки под себя спрячу, — сказал Шундарай.

— Развяжите его, — распорядился граф Шейн.

— Ну как знаете. — Палач был недоволен, но не стал ввязываться в спор. Он развязал руки Шундараю, и тот с трудом перенес их вперед и стал разминать пальцы.

— Давай, давай, не задерживай! — приказал граф Шейн. — И так на тебя больше времени потеряли, чем на десять других.

— На то я и Шундарай, — ответил тот.

Палач стоял с топором наготове. Топор был узкий в топорище и широкий, как веер, в лезвии. Шундарай посмотрел вокруг.

— Воняет здесь, — сказал он.

Коршуну показалось, что он совсем не похож на человека, готового погибнуть.

— Клади голову, — сказал палач.

— Положу, только я хочу видеть, что это сделает Коршун.

— Тебе обещали! — раздраженно крикнул фельдъегерь.

Шундарай стоял на коленях, но не наклонялся, а смотрел, как палач передаст топор Коршуну.

А когда Коршун неловко взялся за длинное топорище, такое теплое и чуть влажное от ладоней палача, и постарался получше ухватиться, чтобы не промахнуться и не мучить товарища, Шундарай вдруг выпрямился и помчался, пригибаясь, виляя между ямами, в сторону старой заброшенной крепости.

Все как завороженные смотрели вслед ему.

И прошло, наверное, секунд двадцать, прежде чем граф Шейн закричал охранникам:

— Стреляйте, мать вашу! Да стреляйте же!

Палач почему-то стал вырывать у Коршуна топор, но тот испугался, что палач сейчас отрубит ему голову, раз уж приговоренный сбежал, и не отдавал топор.

Охранники стали совать в ножны мечи, которые держали в руках, — ну кто мог подумать, что им придется стрелять? Потом снимали с ремней луки, доставали стрелы из колчанов — к этому времени Шундарай уже выскочил из котловины и скрылся за ее краем.

Охранники бежали следом, палач с помощником тоже бежали. Офицер-фельдъегерь кричал на Коршуна:

— Ты у меня, ты у меня... это ты все устроил!

— Нет, я ничего не устраивал, — сказал Коршун.

— Тогда поймай и приведи! — кричал фельдъегерь.

— Вряд ли в этом есть смысл, — сказал граф Шейн. — Пока они его догонят... нет, надо делать не так. Мы с вами виноваты, мы с вами и займемся этим. А мальчишек отпустите в

часть. Вы меня слышите, адъютант полка? Отведите сержантов в полк!

Тот услышал. Он уже пришел в себя.

— Пошли! — прикрикнул он. — Пошли, чего уставились!

Они пошли втроем прочь от места казни.

— А хорошо, что он убежал, — сказал Золотуха. — А то бы он тебя преследовал. По ночам бы приходил. Потом бы задушил. Ты же знаешь — так бывает.

Коршун знал, что Золотуха прав. И подумал, что главнее не то, что комроты убежал, а то, что он не будет к нему являться по ночам.

Путь до передовой недолог. Сначала они рассуждали о том, куда убежит Шундарай. К врагам, к ублюдкам, он не переметнется — не такой человек. В развалинах ему долго не отсидеться — наверняка туда сейчас уже послали охранников. Значит, попытается укрыться в городе.

— У него в городе есть родственники? — спрашивал полковой адъютант.

— Нет, — отвечал Коршун.

Что же он, изверг, что ли? Как только он у них появится, то и сам в засаду попадет, и всех родственников подведет под петлю. Адъютант согласился. И больше обсуждать бегство Шундарая не стали — на фронте подолгу не обсуждают смерть или бой, потому что завтра придут новая смерть и новый бой.

Зато Золотуха стал подбивать товарищей.

— Давайте сходим в город, пока время еще есть, фельдъегерь говорил, что до боевого времени можно выспаться. Пошли, — говорил Золотуха, — девочек найдем — так давно девочек не было, я даже и не помню, когда девочки были.

Но адъютант наорал на комвзвода:

— Ты понимаешь, что тебя в городе заграбастает патруль, а все твои товарищи на передовой готовятся отразить атаку злейшего врага? Тебе что, не жалко своей шкуры? Так пожалей шкуру командира полка — его сегодня чуть не сняли из-за этой сволочи Шундарая. Если еще и ты в самоволку уйдешь — ведь не солдатик необстрелянный, а боевой ветеран, что же за дисциплина в нашем полку, когда командиры — убийцы и дезертиры?

— Нет, — отвечал Золотуха, — ты меня в дезертиры не записывай. Я хотел только в город заглянуть — и тут же обратно. Пешком.

Коршун шел рядом, он не вмешивался в ленивый спор, так как понимал, что ни в какой город Золотуха не убежит, да и адъютант об этом знает, а ругается так, для порядка. Но его тревожило другое — вот уже третье или даже четвертое боевое время бои идут в такой близости от города, что даже такой дурак, как Золотуха, понимает, что туда пешком можно сбегать. А от низины казней до передовой за полчаса можно дойти.

Какая-то дрянь в штабе армии завелась — не может быть, чтобы ублюдки были сильнее нас. Нам же всегда твердили — наша армия непобедима, нам никто не страшен. Почему во взводах по половине личного состава осталось? Даже стрел, элементарных стрел, не подвозят — что же, прикажете за проволочными заграждениями стрелы подбирать? Казнить легче всего, но нужно разобраться.

— Когда пополнение будет? — спросил Коршун у адъютанта. — А то ведь воевать некому. Придется вам топор брать и становиться в первый ряд.

— У каждого своя задача и свое умение, — степенно ответил адъютант. Но, конечно же, слова сержанта ему не понравились. И, увидев издали тропинку, что сворачивала к штабу полка, он почти побежал, сказав на прощание: — Я все доложу командиру, а вы спешите к вашим солдатам. И чтобы никаких не было волнений или еще чего.

— А кто заменит Шундарая? — крикнул вслед Золотуха.

Адъютант не ответил. Да и откуда ему знать?

— Наверное, пришлют кого-то из штаба, — сказал Золотуха.

— Не думаю. Кому хочется на передовую? У нас ведь долго не удерживаются.

— А мы?

— Мы с тобой настоящие ветераны. Мы три войны прошли.

— А ты считал? Считал, что ли?

— А вспомни.

— Я много чего помню, но не буду же трепаться, — сказал Золотуха, — это военная тайна.

— Ты только вспомни.

— Помню, помню, — отмахнулся Золотуха.

Ни черта он не помнил. И не старался вспоминать.

Они спрыгнули в штабную яму. Все младшие командиры и капральский состав ждали их там. Давно, видно, ждали.

Некоторые даже дремали по углам.

— Ну и как? — спросил Бермуда, старшина роты, пожилой,

седой, усы висят по грудь, сзади коса заплетена. — Как он, не больно было?

Бермуда не мог сказать так, как ему хотелось, но Коршун все понял.

— Случилось все неладно, — начал он осторожно, потому что среди своих мог быть штабной стукач. А грехов и без этого уже накопилось столько... если бы не этот разведчик, граф Шейн, Коршуна отлично могли вместо Шундарая замочить. — Сбежал наш комроты.

— О-о-ох! — будто вся яма застонала. И непонятно было, облегчение или страх в этом вздохе.

Помолчали. Никто не спрашивал — как это случилось. Коршун все равно расскажет.

Коршун рассказал, как было. Золотуха его старался поправлять, когда считал нужным, но Золотуху не слушали, потому что Коршуна уважали больше. Так что Золотуха, хоть и был недоволен, заткнулся.

Все жалели Шундарая, хотели, чтобы он скрылся, но понимали, что убежать ему трудно — охрана уже доказывала не раз, как она хорошо умеет работать. Бывали же случаи — надоедало или становилось страшно — по-разному бывало. Они всегда находили дезертиров.

Но все же лучше, чем мертвый. Если такой, как Шундарай, станет призраком, это очень плохо. Призраки — погибшие позорной страшной смертью — приходили сюда, пугали людей, а то и вредили им. Такой призрак, как шундараевский, мог и убить. Ведь призраки не имеют жалости к людям, даже к тем, кого при жизни любили.

Тут прибежал вестовой от командира полка — Коршуна звали туда. Вестовой сказал, что он уже был у комбата Дыбы.

Все догадывались, что Коршуну быть комроты вместо Шундарая, некоторые были рады, другие сами рады были оказаться на его месте — все же комроты имеет больше шансов уцелеть. Впрочем — какая разница. Или мы отстоим город, и тогда война затянется еще надолго — ведь надо будет не только выстоять, но и перейти в наступление, отжать врага, задавить ублюдков, а это так просто не сделаешь — недаром говорят, что их поддерживают силы Тьмы, за ними стоят враги всего рода человеческого. Рассказывают про драконов и про червя. Многое может быть правдой или близко к ней. У нас же, у честных бойцов, ничего нет, к тому же в штабах сидят крысы и продажные шкуры. Об этом все говорят на передовой, но никто ничего сделать не может. Вы только посмотрите на

фельдъегерей, на штабных адъютантов — откуда такие шмотки, эполеты и маски? А у нас на передовой и шлемов не хватает — ждем, когда кто-нибудь из наших отдаст концы, чтобы получить крышку для головы.

Коршун перебежками за часовым поспешил к командному пункту полка. Ему там приходилось за свою жизнь на фронте бывать дважды: один раз он из разведки пришел с важными сведениями, другой раз они там были вместе с Шундараем. «Они там отмороженные, — сказал про штабистов Шундарай. — Не пойдем мы туда больше». А вот пришлось идти одному, без Шундарая.

От штаба батальона, сейчас пустого — три просторные ямы, соединенные ходами, — к штабу полка вела глубокая траншея, совершенно безопасная. Хотя безопасных траншей не бывает: захотят вдруг грушу бросить — вот и придет твоя ранняя смерть.

В траншее на приступке, опершись о бруствер, стоял Голиаф. Такое имя дали в штабе полка Григору. На ветровке у него в ряд шесть «солнц» — даже у Шундарая всего два «солнца», и он их не носил, а в коробке держал под своей койкой — надо будет сдать куда следует. Но не хочется лазить в сундучок Шундарая — ведь он живой? Живой. Значит, сундучок имеет хозяина.

Голиаф повернулся к Коршуну, узнал его, пожал руку. Вестового вроде бы и не заметил.

— Готовятся, — сказал он. — В это боевое время они в большое наступление пойдут.

— Ты в штаб доложил? — спросил Коршун. Он, как и Голиаф, был комвзвода, так что они могли говорить на равных. Только у Голиафа шесть звезд — шесть побед в открытых поединках, наверное, он чемпион на фронте.

— А чего им докладывать, — сказал Голиаф. — У них что, воздушной разведки нету?

Воздушной разведки у штаба вторую неделю как не было, так говорил Шундарай. Потому что воздушный шар разведчиков сбили, он вспыхнул и сгорел, а второй еще не склеили — так армия осталась без глаз.

— Нет воздушной разведки, — сказал Коршун.

— Все равно — им скажешь, а они как бы не слышали, в одно ухо впустили, в другое выпустили, словно мы для них не люди, а шашки. Ты в шашки играешь?

— Не люблю.

— А то приходи после боя, сыграем.

Вестовой маялся рядом, кашлял.

Штаб полка показался бы новичку дворцом — не ямы, а целый лабиринт. Главная яма, командирская, обложена белой плиткой, кровать за занавеской, а на кровати дремлет постоянная симпатия комполка. Так говорили в роте. Но проверить нельзя. Командир никого в свою спальню не пустит.

Полковник был шустрым, с хохолком, сыпал прибаутками, говорят, что изображал какого-то древнего маршала, который уже вымер в прошлых войнах.

— Молодец, молодец! — крикнул он, увидев Коршуна. — Упустил молодца — сам овца! Как же ты, голубчик? Тебе, что ли, голову рубить?

— Как прикажете, — сказал Коршун.

— Да ты не бойся меня, не бойся, это я на словах такой страшный, а в бою ужасен только для врага. Понял? Для меня все мои люди — молодцы. И Шундарай тоже.

Командир полка пробежал по своему кабинету, поглядел на облака над головой, словно боялся, что могут подслушать оттуда. Засмеялся визгливым смехом.

— Они думают, что я ничего не вижу, ничего не слышу. Так вот, Коршун, это все неправда. Ни один комар не пролетит мимо моих ушей. Ты комара видел? Нет мельче зверя. Скоро наступление. Ублюдки наступать будут. А я этих моджахедов перебил за свою боевую судьбу десятки тысяч. Но кому это интересно? Значит, мы с тобой стоим насмерть. Пуля — дура, штык — молодец! Назначаю тебя командиром второй роты. Где Дыба, где Дыба, мать его?

Вошел командир батальона Дыба. Человек сутулый, ленивый, немолодой, опустившийся. Он сам говорил, что рад бы в отставку и не верит уже ни в идеалы, ни в победу — мобилизовали, вот и воюет.

— Слышу, командир, — сказал он. — Хорошо слышу. Я уже приказ подписал, хотя не уверен, что вы правы. Очень уж он невыдержанный, даже нахальный.

— У тебя есть другие предложения?

— Откуда? — вздохнул Дыба. — Вы же знаете, что в первую очередь убивают младших командиров. Если у меня половина солдат осталась, то младших командиров и трети не наберется.

— Коршун давно уже на фронте, его знают.

— Там что-то неладное случилось, на наказании, — произнес Дыба, почесывая под мышками — видно, вши заели. Но даже если вши, то не к лицу комбату чесаться перед командиром полка. Коршун подумал, что в последние дни дисциплина падает, падает и уважение к начальству — первое, что ты видишь, когда армия разлагается.

— Я знаю, что там случилось, но к Коршуну не было претензий. Они там сами должны лучше охранять наказуемого.

— Шундарая поймали? — спросил Дыба.

— Поймают, — ответил комполка, — обязательно поймают. Ну куда Шундарай денется?

— Скроется в городе, — сказал Дыба.

— У него в городе есть родные? — спросил комполка.

— У всех в городе есть родные, — ответил Дыба.

— Ты ошибаешься, комбат, — сказал командир полка. — Думай головой, а не задом. Откуда быть в городе родственникам всех нас? Страна наша большая. Городом не ограничивается.

— Может, и нет у меня родственников, — согласился Дыба.

— А у Шундарая, допустим, есть. Но не здесь, а в другом городе, в дальнем.

— В дальнем? — В голосе Дыбы прозвучало недоверие. Как будто город был единственным.

Коршун не удивился. Он тоже раньше думал, что город — единственный и именно за обладание им идет война, но потом понял, что далеко не все из того города, можно сказать даже, что мало кто родом из города. К примеру, и сам Коршун никогда в нем не бывал и видел его лишь издали. На горизонте — небоскребы и старинные дворцы — в тумане, толком не разглядишь. А от низины казней город виден лучше, но все равно без деталей.

— Наша задача, Дыба, — сказал командир полка, — чтобы твои солдаты не соединялись со своими родственниками в городе. Потому что это может произойти в одном случае — если мы побежим до города задом наперед. А я хочу, чтобы мы все раньше легли в землю, чем отдадим город. Мне стыд глаза ест. Хуже слез. Я присягу давал! Позор, позор!

Командир разволновался, он бегал по своему кабинету, махал руками, словно сейчас поведет полк в атаку. Но никто не волновался, все ждали, пока он набегается.

Командир остановился, словно натолкнулся на стенку.

— Адъютант! — приказал он. — Нашивки для Коршуна.

Адъютант уже ждал, был готов. Он вынес из задней ямы картонную коробку с нашивками. Раньше у Коршуна было две нашивки, теперь стало сразу четыре — с сержанта он перепрыгнул в лейтенанты. Так бывает, когда мало командиров.

Нашивки с оборотной стороны были клейкими. Адъютант

оторвал тонкую бумажку, которая предохраняла нашивки, чтобы не приклеивались к чему ни попадя, затем пришлепнул их на рукава.

— Поздравляю, — сказал командир полка. — Теперь ты не младший командир, а средний командир. У тебя больше ответственности и больше прав. Займешь яму комроты и выберешь из его вещей то, что тебе подходит.

— Как же так, командир? — возразил Коршун. — Шундарай еще жив.

— Врешь! — крикнул командир полка. — Шундарай уже мертв! Он мертв для всех. Он дезертир и предатель. Могила — его койка!

— Это не совсем так, командир, — сказал Коршун.

— Гоните его, гоните! — приказал командир. — А то я его сейчас разжалую!

— Подождите его гнать, — сказал адъютант, — нам еще надо провести совещание командиров подразделений.

— Правильно, — сказал командир. — А то бы пришлось снова вас вызывать. Времени до боевого периода осталось мало, и надо подготовить позиции. Раз, два, выше голова! Садитесь. Адъютант, давайте сюда карту.

Карта была такая же, как у Шундарая, но новая и куда меньше исчерканная.

Командир обернулся к Коршуну и сказал:

— А ты потом перенесешь все на шундараевскую карту.

— Она старая совсем, — сказал Коршун, — невозможно работать.

— Ты же знаешь — с картами плохо. Воюем давно, откуда картам быть?

— Надо новые напечатать, — сказал Коршун.

— Не тебе распоряжаться, — рассердился командир, но потом сказал адъютанту: — Ладно уж, дай ему новую. Но чтобы старую ты сжег! Ясно? Враг не спит.

Адъютант открыл шкаф, там лежала целая пачка карт. Видно, они собирались воевать еще долго. Вытащил одну. С неудовольствием.

— Мне бы тоже надо, — сказал Дыба.

— Потерпишь. А то прибегут — всем подавай. Сегодня — карта, а завтра — сапоги.

— А ведь обещали новую форму выдать, — сказал Дыба.

— На поле боя, на поле боя добывай. Трофеи.

— Мы пока не добываем, а отдаем.

— Разговорчики!

Дыба ухмыльнулся. Он не боялся командира. Коршун тоже не боялся. Изображает из себя Суворова... Странно, вдруг вспомнилось имя того умершего маршала, которому подражал комполка.

— Суворов, — повторил Коршун вслух.

— Ты знаешь? — вдруг встревожился командир. — Откуда знаешь?

— А черт его знает — откуда, — улыбнулся Коршун. Он был на голову выше командира, и потому командир не приближался к нему, как не приближался и к другим высоким людям, чтобы не запрокидывать голову.

— Садитесь, — сказал командир.

Он разгладил карту обеими ладонями и с сожалением произнес:

— Жалко, что воздушного шара нет. Сверху взгляд — как орлы!

— Они все обещают, — проворчал Дыба.

— Что-то происходит за передней линией противника, — сказал командир. — А разведчика не пошлешь.

— Разведчика посылать нельзя, — согласился Дыба. — Штаб армии не велит. И чего они боятся?

— Они боятся того, что еще ни один разведчик не вернулся оттуда живым. А вот их носы, их уши — это нам присылали. Кидали в ямы. Людей надо беречь. Сбережешь солдата — найдешь мешок злата!

Командир глядел на карту.

— Здесь, — сказал он, — где у нас стоит второй батальон, можно быть спокойными. Они не пройдут. Если не приведут дракона.

— А дракон — это правда? — спросил Коршун.

— Это выдумка трусов! — ответил командир.

— Шундарай говорил, что видел его.

— Говорил, говорил — вот и договорился. Не отвлекай меня, Коршун. Меня беспокоит правый фланг. Видишь, как к нему близко подходит овраг. По этому оврагу можно выйти в самый фланг. Кого бы туда послать?

— У меня нет лишних людей, — сказал Дыба.

— А я думаю, что они направят туда главный удар.

— А поединок будет? — спросил Коршун.

— Разумеется, будет, — ответил командир. — Из штаба армии уже передали — скоро прибудет витязь. Все готово. На этот раз ему нет равных.

— Хорошо бы, а то уровень смелости падает у наших ре-

бят, — сказал Дыба. — Нельзя, чтобы три раза подряд их богатырь побеждал. Ведь уже и колдуны появились.

— Колдунов — к стенке! — закричал командир. — Еще раз услышу о колдунах — сам пойдешь на тот свет!

— Вам хорошо, вы образованный, — пробурчал Дыба, — а у нас они ходят. Все у нас ходят.

— Потерпи, не вздыхай, — рассердился командир. — А то найдем другого комбата, пойдешь в стрелки. Мне нужно, чтобы ты поставил полдюжины стрелков у выхода из оврага — они там полезут. Понятно?

— Понятно, — сказал Дыба, — Коршун пошлет.

— Почему я? У меня людей нет.

— А потому, что ты новенький. Если я спрошу других комроты, они спросят: а Коршун где?

— Дыба прав, — сказал полковой адъютант. — С тебя, Коршун, сегодня самый спрос.

— Я бы на твоем месте половину роты туда перебросил, — сказал Дыба, когда они ушли от комполка и возвращались траншеей в расположение первого батальона. — Они туда могут основной удар направить. И если прорвутся, на тебя все беды свалятся, а я тебя защитить не смогу. Хоть ты и хороший парень, но мне своя шкура дороже. Так и знай, что тебя расстреляют. Знаешь, что такое — козел отпущения?

— Нет, не знаю.

— И я забыл.

Коршун открыл сундучок Шундарая, не потому, что хотел поживиться, — вряд ли тут чем-то поживишься. У него было дело, о котором никому не скажешь. Делать его не хотелось, не сделать — нельзя.

Коршун кинул взгляд на песочные часы, что стояли на столе. Половинка песка уже высыпалась. Многого не успеешь. Но до санбата дойти он успеет.

Коршун кликнул своего ротного старшину — Мордвина. Никто не знал — это имя или национальность. Он был одноногий, но ничего, не жаловался. От ямы он далеко отойти не мог, но всех подменял — раньше Шундарая, потом Коршуна. Если кто из штаба придет или что случится — всегда в ротной яме есть нужный человек.

Коршун растолкал Мордвина, тот спал под старыми одеялами.

— Смотри на часы, — приказал Коршун. — Если меня не

будет, а в часах останется вот столько, на палец, ударишь тревогу. Понял?

— Чего не понять, — ответил Мордвин. — А говорят, что теперь ты вместо Шундарая.

— Прости, не сказал, — ответил Коршун. — Все так быстро произошло.

— А Шундарая повесили или расстреляли?

Как нехорошо получается. Надо же было человеку сказать! Хотя бы даже как подчиненному. Или роту собрать? Не надо собирать — в роте нет человека, кроме Мордвина, который бы не знал о том, что случилось.

— А ты куда? — спросил Мордвин. Он не обиделся. Не сказали, значит, не надо. Хотя он с Шундараем ладил. Мордвина хотели в тыл отправить, в город, а Шундарай не дал. И что делать в тылу Мордвину, который в жизни иного ремесла, кроме военного, не знает? Да и ходят слухи, что в городе с калеками, чтобы не кормить, поступают, как с бродячими собаками. Врут, наверное...

— По делу, — сказал Коршун.

— В медсанбат пойдешь?

— Зайду, — признался Коршун.

Дурак-дурак, а понимает.

Коршун пошел по траншее, потом по остаткам асфальтового шоссе, к грязному ручью. От него вверх, к развалинам. Когда-то здесь было много кирпичных домиков. Почему-то они развалились — остались груды кирпича. А за ними была видна большая длинная яма — в ней располагался госпиталь, который все называли санбатом.

Сюда попадали раненые или больные, кому можно было помочь. А если рана была тяжелая или смертельная да еще была опасность, что ты можешь попасть в плен, то тебя должны были добить свои. Такие на войне жестокие законы — ничего не поделаешь, ты же не в игрушки сюда приехал играть.

Охрана у санбата — место удобное и спокойное для бездельников и трусов — сидела в кружок, играла в кости. С охранниками играли и санитары.

Коршуна заметили, когда он уже спускался в яму.

— Ты кто такой? — спросил незнакомый охранник и потянулся к поясу.

Но старший охранник его узнал.

— Смотри-ка, Коршун, — сказал он, — новыми нашивками разжился. Ты что же теперь, за Шундарая будешь?

Коршун был недоволен тем, что охранник сразу догадался. Но ничего не оставалось, как признаться.

— Значит, все наследство тебе? — спросил тот же охранник — кривая рожа — и захохотал.

Коршун был настроен миролюбиво. Не потому, что охранника любил или боялся. Никого он здесь не боялся, но ситуация была такая сложная, что лучше остаться с охранником в хороших отношениях.

— Ты же знаешь, — сказал он серьезно, — чем эта история кончилась.

— Какая?

— Там, в низине казней.

— Говорят, что сбежал твой Шундарай. А другие говорят, что ты сам ему голову отрубил.

— Это кому как нравится, — сказал Коршун. — Потом тебе расскажу, без людей вокруг. Понимаешь?

— Ну иди, лейтенант, я уже понял.

Другие охранники стали спрашивать, но главный охранник прикрикнул на них и сказал — надо играть, а не рассусоливать. Перед ним на плоском камне столбиком лежали монеты. Видно, ему везло.

Коршун пошел по яме. Там, по обе стороны широкого прохода, стояли койки. На койках лежали раненые и больные, многие койки были пустыми. В дальнем конце ямы была натянута веревка, на ней, на кольцах, висела длинная, до земли, занавеска во всю ширину госпиталя. Из-за занавески слышались стоны. Коршун прошел по залу. С одной из коек его окликнули. Там лежал парень из его взвода, у него была ранена рука, задета кость, но вроде бы ранение не тяжелое.

— Что с Шундараем? — спросил солдат.

— Пока не знаю, — сказал Коршун. — Я не вру, в самом деле не знаю. А как рука?

— Болит, дергает.

— Может, нарывает?

— Может, и нарывает. У нас же с лекарствами плохо.

— Ну ты держись, возвращайся, ждем тебя.

— Если Шундарай вернется, скажи, что я помню, если что надо...

— Скажу.

— Ты ищешь Надин?

— А где она? В операционной? — Коршун показал на занавеску.

— Нет, она в прачечной, — сказал раненый.

Коршун пошел направо, там было отверстие в стене, тоже занавеска, но небольшая, за ней был склад — полки с лекарствами, бинтами и всякими нужными в санбате вещами. Еще дальше узкая щель вела в прачечную. Там стоял котел с кипящей водой. Два мужика из штрафников кидали в него грязную одежду и мешали ее веслами. Потом белье попадало на наклонные ребристые доски, и санитарки катали его скалками, стирали и полоскали в холодной воде, потом выжимали и развешивали. В яме смешивались горячий пар и холод.

Коршун сразу узнал Надин по красному платочку. Она никогда без него не выходила. На ней была серая одежда, ниже колен, и солдатские сапоги, только короче. Поверх серого платья был надет застиранный белый передник с красным крестом на груди.

Надин почувствовала, что он вошел.

Она бросила в бадью рубаху, которую стирала, и побежала к нему.

— Коршун, как хорошо, что ты пришел! Что там? Что случилось? Я же не знаю, я ничего не знаю!

— Ты можешь в сторону отойти?

Старшая сестра, которая стояла там с блокнотом в руке — проверяла, как они работают, сказала:

— Отойдите на вещевой склад, только ненадолго.

— А мне надолго и нельзя, — сказал Коршун.

Старшая сестра была доброй теткой. Хоть вид у нее был суровый. Здесь все были такие — обтрепанные судьбой, грубые, циничные. Редко встречались такие, как Надин. Как будто бабочка среди навозных мух. Да и работа здесь была у женщин трудная — их ведь мало на фронте. Они остались в тылу, растят там детей, готовят еду и вооружение для фронта, ухаживают за стариками. А здесь лишь доброволки, большей частью из публичных домов. Так говорят — да они и сами не отрицают. Если спросишь, никогда не ответят. Но командиры имеют право на женщин. В этом нет ничего дурного. А обычно бабы обслуживают сразу нескольких.

По-разному бывает. Среди них мало корыстных — да и что за корысть? Из трофеев чего-нибудь? Но какие трофеи в отступающей армии? Говорят, что у ублюдков много женщин, и публичные дома есть, и даже рестораны — у них много всего. А если к ним попадают наши женщины — ну гражданские, когда город или деревню захватят, или пленные из санитарок, — то они над ними измываются, а потом отдают своей солдатне в публичные дома. Там у них бесчеловечные отно-

шения, женщину не считают за человека. У нас все-таки получше. Если ты чего не хочешь, скажи старшей сестре или адъютанту полка, и тебя защитят. Бывает, правда, обязывают — но потому, что у каждого из нас должно быть чувство долга. У санитарок тоже.

Надин — женщина Шундарая. Так было с самого начала. Он как-то был в госпитале, его ранило в очередной раз — задел саблей моджахед. Но обошлось. Тогда как раз было новое поступление, и в санчасть приехала Надин — такая, на всех не похожая. К ней разные люди потянулись, а она стала сопротивляться. Коршун не вмешивался, он даже не знал, как там все это получилось. Но Шундарай никому ее не отдавал. Коршун тогда еще был рядовым, хоть и ветераном. Он пришел в санчасть — Шундарай его послал с запиской для Надин, что не сможет прийти — бьются они в окружении. Коршун пробрался в госпиталь и тогда увидел Надин.

С первого мгновения его охватила такая горечь, потому что у него были, конечно, женщины, но он забыл о них: женщины для солдата — это не основание для чувства. И вдруг он увидел ту женщину, ради которой был готов на все. У нее были легкие золотистые волосы, даже слишком тонкие — они казались золотым маревом, а глаза были голубыми, — она была узенькой и настолько беззащитной, что, казалось, не найдется на свете человека, который посмеет ее обидеть.

Но это только Коршуну так казалось. Он был идеалистом, так его старый доктор в госпитале называл. Потом доктора убили, по глупости, — он остался с последними ранеными при отступлении еще тогда, в позапрошлый бой. Он всех отослал и остался — а ублюдки ворвались скорее, чем успели вернуться с носилками. Ну и, конечно, его растерзали — чего от ублюдков ждать! Тот старый доктор называл Коршуна идеалистом. «Ну какой я вам идеалист, — отвечал Коршун, — видите у меня наколку — это значит, я в лагере сидел». — «В каком лагере и за что ты сидел, неизвестно, — отвечал доктор. — Мы с тобой находимся в театре, в жестоком театре, и, пожалуйста, постарайся не верить декорациям и пышным парикам. Под камзолами видны пиджаки и ватники. И все актеры».

Коршун был влюблен в Надин. Она знала об этом и очень смущалась. Она была женщиной Шундарая и говорила, что он очень хороший и он ее спас от страшной смерти. Шундарай ни о чем не рассказывал, но Коршуну было обидно, что за спасение от смерти можно любить человека и спать с ним. А Шундарай никогда не делал тайны из этого. Он даже рас-

сказывал Коршуну, какая Надин в койке. И Коршун хотел, чтобы Шундарая убили, и тогда он сможет спасти Надин. «Все это глупости, — уговаривал он себя. — У нас есть одна великая цель — борьба за свободу нашей родины, и мы должны идти на любые жертвы и даже смерть, и, только когда война окончится нашей неизбежной победой, мы вздохнем свободно...» А потом воображение рисовало Коршуну иные картины — ведь именно тогда все станет на свои места и грубый обрубок мускулистой плоти с узкими глазами по имени Шундарай вернется на свое низкое место в обществе, а Надин поймет, на что способен Коршун. Так думать было легко, но бесполезно, потому что Коршун не представлял, чем он займется после победы и будет ли он важнее, нужнее, богаче и уважаемее, чем Шундарай.

Шундарай чувствовал, что Коршун неравнодушен к Надин, и это ему нравилось. И странно: он ведь отлично знал, что у Надин немало воздыхателей, особенно среди раненых, потому что раненым она казалась ангелом, и они готовы были на все ради того, чтобы обратить к себе ее внимание. Он даже допускал, что она спит не только с ним, — как ему узнать, ведь не секрет, что прачки и санитарки обязаны быть подругами всем страждущим воинам великой армии. Но о других он мог и не задумываться, а Коршун был здесь, рядом. Коршуна всего перекашивало, когда Шундарай собирался на свидание к Надин, и Шундарай ничего не мог с собой поделать — не мог уйти, не прошептав Коршуну на ухо, что сейчас пойдет завалит Надин, а она его уже ждет и знаешь что она ему сделает. Значит, сначала так... И Коршуну бы уйти, отвернуться, сказать комроты, что не хочет слушать, а он все слушал, мучился и не мог не слушать, словно часть этой грубой, скотской, такой недостойной и не подходящей для Надин любви доставалась и ему.

А в остальном у них были славные отношения с Шундараем. Коршун, хоть и недолго был в роте, быстро поднялся до комвзвода, потому что в штабе быстро сообразили, что он не новичок, что он — настоящий ветеран и солдат. А Шундарай был профессионалом — неизвестно, сколько войн он прошел, — может, с младенчества взял меч в руку. И, как профессионал, он ценил специалистов. Он приблизил к себе Коршуна, но на переднем крае это не означает каких-то особых льгот. Наоборот, раз он надеялся на него как на профессионала, то и взводу выпадали самые трудные и опасные задания.

А когда на месте казни он увидел Коршуна, то ему не стало

стыдно, что его боевой товарищ увидит его позорную смерть, а он обрадовался, что Коршун запомнит и расскажет, если будет нужно, как Шундарай принял смерть. И подумал даже, что может не бояться за Надин. Коршун никому ее не отдаст — как бы он и свою женщину пристроил.

На побег он не надеялся и не рассчитывал на него до последнего мгновения. Но настоящий солдат всегда помнит о своей выгоде, и если обстоятельства подворачиваются удачно, надо воспользоваться...

Коршун и Надин отошли за бельевой склад. Там была пустая скамья.

Они сели рядом. У Надин были красные руки, в ссадинах и царапинах. Но ладони узкие, а пальцы хоть и разбитые, но тонкие. Наверное, на гражданке у нее были бы красивые руки.

Глаза Надин распухли, она недавно плакала, а лицо было распарено от стирки.

— Что с ним? — спросила Надин.

— Он убежал, — сказал Коршун тихо. Вроде бы побег Шундарая не был военной тайной, но, с другой стороны, новому командиру роты перед самым боем не стоит идти в санчасть и там разговаривать с санитаркой.

Сначала Надин ахнула, закрыла ладошкой рот, а потом безнадежно произнесла:

— Куда же ему бежать?

— На свете много мест.

— На свете мало мест, — сказала Надин. — Всюду идет война. Ведь он к ублюдкам не побежит?

— Не побежит, — согласился Коршун. — Они его знают, он им много вреда сделал. Если он к ним придет, они его разорвут.

— И к нашим ему нельзя, — продолжила фразу Коршуна Надин. — Его тогда по самому позорному разряду казнят. Тогда ему тысячу лет человеком не стать. Может, лучше бы ему...

— Он хотел, чтобы я ему голову отрубил, и там был один генерал, который разрешил.

— Какое счастье! — прошептала Надин и снова заплакала. — Чего же он отказался — это же не позорная смерть. Это же почти боевая смерть.

— И все же не совсем боевая, — возразил Коршун.

— Ты, наверное, расстраиваешься, что голову ему не отрубил.

— Пускай уж лучше убежит. Я не люблю убивать.

— Какой же ты солдат после этого!

— Вот такой уродился.

— А я думала, что ты рад его смерти, — сказала Надин.

— Нет.

— Я думала, что ты меня хочешь получить, сделать своей женщиной.

— Но не такой ценой, — смутился Коршун.

— Ты молодой еще, — сказала Надин. — Разве бывает достаточно высокая цена за женщину? Если ты ее хочешь?

— Я не говорю — высокая или низкая, — поправил Коршун. — Я говорю, что не такая.

— Это слишком для меня сложно. — Надин подумала, вытерла слезы подолом фартука с красным крестом. — Но, наверное, он скоро погибнет. Ты тогда ко мне придешь?

— А ты хочешь этого?

— Я не хочу одна оставаться.

Коршун спешил обратно, потому что скоро начнется боевое время. Командир должен быть со своими солдатами. Тем более если положение на передовой сложное, а предыдущий командир роты приговорен к расстрелу.

«Где же он прячется, черт побери? Вроде он говорил раньше, что у него нет родных в городке, он вообще откуда-то издалека, с востока.

Ну ладно, хорошо бы, он нашел себе убежище — а то если великие духи с неба увидели его и решили, что он нарушил Закон, то его обязательно найдут и накажут. Снова накажут, хуже прежнего. Может, и лучше было бы ему погибнуть. А я как бы на его месте поступил? Убежать — тоже надо иметь смелость. Как ни странно, порой легче подчиниться всему, даже смерти.

Все-таки кто-то за тебя решил».

В последнее время у Коршуна все чаще портилось настроение, но не так, как в молодости — весенним дождем: пролетело, вырвалось — и снова солнышко. Теперь такое настроение было больше схоже с тупиком, со стенкой, в которую ты упрся, идя по коридору, с лестницей, которая ведет вниз, в подвал, — это было плохое настроение от застарелой безнадежности.

«Вот я живу здесь в грязи, в бане был черт знает когда, и защищаю город на горизонте, но не уверен, есть ли там на самом деле мои родные, которых я должен спасти. Был ли я когда-нибудь в том городе?» Коршун старался порой вызвать в

себе память о своем доме... «если дорог тебе твой дом!» — какой он? Почему-то в снах иногда появлялся узкий коридор, в котором под потолком висел велосипед и с другой стороны у стены стоял шкаф, мешавший проходить в уборную. Но была ли это его квартира или порождение ложной памяти? Доктор, который вел беседу, говорил, что это не совсем ложная память — она бывает у многих, это память о предыдущей жизни. И в этом тоже была неправильность — у всех, кто вспоминал прошлую жизнь, она была человеческой жизнью, такой же, как сейчас, словно не должно быть воздаяния за добрые дела или наказания за грехи.

Надо спешить, вот-вот завопит сирена — начало боевого времени, а он не проверил позиции, не побывал на наблюдательном пункте. «Какой ты, к черту, комроты! Впрочем, надо было с самого начала отказаться — Золотуха был бы рад занять это место. Но они тогда заподозрили бы тебя в желании дезертировать». В армии, которая терпит поражение за поражением, появляются дезертиры, даже самострелы — не хочется погибать впустую. Но это Коршуну было непонятно. Человек рождается, чтобы выполнить свой долг. Хочешь не хочешь, ты выбрал сторону, значит, ты остаешься здесь, даже когда плохо.

Мордвин уже беспокоился, стоял возле штабной ямы, низенький из-за того, что деревяшка короче ноги.

— Уже присылали из штаба связного! — крикнул он облегченно, увидев Коршуна. — Сейчас сигнал будет. Наши очень настроены на личный поединок. Доставили чемпиона из города. Страшный мужик, говорят. Выше тебя на голову.

— Посмотрим, — сказал Коршун. — Ты кликни Золотуху.

Сам Коршун осмотрелся в яме. Хоть и бывал в ней сто раз — все же не свой дом. И даже койка коротковата.

— Мордвин, — приказал он, — быстро сбегай ко мне в яму, принесешь сундучок. Если отступать придется, не хочу, чтобы растащили.

— Так не говорят, — укорил его Мордвин. — Ты бросаешь тень на боевых товарищей.

Мордвин был хранителем боевых традиций, стоял стеной за честь и во всех драках, что возникали среди своих, следил за соблюдением правил. И ему подчинялись — он был авторитетом, словно заработал своей жертвой право не ошибаться.

— И еще скажешь, — продолжал Коршун, который понимал, как важно Мордвину лишний раз подчеркнуть свое право судить, но не хотел вступать в спор — ведь оба понимали,

что на передовой воруют и кража не считается серьезным преступлением: ведь я подохну, как и он подох. Но такие слова не умещались в голове Мордвина, навсегда расколотой и кое-как сросшейся над ухом толстым розовым рубцом. — И еще скажешь, — повторил задумчиво Коршун, — чтобы за меня взводом командовал Енукидзе. Найдешь его?

— А приказ?

— Приказ после боя. Надеюсь, ты донесешь до сознания.

— А если командир батальона возражать будет? — спросил Мордвин. Он махнул головой так, чтобы седые волосы прикрыли розовый рубец, — но ничего не вышло. Рубец растолкал волосы.

— Ты каску носи, — сказал Коршун. — Тебе же положено каску носить, когда выполняешь обязанности связного.

— Есть, товарищ лейтенант! — ответил Мордвин.

Он отыскал в углу среди тряпья кучу касок, некоторые битые, гнутые, даже с дырками. Из чего только их делают! Железа, что ли, не хватает? Выбрал по размеру, натянул на шрамы и заковылял к траншее.

Коршун открыл сундучок Шундарая. Это было и правильно, и неверно. Правильно, потому что он заступил на его пост — от командира секретов в роте быть не должно, а неверно, потому что Шундарай еще жив и если придет сюда за сундучком, то может на Коршуна рассердиться.

Но Коршун копался в сундучке не из корысти. У него была одна надежда.

В сундучке лежали новые носки, рубашка гражданская, будто Шундарай собирался дожить до мира... а может, давно уже намыливался смотаться из рядов защитников отечества? Кусок мыла, туалетного, такое только штаб-офицерам дают. Но у нас все можно достать, если захочешь. Потом среди вещей Коршун нашел щиток — такие щитки, удобные, легкие, бывают у ублюдков. Он был невесом, охватывал грудь как широким бандажом, и его не брала никакая сталь. Смотри, достал и молчал. Ничего, мы воспользуемся. Сундучок был выстлан толстой бумагой. Коршун поднял бумагу — там лежал конверт, коричневый, мятый, в нем были три разные фотографии Надин и еще бумаги. Коршун взял себе одну фотографию, и тут прямо над головой — отвратительно, гнусаво — загудела сирена.

Коршун захлопнул сундучок, сунув обратно пакет с письмами и бумагами, задвинул сундучок под койку Шундарая, стащил с себя куртку и тут же надел под нее стальной трофей-

ный бандаж. С ним он чувствовал себя уверенней. Это была ценная вещь. Мало у кого в армии такие были. Говорят, что их выдавали высшим офицерам, которым такие бандажи и не нужны. Это не бронежилет — тяжелый, но непрочный и не выдерживающий прямого удара.

Туда, за бандаж — благо он чуть эластичный, — Коршун затолкал фотографию Надин.

Сирена надрывалась, меняя тон и громкость, будто кто-то хотел убедиться, нет ли глухих среди воинов-защитников.

Когда Коршун вышел из ямы — солдаты уже выбрались из траншеи, некоторые поближе к брустверу, потому что перед боем, по обычаю, должен был состояться поединок. Это было заведено не нами — говорят, еще в средние века, и от исхода поединка многое зависело. Коршун даже спросил как-то Шундарая — а что от этого зависит? Ну пришьет один богатырь другого?

Шундарай только пожал плечами. А ротный фельдшер сказал:

— Знать надо. Психологический фактор — важнейший фактор на поле боя.

Этим он ничего не объяснил.

Богатырь с нашей стороны показался в тылу. Он шагал по главной дороге за знаменосцем, трубачом и барабанщиком. За ним шли помощники, массажисты, доктор, тренер и несколько лам из штаба дивизии. Это было внушительное зрелище.

Коршун знал, что у него еще будет время насмотреться на это представление для всего фронта. Но он знал, что представления представлениями, а война войной. И потому приходилось помнить об овраге, который так неудачно подходил к позициям батальона.

В траншее он встретил Золотуху и Мордвина. Мордвин тащил сундучок Коршуна, в котором только и было ценностей, что хорошей кожи славные башмаки и, конечно же, кубок из черепушки с золотым ободком.

— Привет, Золотуха, — сказал Коршун.

— Привет, — сказал тот, — нашили на тебя лычки, вижу?

— Прости, некогда было к тебе зайти. Сам понимаешь.

— И чем ты им понравился, Коршун?

— Летаю высоко, — ответил тот.

— Чего звал?

— Сейчас пойдем на бой затравщиков смотреть, я тебе все по дороге расскажу.

— А я? — спросил Мордвин.

— А вот у тебя, Мордвин, задача посложнее, — сказал Коршун, зная, что своим приказом сейчас нанесет глубокую рану своему заместителю. — Ты, Мордвин, сейчас перенесешь командную яму роты на запасные позиции.

— Это какие запасные позиции?

— Ты знаешь. Шундарай говорил. В трехстах метрах назад.

— Перед госпиталем?

— Это ближе к санчасти. Там позиция более выгодная, есть возвышенность. А здесь мы в конце оврага — они нас вытеснят.

— Не смей так говорить, — обиделся Мордвин. — Лучше я сам один здесь останусь.

— Не трепись, Мордвин, — сказал Золотуха, — Коршун прав. Пускай наша яма там будет. А то мы уже на самом переднем крае. А если документы в их руки попадут?

— Лейтенант Коршун, — высоким голосом служаки произнес Мордвин, — я буду вынужден доложить о вашей позиции и трусости начальству.

— Ради бога, давай, — сказал Золотуха.

— Я иду смотреть на бой, — сказал Коршун Мордвину. — А ты пошли отделение к выходу из оврага, а потом прикажи кому-нибудь сундучок ко мне перенести. Все спокойнее.

На бой затравщиков смотреть можно и рекомендуется всем, кто на переднем крае. Даже госпиталь приходит.

А затем из покинутых ям, из осыпавшихся траншей, оставшихся от каких-то забытых сражений, из голого леса, что всегда скрывается в тумане, приползают, ковыляют, бредут странные полулюди, тени тех, кто остался жить неизвестно зачем на ничейной и никому не нужной земле.

Так что зрителей к поединку собирается достаточно.

Вокруг вытоптанного поля — на этот раз пришлось очищать новое поле, старое уже захватили ублюдки — плотной толпой стояли зрители. По обе стороны — с нашей и вражеской — были поставлены невысокие трибуны, задрапированные национальными флагами. Наш флаг цвета крови, а в центре белый круг с изображением черного орла. Это древнее знамя державы. Ублюдки обшили трибуны для своих начальников светло-зеленым шелком, по которому раскиданы черные волки. Уродливый флаг.

Послышался гонг.

Участники боя затравщиков стояли в толпе болельщиков и руководителей схватки, а командование враждующих армий тем временем не спеша поднялось на соответствующие трибуны.

Хоть расстояние до той, враждебной, толпы было велико — как на двух противоположных трибунах футбольного стадиона, Коршун отлично мог разглядеть их маски. Маски у них были желтыми у рядовых, позолоченными у офицеров, с выпяченными губами, косыми шрамами глаз, а шлемы в отличие от наших, нормальных, человеческих, были похожи на половинки яиц и покрашены в зеленый цвет. Вид ублюдков, как бы далеко они ни были, вызывает в нормальном человеке чувство гадливости и желание придавить каждого так, чтобы желтая шея переломилась под твоими твердыми пальцами. Зачем они пришли на нашу землю? Чего им не хватало в их городах? Почему земля носит этих гадов, лишенных человеческих чувств и влекомых лишь жадностью и жестокостью?

Коршун оглядел ряд своей роты. Люди вскарабкивались на брустверы, стояли на могильных холмиках — ведь хоронили людей там, где кто погиб, — не тащить же на городское или какое-нибудь настоящее кладбище. Умерев, солдат становится частью земли-матушки, той самой, которую он так горячо защищал и за которую отдал свою жизнь.

Все были в масках. Нельзя показывать врагу лицо. Но наши маски серебряные, простые, и в этой простоте есть суровость. И каски наши куда более плоские, чем у них, с красивым невысоким продольным гребнем, который защищает от сабельного удара.

Коршун поглядел в сторону — там собрался госпиталь. Он узнавал медиков по халатам: белым — у сестер и санитарок, синим, в пятнах крови, — у хирургов и костоправов. У некоторых на груди были красные кресты. Коршун пытался разглядеть в той группе Надин. Вот она! Повернулась к нему, старается угадать Коршуна среди одинаковых воинов? Впрочем, он мог и ошибиться.

Сверху донесся глас бога войны — его принесли облака.

Он обращался ко всем сторонам. И к нам, и к ублюдкам.

В этом была несправедливость и в то же время — высокая справедливость. Какое дело богам до человеческих ссор и свар? Они получают жертвы от всех, и бог войны пожирает души погибших воинов, решая, кому из них воплотиться вождем, полководцем, а кому остаться золотарем или вообще стать никчемным бродягой. Высок бог войны Марс. Страшен лик его, никому никогда не явленный, — как умилостивить его, чтобы он помог тебе в сражении, сберег твою жизнь и честь твоей роты? Как отвратить его милость от ублюдков, прижавших нас спиной к родной столице?

Непонятен рык бога, он лишь вызывает бурление крови и желание схватить меч и кинуться на врага.

Но громовая музыка военных оркестров перекрывает этот рык, и к людям возвращается разум. Нельзя превращать войну в свалку, война — это великое действо, совершаемое по строгим законам.

И под музыку оркестров, под рев длинных прямых труб Коршун рухнул на колени и уткнулся маской в серую, мертвую от многолетних боев землю.

И вокруг него слышен был шум — сотни людей опускались на колени, принося молитву неумолимому и справедливому в своей несправедливости богу войны.

А напротив, по ту сторону поля, по знаку муллы также падали навзничь ублюдки — они поклоняются богу войны иначе и зовут его иначе, именем, которое не может быть произнесено, ибо осквернит уста воина.

— У-у-у-у-у-у-у-у, — поплыло над полем — сплелись голоса молитвы, в которой было лишь повторение имени бога, соревнование, кто скажет лучше, отчетливее, чей призыв, за которым скрывалось мысленное желание выпросить победу или хотя бы малую помощь в бою, дойдет до ушей бога. И тогда все повернется в нашу пользу!

Звук моления как бы отражался от низких облаков и падал на землю, тяжело и душно.

Становилось ясно, что богу не важно, кто победит, он, как и любой бог войны, лишь жаждал жертв — крови и плоти людей.

Высокий пронзительный крик трубы прервал моление.

Наступила тишина, в которой проблески отдельных голосов казались лишь редкими дождевыми каплями.

Справа от Коршуна толпа раздалась — рыцарь, надежда честных людей, медленно продвигался к вытоптанной пустоши.

Традиция повелевала боем.

На голове рыцаря был легкий стандартный боевой шлем, серебряная маска охватывала лицо и закреплялась за ушами. Грудь была прикрыта железными квадратами, нашитыми на кожаную куртку, их дополняли металлические наплечники и налокотники. Медные браслеты охватывали кисти рук. В правой руке рыцарь держал длинный, мутно блестящий меч, в левой — короткий, чуть загнутый на конце зловещий кинжал.

Короткие штаны до колен тоже были кожаными, под ними были видны наколенники и поножи, опускавшиеся до армейских башмаков.

Рыцарь остановился на нашей стороне поля, и взгляд Коршуна переместился на ту сторону. Он разглядел рыцаря, которого привели моджахеды. Странное слово — «моджахеды»: откуда оно взялось? Оно нерусское, и ублюдки не признают его своим. По крайней мере так говорил один капрал, который попал в плен к ублюдкам и чудом остался жив.

Он смог убежать из плена и перед тем, как за ним примчались черномундирщики и утащили его в штаб, откуда он не вернулся — видно, его до сих пор допрашивают в контрразведке армии, — успел рассказать, что обозвал своего тамошнего конвоира моджахедом, а тот удивился — что это значит? Так и не признался, что слышал это слово раньше. Они ведь дьявольски скрытные — эти ублюдки.

На поле вышли обязательные лица. Музыкант — маленький мужичок с медными тарелками. Он попробовал, как они звучат, несильно ударяя и в то же время дергая в стороны, как человек, который выбивает искры между кремнем и огнивом.

Звон получился громким и раскатистым. В любом бою его нельзя не услышать.

Затем пришли два доктора.

Они были представителями от обеих сторон — один в золотой маске, другой — наш — в серебряной. Они поклонились друг другу. Считается, что враги как бы остаются над схваткой. Но это, конечно, ложь. Известно, что если в бою попадает в плен санчасть или госпиталь, то ублюдки обязательно убивают, замучивают всех раненых, а врачей — некоторых тоже убивают, а других уводят с собой. Это касается и санитарок с сестрами. Кое-кого насилуют и мучают до смерти, а других утаскивают к себе — больше их никто не видит.

Наконец появился сам судья.

Он был в длинном, до земли, халате, из-под которого поблескивали латы. Судьям тоже не хочется попадать под случайный удар.

В руке у судьи было недлинное стальное копье с острым наконечником. С его помощью судья может заставить рыцарей сражаться по правилам или даже остановить стычку. Судьи известны тем, что они — мастера управляться с такими копьями.

Ну вот, все готово.

Коршун опять посмотрел в сторону медиков — они стояли плотной группой. Среди них было несколько легкораненых, которым разрешили пойти на поединок. Ну где там Надин? Надин, откликнись!

Одна из масок смотрела в его сторону. На переднике был нашит красный крест. Нет, нельзя быть уверенным.

Доктора и ассистенты, ламы и муллы, музыканты и водоносы — рыцарям разрешено в перерывах между раундами напиться, — все отошли назад, освобождая место для боя.

Рыцари некоторое время стояли, ожидая удара гонга.

Генерал на нашей трибуне поднял руку. В ответ генерал на той, вражеской, трибуне тоже поднял лапу.

Музыкант с тарелками изо всех сил ударил в них.

По толпе прокатилась дрожь.

И тут же все начали кричать — это было заразительно, как в детстве, и Коршун кричал, подбадривая своего рыцаря.

И, как бы подстегнутые этим, рыцари бросились друг на друга, сверкнули мечи — они сшиблись ими, — и тут же мечи отлетели вверх от удара.

Снова ударились — снова отлетели.

Теперь рыцари, чуть согнув ноги — так легче отпрыгнуть, если надо, — начали ходить по кругу: они как бы испытали друг друга, показали всем, что равны по силе, и теперь удвоили осторожность.

Порой кто-нибудь из них взметывал меч и тут же отпрыгивал назад, мечи касались кончиками, и в тишине на поле слышно было, как металл звякал о металл. И тут противник сделал неожиданный глубокий выпад вперед, так что достал до груди нашего рыцаря.

Толпа ахнула. Но удар меча пришелся в нагрудные пластины и не причинил рыцарю вреда.

«Ох» облегчения прокатился по нашей половине поля.

Наш рыцарь понял, что пришло время действовать всерьез, и, перехватив меч второй рукой, рубанул по врагу сверху двумя руками. Кинжал он успел отбросить, и тот змейкой упал на жесткую землю. Коршун не понял, как же получилось, что ублюдок успел отпрыгнуть, — но меч просвистел в воздухе, и рыцарь еле удержался на ногах, подставив противнику плечо.

Коршун видел и понимал, что тут и нужно нанести ответный удар. Ему самому приходилось не раз биться на мечах, а это простое, но тяжкое искусство.

Возможно, ублюдок тоже увидел такую возможность, но, отклоняясь от вражеского выпада, он на мгновение потерял координацию движений, так что ответный выпад запоздал.

Теперь они рубились, как рубят дрова, — держа мечи обеими руками, замахиваясь с кряхтеньем, с хрипом, били как по бревну.

Возможно, для фотоснимка такая драка была хороша, но Коршун-то знал, что даже очень сильный человек при таком бое быстро теряет силы. Ведь приходилось не только бить, вкладывая в удар всю силу — иначе твой меч вылетит из рук и ты останешься безоружным, — но и двигаться, прыгать, выбирая позу для следующего удара.

Удар, еще удар. Зрители — всем стадионом — шумели, как волны, — то накатывались на берег, когда сталкивались мечи, то примолкали. Коршуну хотелось бы послушать, как дышат рыцари, — но, конечно же, он не услышал.

Наш рыцарь медленно отступал, с каждым разом его удар становился чуть слабее, и поднимать меч становилось трудней.

Но на помощь ему пришел авторитет судьи.

Он поднял вверх песочные часы, песок в которых уже высыпался вниз. Значит, раунд кончился. Можно передохнуть.

Музыкант ударил в тарелки.

Рыцари разошлись метров на двадцать. Им вынесли табуреты. Ассистент стал капать из мокрой тряпки на лицо рыцаря так, чтобы вода заливалась за маску.

Помощник судьи, прежде чем повернуть песочные часы, выстукивал по медному треугольнику гвоздем, часто, как пульс, — это было время перерыва.

Вместо мечей противникам выдали сабли.

Перерыв кончился. Коршун протискивался в сторону медиков, благо никто не обращал на него внимания. Коршун добрался до них и тогда узнал Надин. Хоть и в маске — он узнал ее по фигуре, по рукам. Она тоже сделала движение в его сторону. Коршун угадал глаза в прорезях металлической маски и краешек красного платка, выбивавшегося из-под металла.

— Ну как ты? — спросил Коршун тихо.

— Ничего нового? — спросила Надин, и Коршун расстроился. Он и не думал о Шундарае, а она о нем думала.

— Даже если они поймают его, — сказал Коршун, — они нам не скажут. Мы доживем до конца нашей кармы и никогда не узнаем.

— Ты посмотри у него в сундучке, — попросила Надин. — Нет ли там чего-нибудь обо мне. Мне не хотелось бы оставлять для чужих людей.

— А что там может быть? — Коршун не стал признаваться ей, что уже копался в сундучке Шундарая.

— Там мои фото и письма, — сказала она. — Конверт. Принесешь?

— Принесу.

— Обещаешь?

— Одну фотографию я оставлю себе.

— Глупый, это никому не нужно.

— И тебе не нужно?

— И мне не нужно, — ответила она жестко. — Только письма не читай.

— Тогда я возьму фото.

— Возьми. Как хочешь.

Громко закричали вокруг.

Коршун посмотрел на поле.

Наш рыцарь смог задеть ублюдка по левой руке. И даже, кажется, отрубил ему пальцы. Тот завизжал — отпрыгнул в сторону, кровь лилась на землю.

Наш рыцарь сразу пошел вперед — добить. Он понимал, что это надо сделать до удара гонга, потому что в перерыве ассистенты завяжут руку, остановят кровь, а последний раунд был на дубинках, и еще неизвестно, чем все кончится.

Наш рыцарь пошел вперед, а враг, прижав к груди окровавленную руку, отбивался саблей. И ясно было, что он не сумеет удержаться, уж очень сильно шла кровь.

Коршуну даже показалось, что ублюдок пошатывается, — видно, бой окончится раньше, чем обычно. И боги, которые всегда следят за боем людей, будут недовольны.

И все бы кончилось так, как рассчитал Коршун, если бы не чертова лунка — ямка в сухой земле. Наш рыцарь попал в нее носком башмака в тот момент, когда рванулся вперед, чтобы нанести удар по шее ублюдка.

Рыцарь потерял равновесие — на секунду, сделал лишний шаг и подставил бок врагу.

Тот с оттяжкой ударил саблей по боку и разрезал кожаную куртку — сбоку она без железных пластин: туда редко удается достать.

Коршуну было видно, что сабля исчезла в боку рыцаря, как нож исчезает в буханке хлеба. Рыцарь потерял равновесие и отступил не столько от слабости, как от желания избежать нового удара саблей.

Его враг снова занес саблю для удара.

Наш рыцарь все отступал назад. Он не мог зажать рану, потому что она была с правой стороны — рука была занята саблей.

Наш рыцарь сообразил — он перекинул саблю в другую руку — и попытался сам перейти в атаку.

— Нет, — сказал Коршун — он заметил, что Надин вцепилась ему ногтями в ладонь, — не сможет. Сабля глубоко прошла. Что там у него?

— Печень, — сказала Надин.

Коршун слышал, как переговаривались доктора — они обсуждали характер раны и тоже, видно, пришли к мнению, что нашему рыцарю не выкарабкаться.

Но это так, вполуха. Ему было больно от ногтей Надин, но он не смел вырвать руку — от этой боли исходила сладость.

Оба рыцаря обливались кровью.

Наш рыцарь все же добрался концом сабли до шеи противника и резанул по открывшейся полоске кожи. Но только концом лезвия — и хоть кровь брызнула оттуда, но рана была неглубокая. Зато ублюдок завопил так, что слышно, наверное, до самых облаков, и ударил нашего рыцаря.

И удар ублюдка был мастерским. Таким, что голова нашего рыцаря некоторое время стояла, наклонившись под углом к шее, словно он хотел близоруко разглядеть врага, а потом он стал падать — сначала на колени, — рука с саблей еще совершала движение к врагу, но тот следующим умелым ударом отрубил кисть с саблей — видно, острая у него была сабля. И все же наш богатырь продолжал бороться — он на коленях полз к врагу, протягивая раздвинутые пальцы левой руки.

Тот отбежал, не стал наносить последнего удара.

Может, он был прав.

Наш рыцарь прополз три или четыре шага на коленях, потом поднялся на ноги, сделал еще два шага и упал.

Надин уткнулась головой в рукав Коршуна.

Враги прыгали от радости — эта победа помогала им в сегодняшнем бою. Есть такое правило: чей богатырь побеждает, те почти наверняка выигрывают весь бой.

Несколько служителей, помощников палача, выбежали на поле, подхватили тело мертвого рыцаря специальными крючьями и потащили к носилкам. Того, чужого, рыцаря подхватили под руки медики, и один из них стаскивал с него куртку с пластинами, а второй обматывал раненую кисть.

Само поле быстро пустело — вот-вот начнется настоящий бой.

В разные стороны разошлись судьи и ассистенты.

— Прости, — сказал Коршун Надин, — мне пора.

Она сразу послушно отошла от него. Он поднял ладонь — на ней были красные кровоточащие полумесяцы.

— Ой, это я?

Коршун бы зализал их — но как зализежь в маске? А в боевой период снять маску — воинское преступление.

— Ничего, — сказал Коршун, — заживет. Это пустяки. Ты беги к госпиталю. Там безопаснее.

— Береги себя, — сказала Надин.

— Уж я постараюсь, — ответил Коршун.

Пока тыловые люди и бродяги разбредались с поля боя, в траншеях и штабных ямах уже кипела работа — вот-вот начнется настоящий бой.

Коршун оставил на связи Мордвина, а сам пробежал к канаве, в которой сидела дюжина старослужащих солдат, ожидая, что именно там, через овраг, ублюдки могут прорываться.

Солдаты рыли себе укрытия — конечно, надо было бы сделать это пораньше, но грустная история с Шундараем и затем совещание на командном пункте полка задержали Коршуна. Он должен был проверить, как его солдаты готовы к защите канавы. Справа начинались корпуса санатория, он когда-то стоял на берегу речки, но речка превратилась в грязную канаву, да и сами корпуса стали грудами трухлявых бревен и кирпича. Оттуда Коршун нападения не ждал, хотя бы потому, что ублюдки тоже знали, что развалины санатория — дурное место и тот, кто побывал там, заболевал неизлечимой смертельной болезнью. Доктор сказал, что там радиация, но никто не знал, что это такое. Коршун помнил... вот-вот вспомнит как следует. Но до конца не вспомнил. На краю санатория они похоронили Попугая. Потому что иначе его надо было тащить в общую вонючую яму, как раз за местом казней, там водились страшные гады, которые пожирали трупы, а заодно могли сожрать и могильщика. А здесь, в земле, Попугаю удобнее и не так страшно — правда, было нелегко выкопать яму, а потом затоптать ее и завалить сучьями и бревнами, чтобы никто не догадался, — ведь хоронить в санатории — воинское преступление. Но никто не продал, никто не настучал. Даже Дыба не догадался. Дыбу кто любит? Никто. Дыбе плевать на людей. А люди понимают, что если они не будут держаться друг за дружку, то их всех перебьют. Известно, как ублюдки друг за друга стоят, попробуй только убей кого-то — весь его род поднимется против тебя. Но это было в мирное время. Теперь все враги всем.

Коршун с некоторой тревогой поглядывал на развалины санатория. Конечно же, оттуда не должны напасть, но вдруг они привезут на фронт зеленых новичков — им ничего не скажут про радиацию и пошлют? А потом будет поздно.

Коршун отделил двух дружинников, братьев Гор, хорошие ребята, но очень хотят вернуться с войны живыми. Он им приказал глаз не спускать с санатория, если какое-нибудь там движение — сразу сообщить.

— А ты где будешь, комроты? — спросил старший Гор.

— В начале боя я с вами побуду, — сказал Коршун. — А если возникнет нужда, перейду на командный пункт.

Он почувствовал, как люди вздохнули с облегчением. Казалось бы, что может один лишний человек, комроты без году неделя, но все же они не останутся одни. У солдат, подумал Коршун, есть сходство с детишками, как в детском саду. Они сами пугают себя страшными рассказами про черную руку, сами плачут от страха, но если с ними воспитатель, то никакая черная рука не страшна. Они будут искренне над ней смеяться. Странные мысли приходят иногда в голову, и не знаешь, насколько они твои, насколько они принадлежат другому человеку — твоему предыдущему рождению. Ведь стоило ему подумать чуть глубже, копнуть в собственной памяти, и оказывается, что он не знает, что такое детский сад. Сад? Значит, там деревья. А на них плоды — или листья?

— Коршун, я думаю, что пора нам выползать к тому концу канавы, — сказал старший Гор. — Они пробираются оттуда.

— Погоди, — сказал Коршун, — я сам посмотрю.

Он пополз до конца канавы, теперь надо было перебраться через старый обсыпавшийся бруствер. Но неприятное предчувствие не оставляло его. Коршун снял каску и приподнял ее над бруствером.

Со звоном в каску ударилась стрела.

Лучник притаился рядом.

— Шагов пятьдесят, — сказал Золотуха, оставивший свой взвод и пришедший сюда. Его тоже привело сюда недоброе предчувствие — это важное качество на войне, оно помогает выжить. С Золотухой прибежали четыре камнеметчика.

— Молодец, — сказал ему Коршун, сползая в канаву. — Вели своим людям быстро пробежать к самым развалинам. Оттуда легче стрелять. Но только по моему приказу.

Потом он обратился к своим солдатам:

— Сейчас нам придется нелегко. Мы даже не знаем, сколько их, — как всегда, эта долбаная разведка ничего не сообщила.

— Так ведь воздушный шар сбили! — напомнил Золотуха.

— По боевым точкам! — крикнул Коршун.

Солдаты разбежались вдоль канавы, затаившись в тех про-

битых заранее выемках, откуда можно было бить из арбалетов.

Коршун велел Золотухе оставаться в канаве, а сам побежал к завалам санатория — там уже сидели, затаились за бревнами камнеметчики. Откуда-то справа донесся нестройный крик — там началась рукопашная. Что-то слишком рано для боя — кто там? Третий батальон? Ну ничего, отобьются, у них потери не такие, как у нас. Один из солдат вдруг охнул и свалился в канаву. Хвост стрелы торчал из прорези для глаз. У ублюдков были хорошие лучники. Тут же начали отстреливаться наши. Коршун видел, присев в канаве, как солдаты натягивали тетиву, прицеливались, и стрелы со свистом уходили прочь.

Отправив Золотуху обратно, Коршун побежал, пригибаясь, по канаве вправо к развалинам санатория, где засели камнеметчики.

Они умело залегли среди бревен — конечно, было бы лучше зайти еще дальше во фланг ублюдкам, но камнеметчики не смели углубиться в дебри санатория.

Отсюда, сквозь груды палок и сухих ветвей, был виден широкий овраг, по которому продвигались к нашим позициям ублюдки. Командир полка был прав — основной удар они решили нанести оттуда, расколов пополам позиции дивизии. Коршун приказал легкораненому стрелку бежать в штаб полка с запиской командиру — сюда немедленно требовалось подкрепление. Коршуну долго не продержаться с несколькими арбалетчиками и камнеметчиками, которых привел Золотуха. А ведь за спиной открытое пространство — можно дойти до самого госпиталя.

Ублюдки перебегали и затаивались за камнями и пускали стрелы в сторону позиции Коршуна. Некоторое время их сдерживали арбалетчики, но, когда враги приблизились к канаве, Коршун пустил в дело последний резерв — камнеметчиков. Они настроили свои пращи — как по команде все четверо приподнялись и метнули округлые камни, — и каждый нашел свою жертву. Камнеметчики были особым от остального войска братством — все у них, от специально обточенных камней до жил, из которых изготавливали пращи, требовало знаний, школы и тайны.

Из оврага донеслись крики — камни камнеметчиков пробивали шлемы и бронежилеты.

— Отбегай! — приказал Коршун. — В завал.

Камнеметчики нехотя поднялись и затрусили следом за Коршуном. Он лучше их знал, что сейчас начнется, потому

что видел, во сколько раз ублюдки превосходят их числом и снаряжением. Ему непонятно было: неужели в полку не знают о том, что происходит на его фланге? Или они действуют по каким-то планам, недоступным простому лейтенанту.

Он вовремя увел камнеметчиков. На то место, где они только что прятались, обрушился град стрел и камней.

— Теперь возвращайтесь и дайте еще один залп. Надо показать, что нас много. Если удастся выстрелить по два раза, то представлю к награде. А потом — снова в укрытие. Ясно?

Камнеметчики не отвечали, они поставили и примеряли к пращам округленные, смертельно равнодушные камни.

Коршун скатился в канаву к своему бывшему взводу. Несмотря на то что Золотуха отдал ему еще нескольких человек с других траншей, здесь дела шли хуже некуда. Несколько раненых лежало на дне канавы. Если стрела попала в руку или ногу — не страшно, но раны в живот и в глаз были смертельными — наконечники стрел у этих подонков зазубрены, и если начнешь тащить стрелу, то вытащишь все кишки.

В иное время Коршун приказал бы запасным солдатам оттащить раненых в лазарет. Но сейчас людей не хватало. И это было плохо, потому что, когда стрелок боится получить рану и тем более понимает, что некому оттащить его до лазарета, он робеет и уже готов сам покинуть позиции.

Коршун пошел на риск. Он сам осмотрел раненых, лежавших на дне канавы.

— Сейчас, — обещал он, — мы отведем в лазарет самых тяжелых. Кто сможет, пойдет сам. Но без моего приказа позицию не оставлять. Мы с вами должны потерпеть — я добегу до правого фланга к камнеметчикам, оттуда виднее, что нам грозит.

Посланный в штаб не возвращался, от Золотухи тоже не было вестей.

Коршун под внимательными и тревожными взглядами раненых, пробежал, пригибаясь, к руинам санатория.

Там осталось всего двое камнеметчиков. Еще один был убит, один ранен в руку и не мог стрелять.

— Мы уходим, — сказал один из двоих здоровых. — Они нас везде достают. Это бойня.

— Погоди, — попросил Коршун. Он не мог им приказать. Он понимал, что умирать никому не хочется. — Дай я посмотрю, что там творится.

У Коршуна не было надежного наблюдательного пункта в

центре позиции. Отсюда, с фланга, он хоть мог увидеть, что происходит в овраге.

Он все еще рассчитывал на суеверие ублюдков, которое не позволит им идти через территорию санатория, так что точка, с которой он смотрел на овраг, была фактически крайней на всей линии боя.

Он осторожно просунул голову сквозь деревяшки и сухие ветки, и то, что он увидел, его испугало — такого он не ожидал.

Овраг буквально кишел вражескими солдатами — тут их было не меньше батальона. Первые ряды несли перед собой овальные щиты, надежно защищавшие от стрел. Сколько раз Коршун требовал, сначала от Шундарая, а потом от Дыбы, чтобы ускорили поставку щитов для их роты из города. А там все обещали, но ничего не делали. А перед щитами камнеметчики были бессильны.

Вперед вышел командир наступающей колонны.

— Дай сюда скорее. — Коршун протянул руку к камнеметчику.

Тот понял, но спросил:

— А я как же?

— Берите вашего раненого и бегите в канаву к остальным. Здесь вам уже делать нечего.

— А праща?

— Ну если ты такой мастер, — озлился Коршун, — то сам и стреляй.

— И выстрелю! — сказал камнеметчик и подполз к Коршуну. Но увиденное испугало его настолько, что он прошептал: — Бери пращу, командир, потом отдашь.

Он скатился вниз в ложбину, где лежал их раненый, и они втроем поспешили прочь, к канаве, хотя Коршун подозревал, что в канаве они не остановятся, а пойдут еще дальше в тыл.

Разглядывая командира ублюдков, который неразборчиво выкрикивал команды, Коршун догадался — если, правда, он правильно догадался, — что его комполка решил пропустить колонну ублюдков, пожертвовав ротой Коршуна, а затем отрезать ее ударами с двух сторон. Но в то же время Коршун далеко не был уверен в своей правоте, потому что в развалины санатория солдаты могут не сунуться.

«Я не имею права на такие упаднические мысли, — сказал себе Коршун. — Мы отдаем свою жизнь за спасение города от ублюдков, это наш долг. И пускай я умру...»

И пока он повторял про себя эту молитву солдата, рука его

отошла назад — он умел обращаться с пращой не хуже камнеметчика.

Он не надеялся на успех — в планы Коршуна входило лишь желание внести смятение в боевые порядки врагов и выиграть немного времени.

Наконец движение внутри колонны противника закончилось. Солдаты со щитами оказались спереди и по бокам колонны, как в римской фаланге.

Офицер поднял руку, приказывая этой непробиваемой «свинье» двинуться вперед.

Сам же повернулся, чтобы войти внутрь фаланги, для чего два солдата в первом ряду чуть раздались в стороны.

И в этот момент Коршун кинул камень из пращи, вложив в этот бросок всю силу. Он должен был попасть!

Спереди офицер был закован в латы, но сзади была лишь кожаная куртка.

Камень — тяжелый, круглый — ударил в основание шеи.

Офицер захрипел и упал лицом вперед как раз в щель между щитами, куда он намеревался шагнуть.

Убедившись, что цель поражена, Коршун скатился в низину, пробежал до канавы.

Но там никого не было, кроме трех мертвых солдат и одного, раненного в живот и потому безнадежного.

— Добей меня! — закричал он Коршуну. — Добей меня. Эти гады меня бросили.

— Где они? — крикнул Коршун.

— Добей меня!

Коршун подчинился этому требовательному крику. Он шагнул к раненому, тот слабыми руками постарался разорвать ворот кожаной рубахи, чтобы Коршун убил его сразу. А тот крикнул:

— Руки убери, дурак! Руки убери, а то пальцы отрублю.

Солдат испугался, что Коршун попадет ему по пальцам, и отпустил руки.

Коршун коротко рубанул по шее, и голова откатилась на недосказанном последнем слове — только рот остался полуоткрытым.

Эта задержка стоила Коршуну многого. Ему показалось, что, убив офицера, он остановил движение фаланги на несколько минут, но задержка с раненым, оказывается, сожрала все выгаданное время.

Вершины щитов показались над бруствером.

Коршун понял, что это означает, и кинулся со всех ног, но

не прочь от фаланги, куда и полетела туча стрел, выпущенных лучниками, а вбок, к развалинам санатория, где он только что был.

Если его и увидели солдаты первого ряда, они не могли ничего сделать, потому что были вооружены короткими копьями с широкими наконечниками — зубами дракона.

Никто не стал преследовать одинокого воина, который бежал в заколдованное место — развалины санатория.

На месте, где только что скрывались камнеметчики, было пусто и тихо. Откуда-то издалека доносился шум битвы. Но он не касался Коршуна. Куда ближе были голоса и топот фаланги врагов, которая перевалила через бруствер, пересекла канаву и прорвалась в расположение полка.

Коршун старался представить себе, что же думает командир полка, что думают наверху, в штабе, — ведь прорыв в этом месте, куда никто не удосужился подвинуть хотя бы батальон с десятком катапульт, опасен всей линии обороны и даже укреплениям самого города. Неужели они не понимают, что ставят под угрозу именно то, ради чего идет эта священная война?

Наверное, это отступление — часть запланированной операции. Рядовому командиру роты, тем более назначенному неожиданно и почти случайно, не положено знать о стратегических планах армии. Из норы суслику фаланга моджахедов кажется гигантской и несокрушимой. Но ведь в ней дай бог батальон и никакого тяжелого вооружения. Их просто заманили в западню, а сейчас перебьют. Фаланга — сплошной строй, строй колонны, он вымер с появлением огнестрельного оружия.

Эти странные рассуждения несколько успокоили Коршуна, и он углубился в развалины. Здесь было слишком тихо и слишком мертво — никакой жизни.

Коршун остановился и задумался. Неужели и в самом деле его бывшее существование, как учат полковые ламы, держит в его памяти эти странные, не нужные никому и не имеющие под собой реальной основы образы и реалии... кто и где учил его о преимуществе цепи перед колонной? Нет, здесь этого не говорил никто.

Коршун присел на гнилое бревно. Впереди поднималась некогда белая оштукатуренная стена с оконными проемами, в которых торчали блестящие зубы стекол.

Куда деваться? Идти в штаб? А где ты найдешь штаб? Жалко чашу с золотым ободком — второй такой чаши нет во всей

армии. Но, судя по всему, его сундучок попал к ублюдкам. В любом случае передний край нашей обороны ими прорван.

А что дальше? Вдруг они доберутся до санчасти? Там же раненые, там врачи. Там Надин, в конце концов!

И он понял: нужно отыскать Надин и постараться спасти ее.

Коршун хотел пройти к госпиталю по краю развалин, но, как только приблизился к открытому месту, услышал голоса ублюдков. Они перекликались, и он знал почему — всегда после боя ублюдки обыскивали трупы или раненых, снимали с них все ценное, а если обнаруживали живых, то добивали. Такой у них был сволочной обычай.

Надо признать, что и наши вели себя не намного лучше. Если ты солдат, то после победы в бою нет большей радости, чем забраться в чужую яму и пошуровать там или снять с врага нагрудник или поножи, отыскать среди убитых старинный меч в славных кожаных ножнах или кинжал-убийцу, острый, как порыв ледяного ветра. Впрочем, таких побед наши не одерживали так давно, что трудно понять, то ли ты придумал такой набег, то ли он был когда-то. Но ведь именно так Золотуха добыл свой кинжал, а Григор, который потом погиб от случайной стрелы, сапоги с застежками.

Коршун продвигался в тыл, стараясь найти путь достаточно безопасный. Он держал меч наготове, и пальцы, сжимавшие рукоять, даже заныли от долгого напряжения. Земля была усыпана трухой, досками, бревнами, кусками штукатурки и даже остатками разломанной мебели. Перед ним вдруг открылась круглая полянка, на которой плотным полем были разложены пружинные матрасы, ржавые, но не потерявшие упругости, затем Коршун пробежал дорожкой, усыпанной битой посудой, помятыми котлами и кастрюлями. Ему нужно было пройти сквозь зал, крыша которого давно уже провалилась, а в полу зияли длинные черные пустоты от исчезнувших досок.

Коршун остановился — надо было бы обойти это сооружение, но по сторонам его возвышались такие завалы трухлявых бревен и досок, что Коршун решил — быстрее будет пройти этим залом.

Там было полутемно.

Не поднимая головы, Коршун быстро шел, перепрыгивая через дыры в полу, перебегая по бревнам, на которых лежали доски... И вдруг он услышал короткий смешок.

Он сразу остановился и вскинул меч.

В неожиданной встрече он был в невыгодном положении — неизвестный противник увидел его заранее и потому имел преимущество.

Коршун не сразу разглядел источник смеха — в углу гнилого зала стоял стол, покрытый рваной серой скатертью. За столом на стуле сидело привидение.

Коршун знал о привидениях — многие говорили о них, но мало кто остался жив, увидев его.

Это был очень старый человек. Старый не возрастом, потому что у него были черные, грязные, спадающие на плечи волосы и такая же спутанная, по пояс, борода, но лицо его было протерто до костей, и глаза выглядывали из костлявых глазниц. Пальцы рук, покойно лежащих на скатерти, чуть не доставая до пустого красного бокала на высокой ножке, были обтянуты кожей, которая давно порвалась на сгибах, и сквозь ее разрывы были видны тонкие белые косточки. Одежда на этом привидении была под стать ему — некогда это был черный или серый халат, а может, свободный пиджак — черт его разберет. Теперь полосы ткани свисали с плеч на костлявую грудь. Зато на шее был тщательно завязан относительно новый полосатый галстук.

Коршун, конечно же, испугался. Каждый человек, а тем более воин, жизнь которого зависит от стольких случайностей, боится духов. Но при том Коршун, остановившись и приглядываясь к привидению, понял, что, вернее всего, оно не сможет подняться — будучи живым духом, оно тем не менее подчинялось правилам скелета. Скелеты не бегают, они могут рассыпаться.

— Здравствуй, — протянул скелет, словно заскрипела дверь.

Ему было трудно говорить, но все же слово получилось.

— Здравствуйте, — сказал Коршун.

— Воды, — сказал скелет. И замер, как будто все его силы были исчерпаны этим словом.

Коршун вдруг подумал, что таким вот и должен был быть сказочный Кощей. Только тот был проворней и даже сражался на мечах.

Коршун осторожно, словно допуская все же возможность, что привидение прыгнет на него, отстегнул от пояса фляжку и, подойдя к столу, стал наливать из фляги в высокий бокал.

Удивительно, что из бокала, от удара струи о его дно, поднялся столбик пыли.

Скелет смотрел, как льется струйка воды, и попытался дотянуться до бокала, но рука лишь сдвинулась на несколько сантиметров, и силы оставили привидение.

Оно с трудом подняло голову и поглядело на Коршуна.

— Ну! — сказало оно наконец.

Коршун уже смелее подошел к столу и, подняв тяжелый граненый красный бокал, поднес его ко рту привидения. Тот человек — все же это не было привидение: где вы слышали, чтобы у привидения так хрустела челюсть от того, что открылся рот? — тот человек замер с приоткрытым ртом, и Коршун подумал: «Какого черта я переливал воду из фляги в бокал?» Удобнее было не переливать. Коршун осторожно влил в рот привидения немного воды.

Вылив воду в глотку привидению, Коршун поставил бокал на место.

— Еще хотите? — спросил он.

В привидении журчало — вода проливалась по его внутренностям.

— Не надо, — сказало привидение.

— Оставить воды?

— Да.

Коршун налил немного воды в бокал. И хоть ему надо было спешить, Коршун задержался. В нем пробудилось любопытство.

— А вы в самом деле привидение?

После длинной паузы — видно, привидению нелегко было решиться на долгую речь — оно ограничилось одним словом:

— Смешно.

Это было удивительно.

И сразу разрушило страшную атмосферу развалин. Может быть, этот скелет и был привидением, но если самому привидению кажется забавным такое предположение, то вряд ли оно относится к страшному миру духов и вампиров, о которых солдаты рассказывают, сидя в траншее.

— А кто же вы? — спросил Коршун.

— Мы... — Снова долгая пауза, и тогда Коршун совсем осмелел и, подойдя к скелету, вылил в рот воды из фляги. Так удобнее.

Потом пришлось подождать, потому что вода должна была слиться куда-то вниз, в кишечник. И Коршуну представилось, как набухают высохшие ткани в этом скелете.

— Мы... — возобновил свою речь скелет, — я судья, я был судьей.

— Какой судья?! Это же санаторий?

— Не знаю такого слова, — сказал скелет.

Он закрыл глаза сухими, чешуйчатыми, как у песчаной ящерицы, веками.

И превратился в мертвеца.

«Может, он пришел сюда давно, когда еще не было санатория? А кто мне сказал про санаторий? Кто-то сказал — все так думают».

— До свидания, — сказал Коршун.

Скелет не ответил.

Коршун миновал зал и оказался в гнилом завале, пробираясь сквозь который был вынужден растаскивать какие-то бревна и чуть не погиб, когда сверху рухнула балка, но она рассыпалась, грохнувшись перед ним.

Переводя дух, Коршун услышал сзади высокий тихий смех. Он решил, что смеется давешний судья.

Но это был не судья, потому что, оглянувшись, он увидел среди бревен еще одно существо из страшной сказки — может, это была Баба Яга. Этот скелет в длинной рваной юбке был быстр в движениях, как бывают быстры рыженькие тараканы.

— Ах, ах, ах! — пронзительно заверещало существо и сгинуло в развалинах.

На этот раз Коршун уже не так испугался, хотя понимал, что следом за попрыгунчиком может вылезти дракон или какой-нибудь крокодил.

Но, на счастье, развалины кончились — Коршун продрался сквозь заросли голых колючих палок и оказался на берегу речки там, где она подходила к тылам его полка — здесь неподалеку должен был быть штаб полка.

Коршун совсем не был уверен, что его тянет туда заглянуть, но и миновать лабиринт штабных траншей и канав было нелегко — уж очень большой крюк придется делать по тылам. И неизвестно, кого встретишь.

Здесь, в тылу, он рисковал нарваться на патруль, который скорее всего сочтет его дезертиром, а доказать обратное нельзя — если ты здесь, значит, ты дезертир.

Коршун присел за пригорком, пытаясь разглядеть, что же происходит в штабе полка, но долго никто не появлялся. Так долго, что Коршун собрался было идти дальше. Но потом он увидел двух ублюдков. Он узнал их по кожаным курткам, круглым шлемам и по медным маскам. Ублюдки спокойно шли по перемычке между траншеями, ничего не опасаясь, уверенные, что никто на них не нападет.

Хорошо, что у Коршуна хватило выдержки просидеть здесь подольше.

Иногда ублюдки нагибались, что-то искали. Вот они спрыгнули в канаву. Потом один из них снова вылез наверх, и в руке у него был меч. Меч был в ножнах, и перевязь болталась петлей до самой земли. Это был трофейный, то есть наш меч!

Ублюдки грабили трупы. В Коршуне поднялся гнев солдата, который хочет расправиться с мародерами, но он сдержал себя. Он не в бою, он не хочет умирать — ведь в мгновение ока прибежит взвод ублюдков и расправится с ним.

Нет, ему надо добраться до лазарета.

Коршун спустился к самой речке и быстро побежал вдоль берега.

Речка была грязная, вонючая, серая, словно в нее провалилась канализационная труба.

Пробежав шагов триста, Коршун понял, что миновал расположение штаба. За штабом, насколько ему было известно, тянулись старые канавы, в которых не должно быть людей. Там когда-то была городская свалка, но, видно, так давно, что мусор превратился в смесь земли, трухи, ржавчины — невнятную смесь бывших отбросов.

Поднявшись вновь от берега и убедившись, что вокруг пусто, Коршун прыгнул в канаву, и, хоть она вела не туда, куда нужно, он последовал по ней, минуя глубокие ямы, похожие на воронки от орудийных снарядов — от чего? от каких снарядов? — в одной из них он увидел труп солдата — видно, бежал от врагов да помер.

Когда, по расчетам Коршуна, до лазарета уже было недалеко, он увидел еще одного мертвеца. Он был голый, его грудь и правая рука были забинтованы — значит, он убежал или ушел из лазарета.

Через полсотни шагов Коршун увидел еще двоих раненых. Один из них был едва жив.

— Ты из лазарета? — спросил Коршун, увидев, что тот шевелится.

— Пить, — попросил тот.

Коршун отвинтил крышку фляжки. Там осталось совсем немного воды — хватило на два глотка.

— Они пришли, — прошептал раненый, — они пришли к нам и всех в лазарете перебили... Всех...

В том не было ничего удивительного, потому что было принято убивать чужих раненых. Если бы наши захватили их лазарет, тоже не стали бы чикаться. Что делать с ними, с ранеными?

И этот раненый скоро помрет. У него открытая рана в груди выше сердца и лужа крови вокруг.

— А что санитарки и доктора? — спросил Коршун.

— Пить, — сказал раненый.

— Нет у меня больше воды. Все равно ты скоро помрешь.

— Врешь, — сказал раненый.

— Что с докторами?

— Иди сам смотри, — сказал раненый и закрыл глаза. Он сердился на Коршуна.

Коршун пошел в лазарет, не оборачиваясь, хотя сзади раненый снова заныл: «Пить, пить, пить!»

Госпиталь лежал в низине, недалеко от места, где Коршун видел раненых.

Там было пусто.

Ни шагов, ни звуков, ни криков. Коршун понял, что тут никого нет.

Он спрыгнул в большую яму — в палату. Некоторые койки были пустые, в других лежали убитые. За занавеской, где была операционная, тоже было пусто, убитый лежал на столе — видно, его убили во время операции, а на нем, поперек, лежал доктор. Незнакомая сестра валялась в углу. Ее лицо было закрыто подолом. Она была изнасилована, а потом убита.

Коршун пробежал по траншеям лазарета — на вещевой склад, в комнату врачей... ни одного живого человека.

В комнате, где работали лекари, стояла большая бутыль с водой. Почему-то, разрушая все, ублюдки ее не разбили. Попробовав, Коршун наполнил флягу.

Потом побежал к тому раненому, который, может, еще жив.

Раненый был жив.

— Пей, — сказал Коршун. — Только скажи, что они сделали с санитарками и сестрами.

Тот пил долго, маленькими глотками.

— Спасибо, — сказал он. — Их увели, утащили с собой.

— Куда?

— Куда? Они везде здесь. Найди сам.

Коршун поднялся на вершину холма, чтобы разглядеть, что же происходит.

Он не боялся опасности. Ему было все равно.

Потом он почувствовал, что ноги устали, и сел.

Так и сидел на вершине холма и смотрел. Потому что если смотреть внимательно, умными глазами, то многое поймешь.

Район боевых действий расстилался во все стороны, насколько хватало глаз, и края его, если такие были, скрывались в легком тумане, который всегда висел над холмами за речкой

и скрывал дома города. Лишь вершины соборов и колоколен поднимались над туманом. С другой стороны равнина, захваченная в последних боях противником, была перекопана траншеями, канавами и ямами, ибо многократно переходила из рук в руки, и Коршуну сверху было видно обширное старое кладбище, — когда он попал сюда и положение на фронте было лучше, то кладбище поддерживали в некотором порядке, могилы, хоть и коллективные, располагались рядами по номерам частей, и всегда можно было найти, где похоронен твой товарищ. Теперь же кладбище лежало в тылу ублюдков, и могилы были раскопаны, ублюдки и те бродяги, что сопровождали их армию, раскапывали неглубокие могилы в поисках вещей, с которыми хоронили павших. Ведь положено класть в могилу любимую вещь. Это может быть медальон с портретом матери, а может быть подшлемник или даже новые башмаки. Мало ли что любил человек при жизни.

Вид порушенного, осквернённого кладбища вселил в душу Коршуна глубокую безнадежную тоску. Его все чаще посещало отвратительное чувство — он потерял веру в победу и даже веру в смысл победы. Ему казалось порой, особенно если лежишь в часы отдыха и не спится, — что он участник какого-то розыгрыша, что вся эта война ненастоящая, хотя смерти и ранения настоящие, и мучения настоящие, и настоящая боль от стертых ног или горячая тугая волна от взорвавшейся в канаве огненной бомбы.

Он знал, умом знал, и говорили ему об этом не раз, что он ведет бой за правое дело, после чего вернется домой, и тогда начнется счастливая жизнь. Может быть, у других так и было, но сам Коршун никак не мог вспомнить своих родных, даже своей матери. Лама говорил ему, что это довольно обычное последствие долгого пребывания на переднем крае, но когда он попадет в город и пройдет по родной улице, то он все вспомнит. Шундарай же считал, что они с Коршуном ничего не помнят потому, что на самом деле никогда не бывали в городе и родились совсем в другом месте, что они — приютские, беспризорники. Так тоже бывает, а ламе невыгодно в этом признаваться, так как есть инструкция — привязывать солдат к родине, даже если родины нет. А так как любому солдату хочется во что-то верить, то он цепляется лапками за мечту о городе и родном доме. Недаром идеологическая служба так борется со всякими лживыми верованиями и религиями. Они боятся, что приверженцы чуждых боевой идеологии сект могут вообще потерять страсть к войне. Так что про них говорят

твердо: они в будущей жизни возродятся клопами. А чтобы это случилось скорее, после второго предупреждения замеченных в ересях казнят.

Судя по всему, долина казней захвачена сегодня врагами. Точно — захвачена! Отсюда Коршуну виден ее склон, и там бродят ублюдки в позолоченных масках.

Мысли Коршуна снова перенеслись на Шундарая — жив ли он? Вряд ли. А Коршун, как и любой нормальный человек, верил в то, что мир невелик и конечен — что он прикрыт матовым колпаком неба, по которому движутся клубы облаков. Никто не видел краев земли, но, если идти много дней, обязательно дойдешь до них, до берегов Последнего океана, который огибает обитаемую Землю. Океан населен морским народом, не могущим выбраться на берег, но и не пускающим людей в свои края. Там живут чудовища, способные одним ударом зубов или рога разбить и утопить боевой корабль. Говорят, что недавно один боевой корабль, здоровый, шестидесятивесельный, вышел из реки в море, и все видели, как из воды высунулась морда, разинула пасть и перекусила корабль пополам...

«О чем я думал?» Коршун потряс головой, словно в ухо попала вода. Из низины тянуло трупным запахом и гарью. Кто-то поджег санаторий, и трухлявые доски вяло чадили и дымили.

Коршун стал смотреть в сторону города. Наверное, ублюдкам не удалось до него добраться. Дома на горизонте стояли так же нерушимо и уверенно. Рассказывали, что несколько воздушных шаров врага достигли недавно города и даже смогли сбросить на него несколько огненных бомб, но городские пожарные быстро загасили пожары, и почти никто не пострадал. А вот большая часть шаров не вернулась из полета, потому что их сбили арбалетчики. Коршун не видел этих шаров, но почему бы не поверить?

Примерно в километре от него проходил глубокий овраг, за которым были воинские склады. Если приглядеться, именно вдоль оврага и было сейчас наибольшее движение. Здесь окапывались ублюдки, порой посылая через овраг стрелы, обмотанные горящей паклей. С той, дальней, стороны иногда отвечали. По крайней мере теперь Коршун понял, насколько врагу удалось продвинуться вперед.

Ну что ж, бывает хуже.

Возвратиться к своим он сможет всегда — надо только взять ближе к реке, там старые свалки, по ним можно пробраться в устье оврага и дальше, к нашим позициям.

Но оставалась еще надежда отыскать госпиталь или хотя бы Надин.

Раненый сказал, что их увели.

Если не убили сразу, это уже не так безнадежно. Докторов и санитарок чаще уводят к себе — доктора везде нужны. А санитарки не только будут перевязывать — их можно отдать в публичный дом. Ведь известно, как ублюдки обращаются с женщинами. Они-то сами воюют без женщин, они дикие люди, не считают женщин за разумных существ. Конечно, и наши солдаты не ангелы, но чтобы устроить публичный дом для солдат! — до такого цинизма у нас еще не дошли. Шундарай рассказывал, что когда наши наступали, то там, в деревнях этих ублюдков, их женщинам приходилось несладко. Но надо же понять и нашего солдата. Он на войне рискует жизнью, погибает без женской ласки... Коршун оборвал ход своих мыслей, потому что поймал себя на том, что повторяет слова майора по идеологии. Одно дело Шундарай — он сам человек восточный. Но если это говорит майор...

Коршун хотел надеяться, что они утащили Надин к себе. Может быть, много раненых — и не хватает медицинского персонала. Тогда у нее есть шанс остаться в живых.

Но сначала он должен вернуться к своим, отыскать роту и узнать, какая обстановка на фронте. Ведь не бежать же по вражеским тылам в поисках санитарки, даже если тебе эта санитарка нравится.

Никем не замеченный, Коршун сошел с холма, добрался по старым канавам до реки, напился из фляжки — из реки пить нельзя, она отравленная. От нее исходит мертвая вонь — как от запущенной химической лаборатории... Коршун опять поймал себя на том, что воспоминания ничего ему не говорят, хотя бы потому, что он никогда не был в химической лаборатории и вообще не представляет себе такого места.

А что он представляет?

Над рекой шел патруль ублюдков. Пришлось затаиться. А затаившись, удобнее думать.

Что он, командир роты Коршун, помнит? Он помнит предыдущий бой, после которого отступили на эти, уже потерянные позиции, он помнит, как Шундарай сделал его командиром взвода... Еще раньше, как он пришел во взвод и Шундарай сказал ему: «Ну, вроде наконец настоящий парень. А то мелкоту шлют». Это ему польстило...

Нет, Коршун знает и помнит многое. Все, что положено знать солдату. И если что-то вдруг просыпается иное, то лучше к другим не обращаться. Может, у них тоже есть чужие мысли. На памяти Коршуна двоих ребят в их роте расстреляли (или увезли расстреливать, а там неизвестно, что с ними сделали) за то, что они слишком настойчиво пытались уверять других, что раньше была какая-то совсем другая жизнь.

Патруль прошел...

Коршун медленно двинулся по берегу реки, опускаясь в канавы, переходя ручейки, но не поднимаясь на возвышенные места. Если побежишь, тебя примут за чужого и пристрелят — или свои, или чужие.

Иногда он слышал голоса и даже какие-то крики, словно кого-то били или пытали, — да мало ли что происходит после боя. Если голоса звучали вблизи, Коршун затаивался и ждал, пока утихнет.

Потом зона старых канав кончилась, пошла свалка, тоже давно уже не свалка, а просто спрессованное вещество. Еще лет сто — и можно будет здесь хлопок сеять!

Он утомился, пока добрался до своих, — видно, день оказался слишком длинным и тяжелым. Но бывает же такое совпадение — уже недалеко от своих окопов он увидел воина в шлеме с гребнем — вернее всего, свой. И фигура осторожно плелась в том же направлении.

— Стой! — негромко окликнул солдата Коршун.

Тот кинулся плашмя на землю. Видно, потерял оружие.

— Не двигаться! — Коршун подошел ближе и по рваному локтю, по подошвам сапог, по повороту головы догадался — Золотуха!

Вот радость-то!

— Вставай, Золотуха, — сказал он. — Значит, дезертировать вздумал?

Золотуха осторожно поднялся. Глаза сверкали в прорезях маски — черные, острые, настороженные.

— Я к нашим шел, — сказал он.

Золотуха тупой, он не сразу догадался, что перед ним Коршун.

— Вижу, что к нашим, — сказал Коршун. — Пошутил я.

— Ой, Коршун! — Золотуха узнал голос и обрадовался. — Теперь не пропадем.

— А чего без оружия? — спросил Коршун.

Он знал, почему Золотуха идет без оружия, но хотел приложить его: есть правило — если на тебе нет никакого оружия, тебя могут взять в плен. Ты попал в расположение врага, в засаду, в окружение — вставай и кричи: я чистый!

Враги подойдут, проверят. И говорят, что тогда оставляют в живых.

Но Коршун думал, что это — очередная солдатская легенда, как легенда про огнедышащего дракона. И майор-идеолог говорил, что это лабуда. Зачем им кормить пленного? Они нас так ненавидят, что всегда убивают. Но, видно, Золотуха решил испытать судьбу.

Коршун кинул Золотухе свой кинжал.

— Спасибо, — сказал тот.

И за дело. Потому что существовало ответное правило — если ты вернулся к своим без оружия, тебя могут наказать. Даже расстрелять.

— Мой взвод весь полег, — сказал Золотуха.

— Кто-нибудь остался. Всегда кто-нибудь остается, — ответил Коршун.

— А ты как от наших оторвался?

— Так получилось. Ты госпиталя не видал?

— А что с ним?

— Они госпиталь захватили. Всех раненых перебили и врачей, но кое-кого в плен увели.

— Вот сволочи! Какие сволочи! Я их голыми руками передушу!

— То-то и видно, что ты собрался голыми руками их душить.

Золотуха обиделся, надулся. Он был грязен как черт, даже рожа в грязи, где-то исцарапался. Но Коршуну не хотелось расспрашивать его о том, что произошло. С каждым здесь что-то происходит.

Шагов через сто они напоролись на сторожевое охранение. Дыба все же сумел навести кое-какой порядок в своем батальоне, вернее, в его остатках. Коршун с Золотухой были не первыми и не последними, кто прошел сквозь порядки ублюдков и вернулся к себе. Но еще больше людей исчезло: то ли погибли, то ли сгинули. Золотухе и Коршуну Дыба был рад. Даже не стал разносить их за поражение. Без них он оказывался единственным офицером на весь батальон, если не считать адъютанта, раненного в челюсть. Он сидел в яме и выл, держась за грязную тряпку, которой обмотали ему голову. Но госпиталя не было — некуда было эвакуировать. Зато теперь, с возвращением Коршуна и Золотухи, Дыба мог идти в штаб полка, оттуда уже не раз прибегали, вызывали.

Золотуху оставили командовать в батальоне, адъютанта один из солдат повел в тыл, а Дыба с Коршуном пошли в штаб

полка, который теперь прятался в неустроенной канаве с обсыпавшимися стенками. По дороге Коршун спросил Дыбу:

— Что будем говорить?

— Сначала их послушаем, — ответил Дыба. — Узнаем, в чем мы виноваты.

— Мы во всем виноваты, — сказал Коршун.

— Знаю. Но послушать придется.

Они не зря ждали упреков. Положение полка было настолько плачевным, что даже жалкие остатки батальона Дыбы были спасением от полного позора. Оказывается, прорыв произошел не только на участке роты Коршуна. Ублюдки в нескольких местах быстро прошли в тыл, и, как признался командир полка, который был далеко не так воинствен в каске и маске, потому что пропал из веера боевой суворовский хохолок, только сигнал к окончанию боевого времени спас часть от полного разгрома.

— А где наш стратегический резерв? — спросил командир у Дыбы.

Дыба пожимал плечами и отмалчивался. Он не подозревал о существовании стратегического резерва, его не касались такие высокие проблемы.

— Вот и я не знаю! — восклицал командир полка. — Я требовал — дайте людей. Мне не с кем держать фронт! А в ответ — молчание. Вот и допрыгались. Даже госпиталь потеряли.

Все командиры уже сняли маски. Кому они нужны после боя?

— И никого не спасли? — спросил Коршун.

— Откуда мне знать! Мне ничего не докладывают!

Он обвел командиров строгим взглядом, но взгляд лишился блеска.

— Соберем всех, кого можно еще собрать, — продолжил он. — Иначе нам не выдержать еще одного боевого времени.

Тут послышались шаги, голоса, и в канаву спустились несколько человек. Большие чины. Из штаба армии. В масках домино, с охраной. Центром этой компании был граф Шейн, во френче без знаков различия, в солдатской каске и зеленой маске, которая прикрывала только лоб и глаза, так что пышные пшеничные усы были всем видны. В маске или без — любой его узнает.

А Коршун узнал своего благодетеля — начальника армей-

ской разведки. Но тот сделал вид, что не знает Коршуна. И Коршун тоже не навязывался.

— Карту! — приказал человек во френче. Руки полкового адъютанта дрожали, когда он раскладывал карту на большом ящике.

— Так, — сказал человек во френче. — Положение полка даже не нанесено.

— А я не знаю положения моего полка! — вдруг осмелел командир. — Я чудом сумел собрать комендантский взвод и штабистов, и мы закрепились здесь. Сейчас я нащупал связь со своим первым батальоном. У них тоже страшные потери.

— Почти никого не осталось, — сказал Дыба.

— Дорога на город открыта, — сказал командир.

— Дайте мне карту, — приказал человек во френче, срывая с ящика карту комполка и отбрасывая ее в грязь под ногами. — Смотрите, паникер! Мы с вами находимся здесь.

Он ткнул пальцем в карту. Коршун смотрел ему через плечо.

— Ваш командный пункт находится далеко в тылу. А ваши соседи — вы видите, где ваши соседи?

Коршун понял, что и в самом деле его полк отступил куда далее других. Потом он понял, что человек во френче врет. И карта у него лживая. Он проходил вдоль реки и видел там ублюдков, которые грабили трупы, а по карте Шейна получалось, что тот плацдарм удерживает соседний полк.

— Вы трус, и я вас разжалую! — закричал начальник разведки.

Коршун сделал движение вперед, чтобы возразить, но Дыба потянул его за рукав назад.

— Лишь старые заслуги удерживают меня от того, чтобы расстрелять тебя и бросить крысам на растерзание, — продолжал граф Шейн.

— У нас не было людей, — упрямо сказал командир полка.

— Ни у кого нет людей. Но другие держатся. Командиром полка временно оставляю бригадного генерала Вайду, — сказал Шейн, сделал шаг вперед и снял маску, чтобы все видели его лицо. Лицо как лицо, усталое, с пышными поникшими усами.

— Но от этого людей не прибавится, — упрямо сказал комполка.

— Вы будете заместителем Вайды. Больше ни шагу назад!

Граф Шейн кинул взгляд на Вайду, будто между ними было все обговорено, положил ладонь на карту и сказал:

— Цифры по потерям я желаю иметь немедленно.

— Мы их пока не знаем... — начал было командир полка.

— Времени на разговоры у нас нет. Все командиры расходятся по своим подразделениям и выясняют: сколько у них людей и где они прячутся? Со своей стороны, я должен вам сказать: к нам уже идет пополнение. Хорошие ребята, профессионалы. Солдаты милостью божьей. И если мы все вместе возьмемся за дело, то победим. Вопросы есть?

Коршун сказал:

— Они захватили наш лазарет, кого убили, кого увели. Я думаю сделать набег — попробовать выручить по крайней мере медперсонал.

— У тебя там баба? — спросил граф Шейн.

— Не в этом дело.

— Обычно в этом. Но мы с тобой это обсудим. Сегодня, к сожалению, сделать этого не удастся. Мы не знаем даже, когда будет объявлен следующий боевой период. А набеги вне периода запрещены.

— Но у нас раненые, — сказал Дыба.

— Я уже распорядился, — сказал граф Шейн. — Сейчас подтягивают тыловой лазарет. Он будет здесь с минуты на минуту.

Он подошел к командиру полка, который понуро стоял в стороне, обнял его за плечи и добавил:

— Держись, старина. Мы с тобой еще повоюем. Придешь в себя... дадим тебе дивизию.

Граф Шейн выпрыгнул из канавы и пошел над их головами. Он шел быстро, наклонившись вперед, как Петр Первый на картине Лансере. Это сравнение, ворвавшееся в голову Коршуна, испугало его полной непонятностью.

— Чего стоите! — прикрикнул на командиров новый комполка. — Бегите к себе, наводите порядок. Война продолжается с переменным успехом.

Часть III

ГАРИК ГАГАРИН

Металлическая дверь рефрижератора со скрипом поехала в сторону, в вагон влился неяркий свет пасмурного дня, и внутрь легко влез крепкий мужчина в странном костюме — кожаной куртке, кожаных же штанах, заправленных в башмаки, на плечах вместо погон были широкие округлые металлические чашки.

— Как доехали, мальчики? — спросил он весело. От него исходило веселье, будто сейчас позовет всех играть в футбол.

В рефрижераторе началось смутное движение, люди словно просыпались после пьянки, садились, старались встать, кто-то застонал.

— Ну без этого, без этого! — Человек в кожанке ходил между лежащими людьми, легко и небольно постукивая по головам и плечам кончиком трости. — Вылезаем, строимся — и в баньку. Некогда нам здесь разлеживаться.

У меня было глубокое убеждение, что все это ко мне не относится, это был какой-то явственный, но все равно нереальный сон, и разговор шел о других людях. Даже когда этот мужик подошел ко мне и подтолкнул меня носком башмака.

Я не двинулся.

— А ну, хватит! — вдруг закричал мужик в кожанке. — Всем вставать и на построение. Что я, до вечера здесь с вами буду беседы проводить?

Он говорил так, что надо было его слушаться. Он угрожал, а мы могли только огрызаться. И потом, он знал, что нам надо вылезать из вагона, нам надо строиться, нам надо что-то делать. А без него я не имел представления о том, чем мне надо заниматься и вообще где я оказался.

Еще одна физиономия заглянула в вагон.

— Ну что у тебя, Гриль? Вылезают?

— Сейчас вылезут, куда они денутся, — ответил Гриль.

Неожиданно его трость снова ожила. Она перестала неуверенно подталкивать нас, а принялась толкать, пинать, бить, стегать — ребята закрывали от нее голову, отстранялись и ворчали, а Гриль как бы раззадоривал себя:

— Давай! — кричал он. — Давай-ка!

Я смотрел на лица моих товарищей по несчастью и видел, что они не только не понимают, что с ними происходит, но и не стараются понять — это были лица наркоманов в глубоком отпаде.

Интересно, я такой же? Впрочем, я и должен быть таким же. Почему — я пока не мог вспомнить, но не расстраивался, потому что потом все вспомню — я ведь здесь не случайно? Мною владело олимпийское спокойствие — если что-то происходит, то так и надо.

Вот уже первые спрыгивают на землю, а тот, второй мужик, что ждал внизу, гонит их прочь. Меня тоже выгнали из вагона и погнали прочь, впрочем, дрались они не очень больно, и я на них не обижался.

Я обернулся и удивился — ведь мы только что были в рефрижераторе, а никакого рефрижератора я не увидел — только большой амбар, дверь в который находилась на уровне груди. Именно из этой двери и выпрыгивали мои спутники по путешествию. Какому путешествию? Куда мы путешествовали? Я должен спросить об этом? Нет, я должен вести себя как все. Я совершенно не представлял себе, кто я такой, как меня зовут, почему я тут оказался, но в то же время был уверен, что не должен отличаться от других — отличие от других очень опасно.

— Ну и команда, — сказал второй мужик. Он тоже был в кожаном костюме, но у него были высокие сапоги, а на перевязи висел в ножнах меч — слишком большой, чтобы быть игрушечным.

— Чепуховина, — сказал я человеку, который шел рядом со мной. — Какой еще меч?

— Чего? — спросил мой сосед. Лицо у него было пустое.

— Как тебя зовут?

— У меня имя есть, — ответил он.

— Какое имя?

— Имя... — Он задумался. И замолчал.

Мы шли рядом, а он вспоминал, как его зовут. Я стал осматриваться. Я понимал, что отличаюсь от прочих, кто был в вагоне. Мне все интересно, и даже тот факт, что я ничего не помню и даже не помню, как меня зовут, ничего не значил — я обязательно вспомню. Причем так вспомню, что никто не догадается. Так учил нас Михаил Степанович. Ага, вот и все вспомнил. А кто такой Михаил Степанович?

Окружающий нас пейзаж был достаточно унылым. Мы прошли несколько амбаров и складов, большей частью без

окон, с давно не крашенными и даже кое-где продырявленными крышами. Большей частью эти строения были деревянными, но встречались и каменные. Над одним из приземистых каменных строений возвышалась высокая труба, как над крематорием. Ага, вот я вспомнил еще одно слово! Мне нравилось вспоминать слова, и я старался это делать. Увидишь вещь — и за ней, как нитка за иголкой, тянется ее название и даже функция. Вот я взглянул на небо. По нему бегут серые облака. Именно облака.

Погоняльщики загнали нас в это каменное строение. Внутри пахло паром и было тепло и сыро.

— Все свои вещи оставляйте здесь, — приказал Гриль. — Ничего не брать. Потом вам все вернут.

«Ага — подумал я, — они будут шарить по карманам и искать, нет ли там чего-нибудь подозрительного. Значит, они — мои враги? Это тоже полезное воспоминание».

Мы встали вдоль двух длинных сырых деревянных скамеек и стали раздеваться.

Многие складывали свои вещи аккуратно, так делают военные, приученные к казарменной дисциплине, в том числе в бане. Другие, таких было немного, кое-как кидали вещи на скамейку. К таким подходил Гриль и говорил:

— Постарайся, голубчик. Сложи как следует, здесь тебе нянек нету.

Все подчинялись. Только один, мускулистый, смуглый, курчавый, но сильно сутулый, почти горбун, отказался.

— Не хочу, — сказал он. — Никогда не складываю.

— Так, — жестко произнес Гриль. — И как же тебя зовут, упрямый солдат?

— Меня?

Он морщился, хмурил брови — и не мог вспомнить. Почему-то это успокоило Гриля.

— Бог с тобой, — сказал он. — Но не думай, что у нас что-то забывается. — И он неожиданно и сильно ударил человека, которого я мысленно назвал Цыганом, тростью по щеке. Тот схватился рукой за щеку. И глаза его сверкнули — не надо было его бить. Мне показалось, что от удара он сразу что-то вспомнил. Он медленно отнял руку от щеки. Рука была в крови — Гриль бил с оттяжкой.

Гриль стоял, приподняв трость и готовый ударить вновь — видно, у него был опыт работы в концлагере. Ага, вот и еще одно слово — «концлагерь».

Но Цыган опередил его. Он привычно и резко выбросил

вперед правый кулак, и Гриль, не ожидавший удара, свалился назад, и трость выпала у него из руки.

Остальные стояли, полураздетые, и тупо смотрели на эту сцену. Я что-то понимал, но в голове все равно была такая тяжесть, что я не мог заставить себя сдвинуться с места, может, потому, что голос, который твердил: «Ничем себя не выдавай, ничем себя не выдавай», продолжал звучать в голове.

Цыган стоял, не делая попыток добить врага или уйти.

— Сзади! — крикнул я. Потому что никакой внутренний голос не смог остановить меня, когда я увидел, что второй наш сторож выскочил из внутреннего помещения, преследуемый клубами пара, и замахнулся обнаженным мечом — он хотел убить Цыгана.

Цыган среагировал на мой крик мгновенно — он отклонился в сторону, меч просвистел возле его плеча, и не ожидавший этого стражник потерял равновесие. Цыган ловко ударил его кулаком по затылку, и тот улегся рядом с Грилем.

Некоторые из моих спутников засмеялись — им понравилось, как Цыган разделался с местными ребятами.

Но Цыган был растерян. Он точно не знал, что делать дальше. Да и никто из нас не знал, что делать дальше.

И тут с улицы вошел усатый человек небольшого роста в старом френче — такие у нас носили до войны, а может, даже в революцию, их придумал в Первую мировую войну английский фельдмаршал Френч. Одну руку он держал за спиной.

Он подошел к Цыгану и сказал:

— Надо будет сделать укол, правда?

— Надо сделать, — согласился Цыган.

Я понял, что нельзя сейчас Цыгану делать укол, но тут мой внутренний голос проснулся вновь: «Молчать!»

Цыган протянул обнаженную смуглую руку человеку во френче.

Тот вынул из-за спины руку со шприцем. Я ждал, что человек во френче протрет место укола ваткой, смоченной в спирте, но он этого не сделал. Он вколол кубика два и ласково сказал Цыгану: «Посиди здесь, сейчас подействует».

Потом он оглядел нас — мы стояли в два ряда вдоль скамеек.

— Кто-то из вас, — сказал человек во френче, — крикнул, предупредил нашего товарища. Кто крикнул?

Никто не ответил. Я думаю, что остальные не услышали крика, а я сам не намеревался сознаваться — на это моего ума хватило.

Френч прождал длинную паузу, потом вздохнул и сказал:

— Грустно, ой как грустно.

Цыган сел на скамейку, откинул голову к стенке и закрыл глаза.

Я не смел спросить, живой ли он.

Френч занялся своими людьми. Он довольно жестко обошелся с ними — Гриля он избил по щекам, потом дернул так, что он сел и открыл глаза.

— Хорош, — сказал френч.

Гриль испугался. Я видел, как он испугался. Он стал подниматься на ноги и вынужден был опереться на человека во френче. Тот гадливо повел плечом, и Гриль снова повалился. Но тут его уже подхватил я.

— Ты чего? — удивился френч, словно мне не положено было подхватывать падающих людей.

— А он падал, — ответил я, глядя на него глазами дебила.

— Правильно, — успокоился френч. — Он падал. Все они падают.

Он достал из кармана свисток. Обычный, милицейский. Потом резко свистнул два раза.

— А вы раздевайтесь, — напомнил он нам, — поспешите, баня ждет.

В баню заглянул еще один местный. Тоже в коже, что любопытно, в бронежилете и военной каске, какие были на вооружении в русской армии в Первую мировую войну и назывались адриановскими шлемами... Господи, что у меня в голове! То фельдмаршал, то Адриан. Скоро я вспомню, как меня самого зовут... Невозможность вспомнить собственное имя и понять, почему я здесь, очень злила.

Человек в каске исчез и тут же вернулся с тремя товарищами, такими же. Они утащили пострадавших, но Цыгана не тронули. Вместо Гриля с нами остался худой человек в бронежилете и каске, у него были старые армейские галифе и башмаки с обмотками.

— Ну, все разделись? — спросил он. — Тогда пошли в баню. Учтите, с мылом у нас слабо, так что передавайте кусок товарищу.

В бане было мутно от пара, но сама она показалась мне условностью. И я даже заподозрил, какого рода условностью.

Шаек нам не хватило, из каждой мылось по три-четыре человека, и солдат, не снявший каски, поторапливал нас. Пользуясь нашей тупостью, через три минуты мокрых, но, конечно же, невымытых, он выгнал нас в следующую дверь — как бы

по конвейеру, — а не в предбанник, где остались наши вещи. Там тоже были две длинные скамейки.

На них лежали стопки одежды.

— Справа большие размеры, слева маленькие! — сообщил нам солдат.

Но никто, кроме меня, не двинулся вперед. Да и я, сделав шаг, замер.

— Чего не идете? — спросил солдат.

— Не знаю, — наконец ответил мой сосед, — Я большой, да?

— А ты знаешь? — с подозрением в голосе спросил меня солдат.

— Нет, — сказал я.

Опять я себя чуть было не выдал. Я ничего не должен знать и ничего не должен понимать, а уж тем более — никаких адриановских шлемов.

— Слушай мою команду!

Он подошел к нам, столпившимся в холодном предбаннике, голым и растерянным.

— Ты, — показал он, — направо, ты — налево, ты — тоже налево.

Через минуту мы разошлись по своим стопкам одежды, за исключением двоих или троих, кто забыл, что такое право и лево.

Одежда не очень приятно пахла, и я вдруг понял, что это — чужая одежда, что ее уже кто-то носил до меня. Она состояла из грубых хлопковых штанов и брезентовой куртки. А вот ботинки лежали грудой в углу, и нам было разрешено примерять их — впрочем, я понимал логику этого решения: если тебе мала куртка, как-нибудь перебьешься, но если тебе жмут ботинки — ты не солдат. А я уже начал подозревать, что мы станем солдатами. Или по крайней мере теми, кого раньше называли солдатами трудового фронта.

Некоторые из нас, кто еще находился в глубоком трансе, все не могли разобраться, где правый ботинок, а где — левый. А я раньше сообразил запастись двумя парами носков — тоже из кучи. Мой сосед забыл их надеть и ушел к ботинкам босиком. Носки, к счастью, оказались крепкими и толстыми, так что я подобрал себе ботинки, которые были разношенными, чуть великоватыми — но это лучше, чем колодки.

Солдату в каске и другому, который привел Цыгана, уже пришедшего в себя, пришлось помогать моим несмышленышам выбирать ботинки и натягивать штаны.

— Каждый раз, — сказал он, — каждый раз, как пополнение приходит, я удивляюсь — ну что за публика!

— А ты раньше не такой был?

— Я сознательно пошел, — ответил солдат.

— Они оклемаются и тоже вспомнят о сознательности, — уверенно сказал другой солдат.

Вот я и одет. Я не спешил и все равно оказался одним из первых.

И зря. Солдат сказал напарнику:

— Вот за этим, рыжим, приглядывай.

Я не рыжий. Может быть, меня можно назвать рыжеватым блондином, но сколько раз, особенно в детстве, меня звали рыжим, если рядом не оказывалось настоящих рыжих. Ах как я всегда надеялся — в походе, в классе, в компании, — пусть Бог пришлет сюда настоящего рыжего! И даже с возрастом, когда я понял, что ничего обидного в рыжине нет, и даже нашлись девушки, которые стали уверять меня, что им нравится именно мой цвет волос, — все равно во мне осталось предубеждение против рыжих, и себя в частности.

Что-то им во мне не понравилось. Что-то они почувствовали. Ну что ж, надо будет относиться к себе построже, раз я туп, так уж тупее всех!

Но они не знают, что я на самом деле не помню, как меня зовут!!

Только через полчаса мы были готовы покинуть баню и выйти на улицу. Там было все так же сумрачно, пасмурно, прохладно.

Сарай без крыши — странное сооружение, в котором нас разместили, — назывался учебным центром. Учебкой.

Я еле сдержался, чтобы не спросить, куда девалась крыша, но, к счастью, нашелся кто-то другой сообразительный.

— А если дождик? — спросил и глупо усмехнулся.

— Значит, дождика не будет, — ответил солдат, который нас здесь размещал.

В этих брезентовых робах и штанах мы все стали заключенными, мы потеряли индивидуальность. Может, этого от нас и ждали.

На время нас оставили в покое.

Сначала нас накормили — в длинной комнате, тоже без крыши, поставили перед каждым по миске каши и куску хлеба. Я думал, что съел бы сейчас барана, но при виде такой скудной пищи вдруг понял, что потерял аппетит. Так что я

стал есть так, как ели мои товарищи, — то есть механически двигал ложкой и, не морщась, глотал теплую безвкусную кашу.

Затем нас отвели в соседнюю комнату, где стояло десятка три коек.

— Занимайте какие хотите. Вас позовут, — сказал солдат и ушел.

Он ушел, и мы остались одни.

Я лег на койку.

Я смотрел, как надо мной бегут серые и сизые облака, и мне так захотелось, чтобы проглянуло голубое небо, ну хоть на минутку. Облака были такими, что в любой момент могло начать моросить — и хотелось прикрыться. Но прикрыться было нечем. На койке лежал тонкий поролоновый матрас. И поролоновая же подушка.

Я закрыл глаза, так лучше думалось. Благо мои спутники были немногословны и не шумели. Может, тоже старались думать.

Кто я? Почему я сюда попал? Как только я догадаюсь, кто они, — все станет на свои места.

Но ничего в голову не приходило. Я физически ощущал пустоту за лбом. А там у меня должны быть мозги, и они мне выданы для того, чтобы думать. Не зря же я здесь оказался...

Я открыл глаза. Все те же облака неслись надо мной.

А почему нет крыши? Пойдет дождь или снег, и все наши милые кроватки затопит. Почему они не боятся дождя? Наверное, в этом заключается принцип местной закалки.

На соседних койках лежали мои товарищи по несчастью. Некоторые спали, другие, как я, тупо глазели в небо.

Мысль о дожде будто нарочно поселилась во мне. Что мне дождь? Солдат спит — служба идет.

Начнем по порядку, решил я. Не кажется ли мне, что здесь имеет место непорядок? Я ведь должен знать две важные вещи — как меня зовут и зачем я сюда приехал.

А как меня зовут?

Господи, да больно же голове! Она не приспособлена думать!

Попробовать поспать?

Только я принял такое решение, как в нашу спальню ворвался тип в каске с невысоким гребнем, в кожаном костюме с металлическими пластинами на груди и в нечищеных сапогах. На плечах у него блестели чашки, а на рукавах были видны галунные нашивки.

Он сразу напомнил мне старшину моей роты...

Ага, уже воспоминание! Значит, когда-то где-то была рота и в ней старшина.

— Подъем! — крикнул старшина. — Выходи строиться!

И эти слова были понятны всем в комнате. Все мы вскочили и замерли у своих коек. Затем, оправив койки, побежали наружу.

Старшина дождался последнего и вышел за нами на вытоптанный плац.

— В одну шеренгу по росту стройсь! — приказал старшина, и мы послушно выстроились в шеренгу, чувствуя даже некоторое облегчение от того, что занимаемся разумным и понятным, более того — нужным делом.

Старшина прошел вдоль строя, веля кому-то подровнять носки, другому — убрать живот, третьему — застегнуть пуговицу.

Все ясно — мы в армии.

Но я-то при чем?

— Каски и оружие вам выдадут в подразделениях, — сообщил старшина. — На первое время мы проведем отбор по специальностям и выясним, кто из вас на что годится. Но учтите, обучение будет коротким — времени у нас мало — враг наступает на столицу нашей с вами родины, и каждый день промедления грозит неисчислимыми бедствиями. У каждого из вас в городе или в деревнях остались родные, остались сестры и невесты. Неужели вы хотите, чтобы их изнасиловали эти ублюдки?

И мы дружно и возмущенно закричали:

— Нет!

Хотя мне казалось, что я живу не здесь... но где я живу? И почему я все время вспоминаю какого-то Михаила Степановича?

— Сначала мы с вами... — начал было старшина, но тут справа подошел усатый человек во френче, тот самый незаметный человек, с которым мы здесь уже встречались.

— Все готовы? — спросил он.

Старшина вытянулся, но не ответил, как бы предлагая человеку во френче самому в этом убедиться.

Тот прошел мимо нас, заглядывая в глаза, стараясь сквозь них, как сквозь замочные скважины, заглянуть в душу.

Мне не хотелось, чтобы он заглядывал слишком глубоко, я смотрел на него и в то же время мимо глаз, на брови.

— Интересно, — сказал человек во френче и пошел дальше, как будто со мной ему было все ясно.

Он мне не понравился — и не потому, что был физически противен, — от него исходило чувство опасности. Он понимал нечто недоступное прочим здешним людям, и с ним надо было держаться настороже.

— Где же майор? — спросил он старшину. Старшина, также ничего не ответив, словно в его присутствии язык проглотил, побежал куда-то за угол нашей казармы.

Френч отошел на несколько шагов и сказал тихо, словно разговаривая сам с собой:

— Ну что ж, начинается наша с вами боевая жизнь. Некоторым она принесет славу, другие сложат голову на полях справедливой войны. Сейчас с вами проведет беседу майор идеологического управления. Он человек простой, доступный, умный. Он вам вправит мозги — в хорошем смысле.

Появился старшина, за ним шагал, застегивая на ходу синий, как у старых милиционеров, мундир, человек, похожий на худого индюка — у него свисал мягкий нос и красные брылы.

— Ну вот, майор, — ласково сказал разведчик, — вам и карты в руки. А я посижу в уголке, понаблюдаю за пополнением. Славные мальчики к нам прибыли на этот раз, почти без исключения.

Он взглянул на Цыгана. Тот стоял, тупо глядя в землю, и чуть покачивался.

— На этого, — он показал идеологу на Цыгана, — обратите особое внимание. Он в отключке, но когда придет в себя... физически агрессивен. И еще приглядитесь вот к этому...

К моему ужасу, палец маленькой изящной руки френча направился мне в грудь.

— У него глазенки так и сверкают. Слишком сверкают.

Вот уж не думал, что мои глазенки сверкают.

— Они не сверкают, — искренне возразил я.

— Вот видите, — сказал френч идеологу, как будто речь шла о заразном заболевании.

Я не понял — ведь я все сказал правильно.

— Старшина, — приказал идеологический майор, — ведите мальчиков в комнату политзанятий.

— Напра-во! — приказал старшина.

Ноги за нас сделали правильные движения.

— Шагом марш!

Мы последовали за старшиной и через пятьдесят шагов остановились перед домом без крыши.

Когда вошли, я стал думать, что он мне напоминает. Потом вспомнил — такой вот летний кинотеатр был у нас в поселке.

И так же стояли длинные скамейки, и такой же был помост — сцена, и даже экран в глубине сцены.

— Садитесь, — приказал идеолог.

Старшина отошел к сцене и встал к ней спиной так, чтобы не выпускать нас из поля зрения.

Майор-идеолог поднялся на сцену и сел там на стул.

Сейчас, подумал я, ему вынесут баян и он будет играть нам вальс «Амурские волны».

А я сидел спокойно и понимал, что в меня вновь вливается память. Память моя реагирует на любой внешний раздражитель. И начинается цепная реакция. Стул — баян — «Амурские волны». И само выражение — «внешний раздражитель» — тоже не случайно оказалось в голове.

У меня появилась надежда, что дело не так плохо и скоро я все вспомню.

И тогда появится другая опасность.

Тогда я должен буду стараться вести себя так, чтобы ничем не отличаться от прочих. Судя по их тупым лицам и неподвижному взгляду, никто из них еще не начал вспоминать.

— Итак, — сказал идеолог-майор, покачав индюшиным носом, — мы собрались здесь, чтобы поговорить о самом ценном, святом — о нашей родине. Наша родина, как вы знаете, в опасности. И если кто в этом сомневается, лучше пускай он скажет мне сразу — я проведу с ним отдельную беседу, потому что нет хуже и печальнее, чем человек без роду без племени. Словно щепку, его качает и носит по волнам. Понятно?

Никто ни хрена не понял из этого заявления, но двадцать одна голова склонилась в согласии, и лишь Цыган не пошевельнулся.

— Теперь я должен вам сообщить одну печальную новость.

Он сделал театральную паузу, поглядел в зарешеченное окно, впускавшее внутрь здания грустный вид на ряд сараев и складов. Свет не попадал в нашу аудиторию сверху. А оттого, что там все время неслись облака, мне казалось, что вот-вот пойдет дождь. Но, кроме меня, это никого, кажется, не беспокоило.

Затем майор-идеолог расстегнул куртку, так что металлические пластины застучали, царапаясь краями, запустил лапу внутрь и стал чесать грудь. Он наслаждался этим и даже прикрыл чешуйчатые веки.

— Мы собрали вас вместе, — наконец заговорил майор, — потому что вы все больны. Болезнь ваша именуется амнезией, или потерей памяти. И это произошло в тот момент, когда наши враги, паршивые и жестокие ублюдки, захватив вас в плен, пытали вас и мучили. В таких случаях организм человека, защищаясь, выключает память. Я понимаю... — Он оглядел нас медленным взглядом ящеричного индюка, как бы проверяя, нет ли в ком излишнего понимания. Убедился в том, что мы ничего не поняли, и это его порадовало. — Я понимаю, что до вас мои слова не доходят. Но это первое наше занятие. Моя цель — вернуть вас к сознательной жизни, сделать из вас преданных и активных членов нашего общества. Так как идет война, времени у нас мало. Вам придется все запоминать с первого раза. Те же, кто не сможет учиться, будут наказаны.

Этот монолог удовлетворил идеолога, и он еще некоторое время чесал себе грудь.

По какой-то причине, понял я, просто так выдать нам оружие и отправить в бой они не могут. Нас надо обрабатывать.

А кто же такой Яков Савельевич? Это наш доктор! Это наш институтский доктор... Я готов был поднять занавес над своей проклятой памятью, но тут майор заговорил вновь и все испортил.

— Все мы — граждане миролюбивого государства, страны, которую принято называть утопией. Но для нас это просто страна, это наш дом, это наша колыбель.

Майор поднялся и сделал шаг в сторону. Я заметил, что справа от его стула стоит ящик. Он нажал на одну из кнопок сверху ящика, на его передней панели загорелась красная лампочка. Майор нажал на другую кнопку, и тихая, ласковая, чем-то знакомая мелодия, схожая с колыбельной, зазвучала в нашем учебном зале.

— Под эту музыку... — продолжал майор, гипнотизируя нас — вот это я уже почувствовал, этому я знал смысл и цену и этому я мог противостоять. — Под эту музыку наши матери качали нас в колыбельках. Но где наши колыбельки? Где наши матери? Они убиты, изнасилованы, замучены врагами!

И хоть я понимал, что идет сеанс гипноза, и сам мог кого угодно загипнотизировать, во мне поднималась слепая и тяжелая ненависть к недругам, темным, безликим и страшным, которые пришли сюда и измывались над самым дорогим, что есть в моем сердце.

Майор шевелил тонкими губами из-под клюва, он шептал что-то — он продолжал трудиться так упорно, что его лоб заблестел от пота.

«Расскажи, — мысленно просил я его, — что же здесь происходит?»

— Однажды на рассвете, — сказал майор, как бы отвечая на мой немой вопрос, — без объявления войны орды ублюдков, тяжеловооруженных, оголтелых, стремящихся к грабежу и убийствам, живших раньше на склонах гор и смущавших набегами наши равнинные селения, перешли границу и вторглись на наши плодородные поля.

Майор тяжело вздохнул.

— Нападение было неожиданным, и в первых невыгодных для нас боях погибли лучшие воины. Однако нам удалось собрать все силы и остановить врага. Вот уже второй год мы удерживаем врага на подступах к нашей столице. Но это дается за счет громадных жертв. Враги смогли охватить и отрезать нашу Южную армию. Третий месяц она сражается в окружении, не получая помощи. Там наблюдаются случаи смерти от голода.

Майор шмыгнул носом, возможно, всхлипнул. Было не холодно, но нельзя сказать, что мы находились где-то на юге, — замерзнуть не замерзнешь, но и загорать не ляжешь. И купаться не тянет.

— Пока что мы концентрируем силы, чтобы прийти на помощь Южной армии. Для этого мы должны отразить основное наступление ублюдков — на столицу. Для этого мы оттесняем их к озеру Глубокое. Среди вас есть кто-нибудь, кто раньше жил на берегах этого озера?

Никто не откликнулся. Я даже оглянулся, надеясь, что поднимется рука. Мне самому стало интересно, где расположено это озеро.

— Головой не вертеть! — прикрикнул на меня майор. — Глядеть мне в глаза и внимать!

— Слушаюсь, — ответил я.

— Когда подойдет время, я все тебе сам объясню, курсант, — сказал он, обращаясь прямо ко мне. — А сейчас — слушай.

— Слушаю.

— Вчера, как раз перед вашим приездом, — сообщил майор, — произошло отчаянное, я не побоюсь этого слова, отчаянное сражение между нашими доблестными войсками и ордами ублюдков. Мы вынуждены были уступить первую линию обороны и отойти на более выгодные позиции. Должен вам сказать, что оголтелым ублюдкам удалось ворваться в наш лазарет, где лежали страдальцы — отважные наши бойцы. Все

они были зверски замучены. Но еще худшая судьба ожидала врачей и санитарок в лазарете. Вы можете догадаться, что они были изнасилованы и буквально растерзаны... и это ваши сестры и невесты!

Последние слова он выкрикнул, и по толпе курсантов прошла волна гнева. Я ощутил ее и был ею захвачен. Я еще не знал, кто такие ублюдки, мне еще не рассказали, чем же они отличаются от нас, хороших, благородных людей, но я знал, кого мне надо уничтожить для того, чтобы наступил мир на земле и чтобы вновь расцвели наши нивы и сады.

— Так как вы, мои друзья, — продолжал майор-идеолог, — попали под действие отравляющего газа, который враги распыляли с воздушных шаров, то сейчас мы перейдем к следующему уроку в курсе восстановления памяти. Мы будем смотреть фильм о нашем городе, о нашей довоенной жизни. Это делается с одной целью — помочь вам восстановить память и вернуть в ваши души то теплое, живое, родное, что не умерло и не могло умереть после диверсии ублюдков.

Широким жестом он показал на экран. Сейчас оттуда должна выскочить его ассистентка в серебряном трико.

Но за нашими спинами зажужжал старинного вида кинопроектор, и я увидел, как прямоугольником в глубине эстрады загорелся белый экран и на нем сначала побежали различные цифры и значки, означающие начало части. Потом пошел черно-белый фильм, очень для меня интересный, потому что именно с этого фильма и начиналась моя работа — я включился, я вспомнил, кто такой Михаил Степанович и кто такой я, Юрий Гагарин, — тезка первого космонавта и в то же время неполноценный инопланетянин, младший научный сотрудник без степени Института экспертизы, или, точнее, шестнадцатой лаборатории, — понимай как знаешь. Я вспомнил все, о чем вы знаете и без меня, и даже родинку на плече Катрин.

Но главное, я понял, что с этого момента я должен быть хитрым как змей — я не должен попасть под подозрение, тем более если они меня уже подозревают. По крайней мере человек во френче, который нас встречал, отнесся ко мне прохладно. Но ничего, я буду стараться. Стараться быть тупым, когда вокруг тупые, и становиться умным, когда поумнеют все вокруг.

Я отвлекся на несколько секунд, собирая свои мысли и приводя их в порядок, и постепенно увлекся фильмом, который нам показывали.

Это был довольно большой город, российский, без сомнения, российский, но чем-то чужой.

Если судить по погоде — город скорее был южным, чем северным.

Камера не спеша шла по улицам, мимо центра, где поднималось высокое, этажей в двадцать, здание гостиницы, затем еще несколько высоких, скорее деловых домов. Одно здание постарше, с колоннами, видно, там находилось какое-то городское учреждение. Троллейбус? Нет, троллейбус наш, обыкновенный, синий, только без рекламы на борту. Прохожие? Они одеты обычно, почти современно, хотя так теперь у нас не одеваются. Я увидел надпись «Булочная», а потом «Продукты», и эти вывески были естественными, даже не новыми, так что их никто специально для съемок не вешал.

Затем камера не спеша поехала по неширокой улице прочь от центра. И дома пошли двух-, трехэтажные, каменные. Мне захотелось увидеть название улицы, но я не успел его разобрать.

— Узнаете? — спросил голос майора со сцены. Требовательно спросил, так что не ответить было нельзя.

— Узнаем, — сказал неуверенный голос.

— Конечно, узнаем, — произнес второй. Но также не очень уверенно.

— А теперь нам придется увидеть то, чего вы не помните, потому что газовая атака произошла раньше, чем на наш город сбросили зажигательные бомбы.

И тут я увидел, что несколько следующих домов на этой улице были охвачены огнем. Возле них стоял народ, пожарные машины тянули к ним лестницы, пожарные разворачивали шланги.

— Так выглядит обычный жилой дом, — слышен был голос майора, — после попадания в него зажигательной бомбы с воздушного шара. Продолжайте смотреть, не отворачивайтесь.

Камера перешла на крупный план. Я увидел, что возле дома лежат убитые — две молодые женщины и девочка, — видно, они хотели убежать, когда начался пожар, но взрыв или куски кирпича убили их.

— Если вы узнали среди них своих сестер или невест, не стесняйтесь выразить свои чувства, — сказал майор деловито и скучно, как дежурная в крематории, которая руководит панихидой.

Он отрабатывал свой урок.

Но, видно, его работа уже начала давать свои плоды.

— Нинка! — вдруг закричал один из парней. — Нинка, это ты? Ты как туда попала?

Но кадр уже сменился другим: снова тела — на этот раз они выложены вдоль улицы рядком, как будто шеренга людей упала на спину.

И снова камера плыла над окровавленными лицами и телами.

На этот раз шум охватил весь зал. Люди вскакивали — они были готовы увидеть близких, и камера двигалась именно с такой скоростью и на таком расстоянии от лиц, что возникали сомнения, — и даже если у тебя нет жены или матери, ты начинал верить, что увидел именно их тела.

— Нет, нет! — останавливал майор обезумевших людей, бегая по сцене и как бы отталкивая их руками, не позволяя пробиться к экрану. — Давайте посмотрим теперь и на беженцев. Может, вы узнаете и среди них своих близких...

Дальше кадры показывали беженцев, сидевших на чемоданах, женщин и стариков, бессмысленно бредущих среди развалин.

И все эти кадры шли под вой, крики, топанье, сконцентрированное бешенство, негодование группы молодых сильных людей, лишенных разума, попавших в руки опытного гипнотизера, которому помогали и музыка, поднявшаяся до визга, и монотонный речитатив майора от идеологии, повторявшего:

— Смотри, твоя мать! Смотри, твой отец! Смотри, твой дом!

Я убежден, что никто, кроме меня, этих криков не слышал. Но я понимал, что в помещении класса достаточно светло и потому майор внимательно следит за своими учениками. А раз так, то он видит и меня, а если я не буду вести себя так же, как прочие ученики-курсанты, то я себя разоблачу.

Поэтому я, хоть в этом неловко признаваться, подпрыгивал, кричал, узнавая своих родных и свой погубленный врагом дом, кричал в такт все убыстряющейся музыке. Как это называется? Радение! То ли хлысты, то ли какие-то другие сектанты собираются вместе, надевают белые рубахи и прыгают под хоровые песни, пока не придут в раж и не ударятся в свальный грех.

Не переставая повторять заколдованные фразы, майор вдруг посмотрел через наши головы на дверь и кивнул. Я не посмел обернуться — это означало выдать себя. Майор наклонился к музыкальному ящику и убавил звук.

Потом сказал:

— Поворачиваемся направо и один за другим выходим в боковую дверь, идем и помним — все помним, все преступления наших врагов помним, несем в себе как чашу с кровью, пепел наших родных стучит в наше сердце, раз-два, раз-два...

Ага, он уже цитирует классиков, подумал я. От великого до смешного ровно два шага.

И тут я увидел, что боковая дверь, которая открылась незаметно для меня и рядом с которой стоял перешедший туда человек во френче, окружена по раме металлической полосой, чуть светящейся в полутьме, — это устройство было сродни тем, что бывают в аэропортах для проверки на металл.

Интересно, для чего здесь этот прибор?

Сразу стало видно, что за границей двери стоит нечто вроде пульта, и, когда первый из новобранцев прошел сквозь эту раму, по ней пробежали зеленые огоньки, а сам новобранец на секунду остановился, схватился за голову — я внимательно следил за его реакцией. Что бы то ни было — я был должен повторить его движения... если то же сделает и следующий курсант.

Первый возобновил движение и прошел к двери. Френч помог следующему сделать шаг — тот что-то оробел. Снова зеленые огоньки — второй исчезает за рамой. Я не спешил быть среди первых, но и отставать особенно не стремился. Мне любопытно было, как пройдет это испытание. Цыган, тот пошатнулся, проходя сквозь дверь. Среди зеленых огоньков замигали красные, мне показалось вдруг, что сейчас френч отправит Цыгана обратно, но тот только подтолкнул его в спину, и Цыган как заведенный зашагал дальше и исчез за следующей дверью.

Я трусил. Черт его знает, что эта рама делает с твоей психикой. Ведь не зря ее здесь поставили. И если она призвана вычистить из памяти человека все, что в ней лежало раньше, то меня этот вариант совсем не устраивал. Хотя, как известно, свист пули, предназначенной тебе, ты не успеваешь услышать. Если ты услышал свист пули, значит, она уже пролетела мимо — ведь звук распространяется в воздухе с позорно медленной скоростью.

Рассуждая так, я ступил вперед — моя очередь. И тут же успокоил себя. Если меня хотят лишить памяти, то не надо было устраивать лекции с гипнозом и музыкальным сопровождением в открытом летнем кинотеатре о зверствах неких врагов. Уже можно было предположить, что нас психически

обрабатывают на роль солдат, искренне преданных делу, которое они защищают, — любопытная идея и нечто новое в психологии! Но в таком случае нет нужды лишать новобранцев памяти!

Утешая себя такими рассуждениями, я шагнул в проем. В первое мгновение ничего особенного не случилось. В следующее я почувствовал головокружение, чуть было не потерял сознание, но человек у пульта дружески поддержал меня и сказал:

— Не переживай, мы все сделаем как надо.

Пройдя раму, я попал в туман. Впереди был свет. Я прошел несколько шагов и оказался в открытом поле в окружении полудюжины моих товарищей.

Со всеми нами произошло странное и приятное изменение. Мы как бы проснулись. Солдаты были невеселы — кто будет весел после такой лекции? — некоторые матерились, другие старались завязать разговор, но главное — всю тупость как рукой сняло. Даже Цыган, хоть и выглядел не в своей тарелке, снова стал вполне нормальным человеком.

Моя последняя догадка оказалась верной. Рама предназначалась не для потери памяти, а для возвращения нас в человеческий облик. С одной лишь разницей — наши собственные воспоминания были подменены воспоминаниями наведенными, сделанными здесь, по заказу. Мы стали наемниками нового, высшего типа, наемниками, которые будут сражаться за свой родной дом. А тут каждый профессионал стоит двоих соперников, которые такой уверенностью не обладают.

Надо было проверить свою гипотезу.

— Ты не куришь? — спросил я Цыгана. Любопытно — он-то помнит, что мы с ним сюда приехали из Меховска и никогда в городе, который нам показывали на экране, не были?

— Не, не курю, — сказал Цыган, не глядя на меня. Но не потому, что я ему был противен или он хотел спрятать от меня подозревающий взгляд. — Нет, не курю, — продолжил он. — Но ты подумай — какие сволочи. Какие сволочи, а?

— Ты о них?

— Конечно, об ублюдках этих. Ну, попадись мне в руки кто-нибудь из них, я его разорву на мелкие клочки... — И он показал мне, как он будет их рвать.

— Блин, — заявил кто-то еще.

Ясно было, что он согласен с Цыганом.

Ну что ж, теперь я мог искренне сказать, спасибо тебе, дорогой мой маленький Яков Савельевич, который установил в

моем мозгу блок защиты от внешнего воздействия. Лера как чувствовала, что грозит мне именно это.

Я огляделся. Кого-то не хватало. Ну думай, Гарик, думай! Кого нет? Не было Риты, Маргариты Савельевой, подруги моего кузена Аркадия. В рефрижераторе была, теперь сгинула. И не спросишь.

Я ощущал себя человеком в обществе обезьян. Я не только понимал, что их интересы просты и они управляемы, как электрические чайники, я понимал также, каким образом я смогу стать одним из них, и мне это сделать теперь нетрудно, потому что, за исключением прошлого, которое им подменили, эти люди в остальном абсолютно нормальные, не очень далекие, не очень умные, сверх меры жестокие и равнодушные солдаты, большей частью наемники либо попавшие на какую-то из недавних войн по призыву, по приказу и искалеченные в этой войне настолько, что уже никогда не найдут себе места в нормальном обществе. Им нужно убивать, чтобы в конце концов быть убитыми.

И я — один из них.

Это то, что и следовало доказать.

Половину задания я выполнил.

Я теперь знаю, каким образом обеспечивается доставка людей на место боя. Остался пустяк — сообразить, почему надо делать это с такими сложностями и предосторожностями и с кем мы намерены воевать, мои драгоценные коллеги? Хорошо бы, чтобы это не стало школой для террористов, которых натаскивают на уничтожение нашего собственного правительства. Современные наемники чаще всего воюют с другими наемниками. А кто-то пожинает политические плоды. Такая ли ситуация здесь? Туда ли я попал, ребята?

Наша группа увеличивалась. Все по очереди проходили сквозь раму и становились снова простыми ребятушками-солдатушками. Мы нужны были тупыми и послушными, пока нас перевозили в рефрижераторе и потом вкладывали нам в голову ложную информацию. Теперь все это позади, и с новой информацией мы начинаем боевую карьеру. Как славно!

Мне не хочется тратить время на описание нашего вживания в тот мир. Я уже столько раз наговаривал и писал отчеты о моей жизни здесь, что мне кажется — рассказа о первой лекции идеолога-майора достаточно, чтобы в принципе понять, как шла обработка.

Причем обработка была достаточно эффективна. Сначала из меня вычерпали все, что в моей голове находилось, а потом

по частям, ложками или иными сосудиками, вливали в голову то, что должно было в ней находиться, с точки зрения моих новых нанимателей.

Например — оружие.

Я совершенно точно знал, что любой из нашей двадцатки отлично знаком и с пистолетами разных марок, и с автоматом Калашникова, и с гранатометами — каждый прошел современную войну, на то мы и ветераны. Так вот самое странное в нашей новой войне было отсутствие в ней современного оружия. Нам выдали сабли, сказав, что настоящий меч мы должны добывать на поле боя. Некоторым, проверив сначала на стрельбище, выдали луки, хорошие боевые луки со стрелами.

Теперь представьте, что мы идем на стрельбище. Это продольная низина, в торце которой срезан обрыв и вдоль него уместилось пять или шесть круглых белых мишеней на палках.

Нас по очереди выводят на огневой рубеж, дают по три стрелы и велят целиться. До мишеней метров тридцать.

Я стреляю — и мне стрелять приятно: в этом есть элемент детской игры. Давно мне не разрешали пострелять из лука.

Я попадаю в мишень дважды. Третья стрела уходит в молоко.

Я смотрю на остальных моих спутников. Они стараются, целятся точно так же, как если бы нас привели на настоящее стрельбище и дали нам карабины. Никто не шутит, не улыбается — хотя стрельба из лука должна бы вызвать улыбки и веселые голоса.

Нет, все напряжены, все стараются, все стремятся скорее на фронт — отстоять родной город, отомстить за поруганную честь сестер и невест, за кровь своих детей. Хотя я уже подозреваю, что далеко не у всех есть сестры, невесты и дети.

Из двадцати двух новичков отбирают девять стрелков, которым выдают луки и стрелы. Я среди лучших, а вот Цыган лука не получил. Он возмущается. Инструктор по стрельбе из лука, смуглый попрыгунчик с наклеенной улыбкой, радостно заявляет:

— Я тебя, дурак, отсеял, потому что ты в мишень попасть не можешь. Такой, как ты, мимо дракона промахнется.

— Мимо кого? — спросил Цыган.

— А ты про дракона не слыхал?

— Про какого дракона?

— Ну ты тупой, братец, — сказал инструктор. — У ублюдков драконы есть. Два или три. Они их пока на других участках фронта используют.

— Живые?

— А то какие же?

Подошел майор-идеолог, который нас не выпускал из-под контроля. Он вмешался в разговор.

— Есть различные мнения, — сказал он. — Не исключено, что это своего рода машины, которые используются в боевых условиях.

— Вроде бронепоезда? — спросил я. И какой черт меня дергал за язык?

— Ты что сказал? — спросил идеолог. — Как ты сказал?

Тут мне пришлось применить свои способности. «Забудь, — мысленно приказал я майору. — Никакого бронепоезда. Я спросил тебя: «Как ящерица?» Понял? Я тебя спросил: «Как ящерица?»

Глаза у индюка потускнели. Внутри его происходила некая борьба, ведь он также не был лишен гипнотических способностей. Сражение между косой и камнем кончилось моей победой. Коса сдалась.

— Я сказал — ящерица, — повторил я вслух. Мои коллеги тем временем горячо обсуждали боевые качества луков, о которых два дня назад и не подозревали.

— Ну какая ящерица! — почти возмущенно воскликнул майор. До него наконец-то все дошло. — Дракон в сто раз крупнее ящерицы, и к тому же он испускает из себя пламя и дым.

— Меня можно направить в штаб, — сообщил голубоглазый молодец. — На гражданке я был на руководящей работе.

— Посмотрим, — сказал майор. — А пока, сержант, давай мне стрелков, я с ними проведу показательные занятия. Пошли все. И стрелки, и те, кто в стрелки не попал.

Мы уже начали привыкать к агитационному летнему театру. По крайней мере каждый старался занять то же место, как на первой лекции. Это бывает везде — и в доме отдыха, и на пароходе. Стоило тебе разок сесть к окну, и ты уже всю смену будешь сидеть у этого окна, хотя в зале сколько угодно свободных мест.

— Пришла пора, — сказал майор-идеолог, — познакомиться ближе с нашими врагами. Так как, к сожалению, вы были поражены газами, то внешний вид ублюдков вам незнаком.

Майор уселся на свой стульчик, в стороне от экрана, и дал сигнал киномеханику к началу демонстрации.

Сначала мы увидели холмистую голую местность. Точка

зрения камеры была расположена очень низко — будто оператор выглядывал из траншеи или ямы.

Далеко на горизонте появилась цепочка людей, вооруженных короткими копьями и мечами. Они бежали к нам, проваливаясь в ямы, перепрыгивая через канавы, — вся полоса их наступления была перекопана.

Хоть экран находился в раковине эстрады, в полутьме, все же видно было так себе. Лишь когда нападающие приблизились метров на двадцать, я сделал для себя удивительное открытие. Это были не люди!

Должен сказать, что это открытие повергло меня в шок.

Я готов был увидеть негров, китайцев, австралийских аборигенов — кого угодно, но не инопланетных существ, не исключено, что и роботов, с металлическими, золотого цвета головами, в которых были косо прорезаны щели, а рты растянуты в постоянной зловещей улыбке.

По залу прокатился шум, и кто-то выругался.

Камера уткнулась в рожу одного из пришельцев, и она все росла и росла, пугая своей блестящей неподвижностью, а отблеск дергающегося в его лапе меча падал на щеки.

Только когда ублюдок... — а майор все время повторял, как испорченная пластинка: ублюдок, ублюдок, ублюдок... — приблизился настолько, что его лицо заняло половину экрана, я понял простую штуку — это не лицо. Это маска. Металлическая маска, причем изготовленная грубо и позолоченная — в наши дни люди не ходят в атаку в масках, — заставила меня поверить в пришельца, инопланетянина, чудовище.

Но то, что стало ясно мне, остальным в зале не было очевидно.

Они были напуганы и постепенно замолкли, благо что майор включил музыку. Это был музыкальный фон для врага, для ублюдка — он был настырен и всепроникающ, как мелодия немецкого марша из Седьмой симфонии Шостаковича. Но основную мелодию вел барабан, и лишь взвизгивала флейта, как будто зайчонок при виде волка.

Камера прошла по лицам шеренги наступающих врагов, и одинаковость масок убедила уже не только меня в том, что эти люди скрывают свои лица, а судя по их рукам, походке, фигурам, облаченным в короткие плащи и широкие штаны вроде лыжного костюма моего дедушки, они относились к племени людей.

По летнему театру пронесся вздох облегчения — пугали-пугали, а оказалось шуткой.

— А чего они? — спросил кто-то.

— Лица их столь отвратительны, — быстро ответил майор-идеолог, — что они их скрывают от нас.

— Нет, — твердо возразил не замеченный мной раньше невысокий, плотный, даже скорее грузный парень с красной, в бурость, рожей алкоголика, которая некогда была вполне умным и, возможно, даже с тонкими чертами лицом. Его курчавые волосы были тронуты ранней сединой и казались серыми. — Когда я страшен, я маску напяливать не буду — вы меня таким бойтесь, как я есть. А маска, она, если присмотреться, не страшная.

— Давайте не будем обсуждать эту проблему сейчас, — рассердился майор. — Для кого красивые, а для кого некрасивые. Факт есть факт — узнавание им неприятно.

— А наши как? — спросил тот же парень. — Наши маски для них красивые или нет?

— Твоя фамилия как? — спросил майор.

— Моя фамилия Зоркий. И зовут меня Ким. То есть Коммунистический интернационал молодежи. А что это значит, спросите у моего папаши.

— Я отметил твое замечание, рядовой Зоркий, — сказал майор, делая пометку в своем черном блокнотике. Неуловимым движением фокусника он вытаскивал этот блокнотик откуда-то из рукава и писал в нем золотой маленькой ручкой — чуть больше спички.

— Но вы не ответили на вопрос, — сказал Ким. Мне он все больше нравился.

— Я отвечу отдельно, в личной беседе, — сказал майор. — А теперь прошу вас внимательнее вглядеться в форму одежды, вооружение и общий вид нашего противника. Его образ должен запечатлеться в сознании навсегда.

Следующее занятие с нами вел человек из штаба. Тот самый усач во френче, который нас встречал. Он представился начальником армейской разведки.

Мне он показался человеком нормальным, с узким усталым лицом, к которому пошло бы пенсне. Нарушали этот образ свисающие по сторонам рта светлые усы.

Мы сидели в нашей столовой, он расстелил на столе большую карту и пытался выяснить, кто из нас имеет опыт работы с картой. С картой здесь сталкивались все, кроме самых тупых. В конце концов, мы ветераны, а не новобранцы. За каждым есть дела покруче тех, что снились нашему идеологу майору.

Я старался понять, насколько карта соответствует действительности. Для обучения порой используют — везде, даже в настоящих штабах — условные карты. И штабные игры можно устраивать на них. На самом деле этой деревни Переплюевки и речки Ремейки на свете не существует, а высоту Кривую можно взять лишь в воображении.

Карта была крупномасштабной, на ней читались даже траншеи и отдельные укрепления, три или четыре деревни, река с притоками, стандартно указывались высота холмов и крутизна речной долины, дороги, большей частью проселочные. Лишь одна дорога проходила прямо через всю карту — это было шоссе, превращавшееся прямо у обреза карты в улицу окраины города. К сожалению, самого города на карте не оказалось. Он был на другом листе.

Как я и предполагал, карту читали почти все. Не считая мужичка, который либо никогда не видел карт, либо умело притворялся. И Цыгана. Но я думаю, что он еще не пришел в себя.

Ким был сдержан, как будто не хотел открываться больше, чем нужно. Благо в основном вопросы были простыми, они касались условных обозначений, масштаба и прочих пустяков.

Затем штабист как бы начал повторять вопросы, но теперь каждый таил в себе маленький подвох. И передо мной сразу встала проблема: показать, что я понял его игру, или остаться в положении рядового необученного. Сначала вопрос был задан незаметному мужичку, который сразу попался в ловушку. Я взглянул на Кима. Зоркий глядел на палец мужичка, бессмысленно бродивший вдоль линии укреплений, и я вдруг понял, что его беспокоит та же проблема, что и меня, — выдавать себя или затаиться.

В то же время я рассуждал: сейчас идут испытания не для того, чтобы от нас избавиться. Те, кто хорошо стрелял из лука, получили луки и стали стрелками, очевидно, попали в элиту этого войска.

Штабист с печальным лицом вряд ли хотел выявить среди нас офицеров и тут же их расстрелять. Может быть, наоборот? И скорее всего наоборот — ему требовались младшие офицеры, у которых в памяти сохранились правила игры.

Дошла очередь до Кима.

Ким выслушал вопрос и с вежливой улыбкой отказался принять шоссе за железную дорогу и осмелился поправить разведчика, который откровенно ошибся на порядок в определении расстояния между позициями.

Ну что ж, подумал я. Последуем его примеру.

Что я и сделал. Притом, руководствуясь старинной наукой, которая некогда именовалась физиогномистикой, постарался быть похожим в глазах штабиста на его сына, если таковой имеется, и на его мечту о сыне, если такового нет.

Разведчик ничем не выдал овладевших или не овладевших им чувств. Помимо нас испытание в азах штабных дел выдержал розовощекий комсомолец. То есть он мог и не быть комсомольцем, но его рожа так и просилась на плакат.

Так прошли сутки.

Я не могу сказать точно, так как часы у нас отобрали на входе в эту обитель, и когда кто-то, очнувшись, попытался напомнить о часах, ему обещали их вернуть, когда будет можно. Из этого я сделал заключение, что здесь свои понятия о времени.

И все же у меня было ощущение прошедших суток, может, от страшной усталости в мозгу — нас опустошали, проверяли, наполняли, провоцировали, учили почти беспрерывно. Разок нас покормили — в том же зале, где мы должны были ночевать, покормили скудно — кашей с жидким чаем. Но и каша и чай были безвкусны, хотя это не вызвало ни у кого возмущения — во мне, да и, наверное, в остальных не было тяги к пище. Поели — и бог с ним, забыли.

Потом я помню, как в перерыве между занятиями либо беседами мы сидели в рядок на скамейке, протянутой вдоль стены нашей казармы. Кто-то курил. Мне курить не хотелось. Вообще-то я курю, особенно когда переживаю. А сейчас не хотелось.

Ким, сидевший рядом, произнес, глядя перед собой:

— Странно. Я знаю, что у меня в городе мать осталась. Точно знаю. А не могу ее вспомнить. Я стал бумажник искать — потом вспомнил, что, когда мы уезжали на это задание, у меня отобрали бумажник. У тебя тоже?

— И у меня.

— Жалко. Я не думал, что мы будем так близко от нашего города.

— А ты помнишь, как раньше воевал?

Ким нахмурился. Почесал серые, тугие космы, посмотрел на меня — глаза у него были прозрачно-зеленые, ослепительные глаза. На такой испитой роже и такие чистые глаза!

Он должен был бы спросить сейчас — где раздобыть выпивку. Но он не спрашивал об этом. Как будто и у него желания угасли.

— Раньше воевал? — повторил он мой вопрос. — Наверное, воевал. Я же многое помню, какие-то вещи — несвязные, но помню.

— Можно, дам совет? — спросил я.

— Давай.

— Может, здесь не стоит рассказывать о том, что вспоминаешь.

— Здесь особый случай. Мы не на чужого дядю пашем, мы свой дом защищаем.

— Правильно, — согласился я. — Свой дом.

Он верил.

В наши головы, спасибо Якову Савельичу, что сделал во мне шторку, введено убеждение в том, что мы — последний рубеж на пути врага к твоей родной хате. Хорошая идея. Уже ради нее стоило отправиться в этот вояж.

Наконец-то какая-то умная голова придумала вариант идеального наемника. Он сражается не за деньги, не за какие-то там привилегии — он стоит за святое дело! Ну просто чудо, какая умная голова!

— А я помню, — сказал Цыган. Он молчал сегодня весь день, а тут вдруг заговорил. — Я сестренку помню. Ее убили. Бомбежка была, и убили, истребители прилетели.

Эй, Цыган, хотел я остановить его. Надо помолчать. По тому, что мне пришлось здесь увидеть, никаких технических средств ведения войны здесь не наблюдается. Лук, стрелы, меч, какой-то дракон, что-то о воздушном шаре и зажигательной бомбе — странное сочетание терминологии наших дней, полевых карт, кинопроектора... кстати, а как же крутился кинопроектор? Я постарался вспомнить. Изображение двигалось неровно, рывками, а сзади стоял человек и крутил ручку — конечно, он крутил проектор вручную. Но откуда появлялось изображение на экране? Значит, какая-то лампа в проекторе была. Странный мир, мир-ублюдок. Как будто мир будущего — мир после атомной войны, развалленный, расколотый, скатившийся к дикости и в то же время сохранивший в чем-то память о своем прошлом и цепляющийся за эти реалии.

Эта идея мне показалась плодотворной, и я принял ее в качестве рабочей гипотезы. Теперь посмотрим, насколько она ложится на то, что происходит вокруг.

Впрочем, решение такой задачи найти нетрудно. Для этого надо увидеть все, что осталось от прошлого. И в первую оче-

редь город — тот город, который мы защищаем и который, как нам уже вдолбили в головы, наш родной дом.

Я посмотрел вокруг — из местного начальства никого не было, и никто не слышал слов Цыгана, которые могли оказаться крамольными. Из всех лекций и бесед я вынес заключение, что некоторые достижения цивилизации, которые мы воспринимаем как должное, здесь не только не существуют, но знать об их существовании не следует. Так что лучше Цыгану молчать.

Ким сообразил раньше меня.

— Цыган, — сказал он. — Ты бы помолчал.

— Почему?

— А потому, что самолетов не бывает.

— Чего не бывает? — спросил мужичок из мелких гномов.

— Вот видишь, — вмешался я в разговор, — знающие люди сомневаются.

Опять замолчали. Потом справа от нас заговорили о бабах — видно, это существует в подкорке, и этого стирать не стали.

Ким Зоркий тихо спросил меня:

— А ты помнишь самолеты?

Я пожал плечами.

— Черт знает что, — сказал Ким. — Вот есть ощущение. Близко — еще чуть-чуть и сообразу.

— Не надо соображать, — сказал я.

— Ты уверен? — спросил Ким.

— Кому-то надо верить, — сказал я. — Если хочешь, можешь верить майору-идеологу. Или Шейну. Или мне.

— Понял, — сказал Ким.

— И поменьше выражай свое мнение. Сначала мы с тобой должны понять, куда попали и что им от нас надо.

— Ну куда попали — это ясно! — сказал Ким уверенно.

Боюсь, что работа с ним будет труднее, чем казалось.

— А ты пьешь много?

— Очень, — сказал Ким.

— А что же здесь не пьешь?

— А что пить?

— Алкаш всегда найдет.

— Алкашом меня не называй. Не люблю, — сказал Ким Зоркий. — Алкаш пьет по обязанности, а я для морального удовлетворения.

— Давно придумал?

— Давно, — согласился Ким.

Пришел Шейн и с ним еще один военный, кажется, тот, кто крутил ручку проектора.

— До этой минуты, — сказал разведчик после того, как мы построились, — вы были безымянными солдатами. И если бы кто-то из вас погиб, на его могиле пришлось бы написать «неизвестный солдат». Теперь наступил момент возвращения вам имен. Каждый из вас может попасть в плен к ублюдкам. Мы с вами вчера видели фильм о том, что они делают с теми, кто попадает к ним в плен...

Шейн сделал паузу. Фильм этот показывали.

— Следовательно, каждый теперь получает псевдоним. И даже если вас будут пытать, вы не скажете настоящего имени. Для этого... — Шейн щелкнул длинными грязными пальцами, и солдат-киномеханик передал ему пачку пластиковых карточек на веревочках. — Это ваши опознавательные знаки. Вы повесите их на шею. И запомните ваши имена. Каждый из вас имеет право на имя. Я внимательно наблюдал за вами и понял, что своих имен вы не помните. Так что временно вы получите условные имена, которые называются псевдонимами. Они придуманы не случайно. Некоторые произошли от ваших внешних качеств, другие возникли эмоционально... Слушайте и смотрите...

Все молчали, не понимая смысла этой угадайки.

— Цыган, — сказал граф Шейн.

Все обернулись к Цыгану. И в самом деле, его уже все для себя так называли.

Цыган почувствовал внимание, обращенное к нему, и сделал шаг вперед.

Шейн взял у киномеханика табличку и повесил ему на шею.

— Твое официальное имя Цыган. Ясно?

— Так точно!

Любопытно, что Киму дали кличку Кудлатый. Мне хотелось сказать, что его никто так звать не будет. Оказалось, что я ошибся. Кроме меня, все его звали Кудлатый.

Меня назвали Седым. И на табличке уже было выдавлено: «Седой». Я не возражал — это имя не хуже других.

После того как завершилась раздача имен, Шейн сказал:

— Все вы определены в первый полк. Там особенно тяжелые потери. А направление ответственное.

Из-за угла казармы вышли три человека. Двое в касках, нашего возраста, с нашивками и галунами. Один с кое-как обритой головой. Все без масок, так как мы в тылу, в учебке.

Шейн обратился к британцу, сутулому, немолодому и, видно, перманентно мрачному:

— Капитан Дыба, принимай пополнение в свой батальон. Ребята хорошие, обстрелянные, готовы положить жизнь за родину и своих близких. Двоих я рекомендую тебе на должности младших комвзводов. Конечно, ты их натаскаешь. Но они могут, я проверял. Притом все трое хорошие стрелки.

— Не люблю я этого, — сказал капитан Дыба. — Или они стрелки хорошие, или младшие командиры. У меня и тех и тех не осталось.

— Вот и будут тебе и те и те, — отмахнулся Шейн. Потом обернулся к нашему строю и приказал: — Кудлатый, шаг вперед!

Ким вышел вперед. Дыба подошел к нему и стал осматривать как лошадь. За ним к Киму подошел один из молодых офицеров — он мне понравился с первого взгляда. Бывают такие острые, птичьи, но в то же время сильные лица. У него был крепкий, с горбинкой, нос, полные губы, очень четкий раздвоенный подбородок и карие птичьи глаза. Пожалуй, его лоб был узковат, да залысины указывали на то, что он довольно скоро облысеет. Хорошее, открытое лицо.

— Седой, шаг вперед.

Я задержался на секунду — пока не вспомнил свое новое имя.

— Вот эти двое будут служить у тебя в батальоне, — сказал Шейн.

— Я возьму Седого, — сказал молодой офицер с горбатым носом.

— Бери, Коршун, — согласился Дыба. — А Кудлатого я отправлю во вторую роту, пускай пока заменит комвзвода. Там совсем плохо.

— Я тебе еще двух стрелков дам, — сказал Шейн. — И шесть рядовых.

Так нас развели по взводам и ротам. И я попал командиром практически несуществующего взвода в роту, которой командовал человек по прозвищу Коршун.

Когда мы небольшой группой, кое-как одетые и почти невооруженные, спешили за мускулистым Коршуном в расположение его роты, я разглядывал местность вокруг и старался прийти к каким-то выводам, хотя сделать это было почти невозможно.

Мы шли по глубоким канавам, осыпавшимся траншеям, проходили через неглубокие квадратные или длинные ямы, потом взбирались на оплывшие брустверы или неровные холмы и холмики. Порой перед нами открывался вид вперед — такие же траншеи, слева начинался пологий склон большого холма, вершина которого утопала в тумане, а справа виднелись развалины и груды бревен, сучьев и досок, за которыми поблескивала река.

Когда мы поднялись на холмик, который господствовал над местностью и с которого было видно далеко вокруг, Коршун остановился и сказал:

— Теперь, ребята, давайте познакомимся с диспозицией. Перед нами противник.

— Далеко? — спросил мужичок с угорскими скулами.

— Не так далеко, вон в той траншее они уже сидят.

До той траншеи было метров двести, не больше.

— Они же нас видят, — взволновался комсомолец, получивший прозвище Ваня. — Они же стрелять будут!

— Не будут, — сказал Коршун. — Сейчас небоевое время.

— А когда будет боевое время? — спросил Ким.

— Нам скажут, — ответил Коршун. — Придут из штаба полка и скажут.

Нет, он не хотел ничего от нас скрывать — мы были теперь его товарищами по оружию. Но очевидное командиру нашей роты не было так же ясно для нас.

— Справа, — продолжал Коршун, — развалины санатория и за ними речка. Туда лучше не ходить. Плохое место. Я както туда попал — чуть со страху не помер.

— А что там? — спросил я.

— Я потом расскажу... привидения там. И так далее.

Меня удивил Цыган. Он вдруг спросил:

— А когда ночь будет?

— Ночь? — Ответ на этот вопрос оказался для Коршуна затруднительным. — Ну, когда будем спать, тогда и ночь будет.

— Здесь какая широта? — спросил я. Я уже понял, что наша война будет идти за Полярным кругом и это — полярное лето. А может быть, я старался убедить себя, чтобы не пугаться. Лучше выяснить, чем растеряться.

— Широта нормальная, — ответил Коршун, и я понял, что он так же, как и мы, запрограммирован.

— Значит, здесь война идет по расписанию? — спросил Ким с язвительной улыбкой.

— Иначе нельзя, — ответил Коршун. — Иначе не положено.

— Почему? — спросил Ким.

— Потому что людям надо отдыхать, мыться, есть, бриться — жить надо.

— Так на войне не бывает, — сказал Ким.

— А ты откуда такой ученый? — Командир роты был недоволен. Глаза сузились, губы поджаты.

— Потому что я уже воевал, — сказал Ким. — И потому что, как я понимаю, наша цель — выгнать этих ублюдков и отстоять город. Так или не так?

— Так-то так, да с командиром иначе разговаривают, — сказал Коршун. — Я на тебя стучать в штаб не буду, но если ты будешь и дальше всякие штучки вытворять, то верну тебя в учебку. Ясно?

— Ты меня не учи, — сказал Ким, — я тоже ученый. Я сюда воевать приехал, а не расписание изучать. Не бывает на фронте боевых периодов, или как ты их там называешь.

— Боевое время, — сказал Коршун.

— Значит, надо воспользоваться, — сказал Ким.

— Как воспользоваться?

— Они там, ваши ублюдки, тоже соблюдают боевое время? — спросил Ким.

— Разумеется.

— Так вот, пока они сидят и кушают свои котлеты, надо по ним ударить.

— Нельзя, — сказал Коршун. — Когда нет боевого времени, бить нельзя.

— Тогда вы никогда не победите. Так и город свой отдадите.

— Не валяй дурака, комвзвода, — сказал Коршун. — Ты думаешь, если тебя назначили младшим командиром, значит, ты уже революцию здесь можешь совершить? Здесь особые условия, в таких тебе еще не приходилось сражаться, к тому же ты отравленный газами и многое не помнишь. Но рассуди спокойно — если мы не будем соблюдать боевое время, они тоже не будут его признавать, тогда в боевое время не останется сил, чтобы воевать. Какая же это, к черту, война?

— Война — это когда убивают, — сказал Ким, — а не когда играют в игру по правилам. Это в футболе свисток засвистел — и пятнадцать минут перерыва. Чтобы зрители смогли мороженого поесть.

— Не сравнивай. Мы погибаем. Но война имеет свои законы. Сам поймешь.

Я внимательно прислушивался к их спору, остальные новенькие смотрели вокруг, им было не по себе на таком откры-

том месте. И, я полагаю, они предпочли бы, чтобы прав оказался Коршун, командир роты.

— Если вы посмотрите вперед, подальше вперед, — продолжал между тем Коршун, — то вы увидите справа, вон там, как раз за линией фронта, низину, большую низину.

— Это где столбы стоят? — спросил комсомолец Ваня.

— И колоды. И... присмотрись внимательно — видишь ямы? Там лежат трупы.

— Что это? — спросил я. — Там был бой?

— Нет, еще недавно эта низина была у нас в тылу. Это место называется Долина справедливости. Только никто ее так не называет. Ее мы называли долиной казней или низиной смерти. Здесь казнили дезертиров и других преступников. Даже моего бывшего комроты Шундарая... казнили. Так что вы не думайте, что мы здесь играем в футбол с перерывами. Если вы совершите преступление, то кончите жизнь в долине казней. И казни бывают плохими. Здесь и четвертуют, и вешают, и расстреливают. И от этого зависит, кем ты родишься завтра.

— Я уже родился, — сказал Цыган, вовсе не испуганный и не подавленный видом этой низины.

— Я имею в виду перерождение, — сказал Коршун. — Вам еще не объясняли?

Я отрицательно покачал головой.

— В штабе они все с ума посходили. Они думают, наверное, что если вас из газа вытащили, то вы помните о перерождении. Ну ничего, сегодня будет патер-лама, он придет, чтобы освятить новые окопы.

Это сообщение никого не удивило.

— А дальше что? — спросил Ким. — Вон там, справа от низины казней?

— Там был наш лазарет, полковой лазарет.

— И что?

— Когда ублюдки наступали, они перебили раненых и докторов, а санитарок увели.

— Зачем? — спросил Цыган.

— Зачем наших женщин уводят? Чтобы измываться. Вот зачем.

— А почему вы отдали лазарет? — спросил Ким. — Почему вы не вывели их в безопасное место?

— В тот момент я был далеко. Если бы знал... но я же не могу все знать!

Коршун почти прокричал последние слова. И я понял, что гибель лазарета связана у него с личной бедой. Может быть,

там добили его друга, может быть, среди санитарок у него была девушка... я это узнаю, время будет.

— Мы отступили, — сказал Коршун. — Людей мало. И воздушных шаров нет, чтобы на разведку полететь. Они прорвали наш фронт. Но теперь мы накопим сил и отберем эти позиции.

— Тех, кто погиб, не вернешь, — сказал я.

— Все бывает, — сказал Коршун.

— А новый лазарет будет? — спросил я.

— Его в безопасном месте устраивают, — сказал Коршун. — Впрочем, нам некуда дальше отступать.

Коршун обернулся.

Я обратил внимание, какой изысканной работы рукоять его меча, а металлические ножны украшены чеканкой, чуть напоминающей скифский звериный стиль.

— Я точно не знаю, где будет лазарет. Но, наверное, вон там, за грядой. Иначе бы мы увидели.

— А можно туда будет сходить? — спросил я.

— Это зависит от того, сколько времени осталось до боя, — сказал Коршун. — Черт их знает. Обычно промежутки стандартные — но бывает, несколько дней проводим без боя, а порой два боя в день. Разве угадаешь?

— И никакой системы?

— Есть система, мы с Шундараем обсуждали... Но она нарушается. Может, нарочно.

— А кто решает?

— Черт его знает! Штаб фронта! Или Господь Бог!

Коршун не стал продолжать эту тему, он рассматривал тылы. Отсюда, сверху, я смог рассмотреть скопление сараев и пакгаузов, в которых была наша учебка, и даже переплетение рельсов, схожих издали с рассыпанной по земле связкой прутьев. Мне было ясно, что этими рельсами давно не пользовались, и на путях было пусто, — впрочем, вдали я разглядел несколько платформ, но не был в том уверен, потому что по земле полз бесконечный, светлый, но не белый, мышиный туман, и даль скрывалась в его пелене. Когда Коршун сказал нам, что там, за туманом, за станционными путями, и лежит столица, то пришлось признаться, что, пока не распогодится, мы города не увидим и мне не удастся сделать никакого вывода о том, что за город мы так отчаянно защищаем и считаем своей родиной.

— С нами была девушка, — сказал я. — По приезде ее от нас отделили — как вы думаете, куда она могла попасть?

— Я думаю, что они срочно новый лазарет делают, — сказал Коршун. — Ведь начнется боевое время, а мы вообще без лазарета, так у нас даже легкораненые помрут от заражения.

— А где этот лазарет будет?

— Где-то поблизости, — ответил Коршун.

— Но можно будет узнать?

— Все можно будет узнать. Потом мы к Дыбе завалимся, посидим, надо же как-то познакомиться, поговорить. Дыба может знать.

— Это командир батальона? — спросил Ваня.

— Вот именно.

Я еще раз посмотрел назад, где в тумане скрывались рельсы, где был лазарет, Маргарита и сам город, куда мне хочешь не хочешь надо пробираться.

Можно считать, что мне повезло — я получил офицерский чин, возможно, это даст мне чуть большую свободу. Главное — пока, первое время, быть послушным и вне подозрений. Опасным для меня был не Коршун, а Шейн и майор-идеолог.

Но оказалось, что опасность разоблачения исходила от патер-ламы.

Когда мы спустились в широкую траншею, которая, видно, служила уже не первому поколению солдат, я утвердился в мысли, что мы попали в некое подобие Вердена — того поля сражения Первой мировой войны, которое множество раз переходило из рук в руки и где не осталось ни одного живого дерева, ни клочка земли, который не был бы перекопан воронками от снарядов и лопатками саперов.

Сколько же лет идет эта война?

Какой-то давно читанный фантастический роман о бесконечной третьей мировой войне возник в памяти, но я никак не мог вспомнить деталей. Только помнил я, что сначала они сражались, используя танки и самолеты, потом кончилось топливо, кончились патроны, были уничтожены все заводы, да и знающих людей не осталось. В конце книги враги уже дерутся дубинками, душат друг друга голыми руками... но война никак не может закончиться.

Ясно, что образ, придуманный писателем, гиперболизирован. Но ведь в принципе это же происходит и здесь.

И две последние платформы на пустых проржавевших путях, пакгаузы и станционные здания без крыш — разве это не вещественное выражение той страшной сказки?

Я должен попасть в самое сердце этого мира, понять, что

же происходит, и главное — разыскать и освободить Маргариту, которая потеряла из-за меня своего любимого мужчину.

— Пошли дальше, — сказал Коршун. — Я покажу вам расположение взводов. Пора приживаться!

Оказывается, у меня был свой блиндаж — квадратная яма глубиной два метра, для меня и моего помощника. В помощники мне Коршун выделил ротного старшину Мордвина.

У длинной траншеи, в которой можно было проходить не сгибаясь, нас встретил здоровый мужик на деревянной ноге — ну точно как стивенсоновский пират, только без попугая на плече.

Его звали Мордвином. Он и провел меня в мой взвод, а Коршун занялся Кимом.

Мой штаб, или, вернее, моя нора, был подметен, у стены стояла лежанка, покрытая одеялом. У другой стены находилась еще одна лежанка, но уже без одеяла, на которой должен был спать Мордвин.

В моей яме еще стоял колченогий стол, под ножки которого не было смысла что-либо подкладывать — они просто были заглублены на разную глубину в твердый земляной пол блиндажа. Простите, но офицерам унизительно таиться в яме, так что я назвал свою яму блиндажом. Наконец, рядом с лежанкой стоял старый сундучок.

Затем Мордвин загнал ко мне в яму весь мой взвод. Четыре человека, усталых и грязных до умопомрачения, зато вооруженных до зубов, были остатками взвода, уцелевшими после последнего боевого времени.

Еще шесть человек я получил из меховского пополнения, но об этом я никому не смел сказать, так как мои подчиненные были убеждены, что их родина лежит в тылу. А я знал, что там Меховска нет.

Солдаты расселись на полу, я сел на лежанку, и тут пришел сам господин патер-лама. Он действовал в области идеологии, но на более абстрактном уровне, чем майор-идеолог.

Патер-лама оказался мелким старикашкой с бородкой, как у Хо Ши Мина, и лысеньким до стеклянного блеска. Лысину он скрывал под оранжевым колпаком, правда, она была такой скользкой, что колпак постоянно съезжал с нее, и тогда в глаза бил лучик от невероятно отполированной поверхности.

Наверное, он был лысеньким с детства или с юности, у него никогда ничего не получалось с женщинами, они начинали сразу смеяться и не разрешали себя трогать руками.

Я не имел ничего против встречи с представителем мест-

ной религии. Даже полезно. Правда, остальные ребята стали кривиться, а некоторые улыбались, и, конечно же, патер-лама накалялся как чайник, ноздри раздувались, а короткие тонкие конусы пальчиков нервно бегали по застежкам красного, до полу халата — форменной одежды.

Патер-лама отодвинулся от нас на солидное расстояние и сердито и быстро, словно проговаривал постылый урок, начал:

— Вы все позабыли. Из-за этого мне пришлось оторваться от моих ценных занятий и прервать медитацию. Думаю, что с вашей стороны это неблагородно. Именно так.

Он посадил на место съехавший колпак и неожиданно спросил:

— Кто из вас помнит, что такое медитация?

Никто из нас об этом не помнил. Я читал, но не стал в этом признаваться.

— Если не притворяетесь... если не притворяетесь... — Повторяя эту фразу, он бегал вокруг нас, заглядывая в глаза, и, надо сказать, я встревожился. Этот патер-лама обладал острым и злобным взглядом. — Все, что вы сделали! — закричал он. — Все, что вы смогли совершить хорошего или плохого, все это суммируется!

Он сложил ладони горсточками, будто поймал птичку, и даже заглянул в горсточку — каково там птичке?

— Вся ваша жизнь, великая или ничтожная, а у вас большей частью ничтожная, умещается в этой сумме. Ты спас родину — и тебе прибавляется доброе деяние, ты предал ее, — тут он почему-то разнял руки и сунул свой пальчик прямо мне в физиономию, — и тебе там... — он показал в небо, — записывается минус! И так на всех уровнях бытия. Не наступи на муравья, иначе ты получишь минус!

— Ма-аленький, — сказал Цыган с серьезным лицом.

— Кто сказал «маленький»?

— Я сказал, — ответил Цыган.

— Ты что, не веришь в то, что я тебе говорю?

— А вы договорите до конца, потом посмотрим, — сказал Цыган.

Цыган недооценивал патер-ламочку, у меня же в груди постукивал предупредительный сигнал — с этим лысеньким надо быть осторожным.

— Может, ты принадлежишь к какой-нибудь другой религии? — спросил лама. — Может, ты — мусульманин?

— А это плохо? — спросил Цыган.

— Предупреждаю, — сказал патер-лама, — я вынужден буду предупредить об этом командование части. Мы не можем допустить сомнений. Сомнения ведут к предательству. И нет ничего страшнее, чем ислам. Запомните, вы, дети земли и неба, песчинки в водовороте бытия, что человек, несущий в сердце семена ислама, обречен на вечное существование в виде червя, ползущего сквозь теснины подземелий. Ясно?

Ответа он не получил. Ни черта нам не было ясно. Коршун, который услышал, как поднялся почти до крика голос проповедника, появился за спиной ламы, уселся на бруствер на корточках, как принято сидеть на Востоке, а у нас сидят только заключенные. Он слушал, по-птичьи склонив набок голову. Как он появился, мне сразу стало легче. Он знает, как сладить с новым идеологом. Перебор их был для меня очевиден. А я привык с детства, что как только обнаруживается перебор пропагандистов и агитаторов, значит, готовится какая-то подлянка. Мой детдомовский опыт сурово подсказывал: бойся лишних идеологов.

— Значит, быть нам червяками, — согласился Цыган. Не стоило ему сердить лысого дедушку.

— Не только червяками!

Почему-то лама был в бешенстве. И тогда Коршун громко сказал сверху:

— Патер-лама, не волнуйся. Они же все забыли. Они под газ попали. Нам с вами хорошо, мы знаем, нам сказали, а им все снова надо начинать.

— А, и ты здесь! — Патер вовсе не обрадовался Коршуну. — Ты еще живой?

— Не только живой, но и стал большим командиром. В этом существовании мне пока везет.

— Но некоторые из них, — произнес лама тихо, — на самом деле притворяются. Они не теряли память, понимаешь? Это исламские шпионы!

— Ну уж!

— Я знаю. Я чувствую! Они и не скрывают. Вот ты скажи, ты веришь в перерождение?

Он смотрел на Цыгана.

— В хорошую бутылку верю, а больше ни во что, — сказал Цыган.

— Это не преступление, патер-лама, — сказал Коршун. — Я иногда тоже ловлю себя на такой мысли. Только здесь у нас, ребята, и нечего выпить, и не хочется.

Вот это было горькое и неприятное открытие для моих спутников. Они не скрывали своих чувств.

— Молчать, молчать, молчать! — закричал лама. — Иначе я вызову спецслужбу!

— С тебя станется, — сказал Коршун и спрыгнул вниз. Он встал рядом с патер-ламой и оказался на две головы выше. Патеру это не понравилось, и он быстро отступил в сторону.

— А почему ислам — это плохо? — спросил я.

— Потому что ублюдки — мусульмане, — ответил Коршун. — Это проверено. Так что если ты мусульманин, значит, пробрался к нам со шпионскими целями.

— Значит, мне нельзя верить во что хочу?

— Верь в свою мамашу, — ответил Коршун. — Но с предателями у нас здесь строго. Мы — буддисты-идеалисты.

— Так разве ты не видишь, Коршун, — закричал патер-лама, — что этот самый...

— Меня Седым прозвали, — сказал я.

— Этот Седой к нам подослан!

— Это мы без тебя посмотрим.

— Его надо пытать, — потребовал патер-лама. — Его надо отдать на пытку.

— Послушай, уважаемый патер-лама, — устало сказал Коршун. — У нас на носу бой. Когда кто погибнет, ты и проверишь, кто кем стал. А пока мне люди нужнее здесь, чем в пыточной.

— Пускай пока будет по-твоему, — согласился патер-лама, хотя так, конечно, не думал, — но я считаю своим долгом доложить.

Затем, переведя дух, патер-лама изложил нам скучным голосом религию нашего детства. По крайней мере мы должны были в это поверить. Это и в самом деле был примитивного вида буддизм. Мне непонятно, кто и почему выбрал для наемников именно буддизм, но я покорно выслушал идеи о том, что ничто на свете не умирает и не исчезает. Со смертью мы рождаемся вновь — в образе существа, характер и положение которого в обществе точно соответствует тому, много ли ты грешил или совершал добрые дела. Перевесили плохие дела — стал ты паршивым псом, перевесили хорошие — господином полковником или даже королем. А уж еще лучше — самим патер-ламой.

Я предположил — да не у кого было спросить, — что буддизм здесь придумали для того, чтобы не заниматься похоронами или устраивать церкви. Ты погиб, а там судьба разберет-

ся. Потом придумали еще дракона, которого никто не видел, вот и вся мифология. Остальное — дело твоей фантазии.

Из этой лекции я узнал другое, нечто более важное для моей миссии: наши враги, по крайней мере так утверждает патер-лама, — мусульмане. Значит, мы должны сражаться где-то на Северном Кавказе. А может, и за его пределами. Но вряд ли за границей — уж очень обычен здесь русский язык.

Тогда моя теория о том, что я попал в будущее, получала косвенное подтверждение. Именно в какой-то завтрашней войне и мог возникнуть локальный конфликт на окраинах бывшей империи. Вот и сражаются год за годом, перегоняя друг друга из траншеи в траншею. А так как эта война совершенно нелегальная, то и собирают людей по ветеранским организациям.

Тогда получает объяснение метод мобилизации. Вместо того чтобы объяснять каждому кандидату, что он должен участвовать в чем-то за гранью закона, его просто заставляют все забыть.

Для этой цели лучше всего подходят именно ветеранские союзы или группы в провинции. Туда попадают молодые люди, смертельно больные войной. И раз им не с кем воевать, они тянутся друг к другу.

Остается только установить связи с их руководством. С каким-нибудь Порейкой, который спит и видит, как бы продаться. Не исключено, что в этих делах замешаны и высокие чины — в сущности, мы имеем дело с работорговлей или видом торговли оружием. Только его одушевленной частью. И эта одушевленная часть становится неодушевленной.

Стоп. Логика подсказывает пути самые обычные, а в нашем мире это опасно. Если ты видишь что-то откровенно яркое, зовущее и вполне доступно лежащее на земле, то остановись в отдалении и подожди, пока игрушку поднимет твой злейший враг. Так учил меня Сенька Клоп, беда нашего детдома. Каким-то чудом он попал в Карабах еще в те времена и видел такие игрушки-ловушки, может, сам в них играл. Впрочем, и это может быть легендой типа «белых колготок», которые возникали в различных конфликтах. «Белые колготки», красивые девки — мастера спорта по стрельбе, почему-то из Литвы. Я о них наслышался в свое время, правда, ни одной из них не поймали, хотя с наслаждением врали о том, как перед расстрелом каждую пропускали сквозь взвод.

Патер-лама стал собираться — он был нами недоволен, и я

подумал, что если здесь есть свои чекисты, он первым делом побежит им докладывать.

— Вы с ним поосторожнее, ребята, — сказал Коршун нам с Цыганом, — подлая натура.

— Таких в конце концов на мину сажают, — сказал Цыган.

— Мы тут этими штучками не занимаемся, — ответил Коршун. — У нас и без него врагов довольно. Если город не защитим, то ублюдки знаешь что с нашими сделают?

— Представляю, — сказал Цыган. Но, видно, он не очень представлял. — А курево выдают? — спросил он.

— Можешь взять — в том ящике лежат. Только здесь курить не хочется.

— Почему? — спросил Цыган.

— Наверное, нервное напряжение, — сказал Коршун. — Или климат. Хрен его знает.

Я пошел наружу, посмотрел, как устроились мои люди. Перед уходом я задал один вопрос Коршуну:

— А почему здесь крыш нет?

— Потому что дождей не бывает, — ответил Коршун неуверенно. Видно, сам задавал себе или кому-то этот вопрос и не смог получить ответа.

— Я не про дождь, — сказал я. — А что, если они нас бомбить будут?

— Вряд ли, — сказал Коршун.

— Давай сами сделаем, бревен вокруг много, насыплем сверху земли.

— А то дождик в любой момент пойти может, — добавил Цыган, запустив пальцы правой руки в лохматую шевелюру.

— Отставить пустые разговоры! — прикрикнул на нас Коршун. Словно мы его обидели.

А может быть, потому, что Цыган опять попал в точку — Коршун и сам не знал ответов на некоторые вопросы. И его злила собственная неосведомленность.

Мне редко удается подумать. Если бы мне давали время обдумать свои действия, не говоря уж о мировых проблемах, я бы стал великим человеком. А так никогда не стану.

Я вернулся к себе в яму. Мордвин спросил, не приготовить ли чайку, я сказал, что не хочу, закрыл глаза и приготовился думать.

Не смейтесь. В институте, в общежитии, мне как-то пришлось существовать года два с одним активистом комсомола. Вечером он тихо напивался, но никому не мешал, только хра-

пел, и мы — два его сожителя — кидали в него предметами. А утром он не шел на лекции, и, вернувшись днем в комнату, я заставал его в той же позе с закрытыми глазами. Но он не спал.

— Что ты делал? — спрашивал я его.

— Думал, — отвечал он.

С тех пор я завидую людям, которые выделяют мышление в самостоятельный процесс. Я-то хожу и думаю, лежу и думаю, сижу в кино и думаю, гуляю с Катрин и думаю. Из-за этого думаю недостаточно производительно.

Так вот, я закрыл глаза, чтобы думать. Придумать программу действия на основе того, что уже узнал и увидел в этой стране. Назовем ее Южной Осетией.

Раздался шум, постук костыля деревянной ноги — ввалился Мордвин.

— Был посланец из штаба, — сказал он. — Принес часы. Приходи к нам, поглядишь.

— Да погоди ты, не убегай, — взмолился я. — Объясни мне, новому человеку, что имеется в виду.

— Пойдем покажу. Так не объяснить, — сказал Мордвин.

Что ж, сбор информации бывает важнее ее осмысления. Пошли глядеть на какие-то часы!

Ким уже был в яме командира роты, и еще пришел командир третьего взвода. На столе посреди ямы стояли большие песочные часы.

Сантиметров тридцать высотой.

Песка в нижней половинке было совсем немного. Струйка сыпалась тонкая.

Коршун валялся на своей койке, не сняв сапог, прямо на одеяле.

— Пришли полюбоваться? — спросил он.

— Нет, — сказал я, — пришли понять.

— А понимать нечего. Все как обычно, только с каждым разом все труднее. У меня в роте половина состава. Как я буду воевать?

Ким посмотрел на небо. Я нутром чуял, как в нем зреет желание воевать не по правилам. В нем был виден профессионал. Из тех профессионалов, которых не выносят начальники. Их в конце концов убивают, чаще свои, чем чужие.

— И сколько будет продолжаться боевое время? — спросил я, стараясь казаться существом разумным и легко обучаемым.

— Это определяется сиреной, — сказал Мордвин.

— А обычно?

— Обычно это определяется сиреной.

— Но у нас еще есть время пострелять, отдохнуть, погулять вокруг? — спросил Ким.

— Только учтите — до врага два шага. А они — ублюдки. И если вы к ним забредете, то никакое мирное время не поможет, — сказал Коршун.

— Тогда на хрен оно нам нужно! — воскликнул Ким с торжеством. Он оказался прав.

— У тебя есть начальник — это я, — сказал Коршун, вытащив из-за пояса кинжал с резной ручкой и рассматривая ее с некоторым удивлением, как археолог, выкопавший предмет из земли. — У меня есть начальник — комполка. У него — командующий армией.

— А кто часы заводит? — спросил Ким.

Он мне нравился с каждой минутой все более. У него была чудесная способность задавать неудобные и неприятные вопросы. И делал он это за меня, оставляя мне возможность побыть в хороших мальчиках.

— Из штаба армии приносят, — серьезно ответил Мордвин.

— В каждую роту?

— В каждую роту.

Я понял, что тут больше ничего не добиться, и сменил тему.

— Скажи, — обратился я к Коршуну, — кто такой тот странный мужик, что нас проверял, допрашивал, сюда привел, — во френче без знаков различия?

— Его зовут Шейн! Граф Шейн, главный разведчик, — сказал Коршун. — Он в штабе армии пополнением занимается. Большая шишка. А если заподозрит, то имеет право личной ликвидации.

— Не понял, — сказал Ким. — За что ликвидация?

— Нет гарантии, что среди пополнения не попадется шпион, — сказал Мордвин. — Это же элементарно.

— А как их определять? По именам?

— Кончай выкобениваться, — сказал Коршун. — Кончай. Если ты провокатор или предатель, зачем тебе подозрительное имя носить?

— Мы уходим. — Я потянул Кима за рукав. — Только скажи, когда нам быть готовыми к войне? Сегодня? Послезавтра?

Говоря так, я уже знал, что не послезавтра, потому что на дне нижнего конуса песочных часов появился маленький холмик.

— Проверьте оружие у бойцов, — сказал Коршун, — смот-

рите, чтобы все были здоровы. Ты мне за каждого человека отвечаешь! Потом можете отдохнуть. Часика три-четыре.

Когда мы по осыпавшейся траншее возвращались к себе, Ким мрачно сказал:

— Все они тебя учат. Сначала этот Коршун мне нормальным человеком показался, и тут я слышу — проверить оружие. Что это еще за оружие!

— А чем тебе оружие не понравилось?

— Я другое оружие видел, — сказал Ким. И осекся. Он не очень доверял другим. Видно, битый.

А мне это было даже удобнее. Битые ветераны недоверчивы и склонны скептически смотреть вокруг, а когда им вешают лапшу на уши, они быстро соображают, что это не философия, а мучное изделие.

Мне были нужны союзники, без союзников я вообще ничего не смогу сделать. А для того чтобы союзник был по-настоящему полезен, у него должна быть свобода воли. Как ни странно, это афористичное высказывание я услышал из уст Калерии Петровны, на фронтах не бывавшей. Это высказывание родилось в каком-то нашем лабораторном споре о том, как политики от древних времен до Сталина и Андропова добивались верности соратников. Саня Добряк стал доказывать (видно, подслушал у Сталина), что друзей можно сохранять, лишь держа их в неведении о собственном подлом характере или своих тайных делах. Ибо, а тут в дело вступают иезуиты, верность нужна нам для достижения великой цели. Раз так — молчи, кажись ангелом.

— Закурим? — спросил я.

Достал сигареты. Я вообще-то курю много, но по настроению. Иногда могу месяца два не курить, а вдруг сорвусь, и две пачки в день для меня — семечки.

Ким согласился.

— Надо будет получить курево, они обещали, — сказал он.

Мы затянулись. Курить мне не хотелось. Ким присел на корточки у стены траншеи — старая солдатская привычка, принесенная с Востока.

— Что ты знаешь об оружии? — спросил я.

Ким еще раз затянулся, с удивлением посмотрел на горящую сигарету, потом понюхал ее дым и спросил:

— Где ты эту траву достал?

Я и сам уже понимал, что с куревом неладно.

— Обыкновенные, — сказал я. — Я их еще у себя покупал. В Меховске.

Мне нужна была его реакция. Реакции не последовало. Он даже не переспросил меня.

— Дерьмо твои сигареты, — сказал Ким.

— Так что ты об оружии говорил? — спросил я.

— Видел другое.

— Какое?

— Настоящее. — Ким насупился. Он ловил ускользающую мысль. Потом упрямо помахал сизыми кудрями — покраснел еще больше, чем обычно, — вишневым стал. Но не вспомнил. И ему было неловко передо мной. Он чувствовал — что-то неладно. — А ты знаешь? — спросил он после тягучей паузы.

— Кое-что знаю, — сказал я. — О «калашникове» знаю. О гранатометах знаю, о бэтээрах. О минах...

— Ну конечно, — сказал Ким, но не вспомнил.

...Бывают такие жучки или мокрицы, что живут в подземельях. У них кожа становится полупрозрачной и бесцветной. Такое насекомое — только ростом с полчеловека — спешило по траншее. И замерло, растворившись в стенке. Лишь лучик света от облака, плеснувший на лысину, выдал патер-ламу, который снял с себя красный халат и колпак и спешил, незаметненький, к себе в норку. Вернее всего, мои последние слова он слышал — иначе зачем ему замирать и затаиваться?

Мне ничего не оставалось, как обратиться к гипнозу, надеясь, что углубившийся в размышления Ким на меня не смотрит. Я шагнул мимо Кима, остановился спиной к нему — лицом к патер-ламе и принял в его глазах облик мужика во френче по имени граф Шейн.

— Подслушиваете? — тихо спросил я голосом разведчика.

— Ой, — испугался патер-лама и побежал мимо, видно в полной растерянности позабыв о том, что подозрительные слова произнесены младшим офицером Седым.

— Ты с кем? — спросил Ким. Он не увидел ламы.

— Не вспомнил оружие?

— А черт его знает!

Он легко поднялся, кинул недокуренную сигарету, растер ее каблуком.

— Может, бросить курить, а? — спросил он.

— Я тоже так думаю, — согласился я.

Мне не хотелось кончать разговор. Надо было сделать все возможное до начала боя, время которого отмеривали песочные часы... Я не оставлял попыток сманить на свою сторону Кима.

— Странно все это, — сказал я. — Куда нас привезли?

— И я не понимаю.

— Такое впечатление, что я здесь раньше не был.

Я тоже выкинул сигарету. Словно валенок курил.

— Надо разобраться, — сказал Ким. — Ты во взвод идешь?

— Нет, — осмелился я. — Они без меня разберутся. У меня маленькое личное дело есть.

— У меня тоже небольшое дело есть. Но нам с тобой не по дороге.

— Как хочешь, — сказал я.

И я пошел по траншее следом за патер-ламой, по траншее, которая вела от передовой в тыл.

Ким шел сзади. Сначала он словно хотел подождать, пока я скроюсь из глаз, но потом плюнул и догнал меня.

Я оглянулся.

— Может, нам по пути? — спросил я.

Ким прибавил шагу.

Он поравнялся со мной, благо траншея была такой широкой, что по ней могла проехать телега.

— Я в город иду. Мне в город надо.

Он замолчал, давая мне возможность быть откровенным.

— Мне ближе, — сказал я. — Я до госпиталя.

— А зачем тебе в госпиталь?

— Туда же Маргариту послали. Риту Савельеву.

— А ты тут при чем?

— Она с Аркашей жила, с моим двоюродным братом.

— С каким еще Аркашей?

— У тебя провалы в памяти, — сказал я.

— А мне нужно в город, — сказал он. — Вот будет бой, лягу я, погибну. Реально ведь?

— Конечно, реально.

— А я мать повидать должен. И сестренку тоже, она в будущем году в школу пойдет.

— Откуда ты знаешь?

— Слушай, ты какой-то отмороженный, — сказал мне Ким. — Ты разве не из города?

— Может, из города. Но сначала я хочу с Риткой поговорить.

— А где госпиталь, знаешь?

— Не знаю — спрошу, — сказал я. Как раз навстречу нам шел местный старожил — это было видно по каске с гребнем, по распоротому и кое-как зашитому рукаву куртки и по рукоятке кинжала, торчащего из-за пояса.

Я не знал, положено ли отдавать честь, и на всякий случай отдал.

Старожил ухмыльнулся.

— Пополнение, что ли? — спросил он.

— Сегодня нас привезли, — сказал Ким.

— Давно пора, а то они нас мордами об асфальт возят. Много вас?

— Военная тайна, — сказал Ким.

— Да пошел ты! Военная тайна! Как грязью в грязи ползать — это не тайна...

— Не злись, — сказал я. — Нас было двадцать два человека, часть попала к Коршуну в роту. У него никого не осталось.

— А у кого осталось? — спросил старожил.

— Где госпиталь? — спросил я.

— Чего?

— Госпиталь, больница, санчасть, лазарет. Не знаю, как это у вас здесь называется.

— Как везде у людей, — ответил старожил. — Вторая траншея, совсем старая будет. По ней пойдешь направо до большого оврага — там лазарет собирались разбивать. Только откуда им людей набрать? Боюсь, что придется нам тут подыхать. И сколько, ты говоришь, вас прислали?

— Двадцать два человека.

— Капля в море дерьма! — изысканно выразился старожил и ушел.

Некоторое время мы шли молча. Плохи наши дела, думал я, и эхом моих мыслей прозвучали слова Кима.

— Плохи наши дела, — сказал он.

— Знаешь что, — предложил я ему, — давай вместе заглянем на минутку в лазарет, посмотрим, что там происходит, а потом я тебя в город провожу.

— Пошли, — сразу согласился Ким. Видно, и ему одному было неуютно.

Мы быстро дошли до траншеи — совсем старой, — просто канавы, только трава не выросла, хотя было тепло и земля была сухой.

Мы пошли по траншее. Мы молчали. У нас даже не было общего прошлого, о котором можно разговаривать, и не было настоящего, которое бы нас объединяло, потому что настоящее, предложенное патер-ламой и майором-идеологом, отдавало ложью.

Канава раздалась, и мы спустились в широкий овраг. Там было почти пусто. Только в одном месте грудой лежали но-

силки, в другом несколько солдат сбивали койки — рамы на бревнышках и на них доски.

Риту мы нашли сидящей на пустом ящике, возле нее лежала груда белых и не очень белых тряпок. Она резала их большими ножницами на узкие полоски. Другая молодая женщина, очевидно, из старшего поколения местных жителей, облаченная в серый халат, с нечесаными прямыми волосами, нездоровым обрюзгшим лицом и оплывшей фигурой, подбирала эти полоски и наматывала их на палочки — я понял, что они изготавливают бинты.

Рита была в своей одежде — может, ей еще не выдали медицинской формы: в дешевых джинсах и кожаной куртке. Она еще не успела потерять живого цвета лица. Под курткой была видна голубая майка. Я уже знал, насколько Маргарита небрежна в одежде, впрочем, это входило в ее образ — из нее получилась бы славная цыганка. Я был рад, что она жива и здорова.

— Рита, — сказал я. — Как ты тут устроилась?

Она меня не узнала.

Но вскочила. Она боялась. Она прижимала к груди белую тряпку.

— А это Ким, — сказал я, — он тоже из Меховска, ты его не помнишь?

— Слушай, уйди, а? — попросила меня Рита. — А то я сержанта позову.

— Я сам сержант. — Я постарался успокоить ее улыбкой. Рита боялась и не любила меня. Я был ей противен — это шло из подсознания, она верила в то, что я убил ее Аркашу, хотя и не помнила никакого Аркашу.

Если бы я знал кого-нибудь из ее друзей или подруг — я бы попытался превратиться в какое-нибудь существо, приятное ей. Но я никого не знал. А превратиться в Аркашу я не посмел — это было бы жестоко и могло вызвать бурную реакцию.

— Но ты-то помнишь Риту Савельеву? — спросил я у Кима.

— Пойдем, — сказал Ким. — Мы тут не нужны.

— Ну хорошо, — сказал я. — Когда ты обживешься, Рита, я вернусь. И ты перевяжешь мои раны.

— Ребята, идите по своим делам, — сказала толстуха. — Не вяжитесь. Мы вам не девки. Понял?

— Я не имел в виду ничего плохого, — сказал я. — Просто мы раньше были знакомы.

И я внушал ей: мы были знакомы, я твой друг, я твой друг...

но барьер в ее памяти был настолько тверд, что она не могла и не хотела меня вспомнить.

Ким потянул меня прочь.

— Ну и госпиталь, — сказал я, когда мы отошли немного и я оглянулся посмотреть, как они режут бинты. Рита смотрела нам вслед. Я помахал ей. Она неуверенно подняла руку и уронила ее.

— Ну теперь пойдешь со мной? — спросил Ким.

— Как договорились, — сказал я.

Мы выбрались из канавы и снова пошли по траншее, которая вела в тыл.

— Так ты тоже Риту не помнишь? — спросил я Кима.

— Ты эту имеешь в виду? — Он показал в сторону госпиталя.

— Вот именно. Ведь когда мы были в рефрижераторе, ты ее еще узнавал. Значит, нашей памятью они занялись уже здесь.

— Не говори загадками, — сказал Ким.

Мы шли по траншее, и нам никто не встретился. Наверное, отдыхали перед боем в своих ямах.

— Мне любопытно понять, — сказал я, — что сохранилось в твоей голове, а что пропало.

— Я улицу помню, на которой я родился.

— И какая это была улица?

— Обыкновенная улица... — Он сделал усилие, вспоминая, как она называлась. Потом сказал: — Пушкинская улица. Точно помню. Пушкинская. — Он обрадовался, что вспомнил. — Теперь нам легче будет найти.

— А ты и город забыл? — спросил я.

— Почему. Помню... Сейчас выйдем наверх, посмотрим и сориентируемся.

Он был прав — вскоре траншея кончилась, и нам пришлось выбираться наверх. Мы оказались на длинном холме, словно насыпи братской могилы. Левее, ближе к реке, в низине, сколачивали помост. Рядом была яма и лежал столб с перекладиной.

— Все это очень похоже на виселицу, — сказал я.

— Да кончай ты! — рассердился Ким. — Ну кому здесь нужна виселица?

— Виселицы, мой друг Горацио, — сказал я, — самое распространенное украшение тыловых областей Войска Донского.

— Цитируешь?

— А ты и грамотный притом?

— А почему я должен быть неграмотным? — удивился Ким.

— Может, ты и в школе учился?

— И в техникуме, — сказал Ким.

— В каком?

Вот этот вопрос натолкнулся на заслонку в его мозгу. До того он отвечал как бы автоматически, как в рассказе Чапека, — там следователь допрашивает свидетеля по аналогии: Лицо? — Нос! — Нос? — Горбатый... — Труп? — Яма. — Забор?.. И так далее.

Но когда я спросил о техникуме, должна была включиться часть мозга, отвечающая за сознательную деятельность. А она была блокирована.

Я посмотрел вперед. Перед нами плыла легкая мгла. Но сквозь нее, как только она чуть рассеялась, я увидел очертания города. Смотри-ка, он есть на самом деле! Я уж думал, что он — выдумка, чтобы подольше продержать нас в этой Боснии.

— Вот и пришли, — сказал я, показывая на город.

— Сколько до него идти? — спросил Ким.

— Может, тут трамваи ходят? — предположил я.

— Нет, тут уже давно ничего не ходит, — сказал Ким. — Помнишь, нам майор-идеолог говорил?

Я не помнил, чтобы майор нам говорил нечто подобное. Но, может быть, сила его убеждения и заключалась в том, что разные субъекты его обработки слышали различные тексты?

— А что он еще тебе рассказал? — спросил я.

Мы стояли на возвышенности и старались угадать строения сквозь подвижную мглу.

Ближе к нам поднимались дома окраины — в основном невысокие, старые, хотя справа был виден более или менее современный район, из скучных блочных корпусов. Центр города скрывался во мгле, даже в ясную погоду вряд ли мы смогли бы что-то разглядеть на таком расстоянии.

Я глядел вдаль и в отличие от Кима, который был убежден, что видит родной город, понимал, что скопище домов, путаница улиц, вывески магазинов, цветы на окнах, светофоры или знаки переходов — все это ко мне не имеет никакого отношения.

— Ты чего смотришь? Не видел раньше? — спросил Ким.

— Отсюда не видел, — сказал я.

— Пожалуй, и я отсюда не видел, — вдруг согласился Ким.

— А что в центре? — спросил я моего спутника.

— Там? Там конторы всякие. Ты же знаешь!

— Нет, не знаю. В жизни не был в том городе.

— Ну ладно, Седой, кончай трепаться, — обиделся Ким. — Ты что, иностранец, что ли?

— А разве мало у нас городов? — спросил я. — Страна большая, я из другого города.

— Из другого? — Как ему было трудно впитывать разрушительные мысли! В него ввели понятие — «город», которое равно понятию «родина». Но множественность городов не позаботились предусмотреть, потому что не думали, что среди новобранцев окажется подлец и провокатор — то есть ваш покорный слуга.

— Пошли дальше? — спросил я.

— Пошли. А то накроют нас — так я и не повидаю своих. А знаешь, как хочется перед боем увидать родные пенаты!

— Кого ты имеешь в виду?

— Пенаты — ну, значит, свою улицу, дом, свои места. Места — это пенаты.

— А я думал, что это древнеримские боги — хранители очага. Вроде наших домовых.

— Может быть, — сказал Ким и начал спускаться с пригорка.

И вовремя.

Я увидел, как в нашу сторону движется патруль.

Вот любопытно: никто не говорил мне, что это патруль, никто мне ничего не подсказывал. Почему же я почуял опасность в этих молодцах, одетых иначе, чем мы, — на них были длинные, чуть не до колен, кольчуги и военные каски. Металлические маски спускались с касок, как забрала шлемов... Как они называются? Кажется, личинами.

Патрульные шли не спеша, как-то лениво, у каждого в руке было по арбалету. Арбалеты были невелики и чем-то напоминали автоматы. Может быть, тем, как эти молодцы их несли. Небрежно, но привычно, так что в мгновение могли приставить к плечу и выпустить стрелу, не спрятанную в колчане, — мне издали было видно, что у этих арбалетов есть предохранители и стрелы лежат в ложах боевых машинок, готовые выстрелить.

Город был современным, каски на патрульных были современными, даже наши башмаки были более или менее современными, тогда какого черта здесь арбалеты? Запрет на употребление любого современного оружия? Значит, все же будущее?

Голову можно сломать!

Я дернул Кима вниз, и мы покатились обратно в канаву, из которой недавно вылезли.

Через секунду мы уже лежали на дне.

— Там патруль, — прошептал я.

— Но мы же ничего не делаем, — с сомнением ответил Ким.

— Товарищ лев не предупрежден, кого кушать, а кого нет, — прошептал я. — Они идут в этом направлении. Давай пойдем в сторону. Не хочется мне с ними встречаться.

Ким послушно побежал за мной в сторону низины, где возводили помост и виселицу.

— Мы здесь пройдем, — сказал я, выпрямляясь.

За солдатами, которые занимались производительным трудом, наблюдал человек в красном халате и колпаке — еще один патер-лама. Другой человек, в рубахе с закатанными рукавами, думаю, палач, сидел на чурбачке и строгал щепки. На растопку костра? Черт их тут разберет.

Наш путь к городу лежал мимо них, но я негромко сказал Киму:

— Не обращай на них внимания. Мы идем куда надо. Их это не касается.

Ким кивнул. Ему не нравились эти люди и их занятия.

— Что они делают?

— Насколько я понимаю, намереваются укреплять дисциплину в нашем боевом соединении.

— Чепуха какая-то, — сказал Ким. — Средневековье — если ты не шутишь.

— Сейчас проверим, — сказал я, решив рискнуть. Я подошел к солдатам, которые как раз устанавливали в яме столб с перекладиной наверху.

Один из солдат взглянул на нас, второй даже не обратил внимания — зато патер-лама заторопился к нам. Он был такой же худенький и лысенький, как наш, но на голову выше ростом.

— Скажи, служивый, — спросил я, — это все для своих или для наших смертных врагов?

— Не знаешь, что ли? — буркнул солдат.

Патер-лама поглядел на наши нашивки и строго, но не злобно закричал:

— Проходите, проходите, сержанты! На месте исполнения наказаний посторонним находиться запрещено.

— Простите, патер-лама, — сказал я жалким голосом, — но мы здесь недавно, и вот у меня с коллегой возник спор: правда ли, тут и ведьм жгут?

— Что за чепуха! — возмутился патер-лама. — Что за дикие

суеверия! И еще боевые командиры! Нам опасны не ведьмы, плод воображения некоторых перетрусивших воинов, а настоящие предатели, трусы и дезертиры. Вот их мы не пощадим!

— Для них и сковородка найдется, — откликнулся палач, который строгал щепки.

— Спасибо, патер-лама, — сказал я.

Мы пошли дальше. И когда уже дошли до конца низины, патер-лама вдруг закричал нам вслед:

— Дальше ходить не рекомендуется!

— Знаем, знаем, — откликнулся я. — Мы должны установить резервный пункт связи. Разве вас не предупредили?

— Почему меня должны предупреждать? — крикнул патер-лама. — Моя специальность — перерождение грешных душ.

Дальше в тыл канав и траншей было меньше, и они были не столь глубоки. Но постоянное чувство опасности заставляло нас держаться углублений, овражков, ручейков с мутной нечистой водой.

Один раз нам встретился велосипедист. Он ехал по утоптанной тропинке, идущей поперек нашей дороги. Он был в шлеме и в кольчуге, как патрульные.

— Тебе они не кажутся странными? — спросил я Кима, пока мы отсиживались за кучей бревен.

— А что? — ответил тот вопросом на вопрос.

— Всюду несовременные штуки — а тут велосипед. Рыцарь на велосипеде.

— Ага, — вдруг согласился Ким, — я читал об этом.

— Где?

«Янки при дворе короля Артура», не знаешь такого? Марк Твен написал!

Он рассердился на меня за мою необразованность, так что я счел за лучшее сдаться:

— Ну да, конечно, я читал.

— Они там еще телефон устроили, паровоз и так далее. Но все рухнуло. Как здесь.

— Интересно, — заявил я. — Интересная гипотеза.

— Это не гипотеза, — возразил Ким, — это фантастический роман, а нам с тобой предстоит жить обыкновенной жизнью.

— Если ты считаешь это обыкновенной жизнью, — сказал я, — то что такое сказка?

Ким первым вылез из-за бревен. Велосипедиста уже не бы-

ло видно. Мы пошли вдоль реки — там тянулись безлистные заросли кустов, которые давали некоторое прикрытие.

— Скоро уже город, — сказал Ким.

— Не думаю, — ответил я.

Впереди, сквозь просвет в кустах, возникли и пропали во мгле башни небоскребов. До них еще было идти и идти...

— Давай вернемся, — предложил я, рассчитывая на упрямство моего спутника. — А то нас сочтут за дезертиров.

— Никто нас не сочтет, — возразил Ким. — Но я должен повидать своих, я же не отказываюсь воевать, и я даже согласен погибнуть за правое дело, но я имею право повидать семью!

— Ладно, — сказал я, — не кричи только. Пошли скорее. А то мы станем первыми клиентами в яме для наказаний.

Я точно не скажу, сколько мы шли, — но не очень долго, минут двадцать, прежде чем натолкнулись на повалившийся забор и за ним — на развалины домика. И я понял, что мы оказались в городе. Я сразу ринулся к дому, надеясь увидеть название улицы. Я был разведчиком. Но Ким разведчиком не был.

— Не задерживайся! — прикрикнул он на меня.

Я заглянул в окно дома. Стекла были выбиты. Крыши тоже не было. На полу лежал полуразложившийся труп в ситцевом платье. Воняло. Над трупом вились мухи, крыса кинулась в угол.

— Пошли дальше?

— Здесь же не было врагов, — удивился Ким.

— Значит, здесь были свои, — ответил я.

— Конечно. — Он с облегчением отошел от окна и поспешил вдоль по улице.

Ни следа живого человека.

— Ты помнишь, где живешь? — спросил я Кима.

— Конечно, — ответил тот уверенно, — ясное дело...

Он замедлил шаги, и я догнал его.

— А как твоя улица называется?

— Неважно, — отмахнулся он. — Что я, свою улицу не найду?

— И далеко идти?

— Ну обычно я на автобусе. Но сейчас, сам понимаешь...

— Понимаю, — сказал я, — война, горючее нужно для фронта, для победы, мы идем в атаку пешком. Кстати, а ты вообще-то здесь автобус видел?

— Но по крайней мере ты не будешь спорить, что там один проехал на велосипеде.

Мы продолжали идти по улице. Это была странная улица, по ней давно никто не ездил, у нее вообще не было проезжей части. Вот если бы я был ребенком и мне бы дали игрушечные домики, я бы сделал из них город, но город был бы ненастоящим, потому что по его улицам не ездили бы автомобили, тротуары положить я бы, конечно, забыл, не высадил бы траву и кустики в скверах, а вместо населения города отправил бы туда двух говорящих и ходячих солдатиков, то есть нас с Кимом.

Не надо было скрывать мысли от моего спутника. Чем глубже он усомнится в окружающей действительности, тем ценнее он мне как союзник. Он не склонен к доносительству, а в моем положении это просто замечательное свойство для спутника и, может быть, друга.

С этим городом обязательно случится какая-то каверза, понимал я. Город — почти реальное выражение абстрактной родины наемников — должен быть реальным. Иначе я окажусь в дураках. И странно, что я сам об этом не догадался раньше. Весь город провонял обманом — но, к сожалению, я еще не знал, в чем этот обман заключается. И потому надо было быть предельно осторожным.

В дома, которые стояли по обеим сторонам нехоженой улицы, мы больше не заглядывали. Я в этом городе не жил и не надеялся кого-нибудь встретить, а Ким утверждал, что помнит свою улицу и родной дом, и обещал меня к ним вывести.

— Куда же люди подевались? — спросил вдруг Ким. Тихо, совсем тихо.

За домами центр города был не виден, и потому, когда небоскребы открылись перед нами, — это случилось внезапно.

— Я думал, что до центра дальше, — сказал я.

— Мне бы на автобус, на «четвертый», — тупо произнес Ким.

— Давай ждать, — предложил я. — Где остановка?

— Да, где остановка? — спросил он у меня.

— Тебе лучше знать, я тут не жил.

— Конечно, конечно. — Он вел себя, как собака, потерявшая след. Он быстро пошел по улице за двухэтажным домом с выбитыми стеклами, заглянул за угол, отпрянул, будто увидел что-то неприятное, вернулся ко мне и прошептал: — Мне кажется, там кто-то есть.

— Давай зайдем в подъезд, — предложил я.

В подъезде было очень тихо, пахло пылью и мумифицированной дрянью.

В полутьме была видна лестница, она поднималась наверх на один пролет и на этом заканчивалась. Словно сначала думали кого-то поселить на втором этаже, а потом передумали.

Мы смотрели наружу сквозь приоткрытую дверь.

Из-за угла медленно выехали на велосипедах двое патрульных в кольчугах, масках и армейских шлемах. Они остановились, не слезая с седел, уперев в землю левые ноги в одинаковых красных сапогах со шпорами. На что шпоры велосипедисту? Чтобы не произошло крушения, подумал я.

Велосипедисты переговаривались. Велосипеды у них были странные, возможно, старинные, переднее колесо чуть больше заднего.

Затем один из них наклонился и принялся разглядывать землю. И я понял, что даже на сухой и плотной земле наши следы могли отпечататься.

— А давай-ка, — прошептал я Киму, — на всякий случай смотаемся отсюда.

— Почему?

— Они профессионалы. Они привыкли вылавливать таких, как мы.

— А что мы такого сделали?

— Дезертировали.

— Ты с ума сошел!

— Доказывать будешь перед виселицей. Здесь строго.

Я больше не стал его дожидаться — один из велосипедистов шарил глазами по нашему дому, а второй, склонив голову, как охотничья собака, уже повернул в сторону двери.

Я взбежал по лестнице — слава богу, она не обвалилась под моей тяжестью. На втором этаже лестница кончилась, и я прыгнул вниз, на землю. Дом оказался декорацией.

Я поднял голову. Надо мной было небо. По бокам — боковые стены дома с проемами без стекол. Я побежал вперед к забору, отделявшему нас от следующей улицы.

Сзади топал Ким. Он сообразил, что дело плохо.

А еще дальше слышны были голоса — велосипедисты догадались, где прячутся дезертиры.

Мне хотелось взлететь и убраться от них этим способом, хотя было опасение, что в этом мире мое умение летать может не сработать.

К тому же я бы сразу потерял Кима. Даже если все обойдется, мы с ним убежим от велосипедистов и отыщем его родных,

он навсегда потеряет ко мне доверие. Полагаю, что летающих сержантов ему видеть не приходилось.

Так что мы неслись среди заборов, закоулков, развалившихся и целых домов, стараясь не нарушить безлюдье и мертвую тишину своим дыханием и топотом сапог. И, наверное, смогли убежать именно потому, что наши преследователи не таились, шумели больше нас и за собственными криками потеряли звуки нашего бегства.

Дом, за углом которого мы затаились, был побольше других — он поднимался на четыре этажа. Я заглянул в окно первого этажа. Внутри дом был пуст, как открытый ящик без крышки.

Мы стояли довольно долго, прижимаясь к стене и слушая.

Голоса велосипедистов еще раз возникли недалеко, но не приблизились. Затем все затихло.

— Ни одного человека. Только охрана. Кого мы защищаем? Где родные пенаты, где твой очаг?

Кима мучила одышка, лицо стало совсем багровым — профессиональные алкоголики быстро теряют дыхание.

— Надо идти, — сказал я. — По крайней мере дойдем до центра. Может, там и трамвай попадется.

— Кончай дурачиться. — Ким был расстроен и подавлен. Мне было куда легче, чем ему. Я ведь не верил в этот город с того момента, как мы вошли в его тупую тишину.

— Ты все еще помнишь, куда нам идти? — спросил я.

— Пойдем покажу, — упрямо произнес он.

Как только мы вышли на небольшую площадь, мы сразу увидели небоскребы — самый центр нашей столицы.

Небоскребы поднимались в самое небо, и казалось, что они слегка загибаются, нависая над нашими головами.

Между ними виднелись дома пониже, но основательные, солидные, видно, построенные в начале века под гостиницы и банки.

Но даже за несколько десятков метров было совершенно очевидно, что небоскребы, банки и отели нарисованы на заднике декорации под названием «Наша славная столица». Нам с Кимом больше было некуда идти.

Ему было труднее пережить этот обман.

Он пошел к стене центрального из трех небоскребов, и с каждым шагом он продвигался все медленнее. В результате я, шагая неспешно, обогнал Кима и первым дошел до стены.

Небоскребы были написаны на ней грубо, однако все двери, окна и этажи были размечены точно, так что уже за сотню

метров, особенно в сером сумеречном освещении этого дня, декорации казались настоящими домами.

Я ударил кулаком по стене. Стена спружинила.

Я попытался поцарапать ее — материал был упругим, непроницаемым, хотя краска поддавалась нажиму и клочок белой штукатурки я отколупнул.

Ким подошел и тоже ударил кулаком по стене. Будто подражал мне.

Я попытался процарапать в краске отверстие, как в замерзшем ледяными снежными узорами окне автобуса, чтобы заглянуть за край Земли. Я вспомнил картинку из учебника астрономии — «Средневековое представление об устройстве Вселенной». Там монах просунул голову сквозь небо на краю Земли и любуется звездами, кометами и прочими чудесами мироздания.

— Что же получается? — спросил Ким.

— Ничего. Нас обманули, — сказал я. — Нам повесили лапшу на уши.

— Я же здесь жил!

— Тебе внушили, что ты здесь жил.

— Зачем?

— А вот это нам с тобой предстоит выяснить. И только поняв, после этого мы с тобой сможем вернуться домой.

— В какой дом?

— В тот самый, который ты оставил в Меховске.

— В Меховске?

Блокада в его памяти существовала. Но на пути к ее разрушению был сделан первый шаг.

Я посмотрел по сторонам. Стену, которая чуть закруглялась в обе стороны, отделяла от домов-игрушек широкая полоса ничейной земли, как бывало на хорошо оборудованной советской границе. Я поглядел себе под ноги. Здесь, где никогда не идут дожди, следы сохраняются надолго. И наши следы были видны. Значит, рано или поздно велосипедисты появятся вновь.

Тем более что я увидел множество тонких рубчатых линий, тянущихся вдоль стены, — следы велосипедов, которые время от времени проезжают по границе Вселенной.

— Ким, — сказал я. — Давай отложим поиски твоего родного очага на следующий раз. Не стоит нам встречаться с велосипедистами.

— Но мы же не дезертиры!

— Мы подозреваемся в дезертирстве. Но теперь я убежден,

что наше преступление куда серьезней. И одной виселицей не отделаться.

— Седой, кончай шутить!

— Я не шучу. Нигде не любят тех мальчиков, которые подглядывают в спальню родителей и могут догадаться, как делают детей. Мы же с тобой дошли до конца этого мира и можем догадаться, если захотим, что его не существует.

Ким думал недолго. К счастью, недолго, иначе мне пришлось бы уйти отсюда одному — я не хотел оказаться в руках правоохранительных органов. Полковник дядя Миша мне бы этого не простил.

— Хорошо, — сказал Ким. — Пошли обратно. Мне тоже подумать не мешает.

Обратный путь мы провели в молчании — каждому было о чем подумать. Когда мы вернулись в расположение нашей роты, нас ждал еще один неприятный сюрприз.

Комроты Коршун со своим верным Мордвином сидели на моей койке и ждали нас.

— Вернулись, — вздохнул Коршун с заметным облегчением.

— А ты чего боялся? — спросил Ким. Он был мрачен, агрессивен и напуган.

— Я боялся, что попадетесь, — сказал Коршун. — А скоро боевое время начинается. У меня больше командиров во взводах нет. А вы, хоть и молокососы, все же с опытом.

— Мы недалеко ходили, — сказал Ким. — Мы в город ходили.

— Зачем? — спросил Коршун.

Мне показалось, что за час, пока я его не видел, он еще более осунулся, смуглая кожа еще туже обтягивала скулы.

— Ким хотел со своими родными повидаться, — честно признался я.

— Ты что, жить раздумал? — повернулся взбешенный Коршун к Киму.

Я втиснулся между Коршуном и Кимом. Я был лучше готов к тому, чтобы спокойно выдержать натиск.

— Мы ничего плохого не имели в виду, — сказал я. — Мы сходили в город, поглядели, какую родину мы защищаем. Навестили, посидели, выпили чаю — и обратно!

— Врешь! — Коршун оттолкнул меня и обернулся к Киму: — Он врет, а ты что придумаешь?

— А с чего ты решил, что Седой врет? — удивленно спросил Ким.

Ах ты, молодец! Вот не ожидал от него такой прыти.

— Потому что... потому что категорически запрещено покидать передовые позиции во время боевых действий и оголять линию фронта. Сейчас положение критическое, каждый человек на счету!

— Погоди, погоди! — остановил я командира роты. — Ты притворяешься, а мы хотим говорить откровенно. Мы отлично знаем, что сейчас еще не боевое время, ты сам так сказал, и песок в часах еще не высыпался вниз. Мы младшие командиры и имеем полное право произвести рекогносцировку, потому что мы на фронте первый день и должны понять — где что. Где *тыл*, а где враг.

— И никто не запрещал мне повидаться с моей мамой, — сказал Ким.

Пыл Коршуна пропал. Вдруг он махнул рукой.

— Попались бы в лапы службе безопасности — и кончили бы дни на виселице. Кто бы там стал разбираться?

— А почему нужно вылавливать?

Он не дал мне договорить:

— Потому что дезертир на дезертире! Все бегут.

— Какие дезертиры? Куда бегут? — вмешался в разговор Ким. — Ты знаешь, что там, сзади?

— Конечно, знаю! Наш дорогой город, — ответил Коршун, и я подумал — может, и не притворяется? Ведь не будь меня, Ким, верней всего, попал бы к велосипедистам, и они бы его живым не выпустили. Нашему здешнему начальству нельзя допускать сомнения. Если мы защищаем родину — мы сражаемся отчаянно. Если речь идет о каких-то декорациях, то солдаты могут поднять оружие против хозяев. Никто не хочет быть смертником впустую.

— Ты в самом деле так думаешь? — спросил Ким, нахмурившись.

— Не надо допросов, — вмешался я. — Пусть каждый думает как хочет. Ты пришел сюда, потому что беспокоился, куда мы делись?

— Нет, — сказал Коршун. — Я пришел по делу. Ваше путешествие обсудим потом. Мне сообщили, что противник может начать вылазку еще до начала боевого времени.

— Так ты же говорил, что это невозможно!

— Это для нас, цивилизованных людей, невозможно. А для них, ублюдков, все возможно. Это будет, как мне сообщили из штаба полка, не общее наступление, а несколько вылазок с целью достать пленных.

— А зачем им пленные? — спросил я.

— Как зачем? — сказал Мордвин. — Ясное дело — жрут они наших. Жарят на костре и жрут.

— Ладно, брось, — сказал Ким. — Тоже мне, Жюль Верн нашелся.

— А ты попадись им, попадись, тогда увидишь.

— Изнутри кастрюли, — дополнил своего заместителя Коршун.

— Что же мы должны делать? — спросил Ким.

— Расставь наблюдателей, чтобы ублюдки не подобрались к нам незамеченными. Предупреди солдат.

— А если заметим лазутчиков?

— Тогда ваша задача — отразить вылазку и на их плечах постараться ворваться на позицию врага.

— И это далеко?

— Ты карту помнишь?

— Помню.

— Нам надо попасть туда, где были наши собственные позиции в прошлое боевое время.

— Ты недоговариваешь, Коршун, — сказал я.

Коршун смотрел в землю. Он думал, согласиться ли со мной. Согласился:

— В прошлое боевое время они захватили наш лазарет. Некоторые, возможно, живы, санитарки, сестры. Они с ними ужасно что делают. Говорить не хочется. Я думал, а вдруг ты кого-нибудь видел?

— Там твоя знакомая? — спросил я.

— Слушай, комроты не обязан тебе отвечать! — взревел верный Мордвин.

— Я хотел помочь.

— Мне нельзя помочь, — сказал Коршун. — Мордвин останется с тобой. Чтобы ты снова в город не побежал.

Участок фронта, который мне предстояло оборонять, занимал траншею длиной метров сто, с углублениями, чтобы солдаты могли отдохнуть. Там лежала мешковина. Солдаты поднимались при моем приближении.

— Как вас накормили? — спросил я, потому что рачительный командир не поведет в бой голодных солдат.

— Кто хотел, тот и ел, — ответил Иван.

— А как здесь пищу развозят? — спросил я.

— В блиндаже лежит, — ответил Мордвин, — во взводном блиндаже. Не видали разве, командир?

Мне не хотелось признаваться, что за путешествиями в искусственный город я упустил дела взвода. Так что я сказал Ивану:

— Вольно, отдыхайте.

А сам велел Мордвину вести меня в блиндаж.

Блиндаж оказался такой же ямой, как и мой командный пункт, может, чуть побольше. Там стоял длинный стол, на нем несколько картонных коробок с галетами, а также три литровые фляги.

Я по-хозяйски подошел к столу. Я играл роль капитана броненосца «Потемкин», приготовившегося снимать пробу с солдатского обеда.

Я отвинтил крышку фляги и смело отхлебнул из нее. Я готов был к тому, что во фляге окажется спирт, потому выдохнул воздух. Но это была самая обыкновенная вода.

— И это все? — Я с удивлением посмотрел на Мордвина.

— А вы чего еще хотите? — спросил тот. — Люди довольны.

Вдоль стены, вытянув ноги, сидели три солдата, при виде меня они даже не поднялись, и поэтому в полутьме ямы я их не сразу разглядел.

Я хотел было спросить у них, довольны ли пищей, не будут ли бунтовать, но они снова закрыли глаза. «Пусть солдаты немного поспят...»

Выйдя из блиндажа, я продолжил путешествие по траншее. За исключением тех троих в блиндаже, никто не спал. Все были готовы отразить врага.

Я поднялся на приступку, чтобы заглянуть за бруствер.

Передо мной, до самого горизонта, затянутого обычной мглой, тянулась долина, перекопанная траншеями и ямами разного размера сохранности. Из земли торчали палки, даже бревна, виднелись какие-то железки. Именно железки, ржавые, гнутые, потерявшие первоначальный вид.

— А противника не видно? — спросил я Мордвина.

— Не высовывается, — ответил тот.

— А потом он сразу полезет?

— Никак нет. Сначала будет поединок, — ответил Мордвин. — А может, два поединка.

— Зачем нам поединки?

— Надо перед боем зарядиться, — сказал Мордвин.

— Коршун сказал, что ублюдки, — мне это слово далось с трудом, но хотелось казаться таким же ветераном, как бойцы,

оставшиеся от старого состава взвода, — что ублюдки готовят какую-то вылазку до боевого времени.

— У штабных от страха глаза велики, — возразил Мордвин. — Зря Коршун им верит. Ублюдки хоть и гады, но тоже вперед не полезут.

Он говорил что-то еще, но я задумался и не прислушивался к Мордвину. Я подумал, что нигде нет потолков. Значит, здесь не боятся дождя и не опасаются бомбовых ударов.

И я подумал о Боробудуре.

Посреди острова Ява в Индонезии лежит великий и знаменитый храм Боробудур. Издали он похож на гигантскую коровью лепешку, упавшую на спину низкого покатого холма. Никакого эстетического впечатления! Но если ты поднимешься над ним на воздушном шаре или самолете, то поймешь, насколько строго, изысканно и симметрично он построен. Этот храм не предназначен для того, чтобы любоваться им с поверхности Земли. Он изготовлен для божественного взгляда.

И не потому ли все здесь открыто сверху, что мы — наша жизнь, наша война — находимся под постоянным божественным взглядом?

Эта теория может оказаться плодотворной при условии, что я смогу ее проверить.

Я невольно кинул взгляд вверх — облака все так же неслись, серые, сизые, белесые. Но у меня уже возникло сомнение, облака ли это или завеса пара?

Я стоял, облокотившись о бруствер, и разглядывал смутный мир. Мир сплошной войны. Идущей извечно, но не оставляющей, как ни странно, ничего, кроме перекопанной и перемешанной земли. Где же трупы, оставшиеся после боев? Вернее всего, их хоронят.

Я оглянулся. Мордвин начищал наконечник копья сухой глиной.

— А ты давно здесь? — спросил я.

— Почти на пределе. Дольше, чем Коршун, — сказал Мордвин. — Скоро мне в отпуск идти.

— Домой?

— Черт его знает, ждут ли меня, — вздохнул тот. Впрочем, вполне искренне. — Пойду посмотрю, а там решу. Может, назад попрошусь. Тут порядок, а там — неизвестно.

— А куда мертвые деваются? — спросил я.

— Вопрос непонятный, — ответил старшина. — Ты человек образованный, младший командир, должен знать, что каждо-

го хоронят по религиозному обряду — сжигают, чтобы душа летела, куда ей придется, пока не найдет новое тело.

— Такого патер-лама не говорил, — заметил я.

— А люди так думают. Все эти разговоры о червячках и собачках — это они придумали. Мы, старослужащие, знаем — человек всегда останется человеком. Кого душа найдет на замену, в того и притулится.

Глубокая философия Мордвина мне была недоступна. Но даже здесь, в мире искусственном и условном, как теневой театр, были свои ереси и внутренние споры.

— А за это не наказывают? — спросил я.

Мордвин не ответил.

Если за нами кто-то наблюдает, то мы, вернее всего, находимся под колпаком. И край колпака или купола, называйте как знаете, мы с Кимом видели, когда были в городе. И если это купол, то куда бы я ни пошел, то напорюсь на стенку. Вот проверка этого и будет моим следующим занятием. И еще: ведь мы как-то сюда попали. Верно? Значит, в куполе есть дырка. Дверь, ворота. Надо дождаться темноты... а сколько я уже здесь? Наверное, не меньше целого дня. И толком не захотел есть и не захотел спать... Значит, я сплю.

Я сплю?

Ни черта подобного. Я думаю, когда же наконец все лягут спать, чтобы взлететь наверх и дотронуться до крыши.

— А когда будет ночь? — спросил я Мордвина.

— Что? — не понял он.

— Ночь. Ты что, ночи не знаешь? Ты летний чукча?

— Ночь? А что такое летний чукча?

— Чукчи — такой народ, у них летом ночи не бывает, — объяснил я.

Он меня не понял — вынули из его головки понимание смены времени суток. Зачем?

— Но спать ты когда будешь? — спросил я.

— Спать не придется, — сказал Мордвин. — Уже кончается отдых. Вот-вот начнется боевое время.

— А что будет?

— Как всегда, — сказал Мордвин.

Он любовался, как славно начищен наконечник копья.

— Сначала поединок, — сказал он. — Сегодня очень важный поединок. До нашего города — всего ничего. За самой спиной стоит.

— А их город далеко? — спросил я.

— Отсюда не видно. Они же наступают! Они почти всю нашу землю захватили. Разве это не понятно?

— Понятно, — сказал я. — Значит, ты не помнишь того времени, когда наши наступали и к их городу подходили?

— До меня это было. Но, наверное, наступали.

Справа донеслись крики. Я поспешил туда. Мордвин за мной. Но оказалось, что это ложная тревога. Мои новички увидели какой-то черный шар или шарик и стали по нему стрелять. Шарик улетел.

— По шарикам стрелять нельзя, — сказал Мордвин. Прибежал и Коршун. Узнал про шарики и повторил слова Мордвина.

— А что это за шарики?

— Погоди, увидишь их, особенно во время боя их много. Что-то вроде жуков.

— Разве такие жуки бывают?

— Значит, бывают. И глупости это — по жукам стрелять. Теперь ублюдки начнут.

И в самом деле — не успел он договорить, как в стенку траншеи за моей спиной вонзилась стрела.

Мордвин вытащил ее из глины и подал мне.

— У них наконечники тяжелее, — сказал он.

— Зато наша стрела дальше летит, — заметил Коршун.

Он быстро ушел обратно, а я велел Мордвину оставаться в траншее и под предлогом того, что хочу проверить фланг, пригибаясь, побежал в бурелом.

Плохо быть неинформированным. То ли дело — работа разведчиком в Великой Отечественной войне: ты уходишь в ставку Гитлера и заранее знаешь не только ее адрес, но и имена всех начальников департаментов. У тебя есть радист, который послушно передаст в центр все твои измышления, и даже начальник, который ответит тебе отеческим выговором.

Теперь возьмем меня. Ваш шпион находится в лагере врага, которого еще не видал, не подозревает, где тот скрывается, зачем захватил столько людей да еще вложил в их мозг ложную память. Не знают они, зачем мы защищаем нашими слабыми силами пустой город? И вообще в какой точке Галактики оказался?

Вернусь ли я когда-нибудь домой к моей девушке Катрин и начальнице лаборатории Калерии, я уже сильно сомневаюсь. Потому что обратной двери, то есть выхода, может и не быть.

По моим расчетам, до начала так называемого боевого времени оставалось немного, вряд ли больше получаса.

Какого черта они сняли со всех нас часы? Ну дайте мне ответ хоть на один вопрос! Я больше приставать не буду.

Размышляя так, я быстро бежал по канаве к бурелому, из которого поднимались зубцы обрушенных стен и какие-то кривые бревна. За буреломом должна течь речка. Но вот течет ли она — это я и должен был проверить. Все думают, что она течет. Я сомневаюсь.

Знаете, почему?

Потому что в районе бурелома линия противостоящих канав заканчивалась.

Значит, там уже в войну не играют.

Иначе любой разумный командир расставил бы своих бойцов по крайней мере до реки, чтобы оградить фланги от неожиданного маневра. Но плевали здесь на неожиданный маневр. Не могло его быть.

Небольшой полупрозрачный, словно наполненный дымом шар промелькнул передо мной и резко ушел в сторону. Эти шары не были живыми существами. Они могли быть наблюдательными зондами. Правда, это отдавало фантастическим романом, но многое в моей недолгой жизни отдавало фантастикой. Так что зондом больше, зондом меньше — нас это не удивит.

На всякий случай я поспешил, а сделать это было нелегко, потому что бурелом был мертвым и труднопроходимым. Ну просто идеальное место для обходного маневра! Правда, пока я еще слишком близок к населенным позициям, но сейчас начнется спуск к речке.

Я миновал полуразрушенное здание — когда-то оно было бревенчатым, но оштукатуренным.

И за ним сразу начался берег речки.

Я смотрел на нее. Речка как речка. Вода относительно чистая, и даже видно, как она обтекает камни у берега.

Я сбежал к воде и хотел окунуть в нее руки, но ничего из этого не вышло.

Здесь стенка купола была прозрачной, а за ней размещалась речка и был отлично виден дальний берег — такой же пустынный, заваленный бревнами и хворостом, изрезанный траншеями и канавами. Словно война когда-то шла и за куполом, а потом кто-то решил пожестче ограничить ее.

Я пошел вдоль стены, дотрагиваясь пальцами. Постучал по ней. Она была упругой и не отдавала ответным стуком, словно резиновый мат. Я нагнулся, проверяя, касается ли она земли. Мне это было важно узнать, потому что я был уверен — где-то

в стене есть дверь, сквозь которую сюда загоняют новые партии солдат.

Стена касалась земли.

Я попробовал копать землю и обнаружил, к некоторому удивлению, так как не ожидал успеха, что, выкопав норку, смогу просунуть руку под стеной.

— Не старайтесь, — произнес голос сзади.

Я вскочил и обернулся.

— Они вас все равно поймают, — произнес тот же голос. Патер-лама стоял шагах в десяти за моей спиной, но в тишине бесптичьего мира, в котором не слышно даже журчания воды, шепот его раздавался словно над самым ухом. В его голосе не было угрозы.

— Почему они поймают? — спросил я. — Ведь я ничего преступного не сделал.

— Ой-ой-ой! — Он погрозил тонким пальчиком. — Покинуть позиции перед самым боем, поставить под угрозу благополучие своей кармы ради того, чтобы узнать, где же кончается поле боя?

— А разве это не разумно?

— Разумно для человека, который забыл о том, что за его спиной стоят руины родных домов, где его ждут родные и близкие...

Говорил он это без убеждения и не надеясь на то, что я ему поверю. Но проверить меня ему хотелось.

— Хорошо, — сказал я, попытавшись принять в его глазах образ начальника разведки — славного графа Шейна, который нами занимался недавно. Вид разведчика должен был отпугнуть этого добровольного шпиона.

От неожиданности патер-лама начал отступать, споткнулся о сук, торчащий из земли, и чуть не упал.

— Посмотрите на меня, сержант! — услышал я приказ, произнесенный твердым голосом.

Я обернулся. Мой двойник — то есть тот, кого я изображал для патер-ламы, — стоял рядом и недобро улыбался.

Лама тут же пришел в себя, закрутил лысенькой головкой. Проморгался и, видно, решил, что у него просто имел место обман зрения. Поэтому дальше он уже разговаривал с разведчиком, на какое-то время забыв, что я стою рядом.

— Счастлив доложить, — сообщил он, — что поведение сержанта Седого показалось мне подозрительным еще во время обучения идеологическим основам религии.

— В чем подозрительным? — спросил граф Шейн, дернув себя за правый ус.

Глаза у него были серые, светлые, очень яркие, в окружении густых черных ресниц, отчего взгляд казался отчаянным и диким.

— Он вел себя неадекватно, — сказал лама. — Я решил следить за ним. Он отлучался с сержантом Кимом в тыл. Однако я не успел за ними. Но мои подозрения усилились.

— Естественно, — согласился разведчик.

— И вот сейчас, совсем незадолго до начала боевого времени, сержант покинул расположение вверенного ему подразделения и побежал сюда. Я последовал за ним. И застал его возле края боевого участка. Знаете, что он делал, полковник?

— Что же?

— Он подкапывался под стену боевого участка.

Уже знакомый мне мутный шарик спустился сверху и повис над нами, словно подслушивая.

Шейн повел себя странно. Он вытащил из-за пазухи перчатку, похожую на перчатку хоккейного вратаря с ловушкой. Натянув перчатку — лама завороженно глядел на действия Шейна, — он поднял руку, и шар потянулся к ней, словно его звали. Полковник резко сжал пальцы, и шар попался в ловушку. Тогда генерал поднес шар к губам и спросил:

— Двенадцать-три, кто на наблюдении?

— Степень, — ответил женский голос. — Степень-два.

— Отдыхай, — сказал полковник и переложил шар из ловушки в карман френча, а перчатку вернул за пазуху.

Мы с ламой следили за каждым его движением, словно эти движения определяли нашу судьбу.

Шейн обернулся к ламе:

— Вы были правы, патер-лама. Я приму меры к сержанту. Вы проявили бдительность.

— Рад стараться, полковник, — отрапортовал патер-лама.

— А теперь иди к себе в яму, следи за поединком, колдуй, чтобы победил наш воин, и запомни...

Разведчик пронзительно смотрел на патер-ламу, и мне показалось, что между его глазами и лицом ламы протянулись светящиеся нити. Молнии, стрелы.

— Запомни... — медленно продолжал он, — что мы здесь не были. Ты не видел сержанта Седого. Ты был в своей яме и готовил амулеты к боевому времени. Ты не видел сержанта Седого.

— Я... — патер-лама спотыкался на каждом слове, язык ему

не повиновался, — я не видел сержанта Седого. Я сидел в своей яме.

— Уходи!

— Я ухожу...

Лама повернулся и пошел, пробираясь между бревнами и арматурой. Он старался удержать равновесие, но при том не замедлить бега.

Мы провожали его взглядами.

— Надо возвращаться к взводу, — сказал Шейн.

— Вы... не арестуете меня? — спросил я. Глупо спросил.

— Зачем? — удивился разведчик.

Он пошел в сторону развалин.

Секунду я колебался, какое из его пожеланий выполнить: высказанное вслух — о возвращении в траншею — или не высказанное вовсе — о следовании за ним в развалины.

Я выбрал второе.

Не оборачиваясь, Шейн вошел в узкое пространство, бывшее когда-то прихожей небольшого дома.

И исчез.

Я осторожно ступил за ним в это пространство и увидел лестницу.

Лестница была каменная, сложенная из плит. Она уходила вглубь, ступенек на десять, в обрушившийся подвал, но там, внизу, Шейн, присевший на камень, оказался под козырьком балок, образовавших полдома.

Шейн достал сигареты, закурил.

— Вам не хочется, — сказал он утвердительно.

Я стоял на лестнице.

— Спускайтесь. Это одно из немногих мест в мире, которое нельзя наблюдать сверху, с неба.

Я понял Шейна. Он был прав. Я тоже об этом думал. Я спустился и присел на корточки рядом с ним. Глаза быстро привыкли к полутьме. Огонек сигареты, когда разведчик затягивался, освещал его лицо — оно становилось дьявольским.

— Значит, вас не убедили речи майора и даже самого патер-ламы? — сказал Шейн.

— Не убедили.

— Вам повезло, — сказал полковник. — Обычно таких, как вы, с иммунитетом против амнезии, безжалостно уничтожают как еретиков и предателей. Вы могли кончить жизнь на плахе или на костре. Впрочем, вы и сейчас этим рискуете.

— Я не виноват, что кое-что помню.

— Что? — спросил Шейн.

— Это не мой родной город, — сказал я, — за нашими спинами. Это декорация. И мне интересно понять, кому это нужно?

— Разве ты не хочешь воевать? — спросил Шейн. — Разве ты не пришел сюда добровольно, потому что ты уже не ведаешь другой жизни, кроме профессии убивать и быть убитым?

— А вы? — спросил я.

Интимность убежища уравнивала нас. Мы были сродни пионерам в лагере, которые забрались в пещеру под вывороченным бурей деревом и тайком курят или рассказывают страшные истории про черную руку.

— Я доживаю свой срок, — сказал Шейн. — Я как мастодонт. Со временем гипноз амнезии истончается, изнашивается, и ты постепенно возвращаешься к старой памяти. Это почти неизбежно. Поэтому люди подолгу здесь не держатся. Средняя рассчитанная продолжительность жизни — пять-шесть боевых периодов. Если ты не погиб, то становишься командиром роты, а то и полка. Командование по большей части — ветераны. А я мастодонт. И если командующий фронтом или даже командир полка живут в странном мире полусна-воспоминания, то я, как самый старый из воинов, оказался жив по недоразумению. Я хитер — я перехитрил смерть, потому что знаю обо всем больше, чем каждый из них. Начальников безопасности боятся и стараются убить. Я не хочу, чтобы меня убивали. А ты исключение — ты первый новобранец, который все вспомнил с самого начала. Ты мне нужен. Мне одному их не обмануть и не уйти отсюда, от неизбежной смерти. Тебе одному тоже не уйти. Не один патер-лама заподозрил неладное, я тоже выделил тебя из новобранцев, и в моем сердце воскресла надежда. Прости, что говорю красиво, это от волнения.

— Вы давно здесь? — спросил я.

— Девятый или десятый боевой период.

— Что такое боевой период?

— Это война.

— Какая война? Кто с кем воюет?

— Мы — с жестокими ублюдками, которые не знают пощады и готовы растерзать наших жен и отцов, дожидающихся своей участи в нашем родном городе.

— Пожалуйста, не говорите так со мной!

— Ах какие мы спесивые! Я все расскажу тебе... Но не сейчас. Береги себя, мой ангел. Иди, не оборачивайся, я сам тебя найду. Спеши.

Меняя тон и высоту звука, загудела пронзительная сирена.

— Вот и бой, — сказал Шейн с каким-то облегчением.

Я нагнулся, чтобы не разбить голову о балку, и поднялся по ступенькам.

— Иди и не оглядывайся, — сказал разведчик. — С этой секунды за тобой начинают следить сверху. Если они заподозрят неладное, то пришлют шар. Это их глаз. Но учти, что если они рассердятся, то могут убить тебя молнией, вылетающей из шара.

По настойчивости в голосе Шейна и по отчаянному гудению сирены я понял, что задерживаться нельзя и все мои вопросы останутся сейчас без ответа. Но главное произошло — я нашел себе союзника, причем Вергилия по этим кругам ада.

Я выбрался из укрытия и в две минуты добежал до траншеи, которая вела в расположение моего взвода.

Там, на открытом месте, я обернулся.

Шейна не было видно.

Пригибаясь, я добрался до своего взвода.

Там незнакомый мне офицер в сопровождении двух солдат с мешками, как у Дедов Морозов, принес боевое снаряжение: каждому выдали по каске и серебряной металлической маске с прорезями для глаз. Офицер называл маски забралами. Он следил, чтобы каждый экипировался как положено.

Офицерам выдали бронежилеты, ношеные-переношеные. Даже завязки у них были оборваны и подшиты.

Когда офицер убедился, что все мы снаряжены и лица наши спрятаны от посторонних взглядов, он сказал:

— До начала личного поединка осталось шесть минут. Прошу всех собраться в яме командира роты для просмотра только что добытого нашей разведкой документального трофейного фильма.

Офицер натянул на лицо маску.

По траншее быстро шел разведчик. Его длинные руки почти касались земли, он был единственным, не надевшим маску.

Сзади семенил патер-лама, который тащил белый рулон, а также кубик с объективом.

Мы потянулись следом за ними в штаб роты, к Коршуну.

Там патер-лама прикрепил развернутый в белое полотно рулон на стенку ямы.

Я приглядывался к Шейну, мне по-мальчишески захотелось перехватить его взгляд, но полковник меня не узнавал.

Это было хорошим знаком. Следовательно, он намерен сохранить наш разговор в тайне.

Но как он успел достать патер-ламу и прибыть к нам из тыла?

Шейн опустился на койку Коршуна, остальные уселись кто как мог — в большинстве на пол или на койки. Кубический аппаратик поставили на стол.

— Наша разведка достала кинофильм, снятый ублюдками совсем недавно, час назад, на территории, временно захваченной врагом, — сказал полковник скучным учебным голосом.

Патер-лама включил аппарат, конус света упал основанием на экран, и по нему сначала побежали какие-то полосы, превратившиеся в изображение большой, незнакомой мне ямы.

— Это наш лазарет, — сказал полковник. — Многие из вас в нем были, но, к сожалению, забыли об этом. Для сведения новобранцев сообщаю, что этот госпиталь был захвачен ублюдками, потому что ваши старшие товарищи по оружию бежали, оставив позиции.

— Это не так, — сказал Коршун, но полковник его не услышал. Яма была длинной, и койки в ней, непокрытые, сбитые как длинные низкие столы, стояли в два ряда, головами к стенкам и ногами к проходу. На койках лежали раненые.

Только странные раненые.

Нет, не совсем так... когда ты внутренне не готов, даже в воображении, представить какую-то сцену, то глаза начинают тебя обманывать. Это были кадры из фильма ужасов, только вместо клюквенного сока в нем использовалась человеческая кровь.

Три человека в округлых шлемах и в золотых щекастых масках медленно двигались вдоль ряда коек, и мы их увидели в тот момент, когда половину ямы они миновали и как раз стояли перед койкой в середине палаты.

У одного в руках был широкий, с загнутым лезвием меч, двое других несли большую корзину.

Очень просто и деловито, даже поддерживая, как было очевидно из движений губ и свободной руки, разговор со своими товарищами, самый высокий из людей взмахнул мечом и отрубил голову раненому. Причем нет, не так. Он хотел отрубить голову, но меч соскользнул, хлынула кровь, раненый выгнулся, стараясь подняться, руки его рванулись к шее, и палачу пришлось ударить еще раз, чтобы голова и пальцы, закрывающие шею, оторвались от туловища и упали на пол.

Стараясь не попасть под струю крови, человек брезгливо ткнул мечом в голову, подцепил ее и кинул в корзину, в которой уже лежало несколько человеческих голов.

Вот почему раненые показались мне странными. Все они были обезглавлены.

Как и я, остальные зрители из новобранцев не сразу осознали, что же происходит, и лишь сейчас они взроптали, почти закричали, завыли в голос.

Камера смотрела на это зрелище сверху, точка находилась в нескольких метрах сзади убийц и на высоте двух-трехэтажного дома. Достаточно близко, чтобы видеть все в деталях.

Словно догадавшись, что за ними наблюдают, один из убийц поднял голову, и мне показалось, что в прорезях маски сверкнули глаза. Рот маски был растянут в улыбке. Следующий раненый пытался уползти, спрятаться под койку, это развеселило убийц, которые стали охотиться за ним и тыкать в него остриями мечей, чтобы не убить, а помучить.

И тут в поле зрения попали еще два человека. Это были врачи. Они стояли в дальнем углу палаты, не делая попытки вмешаться, но и не в силах убежать.

Камера, снимавшая это страшное зрелище, поплыла вперед — в этом мире все открыто взгляду сверху — и перелетела в соседнее помещение. Почему-то я представлял, что увижу там спрятавшихся врачей, но оказалось, что и туда уже пробрались люди в золотых масках.

Один доктор лежал возле операционного стола, он не шевелился.

Но наше внимание было привлечено не к нему, а к самому столу, на котором, нагая, распятая, лежала девушка. Она была привязана к столу ремнями, охватившими щиколотки и кисти рук, — видно, так здесь привязывали к столу раненых во время операции. Со стола как раз слез один в золотой маске, а его место занял другой насильник...

И тут Коршун закричал:

— Выключи, выключи, сука! Нельзя смотреть!

То, что происходило раньше, он смотрел, хотя и с негодованием, однако без возражений. Но насилие лишило его разума.

Он кинулся к патер-ламе, свалил проектор и принялся топтать его, словно выплясывал первобытный танец.

Экран погас.

Новобранцы смотрели на танцующего командира роты и старались не встречаться взглядами, будто увидели нечто такое, в чем нельзя признаться.

Коршун замер.

Он словно возвращался из путешествия в безумие. И переходил в новый вид безумия, в разумный мир мести.

Коршун выхватил свой меч, короткий и зазубренный, и кинулся к выходу из ямы.

— Стой! — крикнул вслед граф Шейн.

Тот даже не оглянулся.

Разведчик, видно, был готов к такой реакции Коршуна. Он держал в руке небольшую трубку. Поднес ее к губам и как бы свистнул. Оттуда вылетела маленькая стрелка, которая настигла Коршуна, когда он уже бежал по траншее, разыскивая место, где выбраться наверх.

Пробежав еще два или три шага, Коршун с размаху упал лицом вниз.

— Вы убили его! — воскликнул я.

— Проснется, — отмахнулся Шейн.

Кто-то из новобранцев хотел было подбежать к командиру роты.

— Внимание! — начал Шейн. — Смотреть на меня. И слушать внимательно. Сейчас вы просмотрели короткий фильм, снятый нашими разведчиками после того, как ублюдки захватили наш госпиталь. Вы видели, что они делают с нашими пленными, с беспомощными ранеными. Видели?

В ответ — согласное гудение.

— Вы видели, что они делают с медсестрами, которые попали к ним в плен, только потому, что мы плохо сражаемся, мы слабо деремся! Позор нам!

— Позор, позор! — нестройно отвечали солдаты.

Мне захотелось спросить Шейна: зачем же разведчик наблюдал и никто не вмешался? Я был убежден: было бы желание — могли вмешаться и остановить изуверство.

— Если вы отступите сегодня еще на шаг, то эти несчастья падут на головы ваших близких и наш родной город... родной город... — Спазм перехватил горло разведчика, на несколько секунд он потерял дар речи. Мы подавленно молчали.

— Нашего родного города больше не будет, — неожиданно завершил речь Шейна патер-лама.

Заверещала сирена.

— Начало боевого времени! — крикнул патер-лама.

Маска, которую я надел впервые, была тяжелой и натирала подбородок. Долго ее не потаскаешь.

Патер-лама и Мордвин стали выгонять солдат наружу из

канавы. Там что-то должно было произойти, и нам следовало это увидеть.

Ребята собирались молча, подвязывали поудобнее маски, проверяли луки и обувь — они были профессионалами. Они знали, что воевать надо так, чтобы было удобно.

Друг на друга они не смотрели — они были подавлены фильмом, который им показали. А я сомневался, действительно ли он снят или это очередная фальсификация, как сфальсифицирован город и река. Надо спросить у Коршуна, что его так взбесило?

Я подошел к командиру роты.

— Придет в себя, поверьте моему опыту, — сказал разведчик.

— Это было? — спросил я.

— Вы думаете, что мы это подстроили? Что головы отрезали у кур, а насиловали резиновую куклу?

В самом тоне был ответ на мой вопрос.

— Зачем они это делают?

— Они нас ненавидят.

— А мы?

— Мы должны тоже ненавидеть. Без этого победа невозможна. Моя работа — поддерживать ненависть. «Убей немца!» Знаете, кто так писал? Один известный гуманист. Убей любого немца!

— Мы тоже убиваем пленных?

— Обязательно, — ответил полковник.

Он вытащил из кармана на кителе тонкую серебристую маску, сделанную, видно, из шелка. Он надел ее на себя и издали стал похож на любого из нас. Только мы таскали на физиономии железяку, а он обходился легкой чадрой.

— Равноправия не бывает, — улыбнулся он, угадав мой взгляд.

Затем он пощупал пульс у Коршуна.

— Скоро придет в себя, и мы увидим нового мстителя.

— Трудно поверить, что это не инсценировка.

— Ваша воля. Нам пора.

Затрубили трубы. Откуда-то сверху.

— Разве вы не хотели со мной поговорить? — спросил я.

— По окончании боевого времени, — сказал Шейн, — мы с вами поговорим не спеша.

Он легко оттолкнулся от стенки траншеи и выскочил на-

верх — словно взлетел. Его плотное тело было слеплено из тугой резины.

Сотни ублюдков стояли полукругом в двухстах метрах от нас, на них были одинаковые золотые маски. С нашей стороны тоже стояли сотни бойцов. Только в серебряных масках. Отличались мы и куртками: у них они были кожаные, рыжие, на них были черные плащи, а под ними виднелась кольчуга. На нас вместо кольчуг были бронежилеты.

Шейн преобразился.

Он выбежал в первый ряд, повернулся спиной к врагам и закричал:

— Вы знаете, что это не люди! Это звери!

— Звери! — покатилось по цепи.

— Мучители, изверги, нелюди!

— Нам некуда отступать. За нами — город!

Цепь ревела. Люди рвались в бой.

— Поединок! — кричал генерал.

— Поединок!

Рыцарь с нашей стороны появился из низины. Он был, как и положено, в маске и каске с гребнем. Но он был обнажен до пояса. В одной руке у него был меч, в другой — факел.

За ним и по сторонам шагали секунданты, доктор, офицеры — свита!

Я понял, что здесь соблюдается средневековое правило: прежде чем начнется бой, два богатыря должны показать свою силу.

Вдали от меня раздвинулась цепь.

Сквозь нее прошел богатырь ублюдков.

Он сверкал. Он был в позолоченной кольчуге, на нем был позолоченный шлем и золотая маска. Он нес в правой руке короткое копье с широким лезвием, в левой — саблю.

Все это более напомнило бой гладиаторов, чем поединок рыцарей. Я понимал, что наш богатырь уступает врагу. Но нарочно ли это сделано? Или рыцари готовились к бою, не зная о вооружении противника?

Болельщики кричали, махали руками — они ненавидели друг друга.

Эта война была недурно организована. И теперь я уже верил в то, что увиденное в фильме — настоящее. Потому что настоящей была ненависть и настоящей была война, в которой не брали пленных.

Наш рыцарь, хоть был слабее вооружен, оказался куда под-

вижнее ублюдка, у него было поджарое тело — без капельки жира — лишь мышцы и жилы. Движения нашего рыцаря были неожиданны, быстры и законченны.

Краем глаза я увидел Коршуна. Он стоял справа от меня, положив ладонь на рукоять меча. Он смотрел на рыцаря так же внимательно и заинтересованно, как на ту несчастную девушку. Я мог бы поклясться, что он его знает. Или старается узнать.

Бешеный рев прокатился над полем — воины кинулись друг на друга.

Я обратил внимание, что, как назойливые слепни, к рыцарям кинулись сверху мутные шарики и зависли над ними. Некто наблюдал за ними. Вернее всего, люди разведчика. Что нужно было этому хитрецу от меня? Будь он честным офицером, он должен был бы меня убить. Но если он все же не союзник мне, а кот, который, поиграв с мышкой, придушив ее для порядка лапой, относит к ногам хозяина?

Зрелище самого боя меня не очень привлекало. В любом случае по воздействию оно далеко уступало кровожадной сцене фильма. Но, как я понимаю, все здесь было неплохо рассчитано: после шока, вызванного фильмом, — открытое поле, настоящий бой, локоть товарища рядом, враги по ту сторону поля.

Солдаты, ребята из Меховска, смертельно отравленные войной, как бы возвратились в лоно своей матери-бойни. Это был их мир, их наркотик, смысл их короткой жизни. Месть была одним из немногих доступных им чувств. Месть была страховкой от забвения. Мстя, ты знаешь, что за тебя тоже отомстят, — это эстафета странной надежды смертников.

Наш рыцарь вел себя, как бешеный пес. Он кидался на золотого врага, тыча ему в маску факелом, что имело бы смысл, если бы тот был обнажен. А ведь кто-то снаряжал рыцаря и давал ему советы. Вот и сейчас кучка его тренеров и ассистентов кричит, подсказывает что-то, но вряд ли он слышит подсказки за криком и воем толпы.

— Шундарай! — кричал Коршун. — Кинь факел! Руби его! Шундарай!

Меня удивило это слово — явно местное. А может быть, они знакомы с богатырем?

Шундарай послушался Коршуна, откинул в сторону факел, тот горел на земле, стелясь пламенем и дымом по пыли и постепенно угасая.

Теперь у него оставался только меч, и ему стало легче, хотя он все время был вынужден отступать, потому что ублюдок (господи, я уже употребляю это слово привычно, как обозначение национальности!) спокойно следовал за ним, как крокодил за собачонкой.

Его преимущество выражалось и в том, что копье — лучшее продолжение руки, чем меч, — ублюдок умудрялся сделать два шага, тогда как Шундарай был вынужден сделать десять.

Пока что его неожиданные попытки прорваться поближе к врагу и вонзить меч в незащищенное горло пресекались.

— Шундарай проиграет, — тихо сказал Шейн, который незаметно подошел ко мне. — И это жульничество.

— Почему жульничество?

— Значит, так выгодно... результат первого боя не должен быть предсказуем. Но может быть... — он впился мне в лицо черными острыми глазами, — ...может быть, ему обещали жизнь? И теперь ее отнимут.

Я не понял, о чем говорит разведчик. Но надеялся узнать — Шейн начал охотно говорить со мной, возможно, он продолжит эти беседы.

Я поглядел на Коршуна. Мой комроты до половины вытащил из ножен меч. Он с трудом удерживался, чтобы не кинуться на выручку Шундараю, хотя, очевидно, этого делать было нельзя.

Неожиданно ублюдок метнул копье. И с такой силой, что оно вошло в грудь Шундарая чуть ниже правого плеча и удар пошатнул его, чуть не развернув.

Ублюдок тут же кинулся к Шундараю, но все же он двигался замедленно, и это спасло нашего рыцаря. Под собственной тяжестью копье выпало, и следом за ним полилась струйка крови. Шундарай выронил меч, но каким-то чудом умудрился перехватить его левой рукой.

Теперь ему ничего не оставалось, как идти ва-банк. Рана, по-моему, была достаточно глубокой и болезненной, и в его распоряжении оставались минуты, прежде чем он потеряет силы.

Вокруг творилось что-то невообразимое. Увидев, что Шундарай нашел в себе силы ринуться вперед, наши воины, было затихшие и онемевшие от ужаса, взревели, подбадривая рыцаря.

— А кто такой Шундарай? — спросил я разведчика, стараясь перекричать толпу.

— Смертник, — ответил тот.

— Давай! — кричал Ким, оказавшийся рядом. Раньше я его не видел, он был со своим взводом.

Ким забыл уже о том, что город оказался фальшивым и что он — чья-то игрушка.

Шундарай дотянулся-таки до противника, тот отступил, чтобы избежать укола, но Шундарай из последних отчаянных сил прыгнул вперед. Видно, рыцарь ублюдков не ожидал такого прыжка, в котором Шундарай дотянулся до его колен, и рванул рыцаря на себя.

Ублюдку бы рубануть его сверху саблей, благо она оставалась у него в руке, но он растерялся, не ударил и сам упал на колени, Шундарай пытался подмять его, но правая рука плохо слушалась, и пальцы скользили по кольчуге.

— Почему смертник? — пытался я перекричать толпу.

— Он был приговорен, но сбежал. Он не знал, что здесь убежать некуда. Вы-то уже понимаете?

Я кивнул.

Шундарай и ублюдок возились в пыли, стало трудно разглядеть, что там происходит.

— Когда его поймали, то обещали жизнь, если он победит в поединке.

— И его в самом деле оставят в живых?

— Не говорите глупостей, — ответил Шейн.

— А что будет?

— Плохо дело. Наши друзья прижаты спиной к родному городу. Но сегодня они должны обязательно устоять.

— Нам нужна его победа?

Схватка на земле прекратилась.

Медленно-медленно алая кровь — своя ли, чужая — стекает по золотой кольчуге. Поднимался победитель — ублюдок.

Шундарай лежал неподвижно.

Золотой рыцарь тяжело вскинул руки — какая буря восторга поднялась в его войске!

И тут я краем глаза уловил движение вблизи.

Я ничего не успел сделать.

Никто ничего не успел сделать.

Выхватив меч, Коршун бежал через поле к победителю. Он споткнулся, чуть не упал — он был мал и жидок по сравнению с рыцарем ублюдков и даже с Шундараем.

Но он был берсеркером — свихнувшимся на жажде боя викингом, которому не страшна смерть, поэтому он дерется без доспехов. И прежде чем уйти в поля вечной охоты, он унесет с собой души нескольких врагов.

Рыцарь ублюдков сообразил, может быть, предупрежден-

ный отчаянными криками из своего лагеря, что к нему приближается непредвиденная опасность. Он потянулся, нагнулся за копьем, что лежало на земле, — черт знает что заставило его это сделать, — может, и в самом деле думал, что успеет.

Но не успел.

Более того, он подставил Коршуну незащищенный участок шеи, и Коршун — опытный боец — вонзил ему в шею меч.

К нему же — золотой рыцарь еще не успел коснуться земли — толпой, толкаясь, сшибая друг друга, кинулись ублюдки в золотых масках — то ли они спешили спасти своего рыцаря, то ли желали отомстить за него.

И над полем, через динамик или мегафон, прокатился командирский крик — видно, наш комполка быстрее соображал, чем его противник:

— Лучники, стрелы готовь!

Послушно — когда это успели в нас внедрить? — мы все, у кого были луки, потянулись к колчанам. Другая рука уже вытаскивала из футляра лук.

Кажется, что никто, кроме нас, не услышал приказа.

— По противнику, за кровь наших детей и матерей, прицельный огонь!

Толпа ублюдков — именно толпа — уже поглотила несчастного Коршуна и смешалась, лишенная стимула бежать дальше.

Стрелы вонзались в ублюдков, вряд ли многие из них погибли — большинство ублюдков облачены в кольчуги, маски и шлемы. И все же несколько человек упало, это внесло еще больший беспорядок в ряды противника.

— Вперед! — кричал наш командир полка.

И я увидел, что он выбежал вперед, на открытое пространство, отделявшее нас от ублюдков, и поднял меч.

Мы кинулись за ним. Нас трудно было остановить, потому что мы не только спасали город, мы спасали нашего отважного товарища, мы неслись мстить!

И я несся со всеми, понимая, что веду себя неразумно, но я не мог остановиться, не потому, что верил в город, — я хотел помочь Коршуну, я не мог бросить своих солдат — я же командир взвода! Что же мне, отсиживаться в траншее? Ведь разведчик — уж кому-кому, а ему не было нужды лезть в схватку — размахивал своим мечом рядом со мной.

Я тоже махал саблей. Я должен был победить. Главное — пробиться сквозь их толпу, чтобы отыскать Коршуна.

Я не могу точно сказать, как и когда наш противник не выдержал натиска и кинулся бежать; это не было отступлением — ублюдки тяжело бежали, утаскивая своих раненых и убитых.

Коршун и Шундарай остались лежать посреди поля, а солдаты убежали дальше, преследуя ублюдков.

Я склонился над Коршуном. Он был избит, окровавлен, одежда на нем разорвана — но он дышал. Ублюдки так спешили убить его, что помешали друг другу.

Я хотел было оттащить его назад, но возникший рядом Шейн — как он умеет это делать! — крикнул:

— Его подберут! Сзади идут санитары. Важнее захватить наши старые окопы. Понимаешь?

Я не понимал, зачем нам нужны старые окопы. Может быть, из принципа?

Мы трусили с полковником следом за солдатами, которые уже ворвались в траншеи и продолжали гнать врагов. Тут еще — я не сразу сообразил, как это случилось, — прилетел их воздушный шар и кинул несколько бомб на своих, почему-то решив, что мы уже заняли свои старые позиции. Как я понял тогда — он бросал глиняные горшки, наполненные порохом. Они шумно взрывались и поражали всех вокруг кусками своей оболочки.

— Не беги, — попросил разведчик. — Я в этом воздухе задыхаюсь. Здесь быстро изнашиваешься.

Мы спустились с ним в длинную неглубокую яму.

Яма была знакома. Койками — конечно же, двумя рядами коек, ноги к ногам. Это был лазарет. Койки были пусты. На какое-то мгновение я снова подумал о том, что фильм был инсценировкой. Но когда я подошел поближе, то увидел, что койки залиты кровью.

Как бы угадав мои мысли, Шейн сказал:

— Они их вон там закопали, присыпали хлоркой и закопали, чтобы заразы не было.

Он показал на невысокий пологий холм в конце ямы. И если у меня и могли еще оставаться сомнения, они исчезли, потому что, не очень стараясь скрыть следы, они засыпали трупы кое-как, и из перекопанной земли высовывались скрюченные пальцы, словно мертвецы просились наружу.

Шейн прошел дальше.

Мне было страшно оставаться в лазарете, и я поспешил за ним.

Он прошел в небольшой зал — в операционную.

Мы остановились возле операционного стола, на его пла-

стиковой поверхности были видны плохо затертые пятна крови. Это от операций, подумал я.

— Вы много говорите, — сказал я. — Но я все равно не понимаю.

— Странно. Мне казалось, что я предельно ясен.

— Вы говорили о сроках жизни здесь — вас это касается?

— Я удивлен, что до сих пор жив. Я пережил всех. Даже Шундарая.

— Кто вас может убить?

— Те, кто руководит нами. Кукловоды.

— Вот теперь мы подошли к самому главному. Как устроен этот мир? Кто им правит? Почему мы воюем? Кто хочет вас убить?

— Вы можете задавать вопросы бесконечно. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз обсудить.

— Тогда пошли, — сказал я.

Это развеселило разведчика:

— Не слишком ли вы доверчивы, мой юный друг?

— Не заставляйте меня проливать слезы над сентиментальным романом из жизни лордов! — огрызнулся я.

Сзади послышались голоса. В операционную заглянул мужчина в зеленом халате.

— Мы переносим сюда лазарет, — сказал он.

— Хорошо. Только сначала пускай перенесут на общее кладбище трупы, которые закопаны в углу палаты.

— Тут нет опасности для раненых? — спросил доктор.

Я догадался, что в лазарете садистский фильм не показывали — врачам не нужно бросаться на врагов и рвать их глотки. Доктор не знает, что здесь произошло.

— До следующего боевого времени никакой опасности нет.

— А где похоронная команда? — спросил доктор.

К нам присоединился второй.

— Ты знаешь, что там, в углу? — спросил он. — Там людей закопали. Вот сволочи!

— Зови похоронную команду, — приказал старший доктор. — Пускай переносят трупы.

— А мы начнем работать? Рядом с трупами?

— Ничего, — сказал старший врач. — Не впервой.

— А я в первый раз, — сказал младший врач.

— А где Маргарита? — спросил я. — Медсестра Рита Савельева? Где она?

— Я ее в начале боя видел, — неуверенно сказал младший врач.

— Она могла пойти на поле глядеть на бой, — сказал старший врач.

— Нет, ее еще раньше не было, — сказал младший врач.

Над операционной появилась группа солдат. Двое вели третьего, раненого, который обнял их за шеи. Один из поводырей спрыгнул вниз и поднял руки. Второй помог спуститься раненому.

— Куда его? — спросил он.

— Клади сюда, на стол. — Старший врач показал на операционный стол. Потом повернулся к младшему и добавил: — Ты погоди с похоронной командой, поможешь мне.

Мы отошли от лазарета и остановились в траншее — в стороне от основного потока людей: солдаты перетаскивали свои пожитки, обустраивались на новом месте, которое для многих было старым, вчерашним местом.

— Давайте выясним одну важную штуку. Важную для нас обоих, — сказал разведчик. — Какова ваша цель?

— Уйти отсюда, — искренне сказал я.

Я не стал добавлять, что сначала мне надо узнать как можно больше об этом мире. Лишь потом я смогу уйти. Но уйти мне надо обязательно, так как иначе вся наша операция равняется нулю.

— Значит, цели совпадают, — согласился Шейн.

— И вы знаете, как отсюда уйти?

— Приблизительно. Но это не значит, что я могу это сделать.

— Почему?

— Все относительно просто, но нам не уйти.

— Меня сюда привезли и посадили в яму. А там, где есть вход, обязательно существует и выход.

— Умница! Только выход заперт снаружи.

— И что же делать?

— Те, кто управляет этим миром, те, кто контролирует эту войну, живут вон там. — Он ткнул пальцем точно над головой, показывая в зенит.

— И наблюдают за нами?

— И наблюдают за нами.

— С помощью шаров?

— Не только — у них есть несколько способов. Когда я был там, то понял — они могут контролировать многое.

— И нас сейчас?

— Я думаю, что у нас есть шанс рискнуть. После окончания боевого времени они обычно уходят отдохнуть.

— Кто они?

— Люди. А вы о ком подумали?

— Черт его знает. Может, я попал на другую планету. И где же они находятся?

— Я же говорил — там.

Он показал наверх.

— А вы там бывали?

— Конечно. Несколько раз. По служебным делам.

— Значит, выход открывается, когда вас зовут.

— В последнее время меня не вызывают. Скоро убьют. А так как у них есть остроумные режиссеры, мою смерть могут обставить драматично.

Я подумал, что все-таки Шейн — ненормальный. Хотя вряд ли можно встретить здесь нормального человека. Шейн глядел на меня яркими серыми глазами и разминал сильными пальцами кусочек земли.

— Я все просчитал, понял, что один я бессилен. Я почти смирился. И глазам не поверил, когда увидел вас. Сначала даже решил, что вы подосланы. Но кем? Кому нужно подсылать ко мне провокатора, если проще меня убить случайной молнией или стрелой? И тут я заметил — вы не поддаетесь гипнозу. Вы подозреваете неладное... Значит, хотите вы или нет, вам придется быть моим союзником.

Он неожиданно хлопнул меня по локтю — я был на голову выше его.

— Если мы вдвоем, то наши шансы удваиваются, — это принципиально. Мы — команда.

В его голосе не было всегдашней уверенности в себе.

— И что наша команда может сделать?

— Сначала наша команда может думать.

Два солдата притащили в палату Коршуна. Может, я ошибся? Нет, это Коршун.

— Коршун? — Разведчик весь подобрался. — Жаль, что ему не жить. — Шейн подошел к Коршуну, оттянул веко, потом попробовал его пульс. — Жаль. До встречи с вами я так рассчитывал на его помощь!

— Я займу его место?

— Вряд ли. Но у меня нет другого выхода. Пойдемте, пока перерыв. Я покажу вам вход. Он открывается снаружи.

— Этого мне достаточно. Но они не будут за нами наблюдать? Через купол?

— Ничего подобного! — воскликнул Шейн. — Нет никакого купола! Есть забор. Прозрачная упругая ограда, о которой догадываются лишь те, кого скоро ликвидируют. А наверху существует подобие широкого балкона, с которого за нами и наблюдают. Подняться на него можно лишь с внешней стороны. А отсюда мы вольны петь серенады.

— Это уже лучше, — сказал я.

— Что? Петь серенады?

— Нет, забраться на балкон.

Мне показалось, что снаружи, наверху, кто-то есть. Я сделал шаг к полуосыпавшейся стенке траншеи и, отыскав в ней выступ, резко подпрыгнул и перевалился через бруствер.

Там сидел, вытянув перед собой ноги, сержант Ким. Он вздрогнул, когда я оказался рядом с ним, резко вскочил, но не схватился за меч.

— Ты чего здесь делаешь? — спросил я.

Разведчик запрокинул голову — он увидел Кима, когда тот встал во весь рост.

— Отдыхаю, — ответил Ким.

— Тебе же сказали, чтобы ты во взвод шел.

— Был я во взводе, там меня не требуется.

Рожа у него была красная, под глазами мешки, волосы встрепаны, он криво улыбался.

— Ты наконец-то поверил? — спросил я.

— Я ни во что не верю, — ответил Ким и неожиданно пошел прочь. Он шел медленно, перепрыгивая через траншеи, исчезая в канавах и появляясь вновь.

— Странный парень, — сказал я.

— Его следует опасаться, — заметил разведчик.

— Вы можете показать мне, где находится дверь? — спросил я.

— Как и все тут — относительно недалеко. Только надо спешить, пока хозяева отдыхают.

Вот и новое слово — «хозяева». Хозяева, которые славно организовали целую войну с настоящими убитыми.

— Тогда пойдем, — сказал я.

Разведчик задержался. Коршун был весь в бинтах. Над ним трудились оба врача и пожилая медсестра.

— И как у него дела? — спросил я.

— Плохо, — сказал старший врач. — Рука и два ребра сломаны, гематомы, отбиты почки. Долго не протянет.

— Черта с два, — с трудом произнес Коршун. Лицо у него тоже было забинтовано — лоб, щека и один глаз. Вокруг второго было черное пятно. — Я встану. Ты без меня не уходи...

— Ты переменил ход битвы, — сказал Шейн. — Если бы не ты, мы бы проиграли всю войну.

Он добавил, авторитетно обращая внимание к врачам:

— Чтобы поставить его на ноги немедленно! К следующему бою герой должен быть готов. Наложите шины, перевяжите. Я скоро проверю!

Когда мы отошли от госпиталя, Шейн сказал мне:

— Вернее всего, он — мертвец. Я не удивлюсь, если это случится в ближайшие часы.

— Почему?

— Во-первых, он нарушил правила боя. Рыцари сражаются один на один. А он ввязался в бой.

— Но только после гибели Шундарая.

— Неважно. Он изменил ход боя.

— Победа ублюдка, — возразил я, — могла означать конец войны?

— Да, — согласился Шейн. И вдруг остановился. — Ты прав! — воскликнул он. — Прав, черт побери! Войну кончить нельзя! Война — вечна!

— Почему?

— Все узнаешь, обязательно узнаешь.

Нам встретились сразу трое лам, все незнакомые. Они тащили рулоны материи. Видно, переносили свой храм на новые позиции.

Шейн шел молча, он не хотел допускать меня в свои мысли.

Мы обошли довольно глубокую яму, в которой несколько солдат играли в карты, кажется, в подкидного дурака. Игра шла азартно — они нас даже не заметили.

Люди кучковались в траншеях и ямах — по нескольку человек, даже дремали вместе, но можно было пройти сотню метров и не увидеть ни единого человека. Если бы наши враги захотели совершить прорыв, никто бы им не помешал.

Но они не хотели совершать прорывов. Они зализывали раны.

— А кто они — ублюдки? — спросил я.

— У нас не берут пленных, — сказал разведчик.

— Некогда пленного убили, он все равно лежит у ваших ног, только мертвый, — заметил я.

— У нас не положено снимать маску.

— Кончайте вешать мне лапшу на уши, граф, — сказал я, — неужели вам никогда не приходилось снимать маски с убитых?

— Снимали, — сказал Шейн.

— И что же?

— Ублюдки и есть ублюдки.

Я вздохнул.

— Граф, вы мне врете, — настаивал я. — Что-то заставляет вас скрывать правду. Если вы не верите мне...

— Ублюдки — такие же люди, как мы с вами, — сказал Шейн.

— Так я и подозревал.

Мы поднимались по пологому склону холма, изрезанного древними траншеями, большей частью полузасыпанными.

— Здесь давно не воевали, — заметил я.

— Да, теперь война идет ближе к речке. Так им лучше видно.

Чем выше мы поднимались, тем больше вокруг было мусора, сухих палок и даже бревен, камней, старых тряпок, железных ржавых предметов от кастрюль до детской, некогда эмалированной ванны, встретилось даже колесо грузовика без шины и железный обод на железных спицах от какой-то высокой телеги — будто некогда он составлял часть велосипеда для слона.

И я налетел на стену. Просто забыл о том, что пора бы готовиться к встрече с ней.

Я отскочил от неожиданности.

— Спокойно, мой друг, — сказал Шейн. — Теперь нам надо найти нужное место.

Он пошел вдоль стены, легко перепрыгивая через сучья и обходя крупные камни.

Мне показалось, что за нами следят.

Я поднял голову — шариков не было видно.

Шейн водил в воздухе растопыренными пальцами.

— Смотрите, Седой, — сказал он, — здесь дверь.

Я подошел к нему и, проведя пальцами в том месте, почувствовал вертикальную полоску.

— Дверь открывается снаружи, с той стороны. А здесь есть ориентир. Видите сухое дерево, раздвоенное?

Сухая сосна поднималась за нашими спинами.

— Ее видно снаружи. Я как-то подходил к этой двери.

— А как она отпирается?

— Она не заперта. Она сейчас — одно целое со стеной.

Я толкнул стену за полоской разрыва. Ничего не произошло.

— Что же вы предлагаете делать? — спросил я.

— Я думал, что вы знаете. Вы же просили привести вас сюда.

У меня возникло подозрение, что Шейну известен мой секрет. Чего быть не могло, ведь в Меховске не осталось ни одного человека, который знал бы о моих московских занятиях.

— Я могу попытаться, — сказал я.

— Вы пройдете сквозь стену?

— Как высоко отсюда до балкона?

— Раньше воюющим сторонам разрешали иметь воздушные шары при условии, что они поднимаются только на сто локтей. Но кто-то поднимался выше. Такие шары сбивали. А это, я вам скажу, увлекательное зрелище. С шаров кидают вниз горшки, наполненные греческим огнем — горючей смесью. Горшки вдребезги, люди горят!

— Значит, минимальная высота, на которой живут боги, пятьдесят метров?

— Наверное, чуть больше. Но воздушного шара мне для вас не найти.

— Допустим, я окажусь снаружи. Я смогу открыть дверь?

— Снаружи — сможете.

— А как мне ее отыскать?

— Вам не добраться до балкона.

— Это мои проблемы, граф. Допустим, я оказался там...

— Снаружи... вам покажется, что вы попали на большой старый стадион. Балкон — правительственная ложа, вынесенная над футбольным полем. А сзади — коридоры, лестницы, туалеты, служебные помещения... Все как обычно.

— Дальше!

— Дверь, которая ведет сюда, расположена в платяном шкафу сорок шестой комнаты под северной трибуной.

— У вас хорошая память, граф.

— Не жалуюсь. Но как вы собираетесь туда попасть?

— Увидите. Я не буду ничего от вас скрывать. Но прошу вас, не удивляйтесь и не пугайтесь.

— Меня трудно напугать.

— У каждого свои представления о путешествиях. Я смогу попасть на балкон.

Он полез за пазуху, вытащил оттуда сложенную, расшитую

позументами каскетку наподобие бейсбольной, с необычным гербом впереди.

— Это вам может пригодиться снаружи, — сказал он. — Такие носят служители.

— Спасибо. — Я надел головной убор, он был чуть мал.

— И главное, — попросил он, — если попадетесь, не говорите о моем участии в этой авантюре. Мне хочется еще немного пожить.

— Они обычно пытают или сразу расстреливают?

— Когда как, — обреченно сказал Шейн, который решил, что я его обязательно выдам. Непроизвольно его рука, рука разведчика, который не любит оставлять нежелательных свидетелей, потянулась к рукоятке кинжала, заткнутого за пояс.

— Не беспокойтесь, граф, — сказал я, — постараюсь вас не подводить, а если вам захочется сейчас воткнуть мне ножик в спину, вы этим ничего не добьетесь. Останетесь один, и вас, по вашим же словам, завтра уберут.

— Вы заблуждаетесь, — ответил граф, — я не собирался причинить вам вред.

— Тогда — счастливо оставаться! Ждите меня у двери через полчаса!

Я отошел на несколько шагов, прикинув, что стены изгибаются внутрь. Мне надо будет лететь под углом, как круто поднимающийся реактивный истребитель.

А вдруг не получится? Я в этом мире толком еще не летал. И слишком мало использовал свои способности. Калерия обещала, что мной займется главный психолог института Мирский, но Мирский постоянно был занят на симпозиумах, а я — на заданиях. Так мы и не совпали.

Я представил, как поднимаюсь над этой мертвой долиной.

— Что вы делаете! — ахнул Шейн. И я понял, что он не притворяется. Он в самом деле был поражен зрелищем человека, медленно, но уверенно воспаряющего к облакам.

Все. Получилось.

— Ждите меня, — повторил я сверху. Я понимал, что, когда говоришь с неба, твои, в общем, банальные фразы приобретают особое звучание. — Через полчаса у сухого дерева.

Я стал подниматься все быстрее. Мне хотелось достичь облаков и спрятаться в них.

С каждой секундой поле боя расширялось, и я уже мог охватить взором все — от нашего города, нарисованного на горизонте, до города ублюдков — его, правда, было почти не

видно, до него втрое дальше, чем до нашей родной столицы. Но он тоже был нарисован — можете потрогать.

Я видел лысинку графа Шейна. Граф как граф — позументы и страх перед пенсией. Правда, здесь пенсию дают одновременно с путевкой в крематорий.

Шейн стоял, запрокинув голову, и мне даже с высоты было видно, как удивленно сверкают его глазки, а рука дергает правый ус.

Теперь мне надо постараться не стукнуться головой о край балкона. Или правительственной трибуны.

Вокруг меня возникало молоко. Молоко сгущалось, казалось, что стало сыро. Я проходил облако. Я понимал, что облако не должно быть плотным и толстым. А над облаком должна нависать трибуна для почетных гостей.

Я быстро пронзил облака и оказался под другим небосводом, и что самое удивительное — я ждал неба голубого или по крайней мере ночного, в звездах, а увидел такое же серое небо и такие же бегущие сизые облака.

Впереди, в тумане, было видно закругление трибун гигантского стадиона, ближе висела правительственная трибуна. Это была далеко выдающаяся вперед веранда, способная разместить до сотни зрителей и накрытая сверху козырьком полотняной крыши.

Я взял курс на самый угол веранды. Даже если кто-то и стоит в центре ее, у меня больше шансов забраться туда незамеченным.

Некоторое время я висел на руках, разглядывая через барьер внутренность трибуны. Я был практически один. Лишь некто в униформе дремал на стуле у входа на веранду.

Я медленно и осторожно перебрался через перила балкона, поставил ноги внутрь и не спеша, но деловито направился к двери наружу, которую я высмотрел с самого начала.

В дверях я оглянулся.

Человек все так же сидел на табурете в том конце веранды. Ему до меня и дела не было.

На веранде стояло в ряд несколько кресел — не больше дюжины. Перед каждым был экран. Экран, пульт перед ним, стопки каких-то бумаг на столиках. Можно было представить, как сюда собираются астрономы или программисты, весело обмениваются приветствиями и начинают искать комету, зарегистрированную вчера в Лос-Аламосской обсерватории.

Все это — неправда. Это места Хозяев.

Я обратил внимание на то, что перед экранами в глубоких мисках кучками лежали мутные шарики — очевидно, локаторы — маленькие контролеры.

У меня был соблазн усесться за один из компьютеров и поглядеть, как выглядит сверху перекопанная земля маленькой войны. Но это было бы неоправданным риском. Ведь я — местный служитель, вряд ли мне положено трогать приборы.

Ладно, не будем слоном в посудной лавке, сказал я себе. Сейчас я впущу внутрь графа Шейна, мне нужен проводник по кругам ада.

Спускаясь по лестнице, я обратил внимание на то, что стены ее давно не крашены, кое-где облупились, ступеньки грязные, везде валяются бумажки и окурки. Уборкой заняться было некому.

Под краской — я постучал по стенке костяшками пальцев — был бетон. Вернее всего, они используют здесь для военных игр настоящий стадион. Пахло пылью. С каждым поворотом становилось темнее.

Мне повстречался человек в такой же, как у меня, каскетке, в скромной черной куртке и брюках.

Человек нес ящик с бутылками — кажется, пивными.

Он даже не посмотрел в мою сторону. Может, потому, что груз был тяжелым.

Здесь было мирно и тихо, как в ресторане задолго перед открытием. Никаких войн, грохота, стонов и лязга металла.

Где же прячутся хозяева этой войны в перерыве между сражениями? Похожи ли они на людей, а если похожи, то на каком языке разговаривают?

Для того чтобы посмотреть на мир, желательно погулять по улице, оставляя свои пыльные следы на дальних планетах.

Я медленно спустился по широкой лестнице к широким воротам входа.

Будем считать, что у меня в запасе минут десять, прежде чем Шейн начнет беспокоиться — мало ли что могло меня задержать? Первым ощущением было безлюдье.

Любой город, даже спящий, издает дыхание. Этот молчал.

В небе не было птиц, насекомых, воздушных шаров, парашютистов, самолетов, драконов — ничего, что бывает в небесах настоящих или сказочных.

Но это не был сказочный мир. От него исходила реальная злоба медленно ползущей гюрзы.

Через ворота стадиона я вышел на пустую, растрескавшую-

ся асфальтовую площадь. На деревянных столбах висела покосившаяся таблица розыгрыша Кубка СССР по футболу, где первое место занимала фанерная фигурка футболиста в красной футболке и синих трусах. Под ним была надпись: «ЦДКА. Москва». Вторую ступеньку на лестнице фанерных человечков занимал игрок из команды «Динамо» (Ленинград).

Значит, я был на Земле. На параллельной Земле, где время отстало от нашего?

В отдалении виднелись другие здания, но идти до них было далеко, да и не хотелось идти через такое обширное открытое пространство.

Я вернулся под крышу стадионных коридоров и пошел по закругляющемуся коридору. За дверями были слышны голоса.

Я отыскал голоса.

Они доносились из-за двери неразборчиво, словно во сне. Я приблизился к двери и постарался поймать смысл слов.

Но никак не мог врубиться в музыку фраз...

И тут сзади — ну как так можно попадаться? — раздался спокойный голос:

— Ты что тут делаешь, Гарик?

Наверное, я подпрыгнул или как-то иначе выразил страх, потому что Александра засмеялась. Искренне и без злобы.

На ней красовалась кожаная турецкая куртка, какие носят «челноки», и потертые джинсы. Была она хрупкая и похожа на мальчика. Став взрослыми, такие женщины любят рассказывать, что у них не было подруг и они всегда дрались с мальчишками. Это полуправда, да дело в том, что такие девочки рано развиваются сексуально и их безумно тянет к мальчишкам. Вот они и притворяются сорванцами. В самом деле им это не нужно, хотя порой переходит в привычку. И они до седых волос носят джинсы и короткую стрижку.

— Гарик, — сказала она, — тебе же надо быть там! — Она показала в сторону и вниз. Точно показала — там было поле боя.

— А мне захотелось поглядеть, как вы тут живете, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал естественно.

— Врешь, — сказала Александра. — Оттуда еще никто живым не уходил. Надо будет Рустему сказать.

— Не надо.

— Почему? Если появился какой-то путь снизу, за тобой черт знает кто может пробраться.

Она держала руки в карманах куртки. Но никакого пистолета или ножа там не было — вернее всего, жизнь наверху была куда более мирной, чем на поле боя.

— Я тоже не думал тебя встретить, — сказал я. — Видно, у тебя такая задача — спасать меня.

— Я не собираюсь тебя спасать, — сказала Александра. — Сейчас я позову людей.

— Успеешь. — Я старался загипнотизировать ее, но это было нелегко — к тому же она уже была уверена, что видит именно меня. Я плохой гипнотизер. У меня получается лишь с теми, кто не готов к встрече со мной.

— Я тебя не боюсь, — сказала Александра.

— Слава богу!

— Я с самого начала догадалась, что тебя подослали.

— Я так и не знаю, что все это значит. Расскажи мне.

— У тебя крыша поехала? Чтобы я тебе это рассказала? Да я и трех минут не проживу.

Голоса изнутри приблизились к двери. Те, кто был в комнате, намеревались выйти наружу.

— Беги, — прошептала Александра. — Беги, мать твою!

Я рванул по коридору и, когда увидел приоткрытую дверь, нырнул в нее и успел раньше, чем люди вышли из комнаты.

Мне слышно было, как кто-то спросил:

— Ты что не идешь? Там раскладывают.

— Надоело сидеть. — Это голос Александры.

— Скоро домой поедем.

— Скорей бы.

— Что-то ты не азартная. Обычно бабы азартнее мужиков.

— Я об этом не слыхала.

— А где пленные?

— К Ритке захотелось?

Я придвинулся ближе к двери.

— Тебя не касается.

— Слушай, ты не вешай мне лапшу на уши. «Мерседес» имеешь? Коттедж имеешь?

Она ни слова не сказала обо мне. Разумеется, я не преувеличивал своих мужских прелестей. Значит, у Александры здесь свои интересы. А может быть, ее собеседник не входит в круг доверенных лиц?

Лучше я все-таки выполню просьбу Шейна и проведу его. Без союзников как-то скучно.

Разговор в коридоре замолк — то ли Александра увела собеседника, то ли они зашли в одну из комнат.

Я приоткрыл дверь.

В коридоре пусто.

Я быстро пошел в сторону сорок шестой комнаты. Я старался не перейти на бег — спешить служащие могут, бегать им не положено.

Вот и сорок шестая комната.

Она оказалась двойной, с тамбуром. Правая дверь была заперта, левая поддалась мне.

Ручка у нее была выломана, будто кто-то забыл ключ и не дождался слесаря.

Внутри она была обыкновенной. Возможно, тут располагалась бухгалтерия или отдел кадров. Ведь каждый стадион — организация, которую надо кормить и содержать.

В комнате стояло два письменных стола — друг против друга. Только левый был тяжелым, из темного дерева, и на нем стоял чернильный прибор, увенчанный бронзовым медведем. На правом, ученическом, светлом, лежало толстое стекло, придавившее календарь за 1981 год и полароидную фотографию некрасивой женщины, держащей на коленях плохо различимого младенца.

Окно выходило на пустырь перед ареной, а вот где же выход во внутренний мир, я догадался не сразу. Я тупо переводил взгляд со стола на стол, оттуда на окно. А обыкновенный канцелярский шкаф избежал моего внимания. Хотя он был единственным местом, где можно было что-нибудь скрыть.

Когда же я наконец открыл дверцу, что оказалось нетрудно — она была заперта лишь на щеколду снаружи, — я сразу вспомнил, что граф мне о шкафе уже говорил.

Внутри шкафа было темно, задняя стенка была затянута занавеской до самого пола. Вернее, это была не занавеска, а большая грязная тряпка: задник из спектакля «Собор Парижской Богоматери». Сцена первая — квартал нищих.

Я отодвинул занавес, и сразу стало светлее, потому что там была матовая дверь в мир войны.

Граф не сказал мне, как ее открыть, но, ощупав ее, я догадался, что никаких приспособлений не требуется — надо лишь сильно надавить в центре, и дверь со щелканьем, какое издает, лопаясь, очень большой мыльный пузырь, перестала существовать — пленки больше не было. Только внутренний мир.

Он отличался запахом — вернее, смесью запахов жизни и смерти.

Здесь же, на стадионе, запахов не существовало. Я не решился заходить за дверь — только осматривался. Граф Шейн, который таился за грудой камней, поднялся, увидев меня.

Он глупо улыбался, как человек, спасенный царским декретом от казни в тот момент, когда ему уже накинули петлю на шею.

Но полковник был не один.

Рядом с ним лежал, неудобно и коряво, как лежат люди, которым больно, человек, почти обнаженный, кое-как замотанный бинтами, промокшими от крови. Он показался мне знакомым, но уверенности в том не было — на раненом была посеребренная маска.

— Тебя только за смертью посылать, — проворчал Шейн. Его белое лицо, оттененное короткими темными волосами, казалось покрытым масляными белилами.

— Я здесь в первый раз, — сказал я. — Задержался, простите.

— Помоги затащить тело, — сказал Шейн.

— Кто это?

— Да помоги ты! Неужели не понимаешь, что в любой момент нас могут засечь? Если уже не засекли. Они же всегда наблюдают за дверью.

Я подхватил раненого под мышки, разведчик — за ноги. Он застонал. Мы проволокли его сквозь шкаф в комнату. Шейн сам проверил, что пленка снова затянула дверь, — из зоны боев никто больше сюда не проберется.

Шейн снял с раненого маску. Это был Коршун.

— Почему вы его притащили сюда? — спросил я.

— Считай, что мне не хотелось, чтобы последний ветеран погиб там бесславно.

Полковник говорил неправду. Раньше я не замечал в нем склонности к филантропии.

Он устал и уселся на пол возле Коршуна, который был без сознания.

— Садитесь на стул, — сказал я.

— Отвык. Мне так хорошо. Сейчас отдышусь... А знаешь, я уже решил, что ты заблудился или тебя поймали. Тогда ты расскажешь, кто твои сообщники.

— У меня нет сообщников.

— Это хорошо рассказывать здесь, в веселой компании. А там мы умеем выжимать показания.

— У вас здесь есть друзья? — спросил я.

Он не ответил, а сам спросил:

— Ты кого-нибудь встретил?

Видно, он почувствовал мои колебания.

— Меня бояться не следует, — сказал он. — Я доказал, что не предам.

— Может, у вас не было еще возможности?

— Возможность предать всегда найдется. — Он улыбнулся.

— Коршуну нужна настоящая медицинская помощь, — сказал я.

— Наверное. Но не бойся, он живучий. Мы все, ветераны, живучие. Мы вырабатывали эту живучесть месяцами боев. В основном погибают новички. А если ты пробыл на фронте два-три месяца, у тебя увеличиваются шансы прожить долго. До целенаправленной пули. Так кого ты здесь видел?

— Я разговаривал с Александрой, — сказал я. — И она, насколько понимаю, не стала доносить на меня.

Шейн не удивился имени. Оно было ему знакомо.

— А зачем ей тебя предавать? И кому?

— А с кем она здесь?

— С вождями ветеранского движения, — почти серьезно сказал разведчик. — Они сюда прибыли, чтобы присутствовать при войне. И нажиться на ней.

— Но Александра? Из-за Порейки?

— Считай, что так, — сказал полковник. Он лгал. Второй раз.

— А что делать дальше?

— Дальше я бы попросил тебя... — Он тяжело поднялся, держась рукой за стену. — Здесь воздух плохой, — пояснил он. — Изгоняет из тебя жизнь за полгода... О чем я? Да, я хотел бы попросить тебя побыть немного с Коршуном. Ему может стать хуже... Мало ли что? Мне не хочется, чтобы Коршун погиб здесь.

— А вы?

— Мне надо посмотреть, где люди, с кем я могу увидеться. Это в наших общих интересах.

Мне не хотелось оставаться здесь. Как в ловушке. Кто войдет — может взять меня голыми руками. Но и кричать вслед разведчику: «Я с вами! Не покидайте меня!» — я не мог.

Я стоял посреди комнаты. Коршун лежал у моих ног, скрытый столами от случайного взгляда от двери.

Мне было слышно, как шаги Шейна быстро удаляются по коридору.

Я попал в глупое положение. Вместо того чтобы разведывать, вынюхивать, узнавать, я стал игрушкой в руках человека, целей которого не понимал.

Чтобы не тратить времени даром, я решил заняться Коршуном.

Раненный и измученный, он еще более стал походить на хищную птицу, лицо потемнело, осунулось — нос, чуть загнутый вниз, смотрелся клювом.

Я вынул из шкафа шляпу и подложил под голову Коршуна. Больше ничего, заменяющего подушку, в комнате не оказалось.

Коршун был обнажен по пояс, вместо бинтов врачи использовали не очень чистые тряпки, но и в этом я вряд ли мог бы помочь своему командиру роты. Чище тряпок у меня не было. Так что мне ничего не оставалось, как поправить повязки, одну из них перемотать снова.

Тут Коршуну стало больно, он открыл глаза, узнал меня.

— Меня Гришка сюда приволок? — тихо спросил он.

— Я не знаю. Это разведчик. Граф Шейн.

— Гришка, — сказал Коршун. — Я его откуда-то знаю. Давно. Но все время ускользает. Откуда у меня с памятью неразбериха? Две памяти, две жизни. Тебе скучно?

— Мне не скучно. А почему Гришка?

— Когда-то и где-то он был Гришкой. Ты не понимаешь?

— Кажется, понимаю.

— Жалко, что меня не убили. Ты видел, что ублюдки с Надин сделали?

— А ты уверен, что так и было?

— А ты не уверен? — Его взгляд стал осмысленным и острым.

— Я здесь ни в чем не уверен.

— А почему? — Постепенно дар речи возвращался к нему.

— Кто и зачем пришел в госпиталь с видеокамерой? Разве не странно, что ублюдки ни разу не обернулись и не заметили, что их снимают?

Коршун думал. Но так ничего и не сказал.

Я подошел к двери, чуть-чуть приоткрыл ее и выглянул в коридор.

Там было пусто.

— Пить хочется, — сказал Коршун. — Жутко как хочется. Я славно этому гаду врезал?

— Славно, — согласился я. — А разве по правилам можно выходить на бой, если твоего рыцаря уже убили?

— А почему нельзя?

— Потому что их рыцарь уже устал.

— Кто об этом думает! — сказал Коршун. — Можешь воды принести?

— Шейн просил тебя стеречь.

— Ничего со мной не случится. А если придут, то мне что с тобой, что без тебя. А Шейн меня не заложит. Я его палочка-выручалочка.

Я поверил Коршуну. Шейн волок раненого, рискуя жизнью, потому что ему это было выгодно.

— Хорошо, — согласился я. — Пойду посмотрю, где можно достать воды.

Я вышел в коридор. Коршун был прав: стоять возле него — лишь усугублять опасность для раненого. Случайно заглянувший в комнату человек и не увидит его.

Я шел спокойно и деловито — полагая, что шапочки служителя и уверенности в себе достаточно для того, чтобы стать незаметным.

Я не знал, где здесь берут воду. Может, найти туалет?

Я дошел до центральной лестницы. Очень широкой, со стесанными бетонными ступенями.

И хоть коридор был пуст, пустота была иной, чем полчаса назад.

В ней царило внутреннее оживление. Невидимые, но странным образом ощущаемые люди пробегали рядом, соседними коридорами, лестницами, перекликались и звенели посудой.

А может, это было время проснувшихся теней?

Но вот и реальные голоса. Негромкие, уверенные в себе.

Я остановился там, где коридор пересекал центральную лестницу — еще один пролет вверх, и она выводила на площадку перед балконом.

По лестнице снизу медленно поднималась группа людей, одетых разнообразно, но с одинаковым презрением к здравому смыслу.

Сначала ты видел просто людей. Просто одетых людей. Потом ты понимал, что одежду они добыли в костюмерной провинциального театра, где остро не хватало нужных вещей.

Впереди выступал мужчина средних лет, со строгой осанкой, облаченный в длинный сенаторский плащ с пурпурной каймой и черный цилиндр не первой свежести. На голых худых ногах, по щиколотку скрытых под плащом, были сандалии, но не римские, а те, что носили дачники лет пятьдесят назад — такие я видел в каком-то старом фильме.

Когда же этот человек приблизился и, медленно, как гриф, поворачивая маленькую лысую головку, окинул взором окрестности, я понял, что он очень стар. Он лишь притворяется мужчиной средних лет. Когда-то он потерял свой возраст, остался в прошлых годах.

На полшага сзади шагали три других сенатора — я условно называл их сенаторами, хотя одеты они были в той же костюмерной сумасшедшего театра. Один из них раздобыл придворный камергерский камзол, наверное, из «Анны Карениной», и шотландскую юбку-килт, а двое других были в вечерних фраках и кальсонах, далеко не новых, поношенных и даже ветхих.

За ними следовало несколько служителей, в таких же, как у меня, каскетках, с кинжалами у пояса, вид у них был воинственный, но лишь на расстоянии — они тоже на поверку оказались ряжеными.

Вся эта процессия подымалась к балкону.

На опустевшей лестнице показался Одноглазый Джо, которого я видел в последний раз в вагоне-холодильнике, где он, вернее всего, играл роль того быка, которого запускают на бойню впереди стада. Он идет, оборачивается и говорит другим баранам и быкам:

«Видите, я здесь — и жив, и ничего плохого не случится».

Сенаторы подошли к главному входу на балкон. Служители распахнули перед ними двери. Сенаторы шли медленно, идти им было нелегко, а лифт, видно, не работал. Они не были старыми, по крайней мере не все были старыми. Но казались изношенными и древними. Они даже не разговаривали между собой, словно все давным-давно уже было переговорено.

Одноглазый Джо не стремился их догонять. Он остановился посреди лестницы на площадке, откуда расходились коридоры. Закурил.

Где же добыть воды?

Служитель поднимался снизу, он нес поднос с бутылками. Для сенаторов. Я последовал за ним. Джо кинул на меня взгляд, но я сделал так, чтобы он не узнал меня. А так как он не ждал меня увидеть и подчинился легкому наваждению, я уверовал в то, что Александра промолчала и не выдала меня. Хотя непонятно почему.

Я вошел на балкон. Интересно, что, кроме каскетки, ничто

на мне не указывало на то, что я — служитель. И все же окружающие, даже без моих усилий скрыть свою суть, видели лишь служителя.

Мой коллега расставлял на столе бутылки. Это была вода «Ессентуки» с каким-то номером. Я обычно стараюсь не покупать «Ессентуки», там бывают соленые и даже сернистые разновидности. Но, наверное, раненому все равно, есть привкус или нет, — была бы вода мокрой.

Я протянул руку за бутылкой, но служитель сказал, не оборачиваясь:

— Рано еще разносить, погоди.

Он поставил последнюю бутылку на стол и ушел, размахивая подносом.

Сенаторы расселись в креслах.

Перед ними был барьер балкона, и я знал, что, если перемахнуть через него, свалишься прямо к нам в окопы.

Но им не было нужды прыгать или даже заглядывать вниз. Перед ними располагался большой, метра три на четыре, экран — общий вид фронта, с обеих сторон.

Помимо этого, перед каждым из сенаторов были дисплеи компьютеров — некоторые с бегущими строками, другие с увеличенными участками поля боя.

По крайней мере теперь я увидел тех, кто наблюдает за войной. Мне захотелось подойти поближе и посмотреть, как там мой взвод, жив ли Ким.

Мне показалось, что я различаю мою яму и в ней Мордвина.

Вдруг один из сенаторов оглянулся. Почувствовал мое присутствие. Он пронзил меня все еще острым черным взором, глубоко утопленным в черепе под бровями глаз, и, то ли увидев во мне опасность, то ли желая отделаться от источника раздражения, махнул мне тонкой рукой — рукав халата съехал к плечу, обнажив жилы, — уходи, мол, не путайся под ногами.

Я взял две бутылки воды и пошел прочь.

В коридоре я никого не встретил, хотя прошел мимо одной двери, из-за которой доносились голоса.

Я открыл нашу дверь и тихо сказал:

— Это я, Коршун, не бойся.

— Я не боюсь.

Я присел возле него. Он тяжело дышал, лоб был в испарине. Бинт на груди набух от крови.

— Воду принес? — спросил Коршун.

Я отодрал крышечку об ухо медведя на письменном приборе.

Коршун пил из горлышка.

Я не дал ему много пить. Он не обиделся. Я сказал ему, что постараюсь его перевязать снова, чтобы он не истек кровью.

— Давай, Седой, — сказал Коршун. — Мне еще нужно встать и сделать свое дело.

Он не стал ничего объяснять.

Я скинул куртку и стянул майку. Конечно, она была не самой чистой майкой на свете, но других бинтов у меня не нашлось.

Я разорвал майку.

— А что здесь? — спросил Коршун.

— А ты здесь не бывал раньше?

— Даже не знал, что город с этой стороны. Он же сзади.

— Это другой город, — сказал я.

Ему было трудно говорить. Он закрыл глаза. Я размотал кое-как накрученные бинты.

— Это не доктора, — сказал Коршун. — Это коновалы.

— А ты думаешь, что здесь нужны доктора?

— Если нельзя быстро поставить человека на ноги, если воевать не будет, они помогут ему убраться. Я точно знаю.

— Значит, тебя считали...

— Со мной все в порядке, я оклемаюсь. Дай еще водички. «Ессентуки», что ли?

— А ты помнишь?

— «Ессентуки» помню.

— Шейн говорит, что со временем люди вспоминают все больше, поэтому их и убирают.

— Гришка прав, — сказал Коршун. — Если ты стал вспоминать, значит, ты обречен. Шундарай тоже стал вспоминать.

— Ты веришь в город, который защищаешь?

— Я уже ни во что не верю. Во мне осталась одна злость... Ты что делаешь?

Мне пришлось приподнять его, чтобы размотать бинты, которые не останавливали кровь и не скрывали рану, а лишь врезались в нее, закрутившись жгутом.

— Потерпи, — сказал я. — Я хочу как лучше.

— Все хотят как лучше. Даже когда из меня делают шашлык, хотят, чтобы он был красивым.

— Постарайся обойтись без афоризмов. Ты ведь не собираешься заниматься политикой.

— У меня есть дело. Поэтому я и терплю. Одно дело. Потом можно и уходить от вас в сияющие дали.

С помощью самодельного бинта сделать перевязку было нелегко, и получилась она лишь чуть получше, чем раньше.

— Значит, ты не знал, что тебя здесь ждет? — спросил я.

— Я и сейчас не знаю, — сказал Коршун.

— А я их видел.

— Кого?

— Тех, кто наблюдает за нами.

— Пускай наблюдают, — сказал Коршун. — Но если Гришка прав, то им еще придется покрутиться, прежде чем я сдамся. А их много?

— Хозяев меньше десятка. С ними обслуга и охрана.

— Ничего, справимся.

— Может, расскажешь мне, что у тебя за проблема?

Я старался расположить его к себе, внушая ему, что я — его единственный друг.

В этом не было лжи, потому что по крайней мере я не был его врагом.

— Пускай тебе расскажет Гришка, — сказал Коршун после долгой паузы. — Я обещал ему молчать.

— Мне не нужны твои тайны. — Я не скрывал, что задет отказом.

— Это связано с Надин. Гришка говорит, что она жива. Что все было инсценировкой.

Может быть, Шейн был прав. Но тогда какого черта тащить израненного, почти неподвижного человека сюда, в диспетчерскую войны, чтобы он убедился в том, что все насилие над Надин было лишь инсценировкой?

Кто-то из них говорит неправду. Или Коршун, или Шейн.

— А как вы хотите это... как ты намерен убедиться?

— Они что-то придумали. — Коршун чуть улыбнулся. Он ослаб так, что лежал плашмя, нос — к потолку.

Но тут вернулся разведчик.

— Как у вас дела? — Он плотно прикрыл дверь.

— Так себе дела, — сказал я. — Кровотечение. Я воду ему принес.

— Да он что, потерпеть не мог? Где ты газировку добыл?

— На балконе, — сказал я.

— Я же просил, чтобы ты не выходил. — Шейн был расстроен.

— Я в шапке. А слуг не принято замечать.

— Ну что, она придет? — не вытерпел Коршун.

— Нет. Они заперты. Там она не одна. Надо подождать.

— Я не могу долго ждать. Я скоро кровью истеку.

Разведчик даже притопнул ногой, как рассерженный ребенок.

— Какого хрена я тебя тащил? На что ты мне нужен?

— Вот это меня и удивляет.

Коршун говорил медленно, ровно, стараясь не тратить сил на слова. Он даже головой не шевелил.

— Тогда потерпи еще, — сказал Шейн и вдруг молча, словно боялся, что мы станем его задерживать, выскочил из комнаты. Он был почти в истерике.

— Будем ждать, — сказал Коршун. Потом он медленно повернул голову ко мне и вдруг подмигнул. — Даю тебе задание, — сказал он. — Как комроты своему сержанту. Иди и сам разберись. Не доверяю я Гришке.

— Тогда скажи, откуда ты его знаешь?

— Какая-то связь у нас есть. Но забыл. Я много чего забыл... но главное помню. Учти.

В голосе звучала угроза. Он надеялся, что выздоровеет и наведет порядок в этой жизни.

Его пожелание совпадало с моими намерениями. Чем дольше я прячусь, тем хуже для дела и для меня. Сейчас я завишу полностью от Шейна, а он мне, как и Коршуну, не нравится.

Из коридора донесся звон, перешедший в звук сирены. Ноздри Коршуна задрожали, как у боевого коня.

— Боевое время! — сказал он. — Посмотреть...

— Что-то мало времени прошло, — сказал я.

— А у нас это сериями. Четыре-пять боевых времен, а потом большой перерыв — а то народу не останется. Здесь все рассчитано.

Он наводил справедливость в пределах навязанных ему догм. В его сознании перемешалось освобождение от внедренной памяти и ее гнет.

— Ты поищи Надин, — попросил он. — Спроси, у кого сможешь. Здесь должны быть свои ребята, ветераны. Наши ведь везде есть, Россия великая страна, всегда где-нибудь воюет.

Дышал он мелко и часто.

— Я пошел.

— Не задерживайся, — сказал Коршун. — Хочется досмотреть.

Я вернулся на балкон.

В дверях меня не остановили. Экран горел — как хорошо видно! Общий план — наезд на поле боя.

Для того чтобы не выделяться из небольшой галактики служителей, я отступил к столам с закусками и прохладительными напитками, которые, правда, не имели большого спроса — внимание сенаторов было поглощено тем, что происходило внизу.

Я не сразу заметил моих земляков. Но они, оказывается, собрались тут же в дальнем конце балкона, между ними и сенаторами была широкая нейтральная полоса.

У них там тоже был экран. Один на всех. На широкой ограде балкона лежали листки бумаги, на которых они что-то писали.

И вдруг я понял, что это означало, — это были бега, ипподром!

Вот они сидят: Порейко, толстый генерал, сам Рустем, Одноглазый Джо, Одуванчик, Александра... моего разведчика нет.

Александра заметила меня. Странное чувство — лишь она меня различала, для остальных я не существовал.

Она поднялась и пошла ко мне.

Проходя мимо, она кинула мне:

— Следуй за мной.

Мы остановились в коридоре, в стороне от входа. Здесь никто не ходил — все внимание уже было приковано к земле, к внутреннему миру — начиналось боевое время.

— Ну что ты здесь ходишь! — накинулась на меня Александра. — Ну простоишь пять минут, десять, и кто-то обязательно тебя опознает. Тебе что от них нужно?

Часть IV

АЛЕКСАНДРА

Ей уже надоел этот милиционер. Она почему-то не сомневалась, что он милиционер — не разведчик, не из ФСБ — милиция.

Он обязательно попадется.

А парень хороший и совершенно не понимает, против какой системы он выступает.

Она бы давно могла его сдать тому же Порейке, который чудом его до сих пор не заметил. Но не сдавала — инстинктивно собирала себе союзников.

Графу Шейну она обещала взять его с собой.

Но сама не была теперь уверена, что их отпустят. Ну ладно, этих, из центра, сенаторы не тронут — они же поставщики мяса. А вот ее и Порейку, а уж тем более Одноглазого Джо могут и кинуть вниз. Ведь Меховск они уже обработали, теперь пойдут к Костроме или к Белозерску — они последовательно идут по России.

И все же скорее их отпустят — сенаторам нужны были добрые отношения с поставщиками. А если сегодня они схватят Порейку, то завтра слух об этом пройдет по всем поставщикам, и черта с два ты наберешь людей без «Союза ветеранов — XX век». Так что давайте считать, что мы здесь — как на экскурсии. Наградная экскурсия.

Порейко получил семь тысяч баксов. Она знала. Он не мог не похвалиться.

Сколько же имеют генерал и Рустем?

Но главное — не это. Главное — вытащить Витю. Может, он уже мертвый. Почему-то Гришка не появляется. А как использовать этого... Гарика? Сколько ему можно сказать? Сколько он поймет? Ведь его обрабатывали вместе с остальными, но, по всему судя, он ничему не верит. Таких надо стрелять на месте, как Гришку-разведчика.

— Ну чего ты здесь шляешься? — в сердцах спросила Александра, когда вытащила любопытного милиционера наружу. — Простоишь ты минут семь-восемь, и тебя кто-то обязательно вычислит. Чего ты здесь ищешь?

Он какой-то простодушный, глаза блестящие, я бы сказала — с юмором. Скорее приятный, чем наоборот.

— Я обратно хочу, — сказал он. — Ты же знаешь, я сюда попал не совсем по своей воле.

Я мало о нем знала — может, и в самом деле заманили.

Ведь какой договор у наших руководителей с этими, отмороженными? «Союз ветеранов — XX век» поставляет им пушечное мясо, условно говоря — никому не нужных ветеранов. За каждого Союз получает по тысяче баксов. Доставку и уничтожение отморозки берут на себя. А местные отделения за сотрудничество и организацию получают единовременно. Это мой лысенький мне выложил — немощные мужики жутко любят, чтобы их уважали в постели. Не знаю, зачем им это нужно. И всегда хотят уважения за то, чего у них нет. Малочленик хочет, чтобы его уважали как быка-производителя, а дурачок — чтобы видели в нем Карла Маркса. Мой-то покровитель хотел одного — всеобщего почета и уважения от любой шлюхи государства. Кстати, я к ним имею самое прямое отношение. Раньше и не подозревала, собиралась стать ботаником или палеонтологом, книжки читала!

Раз у Порейки или генерала есть договор, а платят с головы или с группы, то надо набирать «бревна» — их в официальной переписке называют «бревна»: «Пересылаю вам по ж/д восемнадцать бревен высшего качества».

У них всегда бревна высшего качества. Впрочем, отморозки к этому относятся спокойно. Сколько-то богатырей всегда найдется. Надо их обработать, а потом все равно всех перебьют. Пока связь есть, люди будут.

Я не удивлюсь, если в холодильник засунут и нежелающих. Для круглого счета. Под наркозом. Иначе как Ритка там могла оказаться? Чего только не бывает!

— Не верю я тебе, — сказала я Гарику. — Но дело твое. Живи.

— А обратно вернуться? — спросил Гарик. — Внутрь, на войну?

— Как ты вернешься? Там же охрана! Они очень следят за выходом. Без пропуска... на виду? Нет, не пойдет.

Он вовсе не расстроился.

— Значит, тебе известно, когда и как домой возвращаемся? — спросил он с прямодушием идиота.

О чем я ему и сообщила, тоже с прямодушием. Гарик не стал обижаться. Не хотелось ему рисковать.

Теперь уже набралось несколько мужиков, которые от меня зависят — по разным причинам. Полгода назад я об этом не мечтала.

...Полгода назад я приехала к Вите в Рыбинск, как и обещала. Хоть и не обещала.

Я не хотела к нему ехать. Расстались — значит, расстались. Что я, без этого козла не проживу?

Это мои проблемы.

Если непонятно, то уточняю. Я была студенткой. Первый курс, областной пединститут. Птичка из пролетарской семьи. О замужестве и не мечтала, берегла девственность. И вот — Витечка. А он, бывает же бабье несчастье, не способен долго сидеть на месте и делать полезное обществу дело.

Судьба столкнула нас в Крыму, в доме отдыха «Красный водопад». Тогда все места были красными, включая водопады. Представляете — водопад низвергается кровью! Витечка не был самым видным или сильным — он был особенный. И во мне произошел обвал. Девке девятнадцать, жизненного опыта — никакого. Он тоже проникся. Нет, честно, он полюбил меня. Бывают же в жизни даже последнего подонка светлые полосы? А Витечка не подонок — он просто легкомысленный. А я в него влетела, как «Студебеккер» в Кремлевскую стену. И он мне проговорился, что собирается в Приднестровье заколачивать бабки. Там хорошо платят за кровь. Я ни фига в политике не секла. Платят так платят. И вдруг мой Витечка, который снится мне в рыцарских доспехах, сматывается в это Приднестровье, которое я и на карте не найду, а меня с собой не зовет.

Что делает в таком случае невеста декабриста? Читали? Вот и я читала. Я забываю о начале семестра и несусь в Тирасполь устраиваться на работу поближе к моему суженому.

А там идет война и стреляют.

В общем, приближение к Витечке приводит меня в госпиталь. Должна же быть Маруся-санитарка или — как меня там? — Тамарка-санитарка. Наверное, я бы пошла по рукам, но меня хранила большая любовь. Витечка был рядом. Война как кроликов рожала легенды и суеверия, даже смешно. Все у нас ловили «белые колготки», прекрасных девушек-снайперов, причем литовских, видно, Литва показала свою неверность нашему славному Союзу. Было лето, я купила белые колготки — надо же, продавались, и недорого. Вот меня и взяли добровольцы из Ставрополя и рассказали, что со мной сделают. В тот день я впервые реально поняла, как плохо быть бабой на войне. О таких вещах рассказывать не хочется и не надо. Это я самой себе сейчас рассказываю.

Перед тем как расстрелять меня, вроде бы как убийцу их

командира и еще славных ребят, эти казачки решили пропустить меня через весь взвод.

Это только в кино спасение приходит, когда герой уже сунул голову в петлю, но не успел даже испугаться.

Я испугалась. На всю жизнь испугалась.

Витечка примчался, когда несколько героев уже успели удовлетворить свою благородную страсть. Что обидно — даже в этом не было спасения, потому что казачки, отважные в тылу, послали Витечку куда подальше, заявив, что им лучше знать, кто «белые колготки», а кто героини медицинского фронта. Очень, видно, им понравилось мое юное тело, очень им хотелось моих скромных ласк.

Так что спас меня не Витя, а наш хирург Гурген, который давно по мне сох. Но после тех событий он от меня отвязался. Я думаю, у него были серьезные намерения, может, и жениться хотел. А кто будет жениться на девушке, которую так подпортили казачки?

Витька, правда, вел себя прилично. Особенно когда ему зашили морду, расквашенную в борьбе за мою честь. Он сказал, что женится, а я сказала, что пускай он сначала дезертирует. Но Витька — ведь он герой. Первый в классе, первый на зарядке. Он не мог оставить корешей спасать товарища Смирнова от молдавских угнетателей. Так что я уехала домой, к маме, в Саратов. Клясть свою судьбу.

Он примчался. И мы поженились. Как мне быть — поженились! И прожили полгода, пока пушечное мясо не потребовалось на Луне. Я условно говорю про Луну. Ну ладно, говорю я ему, ладно, если ты защищаешь родину от немецко-фашистского нашествия. А тут ты кого защищаешь?

Он даже стал сердиться. Оказывается, он защищал справедливость и так далее.

Но была пауза. Войну в Чечне Витечка не одобрял — ни с той стороны, ни с этой. Не полез. И то слава богу.

Витечка отправился к своим ребятам в Рыбинск. Хватит, сказал он, нам с тобой бедствовать. Честным трудом на пирожное себе не заработаешь.

Сказал, что там есть работа на одну структуру.

Я, дура, развесила уши.

Он живет в Рыбинске, я, верная жена, в Саратове, и с каждым днем мне становится все хуже.

Не нравится мне что-то. А что — не знаю.

Витя не пишет. Правда, он никогда не писал. И не звонит. Правда, никогда не звонил. Говорил, что деньги экономит.

Но когда за мной ухаживал, забывал об экономии. Не я ли его с поля боя выносила? Не я ли ему кровоточащие раны перевязывала?

Ну ладно, шутки в сторону. Я маюсь, подозреваю, что он нашел себе другую, ненасилованную, свежую и душистую.

И собираю вещички, прощаюсь с родными и знакомыми — и в Рыбинск.

У меня был его адрес в Рыбинске. Адрес кореша Валеры. К нему я и заявилась. Но у Валеры никого дома нет. Прописан, конечно, Валера, бутылки стоят у двери, пустые. Соседки утверждают — был здесь такой Витечка, жил у Валеры. Вместе они куда-то рванули.

Вы не видели в кино, что может сделать любящая женщина? Верная кошка? Она может буквально перевернуть горы. Я провела два дня в беседах с соседками и собутыльниками. Кое-что мне удалось узнать. Оказывается, Витечка вместе с другом Валерой посещали местный «Союз ветеранов — XX век». Там их подкармливали и обещали послать подальше — в прямом смысле этих слов. Витечка и одной шлюхе местной — мне и с ней пришлось пить мартини — признавался в постели, что скоро они уедут наводить очередной порядок в очередной непокорной республике. А вот когда накопит деньжат, то вернется к Александре. То есть ко мне. Это меня порадовало. Но не очень. Хорошо иметь мужа, но еще лучше, когда знаешь, где он скрывается.

Я сама — ветеран. Потому и отправилась в местное отделение Союза. Но решила не кричать с порога — отдайте мне мужа! Лучше посмотрю, с кем это мой Витечка общался в последнее время.

В этом ветеранском клубе — полная тишина и почти пустота. Сидит какой-то сморчок, ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!

Потом выскребла я все-таки из него любопытную информацию. Все, оказывается, уехали в неизвестном направлении. И ветераны, и начальники ветеранов, числом около полусотни. Он говорил, а я понимала: врет.

И чем больше он говорил, тем дурнее мне становилось. Знал он правду или нет, до сих пор не могу сказать.

Вы еще не знаете, какая я настырная. Мне бы следователем работать. Или в независимой газете. Правда, пристрелили бы меня через пару недель.

Тем же вечером я забралась в эту комнату — они снимали комнату на втором этаже Дома культуры речников имени тов.

Щербакова. Я вскрыли их шкафы — честное слово. Нашла там дохлую мышь, до черта банок из-под пива и бутылок от водки, а на нижней полке кое-какие бумажки. В том числе список этой славной ветеранской организации с адресами.

И пошла я по адресам. Честное слово — мне очень хотелось Витечку отыскать, а сторожу-сморчку я не поверила.

Оказалось, что по этим адресам никто не проживает.

Кое-что я все же обнаружила. Почти все ветераны, что жили в городе, оказались не просто ветеранами, а людьми одинокими и безработными. То есть их никто не хватился и хватиться не мог.

Были соседи, были друзья, изредка встречались собутыльники, но близких людей не оказалось.

Чего только не вытянешь из народа, если этот народ готов к разговору с красивой бабой. Ничего, что я себя красивой называю? Это не мои фантазии, меня так называли незаинтересованные люди.

На третий день я знала, что все пропали одновременно. Ушли из своих берлог и сгинули. Один собрался на рынок за картошкой, другой намылился на рыбалку, третий решил посетить тетю в деревне — все в один день и час.

Этих ребят объединяло лишь то, что они состояли в «Союзе ветеранов — XX век» и там получали льготы и пособия, а может, и не получали.

У меня возникла светлая мысль — пойду в городскую газету и расскажу, что пахнет сенсацией. Раньше можно было бы в райком сходить, а теперь — третья сила! Третья власть! Черт его знает — какие две первые? Тут же я себя остановила.

У меня женская интуиция. Женщины ближе к природе, мы от нее не оторвались. У нас нюх звериный, у нас бывают такие предчувствия, что мужикам и не снились.

Казалось бы, ребят повезли в какой-нибудь летний лагерь. Или работка подвернулась вагоны разгружать. Ведь войны никакой близко нет. А у меня внутри звоночек — здесь неладно! Здесь «белые колготки» по чердакам рассованы.

Плохо, что Рыбинск — не такой уж маленький городок. Если был бы маленьким, не делили бы его между вождями. Мне там один краевед сообщил, что Рыбинск уже успел побывать городом Щербаковом и даже Андроповом. А потом обратно — Рыбинском.

Так вот, этот город не так велик, чтобы в нем потеряться, и не так мал, чтобы каждый был на виду.

Пока я вела свое расследование, я все старалась найти следы этого ветеранского Союза повыше — в области, в Москве. Через неделю я уже была в Ярославле.

Я не скрывала — хочу найти мужа, к тому же я настоящая ветеранка, есть документы и даже удостоверение на Крест за оборону Приднестровья — какой-то казачий атаман раздавал.

В Ярославле я нашла областное отделение «Союза ветеранов — XX век». Я спокойно вошла туда прямо с улицы. Настоящая контора, с секретаршей.

Теперь важны детали. Сначала я заявила, что хочу стать на учет. Мымра-секретарша меня выслушала и сказала, чтобы я шла гулять, они кого попало не записывают. И по ней было видно: она приняла стратегическое решение — меня в Союз не допускать. И тут уж показывай не показывай кресты! Не поможет!

И тут — открывается дверь. Крики, возгласы, объятия — из командировки вернулось начальство. Все эти же самые — генерал, свита и доверенное лицо — товарищ Порейко. Мымра вопит: «Как съездили? Какие впечатления?» Генерал кричит: «Сейчас в ванну! Сейчас в ванну!» Порейко кричит: «Сейчас в баньку!» И я поняла — мой светлый час настал!

Я — шаг к генералу и спрашиваю:

— С каких это пор боевых ветеранов внутренних войн не пускают даже на порог? Какое имеют право меня гнать?

Надо сказать, что произнесла я это очень убедительно.

Так была восстановлена справедливость, и «Союз ветеранов — XX век» пополнился новым членом с неоконченным высшим образованием.

В тот же вечер я уже сидела с ними за праздничным столом. И узнала, что среди тех, кто был в «командировке», начальник Рыбинского отделения, отправивший, как я теперь знаю, моего Витечку на войну, с которой не возвращаются.

Но когда еще шел процесс знакомства, глаз на меня положил товарищ Порейко. Я тянулась к рыбинскому деятелю, который оказался «голубым» и на меня — ноль внимания, а Порейко уже решил перетянуть меня в Меховск с корыстными целями.

Наверное, это был самый трудный и утомительный вечер в моей жизни.

Но провела я его блестяще.

После распития спиртных напитков в неумеренных дозах и сексуальных игр с отвратительными мужиками к утру мне стало известно, что есть какое-то место, где идет постоянная война за освобождение рабочего класса и крестьянства от чер-

товых сионистов-дерьмократов. Вот на эту войну и отправляются — конечно же, тайком — наши славные ребята. Там же воюют все исчезнувшие ветераны из Рыбинска. Берут на эту славную и очень выгодную войну только верных людей, без родственных связей. Там и остались Витечка и Валера. Потом вернутся. Но не скоро.

Я не раз изъявляла желание последовать примеру ребят и тоже пойти на войну, но я была не такой пьяной, чтобы признаться в знакомстве с ними, но мне стали говорить, что таким красивым бабам, как я, следует оставаться в рядах руководства, что нужны помощницы в трудной работе здесь.

Правда, как только заходил разговор о том, где же эта война и как мне на нее попасть, все они, независимо от выпитой дозы и степени идиотизма, замолкали. Чего-то очень боялись. Зато, перепившись, хвалились передо мной своей боевой добычей. Добыча заключалась в камешках, золотишке и так далее — как будто они разграбили ювелирный магазин. Я-то думала, что наемникам платят баксами — но оказалось, металлом.

Я узнала еще одну важную штуку. Откуда будут следующие наборы. В частности, из Меховска, месяца через три. А меховской волостью командует Порейко. Близкое лицо к государю императору, как говорилось в одной детской книжке. Будь моя воля, выбрала бы город поближе, но в Кашине и Кимрах у меня не было связей.

Дальше все было делом техники.

На следующее утро, протрезвев немного, я села в Рыбинске в «газик» и рванула в обществе Порейки в славный город Меховск.

Следующую ночь я провела в койке товарища Порейки, который оказался никудышным любовником, но мне кудышного и не нужно было. Ведь я допустила его в койку исключительно ради моего Витечки.

Через день я получила место официантки в кафе «Синий ветер». Я сама так пожелала. Мне нужна была «крыша», нужна была независимость. У Порейки была семья в Ярославле, но здесь он был начальником, на виду — это я ему разъяснила, а он понял и высоко оценил мою девичью тактичность. Я получила комнату со всеми удобствами.

Еще через три дня я сложила два и два и поняла, что никакая это не война — просто какое-то фантастическое место, про которое в передачах по телевизору рассказывают, — летающие тарелочки и так далее. Туда отправляют ветеранов,

которые все равно ни на что уже не годятся, кроме как воевать насмерть.

Ветераны убивают друг дружку, тамошнее, блюдечное, или какое еще другое начальство щедро расплачивается с руководством «Союза ветеранов — XX век» за каждую отрубленную голову. И платит славно.

Об этих деталях я узнала, когда приучила к себе Порейку. Я играла роль безответной доверчивой телки, которая не думает ни о чем, кроме изысканных вкусов своего повелителя. Господи, что только мне не пришлось перетерпеть от плешивого вождя в койке. Никому не расскажу, а то дойдет до Витечки, и он, несмотря на то что это были жертвы на алтарь нашей любви, задушит меня, как Отелло.

Порейко всех боялся, своих соратников в первую очередь. Он, например, купил «Мерседес» не первой свежести, но вместо того, чтобы катать меня по окрестностям, он спрятал его в сарае и заявил, что день еще не пришел. Я спрашивала его, когда же придет тот славный день, а Дима только отмахивался и принимался скрести свою лысину частым гребнем.

Но где-то через месяц он стал доверять мне больше, чем мужчинам. Он меня перевел в разряд «мам», полагая себя моим ласковым сыном, все груди искусал, мерзавец!

Зато начал приносить ко мне ценности. Оказывается, он получал свою долю как член руководства. Например, продали эти стервецы команду из Кашина, ему отстегивается десять или пять процентов. А раза два, он хвастался, его даже брали Туда. Но что Там, он даже мне не говорил. Облизывался, пучил глаза и изображал сома на песке.

Чем ближе подходил срок отправки из Меховска, тем чаще он мечтал вслух, лежа рядом со мной и гладя меня холодными как лед ногами (ненавижу у мужиков ледяные конечности!). Он говорил, что увезет меня в Швейцарию и буду я царицей мира.

Я благодарила как могла, хотя сами понимаете, что мне эта Швейцария, пять Швейцарий, десять Швейцарий! Я должна выручить Витю.

И вот этот стервец Порейко готовился сдать своих мальчиков. Они к нему ходили, называли по имени-отчеству, хоть он и не местный, даже стенгазету делали, как пионеры в лагере! Они — мальчики, у них развитие остановилось.

Когда он сдаст меховцев, то получит половину от платы и еще слетает Туда, на блюдечко, где тоже можно выиграть — только я тогда не знала как.

И ему не было жалко ребят. Он торопил время — скорее бы наступал День.

— А что же ты будешь делать, когда вернешься? — спрашивала я. — Ведь кто-то может спросить, куда делись мальчики.

Вот тут он и начинал мне плести про Швейцарию. И утверждал, что предыдущие председатели местных организаций, которые сдали ветеранов, уже там, в Западной Европе.

За этот месяц приезжал пару раз генерал — готовили переброску. Я уже знала, что это сделают через вагон-холодильник, специально обработанный для переброски, — деталей не знаю и не интересовалась, я вам не Эйнштейн!

И я начала культивировать в Порейке ревность. Он должен был трепетать от мысли о том, как я от него сбегу. А сбегу я немедленно, как он оставит меня одну.

Времени было мало. Уже приезжал генерал. Я обещала генералу свои скромные прелести. Но не здесь — я уже знала весь механизм, запущенный этими работорговцами. Главным для них было одно: никто из проданных на войну ветеранов не должен возвратиться на Землю. Эти гады хотели, чтобы я стала вдовой, не обретя радостей материнства! Нет уж, не выйдет, господа! Вам нужны великие потрясения — а мне всего лишь Витечка.

— Они все забывают, счастливые люди, — исповедовался мне Порейко. — Они не помнят ни своего имени, ни своего прошлого. Они думают, что защищают родину, что за их спинами — родной город.

— А на самом деле?

— На самом деле это вроде стадиона, где бьются гладиаторы, а зрители делают свои ставки...

— Это бесчеловечно!

— Дура! Мы дарим им смысл жизни! Ветераны в нашем Союзе не имеют ничего за душой. В восемнадцать лет их отправили на несправедливые и жестокие войны и научили убивать и бояться мести тех несчастных, которых они обездолили и осиротили. Их сделали трусливыми и равнодушными убийцами. Они живут от пенсии до пенсии, а порой они и пенсии не выслужили, потому что их разыскивает милиция. Они забыли умереть, мы помогаем им — дарим для этой смерти.

— А как же они не догадываются, что воюют сами с собой?

— Они уверены, что воюют с чужими. Тех, их врагов, набирают в другой структуре. Они не то чтобы черномазые, но их везут с юга. Даже если снять маску, наши все равно увидят чужих. В последние годы нам положено было воевать с черноза-

дыми. Война продолжается. Что чечен, что молдаванин, что душман — все одна сволочь. А у них — вот что смешно! — у них, у душманов — мы их зовем ублюдками, — у них те же легенды и та же страсть защищать свой дом, как и у наших мальчиков. Ведь и там наши местные войны по установлению порядка создали категорию отмороженных и никому не нужных солдатиков. Так что они умирают с чувством выполненного долга и с любовью к ближним. А мы приумножаем свои капиталы...

И тут Порейко начинал хохотать.

Я хотела поглядеть на тех, кто покупает солдатиков. Порейку и генерала время от времени допускали к инопланетному начальству... Впрочем, когда я убедилась, что оба бездельника готовы на все, — я успокоилась. Я попаду туда, где идет война, я отыщу Витечку и верну ему память и любовь. А там мы прорвемся. Прорвемся ли?

Порейко с генералом как-то шутили, а я поняла: у солдат на том свете нет огнестрельного оружия — они должны драться из луков и мечами, как в рыцарском романе. Видно, тамошние хозяева — большие романтики. Я знала, что Одноглазый Джо ходил туда, охранял начальство и брал с собой «ТТ». Ничего, обошлось. А где хранится оружие, я знала.

Главное — попасть туда! Порейко обещал мне зрелище, подобного которому я в жизни не видала. Вот и ладушки.

Подходило время отправляться в путешествие. От нас туда посылали двадцать единиц корма для пушек, и тут появился ты, Гарик. Я не знала — верить тебе или нет. Но в любом случае ты не с ними, ты — я все чувствую, — ты им враг. Значит, я постараюсь тебя защитить — иначе тебя просто уничтожат. Уровень зла в Меховске выше любой человеческой нормы. Я в этом зле купаюсь, как в теплом бассейне, потому что ступила уже за пределы морали. Может, я сложно выражаюсь, но проще не могу.

Конечно, я пыталась узнать, осторожно, аккуратно, под каким именем там существует мой Витечка, но ничего не узнала. Не могла же я показывать Порейке паспортную фотокарточку, на обороте которой написаны в мой адрес слишком теплые слова. Я эту фотокарточку уже всю зацеловала. Но это — мои проблемы.

За день до пересылки приехал генерал, с ним шеф — Рустем, он тоже хотел поучаствовать. Ненавидела я их — безумно. А тут еще они убрали Аркашу. Я его мало знала, но и его

смерть легла на их черную совесть. Я до них доберусь! Думаю, Витечка меня поймет.

Я не знала, что и как буду делать там, на той планете. Правда, Порейко и компания, которые там бывали, твердили, что это не та планета, а наша родная Земля, но больше ничего объяснить не могли, потому что, думаю, и сами не понимали. И боялись копать глубоко.

Мне было жалко, что Ритку тоже туда отправляют. По их рассказам я знала, какая судьба ждет там медсестер и санитарок. Сама прошла это, только в настоящей жизни.

Но я не могла вмешиваться. Пока я не доберусь до моего Витечки, чужие судьбы меня не волнуют.

Потом наступил славный миг. Вас всех погрузили в вагон-рефрижератор и кинули куда надо.

Мы переехали туда в том же вагоне, но после вас, и, конечно же, нас не подвергали чистке мозгов. Мы были как вожди африканского племени. Помните, в школе проходили, как они сами работорговцам продавали своих людей, а те везли их на плантации в Америку.

Я не знала, как проникнуть на поле боя. Даже не представляла толком, что это такое. Но была уверена, не надо торопить события — судьба сама за меня распорядится. Пошлет кого-нибудь или покажет дырку.

Вот я и попала на этот стадион. Только по другую сторону баррикады.

Главное я поняла почти сразу, потому что мои мозги работали в нужном направлении.

Здесь есть несколько сенаторов, хозяев, или паразитов, — называйте их как хотите. Это не старички. Это изношенные люди, а возраст у них разный. Мир-то пустой. И, конечно, это не другая планета — это наша Земля, хотя какой-то ее далекий угол — видно, я по географии этот урок пропустила.

Эти старики здесь пользуются абсолютной властью. Но им скучно. Понимаете?

Что делает человек, когда ему безнадежно и смертельно скучно? Этот человек начинает играть в песочек или в домино. Вот и наши сенаторы придумали себе игру в войну.

Они сидят на балконе, а под ними поле боя.

И там идет самая настоящая война, в которой сражаются самые настоящие люди. Как я поняла, эта война идет уже сто лет, и сто лет кто-то поставляет старикам пушечное мясо.

Людей загоняют под купол, только сначала их лишают

имен, прошлого, вообще памяти, а вместо этого в них внедряют совсем другую память, кущую и лживую, будто они всегда там внизу живут и всегда воюют за свой город, который нарисован на стенке за их спинами.

Для того чтобы солдаты не сбежали и не вспоминали, чего не надо вспоминать, за ними наблюдают агитаторы-идеологи и патер-ламы. Со временем краска, которой замазаны их мозги, становится прозрачной и даже слезает. После определенного срока, двух месяцев на наши деньги, такого солдатика надо обязательно убрать. Вот его и убивают в бою или на поединке. Перед каждым боем происходит рыцарский поединок. Самое радостное действие для старичков.

Старички делают ставки — они играют между собой, ставят на победителя, ставят на время. Солдатики для них — главное занятие в жизни.

Игра в живых солдатиков.

Чтобы получать товар, они согласны на то, чтобы вожди движения ветеранов приезжали сюда, тоже играли, ставили на рыцарей. Им платят гонорары — терпят их присутствие.

Когда я приехала, ты был уже внизу, проходил обработку. Я узнала, что Витечка с Валерой здесь уже давно, все сроки вышли, а они еще живы, но скоро их будут убивать.

Я засуетилась. И мне сразу повезло. Для того чтобы сидеть на балкончике и играть в войну живыми солдатиками, сенаторам нужны помощники. Не только служители, которые приносят воду или подставляют стульчики. Главное — посредники. Нас можно презирать, игнорировать, но нас приходится терпеть. Разозлишь нашего Деникина — и не будет тебе пополнения, и умрет твоя игра за неимением пушечного мяса. И придется вам, господа, переходить на пасьянс. Это им-то, кровососам, пасьянс! Поэтому нам, поставщикам двора его величества, не только платят — благо золотишка у них куры не клюют, нам еще устраивают культурную программу. Нам разрешают посидеть на балконе и самим делать ставки на ту или иную лошадку.

Ну хорошо — мы приехали и привезли товар, мы уехали. За исключением нашего генерала и Рустема, вряд ли кто бывает здесь постоянно. Но есть привилегированные люди с другой стороны баррикады — изнутри. Сейчас объясню, кто они.

У меня в свое время был воздыхатель, аспирант. Была у него книжка про Варшавское гетто. Гетто — это такое место, ку-

да фашисты загоняли евреев, чтобы они не путались под ногами у настоящих арийцев.

В той книжке были фотографии.

На одной фотографии я увидела полицейских из гетто, как они получают задания, какие они бравые, и у них фуражки с желтым околышем, рожи толстые и уверенность в глазах: «Мы отличимся на службе главного врага, и он нас, конечно же, пожалеет».

Потом, когда подошло время, полицейских точно так же посадили в газовые камеры и ликвидировали. И рожи не помогли, и даже форменные фуражки.

Просекли? В военной зоне, внизу, были свои палачи, идеологи, разведчики, патер-ламы и прочая сволочь, которая помогала убивать наших ребят. А потом наступало время, и их тоже убивали — за год или даже меньше они вспоминали, какова была их жизнь раньше, и становились опасными. А если даже не вспоминали, все равно начинали задумываться. При мне на балконе как-то обсуждали эту проблему — сенаторы этой ситуацией очень недовольны. Только подготовишь специалиста-идеолога, а уже приходится его уничтожать. Так палачей не напасешься. А вторично лишить памяти человека нельзя. Помрет.

Головка этих предателей родного народа имела право и даже обязанность время от времени появляться наверху для отчетов и нагоняев — все как в настоящем учреждении. Наши пути не пересекались — мы-то живые, а они — кандидаты в покойники.

Если ты прожил здесь несколько месяцев, если ты видел балкон и старцев, ты уже начинаешь догадываться. Вот Гришка и догадался.

Объясняю: Гришка Кун — самый хитрый шпион на свете. Он имеет звание главного разведчика, зовется здесь графом Шейном и отвечает за идеологическую обработку новобранцев. Они к нему попадают бревнами, а должны выйти солдатами, рвущимися в бой. У него целая команда идеологов, организаторов, патеров и матеров — каждый солдат проходит через их руки.

Как-то стояла я в коридоре и думала: вот счастливый — ему можно ходить куда хочет.

А он, я уж потом узнала, смотрел на меня и думал: ну за что этой молодой бабе такое счастье — вырваться из клетки и лететь куда хочется. И готов был меня убить из зависти.

Он подошел ко мне: здравствуйте, ваше сиятельство, говорит, а мне смешно стало — как будто на балу из исторического фильма. Я засмеялась, он сказал, какие у меня чудесные зубы. Я хотела сказать, что это металлокерамика, две тысячи баксов. Сам он был непривлекательный — волосы прямые, кожа очень белая, в голубизну, а усы пышные, торчат в стороны.

Я спросила, правда ли, что он здесь — главный начальник, а он говорит — да, главный, над смертниками.

Я уже тогда о многом догадывалась. Мы разговорились, и он признался, что обречен на скорую смерть. Я спросила — а чего же он не бежит?

А он объяснил, что ему не убежать. Здесь двери отпираются только снаружи. А дверь в наш, живой мир никому не открыть. Возле нее всегда охрана.

И тут я решила рискнуть — времени было мало, другого такого случая может и не представиться.

И я вытащила фотографию Витечки и спрашиваю:

— Вы случайно не встречали там, внизу, такого человека?

— Как же не встречал, — отвечает он, — я его часто встречаю. Он имеет должность командира роты и чин лейтенанта, то есть офицера.

— Как его зовут?

— Вам его имя ничего не даст, — сказал главный разведчик, — потому что имена тем, кто внутри, меняют. Старого имени они не помнят.

Я почувствовала, что он чего-то недоговаривает.

— Как его здесь зовут? — спросила я.

— Коршун.

— Разве это имя? Что он, индейцем стал, что ли?

— После обработки люди становятся пустыми белыми табличками. И на этих табличках ты можешь писать что вздумается. Имя им не нужно надолго. Коршун, а может быть, и Слизняк.

— Нет, — сказала я. — Слизняк быть не может. Они же на фронте. Значит, имена должны быть боевые.

Шейн только пожал плечами.

— А сами вы откуда? — спросила я.

— Я сюда попал раньше, чем Коршун, точно я не помню — уж очень энергично они стирали мою память. Но это был большой город на большой реке. Вернее, на слиянии двух

больших рек. Он назывался раньше одним именем, потом ему дали другое.

— Как здесь, — улыбнулась я. — То Витечка, то Коршун.

Потом я представила себе карту нашей родины и сказала:

— Вернее всего, это Нижний. Нижний Новгород. — Загадка была нетрудной.

— Правильно, — обрадовался разведчик. — Кстати, я помню мое настоящее имя. Григорий.

— Очень приятно, — сказала я. — Меня зовут Александрой. Вы можете привести Коршуна с собой?

— Сомневаюсь, — ответил генерал. — Во-первых, меня поймают и убьют даже раньше, чем я ожидаю. А во-вторых, он сам не захочет идти сюда.

— Вы скажете, что я его жду.

— А он вас помнит?

— Должен помнить! — воскликнула я. — Он же мой муж.

— Вряд ли это аргумент.

— А что аргумент?

— Еще не знаю. Но не смогу оказать вам эту услугу бесплатно.

— Скажите сколько.

— Не в том смысле.

— Если не в том, то я согласна.

Он поморщился, будто я ему чего-то кислого в суп налила.

— С женщин я платы не беру... такой платы. Мне нужна встречная услуга.

— Говорите. — Я сделала вид, что меня не задела его реплика. Даже самой последней шлюхе бывает обидно, если ее прелести отвергают. Хотя, конечно же, я почувствовала облегчение.

— Мне нужно уйти отсюда. Вместе с вами.

— Как же это сделать?

— Это ваши проблемы, — сказал Григорий. — Я доставляю тебе Коршуна, ты его берешь с собой. Но не забываешь и меня.

— Хорошо, — ответила я не задумываясь.

— Если обманете — я на выходе подниму шум. Пускай меня убьют, но ни ты, ни твой муж отсюда не выйдете.

— А вот пугать меня не стоит, — обиделась я. — Меня и не такие, как ты, пугали.

Он вдруг широко ухмыльнулся. Потом сказал:

— Ты — дикая кошка.

— Вот это уже культурнее, — ответила я.

— Думай, как нас отсюда вывести.

Я стала думать.

Для меня главной трудностью были не местные — какое им дело, кто уходит и как уходит. Я здесь второй раз, так что знаю: никто нас на обратном пути не проверяет. Но вот наши зададут вопросы. Наших надо нейтрализовать.

Я думала целый час, боевое время началось, но ничего не придумала. Можно было бы пристукнуть кого-то, допустим Порейку, и взять с собой Витечку. Но они размером отличаются, а лицо — ничего похожего. Да и остальные поднимут такой крик, что меня на выходе пристукнут. Значит, следует убедить моих спутников. А как их убедишь?

И тут я встретила Гарика.

Оказывается, Гриша Кун решил подстраховаться. Я как спасительница вызывала у него сомнения. И он отыскал Гарика. Хотя и обо мне не забыл.

Я понимала, что он послан мне судьбой. Ему тоже надо вырываться отсюда. Значит, нас будет четверо — четверо против них. Уже прогресс!

И тут Гарик сказал мне, что разведчик Шейн уже привел человека изнутри. Правда, израненного. Он лежит в комнате. Может, это и есть Витечка?

Гарик еще не успел закончить, как я уже мчалась по коридору — куда бежать дальше? В какой комнате?

По дороге мы никого не встретили — уже начиналось боевое время, и все, кто может, скопились на балконе или поблизости от него.

* * *

...Сенаторы играют, ставят на рыцарей, ставят на взводы — кого убьют, а кто убьет сам. Они входят в страшный азарт, я сама видела. Для них деньги не играют роли, но ради копейки удавятся, если эта копейка добыта в игре. Один как-то умер, мне рассказывали — сердце не выдержало. Хотя они, как говорят, бессмертны. И потому им очень скучно. Да любой из нас — стань бессмертным, через полгода или через сто лет, но обязательно повесится.

Вокруг сенаторов крутились служители и всякая местная шантрапа. Большей частью они тоже делают ставки на живых солдатиков, тоже играют, подражают начальству.

А рядом с сенаторами сидели наши — Порейко, генерал,

Рустем. Они тоже научились играть, но для них главное не играть, а выигрывать, умножать гонорар.

Гарик первым вошел в комнату и сразу сказал:

— Здесь свои, не бойся. Как ты там?

Ответили не сразу. Я замерла в дверях — неужели сейчас я услышу его голос? Наверное, он никогда не поймет, на что мне пришлось пойти, чтобы отыскать и вытащить его отсюда. Только бы рана была небольшой... как в песне.

И он ответил. Хрипло, почти неузнаваемо — но ответил:

— Проходи. Я живой еще.

И тогда я оттолкнула Гарика и первой подбежала к Витечке.

Витечка лежал на полу, под головой у него почему-то была фетровая шляпа. Он лежал на спине вытянувшись, словно ожидал, что придет военная проверка, а раненым положено лежать по стойке «смирно», иначе выгонят из госпиталя.

Я присела на колени перед Витечкой и стала шептать:

— Витечка, я нашла тебя, ну слава богу, я нашла тебя, миленький! Я тебя вытащу отсюда, ты уж мне поверь, я вытащу тебя...

Я стала его целовать, но осторожно, конечно, я придерживала голову ладонью под затылком и сама шептала, ласкала его своим шепотом.

Он открыл глаза — узнал меня. По голосу узнал. Он даже улыбнулся мне.

И тут же нахмурился. Как человек, увидевший змею вместо бабочки.

Он спросил:

— Ты кто?

— Что с тобой, Витечка? — испугалась я. — Это же я, твоя Саша. Не узнал, что ли?

— Как зовут? — спросил он.

— Александра я, Саша. У тебя контузия, да?

— Я ищу Надин, — произнес он медленно. Он меня не узнавал. — Мне нужна Надин. Они изнасиловали ее. Понимаешь, эти ублюдки изнасиловали ее.

— Кто такая Надин? — спросила я.

Гарик не смотрел мне в глаза. Он сказал:

— Это медсестра. Там, внутри, они ее изнасиловали. А потом у нас показывали агитационный фильм, и он все это увидел.

— Какой еще фильм? Неужели ты им веришь?

— Я не верю. Большинство поверили.

— Я сам видел, — подтвердил Витечка. Для себя он оставался Коршуном.

Тогда у меня все внутри оборвалось.

Я поняла, что он еще в отключке. Что он, как они и добивались, отмороженный — он меня не знает.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Странный вопрос. Вчера Коршуном звали.

Он попытался улыбнуться. Но неуверенно. Слава богу, что хоть улыбки у него не получилось.

— Тебя зовут Витей, — сказала я. — Витечкой.

— Очень приятно. Но мне надо идти. Григорий сказал, что ее можно найти здесь. Это правда?

— Да на хрен мне сдалась твоя Надин! — воскликнула я. Это не потому, что я психическая. Но получилось, словно ты бежишь, бежишь, добежала, а тебе говорят, колбаса кончилась! Так, наверное, раньше вся жизнь протекала.

— Не надо, — сказал Витечка. Он не хотел меня обижать. Так и должно быть. Витечка, который сидел в шкуре этого Коршуна, не любил обижать женщин. Потому их у него одновременно бывало до дюжины, все враждовали, ему приходилось хуже всех. Но он отказать не умел.

— Ничего не изменилось, — сказала я. — Тот же ходок.

— Ходок? — Он не понял слова.

— Ну козел! Сексуальный маньяк.

— Спасибо, — сказал Витечка. — Вы свободны.

Голос его, выражения его. Все по-старому. Только меня нет. Меня не видят и не помнят.

— А чего сюда приперся? — спросила я. Грубо, но это не от плохого отношения к Витечке, а ввиду разочарования.

Я уже губы подставила — поцелуй в диафрагму, как говорили на заре моей туманной юности, а мне вместо поцелуя звонкая пощечина.

— Я ищу Надин, — объяснил Витечка, — они ее изнасиловали и убили, понимаешь?

— Так изнасиловали или нет? Я не выношу боевых подруг, которые разевают рот на мое имущество.

— Я не знаю, — сказал Витечка доверчиво. Он был такой израненный и так плохо забинтован, что мои руки тянулись к нему, чтобы привести его, насколько можно, в порядок. Но я сдерживала себя. Обида была сильнее свойственного мне гуманизма.

— Мне сказал полковник... Григорий, да, Григорий?

— Григорий.

— Он пообещал мне, что найдет Надин. Что Надин здесь, понимаешь? Он меня сюда тащил на горбу, а ты говоришь — он был на нас обижен.

— Откуда ты знаешь Григория?

— Люди должны помогать друг другу. — Он заговорил наставительно, как партайгеноссе на проповеди. — Это способствует их лучшему перерождению. Мы с Гришей в Тирасполе были. Это Приднестровье.

— Спасибо за объяснение, — сказала я. — Что-то я его там не заметила.

Гарик не сдержал улыбки. Ему виделось что-то смешное в нашем диалоге.

— А тебе, — повернулась я к нему, — я ноги выдерну.

— Спасибо за внимание, — сказал Гарик. — Но вряд ли это поможет нашему общению.

— Мне уже ничего не поможет.

Тут и пришел граф фон Шейн. Он вошел как раз в тот момент, когда я спрашивала Витечку:

— А где Валера? Ты Валеру видел или потерял, как и меня?

— Валера? — тупо произнес он.

— Александра, — позвал Гриша от двери, — можно вас на минутку?

— А вот и ты! Где пропадал? — рассерженно накинулась на него я.

— Простите, но я обыскал весь стадион. Я же не знал, где вы спрятались.

— Я была на виду, — ответила я. — И кто хотел, — я показала на Гарика, — без труда меня нашел.

Красиво сказала. Как в высшем обществе.

— И я бы нашел, — миролюбиво ответил Григорий. — Если бы мне не пришлось просидеть полчаса в крысиной норе, чтобы не попасться на глаза слишком внимательному охраннику.

— Убрал бы его, и дело с концом, — подсказал Витечка. — Они здесь ублюдки.

— Кончай свои солдатские бредни, — зло сказала я. — Здесь ублюдков нет.

— Это не бредни, — возразил Витечка. — Я живым не останусь, если их не замочу.

Я готова была взорваться — тогда бы от всех и клочка не осталось. Но Гриша был настойчив:

— Выйдем наружу, на минутку!

Я пошла следом за ним. Он остановился в коридоре.

— Он меня не узнает! — пожаловалась я.

— А разве мы об этом договаривались? — Он оскалился, зубы плохие, пора к протезисту. — Я же не могу снять с твоего Вити заморозку. Не могу, что будешь делать? Какого вытащил, такого и получай. Не помнит он тебя, и твое имя ничего ему не говорит. Но он вылечится, придет в себя.

— При чем тут какая-то Надин?

— Не сердись на него, — сказал Григорий. — Если он тебя не помнит, кому он будет хранить верность? Ведь он привязчивый. Он увлекся медсестрой в лазарете, а эта медсестра попала в плен к ублюдкам. Ты знаешь, чем это кончается?

— Догадываюсь.

— И потом был сделан фильм о том, как враги добивают раненых и насилуют девушку. И этот фильм наши пропагандисты показывали перед боем, чтобы солдатики яростнее сражались.

— А как же сняли?

— Снять что угодно — несложно. С балкона можно снять, с летающего шарика можно снять. Было бы желание.

— Ладно, рассказывай дальше, — сдалась я.

— Я понял, что у меня есть только один шанс его сюда затащить — обещать ему Надин.

— Значит, ты врал?

— Может, врал, а может, и не врал. Это обычное дело на такой войне... Важен результат.

— А почему Витечка весь израненный?

— А потому, что он кинулся в бой, когда убили Шундарая в рыцарском поединке. Шундарай был его другом.

— Странное имя.

— Там встречаются и более странные имена.

— Его надо перевязать.

Григорий с облегчением вздохнул.

— Ты его получше перевяжи. А потом отправимся искать эту самую Надин.

— Зачем она нам? — удивилась я.

— Пока не будет ясности, он не успокоится, — сказал разведчик Гриша. — Мы рискуем его жизнью. Он хочет сам пойти.

Тут я разумно возразила:

— Его хватит на десять шагов. Потом кранты.

— Объясняю, — сказал Григорий. — Пока судьба Надин неизвестна, твой возлюбленный остается в критическом состоянии.

— Но в этом же вы виноваты! — заметил Гарик, который вышел в коридор. — Вы его притащили сюда.

— Я не тащил, — сказал Григорий. — Я обеспечил воссоединение Александры с Виктором. Это произойдет не сразу, но произойдет обязательно, если мы сможем вернуть Виктора домой. Ваша очередь, Александра. Зарабатывайте свои очки. — Григорий сделал приглашающий жест.

И тогда я поняла, что он прав. В обычной ситуации я бы послала всех подальше... но Витя мог в любой момент помереть, и мне не хотелось, чтобы он умер от неутоленной любви к другой бабе. И я пошла в комнату.

— Ты мне веришь? — спросила я у Вити. Мы с ним уже вроде бы познакомились.

— А что? — невежливо спросил мой суженый.

— Мы пойдем с Гришей, — сказала я. — И найдем Надин живую или мертвую. При одном условии — ты лежишь здесь и ждешь нас.

Витя растерянно повел глазами. Натолкнулся взором на Гарика.

— Такое предложение — самое разумное, — сказал Гарик.

— Только недолго, — сказал Витя.

Не желаю даже злейшему врагу оказаться в моем положении. Я смотрю на любимого мужчину, ради которого я прошла все круги ада, унижалась, жертвовала собой — все для него! И он смотрит на меня как на стул.

— Сначала, — сказала я, — Гриша, достань нам бинт и спирт. Можно йод.

— Я попробую.

В самом деле, Гриша через три минуты притащил откуда-то аптечку, армейскую, земную. Я не стала допытываться, откуда дровишки. Гарик открыл мне бутылку воды.

Я начала промывать и перевязывать рану Вити. Мне хотелось кричать от ужаса — я и не представляла, насколько он плох. Какими усилиями мой милый остается в сознании? Почему он не кричит от боли, а только морщится? Неужели это все из-за нее?

Мы быстро пошли по коридору. Григорий сказал, что здесь есть киностудия управления пропаганды. Если что и можно

узнать о судьбе Надин, лучше всего начать с них. Гарик увязался с нами. Все этому менту нужно!

Мне эта затея совсем не нравилась. Но я не видела другого варианта.

Нам пришлось пройти мимо балкона. Все были заняты — началось очередное сражение. Сенаторы ожили, они ставили на бойцов, на взводы, на полки. Дальше, на том краю балкона, суетились Рустем с генералом. Порейки я не увидела. Не было и Одноглазого Джо. Должно было случиться что-то особенное, чтобы эти золотоискатели покинули Клондайк.

Служители медленно бродили по балкону, некоторые не выдерживали и замирали перед большим табло — планом боя, на котором передвигались сами по себе — ведь живые, но совершенно как игрушечные — махонькие человечки.

Внимание всех было приковано к бою, ход которого мне был непонятен.

— Здесь есть свой госпиталь? — спросила я.

— Нет, насколько я знаю, нет, — ответил разведчик. — Им не нужны госпитали.

— Они бессмертные? — спросила я.

— Не совсем так, — сказал Гриша. — Я не смогу ответить точно, но здесь время стоит, как в болоте. И нет нужды умирать. Вы обратили внимание на то, что часы здесь только песочные? Механизмы ведут себя ненадежно.

Идти пришлось довольно далеко. Мы спустились вниз, под футбольное поле, обошли по бортику пустой и гулкий бассейн, спрятанный в обширном подвале, и оттуда по узкой железной лестнице опустились еще на этаж.

Спереди доносились гулкие, но невнятные голоса.

— Там кто-то есть, — заметил разведчик. Перед нами открылась галерея съемочных залов. Залы располагались анфиладой. Когда-то здесь тянулась вереница тренировочных помещений, и бывшая специализация того или иного зала угадывалась по предметам, оставленным и сваленным за ненужностью по углам.

Первый из залов был обиталищем штангистов — грифы штанг стояли копьями у стен, а чугунные блины стопками, как настоящие блины на блюде, возвышаясь рядом.

Больше от штангистов ничего не осталось, зато середина зала была занята средневековой, под альковом, кроватью. Вокруг, имитируя то ли шатер, то ли дворцовое великолепие, свисали атласные и сатиновые шторы и занавесы. Подушки и

простыни на кровати были смяты и даже разорваны так, словно на них резвился полк самбистов. В эту совершенно непристойную пустоту глазели, склонившись на штативах, старомодные съемочные камеры.

Не было сомнения, что в этом зале и в таких декорациях могли снимать лишь бесстыжую порнуху для стареньких кукловодов.

Второй зал, боксерский, с оставшимися от прошлого великолепия рингами и свисающими гигантскими каплями боксерских груш, явно использовался для подготовки рыцарей, наверное, к предбоевым турнирам.

На полу валялись также сломанные мечи, погнутые латы, шлем, расколотый надвое... Здесь дрались всерьез — даже на канатах ринговых ограждений были бурые пятна — бывшая кровь.

Голоса раздавались спереди, из третьего, гимнастического, зала.

Что он гимнастический, я догадалась не сразу, потому что меня отвлекли необычные события.

Сначала я увидела спину Одноглазого Джо. Этот мерзавец снимал на пленку своего шефа.

Шеф стоял, обнявшись с незнакомой мне мертвой девушкой.

Теперь я постараюсь вразумительнее объяснить, что же я увидела. В гимнастическом зале осталось немного снарядов. В том числе перекладины.

Одна из перекладин, ближайшая к нам, была приспособлена под виселицу. На ней висела девушка, почти обнаженная — в остатках рваной окровавленной сорочки. За перекладиной, образуя задний фон, находилось обширное полотно, изображавшее серое облачное небо, кусты и вдали, на горизонте, силуэт нашего города.

Зритель, который увидит этот фильм, будет уверен, что девушка повешена кем-то снаружи, на улице, среди окопов, на фоне столицы.

Одноглазый Джо, повизгивая от удовольствия, снимал повешенную девушку, а в стороне с отрешенным видом стояли два местных оператора, в униформе, схожей с той, которую носил наш Гриша Кун.

Джо снимал не только девушку. Под перекладиной, обняв

за талию мертвую девушку, притягивая ее к себе и подпрыгивая от сладострастного наслаждения, стоял Порейко. И зрелище было тем более ужасным, что девушка висела так низко, что вытянутые кончики пальцев ее ног почти касались пола и Порейко как бы обнимался с ней. Даже при своем невеликом росте он был с ней наравне.

Схватив за светлую прядь, он повернул к себе голову девушки, и тело ее стало покорно поворачиваться...

Я существо недостаточно цивилизованное, я могу быть злобной и невоспитанной, реагирую быстро — но поверьте, бывают ситуации запредельные. Ты просто опускаешь руки, вместо того чтобы кинуться вперед.

Мы молча стояли.

Я понимаю — взгляни на часы, и станет ясно, что стояли мы всего десять секунд, но именно в эти десять секунд Джо, который снимал, не выдержал и закричал одному из операторов:

— Снимай, гад, я тоже хочу!

Бросив камеру, он побежал к Порейке, чтобы тоже попасть в кадр.

Их чувственное наслаждение было за пределом разума. Я видела когда-то, как фашисты фотографировались возле виселиц и на лицах их была радость. Мне это казалось фокусом фотографа.

Но Джо стремился к виселице, потому что мечтал участвовать в сексуальной пляске смерти.

Джо успел подбежать к виселице с другой стороны от девушки, он обернулся, желая принять бравый вид... и тут увидел, что к нему несется Гарик, который первый из нас пришел в себя.

Он врезался в них каким-то странным прыжком, я поняла, что он не мог дотронуться до мертвой девушки. Он разбросал Порейку и Джо в разные стороны, хотя Порейко, теряя равновесие, вцепился в тело девушки и потянул его за собой.

А Джо вырвался и кинулся на четвереньках мимо нас из зала. Камера, за которой стоял здешний оператор, медленно и послушно повернулась за ним, продолжая снимать...

А Витю мы еще не видели, потому что он стоял за нашими спинами.

Я с некоторым опозданием почувствовала, что он где-то рядом.

Я обернулась, когда он уже бросился вперед. Когда-то я

смотрела американский ужастик о чудовище Франкенштейна. Он был хорош только тем, что из него выросли все схожие ужастики, страшные герои которых носятся от замка к замку под лунным светом, обмотанные бинтами, а окровавленные концы бинтов волочатся за ними по траве.

Это было страшное зрелище.

Но я все это видела в кино и не испугалась.

У Витечки был в руке меч. Наверное, он принес его оттуда. Не знаю.

Как назло, этот зал был последним в анфиладе — дальше хода не было.

Порейко и Джо метались вдоль стены, как загнанные в угол мыши, но Витя был быстрее.

Он доставал их кончиком меча, он только касался их — и там, где он касался, появлялась капля крови или струйка крови... Потом — одно резкое движение, и я не успела заметить, что он сделал с Джо. Но голова одноглазого адъютанта откинулась назад, ноги подкосились, он сложился и сел у стены.

Витя обернулся к Порейке.

— Товарищ! — успел закричать тот. — Произошла ошибка! Я не виноват! Я ее и пальцем не тронул! Клянусь...

При этом он все ускользал и ускользал вдоль стены, и я, словно болельщица на стадионе, испугалась, что Порейко уйдет или умилостивит Витю.

Витя с размаху рубанул мечом — и Порейко был мертв. Витя перевел взгляд с Порейки на Джо и обратно... Он был удовлетворен.

Мы не двигались с места.

Витя подошел к девушке и, приподняв меч, рубанул им по веревке. Он тут же отбросил меч, так быстро, что успел той же рукой подхватить падающее тело девушки, — впрочем, он и не смог бы этого сделать левой рукой — она же была у него сломана.

Он уложил девушку на маты.

— Надин, — сказал он, — ты живая, да? Что они с тобой сделали?

Надин — поняла я. Он все еще видит только ее. Он поправил ее спутанные волосы. Она была белая-белая. Как же она мучилась перед смертью! Ну почему, почему? Почему он не позвал меня, чтобы я была рядом?

Гарик, словно угадав мои мысли, прошептал:

— Он в Надин видит вас. Честное слово. Это пройдет. Он очнется. Пожалейте его. Ему так плохо сейчас.

И тут в дверях появился один из сенаторов. Они редко ходят сами по коридорам, особенно во время боя. Но, наверное, какой-то монитор отразил крики и бой, происходящий здесь, и сам сенатор в сопровождении нескольких — трех, кажется, — охранников ступил внутрь.

— Как прискорбно, — произнес сенатор скрипучим, надтреснутым голосом знатного вырожденца. — Какая грустная история. Возьмите его.

Нет, охранников было четверо. Иначе бы у них не получилось.

Двое взяли Витечку.

Один умело завернул ему левую руку за спину — израненную, сломанную в кисти руку, — Витечка взвыл от боли, потом согнулся, послушно согнулся и пошел к выходу. Второй шел следом.

А еще двое встали в дверях, подняв мечи, чтобы мы за ними не побежали. И когда я все же кинулась к дверям следом за Витечкой, Гарик меня остановил.

Как я его материла!

Сенатор, прямой и жесткий, шагал следом за охранниками, которые уводили Витечку.

— Пусти! — кричала я.

— Пока мы не смиримся, нас не выпустят, — сказал Гарик.

Охранники были уверены в себе. Они стояли, поглядывая на нас как на зверюшек, противных и мелких.

— Когда отсюда будет выход? — спросил разведчик Гриша.

— Минут через пятнадцать-двадцать, — сказала я. — Как кончится военный период.

— Нам надо успеть, — сказал разведчик.

— Я без него никуда не уйду.

— Не надо спорить, — сказал Гриша и пошел к охранникам в дверях. Он шел на них без угрозы, как будто сейчас его пропустят.

Охранники сначала удивились, а потом один сказал:

— Стоять!

Они были в темных плащах и касках.

И в этот момент Гриша прыгнул ногами вперед и правой ногой, подняв ее неправдоподобно высоко, ударил охранника по руке, которая держала меч.

Гарик, желая помочь, бросился на второго охранника, и

ничего бы у него не получилось — охранник был готов и поднял меч, чтобы разрубить Гарика, — я только взвизгнуть успела! Но этот визг помог Грише, который вырвал у охранника меч и полоснул его. Охранник отшатнулся и упал назад.

Я перепрыгнула через охранника и кинулась бежать по коридору.

— Осторожнее! — попросил Гриша, который бежал за мной.

...Широкие двери на балкон были раскрыты.

...Мы успели к ним в тот момент, когда охранники перекидывали через ограду балкона вниз тело Витечки.

Тело мертвого Коршуна.

Сенаторы стояли полукругом, некоторые все еще держали в руках фишки и указки.

Потом наступила глубочайшая тишина. Все ждали. И мы тоже ждали.

И звук, который донесся снизу, был слабым и отчетливым.

Витя ударился о землю далеко внизу.

— Бог ему судья, — сказал один из сенаторов.

Так вот и кончился мой роман с неразумным Витечкой, который даже погибнуть умудрился за другую женщину.

Я пошла прочь, обогнав остальных, и побежала наверх.

Там была ниша, в ней Одноглазый Джо хранил «калашников». Он был телохранителем и относился к делу серьезно.

Я перепрыгивала через три ступеньки — они не ожидали от меня такой прыти.

Стрела обогнула меня и, ударившись в бетонную стену, сломалась. Потом я побежала по коридору, и они меня потеряли.

Было тихо-тихо — тишина на две минуты.

Я спокойно спустилась по другой лестнице. Нужно совершать поступки, которых от тебя не ждут. А они не ожидали моего возвращения, тем более по другой лестнице.

Я шла не спеша, но мне стоило больших трудов не спешить. Они же могли прикончить Гришу и Гарика в любую минуту, через барьер балкона — и пятьдесят метров вниз. Эффектно, и трупов не остается.

Я подошла к дверям балкона.

Все, кто стоял в дверях, смотрели внутрь, на балкон.

Я подошла ближе.

Мне была видна расстановка декораций и актеров на сцене.

Гриша и Гарик стояли спиной к барьеру. Перед ними в десяти метрах, не промахнешься, — четыре охранника.

Они целились из арбалетов.

Как в рыцарском фильме. Спасение должно прийти к героям за секунду до смерти.

Но я не стала ждать этой последней секунды и рисковать тем, что они выстрелят чуть-чуть раньше, чем мне хочется.

— Позвольте, — строго приказала я служителям, столпившимся в дверях. — Позвольте!

И тут они поняли. Они еще не увидели, но поняли. И кинулись в разные стороны.

— Стреляйте! — завопил совсем старый сенатор, который так и не поднялся из кресла-каталки.

Но этот приказ выполнила только я. Я опоздала. Сама во всем виновата.

Зато уж я никого не оставила целым, ни из охранников, ни из сенаторов.

И у меня еще оставались патроны. Я очень экономная женщина. К тому же с запасным рожком.

Я не хотела смотреть на это.

— Пошли, — сказала я мальчикам.

Гарик с Григорием были оглушены и ничего не соображали. Они пошли за мной. До самых ворот. И никто нас не останавливал. Если не считать двух или трех стрел, пущенных издали.

Только уже у двери в наш мир Гарик вдруг спросил:

— А как же те, кто остался?

Никто ему не ответил. Пробуждать целую армию и вести ее за собой было выше моих сил. Простите.

Для них соглашение было без обмана — вы умеете воевать, вы хотите воевать, значит, вы знаете, что на войне бывает больно. Так воюйте, получайте кайф, со временем вы все погибнете. Зато с шумом и криками, а не в мирной постели, чего вам так не хочется.

Эпилог

ГАРИК ГАГАРИН

Меня все мучила судьба тех, кого мы оставляем. Александра была со мной не согласна. Она считала, что это и есть их

судьба. К тому же, полагала она, со временем все образуется, появятся новые сенаторы, так сказать, новое поколение старичья — да и неизвестно, сколько их там. Кого-то она убила, а кого-то не добила.

Между нами была пропасть.

Александра, такая красивая, длинноногая, быстрая в движениях, была отравлена войной и, видно, никогда уже не выздоровеет. Она и собственные поступки не считала чем-то из ряда вон выходящим. Она навела порядок, восстановила справедливость — это была ее собственная война. И то, что на балконе осталось как минимум десять мертвецов, ее не удручало.

Уже у нас, пройдя сквозь какую-то скрипучую калитку и оказавшись на заросших бурьяном и подорожником запасных путях станции Меховск, она угадала мои мысли и с вызовом заявила:

— А почему я должна их жалеть? Они Витечку пожалели? Они из него выгнали память обо мне, а потом и вовсе убили. Я сколько сил положила, чтобы его найти и спасти. А из-за них не спасла. А эта сволочь Порейко, он знал, где Витечка и под какой кличкой. Но не сказал. Нечего их жалеть! Знаешь почему?

— Почему?

— Они сами никого не жалели. Они за десять баксов готовы мать родную задушить. Они наших ребят за людей не считали, а считали только за мясо. Я их как тараканов должна была выводить. Понимаешь?

Я кивнул, потому что у нее была своя правда. Впереди был перрон и старое, еще дореволюционное, красное с белеными наличниками, здание станции Меховск.

— Я пойду, — сказал Григорий.

— Может, ко мне зайдешь? — спросила Александра. — Я тебе переодеться дам. У меня от Порейки осталось.

— Даже не знаю. У меня предчувствие, надо убираться отсюда.

— А не хотите встретиться с людьми... которые желали бы вас выслушать? — спросил я.

— Гарик, ты нас не подводи, хорошо? — сказала Александра. — А то ведь я тебя не пожалею. Ты меня знаешь.

На перроне стояли группой несколько штатских, среди них мой полковник дядя Миша. Они нас ждали.

Гриша увидел их и сказал:

— Прощайте! — И рванул в кусты, за пакгаузы. Штатские во главе с дядей Мишей спокойно, чересчур вразвалочку, как ходят военные люди, когда они в гражданском, но не хотят и не умеют скрывать своей истинной принадлежности, направились к нам.

— Ну и сука ты, Гарик, — сказала в сердцах Александра.

— Не все умеют сводить счеты из автомата, — сказал я. — Для некоторых есть другие, более мирные способы.

— Заложишь меня? — спросила Александра.

— Я не могу тебя заложить. Ты на это ответишь, что мне все приснилось.

— А точно! Тебе и в самом деле все приснилось.

— Тогда и ты меня пойми. Существует какая-то дыра в пространстве, туда утягивает людей. И они погибают. А что, если это грозит смертью многим и многим?

— Не все ли равно? Витечку не вернешь.

Дядя Миша стоял перед нами.

— Ты познакомишь меня, Гарик? — спросил он.

Александра протянула полковнику тонкую длинную руку и представилась:

— Александра. Очень приятно. Вы меня арестуете?

— Мы никого не арестуем, даже вашего друга Григория Куна, который думал, что убежит под вагонами.

Я обернулся. Гриша возвращался к нам, его вели два человека, не дотрагиваясь, но жестко, как будто заламывали руки.

— Ох и встретимся мы с тобой, Гарик, — сказала Александра. — Тогда ты пожалеешь.

Ничего от Александры и Гриши добиться не удалось. А впрочем, на что дядя Миша мог рассчитывать? Я ведь тоже давал ему информацию, в которую было трудно поверить, а поверив, никак нельзя было использовать.

Александра знала, когда и где появится выход из того мира.

Это ей сказал Порейко, потому что и сам намеревался возвратиться этим путем. Но о следующем ходе или времени связи он знать не мог. Знали сенаторы. Но все погибли. Всех убила прекрасная валькирия Александра.

Двое суток я провел в гостинице Меховска. В первый день я зашел в комнату, где раньше находился «Союз ветеранов — XX век». Там было пыльно и пусто. Ящики стола Порейки лежали на столе пустые. Стальной сейф, сто раз покрашенный

бурой краской, был открыт и тоже пуст. Контора была фикцией.

Когда я стоял в комнате, туда зашла Александра.

— Тебя отпустили? — обрадовался я. Поздняя оса кружила над столом — наверное, там было сладкое пятно от чая.

— Я сказала, что уеду к себе. Не пускают.

— Ты же знаешь, что они отпустят.

— Они бы рады держать меня вечно и вывернуть наизнанку, да мне нечего им рассказать. А этот полковник дядя Миша, ты не представляешь, как он на меня смотрит, была бы его воля... не веришь?

— Не верю.

— Ну и черт с тобой. Ты мне адрес оставишь?

— Я уже написал.

Я достал листок из кармана. Который год собираюсь заказать визитные карточки — необходимо! Научный сотрудник немаловажного учреждения...

— У меня тоже карточки нет, — сказала Александра. Она отодвинула пустые ящики и стала писать свой адрес. Потом попрощалась и ушла, по крайней мере она уже не сердилась.

Когда я клал бумажку в карман, то заметил, что на ее другой стороне записан мой адрес. Значит, мне она не напишет.

На третий день с утра меня отправили вертолетом в Москву, там должны были снять энцефалограммы — я буду давать показания в глубоком сне. Дядя Миша надеялся узнать что-нибудь такое, особенное, чего я сам не представляю. И понять, где же мы были...

Я сидел в лаборатории. Тамара сделала кофе, и, как всегда, жидкий. Ну что за вкусы у человека!

Катрин заметила, что я хочу что-то сказать, взяла чашку, выплеснула ее под протест Тамары в раковину и занялась делом.

— Подытожим, — сказала Калерия. — Все-таки мы что-то с тобой знаем.

— На основе всех наших размышлений и допросов, которые так успешно провел дядя Миша, побывал я на Земле, вернее всего, во время, не очень далеко отстоящее от нынешнего дня, а может, и в наши дни. Но где — не знаю. Если бы я верил в параллельные миры, то, конечно, соблазнительно считать тот стадион параллельным миром. Но он какой-то странный. Люди там немногочисленны и не очень реальны. Как будто в том мире прошла третья мировая война и после нее остались лишь осколки цивилизации...

— Фантазии, — сказала Тамара, которая умеет произносить банальности значительным тоном, — рождаются в больных головах. Но если это мечта, то совсем наоборот.

Мы замерли от глубины мысли, но переварить ее не сумели.

— Может, когда-нибудь они сами дадут о себе знать, — сказала Катрин, ставя передо мной чашку настоящего кофе.

— Мы можем не заметить этого светлого момента, — печально сказала Калерия, у которой в тот день было меланхолическое настроение — что-то у нее неладно дома.

Но тут же наша начальница взяла себя в руки.

— Допиваем кофе и принимаемся за работу. Время не ждет. Гарик пишет отчет о командировке, только не для дяди Миши, а для Академии наук, так что попрошу без грамматических ошибок. Тамара, ты когда наконец приведешь в порядок журнал экспериментов? Саша, мне сегодня в проходной сказали, что тебя вчера задержали при попытке...

— А вот это клевета! — возопил Саша Добряк, не дослушав Калерию Петровну. — Я не выносил, а вносил. И не крокодила, всего-навсего кота.

— Я не позволю убивать мышей, — заявила Тамара. — У них маленькие дети.

Конечно, прямые сравнения некорректны, но я чувствовал себя как человек, возвратившийся из отпуска на Канарских островах или в Ливадии. В первый день ты весь полон пейзажами, событиями, звуками и запахами тех сказочных мест. Но окружающие за то время, пока ты купался в океане, занимались воспитанием детей, сбором профсоюзных взносов или ремонтом дачи. Ты им начинаешь говорить о ночном океанском прибое, а они о стоимости щебня или болезни гладиолусов, а то и о последних дебатах в Государственной думе.

Разумеется, все в лаборатории ждали моего возвращения, даже беспокоились обо мне (в различной степени). Но ведь они не смогут никогда услышать, как трещат латы под ударом меча, как пахнут выгребные ямы заброшенного лазарета, как молит о жизни поганый Порейко. Ну как объяснишь кому-нибудь, даже чуткой Калерии, что я искал и не нашел Риту и боюсь думать о том, что с ней могли сделать на той иллюзорной войне.

А раз они не могут услышать и увидеть то, что слышал и видел я, то для них существование параллельно с нами или где-то над нами гротескного и жестокого мира — плод для размышлений, а не ночные и дневные кошмары.

Кукловоды могут вернуться и снова потребовать дани. И снова найдутся люди, готовые эту дань для них собирать. В конце концов, мы знаем, что сами монголы редко появлялись на Руси — дань для них в охотку собирали русские князья, и еще приворовывали.

Я чувствовал, что это — не последняя моя встреча с хозяевами...

— Кофе остынет, — сказала Катрин. И как бы невзначай прикоснулась ко мне бедром. А я отодвинулся — не обижайся, Катрин, ты не знаешь, какое видение посетило меня.

СТАРЫЙ ГОД

Часть I

ЕГОР ЧЕХОНИН

Почти закон: под Новый год в Москве оттепель.

Две недели природа засыпает город снегом, машет простынями метелей, украшает окна и витрины белыми узорами — и вот за несколько часов все это великолепие размокает.

С неба сыплется мокрая крупа, сугробы съеживаются и темнеют, из подворотен выползают лужи, насморк и кашель набрасываются на жителей столицы — но новогоднему настроению эти неприятности почти не мешают. Ведь люди — мастера обманывать себя надеждами и уверены, что наступивший год в два счета покончит с бедами, болезнями и разочарованиями. Утром проснулся, и все уже улажено. Даже умирать в новом году никто не собирается.

Способность человека к самообману просто фантастическая. Казалось бы, за миллион лет эволюции пора повзрослеть, набраться печального опыта и понять — каждый последующий год хуже предыдущего. И самое лучшее, если бы можно было остаться в прошлом году и никуда не спешить...

Примерно так размышлял Егор Чехонин, поджидая автобус в Ясеневе и наблюдая, как скользит, торопится к остановке толстячок в дубленке, волоча сетку, полную апельсинов, а под мышкой у него бумажный пакет, из которого торчит хвост горбуши.

Рассуждения о человеческой наивности не были данью минутному капризу. Если кто в Москве и имел право осуждать предновогоднюю суету, этим человеком был Егор Чехонин, шестнадцати лет, ученик девятого класса.

Подошел автобус. Он казался набитым, потому что женщины предпочитали стоять в проходе, оберегая праздничные платья. Некоторые мужчины стояли за компанию, а сиденья оставались свободными. Толстячок уселся перед Егором, сетку водрузил на мокрые колени, а горбушу держал на весу — хвост к потолку.

В автобусе пахло духами. Озабоченно смеялись женщины. Кто-то ахнул: «Неужели забыли?» Что они еще забыли?

Егор глядел в мокрую тьму за окном и заново переживал

разговор с Жорой, причем теперь-то находил нужные, ядовитые слова и неотразимые аргументы. Но что за радость махать шашкой вслед ускакавшему врагу?

...Целый час Егор прождал Жору на площадке шестого этажа.

Уже давно стемнело, в подъезде хлопали двери, отовсюду к Егору сползались вкусные запахи. А ведь Егор с утра ничего не ел. Полдня добывал адрес этого Жоры, потом разыскивал его дом среди одинаковых корпусов и мысленно репетировал будущий разговор. Он думал, что скажет Жоре и что ответит ему Жора, как Жора будет лгать и изворачиваться и как он прижмет Жору в угол и тот, отчаянно сопротивляясь, будет вынужден отдать магнитофон.

Жоры все не было, и жуткий терзающий голод постепенно овладевал Егором, лишая его способности трезво думать. Может быть, именно голод отнял у его аргументов силу и убедительность. Потому что когда Жора наконец явился — выплыл из лифта, распахнул кожаное, чуть ли не до земли черное пальто, достал из кармана джинсов ключ, увидел вскочившего с подоконника Егора, сразу узнал, помахал игриво могучей лапой, пригласил заходить, спросил вежливо, давно ли Егор ждет... И тут Егор начисто забыл, как намеревался говорить с Жорой.

Они стояли посреди большой, почти пустой комнаты — в углу тахта, рок-звезды из журналов, прикрепленные к обоям, проигрыватель с разнесенными по углам колонками, куча кассет на журнальном столике и рядом пустая бутылка из-под джина «Бифитер». Они стояли посреди комнаты, и Жора скучал, потому что заранее знал, чем закончится их беседа, а Егор никак не мог пробиться сквозь это одеяло скуки и тоже догадывался, что разговор кончится его поражением.

— Но ты же брал! Брал же? — Егор запомнил лишь свои слова, а ответы Жоры начисто вылетели из головы. — Ведь ты обещал отдать? Забыл, что ли? Так я напомню. Я тебе отдал в починку отцовский магнитофон, «Грюндиг», двухкассетник, стерео, Смирнитский из десятого «А» мне твой телефон дал. Ты обещал за три дня сделать, позавчера вернуть. Я тебе две кассеты «Сони» за это отдал. Отдал ведь?

Жоре было скучно. Ведь он никогда не видел магнитофона, не знает Егора, и вообще ему пора уходить, а может быть, наоборот, к нему вот-вот должны приехать гости. Он не скрывал

сочувствия к Егору, он говорил высоким голосом — такой голос не соответствовал массивному телу тяжелоатлета.

— Ты бы расписку взял, — говорил Жора. — Какой-нибудь документ у нотариуса. Знаешь ведь, какие у нас дикие времена наступили! Разве можно так легкомысленно чужим людам доверять? Да ты у нас Дон Кихот какой-то.

Слова про Дон Кихота Егор запомнил. Они показались особенно обидными. Он рванулся было к Жоре, чтобы убить его, но тот даже не стал отступать. Сказал, глядя на Егора маленькими, мышиными глазками:

— Не рискуй, парень. Мы же с тобой в разных весовых категориях. Меня меньше чем гранатометом не достанешь. Да стой же, тебе говорят!

Он перехватил руку Егора в движении, завернул ему за спину, заставил его сгорбиться в глубоком поклоне.

— Тебя же предупреждали. Ты что, хочешь Новый год с дулей под глазом встречать? Можем тебе обеспечить.

Егор сдался, обещал больше не рыпаться.

Но не ушел. Разговор как-то продолжался. Почему-то Жора пошел на кухню, поставил чайник, открыл холодильник, начал вслух считать в нем бутылки. Егор пошел за ним следом, остановился в дверях кухни и просил, хотя ему было стыдно просить. Жора все сделал не так, как можно было ожидать. Он не шумел, не бил себя в грудь, не выталкивал Егора из квартиры. Он терпел его и скучал.

— У тебя совесть есть?

— Жалкие остатки, — искренне ответил Жора. — В ближайшее время собираюсь избавиться.

Он был на голову выше Егора. Ах как жаль, что у Егора нет пистолета! Он готов всадить в этого гиганта с писклявым голоском всю обойму — а потом пускай сажают в тюрьму! А может, просто вытащить из кармана пистолет и увидеть страх на этом розовом лице...

Как Егор ушел от Жоры, он не помнил.

Он не сразу поехал домой. Наверное, целый час бродил по улицам, скользил по мокрому снегу и мысленно повторял прошедший разговор, внося в него поправки, находя убедительные слова, которые должны были подействовать на бессовестного Жору, но в то же время Егор понимал, что возвращаться домой поздно и возвращение ничего не изменит.

А потом Егор случайно увидел на столбе часы. Без пяти десять. До Нового года осталось два часа. А он тут стоит посреди Свиблова на окраине Москвы.

И тогда Егор побежал к остановке автобуса...

Он ехал к метро и ощущал, как между ним и пассажирами автобуса возникает стеклянная перегородка, словно он оказался под колпаком. Звуки доходили неясно, кружилась голова, снова начал мучить голод. Он даже представил, как вытаскивает из пакета толстячка горбушу и впивается в нее зубами.

На конечной остановке, у метро, Егор вышел из автобуса и остановился, глядя на ярко освещенный вход. Многие уже спешили — видно, им далеко ехать, боялись опоздать.

Именно в тот момент Егор понял, что спешить ему некуда.

Вот он придет домой. Мать спросит: «Хлеб купил? Мы что же, по твоей милости должны Новый год без хлеба встречать?»

Это будет первый акт трагедии.

Во втором акте на сцену выйдет отец и загремит красивым баритоном: «Ты принес магнитофон?»

Двухкассетник был новой, дорогой, любимой игрушкой отца. А тут уж ни возраст, ни солидность в расчет не идут. Может быть, когда-то и Егор побывал в роли новой любимой игрушки. Вернее всего, когда-то мать числилась в новых дорогих игрушках. Но сегодня самая любимая игрушка — двухкассетник. А его нет. Егор еще утром надеялся, что пронесет, что отец не хватится.

Хватился.

Произошла шекспировская сцена, которую невозможно описать.

Как в настоящей трагедии, актеры говорили с придыханием, жестикулировали, только что не раскланивались перед зрителями. Варианты лжи, придуманные Егором, были неубедительны, фальшивы и противны ему самому. Все эти «поверь мне, папа», «я обязательно его принесу, папа», «даю слово, папа» были лишь жалкими попытками отсрочить время и убедить самого себя, что он отыщет этого Жору и все хорошо кончится...

Все кончилось плохо.

...В метро было как в автобусе — та же стеклянная перегородка. Он один, они все вместе. Они шутят, смеются, несутся в поезде к следующей станции — к границе жизни. Граница не вымышлена, она реальна для всех этих людей. Это событие. Не будь Нового года, отец мог бы смилостивиться, снизойти, он ведь не злой. И наверное, не сказал бы: «Без магнитофона домой можешь не возвращаться».

Вагон несся в будущее, к границе года, и все в нем, как любопытные туристы, крутили головами и щебетали: «Ах, как интересно! Мы этого еще не видели».

А почему Егор должен нестись вместе с этой толпой? Ему не с кем поделиться радостью. Ему вдруг показалось, что если подождать, пока все выйдут, а самому остаться, то можно вырваться из этого проклятого движения к следующему году — можно остаться, как отцепленный и забытый на запасных путях вагон.

Он помедлил — все уже выкатились на платформу, унося нетерпение, ожидание, ложные надежды. Егор медлил. И тут механический голос произнес: «Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагоны», в окно заглянула дежурная в красной каскетке и помахала Егору свернутым флажком — чего же ты, юноша, все спешат...

Егор покорно вышел из вагона и побрел к эскалатору.

В нем родилась глупая надежда, что сейчас в метро прорвется подземная река и голубой холодный поток рванет к туннелю, сметая вниз всех, в первую очередь самого Егора, — и тогда можно будет утонуть и не возвращаться домой.

Даже если не погибнешь, а окажешься в больнице, отцу, который прибежит тебя навестить, можно сказать, что магнитофон унесло потоком под землю, и тогда отец скажет: «Бог с ним, с магнитофоном, новый купим. Главное, ты остался жив!»

Но подземная река в тот день не прорвалась. И ничто не помешало Егору подняться наверх.

В вестибюле, у стены, облицованной желтой веселенькой плиткой, у телефонов-автоматов, стояла худенькая девочка лет двенадцати. На ней было потертое, сиротское клетчатое пальто. Из-под повязанного по-взрослому платка выбивались темные волосы, тонкие брови были высоко подняты.

Девочка стояла прямо, напряженно, готовая сорваться, побежать кому-то навстречу. И в то же время она не верила собственным надеждам. Вокруг спешили люди, время поджимало, некому было заметить и разделить ее одиночество и тщетное ожидание. Егор понял, что девочка единственный здесь человек, который, как и он, не привязан к празднику и не стремится пересечь границу в будущий год. Егор был готов подойти к девочке и сказать, что он ее понимает. Но что скажешь ребенку? Только испугаешь.

Было двадцать минут двенадцатого.

До дома — шесть минут ходьбы. Тысячи раз путь пройден, отмерен, отсчитан — шестнадцать лет жизни.

Шесть минут Егор растянул в двенадцать.

Еще пять минут простоял во дворе, глядя на мелькание теней в окнах своей квартиры — гости уже съехались, собирают на стол, мама беспокоится, но не за Егора, а потому, что он не несет хлеб. Ну как ты скажешь гостям, что нет хлеба? Не пойдешь же к соседям в новогоднюю ночь занимать три батона! А отец уже в который раз спрашивает маму, словно та спрятала Егора под кроватью: «Интересно, как ты намерена провести праздник? Вообще без музыки?» Словно музыка — это документ, пропуск, по которому пускают за ту границу. В глубине души Егор допускал, что мать все же беспокоится, не попал ли он под машину. Даже поглядывает с тревогой на часы. А если он не придет к Новому году, то и вправду начнет звонить в милицию.

Права на беспокойство Егор родителям давать не желал. Будет еще хуже, если они переполошатся. Тогда, стоит ему войти в дом, к негодованию хлебному и магнитофонному присоединится негодование за опоздание. Это будет третий, самый непростительный из грехов: «Ты нас всех заставил волноваться!»

И тогда Егору стало так жалко себя, что он решил домой не возвращаться. Никогда. Лучше он останется здесь или будет бродить по улицам. А потом пойдет на вокзал, сядет на электричку и доедет до Калуги. Он как-то слышал, что один мужик местными электричками добрался от Москвы до Сочи. В крайнем случае попадешь в тюрьму. В тюрьме тоже люди. А если и зарежут его, даже лучше.

Но исчезнуть — значит загубить праздник родителям и гостям. Если всю ночь будут обзванивать морги и гонять по больницам, он потеряет право на жалость. Надо получить отсрочку. Егор отыскал в кармане жетон и вышел на проспект к автомату.

К счастью, Серега сам подошел к телефону.

— Серега, это я, Егор. У меня к тебе просьба.

— Ты из дома? Перезвони мне через три минуты. В дверь звонят. Гости пришли.

— Открой им и возвращайся. Я не из дома. Я из автомата.

— Беда какая-то?

— Скорей!

Мимо автомата быстро шагали Семиреченские. Когда-то они были тетей Ниной и дядей Борей. Теперь превратились в Нину и Борю — стирается разница в возрасте. Одно дело, когда им по двадцать три, а тебе — три. Другое, когда тебе шестнадцать, а им и сорока нет.

В телефонной трубке попискивали отдельные голоса. Возбужденные и веселые. Видно, гости объясняли Сергею, почему они припозднились. Сергея не было очень долго. Егор в сердцах чуть не бросил трубку.

— Я слушаю, — сказал Сергей.

— Позвони моим и скажи, что я буду встречать Новый год у тебя.

— Ты с ума сошел! У меня же тарелок не хватит.

— Не бойся, я к тебе не приду. Мне нужно только, чтобы они не волновались.

— Не валяй дурака. Они тут же потребуют тебя к телефону, чтобы ты сам все объяснил. А откуда я тебя возьму?

— Ну, тогда скажи, что я только что от тебя вышел. Поехал домой.

— От меня к тебе почти час ехать. Все пропустишь. Ты что, хочешь Новый год на улице встретить?

В голосе Сергея звучала тревога. Он такой же, как все. Он не может отказаться от общего веселья.

— Позвони, пожалуйста, чтобы им Новый год не сорвать.

— Вот сам и позвони. Не буду врать.

— Я не могу, у меня больше жетона нет.

— Что? Сорвалось? С магнитофоном.

— Сорвалось.

— Ну, вот видишь! Я же предлагал поехать вместе.

— Пустой номер. Его без гранатомета не проймешь.

— Послушай, иди домой. Под Новый год все добрые. Бить же не будут!

— Меня никто никогда пальцем не тронул.

— Вот видишь.

В трубке послышалась возня, словно туда залез большой жук, потом девичий голос закричал:

— А это кто? Кто говорит? Приходи к нам, незнакомец.

— Я незнакомка, — ответил Егор и повесил трубку. Так он и не понял, позвонит Серега или стушуется. Без четверти двенадцать.

Окна отсюда не видны, надо вернуться во двор. Но зачем? Затея с Калугой и Сочи была мальчишеством, тебя снимут с поезда милиционеры и как малолетнего хулигана вернут папе с мамой.

Может, и в самом деле возвратиться, надеясь на то, что Новый год склоняет людей к доброте? Склоняет, но только до

третьего тоста. А потом начнется! И все это оттого, что родители Егора не любят. И давно уже не любят. Наиграли, а теперь не ведают, как избавиться. Помнишь, как в ноябре отец сказал: «Жалею, что не отдал тебя в Суворовское училище!» Если Егора не станет, им только легче — отец давно мечтает о кабинете. Теперь займет его комнату. И с чего Егор решил, что они кинутся искать по моргам? Они выполнят свой долг, не найдут и будут жить в ореоле мучеников. «Знаете, они потеряли сына! Пропал без вести! Несчастные родители! Правда, мальчик был трудный...»

Стало холодно. Под утро, наверное, ударит мороз. Так что ночевка в сугробе нас не устраивает.

И тут Егор вспомнил — есть место, куда ребята бегают покурить, а те, кто повзрослее, — целоваться.

Площадка перед чердаком! Вряд ли кому придет в голову забираться туда в новогоднюю ночь.

Егор перебежал через газон, заваленный слежавшимся снегом, переждал за машинами, пока в подъезд вваливалась целая семья, причем папаша тащил длинную худосочную елку. Что они, ее ночью наряжать будут?.. Ну вот, вроде путь свободен.

Егор вошел в подъезд. Лифт долго возвращался сверху. Егору все казалось, что сейчас за спиной стукнет дверь подъезда и кто-нибудь из гостей или соседей спросит: «А ты что здесь делаешь?»

Наконец двери лифта разъехались. Егор шагнул внутрь, и рука, не подчиняясь мозгу, нажала на кнопку пятого этажа.

Только доехав, Егор спохватился, что ему надо выше.

На девятом, последнем, этаже Егор вышел из лифта. Четыре квартиры и ажурная железная лестница наверх к чердаку.

Егор задержался у лифта, стараясь среди торопливых — ведь последние минуты — звуков угадать те, что доносились с пятого этажа. Да что услышишь, если дверь в квартиру закрыта!

Егор не пошел на чердачную площадку, а начал спускаться по лестнице — как во сне. Не хотел, а спускался. Восьмой этаж, седьмой... этажом ниже остановился лифт, застучали шаги, звонок в дверь — нервный, отрывистый, — и следом раздался взрыв голосов:

— Успели! Какое счастье! Что случилось? А мы уж думали...

Они-то успели. Теперь вместе со всеми поедут на поезде «Новый год». Кому-то это кажется счастьем...

Егор подождал, пока дверь захлопнется и отрежет звуки.

Затем пошел дальше. Нет, он не собирался к себе — только дойдет до двери, а там... Егором овладела тупость.

Ноги сами принесли его к двери. Он постоял, рассеянно водя пальцем по медным шляпкам гвоздей, рассекавшим ромбами черный дерматин, которым была обшита дверь. Ничего не разберешь. Только гул голосов.

Рука сама достала ключ, сунула его в скважину и повернула. Дверь беззвучно отворилась. В прихожей было много шуб и пальто — они перегрузили вешалку и лежали грудой на стуле. А рядом, как в магазине, стояли строем женские сапоги.

Из большой комнаты доносились голоса. Если говорят о нем — он шагнет дальше.

Голос Бори Семиреченского:

— Ну, у всех налито? Артур, телевизор включил?

— Включаю.

Голос отца:

— Садитесь, а то упустим.

Нина:

— Ну, кто же откроет шампанское? Где настоящие мужчины?

Но мать? Она-то думает о Егоре?

Вот ее голос:

— Боря, положи себе рыбки, ты имеешь гадкую манеру не закусывать.

— Это я только нечетные не закусываю. А четные запиваю!

Все засмеялись. Сквозь смех несся ровный гул — Егор представил, что на экране телевизора видна Спасская башня.

Звон бокалов, смех, шум телевизора, кашель... А где же Егор? Его забыли? Оставили на платформе?

Пальцы все еще сжимали ключ.

Никто не почувствовал, что несчастный, потерянный человек стоит от них в трех метрах. Да при чем тут чувства? Все люди несутся к границе года. Сейчас поднимут бокалы, содвинут их разом... В новом году они отлично обойдутся без него.

И в этот момент Егор понял, что надо сделать.

Егор отступил из прихожей, захлопнул за собой дверь и кинулся вниз по лестнице. Начали бить куранты.

Он точно знал, что, когда он выбежит из подъезда, диктор торжественно произнесет: «С Новым годом, дорогие друзья!»

Он не услышит последнего удара часов и возгласа диктора.

Дверь подъезда сама приоткрылась, пропуская его.

Вокзал опустел. Поезд ушел и унес с собой не только веселых туристов, но и весь мир, к которому они принадлежали.

Егор не слышал, как за спиной закрылась дверь подъезда.

Он пошел вперед и через двадцать шагов остановился.

За те минуты, пока он был в доме, снег на дворе стаял.

Двор выглядел серым, грязным, осенним, и небо над головой было затянуто сизыми тучами, которые быстро неслись над крышами.

Ночь кончилась, но день не наступил.

Это был мир сна, но Егор знал, что не спит. Он мог бы ущипнуть себя, но в том не было нужды.

Еще одна странность бросилась в глаза: ни в одном из окон не горел свет. Окна казались слепыми, и даже стекла не блестели. Совершенно очевидно — в этом доме никто не жил. Как и в доме напротив.

Впрочем, все это пустяки! Главное — удалось! Он ушел от них, он покинул праздничный поезд и нашел то место на земле, куда можно спрятаться никому не нужному человеку.

Егор стоял посреди двора и привыкал к новому миру.

Или к старому миру?

Он, разумеется, никогда не задумывался, каково оказаться одному, по ту сторону границы, но внутренне он сразу согласился с тем, что в прошлом году должны остаться дома, асфальт, небо. А как же иначе? Ведь дома не движутся сквозь время вместе с людьми — они есть в прошлом, они остаются и в будущем. А животные? А растения?

На второй вопрос ответ нашелся сразу. Деревья, чахлые саженцы, посаженные два года назад посреди двора, исчезли. Лишь одно из них, что засохло еще прошлым летом, осталось прутиком над покосившейся скамейкой.

Мгновенно вспыхнуло любопытство: а что же произошло дома? Подняться наверх и посмотреть?

Нет, страшно. Даже не страшно, а не хочется. Улица — ни к чему не обязывающее место. А дома, даже если там никого нет, ты встретишься с чем-то, что принадлежало тебе или маме.

Егор вышел из ворот.

Улица была пуста, как бывает пусто в рассветный осенний час, в беспогодье. Троллейбусы еще не вышли на линию, а запоздавшие пешеходы разошлись по домам и спят.

Нет, не спят, поправил себя Егор. Они смотрят телевизоры. В будущем году.

Егор остановился посреди улицы и с облегчением вздохнул. С облегчением, как человек, нашедший выход из черного, дремучего леса.

Его чувство было схоже с тихой радостью графа Монте-Кристо, выбравшегося на свободу. Пока ему все равно, какая из себя эта свобода. Главное, что ты больше никому ничего не должен и никто больше не скажет тебе, что надо делать.

Я вам не нужен? Я ушел.

Вместо сквера по ту сторону улицы был серый пустырь, через него в два ряда тянулись скамейки. Егор подошел к ближайшей скамейке и пощупал пальцами холодную, чуть влажную спинку. Вдруг и скамейка лишь привиделась ему? Но скамейка была реальной. Можно даже сесть на нее и подумать.

Егор сел. И понял, что за последние несколько минут он устал так, словно таскал мешки на овощной базе.

Почему же?

А потому, что ты живешь шестнадцать лет в обыкновенном мире. Ты точно знаешь, что чудес не бывает, и если летающие тарелочки появляются, то, уж конечно, не на твоем дворе. Это в книгах бравые капитаны сражаются с пиратами и летают на Луну, а в жизни ты получаешь очередную «пару» за сочинение по Некрасову и отец решает, что это прекрасный предлог, чтобы отказаться от обещания подарить тебе велосипед. В твоем мире была «холодная война», Берлинская стена и перестройка. А здесь?

Представь себе, кто-то рассказывает историю молодого человека Е., который отказался идти со всем человечеством в следующий год, потому что у него не сложились отношения с родителями, и которого никто не любит. В этом рассказе фигурировал бы Жора, заигрывающий чужие магнитофоны...

И ты, Егор, отложил бы этот рассказ в сторону, потому что даже фантастика должна иметь разумные пределы.

Можно полететь на Марс или на Новую Гвинею, можно спуститься в пещеру или в морскую впадину, можно даже, говорят, отправиться куда-то на машине времени.

Но ведь ты, Егор, без всякой машины выпал из потока времени.

Время несется мимо, а ты сидишь на берегу и смотришь на эту холодную черную реку. А может быть, ты переместился в иной мир, параллельный с нами, во всем похожий на наш, но мертвый, в котором существуют только неживые вещи?

Значит ли это, что я здесь совсем один?

Казалось бы, даже одной такой мысли достаточно, чтобы смертельно испугаться. Но страха не было.

Как и голода. Ведь только что Егор был страшно голоден, слюна текла, как у павловского пса. Сейчас он вспомнил о чувстве голода, но не испытал его.

Егору было интересно. Его не беспокоило, как вернуться домой, — ему вовсе этого не хотелось. Ему хотелось поглядеть на этот новый мир. И понять, что это все значит. Ведь этот мир не может быть сказочным хотя бы потому, что Егор, вполне нормальный и трезвый человек конца XX века, по нему разгуливает.

Надо проверить.

Егор зажмурился, потер глаза. Потом, дернув головой, резко открыл их.

Вокруг была та же самая серая пустота, беззвучная и оттого густая и даже вязкая.

В конце пустыря возле выхода на улицу Егор увидел строения, которых раньше здесь не было.

Видно было недалеко, словно над землей тянулся легкий и почти прозрачный туман. Лишь подойдя к строениям шагов на пятьдесят, Егор сообразил, что видит избушки. Самые обыкновенные деревенские избушки, которым не место на проспекте Вернадского.

Избушки тянулись, образуя улицу, и крайняя из них прижалась к двенадцатиэтажному дому. Стекол в окнах не было.

Егор заглянул в окошко. Внутри было темно и пахло сыростью.

Он потянул за дверь, дверь заскрипела, и этот звук понесся над улицей, скоро заглохнув между домами.

Егор сделал шаг внутрь дома, и тут же дряхлые доски взвизгнули под ногой и половица подломилась. Хорошо еще, что Егор — легковес и у него хорошая реакция. Он выскочил из избы, чуть не грохнулся на асфальт, из которого высовывались под углом обломанные доски. Он с трудом удержался на ногах и выпрямился. Оглянулся, испугавшись, не видел ли кто его приключения.

Но город был пуст.

«Или я сошел с ума?» Такая мысль возникла, как будто звякнул отдаленный звоночек.

«А может быть, это все мне только кажется?»

Хоть мысль пропала, она успела нарушить внутреннее спокойствие Егора.

Разношенный короткий сапог Егора был испачкан древесной трухой. Он наклонился и размял пальцами щепку. Все было настоящим. И щепка, и эти избушки, которых быть здесь не может.

«Но ведь сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие, — подумал Егор. — Им кажется, что все вокруг нормально. Значит, не исключено, что я сейчас очнусь... проснусь дома.

Или чудеса все же бывают? Чудеса с точки зрения обыкновенного человека, потому что мир вовсе не такой простой, как на уроке естествознания. Я потерплю, и все вернется на свои места — как спадает вода после наводнения, если ты сумел отсидеться на крыше.

Неужели я начал бояться?»

Послышался глухой удар, словно в отдалении выстрелила пушка. Егор вздрогнул. Поглядел в ту сторону, ничего особенного не увидел, если не считать, что за избой стояла большая, в два метра высотой, тумба для афиш.

Егор подошел к тумбе. Поверх прочих листов была наклеена афиша о выступлении джаз-оркестра Олега Лундстрема во Дворце культуры имени Лихачева. Но кто такой Лундстрем и что это за Дворец культуры, Егор не знал. Он попытался оторвать край афиши, и под ней обнаружилась знакомая ему картинка: женщина, подняв руку, призывает к защите Родины. Сквозь дыру на груди воинственной женщины видны были старинные, тесно стоящие буквы. «Казино «Чардаш» с твердым знаком на конце. Там были и другие бумажки. Почему-то от руки большими кривыми буквами на желтом листе — к сожалению, от него остался лишь верхний край — было начертано: «Голосуйте за четвертый список — партию Народной свободы!» Но почему и когда голосовать, осталось непонятным.

Он постарался осторожно оторвать репертуар Молодежного театра, чтобы узнать, что же обещает человечеству партия Народной свободы. Но тумба от такого несильного толчка стала заваливаться и падать... Егор испугался, хотел удержать ее, но его руки вошли внутрь тумбы, и она рассыпалась, превратившись в кучу ржавого железа, бумаги и трухи... Неожиданный порыв ветра поднял эти бумажки...

По улице быстро ехал человек на велосипеде, переднее колесо которого было больше маленького, заднего. На человеке были высокие сапоги, перетянутый поясом блестящий резиновый плащ и каска наподобие пожарной, надвинутая так низко, что из-под нее был виден лишь кончик носа и короткая черная борода.

Надо было окликнуть его, спросить... но о чем? Человек оглянулся, словно уловил мысль Егора. Оказалось, что у него на носу черные очки и он похож на муравья. Гигантского блестящего муравья.

Человек нажал на педали, и велосипед, тяжело крутя колесами, покатил дальше.

Нельзя было его окликать. Человек был чужим.

Если в мире, который окружал Егора, были свои точки отсчета — обернись и увидишь свой дом в ряду таких же, — то человек на велосипеде, подобно старым избушкам, ничего общего с нормальным прошлым не имел. И глядеть на него было страшно.

Надо кого-то найти. Любого обыкновенного человека.

Это желание означало, что страх приближался к Егору. Чувство освобождения улетучивалось. Еще немного — и он попросится обратно.

Егор взглянул на часы. Стрелки стояли на двенадцати.

Они не сдвинулись ни на секунду с того момента, как он вышел из подъезда. Егор потряс рукой, щелкнул по стеклу — часы стояли. Секундная стрелка не двигалась.

Значит, там, куда попал Егор, нет времени. А так не бывает. Старик Эйнштейн лопнул бы от зависти. Эйнштейн, где ты? Но шутить не хотелось.

Страх наползал, как высокая волна — от нее убегаешь, увязая босыми ногами в песке, а она поднимается, закрывая солнце зеленым занавесом, и вот-вот поглотит тебя, как маленькую букашку.

Вдруг Егору показалось, что кто-то ползет за скамейкой. Он замер. Оказывается, ветер пошевелил тряпкой.

Егор побежал. Он бежал, как по темному лесу, боясь оглянуться. Наверное, страх перед лесом и есть самое древнее из человеческих чувств, сохранившееся с тех пор, когда по лесу бродили волки и тигры, а человек был беззащитен.

Но лес кончается. Из него можно убежать. И за краем леса есть дом...

Скамейки отлетали назад, как столбы за окнами поезда. Егор метнулся было к дому, но потом свернул в сторону, к метро, словно там было безопаснее. Оттого, что в городе не осталось звуков: ни щебетания птиц, ни звона трамвая, ни далекого гудка, ни голосов, — стук шагов Егора заполнял истосковавшийся по шуму воздух, который пережевывал звуки, смаковал, наслаждался ими, выпускал, как голубей, летать над крышами, дробил на части и рассыпал по мостовой.

Деревья и кусты между метро и кварталом массивных позднесталинских домов тоже исчезли, и круглая банка наземного вестибюля выглядела одиноко и нелепо, как голый толстяк посреди улицы. Часть коммерческих киосков, что еще вчера вечером окружали метро, пропали, другие стояли, как прежде, но были закрыты железными ставнями, и непонятно, остались там товары или нет. Мир без времени подчинялся своим нелогичным законам. Например, вывеска магазина «Рыба», составленная из стеклянных букв, свалилась на землю, и похожие на аквариум буквы разбились. На месте ее висела другая вывеска, тоже «Рыба», но не стеклянная, а нарисованная на металле. Рядом с ней из открытого окна свисало выцветшее красное знамя. Киоск «Мороженое» был открыт, но мороженого в нем не оказалось. Только картонные коробки.

Еще одна неожиданность: в вестибюле метро горел свет — слабый, желтый, живой свет. Словно изнутри кто-то звал Егора.

Егор толкнул дверь в метро, она послушно отворилась. В ряд у стены висели телефоны-автоматы, напротив стоял театральный киоск с приклеенными изнутри к стеклу афишами и непроданными билетами на хоккей. За проемом был круглый зал, из которого вниз шли эскалаторы. Над круглым залом горел светильник.

Сначала Егору показалось, что зал пуст, но тут за металлическим барьером он заметил краешек клетчатого пальто. Он сделал несколько шагов и увидел замеченную им ночью девочку в поношенном пальто и туго повязанном сером платке. Девочка сидела, сложившись калачиком. Она спала.

Егор не знал, как разбудить ее, чтобы не испугать. Но девочка даже во сне почувствовала его взгляд и подняла голову. Она смотрела на Егора без страха и любопытства. Потом легко поднялась и взглянула на замерший эскалатор. Эскалатор уходил вниз, в темноту, и оттого казался бесконечным. Егору показалось, что девочка ждет, когда же эскалатор поедет вновь.

Между Егором и девочкой был невысокий металлический барьер. Егор перепрыгнул через него.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Егор.

Девочка не ответила.

— Я тебя еще вечером видел, — сказал Егор. — Я на тебя обратил внимание.

Девочка молчала и смотрела на эскалатор. Будто терпеливо ждала, когда же этот парень уйдет и оставит ее в покое.

— Честное слово, я рад тебя видеть, — сказал Егор. — Все-таки теперь я здесь не один.

Девочка пожала плечами. Клетчатое пальто было ей коротко, из-под него торчали ноги — прямые и тонкие как палки. Лампа над головами начала тускнеть, словно кто-то включил реостат.

— Больше никто не придет, — сказал Егор. — Пошли отсюда.

— Я не пойду, — сказала девочка. Голос у нее был хриплый, низкий. Наверное, она простудилась.

— Но почему?

— Он обещал приехать. Он сказал, что приедет.

— Метро не работает. — Егор старался не сердиться на упрямство этого ребенка. — Поезда не ходят. Ты же видишь, что никто не поднимается.

— Я подожду, пока оно снова заработает.

Лампа над головами замигала и погасла. Лишь слабый свет проникал снаружи сквозь проем. Девочка вдруг пошла к эскалатору, словно хотела убедиться в том, что он и на самом деле не движется. Егор не стал ей мешать. Девочка остановилась перед непроницаемой темнотой и вдруг спросила:

— Ты где?

— Я жду, — сказал Егор, — пошли.

Они вышли в серый воздух. Девочка схватилась за рукав куртки Егора, будто испугалась, неожиданно проснувшись. И Егору сразу стало спокойнее — как будто девочка забрала у него страх, а ему оставила заботу о слабом существе.

Они стояли под навесом у метро.

— Светает уже, — сказала девочка.

— Здесь всегда так, — сказал Егор. Хотя, конечно, не был в этом уверен. Но он был старожилом этого мира, а девочка только в него входила.

— Светает, — упрямо повторила девочка.

— Посмотри! — громко сказал Егор и осекся — слишком уж далеко разнесся голос. — Снега-то нет.

— Снега нет, — в тон ему произнесла девочка.

От входа был виден вагон трамвая. Вагон был старый, стекла разбиты, как будто его привезли со съемок про войну сорок первого года.

— Как тебя зовут? — спросил Егор.

— Люся, — ответила девочка. — Люська Тихонова.

Она обернулась к Егору и впервые поглядела на него, словно признала его существование. Глаза у Люськи были серые с черным ободком, а брови оказались тонкими и будто прове-

денными циркулем, прядь темных волос выбилась сбоку из-под платка. Когда Люська говорила, брови двигались, уезжали вверх, выражая удивление. Люська часто удивлялась.

— Ну, я пошла, — сказала Люська.

— Куда же ты пойдешь? — спросил Егор.

— Домой? — Получилось не утверждение, а вопрос. Словно она и сама в этом не была уверена.

Егор решил было, что Люська сообразила, что она попала в другой мир, но оказалось — причина куда более земная.

— Ты хочешь домой? — спросил Егор.

— А куда же мне теперь? Константин не приехал.

— Кто такой Константин?

— Отец мой, — ответила девочка. — Обещал, а не приехал. А домой я не хотела. И сейчас не хочу.

— Я думаю, что дома у тебя никого нет, — сказал Егор.

Брови опять убежали наверх. Люська молчала — брови спрашивали.

— Ты ведь не хотела Нового года?

— А на что он мне? — спросила Люська. — Только бить будут.

— Кто?

— А все — и мать, и отчим. Они напьются и будут бить меня. В четыре руки.

— Я думаю, — сказал Егор, — что случилась страшная штука. Мы с тобой остались на платформе, а поезд ушел.

— Ты чего говоришь?

— Может, я неправильно понимаю, а может быть, я, к сожалению, прав, — сказал Егор. — Но если очень не хочешь переходить в новый год со всеми людьми, то можно остаться.

— Где?

— Наверное, в старом году.

— А это старый год? — Люська обвела рукой вокруг. Рука высунулась из короткого рукава пальто.

— Ты же видишь — людей нет, даже деревьев нет.

— Ну уж! — вдруг ожила Люська. — Так не бывает.

— Я тоже знаю, что не бывает, — согласился Егор. — Но вот случилось.

— А я не хочу домой идти, — сказала Люська. — Я же убежала, потому что Константин обещал ко мне приехать. А теперь уж, наверное, не приедет. Но мне все равно некуда идти. Придется домой.

— А ты далеко живешь? — Егору надоело втолковывать этой тупой девочке простые вещи.

— Вон там, за углом.

— Ну хорошо, — сказал Егор, — пошли, ты сама посмотришь, что там никого нет.

— А ты иди по своим делам, — сказала Люська — Я без тебя дом найду.

— Как хочешь, — согласился Егор. — Я здесь подожду. Если никого не найдешь, возвращайся. Но думаю, мы с тобой здесь вдвоем остались.

— Я пошла, — сказала Люська, но не двинулась с места. Егор стоял, ждал. — А куда они в самом деле делись?

— Опять двадцать пять!

Тогда Люська побежала прочь. Это было так неожиданно, что Егор кинулся было вслед, потом взял себя в руки. Он был уверен, что никого она дома не найдет.

Правда, ему было страшновато, потому что он понимал, что какие-то люди здесь все же есть и девочку могут обидеть. Поэтому Егор медленно пошел следом за Люськой.

Но тут его внимание отвлек звук разбитого стекла. Звук донесся сверху. Егор поглядел туда. Блестя на фоне бегущих облаков, с высокого шестого или седьмого этажа падали осколки стекол. А в самом окне был виден человек, совсем голый, с длинными волосами, но не разберешь — мужчина или женщина — далеко и освещение не очень хорошее.

Осколки разбитого окна зазвенели, рассыпаясь на кусочки, о мостовую.

Тот человек, наверху, смотрел на них, словно удивлялся. Потом неловко перевалился через подоконник — Егор даже крикнуть ему не успел, чтобы был поосторожнее, — и медленно, а главное, совершенно беззвучно полетел к земле, будто испытывал себя, может ли он летать. Он плавно переворачивался в полете, и казалось, что ему лететь нравится.

Но полет оборвался тупым и влажным ударом.

Человек лежал на асфальте.

Егор кинулся было к нему — может, нужна помощь. Ведь в таких случаях не думаешь... Егор пробежал несколько шагов по направлению к лежащему телу. И замер.

Потому что из-за угла быстро, как таракан, выскочил давешний велосипедист. Или другой, но на него похожий. Он словно поджидал там, за углом, и подъехал буквально через минуту после смерти самоубийцы.

Велосипедиста Егор боялся — с первой встречи. Велосипедист был деловит и бесстрастен. Как робот.

Он подъехал к стене, прикоснулся к ней рукой и повернул

большое колесо так, чтобы удобнее ступить на землю. Оставив велосипед прислоненным к дому, он сделал два шага и наклонился над распростертым телом самоубийцы. И хотя Егору было до него метров сто, он довольно четко видел, что происходит.

Как бы стремясь ожить, самоубийца двинул рукой — Егор видел, как его пальцы сжимались и разжимались. Затем дернулась голова.

Велосипедист внимательно рассматривал лежащего на асфальте человека. Затем откинул назад черную блестящую полу плаща и, сделав резкое движение рукой, вытащил из ножен короткий меч. Или длинный нож. Меч блеснул в руке. Велосипедист тщательно прицелился и занес меч. Самоубийца робким движением поднял руку, будто стараясь защититься от удара. Но было поздно. Меч опустился на шею самоубийцы, и его голова покатилась в сторону. Велосипедист шагнул следом за головой, нагнулся и быстрым движением поднял ее за волосы. Темная кровь лилась из шеи, как из опрокинутого кувшина.

Движения велосипедиста были деловитыми, экономными. Под другой полой плаща обнаружился мешок. Велосипедист сунул голову в мешок и затянул его.

Затем свистнул. Переливчато, долго — Егору было видно, как вытянулись трубочкой его губы.

Ничего не случилось. Велосипедист отошел к стене, взялся за руль велосипеда и ловким движением взобрался на седло. Велосипед совершил полукруг, прежде чем человек сумел направить его по проспекту.

Егор смотрел вслед велосипедисту.

Он не мог бы сказать себе, испуган ли тем, что увидел, или нет. Он смотрел на эту сцену без интереса, внутренне сжавшись, но не более как на отвратительную сцену в фильме. Его это как будто не касалось.

Егор кинул взгляд в ту сторону, куда убежала Люська. Вот ей этого видеть не следует. Но Люська не возвращалась.

Надо бы отыскать ее. Но какое-то неясное, даже стыдное любопытство заставило Егора вместо этого медленно направиться к обезглавленному трупу. Ему самому непонятно было, что же он собирается там увидеть. Да и не хотелось видеть.

Но он шел.

Не доходя шагов десяти, Егор заметил какое-то движение возле тела, как будто покойник снова намеревался ожить.

Егор замер. Потом все же проклятое любопытство заставило его двинуться дальше.

Но не до конца.

Он остановился в пяти метрах от тела и тогда понял, что же движется. Это были большие светло-коричневые муравьи, размером с пчелу, — они выбегали вереницей из открытого подвального окна и стремились к телу. Они окружили лужу крови на асфальте, облепили шею и руки. Их становилось все больше, и уже казалось, что весь человек шевелится.

Егор решил, что именно велосипедист свистком вызывал муравьев, которые здесь служат как бы санитарами. Иначе откуда взяться муравьям во вчерашнем мире?

И тут до него донесся высокий крик.

Кричал ребенок.

Егор сообразил, что это Люська.

И сразу забыл о страшном велосипедисте, муравьях и самоубийце — главным в этом мире была Люська. Она возвращала Егора к разумным действиям и чувствам. Пока она есть, с ума не сойдешь, хотя бы потому, что надо заботиться о ребенке.

Егор побежал через площадку у метро к домам, что толпились за круглым вестибюлем. Крик оборвался. Стало совсем тихо.

Егор бежал и мысленно уговаривал Люську не кричать, потому что ее может услышать велосипедист.

Егор вбежал во двор дома, в котором был магазин «Рыба».

И сразу увидел Люську. Люська неслась по пустынному двору, но не к нему, не к метро, а к арке, ведущей на проспект.

— Люся! — позвал Егор. — Ты куда?

Люся остановилась как вкопанная. Повернула голову. С надеждой и страхом — не показалось ли ей. И тут увидела Егора.

— Ну где же ты! — закричала она с укором. — Почему тебя нет?

— Ты заблудилась? — спросил Егор.

Он был несказанно рад тому, что ничего плохого не случилось.

— Я пошла к нам, — сказала Люська. Она протянула руку и взяла его за пальцы. Ее рука была невесомой и пальцы такими тонкими, что страшно было ей сделать больно. — Дверь открыта, а дома никого. И вещи унесли. Кто унес вещи?

— Не знаю, — сказал Егор. — Какие-то вещи здесь остаются, другие исчезают. Разве нам с тобой понять?

— А что случилось? — На этот раз Люська спрашивала без упрямства, просто с интересом.

— Я тебе объяснял.

— Да, ты объяснял, — согласилась печально Люська. — Только я с самого начала не поняла, а теперь тем более не понимаю. Я бы обратно вернулась.

— А ты хочешь?

— Здесь так плохо.

— Здесь плохо, — согласился Егор.

— Куда мы пойдем?

— Ты устала?

— Нет, только хочу спрятаться. Может, в метро спрячемся и ты мне все расскажешь?

— Не надо в метро, — сказал Егор.

Если есть муравьи, подумал он, то могут быть и крысы. И всякие гады. Вернее всего, они таятся в темных местах. Так что лучше оставаться на свету.

Они вышли под аркой на проспект. Лишенный деревьев и снега, лишенный машин и людей, проспект стал невероятно широким и тоскливым. Казалось, что до домов на той стороне не добежишь.

— Скорей бы люди возвращались, — сказала Люська. — Если бы была золотая рыбка, я бы ее попросила, чтобы люди возвратились.

У закрытого железными ставнями коммерческого киоска возилась какая-то фигура. В руке у этого человека был лом. Человек был странно одет — в черное длинное пальто без одного рукава, вместо него был виден оранжевый рукав рубашки.

Волосы у человека были серыми, они окружали тусклым венчиком блестящую лысину.

— Пойдем отсюда, — сказал Егор.

— Погоди, — возразила Люська. — Давай посмотрим, что он делать будет.

Человек ковырял ломом в замке ставня, поддел ее и с натугой рванул. Ставень страшно заскрипел, замок отлетел и со звоном упал на тротуар.

Ставень открылся, и оказалось, что за стеклом палатки осталось немало бутылок.

Человек с размаху ударил ломом в стекло. Несколько бутылок вывалилось наружу. Человек подхватывал падающие бу-

тылки. Одну сунул в карман пальто, вторую за пазуху. Третью держал в руке. Лом мешал ему, но человек с ним не расставался.

Теперь, когда он обернулся, можно было увидеть его лицо, мятое, серое, как и волосы. Все в нем было обвислым — нижняя губа, нос, щеки.

Егор попытался закрыть собой Люську, но она вырвалась.

— Пыркин! — крикнула Люська. — Ты что здесь делаешь?

— Люська! — Пыркин обрадовался. — Ты меня помнишь, скворец?

Пыркин с трудом закинул лом на плечо. Егор заметил, что он бос, но ноги у него такие грязные, что не сразу сообразишь, ботинки это или пальцы наружу.

— Пыркин, — спросила Люська, — ты зачем хулиганишь?

— А я не хулиганю, — с достоинством ответил Пыркин. — Я делаю тщетную попытку. А кто с тобой?

— Это Егор, — сказала Люська. — Он меня в метро нашел. А что случилось?

— В каком смысле, скворец?

— Где все люди?

— Нету людей, — грустно произнес Пыркин, покачнулся, лом вырвался у него из руки, скользнул по спине и грохнулся об асфальт. — Мы с тобой, Люська, оказались на том свете. Хотя есть и другие теории, с которыми ты имеешь возможность познакомиться.

— Пыркин раньше учителем был, — сообщила Люська, пропустившая мимо ушей сентенцию о том свете. — А потом спился.

— А собачку мою не видели? — спросил Пыркин. — Черная такая собачка Жулик. Может, сманили? Нелюди его не любят.

— Нет, не видели, — сказала Люська. — Не было у тебя никогда собачки.

— Это в той жизни не было, — сказал Пыркин.

— А он у нас во дворе жил, — сообщила Люська Егору. — В прошлом году пропал.

— В позапрошлом, — поправил ее Пыркин. — Под Новый год. Сегодня справляем вторую годовщину моего пребывания на том свете.

Егор понимал, что никакой это не тот свет. На том свете трубят ангелы и так далее. Это для религиозных людей. А Егор не был религиозным человеком.

— Точно, под Новый год, — согласилась Люська. — Его с милицией искали. Овчарку приводили, честное слово. Сама черная, а брюхо серое. Не веришь?

— А Жулик весь черный, — сказал Пыркин.

— Не нашли? — спросил Егор. Вопрос казался странным. Если он здесь, то, конечно же, не нашли. Но Егор спрашивал не зря. Ему интересно было узнать, не остается ли что-нибудь от человека в том, настоящем мире? А вдруг это и в самом деле царство мертвых? Тогда должны были найти труп Пыркина. А перед ними сейчас — его душа.

— Не нашли, — сказала Люська. — Мать говорила, что и хорошо, что пропал. Он как напьется, дикий становился, безумный.

— Вот это лишнее, скворец. Пыркин теперь — другой человек. И вы, молодой человек, не обращайте внимания на детский лепет. Людмила светлая, но замученная жизнью девочка. Не исключено, что мы имеем дело с генетическим дефектом, — заявил Пыркин.

— Какой еще дефект! — обиделась Люська.

— Ну что, вспомним старое? — спросил Пыркин и, поднеся к зубам бутылку водки «Русская», сорвал крышечку. Затем коротко и энергично взболтал водку и воткнул горлышко себе в рот, как будто кормил младенца детским питанием.

Голова Пыркина запрокинулась, кадык ходил по горлу, вот-вот разорвет кожу! Егор и Люська смотрели как завороженные. Водка в бутылке колыхалась, втягиваясь, как в воронку, в горлышко, и пропадала в Пыркине. Когда оставалось около половины, Пыркин вдруг оторвал горлышко от губ и, неловко замахнувшись, кинул бутылку. Она разбилась об асфальт, брызги стекла и жидкости разлетелись букетом, напомнив Егору, как прыгал из окна самоубийца.

— Чепуха, чепуха и всяческая чепуха! — закричал Пыркин, закашлялся и стал отплевываться. Это было неприятное зрелище.

Люська сказала:

— Пойдем отсюда, бог с ним. Алкоголик.

— Не уходите! — откашлялся Пыркин. — Я не пью вовсе. Это так, для памяти.

— Ничего себе память! А еще учителем был, — сказала Люська.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил с чувством Пыркин. — Скорбь моя происходит оттого, что здесь нельзя насытить желудок и напоить мою голову. Здесь нельзя напиться, отключить мозги и забыть об ужасной своей судьбе. Понятно?

— Понятно, — сказала Люська, хотя не поняла.

— Эх, одно утешение, что вкус остался.

— Вы только из-за вкуса пьете? — спросил Егор.

— А ты попробуй, давай я тебе другую бутылку открою. Ты попробуй, внутрь проходит, а реакции никакой. Хоть ведро выпей. Дать попробовать?

— Егор, не смей и думать! — приказала Люська, опытная в обращении с пьяницами. — Это так начинают с глоточка, с рюмки. А потом вся жизнь будет поломанная.

— Не буду я пить. Видите, — сказал Егор, улыбнувшись, потому что его вдруг тронула забота Люськи.

— И правильно, — сказал Пыркин. — Мне больше останется.

Он громко засмеялся, хотя смеяться ему не хотелось.

Потом оборвал смех, и сразу стало тихо. Тишина напомнила, что они здесь одни.

— Ну пошли, что ли, — сказал Пыркин.

— Куда? — спросил Егор.

— Вам здесь оставаться нельзя. Сожрут, убьют, издеваться будут. Пошли к нам. На передовой пост империи.

— А вы там не пьянствуете? — спросила Люська.

— Объяснили же тебе! Рады бы пьянствовать, но водка на мозг не действует. Ну, пошли, пошли, а то кто-нибудь придет.

— Пошли, — сказала Люська и, взяв Егора за руку, потянула за собой.

Пыркин пошел впереди.

— Тут недалеко, — сказал он. — У речки живем. На Воробьевых горах, у речки.

— На Ленинских горах? — догадался Егор.

— Называй как знаешь. Может, они и Ленинские, если он с Огаревым тут клятву давал на верность народу.

— Нет, — попался на удочку Егор. — С Огаревым тут клятву давал Герцен.

— Точно, — хмыкнул Пыркин. — Ленин давал клятву с Троцким.

И громко засмеялся. Пыркин не умел иначе смеяться. Он смеялся, широко открыв рот, зубы наружу, щеки трясутся, нос болтается — ну как будто индюк смеется. Только очень отощавший индюк.

Пыркин наступил на стекло, подпрыгнул, задрал ногу и стоял на одной, выковыривая стекло из черной подошвы.

Они прошли мимо круглой громады нового цирка, некоторые стекла его были еще целы. Слева поднимался из пустыря университет, справа пошли причудливые здания Детского музыкального театра. Когда переходили улицу, Егор непроизвольно посмотрел налево.

— Нет здесь троллейбусов, — сказал Пыркин.

За бензозаправкой у Дома пионеров стояло несколько избушек. Еще одна деревня. Пыркин немного прихрамывал, горлышко бутылки высовывалось из кармана пальто. Люська семенила рядом с ним. Егор чуть отстал и попытался прогнать это бредовое видение. Он зажмурился и сосчитал до десяти. Дальше считать не решился, чтобы не упасть. Открыл глаза, но ничего не пропало: на фоне серого неба шагали две фигуры. Впереди сутулый Пыркин в черном пальто, один рукав оранжевый, за ним в клетчатом пальтишке девочка Люська.

— Ты в каком классе учишься? — спросил Пыркин, не оборачиваясь.

— В девятом.

— Может быть, я тебе буду курс истории читать, — сказал Пыркин, — чтобы ты не отставал от программы. Мы тебе и физика найдем. Есть у нас один.

Егор пожал плечами — предложение звучало глупо.

— Меня называй Вениамином Сергеевичем, — сказал Пыркин. — Я не люблю, когда по фамилии называют старших, словно алкоголика какого-то.

— А здесь много людей? — спросил Егор.

— Есть люди, — ответил Пыркин.

— А вас с милицией искали, — почему-то повторила Люська. — Овчарку приводили.

— Слышал, слышал! — сказал Пыркин. По мере приближения к реке он становился трезвее и собраннее. — К сожалению, у меня сманили Жулика. Это была очень нужная собачка. В экспедиции никогда без Жулика не ходил. Жулик нелюдей чует.

— Кого?

— Увидишь, — сказал Пыркин. — Без них не обойдешься. Из-за них, скажу тебе, кроме меня, никто из наших в экспедицию не ходит.

Дорога нырнула вниз, прорезая обрыв к реке, но они пошли стороной, по голому крутому склону.

— Они поджидают у бывшего эскалатора, — сказал Пыркин. — Там и сидят.

— Объясните нам, кто такие и почему сидят, — попросил Егор.

— Некогда. Постараемся их обойти.

Он вынул из кармана бутылку, держа ее за горлышко как гранату.

— А нам что делать? — спросила Люська.

— Вам меня слушаться. Когда скажу бежать — бегите. Главное — прорваться к Москве-реке. Но если мы пройдем на цыпочках, может, обойдется.

Они спустились ниже, и тут, как назло, Люська раскашлялась.

— Молчи! — зашипел Пыркин. — Ты нас всех погубишь.

По закону подлости Люська просто заходилась в кашле.

— И зачем только я вас с собой взял! — воскликнул Пыркин.

За сухим одиноким деревом пробежала тень. Замерла, исчезла. Но Егор почувствовал, как тень смотрела на него.

— Все, — сказал Пыркин обреченно. — Нас обнаружили.

— Это фашисты? — спросила Люська, переведя дух.

— Это нелюди, — ответил Пыркин. — Хуже сионистов проклятых.

Такие слова в устах учителя, даже спившегося учителя, звучали необычно.

— Эх, Жулика нет. — Пыркин пошел вниз, размахивая бутылкой. — Держитесь ко мне ближе. Сейчас будем совершать бросок.

Они перевалили через незаметный пригорок, и перед ними открылась река. Слева она широкой серой лентой обходила стадион в Лужниках, справа был Метромост. У первой опоры Метромоста стояла голубая бытовка, оставленная рабочими.

— Хижину «Последний приют земледельца» видите? — Пыркин показал на бытовку. — Вот до нее нам и надо добежать. Это только кажется, что до нее недалеко, — бросок может растянуться на всю оставшуюся жизнь.

Пыркин кинулся вниз к реке, размахивая оранжевой рукой, мелькая черными пятками и подвывая, как обиженный щенок.

Это было похоже на детскую игру в войну.

Егор несся следом, думая только о том, чтобы удержаться, не потерять равновесия и не покатиться кубарем под откос. Рядом бежала Люська. И вдруг этот полет прервался. Егор врезался в Люську, крепко схватил ее, чтобы обоим не свалиться дальше. Пыркин сидел на земле, поджав босые ноги и размахивая бутылкой.

— Долой! — кричал он. — Уничтожу, исчадия ада!

Призраки подкарауливали людей здесь, посреди спуска,

когда некуда было деться. Наверх — сто метров, вниз — сто метров склона. А здесь площадка, по краям которой стоят три трухлявых пня.

Призраки были не настоящими и не театральными. Это были какие-то наброски, воспоминания о людях, клочки тумана, ошметки студня. Они стояли полукругом, и, хотя лиц у них не было, казалось, что призраки улыбаются.

Разглядев их, Люська уткнулась лицом в плечо Егора, чтобы их больше не видеть. Егор и сам был бы рад так сделать. Призраки вызывали первобытный животный ужас.

— На прорыв! — завопил Пыркин, метнул бутылку вперед, она раскололась на части, и земля вокруг сразу потемнела.

Призраки отшатнулись или отодвинулись на шаг, наверное, от неожиданности. И тут же опять шагнули к людям, еще ближе, чем раньше. От них шло электричество — уже кололо кончики пальцев.

Егор обнял Люську, которая старалась вжаться в него. Он искал разрыв между призраками, но путь назад был отрезан. Там уже скопились другие, они покачивались, сливались и делились, как амебы.

— Прощайте, товарищи! — крикнул нелепый Пыркин.

И тут сверху раздался звонкий, залихватский лай. Так лают только беспородные дворняжки — существа глупые и даже истеричные.

Комком черной шерсти сверху несся маленький лохматый пес.

Призраки раздались, рассыпали строй и стали превращаться в воздух, таять, как ночные льдинки в весенней воде.

Пыркин быстро пришел в себя.

— А я что говорил? — произнес он назидательно. — Подкрепление приходит в последний момент, когда на шею героя уже наброшена петля. Где тебя, сукин сын, носило?

Пес прыгал, крутился, умудрился сделать сальто, обнюхивал Люську. Поднялся на задние лапы и, бешено молотя хвостом, пытался дотянуться до руки Егора. Егор погладил пса, и тот пришел в полный восторг — завалился на спину, все четыре лапы в стороны.

— Жулик, забываешь, кто здесь твой хозяин и повелитель! — строго сказал Пыркин. Но Жулик не обременял себя такими проблемами. — По какой-то загадочной причине эти нелюди не выносят собачьего запаха, — пояснил Пыркин. — Почему, скажи мне?

— А кто они такие? — спросил Егор.

— Бог их знает. Неизвестное природное явление. А вернее всего — остатки людей, которые жили здесь, да все вышли.

— Куда вышли? — спросила Люська. Она так и не отпускала пальцев Егора.

Пыркин нагнулся, поднял комок земли, пропитанной водкой, размял в пальцах и понюхал.

— Что удивительно, — сказал он, — крайне удивительно... Запах остается. И вкус тоже. А насыщения организма не наблюдается.

Они стояли, не шли дальше, как будто набирались сил, чтобы продолжить путешествие.

— Здесь, — сказал Пыркин, продолжая нюхать комочек земли, — никто не умирает. Но люди постепенно изнашиваются. Говорят, что можно прожить тысячу лет. Есть тут один фараон, только его давно не видели. Так постепенно можно превратиться ни во что, но остаться молодым, что и ждет вас, мои дорогие друзья.

— А почему надо бояться нелюдей? — Люська не прислушивалась к рассуждениям.

— Они парализуют жертву электрическим зарядом, — сказал Пыркин. — А затем, по слухам, высасывают ее. Нуждаются в энергии. А так как энергия относительная, то насыщения не происходит... Ой, как выпить хочется. И захмелеть. Половину жизни отдал бы, чтобы захмелеть.

Пыркин пошел вниз. Егор с Люськой спускались следом, держась за руки. Люська все оглядывалась, словно опасалась, не догонят ли их призраки. Жулик носился кругами, иногда начинал лаять, и его лай был приятен. Это был настоящий живой собачий голос.

Они вышли на асфальтовую дорожку, которая тянулась вдоль воды, отделенная от реки ажурной чугунной загородкой. Но там, где стояла бытовка, загородки не было — оттуда можно было спуститься к воде.

Пыркин прибавил шагу, как бродячий рыцарь при виде своего замка.

Жулик сбегал к времянке, вернулся, проверил, все ли на месте, и убежал снова. Он был здесь свой и ничего не боялся.

Через две минуты они оказались на бетонной площадке. Перед ними стояла голубая бытовка, за ней скелетом щуки изгибался Метромост, который так и не успели отремонтировать.

— Эй! — крикнул Пыркин. Голос его вновь звучал уверенно. — Принимайте гостей.

Из времянки вышла грузная женщина на слоновьих ногах.

В ней было столько жира и мяса, что свекольные щеки выпирали наружу, прижимая темные глазки. Плотные, туго завитые волосы покачивались над головой, словно девственный лес Амазонки, губы были накрашены ярким красным цветом. Одета была женщина в некую бесформенную хламиду из синего бархата, но главной ее особенностью было обилие золотых украшений. Егору показалось, что она вот-вот рухнет под тяжестью золотых и жемчужных ожерелий и браслетов, а колец на ее толстых пальцах было столько, что самих пальцев не было видно — лишь их кончики с красными ногтями высовывались из золотых футляров.

Из-под платья виднелись синие шаровары, какие любят носить в домах отдыха пенсионеры — Егор как-то навещал дедушку в Барвихе. Туфли были тоже золотыми, с загнутыми носками, как у красавицы из мусульманского гарема.

— Гляди-ка, — произнесла женщина басом. — Молодежь явилась не запылилась.

Из-за спины женщины выглянуло низкое и широкое в плечах существо ростом с Люську, но пожилое.

— Давно пора, — сказало существо. — Нам нужна свежая кровь.

Существо было облачено в черные брюки и черный фрак — наверное, так одевались могильщики и гробовщики.

Оно вынуло руку из-за спины. В руке был черный, блестящий, правда, погнутый цилиндр. Существо надело цилиндр, видно рассчитывая, что станет выше ростом.

— Подходите, не стесняйтесь, — сказала толстуха. — Чего уж, мы с вами одна семья.

— Это Люська Тихонова, — сообщил Пыркин, не скрывая радости. — Представляешь, соседка по дому. Надо же, такое совпадение.

— У тебя все время совпадения, — проворчало существо в цилиндре. — Мне приятно встретиться с новыми добровольцами. Как тебя зовут, корнет?

Человек глядел на Егора стеклянными бешеными глазами. И хоть был на голову ниже его, показался Егору высоким и имеющим право приказывать.

— Егор!

— Фамилия, спрашиваю!

— Чехонин.

— Неправильно! Еще раз!

— Егор Чехонин. Георгий Артурович Чехонин.

— Из дворян?

— Кончай, Партизан, дети проголодались с дороги. — Толстая женщина отодвинула его, зазвенели браслеты. — Сейчас чай будем пить. Вениамин, — обернулась она к Пыркину. — Вы не возьмете на себя эту задачу?

— С удовольствием, Марфута, — ответил Пыркин. И уничижительное имя прозвучало в его устах уважительно, почти подобострастно.

— А ты выпить принес? — спросила Марфута.

— В некотором смысле одна сохранилась.

Пыркин вытащил из-за пазухи последнюю бутылку водки.

— Пришлось от нелюдей отбиваться. Жулик спас.

— Да, — произнес Партизан. Непонятно было — с маленькой буквы его произносить или с большой. — Теряем людей. Ты за Жуликом получше смотри, сведут его у тебя.

— Ты точно знаешь? — спросил Пыркин.

— Сейчас только что проезжал самокатчик из дворца, — сказала Марфута. — Узнавал, не держим ли мы животных. Я спросила, каких животных он имеет в виду. Есть указание, говорит, привезти на Киевский собаку. Очень они ее там хотят испытать. Сюда, говорят, только люди попадают. А животные не попадают.

Жулик словно почувствовал, что речь идет о нем, подбежал к Пыркину и улегся у него в ногах.

— Не попадают, не попадают, — проворчал Пыркин. — Неужели хуже людей? Неужели у него тоже не бывает чувства полной безысходности, когда тебя никто не любит и все хотят на живодерню отдать?

Пыркин пошел в дом, а Жулик затрусил за ним, что вызвало реплику Партизана:

— Собакам не место в доме.

— Помолчал бы! — огрызнулся Пыркин.

— Пока что я руковожу нашим небольшим коллективом, — сказал Партизан.

Егор спросил Люську:

— Ты есть хочешь?

Спросил, потому что вспомнил, как сам он был голоден совсем недавно, новогодней ночью.

— Не знаю, — ответила Люська. — Погляди.

Между бытовкой и рекой на площадке грудой лежали цилиндры, шляпы, фуражки, каски и кепки.

Марфута перехватила взгляд Люськи и ответила за Егора:

— Это Партизан собирает. Ему все носят. Он по размеру ищет и по форме. У него голова как груша.

И Марфута засмеялась, оставив Егора в недоумении, шутит она или нет.

— А почему он Партизан? — спросила Люська.

— Пускай сам скажет.

— Пожалуйста, я готов, — ответил Партизан. Он уселся на стул с рваным мягким сиденьем, что стоял, прислоненный спинкой к голубой стенке бытовки.

Изнутри зазвенело.

— Пыркин опять чашку разбил. На него не напасешься, — сказала Марфута. — У него руки дрожат от алкоголизма. Алкоголизма не осталось, а руки дрожат.

— А ты бутылку в холодильник поставила? — спросил Партизан.

— Поставила, поставила, рассказывай, дети ждут.

У Егора возникали все новые и новые вопросы. Страха не было — попал в незнакомую взрослую компанию, как в гости. Страх рождается от одиночества или непонятной угрозы. А здесь все было мирно, даже безмятежно.

Конечно, эта безмятежность была ненастоящей, но лучше она, чем велосипедисты.

— Моя биография укладывается в пять строк, — сказал Партизан. — Я был поручиком Ингерманландского полка. Слыхали о таком? Не слыхали, не важно. Теперь мало кто помнит. А у нашего полка была славная история. Во время Первой мировой войны.

— Партизан, не надо подробностей. Подробности, дай бог, потом расскажешь. Ты суть дела.

— Марфута. Я могу и замолчать. Если ты все знаешь лучше меня.

Личико Партизана густо покраснело. И это было особенно странно, потому что у всех здесь, то ли от малокровия, то ли от освещения, лица казались серовато-тусклыми. А глаза блестели, как у больных.

— Говори, говори. — Марфута пошла, тяжело ступая, в бытовку, и от ее шагов домик задрожал.

— Во время Гражданской войны, — произнес Партизан, — мое подразделение действовало в тылу у красных частей. Меня боялся сам Троцкий. Белые партизаны поручика Веснина! Мы пленных не брали! Славное время, залетная песнь! А потом меня схватили. Повязали. Затащили в подвал. И я попал в лапы к совдеповскому профессору, который научился умень-

шать людей. Вы поверите, что до плена во мне было две сажени роста? Я ведь Гейдельберг кончал! Этот Фридрих Иванович Мольтке производил опыты над пленными. За три недели он уменьшил меня вдвое.

— Но зачем? — удивился Егор.

— Троцкий приказал сделать специальную команду разведчиков, шпионов, которые не занимают много места и могут быть переправлены за границу в дамских ридикюлях. Разведчиков, которые могут протиснуться в щель под дверью! Они хотели заполнить Европу неуловимыми шпионами. И я стал лабораторной мышкой...

— Чай готов! — закричала изнутри Марфута.

— Идем! — откликнулся Партизан.

Он замер и стал присматриваться к дальнему берегу реки, где, словно гигантская банка из-под шпрот, возвышался стадион. Что-то блеснуло у самой воды.

— Марфута, — позвал Партизан, — высматривают. От стадиона.

— Этого следовало ожидать, — откликнулась изнутри бытовки Марфута.

Но вышла не она, а Пыркин. Он тоже посмотрел на тот берег. Если приглядеться, можно было различить махонькие человеческие фигурки, сидящие у воды.

— И как они только узнают! — воскликнул партизан Веснин, приложив ладонь козырьком ко лбу. — Неужели правда, что нелюди им докладывают?

— Как они доложат? — крикнула из домика Марфута. — Если у них ртов нема.

Марфута говорила мягко, как говорят на юге, порой неправильно ставила ударения.

— Бог с ними, спрячем детишек, — сказал Пыркин.

— А что случилось? Кто они? — спросил Егор.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответила Марфута.

— Не все сразу, — поддержал ее Партизан, поднимаясь. Он взял стул с собой, прижал к груди и понес в бытовку. Стул был с него размером. Несчастный человек, если он говорит правду. Он был в две сажени ростом, а стал почти карликом.

Внутри был стол, покрытый клеенкой. На нем стояло четыре чашки и стакан с отбитым краем. Посреди стола возвышался сверкающий начищенный чайник, на блюдечках лежали сухарики и печенье.

Марфута уселась во главе стола.

Партизан поставил свой стул, прыгнул на него с ногами и сел на корточки. Привычно, видно, каждый день так садился.

— Сначала по маленькой? — спросил Пыркин. — С приездом.

— Мне в чашку, — сказала Марфута, будто был какой-то выбор.

— Я сегодня не пью, — сказал Партизан.

Пыркин налил себе и Марфуте. Егор вспомнил, как Пыркин пил водку там, возле метро. И жаловался, что водка на него не действует.

Марфута стала разливать из чайника воду по чашкам. Вода была совершенно чистая, бесцветная. Вода из-под крана, и все тут.

— У нас плохо с огнем, — сказала Марфута гостям. — Огонь здесь горит плохо, да и мало горючих материалов. Так что чай пьем негорячий. Вы уж не обижайтесь. Вода зато у нас хорошая, родниковая, из Москвы-реки. Промышленности нет, загрязнения никакого. Пейте, не бойтесь.

Егор отхлебнул из чашки. В ней была холодная вода.

— Берите печенье, дети, — сказала Марфута. — Печенье хорошее, фабрики «Большевичка». Сама из фирменного киоска брала.

— Это не чай, — сказала Люська. — А чаю нет?

— Другого для тебя не приготовили, — проворчал Пыркин. — Что сами пьем, то и тебе предлагаем. А если водки хочешь, прошу — пожалуйста, присоединяйся.

— Я не пью и тебе не советую, — сказала Люська. — Известно, чем это кончается.

— Пей не пей — конец один, — ответил Пыркин и поднес стакан к губам. Затем запрокинул голову и плеснул в открытый рот.

— Ну, с богом, — сказала Марфута. И тоже стала пить. Но маленькими глоточками, морщась, фыркая и наслаждаясь вкусом водки.

— Не бойся, — сказал Партизан. — Опьянения не наступит. Проверено.

— Знаю, — сказал Егор.

— А зачем пить тогда? — спросила Люська.

— А затем, чтобы вкус ощутить, — сказал Партизан. — Можно, я вам свою историю доскажу?

— Конечно, — сказал Егор.

— Мне удалось убежать от Фридриха Мольтке. И случилось это под новый, 1920 год. Я мчался как зверушка. Ведь я

привык большим быть, а меня уже вдвое успели уменьшить. И стали меня настигать! И деваться некуда. Но лучше смерть, чем судьба в руках большевиков. «Нет! — закричал я себе. — Я хочу умереть!» Но пробило двенадцать часов, и я оказался здесь. И было это более семидесяти лет назад.

Партизан отхлебнул воды из чашки, стал хрустеть сухариком, потом кинул сухарик на пол, спрыгнул со стула и, рыдая, пошел наружу.

— Что с ним? — спросила Люська.

— Трагедия у него, — ответил Пыркин серьезно. — Он там полюбил одну девушку. Великую княжну Евдокию.

— Семнадцати лет, — вставила Марфута.

— Семнадцати лет. Она тоже была в лапах этого Фридриха. Но ею занимались раньше. И когда он увидел ее в день побега, пробравшись с риском для жизни в женское отделение, он увидел существо ростом с кошку. Это была его возлюбленная. До сих пор он не может пережить.

— Любовь, — объяснила Марфута, — не терпит компромиссов.

Поверить в эту историю было нелегко, но окружающие говорили об экспериментах зловещего Фридриха как о само собой разумеющемся. И уловив сомнения Егора, Марфута подтвердила:

— Здесь много необъяснимого. Я сама иногда теряюсь.

— Но это же было у нас! — возразил Егор. — Давно и у нас, а он все равно такой же.

— Глупости, присмотрись, — велела Марфута.

Егор присмотрелся. Партизан, как бы желая ему помочь, снял цилиндр. Волосы у него были длинные, седые, редкие. Лицо молодое, почти юношеское. Глаза оловянные. Все остальное досталось Партизану от древнего старика.

— Вы с какого года? — спросил Егор.

— Я на десять лет старше века, — ответил Партизан.

— Вам сто лет?

— Чуть больше. Но я неплохо сохранился. — И Партизан засмеялся легко и беззаботно. — И пока не сойду с ума или не попадусь к бандитам, буду так же хорош, весел и рассудителен.

— Милый мальчик, ты пей воду, пей, — сказала Марфута. — Здесь организму не требуется пища. Ты можешь, конечно, поесть, и желудок у тебя сработает, но еды не требуется. А вода нужна. Наши с тобой организмы беспрерывно выделяют

пар и пот. Вода очень нужна. И не важно, какой это чай, от воды не отказывайся.

Марфута была ласковая, заботливая, как родная тетя, к которой ты приехал на дачу. Люська послушно отпила из чашки. Но ей пока пить не хотелось. Егор поблагодарил Марфуту, но тоже пить не стал.

— Кто не пьет, быстрее стареет, — сказала Марфута.

— А здесь стареют по-разному? — Этот вопрос давно крутился в голове Егора. Ответ на него был не так уж и важен. Егор решил для себя, что он отсюда выберется. Не останется в этом глупом мире. Но для того, чтобы уйти, важно было понять. Ведь Егор многого не понимал до сих пор. Даже куда попал — не понимал, что это за мир людей, которые в новогодний час, в новогоднюю минуту мысленно отказались идти в новый год с остальными людьми. Мир беглецов? Это, очевидно, будет лишь самый первый, поверхностный ответ. А суть-то, наверное, глубже. И нужно задать правильный вопрос.

— Здесь никто не стареет, — ответил Партизан. — Безусловно.

Пыркин слил в стакан оставшуюся водку. Спросил:

— Никто мне компанию не составит?

Когда никто не ответил, он выпил стакан и сказал:

— Люди стареют, как стулья. Стул бывает новый, а потом разваливается. Он неодушевленный. Так и мы — стулья.

— Стулья! — засмеялся Партизан. — Из красного дерева.

«А сколько вам лет?» — хотел спросить Марфуту Егор. Но у женщины спрашивать об этом неприлично.

Вдруг он увидел себя со стороны в бытовке, тускло освещенной светом из двух маленьких окошек, сидят за шатучим столом несколько человек и пьют холодную воду из чайника.

— Сухарика еще хочешь? — спросила Марфута.

— Не хочу! — вырвалось у Егора. — Ничего не хочу! Я домой хочу.

— А вот домой, к папе и мамочке, у нас дороги нет, — сказала Марфута. — Многие бы желали, но не получается.

— Ты не права, Марфута, — сказал Партизан. — Говорят, что были отдельные попытки.

— Удачные? — спросил Егор.

— Молодой человек, вы попали сюда по своей воле. И притом по сильной воле. У вас просто не было другого выхода. Только отчаяние. Да, именно отчаяние вы оставили за своей спиной. Вы спаслись от отчаяния, приехали к нам, мы довольны, что вы нам свежие московские новости будете рас-

сказывать, но вам вдруг захотелось обратно. Да если б это было возможно, люди начали бы шастать между нашими действительностями. И к чему бы это привело?

— К полному разрушению обоих миров, — ответил Пыркин. — Исторически это нам известно. Слияние двух цивилизаций всегда приводит к гибели одной из них. Дружбы народов, как и дружбы галактических цивилизаций, пока не отмечено. Но, скажу я вам, мне досталась плохая, ядовитая и, может, даже отравленная водка.

— Что любопытно, — заметил Партизан, — здесь отравиться нельзя. Как я понимаю, происходит нарушение связей в организме. Но вырвать может.

— Только не меня! — сказал бывший учитель.

— А здесь много людей? — спросил Егор. Он задавал вопросы вроде бы и правильные, но, как сам понимал, не главные. Но не знал, где же главные вопросы и знает ли кто-нибудь ответы на них. В голове постепенно воцарялась экзаменационная тупость, когда нет ни одной мысли и совершенно все равно, что поставит тебе учитель.

— У нас раньше людей больше было. Но многих нелюди затравили. Это же ужас какой-то, живем, словно на границе, — сказала Марфута.

— А за рекой Афганистан, — сказал Пыркин.

— При чем тут Афганистан! — отмахнулась Марфута.

— Ты не знаешь по возрасту, — ответил Пыркин. — Афганистан сложился уже после твоего отбытия сюда.

— Вот когда они нам не нужны, — сказал Партизан, — то они тут как тут. Крутятся, требуют отдать собачку. А когда нас уничтожают, как котят, то их не дозовешься.

— А если я сейчас захочу умереть? — громко спросил Егор. — Если сейчас захочу, чтобы не ждать, как гнилой стул? Что мне надо сделать?

— Можно, — сказал Пыркин. — Это именуется самоубийством и не поощряется. Грех это.

Егор вспомнил самоубийцу у метро. Но что-то заставило его промолчать о нем. Может, самому было страшно вспоминать.

— Человеку это несвойственно, — сказала Марфута. — Мы же все большие жизнелюбы.

— А как отсюда уйти?

— Егорушка, — сказал Партизан, — ты об этом спрашивал. Ты думаешь, что уйдешь и все станет на свои места? Ничего подобного! Тебе там места нет.

— Почему?

— Знающие люди говорят, — ответил Партизан, — что наши места в первом мире тут же занимают наши двойники. То есть, другими словами, мы сюда и не переходим, а переходит лишь...

— Лишь субстанция, — сказал Пыркин. — Как бы духовная эманация личности. Этот вопрос интересен, потому что тогда возникает закономерный вопрос: а не в раю ли мы с тобой? И скорее всего, я допускаю, что именно генетическое воспоминание о существовании нашего мира, о дублировании миров и послужило основанием для легенды об аде и рае.

— И тогда у нас рай, — сказал Партизан. Сказал ядовито, с издевкой. Конечно же, он так не думал.

— Тем не менее, — сказала Марфута, — у нас с вами большой праздник. Сегодня — Новый год. И это большой юбилей для каждого из нас. Именно в эту ночь мы пришли сюда, чтобы навеки поселиться в мире, где нет зависти, оскорблений, уничижений и гонений. Да здравствует свобода! Как жаль, Пыркин, что ты не взял с собой шампанского.

— Только деньги тратить, — презрительно ответил Пыркин.

Никто не засмеялся.

— А когда ночь будет? — вдруг спросила Люська.

— Ночи, моя красавица, здесь не бывает, — сказала Марфута. — Здесь всегда так.

— А когда же спать? — спросила Люська.

Марфута переглянулась с Партизаном. Ответил Пыркин:

— Ты, конечно, можешь подумать, что мы уроды и даже привидения. В таком случае отвечу: от такой же и слышу. Но самое печальное в том, что здесь можно не спать. Правда, можно себя уговорить, особенно если устанешь или перенервничаешь. Но проспишь немножко — и вскочил. Проснулся, и ничего, блин, не изменилось. Партизан фуражки меняет, а Марфута пасьянс раскладывает. Тьфу ты!

— Вениамин прав, — сказала Марфута. — Как вы уже догадались, времени у нас нету. Попался бы преподаватель хороший, я бы за пятьдесят лет сто языков выучила. Пошла бы по всему миру, из страны в страну, всюду бы людей встречала, беседовала с ними. Давно собираюсь на Эйфелеву башню поглядеть. Ты не видал?

— Нет, не видал, — признался Егор.

— И мы с генералом в Отечественную не дошли. Немного не дошли. Берлин взяли, а мой генерал говорит — теперь, го-

ворит, Сталин даст приказ, и будем мы брать Париж малой кровью. Но, к сожалению, наступил праздник Победы, и не побывала я в Париже. Думала я тогда: выйду замуж за генерала, поедем с ним в Париж как почетные гости...

— Марфута была боевой подругой, — пояснил Партизан. — Мы таких, как она, понимали, но не уважали.

— Всю войну, — подтвердила Марфута, — не отходила. Раны перевязывала, самогоном отпаивала, на руках от поля боя до «Виллиса» носила. На Новый, 1946 победный год стояли мы тогда в стратегическом резерве главнокомандующего в Польше на случай обострения. Пошла я в парикмахерскую, чтобы маникюр сделать, краковская была там парикмахерская, но маникюр хорошо делали. Платье на мне гражданское было, трофейное, из крепдешина, пальто на заказ, а он ждал меня на торжественный ужин. Я прихожу без пятнадцати двенадцать, как сейчас помню, меня его денщик Эдик встречает, с такой гадкой улыбкой. К генералу, говорит, нельзя. У них сурприз. Какой еще сурприз? А такой, что приехала к нему его супруга Мария Тихоновна с их сыном Матвеем... Так что генерал Василий Федорович делает вид, что праздник готовил к приезду жены, а мои шмотки, какие дома были, покидал в заднее окно, а офицерские жены их разобрали. Ах! Если бы вы знали, как гадко он смотрел на меня! Это за то, что я раньше отвергла все его притязания. Я вышла. Путь один — кидайся в реку Вислу, но даже смерти не хотелось. Главное, не хотелось жить на одной земле вместе с ним. Он же обещал мне жениться, говорил, что как только первая возможность — развод. Понимаешь?

Она взмахнула толстыми руками, и зазвенели браслеты. Егор увидел ее иначе, чем до рассказа. Это была пышная, курчавая, чернокудрая, страстная женщина. Егор мысленно употребил эти слова, хотя они были книжными и в жизни Егор их никогда не употреблял.

— Со Старым годом! — воскликнула Марфута, поднимая свою недопитую чашку с водкой. — За Родину! За Сталина! За Победу!

— Совсем рехнулась старая, — сказал Пыркин. — Пойду погляжу, как на том берегу, продолжают наблюдение?

Он взял с полки бинокль. Егор тоже поднялся.

— Я с вами, — произнес он.

Он услышал, как за спиной Марфута сказала:

— Вот тебе, Людмила, новогодний подарок. Сережки из чистого золота с малахитом. Носи от моего имени.

— У меня уши непроколотые, — ответила Люська.

Пыркин стал смотреть в бинокль на тот берег, не обращая внимания на гостей, которые появились на набережной.

Плотная сутулая девушка с длинными черными волосами, в бесформенном сером платье с накладными карманами и в шлепанцах, толкала перед собой инвалидное кресло, в котором обвисло сидел толстый юноша со спутанными длинными жирными космами.

— Кто это? — спросил Егор.

— Не обращай внимания, — сказал Пыркин. — Психи разного рода. Здесь кого только нет. Это скоро кончится.

— Кончится? Как стулья?

— Да. Как стулья. Соня Рабинова, я с ней знаком, хорошая была девушка, ее хотели на вокзал взять, но она объяснила, что попала сюда из-за сифилиса. Представляешь, ее завкафедрой заразил. Здесь она этого нашла... идиот, идиот, а ведь тоже сюда захотел. Тоже ему дома, видите ли, плохо было. Вот она его и возит. Искупает свои грехи.

Марфута услышала этот разговор, вышла из бытовки и крикнула длинноволосой девушке:

— Сонька, заходи к нам, мы Новый год провожаем.

— Нет, спасибо, — ответила девушка. — Это развлечение не для нас.

— Откуда тебе знать? — сказал Пыркин. — Может, твой идиот желает с нами выпить водки?

— Нет, я знаю, он не пьет, — ответила девушка. — Он думает.

Здесь есть вокзал, подумал Егор. И есть Париж. Значит, здесь не кусочек Земли, а целая планета. Наверное, здесь много людей.

Он встретился взглядом с идиотом. Глаза смотрели сосредоточенно и остро. Шевельнулись толстые мокрые губы, шепча что-то. Егор испугался, потому что понял притворство юноши. И тут же его взгляд погас.

Сердце Егора сжалось. По набережной не спеша ехал велосипедист. Может быть, здесь один велосипедист, а может быть, их много, но они одинаково одеты.

— Смотри! — сказал он Пыркину. Пыркин быстро обернулся. Велосипедист уже подъезжал к ним.

Тот же велосипедист. В черном блестящем плаще, в пожарной каске, надвинутой на уши, и в черных очках, отчего его лицо казалось маленьким.

— Эй, Марфута! — крикнул он. — Подержи велосипед.

— Я сам, сам, — отозвался Пыркин.

Он сбежал по ступенькам и затрусил к велосипеду.

— Марфута, — сказал велосипедист, — я тобой недоволен. Неужели все еще генералу верность хранишь?

— Храню, — ответила Марфута.

— А ведь я тебя в Париж отвезти могу, — сказал велосипедист.

— Кишка тонка, — сказала Марфута.

Велосипедист сошел с велосипеда. Пыркин держал машину, как боевого коня, за сиденье. Переднее колесо было с него ростом.

— Показывай, какого полку у вас прибыло, — спросил велосипедист.

— Малолетки, — сказала Марфута.

Из бытовки вышел и Партизан.

— Я бы завтра с докладом пришел, — сказал он.

— Велели сегодня. Есть мнение, что вы заманили к себе чужих людей.

— Это еще почему? — обиделся Партизан. — Они же добровольно.

— Не скажи, — возразил велосипедист. — Я этого парнишку наверху видел у метро. Видел я тебя?

— Не знаю, — сказал Егор. — Вас же угадать нельзя.

— Дурак, меня угадать надо обязательно. Я же исполнитель.

Велосипедист обернулся к Партизану:

— Документы должны быть в порядке.

— Послушай, Грымза, глаза твои пустые, — сказала Марфута. — У прокаженных не спрашивают билетов на бал.

— Ты не намекай, — ответил велосипедист. — Все должно быть путем. Их должны в книгу занести. А где вторая персона?

— Люська, выходи, — сказал Пыркин. — Власти желают сделать с тебя фотографию.

— Значит, ты... — Велосипедист откинул полу плаща. Мешка с головой под плащом не было. — Ты будешь у нас Георгий Артурович Чехонин, возраст шестнадцать лет...

Странно было это слышать. Значит, о нем все известно?

Вышла Люська. Она явно боялась велосипедиста.

Велосипедист записал данные Егора, кое о чем спросив его для уточнения. Потом обратился к ней:

— Тихонова, Людмила Георгиевна. Двенадцать лет. Порядок должен быть во всем.

Записав, он спросил у Партизана:

— Значит, оставляете их при себе?

— Конечно, — сказал Партизан. — У меня совсем людей не осталось.

— Да, ты прав, — согласился велосипедист. — Нельзя форпосты оголять. Может, тебе еще людей подошлют. Но если подошлют, считай, что молодежь отберут. Сам понимаешь, молодежь к нам редко попадает, молодежь на вокзале требуется. Император невесту ищет. А так чего нового?

— Там вон, за рекой, — сказал Пыркин. — Наблюдают.

— Чего ж ты сразу не сказал! — рассердился велосипедист. — Это же главнее, чем ваш Новый год. Сколько их там?

— Двое с биноклем, — сказал Пыркин.

— Вот это я доложу.

Он взобрался на велосипед и медленно поехал по набережной, глядя на тот берег, видно, надеялся увидеть наблюдателей.

— А на том берегу кто был? — спросил Егор.

— Плохие люди, — сказала Марфута.

— Плохие люди, — повторила Люська. — Это же надо — всюду плохие люди.

— От этого никуда не денешься, — добавила Марфута. — Куда ни кинь, всюду встречаются фашисты. Не добили мы их.

— Я не знаю о фашистах, — возразил Партизан. — Не было в мое время фашистов. Но для меня есть большевики, порождение темных сил. Ох, сколько я их пострелял!

— А потом пошел на службу фашистам! — сказала Марфута.

— Я сюда пошел на службу.

— А если бы не сюда, наверняка бы ушел к фашистам, как генерал Власов!

— Вот так они каждый день, — сказал Егору Пыркин. — Не понимают, что все это — история, материал для изучения. Но, к сожалению, человечество совершенно не умеет извлекать уроков из прошлого. Через десять лет сюда завалится новенький и удивится, кто такой президент Буш.

— А кто это такой? — спросила Люська.

— Вот видишь!

Война между Партизаном и Марфутой между тем утихала. Марфута вспоминала о Сталинграде, а Партизан обвинял Троцкого в расстрелах и зверствах. Марфута торжественно объявила, что Троцкого убрали. Потому что он был фашистским шпионом...

Егору и на самом деле было неинтересно, о чем собачатся привидения. Он думал о том, что, наверное, на настоящей Земле появился второй Егор, пришел домой и сейчас спит, не

вспоминая о магнитофоне. «А если это и не так — все равно мы привидения. Они старые привидения, а мы с Люськой новые привидения. Глупо». Вот Егор всегда хотел стать археологом, находить забытые цивилизации, спасать их от забвения. Серега, который еще не решил, кем станет, смеялся над Егором за то, что тот хочет копаться в старых могилах, — это не занятие для человека XXI века. Ничего Серега не понимал — археология самая оптимистическая из наук. Она спасает память человечества. Егор много читал исторических книг и записок археологов. Знаете ли вы, какое счастье — заглянуть в гробницу Тутанхамона, которую пощадили древние грабители? Понимаете ли, что значит развернуть берестяную грамоту и увидеть слова, написанные тысячу лет назад, — детские каракули или приглашение на свидание. «Ничего ты, Серега, не понимаешь». А тот отвечает: «Ты, Егор, готовишься в охотники за привидениями». Вот почему Егор вспомнил Серегу. Ведь история не может остановиться.

— Что Марфута имеет в виду под плохими людьми? — спросил Егор.

— Каждое общество, даже общество призраков, — рука Пыркина дернулась в направлении откоса, где на них напали призраки, — даже общество призраков стремится к организации. Таким образом оно защищает себя. Понимаешь?

— Понимаю, проходили, — сказал Егор.

— Некоторые проходили, а другие самый нужный урок проспали. Продолжаю: каждое общество за пределами первобытной стаи делится на вождей, воинов и землепашцев. Одни командуют, другие защищают или нападают, третьи обеспечивают прибавочный продукт. Так и здесь. Это еще до меня случилось. Может, тысячу лет назад...

— А давно этот мир существует?

— Не перебивай преподавателя. Мир этот существует неведомо с каких пор. Здесь нет часов и даже солнца и небесных тел, которые помогают понять время. Вижу в твоих глазенках очередной вопрос и спешу удовлетворить твое любопытство. Здесь времени нет. Нет минут, часов и даже самой жизни. Но ты можешь договориться со мной, что песок высыпается вниз, допустим, за десять минут. Мы и пользуемся таким счетом. Можешь услышать: «Приду через один песок» или «Приду через три песка». У нас тоже есть, я из аптеки унес — страшный дефицит.

— Значит, никто не знает, сколько он прожил?

— Есть другой способ мерить время. Не догадываешься какой?

— Догадываюсь, — сказал Егор. — По нам.

— Правильно. Вот прибыл сюда Партизан. А мы с тобой знаем, что события, которые его погубили, произошли больше семидесяти лет назад. Вот тебе и точка отсчета.

— А как ваше общество организовано?

— Хватит! Это напряжение невыносимо для моей головы. Поживешь здесь, узнаешь.

— Я не хочу здесь жить.

— Все мы прошли этот этап, — сказала Марфута.

Люська уверенно заявила:

— Мы с Егором уйдем.

— Ну ладно, чего маленьких обижать, — вздохнула Марфута. — Пускай поищут.

— Чего поищем? — не понял Егор.

— Выхода отсюда поищете. А выхода нет!

— Как вошли, так и выйдем! — крикнула Люська. — Нам с вами не нравится.

— Вот в этом и заключается твоя методологическая ошибка, — произнес Пыркин. — Откуда ты ушла в ночь под Новый год? Момент прорыва сюда — это момент во времени, а не в пространстве. Ты следишь за моей мыслью?

— Слежу, — растерянно сказала Люська.

Пыркин повернулся к Егору. Он больше надеялся на его понимание.

— Ты уходишь сюда в определенное мгновение и попадаешь в мир, в котором нет мгновений.

— Вот именно! — сказал Партизан. — Мгновенье, ты прекрасно!

«Они ненастоящие, — подумал Егор. — Беззаботные, как микробы».

— А раз здесь нет мгновений, то здесь и не может быть Нового года. Скажи, пожалуйста, где же то мгновение, в которое ты собираешься вернуться?

— Я его найду, — сказал Егор.

— Тогда мой тебе совет, — сказал Пыркин. — Ищи не мгновение, а точку в пространстве. Мысли философски. Понимаешь, что это такое?

— Спасибо, постараюсь, — сказал Егор.

Марфута потянулась, зазвенели золотые браслеты и ожерелья. Гигантская грудь издала глубокий звук, словно пустая бочка.

— И охота вам, хлопчики, время впустую тратить, — сказала она. — Ой, доля моя бабья! Где ты, мой генерал, запропастился! Верно, от старости помер. Поехал бы сюда со мной, до сих пор был бы живой. Знаешь что, Партизан? Вот откроют когда-нибудь сообщение между нашими мирами. И будут сюда путевки продавать. Для достойных людей. Как мой генерал.

— Ох и набежит сюда жулья! — вздохнул Пыркин.

— Не скажи! Сюда путевки ВЦСПС будет распространять. Передовикам труда и классовых битв, — возразила Марфута.

— А знаешь ли ты, что на вокзале сама Крупская живет!

— Помолчи, дурень!

— А кто такая Крупская? — спросил Партизан.

— Это вдова, — сказал Пыркин. — А чья — не скажем. Не дорос ты еще.

— Если не скажете, значит, вдова Троцкого, — догадался Партизан.

И хоть Егору не очень приятно было слышать, как говорят о жене товарища Ленина, в глубине души он понимал, насколько все во времени относительно. И кто вспомнит о нас через пятьсот лет? И кто мог знать о нас всего пятьдесят лет назад?

— Внимание! — сказал Пыркин. — Смотрите на тот берег.

— Вижу, — сказала Марфута.

— Принимаем меры! — Партизан кинулся внутрь бытовки.

Егор посмотрел на реку и увидел, как от дальнего берега отчаливает лодка. В ней сидят несколько человек.

Из бытовки доносился шум. Егор заглянул внутрь через окно. Партизан, сменив цилиндр на военную фуражку, дергал за гирю, висевшую у дальней стены. Провод, к которому была прикреплена гиря, выходил наружу над головой Егора. Провод дергался. Егор проследил, куда он идет. Провисая, провод тянулся к кривому столбу и уходил дальше вдоль берега.

«Странно, — почему-то подумал Егор. — В этом мире есть миллион пустых квартир и даже дворцов. Занимай — не хочу. Но люди сбиваются в кучки в каких-то жалких бытовках. То ли потому, что им ничего не нужно, то ли потому, что в большом городе страшно и одиноко. Скорее им ничего не нужно. Ведь если человек чего-то добивается, он спешит или считает минуты, он смотрит, как растут дети и как умирают старики. А здесь — какой смысл во дворце, если ты можешь занять де-

сять дворцов? И все пыльные. И будешь изнашиваться вместе с дворцом, как старый стул».

Партизан вышел из бытовки.

— Я подал сигнал, — сказал он. — Будем сопротивляться или как?

— Я бы убежал, — сказал Пыркин, — да Марфута плохо бегает.

— Я вообще не бегаю, — сказала женщина. — Мне стыдно бегать.

— Тогда оставайся, — сказал Партизан. — А мы спрячемся.

— Меня нельзя бросать, мальчики! — испугалась Марфута. — А если бросите, я им сразу скажу, где вы спрятались.

— Тогда беги! — велел Партизан.

Странно — они боялись. Они очень боялись лодки, которая медленно двигалась через реку. Значит, на самом-то деле они держатся за это подобие жизни, как человек в тюрьме или в яме все равно старается выжить.

— А что они нам сделают? — спросил Егор.

— Тебе хорошо, — огрызнулась Марфута, — тебя они не догонят. А меня догонят.

— Это изверги, — сказал Пыркин. — Побежали, что ли?

Марфута возилась в бытовке, собирая вещи.

— Ну что ты возишься! — крикнул Партизан.

Пыркин пошел первым. Его черное пальто с оранжевым рукавом развевалось, как бурка героя Гражданской войны. Он не оборачивался, но крикнул на ходу:

— Молодежь, не отставать, если жизнь дорога!

— Мальчики! — закричала с порога бытовки Марфута. — Прикройте меня. Задержите их!

— Я уже вызвал помощь, — сказал Партизан. Он бегом догонял Пыркина.

— Когда она еще придет! — отозвалась Марфута. Она пошла следом. Но толстые, распухшие ноги с трудом держали ее, она переваливалась, как гусыня. В руке, унизанной браслетами, она тащила мешок.

— Дура, — окликнул ее Пыркин. — Ты чего с собой золотишко взяла? Оно тебе не пригодится.

— Я лучше знаю, что пригодится, а что нет.

Жулик бежал рядом, ему нравилось новое приключение, он прыгал и бегал вокруг.

— Если он там будет лаять, придется ликвидировать.

— Ты у меня доликвидируешься! — пригрозил Пыркин. Жулик как будто понял, замолчал.

— Давай мы поможем Марфуте... — неуверенно произнес Егор.

— И не мечтай. Ее не спасем, сами погибнем.

Они бежали к устоям Метромоста. Егор краем глаза увидел нелюдей. Несколько призраков появились в стороне у высохшего дерева.

— Ату их! — крикнул Пыркин.

Жулик послушался и понесся к призракам. Егор оглянулся. Лодка была уже близко от берега. Марфута сильно отстала. Даже отсюда было слышно, как тяжело она дышит.

Партизан снял фуражку, нагнулся и исчез за крайней опорой моста.

Пыркин последовал за ним.

Когда Егор с Люськой оказались в тени нависшего над ними моста, они услышали голос Пыркина:

— Иди ко мне, нагнись только.

Они оказались в пещере, образованной бетонными плитами моста и склоном. Пещера была кем-то углублена, свет в нее попадал со стороны реки сквозь щель, как раз над головами.

— Егор, выйди на разведку, — приказал Партизан. — Осторожно ползи вперед, не высовывайся. Если что — прячься немедленно! Главное, доложи, как там Марфута!

Егор подчинился. Он подполз на животе ко входу в пещеру и выглянул наружу.

Марфута так и не достигла укрытия — до нее еще метров сто. Затем он увидел людей из лодки, их было четверо, они были одеты разнообразно и неряшливо, словно играли в разбойников.

Все четверо шустро бежали вверх по склону, весело крича на ходу, чтобы Марфута остановилась и их подождала. Они казались совсем неопасными.

Марфута бежала из последних сил. Наконец ее пальцы сами разжались, и она уронила свой мешок. Ей бы побежать быстрее, но она остановилась, расплылась грудой мяса и стала собирать в мешок высыпавшиеся оттуда драгоценности. Партизан просунул голову рядом с Егором.

— Дура, — прошептал он. — Как Тарас Бульба.

Егор вспомнил, что Тарас Бульба попал в плен к ляхам, потому что вернулся за своей трубкой. Оказывается, Партизан тоже читал Гоголя. А что в том удивительного? Ведь Гоголь жил еще раньше.

Марфута не сумела собрать добро в мешок, веселые разбойники догнали ее.

— Вот и славно, — сказал первый из них.

Неожиданно он ударил Марфуту в бок так, что она упала на землю.

— Ой, миленькие хлопчики! — завопила Марфута. — Да за что ж вы на бабу старую навалились! Отпустите меня, вы ж меня знаете, я всегда здесь живу.

Второй молодец поднял мешок.

— Тяжелый, — сказал он. — Наверное, с полпуда.

— И все ворованное, — сказал третий. — Безобразие.

Они засмеялись.

— Это мы конфискуем, — сказал первый и, видно, главный. У него была черная бородка клинышком, как у Мефистофеля, и небольшие торчащие усы.

— Конфискуйте, конфискуйте, — согласилась Марфута.

— И все бранзулетки, которые ты на себя навешала, тоже конфискуем.

— Это правильно. — Марфута начала сдирать с себя браслеты и ожерелья.

Она очень торопилась, руки тряслись, она старалась стать маленькой, незаметной, послушной, как ребенок, чтобы злые дяди не обижали ее. Егор понял, что не может больше смотреть на страдания Марфуты, — он рванулся, чтобы вылезти из пещеры, но Партизан, видно, догадался об этом и прижал Егора к земле — рука у него оказалась сильной.

— Ты с ума сошел, — прошептал Партизан. — Ты же всех погубишь и себя тоже. А ей только Бог поможет.

— Егор, — пискнула сзади Люська, — не ходи, пожалуйста.

— Где другие? — спросил бородатый в камуфляже. — Новенькие где?

— Я не знаю, — завыла Марфута. — Не знаю.

Она закричала, и ее вой поднялся до визга, потому что бородатый завернул ей за спину толстую руку и Марфута, стоя на коленях, склонилась головой к его сапогам.

— Та-ам... — забулькала Марфута, — под мостом.

— Показывай!

— Так я и знал, — прошептал Партизан.

Он сделал паузу, прислушиваясь, затем заговорил:

— Побежали дальше. Есть запасной вариант. Ползком направо, а как крыша кончится, сразу вниз, за мной.

Никто не задавал вопросов. Даже Люська понимала, что разговаривать некогда. Но удивительнее всех вел себя Жулик. Он первым выполз из убежища и на полусогнутых лапах побежал именно туда, куда велел бежать Партизан.

Партизан пополз следом за ним. Егору показалось, что место настолько открытое, что их сразу заметят.

Но заметили их не сразу. Крики послышались тогда, когда последний из них, Пыркин, покинул убежище и, пригибаясь, помчался за остальными.

— Вот они! Держи!

Партизан скатился вниз по склону, как куль с картошкой. Егор тоже потерял равновесие и старался удержаться за какие-то палки и железки, которые торчали из земли. Люська бежала легко, она была невесомая и ловкая.

Уже внизу, схватившись за вылезающий из асфальта кусок рельса, Егор смог посмотреть наверх, откуда доносились крики, неслышные, пока бежишь, и громкие, стоит тебе остановиться.

И он увидел, как Пыркин стоит на пути противников, размахивая толстым дрыном.

— Не подходи! — кричит он. — Убью! Всех перестреляю!

Мефистофель сделал шаг вперед и вытащил из-за пояса саблю. Пыркин крутил палкой так отчаянно, что Мефистофель не смел приблизиться к нему.

— Заходи сбоку, Мартын! — закричал Мефистофель своему помощнику.

Тот начал обходить Пыркина, но сделать это было нелегко, потому что слева от Пыркина была стена, справа — крутой откос. Мартын старался пробраться по крутизне, но сорвался вниз и хлопнулся на живот, чтобы не скатиться в воду.

Третий бандит никак не мог придумать, как подобраться к Пыркину, и метался за спиной Мефистофеля.

— Убери его! — кричал Мефистофель.

Партизан толкнул Егора в сторону, где оказалась дыра, прикрытая стоявшей под острым углом гигантской плитой.

Люська прыгнула внутрь первой, за ней — Партизан, который тянул за собой Егора, но Егор смотрел, как Пыркин сражался с бандитами.

И успел увидеть, как бандит по имени Мартын, поднявшись на ноги и с трудом балансируя на крутом склоне, вытащил из-за пазухи пистолет.

— Давай же! — крикнул Мефистофель.

Мартын прицелился, и больше Егор ничего не увидел и даже не услышал выстрела, потому что Партизан утащил его внутрь, в черную нору.

— Ползи! — приказал он.

Егор послушно пробирался в полной темноте, осыпалась

земля, что-то холодное и скользкое упруго дернулось под рукой, Егор сжался от ужаса, а Партизан все торопил и торопил его:

— Ползи, ползи!

— Все, — глухо ахнула спереди Люська. — Здесь стена.

— Тогда сиди и молчи, — проговорил Партизан.

Наступила тишина.

Все слушали, что происходит снаружи, но нора, в которую они забрались, была достаточно глубокой, и не было слышно ни звука.

— Боюсь, — вдруг произнес Партизан, — что Жулик к нам побежит. Он их наверняка на нас выведет.

— Там что-то было, — сказал Егор. Он вытер влажные ладони.

— Не бойся, — сказал Партизан. — Здесь улитки бывают. Крупные улитки. Давно завелись. Они не кусаются. И слизь у них не опасная. Но если будут Марфуту пытать, она наверняка на нас покажет. Она это убежище знает. Лучше бы ее сразу убили.

— Ой, что вы говорите! — ахнула Люська.

— Фуражку потерял, вот что говорю, — ответил Партизан.

Было душно. Долго не просидишь.

— Нам долго здесь сидеть? — Люська как будто угадала мысль Егора.

— Пока не уйдут, — ответил Партизан. — Ты не бойся, не задохнемся. Мы как-то здесь вчетвером сидели. Часа два. Но живые остались.

— Что им от нас нужно? — спросил Егор.

— Вы им нужны, — сказал Партизан. — Они выследили, что у нас молодежь.

— А почему молодежь?

— Глупый, молодежи здесь нехватка. Молодежь всем нужна. И новенькие тоже. А если молодежь и новенькие, то тут цены нет.

— На что я им?

— Продать, — сказал Партизан. — Или использовать.

— Как?

— Как, как! Рано тебе еще знать как! — рассердился Партизан. — Твое дело сидеть.

— Уйду я от вас, — сказала Люська. — Нельзя мне с вами жить. Лучше уж дома.

— Надоело, — сказал Партизан. От него пахло немытым те-

лом и дешевым одеколоном. Задохнуться можно от такого одеколона. — Никто отсюда не уходит.

— А кто нам скажет, когда выходить? — спросил Егор.

— Птичка пропоет, — ответил Партизан. — Помолчи.

Они молчали. Чтобы не было грустно, Егор стал думать. Он уже немного привык к своему положению и даже поверил в то, что стал как бы привидением. Ведь невероятно то, что происходит с другими. С тобой невероятного не бывает. Дядя Боря когда-то любил повторять: «Будем решать проблемы по мере их возникновения».

«Вот мы сейчас сидим в черной дыре. Я, один пожилой человек, которого не успели уменьшить до нужного ничтожества, девочка Люська, не очень образованная, по-своему симпатичная, и ее жалко. И надо отсюда выбираться. Как с необитаемого острова. Как из тюрьмы. Не может быть, чтобы отсюда нельзя было выбраться. Нет тюрем, из которых не убегали бы графы Монте-Кристо».

Совсем близко, как будто в ухо, залаял Жулик. Ну просто заливался отчаянно, будто хотел сказать что-то важное.

— Молчи! — зашипел Партизан.

Жулик замолчал, будто удивился.

Снаружи зашуршало.

— Ох и выдаст он нас! — прошептал Партизан.

Холодный нос Жулика ткнулся в щеку Егору.

— Ты чего? — спросил Егор.

Жулик попытался схватить Егора зубами за рукав.

— Он нас зовет вылезать, — сказал Егор.

— Он здесь? Гони его! Нет, не гони. Держи его! Не выпускай!

Жулик скулил, и Егору показалось, что он понимает его. Выходи, умолял Жулик. Чего ты сидишь в норе, словно червяк!

— Я выгляну, — сказал Егор.

— И не мечтай. Они рядом. Я чувствую, что они рядом.

— Нет, я пойду!

Жулик, услышав Егора, взвыл от восторга. Он пытался вылезти наружу, как будто был уверен, что Егор его не оставит.

— Егорушка, — умолял Партизан. — Если вас уведут, с кем я останусь! Они же Марфуту наверняка уничтожили, а Пыркина застрелили. Я без населения пост свой потеряю.

— Какой пост?

— Но я же начальник аванпоста, — пояснил Партизан. — У меня привилегии, положение. Неужели не понимаешь?

— Нет, не понимаю, — сказал Егор. — Ничего не понимаю.

Он пополз к выходу за Жуликом.

Жулик уже выскочил наружу и бегал вокруг, деловито тявкая.

— Стой! — Партизан схватил Егора за ногу, но Люська стала бить Партизана. Егор слышал частые удары и ее слова:

— Пусти, пусти же! Мы уйдем, зачем в дыре сидеть?

Егор вырвал ногу и выбрался на белый свет. Правда, свет был не очень белым, скорее серым, но после черной норы он показался ослепительным.

Жулик прыгал вокруг, звал обратно.

Ни одной живой души вокруг не было. Тишина стояла отвратительная, потому что такой тишины не должно быть. У древних греков мертвые жили под землей, там была река, через которую перевозил специальный старик. Правда, Егор забыл, как старика звали.

Где же остальные жители бытовки? Егор прислушивался к безнадежной тишине, и ему хотелось, чтобы хоть какой-нибудь живой звук прорвался сюда.

— Что там? — глухо послышалось из-под земли.

— Ничего, — ответил Егор. Он поймал себя на том, что отвечает вполголоса.

Жулик тявкнул, вежливо приглашая идти. Громко лаять он тоже не решился.

— А ты пройди по мосту, — посоветовал Партизан. — Выгляни. Если все в порядке, позови нас. Только негромко. Мы услышим.

Ничего себе партизан, подумал Егор. Кто с таким ходил в разведку? Поэтому, наверное, белые и проиграли войну.

Егор пошел вверх по склону. На голой земле, усеянной железками, палками, кусками бетона — чудом никто из них ног не поломал, — видны были борозды — следы их бегства. Чуть выше, возле первого убежища, лежал на земле Пыркин. Пальто у него было черным, рубашка оранжевой — следов крови издали не видать.

Егор кинулся к пьянице.

— Пыркин, вы чего! Очнитесь, Вениамин Сергеевич!

Егор склонился было над Пыркиным, но вспомнил, что поблизости могут оказаться враги. Он сначала осмотрел склон дальше, в сторону бытовки. И подумал, что там должна быть Марфута.

Но Марфуты не было.

Правда, и бандитов тоже не было.

Обернувшись назад, Егор позвал. Как и обещал — негромко:

— Партизан, выходите! Тут Пыркин лежит.

Пыркин лежал как-то неловко, подогнув под себя ногу, в откинутой руке была все еще зажата палка, которой он пытался защищаться.

Вблизи было видно, что пальто Пыркина расстегнуто и рубашка залита кровью. Егор понимал, что надо пощупать пульс, но побоялся это сделать.

К счастью, подбежал Партизан.

— Ты хорошо смотрел? — спросил он. Партизан не глядел на Пыркина, а оглядывал окрестности. — Они могут таиться. Они же дьявольски хитрые. — Но голос его был бодрее, и вообще Партизан казался более уверенным в себе, чем пять минут назад.

— Он мертвый? — спросил Егор.

Подошла Люська. Она стояла поодаль, не осмеливаясь приблизиться к Пыркину. Жулик тоже стоял рядом и молчал — видно, переживал за хозяина.

— Сейчас поглядим, — сказал Партизан. — Он у нас живучий. Здесь все живучие. Отойди-ка.

Партизан присел на корточки. Он был таким маленьким, что Егор подумал, а может, и не наврал белый партизан. Может, и в самом деле в Красной армии был такой ученый Фридрих Мольтке, который уменьшал пленных.

Хоть Егор не очень интересовался политикой, слово «демократ» он не считал ругательством, как дядя Боря, но, когда смотрел кино или фильм по телевизору, привычно болел за красных. Других фильмов по телевизору не бывало. Красные всегда были нашими, белые — чужими. Вот и сейчас ему трудно было осуждать Фридриха, если тот делал опыты над белыми пленниками. Вот когда вырезают красные звезды на груди наших бойцов — это изуверство.

Партизан поднял веко Пыркина, заглянул в открывшийся белый глаз. Потом поднял его безжизненную кисть и стал щупать пульс.

— Есть, — сказал он, — слабый, но есть. Теперь его надо в бытовку перенести и перевязать, чтобы кровью совсем не изошел. Но нам с тобой его не дотащить.

— Я помогу, — сказала Люська.

Партизан поглядел на нее в сомнении и, тут же почуяв неладное — он все время был настороже, — присел, будто хотел спрятаться за тело Пыркина. Жулик зарычал, глядя на мост.

Егор посмотрел в ту сторону.

Неровной, трудно различимой цепочкой их ожидали призраки.

Они не двигались, не показывали враждебных намерений, но стояли спокойно, бесстрастно, и оттого от них исходила угроза.

— Кровь почуяли, — прошептал Партизан. — Когда кровь почуют, их трудно удержать.

— А кто они? — спросил Егор. Он уже задавал этот вопрос, он многие вопросы задавал по два-три раза и либо не получал ответа вообще, либо каждый раз получал иной ответ.

— Придется бросить Пыркина, — сказал Партизан, — побежали с другой стороны, по самой воде пройдем.

Жулик буквально взвыл. Он понял.

И в следующее мгновение он кинулся на призраков. Они отпрянули, но не так испуганно, как в прошлый раз. Только расступились, пропуская песика. Жулик помчался обратно.

— Ему все равно, — сказал Партизан. — Они кровь высосут из Пыркина, а ему все равно.

— Но вы же сказали, что он живой.

— Что живой, что мертвый — все равно не жилец. Нам его до бытовки не дотащить.

— Нет, так нельзя, — сказала Люська. — Он же мой сосед. Пыркин. Я его давно знаю.

Ее аргументы только рассмешили Партизана.

— Если хочешь жить, барышня, — заявил он, — привыкай терять друзей и близких. А уж чужих теряй, не моргнув глазом. Иначе погибнешь сама. К сожалению, третьего пути нет.

Привидения надвигались на них, Жулик носился между призраками, лаял, но не смел подойти совсем близко. Егор уже почувствовал присутствие электричества в воздухе, словно находился под линией очень высокого напряжения.

Он старался понять: где же скрывается разум или злоба в этих намеках на плоть, в прозрачной протоплазме, которая, может, и не существует, а лишь является сгустком какой-то энергии?

Странно, но сейчас он видел, что привидения различаются размером, формой и некоторые из них вовсе не похожи на людей. Из воздуха возникали какие-то полупрозрачные предметы, вспыхивали звездочки, образовывались черные провалы. У одного из призраков вдруг появилось лицо, знакомое неприятное лицо...

— Ты куда к ним пошел? — воскликнула Люська. — Убьют же!

— Погоди. Ты же видишь, что у него в лапах?

— Нет, не вижу. Я и лап не вижу. Ну, Егорушка, ну уйдем, пожалуйста.

Так жена уговаривает мужа, пьяного задиру, чтобы не лез в драку.

— Ты видишь черное?

— Вижу, вижу, только уйди.

А Егор понял, что лицо призрака напоминает Жору. Нет, это Егору кажется. Откуда у призрака лицо Жоры? Но почему у него в руках черная овальная, почти непрозрачная штука, так похожая на двухкассетник?

— Ну что ты? — Люська не отставала.

— Кажется, это отцовский магнитофон, — сказал Егор.

— Ты с ума сошел, да?

— Я теперь ничего не понимаю. И ничему не удивляюсь.

Привидение-Жора отделилось от толпы прочих и поплыло к Егору. Жулик бросился ему наперерез. Егор отступил, потому что его начало дергать током.

— Не смотри, — приказала Люська. — Это не он, не тот человек. Это его совесть. Или стыд, или страх... он оставил его с нами, а сам ушел.

— Погоди, — сказал Егор, — а может, они такие злые, потому что это не просто призраки, а призраки людей, связанных с нами, — это мы их утащили за собой?

— Да беги же! — снова крикнул Партизан. И побежал прочь.

— Я не побегу, — сказал Егор.

— И я не побегу, — сказала Люська. Но голос ее дрогнул.

Жулик, слишком приблизившийся к привидениям, с визгом отскочил, обожженный. Привидения упрямо стремились к крови Пыркина.

Егор подхватил Пыркина под мышки и потащил его в сторону от призраков. Это было глупое решение, потому что он двигался медленнее, чем призраки. Люська бросилась помогать. Пыркин застонал. Голова его свешивалась набок.

К счастью, привидения задержались. Они замерли, сливаясь воедино, куском студня, розовеющим у земли, — они впитывали кровь, вытягивая ее из земли.

И неизвестно, чем бы кончилась вся эта история, если бы они не услышали голос Партизана:

— Сюда, скорее! На помощь!

По дорожке у реки ехали два велосипедиста в черных плащах и касках.

— Мы людей теряем! — звал Партизан.

Один из велосипедистов остался держать машины, второй стал карабкаться по склону следом за Партизаном.

В руке у него было нечто напоминающее фен, которым мама сушила волосы. Внутри фена светилась красная проволочка.

Привидения начали дергаться, словно им было больно, и, как парус под напором ветра, их масса стала изгибаться прочь от велосипедиста.

Егор опустил плечи Пыркина на землю.

Велосипедист присел возле него на корточки.

— Огнестрельное ранение? — спросил он.

— Да. В него стреляли из пистолета, — сказал Егор. Сейчас он не боялся велосипедиста. Велосипедист превратился в местного милиционера, хоть и странно одетого. Ведь он не виноват, что здесь нет автомобилей. Почему нет, лучше не спрашивать, все равно они ничего не скажут. Но про призраки спросить можно.

— Кто на нас нападал? Кто эти призраки?

— Откуда мне знать? Они, скорее, как тараканы. Только ядовитые. Хорошо еще, что наших пушек боятся. А то бы все заполонили.

Велосипедист достал из внутреннего кармана баночку, открыл ее — острый запах, похожий на запах вьетнамского бальзама, ударил в нос. Велосипедист набрал мази на палец и стал растирать лоб и переносицу Пыркина.

— Ты иди, мальчик, иди, — сказал велосипедист. — Мы без тебя справимся.

Второй велосипедист подошел к ним, оставив машины под охраной Люськи.

— Понесем? — спросил он. — Или пшик?

— Понесем.

Они ловко подхватили Пыркина — один под мышки, второй за ноги — и понесли к бытовке.

Егор пошел за ними.

Он увидел впереди, недалеко от бытовки, Партизана, стоящего над грудой тряпок. Когда подошли поближе, Егор сообразил, что это то, что осталось от боевой подруги Марфуты. Перед смертью Марфута скорчилась, подтянула ноги к животу — видно, последняя боль была невыносимой... У Марфуты не было головы.

Егор понял, что его сейчас вырвет. Он побежал к реке.

И, не добежав десяти шагов, остановился.

Посередине Москвы-реки, удаляясь к дальнему берегу,

медленно плыла лодка. Два разбойника гребли, третий держал в середине лодки шест высотой чуть больше его самого. На вершину шеста, как картофелина на палочку, была насажена голова Марфуты, совсем живая, черные курчавые волосы растрепались, на намазанных помадой губах странная лягушачья улыбка.

И тут Егору стало совсем плохо.

Когда он пришел в себя, лодка уже отплыла далеко. К Егору подошел велосипедист — оказывается, они уже отнесли Пыркина в бытовку. Велосипедист смотрел на лодку.

— Мы до них доберемся, — сказал он. — Ну зачем было женщину убивать? Что им от этого за выгода?

— Они у нее золото отнимали, — сказал Егор. — У нее много золота было.

— А ты подумай, парень, кому здесь золото нужно? Хочешь, я пойду с тобой в ювелирный магазин, там наберешь себе драгоценностей, как египетский фараон.

— А зачем же они ее убили?

— Они хотели вас с девчонкой захватить, — сказал велосипедист. — Им вы нужны. Не получилось — озлобились.

Велосипедист снял темные очки, вздохнул, лицо у него оказалось пожилым, морщинистым, белым от здешнего климата. Он был похож на человека, который приходит домой, снимает пиджак и тесные ботинки. И становится добрым.

— Зачем мы им?

«Странно, — успел подумать Егор, пока ждал ответа велосипедиста. — Я страдал, переживал оттого, что никому не нужен».

— Тебе разве не сказали?

— Сказали, но я хочу поскорее отсюда уйти, а для этого надо понять, как тут все устроено.

— Боюсь, что и тысячи лет тебе не хватит. У нас тут рассказывают истории про людей, которые старались уйти. Все плохо кончали. Так что постарайся найти себе место потеплее, отдыхай, не спеши.

— И оставайся мальчиком? — спросил Егор.

— А чем плохо?

— Взрослый мальчик, пожилой мальчик, старенький мальчик.

— Это незаметно, — вздохнул велосипедист. — Как там, дома, — времени нету, а оно летит как оглашенное.

Велосипедист улыбнулся.

— А потом уже не захочешь ничего. Я тебе честно говорю, все здесь эту стадию проходят. Сначала суетятся — я убегу, я уйду, вы меня не задержите. А кто тебя задерживает? Ну нету дырки обратно.

— Вы это точно знаете? — спросил Егор.

— Если не считать сказок и легенд, — сказал велосипедист. — Но когда людям нечего делать, они начинают придумывать сказки.

— Я хочу услышать сказки.

— А ты у нас упрямый!

— Я уйду.

— Такие плохо кончают.

— А почему голову отрезают? — спросил Егор.

— Мы здесь живучие, убить человека трудно. Ты же видел, как Пыркин ожил. Наверное, это следствие того, что времени здесь нет и внутри метаболизм понижается. Ты меня понимаешь?

— Понимаю. Вы имеете в виду обмен веществ?

— Приблизительно. Я раньше доктором был. Можешь себе представить?

— Поэтому вы голову у самоубийцы отрезали?

— Это был не я. Это другой. Но такой порядок.

— Какой порядок?

— В каждом обществе есть порядок. Если человек покончил с собой, пути обратно нет. Мы не хотим здесь плодить психов.

— А почему отрезали голову Марфуте?

— Потому что они бандиты. Не добрались до вас с девчонкой, вот и вымещали зло на тетке. Нет, они скучают. Со скуки и хулиганят. Ничего, скоро мы экспедицию организуем, карательную.

Они пошли наверх, к бытовке.

В бытовке Пыркин лежал на старом диване, он был потный и тяжело дышал. Возле него сидела Люська.

— Мне велели, — сказала она, — лекарство ему давать. Знаешь, у них здесь удивительные лекарства. Надо будет с собой домой взять.

— Их лекарство у нас может не подействовать. Наверняка не подействует. Мы с тобой пока еще верхние, — возразил Егор.

— Верхние?

— Я условно говорю — кровь у нас горячая. А они все стали рыбами.

Люська посмотрела на Егора, чуть сощурившись. Она размышляла. Потом сказала:

— Рыбы бывают очень быстрые и опасные. Акулы.

— Но они другие!

— Когда ты отсюда бежать будешь, меня не забудь взять, — попросила Люська. — Я тебе верная буду.

— Я еще не знаю, как это сделать!

— Узнаешь, ты умный.

За тонкой стенкой снаружи гремел незнакомый авторитетный голос:

— Обоих, и немедленно!

— Но вы же видите, что я один остаюсь. И у меня раненый на руках. Завтра же нас нелюди съедят или бандиты расстреляют.

— Один сторож здесь останется, пока нового тебе не подвезем, ты не беспокойся, на вокзале о тебе помнят.

— Только обязательно должна быть женщина. Желательно молодая. Мне жениться пора.

— Смешно, — ответил незнакомый голос. — Ну давай показывай нам детский контингент.

— Люська, Егор, на выход! — закричал Партизан.

Пыркин застонал. Он силился что-то сказать.

— Осторожнее, Люська, — произнес он наконец.

— Как ты, Пыркин? — обрадовалась Люська.

— Я потом к тебе приду, — сказал он. — Ты не бойся. — Он закрыл глаза. Говорить ему было трудно.

В бытовку ворвался Партизан.

— Ну куда вы запропастились! — закричал он. — Вас же ждут!

— А кто ждет? — спросил Егор.

— Пошли, пошли, ждут вас.

Он готов был вытолкать их из бытовки.

— А Пыркин заговорил, — сказала Люська. — Вы ему напиться дайте.

— При чем тут Пыркин?

Егор вышел первым из бытовки. Спрыгнув с лесенки в две ступеньки, он остановился, разглядывая новых гостей.

На этот раз вместо велосипедистов приехал целый экипаж. Вернее, гибрид телеги и велосипеда. Открытая повозка оглоблями была прикреплена к двум большим велосипедам. На об-

лучке сидел строгого вида мужчина в милицейском мундире и генеральской фуражке.

Мужчина был бородат. Концы длинных светлых прядей доставали до плеч. Движения у мужчины были закругленными, ленивыми, словно он играл роль какого-то восточного паши.

— Ах, какой сюрприз, — произнес он. — Мы вам рады.

— Здравствуйте, — сказал Егор.

Странно, но в этом прохладном мире вельмож было жарко. Он даже снял фуражку, чтобы вытереть рукавом блестящее лицо.

Егор с Люськой молчали. Вельможа их не спрашивал. Он разговаривал сам с собой.

— Добро пожаловать в государство Солнца! — сказал вельможа.

Люди на велосипедах обернулись к Егору с Люськой и рассматривали их равнодушно, как рассматривают людей лошади. Они были в плащах, в касках, как настоящие велосипедисты. Егор улыбнулся собственным мыслям — он уже рассуждает как старожил.

— Прошу садиться, — сказал вельможа. — Обо мне вы могли не слышать, если плохо учились в школе. Моя фамилия Дантес. В свое время мне удалось убить известного русского поэта Пушкина и избавить мир от этого якобинца. Эдмонд Дантес. Впоследствии писатель Дюма написал обо мне роман. Но мы с вами живем в демократическом обществе, и потому можете называть меня попросту: Эдмонд Давидович.

Велосипедисты уселись в седла и были готовы тронуться в путь. Партизан стоял в дверях бытовки. Он поднял руку и приложил ее к новой фуражке.

Егор послушно влез в телегу. У заднего бортика была доска как раз на двоих. Люська села рядом.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Мы должны все узнать, — сказал Егор. — Не сидеть же здесь.

— Правильно! — Вельможа Дантес услышал слова Егора. Он повернулся на кресле и крикнул велосипедистам: — Ну, мои любезные, не подведите! Покажите нашим гостям, как мы умеем ездить.

Велосипедисты согласно нажали на педали, и повозка, покачнувшись на откосе, покатилась вниз, к широкой асфальтовой дорожке возле самой воды.

Вельможа развернулся к пассажирам.

— Полагаю, — сказал он, — что у вас есть множество вопросов. Но отвечать на них у меня нет настроения. Вопросы буду задавать я.

Никто с ним не спорил. Велосипедисты мерно жали на педали, велосипеды скрипели. Телега тоже скрипела.

— А машин у вас нету? — спросил Егор.

— Мальчик, я же сказал, что не намерен отвечать на вопросы, — капризно сказал Дантес. Он накрутил на палец длинный светлый локон и дернул за него. Сморщился как от лимона.

— Здесь бензина нет, — сказал один из велосипедистов. Было странно услышать его, потому что лошади не должны разговаривать.

— Он куда-то девается, — сказала вторая «лошадь».

— Помолчите! — оборвал его Дантес. Теперь он запустил тонкие пальцы в бородку.

«Лошади» замолчали. Повозка скатилась на дорожку вдоль воды. И тут Егор увидел, что лодка, в которой приплывали к ним три бандита, стоит полузатопленная у самого берега. В лодке никого не было. Ее мачта наклонилась. Голова Марфуты, насаженная на мачту, чуть приоткрыла глаза, глядя на Егора.

— Ой!

Это был голос Люськи.

— Их уже примерно наказали, — сказал Дантес.

Велосипедисты прибавили оборотов, и повозка быстро покатилась по набережной.

— Ты учишься в школе? — спросил Дантес у Егора.

— В девятом классе, — ответил тот.

— Молодец. Еще год — и окончишь школу. Куда намерен поступать?

— На исторический.

— Решил стать архивной крысой? — Дантес дернул себя за бороду.

Его пальцы не знали покоя — они должны были все время за что-то дергать, куда-то залезать.

— Археологом, — ответил Егор.

Дантес задавал вопросы так, словно был гостем на родительской даче. Будто не сомневался, что Егору предстоит учиться в институте. Может быть, отпустят, подумал Егор. Как будто сидел в тюрьме.

— Ну а ты что нам скажешь? — спросил Дантес у Люськи.

— А вы в самом деле Пушкина убили? — спросила Люська.

— Убил.

— Тогда я с вами разговаривать не буду, — твердо заявила Люська.

Егор подумал: «Как странно, а я ведь его не воспринял как настоящего Дантеса. Если он убил Пушкина, значит, наказание для Дантеса было страшнее, чем смерть для Пушкина».

— Вы тоже наказаны, — сказал Егор. — Полтора века сидите в тюрьме.

— Не думаю, что это — тема для разговора, — сказал Дантес. — Тем более что я занимаю достойное положение.

Навстречу им по набережной шла девушка и катила перед собой кресло с идиотом. Голова того свешивалась набок, и из угла рта тянулась слюна. Видно, нагулялись и возвращались обратно.

— Софья, почему без охраны? — вдруг спросил Дантес. — Не выношу непослушания.

Девушка чуть замедлила шаг и сказала тихо, но так, что слышно было издалека:

— Я не намерена давать вам отчет. Мне не требуется охрана. Лучше охраняйте себя.

— Ха-ха-ха! — громко закричал Дантес.

Девушка покатила кресло дальше. Дантес расстроился, что-то зло пробормотал под нос.

Возле ажурного железнодорожного моста Окружной дороги велосипедисты вытащили повозку на мостовую, и дальше они поехали по широкой набережной. Слева стояли пустые кирпичные дома, справа за чугунной решеткой была видна серая река.

— Этого еще не хватало! — Дантес совсем расстроился. Он смотрел наверх. Над ними медленно летел воздушный шар. Он летел поперек их движения, перелетел через реку. Из корзины шара свесился человечек и что-то кричал. Дантес погрозил ему кулаком.

— Типичный бардак, — сказал Дантес Егору. — Никому нельзя верить. Сказано же — летать запрещено. Слава богу, живем сотни лет и не летаем. И неизвестно, откуда летит, с каким заданием.

Велосипедисты энергично работали педалями, повозка поскрипывала.

— Нам далеко ехать? — спросил Егор.

— В принципе тебя это не должно волновать.

— Еще как волнует, — вмешалась Люська. — Мы хотим отсюда поскорее уехать.

— Кто же внушил тебе такую глупую мысль? — удивился Дантес. — Неужели твой юный спутник?

У Дорогомиловского завода стоял сторож в каске и черном плаще.

Больше им никто не встретился до самого Киевского вокзала. Ехали они долго — все же велосипеды с телегой не самый быстрый вид транспорта. Но больше не разговаривали. Дантес был погружен в свои мысли и на все вопросы отвечал невнятным бурчанием. Да и сам больше ничего не спрашивал.

Егор смотрел на небо, на другой берег реки, на пустые дома, ему казалось, что пустынность этой Москвы — какой-то яд. Он вползает в сердце и превращает тебя в человека-лошадь. Ты готов покорно крутить педали. А раз нет времени, нет часов и нет измерений, то трудно понять, год прошел или десять минут.

— Смотри, — сказала Люська, — это Новодевичий монастырь, правда?

Монастырь изменился. Стены его были некрашеные, в луковке колокольни была большая дыра, парк, отделявший монастырь от реки, исчез. Остался лишь длинный пруд.

Скрип-скрип — колеса повозки, скрип-скрип — педали.

Вот и Киевский вокзал стеклянным ангаром поднимается за площадью, на которой остались — наконец-то Егор увидел их — машины. Забытые на стоянке.

— Это неправильно, — сказал он.

— Что неправильно? — спросила Люська.

Ей стало тепло, она расстегнула пальтишко и откинула на спину серый платок. Волосы ее, зачесанные на прямой пробор, были туго стянуты резинкой. От этой прически голова становилась меньше, а сама Люська казалась старше, чем была в платке.

— Машины не должны здесь оставаться, — сказал Егор. — Машины потом уезжают.

— Мы не знаем, — сказал вдруг Дантес, — что из вещей переходит сюда, а что остается, мы даже не знаем, у чего появляются дубли, а у чего нет. Я тут видел табун лошадей на Садовом кольце. Ты видел, Петренко?

— Мы вместе были, господин Дантес, — откликнулся правый велосипедист.

— Представляешь, табун лошадей! Откуда? Почему? Мы сначала думали, что это видимость.

— Но они прошли, и мы видим — навоз! Честное слово, — вмешался в рассказ другой велосипедист.

Неожиданно Дантес вытащил откуда-то, возможно из-под себя, длинный хлыст и с размаху огрел велосипедиста.

— Больно! — охнул тот.

— Я и хотел, чтобы было больно, — ответил Дантес. — Когда я рассказываю, не влезай.

Петренко и не подумал вступиться за своего товарища.

Повозка въехала на площадь, миновала стоянку машин и остановилась у громадного входа в вокзал под башней с остановившимися часами.

Дантес первым спрыгнул с повозки и пошел наверх по широкой лестнице.

Там стояли два велосипедиста в пожарных касках.

Один из велосипедистов, которые привезли повозку, слез со своей машины и сказал Егору:

— Пошли, чего расселся!

Зал Киевского вокзала был высоким, гулким. Звук шагов раздавался так, словно его подхватывал микрофон и, многократно усилив, бросал вниз.

Прямо был выход на платформы, но велосипедист повернул налево.

И сразу — словно поднялся занавес — они очутились в ином мире. В мире людей, вещей и движения. Главное — здесь было движение. Движение — это и есть жизнь материи, сказал себе Егор. Неизвестно, он читал это где-то или сам придумал.

Зал переходил в длинное, не столь высокое, но просторное помещение, в котором сохранились длинные ряды жестких кресел для ожидающих пассажиров. В креслах сидели или лежали люди. В дальнем углу у стены несколько рядов были сдвинуты, и там собралась тесная компания с гитарой. Эти люди пели песню про барабанщика.

На свободном пространстве люди разгуливали поодиночке, парами или небольшими группами, останавливались, снова шли. Среди них были и велосипедисты, а также военные в мундирах и фуражках. Женщин было меньше, чем мужчин, но, глядя на них, можно было скорее сообразить, что они принадлежат разным эпохам. Мужской наряд за последние двести лет не так уж сильно менялся, зато женские платья претерпели большие перемены. И было странно и непривычно видеть даму в длинном, до земли, платье со шлейфом, а рядом с ней женщину в короткой, выше колен, юбке, женщин с высокими замысловатыми прическами и вообще без причесок — коротко и просто остриженных. Значит, здесь, понял

Егор, есть свои парикмахеры и портные, и этот мир, оказывается, устроен куда сложнее, чем показалось там, возле Метромоста, где все человечество ограничивалось маленькой кучкой нищих.

Люди вокруг Егора были разного возраста, чаще старые, чем молодые. Независимо от возраста некоторые из них были более или менее новыми, живыми, а другие были изношены, как скрипучие стулья, поедены древоточцами и готовы вот-вот рассыпаться.

Но если там, в бытовке у Москвы-реки, только Марфута красила себе лицо, причем делала это не очень умело — видно, на фронте не успела научиться, — то здесь все — и мужчины и женщины — были размалеваны, как дикари.

Люська сказала:

— Полное безобразие, как в цирке.

Да, как в цирке, а вернее, как клоуны в пантомиме. Издали это не смешно, а вблизи и смешно и страшно.

Все они вели себя как очень занятые и важные люди, на Егора с Люськой никто не обращал внимания, если не считать женщины непонятных лет, прическа которой напоминала луковицу, лицо было густо намазано мелом, на щеках нарисованы красные помидоры, а вокруг желтых белков глаз черная кайма чуть ли не в спичку толщиной.

Женщина обернулась к ним, когда они проходили мимо следом за велосипедистом, и сказала своему спутнику, голубоватое лицо которого было прикрыто слишком большими темными очками:

— Обрати внимание, какая милая девчушка. Чудесный цвет лица.

— Обломают, — ответил ее спутник, наряженный почему-то в длинный шелковый таджикский халат. — Насмотрелся я на них. Многих обламывали.

Говорил он так спокойно и равнодушно, что у Егора кольнуло в сердце. Люське грозила какая-то опасность.

— Да, — сказала им в спину дама-луковица, — как пролетает жизнь! И я ведь была такой. В пансионе для благородных девиц.

— Врешь, — ответил мужчина.

Перед дверью, над которой сохранилась табличка «Комната милиции», было теснее. Здесь люди скапливались, как муравьи у входа в муравейник. Велосипедист остановился.

Дверь растворилась, и выглянувший оттуда высокий, смертельно бледный старик в черном костюме произнес:

— Прием временно прекращается.

Затем увидел Егора с Люськой и добавил:

— А вы, молодые люди, проходите, пожалуйста, внутрь.

В толпе, скопившейся у дверей и источавшей запах сухой гнили и туалетного мыла, зародился несмелый ропот.

— Погуляйте, господа, погуляйте пока, — сказал старик в черном костюме и резко отступил на шаг, пропуская в дверь Егора с Люськой. Редкие черные волосы были начесаны на лоб, глаза скрывались в глубоких глазницах.

— Казалось бы, — добавил он, прикрывая дверь, — спешить здесь некуда, но мы хотим, чтобы все было как у людей.

Старик засмеялся высоким голосом.

Они стояли в просторной комнате, мутно освещенной от окон. Пол комнаты был устлан коврами, десятками, может, сотнями ковров всех размеров и узоров, которые поднимались в центре пола довольно высоким холмом, как получается холм из блинов на блюде, когда на Масленицу хозяйка вносит их из кухни. Ступать по комнате было опасно — недолго потерять равновесие. Стены тоже были в коврах и увешаны скрещенными саблями, кинжалами, пистолетами, круглыми щитами и персидскими шлемами. Там же Егор узнал полотно Айвазовского с тонущим кораблем. Боковую стену справа занимала гигантская картина «Иван Грозный убивает своего сына», видно, похищенная из Третьяковской галереи.

— Иван убивает Ивана. Это забавно, — произнес высокий, почти женский голос. — Я приказал повесить ее здесь, чтобы все помнили — с императором шутки плохи. Даже если ты ему близок как собственный сын. Вам понятна аналогия?

— Это в Третьяковке висит, — неожиданно сказала Люська. — Я там была.

— Из Третьяковки картина давно исчезла, в чем заключается один из парадоксов нашего существования. Копия сделана по репродукции великим трагическим талантом Карлом Брюлловым и значительно превосходит оригинал. Вы как думаете?

Обладатель тонкого голоса таился в черном кожаном кресле за холмом ковров.

— Но ведь Карл Брюллов раньше Репина жил, — сказал Егор.

— Еще один парадокс нашей странной жизни. Подойди поближе. Присмотрись ко мне, юноша. А я тем временем по-

лучше разгляжу твою юную спутницу. Она еще не распустилась, нет! Она еще бутон. Но опытный и мудрый садовник изолирует такой бутон в своей оранжерее и будет ждать того момента, когда тычинки задрожат от предвкушения похоти! Мне кажется, что я вижу мой идеал, мою будущую императрицу.

Люська вцепилась Егору в локоть ногтями. Было больно.

— Не бойся, — сказал Егор.

— Я присоединяюсь к твоим словам, — сказал император. — Не бойся. Ничего, кроме счастья, тебя не ждет.

Наконец Егор разглядел императора.

В старинном черном кожаном кресле, какому положено стоять в кабинете академика, с трудом умещался очень толстый человек. Он был лыс, ни волоска, ни пушинки на голове, нос пуговкой, щеки мягко лежали на складках шеи, складки шеи лежали на груди и на плечах, а обнаженные руки, словно ручки младенца, были перетянуты ниточками. Ногти, очень маленькие по сравнению с сардельками пальцев, были покрашены в красный цвет. На человеке был надет бронежилет, похожий на детский передничек, который не сходился на боках, и шорты. Ноги, напоминающие ножки рояля, оставались босыми.

Рядом стоял Дантес, он держал фуражку на согнутой в локте руке и молча кивал на каждое слово толстяка.

— Я люблю искусство, — сказал толстяк. — Но еще больше я люблю молодых людей. От них я получаю мою энергию. Ах нет, не бойся, я ничего плохого детям не делаю, порукой тому честное слово моих соратников.

— Честное слово! — сказал старик в черном.

— Честное слово, — повторил Дантес.

— Вы садитесь, садитесь на ковры, на них тепло и мягко. И не удивляйтесь моему телосложению, оно — плод трезвого расчета. Когда, много лет назад, я попал в этот мир... тогда не было еще ни этого здания, ни других колоссальных строений Москвы.

Подчиняясь движению руки толстяка, Егор и Люська уселись на ковры. Пришлось подложить под себя ноги, но сидеть было все равно неудобно.

— Я провел здесь много лет, я видел, как приходят и уходят люди, я взвалил на себя бремя власти в этом мире для того, чтобы люди познали порядок, а не были племенем убийц и

разбойников, всегда существующим на грани гибели. Я добился порядка. Правда и порядок — вот мой девиз.

— Правда и порядок! — завопил Дантес.

Из-за двери донеслись отдаленные разрозненные голоса.

— Правда и порядок! Поря... о...

— Будучи человеком необыкновенной силы воли, — продолжал толстяк, — я решил заставить себя питаться. И знаете почему?

— Нет, — сказал Егор, потому что сообразил, что от него ждали этого ответа.

— Разумеется, нет, — согласился толстяк. — Вы здесь новички. Я же, будучи человеком великого ума и значительной силы воли...

Дверь чуть приоткрылась — в щель смотрели десятки глаз.

— Я понял, что бороться с разрушением и тленом можно, лишь заставляя свой организм трудиться, не поддаваться тлену. И я стал заставлять себя есть не меньше, чем в предыдущей жизни, заставлять себя спать, любить женщин, фехтовать, бороться, поднимать тяжести, черт побери! Вокруг меня бродят жалкие привидения. Я же, господин всего этого мира, здоров, молод и упитан.

На этот раз никто не ждал от Егора восклицаний, и восклицания восторга донеслись от полуоткрытой двери.

— Как меня зовут? — спросил вдруг толстяк.

— Гаргантюа, — быстро ответила Люська. — Я читала. Я знаю.

Толстяк рассмеялся. Он просто заливался, телеса его вздрагивали, колыхались, язык трепетал в распахнутом рту. Его придворные вторили толстяку, и веселье постепенно охватило весь вокзал, хохот его обитателей раскатился по обширному вокзальному пространству.

Толстяк оборвал смех и вытащил из-за спины сверкающую корону, похожую на разрубленное сверху яблоко. Из разруба поднимался усыпанный алмазами крест. Толстяк водрузил корону на голову и строго спросил Егора:

— А теперь узнаешь?

— Нет, — признался Егор. — Не знаю. Я сначала думал, что вы скажете — Геринг.

И Егор виновато улыбнулся.

— Ты в России, — сказал толстяк. — Здесь Герингов нет. И Наполеонов тоже не держим. Здесь все наше, родное. Дантес, скажи, кто я такой!

— Вы — его императорское величество господин император Павел Петрович.

— Вот именно, — сказал толстяк. — Я должен был выбирать — красоту или здоровье. И я выбрал здоровье и молодость.

— Но почему такой толстый? — спросила Люська.

— А потому, что в этой среде, — добродушно ответил император, — пища организмом не усваивается. Некоторые умудряются прожить по двести лет без крошки хлеба. И не умирают. Зато изнашиваются со сказочной быстротой. Вот ты, девочка, скажи мне, насколько ты голодна?

— Я вовсе не голодна, — ответила Люська.

— Вот видишь. Значит, скоро рассыплешься. А у меня впереди столетия!

— Но вас же убили, — сказал Егор. — Вас задушили подушкой заговорщики во главе с вашим сыном Александром. Я знаю, я читал.

— О заговорщиках я читал, тоже грамотный. Но участие родного моего сына Александра в этом категорически отрицаю. Историческая правда заключается в том, что в моей постели спал мой двойник. Я давно уже подозревал заговор среди моих подданных. И принял меры. Мой двойник погиб и был погребен. Однако я не посмел открыть правду... Мне так хотелось жить! Я прожил до Нового года, скрываясь от всех, даже от близких людей. Меня скрывала в своем загородном имении моя жена Мария Федоровна... К концу года я понял, что попал в безвыходное положение. Что я никому не нужен, что я всем мешаю...

Неожиданно толстяк вытер побежавшую по щеке слезу.

— И вот я здесь... Одинок. Императрица на той неделе покончила с собой!..

За дверью послышались стенания.

— Придворные — всегда придворные, — произнес император совсем другим, трезвым, спокойным голосом. — Лакеи — всегда лакеи. И хоть они ни в чем от меня не зависят, — последние слова император сказал шепотом, — все равно они готовы вылизывать следы моих ног.

Император пошевелил пальцами голой ноги и уставился на них, словно увидел впервые.

— Но мы, надеюсь, еще поговорим с тобой, — сказал император. — Ты мне кажешься неглупым ребенком. Об одном прошу — ешь, и много ешь. Это относится и к девочке. Как тебя зовут, барышня?

— Люська.

— Людмила. Красивое имя. Ты обещаешь превратиться в настоящую красавицу. Я разбираюсь в женщинах. Только для этого ты должна хорошо и много питаться. Готовьте выход к обеду, — закончил император.

Старик зазвонил в колокольчик. Два могучих велосипедиста в сверкающих шлемах вышли из маленькой двери сбоку и подхватили поднявшегося императора с обоих боков. Император положил пухлые ручищи на плечи молодцов, и они поволокли его к двери наружу.

Дверь распахнулась — от нее в обе стороны брызнули подслушивающие придворные.

Егор подумал, что постепенно теряет связь со здравым смыслом. Даже обычные здесь сочетания утрачивали смысл, как только ты произносил их вслух: император Павел и Дантес, убивший Пушкина, собираются обедать в зале ожидания Киевского вокзала...

Император с трудом переставлял ноги. Гвардейцам было нелегко, но они терпеливо тащили тушу через зал, где был накрыт стол.

Стол был страшно длинным, как перрон. Вдоль него, не садясь, стояли десятки придворных. Ждали императора.

Велосипедисты протащили императора к торцу стола.

Император опустился в красное высокое кресло.

Не говоря ни слова, он оглядел стол. Как поле битвы. Было слышно, как вразнобой дышат старческие глотки.

Император обозревал блюда и миски, стоявшие перед ним. Егор удивился. На блюдах, в тарелках и мисках лежали продукты, которых здесь, казалось бы, и лежать не должно. Почему, высунув из петрушки рыло, лежит на блюде небольшой осетр? Откуда взялся расколотый пополам, алый внутри арбуз? А грозди бананов? А тонко порезанный батон?

Все эти яства громоздились перед императором, а дальше по столу блюд и тарелок становилось все меньше, и пища на них была все скуднее. В дальнем конце стояли лишь стаканы с пустой водой.

После того как император уселся и сделал знак садиться остальным, Дантес провел Егора и Люську в голову стола. Люську посадили рядом с императором по правую руку, а Егору досталось место подальше, но далеко не самое последнее — на блюдце перед ним лежали кучкой шпроты, дальше из плетеной хлебницы торчали сухари.

Люська попыталась было рвануться за Егором, но император придержал ее за руку и сказал:

— Садись, садись, не пропадет твой Егорушка. Ты там удобно устроился, молодой человек?

— Спасибо, — ответил Егор.

— Надо говорить: спасибо, ваше величество.

— Спасибо, ваше величество.

— Молодец. Ты, конечно, не возражаешь против того, что я намерен влюбиться в твою подружку?

— Не знаю, ваше величество.

— Для начала будем ее откармливать. Благо у меня есть возможности.

— Не возражаю, — ответил Егор. Что он мог еще ответить?

— Не торопитесь с выводами, — произнес старик в черном пиджаке, который руководил приемом у императора. Он сидел рядом с Егором. — Я мог бы тоже затаить оскорбление в душе, потому что лишился своего привычного места, рядом с его величеством. Он нашел себе новое развлечение. Но сколько пройдет времени, пока он превратит девочку в послушную тупую свинку, — один бог знает.

— А зачем он хочет ее откармливать? — спросил Егор, боясь услышать что-то страшное.

— Нет, не думайте, — криво усмехнулся старик, — его величество не кушает младенцев. Он вполне цивилизованный монарх. Но его величество полагает, что может продлить свое благородное существование еще лет на пятьсот, если у него будут молодые любовницы. А молодых любовниц остро не хватает. Просто катастрофа какая-то.

— Но она же еще совсем девочка!

— Вот поэтому ее и будут откармливать, — сказал старик, и они замолчали, глядя, как император накладывает куски семги на тарелку Люське. И что-то воркует. Люська затравленно поглядывала на блюдо и послушно совала в рот куски рыбы.

— А откуда здесь рыба? — неожиданно для себя спросил Егор.

— В некоторых реках обнаруживается рыба, — рассеянно соврал старик, не отрывая взгляда от императора. — И раки. И улитки. А крупные муравьи — сущее бедствие. Мы также едим крыс — они тоже ничем не питаются, хотя грызут все, что попадает им в зубы... Если бы не крысы, наш мир бы не обновлялся.

— Я не понимаю.

— Конечно же, не понимаешь. Но они уничтожают следы старых домов, чтобы освободить место новым.

— А вы кто были раньше? — спросил Егор.

Он спрашивал, разговаривал, но не мог оторвать глаз от Люськи. Та чувствовала взгляд Егора и украдкой поглядывала на него.

— Вы обо мне могли не слышать, — произнес старик. — Я был генералом, командовал дивизией под Бородином. За это получил орден Красного Знамени. Моя фамилия Кюхельбекер.

— Как же я могу вас не знать! — Егор обрадовался вдруг Кюхельбекеру, как старому знакомому. — Я про вас в школе проходил. Вы же были другом Пушкина, вы вместе с ним в лицее учились.

— Неужели меня кто-нибудь помнит? — спросил старик. — Я же чуть не сгинул в просторах Сибири.

— Ну уж не надо! — возразил горячо Егор. — Вы — наш любимый прогрессивный герой.

Егор, конечно, преувеличивал, но хотелось сделать приятное старому человеку, даже если он тронулся от старости.

— О чем вы там шепчетесь? — загремел император. — Не успел приехать и уже плетешь заговоры?

— Нет, ваше величество, я только представился молодому человеку.

— И что же он рассказал? Вас помнят? Вам ставят памятники?

— К сожалению, нет, ваше величество, — ответил старик.

У старика было приятное усталое сухое лицо со спрятанными в глубоких глазницах скорбными глазами. Он был похож на исхудавшего отшельника.

— Поднимем бокалы, — призвал император, — за нашу новую подругу, за милую барышню Люси! Маркизу Люси!

Император захохотал. Старик поморщился.

— Еще этого не хватало, — тихо сказал Егор.

— Мне это тоже отвратительно, — согласился с ним Кюхельбекер. — Но мы с вами не можем остановить потопа.

— Надо бежать, — сказал Егор.

Вокруг придворные вставали и протягивали в сторону императора стаканы и рюмки, наполненные чистой водой. Грязная рука мелькнула рядом, подцепила шпротину и исчезла.

— Никуда вам не убежать, — возразил бывший декабрист.

— Но ведь Земля круглая, — стоял на своем Егор.

— Вы смешной мальчик, — ответил Кюхельбекер. — Наш

мир не так прост, как вам может показаться. А император — не просто надувная кукла.

Император снова заставил всех за столом подняться и выпить воды, теперь за здоровье покойной императрицы.

Егор обратил внимание, что много народу стоит за спинами пирующих — это были те, кому не хватило места за столом. «Наверное, они мне завидуют, — подумал Егор, — им кажется, что мне повезло, раз я приближен к императору».

— После обеда не уходи, — сказал Кюхельбекер. — Мне надо с тобой поговорить.

— Хорошо. А что будет с Люськой?

— Она пойдет переваривать пищу, — объяснил старик. — Я думаю, что ей подберут неплохую комнату с мягкой постелью и придадут двух сторожей, чтобы берегли от всяких волнений.

— Но она хочет быть со мной.

— Она сама не знает, чего ей хочется. Не забудь, что ты у нее — только замена счастья и безопасности. А ведь она — оторванный листок, и, если отыщется другой сук, к которому можно приклеиться, она тебя бросит.

— Я ей не навязываюсь. — Егор был покороблен этими словами Кюхельбекера. И еще декабрист, борец за свободу! Не может понять, что ребенка надо оберегать.

— Только не говорите мне, — поморщился старик, — что Люси нежное создание и ее нужно оберегать. Она самая обычная маленькая женщина и вскоре с наслаждением будет тиранить мужчин.

— Ей только двенадцать лет!

— Жены фараонов и турецких султанов в двенадцать лет хозяйничали при дворе.

— Пускай она сама скажет, — возразил Егор.

— Эй, Егор! — крикнул император. — У тебя найдется после обеда полчасика поговорить со старым царем?

Егор бросил взгляд на Кюхельбекера. Тот кивнул.

— Разумеется, — сказал Егор. — Разумеется, ваше величество.

Тут поднялся Дантес и произнес тост за здоровье императора.

— Вы были раньше знакомы? Там? — неожиданно для себя спросил Егор у Кюхельбекера.

— Нет, я был арестован до того, как этот мерзавец появился в Петербурге. Я бы грудью заслонил Александра. Сашу Пушкина. Я звал его Сашей. Он меня — Кюхлей.

— Чудо, — сказал Егор, — что я с вами за одним столом сижу.

— К сожалению — трезвая реальность. С сумасшедшим тираном, бесправными низами и безнадежно слабой интеллигенцией.

— Но надо что-то делать!

— Вот именно! Я тут нашел несколько любопытных людей. Но не уверен, не являются ли они самозванцами. Один называет себя Кантемиром. Есть у нас граф Аракчеев. Вон там сидит.

Граф Аракчеев оказался высоким сухим джентльменом в милицейском мундире, увешанном множеством ветеранских значков.

— А Чапаева у вас нет? — спросил Егор.

— Ах, молодой человек, — сказал Кюхельбекер. — Вы еще не вжились в наш мир. У нас свои законы, свои обычаи, свои развлечения. Борьба с тиранами входит в их число. Есть Чапаев. Но сюда он не придет. Он с ветеранами.

Врет, вдруг понял Егор. Неизвестно как, но понял наверняка. И про Кюхельбекера врет, и про заговор, и, конечно же, про графа Аракчеева. Зачем только — непонятно.

— Может, вам было бы лучше вернуться? — спросил Егор. — Вернуться домой?

Старик засмеялся, и в смехе было слышно, какой он старый.

— Вряд ли кто-нибудь здесь захочет расстаться с бессмертием.

— С таким вот бессмертием?

Они встали, потому что кто-то сказал еще один тост и надо было подняться, чтобы чокнуться бокалами с водой.

— Я готова убить эту девчонку! — прошипела сидевшая напротив женщина в бархатном платье, которое было ей очень велико, и потому женщина казалась сбежавшей из шкафа вешалкой. Тем более что лицо у нее было размытое, с мелкими чертами, которые невозможно запомнить.

— Потерпи, — ответил граф Аракчеев, — и не надо шуметь. Здесь всюду уши.

— Пища — редкость, — объяснил Кюхельбекер. — Получение пищи — мощный стимул к заговорам. Равенства не бывает, молодой человек. Всегда кто-то пьет воду, а кто-то кушает пачули.

— Что кушает?

— Ты этого не знаешь, в твое время пачули вывелись. А в моей молодости в каждой речке плавали.

Император поднялся и громко сказал старику:

— Вилли, отведешь девчонку в покои номер два. Будешь выводить ее на кормежки и прогулки. Ежедневные проверки, контроль. Затем решу, как поступить.

Император показал толстой лапой на громадные песочные часы, стоявшие на полке над его головой. Раньше их Егор не заметил.

— Слушаюсь, Павел Петрович, — ответил Кюхельбекер, — Моя служба времени не подведет.

— Я тоже с ней пойду, — сказал Егор.

— Нет, — возразил император. — Сначала мы с тобой немного поговорим. Мне нужен свежий ум, мне нужно побеседовать с человеком, который только что прибыл с нашей исторической родины.

Император наклонился — наклоняться ему было трудно — и поцеловал Люську в щеку. Она даже не успела отстраниться, с опозданием отпрыгнула в сторону, опрокинув бокал. Бокал — вдребезги. Раздались аплодисменты.

Женщина с прической, похожей на луковицу, завопила от дальнего конца стола:

— Изменник! Ты же мне клялся!

Прихрамывая, она побежала к императору. В руке у нее не страшно поблескивал столовый ножик.

Император хохотал. Гости за столом тоже смеялись. Никто не старался остановить женщину.

Добежав до императора, она принялась тыкать в него ножом, нож ударялся в бронежилет.

— Щекотно! — хохотал император.

Остальные покатывались от смеха.

Неожиданно женщина повернулась — сколько силы в такой развалине! — и полоснула ножом по Люське. Та взвизгнула от боли. К счастью, Люська была в своем клетчатом пальто — никто не сказал, что перед обедом положено снимать верхнюю одежду.

Но и на пальто сбоку показалась кровь. Велосипедист, стоявший за императором, врезался клином между Павлом и Люськой и, обхватив женщину рукой за горло, рванул ее назад.

Император крикнул:

— Маркизу Люси спасти! Всех перебью, если с ней что-то случится. Ее кровь — драгоценность, я хочу насладиться каждой ее каплей!

Люська стояла, пошатываясь. Она прижимала руку к боку,

и меж пальцев текла кровь. Вырвавшись из рук старика Кюхельбекера, который старался его поймать, Егор кинулся к Люське.

— Егорушка, — заплакала Люська, — Егорушка, за что меня?

— Все будет хорошо, Люська, ничего страшного не случилось.

— Я умру, да?

Дантес оказался перед Егором.

— Сюда! — приказал он. — Скорее.

Он шустро побежал по залу. Толпа любопытных раздалась в стороны.

Егор подхватил легкую Люську на руки и побежал следом за Дантесом. Он успел заметить табличку «Медпункт». Дантес толкнул дверь. Они оказались в небольшой комнате, где за занавеской стояла кушетка, покрытая белой простыней, стол с наваленными на нем бумагами, стеклянный шкаф с медицинскими приспособлениями. На полу была разложена детская железная дорога, когда-то такая была и у Егора. Человек в белом халате и белой шапочке с красным крестом стоял на коленях и подталкивал последний вагон поезда. Поезд подъезжал к вокзалу, и человек в халате начал гудеть, чтобы предупредить народ в игрушечном домике, что поезд прибыл по назначению.

Люська тихо плакала.

— Ты что здесь разыгрался, Фрейд! — завопил от двери Дантес. — А ну срочно за дело! Покушение!

— Подождет, — сказал человек в халате, не поднимая головы. — Ничего с ней не случится.

— Идиот! — кричал Дантес. — Она — новая избранница императора.

— Не первая и не последняя. У-у-у-у-у! — загудел снова доктор.

— Доктор, пожалуйста, — взмолился Егор. — Ей же плохо!

Доктор наконец-то поднял голову.

Он был маленький, из мятого лица торчала седая бородка, а над ней блестели голубые глаза.

Дантес в бешенстве ударил ногой по вагончику, тот взлетел и развалился.

— Вот этого я вам никогда не прощу, — сказал доктор, отпрыгнув в сторону, — вы изверг!

Егор положил Люську на кушетку.

— Уберите ее! — Доктор метался между остатками желез-

ной дороги и кушеткой. — У меня же простыня чистая. Где я другую найду!

— Я тебе сотню принесу, — сказал Дантес.

— А вы молчите! Вы не жилец на свете. Я вас уничтожу!

Дантес не испугался:

— Император срежет вам голову, прежде чем вы меня отравите.

Доктор потянул за край простыни, стараясь вытащить ее из-под Люськи.

— Не надо, — попросила Люська, — больно же!

— Странно, — сказал доктор. Он словно проснулся от звука Люськиного голоса. — Такое обильное кровотечение. Девочка, разденься, я тебя посмотрю.

Люська уже заняла все его внимание.

— Я не могу, — захныкала Люська, — мне больно.

— Ну так помогите ей!

Егор приподнял Люську и стащил с нее пальто. Люська помогала ему. Под пальто было голубое платье, мокрое на боку от крови.

— Больше не надо, — сказала Люська, — лучше я сама.

— Ты не стесняйся, — сказал Егор.

— Я все равно стесняюсь. — Брови Люськи поднялись чуть ли не к волосам. Ей было больно и неловко.

— У вас сестры, что ли, нету? — спросил Егор у доктора.

— Сестра нам не нужна. Мы же все бессмертные, — сообщил доктор. — А вы давно к нам прибыли?

— Сегодня первое января, — напомнил Дантес доктору.

— Ах, боже мой, совсем забыл. Значит, вы свеженькие и ваша кровь еще не успела смениться той влагой, которая течет в наших жилах. Тогда дело серьезнее, чем я предполагал. Твоя кровь требуется его величеству для поддержания себя в форме. Ну что ж, постараемся остановить кровотечение. Пускай ему будет чем напиться.

— Прекратите глупые шутки, доктор! — рассердился Дантес. — Есть вещи, о которых в приличном обществе не говорят.

— А есть вещи, которые в приличном обществе не делают, — ответил доктор.

Тем временем он задернул занавеску у кушетки и продолжил, уже не видный Егору и Дантесу:

— Терпи, девица, мы тебя еще замуж выдадим. Не мешай мне! Я доктор! Ты когда-нибудь в своей жизни доктора видела?

— Ну ничего, опомнился, — сказал с облегчением Дантес. — А то совсем психованный.

— Оставьте свое мнение при себе, — огрызнулся доктор из-за занавески. — И лучше будет, если вы покинете кабинет. Нечего вам тут делать. Рана у девочки поверхностная, кожу порезало, пустяковые сосудики задело. Будет жить, так и скажите своему кровососу.

— Пошли, пошли. — Дантес потянул Егора к двери.

Егор подчинился.

Они вышли в зал ожидания. Егор ожидал увидеть толпу, но вокруг было пусто — густело народом там, где стоял обеденный стол, словно обед продолжался.

Мрачный велосипедист шагнул к ним. Он отдал Дантесу честь и спросил:

— Его величество интересуется, будет ли жить его избранница?

— Будет жить! — бодро ответил Дантес. — Обязательно будет жить и радовать его величество.

Велосипедист развернулся и тяжело затопал прочь. Дантес задумчиво погладил волнистую прядь волос, падавшую на плечо. Затем сильно дернул себя за волосы, сморщился и криво усмехнулся.

— Порой полезно причинить себе боль, чтобы убедиться в том, что ты еще жив.

— Скажите мне, — взмолился Егор, — только честно. Чего он на самом деле хочет от Люськи?

— Это секрет.

— Я никому не скажу, честное слово.

— Я и без того знаю, что ты никому не скажешь, — согласился Дантес. — Кто тебя будет слушать? И секрет... это секрет Полишинеля. Вряд ли кто-то здесь не знает его.

— Тогда скажите.

— Есть такая оса там, на Земле, я забыл ее название, она парализует свои жертвы, а потом откладывает в них яйца. Получаются живые консервы. Из яиц выводятся осята и начинают пожирать спящую жертву изнутри, пока от нее не останется сухая оболочка. Страшно?

— Я об этом знаю.

— А я, когда услышал об этом впервые, ночь плакал. Современная молодежь бесчувственна.

Дантес замолчал и ждал, что ответит Егор. Егору не хотелось спорить, потому что он думал о Люське — на что намекает этот Дантес?

— Не бледнейте, юноша, не понимайте меня буквально. Наш император верит в то, что его долголетие, бодрость, даже мужские возможности зависят от пищи и любви. Слышите, от пищи и любви. Он жрет изысканные кушанья, и, поверьте мне, нам нелегко их раздобыть здесь, где не растут бананы... Не надо, не задавайте лишних вопросов. Все равно я отвечу только на те из них, на которые хочу ответить. Но главная его забота — соединиться с невинными, непорочными, живыми девушками, которых в наших краях, как вы сами понимаете, не водится. И тут вот такое везение — твоя Люська.

— Он хочет изнасиловать ее?

— Ни в коем случае! Чтобы Павел Петрович решился на это? Нет, он романтик!

— Так чего же ему нужно от Люськи? Кровь ее сосать?

— Прекратите говорить гадости, Егор! Немедленно прекратите! Наш дорогой Павел Петрович ищет истинной любви. Любви, понимаете, мальчишка? Будь его воля, завел бы себе гарем! Его агенты первого января объезжают всю страну, глядят, не выкинуло ли бурей на наш пустынный берег еще одну девицу.

— Ну скажите же, что ему нужно?

— Ты нетерпелив. А император влюбился. Раз император влюбился, то он намерен заполучить твою Людмилу. Но он не может этого сделать, потому что она еще девочка, — он должен ждать, когда ей исполнится шестнадцать, семнадцать... не знаю уж сколько лет! И тогда он женится на ней! У нас все как у людей.

— А до этого? — У Егора отлегло от сердца, но внутреннее напряжение оставалось. Здесь не бывает сказок с хорошим концом.

— А до этого мы будем пасти эту овечку.

— Четыре года? Пять лет?

— Сколько понадобится. Император влюблен.

— Нам нужно отсюда уехать, — сказал Егор.

Вельможа пожал плечами:

— Все в свое время и по воле императора.

Но Егор уже ничему здесь не верил.

— Если вы Дантес, — спросил он, — то почему не умерли во Франции?

— Я приехал к родственникам в Россию, — сказал вельможа. — У меня здесь остались родственники. В семействе Гончаровых. Впрочем, это уже не играет никакой роли.

Послышался шум. Егор оглянулся. К ним приближался император. Два велосипедиста поддерживали его под локти.

Сзади толклись придворные и просто зеваки. Император добродушно заговорил:

— Вижу моего доброго приятеля. Как ты, Егор, хорошо ли себя чувствуешь? Помнишь ли, что мы собирались с тобой побеседовать после обеда? Ты уж, пожалуйста, меня не подводи. Где девочка?

Дантес, согнувшись в поклоне, толкнул дверь. Дверь отворилась.

— Сюда нельзя! — послышался голос врача.

— Ах ты, мой Фрейд, ах ты, мой эскапист! — весело воскликнул император. — Опять за свои бредни взялся?

Император втиснулся в дверь, охрана осталась снаружи. Спина императора закрывала дверной проем, но Егору было слышно, о чем идет разговор.

— Пусти меня к ней, — сказал император.

— Она раздета. Она лежит. Я ее перевязываю.

— О, как это нежно! Дай мне поглядеть на ее тельце!

— Император, здесь я хозяин, — сказал доктор. — И раз уж мы распределили роли таким образом, ты мне будешь подчиняться в этой маленькой комнатке, а я буду подчиняться тебе на всей остальной земле.

— Ой, ты рискуешь!

— Нет, я знаю многое, чего остальным знать не дано. И жизнь многих в моих руках.

— Ах, оставь, Фрейд. Я только погляжу на нее.

Спина императора двинулась вперед. За ним втиснулись в медпункт велосипедисты. Егор слышал, как трещали куски погибшей железной дороги.

— Уйдите! — сказала Люська.

— Ты — царица этого мира, — сказал негромко император. — И я сам положу его к твоим ногам.

— Вы хотите мою кровь пить, — сказала Люська.

— Ну кто сказал тебе такую чушь! Я вижу линию твоих прекрасных бровей и линию твоих будущих бедер, я вижу, как скоро наполнятся упругой плотью твои перси...

— Император, больной вредно волноваться, — сказал доктор скрипучим голосом.

— Ухожу, ухожу, но мне хотелось бы, чтобы маркиза Люси присутствовала на аутодафе.

— Я запрещаю ей.

— Ну ладно, ладно, тебе лучше знать, старая клизма. Мы

повеселимся без вас. Я ухожу. Отдыхай, набирайся сил, береги свою алую кровь, моя прелестница. Для тебя я запущу все часы, и время покатится вновь.

— Идите, идите и пришлите мне новую железную дорогу вместо той, которую сломал этот идиот Дантес, — проворчал доктор.

— Распорядитесь, — рявкнул император, кладя руки на плечи велосипедистов.

— Разумеется, — сказал Дантес, — сам сейчас пойду по магазинам и отыщу железную дорогу лучше прежней. Пускай тараканы катаются.

— Тараканов здесь нет! — завопил из кабинета доктор. — И ничего от Дантеса я не приму. Он Пушкина убил.

— На хрен мне нужен твой Пушкин! — закричал в ответ Дантес. — Я убил Марата!

Или они все сумасшедшие, или притворяются. А в самом деле они что-то таят... Бананы!

— На площадь, на площадь, — закричал издали император. — Все на площадь, у нас праздник! Аутодафе!

— Побежали? — спросил Дантес как мальчишка. — А то все хорошие места займут.

— Но это же инквизиция...

Дантес убежал, топая каблуками. Егор попытался вернуться в медпункт, но дверь была заперта.

— Откройте! — Он постучал в дверь. — Это я, Егор. Я один.

— Мне плевать на то, что ты один! — послышался голос доктора.

— Пустите Егора, — попросила Люська.

Доктор открыл дверь. Выглянул в щелку, убедился, что Егор и в самом деле один. Тогда впустил.

Бородка у доктора была седая, кривая, от этого он был похож на сказочного гнома.

Люська лежала на койке за занавеской. Она прикрылась простынкой до подбородка.

— Молодая кровь, — сказал доктор, — настоящая живая кровь. Сколько времени понадобится, чтобы она стала раствором ненужных химикалиев?

— Больно? — спросил Егор.

— Нет, совсем не больно. Только я испугалась.

— Конечно. Она так неожиданно на тебя кинулась.

— Я не ее испугалась, — сказала Люська. — Я этого толстого испугалась. Ты не представляешь, как он на меня смотрит. Он — ужасный человек!

Брови Люськи поднялись, губы дрогнули.

— Ну-ну, — сказал доктор. — Не разнюниваться. Павел Петрович ничего плохого тебе не сделает.

— Егор, возьми меня к себе, — попросила Люська.

Егор понимал, что взять ее некуда. Бежать? И скрываться в голом лесу с привидениями? Тупик... Важнее узнать, как можно выбраться из этого мира.

— Скажите, доктор, — спросил Егор, — а можно, чтобы она здесь подольше полежала? Она же раненая.

— Не бойся, — улыбнулся сказочной гримасой доктор. — Я тебя понимаю. Она еще полежит здесь. Ей нельзя вставать.

— Я могу встать, — возразила Люська.

— Ты что, не понимаешь доктора, что ли? — спросил Егор строго. — Сказано тебе — лежи! А когда будет можно, я тебя возьму.

— Ты меня не оставишь? А то он мою кровь выпьет.

— Нет, не оставлю.

— Побожись!

— Ну, честное слово. А теперь молчи и отдыхай.

Егор обернулся к доктору, который смирно стоял рядом, сложив руки на груди.

— Я не хочу здесь оставаться, — сказал он.

— Я тебе сочувствую, — ответил доктор.

— И нет возможности уйти отсюда?

— Необратима только смерть, — ответил доктор. — Но помочь тебе не могу.

Егор хотел доказать доктору, что ему обязательно надо уйти. Хотя бы ради Люськи, которую они, конечно же, погубят.

Дверь распахнулась.

— Вот вы где! — рявкнул Дантес. — А ну быстро, быстро, сам император спрашивал. Аутодафе начинается. Желательно присутствие маркизы Люси.

— И не мечтай, — сказал доктор. — Больная ослабела от потери крови. Ей прописан постельный режим.

— Ха-ха, постельный! — воскликнул Дантес. — С кем постельный?

— Иди, мальчик, иди, — сказал доктор Егору. — Он же не отвяжется.

Они быстро прошли пустым гулким залом. Все ушли на аутодафе.

— Все ушли на фронт, — сказал Дантес и рассмеялся. У него был неприятный смех.

Егор не задавал вопросов. Не может быть, чтобы такой че-

ловек был когда-то кавалергардом. Если он и убил Пушкина, то не на дуэли, а из-за угла. Или из гранатомета.

Все обитатели вокзала собрались на площади. Но если в здании вокзала они были толпой, то на площади люди потерялись в сером пространстве, лишенном теней, и казались кучкой экскурсантов, ожидающих автобуса.

Рядом с автомобильной стоянкой торчал столб — бревно от какой-то избы, вокруг была навалена куча деревяшек — большей частью сидений и ножек от стульев, палок и досок. Возле столба спинкой к нему стоял целый стул. На стуле сидела женщина-развалюха, которая хотела убить императора и чуть не убила Люську. Руки женщины были заведены назад и примотаны проволокой к столбу.

Прическа-луковица рассыпалась и превратилась в неопрятное воронье гнездо. Женщина чихала, шмыгала носом и не могла его утереть.

Неподалеку стоял рояль, которого Егор раньше не заметил. На крышке рояля было укреплено кресло — в кресле сидел император. За спиной торчали велосипедисты.

Когда Егор появился на площади, длинный сутулый мужчина в черном байковом халате и рыжем клоунском парике кончал читать приговор:

— И потому маркиза де Помпадур приговаривается к сожжению на костре живьем до исчезновения признаков жизни. Пепел ее будет развеян по ветру, а имя вычеркнуто из всех справочников и учебников истории. Госпожа маркиза де Помпадур, есть ли у вас что сказать уважаемому собранию перед началом публичной казни?

Казалось, что женщина страшно устала, голова ее немощно свисала, из гнезда-прически высовывались тряпки и концы проводов.

— Говорите, маркиза! — потребовал судья. Маркиза подняла голову. Страшное намазанное лицо с потекшей тушью вокруг глаз оглядело маленькую толпу. Маркиза постаралась что-то сказать, не получилось, и она плюнула на мостовую.

— А загорится? — громко спросил император.

— Должно загореться, — сказал чернобородый лысый человек в красном пиджаке. Егор догадался, что это палач.

— Тогда начинай.

— А причастие?

— Покойная была неверующей, — сказал император. — Я был с ней близок, я гарантирую.

Он снял корону и кружевным платком вытер лоб.

Палач поднял с земли палку, на конце которой была намотана темная тряпка. Дантес, который уже оказался у костра, вытащил из кармана зажигалку и чиркнул ею. Зажигалка загорелась. Огонек был бесцветным и маленьким. Егор заподозрил, что его обманули, — ведь говорили, что бензина здесь нет и оттого машины не могут ездить.

Дантес поднес зажигалку к тряпке, и факел вспыхнул.

По толпе прокатился шум или, скорее, вздох многих людей.

— Ну-ну! — прикрикнул на зевак император. — Я не потерплю здесь жалости. Она ведь нас не пожалела. Или кто-то готов занять ее место и освободить маркизу от наказания?

Никто не откликнулся.

— Начинай! — приказал император.

Палач поднес факел к костру. Он совал его в разные места, под дрова, под стул, на котором сидела женщина, огонь занимался, сначала робко и нехотя, а потом поднимался выше, почти без дыма.

В отвращении отвернувшись, Егор увидел старичка. Старичок был древним как мир. Он был ветхим музейным стулом, который существует только потому, что на нем висит табличка «Не садиться!».

Старичок был бесплотен. Плоть его улетучилась — то ли за долгую жизнь в настоящем мире, то ли за бесконечность, проведенную вне времени.

Хрупким, как скорлупа гусиного яйца, был круглый желтый череп. Под его куполом прятались выцветшие глаза, а между ними торчал нос, настолько туго обтянутый кожей, что, казалось, она вот-вот лопнет.

Двигаясь, старичок легко припадал на правую ногу, и видно было, что тело его ровным счетом ничего не весит, иначе торчащие худые кривые ноги не выдержали бы тяжести тела, даже малой.

Увидев старичка, Егор подумал, что не следовало бы такому дряхлому созданию приползать на аутодафе. Но, может быть, он был дружен с мадам де Помпадур и теперь переживает за нее?

А старичок между тем пробирался меж зрителей, стараясь оказаться поближе к костру, и зеваки сразу расходились при его приближении, то ли жалея его, то ли испытывая брезгливость. Ведь стаи животных не любят дряхлых самцов, их загрызают. А может быть, старичка побаивались. Конечно, не его самого, а коренастого громилу в белой куртке, на которой

был нашит красный крест. Громила шагал почти вплотную за старичком, опекая его и не давая упасть под порывом ветра.

Подобравшись ближе к сцене, на которой должно было разыграться действо, старичок обернулся, громила быстро опустился на четвереньки, а старичок уселся ему на спину. Никто не удивился, только Егору это было в диковинку.

Маркиза де Помпадур спокойно и даже с вялым интересом наблюдала за действиями палача. И вдруг закричала:

— Ну больно, больно же! Ты с ума сошел!

Женщина стала биться, стараясь освободиться от пут.

Сучья и палки начали потрескивать, люди на площади тоже зашумели, неясно было только, радуются ли они крикам женщины или возмущаются.

— О-о-ой! — пронзительно завизжала женщина.

— Нельзя же так! — закричал Егор. Еще минуту назад он думал, что жизнь этого мира не касается его — как будто смотришь кино. И вдруг закричал и побежал к костру.

Огонь быстро поднимался, его языки нежно и ласково трогали женщину, которая продолжала биться и кричать.

Дантес кинулся за Егором.

Внимание зрителей на несколько секунд переключилось на эту погоню. Дантес не успевал догнать Егора, император закричал:

— Ату его, ату мерзавца!

В сцену вмешался палач в красном пиджаке, который перед тем стоял с факелом в руке, высматривая, куда бы еще ткнуть, чтобы лучше горело.

Услышав крики, он резко развернулся и успел выставить факел как шпагу на пути Егора.

Егор не почувствовал ожога, но тут на него навалился Дантес и принялся молотить кулаками.

Егор еле отбивался — Дантес был вдвое больше и сильнее. Женщина уже не кричала, а звала маму, плакала, и треск дров перекрывал ее прерывающийся плач.

И больше Егор ничего не помнил...

Он никогда раньше не терял сознания и думал, что сознание теряют лишь романтические барышни. А тут потерял его сам. И не понял, как это случилось. Только когда пришел в себя, понял, что опозорился на глазах у всех этих чужих людей.

Он лежал на асфальте, под голову ему кто-то подложил скатанную в ком тряпку. Над ним склонилась белая борода

доктора. Пахло нашатырем, внутри свербило. Егор никак не мог сообразить, что же случилось.

— Спокойно, — сказал ему доктор. — Все в порядке, ты очень переутомился и перенервничал. Все же первый день... у тебя был тяжелый день.

Егор попытался встать, но, когда сел, сразу закружилась голова.

— Полежи, — сказал доктор.

Только тут Егор вспомнил, почему оказался на площади.

Лежа, он повернул голову.

В нескольких шагах от него стоял обгорелый черный столб. К столбу было что-то привязано. Но это не было человеком, а так, черной тряпкой...

И Егор ощутил отвратительный запах костра, смешанный с запахом горелого мяса.

— Тошнит, — сказал он. — Я хочу уйти.

Доктор помог ему подняться.

Чуть в стороне на совершенно пустой площади стоял прямой как палка Кюхельбекер.

Он не делал попытки приблизиться к Егору. Просто смотрел — то ли на него, то ли на кострище.

Егор с трудом тащился за доктором.

Когда они проходили мимо Кюхельбекера, тот сказал — скорее доктору, чем Егору:

— Я ведь любил ее.

— Ах, чепуха! — сказал доктор. — Вы никогда не любили. Вы не способны любить.

— Ты ошибаешься, Леонид, — сказал Кюхельбекер с горечью. — Но мне не везло. К тому же она всегда помнила, что она — маркиза.

— Она была такая же маркиза, как я китайский император.

Егор всем весом опирался на маленького доктора. Тому было тяжело, он даже клонился под этой ношей.

Егор не хотел оборачиваться к кострищу, но обернулся.

— Чего ты хочешь, мальчик? — спросил Кюхельбекер.

Он был высокий, сухой и, наверное, ломкий, как богомол. Если нажмешь как следует, рука треснет и отломится, как сухая ветка.

— Вы же знаете, — сказал Егор. — Я хочу уйти отсюда.

— Это очень трудно сделать, — сказал Кюхельбекер.

От неожиданности Егор даже остановился, чуть не свалив доктора.

— Значит, можно? Все-таки можно? — Егор даже оторвался от доктора и сделал шаг к Кюхельбекеру.

— Не место и не время для разговора, — сказал Кюхельбекер.

Они не успели дойти до медпункта. У входа в вокзал их ждал велосипедист.

— Молодого человека ожидают у императора, — сказал он.

— Нет, нет, нет! — воскликнул доктор. — Он болен, ему требуется отдых.

— Приказано доставить!

— Пускай идет, — произнес Кюхельбекер. — Я там буду тоже.

— Как только освободитесь, — сказал доктор Егору, — сразу ко мне.

— А куда же еще, — ответил Егор. — У вас Люська.

Император встретил его жирным хохотом.

Он сидел на своем троне в комнате милиции, вокруг горбились холмы ковров. В углах комнаты горели керосиновые лампы.

— В обморок упал! — смеялся император. — Ты что же, не видал раньше, как баб на кострах жгут?

Егор не ответил. Вопрос был издевательский. Император знал, что Егор не мог этого видеть.

— Хочу поговорить с тобой об интересных вещах, — сказал император. — Сегодня я свободен.

Егор плохо себя чувствовал, словно заболел гриппом, — голова гудела, и в горле першило.

— Пускай он сядет, — сказал старик Кюхельбекер. — Мальчик устал.

— Пора быть мужчиной, — возразил император. Но тут же смилостивился и велел садиться на ковер.

Егор уселся на мягкую вершину коврового холма.

Когда император двигал головой, на лысине вспыхивало множество зайчиков от керосиновых ламп.

— А ты уйди, — велел император Дантесу, который сунулся было в дверь.

Наступила пауза. Она длилась с минуту. Император разглядывал Егора. Потом спросил:

— Каким видом спорта занимаешься?

— Легкой атлетикой, — сказал Егор. — Но нерегулярно. А еще в детстве меня отдавали в теннисную школу, но я не показал себя.

— Себя надо показывать, — сказал император. — А как вообще в Москве обстановка?

— Какая обстановка?

— Политическая.

— Много интересного, — сказал Егор. — Магазины открываются...

— Преступность растет?

— Преступность растет. Рэкет. Мафиозные разборки.

Император сочувственно покачал головой.

— А у нас этого нет, — сказал он. — У нас порядок.

— У вас порядок — жечь людей! — вырвалось у Егора.

Император усмехнулся:

— Иногда приходится прибегать к жестким мерам. Что делать, если люди возомнили себя бессмертными? Хотя бессмертия как такового не бывает. Продление жизни, как правило, объясняется падением других функций.

Почему-то император показал на Кюхельбекера. Он подождал, пока Егор очистит банан, и спросил:

— А что еще? Ты рассказывай, рассказывай. Например, о своей семье.

— Семья как семья.

— Отец есть?

— Есть.

— А что же ты не захотел с ними оставаться?

— У меня был конфликт.

— Ну ладно, не рассказывай. В сущности, мне и не очень интересно, что у тебя за конфликт. А как у Людмилы семья? Неблагополучная?

— Не знаю. Я там не был.

— Но она, безусловно, рассказывала.

Егор понял, что император притворяется Павлом. И неумело. Говорит как современный человек. Они тут играют в игры, ленивые игры, потому что боятся потерять власть. Хотя зачем человеку власть в этом холодном болоте?

— Ты слышал мой вопрос, Егор?

— Она живет с матерью, — сказал Егор. — Отец их бросил. Мать со своим новым мужем, или кто он там ей, пьет. Они бьют Людмилу. Она от них убежала.

— Ясно. Неблагополучная семья, — сказал император. — С этим что-то надо делать?

— Она уже хочет вернуться, — сказал Егор.

— Разумеется, — согласился император. — Что ей сейчас делать? Рано.

Он достал длинную тонкую руку, выпиленную из кости.

Пальцы руки были загнуты. Этой рукой он принялся чесать себе спину под бронежилетом.

— Никогда не снимаю бронежилет, — сообщил он Егору. — Потому что никому не доверяю.

— А вы бросьте все это, — сказал Егор.

Император нехотя засмеялся. Побулькал в горле. И сказал серьезно:

— У нас беда. Никто не стареет. Ты скажешь — это счастье. Но ребенок не может стать взрослым, бутон цветка не может распуститься и расцвести. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Я должен тебе признаться, — продолжал император. — Я полюбил твою спутницу Людмилу. Я полюбил ее искренне и нежно. Но мое стремление к ней противоречит моей порядочности. Это... как бы найти нужное слово? Подскажите, канцлер... — Император повернул голову к Кюхельбекеру.

— Это неприлично, — отыскал нужное слово Кюхельбекер.

— Вот именно. Бутон должен раскрыться, чтобы цветок соединился со мной, с пчелой, которая прилетит выпить его нектар. Но я нетерпелив. Живу вне времени. Для тебя пройдет пять лет, для меня — один бесконечный день.

— Но как же...

— А вот вопросов не надо, — оборвал его император. — Могут быть пожелания.

— Нам с Люсей пора домой, — сказал Егор, словно предыдущего разговора не было.

— А он у нас упрямый, — усмехнулся император.

— Вы же сами сказали, что бутоны здесь не раскрываются, — сказал Егор.

— Вот именно, — согласился император. — А ты в Воронеже бывал?

— Нет, а что?

— Там, наверное, сейчас сугробы, метель завывает, а окошки такие желтые, теплые, заглянешь внутрь — стоят елки наряженные, игрушки висят, на столах выпивка и закуска...

— На окнах узоры, — сказал Кюхельбекер. — Внутрь не очень-то заглянешь.

— Опять испортил песню! — обиделся император. — Идите прочь! Надоели!

— Иду, иду, — ворчливо ответил Кюхельбекер, — ты не очень-то с нами ссорься. Как вознесли тебя, так можем и низвергнуть.

— Долой!

Егор поднялся и пошел к двери. Сзади Кюхельбекер спросил обыкновенным голосом:

— Скоро очередная доставка. Дыню заказывать?

— Хватит! Незрелые они. Закажи побольше винограда, — распорядился император.

Егор вышел из ковровой комнаты. Перед дверью сидел на корточках велосипедист.

Он дремал и не заметил Егора.

Егор прошел в медпункт.

Доктор ползал по полу и пытался починить железную дорогу.

— Как там Люся? — спросил Егор.

— Отдыхает, — сказал доктор. — А ты, если плохо себя чувствуешь, ложись на пол, расслабься.

Егор заглянул за занавеску. Люська лежала, закрыв глаза. Она была очень красивой девочкой. Как же Егор раньше не замечал этого? Наверное, потому, что она была еще маленькая. Егор подумал, что нет никакой гарантии, что император в самом деле будет ждать, пока Люська вырастет. Он лжец, у него на лице это написано.

— Простите, я не знаю вашего имени-отчества, — обратился Егор к доктору.

— Леонид Моисеевич, — ответил доктор сразу. Ну вот, никакой он не Фрейд.

— Леонид Моисеевич, у меня есть подозрение, только никому не говорите...

— Не скажу.

— Ваш император — он случайно не вампир?

— Вампир, — спокойно ответил доктор. — Но не от стремления к человеческой крови, я полагаю, он ее не очень жалует, а от убеждения в том, что только таким способом он может сохранить силу и энергию.

— Но ведь это чепуха!

— Поживи у нас и с наше, — усмехнулся доктор, — и тогда тоже будешь верить черт знает во что.

— Значит, на самом деле он не любит Люську?

— А он сказал, что любит?

— Он сказал, что хотел бы, чтобы ей стало семнадцать лет и чтобы тогда она поняла, какой он драгоценный.

— Забавно, — заметил доктор. — А вы не разбираетесь в детских железных дорогах?

— Нет, уже семь лет как мою выкинули.

— Жаль.

— Значит, он хочет высосать ее кровь? — Егор внутренне содрогнулся от отвращения.

— Не придумывай ужасов, — сказал доктор. — Мы здесь цивилизованные персоны.

— Даже когда сжигаете женщину на костре?

— Она не женщина, а уголовная преступница.

Доктор ткнул пальцем в занавеску, наступила тишина. Люська во сне забормотала.

— А вы давно здесь? — спросил Егор.

— Давно, — ответил доктор. — Я сюда попал еще до войны.

— Значит, железную дорогу только здесь увидели?

Леонид Моисеевич поправил сбившуюся набок бороду, разложил ее по груди редким веером, поднялся с колен и ответил обстоятельно, показав, что сумел заглянуть в мысли Егора:

— Да, я попал сюда в тридцать седьмом. Когда никто и не мечтал о таких игрушках. Но потом я увидел одну — когда у вас появился магазин «Детский мир». Мне приносили пациенты. Кто вагончик, кто — домик. Я собрал этот мирок, мой собственный. Но в последние годы вагончики пропали. Видно, их не осталось в «Детском мире». За ними надо ехать в Лейпциг.

— Куда?

— В Германию, в город Лейпциг. Там их изготавливают, и, говорят, там есть специальный магазин не то на улице Карла Маркса, не то на площади Димитрова.

— А разве у вас тут есть Германия?

— Земля круглая. У нас есть и Австралия, только я не уверен, живут ли в Австралии люди. Хотя почему бы и не жить им — ведь несчастных и загнанных людей достаточно во всем мире. К сожалению, связей с другими странами у нас почти нет. Из-за шуток природы. Природа не разрешает нашему миру иметь автомобили или самолеты. Пробовали туда отправиться на воздушном шаре... Но беда в том, что люди, пожившие здесь несколько лет, становятся иными. Кровь в их жилах сменяется питательной смесью и становится холоднее на шесть градусов. Мы ведь не теплокровные млекопитающие, как можно предположить по внешнему виду. Попробуйте мою руку — чувствуете, какая холодная? Нет, это не возраст. Просто черепахи и крокодилы долго живут. Мы тоже бесконечно живем, потому что окружающая температура здесь постоянна. Ты понял?

— И это будет со мной?

— Обязательно будет. И даже вся кровь младенцев тебе не поможет.

При том Леонид Моисеевич недобро усмехнулся.

— Я не хотел бы сам стать таким, — голосом воспитанного мальчика ответил Егор.

— Кошмар, — сказал доктор. — Но еще хуже было испытать страх, овладевший в новогоднюю ночь доктором медицины, профессором Рубинштейном, когда за мной пришли. Я был согласен на все...

Доктор смущенно поморщился и пошел за занавеску посмотреть, как себя чувствует Люська.

Вернулся он через минуту.

— Все в порядке, — сказал он и улыбнулся. Щечки у доктора были в голубых жилках сосудов. — Все в порядке, вы можете соорудить воздушный шар и лететь на нем в Лейпциг, если город Лейпциг существует. Наша беда в том, что за Минском начинается болотный пустырь. Оттуда не возвращаются. Говорят, в тех болотах живут страшные твари, которые пожирают путников.

— Ерунда, — сказал Егор. — Я полечу на воздушном шаре, я пойду в те болота. Честное слово, я много чего смогу, потому что еще хуже для меня остаться здесь.

— У каждого своя судьба. И вашей подруге здесь не место.

— Я все слышу, — сказала из-за занавески Люська. — Откройте занавеску, я видеть хочу.

— Отдыхай, отдыхай, — сказал доктор.

Худая Люськина рука отодвинула занавеску в сторону.

Люська сидела на кушетке. На плечи она плащом накинула простыню, но видно было, что грудь и живот ее перевязаны поперек бинтами, чтобы кровь не текла из бока.

— Ой, — воскликнул Леонид Моисеевич, — вы меня доведете до могилы! Разве можно, девочка моя, в таком состоянии прыгать по кровати? Еще сантиметр в сторону — и вы бы погибли окончательно.

Люську он жалел, боялся за нее, а вот к Егору относился равнодушно. Это было немного обидно, с другой стороны, любовь доктора ему была не нужна. Егору почему-то казалось, и, как выяснилось, ошибочно, что он один здесь одержим желанием убежать, а остальные просто существуют. Ради этого можно пойти на хитрость, потому что этим людям верить нельзя. Отсюда должен быть выход. Потому что любая комната, в которой есть вход, имеет и выход.

Об этом он и сказал доктору, когда тот наконец уложил Люську на кушетку, но оставил занавеску открытой.

— Глупости, — ответил доктор. — Существует смерть. В нее есть вход, а обратно никто не возвращался. Допустим, что ты умер.

— А где же тогда мой дедушка? Где наш сосед по даче полковник Семенов? — спросил Егор. Вопрос был наивным, но он зато задал его сразу, не задумываясь. — Если бы это был тот свет... Тогда здесь слишком мало людей.

— Ну а если это лишь малая часть того света?

— Нет! — вмешалась в разговор Люська. — Вы ошибаетесь, Леонид Моисеевич. Не может быть, чтобы люди умирали только в ночь под Новый год.

— Вот это аргумент! — согласился доктор. — В тысячу раз лучший аргумент, чем гипотеза Егора. Но я могу возразить: это потусторонний мир для тех, кто умер в ночь под Новый год! А все, кто умер второго января, живут в соседнем потустороннем мире. Нет, нет, я шучу, я сдаюсь перед логикой нашей маленькой пациентки.

— А если вы сдаетесь перед логикой, — осторожно спросил Егор, — то, может быть, вы знаете правду?

— Правду? Правду здесь знают... несколько человек.

«Так, — с удовлетворением подумал Егор. — Мы победили. Он признался».

Голова Егора работала четко и быстро, как на удачном экзамене, он, не теряя ни секунды, сказал:

— Здесь даже детей нет. Вы хотите, чтобы мы остались одинокими детьми?

— Дети мои, — вздохнул доктор, откинул полу белого халата и достал из кармана брюк носовой платок. — Я отдыхаю с вами сердцем, и в то же время мое сердце обливается кровью.

Доктор высморкался, пригладил редкие белые волосы и некоторое время продолжал держать платок наготове, словно ожидал, что из глаз покатятся слезы. Слез не было. Доктор с сожалением положил платок в карман.

— Так, значит, нам и гнить здесь? — спросила Люська.

— Ах нет, — сказал доктор. — Здесь вы не одиноки. Насколько я знаю, на некоторых постах есть молодежь, даже дети. Мало детей, совсем мало, как-то наш Макаренко, вы о таком не слышали, хотел даже организовать школу, чтобы дети не оставались вне системы образования. Он обил все пороги, даже императора чуть было не склонил к этому. В конце концов оказалось, что никто не возражает, но никто и не поддерживает этого учителя.

— Я знаю, — сказал Егор. — Макаренко написал книгу о беспризорниках.

— Вот именно, в мои годы он был очень популярен. Руководил колонией имени Дзержинского. Чекисты всегда любили детей. Папу с мамой убьют, а детей начинают любить. А может, детей уже нет. Вы же знаете, насколько на дальних постах трудная и рискованная жизнь. Бандитизм, призраки, насекомые, черви... — Доктор закручинился.

— Леонид Моисеевич, — взмолился Егор. — Ну скажете вы наконец, к кому нам пойти? Кто знает правду?

Вдруг Люська заплакала. Наверное, она заплакала не нарочно, но этот тихий плач стал как бы последней каплей... Доктор давно хотел сказать то, что знает, но боялся. И причины страха стали очевидны, когда он вдруг мелкими шажками побежал к двери, приоткрыл ее и выглянул.

— Здесь и стены имеют уши, — сообщил он, вернувшись. И продолжал шепотом: — Я очень надеюсь на то, что вы уже достаточно взрослые и не будете болтать о том, что я скажу.

Егор и Люська затаили дыхание. Только бы не спугнуть его.

— Путь в обыкновенный мир есть, — продолжал доктор. — Я в этом уверен. Вы видели продукты, которые попадают сюда от... от вас?

— Бананы, — сказал Егор.

— И бананы тоже, — вздохнул маленький доктор. — А для этого, чтобы они угодили на стол к императору, кто-то должен протянуть руку в ваш мир и даже что-то держать в этой руке. Я полагаю, что ведает этой секретной операцией мой старый друг Вилли Кюхельбекер.

— Что же он — знает и молчит? — спросила Люська. — А другие должны воду пить?

— Сила вождей заключается в том, — сказал Леонид Моисеевич, — что они знают нечто неведомое простому народу. Если бы дырка, ворота, соединительный туннель существовали, многие бы кинулись туда. С самыми плачевными результатами.

— Он вернется, — объяснила Люська Егору, показав на доктора, — а у него все уже от старости померли.

— К сожалению, вы правы, — сказал доктор. — По крайней мере, моей дочке сейчас больше лет, чем мне. Я часто считаю,

вот на Земле год прошел, вот еще год. А мне все так же — шестьдесят четыре.

— А как вы считаете годы? — спросила Люська.

— По Новым годам, — ответил Леонид Моисеевич. — В Новый год всегда какие-нибудь новенькие появляются. Вот и сейчас — вы появились, и я знаю — моей Оленьке там, на Земле, стукнуло восемьдесят. Вы представляете?

Егор помотал головой, чтобы сбросить с себя гнет чепухи.

— Вы лучше рассказывайте про Кюхельбекера, — попросил он.

Доктор поднял руку, возражая:

— Но главная причина, по которой мы не можем вернуться обратно, заключается в том, что если твоя кровь превратилась в теплую жижу, то ты уже не сможешь жить на Земле. Ты обречен...

— А откуда вы это знаете? — спросил Егор, ловя доктора на слове.

— Это всем известно.

— А что, если это очередная выдумка какого-нибудь императора, чтобы вы не совались? Сидите и не рыпайтесь.

— К сожалению, это было известно до императора и помимо императора. Да я сам ставил некоторые опыты... Состав крови иной.

— И что? — спросила Люська.

— Организм лишен иммунитета. Там, наверху, вы скоро умрете.

— А у нас какая кровь? — вдруг перепугалась Люська.

— Вы всего один день здесь живете, — засмеялся доктор. — Рано еще переродиться.

— Все равно нам надо спешить, — сказал Егор. — Мы должны уйти как можно скорее. Я поговорю с Кюхельбекером. Он революционер, декабрист, он должен меня понять.

— Возьми меня с собой, — попросила Люська.

— Невозможно, — сказал Егор. — Ты у нас раненая.

— Я почти выздоровела.

— Нет, нет! — почти закричал Леонид Моисеевич. — Вы загубите ребенка! Мало вам, что ей и без того грозят!

— Где я его найду?

— Кюхельбекера? Возможно, он с императором. У них много общих дел. Или он у себя. Найди кабинет начальника вокзала. А впрочем, ты можешь спросить. Спроси, не видели ли господина Кюхельбекера. Или Вилли. Он любит, когда его так называют...

— Я скоро вернусь, — сказал Егор Люське. — Сиди и жди меня. И не бойся.

— Я не дам ее в обиду, — сказал доктор. — Даже если это будет сам император.

Егор закрыл за собой дверь и подумал, что все-таки какая-то угроза от жирного императора исходит. Но сейчас лучше о нем не думать. Лучше думать о том, как он убедит Кюхельбекера отпустить их с Люськой обратно. Егор не знал, какие слова он отыщет для такого разговора, главное, чтобы Кюхельбекер понял, что произошла ошибка, что они с Люськой принадлежат совсем другому миру и ошибку надо исправить.

Егор вышел в большой зал, где так же, как и раньше, разгуливали бездельники, ожидавшие выхода императора, а может быть, нового обеда или казни. И так день за днем, вернее, весь день без перерыва, а день этот длится тысячу лет. Наверное, лучше броситься из окна, как тот самоубийца на Университетской, если тебе скажут окончательно, что ты вечный узник в стране бессмертных.

Буквально через несколько шагов Егор натолкнулся на Дантеса, который торчал посреди зала, задумчиво накручивая на указательный палец светлый локон.

— Ты где пропадал? — строго спросил Дантес, обрадованный тем, что ему подвернулось занятие.

— Меня доктор послал Кюхельбекера найти, — соврал Егор, решив, что так сказать лучше, чем признаться.

— А зачем? — спросил любопытный Дантес.

Егор не успел ответить, как их прервали. Подошла полная рыхлая девица лет двадцати, в очках с одним стеклышком, за ней шел бородатый мужчина с гитарой на ремне через плечо.

— Мальчик, ты поешь Окуджаву? — спросила девица.

— А что? — ответил вопросом Егор.

— Мы расширяем группу, — сообщила девица.

— Оставь его в покое! — прикрикнул на девицу Дантес. — Видишь, что я с ним разговариваю!

— Ах, только не думайте, что я вас испугалась! — сказала девица, но отошла.

— Так зачем тебе понадобился наш канцлер? — спросил Дантес, глядя вслед девице.

— Доктор хочет, чтобы он поговорил с Люсей.

— Ах, как это интересно! О чем же?

— Вы лучше сами спросите, — сказал Егор.

— Ну ладно, — миролюбиво сказал Дантес. — Он мне все равно расскажет. Так ты его ищешь?

— Ищу.

— А он на площадь пошел, — сказал Дантес. — Там драка получилась.

Дантес рассмеялся. Он продолжал:

— Народ кинулся пепел собирать. Как остыло, кинулся собирать.

— Какой пепел?

— Ну как же — если набрать пепла от сожженного, то в карты везет и еще много полезного. А у нас давно никого не сжигали... Иди, иди, он там, наводит порядок.

Егор вышел на площадь.

В отдалении, возле обгоревшего столба, суетилась кучка людей.

«Это же Средневековье, — подумал Егор. — Неужели в такое возможно верить?» Он понимал, что возможно. Мало ли во что верят дураки на нашей Земле; посмотри любую газету — то белая магия, то колдун, то экстрасенс. Стыдно за человечество.

Егор перешел через площадь. Над его головой все так же бежали сизые облака. Но должны же они когда-нибудь кончиться!

Возле костра никакой драки не было. Люди, в основном совсем старые, возились в пепле, собирали обгорелые палки, угольки — видно, пепел мадам Помпадур и в самом деле представлял для них ценность. Кюхельбекера не было видно.

— Егор! — окликнула его древняя женщина, которая некогда была, наверное, даже красивой. Но это было очень давно.

Откуда она его знает?

— Вы меня? — спросил Егор.

— Как я рада, что вас нашла, — сказала женщина низким, хриплым, прокуренным голосом. — Вас ждут.

— Кто меня ждет?

— Вас ждут мои друзья. Нам необходимо поговорить.

— Но я же тут никого не знаю. Я ищу Кюхельбекера.

— Кюхельбекер никуда не денется, — строго сказала женщина. — Есть несравнимые ценности. Я представляю ценности моральные. Кюхля — всеобщую продажность. Вы меня понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Именно мои друзья могут вам помочь. Вам же нужна помощь?

— Но недолго, ладно? — сказал Егор.

Женщина хрипло засмеялась.

— Здесь не бывает таких понятий.

— Такие понятия везде бывают, — возразил Егор. — У меня пульс бьется, значит, время идет.

— Он перестанет биться. Так пойдем, мой мальчик? Мой утренний барабанщик.

Она направилась через площадь к зданию гостиницы. Но не к ней, а к дому рядом, старому, кирпичному, явно дореволюционному.

Со стороны вокзала в стене была небольшая ободранная коричневая дверь.

Женщина стукнула в нее три раза.

— Кто идет? — спросили изнутри.

— Заря свободы.

Дверь открылась. За ней стоял амбал в белом халате, которого Егор раньше видел на площади.

По темному коридору они спустились в подвал. Женщина вела его за руку. Впереди горел свет. Неожиданно Егор оказался на сцене.

Сама сцена была размером со среднюю комнату, какие бывают в жэках, небольших учреждениях или странных полуподвалах, отданных штабам гражданской обороны. Тут и устраиваются собрания — от союзных до ветеранских. Егор сразу вспомнил, когда он был в подобном зале: приходил с бабушкой, когда его не с кем было оставить дома.

На сцене был длинный стол под суконной красной скатертью, на нем в ряд, как на спектакле самодеятельного театра, как бы обозначая обстановку и время, стояли керосиновая лампа, граненый графин для воды и рядом с ним два стакана. Графин и стаканы были пусты. Они были ритуальными символами.

За столом сидел президиум — басовитая женщина, что привела Егора сюда, изможденный мужчина с очень длинной черной бородой и проваленными светлыми глазами и другой, скучный, в очках, схожий с манекеном своей полной неподвижностью.

Сидящих в зале разглядеть было трудно — туда почти не достигал свет лампы. Но можно было понять, что сидит там человек десять-пятнадцать, сидят как куклы и никуда не торопятся.

И еще Егору удалось разглядеть на стенах лозунги. Несмотря на темноту, их можно было прочесть, потому что буквы ло-

зунгов были велики. «ДАЕШЬ ПЯТИЛЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА!» — было написано слева белыми буквами на красной ткани. Лозунг этот, видно, висел здесь много лет. Так же стар был лозунг «ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ», удививший Егора бессмыслицей, но бессмыслицей знакомой, как будто увиденной в детстве и забытой. На другой стене находились предметы иного толка, и даже непонятно было, кто им разрешил соседствовать с красными лозунгами и переходящим Красным Знаменем, прислоненным к сцене в углу.

Там можно было различить большой замызганный портрет человека с массивной широкой бородой, но не Маркса — Маркса Егор помнил. И тут же Егор различил этого человека, только куда более изношенного, чем на портрете. Он дремал, скособочившись на стуле. А его сосед — взгляд Егора непроизвольно скользнул туда — был человеком согбенным, худым, обнаженным до пояса, и на шее у него висела петля из толстой веревки, словно он недавно сорвался с виселицы. Но никого это не удивляло.

Рядом с портретом бородача Егор увидел черный флаг с черепом, а также черный кнут и ржавый меч.

— Ты проходи, товарищ Егор, — сказала старуха, которая привела его сюда. Несмотря на дряхлость, она красила волосы в красно-рыжий цвет. — Проходи на кафедру, будешь отчет держать перед товарищами.

Егор покорно пошел по сцене вдоль стола и зашел за фанерную трибуну.

И тут из зала, откуда на него глядели серые, плохо различимые лица, послышались сухие негромкие аплодисменты, словно сейчас он начнет доклад о международном положении.

Женщина постучала острием карандаша по скатерти.

— Спокойствие, товарищи. Среди нас сегодня наш новый товарищ Егор. Пора омолаживать нашу организацию.

— Биографию, кратенько, — послышалось из зала. Егор взглянул на женщину. Она распоряжалась его странным приключением.

— Кратенько, — сказала она. — Мы понимаем, в Гражданской не участвовал... в отличие от нас.

Когда тебе шестнадцать лет и ты стоишь на кафедре, то молчать невозможно. Егор покорился.

— Я заканчиваю среднюю школу, — сказал он. — Живу в Москве, на проспекте Вернадского.

— Ну и прибыл к нам на этот Новый год, — дополнила женщина. — По семейным обстоятельствам.

— Ясное дело, товарищ Коллонтай, — отозвались из зала. — Но жаль, что не из идейных соображений.

Фамилия была знакома. Не то по кино, не то по газете.

— В Бога веруешь? — спросил длиннобородый старик, сидевший за столом президиума.

Об этом Егор не знал, не задумывался. Некоторые из взрослых, особенно те, кто с положением, в последнее время стали ходить в церковь, но отец с матерью посмеивались над новыми православными.

— А вот об этом, как договаривались, будем молчать, — задребезжал надтреснутым голоском скучный мужчина в очках, тоже сидевший за столом. — Нас слишком мало, чтобы делиться на фракции.

— А ты сейчас про комсомол спросишь, — сказал длиннобородый старик. — Как нам быть тогда? Молчать?

— Нас здесь большинство, — сказала женщина с карандашом, — значительное большинство. Вы включены в группу сохранения в силу совпадения наших точек зрения на дальнейшую судьбу общества и страны. Но если мы опять примемся за выяснение отношений... ну вы же знаете, до чего это дошло недавно... а впрочем, не сейчас, не сейчас!

— Нет, сейчас! — крикнули из зала.

— Хотя я могу сказать, чьих это рук дело! — заявила женщина, и откуда-то в ее руке появился небольшой колокольчик, такие раньше бывали на собраниях, да все перевелись. — Ты, Егор, имеешь право добровольно ответить на наш вопрос: состоял ли ты в пионерах и комсомоле и каково твое отношение к идеям марксизма-ленинизма.

— Либо ты ограничиваешься идеями национального сознания, либо я ухожу и увожу с собой моих людей, — сказал человек с веревкой на шее.

— Я скажу, — произнес Егор. — Я был в пионерах, все были, и в комсомоле был. Только в прошлом году его у нас распустили.

— И тогда вы организовали подпольную ячейку! — Скучный человек в очках ткнул палец в бок Егора.

— Товарищ Вышинский, я лишаю вас слова, — сказала женщина с колокольчиком. — Товарищ Егор, ты можешь не отвечать на этот вопрос, а обсудить его после митинга с товарищем Вышинским.

— Да чего парень стоит, глазами хлопает, — сказал старик,

чей портрет висел на стене. — Надо ему глаза приоткрыть. Ты будешь говорить, Коллонтай, или я сам скажу?

— Я скажу, — сказала Коллонтай. — У нас все должно быть открыто.

Егор был рад, что не стал с самого начала настаивать на поисках Кюхельбекера, — это была другая компания, и странно, что он не предугадал, что в мире ином тоже есть свои группы, партии, союзы, своя вражда и война, — у нас иначе не бывает.

— Как ты знаешь, Егор, — сказала старуха Коллонтай, — попав сюда, ты должен выбрать себе жизнь в зависимости от убеждений. Условно говоря, наше небольшое население делится на три категории. Большей части — все равно. Они просто существуют. Вторая, наиболее могущественная группа захватила власть обманом — она стремится к личному обогащению. Это группка людей, лишенная стыда и совести, она строит свое благополучие на нищете и голоде трудящихся...

И тут Егор чуть все не погубил. А может, и погубил — в этом ему предстоит разобраться позже.

— Но здесь же нет голода и нищеты, — сказал он. — Даже кушать не требуется.

Наступила неприятная пауза.

Потом из зала донеслось:

— Слова были сказаны в переносном значении.

Коллонтай сделала над собой усилие. Улыбнулась и сказала:

— Ты еще о многом не успел подумать. И не знаешь самого главного. Пока есть мы — этот мир будет существовать по законам справедливости и революционного духа.

Егор почувствовал, что он устал — устал, потому что не понимал своего места в этих объединениях и не знал, что им нужно на самом деле. Власти?

— Он не понимает, — сказал мужчина с очень длинной бородой. — Я ему скажу, а вы послушайте. Даже если не соглашаетесь.

Он обвел взглядом зал, и никто не возразил ему.

— Ты, наверное, хочешь домой, — сказал он. — Честно, хочешь?

Егор ответил после долгой паузы. Наверное, с минуту молчал, потому что понимал — правдивый ответ ему невыгоден, а если соврет, ему не поверят и может быть еще хуже.

— Я хочу обратно, — сказал он наконец.

— Ну и молодец, — совсем не рассердился длиннобородый. — Я тоже обратно хотел, несмотря на то что меня там смерть подо льдом ждала. Естество тянет. Но когда понял, что

я здесь навсегда, то возрадовался. Возрадовался я тому, что попал в страну Беловодию, в царство Божие на Земле, и сподобился великого счастия.

— Григорий, говори проще, — крикнул из зала женоподобный мужчина с крупным мягким носом. — Главное — суть дела.

— И я узнал, — продолжал Григорий, — что я тут не один такой. И хоть люди, с которыми я сошелся, большей частью пришли сюда через десять, двадцать лет, а то и полвека после меня и принадлежат к большевикам или другим социал-демократам, мысль у них одна — сохранить этот мир нетронутым, не допустить в него скверну, которая все более овладевает верхней Землей. И потому мы соединили наши усилия — благо перед нами вечность.

Григорий протянул руку к графину, словно хотел налить из него, потом стукнул графином об стол, раздраженно поставив на место.

— Сколько раз говорили — чтобы вода для ораторов была! — рявкнул он.

— Будет, будет, сегодня это аутодафе проклятое все планы сбило, — сказала Коллонтай.

— Вот именно, — сказал Григорий и замолк.

Егор стоял на краю сцены, было не то чтобы страшно, но как-то неладно. Что будет дальше? Чего они хотят?

— Юноша не все понял, — сказал скучный человек в очках по фамилии Вышинский. — Разрешите, я поясню?

— Разумеется, Андрей Януарьевич, — ответила Коллонтай.

Егор подумал, что когда-то слышал такое странное отчество.

— Нас немного, — заявил Андрей Януарьевич, — но истинных вождей, истинных правителей мира должно быть немного. Это тесная группа пламенных революционеров.

— Мы же договаривались, Андрей! — закричал из зала женоподобный толстяк. — Никаких пламенных революционеров. Или мы тут же уходим из зала.

— Ну ладно, ладно, — поморщился Андрей Януарьевич. — Мы — хранители. Независимо от наших взглядов в прошлом, от нашей партийной принадлежности мы соединились, чтобы оградить этот мир от скверны.

— Зачем? — не понял Егор. — Вы же и так ограждены.

— Все в природе оправданно, все целесообразно, как учил Карл Маркс, — сказал Андрей Януарьевич. — Мир, откуда ты пришел, обречен на гибель. Он заражен, он полон оппортунизма и неверия. Для того чтобы спасти человечество, скажем, его избранную часть, природа...

— Скажи «Господь», язык не отвалится, — сказал длиннобородый Григорий.

— Нет, раз мы договорились, то давайте уважать убеждения союзников, — возразил Андрей Януарьевич. — Я повторяю: мы здесь оказались для того, чтобы превратить этот мир в царство справедливости. И мы этого добьемся.

Старики стали хлопать в ладоши.

— Каждый из нас попал сюда не случайно, — заговорила Коллонтай, когда Андрей Януарьевич замолк. — Почему-то именно я, он, ты пришли сюда. Мы несем ответственность за создание идеального мира! И теперь ты, Егор Чехонин, один из нас! Ты тоже выполняешь свой долг.

Егору эти люди не нравились. Ему хотелось одного — скорее уйти отсюда. И он понял, что должен показать: ему с ними не по пути.

— Я здесь временно, — сказал он. — Я хочу вернуться. И девочку с собой заберу.

— Ты ушел оттуда, — возразила Коллонтай, — потому что там тебе жить было невозможно! Иначе сюда не попадают.

— Я тоже так думал, а теперь понял, что хочу обратно.

— Он хочет уйти, — донеслось из темноты зала. — Он хочет рассказать о нас! Он хочет напустить на нас опасность! Он хуже императора, который получает оттуда бананы.

Стало шумно, все кричали, потрясали кулаками, даже свистели.

— Боюсь, что мы ошиблись в тебе, — произнес Андрей Януарьевич. Он говорил негромко, но его пронзительный голос перекрывал шум зала. — Мы рассчитывали, что в наше движение вольется новая молодая кровь. Мы нуждаемся в молодой гвардии. Но если в нашем стаде оказалась дурная овца, то придется принять меры.

— Ну чего вы грозитесь! — обозлился Егор. — Я к вам не напрашивался, вы меня сами сюда притащили. Отпустите меня, и я о вас и не вспомню. Уйду к себе...

— Отсюда уйти невозможно! — крикнула Коллонтай.

— Не в этом дело, — сказал Григорий. — Если кто-то ушел, то и он может уйти...

Егор внутренне сжался — они признаются, что есть надежда!

— Но мы не можем допустить, чтобы он ушел и предупредил там, что мы готовим удар!

Зал откликнулся дружным гулом.

— Не надо так, — возразил Андрей Януарьевич. — Мы не сторонники насильственных методов, подобно старцу Распутину. Мы не царские сатрапы. Если молодой человек считает, что ему с нами не по пути, он волен уйти на все четыре стороны.

Голоса в подвале разделились между теми, кто был согласен отпустить Егора, и теми, кто требовал его смерти. Шум стоял такой, словно Егор оказался в Кремлевском Дворце съездов.

Андрей Януарьевич снял очки, вытащил из кармана серого костюма желтую тряпочку и принялся протирать стекла.

— Я возражаю! — кричал Григорий Распутин.

— Иди, — сказала Коллонтай и подтолкнула Егора к задней двери, ведущей на сцену. — Иди, иди.

— Иди, — вторил ей Вышинский.

И весь подвал подхватил это слово как заклинание:

— Иди, иди, иди, иди...

Егор оказался в совершенно темном коридоре, он сделал несколько шагов. Коллонтай перестала толкать его в спину.

Он хотел попросить лампу.

Но тут его толкнули так сильно и неожиданно, что Егор потерял равновесие и мелко побежал вперед, чтобы не упасть.

Коридор оборвался ступеньками, которые вели вниз.

Падая по ступенькам, Егор не сразу сообразил, что же с ним произошло.

Та же темнота, то же безмолвие, лишенное даже сладко повторяющихся слов: «Иди, иди, иди...»

Егор сел, водя руками вокруг, — гладкий бетонный пол. Сколько прошло времени? Терял ли он сознание или все произошло только что?

— Эй, — крикнул Егор, — выпустите меня!

Но он уже понимал, что те, кто его сюда кинул, решили не просто попугать его и отпустить. Однако за что?

Надо найти стену и вдоль нее нащупать дверь. Но оказалось, что в кромешной тьме трудно удержать равновесие. Егора повело, и он вновь уселся на пол.

— Раз, два, три, четыре... — он считал вслух, уговаривая себя, что ничего страшного пока не произошло. Он не в джунглях, здесь же и его друзья — Люська, доктор...

На второй раз ему удалось подняться. Он вытянул вперед руки и пошел, ощупывая сапогом пол — а вдруг у них тут устроена яма?

Вдруг — на втором или третьем шаге — нога наткнулась на что-то мягкое.

Егор отпрянул, в два прыжка достиг стены и ударился о нее спиной.

— Я же просил, — произнес капризный голос, хриплый и неровный. — Я же велел им не подсаживать ко мне уток и наседок. Я все равно ничего больше не расскажу. И лучше ко мне не приближайся — у меня есть кирпич. Я его нашел. Я его специально для таких, как ты, берегу.

— Вы кто? — спросил Егор.

Все-таки это человек. Человек жалуется, человек недоволен, человек разговаривает, значит, он не вцепится Егору в глотку.

— Я — узник совести, — ответил голос. — Впрочем, можешь называть меня отшельником, аскетом.

— А почему вы... почему вас сюда бросили?

— Потому, что и тебя, — ответил голос. — Потому, что был опасен, но неизвестно, опаснее ли ты живой или мертвый. Значит, ты безопасен в кутузке.

— Они могут убить?

— Они бы отрезали тебе голову в черном коридоре. А раз ты жив, значит, когда-нибудь ты выйдешь наружу.

— А когда? Мне нужно сегодня.

— А что такое сегодня? — спросил голос. — Можно подумать, что ты лишь недавно к нам оттуда. Скажи, какое сегодня число?

— Я думаю, что первое января. А может, уже второе. Здесь нет ночи, — пояснил Егор.

Голос отсмеялся.

— Он учит меня, отщепенца: Агасфера, бродягу и бунтаря! Я знаю, что здесь не бывает чисел, дней, часов и минут. Поэтому вопрос о тюремном заключении теряет смысл.

— Почему?

— Потому что никто никогда не догадается, сколько времени ты провел в тюрьме и сколько времени тебе осталось. Если человеку здесь не требуется пища и почти не нужна вода, если здесь нет никаких точек отсчета, если здесь нельзя замерзнуть и перегреться на солнце, попасть под сквозняк или промокнуть под дождем, если весь этот мир — тюрьма, то чем хуже эта яма?

— Но здесь темно и нельзя никуда выйти.

— Во-первых, со временем ты научишься разбирать тени. Те микрочастицы света, что попадают сюда, достаточны для моих глаз, чтобы видеть твой силуэт. Во-вторых, если ты захочешь уйти, ты можешь вырыть подземный ход или воспользоваться ходом, который кто-то сделал до меня.

— А вы почему не воспользовались?

— Потому что мне хорошо в тюрьме, — ответил голос. — Наконец-то я могу думать. И если бы мне не подбрасывали время от времени напарников, я был бы счастлив. По крайней мере, счастливее, чем в раю этажом выше. Я — вечный диссидент. Любая власть кидает меня в тюрьму. И это правильно. Я — сама свобода!

И тут Егор услышал мычание.

Мычание неслось из дальнего угла и исходило от еще одного узника.

— А это кто? — Егор уловил в мычании муку и злость.

— Это мой напарник по заточению. Я пожалел его, не стал убивать. Я связал его, сделал кляп, и он молчит.

— Но почему?

— Он мне мешает думать о свободе. Не удивляйтесь, жизнь полна парадоксов. Ради свободы приходится затыкать рты тем, кто этого не понимает.

Голос изменился — видно, человек, которому он принадлежал, приподнялся, и теперь голос несся сверху. Человек был куда выше Егора.

— Если ты не замолчишь, я и тебе заткну глотку.

— Погодите, погодите, — сказал Егор. — Я не хочу оставаться здесь и разговаривать с вами. Я хочу уйти. Покажите мне подземный ход, и я сразу уйду.

— Клянешься, что уйдешь?

— Клянусь.

— Тогда иди вдоль стены направо, касаясь ее рукой.

— Я иду... — Егор медленно шел вдоль стены. Дошел до угла, повернул. Что-то пробежало по руке. С отвращением Егор сбросил насекомое. — Что тут у вас? — спросил он. — На стене?

— Тараканы, — догадался оппозиционер. — Их ничем не выведешь. Я с ними мысленно беседую. Мне кажется, что они поклоняются мне как богу. Я — бог тараканов! Забавно.

Стена была холодной и чуть влажной.

— Ниже, — сказал бог тараканов. — Вход у самой земли. Когда-то этим ходом убежали двенадцать разбойников. Они рыли его полтора года ногтями и зубами.

Заключенный тихо рассмеялся.

Рука провалилась в углубление, и Егор нащупал небольшую дверь.

— Открывай ее, — сказал узник. — За ней — подземный ход.

— До свидания, — сказал Егор.

— Я жалею, — ответил узник, — что познакомился с тобой. Из-за твоего нежелательного присутствия я потерял день работы. Это тебе зачтется на Страшном суде.

Егор толкнул дверь. Она не поддалась.

— Там щеколда, — предупредил бог тараканов. — А то кто ни попадя сюда залезет.

Мыслитель был прав. Егор откинул щеколду. Дверь с железным скрипом открылась. За ней была такая же темнота.

— Закрывать или оставить? — спросил Егор.

— За собой надо закрывать, — ответил голос из тьмы. — Мне не нужна так называемая свобода, которая лишь порабощает настоящего оппозиционера.

Егор оказался в низком коридоре. Ход шел прямо, метров через десять Егор уткнулся еще в одну дверь. Дверь была заперта. Егор старался не поддаться отчаянию. В дверь стучать он не смел — в доме полно стариков, они могут его поймать. Он ощупал дверь и тут понял, что никакого запора в ней нет. Но почему же она не поддается?

Дверь должна была открываться наружу — косяк выдавался с этой стороны. Егор отошел на два шага и, кинувшись вперед, ударил в дверь плечом. Дверь не поддалась. Она тоже была обшита железом, как и первая.

Егор почувствовал себя в западне — как зверь. Страшнее всего и отвратительнее было возвращаться в яму.

Егор отошел чуть подальше и ударил в дверь сильнее. Так, что заболело плечо. Дверь пошатнулась. Значит, ее можно вышибить.

Егор ударил третий раз. Дверь задрожала, но не открылась. Плечо болело безумно. Видно, он отбил какую-то мышцу. Егор потер плечо. Найти бы какую-нибудь железку, чтобы отжать дверь. Вдруг за дверью что-то звякнуло.

Егор замер. Может быть, там его ждут велосипедисты?

Он простоял неподвижно, пока не досчитал до ста. Потом нажал на дверь. Сопротивляясь, она все же приоткрылась, впустив внутрь чуть-чуть серого света.

Егор поднатужился и отворил дверь настолько, что можно было выбраться наружу.

Он пролез в щель. Нога ударилась о что-то тяжелое. Егор поднял с земли большой амбарный замок с дужками — к счастью, замок был ржавым и дверь тоже проржавела. От удара вылетели гвозди, и замок упал вниз.

Вверх вели ступеньки. Егор насчитал их восемнадцать — на две меньше, чем на входе.

Он осторожно выглянул наружу. Дверь из подвала вела на задний двор. Там было намусорено, кверху колесами валялся автомобиль двадцатых годов, из кирпичей была выложена башня в метр высотой. На ней стояла небольшая бронзовая пушка на деревянном лафете, рядом возвышалось чучело лося. На подставке была табличка: «Лось лесной — могучий исполин нашей Родины». Связанными тюками лежали подшивки журналов «Огонек» и «Здоровье», будто кто-то намеревался сдать их в макулатуру, но не успел. Через двор медленно шел человек с петлей на шее — из тех, кто был на собрании. Егор подождал, затаившись, пока мужик выберет себе из кипы журнал. Тот полистал его и сказал:

— Все то же самое, то же самое, одни успехи! Когда же начались поражения?

Егор побежал в другую сторону. Он выскочил на площадь со стороны реки, где стояла гостиница с выбитыми стеклами. Площадь была пуста, только посередине торчал обгорелый столб.

Стало чуть темнее, как будто собирался дождь. Егор подумал, что даже не знает, бывают здесь дожди или нет.

Он побежал к вокзалу, чувствуя себя беззащитным и маленьким на обширной площади. Он все время ждал оклика: «Ты куда?» — или велосипедиста, который будет догонять его, виляя между автомобилями.

Но никто не встретился, и никто не догонял Егора.

Он вбежал в вокзал и постоял некоторое время за дверью, выглядывая сквозь пыльное стекло. Площадь была по-прежнему пуста.

Он вошел в зал ожидания.

Ни одного человека. Куда-то делись все придворные и бездельники, что ошивались здесь совсем недавно.

В остальном на вокзале было все по-прежнему. Хотя нет — Егор увидел странную надпись, белую табличку на палке, установленную в конце зала. На табличке было написано одно слово: «НОЧЬ».

Егор толкнулся в комнату милиции. Дверь была заперта. Он пошел в медпункт.

Медпункт тоже был заперт. Но ключ кто-то оставил в замке.

Егор повернул ключ и заглянул внутрь. Остатки железной

дороги были сметены в угол, к другой стене отодвинуты груды старых газет и журналов. Справочники и словари стояли на полках. Будто кто-то, уходя, знал, что вернется не скоро, и хотел оставить после себя видимость порядка.

Егор кинулся за занавеску. Но можно было не спешить. Занавеска была отодвинута, кушетка застелена кое-как, следов Люськи не было.

Егор выскочил обратно в гулкие просторы вокзала. Ему вдруг почудилось, что все жители вокзала уехали на поезде. Он так живо представил себе, как все они входят в вагоны, старинные, как в фильме про Анну Каренину, проводники в форме и высоких фуражках открывают двери и поддерживают под локоть старух. Паровоз издает гудок или свистит, пуская белый густой пар длинными облаками вдоль перрона, начальник вокзала в красной фуражке поднимает флажок, разрешая поезду отправляться... но здесь же нет поездов!

Егор все же обежал вокзал. Он нашел трех бомжей, которые лежали на тряпках в комнате матери и ребенка, окруженные валом разбитых и целых бутылок. Бомжи не захотели разговаривать с Егором, они были на последнем издыхании, но совершенно непонятно, чем же они напиваются в мире, где спирт на человека не действует.

Потом услышал быстрые шаги и кинулся было навстречу, но в последний момент осторожность проснулась в нем, и он спрятался за угол. И правильно сделал — амбал в белой накидке с красным крестом осматривал вокзал, кого-то искал — вернее всего, Егора.

Минут через пять санитар ушел. В полной растерянности Егор вернулся в медпункт, как бы в единственное родное место на вокзале.

И оказалось, что не зря, — на столике доктора он увидел листок бумаги, поднял его, и точно — записка.

Почерк был незнаком. Да и откуда Егору знать почерк доктора?

«Следуй за нами к Метромосту. Если нас там нет, поднимись к Музыкальному театру. Опасайся призраков, они в самом деле опасны. Никому никогда не говори об этой записке. Спеши, все может измениться неисправимо. Л.М.».

И внизу большими буквами — писала Люська:

«Жду — приходи. Маркиза Люси. Куда ты делся?»

Она писала — Егор представил себе это, — склонив голову, улыбаясь лукаво и высунув меж зубов кончик языка. Значит, она себя лучше чувствует и не боится.

Давно ли они уехали? Вот проклятое место — даже непонятно, сколько ты отсутствовал! Егор вспомнил новеллу Вашингтона Ирвинга про Рип Ван Винкля, который ушел из дома, где-то переночевал, а вернулся через двадцать лет. А вдруг этим запискам уже по два года? И все куда-то сбежали, а теперь ищи их на просторах Китая или Африки.

Ну ладно, лучше не думать о плохих вещах. Есть записка, есть куда идти, значит, есть цель в жизни.

Егор подумал, что до Музыкального театра и даже до Метромоста идти больше чем полчаса, если не целый час. И мало ли что встретишь на пути! Надо найти транспорт. Конечно, лучше всего бы отыскать воздушный шар...

Должно же хоть раз повезти! И если бы Егор не вертел глазами, не искал средство передвижения, он бы никогда не заметил обыкновенного велосипеда, прислоненного к стене вокзала возле главного входа. Не такого старомодного, как у велосипедистов, а самого обычного.

Будто кто-то нарочно оставил его для Егора.

Но как только Егор уселся в седло, обнаружилось, что добрый человек, оставивший велосипед, совсем и не думал о благе Егора. У велосипеда была спущена задняя шина и руль болтался так, словно норовил выскочить из крепления. От этого Егора нещадно подбрасывало в седле, и через полкилометра он признал свое поражение, положил проклятую машину на асфальт и попытался побежать вдоль реки. Метров через сто Егор начал задыхаться, и пришлось перейти на шаг.

Что же это получается? Неужели его кровь уже начала перерождаться и его легкие требуют покоя и безделья?

Егор заставил себя побежать снова. Он все ждал второго дыхания, но оно не приходило.

А бежать еще было далеко — мост Окружной железной дороги казался сложенным из спичек, дорога ныряла под арку моста и уходила вверх, в гору. От моста Егору надо было бежать левее, вдоль реки.

Егор все чаще переходил на шаг, ноги болели, и он заставлял себя торопиться только потому, что всей шкурой чуял: если он не придет вовремя, с Люськой случится что-то нехорошее.

У железнодорожного моста стояло здание архива. К стене был пришпилен лист картона. На листе картона было написано фломастером: «Не беспокоить. У нас ночь!»

Егор решил потерять минутку, чтобы понять, чей же сон оберегала надпись.

Он заглянул в дверь архива. В глубине небольшого холла стояли три кушетки. На кушетках лежали люди с закрытыми глазами.

«Странно, — подумал Егор. — Мне же все говорили, что здесь люди не спят. Да и мне не хочется, хотя наверняка я здесь уже не меньше суток. Так подсказывают мне внутренние часы».

— Вы спите? — спросил Егор.

Никто не открыл глаз. Но ближний к нему человек сказал:

— Конечно, мы спим.

— Извините.

— А почему вы не спите? — спросил человек на кушетке, не открывая глаз.

— Мне не хочется, — сказал Егор.

— Уходи отсюда, — сказал второй спящий. — Еще не хватало, чтобы нас сторож подслушал. Жить-то всем хочется.

Егор пошел прочь.

Бежать уже не было сил.

К счастью, встреча со сторожем-велосипедистом случилась только перед мостом — Егору было куда бежать.

Велосипедист, видно, не знал о том, что Егор новенький.

Он нагнал его и медленно поехал рядом, виляя большим передним колесом так, чтобы не терять равновесия.

— Ты куда идешь? — спросил он. — Порядка не знаешь?

— Знаю, — уверенно сказал Егор.

— Сейчас у нас что?

— Первое января! — сказал Егор.

— Плевал я на январь! — рассердился велосипедист. — Ты почему не спишь?

— Не хочется.

— Я тебе покажу — не хочется! Все спят, а ему, видите ли, не хочется! Где проживаешь?

— У Метромоста, — признался Егор.

— И так далеко ходишь? Зачем ходишь? С кем дружишь?

— Я гуляю, — сказал Егор. Он чувствовал угрозу, исходившую от велосипедиста. Видно, грех, совершенный Егором, был значителен и непростителен в глазах велосипедиста.

— Иди передо мной! — приказал велосипедист.

— Куда?

— Сам знаешь куда!

И тогда Егор решил не испытывать судьбу — он кинулся

бежать по откосу вдоль железнодорожной насыпи, забирая все выше.

— Стой, стреляю!

Егор мчался — откуда только силы взялись! Он забрался на крутизну, перемахнул через рельсы и лег, прижавшись к земле. Затем чуть-чуть приподнял голову, пытаясь разглядеть, чем занимается велосипедист.

Тот покатил под мост, чтобы встретить нарушителя по ту сторону. Затем остановил машину посреди мостовой и старался сообразить, где же нарушитель. Продолжалось это минуты три, затем велосипедист плюнул и громко крикнул:

— Я до тебя доберусь!

Погрозил кулаком и, нажимая на педали, направился вверх по Мосфильмовской.

До бытовки Егор добрался меньше чем через полчаса. Как он и опасался, возле бытовки никого не было видно.

И все же Егора охватило странное чувство возвращения домой.

Он подошел совсем близко, когда дверь отворилась и на верхней ступеньке показался Партизан. Он был в милицейской фуражке и в распахнутом кителе, который был ему велик, в трусах и сапогах на босу ногу.

Партизан потянулся, зевнул, похлопал ладошкой по зевающему рту, сказал:

— Не скрывайся, я же тебя вижу, за сухим деревом стоишь, выглядываешь, нет ли опасности. Выходи, чай пить будем.

Егор с облегчением вышел на открытое место. Карлик был ему симпатичен.

— Как Пыркин? — спросил он, хотя собирался сразу задать вопрос о Люське.

— Пыркин выздоравливает и велит тебе кланяться, — раздался голос из бытовки.

— А скажите...

— Не видели, не знаем, — быстро ответил Партизан.

— Ладно, скажи! — крикнул изнутри Пыркин.

— Ты же знаешь — не велели. Только знаю, что никто не проезжал.

— Люську в Музыкальный театр повезли, — сообщил Пыркин.

Он вылез к дверям, пальто накинуто на плечи, оранжевая рубашка в рыжих пятнах от высохшей крови. Пыркин был еще слаб.

— Ты куда? — прикрикнул на него Партизан.

— Они Соньку с идиотом взяли, — сказал Пыркин. — Значит, на связь.

— А тебе, мальчик, там опасно, — сказал Партизан.

— Жулик! — крикнул Пыркин. — Жулик, дружок, проводи Егорку.

Жулик выскочил из дома, радостно махая хвостом. Узнал Егора.

— Они сейчас, может, спят, — сказал вдруг Партизан, смирившийся с мыслью, что Егор пойдет, куда не положено. — Ублюдки эти, призраки, тоже спят. Только я не проверял.

— Тогда скорей, — велел Пыркин Егору. — А то опоздаешь.

Егор не стал расспрашивать их о том, что им известно. Некогда.

— Побежали, Жулик, — сказал он.

Призраков они с Жуликом увидели уже наверху, когда выбежали на асфальт, на открытое место у туннеля.

Призраки заспешили к ним, засуетились, но опоздали.

Егор бежал к Музыкальному театру, такому скучному без зелени, без деревьев вокруг.

Жулик несся рядом, подпрыгивал, ему было весело.

Перед театром стояла телега, запряженная велосипедистами в касках. Егор заметил их издали и взял в сторону, чтобы подобраться сзади.

Там он отыскал разбитое окно и влез в него. Жулик прыгнул следом.

В театре было пусто, но Егор знал, что пустота эта кажущаяся. Иначе зачем велосипедистам дежурить у входа.

Егор медленно шел по театру, в котором оказалось бесконечно много комнат, залов, коридоров и прочих помещений, порой заваленных барахлом, порой пустых.

И в какой-то, может сотой по счету, комнате услышал, как невнятно талдычат голоса.

Еще через пять минут Егор оказался у двери в коридор, слабо освещенный из небольших окошек. По коридору двигалась странная для непривычного глаза процессия.

Впереди ехала инвалидная коляска. В ней сидел, свесив набок большую голову, больной юноша. Коляску толкала перед собой девушка Соня, встреченная Егором на набережной. Рядом шагали Вильгельм Кюхельбекер и убийца Пушкина Дантес. Дантес вел за руку Люську, и, видно, держал ее крепко, чтобы не убежала.

Девушка толкала коляску неуверенно, порой останавливалась, прислушивалась. Идиот что-то бормотал, дергал головой, поднимал руку, ронял ее снова.

Зачем эта парочка?

Жулик кинулся было вперед, но Егор так строго прошептал, чтобы песик молчал, что тот испугался и поджал хвост.

Остановившись ненадолго, будто вслушиваясь в неслышные прочим звуки, девушка решительно повернула направо.

Остальные поспешили следом.

Егор увидел, что они уперлись в невысокую лестницу — несколько ступенек. Кюхельбекер помог девушке поднять коляску. Это было нелегко. Дантес совершал движения руками, но без пользы.

Наконец они оказались за кулисами. Сверху рядами спускались пыльные занавесы и задники, декорации были свалены между ними. Коляска двигалась зигзагами.

— Скоро, — сказала вдруг девушка сонным голосом. Она была в трансе. — Скоро придем.

Идиот начал кивать головой и вдруг испустил визгливый звук, будто заверещал свисток.

— Здесь! — сказала Соня.

— Где? — спросил Кюхельбекер. — Покажи.

Девушка оставила коляску на месте, а сама стала раздирать ногтями серый занавес с изображенным на нем гигантским пылающим камином.

Она продрала занавес — послышался глухой треск.

— Иди! — крикнула она. — Иди!

Дантес толкнул Люську.

— Иди! — приказал он.

— Нет! — закричала Люська. — Я не пойду. Вы обещали, что Егор тоже здесь будет.

— Девочка, — мягко произнес Кюхельбекер, — я же сказал — Егор обязательно присоединится к тебе. Как только мы его отыщем. А мы его обязательно отыщем. Но ждать нельзя, нельзя ждать. Отверстие появляется редко. Может быть, в следующий раз это случится через месяц.

Она скорее почувствовала его присутствие, хоть и не увидела.

Егор выбежал из тени. Он задел какую-то декорацию, облаком поднялась едкая пыль. Кюхельбекер зашелся в кашле. Первым опомнился Дантес.

— Нельзя! — рявкнул он. — Опасно! Не положено!

— Я никуда без него не пойду! — кричала Люська.

Кюхельбекер кашлял и махал рукой, пытаясь добиться внимания. Но никто на него даже не глядел.

Идиот начал плакать.

Девушка хотела увезти его, но откуда-то выскочил доктор Леонид Моисеевич. Почему Егор раньше не видел его? Доктор преградил путь инвалидной коляске.

— Подождите! — закричал он. — Мальчик тоже полетит?

Егор не знал в тот момент, куда должна полететь Люська. Почему-то он решил, что ее отправляют в другое место того же мира без времени.

Егор стоял, время бежало, доктор Леонид Моисеевич кричал, чтобы Егор шел к занавесу.

— Стойте! — закричал Кюхельбекер.

Он возвышался неподвижно, как статуя Командора. Он имел право приказывать.

— Людмила, — спросил он. — Ты помнишь, какую клятву ты дала?

— Да, но только если Егор будет со мною. — Люська стояла, расставив тонкие ноги, выпятив маленький круглый подбородок.

— Егор, — объявил Кюхельбекер, — мы выполняем волю императора. Люсю отправляют в прежний мир для того, чтобы она там выросла и стала императорской невестой. Тебя мы не нашли и потому были вынуждены отправить ее без тебя.

— Значит, дорога домой есть? И вы всегда это знали! — закричал Егор.

— Не перебивай. Люся уходит в ваш мир на шесть лет. Потом она вернется. Ты тоже можешь вернуться.

Ненормальный юноша заверещал.

— Сеанс заканчивается, — сказала Соня. — Сеанс заканчивается...

— Егор, — приказал Кюхельбекер. — Обними Людмилу. Быстро!

— Быстро! — повторил доктор. — Я не могу больше его удерживать...

Егор успел бросить взгляд в ту сторону и заметил, как Леонид Моисеевич отступает перед надвигающейся на него коляской с идиотом.

Егор схватил Люську. Люська была горячая и вся дрожала.

Черное пятно на занавесе вибрировало. Вот оно начало уменьшаться.

— Шагай! Прыгай! — кричали сразу доктор и Кюхельбекер.

Егор понял, что надо подчиниться.

Держа на руках Люську, которая обхватила руками его шею, Егор шагнул вперед.

И ничего не изменилось.

Он стоял перед занавесом в плохо освещенных кулисах.

Но вокруг не было никого из жителей мира без времени.

Егор опустил Люську на пол.

Люська первой догадалась, что все получилось как надо.

— Послушай, — сказала она.

— Я ничего не слышу.

— Тогда пошли, раз ты такой несообразительный.

Она потащила Егора за руку прочь из-за кулис, мимо рабочих, которые несли фанерную речку, мимо электрика, который копался в распределительном щите. Они дошли до девушки, которая стояла лицом к зеркалу в коридоре и старательно пела гамму.

— Простите, — спросила Люська, — какое сегодня число?

— Сегодня? Второе января. А может, третье. Я всегда числа путаю. Это так несущественно.

— Ой, — сообразил Егор. — Мы вернулись.

— Вот теперь все и начинается, — вздохнула Люська.

Часть II

ГАРИК ГАГАРИН

Последний сеанс закончился около шести. Мы все проголодались и устали. Егору пришлось хуже всех, но он храбрился. Когда тебе двадцать два и ты кончаешь университет, простительно храбриться в компании людей, ненамного старше тебя, но облеченных правом тебя допрашивать. Больше Егору идти было некуда. Так что для своего спасения Егор избрал позицию участника эксперимента. Не кролика, не свидетеля, а участника. Сотрудника. Для него важнее было место в нашей стае, чем своя роль в событии. Кажется, все мы, кроме Добряка, это понимали и по мере сил Егору подыгрывали. Саша был нетактичен, и Егору ничего не оставалось, как мысленно перевести его на положение прислуги. Тогда можно Добряка игнорировать. Что Егор и делал.

— Все? — спросила Тамара, стараясь услышать от Калерии Петровны, нашего завлаба, отрицательный ответ.

— На сегодня все, — ответила Калерия. — Егор, ты свободен. Я тебе позвоню завтра во второй половине дня. А мы с Гариком останемся поговорим, хорошо?

Я побаивался, что Калерия вызовет для консультации Максима Мирского или еще кого-то из институтских гениев. Мне польстило, что Калерия готова обойтись моей помощью.

Егор попрощался, стоя у кресла, в котором он провел столько часов. Он был и без того тощим, костлявым, а сегодня еще и выглядел изможденным.

— Постригся бы, — в десятый раз напомнила ему Тамара. — Мужик, а с косичкой. И серьга в ухе.

— Я постригусь, — сказал Егор покорно.

Не пострижется он. Из принципа. Может быть, он сам ненавидит свой лошадиный хвост, но не может отступить, отказаться от бравады.

Егор задержался в дверях — его узкая спина замерла в раме. По законам кинематографа он должен был обернуться и произнести самые важные слова. Но Егор не обернулся. Дверь закрылась. И в то же мгновение, словно не в силах терпеть, Добряк сказал:

— Я побежал. У меня на сегодня билеты в Большой театр. На «Жизель».

Добряк ожидал радостных или завистливых воплей толпы, но толпа безмолвствовала. Лишь Калерия произнесла, раскладывая бумажки на столе:

— Иди, Саша, иди.

Добряк неуверенно пошел к двери, а Тамара вслед ему выпустила пулеметную очередь:

— Есть у него билеты. В Большой. Только на завтра. И еще неизвестно, согласится ли она с ним пойти.

— Много знаешь! — рявкнул Добряк и исчез.

— Ты в самом деле знала или придумала? — спросил я.

— Я слышала, как наша новенькая в бухгалтерии рассказывала, — ответила Тамара.

Я не знал ни о новенькой, ни о ее отношениях с Добряком.

— Тамара, сделай кофе, — попросила Калерия. — Если тебе срочно надо домой или в Большой театр, можешь идти.

— Мне никуда не нужно, — обиделась Тамара. — Неужели я не понимаю, что у нас эпохалка?

Ее не разубеждали, Тамара позволила себе углубиться в философию.

— Меня иногда смущает, — проговорила она, гладя компьютер по головке, — насколько мы стали бесчувственными. Ведь на этот раз мы приблизились к раскрытию главной тайны человечества. Две тысячи лет человек размышлял, есть тот свет или это выдумка?

— Тамара, не говори красиво, — взмолилась Калерия.

— Вы, Калерия Петровна, пытаетесь закрыть глаза, — ответила Тамара. — Потому что сами еще не все представляете. Мне самой бывает жалко, что я недостаточно верующая, потому что росла в атеистической семье и в пионерской организации. Но мне дурно делается от последствий!

Не дождавшись реакции начальства, Тамара взяла чайник и пошла в туалет за водой. Мы с Калерией остались вдвоем. Мы молчали.

А в самом деле, Тамара была права. Вот так живешь-живешь, считаешь себя неглупым человеком, работаешь в институте, где отношение к чуду как отношение к подопытной лягушке. Ты не обращаешь внимания на цвет ее изумрудных глаз, а вспарываешь животик и глядишь, как сокращаются мышцы ног. Тебя волнует, хорош ли скальпель, и плевать на то, что в мозгу умирающей лягушки стираются зачатки восхищения красотами Вселенной. А рядом стоит Тамарочка, без-

думный серафимчик, и вдруг оказывается, что именно ей приходят в голову идеи, которые должны были бы отяготить тебя.

— Отвлекся? — спросила Калерия Петровна. — Тамарочка натолкнула тебя на размышления о вечном?

У Калерии есть отвратительное свойство угадывать твои мысли в тот момент, когда тебе этого не хочется.

— Куда денешься от мыслей? — признался я.

— А мне приходится думать о завтрашнем докладе на дирекции, где кое-кто начнет доказывать, что я идиотка с больным воображением.

Не кое-кто, а Александр Борисович, понял я. И будет он это делать из черной зависти, что нашей лаборатории досталась такая тема.

— Хотите, я вместо вас схожу и приму удар? — спросил я.

— Чином не вышел, — улыбнулась Калерия, вовсе не желая меня обидеть.

— Тогда я одолжу вам дедушкину саблю, — сказал я.

— А поможет?

— Я в жизни не видел своего дедушки. И вообще никого из родственников.

— Я думаю, он у тебя кантонист, — заметила Калерия. — Сабля ему не положена.

Она включила запись: первое появление Егора в нашей лаборатории. Вот он стоит в дверях, худой, чуть сутулый, открытое приятное лицо городского акселерата. «Здравствуйте, мне сказали, что Калерия Петровна... что я должен все рассказать Калерии Петровне».

— Сейчас я должна ответить себе, — обернулась ко мне Калерия, — на самый главный вопрос. Мне его зададут завтра, как только я войду в зал ученого совета.

— Что за вопрос?

— Ты знаешь, Гарик. Правду ли нам рассказывал молодой человек или соврал.

— И врал три дня без перерыва? Врал в ответ на все наши вопросы?

— Не возмущайся, Гарик. Но ты еще не знаешь, какие на свете водятся лжецы. И некоторые из них побывали в нашей комнате.

— Но зачем ему врать?

— Я не хочу ловить его за руку. Но если Егор не врал, то институт должен начинать новый проект. Возможно, дорогой, а сейчас конец квартала...

— Что вы говорите, Калерия Петровна?

— Я говорю о том, что чудо, даже могущее изменить судьбу всей нашей Земли, после прохождения через бухгалтерию, дирекцию и плановый отдел превращается в тему номер такой-то или проект номер такой-то бис. И, наверное, в этом есть некий высокий смысл. Для того чтобы достичь максимальной объективности в исследовании, мы должны относиться к чуду как к подопытной лягушке.

Как моей лягушке удалось перескочить в речь Калерии, относится к разряду чудес... или обычных совпадений в беседе коллег.

— Нам в любом случае придется еще встречаться с Егором. Так что давай проедемся по его показаниям и поглядим, нет ли тут нестыковок.

Тамара возвратилась с чайником, включила его в сеть и сообщила, что кофе кончается.

Тамара очаровательна нежной, изысканной красотой британской баронессы. По части нежности и изысканности облика она может дать сто очков вперед Калерии Петровне. Но очарование длится ровно до того мгновения, когда наша лаборантка, дитя харьковских окраин, открывает нежный ротик. Тамарочка стремится к знаниям и даже третий раз подряд пыталась поступить на вечерний биологический в университет. И мы все знаем, что года через два-три она обязательно туда поступит, если ее не утянет замуж какой-нибудь молодец в «Мерседесе». Ведь среди них тоже есть посланцы провинциальных окраин, так и не поступившие в университет. Впрочем, возможно, Тамарочка дождется своего доктора наук — как ни странно, она предана биологии, искренне любит наш институт и всех нас. У нее был неудачный, к счастью, краткий и почти забытый роман с циничным Добряком, зато она до сих пор немного влюблена в меня. Она — неотъемлемая часть лаборатории, и пускай молодец в «Мерседесе» не спешит приезжать за ней к воротам нашего особняка, без нее нам будет скучно.

— Начали, — сказала Калерия. На экране Егор уселся на стул, удобный, потертый, мягкий, с подлокотниками. Не такими ли были пресловутые гамбсовские полукресла? Этот стул предназначался для гостей. Как у знаменитого сыщика Ниро Вульфа. В нем пересидело несметное число жуликов, гениев, проходимцев, провидцев и идиотов.

После этого Егор покорно сообщил нам все формальные сведения о себе: Георгий Артурович Чехонин, 22 года от роду, студент пятого курса истфака университета, холост, родители живы-здоровы, проживает в Москве на проспекте Вернадского, абсолютно нормален, что подтверждается результатами медэкспертизы, которой Чехонин подвергся добровольно. Ничем катастрофическим не болел, шесть лет назад побывал в существующем параллельно с нами мире, где не действуют законы физики, а именно — не существует времени. Население этого мира, в той небольшой его части, которую удалось увидеть Егору, состоит из людей, которые пережили в момент Нового года душевную травму, настолько сильную, что всеми фибрами души не желали идти в новый год со всем человечеством, а предпочли отделиться от него и остаться в старом году.

— Ах, как это все ненаучно! — воскликнула тут Тамара. — На ученом совете решат, что мы все с ума посходили. Ведь Новый год — это условность.

— Скорее всего, и мир, в котором побывал Егор, тоже условность, — заметила Калерия.

— Но он так не думает!

— Тамарочка, помолчи, — попросила Калерия. Она продолжала наговаривать текст своего выступления на ученом совете: — «По воле случая Егор, переживший личную драму, оказался в прошлом вместе с девочкой Людмилой Тихоновой двенадцати лет. Подробный рассказ устами Егора Чехонина прилагается на дискете, и члены ученого совета могут с ним ознакомиться. Должна заметить, что по ходу сеансов искренность Егора Чехонина все время контролировалась и не вызывает сомнений».

Калерия на минуту выключила запись и заметила для внутреннего потребления:

— Интересно, он влюблен в эту девушку?

— Не похоже, — авторитетно ответила Тамара, главный эксперт в проблемах любви. — Так не любят.

Калерия кивнула, будто согласилась. И продолжала:

— «В стройной картине, представленной нам Егором Чехониным, меня настораживает способ, которым молодые люди возвратились обратно, к нам. Если ему верить, то существует переход, непостоянный, возникновение которого чувствует юноша в кресле. Не знаю почему, но мне такая версия не нравится».

Я согласился с Калерией. Мне тоже возвращение ребят из мира без времени казалось заимствованным из какой-то сказки. Будто автор ее не смог придумать ничего убедительнее. Тогда он махнул рукой и сказал: «Пусть будет театр!»

— Давайте же примем на веру все, что нам рассказали, — продолжала Калерия. — И постараемся представить себе этот мир таким, каким его увидел Егор. Мы знаем, что населен он слабо...

Мне хотелось спросить, не трудно ли Калерии выражаться так скучно и бесцветно. Но не надо ее перебивать. Ведь и без меня ее сейчас перебьет Тамара. Она уже принялась нервно двигать по столу чашки с горячим кофе и притопывать. Высокая грудь Тамары нервно вздымалась.

— Разумеется! — воскликнула Тамара. — Если бы туда попадал любой, у кого плохое настроение, Земля бы давно пустой была. Вы, Калерия Петровна, даже не представляете, сколько раз мне хотелось решительно бросить все и кануть! Наверное, случайность, что я сейчас с вами в одной комнате нахожусь.

Калерия терпеливо выслушала Тамару, кивнула ей и продолжила:

— Допустим, что свойство человека переходить из мира в мир — рудимент, память о далеком прошлом.

— А может, наоборот? — спросила Тамара. — Может, это от плохой экологии?

— Тамара! — не выдержал я. — Экология — это наука! Она не бывает плохой. Плохой бывает окружающая среда, доведенная до безобразия людьми.

— Вот именно! Довели до отчаяния и теперь сами бежим!

Она запустила длинные когти в терновый куст крашеных и завитых волос и нервно стала их дергать. Тамара была уверена, что именно она делает науку.

— Не получается, — сказала Калерия. — Егор видел там людей, которым, возможно, двести, триста лет. В то время никто не подозревал об экологии и окружающей среде. Но позвольте повторить вопрос: если бегство исконно присуще человеку, почему тот мир не переполнен беглецами?

— Потому что они изнашиваются, — напомнила Тамара.

— Люди не только изнашиваются, у людей меняются свойства крови, человека там можно убить, сжечь на костре, утопить, задушить. И этим способом контролировать количество жителей там отлично пользуются... Там...

Калерия оборвала монолог и обернулась ко мне:

— Я в отчаянии, Гарик. Я не знаю, как его назвать. Я язык

сломала, придумывая эвфемизмы. Другой мир, параллельный мир, тот мир...

У Тамары уже был готов ответ.

— Планета самоубийц! — заявила она. — Так и назовем. Там же живут одни самоубийцы. Только те, у которых духа не хватило по-настоящему с собой покончить.

— Вряд ли, — вздохнула Калерия. — Слишком красиво.

— Тогда пейте кофе. Я вам не кухарка, — сказала Тамара. — Остынет, мне опять в туалет за водой бежать, кипятильник включать, а в любой момент может прийти пожарник. И конфискует чайник. Вы же знаете, что случилось в секторе ТИ.

Мы с Калерией скорбно склонили головы, потому что знали: в секторе Тайн Истории (ТИ) пожарник застал коллектив в момент преступления — кипятильник был в чайнике, а чайник кипел. Пожарник конфисковал чайник и накатал такую телегу директору, что тот был вынужден издать грозный приказ. А что прикажете делать, если в старом особняке нет места для буфета, а бегать в кафе к метро и дорого и некогда?

Мы стали пить кофе. К счастью, Тамара не жалела растворимки.

Калерия Петровна сидела, закинув ногу на ногу. У нее были узкие сухие колени и щиколотки, как у породистой лошади. Но ведь не скажешь доктору наук, что у нее ноги, как у породистой лошади?

— Тогда пускай будет «тот мир», — сказал я.

— Тот мир... в том мире, о том мире... попробуем.

— А я буду их называть «самоубийцами», — сказала упрямо Тамара.

— Я продолжу? — спросила Калерия, будто перед ней сидели не мы с Тамарой, а весь завтрашний ученый совет. — Живут они как придется, но по привычке предпочитают спать в комнатах. Животных там почти нет.

— А Жулик? — спросила Тамара. И сама ответила: — Наверное, он так тосковал по своему хозяину.

— По какому хозяину?

— Который трагически погиб. И тогда под Новый год Жулик решил остаться в прошлом.

— Тамарочка, помолчи, — взмолилась Калерия.

— Как скажете.

Калерии очень хотелось выгнать Тамару из комнаты, но это было бы негуманно.

И мы продолжали брести по рассказу Егора, словно по заросшему осокой болоту, раздвигая стебли и порой проваливаясь в ямы. Информации не хватало, Егор, конечно же, не занимался детективной работой. Он жил в том мире и старался вырваться оттуда.

Добрались до системы правления.

— Обратите внимание, — сказала Калерия, — раз Егор не выходил за пределы небольшой части Москвы, мы не можем говорить не только обо всем том мире, но даже обо всей Москве. И раз там сложности с транспортом, то, вернее всего, тот мир разделен на множество маленьких ячеек.

— Мы этого не знаем, — сказал я. — Может быть, тот мир ограничивается половиной Москвы? А за его пределами эффект перемещения не чувствуется?

— Гарик, не говори красиво, — улыбнулась Калерия.

— Продолжайте, доктор, — парировал я.

— Формально тем миром правит император. Какая-то видимость порядка поддерживается с помощью так называемых велосипедистов. Но власть императора не абсолютна и вообще довольно условна — как ты будешь править страной, в которой нет голода и смерти, не говоря уж об элементарном перенаселении?

— Надоело — ушел, — сказала Тамара.

— Есть там какие-то дикие группы, вряд ли они представляют для нас большой интерес. Они совершают набеги на поселения... Но главное — это ветераны. Что ты нам о них расскажешь, Гарик?

— По рассказу Егора я сначала решил, что это недовымершая коммунистическая ячейка, — сказал я. — А потом сообразил, что это любопытная смесь людей, придерживающихся тоталитарных устремлений. Но главное для них — сохранить в чистоте тот мир. Кто-то вбил им в голову, что их мир — островок в мире разврата, град Китеж, опустившийся в озеро. Правильно?

— Я согласна с тобой, — сказала Калерия.

— А там были знакомые лица. Все знакомые нам лица! — радостно вмешалась Тамара.

— А вот тут не стоит поддаваться первому впечатлению, — сказала Калерия.

И я был с ней согласен.

— Я полагаю, что в том мире, где нет времени, но каждый человек попадает туда со своими слабостями, своим тщеславием и своим гонором, число самозванцев превышает все нормы. Давайте для начала допустим, что ни один из них не носит своего имени заслуженно, — сказала Калерия. — Нам

же эта условность удобна, потому что так они раскрываются. Если человек назвал себя Гитлером, значит, он предпочел бы быть Гитлером в первой жизни.

— А вот тут вы ошиблись, Калерия Петровна, — сказала Тамара. — К вашему сведению, Гитлер по-русски ни бум-бум.

— Дантес тоже ни бум-бум, — подмигнул я Тамаре.

— Опять за шуточки? — рассердилась лаборантка.

— Я не шучу.

— А как же он с Пушкиным на дуэли разговаривал? По-китайски? — подсекла меня Тамара, и я униженно замолк. Хотя Дантес с Пушкиным на дуэли разговаривал немного.

— Мне очень интересны люди в подвале. В отличие от прочих у них есть цель. Я думаю, что в их интересах вообще закрыть переход между мирами, который им представляется источником опасности, — сказала Калерия.

— А мне кажется, что для нас, для нашей работы самое главное, постоянен ли этот переход или совершенно случаен, — заметил я.

— По крайней мере, он возникает часто, — сказала Калерия уверенно.

— Почему?

— Они спокойно и естественно относятся к благам, которые приносит переход. Обрати внимание — добычу они ставят на стол на глазах у придворных. И никто не падает в обморок.

Я кивнул. Наверное, она была права.

— Еще одна проблема невероятной важности. Правда ли то, что человек, проживший там некоторое время, уже не сможет вернуться сюда? Правда ли, что меняется состав его крови? Егору говорили об этом разные люди, но это не исключает всеобщего заблуждения.

— Или кому-то нужной ложной информации, — подсказал я.

Надо сказать, что за последние три дня Егора прокрутили на приборах, словно отправляли в космос. Никаких отклонений не нашли. Но с другой стороны — он там был всего сутки и ничего не ел, не пил...

— Во всяком случае, — сказала Тамара, — я вам не завидую. Завтра они на ученом совете из вас будут делать отбивную.

— И будут правы, — согласилась Калерия. — В конце квартала, когда институт и без того еле сводит концы с концами, наша лаборатория приносит на ученый совет ни много ни мало — параллельную Землю с массой проблем, которая, вполне

возможно, представляет явную угрозу всем нам. Они впадут в истерику.

— Значит, чем лучше мы будем готовы...

— Ладно, Гарик, давайте трудиться. Тамарочка, ты не устала?

— Сколько раз нужно говорить одно и то же! Ради науки я готова сутки не спать и не ужинать!

Боже мой, какой красотой наделила природа нашу лаборантку, какой розовой, голубой, зефирной красотой! И не забыла дать ей твердые моральные устои. Покажите мне ее будущего мужа!

— Вот это ответ не девочки, но дамы! — восхитилась Калерия. — Значит, всю ночь, оставшуюся до ученого совета, мы снова просматриваем пленку с этим Егором. И ищем в ней открытия. Желательно мирового значения.

— Я, конечно, все понимаю, — сказала Тамара, — но все-таки зачем?

— Чтобы завтра Мирский или Погорельский не обвинили нас в дешевой мистификации.

Тамара громко и возмущенно фыркнула. Она не любила Мирского, потому что красивому и знаменитому Мирскому некогда было влюбиться в Тамару.

— Включаю? — спросила она.

— Часть первая. Дубль два.

На экране появился Егор. Он был смущен, от этого бледен и нелюбезен. Куртка была доверху застегнута на «молнию».

— Мне сказали, что Калерия Петровна... что я должен все рассказать Калерии Петровне.

— Садитесь, — сказала ему Калерия. — Мы вас слушаем.

Калерия — само очарование: добрый педиатр, который никогда не делает детям уколов, а кормит их сладкими пилюлями.

Егор ерзал на стуле, потом ухватился за подлокотники. У него были большие голубые глаза и выпуклый высокий лоб. Хороший мальчик. Наконец он заговорил:

— Исчезла девушка. Людмила Тихонова. Люся Тихонова. У меня есть ее фотография. Я подозреваю, куда она исчезла, и думаю, что она жива, хотя милиция думает иначе... В общем, все ее похоронили, а я думаю, что Люська жива.

— Почему же вы это скрыли от других? — спросила Калерия.

— Потому что все будут смеяться или решат, что я сошел с ума. Я не думаю, что и вы мне поверите.

— Рассказывайте, — попросила Калерия.

Она кинула короткий взгляд на меня. И хоть мы работали вместе меньше года, я прочел ее взгляд: «Хороший мальчик. Мне хочется ему верить».

Я кивнул.

— Может, кофе хотите? — спросила Тамара, которая держалась на заднем плане, и на звук ее голоса камера метнулась, отыскивая источник голоса.

Егор покачал головой.

— Я лучше сначала расскажу.

— Что же случилось?

— У меня есть знакомая, — начал Егор. — Она моложе меня. Я в этом году кончаю университет, мне двадцать два. А Люсе всего восемнадцать. Я думаю, что девятнадцати еще нет. Но это не играет роли. Мы с ней знакомы шесть лет, после того, как вместе попали в одну историю.

Вдруг Егор замолчал и с недоумением обернулся к Калерии, будто забыл, о чем шла речь.

— Может, вам неинтересно? — спросил он.

Калерия ничего не ответила, но по ее глазам Егор понял, что все сказанное им интересно и важно.

— Давайте успокоимся, сядем поудобнее, — попросила Калерия, — и начнем с самого начала, ничего не пропуская.

— Но с самого начала слишком долго рассказывать.

— Тогда вы начните говорить кратко, не вникая в детали. А когда нам станет интересно, мы попросим вас рассказывать подробнее.

Егор ответил не сразу. Он как бы раздумывал, стоит ли вообще с нами связываться. Но так как иного пути у него не было, пришлось смириться.

— Вы правы, Калерия Петровна, — сказал он наконец. — Только учтите: я буду говорить чистую правду.

— Мы не сомневаемся, — ответила Калерия.

— А если неправду, — вмешалась Тамара, — то я с первого мгновения вижу ее насквозь. Можете попробовать, меня девочки с собой на ответственные объяснения берут.

Егор игнорировал высказывание Тамары.

— Шесть лет назад, — сказал он, — то есть шесть лет и три месяца, точно под Новый год, у меня случилась одна неприятность...

Час за часом мы снова выслушивали исповедь путешественника в тот мир. Порой Калерия останавливала запись и

прослушивала отрывок вновь. Я также имел на это право, но почти не пользовался им.

Часам к десяти вечера мы добрались до конца первой главы печальной повести, которая, казалось бы, завершилась вполне благополучно.

Потом был перерыв, я сбегал на перекресток, где круглосуточно торговала палатка с гамбургерами и пивом. Мы перекусили. И в половине двенадцатого включили другую кассету.

Чехонин вновь возник на экране. На этот раз он был в пиджаке. Куда-то делась из уха сережка.

— Теперь, — произнес он, почесывая кончик носа, — когда вы знаете, что мы с Люськой пережили шесть лет назад, я расскажу вам продолжение этой истории. И вы поймете, почему я к вам пришел. Именно к вам, в Институт экспертизы.

— Мне сейчас интереснее узнать, почему вы не пришли раньше, — спросила Калерия.

— Стыдно было, — сразу ответил Егор. Видно, он сам себе не раз задавал этот вопрос и достойного ответа так и не отыскал. Поэтому приберег ответ-уловку. Нет, не для того, чтобы обмануть человечество. А для того, чтобы утешить себя, оправдаться в собственных глазах. — Я даже как-то начал рассказывать Сергею, это мой друг. Он меня спросил, где я пропадал весь день первого января, когда родители чуть с ума не сошли. Я сказал ему, что был в мире, куда попадают плохие мальчики. Что есть другой мир, не наш, он как бы существует рядом... Ну, вы сами можете поставить себя на мое место и поймете, как трудно рассказывать правду так, чтобы в нее можно было не то чтобы поверить — выслушать до конца.

— Друг вам не поверил?

— Он попросил придумать что-нибудь пореальнее.

— Вы не обиделись?

— А чего тут обижаться. Я бы тоже так сказал.

— И что было дальше?

— Дальше все начало забываться. Я учился, у меня были свои проблемы. А мир без времени — это же сказка, это сон, очень похожий на действительность, вы меня понимаете?

— Наверное, да, — сказала Калерия.

У нас было выработано соглашение: если мы ведем с кем-нибудь беседу, то вопросы задает Калерия, подает ремарки Калерия. Мы, остальные, — лишь фон разговору. Бывают ситуации, когда, высунувшись не вовремя, можешь все погубить.

— У меня был Люськин телефон, — продолжал Егор. —

Сначала я ей звонил. Ну, вы понимаете... я беспокоился, как у нее дома. Она мне тоже звонила иногда. Раза три. Ничего не просила, так просто звонила, по настроению. Но если спросишь, надо ли помочь, нет ли у тебя неприятностей, она сразу смущалась и говорила — все хорошо, все замечательно, я кончила восемь классов, поступила в техникум, надо ведь иметь специальность? «В какой техникум?» — спросил я, а она сказала: «В книготорговый. Может, это не самая выгодная специальность, но я подумала, тебе понравится, что я поступила в книготорговый. Ты придешь когда-нибудь в «Академкнигу», ученый, бородатый, а я за прилавком стою. Вот обрадуешься...» Я понимал, что с деньгами у нее по-прежнему трудно и мать пьет и водит мужиков. Впрочем, я точно не знаю. Мы не обсуждали. А тут, в прошлом году, мы с ней встретились в метро. Ведь живем неподалеку. Я не узнал ее. Она тогда, в первый раз, была жалкая. Понимаете? А теперь — даже не подумаешь, что ей всего восемнадцать. Я даже не узнал ее. Она ко мне подошла и спросила: «Егор, ты меня забыл?» Тут я узнал и просто ахнул. Я, помню, пошутил, что ей пора устраиваться в фотомодели. Она даже не улыбнулась. Она ведь серьезный человек. Она говорит: «Я техникум кончаю и буду в магазине работать». Как будто это исключало другие занятия. «А что нового?» — спросил я. Она ответила, что ей звонили. Кто звонил? «Наверное, оттуда». Тут я просто остолбенел. Разве можно звонить оттуда? А она говорит, что не уверена, конечно, но кто еще мог звонить?

Егор говорил медленно, тщательно, как на трудном экзамене, стараясь не пропустить ничего важного. Наверное, таких свидетелей ценят в милиции.

...Люся с Егором вышли из метро и сели на лавочку. Они проговорили довольно долго. И Люська рассказала Егору о странных вещах, которые с ней творились.

Наверное, встреча в метро была счастливым случаем. Иначе могло бы статься, что Егор ничего бы не знал о Люське. До сих пор.

В последний год Люська три раза получала по почте денежные переводы. Не очень большие, рублей по сто. Она сначала удивилась, пыталась узнать от кого, но на почте ничего не могли сказать, кроме того, что переводы отправлены с Центрального телеграфа. Она сказала матери, мать взяла деньги себе и сказала, что, наверное, деньги посылает тетя Нюша из Костромы. Ее сестра. Деньги мать пропивала, Люське ничего не доставалось. А потом пришла посылка с вещами, и Люське

страшно влетело от матери. Честное слово — с вещами, очень модными, правда, все коротко и мало. Мать, как увидела посылку, решила, что у Люськи появился мужик. Она все грозилась дочку убить, плакала, что судьба ее наказывает за то, что раньше не была строга и сама не подавала доброго примера. Мать снесла вещи в комиссионку, и оказалось, что они дорогие, дороже, чем они с мамой думали сначала.

Люська ломала голову, кто бы мог быть благодетелем, хоть от него одни неприятности. Она даже позвонила Егору и спросила, как у него жизнь, может, стал богатым. Егор только засмеялся, и по голосу Люська поняла, что он не врет.

И тогда, перебрав всех возможных благодетелей, Люська стала думать о том, другом мире. Ей хотелось посоветоваться с Егором, но она не стала. Тот мир для нее был вроде железной двери в замке Синей Бороды. Войдешь — погибнешь. Тот мир вызывал в ней такой холодный, сжимающий сердце страх, что даже во сне он никогда ей не снился. Мать не знала ничего и даже не замечала, что Люська после того путешествия готова простить ей любую глупость и даже подлость, потому что в нашем мире можно ругаться и потом прощать. Потому что все вокруг меняется и можно ощутить ход времени, как удары пульса. Время тикает, значит, мы живы!

А недавно случилась еще одна неприятность. Она шла домой, и вдруг прямо на улице к ней подошел молодой человек с сумкой через плечо. В руке у него была видеокамера. И он спросил еще издали, так весело спросил:

— Ты — Люся Тихонова?

Люська ничего не заподозрила. Может, из техникума — мало ли кто? Ясный день, метро неподалеку, да и кому она нужна? И тот парень сразу начал ее снимать на видео. Он даже бегал вокруг нее. Люська удивлялась — ну зачем вам? Кто вы такой?

А он смеялся и бегал. Ну не будешь же кричать и звать на помощь, если тебя снимают на видео.

Егор спросил:

— А он говорил что-нибудь?

— Он говорил — какие конечности! Извини, Егор, он так и говорил, и еще говорил — выше грудь, нам нужна грудь... Я подумала, что из журнала.

Люська покраснела и отвернулась.

— Потом он кончил снимать, уже у моего дома, я побежала, он догнал меня в два счета и протянул визитную карточку.

«Всегда к вашим услугам». И снова принялся хохотать. Такой вот попался хохотун.

Люська сохранила карточку, отдала Егору, а он ее передал потом Калерии.

Карточка была солидная, на картоне с золотым обрезом:

Фирма «ПОДИУМ»
Мы ищем таланты!
Снимки фотомоделей для иностранных
журналов. Результаты убедительные.
Тел. 238 99 39, 253 00 17.

И наискосок было написано синей пастой: «Спросить Николая».

Калерия спрятала карточку в папку «Л. Тихонова». Это было первое вещественное доказательство...

Правда, карточка ничего не дала. Когда я отыскал этого Николая из «Подиума», тот, непрерывно посмеиваясь, поклялся, что клиент пришел с улицы, заказал пленку, дал адрес и имя девушки, а на следующий день получил кассету и раскланялся. Особых примет не имел.

Егор пытался успокоить Люську. В самом деле, ее, наверное, приметило какое-нибудь агентство. Теперь много агентств. Они ничего дурного не желают, просто хотят заработать свои деньги. Егор говорил и сам себе не верил.

— Может, поклонник? — спросил он неуверенно.

— Может, поклонник, — резко ответила Люська. — И ты знаешь какой.

Егор кинулся отрицать такую возможность. Он так старался уговорить Люську и себя самого, что из того мира никто не может сюда дотянуться. Ведь когда он вернулся, еще долгое время, не признаваясь себе в этом, именно этого и боялся, особенно ночью.

— Нет!

— Ага, догадался! — Люська невесело засмеялась. — А говорил, что не понимаешь.

Конечно же, Егор все понимал и потому тоже испугался.

— А что ему от тебя нужно? — спросил Егор, хоть и не хотел задавать такого вопроса.

— Меня нужно, разве не понимаешь? — сказала Люська. Даже со злостью.

— Но это же так, пустые слова, кошмар какой-то.

— Я тоже себя уговариваю, что пустые слова, что совпадения. Егор, давай уедем, а?

— Ну что ты говоришь!

— Не бойся, я пошутила. Только ты меня пойми — на всем свете, кроме тебя, нет человека, который не станет смеяться. Мы с тобой как двое сумасшедших. Все знают, что мы сошли с ума, а мы сходимся и говорим между собой — и друг для дружки мы нормальные люди, понимаешь?

— Да, понимаю.

— Егорушка, он же мне говорил, что отыщет. Что когда я вырасту, он к себе возьмет.

— Нет!

— Они меня, наверное, искали, не сразу нашли. Потом у Пыркина узнали.

— Ты давно этого ждала?

— С самого начала. Я даже думала, как сделать, чтобы не расти. Я два месяца голодала. Зачем же Пыркин сказал?

— А разве он будет молчать, алкоголик старый!..

— А потом деньги начались, посылки. Может, это не приветы от него, а испытание — я или не я?

— Чего они могли добиться таким испытанием?

— Мы с тобой не знаем, как они устроены и кто у них есть на нашем свете.

— Почему ты решила, что у них кто-то есть?

— Они здесь жить не могут — у них крови нет. Они здесь сразу помрут. Но они здесь своих людей имеют.

— А доказательства?

— Помнишь бананы и другие продукты?

— У них могут быть парники.

— Егорушка, миленький, ты же себя пытаешься уговорить. А я уже не пытаюсь. Я только думаю, куда бы скрыться. Ведь сейчас они ему видео отнесли, и он смотрит фильм и решает, взять меня обратно или нет.

— Люська!

— Восемнадцать лет как Люська. И знаю, что мне от них не скрыться. Они как паутиной затянули и наш мир, и тот. И ходят между ними, когда нужно. Мы их не боимся и не замечаем, а они уже все купили и, может быть, хотят превратить и наш мир в такой же, как у них.

— Зачем?

Вопрос застал Люську врасплох. Поэтому она от него просто отмахнулась:

— Откуда мне знать! Мы с тобой даже алгебры не понимаем, а это все, наверное, высшая математика!

Какие-то у них были дела — ведь ехали оба на метро, мо-

жет, даже спешили. И все это забылось. Они вышли на «Парке культуры», пошли через Крымский мост, в парк.

— А тебе не жалко иногда бывает, что мы так мало увидели? — спросил Егор.

— Ты с ума сошел! Мне и того, что я видела, на всю жизнь хватит.

Деревья в парке только начали распускаться. Недалеко от входа молодые ребята из зоопарка, а может, частники показывали обезьяну и медвежонка. Но никто на них не смотрел, потому что погода была плохая, вот-вот ветром пригонит дождик. Дрессировщики ели гамбургеры из кафе, что таилось между деревьями неподалеку, обезьяна клянчила гамбургер, медвежонок встал на задние лапы, канючил, подвывая.

— Вам нельзя, — сказала девушка с белой толстой косой, — вы же не хищники. А мы с Гошей хищники.

Обезьяна поняла, отвернулась и стала чистить банан.

Медвежонок тяжело опустился на зад и опрокинулся на спину.

— Ты голодная? — спросил Егор у Люськи.

Люська спросила: а есть ли у него деньги? У Егора были деньги, в тот день он собирался купить кассету. Им как раз хватило на две банки пива и по шашлыку. Было совсем не холодно. И постепенно они забыли о том мире. Потому что Люська стала рассказывать, как ей было нелегко учиться в техникуме, там все больше подмосковные или даже из беженцев, а она «победила на конкурсе красоты «Мисс Библиография», честное слово!» А Егор рассказал, как ходили в поход на байдарках, летом. На Алтае. Люська вдруг спросила: а девочки с ними ходят?

— В каком смысле? — спросил Егор. Шутка получилась неудачной.

Люська подняла тонкие брови — это было и удивлением и укором.

— Ходят, — сказал Егор. — Они тоже люди.

— Это я понимаю, — сказала Люська и расстроилась.

Потом, когда они вышли на Воробьевы горы, потому что решили вернуться домой пешком, она, прервав какой-то разговор, спросила:

— А у тебя девушка есть?

— Ну как тебе сказать...

— Так и скажи!

— Считается, что есть. Но, честно говоря, я думаю, что нет.

— Врешь, наверное!

— Нет, не вру.

Егор чувствовал, что его превосходство в разговоре пропало. Там, в ином мире, он был лидером, она — девчонкой, о которой надо было заботиться. А сейчас она была не моложе его...

— А ты мне очень нравился, — призналась вдруг Люська. — Ты был моим первым возлюбленным. Не смейся, я говорю в переносном смысле.

— Я не смеюсь, — сказал Егор. — Жалко только.

— Что тебе жалко? — спросила Люська заинтересованно.

— Что все прошло.

— Еще бы! — воскликнула Люська. — Тогда же мне двенадцать лет было. Я ничего в жизни не понимала. А ты был добрый и смелый. И красивый.

— Ясно, — сказал Егор. — Теперь ты прошла огонь, воду и медные трубы, а я стал некрасивым.

— Ты кривляешься, — рассердилась Люська. — И это тебе не идет. Но учти, что женщина в восемнадцать лет равна тридцатилетнему мужчине. По мудрости. Возьми исторические примеры, и ты убедишься. Даже Пушкин на Наталье Гончаровой женился с разрывом в пятнадцать лет. Так что ты для меня мальчишка.

И она рассмеялась, словно одержала над Егором победу.

Егор не обижался. Он постепенно проваливался в сладкую бездну влюбленности, открывая для себя все новые чудеса — чудо ее голоса, чудо ее ресниц, чудо ее родинки на виске, чудо ее пальцев с коротко остриженными ногтями. Егор отдавал себе отчет в том, что с ним происходит, и с некоторым удовольствием наблюдал себя со стороны и даже заметил, что пока он в Люську не влюблялся, то обращал внимание, как ценитель женской красоты, на длину ее ног и форму лодыжек. А теперь, влюбляясь, сразу забыл о формальных признаках красоты. Даже неловко было думать о ногах или груди, почти стыдно, когда она смотрит на тебя слишком внимательно, словно открывает снова твое лицо, и вы встречаетесь взглядами...

Они не заметили, как взялись за руки. Может быть, Егор помогал Люське перепрыгнуть через канаву или лужу, а потом они забыли разъединить руки.

Они дошли до дома, когда уже совсем стемнело. Мелкомелко моросил дождик. Двор был пуст, даже с собаками никто не гулял. Егор довел Люську до подъезда. Они еще стояли и говорили ни о чем, словно оба чего-то ждали. А потом Егор

совершил ошибку. Он захотел поцеловать Люську. У него просто над животом свело от желания поцеловать Люську.

Люська была одного роста с Егором. Она отшатнулась, стала отталкивать его, а он, вместо того чтобы остановиться, стал тянуться к ней и притягивать ее к себе за плечи. Люська вырвалась и отпрыгнула к подъезду.

— Как тебе не стыдно! — сказала она громким шепотом. — Все испортил.

— Я ничего такого не сделал...

Спорить тоже не надо было.

— Все мужчины одинаковы! — сказала Люська. — А ты еще захотел меня на весь дом опозорить.

Дверь подъезда бабахнула.

Егор стоял пристыженный. Получилось глупо.

«Теперь не надо ждать звонка. Все кончилось. Тебе же доверились».

Он шел домой, дождь пошел сильнее и затекал за ворот.

— Тебе же доверились, — ругал себя Егор.

Ему бы не было так неловко, если бы не император того времени, если бы не странные люди, что окружали Люську и пугали ее. И он оказался точно таким же, как они.

Но когда он засыпал в ту ночь, мучаясь раскаянием и страхом, что потерял Люську, он все равно наслаждался памятью о ней.

Конечно же, они не расстались.

Два дня Егор ходил возле телефона. Целых два дня. Он завалил семинар, не поехал к бабушке в Кратово, он был рассеян и снисходителен к человечеству, которое не могло разделить его боли и счастья.

Любовный опыт Егора был невелик. Если не считать поцелуев в подъездах и кратких влюбленностей. В прошлом году его соблазнила мужиковатая, озорная певунья туристических песен Роланда Ким, это было в последний день похода по Карпатам, когда скинулись, на последние деньги набрали дюжину бутылок местного вина, до рассвета пели и Роланда была прекрасна у костра дикой красотой амазонки. Она позвала Егора помочь ей вымыть посуду. Но посуду с собой они не взяли, а пошли далеко по речке и потом стали целоваться и не могли остановиться. Так Егор стал мужчиной. Это было прошедшим летом, и Егор стеснялся признаться однокурсникам, настолько он отстал от остальных. Был еще случай — Регина Окунь с их курса немного ухаживала за ним, потом как-то позвала его домой. Родители как раз уходили в гости, они стали

спешить, будто Егор застал их черт знает за чем. Потом они пили чай с вареньем. Что было дальше, Егор не помнил, но запомнил ее слова: «Ты же тогда на мне не женишься». И он сразу потерял желание овладеть этой полной глазастой отличницей. Потом он сообразил, что и в самом деле его считали в том доме женихом, еще курс — и потом будет уже трудно выдать Регину замуж.

Егору казалось, что он никогда еще так не влюблялся, и это было правдой. Как и любой нормальный юноша, он влюблялся несколько раз и каждый раз думал, что навсегда. Но забывал об этом, как только чувство проходило.

Матери надоело сталкиваться у телефона с Егором. Она сказала ему безжалостно:

— Позвонит она, позвонит, куда денется. Только ты сам первым не звони.

Она оберегала юношескую гордость сына.

После этого Егор, как только дождался, что мать ушла, позвонил Люське сам. Она была дома и подошла сразу. Говорила она таким обыкновенным и равнодушным голосом, что Егор чуть было не бросил трубку. Стоило так переживать и метаться, когда о тебе попросту забыли.

— Как дела в университете? У нас одна девочка за француза собралась замуж, представляешь? Говорят, зима будет снежной, одна женщина есть, она предсказывает природные явления. Ее уже в Организацию Объединенных Наций приглашали для прогноза по озоновым дырам... — И так далее. Светский прием по телефону.

— Я хотел попросить прощения, — сказал Егор.

— Это лишнее. Ты ничего особенного не сделал.

Они еще поговорили и даже не договорились встретиться.

С ужасом Егор понял, что Люська любит кого-то другого, а тот вечер был чистой случайностью.

— Ну, привет, — сказал он.

— Привет, звони.

— Спасибо, обязательно позвоню.

Егор прошел к себе в комнату, бросился на кушетку животом и закрыл глаза. Жизнь прошла неудачно и рано оборвалась.

И тогда, может, через две минуты, а может, через два часа зазвонил телефон. Егору не хотелось подниматься, но телефон звонил настойчиво, словно кто-то был уверен, что он дома.

Это была Люська.

— Ты прости, — сказала она, — только я все эти дни так

ждала, что ты позвонишь, а когда ты позвонил, я испугалась и подумала, что ты нарочно не звонил раньше, чтобы меня подразнить.

— Так уже было, — сказал Егор, неожиданно для себя заходясь глупым хохотом. — Знаешь, что думал джинн?

— Не знаю.

— Первую тысячу лет в бутылке он думал, что озолочу того, кто меня выпустит, вторую тысячу лет он думал — подарю ему жизнь, а третью тысячу думал — убью его первым, а потом примусь за остальных.

— Я... мне не надо было звонить?

— Надо. Ты свободна?

— Я через два часа освобожусь. Ты сможешь к моему дому подойти?

— Да хоть на Луну!

Те два часа оказались невероятно длинными. Егор сначала бродил по квартире в поисках какого-нибудь дела, но, не найдя ни одного достойного занятия, не выдержал и надел куртку. До свидания было еще больше часа, он решил дойти до метро, купить сигарет. А потом обойти квартал вокруг и уничтожить еще пятнадцать минут.

Он вышел к ее двору за час до свидания. Он сел на лавочку под сенью тополей. Отсюда был виден подъезд, в котором жила Люська.

Егор был сказочно счастлив. Больше не надо было ничего говорить. Он любит, и он любим. Как она сказала? «Я все эти дни ждала, что ты позвонишь». Можно эту фразу повторять до самого вечера. Она призналась...

«Конечно, я попрошу прощения за свое поведение». Ему казалось важным, чтобы его простили. Если простит, значит, понимает. Она ведь чуткая! Вот бы кто-нибудь сказал ему шесть лет назад, что он сможет полюбить девочку Люську в клетчатом пальто. Впрочем, тогда он сам считал это слово недопустимым для настоящего мужчины.

Во двор медленно въехал синий «Мерседес». Такого глубокого синего цвета не может быть у дешевой машины. «Мерседес» подобрался к Люськиному подъезду и замер, чуть проехав его. Из «Мерседеса» вышел водитель и принялся протирать щеки машине, затем покатый лоб. Он не спешил. Егору трудно было разглядеть его — метров сто, не меньше, и еще кусты. Сам он нарочно сел так, чтобы его не было видно из окна — он стеснялся показаться смешным. «Ты что там делал внизу, подстерегал меня?» — спросит она с усмешкой.

Из машины вышел второй человек. У него была телефонная трубка. Он придерживал ее у уха, подняв плечо. Он был одет в широкое пальто песочного цвета и в шляпу с прямыми черными полями. А лица его Егор не разглядел.

Егор посмотрел на часы. Оказывается, время, что тянулось так безобразно медленно, вдруг рванулось вперед. Люське было пора выходить. Она опаздывала минут на пятнадцать.

Егор поднялся с лавочки и медленно пошел к ее подъезду, оставаясь скрытым кустами сирени.

Хлопнула дверь. Человек в песочном пальто говорил в трубку сотки. Затем спрятал ее в карман. Что-то сказал водителю. Тот кивнул и продолжал протирать стекло. Пять часов с минутами, на дворе никого не было. С работы начнут возвращаться позже, а школьники уже прошли.

Дверь подъезда резко растворилась, и в ней показалась Люська.

Люська повела головой вокруг, будто надеялась кого-то увидеть. Может быть, Егора?

Егор поднял руку, она должна была его заметить, но в тот момент она смотрела в другую сторону.

Егор хотел было крикнуть ей, что он здесь, но в этот момент человек в песочном пальто сделал большой шаг к трем ступенькам у подъезда — Люська стояла на верхней ступеньке. Он протянул к ней руку, как бы желая помочь ей спуститься. Люська не дала ему руки. Она спросила. Видно, хотела узнать, что он здесь делает. Но Егор мог лишь догадываться — он видел, как прыгнули вверх ее тонкие брови.

Человек в песочном пальто сказал ей что-то спокойное, даже развел руками. Он улыбался.

Егор пошел к ним — оставалось метров пятьдесят.

Люська отмахнулась от человека в песочном пальто и побежала вниз по ступенькам. Она наконец-то увидела Егора и улыбнулась ему.

Но люди у машины Егора не видели — они стояли к нему спиной.

И в тот момент, когда она поравнялась с ними — она успела пробежать всего несколько шагов, — человек в песочном пальто схватил ее так, что она потеряла равновесие и полетела головой вперед. А водитель, кинув тряпку, сделал быстрое движение, открыл дверь, и Люська влетела внутрь машины. Это заняло две секунды, может, три. Егор просто не сообразил, что же произошло.

Он продолжал идти к «Мерседесу», а тот уже взревел, рва-

нул с места, внутри на мгновение мелькнуло белым пятном лицо Люськи, и только тогда Егор побежал к машине. А машина была уже в десяти метрах, в двадцати... в пятидесяти. Она вывернула со двора, и Егор успел увидеть лишь первые три цифры — 002.

Егор побежал за машиной, он выскочил на улицу — конечно же, там никого не было.

Он все еще не верил тому, что произошло.

Он кинулся в подъезд, уговаривая себя, что он ошибся, что это была не Люська, а ее соседка, а может, даже сестра.

Егор знал номер ее квартиры. Он взбежал наверх, позвонил в дверь.

Открыли не сразу. Он уже хотел снова бежать вниз, когда дверь раскрылась. В ней стояла женщина с Люськиным лицом, но страшно поношенным, изрезанным морщинками, с мешками под глазами. Но убери все это — и ты узнаешь Люську.

— Простите, — тупо сказал Егор. — А Люся дома?

— Нет, — сказала Люськина мать. — Она же к тебе на свидание побежала. Неужели разминулись?

И засмеялась, показав плохие зубы.

Она отнеслась к Егору добродушно. Он чуть было не спросил, откуда она знает, что Люська побежала к нему. Но, продолжая улыбаться, Люськина мать захлопнула дверь.

Егор спустился по лестнице и стал смотреть на асфальте — не осталось ли следов от «Мерседеса». Потом увидел тряпку — кусок замши, которым водитель протирал стекло. Егор на всякий случай взял тряпку и сунул в карман куртки. Никаких следов на мокром асфальте, конечно же, не осталось.

Тогда Егор поднялся снова к ее квартире. Он позвонил. Мать не скрывала недовольства.

— Простите, — сказал Егор, — я только один вопрос хотел задать. Ей не звонили перед уходом?

— Звонили, — ответила ее мать. — И странно звонили.

— Почему странно?

— Потому что это был междугородный звонок.

— Спасибо, — сказал Егор. — А что она сказала?

— Что сказала? Ничего не сказала. Да отстань ты от меня, привязался со своими звонками. Лучше за ней беги.

— Я и бегу, — сказал Егор. — Только сначала ее надо найти.

— Найдется.

— Вы хотите сказать, что она взяла трубку и молчала?

— Нет, алекала. Раза три алекнула, а потом сказала, что опять не туда попали.

Только спустившись вниз, Егор понял, что мать сказала правду: у сотки звонок как у междугородки. Правильно, ей звонили от «Мерседеса», проверяли, дома ли она.

Егор понимал, что Люську похитили. Как в боевике. Похитители на «Мерседесе» — не на «Москвиче» же похищать. Какой-то безумный азербайджанец влюбился в нее и решил умыкнуть. И может быть, Люська сама об этом знала и даже участвовала в похищении, а он появился как гром с ясного неба? Может, она даже хотела ему показать, какие у нее крутые друзья. С девушками это бывает — они теряют осторожность.

Почему-то Егор совершенно не связывал исчезновение Люськи с тем миром. Там были велосипедисты на разных колесах, там были призраки и костры для людей, но там не было «Мерседесов».

Он позвонил Люське вечером, попозже. Хоть он себя и успокаивал, что люди так вот не исчезают, но не переставал волноваться, а главное — ревновать.

Мать подошла к телефону.

— Все в порядке, — сказала она, — нашлась твоя Люська. Записку прислала. За город поехала к своим друзьям.

Мать говорила с каким-то торжеством, будто хвасталась друзьями дочери перед Егором.

— Какая записка? — спросил Егор. — По почте?

— Не важно, — сказала мать. — Поздно уже, нормальные люди спать идут.

— А Люся?

— Люся, я так думаю, уже спит. И нас с тобой не спросила.

«Ну и ладно, — сказал себе Егор. — Хватит с меня этой истории. Ну, встретились, погуляли вечер, а человек между тем имеет собственную жизнь».

Ночью Егор спал плохо, просыпался, его подсознание не хотело верить в хороший конец истории. Ему снилось, что он бежит куда-то, хочет спасти Люську и все опаздывает.

И с утра, это уже было в субботу, он снова поехал к ней домой.

Увидев его, мать чуть снова не захлопнула дверь.

— Нам еще Робин Гуда не хватало!

Она была в халате, копна волос сдвинута набок. Она все норовила поставить прическу, укрепленную шпильками, в

вертикальное положение. Щеки у нее были красные и глаза тоже.

— Простите, — сказал Егор, — но я хочу увидеть записку.

— Уходи.

— Я боюсь, как бы чего не случилось.

— Я же сказала!

Он стоял, войдя до половины в дверь, и вытолкнуть его не удавалось.

— Черт с тобой, — сказала мать и пошла по коридору. У двери в комнату она остановилась и приказала: — А ты не входи. Нечего тебе у нас делать.

Егор стоял и ждал. В квартире пахло вчерашним табачным дымом и вчерашней пьянкой. Ему всегда было жалко Люську, которой приходится здесь жить.

Мать с кем-то говорила. Отвечал сонный мужской голос. Потом она вышла, держа записку, как денежку нищему.

— Спасибо, — сказал Егор.

— Ты куда? — спросила мать.

Но он быстро вышел из квартиры и побежал вниз по лестнице. Он боялся расстаться с запиской.

Мать перегнулась через перила лестницы и кричала:

— Ты больше не приходи, слышь, не приходи!

Записка была написана на листке, вырванном из блокнота с листами на пружинке. Хорошая бумага. Как называются такие блокноты? Органайзеры! Почерк был обыкновенный.

«Евдокия! Главное, не беспокойся. Обычная история. Ребята позвали на дачу. Сообщить было некогда. Поехали на машине. А если не приеду на неделе, сообщу по телефону. И не беспокойся.

Люся».

Надо спросить, почему мать Люськи решила, что записка написана ее дочерью. Записка странная. Ну ладно — ведь не убьет же мать его по телефону.

— Это снова я, — заговорил Егор быстро, чтобы мать не успела повесить трубку. — Почему она вас Евдокией называет?

— А как же ей меня называть? — ответила мать. — Меня так зовут. Меня Евдокией крестили. Это уж потом я стала себя Еленой называть, потому что имя Дуся меня не устраивает!

— Значит, мало кто знает...

— Зачем знать? — Мать задумалась. Наверное, она опохмелилась и уже не так злобилась. — Я думаю, она хотела показать, что сама писала. Понимаешь, как условный знак. Кто еще знает, что меня Евдокией зовут? Я прочту записку и пойму — это она писала.

— А разве вы почерка не знаете?

— Почерк! Почерк подделать можно. У девчонок у всех одинаковый почерк. А я сразу поняла, что Люська писала. Я бы от чужого и денег не взяла.

— Какие деньги?

— А никакие! Знаешь что, студент, ты в чужие дела не суйся, а то тебя быстро окоротят.

— Он вам привез деньги?

— Люська мне передала. Стипендию. Она стипендию получила и мне передала. Ясное дело — не чужие! Вместе живем.

— А кто их привез?

— Этот... кто надо, тот и привез!

И больше Егору ничего добиться от этой женщины не удалось.

Он положил записку на свой письменный стол и заставил себя, правда не очень успешно, забыть о Люське и обо всем, что было с ней связано. Весь день ему казалось, что это вот-вот удастся. И тут отец все погубил.

Во всех книгах открытия, которые меняют ход сюжета, положено делать герою. Он должен приглядеться к записке и сделать невероятное открытие: вместо «Австралия» читать «Антарктида».

Но случилось иначе.

Отец потерял кроссворд. Он — безумец по части кроссвордов, он покупает книжечки с кроссвордами у метро, он подписывается на три ненужные газеты и журнал «Смену», а также «Мегаполис-экспресс», в котором кроссворд занимает всю последнюю страницу. Порой он заставляет сражаться с ним членов семьи, но члены семьи старательно избегают таких сражений.

И вот в то утро отец куда-то положил вырезку из газеты с кроссвордом и принялся ее искать по квартире. А в квартире трудно было что-нибудь найти, потому что все жители ее — библиофилы и книжки постепенно выживают хозяев на улицу. Так что отец бродил по квартире и ныл, подозревая, что злопыхатели утащили его ненаглядный кроссворд. Вместо кроссворда он наткнулся на записку от Люськи, которую расстроенный Егор забыл спрятать. Отец взял записку, прочел ее и удивился.

— Самое нелепое послание, которое мне приходилось видеть.

— Какое? — спросил Егор, который тупо сидел у телевизора, все еще находясь в мрачном состоянии духа, и делал вид, что его страшно интересует передача «Наш сад. Хлопоты и заботы».

— Тут тебе записку прислали, судя по почерку — влюбленная девица, которую угнетают родители.

— Какая еще девица?

— Старо как мир, родители не должны догадаться. «Евдокия, главное, не беспокойся...»

— Отец, положи, это мне.

— Знаю, что не мне. Тут же написано, что тебе. Но если ты хотел утаить письмо, надо было прятать в стол. Спрятать за тебя?

— Ладно, оставь где лежит, — сказал Егор.

А так как отец подчинился, он продолжал смотреть в экран, а потом удивился. С чего это отец решил, что записка обращена к нему?

Он встал, подошел к столу, взял листок и прочел его вновь. И надо же — у него будто застило зрение, ничего не увидел.

— Папа, — сказал Егор. — А почему она написана мне?

— Я забыл, как называется этот литературный трюк, — ответил отец, — но любой нормальный человек прочтет первые буквы и увидит...

— Я увидел!

Отец, довольный, засмеялся.

«Егор, спаси», — читалось по первым буквам.

Егор уселся в кресло и принялся проклинать себя — ведь она рисковала, она писала под внимательным взором тех, кто ее похитил... Похитил!

Егор перечитывал записку снова и снова и понимал, что положение, в котором он оказался, — безнадежно.

Получив записку, он продвинулся столь ничтожно, что можно было бы и не видеть этого листка. Нет, ты дурак, Егор! Еще пять минут назад ты вычеркнул из сознания Люську, придумав, что она предала тебя. А ты ведь единственный человек в мире, который поверит ей. А почему?

И тут Егору пришлось смириться с тем, что выкидывало из себя сознание: исчезновение Люськи связано с тем миром. Ведь будь это какое-то любовное приключение, вряд ли она стала бы обращаться за помощью к Егору. Именно к Егору.

И что ты будешь делать? Один? Когда нет своей организации, своей компании.

В понедельник он преодолел стеснительность и пошел в милицию.

В милиции дежурный майор был вежлив, холоден и равнодушен.

— А кем вы ей приходитесь?

— Знакомый.

— Ага, знакомый.

— Но я запомнил первую часть номера машины. Это синий «Меседес».

— Ладно, попросим ее мать прийти с заявлением.

Он мог бы показать записку. Но боялся ее потерять. Майор наверняка отберет записку. Приобщит к делу. Тогда у Егора не останется вообще никаких цепочек, связывающих его с Люськой. Егору казалось, что в самой бумаге, в пасте, которой написана записка, могут таиться ключи к разгадке. Нет, он не отдаст записку милиционеру, который вежливо попрощался с влюбленным мальчишкой. Изменила, ушла, а он безумствует. Ведь мог бы и сказать это открытым текстом, но сдержался, и на том спасибо. Даже улыбка была снисходительной, но не гадкой.

Оставался старый друг Серега.

Старый друг тоже не захотел выходить за пределы разумного. Он, конечно, не знал о путешествии Егора в мир без времени. А не зная и не поверив некогда в неправду, которую придумал Егор, он с тех пор предпочитал не принимать на веру слов Егора.

Сереге Егор показал записку и рассказал об обстоятельствах исчезновения Люськи — оставив в стороне лишь тот мир. Серега записку прочел и спросил, давно ли они с Люсей знакомы?

В вопросе таился подвох. Если ты не поделился со старым другом тем, что у тебя роман, это плохо говорит о твоей искренности.

— Недавно, — ответил Егор. И это было правдой. Когда-то он был знаком с девочкой. Сегодня — совсем с другим человеком.

— Надо обратиться в милицию, — сказал лучший друг.

— Я там был. Меня отпустили домой.

— Она, наверное, скоро вернется.

— Но ты же читать умеешь? Тут написано: «Егор, спаси».

— Пятьдесят процентов за то, что это шутка.

— Прости, что я тебя побеспокоил.

— Егорка, ну пойми, я ничего не могу придумать.

Но через час после того, как Егор ушел от Сереги, тот позвонил ему:

— Ты не помнишь, у меня девушка была? Такая курносая? Тамара.

— Не помню.

— Из НИИ экспертизы! Она мне столько всего рассказывала про свою лабораторию! Еще хорошо, что я скептик. Они берут проблемы, которыми не стал бы заниматься ни один уважающий себя институт.

— Теперь сколько угодно не уважающих себя институтов, — сказал Егор.

— Ты меня не понял! Этот институт — в системе Академии наук. У них в лаборатории шеф — доктор наук, биолог. Ну что тебе стоит — загляни к ним!

— Они по запаху находят преступников?

— Я не знаю, кого и по какому запаху они находят. Но если в твоей речке рыбы нет, то рак становится лососем!

Серега в последнее время приноровился пересказывать народную мудрость собственными словами. Порой получалось забавно.

— Сходи, я тебе Тамаркин телефон дам.

Идти не хотелось. Еще один майор милиции? Но Егор понимал, что записка — серьезное событие.

Он решил: «Пойду посмотрю, что там за люди. Рассказывать им лишнего не буду. Вернее, буду рассказывать только то, что они смогут переварить».

Домашний телефон Тамары был занят два с половиной часа подряд. Егор лежал на диване и читал книгу Шноля «Герои и злодеи российской науки» и через каждые полчаса набирал номер.

Наконец дозвонился.

— Вы долго разговариваете, — упрекнул Егор девушку, которая призналась, что она и есть Тамара.

— Вы ошибаетесь, — ответила Тамара, — я многостаночница. Я провела шесть разговоров, и все короткие, как летний дождь.

Так Егор познакомился с оригинальной манерой изъясняться, свойственной Тамаре.

Тамара отказалась выслушивать проблему Егора до конца, а спросила:

— С вашей точки зрения, нашему институту это по плечу?

Егор спросил, может ли он встретиться с кем-то из научных сотрудников. Он просит помощи в решении сложной проблемы.

— Надеюсь, у вас не сексуальные проблемы? — спросила Тамара. — Мы на них махнули рукой.

— Не бойтесь.

— Тогда встретимся завтра у метро, — сказала Тамара. — В девять тридцать. И вместе опоздаем на работу.

Тамара выговаривала слова значительным, почти дикторским голосом, но неправильно ставила ударения в словах «понять» и «звонить». Видно, приехала в Москву с юга. Все проблемы она была готова решить разом, ей очень хотелось показаться важнее, чем она была на самом деле. Но при том в голосе ее звучало сочувствие ко всем страдающим мужчинам.

К месту свидания у метро Тамара опоздала на двадцать минут. Егор угадал ее издали по умопомрачительной фигуре и походке, которой может позавидовать любая итальянская модель. Простое и милое лицо Тамары было загублено толстым слоем косметики, а ногти были такого цвета, будто их только что сорвали.

— Вот именно таким тебя рисовало мое воображение, — сказала она Егору. — Интеллектуал с гуманитарным уклоном. Такие люди, как ты, одиноки, как паруса в море голубом, читал?

Егор не знал, что Тамара имела обыкновение влюбляться в каждого второго из новых знакомых.

— Вы вернулись из поездки? — спросила она Егора и взяла его под руку.

Он не стал объяснять ей, что вернулся из поездки уже шесть лет назад.

Тамара повлекла Егора к институту, прижимая его руку к своей груди. Она потащила его в парадный подъезд бывшего особняка Гиреевых, а ныне Института экспертизы РАН, мимо проспавшего их появление вахтера Матвеича, по кривым коридорам в нашу лабораторию. Разумеется, сцену встречи Егора с Тамарой я домыслил, но ручаюсь за близость к жизни.

Тамара втолкнула Егора в нашу комнату. Там было тесно — на десяти метрах не разгуляешься — и почти пусто, если не считать приятного вида молодого мужчины с волосами странного, почти платинового цвета, из-за чего этот мужчина везде, от детского дома до мотострелковой роты, получал прозвище Седой.

Этим мужчиной был я, младший научный сотрудник без

степени Георгий Гагарин, подкидыш, названный так в детском приемнике в честь первого покорителя космоса.

— Гарик, — сказала мне Тамара, — познакомься с Егором. Это наша морская свинка, потому что на нем мы, наверное, будем ставить опыты, как Дарвин на собаке.

Высказывание говорило о том, что Тамара стремится к знаниям, но еще не добралась до их сути.

Егор мне приглянулся настолько, что я не стал задавать ему вопросов, а предложил кофе.

Мы не успели толком познакомиться и разговориться, как распахнулась дверь и ворвалась Калерия Петровна.

Слово «ворвалась» к ней не подходит, очевидно, вежливей сказать «впорхнула» или «влетела». Но Калерия — человек размашистый. Она широко шагает, резкими жестами помогает себе в споре, но остается при том человеком крайне сдержанным, воспитанным и располагающим к себе даже самых недоверчивых клиентов.

А если добавить к тому, что Калерия благородно красива, у нее звучный низкий голос и слишком яркие глаза, то неудивительно, что Егор был счастлив излить перед ней свою душу.

После первых же фраз Калерия попросила его остановиться, включила видео, и начался допрос Егора, который продолжался до вечера и занял еще два дня.

Когда Егор, выпотрошенный и даже похудевший, ушел от нас по завершении третьего дня работы, мы начали анализировать услышанное.

Мы с Калерией сидели, обставленные чашками с кофе. Чашками у нас служат пластиковые стаканчики. Тамара где-то раздобыла тысячу штук, и поэтому их не экономили, жили, как американцы.

— Я знаю, с чего начну завтра, — сказал я.

— Правильно, — согласилась Калерия. И я не стал ставить под сомнение, что она правильно прочла мои мысли. Она умела это делать, хотя, что любопытно, начисто не верила в телепатию, телекинез и прочие необъяснимые явления. Она была земной, как патологоанатом.

Но я все равно высказался вслух, потому что надо было проверить на коллегах, правильно ли я все спланировал.

— Лучше всего начинать с «Мерседеса», — решил я. — То, что не удалось сделать Егору, нам нетрудно, правда, Калерия Петровна?

— Я позвоню, — сказала Калерия. — Машина нестандартная. Синий «Мерседес» и три первые цифры номера известны.

— А я пойду в Музыкальный театр, — заявила Тамара, — завтра с утра.

— Ты думаешь, что отверстие в заднике тебя ждет?

— Она права, — сказала Калерия. — Надо поговорить с людьми, узнать, что необычного они замечали там в последние месяцы. А Тамарочка у нас обаятельная.

Калерия тоже была права. Тамарку надо было употреблять на дела, в которых она могла принести как можно меньше вреда.

— Но сначала, — сказала Калерия, — ты, Гарик, зайдешь к Евдокии, то есть к Елене Павловне.

— Ничего она Гарику не скажет, — заявила Тамара. — Но если хотите, я с ней поговорю.

Вулкан извергался прямо у нас в комнате. Глаза Тамары сверкали, ноги кобылицы отбивали чечетку.

Калерия делала вид, что не замечает опасности. Она повернулась к Тамаре и ангельским голосом сообщила ей, что в Детском музыкальном театре ей следует деликатно выяснить, не было ли там замечено странных явлений или людей.

— А ты, — сказала она мне, — попытайся воздействовать на Евдокию с помощью своих методов.

Закончила она так:

— Я с утра отправляюсь на растерзание ученого совета, а Саша Добряк держит оборону в лавке, чтобы никто не утащил у нас стаканчики для кофе.

Я знал, что застану мать Людмилы дома. И, вернее всего, уже восставшей ото сна, так как перед этим я провел целый час, сидя на лавочке рядом с двумя бабушками из того же подъезда. Бабушки были очень разными, одна демократических взглядов, другая хранила партбилет, но в одном бабушки сходились — таким, как Ленка, доверять воспитание ребенка нельзя. Про Люську ничего такого сказать не могут, но она, без сомнения, пойдет по неверному пути матери, потому что носит во-от такие короткие юбки, за ней приезжают на «Мерседесах», и вообще она дома не ночевала.

Я включил свое умение перевоплощаться, и бабушки были уверены в том, что беседовали с пожилым добродушным ветераном.

Приближалось решающее сражение с Люськиной мамашей. Кто ей покажется самым безопасным? Эту проблему мне

нужно было решить поскорее, пока ветеран, которому вслед глядят несколько удивленные бабушки, поднимается по лестнице.

Оставаться ветераном не годится. Ветеранам Евдокия не доверяет. Они наверняка досаждали ей в течение всей ее нескладной жизни, учили жить, вести себя правильно и не шуметь.

Поэтому должен признаться, что Евдокия, открыв дверь, увидела перед собой толстую некрасивую девушку в выпуклых очках, причесанную на прямой пробор, краснощекую и белоглазую.

Девушка же увидела высокую нескладную женщину, темные волосы которой были не чесаны месяца два, а халат столько же не стиран. Зато у этой женщины сохранились чудесные серые, хоть и отягощенные мешками, глаза и странные тонкие брови, живые и подвижные, которые своими элегантными движениями подчеркивали ее слова.

— Ой, простите! — Девушка в очках, видимо, оторопела при виде хозяйки дома, но тут же постаралась взять себя в руки, потому что была существом робким и вежливым, я ее скопировал с Дашеньки Корф с нашего курса, которая хотела выйти замуж, но так и не смогла.

— Тебе чего? — мрачно спросила Евдокия, которая не выспалась и не опохмелилась. Ее можно было понять.

— Простите, а Люся Тихонова здесь живет? — спросил я, то есть Дашенька.

— А что? — Евдокия всю жизнь избегала прямых ответов на прямые вопросы.

— Я с ее курса, — сообщила Дашенька.

— Еще чего? — Евдокия сделала вялую попытку захлопнуть дверь, но Дашенька не позволила.

— А вы ее мама будете? — спросила она. — Такая красивая, ну просто как Люся. Она мне говорила, что на маму похожа, но я даже не представляла, как похожа.

— Разве? — Рука Евдокии сама поднялась, чтобы пригладить волосы. И на лице появилось осмысленное выражение.

Дашенька сделала паузу, чтобы Евдокия могла принять решение.

— А что ты в дверях стоишь? — спросила она. — Ты заходи, только у меня не убрано.

— Ой, что вы! Я здесь постою, — сообщила Дашенька.

Евдокии явно не хотелось разговаривать на лестничной площадке — видно, у нее не сложились добрые отношения с

соседями. Она отступила внутрь квартиры, и Дашеньке пришлось последовать за ней.

Она закрыла дверь и тогда спросила:

— Чего тебе надо? — но уже без злости.

— У нас контрольная послезавтра, — доверительно сообщила Дашенька. — По литературе. А Евгений Тихонович, он страшно строгий, сказал, что все, кто не придет, останется без зачета! Представляете!

Не исключено, что Люся когда-то называла матери имя преподавателя литературы. Но я рассчитывал на то, что мать не очень внимательно следила за успехами дочери.

— Вот я и решила, — сообщила Дашенька, — что просто обязана предупредить. Если она заболела, пускай встает и хоть на ушах ползет, вы меня понимаете? Ведь последний курс, по головке не погладят.

— Ты заходи в комнату, вот тут она живет. — Евдокия провела гостью в меньшую из двух комнат махонькой хрущобы. Здесь обитала Люся. Все тут было спартански просто, словно Люся всем своим существованием подчеркивала несовместимость с матерью, быт которой выражался в страшно захламленном коридоре, кухне, заваленной вещами — от пакетов и бутылок до тряпок, которые могут пригодиться.

На стене в комнатке Люси была лишь фотография «битлов» в черной рамке, а на ученическом столе ровными стопками лежали тетрадки и учебники. Диван был убран — видно, белье на день прятали внутрь его.

Евдокия не пригласила Дашеньку садиться.

— А она сама скоро придет?

— Сегодня ее не будет, — сказала Евдокия. — У родственников она в гостях.

— А к понедельнику она возвратится? Правда?

В голосе Дашеньки звучала страстная надежда как можно скорее вновь увидеть подругу.

— К понедельнику должна вернуться, — сказала Евдокия. — Она и в записке написала, что вернется.

— В записке?

— Она уехала, когда меня дома не было. А записку ее друзья передали.

Больше ничего говорить Евдокия не намеревалась.

Наступила тягостная пауза. Тогда я пошел на крайние меры.

— А кому же я тогда стипендию отдам? — спросила очкастая подруга.

— Какую стипендию?

— Ну, в общем не совсем стипендию, но в прошлый раз, когда стипендию давали, я у нее заняла немного, мне туфли надо было купить. Она ведь такая добрая...

Реакции не последовало.

— Просто не знаю, нужны ли ей деньги. А то бы я еще задержала.

— Не нужны ей, — вырвалось у Евдокии, и она тут же пожалела об оговорке. — Но ты их мне оставь, я ей передам.

— А почему вы думаете, что деньги ей не нужны?

— Потому что...

Ну давай, давай, должна же ты когда-нибудь сказать правду! Ты же переживаешь, ты же не совсем бессердечная, у тебя дочка пропала. Ты хочешь мне все рассказать!

Я глядел на нее в упор и гипнотизировал ее. Если я могу внушить тебе, бедная женщина, что я похож на толстую девушку в длинном платье и очках, то почему бы тебе не рассказать всю правду?

— Даже и не знаю, что тебе сказать, — вздохнула Евдокия. — Ты деньги-то оставь... целее будут.

Я понял, что о деньгах мать не забудет. Я достал бумажку — она вызвала у матери разочарование. Видно, она хотела бы получить больше. Но подарок — всегда подарок. Даже небольшой.

— В самом деле что-то случилось? — спросила Дашенька.

— Уехала она... не видела я их даже. Но Егор, парень из того дома, она с ним ходит, худой такой, длинный, он говорит, что ее ждал «Мерседес».

Разве Егор говорил ей об этом? Впрочем, сейчас не важно. Главное, не прекращать давления.

— А потом этот парень принес записку?

— Принес, только кто принес — не знаю. Может, другой принес, мало ли их — записки носят!

Она была права — теперь все носят записки. Куда ни поглядишь, кто-нибудь записку несет.

Но я не стал перебивать женщину.

— А как он выглядел? — спросила Дашенька, хотя Дашеньку это не должно было касаться.

— Как он выглядел? Да как все теперь выглядят. Плащ такой длинный, почти до земли, косая сажень в плечах, только плечи ватные.

Евдокия засмеялась, и, пока она не повеселилась вволю, пришлось покорно ждать.

— И в шляпе! Представляешь себе, в черной шляпе!

— А лицо какое?

— Какое лицо? Лицо с усами. С черными усами, как у Гитлера, только длиннее.

— Азербайджанец?

— Нет, не черный, наш. Может, украинец. И хакает. Она и сама хакала по-южному, но за собой, видно, не замечала.

— Ну какие-нибудь приметы у того человека были? Может, шрам или одного глаза не хватало?

Дашенька засмеялась. Хотя чего тут смешного?

— Глаза на месте, шрамов нет, только зубы золотые — резцы с обеих сторон, наверное, не москвич, москвичи золотых зубов спереди не ставят, правда?

— Молодой?

— Молодой, молодой, только если ты, девушка, думаешь, что это и есть Люськин хахаль, то ошибаешься. И по той причине, что он как будто приказ выполнял. Только что расписку у меня не потребовал.

— А где эта записка? — спросила Дашенька. — Ее можно увидеть?

— Где записка? А бог ее знает где... Куда-то сунула, на что мне ее держать?

— А что было в записке?

— А тебе зачем знать? — спохватилась Евдокия. — Тебе-то какое дело до чужих записок?

— Ну вы же понимаете, — обиделась Дашенька. — Мне надо знать, когда Люся вернется. В понедельник контрольная по литературе, ее же могут стипендии лишить!

— Какая еще стипендия! — возмутилась Евдокия. — Тут большими деньгами пахнет. И, ох, боюсь я...

Наконец-то она произнесла нормальные слова.

И тогда плюхнулась на Люськин диванчик и заревела.

— И не нужны мне ихние деньги! Неужели мне не понятно? Это деньги откупные! Они у меня ее купить хотят! Может, и в живых ее нету!

Откуда-то из-за пазухи Евдокия вытащила пачку долларов — толстую пачку, стала размахивать ею, но так, чтобы я их не перехватил.

— Я к окну потом подбежала — он в машину садится!

— В «Мерседес»? — заинтересовалась Дашенька.

— Какой еще «Мерседес», бери выше — джип «широкий»!

Я сразу сообразил, что имелся в виду джип «Чероки». Великорусскому языку и «чероки» по плечу.

Больше мне ничего не удалось узнать. Но, по крайней мере, есть джип, есть портрет одного из членов этой компании.

— На словах он ничего не передавал? — спросил я.

— На словах? Конечно же, конечно! Я спросила, как она себя чувствует, — ведь я мать, а не дерьмо собачье!

Дашенька наклонила голову, чтобы не улыбнуться этому трагическому сравнению.

— Я спросила, а он говорит: «Как сыр в масле, мамаша!» Так и сказал. И ушел. Я еще вслед спросила, далеко ли она от Москвы? А он, не оборачиваясь, так хмыкнул и говорит: «А вы с чего решили?» Вот и все.

— Ну, я пошла, — сказала Дашенька. — Я вам позвоню в понедельник, узнаю, придет ли она на контрольную.

— Да что ты с этой контрольной привязалась! — рассердилась Евдокия, провожая гостью.

Теперь можно было ехать в ГАИ.

Подполковнику уже позвонили.

Я прошел к нему в кабинет в скучном доме на Садовом кольце. У него лежала на столе распечатка из компьютера.

— Вам ведь человеческая информация нужна? — спросил подполковник.

У него был вид взяточника и пройдохи. Это ничего не означало. С другой внешностью в ГАИ выживают лишь жулики.

— Да, расскажите, что вам известно.

— Вот именно. Когда нужно — бегут ко мне: Сергей Сергеич, помогите! А как фельетоны писать, то я выгляжу черт знает каким вымогателем.

Может, он думает, что я из газеты? Я не стал спорить — у Калерии и нашего института свои линии связи со всеми, кто может пригодиться.

— Синий «Мерседес» с номером, который вы мне частично передали, зарегистрирован на имя Малкина. Вениамина Малкина. Это вам что-нибудь говорит?

— Он однофамилец певца?

— Это и есть певец, так называемый тяжелый рок. Знаешь? Вот подрастут у тебя детишки, тогда узнаешь, что такое тяжелый рок. Ты женат?

— Нет еще.

— Пропускаешь золотое время, портишь желудок на котлетах.

— Этот «Мерседес» принадлежит певцу Малкину?

— Ах, Веня, Веня, Венечка! Слышал такую песенку — в передаче «Белый попугай» изображали? Он запевал. Любимец молодежи.

— А где живет Малкин?

— Где живет, я не знаю, а вот где прописан — это пожалуйста. Я знаю, что твоя контора глубоко копает. Давно в конторе?

— Второй год, — признался я.

— А платят пристойно?

— Платят недостойно. Мы же в системе Академии наук.

— Зачем вас туда приписали? Только оскорбляют людей. А я думаю, куда бы рвануть отсюда.

Он подвинул мне по столу еще один листочек.

— Спасибо, — сказал я. — У меня к вам один маленький вопрос. Вы уж простите, что я отнимаю ваше время.

— Отнимай, для этого мы тут и посажены.

— У этого Малкина еще машины есть?

— Ну какая у Сергея Сергеевича голова! — радостно сообщил о себе подполковник. — Неужели, думаю, он не спросит о других тачках? Есть у него тачка, записана на директора группы. «Форд-Чероки», черного цвета. Держи все данные. И адрес этого директора. — Он закурил. — Тебе не предлагаю, я противник курения. Пускай старики вымирают. А ты живи.

— Спасибо. Постараюсь.

— Если туда пойдешь, учти: нужна осторожность. У него крутые ребята дежурят. После прошлогодней истории.

— А что за история?

— Не притворяйся, лейтенант, — сказал подполковник и отпустил меня барственным движением руки. Он не сомневался, что нам все известно о певце Малкине.

У двери меня догнало его напутствие:

— Береги себя, сынок. И привет передавай Лукьянычу.

Ну вот, теперь я должен еще знать, кто такой Лукьяныч...

В институт я заходить не стал. Перекусил в пиццерии — дорого и невкусно.

У меня был московский адрес и даже телефон Малкина. Если певец имеет отношение к исчезновению Люси, то, скорее всего, ее скрывают на даче. Дача у него, конечно, есть, но я у гаишника о ней не спросил, да он мог и не знать.

Я позвонил Малкину из автомата.

Никто не подошел.

Тогда я поехал к нему домой.

Это был добротный сталинский дом на проспекте Мира, в котором поселились богатые люди. Перед подъездом высо-

лась груда строительного мусора — в какой-то квартире шел ремонт: она превращалась из коммунального жилья в покои настоящего банкира.

На мое счастье, синий «Мерседес» с нужными номерами мирно стоял в зеленом дворе — вход, конечно, со двора.

Я поднялся на лифте на третий этаж. Позвонил. Никто не открыл.

Я спустился во двор, чтобы подумать на досуге.

И тут во двор въехал джип «широкий».

Ах, как правильно сделала очкастая Дашенька, что заглянула к тетке Евдокии! Теперь она знает о джипе и не пропустит его.

Из джипа медленно вылез мелкий человек в огромном блестящем черном плаще, какие носили во время войны эсэсовские офицеры. На глаза была надвинута черная шляпа с широкими полями. По виду его можно было предположить, что в Москве хлещет дождь. На самом деле был мирный солнечный весенний день.

Кем бы я ни притворился, есть опасность получить от него пулю. Он пуглив, вооружен и потому опасен.

И все же у меня оставался шанс. Дашенька. Дашенька — растяпа куда более безобидная, чем пионер Вася.

Так как у меня была только секунда, чтобы все придумать, я тут же перехватил осторожный взгляд человека в плаще. А он увидел полную девицу в очках, в длинном мешковатом пальто с блокнотом в руке.

Дашенька взмахнула блокнотом, как знаменем, и издали воззвала к человеку в черном плаще:

— Вы Шлягер, я вас знаю! Вы с Малкиным работаете! У меня к вам просьба! Вы меня слышите?

Я был прав, человек в черном плаще оценил Дашеньку как безопасное препятствие.

— Какой я тебе Шлягер, — прошипел он, надвигая еще ниже шляпу.

— Я собираю автографы! — Теперь уже можно было без риска для жизни семенить рядом с тем человеком. — Пожалуйста, я вас умоляю! Ну что вы хотите, я все для вас сделаю. Только пускай автограф будет «Дарье Сулимовой». Вы запомнили? «Дарье Сулимовой, которая готова для вас на все!»

Мы вошли в подъезд. Он впереди на шаг, я чуть сзади.

— Умойся! — приказал мне маленький человек. Глаза у него были темные и окружены темными кругами, как вчерашними синяками. — Не будет тебе автографа.

— Но пожалуйста! — взвыл я, вспомнив волшебное слово. — Пожалуйста, господин Шлягер!

Мы стояли у лифта.

— Откуда ты взяла эту дурацкую кликуху? — удивился мой собеседник. — Какой я тебе Шлягер? Пронькин я, поняла? Андрей Наумович Пронькин.

— Конечно, Андрей Наумович, — согласилась Дашенька. — А вы мне тоже подпишете автограф?

— Я? — Пронькин развеселился и даже не заметил, что открылись двери лифта. — Я покинул среднее образование, когда мне надоело!

Ясное дело — я встретился с большим авторитетом, которого окружающие недостаточно ценили.

— А я думала, что вы тоже артист. Вы такой типичный.

— Думала-передумала.

Пронькин ступил в лифт.

— А можно, я с вами? — спросила Дашенька. — Я на минуточку, только погляжу на Веню — и обратно.

— Чепуха. Нет его дома. Усекла? Его — нет — дома!

— Но я только на минуточку. Вы покажите мне, как он живет, — я прикоснусь. Хорошо? Я вам не помешаю.

— Глупости, — сказал Пронькин. Лифт закрылся и уехал.

Толстая Дашенька побежала пешком на третий этаж и застала Пронькина у двери в квартиру.

— А вот и я! — сообщила Дашенька.

— Сгинь! — приказал Пронькин.

— Ах, да вы что! Вы меня хоть убейте, хоть унижайте — что хотите делайте, но я ужасно настойчивая!

Пронькин сунул руку внутрь плаща, под мышку. По всему судя, он собирался отпугнуть глупую бабу видом пистолета.

— Вы хотите меня застрелить! — в восторге зашлась Дашенька. — Я буду лежать у ваших ног, обливаясь кровью, и окропите мои останки горячими слезами!

Пронькин извлек носовой платок и громко высморкался.

— Я тебя просто с лестницы спущу, — сказал он. — Неужели ты не понимаешь русского языка? Нет Вени. Слинял твой Веня, оставив осиротевшими семью и сотрудников.

— А я? — удивилась Дашенька.

— Ты что?

— А как же я без него? Как же миллионы его поклонников на всем земном шаре?

— Обойдетесь, — сказал Пронькин.

Он достал из кармана ключи. Вот теперь я должен быть внимателен.

Верхний ключ. Финский. Рисунок бородки напоминает пилу без среднего зубца. Размеры... к счастью, у меня фотографическая память. Но не в переносном смысле, а в самом обыкновенном.

Ключ сфотографирован.

Нижний ключ. Обыкновенный, французский.

— Ты еще здесь? — грозно спросил Пронькин. — Я ведь не посмотрю, что ты баба.

Всхлипнув, несчастная Дашенька побрела вниз по лестнице.

Выйдя из подъезда, она пошла быстрее и решительнее... Мне надо было спешить. Мастер, который мог сделать ключ по рисунку, — не такое уж обыкновенное явление. Это в первую очередь наш институтский слесарь. Вернее, младший научный сотрудник института Романюк Ирина Георгиевна.

Ирка только что пришла с обеда, и ей не хотелось работать.

— Опять в нашей лаборатории какой-нибудь уголовщиной занимаетесь? — недружелюбно спросила она.

Ирка была громоздкой бабой, сменила четверых мужей, которые, как я думаю, сбегали от нее, спасая остатки мужского достоинства.

— Я тут нарисовал, — сказал я. — С размерами. Ты сделай приблизительно, а я потом подгоню по памяти.

— Сейчас, что ли?

— Сейчас, сейчас!

— Ты гонитель. Сбегай пока за сигаретами. «Мальборо». Лицензионные.

Вместо пачки, как Ирка и рассчитывала, я принес блок. А так как я человек педантичный, то после окончания операции представлю заведующей лабораторией подробный отчет о расходах. И попрошу возместить. При моей зарплате я не могу позволить себе такого альтруизма.

При виде блока «Мальборо» Ирка сказала:

— Тогда не уходи.

Она ценила щедрых мужчин.

Большие руки Ирки двигались стремительно, черная вьющаяся прядь упала на щеку.

— Ты вроде не женат? — спросила она.

— Недостоин, — признался я.

— Женись на мне. Если не боишься горячих баб.

— Замучаешь ты меня.

— Зато умрешь от наслаждения. Кто еще так может? Это лучшая смерть для мужчины. Как в бою.

— Я подумаю.

— Думай скорее. Мне Саня Добряк предложение сделал. Но больно уж он хлипок. В первую же ночь перекушу.

Ирка протянула мне первый ключ, еще теплый. Я оглядел его и показал ей, где надо убрать и где подправить.

— Ты гений, — сказала Ирка. — Мы с тобой организовали бы банду — никто бы нас не разоблачил. «Мерседес» бы купили...

— И что вам всем сдался «Мерседес»! — в сердцах сказал я.

— Согласна на «Вольво», — сказала Ирка и захохотала басом.

Мне хотелось побывать в квартире певца Вени до темноты — чтобы не зажигать там света. Я надеялся, что Пронькин в черном плаще не останется там надолго.

Я возвратился в тот двор. Джипа не было. Я позвонил для страховки из автомата. Никто не отозвался. Да я и чувствовал, что квартира пустая. Я иногда чувствую — есть кто-нибудь в помещении или нет. Это еще одно мое полезное качество.

Меня интересовали следы Люськи — привозили ли ее сюда? И зачем вообще она понадобилась рок-звезде? В то время я все же не допускал мысли о том, что ее исчезновение связано с тем миром. Да, я верил Егору, история с «Мерседесом» тоже получила подтверждение. Моему разуму были куда милее версии, скажем, земного происхождения. Разумеется, чудеса на свете бывают, но в конце концов они находят объяснение в пределах здравого смысла, если считать, что здравый смысл — понятие широкое.

Но профессионально я не был подготовлен к решению детективных задач и не мог снять отпечатки пальцев или изучить срезы волос — может быть, стоило подключить к нашим поискам милицию? Впрочем, разумнее действовать в пределах своих возможностей. У Шерлока Холмса не было отпечатков пальцев. Он упрямо не признавал дактилоскопии, но тем не менее раскрыл массу преступлений.

Допустим, что Люси здесь не было — ее отвезли на дачу, в Кострому, куда угодно. Значит, мне следовало узнать как можно больше о Малкине, чтобы понять, зачем ему надо было похищать девушку.

Чем дольше я оставался в той квартире, тем более я прихо-

дил к мысли о том, что здесь я не отыщу истинных следов Малкина. Квартира еще не была достаточно обжита, в ней не было забытых уголков и заповедных мест.

Она была сродни гостиничному номеру. Впрочем, я мог ошибаться — цирковые и эстрадные люди порой настолько привыкают жить по гостиницам и общежитиям, где постоянно приходится срываться с места и перевозить в новое жилище весь свой скарб, что они умудряются прожить всю жизнь без ненужных пустяков, обязательных в обыкновенной квартире.

Хорошо, сказал я себе, что же интересовало Веню Малкина в последние дни его жизни в этой квартире?..

Но почему я говорю о последних днях? Есть лишь одно свидетельство, принадлежащее Пронькину, что Малкин исчез, слинял, не существует в Москве. Но разве не может так случиться, что Малкин сейчас откроет дверь, заявится с гастролей и очень удивится, увидев меня?

Подумав так, я стал прислушиваться, не поворачивается ли в двери ключ.

И это меня спасло.

Ключ повернулся тогда, когда я стоял перед открытым небольшим холодильником, вторым на кухне, в котором хранились лекарства в количестве и разнообразии большем, чем необходимо молодому человеку. Названия некоторых из них были мне совершенно незнакомы, и я решил, что будет разумно запомнить их. Скажи мне, чем ты болеешь, и скажу я, кто ты...

И тут я услышал, как в замке поворачивается ключ.

Как хорошо, что я закрыл за собой дверь на оба ключа. Это дает мне минуту на то, чтобы спрятаться.

Не так легко спрятаться даже в просторной квартире. Голова работает бестолково, взгляд мечется по комнате, ноги мысленно тащат тебя под кровать в спальне, но мне нужно было спрятаться поближе к двери. В случае, если Малкин соберется спать, мне желательно бы выбраться оттуда незамеченным. А лежать под кроватью — не лучшее решение.

Дверь заскрипела, открываясь, — он повернул второй ключ быстрее, чем я рассчитывал.

В тот момент я был в большой комнате.

И мне было некуда спрятаться.

Поэтому я просто залез под рояль. Если бы хозяин дома немного наклонился, ему бы ничего не стоило меня увидеть.

При всех недостатках моего укрытия у него были и достоинства. К примеру — высокая стопка книг. Не дождавшись книжного шкафа, она лежала бруствером между роялем и комнатой. Так что случайно меня увидеть трудно.

Я отполз к стене и свернулся там калачиком. Теперь мне были видны ноги людей, но об их головах я не имел представления.

Ноги протопали по коридору. Затем появились в поле моего зрения. Две пары. Одни в блестящих ботинках, такие, наверное, носят в британской палате лордов. Вторые в грубых пижонских башмаках на толстенной подошве. Ноги в ботинках семенили часто и мелко, ноги в башмаках шагали редко и широко.

— Погоди минутку, — сказал голос Пронькина. Я узнал его сразу. — Сейчас я тебе все покажу.

Они отошли к стене. Пронькин привстал на цыпочки, затем тяжело вздохнул и поставил на пол у стены картину — голландский пейзаж с мельницей и парусником на горизонте. Главное в картине была позолоченная рама. Я эту картину заметил, но как-то не придал значения, полагая, что она часть будущего интерьера.

— Ого, — сказал низкий голос. — Швейцарский?

— Точно не знаю, — ответил Пронькин. — Кажется, японский. Тебе же, Гаврила, лучше знать. Кто из нас специалист?

И тут, даже не видя, что там в стене или на стене под картиной, я догадался, что они разговаривают о сейфе.

— Сможешь? — спросил Пронькин.

— Плевое дело. — Человек в башмаках постучал чем-то по дверце сейфа. Дверца глухо, негромко отозвалась.

— Тогда начинай, — сказал Пронькин.

— Иди кофе свари, — распорядился Гаврила.

Пронькин отправился на кухню.

Человек по имени Гаврила, очевидно слесарь по сейфам, бухнул на пол чемоданчик, какие бывают у водопроводчиков, затертый и потрепанный. Он опустился перед ним на корточки, и теперь — стоило бы ему посмотреть под рояль — он бы меня увидел. К сожалению, я не могу внушить человеку, что меня нет вообще. Не получается. Так что пришлось затаить дыхание и молить небо, чтобы он не поглядел в мою сторону.

Небо смилостивилось.

— Как же ты умудрился ключи потерять? — спросил Гаврила.

— Я же сказал — обокрали. Дачу обокрали, а ключи на даче были.

Гаврила выпрямился.

— Где у тебя штепсель?

— Поищи, — сказал Пронькин. — Я сюда недавно переехал. Сам еще не все знаю.

— Туманный ты человек, — рассмеялся Гаврила. Смеялся он сурово, будто ему и не было смешно, но требовалось издавать определенные звуки.

— Тебе будет заплачено, — сказал Пронькин, возвращаясь в комнату. — Сахар в кофе я положил.

— Ладно, поставь на пианино.

Пронькин подошел к роялю. Мне были видны его сияющие ботинки. На носке я увидел пятнышко. Мне так захотелось его стереть, что я еле удержался.

Башмаки Гаврилы тоже подошли к роялю. Гаврила отхлебнул кофе и сказал:

— Слабо завариваешь.

— Я не знал, как ты любишь.

— Не важно. А что ты из фирмы не вызвал?

— Не хочу чужих людей сюда пускать, — сказал Пронькин.

— Нужные бумаги, говоришь? — Гаврила прошел к стене, затем я увидел, как он включает дрель в штепсель, который был у самого плинтуса. Дрель зажужжала. Сначала низко и ровно, потом взвизгнула, столкнувшись с металлом. Мне казалось, что сейф должен сейчас взвыть от боли.

Когда дрель завизжала, Пронькин отчаянно завопил:

— Нельзя потише? Весь дом перепугаешь!

— Пускай привыкают, — отозвался Гаврила.

Дрель жужжала, Гаврила переступал с ноги на ногу, подбираясь к замку, выискивая в дырке нерв.

— Я не могу, — заявил Пронькин и вышел из комнаты.

Но тут же вернулся, и я понял, что бумаги, забытые в сейфе, слишком ценны, чтобы доверять их слесарю или взломщику.

Мы оба терпели — только мне было труднее, потому что я терпел, скорчившись под роялем, а Пронькин — сидя на диване. Правда, я мог без боязни шевелиться и даже греметь костями, потому что скрежет, стоящий в комнате, мог заглушить даже предсмертные вопли.

Не знаю точно, сколько это продолжалось, — но долго.

В середине операции снизу начали стучать. Но стук лишь придал Пронькину отваги.

— Давай! — крикнул он. — Скорее! Не обращай на них внимания! Быдло собачье!

А потом вдруг скрежет прервался. И стало так тихо, словно

у меня отключили уши. Нет, шум остался — тот шум, что возникает в голове, если ты ушел под воду.

Раздался скрипучий металлический звук, и Пронькин объяснил его для меня:

— Японцы-японцы, а петли не смазаны.

Две пары ног стояли близко от меня, повернутые носками к стене, — рассматривали содержимое сейфа.

— Ну все, — сказал Пронькин — Я тебе благодарен. Понадобишься, позову. Держи. Тут пятьсот, как договаривались.

— Это была предварительная договоренность, — интеллигентно возразил взломщик. — Теперь цена увеличилась вдвое.

— Послушай, Гаврила, — сказал Пронькин. — Я спешу, шеф на даче. Тебе нет смысла портить с нами отношения.

— А вот я и не знаю, с кем рискую испортить отношения, — ответил Гаврила. — Потому что ты мне не нравишься, директор. Все в Москве знают, что Веня уже неделю нигде не возникает.

— Я же сказал — он на даче. Отдыхает. На Валдае.

— Да ты его на Валдай за миллион баксов не затащишь, — рассмеялся Гаврила. — Думай, Пронькин. Вени нет, ты меня срочно тащишь к нему на новую хату — вроде бы ты потерял все ключи. И еще от сейфа. Чудо какое-то — от входной двери ключи не потерял, а от сейфа потерял. К тому же ты предлагаешь мне за работу пятьсот баксов — да когда такие деньги у тебя водились?

— Это не мои деньги, — быстро возразил Пронькин. — Это деньги Вени. Я действую по его распоряжению.

— Ладно, я пошел, — сказал Гаврила. — Но ты знаешь, что я тоже знаю в Москве разных людей и могу позвонить по одному-двум телефонам.

— Нет, — сказал Пронькин, — ты не будешь звонить по телефонам.

Ноги в башмаках стали отступать к двери.

— Ты чего? — сказал Гаврила. Что-то его испугало. — Ну ладно, поговорили, и хватит. Я пошутил, понимаешь, — мне ничего, кроме бабок, не нужно. И гарантирую молчание ягнят. Не бойся, Пронькин.

— К сожалению, я не могу тебя отпустить, — сказал Пронькин. — Я сомневался, а теперь наверняка знаю, что ты продажная тварь, Гаврила. И, может, даже шпион.

— Да кончай ты...

Ноги Гаврилы были уже в дверях. Он давал Пронькину выговориться. Как в кино, где герой по воле автора заставляет

негодяя высказать все свои злодейские мысли, а в последний момент хватает его за горло. Ничего подобного не произошло. Почему-то Гаврила сказал:

— Стрелять нельзя, услышат.

— У меня он тихий, — сказал Пронькин. Затем последовал выстрел, в самом деле негромкий. Гаврила медленно сполз на пол, и я получил редкую возможность разглядеть его вблизи — голова слесаря с черной дыркой над бровью, из которой не вытекало никакой крови, мягко легла у ножки рояля. Глаза были полуоткрыты.

Пронькин начал быстро собираться, что-то засовывать в «дипломат», который лежал, открытый, на стуле. Он невнятно бормотал и в своих движениях по комнате старательно обходил тело слесаря, но так спешил, что невзначай — мне было видно — наткнулся на него и от страха перепрыгнул. Затем побежал из комнаты, вернулся с одеялом, взятым с кровати. Он накрыл одеялом тело слесаря, и, видно, это его успокоило. Движения Пронькина стали более осмысленными.

У меня страшно затекла нога, и я решил повернуть ее — от этого меня пронзила боль, такая, что я чуть не подпрыгнул под роялем. Шума, произведенного мной, оказалось достаточно, чтобы Пронькин замер и стал оглядываться. Мне было видно, как поворачиваются, пританцовывая, его ботинки.

К счастью, заглянуть под рояль он не догадался, а подбежал к окну и стал выяснять, что могло вызвать шум.

Не выяснил, захлопнул «дипломат».

Еще потоптался немного и поспешил прочь из дома.

Мне было слышно, как он собирается в коридоре, наверное, надевает свой блестящий плащ и шляпу. Ну что ж, прощай, Пронькин.

Хлопнула дверь. Проклиная все на свете, я выполз из-под рояля и, распрямившись, на минуту застыл, ожидая, пока кровь снова потечет по сосудам. Но, борясь с болью, я не переставал осматриваться. И тут обнаружил, что дверца сейфа открыта.

Пронькин не считал нужным тратить время на приведение квартиры в порядок. Впрочем, трупам, вокруг которых валяются инструменты для вскрытия сейфа, открытая дверца вполне соответствует. По крайней мере, стороннему наблюдателю ясно, что взломщика застал хозяин дома и убил на месте. В пределах допустимой обороны.

Старательно обойдя накрытый одеялом труп — здесь хозяин дома, убивший взломщика, поступил странно, но пускай в

этом разбирается милиция, — я подошел к сейфу. И правильно сделал, что заглянул туда. Ведь часто люди хранят в сейфах не только деньги, но и вещи куда более ценные.

Я только протянул было руку к сейфу, как остановился и сделал шаг к окну. Называйте это интуицией или присущей мне осторожностью.

Но я выглянул в окно как раз в то мгновение, когда несчастный Пронькин — «дипломат» в руке, шляпа на ушах — вышел из подъезда и направился к своему джипу «широкому».

Погода испортилась, начался дождик, и потому ни одной бабушки на скамеечке у подъезда не оказалось.

Из-за джипа вышел коротко стриженный человек в оливковой куртке, в маленьких круглых очках, которые носят отрицательные негры в американских фильмах, где положительные негры ходят без очков.

Он что-то сказал, Пронькин попытался побежать в сторону, но так как перед этим двигался вперед, то лишь пошатнулся, а человек в куртке несколько раз выстрелил в него.

Пронькин упал.

Человек подошел к Пронькину и выстрелил ему в голову. Пронькин дернулся. Я почему-то подумал, что до выстрела в голову Пронькин был жив, только притворился мертвым, надеясь, что убийца уйдет. Но убийца не ушел.

Человек в очках поднял валявшийся на бурой траве «дипломат» и кинулся к своей машине — черной иностранной акуле, марки которой я не знал.

Там был еще один человек — водитель.

Убийца сел в машину и, перед тем как она рванулась с места, выбросил на траву пистолет.

Машина задом выехала со двора.

Так кончилось мое участие в криминальной разборке.

На балконе в соседнем подъезде появился мужик в халате. Он внимательно разглядывал Пронькина, лежавшего головой в луже. Где-то близко закричала женщина — так громко, что звук голоса пронзил закрытое окно и вызвал у меня укол зубной боли. Теперь они вызовут милицию. У меня есть минута. Вряд ли больше. Я вновь кинулся к сейфу, выхватил оттуда бумаги — их было немного. Не глядя, рассовал их по карманам куртки, застегнул ее уже на пути к двери.

Мне некогда было думать о таких обязательных штуках, как отпечатки пальцев. Я очень надеялся на то, что внимание зрителей приковано к телу Пронькина, убитого во дворе, им некогда смотреть на тех, кто выходит из подъезда.

К сожалению, я был без кепки — не люблю, когда у меня что-то на голове. Так что понадеявшись на свое везение, я вышел из подъезда.

За две минуты, которые я потратил на грабеж сейфа и бегство из квартиры, по крайней мере полдюжины человек успели спуститься, сбежаться, сойтись к трупу. Они оживленно жестикулировали, какая-то женщина сидела на корточках и щупала пульс у убитого Пронькина. Мне надо было уйти так, чтобы не вызвать подозрений. Поэтому я направился к группе людей вокруг трупа и оказался одним из тех, кто туда стекался. Я даже не стал заглядывать через головы зрителей на Пронькина, а сделал вид, что уже насладился зрелищем, и пошел прочь со двора. Никто не смотрел мне вслед.

Когда я вернулся в лабораторию и принялся рассказывать Калерии и Сане Добряку о приключениях, пережитых мной, никто не упал в обморок и не завопил, что теперь не будет спать ночь. Мне просто не поверили. Тогда я потребовал, чтобы Калерия звонила в милицию, потому что я могу описать убийцу Пронькина и — больше того — я свидетель тому, как Пронькин убил слесаря по прозвищу Гаврила.

Вот тут они мне поверили, и Калерия стала нажимать кнопки на своей телефонной книжке, стараясь сообразить, как нам выполнить мой гражданский долг, но не попасть в подозреваемые, не объяснять недоверчивым милиционерам, что я попал в квартиру певца Вени по службе и что вообще бывает такая научно-исследовательская служба, в ходе которой ты лазаешь в пустые квартиры.

В конце концов Калерия ушла в дирекцию, а пока ее не было, примчался Яков Савельевич по прозвищу Воробышек, один из наших медиков, он все делал на лету, такой он был легкий и воздушный.

При виде рецептов, бумаг и медицинских карт, вытащенных мною из сейфа и домашней аптечки, он взлетел над нашей комнатой, покружил в воздухе и, улетая, сообщил, что подробно все расскажет Калерии, когда она найдет для него время, но для моего необразованного сведения он сообщает, что господин Малкин Вениамин Ильич, к сожалению, страдает не только наркоманией, но и самым настоящим СПИДом, причем недавно еще он был всего-навсего вирусоносителем СПИДа, а с недавнего времени, скажем месяц с небольшим

назад, болезнь перешла в активную форму. Есть ли в этом сомнения? Нет, в этом у Яши Воробышка не было сомнений.

Яков Савельевич упорхнул к себе совершать открытия, а мы с Добряком сильно задумались.

Вернулась Калерия. Еще от двери она объявила, что сейчас приедет Миша. Мы ее не услышали — нам не терпелось сообщить ей, какой диагноз поставил знаменитому Вене Малкину наш Яша Воробышек.

Не надо обвинять меня в бессердечности и тупости. Да, я только что был свидетелем смерти двух человек, я видел их трупы. Мне не приходится видеть трупы или насильственные смерти дважды на дню. Даже в нашем больном обществе это бывает не так уж и часто. Больше того, я признаюсь, что боюсь мертвецов, мне и смотреть на них страшно.

Но все, что произошло со мной в квартире Малкина, было кадрами из американского боевика или в крайнем случае из нашего крутого фильма. Ко мне лично это не имело никакого отношения. Это было скорее экзотично, чем страшно. Кроме того, даже в момент стрельбы и смерти мои мысли были заняты другим — как бы меня не обнаружили под роялем, как бы мне успеть заглянуть в открытый сейф и так далее.

Так что можно понять, почему мы с Саней так набросились на Калерию.

— В этом есть связь! — бубнил Добряк. — Ее надо нащупать.

— И нащупывать не надо, — вторил я. — Все ясно.

— Значит, так, — сказала Калерия. — Ты, Гарик, хочешь сказать, что если в том мире время стоит на месте, то там нет и болезней. Но это еще не доказано. Нам надо поговорить на эту тему с Егором.

— Вряд ли он нам скажет что-нибудь еще. Он все рассказал.

— Ну, продолжай, раз ты такой умный.

— Допустим, — сказал я, — что есть некий человек Веня Малкин. По какой-то причине он связан с тем миром — мы же допускаем, что такая связь может существовать...

— Если что-то существует, то это можно использовать в своих интересах, о чем свидетельствует вся история человечества, — сказал Добряк, которому очень хотелось принять участие в научной дискуссии.

— Допустим, — продолжил я, — этот Малкин — их посланец или их агент в нашем мире. У него есть с ними соглашение — он добывает им Люсю Тихонову, а его за это берут в тот

мир, где он отсиживается, ожидая, пока на нашей Земле придумают средство от СПИДа.

— Очень уж литературное построение, — сказала Калерия. — Не исключено, что пропавший Малкин уже сидит в Америке, где его лечат в какой-нибудь дорогой клинике.

— А Люся пирует на даче у своего любовника, — продолжил я таким тоном, чтобы всем стало ясно: от своей версии я не откажусь.

— И зачем тогда убивать? — спросил Добряк, которому моя версия нравилась куда больше, чем банальный отъезд в Штаты.

— Я хотела сказать, что Малкин куда-то уехал, без всякой фантастики, — пояснила Калерия.

— Сейчас еще скажете, что и того мира не существует, — совсем обиделся Добряк.

— Пока не скажу. И не перебивай меня. Итак, Малкин уехал в Америку, но оставил в сейфе какие-то деньги и драгоценности. Пронькин, директор его группы, знал об этом и решил воспользоваться деньгами, полагая, что хозяин уже не вернется.

— А кто тогда его убил? — спросил Добряк,

— Вернее всего, третий человек, который тоже знал о драгоценностях Малкина и не хотел, чтобы Пронькин их украл. Это уже дела уголовные. Но в любом случае тот факт, что у Малкина СПИД, второстепенен.

— Может, Люську уже в Лас-Вегасе надо искать, — вздохнул Добряк. — Продадут ее в дом терпимости, и начнется у нее жизнь, полная удовольствий и приключений.

— Саня, что ты несешь! — воскликнула Калерия.

— Он мечтает попасть в публичный дом, — сказал я. — Но не в качестве случайного гостя.

— Все, — остановила нас Калерия. — Пошутили — и прекратили. Сейчас приедет Миша...

Тут позвонила секретарша директора Елена Ивановна, которая вполне могла руководить институтом не хуже любого академика, но была так добра, что распустила бы институт по домам.

— Лерочка, — сказала Елена Ивановна, — тут к тебе приехал полковник в штатском.

— Откуда вы догадались? — удивилась Калерия.

— Лерочка, вы не представляете, какой у меня богатый жизненный опыт по части полковников в штатском, — засмеялась Елена Ивановна. — Они уединились с шефом в кабинете. Вы заглянете?

— Бегу!

Но прежде чем уйти, Калерия предупредила меня:

— С Мишей будь как на духу... исключая наши служебные тайны.

Она оставила меня в растерянности, потому что я не представлял, в чем заключаются наши служебные тайны, о которых не положено знать полковнику Мише. Или дяде Мише, как его называют сотрудники и (за глаза) я, когда мы встречались с ним в прошлом году.

— У него не появилось чувство юмора? — спросил я.

Лера не ответила.

...Полковник Миша допрашивал меня в пустом кабинете кадровика, который вот уже третий месяц, с тех пор как директор решил сам подбирать кадры, в институте использовали для конфиденциальных встреч и выяснения личных отношений.

Мы сидели по обе стороны оставшегося от многих поколений кадровиков расшатанного канцелярского стола. Под стеклом лежал прошлогодний календарь. Справа на тумбе стоял комнатный сейф, слева кренился шкаф, набитый личными делами и протоколами.

Дядя Миша с последней нашей встречи не изменился. У него было скучное, незапоминающееся лицо. Говорил он тихо, вел себя скромно, но обладал той начальственной жилкой, которая заставляет нас, смертных, отвечать на его вопросы.

Поздоровавшись и спросив меня, не женился ли я, он тут же сказал, что все кассеты с допросами Егора он сегодня ночью просмотрел. Значит, первой служебную тайну выдала сама наша начальница. Я еще не начал участвовать в кровавых разборках, а в каком-то отделе МВД некий дядя Миша не спал, как и положено чекисту, и вслушивался в речи Егора Чехонина.

Впрочем, мне было выгодно, что он в курсе наших дел, — по крайней мере, он сможет понять, почему я оказался в чужой квартире. Я не просил оправданий, но хотел, чтобы меня поняли.

Для этого я несколько подробнее, чем следовало, поведал о том, как сидел под роялем, и постарался внести в рассказ элементы юмора. Но полковнику, как я и опасался, мой юмор не нравился. Он откровенно поморщился, но смолчал.

— Почти все ясно, — сказал дядя Миша, когда я закончил рассказ. — Ключи у тебя были?

Я пожал плечами. Зачем мне ключи?

— И в сейфе ты успел покопаться?

— Там были рецепты, которые я отдал Якову Савельичу. Оказалось, что у Малкина СПИД.

— Как же, слышал, — ответил полковник. Словно речь шла о переходе улицы в неположенном месте.

Мы помолчали.

Потом я спросил:

— А как мне быть со свидетельскими показаниями? Ведь я — свидетель двух убийств.

— Наговоришь на пленку, — сказал дядя Миша. — Больше от тебя ничего не потребуется.

Обнаружилось, что не мы одни разыскивали певца Малкина, который должен был улететь на гастроли в Петербург. Оказывается, он отменил гастроли и объявил всем близким, что уезжает в отпуск. Но затем исчез. Начала беспокоиться его предыдущая жена, живущая на даче в Переделкине. У нее были с бывшим мужем какие-то финансовые дела. Она, не найдя его, обратилась в милицию. Милиция, на горе слесаря и Пронькина, которые в ином случае остались бы живы, не стала торопиться. Милиция никогда не торопится, если к ней обращаются бывшие жены.

Позвонил Яков Воробышек. Он, в отличие от милиции, не терял времени даром. Отыскал врача, который наблюдал певца, и тот категорически отказался признать, что у пациента СПИД. Видно, и певец и врач боялись огласки, хотя наверняка врач нарушал какие-то правила поведения. Под давлением легонького, но настырного, как комар, Якова Савельича лечащий врач признался, что Веня делал анализы на СПИД в Венгрии и Америке, где был на гастролях. Разумеется, Веня страшно переживал и даже собирался покончить с собой. Его карьера стремительно неслась вверх, и к страху смерти у него примешивалось бешенство от бессилия денег — а денег у Вени было много. Не только от выступлений. С доктором, знающим твои самые страшные тайны, пациенты становятся разговорчивы. Веня нашел способ зарабатывать какие-то колоссальные деньги и делал это с одной исключительно целью — купить себе жизнь. Лечащий врач был настроен к этому скептически. Ведь СПИД в последние годы убил таких людей, как Рок Хадсон, Меркьюри или Нуриев, — а уж их к беднякам не отнесешь. Веня все равно утверждал, что за деньги можно купить все, и чем громче он кричал об этом, тем меньше сам в

это верил. Тут наш Воробышек спросил, не был ли певец связан с мафией, с преступным миром. Часто бывает, что мафия любит меценатствовать, а певцам нравится близость к силе, к власти, к преступлению. Чаще всего мафиози отстегивают звездам деньги, спят с ними, но редко допускают до своих дел. Возможно, Веня был связан с мафией, но вряд ли.

А вот в сводке, оставленной полковником Мишей, говорилось иное.

Милиция знала то, что было неведомо корыстному лечащему врачу. Оказывается, Веня Малкин был не одинок. Помимо нескольких жен, которых он подбирал по внешним признакам и выставлял напоказ как часть реквизита, у него был близкий друг, любовник. И притом темная личность с уголовным прошлым и настоящим. Личность эту звали Барбосом (а если нежно, то Барби). Он в юности побывал в борцах вольным и классическим стилем, где познал открытую честную мужскую дружбу и любовь. Веню он любил и берег, был он не только любовником, но и «крышей» певца.

О Пронькине Миша лишь сообщил между прочим, что он близок к Вене, однако в последнее время между ними возникли разногласия, потому что Барбос в сердцах и при свидетелях клялся, что замочит Пронькина, но, видно, Веня его отговорил.

— Значит, остаемся при нашей версии? — спросил Саня. — Малкин рванул в тот мир и захватил с собой Люсю.

— Ты провидец, — сказал я. — А первая версия, как нас учит Агата Кристи, всегда самая неверная. Потому что слишком простая.

— Все гениальное просто, — скромно возразил Саня.

Рабочий день подходил к концу. За окном стало темнеть, и по стеклу поползли прозрачные червяки дождевых капель.

— Что-то Тамара задерживается, — заметила Калерия.

— Она поехала из театра домой, — сказал Саня.

— Она звонила?

— Нет, это моя простая версия.

Добряк пошел пешком — он живет недалеко от института, Калерия подвезла меня, благо крюк невелик, на своей «шестерке».

— Ты позвонишь Тамаре? — спросила она.

— Знаете же, что позвоню.

— Что-то я беспокоюсь, — сказала Калерия.

Как пришел домой, я сразу позвонил Тамаре. Никто не отвечал. За вечер я звонил еще несколько раз. Безрезультатно.

Потом телефон был занят, я было обрадовался, но сообразил, что звоню не я один.

В одиннадцать мне позвонила Калерия:

— Ее нет.

— Знаю.

— Надо будет утром с ней серьезно поговорить, — сказала Калерия. — Что за манера такая — не являться домой допоздна!

Калерия себя успокаивала.

— Может, мне поехать туда?

— Поговорить с ночным сторожем?

— Сам не знаю.

— Иди спать.

— А вы?

— Я тоже буду спать... а может, позвоню Мише. Да, сейчас я позвоню Мише, посоветуюсь с ним, а если все в порядке, то пойду спать.

— Пожалуйста, позвоните мне, — попросил я. — Мне неудобно в такое время поднимать вашу семью.

— Моя семья пока спать не собирается.

Прошел еще час.

Калерия позвонила мне сама.

— Конечно, это глупо, но меня мучают предчувствия. Я звонила Мише. Он проверил по сводкам — существа, подобного нашей Тамаре, в больницы или морги не поступало.

— Это еще ничего не значит, — сказал я неуверенно, чтобы успокоить женщину.

— Я за тобой заеду? — спросила Калерия.

— Я буду ждать внизу, — сказал я.

Было больше одиннадцати. Погода совсем испортилась. Темнота была какая-то осенняя. Фонари в моем переулке взяли, видно, перерыв до утра, машина Калерии медленно приближалась по переулку, светя себе фарами, как человек с фонариком в дремучем лесу.

— Садись сзади, — сказала Калерия.

Там уже сидел дядя Миша.

Он устал и был зол. Он хотел спать, а не разыскивать неразумных девушек.

Но власть Калерии над ним, как и над рядом других людей, была столь велика, что Миша делал вид, будто он всегда по ночам разыскивает чужих сотрудниц.

— Я попросила Мишу, — сказала Калерия, выводя машину на более или менее освещенную улицу, — потому что нас с тобой могут не пустить в театр. А мы должны вести себя деликатно.

Самый деликатный способ — взять с собой полковника милиции, хотел сказать я. Но, естественно, не сказал. Мне в институте еще работать и работать.

— Я представляю, где она находится, — сказала Калерия. — За сценой, среди декораций.

— Разумеется, — сдержанно согласился полковник.

— Но с ней что-то могло случиться.

— Могло, — сказал полковник и потом, чтобы поддержать беседу, спросил: — И давно она в театре?

— Днем поехала.

— И что же она там искала?

— Мы точно не знаем.

— А она знала?

— И она не знала! — сказала Калерия.

Она не издевалась над полковником, и тот, видно, понимал это, но не удержался и фыркнул — отчего я понял, что все-таки у Миши есть чувство юмора.

Конечно, в театре был ночной сторож. Конечно, этот сторож крепко спал и, когда полковник дозвонился до него, вышел встрепанный и безумный, как пушкинский мельник. Миша показал ему свои документы и объяснил, разумная душа, что проводится рейд на наличие в нежилых помещениях бомжей и непрописанных вьетнамцев.

Сторож раздвинул космы, скрывающие его физиономию, как у кавказской овчарки, и обнаружил под ними вполне юное лицо.

— За время дежурства, — обратился к нему Миша, — что делали в театре посторонние люди?

— Это кто же посторонние? — спросил сторож лживым голосом.

Полковник сразу сделал стойку.

— А кто был? — спросил полковник. — А вот это мы и проверим. — Миша повернулся к нам: — Шума не поднимать, не разговаривать. Мы находимся на спецоперации.

— Свет зажигать? — спросил сторож.

На стороже была курточка и джинсы, но во время разговора с нами он извлек откуда-то зеленую форменную фуражку со звездочкой и напялил ее.

— Свет будем зажигать по мере продвижения, — сказал полковник. — Сегодня спектакль был?

— Только утренний, — сказал сторож. — Эпидемия гриппа, понимаете, три исполнителя простудились.

— Когда разошлись актеры и техсостав?

— Ну, в три часа уже никого не было. Нет, Катя Смирнова оставалась еще... Звонила насчет аренды.

— Кто такая?

— Наш администратор.

— Что было потом?

— Потом я заступил.

— И кого увидели?

— Да никого я не видал!

— А что делали?

— Что всегда. Почитал Канта, потом конспектировал Платона. Потом спать лег.

— Про Канта это вы всем проверяющим говорите? — спросил Миша.

Ответ сторожа ему не понравился, может, потому, что он давно не брал в руки Канта и оттого сердился на тех, кто находит время на философию.

— Готовишься в университет? — спросил милиционер.

— Уже выгнали, — ответил сторож.

Сторож мне нравился. Он был человеком независимым.

— Ну пошли, — сказал Миша.

— Куда?

— Гримерные заперты?

— Гримерные заперты, административные помещения заперты — можете проверить: все ключи на доске.

Миша проверил, все ли ключи на месте. Оказалось, что все. Впрочем, это ничего не доказывало.

— Пошли за кулисы, — распорядился Миша.

— А там-то что искать? — спросил сторож.

— Бомжей, — сказал милиционер.

— И охота вам была... — Но сторож уже шел с нами по коридорчику вдоль основного зрительного зала, потом мы прошли узким коридорчиком на сцену.

— Свет! — приказал Миша.

Сторож *включил рубильник.*

Высоко, под самой крышей, зажглись яркие лампы, но свет их еле достигал пола. За кулисами было гулко, пусто и пыльно. Тянуло холодом.

— Никаких странных явлений не наблюдалось? — спросил Миша.

— Каких странных?

— Посторонних людей, предметов?

— Это спрашивайте у администрации, — сказал сторож. — Мне об этом не сообщают.

Мне захотелось задержаться здесь, посмотреть внимательнее — может быть, остались следы. Надо было взять с собой Егора. Он показал бы точное место перехода между мирами.

Милиционер Миша быстро прошел между висящими декорациями в глубину сцены, оказавшейся громадной, как собор.

Миша нигде не задерживался. Мы с Калерией покорно следовали за ним, полагаясь на его умение ловить злоумышленников.

Либо нюх подводил милиционера, либо в самом деле здесь никого не было, но мы прошли все театральное «Зазеркалье», повернули назад, еще раз обыскали кулисы — никого. Даже я уже встревожился.

И тогда Калерия спросила:

— Вы сегодня не видели в театре девушку... молодую женщину, блондинку, крашеную блондинку двадцати шести лет, зовут Тамарой, очень красивые ноги.

— Красивые ноги? — спросил сторож.

Эти слова были рассчитаны лишь на то, чтобы отвлечь наше внимание. Неожиданно сторож рванулся в сторону и исчез в темноте. Лишь кроссовки шаркнули вблизи — и тишина!

— Это еще что означает? — воскликнула Калерия.

— Вернее всего, это означает, что сторож знает куда больше, чем говорит. И дела вашей Тамары плохи! — ответил полковник.

«Может, он оттуда! — подумал я. — Они заподозрили неладное — наша-то красавица всем, наверное, намозолила глаза. И ликвидировали ее».

— Гарик, не отвлекайся на глупости, — сказала Калерия. — Даже мысленно.

— За мной. На цыпочках! — скомандовал Миша. Профессиональная интуиция ему что-то подсказала.

И он кинулся бежать по лестницам, а мы спешили за ним, *запыхавшись и разбивая локти и коленки в темноте.*

Мы бежали по темному узкому коридору. По сторонам угадывались двери.

И вдруг я увидел — как лезвие раскаленной бритвы, как отрезок молнии — свет из-под одной из дверей.

Миша прыгнул к этой двери, рванул ручку, дверь растворилась.

Тамара сидела на узком кожаном диванчике, поджав ноги.

— Ой! — сказала она.

Мы все ввалились в комнату, но милиционер тут же кинулся в коридор и через несколько секунд втолкнул сторожа.

— Что и требовалось доказать, — произнес он.

— Только без рук! — заявила Тамара. — Аркадий ни в чем не виноват. Он мне помогает выполнять задание.

Рядом с диваном стоял низкий столик. На нем две бутылки пива, открытые, пустые, два стакана и что-то в рваной яркой иностранной упаковке.

— Ну, слава богу, — сказала Калерия, садясь на диванчик рядом с Тамарой. — Меня уже ноги не держат.

— А чего такого? — Тамара была растрепана даже больше, чем в обычной жизни. Я подумал, что она старалась быть похожей на сторожа Аркадия.

— Вы о Канте разговаривали? — спросил полковник Миша.

— Да вы что! — возмутилась Тамара. — Я же говорю, что я здесь на задании. А ваш Кант сюда даже не заходил.

Полковник Миша был молод и в штатском, потому Тамара не смогла оказать ему всего уважения, которое положено полковникам.

— Я думаю, что я вам больше не пригожусь, — сказал Миша.

И удивительно — в голосе его не было упрека.

— Я вас подвезу, — предложила Калерия.

— Нет, спасибо, вам же нужно обсудить результаты задания, — сказал полковник и быстро вышел. Калерия не успела его остановить.

— Мы все морги обыскали, — сказала Калерия. У нее был голос мамы, дочка которой вернулась домой под утро.

— Меня в морг калачом не заманишь, — сообщила Тамара, как всегда не к месту используя народную мудрость. — Скажи, Аркадий, разве мы не работали?

— Мы? — Аркадий удивился. У философов не бывает такой легкости мышления, как у проштрафившихся дочек.

— Только я не ходила в эти пыльные трущобы, — сказала Тамара. — Зачем ходить, если Аркадию все равно надо обходить их дозором?

— И чего же вы искали, Аркадий? — спросила Калерия у философа.

— Чужого мужчину, а разве вы не знаете?

— Горю желанием узнать.

Тамара провела ручкой по волосам и смутилась. Раскрыла

сумку, достала щетку и стала приводить себя в порядок, глядясь в круглое зеркальце.

— Тамара предположила, — сообщил нам Аркадий, — что в нашем театре может находиться окно в параллельный мир. Но его сторожит некий человек, чужой для театра, который появляется именно тогда, когда окно должно открыться. Правильно?

— Продолжайте, — сказала Калерия.

— С точки зрения избирательности фатума, — сказал философ, — в том нет ничего интересного и особенного. Я вам должен сказать, что числю себя солипсистом. То есть окружающий мир мне только кажется. Существую в нем только я. Понимаете?

— Чего же не понять? — ответила Калерия. — Это уже со многими случалось.

Философ не уловил иронии и продолжал:

— Разумеется, именно ко мне стягиваются нити всего необычного. Я даже допускаю, что параллельный мир, о котором грезит Тамара, рожден в моем воображении.

— И Тамара? — не удержался я.

— И Тамара, разумеется, и Тамара. Ее функция в моем мире — приносить мне чувственную радость.

— Допрыгалась, — сказала Калерия. — А я думала, что ты у нас лаборанткой работаешь.

— Он же шутит! — возразила Тамара.

— О нет! — с пафосом воскликнул сторож. — Я уже не раз наблюдал, что мое ощущение женского тела не соответствует общепринятому. Я не боюсь обидеть вас, Тамара, но вы были теплой резиновой игрушкой и в то же время рыбкой, которая скачет на сковородке.

— С ума можно сойти, — сказала Калерия. — Как порой мы, женщины, обманываемся в идеале.

— А я его за идеал и не держала! — сказала Тамара. — У нас было соглашение.

Философ горько вздохнул, а Калерия безжалостно заявила:

— Какое счастье, что Тамара вам только кажется, Аркадий. Иначе вы бы на нее обиделись.

— Вот именно, — сказал философ и так энергично взмахнул головой, что космы полностью закрыли его лицо, если не считать покрасневшего кончика носа, пробившегося наружу.

— Так что же с параллельным миром? — спросил я. — Никто не приходил?

— Не время для шуток, — оборвала меня Тамара.

У нас с Тамарой непростые отношения. Когда я впервые

появился в лаборатории, Тамара решила, что я и есть ее долгожданный избранник. И она долго не могла простить мне неверности — то есть внимания к другим девушкам, например к Катрин, которую Тамара полагала слишком высокой, нескладной и неуютной. Сейчас Катрин была в отпуске — сдавала экзамены в аспирантуру. Этого ей тоже простить было нельзя. Как говорит Тамара: «Женщина рождена для счастья с мужчиной, а не с дипломом». Так что, махнув на меня рукой, Тамара все равно не простила мне равнодушия. И при любом удобном случае подчеркивала передо мной свою популярность в мире мужчин.

— Будем собираться? — спросила Калерия. — Время движется к утру. И сторожу спать пора.

— Я никогда не сплю на дежурстве, — сказал Аркадий.

— А зря, — заметила Калерия. — Если этот театр вам только кажется, то какого черта его охранять?

— Правила игры, — ответил Аркадий. — По этим правилам я охраняю театр, а мне дают деньги, чтобы я питался.

— Для меня слишком сложная логика, — сказала Калерия. И обернулась к Тамаре: — Ты привела себя в порядок?

— Я и была в полном порядке, — огрызнулась Тамара. — К тому же на улице темно.

Я решил, что обязательно приду сюда с Егором. Пускай он попытается на месте воспроизвести события.

— Вам можно будет позвонить? — спросил я у Аркадия.

— Зачем? — удивился тот. Голос звучал глухо из-за завесы волос.

— К вопросу о параллельном мире, — сказал я. — Мне хочется поглядеть, где же наши миры соприкасаются.

— Не положено, — ответил Аркадий солдатским голосом.

— Я позвоню и приду, когда здесь будете вы. Другому человеку трудно объяснить...

— Господи! — вдруг рассердился сторож. — Неужели вам не понятно, что, во-первых, у меня нет дома телефона, потому что я веду экономный образ жизни. Во-вторых, никаких параллельных миров нет и быть не может. А вашу девочку я и пальцем не тронул. Если она нимфоманка, то лучше за ней следите.

— Я ухожу, — сказала Тамара. — Меня еще никто так не оскорблял.

Аркадий проводил нас до дверей. Он был надут и официален.

В машине Калерия набросилась на Тамару:

— Ты до сих пор не усвоила такое понятие, как служебная тайна! Нам придется с тобой расстаться. Я представляю, что ты там этому хиппи наговорила!

— Ничего не наговорила. Он же все равно в параллельный мир не поверил, мы с ним по кулисам лазили, а он руки распускал. А я терпела ради пользы дела. У шел оверкам!

— Чего?

— Это английский язык, — сказала Тамара. — И это значит — бороться и искать, найти и не сдаваться. Амундсен.

Сообщив нам такой ворох исторических сведений, Тамара замолчала.

Только у своего дома, выходя из машины, она сказала:

— И все-таки жизнь моя сложилась неудачно. Это так плохо, когда тебя не понимают!

— Число людей, посвященных в наши проблемы, катастрофически увеличивается, — сказала Калерия.

Шел дождик, мостовая поблескивала под светом фар и фонарей. По улице медленно ехала поливальная машина, разбрызгивая вееры воды.

— Наверное, они не успели выполнить зимний план по поливу, — сказала Калерия.

— Нет, — возразил я, — они на сдельщине. Чем больше выльют воды и чем больше посыплют соли, тем скорее уедут отдыхать на Мальорку.

— Ты думаешь, что стоит самому посмотреть за кулисами? — спросила Калерия.

— Да, — ответил я, не удивляясь. Я уже привык не удивляться Калерии.

— Пойдешь с Егором?

По сути дела, мы оказались в тупике. Верили мы Егору или нет, но после взрыва драматических событий, последовавших за исчезновением Люси, наступила гнетущая тишина. В театре Тамара ничего не нашла, певец исчез, директор убит, Барби «ищет милиция».

Поход в театр, который мы с Егором предприняли в понедельник, был данью долгу. Не более того.

— Вы твердите, что надо ждать, — говорил мне Егор. — Но сами знаете, что Малкин уже не вернется. Он скрылся в том мире, прихватив с собой Люську, как плату за вход.

— Вряд ли все так просто, — возразил я. — Если Малкин знал о возможности уйти туда, то, уж наверное, он имел связи с ними раньше. Он — часть какого-то заговора. И ваш опыт, Егор, говорит о том же. Все встречи с ветеранами, сам метод

отправки вас сюда... — Я говорил суконным языком плохого учебника, потому что сказать мне было нечего. Само существование того мира было бредом, и все с ним связанное тоже было бредом. — Неужели ты в самом деле веришь в то, что какой-то там император Киевского вокзала шесть лет ждет, пока вырастет несравненная красавица, а затем говорит какому-то певцу: давай меняться, ты мне девицу, а я тебе время.

— Ага, — сказал Егор, и я понял, что он моих филиппик не слушал. — А Малкин неплохо придумал. Ведь времени там нет. Значит, и болезнь не может развиваться. Там же не умирают от естественных причин. Значит, Малкин решил рискнуть — он спасает свою жизнь и сидит там ровно столько, сколько понадобится времени врачам, чтобы изобрести лекарство от СПИДа. Наивно? А какой у него есть другой выход? Да никакие его деньги, никакая слава не помогут. Люди почище и побогаче его уже отправились к праотцам.

— Очень уж все это по-книжному, — сказал я. — Приключенческий роман. Красавица на далеком берегу, принц, яхта с белыми парусами. Ассоль подрастает и ждет своего принца.

— Я читал, я знаю, — сказал Егор. — Но вы там не были, а я был. И я видел этого императора Киевского вокзала и всю эту нечисть. Я знаю, что они все ненормальные — там нельзя долго оставаться нормальным. Помните, я вам рассказывал, что у них меняется кровь. Через несколько... не знаю, через сколько, но кровь человека изменяется настолько, что он уже не может вернуться. Представляете, Малкин посадил себя в вечную тюрьму. Но я боюсь за Люську...

— И все же у нас нет доказательств, что она именно там, в том мире. Ее могут прятать и здесь. У Малкина и его друга Барби много интересов в нашей действительности.

Мы вышли из метро у Нового цирка, где неподалеку жили Егор и Люся. Дождя не было, но дул пронизывающий ветер, которому удобно было разгуливать, размахивать ручищами на этой гигантской площади над Москвой-рекой. Далеко впереди махал сабелькой коммунистический октябренок Бумбараш. А может, это был Мальчиш-Хорошиш?

Для спектакля было рано, мы специально выбрали такое время. Но в театре был народ. Рабочие разгружали декорации, в зале шла репетиция. За полуоткрытой дверью в кабинетик без надписи на двери низкий голос на одной ноте твердил о том, что такая аренда — не аренда, а грабеж.

— Мы по миру пойдем и станем посмешищем. Другое дело

Ахметов. Ахметов предлагает реальные деньги, а нужно ему всего две комнаты...

— Нет, — ответил интеллигентный голос бывшего актера на ролях профессоров и дружественных коммунистам академиков прошлого. — Ахметову — решительное «нет».

— За этим скрывается подозрительная настойчивость! — прогудела дама и вылетела в коридор.

Это было крупное, гренадерского вида создание, выросшее из юбки и пиджачка. Она была вся надута — что подчеркивалось нелепой одеждой.

— А это еще что такое? Почему посторонние в театре? — зарычала дама при виде нас.

— Не бойтесь. — Я улыбнулся ей самой обворожительной улыбкой, специально отработанной для пожилых дам, находящихся при малой власти. — Мы комиссия из Института физики для проверки акустики помещений. Помните, вам звонили в четверг?

— Мне никто не звонил в четверг! — рявкнула дама, но подобрее. — Мало ли кому здесь звонят в четверг? Вам какие помещения нужны? Где ваша аппаратура?

— Аппаратура будет. Сначала нам следует визуально ознакомиться со сценой и кулисами. Ну, вы понимаете?

— Я ни черта не понимаю! — ответила дама. — Я работаю в театральном искусстве уже тридцать с гаком лет, но еще никогда не видела такого хамского, бессовестного отношения к искусству! Он готов распродать театр оптом и в розницу. Ну нет! Коллектив этого не позволит.

Мы шли рядом. Я не знал расположения комнат, так что не спешил расставаться с дамой, надеясь вытянуть у нее нужную информацию.

— Трудно с деньгами? — спросил я сочувственно.

Егор покорно плелся сзади.

— Не то слово! Буквально не то слово. Приходится сокращать нужных людей.

— Вплоть до сторожей! — поддержал я.

— Со сторожами пока держимся, — сказала дама.

— А у меня здесь знакомый работал. Он ушел из университета и к вам устроился.

— Кем же он был в университете? — спросила дама.

— Студентом, конечно. Студентом-философом.

— Аркадий! — угадала дама. — Такой волосатый, философ. Уволился. Вчера или позавчера. А я, знаете, рада. Ненадеж-

ный человек. Были сигналы, что он водит сюда девиц и вообще здесь бывают люди!

— Но он же ночной сторож! — удивился я. — От кого могли поступать сигналы?

— У нас несколько сторожей, помещения большие, есть ценное оборудование. Но в большинстве своем сторожа — люди пожилые, бывшие военнослужащие. И ваш Аркаша в их среде был белой вороной. Вот они и подсматривали за ним... Странно? Так устроен мир. Борьба за место сторожа при театре! — Дама обернулась ко мне за пониманием.

— Ничего, — сказал Егор раньше, чем я успел его остановить, почувствовав, что сейчас он скажет что-нибудь лишнее. — В концлагере тоже бились за место на верхних нарах.

— Цинизм и спекуляция на прошлом, — сказала дама. — Вот такие, как вы и Аркадий, продали нашу родину.

Я не стал выяснять, кому Егор продал нашу родину, и быстро сказал:

— А у нас в институте сторожа требуются. Мне как раз сегодня наш кадровик говорил. Вы не дадите нам координаты Аркадия?

— По-моему, вы совершенно сошли с ума, — сказала дама. — Почему я, администратор театра, должна помнить адреса бездельников? Обратитесь в отдел кадров. Вот именно! И вообще пришла пора показать документы!

— С удовольствием, — сказал я и вытащил институтское удостоверение. На нем значилось «Институт экспертизы». Попробуй докажи, что в Институте экспертизы не интересуются акустикой.

— Вам дальше по коридору, а потом там будет лестница направо, — сказала дама, с сожалением возвращая мне удостоверение. Она предпочла бы, чтобы я был самозванцем, и тогда она смогла бы отыграться на мне за все неудачно прожитые годы.

Дама удалилась, а Егор сказал:

— Плохо дело. Аркадий ваш, оказывается, и был человек, которого мы искали.

— Может быть, — согласился я.

— А если Тамара провела ночь в его объятиях, — Егору Тамара не нравилась, уж очень откровенно она его игнорировала, — она все ему разболтала. Так что — прости и прощай...

Егор был мрачен. И я понимал его. Ему хотелось выговориться, высказать свои обиды на нас, и я ему не мешал. Мы поднимались по лесенке, и его голос догонял меня:

— Как же можно было посылать сюда глупую телку? — Это был риторический вопрос. — К тому же нимфоманку.

— Пожалуй, ты преувеличиваешь.

Мы вошли в мир закулисья, сам по себе волшебный.

— Я не преувеличиваю. Вы поймите — я же вам рассказал страшную тайну! А вы ничего не поняли. Вы думаете, что это еще одна история про шестиногого теленка. Тут завязаны жизни многих людей. Люськина жизнь, наконец. А вы устами вашей Тамарки излагаете все черт знает кому!

— Мы зайдем в кадры, возьмем его адрес и поговорим. Сегодня же. И ты убедишься, что он уже обо всем забыл.

Ничего из этого не вышло. Мы ничего не отыскали за кулисами, потом прошли в кадры, где сидела молоденькая серьезненькая крольчиха в очках. Мы сказали, что администратор (и тут я ее изобразил — крольчишка чуть не померла со смеху), администраторша сказала, что мы можем взять адрес Аркадия.

— Мы были рады, что он уволился, — пискнула крольчишка, — никакой пользы от него. Одни сигналы. Вы знаете про сигналы?

— А какие?

— Я не записывала и не хранила бумажки. Но были сигналы, что он принимает в служебных комнатах гостей.

Это относилось, в частности, к Тамариному визиту.

— Были сигналы о разговорах и шуме за кулисами — вроде он созывал там целые вечеринки.

Вот это важнее.

— А точнее?

— Точнее не помню.

— А кто донес?

— Молодой человек! — вдруг взъярилась крольчиха — даже показала два верхних резца. — Почему я должна вам докладывать, и я не рассматриваю доносов...

В это время она продолжала перебирать карточки в картотеке. Замерла, замолчала и начала перебирать вновь.

— Странно, — сказала она, — нет его карточки. А там был адрес и телефон. Он где-то под Москвой жил.

Так мы и ушли, потеряв последнюю ниточку, оборвавшуюся по нашей же вине.

Часть III

ЛЮСЯ ТИХОНОВА

Люся как будто спала, но слышала многое из того, что говорили вокруг.

Она понимала, что ее везут в Музыкальный детский театр и оттуда — к императору.

Ей было жалко себя, очень жалко, потому что она уже не вернется домой и никогда... никогда!

Дорога в тот мир была бесконечной, но длина ее была относительной — каждая минута в отдельности была долгой — надо медленно считать до шестидесяти. Но минуты быстро складывались в горку.

Люсю вели, поддерживая под руки. От того, кто шел справа, противно пахло мужскими духами.

Левый мужчина был немыт и болен. Мужчины разговаривали, но Люсе было непонятно о чем. Словно это был близкий вроде польского, но совершенно неразборчивый язык.

Они торопили Люсю, заставляли переставлять ноги, и Люся с неосознанной хитростью поджимала ноги, и им приходилось ее тащить.

Потом они оказались в Музыкальном театре, за кулисами, это она шкурой почувствовала. Надо было позвать Егора, чтобы он помог, ну хотя бы милицию позвал, но языка у Люси не было — ни глаз, ни языка...

На нее пахнуло нутряным холодом тамошнего мира. Он был близок, и никто не хотел помочь ей, всем было не важно — провалится ли она туда навсегда или вырвется. Она пыталась вырваться сама, кто-то дал ей подзатыльник, другой человек выругался.

— Она здесь! — ответил кто-то на вопрос. Вопрос был не слышен, но слова «она здесь» относились к Люсе.

«Нет, — она хотела их обмануть, — я не Люся, я случайно там оказалась». И тут она ухнула в глубокую яму, хотя знала, что это не яма, а туннель... Потом ей захотелось спать.

Она только-только успела заснуть, как ее стали будить.

— Вставай, девочка, — говорил знакомый и вовсе не злой голос. Наверное, говорил Леонид Моисеевич, который не желает ей зла. По крайней мере, он не вымер, как... изношенный стул? Так надо говорить. Ничего, скоро придет Егор, Егор обязательно придет, потому что он все знает. — Придется везти ее на телеге, — сказал Леонид Моисеевич. — Я же не знаю, что за наркотик вы ей дали.

— Мы подождем немного, — произнес глубокий голос Кюхельбекера.

Надо бы с ним поздороваться.

Кто-то засмеялся утробно и монотонно. Кто?

Люся понимала, что приходит в себя — она уже слышала и понимала все, что говорилось вокруг, оставалось лишь открыть глаза и подняться, но не было сил.

— Черт его знает, — произнес незнакомый голос — его владельца Люська чуяла по запаху — больной и нечистый. Он пришел сюда вместе с ней. — Мне не сказали, что там ей вкатили. Какую-то тряпку он ей к носу прижал. Это Пронькина надо спросить.

— Ваш Пронькин далеко, — ответил Кюхельбекер. — Леонид Моисеевич, а нет ли у вас банального нашатыря?

— Нет, Вилли, он весь выдохся, — сказал доктор. Люся обрадовалась, что угадала правильно.

— Зачем вы ее сюда привезли? — спросила молодая женщина. — За что? Разве она вам сделала что-то дурное?

— Это плата за вход, — сказал Кюхельбекер. — Такие подарки дарят всем в этом государстве.

— Я не понимаю, почему вы сейчас шутите. Вы загубили жизнь человеку. Ну что плохого она сделала?

— Законы морали, одинаково порочные во всем мире, у нас здесь отрицательно обнажены, — сказал доктор.

Люся не поняла его. Тот, кто был болен, склонился к ней (запах сразу усилился) и два раза ударил по щекам.

— Постыдитесь, молодой человек! — воскликнул Леонид Моисеевич.

Люся открыла глаза — ей совсем не хотелось, чтобы ее били по щекам.

Над ней наклонился — никогда не поверишь, если не знаешь, — сам Веня Малкин, почти ее кумир.

Нельзя сказать, что он ее главный кумир, Веня Малкин — кумир подростков, так сказать, тинейджер стар. Но еще года два назад Люся отдала бы все, чтобы такой человек дотронулся до ее щеки.

— Ну вот, — сказал Веня Малкин, — притворялась, сука.

Люся постаралась вскочить — это слово обидело ее куда

больше, чем если бы оно вырвалось у матери или материного сожителя, на дворе, на улице, — но не может же Веня Малкин, нежный, ласковый, широкоглазый, сказать такое слово!

Но Веня уже выпрямился и отошел.

И слава богу — исчез запах тления, исходящий от него.

Леонид Моисеевич помог ей сесть. За кулисами было полутемно, горела лишь керосиновая лампа, стоявшая на сцене. Но Люся сразу всех увидела и всех узнала — она как бы вышла из такой беспросветной тьмы, что даже полумрак театра казался почти днем.

Леонид Моисеевич совсем не изменился, да и как он мог измениться? Только халат другой — видно, за шесть лет тот халат он износил. А костюм под халатом и рубашка те же, совсем не износились.

Кюхельбекер стоял за его спиной и чуть улыбался.

— Добро пожаловать, — сказал он, — с нескорым возвращением. Если бы я не знал, кого ждать, я бы тебя никогда не узнал. Ты стала настоящей красавицей. Мы должны отдать должное проницательности императора.

Голос его поднялся, стал громким, но никто не поддержал его.

Справа стояла инвалидная коляска, в ней сидел, склонив голову набок, и дремал дебил — он тоже не изменился. И девушка (как ее звали? Соня? Откуда она это помнит? Конечно же, Соня) держалась за спинку кресла.

— Спасибо, — сказала Люся.

— Ну что вы, зачем вы так, — совсем смутилась Соня. Соня Рабинова.

«Ну вот, я и вернулась! Господи, ну почему я такая несчастная!»

— Почему? — спросила она у доктора. Доктор ответит, если сможет. — За что меня утащили?

— Император, — сказал Леонид Моисеевич, — помнишь, император сказал, что будет тебя ждать.

— Но вы же знаете, что для меня это...

— Не надо, — прервал ее Кюхельбекер. — Не надо, хотя бы потому, что всем одинаково тоскливо. С тобой нам будет веселее. Вот и звезда у нас есть. Обзаводимся интересной молодежью.

Веня Малкин стоял чуть в стороне, сунув пальцы за пояс джинсов.

— А он почему здесь?

— Так надо, — сказал Веня. — Ну что, поехали?

Он был в возбужденном, нетерпеливом состоянии, как человек, решившийся на рискованный поступок и теперь осознавший, что пути назад нет.

Люся видела, как он смотрел на гладкую поверхность кулисы, и понимала, что именно там, в том месте была дверь в ее мир.

— Тогда поехали, — сказал Кюхельбекер, — нас ждут. Зачем нам стоять в этом месте?

Он первым пошел по коридору. Затем доктор, поддерживая за локоть Люську. Веня замыкал шествие, он шагал сразу за коляской, которую толкала Соня Рабинова.

Люся была готова к тому, что идти придется долго, но тут Кюхельбекер толкнул небольшую дверь — оказывается, она вела на хозяйственный двор театра, где стояли прислоненные к забору старые декорации и подрамники для них.

Во дворе их ждала телега, запряженная двумя велосипедистами.

Веня отпрянул при виде этого экипажа, но Люся кивнула велосипедистам. Может, это другие «кони», но все равно ей они знакомы.

— Здравствуй, — откликнулся один из велосипедистов.

— Всех нам не свезти, — сказал другой.

— Я здесь остаюсь, — сказала Соня.

— Я оставлю с тобой одного самокатчика, — сказал Кюхельбекер.

— Не надо, кто меня тронет?.. Нас здесь все боятся.

Доктор помог Люсе влезть на телегу. Впереди был облучок, на него сел Кюхельбекер и рядом с ним Веня Малкин.

— А почему же он тут? — спросила тихонько Люся у доктора, когда телега тронулась. — Сегодня же не Новый год.

— Так же, как многие, — загадочно ответил доктор. — Ты не привезла мне паровозик? Или вагон?

— Леонид Моисеевич, я же не знала, что меня сюда утащут.

— Ну да, конечно же, конечно же. Как я мог... Прости, девочка, это так жестоко! Если бы ты знала, как я их отговаривал! И императора Павла в том числе. Он ведь в принципе незлой человек, но тут уперся — она, говорит, моя последняя любовь. Я ему говорю — зачем же ее губить? А он говорит... — Леонид Моисеевич откашлялся смущенно и закончил: — Он говорит, что мы всегда убиваем тех, кого любим, якобы об этом написал Оскар Уайльд.

— Откуда ему знать Оскара Уайльда? — буркнула Люся.

— Ах, он много читает, ему из библиотек приносят. У нас

здесь много книг, больше чем нужно. А кто читает? Ну я — специальную литературу, стараюсь следить за новинками в кардиологии, ветераны читают партийную литературу. Император читает про любовь... И кто же еще? Ах да, конечно, Соня Рабинова. Ну, она серьезную литературу... Она даже пишет. Когда обживешься у нас, я думаю, что ты с ней подружишься.

Люся сомневалась в том, что подружится здесь с кем бы то ни было.

Она слушала доктора вполуха и думала: «Ведь мы один раз отсюда с Егором ушли. Значит, я уйду снова. Только надо будет попросить Соню Рабинову. Она же знает, у нее есть индикатор».

— Что ты сказала? — спросил доктор.

— Этот... молодой человек... который в кресле — он индикатор, да?

— Индикатор чего?

— Он чувствует, когда открывается переход?

— Знаешь, я никогда туда не хожу. Это для меня неприятное место. К тому же туда ходить строго запрещено. Первое время я просил — может, мне привезут паровоз и вагончики. Но никто обо мне не вспоминает.

— В следующий раз обязательно привезу, — сказала Люся.

— Боюсь, что следующего раза не будет, — сказал доктор.

— В прошлый раз вы тоже так говорили.

— Да, разумеется... Но в прошлый раз тебя отпустили на время.

— На время?

Люся заглянула доктору в глаза. Глаза были живые, черные, блестящие.

— Неужели ты до сих пор не догадалась?

— О чем?

— Ну, вернись к ситуации того времени! Ты понравилась императору. Ты, маленькая девочка. И он хочет полюбить тебя, когда ты созреешь для его любви.

Слова были неприятные, какие-то агрономические — созреешь, сорвут.

— Не догадалась, пускай остается в неведении, — сказал Кюхельбекер с облучка.

— Пускай говорит, — возразил Веня Малкин, обернувшись и словно впервые увидев Люсю.

Конечно же, она видела его только на экране телевизора, он был напудренным и подкрашенным. И казалось, он сейчас

нежно возьмет тебя за руку своими тонкими пальцами и, в своем странном костюме Пьеро с генеральскими эполетами, увлечет тебя в душистый весенний цветущий сад.

А сейчас было видно, что у него серая, нездоровая кожа и опухшие веки — он был куда больше похож на старожилов этого мира, чем на земного певца.

Люся глядела на певца, и в голове двигались мысли.

Господи, вдруг поняла она, ну как же можно было не подумать об этом с самого начала! Ну зачем было ее возвращать домой? Из милости? Из озорства? Чтобы паровозики привезти? Они ведь и не скрывали, они думали, что она понимает. Ну ладно, ей было двенадцать. А теперь-то могла сообразить. И Егору пора было сообразить!

— Если бы они оставили меня здесь, — произнесла Люся, — то я бы никогда не выросла...

— Тебя как рассаду, — сказал Кюхельбекер, — высадили на плодородную грядку. Чтобы собрать урожай, когда ты поспеешь.

«Какой ужас!» — сказали тонкие брови Люси и поднялись полукружьями к волосам.

— Ты в самом деле не догадалась?

— И за мной всегда следили? — спросила Люся.

— Первые годы тебя не трогали, тебе давали расти, а год назад наш друг Малкин получил приказ готовить твое возвращение домой.

— Домой?

— Да, в свой дворец. — Кюхельбекер рассмеялся густым и гулким, как ночной театральный зал, голосом.

Телега выехала на Воробьевское шоссе. Дорога пошла вниз, и стала видна река. Там внизу — бытовка, где она провела первые часы на этой земле.

— Мне нельзя приказать, — сказал Веня Малкин. — Я мог бы всю вашу империю с потрохами купить.

— И не купил, — заметил Кюхельбекер.

— А как Пыркин? — спросила Люся. Чтоб отвлечься. Она же как Веня Малкин. Ею манипулировали, ее пасли, ее держали в теплице — у них всюду свои руки, свои агенты. Если бы догадаться, что не они убежали, а их с Егором отправили наверх, она бы давно уехала из Москвы без следов, найди ее у тетки под Курском — бог с ним, с техникумом, — ищите меня!

Она чуть не произнесла эти слова вслух. И сжалась. Она же сама во всем виновата!

— Пыркин? — спросил доктор. — Я не знаю такого человека, я так редко покидаю столицу.

Люся догадалась, что под столицей доктор имеет в виду Киевский вокзал и его площадь. Такая маленькая столица...

— Пост номер шесть, — сказал Кюхельбекер, — ты меня спрашивай. Я их всех знаю. Пост номер шесть. Пыркин, Партизан и при них женщина...

— Ее оживили?

— Нет, им прислали новую, в последний улов отыскали на Кутузовском проспекте. Она теперь на посту живет.

И тут Люся увидела Пыркина.

Он стоял у дороги спиной к обрыву, приподняв руку.

И бывает же, Люся вдруг испытала радость, хорошую, почти веселую радость — не только от Пыркина, но и оттого, что рядом с ним стоял Жулик и внимательно всматривался... И вдруг кинулся с лаем за телегой, колотя себя хвостом по бокам.

— Жулик! — кричала Люся. — Жулик, ты живой!

— А что же с ним сделается? — Пыркин, прихрамывая, бежал рядом с телегой, тянул руку к Люсе.

Люся попросила Кюхельбекера:

— Остановитесь!

— Нельзя, — сказал Кюхельбекер. — Не положено.

— Глупости! — крикнула Люся. — На одну минутку.

— Начинаются очень опасные места, — сказал Кюхельбекер. — Мы проезжаем их быстро, здесь водятся призраки.

— Какие еще призраки? — капризно спросил Веня. — Давай скорей, это же не Москва, а пустыня какая-то.

— Это теперь ваш дом, господин Малкин, — сказал Кюхельбекер, — другого у вас не будет.

— Будет, — резко сказал Веня. — Я его сделаю.

Люся слышала их перебранку, но видела только Пыркина.

Она дотянулась до его холодных пальцев, но пожать руку не успела, так как Пыркин быстро отставал.

Люся попыталась соскочить с телеги, но Леонид Моисеевич буквально повис на ней, а она была слишком слаба, чтобы вырваться. Видно, еще действовало средство, которым ее оглушил Веня и его сообщники, оставшиеся в Москве.

Телега стучала все быстрее, разгоняясь по Воробьевке, а Пыркин остановился с поднятой рукой.

— Заходи! Выпьем! — кричал он. Потом закашлялся.

Вдруг снова побежал, забыл спросить что-то важное.

— Как Егорка? — услышала она. — Скоро к нам?

— Скоро! — откликнулась Люся. — Очень скоро.

«Он приедет, скоро приедет», — думала она, стараясь не смотреть по сторонам и не видеть редких голых стволов, домов, населенных призраками, серого текучего неба, вечно грозящего несбывшимся дождем.

Навстречу проехал велосипедист, но даже не посмотрел в их сторону. Впереди показался спуск к мосту Окружной дороги.

Люся молчала, зябла. Над головой вели разговор Кюхельбекер с Веней, и Кюхельбекер, как старожил ада, был доволен ролью Вергилия. Ему даже доставляло удовольствие поддразнивать Веню.

— Я понимаю вас, — гудел Кюхельбекер, — в последние дни на том, верхнем свете вы были слишком заняты подготовкой — скорей, скорей... А ваша болезнь в самом деле неизлечима?

— Сейчас не место и не время! — вдруг грозно сказал Веня в лучших традициях Дворянского собрания.

— Вы правы, — мирно согласился Кюхельбекер, — я только хотел подчеркнуть, что коли ваша болезнь так неизлечима, то любая дыра лучше, чем ваш дворец, если в ней можно остаться живым. Вы похожи на смертника, которому только что заменили казнь пожизненным заключением и он идет по коридору к своей новой камере, как на курорт в Мариенбаде...

— Ничего подобного! — сопротивлялся Веня. — Я как хочу, так и решаю!

— Но когда вы входите в камеру, где вам предстоит провести остаток жизни, и видите плохо покрашенные стены, вонючую парашу и тараканов, то вам кажется — лучше уж было кончить жизнь сразу, чем тянуть ее здесь.

— Да помолчи ты! — взвился Веня.

Кюхельбекер вздохнул — видно, решал, как ему реагировать на окрик Малкина. Потом сказал:

— Я мог бы наказать вас, потому что кричать на канцлера суверенного государства недопустимо, тем более что вся ваша дальнейшая жизнь зависит от моего расположения или гнева. Но я решил, что не буду вас наказывать, потому что вы — представитель творческой интеллигенции. У вас разболтаны нервы и никуда не годится психика.

Веня не отвечал.

Спина его была согнута, плечи подняты, словно он прятался от ударов. Он не смотрел по сторонам.

— Ох, как нелегко ему будет здесь, — прошептал Леонид Моисеевич Люсе на ухо, словно она была своей, родной и ей

можно было довериться. А ведь она такая же, как Веня, только, может, без болезни. А какая у него болезнь? Люся не знала об этом. У кого спросить? А вдруг он услышит? Получится неловко.

Путешествие до площади Киевского вокзала заняло более получаса. Велосипедисты утомились, два раза останавливались отдохнуть. Веня спросил Кюхельбекера, а есть ли здесь автомобили. Получив отрицательный ответ, совсем увял.

На площади у вокзала почти ничего не изменилось. Только неподалеку от обгорелого столба она увидела еще два таких же. Значит, казни продолжаются.

На ступеньках у входа в вокзал стояли несколько человек. Впереди пожилой мальчик с гитарой.

Когда телега, развернувшись, остановилась перед ступенями, пожилой мальчик ударил по струнам и завопил старую песню:

— «Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше...»

— «...Ты услышишь, ты услышишь, как веселый барабанщик...» — подхватили остальные.

Зрелище было удручающим, хотя Люсе эти певцы были знакомы с прошлого раза. И она догадалась, что они встречают коллегу, о котором слышали, что он знаменит. А может, кто-нибудь из них успел в предыдущем мире послушать Веню.

— Вылезайте и раздавайте автографы, — посоветовал Кюхельбекер Малкину, перекрывая общий шум.

— Это ко мне? — спросил Веня. И на глазах ожил. Он был вампиром, который питается шумом аплодисментов.

— Наконец-то у вас есть поклонники и в лепрозории, — сказал Кюхельбекер, первым спрыгивая с телеги.

— Он бывает груб, — сказал Леонид Моисеевич.

Доктор хотел помочь Люсе, но она его опередила.

Люся услышала, как один из них сказал, его голос прогудел из-под слишком большой каски:

— Курить хочется, сил нет. Жизнь прошла, а курить хочется.

Певцы оборвали балладу и кинулись жать руку Вене. Толстая девица, закутанная в невероятных размеров павловский платок, протянула ему букет сухих веточек.

— Чем богаты, тем и рады.

Остальные принялись хлопать в ладоши.

Веня принял веточки, улыбался, кланялся, словно сошел со сцены во Дворце съездов.

— Может, сначала доктор вас осмотрит? — спросил Кюхельбекер.

— Только не это! Я же специально убежал от докторов! Я хочу быть молодым и здоровым! — отмахнулся Веня.

Поклонники хлопали в ладоши, а Леонид Моисеевич тихо произнес:

— Ах, как он заблуждается! Ведь боль тоже не знает времени — она может быть вечной. Знаете, что любопытно? Именно на этом построена концепция ада.

— Голова все время кружится, — сказала Люся и оперлась на руку доктора.

— Молодой человек! — закричал Леонид Моисеевич. — Товарищ Малкин! На минутку!

— Что еще?

Веня остановился и настороженно полуобернулся, словно почувствовал неладное.

— Скажите, чем вы отравили Люсю?

— Кого? Ах, эту девочку? Ума не приложу. Спросите у Пронькина. Это мой директор.

И он скрылся в дверях.

— Я думаю, что он и в самом деле ничего не знает.

Кюхельбекер потянулся, как после уютного сна, и сказал:

— Я предупрежу его величество о вашем приезде. А вы подождите там... в зале ожидания.

Затем он обернулся к велосипедистам и велел одному из них отнести на кухню ящик с припасами, привезенными с Земли.

Люся подумала было, что велосипедист и украсть может... И тут же ее охватил ужас: «Ведь им, велосипедистам, как и всем прочим, здесь еда не нужна. Им плевать на бананы. Бананы — это прихоть императора, воображающего, что он может продлить свою настоящую жизнь... А так вот пройдет неделя, другая, и мне тоже станет все равно, есть или не есть, спать или не спать... Я стою сейчас здесь, как человек, которому поставили диагноз, смертельный диагноз, но опухоль или язва во мне еще не болит, она существует, но заболит завтра, и ничем нельзя ее остановить, умалить, отсрочить... Только бы Егор, Егорушка... А что, если он и не знает, что я здесь? Может, он думает, что я уехала куда-то? Или мать не отдала ему записку? Ну не увидел он зова о помощи! Это вероятнее, чем его появление здесь».

Леонид Моисеевич под руку вел ее по ступенькам и вдруг удивился:

— Как вы выросли! А кажется, что мы встречались только вчера.

— Выросла? — Люся вернулась на землю. Она не задумывалась об этом.

— Павел Петрович много раз говорил о вас, — сказал доктор. — Но я был против вашего возвращения.

В зале ожидания было немало народа — видно, знали о ее приезде.

Люся остановилась в дверях вокзала, ожидая, пока глаза привыкнут к сырому полумраку зала.

И в этот момент она увидела ужас в глазах разодетой придворной дамы. Дама запрокинула голову. Другие тоже смотрели вверх, открывали рты, как в замедленной съемке.

Люсю сильно ударили в бок — она потеряла равновесие и упала на каменный пол.

Рядом — совсем рядом — бухнуло нечто настолько мощное, что вздрогнуло все здание.

Когда Люся пришла в себя, вокруг громко кричали. Потом стало больно локтям и коленкам. Кто-то стонал — она обернулась. Доктор лежал рядом — это он ее оттолкнул? Почему?

Чуть дальше лежала расколотая плита, упавшая откуда-то сверху.

— Наверх! — кричал Кюхельбекер. — Скорее!

Велосипедисты пробежали мимо и скрылись в дверях — там, наверное, была лестница.

Господин Дантес, курчавый, изящный, красивый, но весь какой-то смазанный, нечеткий, пытался поднять Люсю.

— Больно же! — Она все же поднялась, и боль от коленки дошла до сердца. — Что с доктором? — спросила она.

Доктор медленно повернулся на спину и открыл глаза.

— Я ушибся, — сказал он.

— Это вы меня толкнули? — Превозмогая боль, Люся присела на корточки рядом с ним.

— Было глупо везти тебя за столько верст и потерять в двух шагах от цели. Император бы мне этого не простил.

— Вы опять шутите, Леонид Моисеевич.

— Как ни странно, я сохранил стремление жить.

Дантес подхватил Люсю под мышки, а доктору приказал:

— Да вставайте вы! Мало ли что они еще сверху свалят. Останетесь на всю жизнь инвалидом.

Люся невольно поглядела наверх. Там было темно.

Плита, хлопнувшись о каменный пол, развалилась на части.

— Точно метили, — сказал Веня, который вернулся, заинтересовавшись, что же происходит.

— Вам сюда нельзя, маэстро, — повторяла толстая дама в шали, — здесь опасно.

— Я сама. — Люся вырвалась из рук Дантеса, пошатнулась, но рядом уже оказался доктор. Поддерживая друг друга, они сделали несколько неверных шагов к стене. Малкин и Дантес следовали за ними. Толпа зрителей замолкла.

Сверху послышался голос Кюхельбекера:

— Они ушли по веревке.

И тогда зрители снова зашумели, заговорили, обсуждая событие — не просто событие, а покушение. Дантес был рядом.

— Вы сможете дойти до императорских покоев? — спросил он.

— Дойду, — сказала Люся, рассматривая джинсы — к счастью, не порвались.

Они пошли рядышком с доктором.

— Я буду у себя, — сказал доктор, — боюсь, не повредил ли я себе ключицу. Знаете, как здесь все заживает...

— Как? — спросил Веня Малкин.

— Никак, — ответил доктор.

— Но ведь и не развиваются... Я имею в виду болезни.

— После приема у императора вы посетите меня, — сказал Леонид Моисеевич. — И мы с вами все обсудим. Все ваши болячки.

— Вам это не по зубам, — ответил Веня, и окружавшие его поклонники загудели.

Леонид Моисеевич пожал плечами, сморщился от боли и сказал Люсе:

— Ты знаешь, где меня найти.

Леонид Моисеевич побрел к своей комнате, никто ему не помог, а Люсю Дантес поволок к императорской приемной, которая располагалась в бывшей комнате милиции — вывеска так и не была снята. Коленка болела. Люся прихрамывала.

Велосипедист, что стоял на часах у двери, распахнул ее.

Оказывается, Люся все позабыла — но возвращение памяти было почти мгновенным.

Она удивилась тому, сколько ковров может уместиться в комнате, и тут же вспомнила, что была в этой комнате шесть лет назад.

А для императора, который сидел в своем кресле и тянул к ней толстые, как у младенца, руки, прошел день... или минута.

Император был счастлив и взволнован.

— Люся! — закричал он, делая попытку встать из кресла и падая в него вновь. — Я все знаю! Это злодейское покушение на жизнь моей невесты, организованное советом ветеранов,

зачтется им. Хватит! Моему терпению пришел конец! Вы их поймали?

— Ловим, — ответил Кюхельбекер, закрывая дверь. В комнате остались лишь он сам, Дантес, Люся и Веня Малкин.

— Эти бесконечные заговоры, эти попытки... Завтра они примутся за меня! Они уже угрожали мне.

— Разумеется, ваше величество, — сказал Кюхельбекер.

— Ну хорошо, хорошо, мы забываем о плохом, мы думаем о будущем, которое озаряется ярким прозрачным светом. Иди ко мне, моя дорогая возлюбленная.

— Павел Петрович, — сказала Люся. — Я уже не девочка, и мне все это не нравится.

Она бы говорила иначе и больше робела, но чертовски болела коленка, ныл локоть, только что ее пытались убить и ранили доктора, единственного здесь, кроме Пыркина, человека, который ей сочувствовал.

— Павел Петрович? Павел Петрович! — Император раскатился смехом, живот, прикрытый халатом, вылезал из-под бронежилета и трепетал, как будто был кисельным. Там, где полы халата разошлись, белели толстые ляжки. — Она помнит, как меня зовут...

Император подмигнул Дантесу и сказал:

— А что, на настоящем этапе мы изберем именно этот способ обращения. Разве не разумно?

— Абсолютно разумно, ваше величество, — ответил Кюхельбекер, опередив Дантеса. Они всегда соперничали — два ближайших сподвижника императора.

— А вас мы будем называть Люси, как прежде, во времена нашей молодости. Ну и как? Сильно я изменился?

— Вы совсем не изменились, — сказала Люси. — Но я предупреждаю вас, что меня утащили против моей воли. Вот этот человек... Малкин?

Веня кивнул, соглашаясь. Он был растерян. Он не ожидал увидеть эту гору жира.

— Малкин отравил меня и утащил. И я сделаю все, чтобы вырваться отсюда.

— Вырваться отсюда, моя крошка, — сказал император, — можно только с моего согласия, а я его, конечно, не дам. И знаешь почему? Потому что я счастлив. Я счастлив совершенно и откровенно, впервые за много лет. Моя мечта свершилась. Ты здесь! Ты — императрица всей Земли. И поэтому я бесконечно благодарен господину Малкину. Чего ты хочешь, Малкин, говори!

Малкин вспыхнул. Такого приема он не ожидал.

— Я же к вам в гости приехал. — Малкин был обижен. — Мне ваши милости, простите, не нужны. Мы с вашим другом все обсудили... — Он показал на Кюхельбекера.

— Кюхля? — удивился толстяк. — Ты что, за моей спиной переговоры ведешь?

— Разве это переговоры? — еще более удивился канцлер. — Молодой человек попросил его укрыть здесь от дурной болезни...

— Почему от дурной? — взвился Малкин.

Кюхельбекер его не слушал.

— Вы знаете, ваше величество, — продолжал он, — насколько мы добры к гостям и как чутко откликаемся на чужие несчастья.

— О да! — поддержал его Дантес.

Они играли с Малкиным, как волчий выводок с тушкой зайца. Люся подумала даже, что они договорились об этом спектакле заранее. Но ей не хотелось выручать Малкина, и она ему не сочувствовала. Певец поступил с ней подло, а подлость не приносит барышей. Это была фраза из какого-то женского романа, она к этой ситуации отлично подходила.

— Я могу дать вам должность, — сказал император. — Как вы смотрите на то, чтобы стать придворным капельмейстером? Правда, оркестра у нас пока нет, но ведь это не важно — вы же не будете петь и плясать. А должность обеспечит вам хорошее место за столом.

— Я ведь тоже могу ответить! — крикнул Малкин. — Мои люди предупреждены! Мы перекрываем канал связи, и вы остаетесь ни с чем! Ясно?

— Человеческая натура — странная штука, — сказал император. — Я убежден, Вениамин Батькович, что ваши адъютанты спят и видят, как вас из дела выкинуть, и сами с удовольствием будут сотрудничать с нами.

— Молодой человек, — посоветовал Кюхельбекер, — примите пост капельмейстера, а то в следующий раз для вас останется лишь место второго альта в нашем несуществующем симфоническом оркестре.

Все трое хозяев захохотали.

— Я вам!.. — воскликнул Малкин. — Я вам покажу!

— Веня, — сказал Кюхельбекер, — прежде чем уйти и поднять народное восстание против нашей деспотии, хорошенько подумай, как плохо жить одному в нашем мире, в котором законы и порядок кончаются примерно в районе Бородинского моста. Смирись...

— И сходи к доктору! — добавил Дантес.

— А пошли вы! — откликнулся Малкин и кинулся к двери.

В комнате воцарилось недолгое молчание.

— Все в порядке, — сказал император. — Его бунт был недолгим и неубедительным.

— Я исхожу из того, что любой бунтовщик может быть опасен, — заметил Кюхельбекер. — Особенно если у него в самом деле прочные позиции в том мире.

— Мой жизненный опыт говорит, — прервал его император, — что, может, в следующий раз, а может, через сеанс люди Малкина или забудут о Вене, или вместо них мы увидим других бандитов. Малкин не первый посредник, с которым мы имеем дело. Далеко не первый...

— Но первый, который оказался у нас. И особенным способом — раньше мы так людей не получали.

— Ну ладно, ладно, поглядим. Дантес, не спускай глаз с Малкина. И если он тебе очень не понравится, ты можешь его ликвидировать.

— Хорошо, — сказал Дантес.

— А меня куда больше беспокоят ветераны. Покушаться на мою невесту в моем дворце — верх наглости! Надо взорвать их гнездо.

— Я подумаю, как лучше сделать, — сказал Кюхельбекер.

И тут же, словно выкинул из головы мелкую заботу, император обернулся к Люсе.

— Ты несчастлива, мое сокровище?

— Конечно, несчастлива, — ответила Люся. — Я от вас уйду.

— Ну хватит, хватит. Сейчас будет пир. Я подготовил пир. Будет наша свадьба.

— Нет, не будет, — сказала Люся.

— Милая, я потратил столько сил, нервов и средств на то, чтобы вырастить тебя, чтобы доставить тебя к нам в целости и сохранности, что ты не сможешь быть неблагодарной. Кюхля, ну скажи ей!

— Людмила, ваше сопротивление бессмысленно, — загудел, словно ветер в высокой печной трубе, Кюхельбекер, — так или иначе вы станете императрицей этого мира, а мы — вашими покорными рабами.

— Это разумно, — поддержал его император.

— Вы сможете вечно править всей Землей.

— Да таких императоров сотни! — сказала Люся.

Это была не ее мысль — как-то раз, разговаривая с Егором, они решили, что из-за отсутствия связи между частями Земли

она, как средневековая Европа, разделена на множество маленьких княжеств и царств, а то и городов, между которыми лишь изредка движутся караваны и бродячие музыканты.

— У вас впереди вечность. — Кюхельбекер не обратил внимания на ее слова. — И вы можете оставить о себе память благодеяниями и святыми делами, а можете стать тираном, деспотом и даже завоевателем этого мира. Мы дарим вам вечность!

— Это я, я дарю вечность! — перебил канцлера император. — Не лезь в мои дела.

— У меня болит локоть и коленка, — сказала Люся. — Мне больно стоять. Я хочу к врачу.

— К Леониду Моисеевичу сейчас нельзя, — сказал Дантес, — у него сейчас пациент — талантливый певец, который приехал с вами.

— Чепуха, — возразила Люся. — Не пойдет к нему Малкин. А доктор расшибся. Он меня спасал и расшибся. Я помогу доктору, а он осмотрит мои раны, — сказала Люся.

— А любовь? — растерянно спросил император. — А свадьба?

— Здоровье дороже, — ответила Люся, — остальное приложится.

«Господи, — подумала она, выходя из приемной императора, — я могу говорить глупости. Мне бы рыдать от бессилия, а я смотрю вокруг, как будто вор, который после недолгих гастролей возвращается в тюрьму и замечает, какие здесь изменения, каких новеньких привезли».

Она шла по залу ожидания, следом шагал Дантес. Толпа придворных, плотно стоявшая у дверей, раздвинулась, но без испуга и спешки. Какие-то люди здоровались с ней, кто-то даже похлопал по плечу так, что больно отдалось в руке.

Но лиц Люся не различала.

В дальней стороне зала накрывали на стол, шумели стульями, звякали тарелками.

Люся вошла в кабинет Леонида Моисеевича, уверенная в том, что он там один. И оказалась права.

Леонид Моисеевич, голый по пояс, в старых, порванных сбоку по шву брюках, сидел на больничной койке. Он простукивал себе грудь, прижав расставленные пальцы к коже и постукивая по ним костяшками пальцев другой руки.

— Это я, Люся, — сказала она, входя.

— Заходи. Я сейчас кончу себя осматривать и примусь за тебя, Люся, — сказал доктор.

— Я вам не нужен? — спросил Дантес, который остановился в дверях.

— Иди, иди, не оставляй нашего возлюбленного императора, — сказал доктор, и Дантес тут же ушел, прикрыв за собой дверь. — Беда в том, что все ткани здесь очень медленно восстанавливаются, — посетовал доктор. — Да и как им восстанавливаться, если организм существует как замкнутая система — ни черта не получает и не отдает. Нам даже общественные уборные не нужны, представляете?

— Я об этом не думала, — сказала Люся.

— Не куксись, — заметил ее состояние доктор. — Мы с тобой ничего не изменим. Считай, что мы умерли безболезненно.

— Я все равно уйду, — сказала Люся, глядя в пол. В углу лежали кучкой остатки растоптанной железной дороги. Неужели столько времени никто здесь не убирался? Уроды!

И она повторила вслух:

— Уроды!

— Значит, мы недостойны иного мира. — Доктор поморщился — ему было больно. — Ведь мы его выбрали. А потом уж он нас выбрал.

— Меня украли!

— Сначала ты ушла сюда добровольно.

— Я была девочкой, маленькой девочкой, ну что я понимала!

— У меня есть эластичный бинт, — сказал доктор. — Помоги мне обмотать грудь. Вон там, на полочке...

— Зачем им меня убивать? — спросила Люся. — Мне никто не сказал. Все делают вид, что это у вас обыкновенное дело.

— Это ветераны. Неужели тебе Егор о них не рассказывал?

— А что он должен был рассказывать?

— В свое время мне говорили, что он был у них.

Егор и в самом деле не рассказывал Люсе о ветеранах и своем плене в подземелье. Для него это было слишком далеким и в то же время неприятным воспоминанием.

— Я тебе потом расскажу, обязательно, — пообещал доктор.

Люся принялась перевязывать ему ребра. Доктор терпел. Только раз сказал:

— Дышать больно.

Потом он промыл ссадину на локте Люси, коленку она только ушибла.

— А почему здесь Веня Малкин? — спросила Люся. — Я так

удивилась, вы не представляете. Он же такой... от него девчонки тащатся.

— Что? — спросил доктор.

— Это слово такое. При вас не было. А почему он здесь? Что за болезнь у него?

— Он неизлечимо болен и будет жить здесь, пока не найдут средство от его болезни.

— Неизлечимо? — насторожилась Люська. — А как болезнь называется?

— Я с ней не сталкивался. Только в прессе, — сказал Леонид Моисеевич. — Это иммунодефицит.

— Не знаю такой болезни.

— Она еще называется СПИДом.

— Так он здесь всех перезаразит! Это ужасная болезнь!

— Болезнь передается только через кровь, — ответил доктор. — Я проверял по литературе. К тому же здесь нельзя заразиться...

— Почему же?

— Любые болезнетворные вирусы и микробы быстро теряют здесь вирулентность. То есть становятся нейтральными.

— Быстро — это же не сразу, — возразила Люся. — Он успеет... Но вообще-то какой ужас! Он голубой, наверное?

— Голубой?

Но Люся не стала объяснять, ей показалось неприличным и даже стыдным говорить о таких вещах. Доктор и не приставал.

Надо будет подальше от него... Мало ли что говорили, что через зубных врачей передается. И при переливании крови.

— При переливании крови передается, — сказала Люся.

— А что и кому мы будем переливать? — спросил доктор. — Наша с тобой кровь несовместима. Стоит сделать переливание — сразу умрешь.

— Почему вы так уверены? Кто у вас умер? — спросила Люся.

— Никакой тайны здесь нет, — сказал доктор. — Наш император сначала решил, что если ему будут переливать кровь новеньких жителей нашего королевства, то и его кровь сохранится. Но сначала я сделал опыт... Тут появилась кошка. Она умерла.

— Кошки одно, а люди другое, — сказала Люська.

Доктор не стал отвечать, а почему-то отошел к шкафчикам с приборами и, достав градусник, стал встряхивать его.

— Хочешь, я смерю свою температуру?

— А что?

— Температура человека здесь колеблется в пределах тридцати и тридцати двух градусов. Я — лягушка, очень долговечная, как все лягушки.

— Значит, пытались переливать кровь и убили кого-то?

— До меня здесь были другие врачи.

— И что с ними случилось?

— Они проводили опыты.

— И что же? Их казнили? Сожгли?

— Они уехали. Нет их здесь, они живы, но живут далеко.

Люся обмакнула тряпочку в воду и потерла пятно на джинсах.

Дантес сунул голову в дверь и сказал:

— Госпожа невеста, вас приглашают одеваться.

— Как так?

— В джинсах императриц не бывает, — сказал Дантес.

— Уйдите, — сказала Люся. — Я еще не кончила.

— Через пять минут. Император волнуется.

— Я лучше повешусь, — сказала Люся. — Честное слово, лучше повеситься...

— Они тебя вытащат из петли и оживят.

— Нет уж! Я не ваша! Я могу умереть по-человечески. У меня кровь человеческая.

— Ну что ж, заблуждаться тебе никто не может помешать, — сказал доктор. — Но позволь сообщить одну вещь, которая, возможно, изменит твое отношение к жизни... И ко всему, что здесь происходит. Как мужчина, император тебе ничем не угрожает. Не может.

— В каком смысле? — спросила девушка.

— Ну не мужчина он. — Доктор говорил вполголоса, отвернувшись от двери, боялся, что его будут подслушивать. — Я же его обследовал, а он, в свою очередь, пытался... возбудиться.

— А здесь что, все мужчины такие? — Люся догадалась, о чем говорил доктор, и в самом деле почувствовала какое-то облегчение, хотя доктор мог и соврать, чтобы подвести ее под венец. Все они здесь, в сущности, уроды.

— Мужчины здесь разные, — сказал доктор. — Совсем разные. Но, конечно, мужчин в прямом смысле этого слова здесь немного — репродуктивные возможности падают с каждым месяцем.

— А что? Разве здесь можно родить?

— А вот это исключено! — сказал доктор. — Ребенок — слу-

га времени. Ты не можешь создать мир без времени и населить его детьми. Чтобы они не росли. Ни природа, ни наша антиприрода до такого не додумалась.

— Все равно я не пойду...

— Подумай, Люся, чего ты хочешь, — сказал доктор. — Молчишь? А я за тебя отвечу. Ты надеешься, что тебя выручат. Вернее, ты надеешься на Егора. Спасший единожды всегда остается рыцарем. Я правильно говорю?

— И что тогда?

— Если ты сейчас скажешь императору «нет», вернее всего попадешь в тюрьму. И там превратишься в кусок протоплазмы. Они могут быть жестокими. И если появится твой Егор — его постигнет та же участь. И не только потому, что император лишен понятий морали или жалости, но потому, что он не может потерять лицо — слишком много врагов. И сильных врагов.

— Врагов? У императора?

— Больше, чем у меня. — Леонид Моисеевич криво усмехнулся.

— И что я должна, по-вашему, делать?

Леонид Моисеевич поднялся и попробовал, не мешает ли повязка рукам. Потом накинул на голое тело халат. «В этом мире, — подумала Люся, — наверное, градусов пятнадцать, если не меньше, а они не чувствуют холода. Готовы ходить голыми, наверное, по старой памяти одеваются. А так это никому не нужно».

— Что тебе делать? Не спорить. Быть хитрой, как змий, и лукавой, как дьявол, — сказал доктор. — Не спорить, не раздражать и искать выгодный тебе самой путь.

— Для меня здесь нет выгодных путей.

— Так только кажется. Даже на сковородке есть прохладные места, — возразил доктор. — И если ты задумала что-то, то пойми — покорная, безопасная, спокойная, ты будешь свободной. Привлекая к себе внимание, ты будешь испытывать сопротивление. Неужели так трудно понять?

— Трудно, — упрямилась Люся, хотя поняла доктора и даже почти согласилась с ним. — Я потерплю, и все кончится.

— Все! — крикнул Дантес. Он придерживал дверь, чтобы не закрылась. — Империя больше не может ждать.

— Иди. Иди, я потом подойду, — сказал доктор.

Люся глубоко вздохнула и вышла в зал.

У двери в медпункт стоял Веня Малкин, совсем не такой

прекрасный и сокрушительный, как у нас. И Люсе даже показалось, что он потускнел после разговора у императора.

— Ну как, — спросил он, — доктор освободился?

«Сейчас у него можно было спросить, — подумала Люся, — а на какой час вы записаны? И он растеряется».

Поклонники стояли кучкой в отдалении, видно, Веня так им велел.

Стол был накрыт, и Люся уже знала, даже не приближаясь к нему, что там много различной, даже музейной, посуды, но настоящая еда сосредоточена на том конце стола, где сидит император, который заставляет себя есть, и его приближенные, которые едят из соображений престижа. Я ем, значит, я важная птица!

— Идем, идем, — торопил Дантес. Он взял Люсю за руку холодными пальцами.

— Я сама, — ответила Люся.

Дантес провел Люсю вниз на технический этаж, где их встретили просто одетые женщины, большей частью толстые и малоподвижные. Там располагались склады и гардеробы империи.

— Здесь мы все одеваемся, — сказал Дантес, — сюда свозят одежду, чтобы можно было выбрать для маскарада или праздника. Нынче все уже переоделись к свадьбе, ты у нас последняя.

Платья висели на плечиках бесконечными рядами, туфли стояли рядами на полу. Люся чуть было не наступила на крысу, которая выглядывала из зимнего башмачка. Женщины стали махать на крысу и кричать. Люся крыс не боялась. Когда-то, еще в детстве, один мальчик сказал ей, что крыса — это бритая белочка. Люся рассмеялась и на всю жизнь перестала бояться крыс.

Это все выдумки, не нужно обращать внимания. Пока есть надежда на то, что придет Егор, надо оставаться здесь. И вести себя так, как советовал доктор.

От платьев пахло пылью и прелью, на некоторых были пятна плесени.

Но были и красивые платья, наверное музейные.

Люся смотрела на них, как в музее, а вокруг шелестели голоса:

— А вы примерьте, вы приложите, ах, как вам пойдет...

Люсе было восемнадцать лет, и, как бы ей тошно ни было, она была красивой девушкой, которой в жизни не приходи-

лось примерять королевский наряд или просто длинное вечернее платье.

— Платье должно быть белым, подвенечным, — сказал Дантес, — ты ведь у нас невинная, правда?

— А вам какое дело?

— Это дело государственное.

— Если бы я знала...

— Отлично! Это и следовало доказать. — Дантес неприятно рассмеялся, показав золотые зубы.

Когда Люся надела платье и туфли, Дантес сводил ее в комнатку-сейф, где за стальной дверью тянулись полки, на них стояли коробки с драгоценностями.

— Достояние короны, — произнес Дантес.

Он вытащил из шкатулки жемчужное ожерелье и алмазную диадему. Больше Люся ничего не захотела, хотя могла надеть и кольца и браслеты — Дантес разрешил.

«Невеста была одета скромно, но со вкусом, — повторяла она фразу, вычитанную в романе, — ее лицо поражало своей бледностью...»

О бледности Люся не знала. Зеркало, которое нашлось в гардеробной, хоть было и большим, от пола до потолка, но таким пыльным, что в нем виднелось не отражение, а привидение.

Конечно, лучше бы подождать со свадьбой несколько дней...

— Несолидно это, — произнесла она.

Порой Люся начинала думать про себя, а конец фразы нечаянно произносился вслух.

— Несолидно? — спросил Дантес.

— Приехала, и сразу пиры, свадьбы... Несолидно.

Конечно, это были арьергардные бои, никто ее не послушает.

— Почему несолидно? — Дантес не понял ее. — А когда солидно?

— Через месяц, через два... как положено. Сначала обручение, потом...

— Чепуха! — воскликнул Дантес. — Не все ли равно когда, если у нас здесь нет дней! Нет месяцев, нет обручений, и нечего ждать. Если я вижу вещь, я беру ее, а не уговариваю себя вернуться за ней...

Поперек зала висели елочные гирлянды и флажки.

Все уже сидели за столом и ждали.

Множество людей стояло в зале, скрывая накрытый стол.

Они стояли полукругом и при виде Люси начали хлопать в ладоши.

Чепуха, таких свадеб не бывает. Можно подумать, что она эстрадная певица или политик.

Дантес остановился. Она тоже.

— Не садись, сейчас придет жених, — предупредил Дантес.

И в самом деле, велосипедисты тяжело топали, подходя сзади, между ними горой сала, почти не касаясь ногами пола, обвисал император.

Велосипедисты довели его до невесты, и император, переведя дух, воскликнул высоким голосом:

— О, я не ошибся!

Затем он рухнул в кресло и сказал невесте:

— Старею, старею, хожу редко. Надо заниматься физкультурой. Садись, Люсенька. Кто будет оформлять процедуру? — спросил император. — Где Кюхельбекер?

— Он не имеет права! — закричал человек в ветхом маршальском мундире и фуражке, глубоко надвинутой на лоб. — Он не имеет права! Я старше чином. Я — княжеских кровей.

— Помолчи, Тухачевский! — сказал император. — А то не буду допускать пред очи, и сгинешь у ветеранов.

— А я настаиваю! — кричал маршал.

Принесли стул. По знаку императора Люся села на стул, и теперь ее голова оказалась лишь немного выше головы ее жениха.

Кюхельбекер вышел из боковой двери, он был в темно-красном плаще до пят и в высокой шапке — такие носят кардиналы или папа римский. Вот уж не думала, что ее брак будет регистрировать такой римский папа.

Кюхельбекер стал лицом к императору и спиной к толпе.

— У нас сегодня знаменательный день, — прогудел он, и все замолкли. — Наш драгоценный император в целях продолжения рода и создания образцовой семьи решил вступить в брак с герцогиней Люси, специально выращенной для него в специфических условиях.

Раздались аплодисменты.

— Давай не трать время, — сказал император. — Они же все равно не понимают.

«Все это балаган и оперетта, — думала Люся. — Никакая это не свадьба».

Кюхельбекер натужно вздохнул, словно вспоминал, а может, и придумывал текст.

— Скажи мне, император всея Руси Павел Петрович, согласен ли ты взять в жены герцогиню Люси Тихонову, заботиться о ней, оплодотворять ее, ласкать и кормить?

— Да! Конечно. Дальше, дальше! — Император был возбужден. Он вздрагивал в кресле.

— А ты, Люси Тихонова, согласна ли взять в мужья императора всея Руси Павла Петровича? Согласна ли ты подчиняться ему во всем, даже в самых малых его желаниях? Согласна ли ты ухаживать за ним, ласкать его и носить его детей?

— Еще чего не хватало! — сказала Люся. Император был готов к этому, он уже держал руку на ее предплечье и больно ущипнул Люсю.

— Она согласна! — крикнул император.

Народ за столом и вокруг стал буквально беситься от радости, и потому особенно странно выделялось в толпе мрачное лицо. Оно принадлежало худому, изношенному старику в инвалидной коляске, за спиной которого стоял бугай в белом халате с вышитым на животе большим красным крестом. Вторым недовольным был Веня Малкин. Взгляд Вени был мрачным и углубленным в себя.

Люся улыбнулась Леониду Моисеевичу — хоть одно родное лицо в этом шабаше. Доктор подмигнул ей. Он снял халат и был облачен в безумно обтрепанный костюм. «Если останусь, обязательно добуду ему новый».

— Вот и все, — сказал император. — Поцелуй меня, не стесняйся, это для публики.

Господи, как же она не заметила, что уже обвенчана?

Велосипедисты приподняли императора.

Люся послушно поцеловала его в щеку. Щека была густо напудрена. У Люси запершило в носу, и она громко чихнула.

— К счастью! — крикнул кто-то из толпы.

— Горько! — начали кричать с того конца стола.

В зале было полутемно — свет скупо проникал сквозь окна, и на длинном столе стояли керосиновые лампы.

— Это бред какой-то, — сказал Веня Малкин и стал проталкиваться прочь, но Дантес заметил это движение, схватил Малкина за полу куртки и потянул к себе.

— У меня для вас есть сюрприз. Держите. — Он протянул Вене пластиковый мешок.

— Это что?

— Отойдите со мной, — сказал Дантес. — Я все объясню.

Император протянул Люсе лапу, пожатие толстых пальцев было слабым.

— Слава императрице! — закричал он странным, петушиным голосом.

— Слава! Слава! — подхватили придворные. Сегодня их было куда больше, чем мест за столом. Произошла давка, кого-то уронили на пол, кого-то побили, император искренне радовался и с удовольствием называл драчунов жене:

— Это мой герцог Задунайский, смотри, как он Дмитрия Донского колотит! А видишь академика Морозова?

— Скажите, а у кого-нибудь настоящие имена здесь есть? — спросила Люся.

Император задумался.

— Предпочитаю считать твой вопрос провокационным, — ответил он наконец. — Ибо им ставится под сомнение моя личность и легитимность моего пребывания на троне. А должен сказать тебе, что ветераны-хранители также упорно ставят это под сомнение.

— Значит, ты все-таки липовый, — упрямо сказала Люся.

— Я ношу тронное имя, потому что у меня власть, — ответил император. — Именно власть. Я могу казнить кого угодно. Издам декрет и казню тебя тоже.

— Издайте декрет о том, что императрицу казнить нельзя, — сказала Люся.

— Это почему еще? — Император искренне удивился.

— Потому что если сегодня можно казнить императрицу, то завтра можно будет казнить и императора.

— Чудесно, остроумно, — воскликнул толстяк, — правда, Кюхля?

— Разумно. Каждый думает о своей шкуре, — ответил Кюхельбекер.

Подошел Дантес, наклонился к императору.

— Он не хочет петь для нас. Даже не хочет переодеваться.

Люся догадалась, что разговор идет о Вене Малкине.

— Чем мотивирует? — спросил император. Никогда бы настоящий Павел Первый не сказал так — мотивирует...

— Он сказал, что никому не подвластен. И никому не слуга.

— Дантес, душечка, объясни этому ослику, что он здесь совершенно одинок. Здесь нет его славы, нет его денег, нет его друзей. Только он. Пообещай показать ему обгорелые столбы на площади. Пускай посмотрит и подумает... Ну ладно, ты убедительно сможешь это сделать. А сейчас — за честной пир! Гуляем!

И опять — словно и не прошло шести лет — перед императором и первыми сановниками стояли блюда с бананами,

ананасами, ветчиной и сыром. Дальше — бутылки с соком, стаканы с портвейном, печенье на тарелках, а в дальнем конце стола — только вода.

Впрочем, не важно, что есть, — важно, где сидеть.

Люсе есть не хотелось.

— Не отказывайся от пищи, — сказал император. — Я себя заставляю есть каждый день. Вот мне не хочется, а я заставляю, потому что хочу остаться здоровым, хочу быть человеком! Понимаешь меня, Люси?

Люся кивнула. В императоре прятался человек, которому очень страшно.

— Ты съешь банан, ты же императрица.

— Да у нас их вагонами привозят.

— А у нас их только император кушает. И те, кому он дозволит.

Он оторвал от грозди банан, и Люся почувствовала, как весь длинный стол, замерев, смотрит на руки императора.

Император протянул банан Люсе, та взяла, по столу прокатился удрученный вздох.

Император засмеялся.

— Ждут, — сказал он. — Ведь это главнее ордена. Я с орденами все никак не разберусь, что попадется, тем и награждаю. А с бананом все ясно.

Он оторвал от грозди еще один банан и кинул его через весь стол. Над столом поднялись руки — гости старались перехватить снаряд. Но тот точно опустился в руки незнакомой Люсе худенькой женщины. Издали не было видно, старая она или молодая.

Женщина взяла банан и стала его чистить.

— Ты не знаешь, — сказал император, — она у нас новенькая. На тот Новый год примчалась. И что любопытно — оставила там у вас мужа и двоих детей. Она у меня числилась в фаворитках до твоего приезда. Так что держись от нее подальше — убьет.

Император засмеялся. И тут же оборвал смех и закричал:

— Ура! Наконец-то! Главное развлечение!

Люся увидела Веню Малкина. Он стоял справа от стола, вместо куртки на нем был малиновый пиджак. В руках гитара.

Веня не смотрел на императора.

— Надо бы поклониться, — сказал Дантес.

Веня как будто не услышал. За столом восстановилось молчание.

Веня начал петь свой известный шлягер «Ты моя малайка, дай-ка!».

Слушали его внимательно, это было непривычное развлечение.

Веня пел скучно, даже не прыгал, не махал гитарой, как обычно. Поклонники, которым достались стоячие места в дальнем конце зала, покрикивали и посвистывали, стараясь поддержать знатного гостя.

Император также пытался изобразить внимание и благосклонность. Но ему было скучно. Он обернулся к Люсе:

— Я любуюсь тобой, моя повелительница. — Он не переставал жевать банан и делал это скучно и упорно, как корова. — Сегодня самый счастливый день моей жизни.

Он положил руку ей на колено, и Люся непроизвольно дернулась, чуть не свалившись со стула.

— Ну-ну, — сказал Кюхельбекер, который наблюдал эту сцену сзади.

Веня кончил петь, поклонники кричали, кто-то захлопал в ладоши, но аплодисменты получились жидкими. Придворные смотрели на императора.

Тот не спеша оторвал еще один банан и метнул его Вене.

— Держи! — крикнул он. — Я тебя жалую.

— А пошел ты!.. — взорвался Веня. — Тоже мне благодетель. Кто тебе эти бананы приволок, кто тебя подкармливает, ублюдок? Молчал бы уж.

Веня подобрал банан с пола и метнул его со злостью в императора.

Люся могла бы поймать банан — летел он небыстро. Но ей не хотелось защищать императора.

Банан ударился о щеку императора, который не успел или не догадался уклониться.

Гости за столом ахнули, зашумели.

Император стал подниматься, но велосипедисты стояли далеко и не успели подбежать, и он снова плюхнулся на свой трон и запыхтел.

— Я тебя... я тебя... кто тебя облагодетельствовал... да ты у меня сгниешь в подвале! Я тебя живьем сожгу...

Веня сделал к императору несколько шагов и остановился совсем рядом, император отшатнулся, испугался.

— Бить я тебя, жаба, не буду, — сказал Веня. — Но ты учти, что сидишь здесь, потому что я так хочу. Ты думаешь, я не знал все про вашу дырку? Ты думаешь, мои люди здесь не по-

бывали? Ты думаешь, я здесь один, да? Ты думаешь, что твои трупики тебя защитят?

Веня кинул в императора гитарой, Кюхельбекер перехватил ее, и два велосипедиста, добежавшие наконец до своего монарха, кинулись на певца и стали его бить. Он отмахивался руками, но под их ударами упал.

Поклонники Вени бежали к нему, они накинулись на велосипедистов, Дантес хотел было помочь охране, но кто-то ударил его ботинком по ноге, и Дантес отпрыгнул назад, крича:

— Стража! На помощь! Бунт во дворце!

Никто из гостей и придворных не пришел на помощь императору — все стали отступать к дальней стене, подальше от драки, но так, чтобы видеть ее.

Меломаны оказались шустрее велосипедистов или, по крайней мере, целеустремленнее. Девушки вырвали Веню Малкина у стражей. Подняли его и потащили прочь, к открытой двери, ведущей на перрон.

Остальные отчаянно прикрывали их отступление, и, хотя их вскоре смяли и одолели и поле боя осталось за велосипедистами, главной цели поклонники Вени добились — они увели его и убежали сами.

Те несколько минут, что продолжался бестолковый бой, император провел, сидя на троне и прикрывая толстыми руками лысую голову, и был похож на очень крупного младенца.

Когда же шум в помещении стих, он опустил руки и стал медленно оглядываться, стараясь понять, что же изменилось в зале.

— А где он? — спросил император.

— Временно сбежал, — ответил Дантес. — Но уже отряжена погоня. Куда он денется?

— Куда захочет, туда и денется. Как вы его отыщете? Он уже укрылся у моих врагов. Я буду страшен...

Это было сказано почти шепотом.

— Да, я буду страшен! — Вдруг император вскочил, словно в ноги ему вставили пружины. Он вытянул руку вперед и стал похож на перекормленного Муссолини или Нерона.

Зараженные порывом императора придворные и гости завопили, размахивая руками, сжимая кулаки, топоча ногами. Шум поднялся страшный.

Император стал падать назад, Люся старалась удержать его и не смогла — ладони утонули в мягкой спине, которая обтекала их невероятной тяжестью, но велосипедисты и Кюхельбекер успели на помощь, и император упал в кресло.

Потом, не открывая глаз, он несколько раз вяло махнул рукой перед лицом, как бы отгоняя табачный дым.

Свадьба завершилась.

Гости стали расходиться.

Люся вдруг хихикнула. Не хотела, а хихикнула.

— Ты что? — спросил император, услышав смех.

— А у нас всегда так — не бывает свадьбы без драки, — объяснила Люся.

— Свадьба с дракой, — сказал император. — А кого у вас обычно бьют?

— Вы же знаете — незваного гостя.

— Слава богу, а то я уж подумал, что жениха.

Праздник закончился, и императора потащили в ковровую комнату.

— Ты прости, — сказал император, — но твоя комната еще не готова.

— А что за сложности? — спросила Люся. — Отдайте мне комнату матери и ребенка.

— Там у нас склад оружия. Арсенал, — сказал император. — Ничего страшного, поживешь в одной комнатке со мной.

Они вошли в ковровую комнату. Царь Иван Васильевич Грозный все еще убивал на стене своего сына. Это была большая картина, может быть, украденная из Третьяковки, но вернее всего — копия. Кажется, шесть лет назад император что-то говорил об этой картине.

— У вас пустой город, — сказала Люся, — а вам для меня комнаты жалко.

— В пустом городе тебя в два счета достанут. Ты должна быть рядом со мной, под защитой, под охраной, черт побери! И у нас с тобой вечность.

— Так не бывает, — возразила Люся.

Она села на кучу ковров, как раз под умирающим царевичем, и прислонилась головой к прохладной стене. «Что же я так устала? Может, они меня напоили чем-то? Да нет, я даже банана не съела».

— Бывает... В этом была моя великая хитрость, — ответил император.

В дверь сунулся Дантес.

— Что-нибудь надо, Павел Петрович?

— Его поймали?

— Нет еще, но ловят!

— Чтобы поймали, но не трогали. От него многое зависит, если мы его потеряем, оборвутся важные ниточки.

— Я знаю, — сказал Дантес.

— Тогда захлопни дверь, умеешь? И прикажи велосипедистам никого не пускать. У нас начинается брачная ночь. Понял?

— Ой!.. — испугалась Люся. — Подождите. Какая еще ночь? Я хочу пить. И потом, мне надо выйти...

— Проводите ее, — сказал император. — Как странно, этого же с людьми не бывает.

— Но она только сегодня приехала к нам, — сказал Дантес. — Остаточные явления. Это скоро пройдет... Так что я даже не знаю, куда нам пойти...

— Да заведи ее в любую комнату по соседству, — рявкнул император. — Здесь сотни пустых комнат. И стереги. Ясно?

Люся потянула время еще, умывшись в бывшем женском туалете, превращенном в склад посуды и мебели — у местных жителей обнаружилась странная склонность превращать в склады все пустующие помещения и стаскивать туда со всего города вещи порой нужные, но большей частью совершенно ненужные. И вернее всего, собиратели складов начинали эту работу сто лет назад, сколько существует вокзал, а может, и раньше.

Дантес крутился вокруг, боялся, что она сбежит или что-то случится.

В конце концов оттягивать возвращение к императору стало совершенно невозможно.

И тогда она решила убежать.

Она вышла совершенно покорно и пошла рядом с Дантесом на расстоянии шага, демонстрируя покорность.

А потом кинулась бежать — она знала, что никакому Дантесу за ней не угнаться.

«Убегу на набережную к Пыркину, а потом что-нибудь придумаю».

Но убежала она недалеко.

Уже в начале платформы она увидела, как из боковых дверей выбежали велосипедисты — три или четыре. Она бы обогнала их, но навстречу уже неслись придворные и гости, и вдруг, к ужасу своему, Люся поняла, что они все сидели там в засаде, что они шептались за ее спиной и даже высчитывали, постарается ли она убежать, а когда она попросилась в туалет, все поняли — охота началась!

Люся об этом не думала. Она ни о чем не думала — она ме-

талась, как перепуганный заяц. Она бегала куда быстрее каждого из преследователей, но толпа все же ее одолела.

Дантесу пришлось вызволять ее из цепких лап толпы, потом он вел ее, оцарапанную, с синяком под глазом, обратно к императору.

— Наверное, у нас возникает обычай. Гонки за царской невестой.

Люся молчала. Она не понимала иронию.

И когда дверь открылась снова, она увидела, что император отполз за время ее побега в угол, где поверх ковров лежали перины. Он лежал там, распластавшись, раскинув ножищи, из-под распахнутого халата были видны полосатые трусы. Под затылком лежала горка придавленных подушек.

— А я уж волновался, — сказал император. — Ну как, облегчила тело?

Как будто он и не подозревал о попытке побега.

По мановению императорской руки Дантес закрыл дверь.

— Иди ко мне, — сказал император. — Иди, я слишком долго ждал тебя.

— Слушай, муж, — сказала Люся, которой все это ужасно надоело — это не могло быть настоящей жизнью, от которой хочется зажмуриться, чтобы, когда откроешь глаза, ничего уже не было. — Слушай, муж, я страшно устала и хочу спать.

— Я тебя обниму, — сказал император, — я тебя буду ласкать.

— Господи, да пойми ты, нельзя меня ласкать.

— Почему?

— Потому что у меня месячные.

— Это еще что такое? — спросил император и, тут же догадавшись, поправил себя: — Ну, это не важно, ты, надеюсь, девушка?

— И не надейся, — сказала Люся.

Люся наврала своему мужу, она всем врала, ей было стыдно, что она осталась, наверное, последней в техникуме девушкой. Каким-то чутьем ее подруги догадывались о таком грехе и от определенного рода злости против нее (ах, у нее есть дача — надо сжечь!) раза два пытались поставить ее в такое положение, что деваться ей было некуда. Но Люся устояла, потому что была мещанкой. А узнала она об этом у Антона, это было в прошлом году на дне рождения у Светки Северовой, на даче, их нарочно оставили вдвоем в комнате — сговорились и оставили. Антон Люсе очень нравился, и она ему нравилась тоже, они целовались, сначала стоя у окна, просто так,

осторожно, губами, а потом начали целоваться, как в американском фильме, взасос, и Люська сама не сообразила, как оказалась на кушетке, пружины торчат во все стороны — дачная мебель, а он, то есть Антон, совсем перестал владеть собой, и Люся понимала, что она тоже не хочет владеть собой, — и он уже целовал ей грудь и потом гладил живот и ниже, и, когда он уже стал снимать с нее трусики, она вдруг сказала — то есть не она, а кто-то ее голосом сказал:

— Но ведь ты же на мне не женишься! — И сказал так грустно и серьезно, что Антон отстранился от нее и, подумав, ответил:

— А я и не собирался.

И он обиделся. Потому что понял, что глупо сейчас переубеждать Люсю. А она сама жутко жалела о том, что так сказала, готова была себе язык откусить, она очень хотела сама снова поцеловать Антона, и, если бы он захотел, она была готова на все. Но Антон поднялся с кушетки, отвернулся к окну, застегивал «молнию» и пуговицы на рубашке. И потом сказал:

— А ты мещанка, Тихонова!

И ушел, загремев каблуками по ступенькам узкой дачной лестницы.

А Люська осталась тихо плакать.

А вот второй раз, когда она уже решила, что пускай все будет как угодно, только чтобы лишиться этой проклятой девственности, у нее начались месячные. Она просто обливалась кровью, когда они с Аркадием оказались вдвоем. И он заметил. И стал ее укорять...

— Ты была с мужчиной? — спросил император.

— Два раза, — ответила Люська. Обе неудачные попытки она объявила теперь удачными. Император загрустил.

— Я был уверен, — сказал он после паузы. — Я был убежден, что ты хранишь себя для меня.

— Я только и мечтала сюда вернуться, — сказала Люся.

— Я сдержал свое слово. Моя любовь преодолела века!

— Лучше бы не сдержали.

— Все равно ты теперь моя жена, и о нашей любви будут петь менестрели. Такого еще не было... Учти, я огорчен твоими изменами. Потому мы о них забудем.

Голос у императора был плаксивым, от ковров пахло пылью и старым одеколоном.

— Ладно, — сказала Люся, — давайте спать. Я вот тут буду.

— А почему не со мной?

— Я уже объяснила. Мне нельзя.

— А когда это у тебя кончится?

— На днях.

Люся выбрала самый далекий от императорского ложа угол.

— Я пойду к тебе, — сказал император.

— Пока вы до меня доползете, Павел Петрович, — сказала Люся, — я пять раз через комнату перебегу, так что не старайтесь.

— Люси, ты ставишь меня в странное положение!

— Помолчите. Я же сказала, что сил нет... и живот болит...

— Да, — вдруг согласился император, — конечно... Если живот болит.

Люся сначала не спала, она думала о тех, кто остался на Земле, о Егоре и о том, как глупо сложилась ее жизнь — надо же было встретить Егорку как раз перед этим... И нельзя ему сюда, конечно, нельзя, если они его здесь поймают, то посадят в тюрьму и он переродится... «Лучше уж пускай я одна страдаю, а он пускай женится дома, как человек...» Она тихо плакала и заснула, продолжая плакать.

Засыпая, она успела подумать, что от такой туши, как ее первый муж, она всегда убежит.

Эта уверенность ее и подвела.

Видно, она заснула крепче, чем надо бы, император по коврам бесшумно подполз к Люсе. Она проснулась от страшного кошмара — будто попала в лавину в горах и на нее рухнула скала... Когда она очнулась, то не сразу сообразила, что же происходит, потому что, оказывается, Павел Петрович сначала погасил керосиновую лампу, так что свет попадал лишь через небольшое окно и в комнате было почти совсем темно, а уж потом пополз к своей жертве.

Насильник приподнялся и рухнул на Люсю. Она пыталась вдохнуть, стараясь при этом вылезти из-под лавины. К счастью, император запутался в ее подвенечном платье и на какие-то секунды его вес переместился, что дало Люсе шанс вдохнуть воздух и понять, что же происходит.

— Что вы делаете! — попыталась закричать Люся, но он положил на лицо ей мягкую потную ладонь, и она стала крутить головой, потому что ей нечем было дышать.

Она крутила головой и в отчаянии, уже совсем задыхаясь, смогла захватить зубами ладонь и укусить ее — император отдернул руку.

— Ты что! — зарычал он. — Ты забыла, чья ты жена?

Люся стала выбираться из-под груды сала, но в ее насильнике было килограммов двести, притом эта груда сала поставила себе целью осуществить свои супружеские права.

Император тяжело дышал, дергал Люсю за юбку, стараясь добраться до заветных мест, но терял драгоценные секунды, потому что Люся уже окончательно пришла в себя.

И поединок, который начинался не в пользу девушки, постепенно закончился ее победой.

Павлу Петровичу явно не хватало рук, чтобы обезопасить себя от ответных атак, и, раз уж он не смог придушить жену сразу, ему пришлось считаться с тем, что у Люси есть две сильных руки и к тому же длинные мускулистые ноги.

Во-первых, Люся смогла так дернуть императора за ухо, попавшееся под ее пальцы, что тот взвыл от боли и как-то неудачно свалился на бок, освободив правую ногу. И соответственно свободная коленка Люси врезалась ему в то самое драгоценное место, ради которого и затевалась вся операция.

— У-у-у-ух! — Император откатился в угол. — Убью!

Люся уже не только пришла в себя, но и восстановила дыхание.

— Я позову доктора, Павел Петрович? — спросила она.

— Молчи... у-у-у-у... молчи...

Он затих — туша его лежала неподалеку, и слышно было лишь частое хриплое дыхание.

Люся на всякий случай села. Если он притворяется и хочет снова напасть — она отпрыгнет в сторону.

Пауза затягивалась. И тут Люся не выдержала.

— Зря вы старались, — сказала Люся.

— А мне откуда знать! — обозлился император. — Ты мне разве дала проверить?

— Надо вам сбрасывать вес, вредно для здоровья, — сказала Люся.

— Люси, — сказал император тихо-тихо.

— Что?

— А может, попробуем? Тихо, осторожно, я не буду тебе делать больно. Я постараюсь, а ты поможешь.

— И не надейтесь. Теперь тем более.

— Тебе же некуда деваться!

— Убегу.

— Не убежишь. Мы только попробуем... А потом тебе понравится.

— А что пробовать будем? Пузо вам чесать?

Опять была пауза. Император думал.

— Выполни мою просьбу.

— Какую?

— Из тебя кровь идет?

— Немного.

— Значит, ты про месячные не врала?

— Нет, не врала.

— А ты могла бы пойти и простынку там, на моем ложе, испачкать?

Люся не сразу догадалась зачем, а когда догадалась, засмеялась.

— Гордый ты мой, хочешь, чтобы тебя за мужика держали?

— Это больше чем прихоть, — ответил император, — это высокая политика.

— Черт с вами, — согласилась Люся.

Она пошла и сделала, как он просил. Она победила и потому была снисходительна.

Люся провела всю свою жизнь в коммуналке, на дворе среди пьяниц и побирушек. В техникуме, конечно, было лучше, но народ был похожий. Ее было трудно напугать всякими гадостями. Может, поэтому ей даже было немного жалко этого императора. Лежит пожилой человек, мужчина, толстый, и переживает, что не может сделать как положено. Даже собственную жену не может изнасиловать, хоть за дверью стоит вооруженная охрана.

— Теперь ты спи, — сказал император. — А когда мы выйдем, ты мне не возражай.

— Хорошо, — согласилась Люся.

— Спи. А меня не бойся.

— Не хочется спать.

Ей на самом деле не хотелось спать. Как самой настоящей жительнице этого мира.

Через какое-то время, вернее всего — через несколько часов, император, который лежал в кресле, сказал:

— Приводи туалет в порядок. Сейчас будет утренний выход.

— А сейчас утро?

— Прикажем — наступит утро, — ответил император.

Они вышли рука об руку, Люся была тиха и послушна. У дверей стояла толпа придворных, поменьше, чем раньше, но густая.

Стол для завтрака был коротким, на нем были чай, вчерашние бананы, еще чего-то, но есть никому не хотелось. Только Люся выпила чаю.

— Поменяйте в спальне белье! — приказал император слишком громким голосом.

Придворные подходили, кланялись и поздравляли императора. Потом кланялись Люсе.

— Желаем наследника, — говорили императору.

— Желаем наследника, — говорили Люсе.

Наверное, это было смешно.

Император спросил:

— Певца поймали?

— Ищут, — сказал Кюхельбекер.

— Сколько можно искать? Чтобы сейчас же был пойман.

— Он будет пойман, — ответил министр.

— Я говорил о простыне, — напомнил император.

Дантес догадался первым и побежал в императорскую комнату. Остальные ждали его. Люся не понимала, чего они ждут, но терпела.

Наконец появился Дантес. Он медленно и торжественно шествовал, неся на вытянутых и широко расставленных руках простыню с красными пятнами.

— Вы видите, — закричал император, — моя невеста чиста!

— Ура! — завопили вокруг.

Люсе было очень стыдно, будто они застали ее в туалете, но она и это вытерпела, лишь отвернулась от кричащей, возбужденной толпы.

На счастье, тут заявился доктор. Люся кинулась к нему.

— Можно мне к вам? — крикнула она издали.

— Я жду тебя, — сказал Леонид Моисеевич.

— Иди, иди, — поддержал идею император. — Вы, доктор, проверьте, не был ли я слишком груб с моей невинной невестой.

И он так пронзительно захохотал, что Люсе казалось — хохочет толпа сумасшедших младенцев.

— Простите, — сказал доктор, когда они вошли в его кабинет, — но у меня нет гинекологического кресла и я к тому же совершенно забыл гинекологию — не приходилось здесь практиковать. В мое время все было проще...

— Меня не надо осматривать.

— Но вдруг какие-то повреждения...

— Да ничего не было!

— Люди такого рода иногда стараются удовлетворить свое тщеславие экзотическим путем...

— Доктор, не преувеличивайте, я же шустрая.

— А меня они просили снотворного вам подсыпать. В чай.

— И вы подсыпали?

— Нет, я подсыпал питьевой соды.

Люся подумала, что он, может быть, говорит неправду — иначе почему она заснула? Ведь он же придворный врач, у него строгие хозяева. Но не стала выяснять, все равно правду не узнаешь.

— А как ваши ребра? — спросила Люся.

— Ах, конечно! Попрошу вас, сделайте мне повязку посвободнее. Очень давит.

Перематывая эластичный бинт, Люся спросила:

— А у вас хоть как-нибудь время меряют?

— Честно говоря, у нас есть контрольные часы. Их все время сверяют с земным временем.

— Как? — не поняла Люся.

— Раз в год открываются врата, и у нас появляются новенькие. И мы знаем точно — на Земле Новый год!

— Но это только раз в году!

— Кроме того, есть специальная Служба точного времени. Она подчиняется министру Кюхельбекеру. Там есть песочные часы. Минута, пять минут, десять минут и одни — полчаса. Возле этих часов сидят специальные люди, хранители времени. Когда наступает нужда, они переворачивают песочные часы. Перевернув, они ставят галочки в специальные таблицы. Они работают от Нового года до Нового года. Так что правительство твердо знает, какой на Земле год, а остальное — пустяки, правда?

— Они считают дни?

— Люся, это страшный секрет, никто не должен знать. Кюхельбекер завел эту службу только после того, как они освоили окно в ваш мир. Ему нужно высчитывать, когда оно будет, готовиться к контакту...

— И давно это окно появилось?

— Не знаю, честно, не знаю.

— А как узнать?

— Поговори с Сонечкой, — предложил Леонид Моисеевич. — С Сонечкой Рабиновой.

— Кто такая Сонечка?

— Ты ее знаешь. Такая странная девушка. Она возит кресло с Дениской.

— Знаю, — сказала Люся.

Леонид Моисеевич смотрел на нее внимательно, чуть склонив голову:

— Ты с ней уже разговаривала?

— А вы думаете, что надо поговорить?

— Я мог давать советы девочке, но не имею права давать советы императрице.

— Леонид Моисеевич, вы же знаете всему этому цену!

— Какую?

— Вы тут все сидите и делаете вид, что боитесь сумасшедшего импотента!

— Ты не права, Люся, — быстро ответил доктор. — Мы в самом деле боимся эту банду. Они всесильны. А мы — пыль под сапогами.

— Почему вам не уйти?

— Мы боимся уйти с площади, от набережной, мы боимся даже пойти в центр города. Мы не знаем, кто там правит. Мы держимся за видимость государства, то есть права жить.

— И меня выследили и выторговали у этого Вени. Я никогда не думала, что он опустился до того, чтобы торговать девочками.

— А у него нет выхода, ты же знаешь.

— Вы про болезнь?

— У него в самом деле неизлечимая болезнь. Ему некуда деваться. Он был готов на все.

— Неужели он не вычислил, что останется здесь навечно? Даже если его болезнь лечить двумя уколами. Ему нельзя будет вернуться.

— Он надеялся. Ведь и ты надеешься, что сможешь вернуться?

— Да, надеюсь, — сказала Люся. — Где мне найти Соню?

— Этого никто не знает, — ответил доктор. — Иногда она приходит сюда, иногда она уходит на Воробьевы горы. Она бродит в нашем районе, она непредсказуема.

— Это неправда! Ведь Кюхельбекер знает.

— У Кюхельбекера есть возможность ее найти.

— К нему я не пойду, — сказала Люся. — Он не скажет.

— Почему?

— Он очень злой. Внутри он злой.

— Он хочет стать императором, — сказал доктор. — Я так думаю...

— Если бы вам, Леонид Моисеевич, захотелось найти Соню, где бы вы ее искали?

— Не знаю, честное слово, не знаю. Но, наверное, искал бы ее в районе метро «Университетская» и Нового цирка.

— Тогда у меня к вам просьба, — сказала Люся, — пожалуйста, будьте так любезны... Спросите у Кюхельбекера.

Доктор обещал помочь, но не знал, удастся или нет.

Люся еще долго сидела у него. Все равно делать пока нечего — она спрашивала о ветеранах, которые нападали на Егора, и доктор объяснил ей, что это и в самом деле люди, которых тянет к объединению, к порядку и которые в той жизни привыкли быть в партии, последние попали сюда в начале девяностых. Они ненавидят императора, и если бы остальные не боялись их прихода к власти, то дали бы убить императора, и Кюхлю, и Леонида Моисеевича. Но их меньшинство, и они не всесильны...

— Ты знаешь о фундаменталистах? — спросил доктор.

— Это у нас в Средней Азии, они хотят на всех женщин паранджу надеть и чтобы были гаремы.

— Приблизительно. Но главное, они хотят, чтобы миром правила их религия. Там очень интересная публика подобралась... Они хотят прервать все связи с вашим миром, они боятся, что ты или Веня — это зараза, которую император нарочно ввозит сюда, чтобы погубить наш мир, который, по их мнению, создан как полигон для будущего чистого, организованного мира. Они верят, что в конце концов они будут править здесь, раз уж не удалось там, у вас. Ты меня понимаешь?

— Я понимаю, — сказала Люся, — что даже в самом глубоком подвале мы сразу начинаем гражданскую войну... А они, эти фундаменталисты, они прячутся? Их нельзя найти?

— А зачем их находить?

— Вас мало. Я думаю, что императору не нужны враги.

Доктор улыбнулся.

— Ты умница, — сказал он. — С тобой приятно разговаривать. Твой мозг, как необработанный, но чистый камень, отражает связи окружающего мира. Может, потому, что ты остаешься здесь зрительницей. Нас так мало, и всем страшно... Я думаю, что между императором и ветеранами достигнут статус-кво. Только не убеждай меня, что ты знаешь перевод этого выражения.

— Я не знаю, — сказала Люся, — но догадаться нетрудно. Это значит договор или заговор.

— Ты почти права.

— Они меня убьют?

— Они могут убить. А могут и не тронуть. Покушение на тебя состоялось, когда ты была еще никем. Теперь ты императрица и защищена обычаем.

— Разве раньше были императрицы?

— Здесь не принято составлять хроники или вести дневники. Для меня история без времени — черная яма. Для других — тоже. Мы ничего не хотим знать.

— А где я найду Соню Рабинову? — неожиданно спросила Люся.

— Если узнаю — скажу.

— Спасибо.

— Ты куда?

— Я хочу найти Дантеса. Мне нужно заполучить назад мои джинсы и кроссовки. Не ходить же мне вечно в подвенечном платье.

— Это очень красиво.

В дверь кабинета ударили — дверь распахнулась. Там стоял император, крепко подхваченный велосипедистами личной охраны.

— Ты почему от меня скрываешься? — сказал он. — Я же тоскую без тебя.

— Сейчас иду, — сказала Люся.

Она скользнула в узкую щель между его тушей и косяком двери. Император качнулся, стараясь прижать ее, схватить, но она уже стояла за его спиной.

— Я хочу найти Дантеса, — сказала Люся.

— А спать ты не пойдешь? — громко спросил император. — Мне так нравится с тобой спать!

— Обязательно пойду, но мы же только что встали, и теперь моему организму надо оправиться от того, что вы с ним натворили!

Император пожевал губами, соображая, обидели его или сделали комплимент. Наконец он решил обрадоваться.

— Правда, — сказал он, — тебе надо отдохнуть от меня.

— Вы не видели Дантеса? — спросила Люся. — Мне нужно переодеться, и к тому же он обещал выделить мне комнату поблизости от вашей.

— И не мечтай.

— Доктор! — в отчаянии закричала Люся.

Доктор понял и отозвался из глубины медпункта:

— Даме надо иметь свою туалетную комнату. Из соображений гигиены. Даже простолюдины в нашем государстве имеют свои комнаты.

— Ну ладно, ладно, — отмахнулся император. — Дантес на платформе у багажного отделения. Я только что его видел. Там коллекционеры собрались, представляешь, они собирают марки и монеты!

Люсе удалось, подождав, правда, вытащить Дантеса из тол-

пы коллекционеров, и он проводил ее в гардеробную. Потом они долго искали подходящую комнату. Люся капризничала, Дантес сердился, потому что спешил к своим коллегам. Люсе нужна была комната с внутренним засовом. Она нашла ее — это была комната с решительной черной табличкой «Посторонним вход воспрещен». Там даже сохранился письменный стол с запертыми ящиками. Туда Люся утащила ворох тряпок, которые набрала в гардеробной.

Дантесу претила роль носильщика, но Люся ему нравилась. Он боялся, что его заметят придворные, и, быстро скользнув от лестницы в опочивальню, кинул одежду на пол.

— Господин Дантес, — сказала Люся, когда переезд был завершен и Дантес вздохнул с облегчением, что его никто не увидел. — Мне хочется встретиться с Соней Рабиновой.

— Еще чего не хватало! — ответил Дантес.

Он не сообразил, зачем Люсе такая встреча, и накручивал на палец золотистый локон, стараясь привести мысли в порядок.

— Она мне очень понравилась, — сказала Люся, — я хочу с ней дружить. Может быть, я ее возьму даже во фрейлины.

И тут Дантес раскусил хитрость Люси:

— Ты думаешь, она расскажет тебе, как бежать от нас? Черта с два! Она ничего не знает и знать не может. Она лишь орудие. Тупое, нерассуждающее орудие.

— Она мне не кажется тупой, — сказала Люся.

— Ни черта ты здесь не понимаешь!

И вдруг Люся поняла, что она не должна позволять ему переходить на тон шестилетней давности.

— Господин Дантес, — сказала она, изображая королеву, — попрошу вас не грубить. Вы забываете, с кем имеете дело.

— Да ты что?

— Я позову стражу, — сказала Люся.

И Дантес понял, что она и в самом деле так сделает. Он проглотил слюну.

— Но я не знаю, как найти эту Рабинову. Я знаю только, что она сама сюда приходит, когда надо...

Он обиженно отправился к двери, от двери отомстил:

— Спрашивай у Кюхли. Но учти, что он с тобой не будет, как я, цацкаться.

Она закрыла дверь, сорвала с себя это паршивое подвенечное платье, оно взвилось над полом и медленно опустилось, как морской скат опускается на песчаное дно.

И вдруг Люсе стало страшно, обидно и горько.

И она заревела.

Она поняла, что никогда не наденет такого платья на настоящую свадьбу. И все кончено. И жизнь ее кончена, и она будет теперь чахнуть в этой коробке вокзала.

Ей нечего было устраивать в новой комнате, но существование комнаты как-то отделяло ее от противного императора. Не вечно же спать в ногах у Павла Петровича, которого, может, в паспорте зовут совершенно иначе. Может, даже Герингом.

Она натянула джинсы, кроссовки, и тут ей захотелось спать — непонятно почему, может, перенервничала.

Когда она проснулась, то долго не могла понять, где она.

В дверь постучали.

— Император велел прийти на праздничный ужин. Мы продолжаем торжества.

Снова все сидели за столом и делали вид, что едят. Люська не прислушивалась к разговорам и старалась не смотреть на ту самую простыню, которую вывесили как трофейное знамя. Господи, ну как же выжить здесь!

Потом она решила попробовать иной путь. Она спросила мужа:

— Павел, мне можно погулять?

— Как так погулять?

— Я хочу сохранить форму, как ты, — сказала она.

Кюхельбекер, который подслушивал все разговоры, укоризненно проговорил:

— Допустимо ли так обращаться к нашему любимому императору?

Император смотрел на них по очереди, переводя круглую голову с жены на главного министра и обратно. Наконец губы его разъехались в усмешке:

— Никому нельзя называть меня Павлом, никому не дозволено обращаться ко мне в единственном числе. За это положена смертная казнь. Ясно?

Голос его поднялся почти до визга и разнесся по всему залу. Кюхельбекер не скрывал торжества, Люся поняла, что ошиблась в оценке характера своего мужа.

Но тот продолжал:

— Никому, за исключением моей единственной прекрасной супруги Люси.

Он поманил ее согнутым указательным пальцем, Люся послушно наклонилась к нему, и он поцеловал ее в губы холодными влажными губами.

«Как мертвец, — подумала она. И мысленно добавила: — А скоро мы с ним станем парочкой — сладкой парочкой».

— Павел, — сказала она, отстранясь от императора, — я хочу погулять по окрестностям.

— Где у нас безопасное направление? — спросил император у Кюхельбекера.

Тот сделал вид, что ничего не произошло.

— У нас нет безопасных направлений для прогулок, — ответил министр. — Как вы знаете, ваше величество...

Последние слова были произнесены с ударением, почти с издевкой.

— Почему?

Вдоль стола среди гостей, немногочисленных на этот раз, прокатился шумок.

— Потому что не пойманы люди, которые перед вашей свадьбой устроили покушение на невесту императора.

И Кюхельбекер повел длинной рукой в сторону входа в вокзал, где лежала расколотая каменная плита.

— Потому что до сих пор не пойман певец Веня Малкин.

— А вот это для меня загадка, — сказал Павел Петрович, сразу забыв о просьбе Люси. — Волки его, что ли, загрызли?!

— У нас нет волков, — быстро ответил лишенный воображения Дантес.

— Правильно. Значит, он попал к бандитам, разбойникам, пожирателям трупов, которых мои доблестные самокатчики до сих пор не могут истребить.

— А как их истребишь, — сказал велосипедист, стоявший за троном, — если они на том берегу живут, а мы туда не плаваем?

— Значит, ты думаешь, что он поплыл на тот берег?

Велосипедист не ответил, а Кюхельбекер прогудел, шевеля громадным кадыком, готовым прорвать кожу на шее:

— Малкин убежал вместе со своими поклонниками. Убежавших, очевидно, шестеро. По крайней мере, одна из этой публики побывала на том берегу.

— Почему мне не докладывают?

— Это было давно, — сказал министр, — ее похитили, но не убили. Она жила там, с ними... потом убежала. Я ее допрашивал об этих бандитах.

— И что она сказала?

— Это одна из небольших банд. Весь тот берег, насколько хватает взгляда, поделен на территории. Каждой владеет бандитская группа. А наш берег — это берег цивилизованных государств. Я бы мог провести параллель с ситуацией между степными ордами и цивилизованным миром Средневековья. Орды вторгались в культурные области, грабили и убегали, если встречали отпор. И этим грабежом в значительной степени жили.

— Как жаль, что ты мне тогда не дал поговорить с той... пленницей. Я так люблю интересные документальные истории.

— Я не хотел вас беспокоить.

— Ну уж! — сказал Дантес, и император, усмехнувшись, кивнул:

— Я согласен с Дантесом. Ты, Кюхля, замечательно усвоил правило: чем у тебя больше секретов, которые ты забыл разделить с окружающими, включая своего любимого монарха, тем ты богаче, а мы беднее. И что же она еще рассказала?

— Я предпочел бы остаться вдвоем с вами, — сказал Кюхля.

— У меня другие дела, — сказала Люся, прежде чем император успел возразить министру. — Мы попозже увидимся.

— А я? — спросил Дантес.

— Ах, делайте что хотите! — в сердцах вскричал император. — Какие у нас могут быть секреты! Ты у меня, Дантес, полководец, и тебе надо все знать.

Люся пошла к выходу из вокзала — впервые за время, проведенное здесь, она окажется на улице. А сколько прошло времени? Черт его знает — вернее всего, сутки. В каждом человеке есть внутренние часы, но они работают тем точнее, чем меньший отрезок времени ты прожил без внешних часов. А что ты будешь делать в мире, где всегда одинаковое серое небо и всегда чуть прохладнее, чем хотелось бы?

Отойдя шагов на сто, она оглянулась и увидела, что император, с трудом повернув голову, машет рукой. И тут же один из велосипедистов затрусил следом.

«Ну и пускай, — подумала Люся. — Пускай сопровождают. Я сейчас далеко не убегу».

Она дождалась велосипедиста у расколотой плиты. «Господи, меня и быть не должно — как же доктор успел оттолкнуть меня? Значит, он спас мне жизнь?» Рядом с плитой что-то сверкнуло. Люся подняла маленькую красную звездочку с портретом Мао Цзэдуна. Как она попала сюда?

Люся приколола ее к себе на курточку.

Площадь была велика, даже бесконечна — до самой реки. Черные обгорелые столбы казались черными пальцами зако-

панной в землю руки. Несколько старых автомобилей стояли, забытые временем.

Вдали у реки вдоль парапета стояли какие-то фигурки. Чем занимаются эти люди? Ведь не спят, не работают и, если не считать ветеранов, не заседают.

Она прошла через площадь. Велосипедист шагал сзади.

— Я хочу в гости поехать, — сказала Люся охраннику.

— Куда? — спросил тот.

— К Метромосту. Там Пыркин и Партизан живут, вы знаете?

— Я туда давно не ездил, — сказал велосипедист.

— А можно достать велосипед? Не как у вас, а настоящий?

— А мы не специально их делали, — ответил велосипедист. — Мы в цирке нашли. Целый запас. Нас самокатчиками зовут.

Разговаривая с велосипедистом, Люся шла через площадь, стараясь не приближаться к обгорелым столбам.

У речки она обнаружила трех рыболовов. Они стояли с удочками.

— Что-нибудь ловится? — спросила Люся.

— Дура, — отозвался рыболов постарше, в непромокаемом плаще и широкополой шляпе. — Откуда здесь рыба?

— Но не оставляем надежды, — откликнулся второй рыболов, совсем еще молоденький.

— Вы здесь недавно? — спросила Люся.

— Не знаю, — ответил молодой рыболов. — Откуда мне знать?

— И все ловите?

— Все ловим.

Люся посмотрела направо — река уходила прямо, и вдали был виден ажурный железнодорожный мост. Вот в ту сторону ей надо отправиться. Но как?

— Значит, настоящих велосипедов нет? — спросила Люся.

— Есть.

— А где их найти?

— Это у господина Дантеса спросите, — проговорился велосипедист. — У них в арсенале есть.

Люся стояла на берегу, глядя, как течет серая вода.

Потом вернулась на вокзал.

Она нашла Дантеса в медицинском кабинете. Он сидел там на койке и жевал банан.

— Нигде спрятаться нельзя, — капризно проворчал он, — всюду глаза.

— Ешьте, ешьте, он полезный, — сказала Люся.

— Но не для меня.

— А почему едите?

— Не пропадать же хорошей пище, — засмеялся доктор.

— Чепуха, чепуха, чепуха! — откликнулся Дантес. — В бананах содержатся очень ценные витамины. Я вчера говорил с магистром.

— Магистр, — пояснил доктор, — это наш местный работник белой магии.

— И черной тоже. В последнее время он нашел пути к Вельзевулу, — заметил Дантес. — Это пронзительный человек! Даже не человек — существо. Зря император ему не доверяет.

— Он ложки крадет, — сказал доктор.

— Выдумка Кюхли. Ты же знаешь, что Кюхля ко всем ревнует императора. Будь его воля, носил бы императора в кармане.

Последние слова Дантес произнес полушепотом и полушепотом же посмеялся потом.

— А у вас в арсенале есть велосипеды? — спросила Люся.

— Есть, а тебе зачем?

— Покататься, — сказала Люся. — Мне надоело здесь сидеть.

— Императрица — самокатчица! — Дантес долго смеялся.

Потом он ушел, а Люся спросила доктора:

— А где он хранит велосипеды?

— Люся, это очень опасно!

— А как еще мне добраться до Сони Рабиновой?

— Не нужна тебе эта Соня. Ничего ты от нее не узнаешь.

— Леонид Моисеевич, у меня нет выбора, — сказала Люся.

— Никогда не скажешь, что тебе только восемнадцать лет, — улыбнулся доктор. — Можно подумать, что ты у нас лет сто прожила и набралась всяких слов.

— Так куда мне идти?

— Это где-то под вокзалом, — сказал доктор. — Я же там не был.

— А кто мне покажет?

— Не знаю.

— Тогда мы пойдем вместе.

— Этого еще не хватало!

— Да поймите же, Леонид Моисеевич! Вместе с вами я могу гулять свободно, никто внимания не обратит. Так вы пойдете гулять с императрицей?

— Пойду, мой ангел, — сказал доктор.

Он снял со спинки стула черный мятый пиджак.

— Мне не нравятся женщины в брюках, — сказал он. — В мои времена женщины не носили брюк.

— В какие времена?

— Когда-нибудь расскажу. Это было совсем недавно, чуть больше ста лет назад.

Через гулкий сводчатый зал вокзала, который, опустев, обрел истинные размеры, они прошли на платформы. В конце за полукругом широкой арки бежали серые облака.

— Пошли по правой платформе, — предложил доктор.

Коллекционеры, которые все еще возились с марками, на них не обращали внимания.

— Какая жалость, что я не собираю марок, — сказал Леонид Моисеевич, — вы знаете, что они не уходят отсюда сутками, а иногда неделями — какое счастье! Никто тебя не торопит, никто не ждет, только ты, твои альбомы и твои конкуренты.

— Странно, что тут нет художников или писателей.

— Может, и есть, — сказал доктор, — только я их не встретил. Нас ведь мало, нас в миллион раз меньше, чем дома. Статистика за то, что к нам ни один творческий человек не попадет. А вот поэт был, но недолго. Он пытался покончить с собой там, выжил, кинулся к нам, и у нас тоже пробыл недолго. Только я не помню его фамилии.

Люся молчала.

Они дошли до края платформы, вышли на открытую площадку и повернули направо. И тут Люся получила ответ на один из вопросов.

На асфальте были вычерчены «классики». Сложные, с номерами. Несколько женщин разного возраста, или, вернее, разной степени изношенности, стояли вокруг «классиков», наблюдая за тем, как одна из них прыгала из клетки в клетку.

Никто не обратил внимания на Люсю и доктора. Этот мир уже потерял к Люсе интерес.

Доктор еще раз повернул направо — они оказались перед входом в метро.

Здесь им повезло.

Пока доктор стоял в растерянности, вспоминая, куда идти дальше, из метро вышел самокатчик. Он нес под мышкой пять или шесть сабель в ножнах, как несут к костру нарубленные сучья.

— Куда несешь? — спросил его доктор голосом отдыхающего начальника.

— Тревога у нас, — ответил самокатчик. — Опасаемся набегов из-за речки.

— Это правильно, — сказал доктор. — Ты один?

— Сержант уже пошел, — сказал самокатчик.

Они подождали, пока самокатчик скроется. Но сразу нырнуть в метро не удалось. Показалась плачущая женщина. Недавно Люся видела ее игравшей в «классики».

— Они все жулье, я больше не буду с ними играть, — сказала женщина.

Доктор с Люсей вошли в метро.

— Я побуду здесь, — сказал доктор, — чтобы тебя не застали.

Он все-таки побаивался гнева властей.

— А куда мне идти? — спросила Люся.

— Я знаю столько же, сколько и ты.

Впереди была темнота. Люся совсем забыла, что метро не освещается.

— Присмотрись, — сказал доктор, — мне кажется, что впереди что-то светится.

Люся постояла минуты две с зажмуренными глазами, когда открыла их, убедилась в том, что впереди в самом деле есть свет.

— Я пошла, — сказала Люся.

— Ну иди, — сказал доктор.

Спереди тянуло холодным воздухом.

Светящаяся точка становилась все ярче. Люся пошла быстрее, и это чуть не кончилось трагически, потому что она не заметила верхней ступеньки лестницы и полетела вниз, но каким-то чудом не упала, а села на нижнюю ступеньку.

Дальше было светлее.

Керосиновая лампа стояла возле закрытой на амбарный замок двери. Но в замке торчал ключ. Рядом никого не было.

Еле освещенные светом керосиновой лампы, виднелись какие-то конструкции. Люся заглянула туда. Она почти угадала. У стены коридора стояло несколько мотоциклов и мотороллеров, машин ненужных и непонятно зачем здесь спрятанных. Но велосипедов не было.

Люся решила взять лампу, и тут же из темноты по ту сторону лампы выскочило грубое, искаженное гримасой лицо. Толстая волосатая рука выхватила лампу у Люси.

— Ты что тут делаешь? — спросил незнакомец.

— А вы? — спросила Люська. От страха получилось громко и визгливо.

— Я хранитель склада, — сказал мужчина. — Сейчас я тебя отведу куда надо.

— Вы хранитель? — Люся быстро пришла в себя, деваться некуда. Припертый к стенке заяц становится опасен. — Вот тебя мне и надо, — сказала Люся. — Ты меня узнал? Свою императрицу?

— Откуда мне знать?

— Тебе что, не сказали?

— Я здесь сижу, я хранитель склада.

— А мне срочно нужен велосипед, вот я и пришла сюда.

Люся поглядела на кладовщика. У него было широкое, тупое, мучнистое лицо и черные круглые глаза.

— Мне нужен велосипед. У тебя есть велосипед?

— А мне приказано оружие никому не выдавать. Если что — сразу вызывать помощь.

Люся удивилась. Она не знала, что в этом царстве есть какая-то связь.

Кладовщик, желая пояснить, показал на шнур или провод с грузом на конце, свисавший со стены.

— Мне оружие не нужно. Ты его береги, — сказала Люся. — Совсем не нужно мне ваше оружие. Мне велосипед нужен.

Люся потянула кладовщика за рукав, и он покорно пошел за ней вглубь.

Там было кладбище велосипедов. И почти сразу Люся увидела велосипед, который был ей нужен, — современный, на больших широких колесах.

— Посвети, — велела она кладовщику.

Тот посветил. Он все еще пребывал в сомнении.

— Ты записывать будешь? — спросила Люся.

— Я все помню, — сказал кладовщик.

Он стоял, держа лампу в высоко поднятой руке, как будто хотел осветить Люсе дорогу до выхода.

Люся выкатила велосипед на улицу. День показался ослепительно ярким, будто вышло солнце. Интересно, а есть ли здесь солнце и луна? И где же доктор?

Не обнаружив его, Люся покатила велосипед вдоль стены вокзала. Так как никого вокруг не было, она решила проверить, выдержит ли он ее — а то придется возвращаться на склад.

Только она закинула ногу, чтобы взобраться в седло, как увидела доктора. Тот вышел из какой-то ниши.

— Я так переживал, — сказал он.

— Крикнули бы, что ли, — укорила его Люся.

— Не сердитесь, вы же императрица, а я просто врач. Вы помните, как они уничтожили мою железную дорогу?

— Спасибо за все, — сказала Люся. — Я поехала.

— Как? Прямо сейчас?

— А когда?

— Надо подготовиться, взять что-то с собой.

— Может, дома я бы стала собираться, — сказала Люся, — а здесь зачем? Погода всегда хорошая, меня пока не хватились.

— Тогда я побежал к себе в кабинет. Вы меня не видели.

— Разумеется, не видела, — согласилась Люся. — Бегите.

Доктор поспешил к входу в вокзал. Люся тем временем забралась в седло и попробовала проехать на велосипеде вдоль стены. Велосипед оказался, на счастье, ловким, легким, послушным, будто вчера его смазали.

Просчитав про себя до двухсот, Люся поехала прочь от вокзала. Но она не стала рисковать и проезжать перед фасадом, а выехала на набережную вдоль Бородинского моста и покатила направо.

Рыбаки все так же стояли у парапета. Они не обернулись. Люся считала, что ей наконец-то немного повезло. Но нельзя же, чтобы человеку всегда не везло!

Люся быстро ехала по набережной, никого не встретив, кроме одного самокатчика. Самокатчик вез какие-то коробки, привязанные к багажнику велосипеда. Он поглядел на Люську из-под каски, и Люся пожалела, что не заметила его раньше. Теперь он точно доложит на вокзале, что императрица сбежала.

Она приближалась к мосту Окружной железной дороги, и ее охватило странное, приятное чувство возвращения домой.

Конечно, она могла бы поехать за мостом верхней дорогой, по Мосфильмовской или по Воробьевке, чтобы скорее добраться до Детского музыкального театра, но она понимала, что, если не повезет, она будет искать эту Соню тысячу лет, пока ее не поймают или она сама не попадет к привидениям или разбойникам. Поэтому Люся поехала левее, вдоль реки, в гости к Пыркину, который ее не предаст, который ничего не боится и, может быть, расскажет ей, как искать Рабинову.

Она поглядела на тот берег, но там было пусто. Почему-то ей казалось, что Веня Малкин скрывается там, у бандитов. Как же он их не испугался?

Пыркина она увидела даже раньше, чем надеялась.

Сначала к ней прибежал Жулик.

Пес прыгал возле нее, весело лаял и махал хвостом. А потом показался и сам Пыркин.

— Мой ангел во плоти! — воскликнул он издали. — А я был убежден, что моя ничтожная физиономия испарилась из вашей памяти, мадам!

Люся остановилась, одной ногой на земле, другой — на педали.

— Я тебя, Пыркин, искала, — сказала она.

— А ты скажи сначала, — потребовал он, — скажи, правда ли то, что ты добровольно возвратилась в нашу преисподнюю, чтобы стать ее императрицей?

— Уже донесли?

— У нас вести хоть и не скоро, но бродят.

— Все сложнее, Пыркин, мне надо с тобой посоветоваться.

Странно было не то, что Пыркин не изменился, — главное, что он не переоделся. То же длинное черное пальто без рукава, та же оранжевая рубаха под ним. Но рукав разорван, облит темным — это кровь шестилетней давности.

Ничего не изменилось, но износилось настолько, что пальто готово было рассыпаться по швам.

— Ты бы переоделся, Пыркин, — сказала Люся.

— Некогда, — искренне ответил Пыркин. — Я все занят.

— Чем же ты занят?

— Большей частью я думаю, — признался бывший сосед. — Иногда хожу туда, наверх, по городу гуляю. Все думал, а вдруг тебя встречу. Вот и встретил. Так ты правда за этого пузыря вышла?

— А куда нам деваться? — сказала Люся. — С нашего двора только в королевский дворец, правда?

— А я тебя сразу узнал, — сказал Пыркин, решив, видно, не углубляться в диалектику Люсиных слов. — Ты хоть вымахала, как верста коломенская, но я тебя сразу узнал. В школу ходишь?

Люся прислонила велосипед к какому-то столбику и села на землю.

Пыркин садиться не стал, а стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Пыркин, ну что ты несешь? Мне уже восемнадцать.

— Значит, и будет всегда восемнадцать, — сказал Пыркин. — Это удачный возраст. Вот я сюда в пятьдесят попал — и там пожил, и здесь живу. А то я только недавно ветеранов видел. Знаешь ветеранов?

— Слышала.

— Они здесь крутятся, — сказал Пыркин. — Так они куда меня старше.

— А чего они здесь делают? — спросила Люся.

— Соньку Рабинову ищут.

— Ох, и нашли?

— Пока не нашли. Но найдут. Они настырные. Добра не жди. Там во главе Распутин. Борода — во!

— А что им от нее нужно?

— Не говорят, да я их и не спрашивал. Боюсь я ветеранов. Пойдем к нам, чаю попьем. Если ты не беглая. А если ты беглая, то ты к нам лучше не ходи, а то нас всех накажут. Ты ведь как вернулась, на телеге с самим Кюхельбекером ехала, я видал, я тебя встречал. Знаешь, у меня в моем холодном сердце вдруг что-то щелкнуло: надо, пора выходить на улицу, говорит мое сердце, ожидает тебя знаменательная встреча. Я вышел, а тут ты идешь.

— Пыркин, скажи мне, а где мне Соню Рабинову найти?

— Так ты что — в ветераны перешла?

— Пыркин, я разве похожа на ветеранку?

— Похожа — не похожа, это пустой разговор. Может, ты и не Люська Тихонова вовсе. С чего я решил, что ты Люська Тихонова? Ты на нее вовсе не похожа. Ты больше на ветеранку похожа.

— Ладно, — сказала Люся, — пошли к тебе чай пить.

— Нет, я тебя чай пить не звал, — сказал Пыркин. — Ты мне докажи сначала, что ты Люська Тихонова.

— А мне доказывать не нужно, — сказала Люся. — Мы же в одном дворе жили, а ты раньше учителем в школе был, а тебя за пьянку попросили.

— Это правильно, но это все знают.

— А что вы в третьем подъезде на шестом этаже жили и бутылку почти полную с балкона уронили, Марьи Сергеевны кошку зашибли и вас в милицию водили?

— Людмила, забудь об этом... — Потом он подумал немного и сказал: — Какая сладкая жизнь была!

Люся думала, что он вспомнит что-то о дворе или соседях, а он смахнул слезу и закончил:

— На каждом углу водку давали.

— Теперь чай позовешь пить?

— Теперь позову. Только если ты обещаешь мне, что не стала ихней шпионкой и императрицей.

— Ладно уж, Пыркин, пошли.

Они дошли до бытовки минут за пятнадцать, за дружеским разговором никого не встретив.

Лишь на том берегу Москвы-реки горел костер. Возле него ходили люди размером с муравья, так что угадать, кто там есть, было невозможно. А вдруг и в самом деле Веня Малкин оказался среди бандитов?

У дверцы голубой бытовки стояла инвалидная коляска на колесиках.

Вот это неожиданность!

— Они здесь? Чего же ты не сказал?

— А если бы уже ушли? Тебе бы какое разочарование! Разве я не понимаю?

Люська прислонила велосипед к стенке бытовки и сказала Жулику:

— Ты постереги, ладно?

Жулик тявкнул, он был верным песиком.

Люся быстро вошла в бытовку.

Они все сидели за столом и мирно беседовали. Люся ворвалась с шумом, испугавшим всех.

— Здравствуйте, — сказала она, глядя на Соню Рабинову.

Партизан, надевший в этот раз генеральскую фуражку, узнал ее не сразу, а стал жмуриться, приставлять ладонь козырьком к глазам и бормотать невнятно. Кроме них, в бытовке оказалась новая жительница — маленькая серая женщина со скошенной челюстью и птичьим носом, который тянулся кончиком к губе.

И конечно же, идиот.

Может, это был не идиот, только Люся про себя называла его так.

Он не обернулся к Люсе, а продолжал тянуть воду из стакана, словно это было увлекательным занятием, а вместо воды ему достался апельсиновый сок.

— Люся, — сказал наконец Партизан. — Пыркин мне говорил, что ты вернулась. Он говорил, а я не поверил. Я решил, как разумный человек, если тебя снова увидели, значит, ты никуда не уходила, а просто здесь по соседству все это время бродила.

— А вы совсем не изменились, — сказала Люся.

— А вот ты изменилась, и это странно. Но я тебе должен сказать, что если ты нашла пищу специальную, от которой растут, мне говорили, что есть такая, будто под Малаховкой растет пальма, а с нее падают такие кокосы, что если их есть, то вырастешь...

— Вы меня искали? — спросила Соня, близоруко щурясь.

— Простите, что я так настойчиво...

— Я все понимаю. Давайте выйдем, погуляем немного по берегу, мне ведь тоже хочется вас кое о чем спросить.

— Ты бы сначала чайку отведала, — сказал Пыркин.

— Ты чай заваривать не умеешь, — сказала Люся. — И никогда не умел.

Никто не засмеялся, впрочем, Люся и не рассчитывала на это.

Девушки вышли наружу. Они спустились по ступенькам к парапету. Вода в реке была серая, она отражала небо.

— Мне иногда хочется уплыть отсюда, — сказала Соня.

Люся наконец-то смогла ее рассмотреть.

Соня была высока, ростом с Люсю, но склонна к полноте. Правда, ей никогда не стать полной, по крайней мере здесь. Волосы у Сони были черные, густые, зачесанные назад, с пробором посреди головы. Она носила очки. Больше Люся ни у кого не видела очков, словно люди здесь презирали необходимость хорошо видеть. Как вижу, так и вижу... А платье у Сони было какое-то детдомовское, балахоном, видно, она поддалась здешнему обычаю — носить, пока не развалится.

Соня тоже разглядывала Люсю.

— Мне вас очень жалко, — сказала Соня. Глаза у нее были карие, в черных ресницах. — Я сначала не знала, какая вам уготована роль, а потом поняла, что это трагедия.

Интеллигентная, подумала Люся. Она не презирала интеллигентов, как было принято в ее семье и среди любовников матери. Она сама хотела стать интеллигентной.

— Скажите, а вы знаете, как мне отсюда уйти? — спросила Люся. Лучше сразу спросить, время дорого.

— Мне трудно ответить на этот вопрос.

— Ну вы хоть знаете, как меня украли?

— Со мной никто не разговаривает, — отвечала Соня.

— Я отсюда уже уходила.

— Я знаю, — сказала Соня. — Вы же меня тогда видели.

— Конечно, но тогда я еще не понимала, что все зависит от вас.

— Нет, — сказала Соня, — не от меня. От Дениса.

— Кто такой Денис?

— Это мальчик. Он там за столом сидит, он больной, но очень хороший.

— А вы редко бываете на вокзале? — спросила Люся.

— Я там вообще не бываю, — ответила Соня. — Ни разу не была.

— И не видели императора?

— Я знаю, что там кто-то живет, но не интересуюсь этим. Да мне и нельзя отсюда уезжать.

— Почему?

— Во-первых, Дениске трудно ездить на большие расстояния, но главное — университетская библиотека. Гигантская библиотека, и часть книг там сохранилась.

— Вы читаете? — спросила Люся.

Ну вот, а она думала, что здесь никто не читает.

— Здесь все такие нелюбопытные. — Соня сняла очки, подышала на них, вытерла стекла подолом платья и сказала: — Знаете, никто еще не спросил меня, почему я никогда не расстаюсь с Денисом. Никто. Они думают, что мы — какая-то единая машина.

На том берегу реки костер разгорелся ярче, и от этого света стало казаться, что наступает вечер.

— А там разбойники, — сказала Соня. — Они заменяют жизнь убийствами. У нас каждый чем-нибудь заменяет себе жизнь. У меня — книги. Я ведь аспиранткой была. По английской филологии. Я изучала Чосера. Вам это что-то говорит?

— Немного, — соврала Люся, которой хотелось быть приятной. — Я в книготорговом техникуме учусь. Мы проходили английскую литературу.

— Не может быть! Вас Людмилой зовут, да?

— Люсей.

— Господи, встретить живого человека в этом аду!

— А ты почему здесь оказалась? — спросила Люся. Она незаметно для себя перешла на «ты» — все-таки они обе такие молодые, студентки.

— Это... ну... личное дело. Я очень любила одного человека, и он меня оставил... Он меня довольно подло оставил, и я хотела покончить с собой, но испугалась. А потом стала мечтать, как бы сделать так, чтобы остаться совсем одной — проснуться, у всех Новый год, а я совсем одна.

— Это давно было?

— Вчера, — сказала Соня. Потом, видно, подумала, что Люся может счесть ответ грубым, пояснила: — Это случилось в пятьдесят шестом году, но для меня это — вчерашний день... Я иногда думаю: «Господи, ему же сейчас шестьдесят лет, даже больше, а я молодая и красивая».

Соня вдруг всхлипнула.

— Я какой-то моральный урод. Все время хочу плакать. И знаешь почему? Никогда не догадаешься — потому что мне хочется иметь детей. Хотя бы одного ребеночка. И для меня Денис — спасение. Наверное, он удовлетворяет мой материнский инстинкт. Ты понимаешь?

— А чего тут не понимать? — ответила Люся.

— Но я нашла его не в Москве, — сказала Соня, — вернее, встретила.

— Ты ходила куда-то?

— Ой, извините, Люся, я вам неправильно сказала — дело в том, что я пришла в этот мир не здесь... Я жила в Калязине, знаете такой город?

— Слыхала, — осторожно сказала Люся.

— Это город на Волге, маленький город, там колокольня затопленная стоит. Там все друг друга знают, а после того, что со мной произошло, мне в Калязине жить было нельзя. Там каждый пальцем показывал...

Соня замолчала. Несмотря на черноту волос, крупный нос и полные, капризно очерченные губы, лицо ее было вовсе не восточным, а мягким, северным и очень добрым. Но глаза были печальны, нет, наверное, лучше сказать — скорбные глаза.

— И как же ты приехала в Москву?

— Я пришла, разумеется, — сказала Соня.

— Из Калязина? А это далеко?

— Километров... больше двухсот. Я шла три недели.

— Но почему?

— Представьте себе, Люся, что я очнулась в пустом городе. Ведь если в Калязине и случается с кем-то то же, что и со мной, эти люди или погибают в одиночестве и тоске, или уходят, поселяются в больших городах, где людей больше. Даже мы, мертвецы, стараемся найти себе подобных.

— И ты не испугалась?

— Я не сразу пошла, — сказала Соня, — не сразу. Сначала я не понимала, что со мной произошло. Я жила в собственной комнате, спала на собственной кровати, а потом поняла, что больше не хочу ни спать, ни есть. Но мой мозг продолжал работать... Я думала, что это — сон... А потом поняла, что это — смерть.

— Смерть?

— Я и сейчас думаю, что умерла. Так лучше.

— Но ведь я среди вас. А возвращалась домой.

— Значит, ты умерла дважды. А впрочем, кто нам сказал,

что между жизнью и смертью нет дверей? Любая религия предусматривает такие двери. Хотя бы односторонние.

— И ты одна пошла сюда?

— Я пошла искать людей.

— Тебе было страшно?

— Сначала было страшно, и тогда я пряталась в своей комнате. Потом я устала бояться, и ко мне даже возвратился какой-то интерес к окружающей действительности.

— И ты долго шла?

— Долго.

— И никого не встречала?

— Я многих встречала. Этот мир тоже населен, и странно населен. Он населен как сон, как воспоминание о бывшей жизни и как карикатура на другой мир.

— А мне даже страшно подумать, как ты шла.

— А мне смешно вспоминать, — улыбнулась Соня. — И я стою сейчас здесь только потому, что в нашем, мертвом мире почти невозможно убить человека. Ты должен уничтожить его. И бывало, что я как бы умирала, меня убивали, а потом я приходила в себя и снова шла.

— Как Пыркин, — сказала Люся.

— Разумеется, когда обмен веществ так понижен... А Пыркин очень хороший, добрый человек. И знаешь — мне ведь приходилось встречать хороших людей. Но чаще все дурное, что копилось в человеке, вылезает наружу, потому что это мир без наказания, без страха наказания.

— Ну не везде!

— Страх придумывают себе люди, чтобы было оправдание подчиниться. — Соня догадалась, что Люся имеет в виду империю Киевского вокзала. — Но за пределами империй и банд также существуют люди. Есть отшельники, а есть небольшие группы людей: секты, коммуны, я даже была в колхозе. Ты, Люся, не представляешь, как порой бывает интересно путешествовать.

— Может быть. Но мне страшно представить.

— А Дениску я нашла в пустом дачном поселке на станции Трудовая. Это километрах в сорока от Москвы. Я пошла по поселку в поисках книжного магазина. Бывают у станции книжные магазины. И вдруг испугалась — вижу инвалидное кресло, и в нем дремлет это существо. Вот и все.

— Нет, не все, — возразила Люся, — тут самое главное и начинается.

Соня ответила не сразу. Она смотрела на костер на том берегу, потом долго разглядывала воду.

— Может, сделать лодку? — сказала она наконец. — Или плот. И отправиться к морю.

— И ты его привезла в Москву?

— Я представила себе, что он так и будет сидеть в этой коляске, пока не умрет в ней. Один в пустом дачном поселке, в котором три четверти деревьев исчезло, а остальные голые, в котором стоят развалившиеся дачи... Ты не представляешь, какая это тоска.

— А твой... Денис, он понимал это?

— Он многого не понимает, зато он очень тонко чувствует. Ты, наверное, слышала о телепатах?

— Слышала.

— Так вот он эмфат. То есть человек, у которого сильно развиты чувства, в том числе предчувствие. Он чувствует любовь, ненависть, жалость... Если вы стоите рядом с человеком, а он вас ненавидит, то, может быть, вы этой ненависти не ощутите, а будете говорить с ним как с другом. Или вас любят, а вы не догадываетесь.

— Ну уж!

— Все бывает. А с Денисом иначе. Он так обрадовался, что увидел меня, а я тогда не поняла — думала, от одиночества. Одиночество его не пугает, он его не чувствует. В нем есть свой собственный мир, до которого нам никогда не докопаться. Но вот мою жалость к нему, мой страх, что с таким беспомощным существом что-то может произойти, — вот это он почувствовал. И я почувствовала, как ему меня не хватало. Я так и не знаю, почему он оказался там, в Трудовой, что за горе проникло так глубоко в него, что он остался в этом мире? И как может это сделать умственно неполноценный человек?.. Ничего я не знаю. Но я тогда поняла — вот есть существо, которое нуждается во мне. И моя жизнь приобрела смысл.

— Сразу? — почему-то спросила Люся.

— Да. Сразу. Я подошла к нему... Он был такой грязный, несчастный, и я повезла его к станции, там я видела бочку с водой. Я его умыла, потом мы пошли в Москву.

— И вас не трогали?

— Никто нас не трогал. Нас вообще больше никто никогда не трогал. Это даже интересно. Как будто Дениска распространял вокруг себя какое-то поле... Нас никто не трогал. Хотя, конечно, мы с ним являем собой нелепое и жалкое зрелище.

— Ничего, что ты его там оставила? — Люся показала на бытовку.

— Что ты! Он так любит к ним в гости ездить! Чай пить. Он слов мало знает, но у него богатые интонации, вы не поверите! И если к нему нормально относятся, то он может в таком месте век просидеть. А они его не гонят. Они сами за этим чаем могут годы проводить. И еще он Жулика любит. И знаете — собачка отвечает ему взаимностью...

Наступила тишина, которую прервала Соня:

— А у меня в городе, прямо в университетской библиотеке, есть своя комната, свой уголок, на первом этаже, чтобы мне было легче Дениску туда завозить. Там мы живем, читаем...

— А мне все на вокзале говорили, что отыскать тебя нельзя.

— Врут они. — Соня улыбнулась. Глаза за очками были неправдоподобно громадными и не улыбались. — Оттуда и до двери недалеко.

— До какой двери?

— Ну, до двери в ваш мир, — сказала Соня.

— Вот это для меня главная тайна, — сказала Люся, — и, конечно же, самая важная.

— Почему?

— Потому что если я смогу уйти в ближайшие дни, то с моей кровью еще ничего не случится... То есть я смогу снова жить у нас.

— Ты хочешь вернуться?

— Господи, Соня, ты что, разве не понимаешь, как я сюда попала?

— Я видела...

— И не задумалась ни о чем?

— Мы с Дениской об этом не думаем, — ответила Соня. — Главное, чтобы нас оставили в покое.

— Тогда сделай усилие!

— Разве это что-нибудь изменит?

Конечно же, Люся попалась на разговоры о книжках и любви к Денису. И забыла, что все равно Соня — словно саламандра, холоднокровное существо...

— Слушай меня внимательно, — сказала Люся. — Шесть лет назад...

— Шесть лет?

— Погоди! Шесть лет назад я была девчонкой, мне было двенадцать лет. Я попала сюда. И мне, и еще одному мальчику, Егору, удалось отсюда уйти. С твоей помощью. Ты помнишь, как шесть лет назад вы отправили через дверь в наше время девочку и юношу?

Соня нахмурилась. Потом спросила:

— А зачем вас отправили обратно?

— Это длинная и глупая история. В общем, я попалась на глаза вашему императору, царю Киевского вокзала, герцогу общественных туалетов, князю автостоянки...

— Ты шутишь?

— Шучу, шучу... но он-то не шутил. Он, оказывается, отправил меня домой специально, чтобы я, как они говорят, созрела. И когда мне исполнилось восемнадцать лет, меня должны были утянуть сюда обратно и сделать женой императора. И это им удалось, потому что никто не принимал их всерьез. Меня усыпили и в таком состоянии привезли сюда. Ты же видела!

— Да, я все видела, — согласилась Соня. — И как вас отправляли туда, я помню, и как вы вернулись... но я не думала, что это один и тот же человек. И что было потом?

— Потом? Вчера, а может, позавчера... я сама путаюсь в вашем времени... меня как бы обвенчали с вашим Павлом Петровичем.

— Кто такой Павел Петрович?

— Это и есть император всея вокзала. Я теперь твоя императрица и могу отрубить тебе голову.

— Не шути так, Люся, потому что здесь все воспринимается так серьезно, что лучше не шутить.

— Мне надо домой.

— Ну вот, — вздохнула Соня. — Говорили, говорили, а теперь ты так странно ставишь вопрос. Мне с тобой интересно. Переезжай ко мне в библиотеку.

— Ты не понимаешь, Соня, что я еще могу жить, как все, я могу иметь детей, я могу видеть настоящее солнце... Сонечка, пожалуйста, пожалей меня, открой для меня дверь в мой мир!

Люся всхлипнула. Сейчас все надежды сконцентрировались в очкастой губастой тетке и в ее идиоте. Они знали секрет золотого ключика, и без них она погибнет в лапах Карабаса-Барабаса.

Соня не могла никак понять, чего же Люся хочет. Нет, она понимала, что Люся хочет возвратиться в свой мир, она была бы рада помочь Люсе, но то, чего Люся требовала, было немыслимо и уж никак не касалось Сони и Дениса.

— А у господина императора еще жены есть? — спросила

Соня, обнаружив полное незнание ситуации в собственной столице.

— Соня, при чем тут другие жены? Ты мне скажи, почему ты не хочешь мне помочь? Я тебя пришибить готова!

И зачем только из Люси вырвалась злоба! Сразу заверещал в бытовке Дениска, и Партизан выскочил на крыльцо.

— Девочки! — закричал он. — Девочки, не ссорьтесь! Ребенок же все чувствует и переживает.

— Ой, ну как же ты могла! — Соня сразу забыла о Люсе и кинулась к бытовке.

Люся осталась на берегу. Так она ничего и не узнала. Хотя все-таки сделано немало — познакомилась с Соней. Теперь осталось самое важное — убедить Соню открыть для нее дверь в наш мир. По крайней мере, понятно, что Соня знает, как это происходит.

Какое-то движение на том берегу реки привлекло ее внимание.

Люся пригляделась — там стояли два человека. Один молодой, стройный, длинноволосый, в джинсовом костюме, второй пониже его, с бородкой клинышком. Точнее не разберешь из-за легкой мглы, что плывет над водой.

В полной тишине у реки было слышно, что эти люди разговаривают, хотя слов не разобрать. Молодой, высокий как будто узнал Люсю, помахал ей рукой.

Люся пожала плечами.

— Императрица! — закричал высокий.

По голосу она догадалась, что это Веня Малкин.

Так и есть — он ушел к разбойникам. Ему, наверное, скучно в тусовке у Киевского вокзала, а может, он хочет отомстить императору.

Она помахала Вене в ответ. Не потому, что он ей нравился. Она не выносила его. Но все же знакомый...

— Приезжай к нам! — крикнул Веня. — Будешь ты царица мира!

Второй подпрыгнул, как будто это помогло ему крикнуть громче:

— Мы за тобой лодку пошлем!

— Ту же самую? — спросила Люся. Вряд ли они ее услышали — но она помнила, как бандитская лодка уплывала на тот берег, а на мачту была насажена женская голова...

От бытовки спустилась Соня.

— С кем ты разговариваешь?

— Это Веня Малкин, — сказала Люся, — ты должна его помнить. Это певец, который вместе со мной пришел.

— Я не вижу, — сказала Соня. — У меня очки слабые, а я ужасно близорукая.

— Привет, девочки! — донесся крик с того берега. — У нас веселье, вино и песни!

К двум молодым людям подошел еще один человек, вернее всего, бандит, в черной куртке и черной шляпе с пером — маскарадный тиролец.

— Мы пойдем домой, — сказала Соня. — А то они и в самом деле сюда приплывут... Они же совершенно безответственные. Как звери.

— Интересно, а почему они Веню не трогают?

— Это ты у него спроси, — сказала Соня. — Может быть, они заранее договорились?

Соня пошла наверх. Как раз из бытовки выносили Дениску, Соня вытерла ему вытекающую из угла рта струйку слюны. Дениска не улыбался, он морщил лоб, что-то его смущало, что-то не нравилось.

— Он чует бандитов, — сказала Соня. — Разумеется, неточно проводить сравнения между человеком и животным, но его ощущения часто близки к первобытным чувствам лесных обитателей, вы меня понимаете?

Дениса посадили в кресло, и он сразу задремал. Пыркин с Партизаном по более или менее пологой дорожке покатили кресло наверх. Соня шла рядом. Люся тоже пошла с ними. Она катила велосипед.

— Ты не рассказала, — Люся вернулась к прерванному разговору, — как ты узнала о существовании двери и о том, что сквозь нее можно проходить.

— Тут я совершенно ни при чем. Но когда я появилась в этих местах с Денисом, меня стал опекать некий Кюхельбекер, ты его знаешь. Он уверял меня, что надо бояться ветеранов, есть тут такая организация древних людей. Ветераны могут убить Дениса. Почему, спросила я Кюхельбекера. Потому, ответил он, что здесь уже был такой человек, юродивый, очень давно, и этот юродивый, оказывается, мог предсказать, когда между нашими мирами откроется щель. И больше того, какой-то умный человек догадался, что сквозь эту щель может пройти человек. Никто не помнит, как это все происходило, те, кто имел доступ к щели, таились, а теперь они уже износились и пропали, но какие-то тайные связи между двумя мирами были. А если покопаться в библиотеках или архивах там,

наверху, то можно найти их в рассказах и легендах. Но уже тогда, давно, были такие люди — ветераны. Они считали, что этот мир дан им для того, чтобы в нем не повторялись ошибки и вольности верхнего мира. Это были старые, изношенные, но злобные люди. Они боялись вредного влияния, они думали, что через щель могут прийти идеи и нравы, которые разрушат чистоту и пустоту этого мира. Прости меня, Люся, я не очень понимаю психологию этих ветеранов, я знаю только, что от них исходит злоба. И Кюхельбекер сказал мне, что того, прежнего, юродивого выследили и убили ветераны. А потом Кюхельбекер и еще один доктор, может, ты знаешь его...

— Знаю. Леонид Моисеевич.

— Нет, Леонид Моисеевич сидит на вокзале. А Иван Сергеевич ездил с нами в экспедиции. У Кюхельбекера были старинные записи. Мы старались их расшифровать и понять, как появляется щель. И мы искали ее, надеясь, что Денис будет чувствовать.

— И Денис стал чувствовать?

— Кюхельбекер говорит, что он чувствует куда лучше прежнего юродивого. И в конце концов все высчитали и отыскали пути к людям оттуда. Но я не могу тебе все рассказать, не потому, что не хочу, Люся, а потому, что это очень долго и скучно.

— Щель сама открывается или ее открывает твой Денис? — спросила Люся.

— Он только чувствует, когда это произойдет.

Они вышли наверх.

— Дальше мы пойдем сами, — сказала Соня.

— Я провожу вас, — сказала Люся. — А если можно, я у вас поживу.

— Зачем?

— Когда будет окно в наш мир, я сразу в него уйду. Чтобы не упустить момента.

— Нет, — возразил Пыркин. — Ты думаешь, куда хочешь, туда и пошла? Ты ведь кто теперь — императрица Киевского вокзала! А если императрица смоталась куда ни попадя, что начнется в государстве? Начнется великий кавардак.

— Ну и пускай начинается.

— Загибаю пальцы, — сказал Пыркин. — Первым делом всех допросят на вокзале, и еще с пристрастием. Там кто-нибудь знает, что ты велосипед взяла и сюда поехала?

— Доктор знает, Леонид Моисеевич.

Соня остановилась, слегка опираясь на спинку коляски.

Она слушала допрос внимательно и кивала головой, соглашаясь с Пыркиным.

— Значит, твоему Леониду Моисеевичу оторвут одно место.

— Пыркин, не преувеличивай. Они все доктора уважают.

— Нет, Соня, ты на нее погляди! Они — уважают!

— К сожалению, Люся, — тихо проговорила Соня, — слова «уважение» в лексиконе наших здешних соотечественников не существует. Это слово относится к миру со временем. Кого я могу уважать вечно?

— Ты тоже думаешь...

— Каждый здесь испытывает боль, если сделать ему больно. Это замечательное наследство, Люся. Они сделают твоему доктору так больно, что он расскажет больше, чем знает.

— Ну и что? И где они меня найдут?

— Следующими в очереди будут Пыркин и Партизан, — объяснила Соня. — А там уж найти тебя не составит труда.

— А я спрячусь в каком-нибудь пустом доме.

— Зачем?

— Я буду ждать.

— И если тебя не сожрут привидения, не растерзают бродяги, не загрызут крысы, то в конце концов ты вылезешь искать меня. А я буду благополучно жить, окруженная велосипедистами. И твой Кюхельбекер радостно скажет: «Добро пожаловать, императрица, вам пора в постельку к его величеству!»

— Но что мне тогда делать? Что делать?

— Будь хитрой, как змея, — сказал вдруг Пыркин. — Как тот змий, который Еву соблазнил.

— А император как, ничего мужик? — вмешался в разговор Партизан.

Пыркин дал ему подзатыльник — благо затылок Партизана находился на уровне пыркинского пупа.

— Пыркин прав, — сказала Соня. — Возвращайся, ласковая, послушная, ты ездила гулять, и не больше того. Ездила и вернулась. И придумай — ты умная, вот и придумай, чтобы в следующий раз, когда окно откроется, тебя взяли с собой, как — не знаю, но сделай! А Пыркина я пришлю к тебе сказать, когда это будет. Скоро.

— Ох, как не хочется возвращаться, — вздохнула Люся, понимая, что они правы.

— Денис устал, — сказала Сонечка. — Мы пошли. Было очень приятно познакомиться.

— Мы увидимся, — сказала Люся.

— Конечно, увидимся.

Соня покатила коляску в сторону университета. Они постояли, глядя ей вслед. Потом Пыркин сказал:

— Я тебя провожу.

— Не надо, я на велосипеде, так быстрее.

Партизан поддержал ее:

— Какой разговор — на велосипеде она как птица пролетит! Мне бы такой.

— Буду уезжать от вас, обязательно оставлю вам велосипед, — сказала Люся.

Они попрощались с ней, и Люся покатила вниз по Воробьевскому шоссе.

Там, где оно сливалось с Мосфильмовской, Люся увидела велосипедиста. Он лежал, раскинув руки на мостовой, наверное, разумно было бы объехать его. Но Люся затормозила. Слезла с велосипеда. Она знала, что люди здесь умирают редко. А если велосипедист упал и расшибся, может, надо ему помочь?

Она присела на корточки и услышала веселый свист.

С двух сторон к ней бежали незнакомые люди, одетые вызывающе. Один из них был тот самый разбойник, что убил Марфуту.

— Ой, не надо! — закричала Люся. Она постаралась поднять велосипед, сесть на него и умчаться и даже успела покатить его вперед и бежать за ним, занося ногу, чтобы прыгнуть в седло, — но один из разбойников ударил ее в бок, и все они полетели на асфальт — она, разбойник и велосипед.

Часть IV

ГАРИК ГАГАРИН

Знаменитый писатель Евгений Замятин, автор первой современной антиутопии «Мы», как-то ехал в поезде с Горьким и поведал ему тему фантастического романа. «Представьте, — сказал он, — что космический корабль теряет управление и начинает падать, притягиваемый звездой. И по расчетам известно, что корабль упадет на раскаленную звезду и превратится ни во что ровно через год. Интересно бы написать, что будут делать и как себя вести люди в корабле». Когда я прочел эти слова Замятина, я подумал — а ведь ничего не произойдет. Ведь мы все знаем, что умрем.

Правда, нам неведомо когда. Но все равно умрем в течение нескольких десятков лет. Разве из-за этого мы перестаем собирать марки или не женимся? Так и с экипажем космического корабля. Несколько дней они посокрушаются, кто-то кончит жизнь самоубийством, а кто-то скажет наконец правду ненавистному другу. А потом примутся жить, как раньше. Вот это будет правдивый фантастический роман.

То же самое происходило и в нашей лаборатории. Да, мы знали, что скорее всего Егор открыл невероятный другой мир, что мы не одиноки на собственной Земле. Понять это немыслимо, доказать невозможно, но побывать там — пожалуйста.

Казалось бы, после такого открытия мы должны были более ни о чем не думать. Да и весь наш институт должен был бросить свои силы на раскрытие этой тайны. Мы обязаны были войти в правительство с особой важности заявлением — ведь из этого мира могла исходить для нас неведомая угроза.

Ничего подобного мы не сделали. Мы работали, вели другие темы, жили как прежде. И ждали. Ждали, когда что-то еще случится. Безумствовал только Егор. Но безумствовал, лишь приезжая к нам, — дома он молчал, в институте он молчал, соблюдая видимость обыкновенной жизни.

Мы падали на раскаленную звезду, доигрывая партию в шахматы.

И все изменилось лишь в тот день, когда полковник Миша, терпеливый и спокойный, умевший ничему не удивляться, позвонил и попросил меня к телефону. К телефону мне идти

не хотелось, потому что только что вернулась из отпуска услада моего сердца Катрин и я делал вид, что очень интересуюсь тем, как она сдавала экзамены. На деле же я просто любовался ею. И конечно, не желал разговаривать на отвлеченные темы.

Но, как дисциплинированный сотрудник института, я подошел к телефону.

Полковник Миша попросил меня приехать к нему в управление, чтобы ознакомиться с новыми материалами по интересующему нас обоих вопросу. Затем вежливо передал привет Калерии Петровне и спросил, как себя чувствует лаборантка Тамара. Нет, мне никогда не догадаться, есть ли у полковника Миши чувство юмора или это просто сарказм.

Пропуск мне был выписан, и внизу меня даже ждал молодой человек, по выправке кавалерист, представившийся лейтенантом Доценко.

В комнате кроме полковника Миши были еще два неизвестных мне молчаливых человека: то ли понятых, то ли агентов угрозыска. Полковник посадил меня за большой пустой стол и положил передо мной большой пакет.

— Смотрите, Юрий, — предложил он. — И скажите, нет ли на фотографиях знакомых вам людей.

Фотографии были цветные, двенадцать на восемнадцать, не все четкие, снятые в каком-то ресторане или клубе.

На них было много народу. На первой и второй ни одного знакомого лица я не заметил. На третьей я увидел, хоть и не четко, на заднем плане Крошку Барби.

Но я ничего говорить не стал, лишь отодвинул фотографию в другую сторону.

Барби присутствовал и еще на двух фотографиях. На одной из них он был снят крупным планом — кубическая рожа и стрижка такая, будто ему на темечко поставили утюг.

Но на последней из фотографий я увидел Барби, разговаривающего с философом Аркашей. Философ Аркаша был так же лохмат и неопрятно одет, как и в театре. Но по всему было видно, что Барби общается с ним не для того, чтобы показать сторожу на дверь. Им было о чем поговорить.

Итак, я отложил три фотографии. Все присутствующие в комнате смотрели на меня внимательно, как на фокусника, демонстрирующего ловкость рук, и желали меня разоблачить.

— Ваше мнение? — спросил Миша.

— На этих фотографиях изображен человек, который убил директора Пронькина.

— Как его зовут?

— Я знаю только его кличку — Барби. Англизированный вариант слова «Барбос». Еще его зовут Крошка Барби, что говорит о развитой фантазии в уголовном мире.

— Хорошо, — сказал усталым голосом полковник.

Полковникам положено говорить усталым голосом — так давно повелось в отечественной детективной литературе.

— Вы потом расскажете мне, откуда вы знаете так много об этом человеке. Сейчас изложите, где и при каких обстоятельствах этот человек совершил убийство.

Я сообщил, где и при каких обстоятельствах совершено было убийство. Хотя уже рассказывал об этом.

Никто не спросил меня, какого черта я вертелся у места преступления. Возможно, полковник их уговорил не задавать мне лишних вопросов.

Тут он сам должен был спросить меня, знаком ли мне кто-нибудь еще из лиц, изображенных на фотографиях. Ведь он вместе со мной видел философа Аркашу. Но полковник этого не сделал. Философа он почему-то хотел отдать мне. По крайней мере, так я понял его молчание.

Люди в комнате стали задавать мне нетрудные вопросы, должные поставить под сомнение мое умение служить свидетелем. На вопросы я ответил блистательно и был отпущен на волю — в коридор.

Полковник вышел минут через десять, сел рядом со мной на деревянную жесткую скамейку и закурил.

— Поговорить с Аркашей хочешь? — спросил он меня.

Этой фразой он вернул меня в разряд знакомых. Полагаю, что если бы он испытывал ко мне неприязнь, то остался бы со мной на «вы».

— Как поговорить?

— Он здесь.

— А Барби?

— Барби в другом месте.

— В каком?

— Ты, гляжу, любопытный.

— Нет, любознательный.

— И есть разница?

— Есть. Где Барби?

— В морге.

— Господи! Кто его убил?

— Мы вышли на него, когда он гулял в одном ночном клубе. Отмечал свой отъезд на Кипр. В узком кругу. Там мы и сделали эти снимки. Но пока мы организовывали операцию

по его захвату, нас опередили его недруги. И, как говорится, в завязавшейся стычке были жертвы с обеих сторон.

— Его убили...

— Не надо так расстраиваться. Может быть, тебе повезет с философом.

— А что с Аркашей?

— С ним ничего не случилось. Когда мы приехали, он еще сидел под столом. Мы его и привезли сюда. Вместе с другой мелкой сошкой. Мы его отпускаем.

— Почему?

— Господи, ну какое же древнее у нас правовое сознание! Нет того чтобы спросить, за что мы задерживаем философа, ты спрашиваешь, почему мы его отпускаем.

— Хорошо, я спрашиваю тогда, почему вы его задерживаете?

— Сейчас отпустим. Ничего у нас против философа нет. Мы его засекли в ночном клубе, где имеет право находиться любой. Мы его даже сфотографировали во время беседы с Барби, которого мы как раз хотели задержать по подозрению в очередном убийстве. Больше у нас на него ничего нет. Ни наркотиков, ни оружия, ни даже сопротивления при аресте. Святой человек. Так что я подумал — с ним захотят поговорить ребята Калерии Петровны.

— Правильно.

— Теперь слушай, Юрий. Философ, разумеется, не знает, что мы его сейчас отпустим. Если ты скажешь, что ты простой отечественный ученый, он с тобой вообще разговаривать не станет. Так что у тебя два козыря. Первый козырь: он не должен догадываться, что он уже фактически свободен. Второй козырь заключается в том, что он должен заподозрить в тебе важного следователя, который наконец-то до него дорвался. Но если ты, Юрий, хоть раз скажешь открыто, что ты следователь или работник милиции, то совершишь большое должностное преступление.

— И на какой же должности я совершу это преступление? В качестве младшего научного сотрудника Института экспертизы?

— Ты всегда остаешься гражданином, — туманно ответил полковник.

Стряхнув пепел с сигареты в стоявший на полу горшок с пыльным тропическим растением, он добавил:

— В общем, не подведи меня. И если он сознается в делах по моей части, не забудь сообщить.

— Не забуду, — обещал я.

Он поднялся.

— Я тебя сам провожу. Как ты понимаешь...

Я хотел за него закончить фразу словами: «...я уже совершаю должностное преступление», но не стал — он мог понять меня всерьез и послать домой.

Я ждал философа в маленькой комнатке с одним голым столом, двумя стульями и железным шкафом в углу. Я сидел за столом, представляя себе, что я следователь и даже полковник.

Аркадия ввел милиционер и молча вышел, прикрыв за собой дверь.

— Ну вот! — сказал Аркадий, опередив мое сдержанное приветствие работника милиции. — Так я и думал! Я еще в театре заметил — что-то у этого мужичка глаза бегают. Не иначе как мент.

— Садитесь, — сказал я. — И, если нетрудно, отодвиньте занавес с лица, чтобы я мог видеть, бегают ли у вас глаза.

— Никогда не откажусь от своего преимущества, — возразил Аркаша.

Мне показалось, что его копна, терновый куст, шерсть кавказской овчарки стала еще гуще и длиннее, чем месяц назад.

— В Полинезии вам цены не будет, — сказал я.

— Конкретно — на каком острове? И когда вы меня туда пошлете?

Я промолчал и стал внимательно разглядывать его. Через полминуты он агрессивно спросил:

— Чего вы во мне не видали?

— Вы знали, конечно, что ваш друг Барби — бандит и убийца? — спросил я.

— Какой Барби? Не знаю никакого Барби! — Ответ последовал так быстро и яростно, что было ясно — Аркадий врет, но был готов к вопросу и потому решил отпираться. Это была правильная политика — если у следователя нет улик.

— А фамилия Пронькин вам что-нибудь говорит?

— То же, что и Маркс. Это двуногое вульгарис! — ответил философ.

— А почему вы из театра сразу после нашего визита смылись?

— Мне надоело сторожить то, что не подлежит сбережению. Я решил отдохнуть и подготовиться к поступлению в университет. Может быть, вы слышали, что я увлекаюсь философией?

— Мы с вами уже встречались, — сказал я. — Поэтому мо-

жете не вешать мне лапшу на уши. О ваших делах с Барби милиции уже известно. Отпускать вас не намерены, и я постараюсь сделать так, чтобы вы опоздали к следующим вступительным экзаменам. Поверьте, это в моих силах. Вами и вашими друзьями очень недовольны в высоких кругах.

— Барбоса убили? — спросил философ. — Я видел, как он упал, все засуетились, свет погас. А потом ваши сотрудники начали всех нас хватать.

— Барби вам уже не поможет. Так же, как и Веня Малкин.

— Никогда с ним не общался, — признался философ, сверкая глазками сквозь волосяную завесу. Сверкал он так, что я решил — врет он про Малкина. Потому решил спросить:

— Значит, мы запишем, что Вениамин Малкин никогда не приходил по ночам в театр и вы никогда его не пропускали.

— Даже если и приходил, смотрел мимо меня, словно я мебель. А у меня ранимая душа, гражданин начальник.

— Хорошо, — обрадовался я косвенному признанию философа. — Значит, с вами он не разговаривал, а командовал вами непосредственно Барби.

— Да нет, не Барби, — отмахнулся от меня Аркадий. — Пронькин меня мобилизовал. Знаете такого? Оказывается, его тоже убили.

— И кто же вам сказал об этом?

— Вся Москва знает.

— Значит, убили.

Мы скорбно помолчали.

— Многие погибают, — сказал Аркадий.

— Другие проводят лучшие годы жизни в тюрьмах.

— *Но я же ни в чем не виноват! Честное слово!* — это было сказано совсем другим голосом. Аркадию не хотелось в тюрьму, и он понимал, что его судьба может зависеть от моего расположения.

— Могу предложить соглашение. Мне не нравится слово «сделка».

— Какое? — Философ даже раздвинул волосяной водопад, чтобы лучше вглядеться в меня.

— Мне нужно знать — только честно, — что вы делали в театре, с кем были там на связи и как все это происходило. Остальные ваши дела меня не интересуют.

— Так это и есть мои дела!

— Вот и рассказывайте.

— Мы с Пронькиным учились, — начал Аркадий обыкновенным голосом, — в одном классе. Потом наши пути разо-

шлись. Я потянулся в науку, а он крутился возле искусства. Мне наука ничего не дала, кроме переживаний, а он ездил на «Чероки».

— Думаю, что это малкинский джип. Пронькин его использовал как служебную машину.

— Нет, вы скажите, раньше это было возможно? Я за коммунистов голосовал. Потому что устал от этих нуворишей с их джипами.

— Замечательно, — похвалил я философа, — отлично гармонирует с вашим солипсизмом.

— Запомнили?

— Заучил. И продолжайте, пожалуйста. Мне некогда.

— А мне спешить некуда, — в рифму сказал арестант. — Ну ладно, продолжаю, продолжаю. Как-то я встретил Пронькина, разговорились, то да се, он узнал, что меня из университета выперли. И сказал, что есть работа, специально для интеллигентного человека. Так я попал в театр. Ничего плохого я не имел в виду. И сейчас не имею. Курить можно?

Я оглянулся. Нигде не было пепельницы.

— Потерпите, — сказал я. — Немного осталось.

Философ вздохнул, но ссориться со мной не стал. Ему было страшновато.

— Расскажите, в чем заключалась ваша работа.

Главное было не забывать, что я должен держать милицейский, допросный тон. Не переходить на беседу.

— Я сторожем работал, — невинно сообщил мне философ. — Ночным сторожем. Вы об этом знаете.

— Прекратите кривляться, — приказал я. — Если бы вы были простым ночным сторожем, то здесь бы не оказались.

— А я, честное слово, не знаю...

— И наверное, Пронькин по дружбе познакомил вас с Барби.

— Я не знаю...

— И в чем же заключались ваши обязанности?

Я чуть было не сказал: «А то сейчас полковника Мишу позову!»

Хотя звать полковника нельзя. То, что мне сообщит сейчас Аркаша, не предназначается для полковничьих ушей. Философ вздохнул.

— Хорошо. Я ухожу, а вас отправят в камеру.

— Я же ни в чем...

— Послушайте, философ, — сказал я, впуская в голос дозу презрения. — В нашей стране даже поговорка есть, маленькие дети ее впитывают с молоком матери: «От сумы да от тюрьмы

не зарекайся». Это имеются в виду невинные. А вы — виноватый. Вас поймали в притоне, вы общались с бандитом, вы скрывались от правосудия... Или вы все рассказываете, или я ухожу. И больше с вами нормально никто разговаривать не станет.

— Ну ладно, ладно, только это вас разочарует.

Оказывается, Пронькин дал Аркадию прибор, специальный прибор. Тут я не выдержал и потребовал выдать прибор. Аркаша объяснил, что он как раз и приезжал в тот ночной клуб на встречу с Барби, чтобы вернуть прибор.

— И отдал?

— Нет, не успел. Тут стрельба началась и ваши прибежали. Я думаю, что прибор — самый обыкновенный барометр. Или он замаскирован под барометр.

Этот поганец издевался надо мной.

— Нет, я не шучу! — сказал он.

— Где он сейчас?

— Так у меня его отобрали. Ваши же обыскивали и отобрали.

Я перевел дух.

— А почему вы считаете, что это барометр?

— Стрелка колеблется в зависимости от погоды.

— И что это означает?

— А вы не знаете?

Хитрый глаз философа сверкнул из-за волос.

— Если так допрашиваете, значит, не знаете.

— Допустим, что не знаю.

И тут он меня переиграл. Черт знает, каким образом он почувствовал, что я от него завишу. Может быть, в моем голосе прозвучала просьба. Но он решил поиграть со мной. А я не сразу почувствовал, что происходит, и поверил хитрецу.

— По трезвом размышлении, — сообщил он, — я решил остаться в тюрьме. Здесь прилично кормят, в камере душно, но тепло, дают книжки и даже можно позвать врача. Слышали об этом?

— Что это вас потянуло на такую лирику?

— Да потому, что я не знаю, какие силы стоят за мальчиком Барби и всей этой компанией! Но силы немалые. По крайней мере, вы будете им уступать. Поэтому я предпочитаю молчать. Можете меня бить и издеваться надо мной, как принято.

— Зачем вы кривляетесь?

— И не думал. Я хочу остаться живым и состоятельным.

— Сколько? — сразу догадался я.

— Нет, дело не в деньгах. Дело в безопасности.

— Так что вам нужно, в конце концов?

— Быть подальше от них, жить в довольстве и иметь возможность заниматься философией.

— Все это противоречит вашему солипсизму, — возмутился я. — Мы же вам только кажемся. И ваши страхи — воображаемые.

— Всему есть предел, — вежливо возразил философ. — Так что пока я делаю вид, что существую среди вас, мне приходится с вами сотрудничать.

— Конкретно!

— Квартира в Питере, место в университете и стипендия.

— Вы с ума сошли!

— Отправьте меня в тюрьму.

И тут началась отчаянная торговля. Я старался запугать философа, принимал образы Торквемады и товарища Берии, Аркадий робел, бледнел, но отступал медленно, задерживаясь на всех доступных рубежах обороны. Мне же пришлось покинуть кабинет, чтобы поговорить с дядей Мишей, он созвонился с министром (безуспешно), потом позвонить Калерии, той пришлось бегать к директору, директор еще кому-то звонил, и в результате мы добыли однокомнатную квартиру в Питере, а все остальное философ согласился заработать сам. Пластическую операцию делать также не придется, потому что Аркадий согласился постричься, что эффективнее любой пластической операции. На обратном пути я принес Аркадию пепельницу, чем улучшил наши отношения.

Итак, оказалось, что Пронькин выдал Аркадию маленький прибор, в принципе — очень чувствительный барометр.

В определенные ночи, после звонка Пронькина, Аркадий должен был внимательно следить за показаниями прибора, и, если давление резко за несколько секунд падало, он тут же звонил Пронькину, а сам шел по театру, в основном за кулисами, и следил за показаниями прибора, пока не находил точку, в которой давление достигало нижней отметки.

— Сколько времени проходило между звонком Пронькина и падением давления?

— Обычно часа два.

— И это происходило ночью?

— Может, и днем — спросите дневного сторожа.

Я понимал, что вряд ли они устраивали переходы днем, когда в театре много народу.

К тому времени приезжал Пронькин. Иногда он один,

иногда вместе с Барби или самим Веней Малкиным. И потом происходило явление. Философу велели убираться в его сторожку, и Барби сам следил, чтобы тот не подсматривал. Но философы — люди любознательные, и чем таинственнее вели себя посетители, тем более росло страстное желание Аркадия увидеть, что за контрабанду они там грузят.

Однажды он своего дождался: Барби не приехал, а Веня с Пронькиным забыли о стороже, и тот, спрятавшись за декорациями, все увидел. Сначала в одном месте на заднике появилось сияние — словно сзади него зажгли яркую лампу дневного света. Был неприятный шум. Аркадий даже испугался, что снаружи могут заметить и услышать, но ничего не произошло. Через несколько минут в центре подсвеченного круга образовалось черное пятно — будто бездонный провал. В нем появился человек. Пронькин и Веня сразу кинулись к нему. Конечно, этот человек мог таиться за занавесом, но у Аркадия была уверенность в том, что человек появился из другого мира. И это Аркадия очень испугало.

— Что вы имеете в виду под другим миром?

— Если бы я был человеком религиозным, я бы сказал, что из преисподней. Но, будучи философом, я предполагаю существование параллельного мира.

— Это был единственный раз, когда вы видели человека?

— Нет, не единственный! Я же исследователь! Если мне удалось наблюдать феномен однажды, то я уж сделаю так, чтобы продолжить наблюдения. И вообще не перебивайте меня.

...Человек был пожилым или старым, хотя формальных признаков старости Аркадий не заметил. Он был очень худ и высок. Он не отходил от черного пятна, оставался в нем, как в рамке. Он был ярко освещен со всех сторон сиянием, которое окружало черный провал. Человек говорил с Веней несколько минут. Он передал Вене записку. Аркадий точно видел, что это был лист бумаги. Затем коробочку — небольшую деревянную шкатулку. Веня раскрыл ее, и внутри что-то сверкнуло. Веня спрятал коробочку в карман плаща, а Пронькин тем временем передал человеку довольно большую картонную коробку. Они перекинулись еще несколькими словами, и затем высокий человек отступил в глубь черного пятна и вскоре исчез. Осталось только сияние. Затем пропало и оно. Веня с Пронькиным быстро ушли. По дороге Пронькин заглянул в комнату сторожа, но Аркаша туда успел вернуться. Пронькин ничего не заподозрил.

После этого в течение полугода Аркадий порой пробирался к сиянию...

— А это было одно и то же место?

— Зачем же я им тогда, если одно и то же! Место менялось. И только я догадался, как оно меняется.

— Почему только вы?

— А я помечал на плане театра точку. Я ведь ученый, а не лабух, как они все. У меня есть план.

— Где он?

— Со мной, все со мной. Его даже при шмоне не взяли.

Аркадий, уже замиренный, извлек из верхнего кармана куртки листок бумаги. На приблизительно нарисованном плане театра было нанесено множество крестиков. Возле каждого крестика стояла дата. Крестики легли в кривую, которая начиналась за кулисами и шла к западной стене театра.

— Они догадаться, конечно, не могли, — сказал Аркадий. — Они же приезжали, шли по лестницам, по коридорам, им и в голову не приходило, что неделю назад они были по ту сторону перегородки или декорации.

— Как часто были эти... сеансы?

— Примерно раз в неделю.

— И всегда Пронькин заранее знал, что вот-вот начнется падение давления?

— Да, всегда знал.

— Как вы это объясняете?

— А чего объяснять? — Аркаша пустил мне в лицо струю дыма. Он обжился в кабинете, расхрабрился и понял, что из всей истории он выпутался вполне благополучно. — Чего объяснять, ведь у Пронькина была табличка, он мне ее даже показывал. Когда очередной сеанс. Он ее оттуда получил...

— Где она?

Аркадий посмотрел на меня, как на тупого ученика.

— Вы и ищите, — усмехнулся он.

Аркадию страстно хотелось подслушать, о чем они там говорят. И он старался подобраться поближе. К сожалению, память у философа была неточная, но в один из последних сеансов ему удалось понять, что Веня договаривался о том, чтобы уйти «туда». Как ему обещано. Длинный мужик возражал, говорил, что переход рискован, что все еще обойдется... Но Веня был настойчив. И тогда длинный сказал, что первой пойдет принцесса.

— Он так и сказал — принцесса?

— Я ее видел. На следующий сеанс они ее притащили. И вот тут я испугался. Я понял, что дело пахнет уголовщиной.

— А раньше вам казалось, что проходит эксперимент?

— Раньше я не думал. Мне было интересно, но ничего плохого я не думал. А когда они притащили телку, я испугался. Она была чем-то напичкана. Они ее почти тащили. Барби и Пронькин.

Вот тут Аркадий, увлеченный зрелищем, и попался. Барби, который услышал шум, накинулся на него, как волк на барашка. Его стали допрашивать, что он видел. Аркадий отпирался, его не били, но объяснили, что дело, которым занимается Веня с друзьями, такое крутое, что если Аркадий проговорится, то его убьют. Аркадий понял, что им сейчас невозможно найти другого ночного сторожа для театра и без него им не обойтись. Поэтому пока они его не тронут. Они грозились, а потом Пронькин дал Аркадию две сотни баксов. А Веня, бледный и худой, который раньше Аркадия вообще не замечал, сказал, что те люди, с которыми они на связи, найдут его и уничтожат, если что-то случится с Веней.

И Аркадий им поверил. И никакая милиция его не переубедит. Он не видел, как ушли туда спящая принцесса и Веня.

Пронькин обещал отпустить его, как только подыщут надежного сторожа. А потом события начали разворачиваться совсем уж странно. Аркадий позвонил по явочному телефону Пронькину, чтобы напомнить о зарплате. Ведь тот обещал деньги отдать на следующий день после ухода Вени! И не отдал. Аркадий позвонил — и никто не ответил. А на следующий день в «Московском комсомольце» было сообщение о смерти Пронькина. Там было сказано — директор группы Малкина. И назван адрес трагедии — во дворе дома, где проживает Веня. Самого Вени дома нет — он уехал — поиски продолжаются...

Аркадий смертельно испугался, и еще более его перепугало появление Тамары, которая с самого начала решила взять Аркадия в доверенные лица. Она рассказала ему о том, что в театре должен быть переход в иной мир и у нее есть задание большой научной важности этот переход найти. Можете представить себе состояние Аркадия, которому рассказывает это явно бессмысленная длинноногая блондинка. К счастью, ему удалось уговорить блондинку остаться на ночь, чтобы вместе заниматься научными наблюдениями. И постепенно их отношения становились все более теплыми. И тут появились мы с Мишей. Чудом все обошлось. Но Аркадий понял: единственный выход — бежать!

На следующий день он положил на стол администратору заявление и слинял из театра. Даже карточку учетную у кадровички увел. Казалось бы — ложись на дно! Но его сгубила жадность. Он решил все-таки получить задержанную зарплату.

Еще от Пронькина он знал, где обычно гуляет Барби. И отправился. К тому же, как лояльный сторож, он хотел рассказать странную историю о появлении Тамары. Хотел быть честным! Барби он отыскал, даже поговорил с ним, и Барби очень взволновался и велел ему подождать... Вот Аркадий и ждет. Здесь. В милиции. И не знает, кто его скорее убьет — люди Барби, пришельцы с того света или милиция.

— Узнали бы вы того высокого худого человека, который появлялся в театре?

— Почему же не узнать? Только, честно говоря, я не хочу его узнавать. И вам не советую. Не исключено, что у подъезда будет проезжать трамвай.

Голос философа дрогнул. А я не понял. И спросил:

— Зачем ему проезжать?

— Чтобы отрезать тебе голову! Потому что они все знают. И знают, что я здесь сижу и вы меня морально пытаете. Но я вам ничего не сказал.

С помощью полковника Миши мы получили в тот же вечер небольшой прибор, издали и даже вблизи похожий на часы. Он надевался на руку. А работал он как барометр. Достаточно принести нормальный барометр и сравнить. Очень похоже. А кроме того, папочку из квартиры покойного Пронькина. Мы там побывать не догадались, а милиционеры во время обыска сочли папку не имеющей отношения к разбойным делам Пронькина.

В папке было несколько листков. Один другого ценнее. Я не буду тратить время, цитируя их, — вы всегда можете запросить архив Института экспертизы и вам любезно покажут документы из дела Тихоновой. Это не шифр — дело названо по фамилии Люськи, первой жертвы того мира. Лучше я изложу сюжеты документов.

Веня Малкин, пока неизвестным нам способом наладив контакт с тем миром, вошел с ним в деловые отношения. Оттуда он получал драгоценности, золото, всякую ценную здесь мелочь, которую время забыло в пустых ювелирных магазинах

или музейных запасниках. Людям же, которые вступали в контакт с Малкиным, нужны были куда менее живучие продукты: фрукты, сладости — все то, что в том мире отсутствовало.

Пронькин вел бухгалтерию Малкина и всей этой группы. И он и Барби что-то получали, но куда меньше самого Вени.

Там были письма без адреса, без обращения, написанные или напечатанные на машинке так, что посторонний никогда бы не догадался, что эти бумажки подтверждают существование того мира и даже возможности связаться с ним.

Из других писем мы получили подтверждения того, что Малкин, тяжело заболев, пришел к мысли, что спасется в безвременье и дождется там, когда врачи изобретут лекарство от СПИДа и можно будет вернуться к своей карьере и славе. В ответ на его просьбу об «убежище» оттуда сообщили, что сначала он должен отправить к ним Люську, которую он «курировал» особенно активно в последнее время.

Но главное для нас заключалось в таблицах, на удивление старых ветхих листах бумаги, на которых были указаны приблизительные даты «открытия ворот». По стечению обстоятельств на том месте, где раньше был пустырь, построили Детский музыкальный театр, и связь с нашим миром сразу осложнилась. Точки, рассчитанные кем-то задолго до Пронькина, совпадали с точками, нанесенными на схему любознательным Аркадием. Из них следовало, что пункт перехода, черное пятно, или «окно в тот мир», передвигалось по кругу. Диаметр круга, две трети окружности которого приходилось на обширные помещения театра, достигал примерно трехсот метров. Открывался переход неожиданно. На той стороне существовал медиум, который мог почувствовать время и точку перехода. Здесь же можно было угадать, когда это случится, если пользоваться «барометром».

Мы не смогли узнать, когда началась эта связь. Мы проанализировали бумагу, на которой были нарисованы таблицы, найденные у Пронькина. Бумаге было больше пятидесяти лет.

Но можно быть уверенными в том, что контролировали переход люди оттуда. Аркадий уверял, что в темном пятне всегда появлялся человек оттуда, он брал подношения, как капитан Кук при встрече с туземцами, он выдавал туземцам бусы и железные ножи, но туземцев к себе не пускал — исключение составил лишь Веня. И можно предположить, что подобные случаи происходили и раньше.

— Вот, пожалуй, и все, — сказала Калерия, заканчивая на-

ше долгое заседание. Проходило оно не в лаборатории, а в зале ученого совета. И хоть считалось служебным, то есть секретным до посинения, на него сбежалось человек двадцать. И все имели право, допуски и корыстный интерес. Так что можно было быть уверенными, что скоро о нашем открытии напишет «Московский комсомолец», обвинив нас в том, что мы скрываем от народа нечто важное.

Видно, директор подумал о том же и весьма энергично выдворил всех, кроме семи, которым положено было знать обо всем.

— А теперь, — сказал директор, — анализом возможностей проникнуть в тот мир займется компьютерная группа. А вы, Калерия Петровна, решайте, кто туда пойдет на контакт. Может быть, вы попросите помощи? Дело по сути своей и уголовное...

— Я надеюсь, что справлюсь сама, — мягко возразила Калерия, — раз уж моя лаборатория начала эту тему. С собой я возьму Гагарина. Надеюсь, у уважаемой комиссии нет возражений?

У комиссии возражений не нашлось. А если нашлось бы, то члены ее были достаточно воспитанными людьми, чтобы не высказывать их вслух. Высказывать их они будут наедине с директором.

На второе в тот день совещание, с полковником Мишей, Калерия пригласила только меня. Ничего, что я чином не вышел, но у полковника были основания полагать, что феномен той Земли уже встречался в нашей практике. Год назад, когда я был еще новичком в институте, полковник приезжал с просьбой о помощи. Надо было выяснить, куда деваются одинокие ветераны последних войн, которые стали группами исчезать из некоторых русских городков.

В помощь полковнику отправили меня, и я не только пожил в Меховске под видом ветерана из Абхазии, но и «пропал» вместе с очередной партией ветеранов. «Пропал» и оказался на поле боя в неизвестном мире. Может, параллельном, может быть, потерянном во времени, но так и не понятом, ибо связь с ним была оборвана, люди не вернулись, и тайна осталась тайной. Слава богу, что мне удалось возвратиться.

Дядя Миша просидел с нами часа полтора в маленькой комнате кадровика, обсуждая все, что было известно о Егоре и его путешествии. Он уже изучил все пленки, он уже поверил

Егору, и у него родилась идея — не об одном ли и том же мире идет речь?

Но как ни хотелось дяде Мише отправить к императору Киевского вокзала взвод спецназовцев, он понимал, что контакты с Кюхлей и другими посредниками должны быть сохранены любой ценой.

— Главное, — говорил он устало, как и положено следователю, который не спал четверо суток (а какой настоящий следователь спит чаще?), — главное, сберечь контакт, завоевать доверие. Никакого режима, Лера! Хочешь, я пойду вместо тебя?

— Нет, — сказала Калерия. — Это наша работа. Наша с Гариком.

— Вообще-то говоря, речь идет о безопасности государства...

— Ах, оставь, Миша, — сказала Калерия. — Мы каждый день сталкиваемся с проблемами, которые могут погубить наше государство и всю Землю. Но пока справляемся.

Компьютер высчитал точку и время следующего сеанса куда точнее, чем Аркаша со своим графиком, и даже лучше, чем это было сделано в «списке Пронькина».

Получилось, что переход откроется в пятницу, в три двадцать шесть ночи, на лестничной площадке, что находится справа от стены, если смотреть из зала.

День перед тем был нервным, хотя все делали вид, что ничего не случилось.

Во-первых, с утра дважды звонил Егор, который почуял что-то неладное и требовал, чтобы его посвятили в суть дела. Он интуитивно почувствовал, что мы надеемся встретиться с людьми оттуда, и просил:

— Без меня вы просто не имеете морального права идти. Без меня вы бы ничего не знали. Я должен найти и спасти Люську! Я там все знаю, я вам пригожусь, и меня там многие знают.

Калерия успокаивала его и лгала «во спасение». Она даже не стала говорить ему, что институт решил никого не посылать этой ночью в тот мир. Мы хотели лишь увидеть посланца и дать ему понять, что произошла смена караула: вместо ушедших в отставку Пронькина и Барби придется иметь дело с нами.

Как он воспримет эту информацию?

Тамара, которая была смертельно обижена на то, что ее в театр не берут, собрала нам «передачу» для императора. Мы

старались набрать такой же набор, как тот, что передавал туда Пронькин. Пришлось даже вызвать из Питера Аркадия. Калерии пришло в голову, что люди оттуда могут знать о существовании Аркаши. Он станет как бы символом передачи дел.

Аркаша страшно трусил и вел себя так, словно «барометр» обжигает ему руки. Правда, Тамара не оставляла его ни на минуту. В ее лице он нашел верного друга.

— Тамарочка, — сказал я голосом ангела, — не забудь, что в момент икс и духа твоего здесь быть не должно.

— А как же Аркаша? — спросила она. — Как он без меня? Здесь же может быть опасно.

— Здесь уже опасно, — ответил философ.

— Я буду ждать тебя в твоей комнате? — спросила Тамара.

— Спасибо, — ответил Аркаша, но я разочаровал его, напомнив:

— К сожалению, Тамарочка — лишь плод твоего воображения. Ты, со своей стороны, тоже ей только кажешься.

— Разве? — спросил Аркадий, который на практике был непоследовательным солипсистом. Он шлепнул Тамарочку ниже поясницы, и она предупредила:

— Не время, Аркадий!

На лестнице и за декорациями были установлены камеры. Гонец не должен был их почуять. Они же держали под прицелом почти весь театр. Егор утверждал, что у тех людей органы чувств работают хуже, чем у нас. Но мы не хотели рисковать.

Мы с Калерией проверяли камеры, телефонные трубки попискивали в карманах.

— Надо будет всю сотовую связь убрать, — сказал я. — А то зазвонит у тебя в сумке в самый неподходящий момент.

Мы занялись этим и прохлопали момент, когда Егор прошел сквозь три цепи наружного наблюдения и оказался где-то неподалеку от Аркаши. Причем он был настолько хитер, что не отходил от ближайшей к точке контакта камеры, так что выпадал из ее поля зрения.

Катрин и Саня Добряк были, как оказалось, отделены от него лишь брезентовой кулисой, но не заподозрили его присутствия.

Надвигалось время контакта.

Мы еще раз обсудили свою линию поведения.

При виде гонца мы объясняем, что заменили Пронькина и Барби — такая уж сложилась обстановка. Или принимай нас, или прервем контакт. Затем передаем продовольственный заказ, чтобы подчеркнуть нашу лояльность.

— А если с ним будет Веня? — спросил я.

— Вени быть не должно, — сказала Калерия. — Я уверена, что на связи постоянный человек, очевидно Кюхельбекер.

— Тот, кто выдает себя за покойного декабриста Кюхельбекера, — поправил ее я. — И что у них произошло за последние три недели, мы не знаем. Вы, Калерия, пытаетесь судить о них, учитывая фактор времени. А этого фактора там нет.

Еще на ученом совете мы решили, что открывать карты людям того мира нельзя. Психологи хором кричали, что, узнав о том, что стали объектами научного исследования, они тут же прервут контакт. Отсюда и появился вариант «наследников Малкина». Группа встречающих состояла из меня, как человека на подхвате или человека с корзиной, и Калерии — своего рода авторитета уголовного мира, а Кюхельбекер будет менее насторожен с женщиной, чем с мужчиной своего возраста.

Звякнуло в горошине, которая покоилась в моем ухе, — это означало, что «барометр» в руках Аркаши ожил.

— Пошли, — сказала Калерия.

Приказ относился ко всем и означал начало операции.

Аркашка тщательно играл свою роль.

Он спустился по лестнице, бормоча себе под нос:

— Приближается момент! Давление растет. Посторонним покинуть зону!

Тамара передвигалась за ним на цыпочках, изображая Серого Волка в детском спектакле. Именно так серые волки подкрадываются к красным шапочкам.

Калерия зашипела на Тамару, и та смешалась, сбилась с шага и осталась за пределами операционного поля.

Аркаша шагал, выставив перед собой «барометр», как лунатик свечку.

И тут наступила тишина, которую я почувствовал нутром. Это было полное отсутствие звука — мертвое дыхание вечности. И человека в такой тишине охватывает даже не страх, а некий ступор, какой может прийти на помощь осужденному на казнь после того, как он положил голову на плаху.

Кстати, как потом оказалось, вырубились все наши хитрые регистрирующие приборы, включая камеры, и ничто не могло зарегистрировать ни черного пятна, возникшего на старой брезентовой кулисе, ни глубины, открывшейся за ним.

Я замер. Меня не было, я растворился в этом безмолвии. И до сих пор не понимаю, откуда в Калерии появились силы

крепко взять меня за руку и держать, чтобы я не отступил и не кинулся бежать из театра.

Время остановилось, я не мог бы сказать, сколько прошло минут или часов, прежде чем в черном провале появилась длинная, нескладная фигура в черном костюме и черном цилиндре.

Я знал, что это Кюхельбекер, но воспринимал его как будто из-под воды, как будто мы с ним существовали в различных физических сферах.

Калерия отпустила мою руку и сказала:

— Добрый день.

В допросах Аркаши мы тщательно пытались восстановить манеру повéдения сторон. Чем обычнее пройдет встреча, тем больше шансов на успех. Меньше всего нам хотелось, чтобы, заподозрив неладное, люди оттуда перекрыли контакт.

— Вы кто? — Голос Кюхельбекера был глух, будто звучал через стекло.

— Мы вместо Пронькина, — сказала Калерия. — Пронькина и Барби.

— А что с ними? — спросил Кюхельбекер.

— Я не могу вам это объяснить сейчас. Скажите, Веня Малкин с вами?

— Он себя неважно чувствует, — сказал Кюхельбекер, разглядывая меня, как любопытное животное в зоопарке. — А это кто?

Калерия также взглянула на меня с некоторым любопытством и ответила:

— Мой помощник. Гарик.

Мое имя прозвучало как воровская кликуха. «Ну, я вам это припомню», — подумал я. А потом смирился, так как увидел себя со стороны — глупого вида крупный молодой человек, прижимающий к груди ящик с бананами. Ясно, зачем он понадобился такой элегантной даме, которую со всех сторон подстерегают опасности.

— Что передать Малкину? — спросил Кюхельбекер. — Есть ли у вас письмо для него?

— Мы хотели бы иметь дело с вами без посредников, — сказала Калерия.

— Почему я должен вам доверять? — спросил Кюхельбекер.

— Потому что я более серьезный партнер, чем Малкин. Он убежал, бросил дело на ненадежных людей. Он ничем не может быть вам полезен.

— А если мы его отправим обратно?

— Сколько у нас осталось времени? — вопросом на вопрос ответила Калерия.

— Немного, — сказал Кюхельбекер.

Я его уже различал лучше. Он как бы вошел в фокус. Немилосердный свет, озаряющий эту сцену и исходящий, как ни странно, из абсолютной темноты отверстия, в котором стоял Кюхельбекер, жестоко обращался с лицом и руками Кюхельбекера. Кожа была голубоватой, на щеках видны были темные сосуды, под глазами — коричневые мешки... Он был болен. По нашим меркам. И бессмертен — тоже по нашим меркам.

Кюхельбекер пребывал в растерянности. Враги мы или просто новые партнеры?

— Какие у вас будут пожелания к будущей встрече? — спросила Калерия. Она действовала по сценарию и замечательно держала себя в руках.

— Простите, — сказал Кюхельбекер, — вы знаете о записке?

Мы не знали ни о какой записке, но предполагали, что раз контакт короток, то люди из того мира должны передать какую-то записку Малкину, список нужных вещей.

— Разумеется, — сказала Калерия.

Кюхельбекер вынул свернутую в трубочку записку размером с сигарету.

Кинул ее Калерии, но та не стала записку поднимать.

— Какие пожелания на словах? — спросила она.

Она заставляла Кюхельбекера признавать нас партнерами.

— Мы там написали. Но повторю: попробуйте передать нам несколько пистолетов с патронами.

— Это нелегко, — сказала Калерия.

— Мы хорошо платим. Так вы сможете доказать нам, что работаете лучше, чем компания Малкина.

— Если Малкин начнет настраивать вас против контактов с нами, — произнесла Калерия, — учтите, что его группы попросту не существует. Малкин — вчерашний день.

— Постараюсь поверить вам.

— В следующий раз мы хотели бы направить к вам на два-три дня своего человека, — сказала Калерия. — Всегда лучше договориться не спеша.

— Зачем? — спросил Кюхельбекер.

— Мы думаем, что пришла пора развивать наши отношения, переводить их на новый уровень. Ведь и вам потребовались пистолеты.

— К сожалению, потребовались, — признался Кюхельбекер.

— А как себя чувствует Люся Тихонова? — спросила Калерия.

— А вам какое до нее дело? Впрочем, она себя чувствует отлично.

Пожалуй, встреча прошла нормально. Он нас не испугался. Он не отказался общаться в будущем. Что касается доверия — оснований для этого не было, — никто и не ждал этого.

Я протянул Кюхельбекеру ящик с припасами. И вовремя. Потому что черная дверь в тот миг начала затягиваться. Кюхельбекер, принимая ящик, сделал шаг назад.

И тут же, чуть не сшибив его, к отверстию ринулся Егор.

Он выскочил из-за моей спины, где стоял на изготовку. Все время нашего разговора, ожидая момента, как шпион, который, избавляясь от преследователей, кидается в вагон метро, когда двери уже закрываются.

Я бы никогда не заподозрил его в таком безрассудстве! Он же знал, что шансов вернуться раньше чем через неделю у него немного, а шансов спасти Люську, которая пробыла там уже почти месяц, практически нет. Потом он скажет мне, что никогда не верил расчетам людей оттуда, хотя бы потому, что у них — искаженное чувство времени. Но, вернее, им владело чувство полного отрыва от реальности, если реальность не укладывается в сознание.

— Стой! — крикнул кто-то.

Любопытно, что крикнуть мог и я — не осознавая своего участия в этой сцене.

Но вот дальнейшие мои действия определялись холодным расчетом.

Как бы вы ни пытались истолковать их иначе.

За следующую секунду я успел спрогнозировать дальнейшие события.

Вернее всего, Егор кинется там спасать Люську, вытаскивать Люську к нам. И будет всем им враг. От Кюхельбекера и ветеранов до императора и Вени Малкина.

Но печально не только это.

Почти наверняка Егор сведет к нулю и нашу попытку наладить контакт с тем миром, увидеть, пощупать и понять его. Они просто закуклятся. Тем более что Пронькина и Барби нет, а Люська у них в руках.

В результате Егор погибнет — я чувствовал, что он погибнет, — а мы окажемся обладателями фикции — теоретически

недоступного феномена, существование которого мы никогда не сможем доказать.

И никто не поможет ни Егору с Люськой, ни нашему дорогому институту.

Кроме меня.

Шансов у меня немного. Но это все же лучше, чем отсутствие таковых у Егора.

И я прыгнул в темноту вслед за Егором.

И исчез.

То есть для всех окружающих исчез. Хотя удостовериться в том не мог.

Больше меня не было.

За кулисами было так же, только темнее.

Я невольно кинул взгляд назад — там гасло, как догорающее зарево, большое розовое пятно.

Все, что осталось от моего мира, от лаборатории, квартиры в хрущобе и даже любимой пивной у Тишинского рынка... Если верить Егору, в ближайшее время я ничего подобного не увижу.

Любопытно — это все я успел передумать в тот момент или это поздние мысли, наложившиеся на картину закулисья? Конечно же — у них там «Зазеркалье», у нас — «закулисье».

Егор чуть не сшиб их министра Кюхельбекера — длинного типа с глубокими глазницами. На нем был черный строгий костюм, черные волосы разобраны на прямой пробор и расчесаны плотно к черепу. Егор застыл, прижавшись к министру, а чуть дальше в полутьме стояла инвалидная коляска, а в коляске сидел молодой человек, бессильно свесивший голову набок. Коляску держала за спинку молодая женщина в какой-то робе, с невнятным бледным очкастым лицом.

Картинка зафиксировалась в сознании как статическое явление, и тут же пришло все в движение.

Я подхватил Егора, который от резкого столкновения с министром отлетел в сторону.

Соня Рабинова откатила кресло с юношей, приговаривая:

— Не волнуйся, Дениска, не расстраивайся. Тут все свои.

На мой взгляд, ее пациент и не собирался расстраиваться.

Из темноты вышел неприятного вида субъект в пожарном шлеме и длинном блестящем плаще. Велосипедист.

Я как бы узнавал детали мира, о котором наслушался

столько, что поверил в его существование. И правильно, оказывается, сделал, что поверил.

Ну представьте себе, что вы начитались Дюма, скажем, «Трех мушкетеров», делаете шаг из своей спальни, оказываетесь на узкой грязной улице и слышите звон шпаг. Выглянули на площадь, а там мушкетеры дерутся с гвардейцами кардинала. А вам кто-то говорит: «Отойди с дороги, разве не видишь, что мы везем леди Винтер».

— Спокойно, — сказал я, глядя, как велосипедист достает металлическую дубинку. — Спокойно. Все идет по плану. Принимайте гостей, господин Кюхельбекер. Мы намерены наладить с вами добрые отношения.

— Пожалуй, вас никто об этом не просил, — разумно ответил министр. — Мы гостей не ждали.

Он отодвинул Егора, но держал его за плечо вытянутой рукой и приглядывался, будто старался узнать обретенного после многих лет разлуки племянника.

— Вот именно, — пояснил я. — Это и есть Егор. Вы с ним знакомы. Шесть лет назад он у вас побывал. И остался недоволен.

— Тебя трудно узнать, — сказал Кюхельбекер.

— Я же оказался у вас только потому, что хотел остановить молодого человека, но не успел. Я рад возвратиться домой немедленно, — продолжил я жизнерадостно. — Но боюсь, что это практически невозможно.

Кюхельбекер сделал понятный мне жест — остановил велосипедиста, который изготовился привести свое оружие в действие. Этот жест меня обнадежил.

— Вы правы, — сказал Кюхельбекер, не улыбнувшись мне в ответ. — И что же вы предлагаете?

— Я хотел бы узнать, когда обратный поезд.

— Не понял, — сказал Кюхельбекер.

Егор вдруг рванулся от Кюхельбекера, тот от неожиданности отпустил его, но я перехватил Егора раньше, чем его успел пришибить велосипедист.

— С вашего разрешения я обращусь к этой молодой даме, — сказал я, — чтобы узнать, когда мы могли бы вернуться обратно.

— Вы в самом деле не хотели сюда проникать? — спросил Кюхельбекер.

— Не хотели.

— А он? — Кюхельбекер уткнул упрекающий перст в Егора.

— А я хотел, — сказал Егор. — Хотел взять Люсю и немед-

ленно от вас уйти. Навсегда. Чтобы не видеть вас, не знать о вас, не помнить о вас!

— Боюсь, что вы опоздали, молодой человек, — сказал Кюхельбекер, — поговорите с Соней.

Соня обратила ко мне спокойное широкое пухлогубое лицо, обрамленное черными вьющимися волосами.

— Скажите, — спросил я. — Скоро ли вновь откроется эта дверь?

— Щель?

— Дверь, щель, окно — разве это важно?

— Я не знаю. Но мы сюда скоро придем. Правда? — Она обернулась к министру.

Любопытно, подумал я, ей, очевидно, свойственно чувство времени, хотя Егор уверял, что они здесь времени не чувствуют.

Соня словно прочла мои мысли, продолжала:

— У господина министра есть песочные часы. Очень большие. И специальные люди-насечки.

— Они делают насечки на палках, — сказал Кюхельбекер, — чтобы я мог считать время. Я, и никто другой. Они переворачивают часы и делают насечки.

— Это, — сказал я, — как бы плановое открытие щели, правильно? Для встречи с Малкиным и другими людьми, для обмена.

— Правильно, — за Соню ответил министр.

— А открывается ли эта щель чаще?

Соня кивнула.

— И как я об этом узнаю?

— Как он узнает об этом? — Я понял, что министр тоже хочет, чтобы я убрался восвояси. Его не интересует содержание последних газет, выступление доброго министра обороны или новости из Дагестана.

— Он почувствует, — сказала Соня. — Только мы должны быть здесь поблизости.

— Вы можете это сделать? — настаивал я.

— Сейчас Денис должен отдохнуть, — твердо сказала Соня — Я отвезу его к себе.

— Куда?

— Мы живем в библиотеке университета.

Сказав так, Соня спокойно повернула коляску и повезла Дениса к выходу. И все покорно пошли за ней. Не обладая ни силой, ни должностью, она была настолько уверена в себе, что эта уверенность передавалась и остальным. Впрочем, су-

ществование окна было важно для всех. Кроме ветеранов. Но, насколько я знал, ветераны также почему-то не трогали Соню.

Я пошел рядом с ней.

— Когда вы будете знать? — спросил я.

— Мне трудно ответить. Завтра. Вы знаете, что такое завтра? — спросила она так, словно в это слово она вкладывала свое особое понимание.

— Пожалуй, да.

Через задний ход, такой мне уже знакомый, мы вышли на улицу, и я впервые увидел и почувствовал воздух того мира. Егор описывал мне его, но так, походя — он говорил о серости дня и одинаковой серости неба.

Это было не совсем так. Небо над тем миром было жемчужным и по-своему красивым, такого цвета бывает слой облаков на рассвете, задолго до того, как поднимется солнце, когда слой облаков уже освещен, но его не коснулись прямые солнечные лучи.

Воздух не был совершенно прозрачным — в нем таилась дымка напоминанием о ночном тумане. Мне вдруг захотелось запустить в небо камень, чтобы он пробил облака и показал мне, твердое ли здесь небо.

Но главное Егор заметил правильно — я не мог сказать, холодно здесь или тепло, будто все рецепторы в моем теле отключились. И еще: здесь останавливалось время. Вернее, становилось все равно, движется оно или нет.

За Егором мне приходилось приглядывать. Он был почти невменяем. Словно уже прыгнул с высокой горы в море, вынырнул, а теперь крутит головой — где же заветная жемчужина?

— Теперь слушай, — начал я, когда мы оказались на улице.

Он сразу меня перебил:

— А вы зачем сюда полезли?

— Потому что я ученый — раз, — ответил я по мере сил спокойно. — Потому что испугался оставлять тебя здесь одного — два. Потому что я успел подумать — после твоего неправильного поступка они закроют дверь навсегда. И мы ничего не узнаем.

— А я? — спросил он. — А Люся?

— А вы навсегда сгинете здесь, — ответил я и тут же получил весомую поддержку министра:

— В принципе ваш друг прав. Вас зовут Егором, если я правильно помню? — Он не получил ответа и продолжал, обращаясь ко мне: — Как же мне вас прикажете величать и кто вы в самом деле такой?

— Можете называть меня Георгием, Юрием Гагариным.

— Из князей?

— Из детского дома. Фамилию получил в честь первого космонавта. Слышали о таком?

— Мне рассказывали. И почему же вы оказались в театре?

— Вы хотите спросить, какое отношение я имею к Малкину и всей его компании?

— Считайте, что так.

Но закончить разговор мы не смогли, потому что Соня решительно покатила коляску налево, по асфальтовой дорожке, я ринулся было за ней, и Кюхельбекер остановил меня.

— Мы ее найдем, — сказал он. — Когда надо будет, найдем.

— Они меня найдут, — откликнулась Соня.

— А теперь скажите мне, где Люся, — потребовал Егор.

Кюхельбекер сдержанно улыбнулся, и мне в его улыбке почудилась издевка.

— Люси теперь нет, — сказал он, — а есть императрица всея Руси, ее величество императрица Людмила.

— Да ладно... — И Егор замолчал, потому что такого ответа он боялся.

За театром стоял экипаж. Я о нем тоже уже слышал. Это была телега, запряженная двумя старыми велосипедами, на них сидели мужики в длинных черных плащах и пожарных касках — самокатчики. Еще один стоял в стороне, держа велосипед.

— Раз уж вы приехали... — сказал Кюхельбекер, — занимайте места, мы поедем во дворец и там поговорим не спеша.

— А Люся там? — спросил Егор.

— Молодой человек, — поморщился Кюхельбекер. — Почему я вообще должен с вами разговаривать? Вы ворвались к нам без разрешения и без приглашения. И сразу стали выдвигать требования. По мне, так лучше вас сейчас потерять. И мои самокатчики с удовольствием это сделают.

— Ты спрашивал, — сказал я, обращаясь к Егору, — зачем я полез сюда следом за тобой? А потому и полез, что хочется, чтобы ты еще немного пожил.

— Он только пугает, — сказал Егор.

— Так мы едем? — спросил Кюхельбекер.

— Конечно, едем, — ответил я за всех.

Мы забрались в телегу и уселись на лежащую поперек доску. Кюхельбекер поместился спереди, за кучера. Я оглянулся. Но Соня уже исчезла.

Мне не терпелось увидеть то, о чем рассказывал Егор. И при-

видений, и Пыркина, и императора Киевского вокзала. Я ощущал себя туристом в Венеции — сейчас мне покажут каналы и соборы!

— Глупо получилось, — сказал Егор. — Вы, наверное, готовились к этому. Приборы всякие налаживали... А тут пришлось за мной прыгать. Извините. Зато теперь вы видите, что я вам не врал.

— Какие приборы? — обернулся Кюхельбекер.

Егор словно не слышал его.

— Если вы что-нибудь с ней плохое сделали, — его голос поднялся до крика, — я вас всех уничтожу!

— Любопытно, что вы считаете плохим? — спросил Кюхельбекер. — Если ваша знакомая удачно вышла замуж и счастлива, это плохо?

Велосипедисты услышали и засмеялись.

— Она не может быть счастлива! — выкрикнул Егор. — Я же знаю вашего императора... Это же...

— Молодой человек, помолчите! — строго приказал Кюхельбекер. — Вы находитесь в чужом монастыре и спрячьте ваш устав в карман.

Я положил руку Егору на плечо. Он повел плечом, чтобы сбросить мою руку.

— Я с ней поговорю, — пригрозил Егор. — Сейчас же поговорю. Вы же все врете! Она не могла согласиться!

— А что ей оставалось? — заметил Кюхельбекер. — Уж лучше быть императрицей, чем стать солдатской шлюхой.

Мне пришлось держать Егора как следует. Он был худой, но жилистый и боролся отчаянно.

— Чего ты добиваешься? — спросил я, переводя дух.

— Я его убью!

— Тогда уж точно Люся не дождется твоей помощи, — сказал я.

— Какое точное наблюдение! — произнес Кюхельбекер не без иронии.

Третий, свободный, велосипедист уехал довольно далеко вперед и увидел, что дорога как раз перед мостом Окружной железной дороги перегорожена длинной, провисшей почти до асфальта цепью.

— Эй! — крикнул он, беря вправо к речке, чтобы посмотреть, кто так неудачно пошутил. — Осторожно! Смотрите! Бандиты!

А бандиты выскочили из-за устоя моста, но к их появлению были готовы и те велосипедисты, которые тянули телегу,

и сам Кюхельбекер, и даже тот велосипедист, который отклонился в сторону.

Я полагаю, что нападавшие рассчитывали, что телега остановится и они на нее накинутся. Поэтому они не закрепили конец цепи со стороны реки, а его держал в руках один из них. Именно его успел рубануть саблей велосипедист, прежде чем его стали колотить дубинками.

Но цепь упала на асфальт, и Кюхельбекер отчаянно завопил:

— Гони! Скорее!

Велосипедисты, подчиняясь этому крику, нажали сильнее на педали, и наша телега, почти свободно катившаяся с горы, пролетела мимо разбойников, прежде чем они смогли нас остановить и одолеть.

Разбойники бежали сзади, махали саблями и дубинками, один из них выпустил камень из пращи.

— А что, — спросил я неожиданно для самого себя, — огнестрельное оружие здесь не в ходу?

— Не в ходу, — ответил Кюхельбекер.

Он сидел пригнувшись, опасаясь, что его догонит сзади какой-то снаряд. Телега подпрыгивала на выбоинах, у парапета стояли рыболовы, которые оглядывались на мчащуюся телегу, будто сердились, что мы распугаем всю рыбу.

Сзади бежали разбойники, одетые разнообразно и неаккуратно, но бежали они как-то неуверенно, даже не очень спешили, будто пугнули нас и этого им было достаточно.

Между телегой и бандитами ехал третий велосипедист. Его велосипед делал зигзаги по набережной, и самого велосипедиста заваливало в сторону.

Он отставал все больше.

— Ему надо помочь, — сказал я. Вроде бы и нельзя по нашим правилам вмешиваться в дела чужих цивилизаций, тасманийцев например, но тут ведь речь не о чужой цивилизации, а о наших российских бомжах. Все они бомжи, люди без определенного места жительства. Впрочем, Кюхельбекеру это не втолкуешь.

— Помочь мы не поможем, — возразил Кюхельбекер, — тогда они нас догонят и убьют. Не знаю, насколько вы — жертвенная натура. Давай, ребятушки! — крикнул он, привставая на облучке и взмахивая воображаемым кнутом.

Велосипедистов и не надо было подгонять. Они крутили педали с отчаянием.

Егор мрачно молчал, а я, несмотря на драматизм ситуации,

смотрел по сторонам. Справа тянулась пустошь, посреди нее длинный пруд, затем стены Новодевичьего монастыря. Деревьев не осталось...

Я обернулся.

Велосипедист уже сильно отстал. Он сошел с велосипеда, сам сошел, и сел на мостовую.

Бандиты догнали его и окружили. Я не знал, что они там с ним делали. Один из бандитов постарался взобраться на трофейный велосипед, но никак не мог с ним справиться.

Тут мы въехали на площадь Киевского вокзала и свернули с набережной. Площадь была пустынна и очень велика, куда больше, чем была у нас. Посреди нее стояли три черных стола. Егор говорил нам об одном.

Возле ближнего сохранился неубранный — а зачем убирать? — ряд дешевых стульев, некоторые валялись среди сажи.

— Вот здесь, — сказал Егор, — они людей жгут, паразиты.

— Не судите, да не судимы будете, — ответил Кюхельбекер. Он вглядывался вперед, а один из велосипедистов обернулся и сказал:

— Там кто-то лежит.

— Вижу.

Я тоже привстал. Велосипедисты ехали все медленнее. Человек в синем костюме лежал на верхней ступеньке вокзальной лестницы, вытянувшись, глядя в небо. Он был разрублен пополам, и верхняя и нижняя половины были раздвинуты так, что между ними можно было провести кулак.

Велосипедисты спрыгнули с велосипедов и остановились, поджидая Кюхельбекера.

— Я думаю, что вам лучше подождать здесь, — сказал министр.

— Неужели здесь безопасней? — спросил я.

— Здесь видно далеко, — сказал Кюхельбекер. — Будь моя воля, я бы остался на улице тоже.

Но мы уже спрыгнули с телеги и пошли к лестнице.

Один из велосипедистов толкнул дверь и, выставив перед собой пистолет-арбалет, шагнул внутрь. Второй остался снаружи, подстраховывая его.

Он придерживал дверь, и изнутри донесся голос первого велосипедиста:

— Идите!

Мы вошли в зал.

Он был пустым и гулким. Ни одной живой души. Только на каменном полу разбросаны вещи, словно люди расходились с

карнавала и устало сбрасывали наряды. Кто-то потерял шляпу, другой бросил на пол парик, а третий умудрился оставить там ботинок.

Мы были очень маленькими — пять человек в зале.

— Это мне не нравится, — сообщил нам Кюхельбекер. Можно было и не сообщать.

Кончиком ножика скребло душу ощущение близкой опасности.

— Они здесь побывали, — сказал министр. — Побывали и потом убежали к себе.

Он убеждал себя, но никого больше не убедил.

— Эй, — громко сказал Кюхельбекер. — Здесь кто-нибудь есть?

Никто не откликнулся.

— Так я и думал, — сказал Кюхельбекер, обращаясь ко мне, — они совершают набеги, а потом убегают к себе за реку.

— Вместе с вашим... населением?

Кюхельбекер решительно направился вперед, велосипедисты шагали по бокам. Нас с Егором оставили сзади. Но стоять одним посреди зала не хотелось, и мы присоединились к группе.

Кюхельбекер остановился перед дверью, на которой висела табличка «Комната милиции».

Он постучал.

Никто не ответил, и Кюхельбекер осторожно открыл дверь.

Он остался на пороге. Мне тоже было видно, что творится внутри. Комната была устлана коврами. На стене висели картины, среди них мне бросилось в глаза полотно Репина «Иван Грозный убивает своего сына». В дальнем углу стояло низкое кресло. А может быть, трон.

На троне восседал худой молодой человек в джинсовом костюме. У него были длинные волосы, забранные сзади в косицу.

Молодой человек был бледен. Лицо его выражало ярость.

Он держал в руке шест или копье, уткнув его древком в ковер.

На копье была насажена голова немолодого лысого человека с толстыми красными щечками и полуоткрытыми и оттого страшными глазами.

— Привет. — Молодой человек улыбнулся открыто и радостно. Я узнал эту улыбку. Хоть я не принадлежу к числу по-

клонников Малкина, я его не раз видел по телевизору. И знаю эту улыбку, отработанную перед зеркалом и одобренную психологом. — Проходите, друзья, проходите. Располагайтесь как дома. Надеюсь, у вас крепкие нервы...

— Павел, — произнес Кюхельбекер тихим, низким, гулким голосом. — Павел, что они с тобой сделали...

— Разве не выразительно? Это наш обычай. Я уже усвоил обычаи моего маленького народа.

Веня обернулся — за креслом стояли пожилой мужчина с козлиной бородкой, который держал на плече гитару словно ружье, и второй, помоложе, в камуфляжном костюме и пиратском платке на голове. На рукаве была черная повязка с неаккуратно нарисованным белым черепом и костями.

— Как же вам не стыдно! — сказал Кюхельбекер. — Вы же наш гость.

— Гость? — Веня начал накачивать себя. Сейчас он постепенно войдет в истинный гнев. Я знаю эту манеру приблатненных пацанов. — Гостя надо уважать. А что я получил в ответ в этом вашем дворце? Что? Унижения и оскорбления!

— С кем связались...

— Нет, ты глаза не отводи, не отводи. Тоже мне Кюхельбекер нашелся! Мы тебе цену знаем. Сам доносчиком КГБ был, стучал на товарищей.

Кюхельбекер повернулся, чтобы уйти.

Но сзади уже стояли разбойники.

— Разоружайся, — сказал Веня и рассмеялся, — наступил мир во всем мире.

Велосипедисты спешили отдать свое оружие, Кюхельбекера повели куда-то, с Веней остались лишь мы с Егором.

— Ну вот, — сказал Веня. — Теперь у нас остались только свои. И мы можем поговорить как мужчина с мужчиной.

— Послушайте, — я постарался предвосхитить резкую реакцию Егора. — Уберите декорации. Мы не на сцене.

— Ты посмотри! — Веня изобразил удивление. — Ему не нравится. А он и не знает, что мы здесь не играем в войну. Мы боремся за существование.

Кровь капала из отрезанной головы, некоторые капли попадали на куртку певца. Он этого не замечал.

— Это и есть настоящая жизнь, — сказал он.

— Тогда мы уйдем, — сказал я.

— Никуда вы не уйдете. Всякий, кто встанет против нас, будет растоптан сапогами — где-то я слышал такую песню. Кто не сдается, его уничтожают.

Я совершенно не представлял, чем я смог бы запугать этого мерзавца. Я не знал ни его страхов, ни авторитетов.

— Уберите голову, будем разговаривать, — сказал я. — И учтите, нам есть о чем поговорить.

Егор хотел одного — узнать, где Люся, но что-то, к счастью, сдерживало его. Полагаю, что страх. Задашь вопрос, а окажется, что лучше было бы не задавать.

— Ты кто? — спросил Веня. — Ты не здешний.

— Вам не сказали, что я приеду сегодня?

— Меня здесь не было. Я был в своих владениях. На том берегу.

— Вот я и приехал.

— Мы никого не ждали, — сказал Веня. — Обмен культурными ценностями, как всегда. Только, честно говоря, я тут в политику ушел и забыл, какой сегодня день. Даже не знаю, давно ли я ушел из дома. Скажи, я давно ушел из дома?

— Почти месяц, — сказал я.

И тут его головку посетило подозрение.

— Повтори!

— Убери палку, — сказал я. — Ты весь в крови. Противно смотреть.

— В какой крови? — Он посмотрел на куртку, на колени, запачканные кровью, отшвырнул шест с головой, его сподвижник в черном платке, завязанном как их носили ударницы — комсомолки тридцатых годов, подхватил шест и поставил его в угол, лицом к стене. А раз лица не было, можно было вообразить, что это что-то неодушевленное... — Дай мне платок какой-нибудь! Полотенце!

Человек с козлиной бородкой не двинулся, он так и стоял с гитарой через плечо, а второй снял с головы платок, под которым оказались смятые черные волосы, и передал Вене. Веня принялся возить платком, вытирая кровь.

— Бред какой-то, — сказал он, словно начал приходить в себя.

— И людоедством тут тоже балуетесь? — спросил я.

Веня яростно сверкнул глазами, но сдержался. Егор шепнул мне на ухо:

— Можно, я спрошу?

Я покачал головой, и Веня заметил это движение:

— В чем проблемы?

— Я полагаю, — сказал я, — что нам надо серьезно поговорить. Пускай все твои друзья уйдут. У нас важные новости. Я серьезно говорю, Веня.

— Нет, — сказал Веня. — Я никому не доверяю, кроме своих ребят. Мы с ними кровью повязаны.

— А что в Москве осталось?

— В Москве? В Москве меня народ ждет.

— Вообще народ? — спросил я. — Или конкретно?

— Ты что имеешь в виду? — насторожился Веня.

— А ты?

— Слушателей, поклонников...

— А я имею в виду Барби и Пронькина.

— Откуда ты знаешь? — Веня вскочил, но гора ковров поползла, не удержала его, и он сел — ноги в сторону, — неубедительно сел.

— Их нет, — сказал я. — Попрощайся.

— Как ты смеешь! Ты кто такой!

— Слишком много вопросов.

— Тогда пускай все катятся отсюда, — сказал Веня. — Все, все, все!

— Сначала ты скажешь мне, где Люся, — не сдержался Егор.

— Ничего с твоей Люсей не случилось, — отмахнулся Веня.

— Где Люся?! — Егор рванулся к нему. Один из разбойников быстро сделал движение вперед и завернул руку Егору за спину.

Я не выношу грубости и хамства. Не оборачиваясь, ударил ребром ладони разбойника по горлу. Нет, не до смерти, скоро он придет в себя.

Веня уже выхватил пистолет.

Я знал, что с огнестрельным оружием здесь нелады, что его вроде бы и быть не должно. Но когда я вижу пистолет, я предпочитаю думать, что он настоящий.

— Спокойно, Веня, — сказал я, — никто тебя не собирается трогать. Но предупреждаю — моего друга не трогать. И скажи своим мордоворотам, что это условие нерушимо. Спрячь пушку, спрячь. Тебе сейчас важнее со мной поговорить.

— Пускай они выйдут, — сказал Веня.

— Сначала ответь на вопрос о Люсе. Этот вопрос волнует моего друга.

— Люся была императрицей и осталась императрицей. Только живет она пока в моей койке. Ты доволен?

Егор кинулся было снова к Вене, мне пришлось остановить его на лету и выдать конфиденциальную информацию, которую, честно говоря, я хотел приберечь для более удобного момента.

— Егор! — почти крикнул я ему в ухо — чтобы дошло до сознания. — Ничего твоей Люсе не грозит. Даже если она месяц не вылезет из его койки. Понял?

— Нет, — растерянно ответил Егор.

— Ну не по этой он части! Видишь, он СПИД подцепил. А знаешь, кто обычно СПИД подцепляет?

— Молчи, убью! — крикнул Веня.

Вдруг до Егора дошло.

— Так ты голубой, да? — спросил он почти дружелюбно.

— Вали отсюда! — сказал Веня, сжимая пистолет.

И Егор не стал спорить.

— Ну и сволочь ты, — сообщил мне Веня.

— С тобой иначе нельзя, — ответил я. — Так чего ты тут натворил?

— Я сразу понял, что это болото не для меня. Я человек, понимаешь? И это звучит гордо! В этой опереточной империи они решили, что им все можно, что я для них — оркестр балалаечников на юбилее артели. Но я быстро наладил связи — через лабухов — на тот берег. Ты не поверишь — их можно одной ротой раздавить — ну всех, все их государство, понял?

— Что ты и намерен сделать? — спросил я.

— Вот именно, — сказал певец. — Дай мне время.

Он смотрел упорно и пронзительно. И я понимал, что он не шутит, что для всего этого налаженного мирка он — страшный волк.

— А теперь — что с моими корешами? Только честно.

— Пронькин решил взять твой сейф.

— Ах ты, гад!

— Он брал деньги. А я пришел потом и взял твои медицинские карты. И как ты понимаешь, Венечка, я не человек-одиночка, так что спрячь свой пистолетик подальше.

— И что было дальше с Пронькиным?

— Его убрал Барби.

— За дело, — сказал Веня. — Я всегда этой мрази не доверял.

— Барби тоже покинул этот свет. Была заварушка в загородном ресторане. Всех твоих мальчиков положили.

— Менты?

— Нет.

— Твои люди?

— Нет. Хотя теперь мы контролируем вход и выход.

— Ты врешь.

— Разумеется, — сказал я. — Но Егора не трожь. И отдай ему Люську.

— Это мой козырь. Как тебя зовут?

— Гарик.

— Гарик, это мой козырь, понял?

— Будешь играть без козырей.

Хорош я, если посмотреть со стороны. Младший научный сотрудник Института экспертизы, находясь в экспедиции, проводит сложную дипломатическую беседу с соотечественником, который попал в драматическую ситуацию.

Еще не хватало сцепиться с ним врукопашную.

— Где Люся? — спросил я.

— У меня на базе.

— А твоя база?

— Не твоего ума дело.

— Не груби, Веня, я этого не люблю. И если будешь себя плохо вести, никогда не вернешься домой.

— А может, я и не хочу, — сказал Веня. — Может, мне лучше быть первым парнем в большой деревне по имени Земля.

Я кивнул. У него к этому были данные.

Тут дверь распахнулась, и влетели друзья Вени Малкина. Они специально одевались и старались выглядеть как бандиты, но не сегодняшние, крутоголовые, в широких пиджаках, а какие-то романтические, из книжек про пиратов.

— Капитан! — крикнул первый из них от двери. — На нас ветераны идут.

— Так гоните их к чертовой матери, — заявил Веня.

— Нет, ты не понимаешь, капитан, — сказал бандит. — Уходить надо. Так уже было.

Заволновался, стал выбираться из-за трона человек с гитарой.

— У ветеранов есть тайное оружие.

— Вот к этому я не привык, — сказал Веня. Он поднялся, взял шест с головой императора и, театрально шагая, словно выходя на сцену на фестивале в Сан-Ремо, пошел к двери.

Проходя мимо, он кинул мне:

— После боя поговорим обо всем, Георгий. Много проблем.

Бандит последовал за ним, но человек с бородкой и гитарой остановился:

— На вашем месте я бы куда-нибудь спрятался, пока все не кончится. Ветераны не любят пришельцев. Никаких. Если бу-

дет возможность, они убьют и господина Малкина, и вас. Лично я предпочитаю сейчас отсидеться на том берегу.

— Я бы предпочел отыскать Кюхельбекера, — сказал я.

— Может быть, — согласился человек с гитарой. — Если ветераны оставят его в живых.

В любом случае отсиживаться в императорской комнате не было смысла.

Мы вышли в зал. Откуда-то издалека доносились крики, удары, гул. Два бандита с саблями пробежали мимо нас к выходу.

— Пошли к доктору, — сказал Егор. — Леонид Моисеевич нам расскажет. Он должен знать.

Егор повел меня к комнате, на которой была табличка «Медпункт».

Дверь туда была приоткрыта.

Егор заглянул внутрь и позвал:

— Леонид Моисеевич!

Ответа не последовало.

— Леонид Моисеевич! — Егор зашел в комнату. Я подошел к двери. Внутри был самый обыкновенный медпункт, правда, какой-то запущенный и бедный.

Егор заглянул за занавеску — там стояла пустая койка.

— Нет его, — сказал Егор. — Наверное, тоже убили.

— Жалко, — расстроился я. — Доктор мне очень нужен. К сожалению, наш опыт поставлен настолько любительски, что я ничего не успел с собой взять. Даже камеру.

— Никто не просил вас прыгать за мной, — сказал Егор.

Я понимал — он сказал так, чтобы оставить за собой последнее слово. Не такой уж он дурак, чтобы не понимать — у нас двоих есть хоть какие-то шансы выбраться, по крайней мере, мы можем стать у мачты спина к спине, тогда как один человек в этой заварушке погибнет. Впрочем, Егор один погиб бы и без заварушки. Императору могло не понравиться, что он добивается возвращения Люськи.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда нам лучше оказаться в стороне от войны. К сожалению, мы не знаем с тобой ни расстановки сил, ни возможного исхода конфликта. Куда лучше выйти на сцену после того, как лимит по казням исчерпан.

— Вы всегда так стараетесь шутить?

— Как? — не понял я.

— Натужно. Несмотря ни на что.

— Честно говоря, не всегда. Но ты меня поставил, Егор, в сложное положение. Ты разыгрываешь роль безумца Меджнуна, и я единственный здесь, кто склонен понимать. Честно говоря, такого я от тебя не ждал.

Он открыл рот, чтобы спросить, кто такой Меджнун, но не спросил, гордыня не позволила.

— Меджнун, — сказал я, первым выходя из медпункта, — восточный средневековый безумец, который рассказывал в пустыне о своей любви к Лейле оленям и ящерицам.

Мы не успели никуда отойти и спрятаться, потому что через зал, как по сцене костюмного спектакля, побежали разодетые разбойники.

— Этих, — закричал Веня Малкин, также выбегая в зал, — этих взять!

Он прихрамывал и держался за бедро. Между пальцами текла кровь. За ним бежал его соратник с гитарой и волок шест. Голова императора билась о пол, она сорвалась и покатилась под соединенные по дюжине стулья с пластиковыми сиденьями, на которых положено сидеть ожидающим поезда.

— Хватайте же их!

Подраться с ними, попытаться сбежать? Куда — к ветеранам, которые, видимо, наступали со стороны платформы?

Один из разбойников ткнул меня в спину концом сабли.

— Больно же! — крикнул Егор, которому тоже досталось.

— Голову не забудьте! — приказал Веня, но за головой никто не полез.

Мы выскочили на пустую площадь и через нее побежали к реке.

— Может, рванем в сторону? — спросил я Егора.

— Конечно! — Егор откликнулся сразу, но в этот момент нас догнало облако желтого дыма, которое быстро скатывалось по площади от вокзала. Облако было зловещим на вид, и я понимал, что если оно настигнет меня, то случится что-то страшное.

Перед облаком бежали не только разбойники и хромающий Веня, но я увидел, как из него выскочил и побежал, прибавляя скорость, сам Кюхельбекер и еще какие-то незнакомые мне люди. Странным было то, что по мере приближения к реке число людей, которых облако гнало перед собой, все увеличивалось.

Может, нас кто-то пугает? Или это природное явление, в нашем мире незнакомое?

Хорош исследователь, думал я, хотя совершенно непонятно, как я успевал думать на таком бегу. Хорош исследователь, представитель передовой российской науки, без единого фик-

сирующего прибора, бегает по неизведанному миру, совершенно не представляя, что с ним случится в следующую минуту и вообще что он намерен делать дальше.

Желтое облако выдыхалось. Как будто оно было языком киселя, вылившегося из опрокинутой чашки, и по мере приближения к краю стола язык его становился тоньше и уже.

Мы с Егором бежали быстрее многих, и к берегу реки оторвались от желтой напасти настолько, что могли остановиться и осмотреться.

К реке вели ступеньки, вровень с водой лежали доски причала — здесь должны были останавливаться речные трамвайчики.

Вместо трамвайчиков к берегу были причалены четыре прогулочные лодки, из ассортимента, который можно найти на прудах в Парке культуры. У лодок стояли, встревоженно глядя наверх, двое часовых.

— Давай, давай! — крикнул бандит у лодки. — Где добыча?

— Будет! — откликнулся один из его товарищей. — Отвязывай. Рвем когти.

Желтое облако одолело большую часть площади, и башня Киевского вокзала поднималась из него, как маяк из утреннего тумана на полотне Тернера. Веня и его команда успели убежать от облака и тоже притормозили у парапета. Хуже было тем, кто остался во втором эшелоне. Я вдруг понял, что газ этот плохо действует на людей. Некоторые из них тащились из последних сил, и желтое облако вновь их нагоняло. Ближе других к нам оказался министр Кюхельбекер. Он уже не бежал, а еле тащился... Ворот душил его, и он рванул его, стараясь выдернуть черный галстук. Желтый газ дотронулся до его ног, хоть и полз уже еле-еле.

— Гарик, это опасно! — крикнул мне Егор.

Но я уже бежал навстречу Кюхельбекеру. Я подхватил его — министр оказался тяжелым и вялым. Мне бы не дотащить его до реки, если бы Егор не поспел на помощь. Кюхельбекер закрыл глаза, он тяжело и часто дышал.

— Оставь его, — крикнул от лодки Веня. — Ты сбрендил, что ли? Он же отравленный. Сам погоришь!

Мы уже спускались вниз к лодкам, ноги Кюхельбекера бессильно волочились по ступенькам.

— Да брось ты его! — кричал Веня.

Первая из лодок уже отчалила.

Мы влезли в лодку и втащили за собой Кюхельбекера.

Кроме нас, в той лодке оказался лишь бородатенький с гитарой и еще один бандит, в бедуинском халате. Они ни в чем не участвовали. Я сел за весла. Егор — за руль.

Мы стали грести к противоположному берегу, следуя за первой из лодок, в которой сидел Веня.

Желтое облако скатывалось по ступенькам к воде, переваливалось через парапет и падало к воде тонким прозрачным слоем, как утренний туман.

— Что это? — спросил я у бородатенького с гитарой.

— Газ, — сказал тот, — я не знаю названия.

— Откуда он взялся?

— Ветераны. Я Веню предупреждал, но вы же знаете, он никого не слушает. Он совершенно пассионарный.

— Какой? — спросил я.

— Пассионарный. Неужели вы еще не читали последних трудов Льва Гумилева? Он дает понятие пассионарной нации, пассионарного этноса.

— А вы откуда знаете Гумилева? — спросил я.

— Я и Окуджаву знаю, — ответил тот.

Кюхельбекер тяжко застонал.

— Прости, я отвлеку вас на минуту, — сказал я, — но Кюхельбекер не умрет?

— Я думаю, что никто не умрет. То есть умрут все, но смерть будет временной.

Гитарист рассуждал размеренно, он хотел, чтобы его понимали. Он не лгал и не видел в этом нужды. У него были светлые глаза в черных ресницах. Маленький рот, убегающий подбородок, а бородка росла так жидко и клочковато, что подбородка не закрывала.

— Временной?

— Временной, но мучительной, — сказал гитарист, — умирать всегда тяжело. Я умирал. Это очень страшно. Но убить нас трудно. Если не сделать чего-то решительного — не сжечь, не разрубить на части, — то мы оживаем. Я уже видел такие удивительные случаи, за которые «Московский комсомолец» отвалил бы колоссальные деньги.

Мы двигались медленно — Москва-река небыстрая из-за плотин и шлюзов. К счастью, мы двигались по течению.

— Где Люся? — спросил Егор.

«Карфаген, — подумал я, — должен быть разрушен».

— Вы совсем недавно здесь? — спросил гитарист.

— Разумеется.

— Когда Вениамин прибыл сюда, мы его встречали, ждали — у него есть поклонники. Небольшая, но дружная группа.

Моя группа. А может быть, вы знаете, что Малкин прибыл вместе с Люси? Это сложная и романтическая история.

— Я знаю, — перебил его Егор.

— Я могу и не рассказывать, — сказал гитарист.

— Рассказывайте, пожалуйста, — попросил я. — Мой друг был знаком с Люсей там, у нас... Он за нее переживает.

— Нормально с ней, — сказал бандит в халате.

Он сидел на носу лодки, свесив ноги, и мешал мне смотреть, когда я оборачивался, чтобы понять, не врежемся ли мы в берег. На Егора у руля было мало надежды.

— Мы его встречали. Но у нас, как вы знаете, основной контингент очень пожилой, даже старый, люди другого воспитания, других жизненных привязанностей. Вы не представляете, они даже песни Высоцкого воспринимают как вызов или не воспринимают вовсе.

— Вы в каком году сюда попали?

— В семьдесят третьем. Меня как раз вышибли из института...

— Простите, — попросил Егор. — Вы расскажите, пожалуйста, что здесь произошло за последний месяц. Мне очень важно знать.

— Как вас зовут? — спросил я гитариста, пока он жевал губами, то ли размышляя, с чего начать, то ли соображая, стоит ли рассказывать. — А то трудно разговаривать, не зная, как обращаться друг к другу.

Это была маленькая деталь из наших психологических орудий — Калерия гоняла нас на семинары. Кроме меня, никто не ходил.

— Григорий Михайлович, — сказал тот. — Григорий Синявский, фамилия как у спортивного комментатора. Вы не помните?

— Я поздно родился, — признался я.

— Григорий Михайлович, — Егор подхватил знамя из моих рук, — рассказывайте, чего же вы!

— Я не уверен, что могу сказать о месяце — я давно потерял чувство времени.

— Мы знаем, — сказал Егор. — Месяц назад Люсю утащил сюда Малкин.

— Я вас не понял, — сказал Григорий Михайлович. — Как так он мог ее сюда утащить?

— Это долгая история, — вмешался я. — Если можно, мы вам расскажем ее за чашкой чаю, в соответствующей обстановке. Но Егор выразился совершенно точно. Малкин украл

девушку. Для императора. И приехал на Киевский вокзал. Это была его плата за право здесь жить.

— Вы рассказываете какие-то сказки, — возразил Григорий Михайлович. — Я бы знал. Веня ничего от меня не скрывает.

— А мы послушаем, — сказал бандит, сидевший на носу лодки, — время еще есть.

Руки у меня уже устали. Вы когда-нибудь пробовали везти пять человек на прогулочной лодочке больше часа без подмены? Но я решил — потерплю до Новодевичьего.

— За всем должен скрываться какой-то дьявольский умысел, — сообщил нам Григорий Михайлович.

— Я слышал, — неожиданно подтвердил мои слова бандит. — У нас говорили. Император давно ее выбрал и отпустил к вам, на травку пастись, пока вымя не отрастет.

Он весело засмеялся. Он был из тех толстомордых идиотов, что составляют большинство любой банды.

— Хорошо, — согласился Григорий Михайлович, — вы мне все расскажете потом. Даете слово?

— Даю. А вы продолжайте.

— Я был среди тех, кто встретил Веню, — сказал гитарист. — Мы тут создали группу, самодеятельную, пели в основном баллады и туристские песни, вы знаете творчество бардов?

— Мы знаем творчество бардов, — мрачно ответил Егор.

— Они в самом деле приехали вместе. Их привез вот этот... — Григорий Михайлович показал на Кюхельбекера, который неподвижно лежал на дне лодки. — А наша группа приветствовала Веню. Честно говоря, мы тогда удивлялись приезду такого выдающегося певца современности. Девушка показалась нам милой. А Вене мы были рады. Девушку увели к императору. А потом начались конфликты. Вы не представляете, какие унижения пришлось пережить Вениамину Борисовичу при дворе.

Когда же Егор догадается сменить меня на веслах?

— И Веня начал искать способ вырваться из так называемой империи. В частности, он обратился и ко мне — что делать? Куда идти? Веня — человек энергичный и смелый. А у нас, у одной нашей певицы... я надеюсь, что не открываю особых секретов, есть связи на том берегу. И мы смогли организовать Вениамину Борисовичу встречу с людьми...

— С нами, — сказал бандит с носа лодки.

— Теперь ваша очередь грести, — сказал я ему.

— Не могу, — ответил бандит. — У меня грыжа. Сто лет терплю.

Ему было весело.

— Ну и черт с вами. — Я отпустил весла и пересел на другую банку. Лодка закачалась, а так как она была перегружена, то через борт плеснуло немного воды.

— Ты что! — закричал бандит. — Оборзел? Утопишь всех!

Вода попала на лицо Кюхельбекеру, и тот отвернулся, почувствовав холод. Он был жив, без всякого сомнения, он был совершенно жив.

Лодка медленно разворачивалась, ее несло течением.

— Я возьму весла, — сказал Егор.

Он осторожно перешел на мое место. Я не стал возражать. Если у пирата грыжа, мы должны беречь пирата.

— Продолжайте, Григорий Михайлович, — сказал я замолкшему гитаристу.

— Веня нашел друзей на том берегу, — сказал гитарист нехотя. — И перешел на нашу сторону.

— Ты скажи, — откликнулся с носа лодки разбойник, — ты скажи, как под славным руководством Вени мы перешли в решительное наступление на придурков с площади.

— Это правда, — сказал гитарист, — Веня оказался как бы свежей струей крови. Он смог объединить несколько групп — вы не представляете, какой это организационный талант!

Мне был виден организационный талант — теперь, когда я повернулся лицом по движению лодки, то видел, как его голова торчала среди прочих голов на лодке, что плыла впереди.

— Нам нужны диктаторы, — сказал разбойник. — Пришло время диктаторов. Хватит нам этой анархии!

И он фальшиво, но громко запел:

Любо, Веня, любо,
Любо, Веня, жить!
С нашим атаманом не приходится тужить!

С передних лодок донесся недружный ответ. Веня поднял худую руку, сжатую в кулак.

— А что же случилось с Люсей? — спросил я.

Егор едва смог кивнуть — лодка была перегружена, ее борта были почти вровень с водой.

— Людмила сначала вышла замуж за императора, — сказал Григорий Михайлович. — За покойного императора.

Кюхельбекер застонал. Он поднял руку и закрыл ею глаза, словно его раздражал яркий свет.

— Как так вышло? — спросил Егор.

— Но вы же знаете, — ответил Григорий Михайлович. — Вы же были здесь в прошлый раз, когда император поклялся, что женится на ней. И сдержал свое слово. Вот на этой свадьбе и произошел конфликт между императором и Веней.

— Не то слово, — поддержал гитариста бандит.

— Значит, она была там, на вокзале? — спросил Егор.

— Была, да сплыла, — сказал бандит.

— Не волнуйтесь, она в безопасности, — повторил гитарист. — Я вам это гарантирую.

— Мне надо ее увидеть, — сказал Егор.

Первая из лодок, пройдя под устоями железнодорожного моста, свернула налево, туда, где тупо поднимались строения стадиона в Лужниках.

— Забирай левее! — сказал бандит. — Левым греби, правым табань.

Егор подчинился. Наша лодка начала следом за прочими поворачивать к берегу.

И тут послышался гул.

Совершенно чуждый этому миру, механический, даже какой-то грозный, гул приближался, и я увидел, как со стороны Метромоста на прямой отрезок реки вырвался большой катер с закрытой каютой и рубкой, поднимающейся над ней. Он шел со скоростью морского катера — на реке это было делать опасно, потому что разбрасываемые им длинные крутые волны разбегались под углом и ударяли в берега, как волны морского прибоя.

— Скорее! — крикнул я Егору. — Навались!

Катер не должен был врезаться в нас, но он пройдет так близко, что нашу перегруженную лодку он наверняка перевернет.

Я замолчал, не в силах оторвать взгляда от этого чудовища, будто заглянувшего невзначай из нашего мира.

Мне хотелось понять, есть ли кто-нибудь в его каюте, в рубке, на небольшой палубе, открытой сзади. Ни одного человека я не увидел. В рубке кто-то стоял у штурвала. Но, конечно же, я не разобрал ничего, кроме силуэта. За круглыми иллюминаторами каюты было пусто.

А может, и рулевой мне привиделся. Я старался развернуть лодку поперек волны, но не успевал.

— Сейчас опрокинет! — крикнул я. — Егор, плавать умеешь?

— Что? — Он не понял, но увидел, как мимо проносится катер, и сообразил: — Умею!

Григорий Михайлович прижал к груди гитару. Он тоже почувствовал опасность.

Я привстал, подхватывая под мышки Кюхельбекера. Его положение было хуже прочих — в таком состоянии он точно бы не выплыл.

Мне было видно все, что происходило впереди нас.

Первая из лодок уже добралась до берега, по крайней мере до мелководья. Там была еще одна пристань для трамвайчиков и был спуск к воде. Волна подхватила лодку и выбросила на причал. Вторую приподняло и опрокинуло метрах в трех, еще одну я не успел разглядеть, потому что почувствовал, как нашу лодку поднимает и кренит длинная волна. Еще мгновение — и мы сильно зачерпнули левым бортом. Мне надо было вытянуть Кюхельбекера так, чтобы меня не зашибло опрокидывающейся лодкой.

Я рванул его на себя и оттолкнулся ногами от борта — такие вещи делаешь рефлекторно: я как-то летом проработал спасателем в Евпатории — захотелось солнца и моря. А денег тогда не было.

Кюхельбекер не сопротивлялся — проплыть с ним двадцать метров до причала труда не составило. Но меня больше беспокоил Егор — управится ли он?

И ей-богу, я почувствовал истинное облегчение, когда его голова возникла рядом со мной и он спросил, отплевываясь:

— Помочь, Гарик?

— Ничего, плыви. А где Григорий Михайлович?

Я правильно сделал, что спросил, — оказывается, тот бултыхался, собираясь потонуть метрах в пяти сзади нас. Егор поплыл к нему и потащил к берегу, а тот махал руками, старался утопить Егора.

Когда я вылез на причал, то увидел Веню Малкина. Он стоял на досках, махал кулаком вслед катеру, грязно и витиевато матерясь.

Я втащил Кюхельбекера на причал.

Веня увидел меня и спросил:

— Ты зачем этого тащишь? Оставь в воде.

Я положил Кюхельбекера на доски и спросил Веню:

— А что это за катер? Я думал, что здесь такой транспорт не предусмотрен.

— Черт их знает! — в сердцах ответил Малкин. — Я до них доберусь!

— Они приходят оттуда, сверху, проносятся туда и обратно. Но мы их не знаем, — сказал разбойник, который только что вылез из воды и прыгал на одной ноге, стараясь вылить воду из уха.

Одна лодка валялась на боку рядом с нами. Ее пассажиры разбирались с синяками и порезами. Но вроде все были живы.

— Хорошо, что добычи не было, — сказал вдруг Григорий Михайлович, которого выволок на причал Егор. — Просто счастье. Представляете, как бы мы огорчались.

И почему-то от этой незамысловатой фразы все ударились в смех.

И такой поднялся хохот, что Веня чуть не сел, согнувшись в поясе. Даже я засмеялся, хотя ничего смешного не было.

К нам бежали люди с берега. Две женщины и старик с костылем.

— Что привезли? — крикнула первая из них, лохматая, с грубым лицом.

— Победа! — крикнул им Веня, выпрямляясь и поднимая над головой стиснутые в пожатии руки. Так ведут себя победители на стадионе.

Человек не может изменить принципы поведения — стадион ли рукоплещет ему или три дикаря.

Любопытно, подумал я, каково должно быть минимальное наполнение мира, чтобы поддерживать цивилизацию?

Очевидно, когда люди разбросаны по лицу пустынной Земли так скудно, они неизбежно вырождаются, хотя и поддерживают порой видимость организации — как на площади Киевского вокзала.

Обязательно надо будет расспросить аборигенов, откуда этот катер. Общая тайна этого мира может быть разгадана лишь через раскрытие маленьких загадок.

Лишен ли этот мир системы коммуникаций или мы попали на его окраину, к жителям саванны?

Кюхельбекер открыл глаза, его взор был мутным, он пытался отстранить меня рукой.

— Оставь его здесь, — сказал Веня. — Его потом отведут куда надо.

— Куда его вести, — сказал один из бандитов, — я его тут зарежу. У меня нож острый.

— Ты глуп, мой друг, — сказал Веня, который уже изменил прежнюю позицию. — А мне нужны умные люди. Ты что думаешь, я хочу всех перерезать и править только вами?

Женщина с грубым лицом поцеловала Веню в щеку.

— Это лишнее, — сказал певец. — Как дела дома?

Он пошел прочь и поднялся по ступенькам на набережную.

— Кюхельбекера не тронут, — рассеял мои сомнения Григорий Михайлович. — Если Веня сказал, то не тронут. Веню здесь уважают.

Мы поднялись наверх следом за Веней.

Он уверенно направился к костру, горевшему возле входа во Дворец спорта — неуклюжего сооружения, стоявшего между стадионом и рекой.

Я вспомнил, что когда-то был здесь, еще мальчиком, на тренировке.

Нет, не сам я тренировался, а одна девочка из нашего детдома попала в сборную. Честное слово, даже в детских домах это бывает. Ее взяли от нас, а она как-то написала письмо мне и Коле Сердечкину и позвала на тренировку. Во Дворце было гулко, в памяти осталось именно гулкое нутро, в котором летали под потолком и неслись надо льдом громкие голоса тренеров и хореографов. Они стояли, опершись о бортик, а иногда выходили на лед, волоча ноги, чтобы не скользить.

Мы поднялись на набережную, поддерживая Григория Михайловича. Он шел, заплетая ноги.

— Я испугался, — сказал он. — Перепугался, что утону. Я плавать не умею. И гитару потерял. Где теперь другую найдешь?

— Наверное, в магазине, — сказал я.

Я промок до костей, было холодно, но не по-настоящему холодно, а неприятно телу.

— Ну, доскажите наконец, — потребовал Егор. — Я же вас вытащил!

— Для этого? — Гитарист обиделся, задрал голову и уткнулся концом мокрой острой бороды в Егора. — А я и не собирался ничего утаивать. Зачем мне утаивать? Это все ваши дела. Сейчас вы увидите свою Люсю. Ее уже давно украли. От этого и началась война. Она была как Елена Прекрасная. Вы читали об этом?

— Так где же она?

— Может, ждет нас, — усмехнулся гитарист. — Она же теперь супруга Вениамина. Император потерял покой. И готов был на все. Буквально на все.

Егор остановился, поглядел на меня в поисках поддержки. Потом вдруг побежал вперед.

— Ты куда? — крикнул Веня, когда Егор пробегал мимо. — Тебя же пристрелят, дурья башка!

Никто Егора не пристрелил. Дверь во Дворец спорта была раскрыта, и Люся, видно, ждала там возвращения разбойников. Или хотя бы каких-то новостей. А может, и предчувствовала что-то.

Она стояла в дверях и, когда Егор побежал к Дворцу спорта, выбежала ему навстречу.

Они бежали, как в каком-то фильме, который таким образом счастливо заканчивается.

— Стой! — закричал Веня.

На всякий случай я сделал несколько быстрых шагов вперед, чтобы оказаться рядом с ним. Я не хотел рисковать.

К счастью, войско Вени, и без того немногочисленное, в тот момент не было готово к бою. Часть бандитов осталась у реки. Они вылавливали перевернутые лодки и вытаскивали их на причал. Другие, видно, устали и брели каждый сам по себе. А те, кто встречал Веню, мешали ему, теснили, о чем-то говоря.

К тому же из Дворца спорта выбежали еще четверо или пятеро встречающих, и я понял, что это та же группа поддержки, певцы-барды, друзья Григория Михайловича.

Так что картина получалась скорее комическая, потому что Веню окружили поклонницы, и на встречу Егора с Люсей никто не обратил внимания. Кроме Вени.

Но тут рядом шагал я.

— Улыбайся! — приказывал я певцу и вождю. — Народ тебя любит! Ты его идеал. Да улыбайся ты, красавец мужчина! Не теряй авторитета. С ними ты потом поговоришь. Ты же победитель, Веня! Оба берега Москвы-реки подвластны тебе.

— Черта с два, — вдруг ответил мне Веня. — Черта с два! Кто мне подвластен?

Люся и Егор заметили, что мы подошли к ним.

— Егорушка, — рыдала Люся, прижимаясь к груди молодого человека, — ты пришел. А я уж думала, что все, что никогда... Господи, какое счастье, ты не представляешь.

— Ну что ты, как ты могла подумать, — говорил Егор. — Я же не мог сразу. Теперь все будет хорошо.

Веня остановился, протянул руку к Люсе, как бы намереваясь показать свои права на нее.

— Веня, — сказала Люся, не отрывая глаз от Егора. — Ты иди, я потом приду.

— Ты не понимаешь! — сказал Веня. — Люди смотрят.

Я осторожно, но крепко взял вождя за локоть и повел прочь.

— Они придут, — повторил я. — Куда они денутся? А нам с вами надо отдохнуть.

— Вот именно, — сказал Веня. — У меня эта дурацкая слабость.

Мы шли быстро, оставив позади поклонников, и Веня тихо и доверительно говорил мне:

— Вы же поймите, состояние моего здоровья таково, что мне, конечно же, надо беречь себя. Но у меня страшно заводной характер.

— Но Люся? — спросил я, стараясь вложить в этот краткий вопрос куда больше, чем мог бы услышать посторонний.

— Да вы с ума сошли? — возмутился Веня. — Вы думаете, что если я крутой, если вокруг меня всякие люди, то я подлец? Да я ни одну девушку на прощание не поцеловал. И не потому, что я голубой и они отвращение вызывают, вы не думайте, я даже женат был, но я тоже понимаю. Я ведь в прошлом году крестился, думал, что поможет. А здесь есть церковь, вы как думаете?

Мы вошли в зал Дворца спорта. Посреди него на деревянном полу трое разбойников играли в карты.

— Проблема — никак не могу поднять всех на завоевание мира, — сказал Веня. И, заметив удивление на моем лице, обрадовался и продолжал: — Я так и думал, что ты купишься. Ты же стандартный, без фантазии. Ты думаешь про меня: вот псих отмороженный, хочет кладбище завоевать. Да нет, мне просто интересно. Я и Люську утащил, только чтобы этим мымрикам доказать, кто здесь хозяин.

Веня обернулся — Люся с Егором вошли в зал.

— Ну вот, живая, в одном куске. Так что, молодой человек, как только ты переходишь ко мне на службу, то получаешь в награду девицу и эскадрон бандитов. Только коней раздобывай сам. Тебя как зовут?

— Егор, — ответила за него Люся. — Я же тебе говорила, Веня, что жду его.

— Знаю, знаю, что ждешь, тысячу раз слышал. — Он повернулся ко мне: — При всем моем уважении к ее внешним данным, поверь мне, Гарик, что бабы у меня были на порядок лучше. Импорт. Из Одессы и Вильнюса! А какие кадры нам дает Ставрополь!

Он подмигнул мне.

Как хорошо, что мы три дня провели в беседах с Егором, по крайней мере, я не сошел с ума при первом столкновении с этим миром.

Вообще-то мое настроение несколько улучшилось. Как вы понимаете, судьба Егора и соответственно Люси мне была небезразлична. Я в чем-то похож на американского президента: ни одного нашего морского пехотинца мы не оставим в бангладешском плену! Пускай погибнут пять тысяч туземцев, но наши родные негры-капралы должны вернуться для захоронения на кладбище в округе Колумбия, о'кей?

Главный изверг и моральный урод, бывший любимец публики Веня Малкин показался мне не столь уродливым, как я представлял вначале.

В то же время мне любопытно было, как скоро он перестроился и приспособился к этой жизни. Он напомнил мне знаете кого. Гимназистку, которая приехала на каникулы на хутор к тете где-нибудь под Житомиром. А вокруг затевается Гражданская война. Хутор тетки сожгла банда, гимназистку изнасиловали, но она выжила и сама организовала банду. И гоняет вокруг по полям в гимназическом форменном платье и ищет своего оскорбителя, а заодно режет коммунистов, грабит белых и становится грозой уезда или губернии. Злодейка, садистка — а прошло-то всего полгода с того дня, как она вышла в последний раз из дверей киевской гимназии. Вот вам целый роман из эпохи Гражданской войны. Я его не написал, потому что некогда, но смог бы написать. Ведь откуда-то в мою голову попали гимназистка и ее враги. И стали для меня не менее реальными, чем бредущий рядом со мной бывшая звезда российского рока и немного мафиози Веня Малкин или бывшая императрица Киевского вокзала... Так неужели они более реальны, чем придуманная мною гимназистка?

— Пойдемте ко мне, я покажу вам, как живу. — Люся пригласила меня и Егора. Потом повернулась к Вене: — А ты?

— Сначала считать мы будем раны, — сказал он. — У меня подозрение, что жертвы, принесенные на алтарь победы, очень велики.

— Не ври, Веня, — сказала императрица, — тебе их не жалко. Они для тебя как карточные фигуры.

— А для тебя? — спросил Веня, обидевшись.

— Они похожи на меня, — сказала девушка.

— Идите, я потом подойду, — обещал Веня.

Какой бы Веня ни был, в нем, как только он сталкивался с Люсей или со мной, проявлялась слабость. Он был слишком к нам близок. Понимаете? Мы с ним были и по возрасту, и по поколению, и по стажу здесь одинаковы. Кюхельбекер или какой-нибудь разбойник уже давным-давно стали частью это-

го мертвого мира, как солдатики. А о нас-то он знал: мы живые, как и он. Или только что умершие. Как и он.

— Геть! — крикнул Веня. — Взводных ко мне!

Какие-то люди стали возникать рядом с ним. Когда я оглянулся, отойдя на полсотни шагов, он уже разговаривал с тремя или четырьмя разбойниками.

Люся провела нас в комнату — чистую, белую, почти светлую. Мы уселись на диване, видно, она и спала на нем.

Кроме него, были стул и стол и еще этажерка с керосинкой.

— Здесь с огнем плохо. Даже не понимаю почему, — сказала она. — Вот костер зажечь можно, а внутри помещений — трудно.

Она зажгла керосинку — я в последний раз видел такую на даче, — поставила чайник.

— Чай будет настоящий, — сказала она.

Радостно суетясь, она все смотрела на Егора и, двигаясь по небольшой комнате, все время пользовалась случаем, чтобы дотронуться до Егора — нет, не лаская его, а как бы стараясь убедиться, что он здесь, что он ей не кажется.

— Я все эти дни, — сказала она, — не сомневалась. Правда, потом начала немного беспокоиться, но ты тоже меня должен понять.

— Я бы раньше приехал, — отвечал Егор, словно мы с ним наконец добрались до Торжка, — но не было оказии, щели не было. Ну, ты понимаешь.

— Понимаю. А я, знаешь, почти уже узнала, как вернуться, но эти дураки меня схватили.

Они с Егором образовали бы чудесную пару. Оба высокие, подвижные, он как модный американский актер, но не из силачей, а из тех, в очках, молодых компьютерных гениев. А она скорее звезда российского кино девяностых годов — как Метлицкая, Слуцкая, Орбакайте, представляете? Не блондинка, а темная шатенка, почти брюнетка. Я понял, что Люся, созданная большим городом, внешне кажется интеллигентнее и социально выше, чем есть на самом деле. А это видно, когда она начинает говорить, и ты слышишь в ее интонациях наш двор, магазин, кухню — если нужно, она может быть и резкой, и в голосе прорывается московская дикарка. Но это бывает редко. И дальнейшее зависит от того, в какие руки она попадет.

Через год-два она может превратиться и в настоящую леди, и в студентку из хорошей семьи, и, если не повезет, в относительно недорогую проститутку. Я говорю это не из желания

как-то унизить Люсю, а чтобы показать, что она еще материал для человека, а не готовый человек. А вот Егор, пожалуй, уже создался как человек, и его не изменишь. Хотя рядом с Люсей он тушуется. Если бы судьба соединила их, то именно Люся стала бы ведущей в этом тандеме.

— Я видела Соню, Соню Рабинову, это она все устраивает, — говорила Люся. Она сидела на стуле лицом к нам, сложив узкую ладонь к ладони и сжав их коленями. На ней была короткая юбка и тапочки. И белая трикотажная кофточка.

Люся перехватила мой изучающий взгляд и сказала:

— Не изучай так меня, Гарик. Ничего особенного. Но, честно говоря, меня здесь спасает только то, что все знают — я императрица. Вы будете смеяться, но они не смеют меня тронуть. И я стараюсь тоже — я всегда чистая, подтянутая, и одежда у меня новая, и живу я отдельно. И знаешь, Веня тоже понимает.

— А ты в самом деле замуж вышла за императора?

— В первый же день! — засмеялась Люся. «Господи, — подумал я, — какие чудесные зубы!» — Как приехала, тут же и обвенчали. Только ты ничего не думай, Егорушка, император как мужик никому не конкурент.

— Он вообще никому не конкурент, — сказал Егор. — Ты уже вдова.

— Они его убили?

— Твой Веня и его бандиты были на вокзале. Там они нас и захватили.

— Они убили Павла Петровича? Ну изверги! Звери, просто звери! Вы простите, что я плачу, это не потому, что мне Павла Петровича жалко, мне его как человека жалко, хоть он мне никто, но как же можно! И что, они всех убили?

— Нет, как я понимаю, немногих, — сказал я. — А одного мы привезли. Вы его знаете, Кюхельбекера.

— Как привезли?

Пришлось рассказать Люсе о том, как мы с Егором оказались здесь и как, доехав с Кюхельбекером до дворца, попали в разгар боевых действий. О смерти императора и встрече с Веней. И о том, как нам всем пришлось убегать из империи Киевского вокзала, как преследовало нас зловещее желтое облако.

— Но кто это сделал? — спросила Люся.

Она разлила нам чай по тонким чашкам. Чай был настоящий, горячий, хорошо заваренный.

Оказывается, жизнь здесь не такая простая. Ведь ты всегда склонен упрощать чужие проблемы и недооценивать чужие

возможности. Если верить Люсе, то война между Веней и империей продолжалась весь месяц, который молодая императрица пробыла здесь. И в этой войне были набеги разбойников на имперские владения, и ответные походы имперских войск с попытками вернуть императрицу, и, наконец, переговоры, которые ни к чему не вели, хотя бы потому, что у Вени, кроме бандитов, никого не было. Ни вельмож, ни государственных деятелей. Ведь не считать же государственным деятелем Григория Михайловича с его гитарой, которого в империи почитали за ренегата, или Койвисто из Гельсингфорса.

— Что еще за Койвисто из Гельсингфорса? — спросил я, ибо во мне в очередной раз проснулся исследователь. Финская фамилия и место действия обещали информацию о пределах и специфике этого мира.

— Увидите, — сказала Люся.

Она признавала во мне старшего, но, пока рядом был Егор, другие люди существовали для нее не более как фон — приятный либо раздражающий. Потому, заканчивая рассказ о последних событиях, она обращалась к Егору, а не ко мне...

— Сегодня с утра, — закончила она свою повесть, — Веня пошел в поход — его бандиты уговорили, думали, добыча будет большая. Ему донесли, что Кюхельбекер, который там самый толковый, поедет в университет и возьмет с собой часть велосипедистов. Вот они и решили победить. И победили. А Павел Петрович не очень мучился?

Я пожал плечами. Мы приехали, когда все уже кончилось.

— А как доктор, Леонид Моисеевич?

— Его мы не нашли, — сказал Егор.

— Мне тут говорили, что он ушел куда-то. А вдруг с ним тоже что-то сделали? Жалко. Он хороший.

— Мне тоже жалко, — сказал Егор.

Снаружи послышался какой-то шум. Кричали, словно дрались.

— Я посмотрю, — сказала Люся. — Я тут им не даю распускаться. В конце концов, они тоже люди.

Мы пошли за ней.

И оказались там вовремя. Бандиты притащили и замыслили казнить единственного пленника. Им оказался Кюхельбекер.

В углу манежа стоял пинг-понговый стол, и несколько разбойников распинали на нем Кюхельбекера, который никак не желал сдаваться. Его черные одежды разорвались — худые голубые ноги дергались над столом, а полдюжины бандитов, что

готовили казнь, с восторгом занимались истязанием министра, превратив это в детскую игру.

С двух сторон одновременно выбежали Веня с гитаристом и мы с Люсей.

Реакция у нас была одинаковой.

— Прекратите! — закричал атаман вольницы. — Он мне нужен. Не сметь!

В ответ послышались ругательства, которые приходилось не раз выслушивать капитану Кидду, а уж тем более Степану Разину, когда он пытался сохранить жизнь пленной княжне.

Авторитет, а соответственно и власть Вени Малкина, великого певца и знатного бандита, висели на ниточке.

И не исключено, что Веня попал бы в жертвы своим неудовлетворенным добычей сообщникам, которые выкрикивали имена своих друзей, не вернувшихся из похода, если бы не появление ее величества.

Удивительно, как человечество долго и упрямо играет в эти игры.

Ну почему у этих дикарей, живущих в мире без времени, как и у нашего мещанина, будь он кинорежиссером или министром, титул вызывает внутреннюю щекотку и желание целовать ручку? И Люська Тихонова настолько сумела силой женской интуиции почувствовать свою исключительность, что, войдя в зал, кричать не стала, отстранила Егора, который бросился было вперед, и кинула искоса взгляд на меня, припечатав к полу, и остановилась, не доходя до пинг-понгового стола, на котором извивался Кюхельбекер, именно на том расстоянии, на котором ее было всем видно и слышно и в то же время на котором она была отделена от прочих, обыкновенных, людей бесконечностью пространства.

— Прекратить, — приказала она.

То есть произнесла то же слово, которое выкрикнул певец, но именно произнесла, а не сказала и не выкрикнула.

— Отпустите его, — сказала Люся.

В гулком Дворце спорта наступила тишина и слышно было дыхание людей.

Разбойники отходили от стола, отпускали веревки, которыми только что орудовали, и делали все покорно, но медленно — точно так же, как ведут себя хищники на арене, когда дрессировщик, хлопнув по песку хлыстом, велит им возвратиться на тумбы.

— Господин Кюхельбекер, — сказала Люся, — вставайте, чего вы тут лежите. Не бойтесь, вы же ни в чем не виноваты.

По бандитам прошел недовольный ропот.

— А вы, — повернулась к ним Люся, — сбежали, поджав хвосты, и теперь хотите отыграться на невиновном.

Вдруг женщина с грубым лицом, которая первой прибежала встречать Веню на набережную, крикнула Люське:

— А ты чего его защищаешь? Твой хахаль, что ли?

И она засмеялась. Но никто ее не поддержал.

И тут инициативу подхватил Веня.

— Башмаков, — приказал он бандиту, который плыл в моей лодке, — отведи пленного министра ко мне в кабинет. Мы его допросим. Остальным — разойтись!

Теперь перед стаей шакалов не было жертвы и не за кем было гнаться.

И стая не имела альтернативного вожака.

Люди стали расходиться, а Веня подошел к женщине и стал бить ее по лицу открытой ладонью. По-театральному, не больно, но наказывая.

Женщина вдруг заплакала и побежала из зала.

— Он спит с ней, — сказала тихо Люся.

Я поверил Люсе и подумал, что для него она — своя, московская, которую нельзя заразить СПИДом, а эта — местная бандитка, ничего с ней не случится.

Кюхельбекер быстро ушел за Григорием Михаиловичем.

Веня сказал мне:

— Хочу понять, что же произошло. Будешь слушать?

Я обернулся было к Егору.

— Пускай пошепчутся, — великодушно разрешил Веня. — Ты ему, Люся, Койвисто покажи.

Я пошел за Веней к нему в кабинет.

Кюхельбекер стоял посреди комнаты, такой же, как комната Люси, возле большого письменного стола — в этих комнатах сидели раньше стадионные чиновники. Вряд ли эти комнаты годились для иных целей. Он старался привести в порядок рваный костюм.

— Ничего, — сказал Веня. — У нас на Комсомольском магазины остались. Императрица иногда туда ходила за шмотками. И мне тоже таскает. Ты ей размер скажешь или с ней прошвырнешься.

— Спасибо, — сказал Кюхельбекер. — Я вам обязан жизнью.

— Не путай, — великодушно ответил Веня. — С площади тебя Гарик вытащил, хорошо еще, что у него мышцы накачанные. А сейчас, как понимаешь, от моих эмоциональных поклонков тебя Люська, императрица, спасла. И охота ей была — не знаю.

— В любом случае спасибо.

— И учти, твоего императора я не убивал, — сказал Веня. — Я его только поучить хотел, а мои махновцы разыгрались. Я его уже мертвым застал. Мне пику с его головой вручили — такой уж здесь обычай.

— Знаю, — сказал Кюхельбекер. — Что со мной будет?

— Ты мне скажи, — попросил Веня, — что у нас сорвалось с наступлением?

— Что вы хотите знать?

— Мы же вокзал взяли. Все нормально. Откуда этот желтый яд пошел?

— Ветераны, — сказал Кюхельбекер. — Они дождались своего часа. Победив императора, вы нарушили хрупкий баланс этого мира.

— Нет, ты мне как следует объясни, — сказал Веня. — Мне же тоже никуда не деться отсюда. Так что я думаю, что нам с тобой придется вместе все распутывать.

— К сожалению, — согласился Кюхельбекер. — Так бывает, когда в болото падает камень.

— Ну объясни.

— Я не знаю... Я недостаточно знаю о том, что происходит далеко за пределами этого мира. Но я отлично понимал, как устроен маленький мир, который начинается у Нового университета и тянется до Кутузовского проспекта.

Говоря, Кюхельбекер рисовал длинным узловатым пальцем схему этого мира на письменном столе, а мы стояли, как на военном совете, глядя на то, как «полководец» по карте планирует будущее сражение.

— Вот тут, — говорил он, — империя Киевского вокзала. На другом берегу вы — несколько бандитских шаек, неопасных, потому что никак не могли объединиться, и занятых враждой друг с дружкой. Третий фактор — ветераны. Они вообще-то живут в империи, вернее, в гостинице «Славянская» и домах рядом с ней. Они вхожи в вокзал, хотя нас к себе не пускают. Они нас не выносят, мы их не выносим, но взаимно терпим. Мы центр цивилизации.

— Да иди ты! — громко сказал Веня.

Я посмотрел в окно. За окном медленно шли Люся с Егором и увлеченно разговаривали. Они шли близко, но не касались друг друга.

— Да, именно так. Если захотим, мы можем уничтожить бандитов, перебить ветеранов, но не стремимся к этому. Мы

имеем доступ к другому миру — для нас он выражается в тебе. Люди, с которыми мы держали связь, меняются... Но они есть. Мы кое-что получаем оттуда, кое-что отдаем, порой туда или к нам прорываются люди. Впрочем, мы не боимся этого. Мы даже императрицу держали там, наверху, пускай растет. Мы позволили себе пустить в нашу империю вас, господин Малкин. Мы — открытое государство. Ветераны боятся этого. Они убеждены, что именно в нашем мире, где нет автомобилей и самолетов, где нет газет и телевидения, можно создать чистое, на их взгляд, общество. Но для этого мы должны окончательно покончить с конкурентами. Это вид религии. Чистота — никаких внешних сил. Для этого, они полагают, и создан наш мир. Теперь вам ясно?

— Ни черта не ясно, — сказал Веня.

— Когда вы убили императора и захватили вокзал, вы нарушили баланс сил. И ветераны, которые не столь глупы — и не надо считать их кучкой выживших из ума, изношенных трехсотлетних старцев, — также готовились к опасному повороту событий. Мы знали, что у старцев есть установки по пуску газа... Но не знали, случится ли когда-нибудь нужда в том, чтобы их использовать.

— Это ветераны? Старцы? Коммунисты?

— Это хранители неких идеалов, — возразил Кюхельбекер. — Они были и до коммунистов. Среди них вы найдете и Робеспьера, и протопопа Аввакума. Для них существует лишь идея... Теперь, когда они захватили власть в нашей империи, они перегрызут друг другу старческие глотки. Но не сразу. И вы, Вениамин, своими руками разрушили хотя бы видимость равновесия. Ваше будущее не вызывает во мне зависти...

Веня не ответил.

— Я устал, — продолжал Кюхельбекер. — Я полагаю, что этот газ не убивает окончательно. Нас очень трудно убить. Но голова у меня просто раскалывается.

Мне хотелось поговорить с Кюхельбекером, но я надеялся, что у меня еще будет возможность. Сейчас он не был склонен к беседам.

— Я пойду пройдусь, — решил я.

— Когда гуляете, поглядывайте по сторонам и оборачивайтесь, — посоветовал атаман. — Мало ли кому захочется тебя обезглавить.

Кюхельбекер устроился на стуле. Веня прошел за письменный стол и уселся в кресло.

Я вышел из Дворца.

Мне надо было подумать.

Миссия могла показаться на первый взгляд успешной — Егор с Люсей гуляют где-то неподалеку. С другой стороны, она провалилась, потому что не была подготовлена. Кто меня тянул прыгать?

Не сердись на себя, Гарик, не сердись. Спокойно. Теперь нам надо отсюда сматываться, прежде чем мы превратимся в таких же зомби.

Во-первых, это страшно.

Во-вторых, от моего пребывания здесь польза ограниченная. Единственный мой инструмент — собственные глаза и уши. Как рассказчик, я очень мил, но совершенно бездоказателен. Сюда должен или должны прийти настоящие исследователи. Снимать, фиксировать, изучать...

Так что моя первая обязанность перед собой и наукой — как можно скорее отыскать Сонечку Рабинову, так вроде зовут эту милую девушку? И открыть с ее помощью дверь домой.

Я стоял перед входом во Дворец, и мне были видны две фигурки, сидящие рядышком на садовой скамейке на бывшей аллее, от которой осталось высохшее дерево.

Здесь нет ветра, и в неподвижности воздуха существует особая прозрачность — не для глаза, а для слуха. Я не знал об этом, потому что впервые оказался один в тишине. Но когда я, посмотрев на Егора с Люсей и убедившись, что вижу именно их, не спеша пошел к ним, чтобы посоветоваться, что же делать дальше, то, не доходя метров ста, вдруг услышал, о чем они говорят, и остановился.

Теоретически мне известно, что подслушивать плохо, но мне было неловко кричать за сто метров, чтобы молодежь замолчала и подождала, пока я подойду.

А может быть, мне было любопытно послушать, о чем они говорят, — все мы готовы осуждать нетактичность такого рода, но практически каждому из нас приходилось подслушивать чужие разговоры. А я не таился — им достаточно было оглянуться, чтобы меня увидеть. Я просто остановился.

— Тебе надо уходить, — говорила императрица, — спасибо тебе, конечно, что приехал, но надо тебе с Гариком уходить.

— Я уйду только с тобой.

— Не говори глупостей. Я, Егорушка, первую неделю тебя ждала, считала мгновения. Как будто стояла на платформе и до отхода поезда оставалось все меньше. А потом поезд ушел.

— Поезд ушел, а я приехал.

— Это не повод для шуток, — строго ответила Люся. — Это моя трагедия. Неужели не понимаешь?

— Почему?

— А потому, что ты уедешь, а я останусь.

— Но я же приехал за тобой.

— Ты глупый, да?

— Ты хочешь сказать, что ты уже... изменилась?

— Я хочу это сказать. И я знаю, что это так.

— Но почему?

— Я больше не хочу есть — мне не надо есть и спать. Понимаешь, что все процессы во мне остановились, мои внутренние часы остановились. Я даже чувствовала, как это происходит, — ты не представляешь — как будто в тебе это тикает... но медленнее и тише, у меня уже пульс другой, медленнее. Хочешь пощупать? Ну ладно, не надо, потом.

Она было засмеялась. А может, всхлипнула.

Я не стараюсь показаться трогательным и сам не выношу сентиментальности. Но я присутствовал при самой настоящей трагедии, которую мне, к сожалению, до вас не донести. Или вы сами поймете ситуацию, станете на место влюбленных, или я промолчу...

— Может, попробовать вернуться к нам? — спросил Егор. И видно было, что он сам в такую возможность не верит. Он был подобен бегуну — мчался, мчался, выиграл забег, но вместо финишной ленточки ударился лбом в стену.

— И ты будешь сидеть возле меня в больнице, в палате для безнадежных и держать меня за руку?

— Это необязательно. Ведь еще никто не попробовал.

— А я думала, что ты меня немножко любишь. Ты подумал, что ты предлагаешь? Чтобы я вернулась на верную смерть?

— Но я же прилетел за тобой.

— Ты тупой, да?

Она была права, но я понимал и Егора. Он так стремился к ней, что мог подсознательно выбросить из головы мысли.

«А что потом?» «Потом» не было, а была высшая цель — пробиться, совершить подвиг, плюнуть на все — лишь бы соединиться с Люсей. А там обойдется... Еще одна жертва славного «авось» русской истории.

— Я не тупой, — обиделся Егор. — И никто еще не возвращался отсюда. А вдруг все это — вранье? Придумано оно специально для того, чтобы никто не смел и мечтать отсюда уйти?

Абстрактно эта мысль имела право на существование. Но я понимал, что для Люси она звучит почти издевательски и никак ее не переубедит.

— Значит, ты решил провести опыт — на мне!

— Ну что делать! У нас все-таки врачи, больницы.

— То-то Веня Малкин от нас сюда эмигрировал!

— Так это же СПИД!

— У меня тоже СПИД. И неизвестно еще — насколько заразный.

— Не надо меня пугать!

— Я тебя не пугаю. Я хочу, чтобы ты кое-что понял. Мало примчаться ко мне на белом коне. Некому твое геройство оценить. Даже Гарик не оценит.

— Но здесь оставаться нельзя! — сказал Егор.

— Конечно, нельзя, — согласилась Люся. — Здесь института нет, мамы с папой нет, даже мороженого не дают.

— Не в этом дело.

— Я и без тебя знаю, что не в этом дело!

— Тогда я останусь с тобой.

— Хватит, может, подвигов? — спросила Люся.

— А ты?

— Опять двадцать пять!

Я повернулся и пошел прочь. Мне не хотелось, чтобы они увидели, что я их подслушиваю.

Я пошел по территории стадиона, не замечая, куда иду, стараясь решить неразрешимую задачу — что же в самом деле делать нашим юным героям? Мне было страшно, потому что вариантов у ребят не было. Только эта пустыня. И я был почти уверен в том, что Егор отлично понимал это в тот момент, когда бросился в открытую дверь. Знал, но надеялся на чудо. И в шкале его ценностей в тот момент было важнее увидеть Люсю, а остальное оставалось в тумане. За финишной ленточкой.

Впереди на асфальте, на большой площадке перед плавательным бассейном, лежало нечто разноцветное, словно клумба, какие устраивают в престижных парках, выращивая на них узор из множества цветов: незабудки изображают небо, тюльпаны — крышу дома, а ромашки — его стены.

Когда я подошел поближе, то увидел, что клумба — в самом деле громадный ковер, вернее, рваные куски ткани, прошлой формы которых я угадать не мог. Ясно было лишь то, что когда-то ткань была полосатой — полосы были желтыми и фиолетовыми.

От этих кусков тянулись веревки, длинные и крепкие, они сходились к лежащей на боку большой корзине, метра полтора в диаметре.

И как только я увидел корзину, то понял, что вижу остатки воздушного шара.

Необычная находка. Я подошел поближе, и тут из корзины показались пальцы, схватились за ее край, затем с трудом поднялся по пояс человек и спросил меня:

— Что фы тутт телаете? — Очевидно, этот человек и был финном Койвисто. О том же говорило и лицо незнакомца, изрезанное глубокими морщинами и окаймленное темно-рыжей шкиперской бородкой.

— А вы? — спросил я.

— Я охраняю воздушный транспорт, — сообщил человек. — Мое имя Арно Койвисто. Я из Хельсинки и совершал перелет через Петербург в Москву. К сожалению, я потерпел крушение и стал инвалид. У меня нет ног!

Он перевалился животом через край корзины, и я в самом деле убедился в том, что у Арно отрезаны ступни ног и культи замотаны тряпками, словно на ногах у него серые штаны.

Арно встал, держась за край корзины. Видимо, раньше он был очень высок — по крайней мере даже без ступней он не уступал мне ростом.

— Вы не спешите, — сказал он. — Мне скучно.

Он говорил по-русски вполне сносно, но с акцентом. И, конечно же, он мне был крайне интересен, ибо относился к числу тайн этого мира. Зачем он летел, чего ему было надо?

— Я не спешу.

— Вы здесь новый. Вы не бандит, не такой, как они. Может, вы пленник?

— Я чужой, — согласился я. — А вы здесь давно?

— Я не уверен, — сказал воздухоплаватель. — Но я жду помощь из моего города. Меня будут искать. Я гарантирую.

— Вы живете в Хельсинки?

— Раньше я жил в Петербурге, но затем я жил в Хельсинки, — сказал Арно. — Там человек живет культурно.

— Вы хотите сказать, что там — иная жизнь, чем здесь?

— Здесь — дикий край Земли. Здесь жить нельзя. Только сумасшедшие путешественники вроде меня могут сюда направиться. Но человек всегда имеет в душе стремление открывать новую землю. Я погибаю, потом летит другой.

— Вы видели... Вы видели сверху всю Россию?

— Я видел очень много. Есть разные страны и города и много чудесных и страшных людей. У меня есть журнал. Это — великий документ. Я жду человека, который отвезет его. Тогда меня найдут. У меня есть смысл жизни. Вы понимаете, мой журнал — это смысл жизни. Его должны видеть мои коллеги. Это есть путеводитель. Я сам кончился, у меня нет надежды, но если мой журнал придет домой, то я умру

спокойно или буду ждать. Я могу долго ждать. Вы не собираетесь в Петербург?

— Я хотел вернуться к себе.

— Куда?

Я неопределенно показал пальцем вверх и в сторону.

— На ту, старую Землю, откуда я пришел. Где есть время.

— Вы проникли к нам? Здесь тоже есть проход?

— Вы знаете о других? — спросил я.

— О, на Земле есть не одно отверстие, но ты не можешь проникнуть сквозь них. По разным причинам. Природа не хочет нашего движения. Но я уверен, что в Петербурге есть... Петербург — такой славный цивилизованный город. Там наверняка что-то есть. Но вы будете возвращаться к себе?

— Я постараюсь, — сказал я.

— Тут есть одна молодая женщина, ее называют императрицей Люси. Вы знаете ее?

— Я с ней знаком.

— Она тоже оттуда. Она хочет вернуться, но боится, что ее кровь уже не позволит.

— Это так? — спросил я.

— Полагаю, что так, — сказал Арно. — Так учат. Так все думают. Так логично. А вы давно здесь?

— Меньше суток.

— Сутки? Это немного. Вы можете не спешить.

— Лучше спешить, — сказал я. — Здесь ни в чем нельзя быть уверенным.

— Это правда. Вы знаете, что мой шар сбили? Да — как будто враждебный корабль. Я не знаю кто, но это так. Вы не поедете в Петербург?

Следом за мной шли Егор и Люся. Люся вела Егора за руку.

— Вы не скучали? — спросила Люся. Вопрос относился ко мне. Воздухоплавателю Люся кивнула, как кивают соседу по дому, которого ты нынче уже видел раз двадцать.

— Нет, я глазел по сторонам, — сказал я. — Здесь есть на что смотреть.

— Это только в первый день, — сказала Люся.

Она выглядела обыкновенно, говорила ровно, и я вдруг испугался, что она уже настолько глубоко заражена болезнью безвременья, что даже разговор с Егором не расстроил ее. Зато на Егоре все было написано: он был не в расстройстве — он был в глубоком горе, и Арно заметил это.

— Это тоже ваш друг? — спросил он Люсю.

— Я его ждала, — сказала Люся. — Я его люблю.

— Почему он такой печальный? — спросил финн.

— Он приехал за мной, — сказала Люся.

Финн наморщил и без того морщинистый лоб. Он медленно думал. Мы молчали. Он думал, наверное, минуту. В кино — это долгое время. Затем он произнес:

— Ты не можешь вернуться.

Люся кивнула.

— А он не хочет возвращаться без тебя. — Финн глубоко вздохнул, решив такую сложную задачу. Люся снова кивнула, а финн неожиданно задал вопрос: — Почему ты не вернулась раньше?

— Я старалась, — ответила Люся.

Егор слушал, как и я, — это было для нас новостью.

— Я достала велосипед и поехала к Музыкальному детскому театру.

— Такк, — сказал Арно, который, видно, не понял, почему надо ездить к театру.

— Там и есть наше окно, щель.

— Такк. — Арно кивнул. Ему было все ясно.

— Я нашла женщину, и с ней больной юноша, в коляске. Только они и могут сказать, когда это будет.

— Знаю, — сказал Арно. — Я слышал. Это есть специальные люди. Они очень ценные люди. Но окно совсем редкое. У нас теперь нет. Но дальше, где-то в Таллине, было. Там есть все это.

— В Таллине есть другое окно? — зачем-то спросил я. И подумал, что это первая ценная информация, которую я смогу привезти отсюда.

— Они очень хранят его. И правильно. — Арно сидел, вытянув культи и привалившись спиной к своей корзине. — Это есть опасно. Нельзя, чтобы все путалось. Мы уже умерли. Может, давно. Я умер в восемнадцатом году. Я был военный летчик. Я воевал с красными под Виипури. Потом я попал в плен, и под Новый год я ждал расстрела. Я давно умер. У меня новая жизнь.

— У вас все иначе? — спросил я.

— У нас есть цивилизация, — уверенно ответил Арно. — Это любопытно. Земля еще не открыта. Мы открываем ее. Если ты отнесешь мой журнал в Петербург или Хельсинки, то за мной придут люди и увезут меня. И мне сделают новые ноги. Протезы. И я снова полечу.

Он говорил просто и медленно, чтобы мы поняли. Он замолчал, и Люся продолжила свой рассказ:

— Когда я договорилась с Соней и возвращалась на вокзал, меня захватили бандиты. Меня стерегли, я не могла убежать.

А дни там, на нашей Земле, бежали. И я не знала, сможет ли Егор пробиться ко мне. А если сможет, найдет ли он меня?

— Если бы он добрался до Киевского вокзала, — сказал Кюхельбекер, который незаметно подошел к нам, — я бы сказал ему, кто и где тебя прячет, императрица. Ведь мы планировали экспедицию. И не успели.

— Я вас не знаю, — сказал Арно, не двигаясь. Он смотрел на высокого костлявого министра, и тот ему не нравился.

— Меня можно и не знать, — сказал Кюхельбекер, — а вот я о вас все знаю. Вы воздухоплаватель с Запада. Ваш полет кончился здесь. И если бы мы победили, я бы вас допросил — нам очень важно знать ситуацию на Западе. Так как я — министр империи и ведаю ее безопасностью.

— Империи нет? — спросил Арно.

— Куда она денется! — ответил Кюхельбекер. — Под тем или иным названием она выживет. Куда ты денешь несколько сот человек, которые населяют эти края и которым нужна власть, защита и угнетение? Обратите внимание, с какой скоростью ветераны вылезли из своих нор, когда вы зарезали нашего императора. И прогнали вас.

— Не нас, — ответил Арно. — Мы здесь такие же пленники, как и вы, господин.

Кюхельбекер положил мне на плечо невесомую сухую руку и отвел в сторону.

— Послушайте, — сказал он, — я думаю, что у нас с вами могут быть общие интересы.

Он сделал паузу, ожидая моей реакции. Я молчал.

— Я человек пожилой и физически слабо развит. Вы же молоды и сильны. И вам и мне нужно выбраться отсюда. Помогите мне, и я вам помогу.

— А как вы мне поможете? — спросил я.

— Я вас провожу до университета, я покажу, где живет Соня, я помогу вычислить, когда открывается щель, — ведь я уже много лет курирую это направление.

— Вы не Кюхельбекер, — сказал я. — Кто вы такой?

— Ах, не тратьте времени даром, — сказал Кюхельбекер. — Я был комкором. В тридцать седьмом за мной должны были прийти. Вы найдете здесь немало таких же.

— А зачем вам псевдоним?

— Я не знаю, чья рука и когда захочет до меня дотянуться.

— Вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать, — оборвал меня Кюхельбекер. — Но наша Земля невероятно велика, сотни лет, если не тысячи, она наполнялась людьми, которым не нашлось места

у вас. Что я о ней знаю? Лишь немного больше этого чудака-путешественника. Так вы согласны бежать со мной?

— Согласен, но я должен поговорить с Егором и Люсей.

— Разве они не остаются здесь?

— Все так сложно...

— В сущности, все так просто, — ответил комкор и пошел прочь. Он не стал отходить далеко, а гулял по окружности лежащей на земле оболочки воздушного шара.

Я подошел к моим спутникам.

— Кюхельбекер предлагает свою помощь, — сказал я, — в поисках Сони и отверстия.

— А что ему нужно взамен? — сразу спросила Люся.

— Чтобы мы помогли ему бежать отсюда. Он боится, что разбойники его догонят.

— И правильно боится, — сказал финн. — Они молодые и дикие. А меня брать не надо. Мне везде плохо. Я лучше останусь у оболочки шара. Если меня будут искать, они увидят сверху и возьмут меня.

— Иди с Гариком, — сказала Люся Егору. — Я вас провожу. А потом, наверное, останусь у Сони.

— Нет, я от тебя не уйду, — упрямо произнес Егор.

— Ну сколько можно, милый, — сказала Люся, гладя его по руке. — Это самоубийство. Хватит уж меня. Оставайся жив. Ты потом навестишь меня. А я не изменюсь. Я буду жить у Сони и ждать — сначала ты передашь мне записку, а потом приедешь меня навестить. Разве я плохо решила?

Она отчаянно старалась не заплакать.

Кюхельбекер, которому надоело ждать, подошел к нам.

— Когда вы отправляетесь? — спросила Люся.

— Сейчас, — сказал Кюхельбекер.

— Уже? — Люся вдруг испугалась. — Нет!

— В сущности, нам все равно, когда это сделать, — сказал Кюхельбекер. — Но лучше сейчас, пока бандиты заняты своими делами. Мы не знаем, что этот Веня придумает через полчаса.

Люся вдруг вцепилась в Егора. Она стояла совсем близко, так что ее грудь касалась его тела. Она стала шептать ему, думая, что никто не слышит:

— Егорушка, ты останься, ты потом их догонишь. Ты, пожалуйста, задержись, ты должен... ты извини, что я сама тебе это говорю, ты должен полюбить меня. Я же никогда ни с одним мужчиной еще не была, я себя для тебя берегла. Ты со мной побудешь, ну сколько хочешь, и сразу пойдешь за ними.

Это недолго, честное слово, я знаю, но я не могу остаться так... Я же твоя женщина. Ну не уходи сразу!

— Курат, — негромко сказал Арно. — Курат.

Наверное, он услышал. Да и все слышали.

Но что ты тут скажешь? Скажешь — идите, ребята, мы подождем? Как это скажешь? Ведь для Люси это сейчас самая главная в ее жизни и, может быть, единственная тайна.

— Егорушка, — шептала она, касаясь губами уголка его губ.

Егор отстранил ее.

— Гарик, — сказал он. — Я думаю, что вы там, в институте, скоро пришлете человека. Скорее всего, это будешь ты. Главное — понять, может ли человек вернуться. Ты меня понимаешь? Пускай в следующий раз привозят хоть целую лабораторию.

— Егор! — закричала Люся.

— Погоди, Люська, — сказал Егор. — Ты мне скажи, ты как ездишь в город? На Комсомольский? Веня говорил, что ты в магазин ездишь.

— На велосипеде.

— И второй можно найти?

— Еще бы.

— Вот и отлично, — сказал Егор. — Мы ждем здесь месяц.

— Лучше не здесь, — посоветовал Кюхельбекер. — А напротив, в домике Пыркина. Там у них есть убежище. И велосипеды там спрячете.

— Правильно, — поддержала Люся. — Пыркин — мой друг.

Она повернулась к Арно.

— Молодой человек, — сказал воздухоплаватель Егору. — Вы возьмете мой журнал и отвезете в Петербург. И возьмите у меня схему пути. Я там пометил поселения и всякие нужные места.

— Нет, — сказал Егор. — Не сейчас. Только если Гарик не сможет вернуться. Мы ждем месяц.

— Егор, да послушай ты меня наконец! — закричала Люська.

— А сейчас мы пойдем к реке, — сказал Егор. — С тобой, Арно, мы не прощаемся.

— Это правильно. Не надо прощаться. Мы еще увидимся, — сказал финн.

Егор вел Люську за руку. Она все вырывала руку, но как-то несмело, как будто вдруг поняла, что все решает сейчас Егор. Может, потому, что ему есть что терять. Она уже потерпела поражение в войне со временем.

— Теперь, с вашего позволения, командую я, — сказал Кюхельбекер. — Я лучше знаю обстановку. Мы все расходимся. Так, чтобы сойтись к пристани с разных сторон. Если мы пойдем группой, мы слишком заметны.

Он был прав. Я пошел направо.

Егор спросил Люсю:

— Тебе что-нибудь надо взять в своей комнате?

На несколько секунд Люся задумалась, как бы мысленно припоминая свои вещи.

— Тут знаешь, что удобно, — сказала она. — Ничего человеку не надо. А если понадобится, то можно найти магазин. Только, Егорушка, еще раз подумай.

— Хватит. Я решил, — сказал он. — Все в порядке...

По знаку Кюхельбекера они пошли левее, Кюхельбекер направился прямо к лодке.

Никого не было вокруг, словно наступила сиеста.

Потом я увидел бандита, который сидел на земле у входа во Дворец спорта и копался в лежащей на коленях куртке. Вшей он там, что ли, искал?

Я старался изображать гуляющего бездельника, не знаю, как это смотрелось со стороны. Краем глаза я видел, как Кюхельбекер широко шагает к речке. Он раньше меня дошел до парапета и стал смотреть на воду. Где-то еще левее должны были идти Люся и Егор.

В сущности, до реки было недалеко, и я уж подумал, что, может, наш побег пройдет незамеченным. Но давно известно, что нельзя расслабляться. Как только ты решаешь, что все обошлось и тебя уже сегодня не вызовут к доске, как голос учительницы доносится через весь класс: «Гагарин, попрошу к доске».

Мои ноги незаметно двигались все быстрее, и я почти бегом выскочил на пристань речных трамваев и еле успел остановиться наверху. Одна лодка лежала на причале, две другие были привязаны и покачивались на незаметной волне, а вот четвертая — видно, ее унесло и опрокинуло — как раз в этот момент причаливала. Один из бандитов выскочил на причал, чтобы привязать ее, второй сушил весла.

Я стоял прямо над ними.

Слева, облокотившись на парапет, замер Кюхельбекер, а Люси с Егором не было видно — они еще не подошли.

Бандит увидел меня и сказал:

— Чего смотришь, лодки не видал? — Он был молод, и его круглое мучнистое лицо было усыпано веснушками.

— Помочь? — спросил я.

— А чего помогать?

Он сложил весла и выпрыгнул на причал. Второй бандит уже завязал узел.

Они поднимались наверх и прошли совсем рядом.

— Ты чего здесь стоишь? — спросил веснушчатый. — Сбежать решил?

— А тебе что за дело?

— У нас порядок, — сказал бандит. — Не ошивайся здесь, а то с атаманом Веней шутки плохи.

Он провел ребром ладони по горлу и засмеялся.

Они медленно пошли прочь. Я не двигался.

Слева подходили Люся с Егором. Появление бандитов было для них полной неожиданностью, и, вместо того чтобы продолжать гулять вдоль парапета, они резко остановились.

Это вызвало подозрение у бандита.

— Смотри, — сказал он, — сколько их здесь скопилось.

Кюхельбекер правильно сделал. Он повернулся и пошел прочь, заглядывая вниз через парапет. Ребята стояли как вкопанные.

Бандиты чувствовали неладное. Но им лень было предпринимать что-то.

Они уходили, порой оборачиваясь.

Когда они отошли метров на пятьдесят, я увидел, что из Дворца вышел Веня в сопровождении Григория Михайловича и одной из женщин. Он тоже увидел меня и поднял руку, то ли призывая, то ли приветствуя.

Видно, самым разумным было тогда пойти к Вене, поговорить с ним и вернуться к лодкам через час. Но мы все уже были заряжены бегством. Внутри сидел азарт, напряжение, которое не позволяло остановиться и разойтись. Именно этот кураж заставил меня, вместо того чтобы подчиниться Вене, кинуться по ступенькам вниз и начать распутывать узел. Пока я возился с ним — узлы всегда сопротивляются, если ты спешишь их развязать, — я услышал четкие частые шаги по лестнице — Кюхельбекер оказался рядом со мной. Он прыгнул в лодку и сел на банку. И тут же начал устанавливать весла в уключины.

— Ну где же Егор с Люсей?

Вот и они. Они сбегают вниз, а за ними, буквально в пяти шагах, бежит веснушчатый разбойник — он первым сообразил, что нас надо ловить.

Узел наконец-то поддался моим усилиям, и веревка упала на доски причала.

— Прыгай! — крикнул я Люсе, потому что мне показалось, что она оробела и медлит.

Люся прыгнула, лодка закачалась. За Люсей пошел было Егор, но остановился — одной ногой на носу лодки, второй — на причале. Он не хотел меня бросать.

— Да иди ты! — крикнул я. — Не мешай.

Веснушчатый сбежал по лестнице и ринулся ко мне. В руке у него был хорошо заточенный нож. Финский нож из моего хулиганского детдомовского детства.

Но именно воспоминание о детстве и позволило мне перехватить его несильную руку и вывернуть ее так, что нож упал на причал. Я подхватил нож. И был рад — заимел оружие. Я не намеревался им пользоваться, но я мог его при случае показать.

Пока я поднимал нож, бандит снова кинулся на меня, я отшвырнул его дальше, и Егор, оказавшийся у него на пути, толкнул бандита в сторону; громко плеснула вода — бандит упал в воду.

Но сверху бежал еще один.

— Держись! — крикнул я Егору и, сунув нож за ремень, сильно толкнул лодку. Так сильно, что сам еле-еле успел упасть на нос — ноги наружу — и сшиб Егора, который упал внутрь. Лодка опасно закачалась, и Кюхельбекер принялся ругаться, вспомнив, видно, как скакал в кавалерийскую атаку в отряде Буденного.

Лодка пошла от берега. Кюхельбекер зачерпнул слишком глубоко, но уже со второго гребка он принялся работать быстро и уверенно.

Егор присел за моей спиной, рядом с девушкой.

На лестнице появились другие бандиты. Они были возбуждены, веселы, как будто их пригласили поиграть мальчишки из соседнего двора.

Вот и Веня. Он остановился сверху и машет руками.

— У вас что, огнестрельного оружия нет? — спросил я.

— Оно сюда почти не попадает, — откликнулся Кюхельбекер. — Не знаю почему.

В руках у Вени был пистолет. Он держал его двумя вытянутыми руками, как шериф из Сан-Франциско.

Пуля взбила фонтанчик воды.

— Лавируй, — крикнул я. — Из всякого правила бывают исключения.

Кюхельбекер гребанул правым веслом, лодка вильнула. Щепка отлетела от борта и ударила меня по щеке.

Нас подхватило течением, и с каждой секундой мы уходили все дальше.

Бандиты возились у двух других лодок.

— Вас сменить? — спросил я.

— Смени. — Кюхельбекер тяжело дышал.

— Я сам, — сказал Егор.

Он переполз, поменявшись местами, на место Кюхельбекера и принялся грести быстрее.

Мы почти достигли земли, когда первая из двух лодок отчалила от вражеского берега.

Мы не могли пристать прямо к берегу: над нами нависал обрыв — набережная была облицована гранитом. Мы стали двигаться дальше, к Метромосту, где склон спускался к воде.

Там уже бегали две фигурки — я знал, что это Пыркин и Партизан. У бытовки, которую я тоже знал по рассказам Егора, стояла женщина, а у самой воды носился Жулик.

— Жулик! — закричала Люся. — Сейчас я к тебе приеду!

В первой лодке, которая уже отвалила и догоняла нас, стоял на носу Веня. Он все так же держал пистолет. И вдруг я понял, что именно сейчас, вот в эту минуту, он убьет Люсю. И вся наша история кончится нелепой трагедией.

Я кинулся на Люсю, свалив ее на дно, и Егор закричал:

— Ой, черт! — И отпустил весло.

Я не стал объяснять ему, что пуля летела в Люсю и я предчувствовал это. Но я не мог остановить пулю в воздухе.

— Кюхля! — крикнул я. — Возьмите весла.

Егор прижал руку к плечу, кровь лилась между пальцами. Люся кинулась к нему, но пользы от нее было ни на грош.

Кюхля безжалостно толкнул Егора в спину, и тот упал на руки Люсе.

— Веня! — закричал я. — Перестань стрелять! Я тебя собственными руками задушу. Понимаешь?

Мой голос пробился сквозь крики, которые неслись с бандитских лодок.

И тут наша лодка ткнулась носом в берег — здесь набережная шла в полуметре над водой. Лодку развернуло. Пыркин и Партизан, ничего не спрашивая, помогли Кюхельбекеру вылезти на берег, вместе с ним вытащили Егора. Затем последовала Люся, которая пыталась поддержать Егора и всем мешала, а затем я выскочил на берег и сильно оттолкнул лодку от берега.

— Ты идти сможешь? — спросил я у Егора.

— Постараюсь, — сказал он.

— Дуся! — крикнул Пыркин. — Салфетки принеси!

— Какие салфетки? — удивилась женщина, которая не отходила от бытовки.

— Белые, чистые. Перевязать.

— У меня голова кружится, — сказал Егор, будто просил прощения.

— Сколько их? — спросил я Кюхельбекера.

— Семь человек. Вооружены.

— У тебя оружие есть? — спросил я Пыркина.

— Ни в коем случае, — сказал тот. — Если найдут, то голову отвинтят. Подтвердите, господин Кюхельбекер. Нам ведь не положено.

Обе лодки противников приближались к берегу. Бандиты кричали и суетились, будто главной их задачей было перекричать друг друга.

— Тогда вам надо в убежище, — сказал Пыркин. — Вы ж помните.

— Далеко до него? — Я вспомнил, что и в самом деле шесть лет назад они уже там прятались.

— Они же за это всех остальных людей здесь убьют. Вы уйдете с нами, — сказал Кюхельбекер.

— Тогда пошли, — сказал я. — Только уходим все. И все вооружаемся. К счастью, мы живем в каменном веке и технология ничего не решает.

— Как вооружаться? — послушно спросил Пыркин, изможденный человек с лицом алкоголика из интеллигентов, в черном пальто без рукава и в оранжевой измазанной рубахе.

— Там арматура есть! — закричал широкоплечий карлик Партизан. — Мы им покажем, я им за Марфуту припомню.

Я забыл, кто такая Марфута и почему надо припоминать. Но готовность сражаться меня порадовала.

Люся хотела перевязать плечо Егору, но тот ответил ей неубедительно, но достойно:

— Погоди, Люсь, у меня же левое плечо. А сражаюсь я правой.

— Тем более! — настаивала Люся. — Это очень близко к сердцу.

Партизан побежал наверх, к бытовке, — видно, за оружием.

Я думал, как нам лучше воевать. У Вени есть пистолет — правда, я не был уверен, что у него достаточно патронов. У бандитов ножи и сабли. Это более опасное оружие, чем наша арматура или дубинки. Мы как бы представляем различные эпохи в развитии человечества. Мы — троглодиты, они — вандалы.

Если мы будем отступать по горе, они нас догонят, и обороняться на открытом месте трудно. А дойти до театра, сражаясь, просто невозможно.

— Давайте в бытовку! — закричал я. — Все в бытовку.

Так я загнал нашу армию в маленькую крепость, кое-как обшитую железными листами. Но в бытовке окна расположены высоко и в них не пролезешь, а дверь стандартная, ее может защищать один человек.

Егор шагал в гору широко, но его пошатывало. Люся придерживала его, но Егор отстранял ее руку.

Я вытащил из-за пояса нож и понял, что он для меня не оружие.

— Сможете им действовать? — спросил я Кюхельбекера.

— Славное «перо», — сказал министр. — Давай. А ты что, боишься?

Он употребил бранное слово. На его вопрос я ответил положительно:

— Мне проще саблей... или палкой.

— Понимаю, — сказал революционный комкор. — Этому учиться надо. А вот мясники сразу берут «перо» — такие из них разведчики получались, ты не представляешь.

Кюхельбекер был доволен. Ему неприятно было вооружаться палкой времен троглодитов. А кинжал — это уже настоящее оружие.

Незнакомая мне женщина — из обитательниц бытовки — бежала к Метромосту прятаться. Она не хотела воевать. Я подумал, что, знай я получше эти места, наверное, можно было бы оборудовать славные позиции среди бетонных конструкций.

В бытовку набилось много народу. Было тесно.

Старожилы — Пыркин и Партизан, императрица, министр Кюхельбекер и мы с Егором. Правда, Егора лучше отнести к женщинам — вряд ли он сможет сражаться. Хоть и хочет.

Он сел на скамейку. Люся стащила с себя белую блузку и начала снимать с Егора рубашку. Пускай, сколько-то минут у нее есть.

— Вы не думаете, что загнали нас в ловушку? — спросил Кюхельбекер.

— Пускай они нас штурмуют, — сказал я.

— А если подожгут?

— Посмотрим, — сказал я.

У нас — Пыркина, Партизана и меня — были длинные железные шҗыри. Тяжелое и, надеюсь, действенное оружие.

Кюхельбекер водил пальцем по острию финки, он быстро дышал, и ноздри у него раздувались — боевой конь вспомнил о сражениях.

Я подошел к двери.

И вовремя.

Нападающие подбирались к нашей крепости.

Я не сразу сообразил, что же мне это напоминает, потом вспомнил: один к одному — кадры из экранизации одного из бессмертных романов Фенимора Купера. Индейцы подбираются к бревенчатой крепости белых поселенцев. Но белые поселенцы не так просты, как кажутся, — и начинается бой!

Веня топал в строю, как настоящий командир, чуть отставая от передней линии. К моему удовлетворению, пистолета у него в руке, как говорится, не блестело. Он штурмовал нас голыми руками.

Остальные гуроны, они же могикане, сверкали саблями и кинжалами.

Они рассыпались по склону, скользя по голой и чуть влажной земле.

Жулик кинулся на них в атаку. Он полагал, что защита дома — его прямая обязанность.

Почему-то из всех врагов Жулик выбрал самого главного, Веню, и попытался тяпнуть его за ногу. Веня стал отмахиваться от него, и тут я впервые увидел — и не поверил глазам своим — цепочку привидений. Сколько Егор нам о них рассказывал!

Зеленоватые прозрачные тени покачивались, с любопытством наблюдая за нашим конфликтом. Издали они не казались страшными — некое электрическое развлечение.

Но Веня, видно, почувствовал жжение или удар током и бросился обратно.

Вот эти его метания, которые я описываю слишком подробно, заняли от силы три-четыре секунды, но внесли хаос в действия атакующих. Я получил отличную возможность спрыгнуть с крыльца и использовать очевидное преимущество перед бегущим на меня бандитом. Он и не подозревал о существовании восточных единоборств, а я увлекался ими со школьных лет и только в институте, достигнув определенных успехов, стал жалеть время на совершенствование. И хоть я многое позабыл, мне удалось достаточно эффектно, подобно Ван Дамму, взлететь в воздух, правой ногой вперед, и ударить бандита так, что до конца боя его можно было игнорировать.

Движение мое было рассчитано и на то, чтобы после столкновения с бандитом завершиться встречей с веснушчатым знакомцем, чтобы он не сообразил, кто и как его ударил.

Я успел подхватить его саблю — хорошую саблю, красивую саблю, он был недостоин такой сабли. Вторая валялась у моих

ног. Она принадлежала моей первой, временно бездыханной жертве.

Я подобрал ее и, отпрыгнув к дверям нашего убежища, протянул моему основному помощнику Кюхельбекеру.

Тот саблю принял, но держал ее в левой руке — не выпуская из правой финский нож, который, как я понял, был ему больше по душе.

— Молодец, лейтенант! — сказал он мне.

Потери в рядах наших врагов были невелики, и реально они все еще превосходили нас численно.

Кюхельбекер обернулся и передал саблю Партизану.

— У-у-ух! — закричал Партизан и, оттолкнув Кюхельбекера, кинулся в бой.

Пыркин тоже вышел на крыльцо и стоял, неуверенно держа в руке железный штырь.

И вот тут началась свалка.

Мне теперь трудно вспомнить, кто с кем сражался. Для этого надо было снять все на видеопленку, а затем мотать ее на экране в замедленном темпе.

Вот клочки: Партизан сражается на саблях с бородатым черным бандитом — словно они на сцене «Гамлета», Кюхельбекер — вот это я помню — отводит руку с саблей Григория Михайловича — ну чего он, дурак, полез во взрослые игры? — и, сблизясь с ним, с каким-то наслаждением втыкает ему под ребро нож так, что рукоять упирается в плоть. И тут же вырывает нож обратно, давая возможность Григорию Михайловичу схватиться за грудь и, забормотав что-то невнятное, упасть ему под ноги. Кюхельбекер прыгает вперед, выискивая следующую жертву, а еще один пират, о нет, это разбойница, та самая, с тяжелым угорским лицом, кидается на порог, и Пыркин еле успевает поднять свою железную палку, чтобы отбить удар саблей. Я понимаю, что Пыркину не удержать второго удара, и достаю разбойницу кулаком. В ухо. Очень сильно. Она падает как подкошенная.

Видно, у меня такая роль — подбирать сабли. Правда, я делаю это вполне сознательно. Я уже знаю, что мы в этой битве народов победим, потому что в наших рядах есть по крайней мере три человека с опытом рукопашного боя — Кюхельбекер, Партизан и я, а разбойники — шайка хулиганов, совершенно необученных и непривычных встречать сопротивление. Так что чем больше оружия мы соберем, тем дольше они будут собирать следующую экспедицию за нами. Мне не хотелось, чтобы в этой войне убивали. Это явно противоречило целям моей научной экспедиции. Но остановить Кюхельбеке-

ра я не мог — иначе бы сам получил финкой в бок. В этом опасность случайного подбора союзников. Кюхельбекер убивать умел и любил.

Остались два разбойника. Еще один сражался с Партизаном, и Партизан его никак не мог одолеть. Я хотел было также свалить его без оружия, но меня неожиданно опередил Пыркин. Еще не опомнившись толком после своей схватки с разбойницей, он вдруг завопил: «Атанда!» — вспомнив слово из древнего дворового лексикона, и кинулся на помощь Партизану. Он раскроил разбойнику щеку, пошла кровь, хотя рана была неглубокой, разбойник завыл и побежал прочь. И этот вой послужил сигналом к бегству оставшемуся разбойнику и Вене, который до того в битву не вступал, ожидая благоприятного развития событий.

Подошло время считать раны, потери и трофеи.

У нас: один раненый более или менее серьезно — Егор. Он так и не принял участия в бою, потому что бессильно лежал на лавке. За время краткого боя Люся перевязала его и остановила кровь.

Партизан был ранен легко, даже не заметил этого в пылу боя, — у него было рассечено предплечье. Ничего страшного. Он даже гордился этой раной. Наконец-то бой и победа. И это понятно — маленькая бытовка была аванпостом империи. И ее жители находились в постоянном страхе перед бандитами. Время от времени бандиты совершали набеги и убивали или калечили кого-то из них.

Пыркин тоже был счастлив. Он ходил вокруг бытовки, размахивал саблей, вел себя словно пьяный, а Жулик не понимал, в чем дело и почему некоторые люди лежат на земле, прыгал вокруг них, нюхал кровь и лаял с визгом. А когда разбойница очнулась и на четвереньках поползла к реке, побежал рядом, тявкая.

— Пошли, — решил я. — Они обязательно вернутся. Может быть, Партизану и Пыркину пойти с нами?

— И не думай! — возопил Партизан. — Мы же теперь вооруженные!

— Погодите, Георгий, — сказал Кюхельбекер. — Эти люди — мои подчиненные. Они берегут форпост.

— Это точно, — согласился Пыркин.

— Веня не посмеет повторить нападение. Он не так глуп, как вы думаете, — добавил министр.

— Я не думаю, что он глуп, но он уже захватил ваш вокзал и убил императора.

— Зачем ему возвращаться сюда? Он же знает нашу цель —

Детский театр. Если он и повторит нападение — то на театр. Но, насколько я знаю, людей у него осталось — кот наплакал. Несколько человек он потерял на площади Киевского вокзала, других — здесь. Остальные банды его не будут теперь поддерживать. Больше того, боюсь, что ему придется биться за жизнь с бывшими союзниками, а то и с собственными бандитами. Так что забудь пока о нем.

Я понял, что Кюхельбекер прав.

Мы попрощались с гарнизоном бытовки. Меня больше всего беспокоило, дойдет ли Егор до университета. Егор твердил, что дойдет. Он стыдился того, что не принял участия в сражении. Это было глупо.

Он поднимался медленно, хотя старался превозмочь боль и слабость.

— Ничего, — говорила Люся, — дома тебя быстро вылечат. Там врачи настоящие.

Егор не спорил с ней больше. Мне казалось, что он смирился с неизбежной разлукой. Мы по очереди поддерживали Егора.

Тропинка сначала шла довольно круто, но затем мы вышли на асфальт Воробьевского шоссе, и сразу стало легче идти.

Мы несколько раз останавливались отдохнуть. Впрочем, ощущение вневременья охватывало уже и меня — в сущности, куда спешить?

— Ты отлично дерешься, — сказал Кюхельбекер. — Тебя в армии учили?

— Восточные единоборства. Не слыхали?

— Это уже без меня. Но я бы хотел, чтобы ты у меня в армии вел курс. Мне нужна профессиональная армия.

— Вы хотите восстановить империю?

— Как бы она ни называлась, она все равно будет и в ней будут нужны солдаты. В этом суть человеческой природы.

По земным меркам мы шли до университета часа два. Музыкальный театр остался слева. Справа тянулся металлический забор новой территории университета.

Нам повезло.

Не пришлось топать до библиотеки. Соня шла нам навстречу, катя коляску. Одной рукой она толкала ее, в другой держала книгу, которую читала на ходу.

Первой ее заметила Люся и побежала к ней.

— Соня, Сонечка, как хорошо, что мы тебя встретили!

Соня близоруко щурилась, но потом всех узнала.

Мы стояли возле забора университета — чуть сзади вдали возвышались причудливые грани фасада Музыкального театра.

— Как понимаешь, мы по вашу душу, — сказал Кюхельбекер. — Давай сверим с тобой наши таблицы. Как поле? Есть надежда вскоре увидеть окно?

— Окно близко, — сообщила Соня. — Оно должно скоро открыться. Поэтому мы и пошли гулять. А вдруг встретим кого-то, кто спешит?

Она смотрела на Люсю.

— Спасибо, — сказала Люся.

— Нам нужно возвратиться домой. — Я показал на Егора. Вид у того был мужественный, как у генерала после Бородина.

Мы отошли к ограде, и Кюхельбекер вытащил какие-то листочки бумаги с цифрами. Примитивная система контроля здесь существовала. Соня водила пальцем по таблицам. Они сблизили головы, как заговорщики.

— Я сейчас высчитаю, когда будет следующая связь, — сказал Кюхельбекер. — Сейчас я дам тебе список того, что мне нужно. Я же тебе передам, как и прежде, драгоценности.

Он принялся составлять список.

— Неужели вы не боитесь, — спросил я, — что ветераны, если они теперь правят империей, не позволят вам остаться министром или кем-то у власти?

— Без сомнения, — сказал Кюхельбекер — Моя задача найти тех, кто поможет мне править и не обращать внимания на тех, кто будет выступать с речами.

— А мне они показались непримиримыми коммунарами, — сказал Егор.

— Теперь о бартере, — продолжал я. — Давайте ваш список, я его возьму, и мы посмотрим, что сможем для вас достать. Но в ответ мы просим не драгоценности, а возможность принять меня или кого-то еще из нашего института.

— Это нежелательно, — сказал Кюхельбекер.

— Почему?

— Пока ветераны у власти... не стоит дразнить гусей. Но как только положение стабилизируется, я тут же вам дам знать. Возвращайтесь. Мы с вами неплохо ладили.

Я знал, что никогда не буду ладить с этим комкором, хотя бы потому, что я видел, как умер Григорий Михайлович, бандит поневоле или, может быть, бандит-меломан — не знаю уж, как точнее... Уж очень хорошо Кюхельбекер умел пользоваться финкой.

По тротуару со стороны метро быстро шел нескладный ма-

ленький человечек, он махал левой рукой, а в правой нес чемоданчик, какие бывают у водопроводчиков.

— Доктор! — закричала Люся, как будто увидела лучшего друга.

Она побежала к нему.

— Леонид Моисеевич! — воскликнул Кюхельбекер. — Вот не ожидал. Как вам удалось?

— А я ушел из дворца, как только начались события, — сказал доктор. — Вы знаете, когда появляются бандиты, то в первую очередь режут масонов и евреев. А так как я единственный общепризнанный еврей в этом государстве, то я предпочел уйти. К тому же у меня есть одна идея. Я должен просить об одолжении того, кто намерен вернуться обратно.

— Вы не узнали меня, Леонид Моисеевич?

— Егор? — обрадовался доктор. — Это замечательно! Ты вернулся!

— Нет, — ответила Люся. — Я не могу этого позволить.

— Разумеется, — сказал доктор. — У нас опасно долго оставаться.

— Вы меня не поняли, доктор, — возразил Егор. — Я остаюсь здесь! Навсегда!

— Егор, ты сошел с ума! — Люся словно не сразу поняла его.

А я знал, что Егор уже решил. Порой я чувствую людей. И я чувствовал, что кто бы и как бы ни уговаривал Егора, он останется с Люсей. Даже если это означает выбор между всем живым миром и одной девушкой. Это было безумием. Я мог лишь преклоняться перед этим парнем и даже завидовать ему.

— Неразумно, — сказал Кюхельбекер.

— Значит, — спросил доктор, который ничему не удивлялся, — обратно пока возвращаетесь только вы?

— Значит, так, — сказал я.

— Тогда отойдем в сторону. У меня к вам есть сугубо конфиденциальный разговор.

Мы отошли в сторону, и никто на это не обратил внимания, потому что Кюхельбекер занимался с Соней расчетами, Люся ругала, проклинала, умоляла своего Егора, а Егор редко и почти лениво отвечал.

Доктор убедился, что нас никто не слышит.

— У каждого естествоиспытателя бывают сумасшедшие идеи, — сказал он. — У меня тоже есть идея. Как вы знаете, если человек поживет здесь больше недели, его кровь необратимо изменяет свой состав. Вы слышали?

— Да, я слышал.

— Но я не знаю, откуда возникло такое убеждение и каким образом его проверяли. Может быть, проверяли. Но вы — первый образованный человек оттуда, с которым я могу говорить. Так вот: здесь у меня, — он поднял чемоданчик, — образцы крови. Тут моя кровь, кровь Сони и Дениса. А также, простите, моча. Я надеялся, что вы попытаетесь вернуться сегодня же... Соня мне обо всем рассказывала. Я умоляю вас — немедленно отвезите нашу кровь в лабораторию и проведите анализ. Кстати, не забудьте и свою кровь — вы тоже у нас пробыли около суток. Вы меня поняли?

— Вы гений, — искренне сказал я. — Вы замечательный ученый.

— Я не гений и не замечательный ученый. Однако я сохранил остатки любознательности, а это очень много для врача.

— Я не знаю, как вас отблагодарить...

— А я знаю. В следующем обмене пришлите мне паровоз и вагончики для железной дороги, рельсы — шестнадцать миллиметров. Вы запомнили? Шестнадцать миллиметров.

— Обязательно, — сказал я.

Мы вернулись к остальным.

— Пора идти, — сказал Кюхельбекер. — Пожалуй, нам повезло. В течение двух часов, может, немного больше...

Егор присел у забора.

— Ты что? — спросил я.

— Плохо мне, — сказал он. — Если доктор пойдет к себе, я — с ним.

— Нет! — закричала Люся.

— Хватит, — сказал Егор. — Хватит. Раз и навсегда. Ты моя жена. Поняла?

— Он остается, — сказал я.

— Он остается, — сказал Кюхельбекер, — я таких навидался. А если раскается, тебе, императрица, об этом не скажет. Хотя ты у нас — вдовствующая императрица. Тогда придется дать молодому человеку титул. Как насчет графа? Граф Чехонин тебя устраивает? Учти, что я теперь и.о. императора. Но добрый.

Мы обнялись с Егором. Он сказал:

— Позвони маме. Наври ей о секретной экспедиции...

Потом я поцеловался с Люсей. Она ревела в три ручья и измочила меня слезами.

Егор положил руку на плечо доктору.

Они медленно пошли к университету.

Егор остановился, посмотрел на меня и сказал:

— Не забудь главного: мы будем ждать вас здесь месяц. Если никто не придет — мы поедем в Петербург. Там, говорят, есть нормальные люди.

— Хорошо, — ответил я. И подумал: как же он отсчитает месяц?

Потом они втроем пошли вдоль забора к университетской библиотеке, а мы повернули налево, к театру.

В театре нам пришлось ждать долго, часа три, не меньше. Чтобы не потерять ощущение времени, я старался считать до тысячи, я сбивался, отвлекался на разговоры. Кюхельбекер вдруг начинал задавать вопросы, в основном о современной армии. Его забавляли наши поражения в Чечне.

Было пыльно, сумрачно, единственная свечка, зажженная Соней, которая при ее свете умудрялась читать, робко трогала желтым светом вертикальные полосы кулис.

— В следующей посылке, — говорил комкор, — желательно лично для меня включить справочник по форме одежды российской армии. Я слышал, что для генералов армии ввели одну большую звезду на погонах. Почему? Ведь так они уравниваются в форме с маршалами? Тогда я не представляю, как вы намерены отличать маршала от генерала армии. Ну как?

Я не задумывался об этом. Среди моих знакомых не было ни одного маршала. Хотя вот завелся комкор.

— Вопрос второй — остались ли сапоги в парадной форме? Нет-нет, не отворачивайтесь, Георгий. Постарайтесь вспомнить. Мне это принципиально важно...

Заныл, зашевелился Денис.

— Что? — спросил я. — Он чувствует?

— Нет, — сказала Соня. — Он пить просит.

Из кармана своего широкого платья она достала бутылочку, вытащила пробку и дала Денису. Он начал с удовольствием хлюпать, пить, совсем как грудной ребенок. Соня погладила его по голове.

— Вы уверены, что будет окно? — испугался я. А вдруг мы так и будем сидеть неделями, месяцами в ожидании... И тогда я тоже, как и Люся, лишусь возможности возвратиться домой.

Соня поднесла свечку к глазам Дениса. Она долго вглядывалась в его глаза.

— Скоро, — сказала она наконец.

— Да и я говорю: скоро. У меня же есть таблицы, — сказал Кюхельбекер.

— А можно, я их возьму с собой? — без надежды на положительный ответ спросил я.

— У вас там тоже есть таблицы.

— Да, конечно.

Я думал, что Егору, должно быть, страшно. И наверное, хочется прибежать к нам, сюда, и вместе со мной вернуться. Самое грустное — он об этом сейчас не думает: через какое-то время он сочтет виновной во всем Люсю и не простит ей собственного самопожертвования.

— Вы можете погулять, — сказала Соня. — Еще не начинается.

— Пошли выйдем, — сказал Кюхельбекер. — Попрощаешься с нашей страной.

Мне не хотелось отходить далеко от Сони, но какая-то бравада заставила меня последовать за Кюхельбекером наружу. Впрочем, темнота закулисья тоже угнетала меня.

— Когда еще вернетесь, — сказал Кюхельбекер, стоя рядом со мной в дверях театра. Жемчужное небо бежало низко над головой, воздух был тих и неподвижен. — Я бы тоже хотел вернуться, — продолжал он. — Но, наверное, это вызвано любопытством. На самом деле мне нечего делать там, у вас. Здесь же, я думаю, смогу многого достичь.

— А какие у вас планы?

— Я намереваюсь расширить империю, — сказал Кюхельбекер.

Он смотрел на меня строго. Черные глаза прятались в глубоких глазницах, занавешенных бровями. Лицо было лишено мяса, и кости норовили продрать кожу. Отталкивающее лицо. Но я к нему уже привык.

— Вы сомневаетесь? — спросил он. — Не надо меня недооценивать. У меня есть неплохой опыт придворной жизни, я знаю, как тикает машина государства. И я буду куда более эффективным императором, чем покойный Паша, царствие ему небесное.

— А здесь есть церкви? — спросил я.

— Не у нас.

— Значит, вы знаете что-то о других местах?

— Вы же сами видели того финна.

И тут мы увидели колесницу.

Колесницей я условно назвал для себя ту телегу, на которой мы с Егором прибыли на Киевский вокзал. Только вчера в ней приехал господин Кюхельбекер, а кто ехал сейчас — я не понял.

— Смотрите, — сказал я.

В тот момент я не почувствовал тревоги. Может, потому, что эта телега в моем сознании была связана с Кюхельбекером.

Уже были видны два велосипедиста в касках и черных плащах, которыми телега была запряжена. В телеге сидели какие-то люди — издали не разберешь.

— Это мне не нравится, — сказал будущий император. — Почему они едут сюда?

— Кто это?

— Вернее всего... Какого черта ветеранам понадобилось здесь? Что они пронюхали?

— Но вы же говорили мне, что найдете с ними общий язык! — Я как будто уговаривал Кюхельбекера уладить все миром, не сорвать, только не сорвать мое возвращение. Ох, как мне захотелось домой!

— Уходите внутрь, — приказал мне Кюхельбекер. — Вас они не должны видеть. Я с ними поговорю.

— Но если они враждебно настроены, — сказал я, — может, вам тоже уйти в театр? Они же не знают, где нас искать.

— Не надо недооценивать ветеранов. Они все знают. Они живут бок о бок с нами уже сотни лет. Неужели вы думаете, что существует хоть какая-нибудь неизвестная им тайна? Уходите, — повторил Кюхельбекер. — Вы же знаете, что они хотят прервать контакты с вашим миром.

Я послушался. Меня сейчас мало интересовали отношения внутри этих стай и шаек, главное — отпустите меня домой!

Я быстро прошел к сцене, поднялся на нее, прошел за кулисы.

— Что нового? — спросил я у Сони, которая все так же сидела с книжкой в руке.

— Пока ничего. — Она улыбнулась мне доброй вялой улыбкой.

— Там едут ветераны, — сказал я. — Вы знаете их?

— Конечно, знаю. Почему они едут?

— Они захватили власть на вокзале. Кюхельбекер встревожен. Он боится, не захотят ли они по горячим следам закрыть путь сообщения с моим миром, отягощенным пороками.

— Господи! — вдруг перепугалась Соня. — Вы же не представляете себе, какие это люди! Это же инквизиторы, честное слово. Мне Леонид Моисеевич столько о них рассказывал.

Денис застонал, забормотал. У меня в сердце зародилась слабенькая надежда, как огонек спички, который может задуть любой сквозняк.

— Что он хочет сказать? — спросил я.

— По-моему... — Соня отложила книжку и спросила Дениса: — Тебе тяжко? Тебе тревожно?

— У-у-у, — ответил Денис. Он старался поднять голову, потом начал перебирать пальцами, словно играл на фортепьяно.

Соня сунула книжку в карман своей хламиды и взялась за спинку кресла. Она каким-то образом чувствовала, куда надо везти Дениса. Кресло покатилось, и я слышал, шагая следом, как Денис то хлюпал горлом, то стонал, то старался произнести слово, — и эти звуки были для Сони понятными, потому что, прислушиваясь к Денису, она катила кресло меж кулис, все глубже по сцене, пока не остановилась перед задней стеной театра — кирпичной, высокой, вдоль которой на высоте трехэтажного дома тянулись металлические конструкции.

Денис удовлетворенно взвыл.

— Здесь, — сказала Соня. — Сейчас начнется. А где же господин Кюхельбекер?

— Сейчас придет, — сказал я. — Он должен их задержать.

— Он всегда бывает здесь, когда открывается щель, — сказала Соня.

— Но сегодня будут встречать меня, — заметил я, расслабляясь.

Существует опаснейший закон. Не знаю, как это происходит у вас, но если я чего-то боюсь, ожидаю со страхом, то это не происходит. Но стоит мне подумать: обошлось! — как тут же я получаю удар с совершенно неожиданной стороны.

Вот и в тот момент я расслабился. Я смотрел на стену и ожидал, что в ней откроется отверстие. Я шагну в него, и на этом мои приключения закончатся.

И тут сзади послышались голоса и шум приближающейся толпы. Конечно, толпа — это преувеличение, но я был склонен к преувеличениям.

А в стене ничего не открывалось.

От тех, кто приближался, исходила настолько очевидная угроза, что я чувствовал ее на расстоянии.

— Где это будет? — спросил я Соню.

— Что будет? — не поняла она.

— Отверстие! Щель!

— Я не знаю, — сказала Соня и тоже обернулась в сторону приближающихся голосов.

Они вошли.

Странная группа. Впереди Кюхельбекер. За ним очень старая, а может, не так старая, как изношенная, женщина с большим дуэльным пистолетом, который она упирала дулом в спину Кюхельбекеру.

Затем шел человек в сутане и капюшоне, от которого на лицо падала такая густая тень, словно у человека лица и не было. В руке этот человек держал короткую трубу. Три или четыре изношенных человека держались чуть сзади.

У меня оборвалось сердце. Я знал, что эти люди пришли специально для того, чтобы уничтожить окно. Но как они это сделают?

— Не плюйте в колодец, который вам еще пригодится самим, — говорил Кюхельбекер. — Власть не отказывается от преимуществ. Я вам это говорю как ваш союзник.

— У нас нет союзников, — проскрипела изношенная женщина. Платье на ней некогда было бархатным, расшитым сложными узорами.

Денис вдруг заверещал.

— Вот ты где, исчадие ада! — Монах в капюшоне увидел Дениса и повернулся к нему. — Мы знаем, откуда исходит беда!

— Подойди ко мне! — приказала женщина, глядя на меня.

Я покорно сделал шаг.

Но тут же понял, что в закулисье становится светлее. В спину мне бьет свет, который становится все ярче.

Женщина зажмурилась.

— Бегите, Кюхельбекер! — крикнул я.

Кюхельбекер ринулся в сторону, и женщина почти сразу выстрелила в него. Но я не знаю, попала она в министра или нет, потому что за моей спиной открылась щель в мой мир. И если я не воспользуюсь моментом, я погибну здесь.

Я стал пятиться к стене и никак не мог развернуться, чтобы сделать бросок, потому что меня охватил леденящий ужас от того, что творилось передо мной: монах в капюшоне поднял трубу, и из нее вырвался расширяющийся поток пламени. Это был огнемет. Конус пламени был направлен на Дениса и Соню. Денис пронзительно завизжал.

Я сделал движение к ним и понял, что ничем никому здесь не смогу помочь.

И тогда я кинулся, разворачиваясь в броске, к стене, в которой медленно закрывалась ослепительно светлая щель.

Монах успел развернуть огнемет в сторону щели, и когда я пролетал сквозь отверстие, то почувствовал жгучую боль в ноге.

И тут же щель закрылась.

Возможно, навсегда.

...Я лежал возле задней стены театра.

Я сильно ушиб локоть, штанина и кроссовка на левой ноге дымились. Я был оглушен и потерян в пространстве. Я даже не знал, удалось ли мне уйти от них или нет.

То место, куда я грохнулся, было освещено двумя театральными прожекторами.

Полукругом стояла небольшая группа людей.

Сначала я услышал их голоса — радостные, возбужденные, — потом они кинулись ко мне, и я закричал, чтобы не трогали — у меня обожжена нога!

Ко мне подбежали два амбала с носилками. Они хотели переложить меня на них, но тут откуда-то возник усатый доктор, похожий на Тараса Бульбу, и остановил их.

— Надо было что-нибудь подложить, — сказал я. — Так можно до смерти разбиться.

В тот момент я не шутил и не бравировал. Я в самом деле был сердит на них за это упущение.

Калерия присела возле меня на корточки.

— Молодец, — сказала она, — тебе несладко пришлось.

И тут у меня наступила странная, совершенно неадекватная реакция на то, что только что произошло. Я заплакал. Я с первого класса не плакал. Я плакал и повторял:

— Дениса убили. И Соню. Вот сейчас, только что, у меня на глазах. Они их сожгли.

— Ну успокойся, — говорила Калерия, — это шок.

Доктор Тарас Бульба протягивал ко мне шприц. Я отвел его рукой.

— Вы не понимаете, — пытался я объяснить им, — они убили Дениса, и теперь окна туда нет. И Егор будет ждать зазря... И Люська.

Тарас Бульба все же сделал мне укол, и мне стало спокойно и не больно. Я еще что-то говорил, но, наверное, полную чепуху.

Очнулся я следующим утром, в клинике. Рядом с моей кроватью сидела Катрин и ждала, когда я проснусь. На тумбочке стояли самые настоящие живые цветы.

— Доброе утро, — улыбнулась Катрин.

— Когда меня выпишут? — спросил я.

— Сегодня, — сказала Катрин.

— Как экзамены? — спросил я.

— Можешь поздравить.

— Поздравляю...

— Ты чего молчишь?

— Я думаю, каково им там.

ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»

Глава 1

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Под камеру переделали один из бункеров связи центра ПВО Москвы.

Но коридор, в который выходили помещения бункера, получился тюремным, как будто создатели его заранее предусмотрели, что тут будет камера смертника.

Судьи еще оставались в зале суда — тоже помещении бункера, но этажом ниже. Когда приговор был оглашен, Лаврентия Павловича Берию повели обратно в камеру. Он почему-то думал, что его расстреляют тут же, не возвращая в камеру. Зачем тратить время? Ведь приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Лаврентием Павловичем в тот момент владело возмущение несправедливостью приговора. «Убейте меня за то, что верно служил партии! Убейте в моем лице совесть партии и признайте: да, мы отказываемся от высокого звания коммунистов, потому что решили предать смерти настоящего ленинца. Но какое вы имели право называть меня дашнакским агентом? Шпионом, нечестным человеком? Я не могу умереть с таким пятном на моей репутации!»

Он пытался сказать это тупым генералам, которые сидели в ряд за канцелярским столом и старались не встречаться с ним глазами, но генералы боялись его слушать — они были охвачены страхом не только перед своими новыми хозяевами, но и перед подсудимым.

Ненавидя этих ничтожных судей, Берия улавливал их страх, и потому, когда его повели обратно в камеру, он вдруг ощутил приближение надежды. Не все так просто — с ним хотят разделаться от страха. Его хотят убить. Но этот же страх может ему помочь.

Против него одного, невысокого, скромного, обыкновенного на вид человека, поднялась вся карательная машина государства. Это Голиаф. Он же — Давид.

Известно, чем закончится тот поединок.

Притом Берия знал секрет, которым не поделился бы с этими хрущевыми ни под какими пытками. Он отправлял до-

веренного человека в Тибет, в город Шамбалу, и тот привез ему гороскоп. В гороскопе было написано, что планеты предсказывают ему жизнь до конца XX века. Все эти предсказания были нарисованы каллиграфически на местном тибетском языке с английским переводом. Сомнений никаких не было — Лаврентию Павловичу суждено скончаться в 2000 году, точнее — в 1998-м, а тогда, при получении гороскопа, шел сорок шестой. Сомнения оставались, доверенного человека всерьез допрашивали, он поручил это Кобулову. Кобулов поклялся, что документ настоящий. Лаврентий Павлович тогда громко закашлялся, принялся протирать пенсне, чтобы не показать радости, охватившей его. Не зря он расколол гитлеровских астрологов: у тех были связи на Востоке.

Конечно, Лаврентий Павлович был настоящим коммунистом, атеистом, интернационалистом, можно сказать. Но есть вещи выше, чем атеизм, это каждый умный человек понимает, хотя признаваться в этом нельзя, потому что существуют простые люди, так называемый народ, которому не следует морочить голову — в голове должна быть только одна религия. Когда его приговорили к смерти, в глазах встало воспоминание: желтый пергаментный документ, машинописный перевод с английского на русский, пришпиленный скрепкой — так обыкновенно.

«Вы можете приговаривать меня к любой казни, — сказал он себе. — Но вам до меня не добраться».

Когда за ним затворили дверь камеры, а не повели сразу на расстрел, Лаврентий Павлович чуть-чуть успокоился. Вернее всего, несколько часов в запасе у него есть.

Как — несколько часов?

А гороскоп?

Утешение бывает мгновенным — нельзя утешаться долго. «Ведь ты сам казнил стольких людей, что не имеешь права утешаться... Но ты и миловал. Значит, и тебя могут помиловать».

И Берия стал думать, как оттянуть казнь, — гороскоп гороскопом, но как ее оттянуть?

Часы у него отобрали. Камера была подземной — в окно не выглянешь, не поймешь, когда наступит вечер.

А что сейчас? Они же могли устроить заседание трибунала и глубокой ночью — с них станется.

Под потолком лампочка, забранная в решетчатую клетку, — ему все равно не достать. Но в этом порядок... а вот по полу бежит таракан — беспорядок. При нем в тюрьмах такого

не допускали. Он лично распоряжался, чтобы дезинфекция тюремных помещений была абсолютно эффективной. Когда-то при нем Ягода пошутил, что заключенные ловят тараканов, чтобы их жрать. Лаврентий Павлович, когда пришел к власти, все эти тараканьи дела прекратил. Таких шуток не бывает. И все насмарку — таракан пробежал по неровному цементному полу и скрылся под койкой. А Лаврентий Павлович не то чтобы боялся тараканов, но испытывал к ним отвращение. Это бывает даже с очень отважными людьми. Он поднялся и пошел к двери: хотел вызвать надзирателя, чтобы указать ему на недопустимость, но тут же опомнился (как можно быть таким рассеянным!) — с соседней койки вскочил армейский майор. Он сидел там и смотрел на Берию. Осужденного ни на секунду не оставляли одного. А он забыл об этом.

— Тараканы, — сказал он. — Грязь развели.

Майор посмотрел на него, но отвечать не стал. У офицеров, дежуривших в камере, было строгое указание не разговаривать с преступником.

Берия возвратился на свою койку. Для него сделали облегчение, разрешили лежать — сам он был против того, чтобы заключенные днем валялись на койках: распускаются и излишне отдыхают. А лишний отдых для преступника — лишние заботы и усилия для следователя... Вот куда уходят мысли в последние часы жизни. Или минуты? А о чем думать?

И тут они стали открывать дверь.

За ним пришли.

Он хотел закричать — что-то убедительное хотел закричать, о чем молчал на допросах и на суде.

Кому какое дело до Тибета? Здесь офицеры. В армии его никогда не любили, а он сделал ошибку: противопоставил себя армии, убедил себя, поддался убеждениям Хозяина — армия в России всегда будет подчиняться Госбезопасности. У нас нет настоящих бонапартов. А тех, что были, мы ликвидировали.

А ведь Лаврентию Павловичу приходилось читать о военных заговорах. Елизавету и Екатерину возвели на трон солдаты. Но поверил Хозяину. Потому что то были феодальные, империалистические армии, а наша армия — это армия страны, которая строит социализм.

Он кинулся в угол, подальше от двери, он искал руками — за что схватиться, когда будут уводить. Движения рук были бессознательными — разум в том не участвовал: ну кому удавалось удержаться в камере, если тебя выводят на расстрел?

Скажи это ему в нормальной обстановке — начал бы хохотать. Именно хохотать.

Вошел Москаленко, в форме, встал у двери. Еще какой-то генерал, незнакомый. Может, это хороший знак?

— Выходите, — сказал Москаленко.

— Нет, — сказал Берия. Он старался говорить убедительно и спокойно. Это не удавалось. Получился крик. — Нет, я буду жаловаться! Я прошу дать мне возможность... написать объяснительную записку в ЦК.

— Выходите, — повторил Москаленко.

«Он — садист. Он знает, что я останусь жив. Он будет меня мучить перед смертью».

Офицер, дежуривший в камере, толкнул Берию в спину, Москаленко отстранился, чтобы не коснуться Лаврентия Павловича. И получилось так, что Берия очутился в коридоре, а новый толчок в спину заставил его зашагать вперед.

Они шли по коридору, в шаровых стенах таились глухие стальные двери, под ногами — цементный пол. Чудно думать, что он сам принимал когда-то новый центр управления ПВО.

Конечно, это была здравая мысль. Они боялись, что честные коммунисты и работники Государственной безопасности поднимутся на защиту своего руководителя и освободят его. Остались же на свободе его верные товарищи, помощники, командиры дивизий и особых отрядов... А эти заговорщики упрятали его в подземелье; может быть, его сейчас ищут друзья, врываются в тюрьмы и лагеря. А его нигде нет. Нигде нет — время уходит, в любой момент маршала могут расстрелять. Вы знаете, что я маршал? Что я — старший по званию? Нет, говорит Жуков. А он рад его растерзать — ведь попался голубчик на грабеже, где твои вагоны с награбленным добром? Нет, говорит Жуков, твой чин липовый. Ты никогда не был близко от фронта. Это неправда, потому что ценность маршала определяется пользой Родине. И еще неизвестно, победили бы вы, военные, если бы мы не очистили страну от всякой нечисти, перед тем как вступить в войну.

«Ну почему мои мысли убегают в сторону? Я должен сосредоточиться! Сейчас от моего слова может зависеть моя жизнь. Пока я не расстрелян, я жив...»

Одна из дверей сбоку открылась.

За ней небольшой тамбур, где стоит лейтенант.

Нет, это не расстрельная. Нет.

Москаленко и другой генерал остаются снаружи, в коридоре.

Офицер открывает внутреннюю дверь.

Дверь сзади захлопывается.

В комнате, чуть побольше его камеры, стоит стол, точно как у следователя, конторский стол с двумя ящиками.

За столом мирно сидит Никита.

В пиджаке и белой сорочке, но без галстука.

Хрущев кивает.

Берию охватывает слепая радость — тибетские мудрецы врать не будут. Никогда новый главарь государства не будет вызывать к себе смертника только для того, чтобы пожелать ему счастливого пути.

— Ну как? — задает вопрос Хрущев. — Имеются жалобы?

«Глупее ничего не придумаешь. Спрашивать о жалобах у приговоренного к смерти. Но может, это сигнал? Может, дорогие союзнички передрались между собой? А я понадобился?»

— Я протестую, — сказал Лаврентий Павлович. — Ты не представляешь, в каком положении я нахожусь! Мне даже не дают бумаги, чтобы написать жалобу.

— Тебя били? — спросил Никита.

— Почему меня должны бить?

Эта комната была также освещена лампочкой в решетке под потолком. От этого на лысине Хрущева искорками перемещались отражения лампы.

— Вот видишь, — сказал Хрущев. — А при тебе происходили нарушения законности.

— Все дело против меня — это сплошное нарушение социалистической законности. И если мне дадут возможность выступить на ЦК...

— Тебе не дадут такой возможности, — сказал Никита.

И этим словно с размаху ударил по вспыхнувшей надежде. Берия так и застыл с полуоткрытым ртом.

Только через минуту, или чуть поменьше минуты, он произнес:

— Тогда зачем вызывал меня?

Он хотел сказать — пригласил, но испуганные губы не сказали этого слова. Они задрожали — глаза Хрущева были холодными, как у взбешенной свиньи.

— Ты все равно приговорен, — сказал Хрущев. — Я хотел с тобой встретиться, чтобы получить твои последние показания.

— Я все сказал.

— Не хорохорься, Лаврентий. Через полчаса будешь в ногах у исполнителя ползать, «Интернационал» петь. А мы бу-

дем строить социалистическое будущее. Что ты мне хотел сказать?

— Мне нечего сказать.

— Тогда прощай. Теперь уж совсем прощай. А то я думал, что ты хочешь дать дополнительные показания.

Берия стоял, не двигался, словно ждал, когда войдет конвоир.

Никто не входил. В комнате было очень тихо — она была спрятана на много метров под землей. Даже слышно было, как дышит Хрущев — быстро и резко. Берия слышал и свой пульс — почему-то в шее, справа.

Потом пришло озарение. Такое озарение приходит от бога, с неба, оно не придумывается в голове.

— Если бы партия дала мне возможность, я бы дал показания на деятельность некоторых руководителей нашего государства. Я не давал этих показаний раньше...

— Почему не давал? — Хрущев был настойчив, как охотничья собака, которая взяла след и рванулась с поводка.

— Вопрос стоял о партийной этике, Никита Сергеевич. — Лаврентий Павлович пытался ухватить нужный тон. Именно сейчас решается, правы ли тибетские мудрецы из городка Шамбала.

— Конкретнее.

— Речь шла о моих старых товарищах, много сделавших для партии и государства. Мог ли я докладывать о них?

— Даже когда речь шла о твоей жизни?

— Я скажу тебе честно, Никита Сергеевич. — Берия дрожал, ему было холодно. Он видел выход, как говорится — свет в конце туннеля, но кто даст ему добежать до этого конца? — Меня бы все равно приговорили. Днем позже, днем раньше. И приговорили бы именно те товарищи, которые сегодня узурпировали власть в стране и боятся меня хуже смерти.

— Конкретно. Кто конкретно?

«А теперь не спеши, Лаврентий. Теперь пойми, что ставка — твоя собственная жизнь. Ты должен назвать имена главных и самых опасных соперников Никиты. Не тех, кого в самом деле надо считать его соперниками, а тех, кого он больше всего боится».

— Я предпочел бы изложить свои соображения в письменной форме, — решился Берия. — Мне нужно время, чтобы все вспомнить и сформулировать.

— Нет у тебя такого времени, — сказал Никита. — Нет времени. Ты приговорен. Уже сейчас... — Никита посмотрел на

ручные часы. Берия заметил, что они показывают двадцать минут восьмого. Вечера? Утра? А так ли это важно? — Уже сейчас ты живешь взаймы. Ты расстрелян. И весь Союз будет знать, что ты уже расстрелян. Так что говори, караул ждет.

Берия глубоко вздохнул.

Теперь он в своей обстановке. Это своя игра, и тут у Хрущева нет особых преимуществ.

— Все! — взбесился Хрущев, словно его укусила гадюка. — Ты мертвец! Врал ты все, не знаешь ничего нового.

— Я знаю, — просто и доверительно ответил Берия. Только акцент у него стал еще тяжелее, чем в начале беседы. — Я знаю очень много.

— Где эти документы?

— Не документы. Зачем мне документы-мокументы? Я в голове все держу.

— Выбьем!

— Вряд ли, — сказал Берия. — Что ты выбьешь?

— Все!

— А если отвяжешься от меня, дашь мне время и возможность, получишь не только фамилии — ты получишь иностранные связи, ты получишь шпионскую сеть, ты получишь заговор против самого себя. Все будет на столе.

— Торгуешься? — Хрущев вытащил гребешок — маленький, пластмассовый, дешевый — и стал нервно причесывать лысину. — Не выйдет. Ты мертвец!

— Не надо было звать меня, — сказал Берия.

Хрущев засунул гребешок в верхний карман пиджака, будто успокоился, причесавшись.

— Все же скажи фамилии, — сказал он спокойнее, ровнее.

— Близкие к тебе люди, Никита Сергеевич.

Тон был правильным. И даже сочетание второго лица с отчеством.

— Фамилии!

— Мне нужно будет немного, — сказал Берия. — Мне нужно будет... можно я сяду?

— Ноги дрожать устали?

— А тебя, Никита Сергеевич, приговаривали к смерти?

— Думаю, если бы не Хозяин, ты бы меня давно убрал.

— Были на тебя материалы, — признался Берия с товарищеской искренностью. — Серьезные материалы.

— Какие же?

— О репрессиях на Украине, о процессах в Москве, твое письмо Хозяину по Бухарину...

— Стой!

«Дурак я, старый дурак, — подумал Берия. — Об этом говорить нельзя! Неужели я все погубил? Именно сейчас, когда блеснула надежда?»

Хрущев молчал.

— Ты боишься, сволочь, — сказал он наконец.

Берия сдержался от естественного и правдивого ответа: «И ты ненамного лучше меня, Никита».

Вместо этого он произнес:

— Я не дал хода делу.

— А кто тебя просил об этом?

— Многие просили. Включая Хозяина.

— И что же тебя остановило?

— Сегодняшний день. Я допускал, что он может прийти. И тогда ты мне будешь нужен как друг. А не как злобный враг.

— Мудришь и крутишь. Ты не выносил соперников.

И опять Берия подавил в себе фразу: «Ты мне не соперник».

Тем более что фраза в конечном счете прозвучала бы глупо — приговоренный к смерти не критикует своего палача.

— Я все документы уничтожил. Почти все...

— И про других документы уничтожил?

Идет торговля. Ну что ж, украинский куркуль, выстоишь ли ты против мингрельского рыцаря?

— Теперь уже все равно, — вздохнул Лаврентий Павлович.

— Почему все равно? Для партии это не все равно.

— Я — человек конченый, я разоружился перед партией, но партия меня отвергла, Никита Сергеевич, ты же знаешь.

— Сам виноват. Значит, не разоружился.

«Каждая минута, — говорил себе Лаврентий Павлович, — каждая секунда разговора увеличивает мои шансы». Он знал этот закон: если разбойник с тобой разговаривает, а не стреляет сразу, дай ему говорить.

— Послушай, Никита Сергеевич, — сказал Лаврентий Павлович, стараясь отыскать нужный тон — не наглый, не просящий. Тон собеседника. Не то чтобы совсем равного — это может рассердить, но и не униженно просящего. — Ты лучше всех знаешь, что мое положение в Политбюро позволяло мне узнавать о некоторых событиях раньше, чем их участники.

Никита не улыбнулся. Но и не оборвал его.

— Кое-что я прятал в сейфе, кое-что докладывал Иосифу Виссарионовичу. Но были такие вещи, которые я мог докладывать только сюда. — Он постучал себя по виску костяшками пальцев.

— Значит, мы правильно сделали, — вдруг заговорил Хрущев, — что тебя уничтожили. Пока ты живой, от тебя всегда может исходить клевета, яд, вонючая каша.

— Ну уж вонючая каша! — Слово было противно Лаврентию Павловичу. Оно звучало плохо и несправедливо. — Зачем словами бросаться? Мы взрослые люди, руководители великой державы...

— Помолчи, — оборвал его Хрущев.

«Я совершил ошибку? Я не так сказал? Но в чем? В чем моя ошибка?»

Он даже не удержался, обернулся, кинул взгляд на закрытую дверь.

Никита хмыкнул. Он почувствовал страх Берии, и страх ему был приятен.

Хрущев рассердился на самом деле из-за того, что сообразил, как неправильно ведет себя: дал уцепиться Берии за кончик веревочки, и тот, придя сюда как приговоренный, через десять минут посмел назвать себя руководителем державы. И Хрущев понял, что никогда, ни при каких обстоятельствах не выпустит Берию на свободу, не оставит в живых. На свободе он обязательно отыщет способ отомстить... одному из них на свете не жить.

Но это не означает, что не следует выжать из Лаврентия все, до последней капли. До этой минуты Лаврентий давал показания на гласном суде, где имел возможность и желание, даже под угрозой смерти, таить важные и, может, решающие для СССР факты. Надо это изменить.

— Лаврентий Павлович, — сказал Хрущев, — ты приговорен к смерти, я ничего не могу тебе обещать. Уж очень велики твои преступления перед партией и народом. Но я полагаю, что тебя еще рано казнить. Ты еще можешь пригодиться партии.

Никита Сергеевич сделал паузу, и Берия нарушил ее:

— Я готов выполнить любое задание партии.

— Да помолчи ты, не во вражеский тыл с бомбой посылаем. Задание твое — остаться в этом подвале.

— Зачем?

— Чтобы окончательно разоружиться... Потому что сейчас ты даже смерти недостоин.

— Я готов, — поспешил сказать Берия.

— Мне интересно узнать, — Хрущев проговорился, нару-

шив правило — говорить только от имени партии, — в какие отношения вступали за спиной у партии некоторые члены Политбюро, какой заговор они готовили... если, конечно, они готовили какой-нибудь заговор.

— Кого именно ты имеешь в виду, Никита Сергеевич?

— А ты подумай, кто замышлял, кто устраивал заговоры, ты скажи всю правду партии. И если в наших рядах есть невиновные, то на них не следует напраслину возводить. Ни в коем случае. Меня интересует только объективная информация. Мы, как ты знаешь, решили восстановить ленинские нормы партийной и общественной жизни.

— Я сам настаивал...

— Помолчи. И поэтому совершенно недопустимы наговоры на верных сынов и дочерей нашей партии. За это мы будем беспощадно карать, товарищ Берия.

Что за оговорка!

— Но если вы знаете нечто важное, государственно важное, то придется вам об этом рассказать. Понял?

Хрущев поглядел в глаза Берии — получилось неубедительно: Хрущеву не удалось вогнать себя в истинно гневное состояние.

— Как конкретно, понимаешь... это делать будем? — спросил Берия.

— Конкретно — сядешь и напишешь. И не то, что в бумаженциях, — это мы уже изучили. Конкретно, по именам, никого не жалей. И если знаешь что обо мне — пиши, говори, невзирая, понимаешь?

— А мне бумаги не дают, — сказал Берия. Это был не самый умный ответ, даже глупый, но Хрущеву он понравился.

— Значит, так, — сказал он. — Ты расстрелян, Лаврентий Павлович. Казнен по приговору суда.

Хрущев посмотрел на большие наручные часы.

— Полчаса назад расстрелян. Труп твой, как понимаешь, кинули собакам.

— А вот это недопустимо! — почему-то вырвалось у Лаврентия Павловича. Хотя в той ситуации метод расправы с телом не играл решающей роли.

— Удивительный ты человек, Лаврентий, — сказал Хрущев. — Какие могут быть запросы?

— Я — грузин, Никита Сергеевич. Для нас, жителей Кавказа, надругательство над телом мертвого врага — позор для убийцы!

— А значит, ты никогда... ни разу? Все твои враги похоронены под оркестр на Новодевичьем кладбище?

«Он еще улыбается! Ну, я до тебя доберусь, сука!»

Берия отвел глаза — они его выдают. Но теперь он знал: тибетские мудрецы не соврали — он выберется отсюда, он еще покажет этому хохлацкому недоумку!

— Молчишь? Ну и правильно делаешь. Кавказец нашелся! Да твое имя на Кавказе будет проклятием!

— Врешь! Я национальный герой грузинского народа!

— Я тебе больше скажу. Твои грузины, конечно, нуждаются в святом, в пророке. Так они пророком Сталина сделают. Молиться ему будут, тело его из нашего Мавзолея к себе в Гори утащат, будут там шахсей-вахсей вокруг танцевать!

— Это мусульмане — шахсей-вахсей.

— А, все равно, все вы чернозадые.

— Мы христиане.

— Вы христиане? А кто у нас большевик-ленинец, кто у нас интернационалист?

Как тянуло Лаврентия Павловича оборвать эти кощунственные провокационные высказывания. Но надо терпеть. Настоящий великий человек отличается от политического авантюриста тем, что умеет терпеть. И ждет нужного момента, чтобы ударить внезапно и беспощадно. Этому нас учил великий Сталин.

— Сталина твои грузины святым сделают, — повторил Хрущев. — Для того чтобы твое имя с навозом смешать. Так удобнее — есть мерзавец и есть святой. Я тебе точно говорю.

— Я устал, — сказал Берия, — меня ноги не держат.

— Что делать, — вздохнул Хрущев, — второго стула в комнате нет, сам видишь.

— Я на пол сяду, — сказал Берия.

Ему стало все равно. Он уже немолодой человек, он провел много недель в ожидании ужасной несправедливой смерти. Он совершал ошибки в жизни, и его можно критиковать, но за что же его так мучить?

— Ты получишь бумагу и канцелярские принадлежности, — сказал Хрущев. — Ты будешь работать, ты запишешь все, что хранится в твоей голове. Я буду знакомиться с твоими писаниями и, может, даже еще побеседую с тобой. Но теперь учти одну вещь и заруби ее себе на носу: для всего мира, включая нашу партию, включая членов Политбюро, — ты умер. Тебя нет. Ты — горстка пепла в общей могиле. И ты не заслуживаешь иной участи, потому что земля еще не носила

такого злодея и убийцу, как ты. В любой момент я могу прекратить эту отсрочку и ликвидировать тебя.

— Зачем мне писать? — Берия переступил с ноги на ногу. Его охватила та тупость, что бывала на экзамене, — становится все равно, только кончайте ваш экзамен, господин учитель.

— Ты будешь писать, — сказал Хрущев. — Потому что, пока ты пишешь, у тебя остается надежда, что я тебя помилую. Или надежда на то, что меня сковырнут дорогие мои товарищи и соратники — знаю я им цену! Ты будешь писать, потому что надеешься, что я использую тебя как союзника — тайного или явного, что ты понадобишься мне как неожиданный свидетель на каком-то еще процессе. Понимаешь?

— Мне приходилось давать такие обещания, — сказал Берия.

— А я тебе не даю обещаний. Я тебе обещаю, что тебя расстреляют, как только ты напишешь последнее слово. Но не пытайся тянуть время. Может, я тебе дам неделю, может, месяц... может, до Нового года. Но я тебя потом расстреляю, потому что кому нужен человек, уже казненный, а?

И Хрущев засмеялся — громко и ненатурально.

Он не вставал, но подал какой-то знак — наверное, под столешницей была кнопка.

Дверь заскрипела, вошел незнакомый капитан.

— Уведите, — сказал Хрущев.

— До свидания, Никита Сергеевич, — сказал Берия.

Хрущев не ответил и не посмотрел на него. Это был плохой знак.

Но ведь человека не убили в день, когда должны были убить.

Новая камера была совсем другой. Правда, тоже без окна.

Койка застелена простынкой — простыней Берия давно не видел. И подушка в наволочке. Откуда-то притащили канцелярский стол без ящиков. Стопка бумаги для пишущей машинки, нелинованная — он сразу попросил линованной, и ему принесли две толстые общие тетради в синих клеенчатых обложках. Писать пришлось карандашами, карандашей было три — если затуплялись, можно позвать, чтобы сменили, — но он рассчитывал так, что трех заточенных карандашей хватало на рабочий день.

Он установил себе рабочий день в четыре часа. Но это не значило, что Лаврентий Павлович строчил не переставая. Он

думал. Только приняв решение, писал строчку или две. Он вел себя как поэт, создающий эпическую поэму, — поэт ищет рифмы, старается не выпасть из размера, не нарушить гармонии.

Помимо того, что спешка не входила в планы Лаврентия Павловича, он должен был идти правильным руслом, должен был дать компромат на своих коллег по Политбюро, но сделать это так, чтобы обвинения были серьезными и в то же время не погубили бы его, если Хрущев падет, дверь откроется и в проеме окажется Георгий Максимилианович Маленков.

Лаврентий Павлович решил, что Хрущев его не убьет. Что со временем он будет все нужнее новому вождю: в своей борьбе Хрущев будет вынужден опираться на сведения, находившиеся в светлой голове шефа Госбезопасности. Они станут союзниками.

Беда заключалась в том, что, составляя досье на Маленкова и Молотова — главных врагов, — Берия не знал, что же происходит снаружи. Газет ему, естественно, не давали, радио в «номере» не было. Попытки разговорить охранников ни к чему не приводили. Охраняли его военные — опять военные, но не те, что подчинялись Москаленке и Жукову, а какие-то другие военные. И Берия никак не мог раскусить — кто их шеф. Он знал, что армия, как и партия, также делится на смертельно враждующие кланы, он отлично помнил, как на процессе Тухачевского и Гамарника Сталин разделался с ними руками Блюхера и Егорова, чтобы вскоре на следующем процессе судить Блюхера и Егорова руками следующего поколения маршалов.

Значит, как ни крути — ставку можно делать только на Хрущева.

Его присутствие рядом он ощущал все время — показания, отправленные из камеры, возвращались порой с пометками на полях. Почерк принадлежал Никите. И выражения его: не всегда грамотные, но с чувством.

По этим замечаниям Берия понимал, что Хрущев остается у власти — иначе бы ему и не требовались показания на соратников. И кроме того, он понимал, куда клонит Хрущев, чего ему надо.

Сначала он желал, чтобы основные показания шли против Маленкова. Причем его интересовали не высказывания Маленкова против Хозяина, партии и лично товарища Никиты Сергеевича. Нет, он должен был стать во главе шпионского центра, нужны были связи с США и особенно желательно с

Израилем, отношения с которым испортились еще при Иосифе Виссарионовиче, когда начали громить врачей-убийц.

Затем — судя по подсчетам Лаврентия Павловича, лишенного даже самого паршивого календарика, к началу декабря — понадобилось включить в заговор и Ворошилова. Чем-то Ворошилов насолил. Но главным руководителем иностранного центра в Москве должен был стать Каганович. Что ж, насолим Лазарю.

Лаврентий Павлович попросил женщину. Пускай она не будет красавицей, но отсутствие женской любви приводит к нарушениям в организме, привыкшем к любовным утехам. Он уже не может логически рассуждать и начинает страдать забывчивостью.

Для того чтобы это пожелание дошло до глаз Никиты, Берия вписал его в качестве отдельного абзаца в общие рассуждения о преступлениях Кагановича.

Бумага возвратилась на следующий день.

На полях возле абзаца было написано очень неприлично.

В общем, отказ в грубой форме и с насмешкой, касающейся грузинского народа в целом. Лаврентий Павлович был взбешен, он поклялся себе, что, когда выйдет на свободу и посадит в клетку этого Хрущева, в первую очередь отрежет ему яйца. Вот именно! И пускай весь народ знает об этом недостатке покойного Никиты Сергеевича.

Когда Хрущев отказался в такой грубой форме прислать женщину, Берия встревожился. Конечно, он утешал себя верой в могущество тибетских астрологов, но астрологи где-то там, а автоматчики здесь. И если Хрущев решит, что надобность в Лаврентии Павловиче миновала, он не постесняется отдать приказ.

Лаврентий Павлович все ждал успешного заговора против Хрущева. Ждал, надеялся и трепетал. Все зависит от того, кто придет к власти. Если те, кем Берия в своих подневольных записках не занимался, не разоблачал, — есть шансы остаться в живых. Но если победит Маленков или, что еще хуже, — Каганович, то все, беспощадно.

Но вроде бы Хрущев укрепляется на троне. Судить об этом Берия мог только по поведению самого Хрущева, то есть по его заметкам на полях рукописи, то есть по интересу к тому или иному сотоварищу. А раз Хрущев укрепился, то ему не нужны подпорки вроде воспоминаний Лаврентия Павловича.

И вот наступил день, когда Берия, сдавши очередную порцию показаний, не получил наутро карандашей и тетрадку.

Утро было самым обыкновенным. Он проснулся от того, что загремел засов. Теперь он в камере жил один, без наблюдателя: не боялись, что он сотворит с собой что-нибудь. Ему даже вернули очки, хотя преступник может очки разбить и разрезать себе вены — такие случаи в практике органов известны.

Пришел капитан, которого Берия называл Колей, хотя неизвестно, настоящее ли это было имя. Может, и настоящее. Коля был подобрее Ивана, он иногда разговаривал. Вот и сейчас сказал:

— Доброе утро. Вставайте.

Он поставил на стол поднос, на котором лежал кусок хлеба, стояла миска с кашей и кружка с чаем. На куске хлеба — два кирпичика рафинада.

Не вставая, Берия сказал:

— Сегодня какое?

— Не знаете, что ли?

В тоне капитана возникло человеческое сочувствие. Что это может быть? День Сталинской Конституции? Нет, он прошел. День Рождения Хозяина? Конечно же, день рождения Сталина.

— День рождения Иосифа Виссарионовича? — спросил Берия. Теперь все зависело от того, как откликнется на догадку капитан. А вдруг он свой?

— Чего несете? — Капитан, наоборот, вопреки ожиданию как-то скис, будто Берия сказал неприятное.

— Простите, если я что не так сказал. — Берия слышал просительные интонации в собственном голосе. Это было совсем плохо.

— Новый год завтра, — сказал капитан. — Тридцать первое сегодня. А завтра Новый год. Пятьдесят четвертый.

Капитан поставил поднос на стол и повернулся к двери.

Берия сел на койке.

Что-то было неправильно.

— Стой, — сказал он. — Я же тебе вчера говорил! У меня бумага кончилась. И карандаши. Слышишь? Мне сегодня работать, а у меня бумага кончилась.

— Знаю, — сказал капитан от двери. — Я уже спрашивал. Я говорю, у него бумага кончилась.

— И что?

— Сказали, не нужна ему больше бумага. Не понадобится. Он свое написал.

Берия старался сообразить, что надо сказать, как убедить

капитана, что бумагу надо нести. Кончится бумага — его убьют. Пока он так думал, капитан закрыл дверь.

Берия вскочил, пробежал к параше. У него и без того было плохо с кишечником, а сегодня — нервы не выдержали — катастрофа.

Он сидел на параше — и не мог встать, чтобы постучать в дверь и вызвать начальника. Доказать ему, что произошла ошибка. И тот поймет, согласится и скажет — да, произошла ошибка.

Завтракать он не смог. Только похлебал чаю.

Он постарался взять себя в руки и думать. Спокойно думать. Если поддашься панике — то погибнешь. Так он уговаривал себя, но его слушал лишь махонький уголочек мозга. Все тело бешено надеялось на спасение, придумывало за него черт знает что — может быть, к примеру, тридцать первого работать здесь не положено, такое в тюрьме внутреннее правило — день отдыха! Конечно же, день отдыха.

«Дурак, — отмечал трезвый уголок в мозгу. — Тебе даже не положено знать, какой сегодня день. Это капитан тебя пожалел. Ведь ты на ноябрьские работал? Работал, давали бумагу...»

Он стал стучать в дверь, но стучал не очень громко.

Глазок открылся.

— Простите, — сказал Лаврентий Павлович, — мне бумагу не принесли.

— Ждите, — ответил бесплотный голос. Но не отказал.

Берия ждал долго, может быть, часа два или три. Он считал про себя секунды, но никак не смог считать ровно — то торопился, то заставлял себя тормозить, считать размеренно.

— Сейчас принесут, — сказал он вслух.

Никто его не слышал. Он был один на этом свете, один на Земле, остальные померли.

И когда он, не выдержав, кинулся к двери, она сама открылась навстречу.

Вошли другой капитан и полковник, здешний начальник, его за эти недели Берия видел мельком и не разговаривал с ним.

— Сдайте очки, — приказал он, — ремень, ботинки.

— Почему? Я ничего плохого не сделал.

— Заключенный номер шестьсот двадцать пять, выполняйте и не заставляйте меня прибегать к мерам физического воздействия.

Берия послушно снял очки, вытащил ремень из брюк.

— А как же я без ботинок пойду? — спросил он вежливо.

— Недалеко идти, — сказал полковник.

— А когда идти?

— Скажут, — ответил полковник. И приказал другому капитану унести нетронутый завтрак.

И когда снова закрылась дверь и он остался без очков, без ботинок — сразу стали мерзнуть ноги, пришлось подобрать их под себя, — им овладело оцепенение. «Проклятые тибетские мудрецы... Никита, как ты поймал меня, Никита! А ведь я должен был с самого начала сообразить, что чем больше я напишу, тем скорее он меня потом прихлопнет. Я знал это, но думал, что обойдется. Все люди так устроены...»

Он закутался в одеяло и сидел нахохлившись, порой мелко дрожа, порой забываясь в дреме — спасительный сон старался помочь Лаврентию Павловичу, но был хлипок и рвался, как ветхая марля.

Он не знал, сколько прошло времени и идет ли оно вообще.

Потом пришел капитан, утренний, Коля.

Он принес суп и хлеб. И кружку чая.

— Это обед? — спросил Берия.

— Считайте, ужин. — В капитане не было жестокости. — Я сменяюсь. А вы поспите.

— Вряд ли я высплюсь как следует.

— До утра времени много. Так и с ума сойти можно, — сказал капитан.

— Я был бы рад.

— Ну это вы зря, — сказал капитан. — Надо держаться.

— Сколько до Нового года? — спросил Берия.

— Думаю, успею до дому доехать. Мне на трамвае.

Берия вдруг подумал: «Сейчас я его задушу, переоденусь в его мундир и приеду к нему домой...»

Может, он даже совершил какое-нибудь движение, потому что капитан отпрянул к двери. Взгляд его стал испуганным.

— Вы что? — спросил он из спасительного дверного проема.

— Скажи, сколько сейчас времени, — попросил Берия.

Капитан посмотрел на часы.

— Двадцать один двадцать, — сказал он.

— А когда... за мной придут?

— Назначено на пять ноль-ноль. Но могут проспать. Вы же знаете, что у нас порядка нет.

— При мне порядок был, — жестко ответил Лаврентий Павлович. — Иди.

— С наступающим, — сказал капитан.

Берия не ответил. Он сидел с ногами на койке и не смотрел на капитана. Он и не слышал его.

Капитан ушел, а Берия думал.

Он думал о том, как бы ему не умереть. Он не может умереть. Он слишком много знает о смерти, слишком много видел смертей — ему туда нельзя.

Он был неподвижен.

Полковник, который не пошел встречать Новый год — такой был приказ сверху, и за это ненавидел смертника, — выпивал вместе со своим замполитом в кабинете. Он раза два поднимался, подходил к камере Берии, заглядывал в «глазок». Тот сидел неподвижно, как какой-то абрек на молитве. Глаза у него были закрыты. Может, молился?

Полковник уходил к себе.

А Лаврентий вдруг понял — он с ними не останется!

Он не останется с ними в будущем году, он не будет здесь завтра на рассвете. Он уйдет: он не знал, как уйдет, но главное было — не пропустить момент Нового года — единственный момент, когда можно вырваться из этой жизни.

Его слух приобрел невероятную силу и тонкость.

Он даже различал голос диктора, он даже услышал, как начали бить часы...

«Они не убьют меня...»

Нелепая, а может, и понятная мысль пришла в голову полковника, когда они с замполитом подняли по чарке за здоровье, за родных, за народ.

Он налил в стакан водки и сказал:

— Отнесем ему?

— Ох, рискуешь, Тимофеевич, — сказал замполит.

— Настучишь на меня?

— Нет, Тимофеевич, но с тобой туда не пойду. И знать не хочу, куда ты со стаканом пошел.

— Твое дело партийное, — сказал полковник, положил поверх стакана толстый шмат сала и пошел по коридору к единственной камере в этом каземате.

Возле двери сидел на корточках сержант — из внутренней стражи. Он вскочил.

— Сиди, — сказал ему полковник. — Сейчас я пришлю тебе смену. Утро скоро начнется. Исполнителя привезут.

Сержант слушал молча.

— Посмотри, — сказал полковник.

Сержант заглянул в «глазок».

Потом выпрямился и сказал:

— Но там тихо было, я как раз перед боем курантов заглядывал.

— Что, мать твою? — Полковник сразу понял, что случилось страшное.

Сержант открыл засов.

Полковник ворвался внутрь.

Камера была пуста.

Он кинул стакан и разбил его об пол и тут же пожалел, что разбил, — надо было выпить.

Потом это спасло его, говорят, от расстрела, потому что следствие не нашло опьянения.

Камера была пуста.

Выйти Берии было некуда, но он вышел. Такова самая большая тайна.

* * *

Все равно его собирались расстрелять на рассвете 1 января 1954 года. А объявили об этом уже несколько месяцев назад.

И никто не стал разбираться.

Когда у нас отправляют в никуда политического деятеля, о нем принято забывать. Попросите перечислить наших президентов, нет, не мальчишку с улицы, а любого доктора наук. Многие из них вспомнят Шверника или Подгорного? Их и через неделю после падения или отставки никто в лица не знал, хотя еще недавно любовались большими портретами во время праздничных демонстраций.

А уж если кого расстреляли, то забыть его — дело чести, доблести и геройства. Ну и конечно, самосохранения.

Кто такой Берия? Не слышал такой фамилии-мамилии! Мало ли какие авантюристы продавались царской охранке или немецкой разведке? Мы-то никому не продавались. Нас никто и не предлагал купить!

Исчез Берия из камеры — и исчез.

Мог бы так же исчезнуть в каком-нибудь другом месте.

Некоторое время беспокоился один человек — Хрущев. Он-то знал, что Берию не расстреляли. Потому опасался, а вдруг Лаврентий Павлович объявится в каком-нибудь неподходящем месте?

Но потом, по прошествии лет, перестал бояться.

Забыл о таком человеке и его странной судьбе.

Мне как-то пришлось попасть в дом, где сохранилось несколько папок и коробок с остатками «дела Берии». Там были свалены в кучу конверты с фотографиями сексуальных партнерш Лаврентия Павловича с заметками полковника Саркисова на обратной стороне, какого числа данная гражданка вступила в половую связь с гражданином Берией и сколько раз в этой связи состояла. Там лежат разорванные пачки от папирос «Север». На обороте — записки Берии прокурору Руденко с просьбой вмешаться и восстановить справедливость. Там много семейных фотографий — Лаврентий с женой и соратником Шарией на пляже, там сложены пачками семейные телеграммы, паспорта и дипломы. Страннейший набор вещей и документов, не уместившихся в обвинительном заключении и недостойных попасть в архив. Хотя порой там встречались бумаги иного звучания. К примеру, письмо Берии Кобулову с просьбой расстрелять к утру следующих граждан...

Глава 2

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Берия потерял сознание. От страха и внутреннего сопротивления тому, что с ним вскоре случится.

Это он понял, когда очнулся.

Потому что был жив.

Но сколько прошло времени после яростного припадка отрицания действительности, он не понял.

Потому что было совершенно темно.

Видно, в камере перегорела лампочка.

Здесь всегда было тихо, до отвращения тихо, — подземная тюрьма! Но сейчас тишина даже давила на уши, такой абсолютной она оказалась.

Сколько времени он был без сознания?

Берия пошарил руками вокруг себя, рядом валялось смятое одеяло. Кровать была холодной. Но в самой камере — не то чтобы совсем холодно и даже не зябко, а подвально. Бывает же в подвале не очень холодно. Но воздух там особенный.

Там пахнет сырой пылью.

Лаврентий Павлович встал на пол. Пол был цементный, холодный, а Лаврентий Павлович был босиком. Почему босиком? Ах да! У него же отобрали перед смертью ботинки!

Берия пошел направо, потому что направо должна быть дверь.

Чуть сбился с пути, ударился ногой о рукомойник, отшатнулся — в темноте трудно рассчитывать движения, — задел ногой парашу. К счастью, пустую, она зазвенела, как кастрюля.

Наконец он у двери.

Ощупал пальцами холодную шершавую поверхность. Вот и «глазок». Ни звука, ни движения снаружи, хоть Лаврентий Павлович и приложил ухо к щели. Ему не хотелось стучать в дверь — посетила дикая мысль, что о нем забыли, ушли встречать Новый год и забыли. И может, о нем и не вспомнят больше...

Но тут же он чуть было не засмеялся, трезво оценив такую надежду.

Забыли? В подземелье? И он теперь помрет с голоду, а через двадцать лет будут проводить инвентаризацию секретных объектов и найдут высохший скелет бывшего министра и члена Политбюро...

Никто ничего не забывает.

У нас так не принято.

Значит, что-то случилось. Какое-то ЧП. Может быть, все-таки произошел долгожданный переворот? Но почему тогда его не ищут? А потому не ищут, понял Берия, что никто и не подозревает о том, что он жив. Охрана сбежала, дверь закрыта, объект пустой. Ну кто сюда сунется, особенно если они обесточили подземелье? Как дать знать о себе?

И тогда Лаврентий Павлович решился. Он принялся бить кулаком по железной двери, удары были громкими. Но не раскатистыми. Звуки как бы застревали в темной пустоте.

Ощупью Берия возвратился в центр камеры и принялся водить рукой по столу. Стол был чист. Тогда он наклонился и нащупал табурет — тяжелый и крепкий. Он подошел к двери, прижал табурет сиденьем к животу и принялся тыкать ножками в дверь, потом совсем разозлился и стал бить им с размаху, занося над головой, как колун. Звук был громче, но недостаточно, чтобы кто-то услышал.

Берия отбросил табурет и оперся о дверь.

Что-то надо придумать. Он устал. И голова устала думать. Нервный срыв. Все же не мальчик, а над ним так издеваются.

Глаза настолько устали смотреть в кромешную темноту, что в них крутились светящиеся червячки, да и сама голова кружилась — порой казалось, что падаешь, и хотелось одного — лечь и замереть.

Он уже знал — никого в этой тюрьме нет. И не будет.

И ему суждено теперь подохнуть от голода и жажды в этом каменном мешке. И это не плод его больного воображения, это не сон — он может ущипнуть себя, ударить, сделать себе больно...

Он смертельно устал стучать и кричать, биться, как мышь в мышеловке.

Лаврентий Павлович нащупал в темноте койку, натянул на себя одеяло и накрылся им. Теплее не стало — впрочем, ему и раньше не было зябко.

Надо заснуть, думал он. Надо заснуть, потому что тогда появляются шансы на то, что это все приснилось. Вот именно — это страшный сон. А когда он начался? Если он начался вчера, то есть сегодня под Новый год, тогда лучше не просыпаться — а то проснешься от того, что в дверь входят палачи. Может, сон начался, когда его арестовали свои же товарищи по партии, ничем не менее жестокие и уж куда более подлые, чем он.

Тогда тоже не надо просыпаться...

Лежа с головой под солдатским одеялом, Берия понял, что сон как выход из тупика его не устраивает. И даже лучше погибнуть здесь самому в одиночестве, а не от пули какого-то мерзавца.

Время для Лаврентия Павловича перестало существовать.

Пытка, которой его подвергли — а ему виделась в темноте и тишине изысканная пытка злобных врагов, — растянулась в бесконечности. А как человек может определить длительность пытки? Ведь он уже полгода как живет вне времени, не видя дневного света, а в последние дни — часы? — он лишен и света вообще.

Как-то Лаврентию Павловичу доложили, что есть такие специалисты — спелеологи, которые забираются в пещеры и там сидят по нескольку дней, чтобы сделать какие-то опыты. Он велел тогда отыскать ему этих спелеологов, чтобы они полазили по подвалам и подземным ходам вокруг Кремля, поискали библиотеку Ивана Грозного. А на самом деле его интересовала не библиотека, а возможность пробраться в Кремль. Потом спелеологов, которые никакой библиотеки не отыскали, зато нашли несколько неучтенных ходов и туннелей, пришлось ликвидировать, чтобы не лазили куда ни попадя. Но образ людей, которые сидят в кромешной тьме, остался неприятным воспоминанием. Неужели и ему придется завершить свой жизненный путь в пещере? Спелеолог вздернутый!

Он никак не мог заснуть. Хотя, конечно, он не был уверен

в том, что ни разу не заснул. Все равно глаза закрыты. Или открыты.

Порой он вставал, подходил к двери, стучал в нее, не надеясь услышать ответа. Потом снова лег на койку.

Он сам удивился тому, что не пьет и не ест, но не мучается от жажды и не умирает. Но его и на парашу не тянуло. Одно объяснение приходило на ум: времени прошло мало, слишком мало, только в этой темноте оно кажется длинным. Кажется, и все тут.

Он сходил с ума и отдавал себе в этом отчет. «Я схожу с ума, — говорил он в темноте. — И пускай это произойдет поскорее, потому что я тогда не буду переживать и бояться. А то по мне вчера или позавчера пробежал по груди таракан, и я чуть не умер от неожиданной спазмы страха. А может, и не было таракана?»

Однажды его слуху, невероятно обострившемуся от тишины, показалось, что по коридору кто-то бредет. Шлеп-шлеп — шаги, совсем не военные, домашние шаги.

Берия скатился с койки, побежал к двери. Стал стучать, никто не отозвался.

Он еще стучал. Кто-то подошел к двери и стал возиться с засовом.

— Вы кто? — спросил Лаврентий Павлович.

Тот человек не ответил. И снова стало страшно.

Казалось бы, сколько можно бояться? Разве может быть хуже?

Он отпрянул от двери и кинулся к койке — завернулся в одеяло и сообразил, как оно провоняло.

И тут он услышал, как скрипит засов.

Дверь чуть-чуть приоткрылась.

— Ох! — произнес кто-то.

В голосе было отвращение.

И дверь захлопнулась. А затем послышались уходящие шаги. Кто-то в тапочках или шлепанцах спешил прочь. Испугался.

Чего он испугался?

Своим испугом он снял страх с Лаврентия Павловича.

Берия вновь поднялся с койки, накинул на плечи одеяло и пошел к двери. Только бы тот, который убежал, не закрыл ее вновь на засов.

Нет, дверь — невероятно, но это случилось, — дверь легко поддалась.

За ней была такая же темень, как и внутри. Но совсем другой воздух, настолько другой, что показался отравленным. Берия даже отшатнулся обратно в застойную теплынь камеры. И вдруг понял, отчего сбежал его спаситель, — запах камеры был для него невыносимым.

«Интересно, сколько же прошло времени? Я, как Илья Муромец, тридцать три года сиднем просидел?»

Лаврентий Павлович провел рукой по лицу — бороды не было. Раньше брился каждый день, а порой, если важная встреча, то и вечером еще раз. А сейчас ничего, так, щетина незначительная... Значит, та же ночь.

Куда идти?

Наверное, следом за убежавшим спасителем.

И чего его принесло сюда?

А какое счастье, что принесло, — какая-то случайность, одна миллионная шанса. Но правы тибетские астрологи, правильно вычислили его гороскоп — ему еще жить и жить, он мужчина крепкий, даже одиночное заключение его не сломило.

Лаврентий Павлович пошел по темному коридору, придерживаясь рукой за стену, добрался до лестницы наверх, на четыре пролета. Он еле поднялся, такая одышка, видно, совсем отвыкли ходить мышцы ног. Но когда же будет свет?

А свет начался, когда он поднимался по четвертому пролету. Он скудно лился из коридора.

Лаврентий Павлович увидел его и возрадовался, словно те самые цыгане, которых вывела из джунглей старуха Изергиль. Он вспомнил, как Горький читал эту сказочку по личной просьбе Хозяина, а тот качал головой и шевелил губами — знал наизусть.

Лаврентий Павлович шел все медленнее, как бы оттягивая момент встречи со светом. Это только в сказках дурачье несется к лампочке, как мотыльки.

Свет выбивался из-под обыкновенной двери, из узкой щели.

Лаврентий Павлович постоял, глядя на светлую полоску, потом открыл дверь.

За дверью была обыкновенная служебная комната. Давным-давно пустая, и не потому, что пыльная, хотя и пыль была, а потому, что у нее было такое состояние.

В комнате было окно — совершенно невероятно, но в комнате было окно.

Он подошел к окну. Сердце билось, пропуская удары.

За окном — обширный пустырь, ограниченный железным сетчатым забором. В заборе — приоткрытые ворота.

А там дальше полз редкий, но непрозрачный туман.

Лаврентий Павлович боком сел на подоконник, чтобы не выпускать из виду пейзаж и подходы к объекту.

«Где же люди? — подумал он. — Как давно меня здесь не было».

Наверное, произошла атомная война, которую развязали империалисты, об этом предупреждала разведка, хотя в это ему самому верить не хотелось.

Но может быть, войну устроил Никита? В борьбе за власть — он же оголтелый, неподконтрольный.

Кто бы это ни сделал — все погибли. Так, может быть, если случилась цепная реакция, и сейчас земля заражена. Людей нет, но зараза оставалась.

Лаврентий Павлович вышел в скучный серый вестибюль и выглянул через застекленную дверь наружу. Солнца не видно, низкие облака какого-то осеннего неопределенного цвета. Освещение предвечернее, как бы специально подобрано для ослабевшего зрения.

Холода нет. Скорее — прохладно, и если говорить о температуре воздуха, то ее нет тоже. А когда температуры нет, ты быстро забываешь о ней, о погоде, об освещении.

Радиация, наверное, здесь опасна, но у Лаврентия Павловича не было с собой специального прибора, изобретенного неким Гейгером, позволявшего эту радиацию определить.

Лаврентию Павловичу было приятно осознавать, что память и умение быстро соображать его не покинули, несмотря на длительное заключение. Он перенес это испытание лучше многих других, которые сходили с ума или кончали с собой. Радиация, как он вспомнил, очень опасна в первые минуты, а потом разлетается в стороны. Наверное, большинство людей умерло от первой радиации, а те, кто остался, скрываются в других частях страны, так что вряд ли кому теперь есть дело до бывшего министра.

Но на всякий случай надо придумать себе псевдоним, партийный псевдоним, не в первый же раз приходится это делать. И если сказать, то и в муссаватистской разведке у Лаврентия была кличка. Он числился агентом у полковника Марченко-Алиева, но, естественно, делалось это для разоблачения планов муссаватистского отребья. Затем стало опасно вспоминать о романтическом периоде молодости, потому что Лаврентий Павлович, как орел, высоко взлетел, а внизу множились бескрылые враги. Верный друг Кобулов тогда достал из бакинского архива все его дело — маленькую папочку, и Бе-

рия положил его в свой сейф. Где-то теперь эта папочка? То, что ее нашли, сомнений не было: ведь среди обвинений на этом липовом суде была и строка о службе в муссаватистской охранке, и он тогда сказал — да, было, по поручению партии. Они пропустили это мимо ушей. И Руденко пропустил. А ведь еще недавно кричал о своей дружбе. Было же, было?

Выходить наружу Лаврентий Павлович не стал, а решил начать со здания.

Будем исследовать помещение, помня при том, что по крайней мере один человек здесь есть. Нечаянный спаситель Лаврентия Павловича.

— Эй! — негромко произнес Берия.

Гулко отозвалось эхо.

Справа Лаврентий Павлович увидел выгородку, барьерчик, за которым положено сидеть вахтеру.

Он подошел к барьеру и заглянул за него.

Опыт не подвел Лаврентия Павловича.

Прижатый толстым стеклом, на столе остался лист бумаги со списком комнат и телефонов. Хотя самого телефона на столе не осталось.

Берия приподнял стекло и вытащил список.

Кабинет директора института был на втором этаже. Лаврентию Павловичу стало любопытно, как можно было позвонить к нему, в тюрьму.

Телефоны были разлинованы по этажам. Второй этаж: директор и заместители. Третий — лаборатории. Четвертый — какие-то кабинеты. Там же бухгалтерия, плановый отдел... Первый этаж — совсем мало телефонов. Значит, не все записаны, даже вахтерам не положено знать.

«Комендатура-1», «Комендатура-2», «Спецкомендатура» — слишком много комендатур для одного института. А что ниже? В подвале? Всего один телефон. «Дежурный». Вот и все. Так и должно быть. При Лаврентии Павловиче тоже придерживались такой системы — если ты прячешь куда-то алмазик, то лучше в кучу стекол такого же размера. И чем меньше народу знает об алмазе, тем лучше.

Он пошел по коридору первого этажа, заглядывая в комнаты.

Странное впечатление оставалось от этих комнат.

Двери всех были открыты или по крайней мере не заперты.

Создавалось впечатление, что, уходя отсюда, люди брали вещи по странной логике. Например, стульев почти нигде не было, а вот столы остались. Ящики их были пусты, хотя в не-

которых можно было найти какие-то бланки, книжки для чтения, копирку, ластики, порой записки личного содержания, но ничего, что помогло бы Лаврентию Павловичу понять причины беды.

Зато на столе лежал перекидной календарь.

Вот его изучением Лаврентий Павлович и занялся.

Календарь был за 1953 год. Что и требовалось.

Владелец календаря был человеком аккуратным и не помещал в него секретных или каких-нибудь сомнительных записей.

Но вот 3 марта. Черным и красным карандашами комендант сделал на свободном поле рамочку и внутри написал: «Скончался наш Вождь и Учитель. Вечная слава! Мы осиротели».

Лаврентий Павлович перелистал календарь, не обращая внимания на значки и записи, значения которых ему все равно не понять. Его интересовали две даты. Во-первых, день, когда его сюда привезли.

Ничего особенного. Или почти ничего.

В нижнем углу маленькими аккуратными буквами написано: «Особый режим».

Можно предположить, что комендант знал о появлении здесь какого-то лица или об изменившихся обстоятельствах. Вернее всего, когда Берию привезли сюда, то подкрутили гайки, пугнули местное начальство. А теперь давай посмотрим, что он пишет... по поводу Нового года? Как случилось, что за мной не пришли на расстрел?

Последний листок календаря — 31 декабря.

Рыбный паек, написано чернилами. И ниже синим карандашом: *Поздравить Л. Л.*

Следующего листка нет.

Впрочем, его и быть не может. Даже если что и случилось — если война оборвала ход жизни, то в календаре это не отражено. Любой календарь кончается именно 31 декабря.

И все же обидно. Лаврентий Павлович перевернул страницу, поглядел на обороте. Конечно же, чисто.

Берия знал по собственному опыту, что новый календарь ставился на стол именно тридцать первого. А может быть, секретарша... какая, к черту, секретарша у простого коменданта или сотрудника комендатуры!

Поглядим повыше.

Уже обжившись в этом здании, потеряв опаску, Лаврентий Павлович поднялся на второй этаж, к директору. Интуиция его не обманула. В предбаннике на столе секретарши в верх-

нем, выдвинутом наполовину ящике лежала пачка листков — заготовленный перекидной календарь на 1954 год.

Заготовила, но не успела положить на стол шефу.

Берия заглянул и в кабинет. Там лежало опрокинутое кресло, в открытом шкафу висел плащ, хороший добротный серый плащ с квадратными широкими плечами. Берия тут же вспомнил, что он-то сам ходит как бродяга, закутавшись в одеяло, и первый же прохожий его сдаст куда следует.

Плащ был коротковат, но по ширине в самый раз. Значит, директор здесь был приземист и в теле. Жаль, что он не оставил хороших ботинок и костюма. И сорочки с галстуком.

«Не гневи судьбу, Лаврентий», — сказал он себе.

Он кинул взгляд на свои ноги — ноги были, к сожалению, босыми. Но холода он не чувствовал, и то хорошо.

С появлением плаща настроение немного улучшилось — если попался плащ, будут и ботинки. Доберемся до города, найдем людей, найдем одежду...

В плаще, куда более похожий на приличного человека, он снова вышел на улицу. Ну хоть бы сандалии, хоть бы резиновые сапоги!

Ведь не исключено, что именно на земле эта радиация остается дольше всего. Ты идешь, она в тебя сквозь голые пятки лезет! Да и вообще негигиенично и опасно ходить в его возрасте босиком по земле, когда неизвестно, какое стоит время года. *Земля не ледяная, но прохладная и голая.*

Лаврентий Павлович, мучимый такими мыслями, осторожно и с оглядкой шел по дороге, ведущей от фасада его тюрьмы. Ворота в решетке расступились. Он рассудил, что дорога обязательно упрется в шоссейку, а там уж разберемся по указателям, куда идти дальше, где переночевать и пообедать.

Надо сказать, что пейзаж по обе стороны дороги был странным и каким-то неправильным. Деревьев почти не было, а если и были, то высохшие, неживые, обломанные, а то и просто высокие пни. Такая вот полустепь протянулась далеко вперед, *тая в легком бесцветном тумане.* То есть местность была как бы открытая и в то же время ограниченная в видимости. Поэтому терялось ощущение перспективы, и когда Берия услышал, как играет какая-то дудочка или свирель, он не сразу даже сообразил, откуда доносится звук.

Он замер — потом увидел музыканта.

Впереди среди пней и редких стволов шел человек и играл

на свирели. Он шел по обочине, не глядя под ноги и не боясь споткнуться о корни или камни, которыми была усеяна местность вне узкой асфальтовой полосы.

— Эй! — крикнул Берия. — Погодите.

Человек не обернулся — может быть, не услышал, так как сам производил звуки, — он продолжал приплясывать, сам себе оркестр и сам себе танцор.

Берия пошел быстрее, он вдруг понял, что ему плевать, кто этот человек — беженец, псих или просто гуляка, — но оказалось, что больше всего на свете Лаврентий Павлович мечтает о человеке и хуже, чем смерть, — одиночество.

Человек не спешил, но шел так, что расстояние между ними *не сокращалось.*

И тут Берия выбежал на шоссе. Сам не сразу сообразил.

Теперь музыкант шагал по обочине шоссе, а Берия семенил за ним по центру асфальтовой полосы, перепрыгивая через трещины.

Дорожный указатель справа — «Матвеевская». Черт ее знает, какая Матвеевская и правильно ли мы бежим.

— Эй, постой!

Впереди показалась речка. Небольшая речка, но сотворившая себе за долгую жизнь глубокую долину, как бы громадный желоб, по которому она спокойно виляла, окаймленная по сторонам повалившимися заборами и пустыми грядками — когда-то местные жители здесь что-то сажали, а потом убежали.

Музыкант начал спускаться по тропинке, вниз от шоссе. Звук дудки, и без того прерывистый и негромкий, пропал, и Лаврентию Павловичу пришлось прибавить ходу, чтобы догнать мужчину.

Но когда он добежал до начала тропинки и поглядел вниз, то музыканта не было ни видно, ни слышно.

Лаврентий Павлович довольно долго стоял над крутым склоном, поводя головой и стараясь отыскать пропажу, но тщетно.

Впрочем, укрыться музыканту было негде, если не считать стоявших вдоль берега шалашей, сарайчиков и домиков в различных стадиях деградации.

Вернее всего, именно в одном из них и спрятался музыкант. Но идти туда и шарить по шалашам не хотелось, тем более босиком.

Он так и стоял в нерешительности, потом решил все же

спуститься к речке, посмотреть на бегущую воду — он соскучился по зрелищу живой воды.

Лаврентий Павлович начал спускаться по тропинке, глядя под ноги, чтобы не наступить на стекло или гвоздь, — в этих местах очень много опасного мусора.

Спустившись шагов на сто, он понял, что вокруг стало темнее — шалаши, заборы и загородки, а также иные остатки человеческой строительной деятельности были многочисленны, и он потерял свободу обзора.

Конечно, здесь никого не найдешь, а тропинка уже стала сырой, под ногами хлюпнуло. Еще шаг — и попадешь в болото, тем более неприятное, что в нем была не растительность, а валялись консервные банки.

Лаврентий Павлович поскользнулся и ухватился за тонкий столб. Удержавшись на ногах, он поднял взгляд, и оказалось, что он стоит перед металлическим листом, прибитым к двум толстым шестам. На листе очень приблизительно и аляповато был нарисован олень. Так рисуют оленей на дешевых базарных ковриках. А раньше таких зверей можно было увидеть в Тифлисе над дверью в духан.

Пока он рассматривал некстати появившегося тут оленя, рядом с ухом свистнуло, и железный лист задрожал от удара стрелы.

Да-да, самой обыкновенной стрелы, как у Робин Гуда.

Еще не хватало здесь мальчишек с настоящими стрелами.

— Так и убить можно, понимаешь! — выкрикнул Лаврентий Павлович. — Я тебе уши оборву.

Но на всякий случай он отошел, шагнул в сторону и тут же провалился в жижу глубже колен.

— Мать твою перемать! — закричал он в сердцах. — Плащ совсем новый.

Плащ сейчас был его единственной материальной ценностью, он уже успел полюбить его — и тут такая неприятность!

Откуда-то со стороны и в то же время сверху появился человек. Он показался Лаврентию Павловичу очень большим и опасным. Берия отпрянул еще на шаг и оказался в грязи по пояс.

— Я не в вас стрелял, — вежливо сказал человек, не производя никаких враждебных движений. — Я оленя убил. Так что вылезайте.

— Вылезайте! — вдруг рассердился Берия. — Вы же меня пугнули и заставили сюда свалиться. Неприлично как-то получается. Разве можно так к людям относиться!

— Ну давайте лапу, — сказал человек, и Лаврентию Павловичу ничего не оставалось, как протянуть и схватить за пальцы высокого человека. А он оказался высоким — на полторы головы выше Лаврентия Павловича. Но очень худым. Лицо украшали бесцветная эспаньолка и бакенбарды серого волоса, который так и не приобрел благородного серебристого цвета.

Лицо человека было бледным, морщинистым, на голове фуражка офицерского образца, но далеко не новая, френч, брюки-галифе и высокие, до блеска начищенные сапоги — как только можно сохранить такой блеск в этой грязи!

Но самое удивительное заключалось в том, что вместо сабли или кортика на портупее у этого человека висел кожаный колчан с оперениями стрел наружу, а в свободной руке он держал нечто схожее с луком, но куда короче, — Лаврентий Павлович не разбирался в старинном оружии, но понял, что это вовсе не детская игрушка.

— Ах, у вас нет обуви! — расстроился высокий человек. — Или вы потеряли?

— Нет, у меня не было.

— А как вы сюда попали? — Человек обвел рукой окрестность, как бы давая понять, что пойма речки — его собственность.

— Тут был человек... очевидно, со свирелью, — признался Лаврентий Павлович, — я им заинтересовался. Я давно не видел людей...

«Интересно, — подумал он, — а рад ли я, что вижу этого человека?»

— А, крысолов, — сказал высокий мужчина. — Опять заманивает. Значит, он вас вывел из города и хотел утопить, но вы не успели?

— Я не собирался топиться.

— А он всегда так действует. Надоел мне безумно, — сказал мужчина. — Заманивает и делает попытки утопить. Ну кого вы в наши дни утопите, а?

— Никого, — согласился Берия. Он явно столкнулся с сумасшедшим, на психику которого так повлияла атомная война. А может, и сама радиация.

— Разрешите представиться, — сказал высокий мужчина и протянул руку Берии, — Николай Николаевич, Николай Николаевич-младший. Вам приходилось обо мне слышать?

— А фамилия, простите?

— Фамилия обыкновенная — Романов.

— Из тех самых Романовых? — догадался Лаврентий Павлович.

— Приходился дядей покойному императору, — сказал высокий мужчина, отчего Лаврентий Павлович окончательно убедился в том, что имеет дело с сумасшедшим, которого лучше не сердить. — А это мои края, — сказал Николай Николаевич, — мои заповедные, так сказать, леса. Здесь я охочусь, думаю, отдыхаю от дел.

— Ну конечно, конечно...

— Господи, — вдруг рассмеялся Николай Николаевич, глядя на Лаврентия Павловича сверху вниз. — Да вы, как кажется, меня полагаете психопатом, то есть человеком ненормальным. Смотрите же: вот мое оружие, и вы видели его губительную силу. А если хотите, мы можем сыграть в Вильгельма Телля — вы слыхали о таком? Вы киваете, значит, я имею дело с образованным человеком. Кстати, я не люблю разговаривать с людьми, которые не умеют или не хотят вовремя представиться.

— Лаврентий Павлович, — сказал Берия, — Лаврентий Павлович.

— И давно вы у нас, Лаврентий Павлович?

— Недавно, — сказал Берия.

Он правильно рассчитал, что нет вреда назвать себя полным именем. По той причине, что если этот сумасшедший изображает из себя дореволюционного князя, то не может ничего знать о Берии. А если покажет, что знает — хотя бы слышал, то тут...

Николай Николаевич ничего не знал о Берии, да и не стремился узнать. Вместо этого он рывком вытащил стрелу из железного листа, как раз из груди оленя, и сказал:

— А ведь неплохой выстрел. Точно в сердце. Уложил с первого раза. А бил вон оттуда... — Николай Николаевич обернулся и показал на шалашик метрах в ста на склоне долины.

— Хороший выстрел, — осторожно согласился Берия.

— Я ведь и живу охотой, — сказал Николай Николаевич. — Можете называть меня просто князь — тут приходится быть демократом.

— Хорошо, князь, — сказал Лаврентий Павлович, и тут его поразила страшная догадка: а что, если после войны погибло социалистическое государство и к власти снова пришли дворяне? Ну и что — туда ему и дорога, родному государству. По крайней мере среди дворян нет его врагов.

Подумал — и сам испугался своих мыслей. «Как так нет? А сколько мне пришлось, выполняя жестокую волю Сталина, расстрелять или иными способами уничтожить этих самых князей? Ведь до самой смерти вождя, до начала пятидесятых, мы их вылавливали и ликвидировали. Нет, наверно, я был не прав, когда открылся. Этот не заметит, другие заметят».

— А вы охотитесь? — спросил великий князь.

— Я давно не охотился.

— А вы откуда будете родом?

— С Кавказа, князь.

Ах, как легко ложится на язык это слово! Будто и не забывал его.

— На Кавказе отличная охота, Лаврентий Павлович, — я там служил. А вы служили?

— Я позже служил, — сказал Берия.

— Этого и следовало ожидать. Но если вы питаете слабость к охоте, я вам должен показать одну штуку, я, знаете, одного хищника тут поднял, а он потом залег. Если вам не сложно, пошли, я попытаюсь его взять. А об олене не беспокойтесь, потом егеря придут и унесут его ко мне в резиденцию.

— Простите, я босой, — сказал Берия.

— Я же сказал — два шага. — Голос Николая Николаевича прозвучал неприятно. Он не любил, когда ему перечили. А Лаврентий Павлович не был склонен сейчас кому-нибудь перечить, тем более больному манией величия, который выдает себя за дядю императора.

Николай Николаевич сложился почти вдвое и начал подкрадываться к чему-то скрытому заборами и завалами сухостоя. Берия пошел за ним, и Николай Николаевич время от времени приостанавливал его движение ладонью, опасаясь, что Берия спугнет зверя.

Вот он замер.

И начал медленно поднимать свой лук, или как его... арбалет.

Он готов уже был спустить тетиву, как совсем близко раздался резкий звук дудочки. Той самой дудочки.

Князь выстрелил и тут же закричал:

— Как ты посмел! Ты мне под руку заиграл! Я же из-за тебя промахнулся.

— А я нарочно! — раздался голос из-за шалаша. — Вы знаете, князь, что диких животных осталось так мало, что каждая особь на счету. Я вам столько раз говорил — стреляйте в людей!

— Да пошел ты! — закричал в ответ великий князь и кинулся вперед.

Резким движением он откинул грудь сухостоя, и глазам изумленного Берии предстал еще один железный щит, на котором ярко и аляповато во весь рост был изображен лежащий тигр с гнусной ухмылкой на роже.

Стрела вонзилась в щит где-то возле тигриного хвоста.

Берия тоже сделал шаг вперед, чтобы получше разглядеть это диво, но Николай Николаевич услышал, как треснула ветка, и крикнул:

— Не подходите, Лаврентий Павлович. Вы же видите, он только легко ранен и раздражен. Если он бросится, я не смогу вас защитить.

— И не надоело? — С другой стороны шалаша появился согнутый человек с деревянной дудкой в длинных угловатых пальцах. — Ваши звери — беспомощные жертвы дворянского произвола. Скоро в наших лесах перестанут водиться тигры. Разве мало вам того, что вы перебили всех динозавров!

— Вот это вы зря, Бетховен! — откликнулся Николай Николаевич. — Никто вам не поверит. Динозавры вымерли сами, вам каждый ребенок скажет.

— У нас детей нет!

— Не исключено, что будут. — И великий князь расхохотался.

— Лучше убивайте людей. — Человек по имени Бетховен, совершенно на Бетховена непохожий и даже не глухой, показал дудочкой на Лаврентия Павловича: — Не зря же я его сюда заманил.

— Так это ваша работа!

Они забыли о Лаврентии Павловиче, будто он был и не человеком вовсе, а какой-то мошкой, на которую можно, не заметив, наступить. Конечно же, после радиации остались только психи.

— Моя, Николай Николаевич, моя! Я его отыскал в подвале, в тюрьме. И не зря отыскал. Великий мерзавец.

— Почему же вы так решили?

— Я куда моложе вас, великий князь. И прибыл сюда только в прошлом году. А раз так, то как бы застал его там. В тюрьме узнал о его печальном конце — у нас многие говорили. А потом кинули к нам в камеру одного капитана — бывшего капитана, не эмвэдэшного, а армейского, и тот сказал, что был в охране Берии, которого вроде бы не расстреляли, а приберегли для следующего случая. А он потом исчез. Вот вдруг подумал, а не наш ли это случай?

— Вы мне надоели, Бетховен, — сказал Николай Николаевич. — Я даже подозреваю, что вы вовсе не Бетховен. У него была совершенно другая прическа.

— Так вы думаете охотиться на этого вот, Берию?

— Я должен сейчас охотиться?

— Ну сколько вам нужно говорить! Я для вас выманил этого мерзавца.

Николай Николаевич глядел на Берию, и во взоре его не было никакой решимости.

— А я хотел еще слона поискать, — сказал он наконец.

— По-моему, вы здесь посходили с ума, — сказал Бетховен. — Я даю вам уникальную возможность избавить наш свет от убийцы и злодея, а вы предпочитаете слона.

— Погодите, погодите, — решил воспользоваться заминкой Лаврентий Павлович. — Почему никто не хочет выслушать моего мнения?

— Помолчи, я таких, как ты, уже выманил с полдюжины. И буду ловить!

— Бетховен прав, — сказал Николай Николаевич.

— Я требую открытого суда! Вы докажите, что я виноват! — Берия смотрел на князя.

— А он дело говорит! — сказал великий князь. — Займитесь, коллега, составом суда, подбором присяжных, и чтобы все как положено.

Великий князь пошел дальше по берегу речки, высоко поднимая ноги. Его сапоги блестели, несмотря на грязь.

— Ну что, выкусил? — спросил Лаврентий Павлович. — Никакой ты не Бетховен, и мы еще выясним, кто ты такой.

— Здесь каждый выбирает имя, которое ему больше всего подходит. Должна же где-то быть свобода!

Они стояли по щиколотку в грязи, и понятно было, что никакого вреда друг другу они причинить не могут. Лаврентий Павлович, хоть и исхудал во время заключения и суда, сил не прибавил — он и выглядел бывшим толстяком. Пожилым, скорее немощным, даже если в молодости и отличался силой. Впрочем, никогда Лаврентий Павлович не отличался ни силой, ни ростом, ни красотой — все вместе это вело к желанию повелевать. И он присоединился к неистребимой армии претендентов на мировое господство, которые провели лучшие годы, набираясь сил. Присоединился — чтобы отомстить девочке Наде Иоселиани, презревшей его в шестом классе. А когда

он достигнет таких высот, что может сказать: «Теперь ты будешь у меня в ногах ползать, умолять, чтобы я тебя в койку на ночь взял, иначе я весь твой род в порошок сотру», оказывается, что Надя не представляет уже интереса — пускай остается на своей коммунальной кухне со своими тремя шелудивыми ублюдками и алкоголиком-мужем!

Его противник был повыше ростом, зато худ и сутул. У него были печальные шоколадные глаза на очень белом лице, удрученном корявым носом.

И тут Лаврентий почуял, что враг не уверен в себе.

Нет, музыкант по кличке Бетховен не чета министру Госбезопасности!

— Что же еще тебе капитан наплел? — спросил Берия.

— Он рассказал, где вас содержат. Он сказал, что вам лично товарищ Хрущев велел писать воспоминания, то есть доносы. А потом вас все равно расстреляют, потому что для всех вы уже расстрелянный.

— А какой твой интерес?

— Я подумал: такая сволочь, как вы, если дотянет до Нового года, наверняка попытается к нам прорваться. Надо было сегодня проверить.

— Почему сегодня?

— Потому что сегодня первое января. С Новым годом, товарищ Лаврентий Павлович Берия!

— С каким еще годом?

— С наступившим. Вот я и пошел проверить. И решил, что если я, к сожалению, угадал, то обязательно вас уничтожу. Хватит у нас здесь своей нечисти.

— А чего же не уничтожил?

С каждым словом Берия как бы наливался силой, словно русский богатырь, прижавшийся к земле.

— Вы же понимаете... я не умею убивать. Я надеялся на великого князя. Если я вас выманю, он обещал вас подстрелить. Но промахнулся.

— И что же будем делать? — спросил Лаврентий Павлович.

— Не знаю, — признался музыкант.

— А на самом деле как тебя зовут?

— Семен Матвеевич, Гуревич Семен Матвеевич.

— А кличку себе придумал — Бетховен. Чтобы я не догадался о национальности? Ну и порода, ну и нация!

— Вы не думайте, что легко отделались, — сказал Гуревич. — Потому что я до вас доберусь. Или другие доберутся. Здесь таких немало.

— У государственного деятеля всегда много врагов, — признался Берия. — Это неизбежно.

Лаврентий Павлович размышлял: то ли перевести разговор в товарищеское русло и выпытать у этого музыканта подробности ситуации — он быстро расколется. Или принять другой, более суровый тон? Последнее победило, потому что уж слишком противно было стоять в этой грязи.

— А ну хватит! — крикнул он, набычиваясь. — Поговорили и хватит. Разувайся.

— Как так разувайся?

— Снимай ботинки.

— Но они же мне нужны.

— Мне нужнее. — Собеседник пасовал, отступал, и вдруг Лаврентий Павлович ощутил почти потерянное, забытое чувство силы — он так любил прежде заставлять людей делать по его воле, желанию, капризу, и делать то, что совершенно противно их природе. Когда-то Хозяина спросили, какое чувство ему всего ближе, и он ответил — месть. Лаврентий Павлович ответил бы — чувство власти. Месть мельче, о мести можно забыть... он был крупнее Хозяина!

Теперь Лаврентий Павлович уже полностью овладел положением. Он не спеша оглянулся, зная, что этот Бетховен всецело в его власти. Охотник попался в лапы дичи. Смешно.

Оглянувшись, Лаврентий Павлович увидел совсем рядом обвалившийся забор. Он резко рванул планку, вытащил ее — теперь он был вооружен. Хорошая плоская палка больше метра длиной. Ею можно еще как огреть по спине!

— Осторожнее, — предупредил Гуревич, — там гвозди.

— Ах гвозди! Ну тем лучше.

— Ну чего вы от меня хотите! — взвыл этот самый Бетховен. — Вы же сколько угодно ботинок найдете. — Он показал рукой куда-то наверх. — Зайдите в универмаг, там они стоят рядами, выберите себе что нужно.

— Считаю до трех.

Бетховен ринулся на сухое место, Лаврентий Павлович было замахнулся, но сообразил, что Гуревич лишь хочет снять ботинки там, где удобнее.

— Они вам будут малы, — сказал он.

— Ничего, кидай.

Бетховен кинул ботинок, он был мокрый.

— Ничего, — сказал Берия, — не хочу простужаться.

— Простужаться? — И вдруг Гуревич захохотал. Тонко,

противно, но не притворяясь. — Как же вы, милостивый товарищ, намерены простудиться?

— Очень просто.

Берия натянул ботинок. Тесновато, но зато как приятно — человек в ботинках совершенно иначе себя чувствует.

— Мне кажется, что вы, как бывает с новенькими, — сказал Гуревич, переминаясь с ноги на ногу (без ботинок ему было стоять неприятно), — вы до сих пор не представляете, куда попали.

— А вот это вы мне сейчас расскажете, — грозно сказал Берия.

— Вы не так страшны, как хотите показаться, — ответил Гуревич. — Ботинки вы еще у меня отнять можете. Но этим ваши возможности практически ограничиваются.

— Пошли, — приказал Берия, показывая вверх по склону.

Бетховен пошел впереди. Он вынул было свою дудку, хотел поднести ее к губам, но Лаврентий Павлович сразу догадался, что Бетховен намерен звать сообщников, а этого допускать нельзя.

— Если ты ее еще раз вынешь из кармана, я ее собственными руками разломаю, — предупредил он.

Тропинка была сырая, но не очень скользкая. Как приятно не глядеть под ноги.

Они поднялись на шоссе.

Где-то там внизу бродит по помойкам великий князь с его жестяной охотой. Его надо беречься, у него есть арбалет. А из арбалета можно и убить.

Бетховен прошел несколько шагов и уселся на асфальт.

— Устал, — сказал он.

Берия хотел было съездить ему палкой по затылку, а потом решил, что пора менять тактику.

— Снимай штаны, — сказал он, — быстро.

— Вы не посмеете!

— Еще как посмею. Ты же меня знаешь. Ты меня знаешь?

— Еще бы, — сказал Бетховен. — Вы моего отца убили, брата убили, жену заморили. Я все знаю...

— Тогда снимай штаны. Мне в штанах больше нравится, а то видишь — что у меня под плащом! Разве это штаны?

— Но у меня ненамного лучше, — признался Гуревич.

Берия присмотрелся.

— А ты говоришь, здесь можно достать?

— Конечно.

— И не радиоактивные?

— Да обычные, новые — нет проблем.

— Покажешь?

— Когда?

— Сейчас.

— Мне отдохнуть надо. Вы-то здесь новенький, у вас еще силы остались.

— А ты не новенький?

— На полгода старше вас, а это здесь много значит.

— Радиация?

— Да что вы заладили со своей радиацией? Откуда здесь быть радиации?

Берии не хотелось стоять.

Он уселся на асфальт в двух шагах от Бетховена. Если тот попытается убежать, Лаврентий Павлович его догонит.

— А если здесь нет радиации, то где народ? — спросил Берия.

— Точно! — почему-то Бетховен обрадовался. — Он ничего не знает!

— А ты объясни старику, объясни.

— Я и пытаюсь объяснить.

— Война? Да? Американцы напали? Атомная бомба? Все погибли? Остались только психи и кто был под землей, да?

— Ах вот какую теорию вы построили, Лаврентий Павлович! Нет, не выдерживает критики ваша теория. Не было атомной войны, не было радиации, и я вовсе не псих, а такой же, как вы, беженец. И мне даже смешно, что мы с вами оказались в одном положении. Я вас дудочкой заманивал...

— Неудачно.

— Разумеется, неудачно, я не охотник и даже не настоящий крысолов. Но зато куда информированней вас.

Лаврентий Павлович поднялся и встал над Бетховеном. Тот не стал подниматься.

Лаврентий опирался на палку от забора. Как Геракл на дубинку.

Бетховен смотрел на него снизу вверх.

— Говори, — приказал Берия. В нем росла тревога. Он уже понимал, что происходит нечто вне его понимания, даже более невероятное, чем атомная война.

— Этому еще нет настоящего научного объяснения, — сказал Бетховен. — Но, как вы знаете, отсутствие объяснения не закрывает тему. Вы попали на тот свет...

Бетховен смотрел на него, чуть склонив свою еврейскую голову. И, в общем, его не боялся. Испугался там, внизу, у

речки, а сейчас уже овладел собой, потому что знал секрет, и секрет для Лаврентия Павловича вполне страшный.

— На тот свет? — повторил Лаврентий Павлович.

Этот вариант ему в голову не приходил, потому что он был убежденным материалистом, ленинцем, он знал, что тот свет — выдумки попов и всевозможных врагов пролетариата. Но в то же время он сам никогда не участвовал в разрушении церквей или убийстве священников. Если уж приходилось, то поручал другим. И все только потому, что Лаврентий Павлович не знал, что происходит с человеком после смерти. Он столько видел смертей и стольких людей убил сам, что волей-неволей стал мучиться мыслью — а что потом? Куда деваются все эти люди, мгновение между жизнью и смертью которых он наблюдал?

После смерти должно что-то быть. И марксизм не мог дать на это ответа. И как бы ты ни штудировал классиков и даже Хозяина, то ты, будь у тебя голова на плечах, приходил к выводу, что эти умные люди и сами не знают, что происходит после смерти.

— На тот свет... Нет! — Лаврентий Павлович был не согласен.

— Отчего такая уверенность в себе? — спросил Гуревич.

— Он не такой, — сказал Берия.

— Вам это доложили?

— Без иронии!

— Так в чем проблема?

Бетховен не издевался, он наблюдал за Лаврентием Павловичем, как ученый наблюдает потуги муравья, взбирающегося на песчаный холмик.

— Все должно быть иначе.

— Никто с того света домой не возвращался.

— С чего вы-то так решили? Где ангелы и всякие ихние причиндалы?

— Не бунтуйте, товарищ министр, — сказал Бетховен. — От этого ничего не изменится. Тем более что вы правы — наш свет отличается от всех вариантов, которые есть в религиях. Потому что он — материалистический.

— Объяснись.

— Существует и, видимо, всегда существовала категория людей, которые мечтают о том, чтобы спрятаться, исчезнуть, не быть вместе с человечеством. Если им грозит неминуемая смерть или страшный позор. Вот возьмем ваш случай.

Берия кивнул. В самом деле, лучше понимать на своем опыте.

— Вам грозила неминуемая смерть. Все ваши надежды рухнули. И пик ваших переживаний попал на момент Нового года — когда люди переходят из года 53-го в год 54-й. И вы, ваш организм, вопил: нет, я с вами не пойду! Идите без меня! Я согласен на все, что угодно, — только бы не идти с вами.

— И что же?

— А то, что некая сила — назовем ее природой — эту просьбу согласна выполнить. Но с одним условием — это случается раз в году, в новогоднюю ночь. Погодите, не задавайте мне вопросов, на которые я не смогу ответить. Почему именно христианский Новый год? Не знаю, я говорю о фактах. Раз в году, в одну минуту, в одну секунду — если вы отчаянно пожелаете уйти от человечества, ваше желание сбывается. Вы оказываетесь в мире, который вас сейчас окружает. В мире без времени.

— Почему без времени? Я же говорю с тобой, я хожу, значит, в нем есть то, что было раньше, и то, что будет после, — значит, есть время.

— Не философствуйте, министр, — сказал Бетховен, — факт остается фактом. Мы все здесь такие.

— Те, кто не захотел?

— Да. Вот я, например, был на краю смерти, и в то же время назавтра нас отправляли на этап, который мне не пережить... и я оказался здесь.

— Но почему именно этот момент? Один момент?

— Я просил вас не задавать мне вопросов, на которые я не готов ответить.

— Но вы проверяли?

— Не надо проверять. Каждый новенький узнает о нашей жизни через полчаса после прихода.

— А потом? Что происходит потом?

— Потом? Мы существуем. Мы живем.

— Долго?

— Пока не износимся.

— Я не понял!

— Никто здесь не болеет, не стареет, не ест, не спит, не пьет, не любит... в этом нет нужды. Время остановилось, и кровь перестала течь в ваших жилах.

— Ну уж это в переносном смысле!

— В переносном. Но биологически мы все — мертвые. Мне рассказывал доктор — состав крови, тканей, всего довольно

быстро, через несколько дней или недель меняется. Вы даже и не знаете, что температура наших тел на несколько градусов ниже, чем у нормальных людей.

— Ну меня-то ты с собой не путай! — рассердился Берия. — У тебя кровь, может, лягушачья...

— А у вас руководящая, да?

— Нормальная кровь.

Берия непроизвольно потрогал свою шею. Шея как шея. Нормальная шея.

— Если холодное тронуть холодным, то не заметишь, — сказал Бетховен.

— Перестань нести чепуху!

Берия пошел прочь по шоссе. Ему было страшно и противно. Ему сказали, что у него неоперабельная опухоль, — неужели он зря старался, бежал... А куда бежал?

Бетховен шел сзади и говорил, занудно, тихо, но Берия не мог его не слушать. И слушал.

— Вы думаете, нас много? Нет, люди не бессмертны, они конечны, хоть здесь никто и не умирает. Мы изнашиваемся, как вещи, и исчезаем, как вещи. Двести, триста лет, и конец... да и поступления невелики.

— Помолчи!

— Каждый новый человек вскоре начинает искать себе дело... Кстати, вы не хотите выступать в нашей стенгазете? У нас на Измайловском стадионе есть стенгазета. Ее делают такие чудесные люди! Интернационалисты, увлеченные своим делом, так сказать, пионеры первого набора. Вы были в пионерах?

Этот Бетховен совершенно обнаглел, забыл, наверное, как у него обувь отобрали! С другой стороны — пускай говорит, если не врет, а не похоже, что врет, значит, Лаврентию Павловичу предстоят нелегкие времена. Эти сволочи — тибетские мудрецы, может, предсказали и верно, но по присущей им подлости упустили пустячок — где он проведет последние годы жизни? В какой-то никому не нужной дыре?

Нет, так быть не может! Конечно же, этот мерзавец сошел с ума, и ему чудится этот нелепый мир.

— Видите, — Бетховен остановился, будто угадал мысли Берии, — мы с вами входим на территорию дачи Сталина. Это так называемая ближняя дача. Если вы и в самом деле Берия, вы должны знать, где помер ваш Хозяин. Хотите посмотреть?

— Там охрана, — уверенно сказал Лаврентий Павлович.

— Даже если власть переменилась?

— Какая бы власть и как бы ни менялась, — сказал Берия, — там всегда будет охрана.

— Тогда пойдем поглядим?

Берия остановился. Он не мог заставить себя сделать первый шаг — не потому, что боялся охраны, мало ли что, начнет стрелять... нет, больше всего он боялся, что охраны не окажется. Потому что это означает куда более крутое крушение, чем просто смерть великого вождя. Берия мог быть циничен, но он же оставался коммунистом, то есть человеком, который уверен в незыблемости системы.

— Пошли? — спросил Бетховен.

Он стал спускаться с другой стороны шоссе, и они пошли по тропинке вдоль реки. Откосы берегов сблизились. На них валялись стволы упавших деревьев, валежник и сучья. Но ни одного зеленого дерева, ни полоски травы Лаврентий Павлович не заметил.

И тут Лаврентий Павлович догадался, что эту речку он знает по той, прежней жизни, даже спускался к ее берегу, где в чистой воде медленно плавали пескари. Он вспомнил, как ему пришлось строго наказать двух директоров фабричек, стоявших выше по течению Сетуни, не сообразивших — ведь русского мужика пока не выпорешь, он не догадается, — что мерзопакости от их производств попадают в воду, а значит, доплывают, как сосиски дерьма, по воде до местности, где гуляет вождь.

Он лично обещал Хозяину разобраться и принять меры и искренне был возмущен, как и Хозяин, тем, что плыло по речке в такой близости от дачи. Он сам забил до смерти и пристрелил уже доходивших директоров фабрик, приказал снести домики и огородики у берегов Сетуни, и главное — этим он мог гордиться, он ведь был награжден незаурядным умом — поставил у ограды при входе на территорию дачи вертикальную сеть и сменяющиеся бригады под наблюдением верных людей, чтобы они собирали с поверхности воды и из ее глубин все, что могло нарушить расположение духа Хозяина.

Размышляя о себе и своей роли в истории России, Лаврентий Павлович дошел следом за Бетховеном до открытой полянки, летом обычно поросшей травой, окруженной дорожкой, по которой он столько раз гулял с Иосифом Виссарионовичем и обсуждал с ним не терпящие отлагательства дела государства. Сколько здесь, в неспешных прогулках, было решено человеческих судеб и скольких фразы кончались смертью для того, о ком вспоминали. Эти прогулки доказывали

судьбе, что страна-то маленькая, несмотря на полторы сотни миллионов ее обитателей. Как и при дворе Николая Павловича, который гулял по иной дорожке с Бенкендорфом, люди с фамилиями составляли вряд ли более десятой доли процента, и потому их было легко казнить и миловать. Остальные же имен и паспортов не имели, их казнили и миловали миллионами, по мере надобности промышленности и сельского хозяйства. Конечно, Лаврентий Павлович был умен, но не настолько, чтобы понять и усвоить — Сталин обладал гениальной способностью отыскать в своем окружении самого подлого и жестокого лакея, но обязательно лакея, и затем дать ему невиданную власть убивать. За исключением того, что срок его собственного пребывания на Земле ему не сообщался.

Впрочем, Сталин и сам не знал, когда закончится нужда в Ягоде, Ежове или Абакумове. И в Берии.

Вид дачи вождя потряс Берию.

Он сначала решил, что у него галлюцинации.

Дом частично обрушился, крыша провалилась, покосилось крыльцо.

Как бы долго ни отсутствовал Лаврентий Павлович, смерть вождя наступила столь недавно, что эти изменения с домом произойти не могли.

Следовательно, это — злой умысел.

Но странный злой умысел: почему-то враги коммунизма и лично Иосифа Виссарионовича уничтожили лес — ведь здесь стояли могучие ели — лишь некоторые из них, сухие, без иголок, поднимались вокруг. Но их было слишком мало, даже не прикроешь забора.

Значит, Хрущев с Маленковым успели совершить это злодейство за то время, пока он сидел в камере.

Берия направился к дому. Из этого следует, что он все же не поверил в сказки про Новый год и возможность остаться в году старом, где нет нигде и никого, провалиться в прошлое. Да и как материалист может поверить в сказку о двойном мире, о мире естественном и мире подземном, в котором время стоит?

Чепуха какая-то! Мы этого не знаем и знать не хотим!

Дверь была открыта. Надо хотя бы проверить, какие повреждения нанесены мемориальному комплексу — так дачу Сталина Лаврентий Павлович называл вполне искренне.

И в дверях Лаврентий Павлович замер.

Изнутри доносилось пение. В два голоса.

Два женских голоса тянули песню «Сулико», любимую

песню вождя, исполнявшуюся столь часто и столькими певцами, что даже Лаврентию Павловичу она несколько надоела.

— Что такое? — спросил он у Бетховена.

Тот улыбнулся, и, как показалось Берии, смущенно.

— Это милые, ни в чем не виноватые женщины, — сказал он. — Не надо их казнить и разоблачать.

Лаврентий Павлович поморщился. Он уловил издевку в словах Бетховена. И подумал: «Я до него доберусь. Он еще пожалеет...» Но о чем пожалеет Гуревич, он не знал, хотя был уверен, что не забудет. Не забывай обид — этому он выучился у Хозяина. И хоть не считал это главным своим занятием, распускаться гуревичам он не позволит.

— Что они там делают? — Лаврентий Павлович направился к двери, прошел сразу в бильярдную — угадал, откуда идет звук.

Зрелище, представшее его глазам, было ужасно: на большом бильярдном столе, который в последние годы не использовался, стояли две женщины — молодая и старая, высокая и коротенькая. Одеты они были в школьные платья — коричневые, с рукавами, юбки-клеш. Поверх платьев — белые передники с кармашками на плоских грудях.

Одна из них была завита, а может, волосы завивались сами, а на другой был большой черный, не по размеру парик, какие носили когда-то сподвижники Людовика какого-то.

Женщины держались за руки и, тщательно выговаривая слова, пели любимую песню Иосифа Виссарионовича.

Но они были в той бильярдной не одни.

На стульях, принесенных из столовой, сидели еще два человека, мужчина и женщина.

Они образовывали собой аудиторию.

Когда Берия вошел, мужчина обернулся и приложил палец к губам, показывая необходимость блюсти тишину.

Берия с Бетховеном остановились в дверях.

Все в бильярдной было как прежде, только окна разбиты и общее состояние свидетельствовало о запустении.

Женщины продолжали петь, но глядели на Берию и Бетховена со страхом, и потому одна начала фальшивить, а у второй сорвался голос, и она запела басом.

— Все! Все, все! — Мужчина встал и захлопал в ладоши. — Репетиция закончена. Я вас не выношу! Вы сознательные вредители.

Мужчина был рыжим, невысокого роста, с крупным носом и темными усами. Лицо его было Берии знакомо, но он не мог сообразить почему.

Женщины с трудом слезли с бильярдного стола, для чего им пришлось лечь на животы и сползать, нащупывая ногами пол.

— Вы не смотрите на меня так, — сказал рыжий человек, — я вас отлично знаю, Лаврентий Павлович, и рад вашему к нам прибытию. Это, конечно, случайность, что вам удалось обмануть жестокую старуху с косой, но не чудо то, что мы с вами воссоединились. Ну, обними меня, старый товарищ!

— Вы не Сталин, — сказал Берия. — Вы только изображаете из себя Сталина.

— А я что говорила! — воскликнула одна из певиц. — Он всегда фальшивил, а Иосиф Виссарионович не допускал никакой фальши даже в самых сложных партиях.

— Значит, вы думаете, что он — не Сталин? — спросил Бетховен. — У нас были сомнения, и я привел вас специально, чтобы их развеять.

— Но ведь я давно сюда попал! Посмотрите, какой я молодой! Я совсем юный, я из периода Гражданской войны, когда под Новый год меня окружили беляки под Царицыным и для меня остался только один путь — сюда!

— Простите, — сказал Берия, — а кто же тогда боролся с оппозицией, проводил коллективизацию, индустриализацию? Я, что ли?

— Конечно, вы подобрали двойника. Может, даже нескольких двойников.

— В то время, — сказал Лаврентий Павлович, поднимая указательный палец, — никто еще не подозревал, что Владимир Ильич Ленин скончается.

— Я читал, я знаю, — сказал Гуревич, — Сталин был ничтожной сошкой!

— Вот этого я бы не сказал, — возразил Лаврентий Павлович. — Так вы что же, изображаете здесь товарища Сталина? Нехорошо, молодой человек, и это граничит с политической провокацией.

— Я ему говорю — вот придет Берия, Берия нас рассудит, — сказал Гуревич.

Лаврентию Павловичу не нравились словечки, а главное — выражение глаз этого Бетховена еврейского происхождения. Издевался.

— Этого я и боялась больше всего, — сказала высокая певица. — Лжемученик! Вы знаете, что он замучил моего мужа?

— И я верила. Вы меня, может, и не знаете, меня зовут Евгения Бош. Я руководила расстрелами беляков в Крыму.

— Нет, не слышал, — сказал Берия и пожал протянутую ему холодную руку революционерки.

Он пребывал в полнейшей растерянности! Где же он находится? Ведь подземного мира нет, и он не предусмотрен марксизмом, хотя церковь, может быть, его и признает. То ему кажется, что вокруг психи, сбежавшие от атомной войны, то получается, что Бетховен не врет — иначе как могла так разрушиться и прийти в негодность сталинская дача? Кто мог ее так засорить?

Лаврентий Павлович был сторонником неожиданных действий.

— А где Хрущев? — спросил он у псевдо-Сталина. — Где Никита Сергеевич?

— Там, — ответил за самозванца Бетховен. — Он к нам еще не поступал.

— Вы уверены?

— Мы ни в чем не уверены.

— Вот мы и ждали вашего прихода, Лаврентий Павлович, — сказала большевичка Бош. — Мы хотим, чтобы вы провели в нашем коллективе политинформацию. Поставили нас в курс внутренних и иностранных событий. Можно ли на вас положиться?

Конечно, это просто кучка сумасшедших. Но сумасшествие — хитрая штука. Оно же не исключает того, что весь мир сошел с ума. Если ты чего-то не понимаешь, Лаврентий, допусти, что ты и сам можешь ошибиться.

Отсюда следует, что Лаврентий Павлович был здравомыслящим человеком. Это делает подобных людей особенно страшными, если они служат сумасшедшим тиранам.

Но в его распоряжении появился один любопытный факт: здесь, на даче Сталина, в Волынском, собралась небольшая группа людей, которые считают себя членами партии и даже ждут политинформации. Среди них Евгения Бош — а может, и настоящая? И другие товарищи. То есть существует база для начала действий.

И если этот мир — особенный мир, не продолжение нашего, если здесь нет Хрущева, если здесь действуют свои законы, то тогда этим миром можно завладеть. А потом уж мы разберемся, кто здесь бессмертный, а кого пустим в расход...

— Продолжайте петь, товарищи, мы любим эту песню, — сказал Лаврентий Павлович и уселся на стул, который раньше занимал псевдо-Сталин.

Глава 3

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Поднялся ветерок.

Вряд ли его можно было назвать ветром. Так, ветерок...

Но для старожилов он был неприятным, забытым знаком возможных перемен, поэтому тревожил.

Сенаторы прибывали в велоповозках или в носилках к необычному зданию ресторана «Приморский» и поднимались по широкой лестнице в зал ресторана.

Ресторан построили в семидесятых годах под Ленинградом в расчете на финских туристов, неподалеку от автомобильной трассы на Выборг. Круглый, полностью застекленный зал далеко выступал вперед, нависая над пляжем и мелководьем.

Берия подумал, что снаружи зал напоминает ему довоенное мороженое. Было такое мороженое между двумя вафельными кружочками. Мороженщик ловко кидал на дно алюминиевого рожка кружок с твоим именем, потом клал туда ложку мороженого и, прикрыв вторым кружком, выдавливал лакомство наружу.

Но ни разу Берии не досталось мороженое с его именем. Не делали на фабрике вафельных кружков со словом «Лаврентий», редкое имя. Лаврентий думал тогда: «Стану большой, и все будут меня слушаться. Я приду на фабрику и скажу: «А ну немедленно сделайте вафельный кружок с именем Лаврентий. Иначе не сносить вам головы!» И они сделают такой кружок, а Лаврентий будет облизывать вытекающее из-под кружков мороженое, подхватывать его языком и поворачивать так, чтобы все видели, что на вафельном кружке выдавлено слово ЛАВРЕНТИЙ.

Наверное, это воспоминание было смешным. Но привело к печальным мыслям. До войны, когда он уже был взрослым, он мог, конечно, приказать, чтобы на фабрике сделали такие кружки, тем более что в Грузии уже начали называть его именем детей. Но как-то было недосуг, не вспомнил о таком пустяке.

А здесь, можно сказать, после смерти, начали одолевать земные, но невыполнимые желания. Их не должно бы быть, как не должно быть голода, жажды, стремления к женщине. Но все оказалось куда сложнее. Некоторые чувства остаются и в мире теней: страх, ненависть, месть... А они влекут за собой, оживляют желания, которых и быть не может.

Берия остановился, обегая взглядом уродливое здание ресторана. За ним тянулся пустой пляж, почти серый под серым небом, переходящий в серое море. Серость эта имела оттенки от нежного, желтоватого, свойственного песку, до темного, водяного, у берега. Волн не было, но Маркизова лужа не была абсолютно гладкой. Ветерок, о котором шла речь, кое-где рябил ее гладь, и эти темные или светлые, в зависимости от освещения, полосы перемещались по заливу.

Людей на пляже не было, единственный сохранившийся зонт давно порвался, полосатые клочья провисли и чуть шевелились от движения воздуха.

Правда, виднелась одна фигура на пляже, метрах в ста от ресторана, — вернее всего, это был охранник.

Он стоял возле высохшей корявой сосны, которой при жизни досталось от морских ветров, а после смерти — от одиночества.

Подъехал консул Клюкин со своей подругой, красавицей Ларисой.

Они прибыли в карете, найденной на «Ленфильме», запряженной двумя велосипедистами в красных накидках и пожарных касках.

При всем старании быть первым в городе Клюкин не смог одолеть Берию. Берия разъезжал в «Паккарде», и его велосипедисты были все как один в черных блестящих плащах до пят и в немецких стальных шлемах из Музея обороны Ленинграда.

Сейчас он оставил машину в стороне и делал вид, что пришел сюда пешком, так было демократичнее. Ведь сам Чаянов упрямо ходил на все совещания пешком — выходил за три часа из дома. Но кто наблюдает эти часы?

— Что-то поддувает нынче, — сказал Клюкин.

Некогда он был толстяком и занимал ответственную должность. И сам, не без юмора, цитировал Салтыкова-Щедрина из повести о помпадурах и помпадуршах, где престарелый помпадур пишет памятку для губернаторов. Для того он носил с собой в бумажнике ветхую на сгибах бумажку: «Необходимо, чтобы администратор имел наружность благородную. Он должен быть не тучен, не скареден, роста быть не огромного и не излишне малого, должен сохранять пропорциональность в частях тела и лицо иметь чистое, не обезображенное ни бородавками, ни тем более злокачественными сыпями. Сверх сего должен иметь мундир».

Произнося последнюю фразу, Клюкин принимался смеяться. Он давно всем надоел, как может надоесть человек,

помнящий единственный анекдот. Мундир городничего, который он отыскал в Театре юного зрителя, был сильно поношен, но Клюкин утверждал, что состоял в свите Его Величества. Лаврентий Павлович с его дотошностью раскопал на Клюкина материалы — он был всего-навсего жандармским ротмистром, проворовался и должен был застрелиться. По крайней мере родственники так полагали. На самом деле сбежал в Ташкент, потом объявился в Пскове. А дальше Берия потерял его след. Правды же от Клюкина не добьешься. Подруга Лариса, которую Лаврентий Павлович давно уже сделал своей осведомительницей, ничем помочь не могла или не хотела. Она была рыжей красавицей, у нее когда-то был знаменитый муж. Но сама она чуть не умерла от холеры где-то в Гражданскую войну, а мужа сотрудники Берии выбросили из гостиницы, с пятого этажа, лет через двадцать. Может быть, не из гостиницы, а из госпиталя...

Лаврентий Павлович любил точность. Особенно когда это касалось личных дел на его сотрудников или других подозреваемых. А в этом чертовом потустороннем мире никогда толком не найдешь концов. Некоторые бумаги погибли, другие и вовсе не существуют или не существовали.

Лариса посмотрела на Лаврентия в упор. Это был такой фокус — он удавался ей в молодости. Мужчины терялись от такого взгляда, не понимая, приглашают ли их в постель или к серьезному разговору о судьбах революции.

Лаврентий сказал:

— Мы потом поговорим, Лара. Нам есть о чем поговорить.

— Не пугай, — сказал Клюкин. — Лариса находится в моей юриспруденции.

Лаврентий смотрел, как они поднимаются по лестнице. Он ждал, что Лариса обернется. Если обернется, значит, у него остается над ней власть.

Лариса обернулась у самой двери.

— Не пялься, — сказала она. — И сними наконец шляпу. Здесь не бывает дождя.

За спиной Лаврентия Павловича засмеялся высоким голосом Грацкий.

Грацкий — враль, умеющий устраиваться даже в аду. Высокий, гладкий и обтекаемый. Здесь нет телефона, потому он проводит все время в визитах. Так как хорошие пролетки все давно расхватали, он ездит на мотоцикле с коляской, запряженном рикшами. Уверяет, что это особенная машина, сделанная по его заказу в США, куда он плавал в прошлом году

на подводной лодке. Бред этих слов очевиден, так как здесь нет подводных лодок и, весьма вероятно, нет и Соединенных Штатов. Но все слушают Грацкого и соглашаются с ним. Хотя никто не верит. На нем мундир с эполетами, потому Грацкий зовет себя министром обороны. Ни больше ни меньше.

Грацкий относительно молод. Он попал на этот свет лет двадцать назад. Он делает вид, что интересуется женщинами, и делал предложение Ларисе.

— Мальчик, — сказала ему красавица, — мне уже ровно сто лет. Обещают к дате наградить. Кажется, твоя болезнь называется геронтофилией.

— Твой возраст на тебе не нарисован, — сказал Грацкий. — На самом деле я — один из последних соратников Наполеона. Тебе что-нибудь говорит это имя?

— Ничего. — Лариса разводит тонкими руками, щелкает пальцами перед носом Грацкого и добавляет: — Клюкин сказочно богат и заботлив. Ты — хвастунишка. Женщине нужен защитник. Может быть, я перейду к Лаврентию. Он — удав.

Берия тоже задумался, откуда у Клюкина такие богатства? Здесь нетрудно стать относительно богатым, если специально этим заняться. Ведь в магазинах, даже в ювелирных, остались кое-какие вещи, почему-то не умчавшиеся в будущее со временем, здесь можно отыскать картины и скульптуры, труднее — перины или хорошее белье. Пустой дворец — пожалуйста! Но богатство — это субстанция куда более сложная, чем сумма бриллиантов или обручальных колец, одежд или апартаментов. Богатство — это особый аромат, талант, очевидный окружающим, хотя допустимо существование не очень богатого богача. Богачи всегда остаются таковыми, даже если их постигает разорение.

Труднее всего оставаться богачом в мире теней.

Клюкин был богачом, имел выезд, хорошо одевался, пользовался услугами горничной и садовника, хотя сада у него не было. В любовницах он держал Ларису Рейснер — самую красивую женщину Ленинграда, хотя и любовница ему не была нужна.

Ленинград... его оставили Ленинградом, хотя от вновь прибывших узнали, что городу вернули старое, дореволюционное название.

Лаврентий Павлович поднялся по лестнице наверх, в вестибюль ресторана. Он не стал снимать шляпу. Лариса правильно подметила — он перестал ее снимать, когда понял, что не нуждается больше во сне или даже отдыхе. Шляпа закры-

вала лысину, кидала тень на выцветшее лицо — из-под нее только поблескивали линзочки очков. Он предпочел бы пенсне, как в молодости, но не удалось найти — приходится носить очки. Казалось бы, зрению надо вернуться в норму — здесь не бывает болезней. Но зрение не изменилось. Ну и хорошо, он привык к очкам.

Берия вошел последним.

Остальные пятеро консулов уже сидели в мягких креслах, поставленных широким полукругом. Полукруг был обращен к морю, к стеклянной стене ресторанного зала. Некоторые стекла были выбиты, но это не играло роли, потому что там обычно не бывает ветра или холодов.

Нынешний ветерок был заметен только из-за необычности.

Никто не удивился опозданию Берии, так как Лаврентий Павлович отвечал за всеобщую безопасность. И хотя ничего сенаторам не грозило, никто не намерен был отказываться от бериевской службы. Ее существование придавало сенату вес.

Берия обвел взглядом зал.

Справа налево.

Первый консул — Клюкин. Рядом с ним в кресле Лариса, это непорядок, с которым приходилось мириться. Ларису называли секретарем Клюкина, этот паллиатив устраивал и Клюкина, и Ларису, и самих консулов.

Дальше — гладкий, вертлявый, хотя и сохраняющий при том некую вальяжность министр обороны Грацкий. Он глядится в зеркальце, расчесывает поредевшие усы. Одно из преимуществ жизни на этом свете заключается в том, что на человеке не растет ничего лишнего. Ни волос, ни ногтей, не говоря уж об усах. А те, что были у тебя в момент перехода, сохраняются и понемножку истончаются, редеют, приходят в ничтожество. Лаврентию Павловичу было не страшно, он давно облысел. А вот Грацкий лелеял и берег свои усы. Но ведь не сбережешь. Все, что не растет, погибает.

В центре сидел моложавый пожилой юноша, темноволосый, подвижный академик Чаянов. Экономист по прошлой жизни. Берия проверял. Его вроде бы репрессировали в тридцатом, хотя тогда мало кого не репрессировали. Видно, состоял в оппозиции. Лаврентий Павлович, разумеется, не имел отношения к его бедам, но все равно между ними царила неприязнь. В Чаянове сохранилось слишком много жизни. Берия не удивился бы, застав его за обедом или в кровати с женщиной. В этом была неправильность, Берия подозревал Чаянова, что тот знает какой-то медицинский секрет, а может, даже магическую тайну — ведь никто еще не доказал, что волшебства не существует.

Чаянов тоже не любил Берию. Хоть и не знал его раньше, на обычном свете. Не успел узнать. Но не скрывал, что погиб по вине чекистов, и полагает, что хороший чекист — мертвый чекист.

Дальше сидит господин Победоносцев — старый муравей, Кощей Бессмертный. С него сказки писать. Но, несмотря на возраст и злобу, правящую каждым его движением, он умен и решителен. И это его толкает в союзники к Берии. Они чем-то близки. Оба никому не верят и полагают, что человеческая природа гнусна и низка.

А вот и последний из консулов — его святейшество, или как там именуют митрополитов, Никифор. Сладкий старичок с бородой Деда Мороза. Но это ложь. Если дать ему волю, он ухватит власть когтистыми лапками и сожжет на кострах всех подозрительных. Именно он — вождь движения за чистоту мертвого тела, именно он требует закрыть все контакты с внешним миром и, если удастся, вообще уничтожить Верхний мир, из которого сюда проникает лишь опасное легкомыслие и ереси.

Консулы привыкли, что Берия отвечает за безопасность заседаний. Кто-то должен брать на себя неприятные обязанности, а для Лаврентия в них нет ничего неприятного. За малым исключением никто из консулов не был знаком с Берией в той жизни, когда он занимал в России важное и зловещее место, за что и был приговорен к смерти. Грацкий уверял, что Берия арестовал и пытал его отца, но Берия, когда Лариса спросила его об этом, категорически возражал — он признавал, что был вторым лицом в государстве после Сталина, куратором атомного проекта, но никогда никого лично не арестовывал и не пытал. А проверить это было нельзя — ни документов, ни свидетелей не сохранилось.

Лаврентий Павлович смутно помнил о том, как же в самом деле складывалась его жизнь. Здесь это было неважно.

Казалось бы, с исчезновением борьбы, женщин, страстей он должен был смириться с продолжением туманного существования, но он и за порогом жизни сохранил в себе достаточно сил, чтобы стремиться к власти. «Такая у вас генетика, — говорил ему старый доктор. — Как бы вы ее ни гнали и ни уничтожали». Лаврентий Павлович ежегодно проходил у док-

тора полный медицинский осмотр. Он серьезно относился к своему здоровью даже после того, как перестал жить.

— Дует, — сказал Никифор. — Я убежден, что дует.

Все смотрели на море, на полосы ряби, и понимали, что митрополит прав, но эта чертова рябь настолько нарушала сложившийся порядок вещей, что ее проще было игнорировать. Правда, Лаврентий Павлович твердо выучил: мелочей не бывает. Нельзя игнорировать угрозу только потому, что она незначительна или настолько неприятна, что ее и замечать не хочется.

Лица отворачивались от окон, глядевших на море, наталкивались на презрительный взгляд из-под горизонтальных, засаленных полей шляпы и опускали глаза к полу.

— Начнем? — спросил консул Чаянов. Он был ненадежен, и за ним приходилось присматривать. Даже сейчас он мог предать, такие всегда предают — они слишком много размышляют и ерничают.

Но ничего не поделаешь. Сначала, еще в обычной жизни, люди проходят естественный или искусственный — называй как знаешь — отбор. Вот и получается пирамида. Те, кто на самом верху, имеют право — или несчастье — попасть в историю. Их имена вырублены на склоне пирамиды буквами, соответствующими их репутации. Но внутри пирамиды, невидимые для глаз людских, таятся иные люди, может, не менее вождей способные править миром.

Если снести вершину пирамиды, они появятся наружу, как дождевые черви, увиденные тобой, когда ты вывернул лопатой клок влажной земли. Таков Клюкин — кто знал бы о нем в том, живом мире? Или Чаянов. Берия никогда не слышал о таком человеке. Академик? Доктор? Ученый? Мы много видали академиков и знаем, что они мочат штаны так же, как конюхи. А здесь вылез.

Но должен быть вождь.

А вождя сейчас нет. Так случилось, что вождь скончался, растаял, износился. Для человека рационального, здравомыслящего сама мысль о том, что на том свете можно износиться и стать ничем, немыслима, потому что необъяснима по-философски. А ведь бывает. Плоть, даже избежавшая давления времени, выбитая из его потока, не прекращает терять некие атомы...

Еще полгода назад существовал и правил всеми Верховный вождь.

Звали его Иваном, Иоанном, родился он в самом конце

XVIII века, был приговорен за разбой к повешению. Казнь должна была случиться наутро после Нового года. А в ночь на Новый год он исчез из камеры. Так боялся смерти, так стремился к жизни, что в новогодний миг перенесся сюда, где нет времени и нет жизни.

Был он разбойником, просто разбойником, вроде и не мог стать иным. А по прошествии двухсот лет он превратился в Верховного правителя мертвого мира, самого жестокого, холодного и разумного мертвеца в мире живых мертвецов.

Умерши раз, нельзя умереть снова, ибо в этом мире нет времени. Но человека можно сжечь на костре, изрубить на куски — насильственно прервать в нем жизнь, хоть, конечно же, это куда труднее сделать, чем в мире живых.

...Иоанн, правивший миром около ста лет, просто перестал существовать — и в этом была высшая мудрость ухода.

Он оставил после себя шесть консулов — пять прежних, шестой Берия, выбранный на пустое место. Теперь надо найти самого достойного из шести — и ошибки быть не должно.

Сегодня собрались выбирать Верховного вождя.

И решить некие проблемы, даже о существовании которых остальным жителям державы, сколько бы сотен их ни накопилось, и подозревать нельзя.

Лаврентий Павлович прошел на свое место.

Сколько раз он садился вот так, кресло надо бы перетянуть. Все кресла надо будет перетянуть, и если его изберут, он обещает перетянуть кресла. Пора сделать новые шаги, обновить стиль руководства.

Другие не имеют программы. А число и характер угроз все время возрастают. Такова жизнь, даже в отсутствие жизни.

— Мы собрались, — продолжал Чаянов, — чтобы обсудить некоторые события последнего времени, а также выбрать Верховного вождя на новый срок.

Срока не бывало. Если ты занимал это место, то до исчезновения, растворения и гибели ты его не покинешь. Могут убить, могут заклевать. Но еще не было случая, чтобы Верховный ушел сам.

— Начнем ли мы с выборов? — спросил он. — Или с других вопросов?

Тут же голоса разделились. Те, кто мог рассчитывать на место Председателя, хотели начать с выборов, равнодушные или не имевшие шансов хотели заняться сначала своими проблемами.

Лаврентий Павлович тоже не хотел спешить. Пускай те, кто видит в нем угрозу, успокоятся и потеряют бдительность.

— Тогда поговорим о жизни, — сказал Чаянов. — О нашей жизни. И если позволите, я сам и начну.

Он лежал в кресле, вытянув длинные ноги в лосинах и старинных туфлях. У Чаянова была внутренняя склонность к XVIII веку, он не скрывал ее и даже порой, но не сегодня, носил парик.

— В последнее время, — продолжал Чаянов, — усилились тревожные тенденции. Пример сейчас перед глазами — этот ветер, которого быть не может. У нас не бывает ветра. Но миром правят причинно-следственные связи. Нет следствия без причины.

Не красуйся, мысленно укорил профессора Лаврентий. Все равно не изберут. Молод, не знаешь административных игр. Вот Клюкин — это серьезно. У него есть союзник, Лариса.

Лаврентию Павловичу было горько, что его организм не хочет более женской плоти, остались только сладкие следы воспоминаний. Может, это возвратится?

А то попробовать? Вернуться туда, к живым, и посмотреть, вдруг в нем снова запоют трубы. Трубы, трубы...

— В последние дни я занялся расчетами, — сказал Чаянов. — Как меня и просили коллеги.

— Погодите, погодите, — прервал Чаянова господин Победоносцев, тот самый, из учебников истории, мракобес. Он и в самом деле мракобес, а главное — крючкотворец. Вроде бы его никто не принимает всерьез, но игнорировать никто не решается. Среди консулов он теперь старший. Лаврентий Павлович проверял слухи о том, что в мире теней люди существуют вечно. По его сведениям, ничего вечного не бывает даже в вечности. Изнашивается любое физическое, или, если хочешь, называй хоть груздем, астральное тело. Вечной вечности не бывает, потому что за вечностью приходит нечто иное, следующее. «Папочка, а Вселенная бесконечна?» — «Разумеется!» — «А когда она кончается, что дальше?»

Говорят, что в провинции, в деревнях, таятся старцы по триста, пятьсот лет, рассказывают о фараоне, который появился на Невском, искал свою Нефертити. Вернее всего, это апокриф.

— Требую, — сказал Победоносцев, — прошу моих коллег по управлению государством почтить память соратников наших, сенаторов Ярославской губернии, сраженных извергами на ристалище.

Все поднялись, помолчали, каждый думал о своем.

Берия смотрел на пляж. Там, где стоял охранник, он увидел две фигуры — мужскую и женскую. Парочка медленно шла вдоль моря, остановились, глядят вдаль. А где же охранник?

История в Ярославле — опасный сигнал. Если Чаянов не даст ей оценки, придется вмешаться.

Чаянов между тем продолжал:

— Волей злой судьбы мы оказались в потустороннем мире. Не нам сейчас говорить о справедливости или излишней жестокости постигшей нас кары. Но так устроен человек, что ему свойственно привыкать к обстоятельствам, даже самым неблагоприятным.

«Ближе к делу, — мысленно подгонял оратора Берия. — Можно подумать, что у нас в запасе вечность, как говаривал мой покойный друг писатель Максим Горький».

— Хороши или плохи обстоятельства нашего существования, оказалось, что, как только возникла угроза, мы встрепенулись. Так уж мы устроены: ворчали, ужасались тому, что до конца своего бессмертия будем существовать в мире без времени, без движения, даже без облаков.

— Не надо лекций, профессор, — сказала Лариса. — Каждый из нас завершил жизнь там, наверху, когда ударили часы. Значит, он не желал жить там. Это мы уже выяснили.

— Я в самом деле профессор, — улыбнулся Чаянов, — и потому порой мне хочется разобраться в том, что со мной произошло. Почему же с некоторыми натурами в жуткий момент нежелания двинуться в будущее вместе со всем человечеством, в момент Нового года — что само по себе бессмысленно, так как Новый год — единица неизмеримая, зависящая от множества факторов, — почему с нами случился внутренний взрыв, оторвавший от человечества, от движения времени, выбросивший в странный слой существования, в мир, где нет времени, что есть вариант собственной смерти. Я понятно говорю?

— Ты не вовремя об этом говоришь, — ответил за всех Берия. Он так и не сумел избавиться от тяжелого грузинского акцента. Впрочем, даже проведшие всю сознательную жизнь среди русских грузины сохраняют акцент. Берия же попал в Москву взрослым, сложившимся партийным работником.

— Лучше лишний раз повторить, чем забыть, — ответил Чаянов. — Вам это отлично известно, Лаврентий Павлович.

Берия выкрал недавно у Чаянова книгу, из тех безответственных публикаций, что появились в 90-е годы и клеветали на

ведущих членов партии. Как правило, в таких книжках Лаврентий Павлович изображался олицетворением злодейства. Все его заслуги перед Родиной замалчивались. Страшно подумать, что думают о нем дети будущего!

Лаврентий снова повернулся к окну.

Парочки не было видно. Охранник сидел на песке, прислонившись спиной к стволу высохшей сосны. Ветерок все не стихал, и полосы ряби пересекали залив.

— Мы знаем, — продолжал Чаянов, — что для нас возврата в мир живых нет. Не было никогда выхода обратно. Так сказать, оставь надежду, всяк сюда входящий. Мы смирились. Мы существовали в этом довольно слабо населенном мире, объединяясь в некие сообщества, которые не могли стать единой системой хотя бы потому, что людей слишком мало.

— И потому что нет стимула, — вмешался Грацкий. — Зачем объединяться? Что это даст? Богатство? Славу?

— Я хотела основать газету, — сказала Лариса. — Вы знаете — результат нулевой.

Никто даже не посмотрел на Ларису.

— Различные типы правления, ибо людям свойственно объединяться в социальные группы, появлялись в нашем мире. Если заглянуть в прошлое мира без прошлого...

Грацкий захлопал в ладоши:

— Браво! Браво! Какой афоризм!

— Постепенно выработался образ правления, — продолжал Чаянов, — сначала негласный, затем общепризнанный. Правление консулов. Как только нас не называли и как только мы сами не называли себя! И сенаторами, и хранителями вечности, и подпольщиками... даже такой мир, как наш, нуждается в общем, постоянном и справедливом устроении, иначе люди могут стать неуправляемыми животными.

Лаврентию Павловичу было скучно. Как надоедает стремление поговорить, показать себя.

— Мы охраняем наш мир от внешних влияний, — продолжал Чаянов. — Это не пустые слова. Они отражают действительную опасность. Оказывается, граница между нами и тем миром, в котором мы существовали ранее, прозрачна, оказывается, существовали и существуют пункты соприкосновения миров и возможности обмена между ними. Еще несколько лет назад наши московские коллеги осознали опасность таких контактов, они поняли, что именно этим путем к нам придет страшная гибель! Они постарались прекратить контакты, но были слишком слабы... и если кто-то слаб, то другой оказывается корыстен. Третий просто продажен. Даже в нашей среде нет порядка и не на кого надеяться.

— Господин Чаянов, к сожалению, совершенно прав. Скверна не только подняла голову и проникла в наши ряды, — сказал Победоносцев.

Что-то пробурчал Никифор.

Лаврентий подумал, что все происходит как в романе, где автор дает героям высказаться, всем по очереди, чтобы читатель при том понял, где происходит действие, кто хороший, а кто сволочь... Сейчас вставит свою реплику Лариса. За ней Грацкий, и разговор утонет в бесконечном обсуждении того, что обсуждать не следует.

— Продолжай, Чаянов, — сказал Берия, называя оратора по фамилии — старая партийная привычка.

— Не надо, — сказала Лариса. — Все и так знают.

— Я продолжу, — сказал Чаянов. — Слишком важна тема нашей встречи.

Берия взглянул в окно. Охранник сидел в той же позе, девушка стояла у среза воды. Вот она замахнулась — через голову, так никогда не закинуть камешек далеко. Кинула. Было видно, что фонтанчик воды поднялся метрах в десяти от берега.

— Последний сигнал, — продолжал Чаянов, — из Ярославля — показывает, насколько непрочно и опасно наше положение. Но мы, как и положено, спохватились только сейчас. Очевидно, надо было действовать уже после событий на Киевском вокзале в Москве.

— В мое время о таком и не слыхали, — сказал Победоносцев.

— В ваше время, коллега, — сказал Чаянов, — вообще ничего не происходило. Тем не менее вы умудрились подготовить падение империи.

— Если бы я был жив... — начал Победоносцев, а Клюкин передразнил его:

— Если бы я был жив...

— Вы, именно вы и довели страну, империю... — Победоносцев поднял к потолку желтый высохший палец.

Как в таком душа держится, подумал Лаврентий Павлович и чуть было не улыбнулся, что позволял себе очень редко. Вопрос о местонахождении души оставался дискуссионным.

— Вы лучше расскажите, какие проводили расчеты, — сказала Лариса. — И что нам грозит.

«Правильный вопрос. К делу. Если бы все случилось лет пятьдесят или сто назад, взял бы я эту бабу. Настоящая баба.

По документам дворянка». Лаврентий Павлович предпочитал дворянок.

Он посмотрел на ту девушку, внизу на берегу.

Девушка подошла ближе к ресторану. Это лишнее. Непроверенным лицам приближение к ресторану «Приморский» не дозволялось. Наверное, ее сейчас увидят велосипедисты или кто-нибудь из охраны. Надо бы ее допросить — почему она оказалась здесь, на пустынном пляже, где ее спутник? И того охранника из внешнего оцепления надо допросить...

Занятый своими мыслями, Лаврентий Павлович упустил начало речи Чаянова, но он уже знал это начало. Не впервые разговариваем.

— Да погодите! — Эти слова относились к Победоносцеву, который не был способен по старости и изношенности много понять, но полагал себя мудрейшим, подобно кавказским старейшинам, давно выжившим из ума и потому очень удобным для экстремистов, которые под видом мудрости готовы вложить в их дряблые уста сумасшедшие лозунги.

Все зашикали на старца, и тот, ворча, замолк.

— Наверное, каждый из нас мечтал или, наоборот, боялся возможности возвратиться обратно — ожить, вылезти из ада, увидеть близких... Проходили годы, и эти желания посещали нас все реже. И не только потому, что наши близкие и даже просто помнившие нас люди ушли из жизни, но и потому, что мы не можем там жить. Изменилась наша кровь, изменились наши ткани... в это трудно поверить, но мы уже мертвецы. Если вернусь туда, откуда я родом, то через несколько часов или минут перестану существовать. Откройте гроб, в который не поступал воздух, и в первые моменты вы увидите черты лица покойного, словно он только что заснул, но в течение минут свежий воздух сделает свое страшное дело. Тело превращается в гнилую массу черной плоти...

— Господин профессор, я вас умоляю! — воскликнул Клюкин. — Хватит мне того, что я состою из плоти, смертной и непрочной, не повторяйте, что она отвратительна!

— Мы бесплотны, мой дорогой, — заметила Лариса. — Потому нам так хорошо.

— Не богохульствуйте! — прошептал Никифор.

Лаврентий Павлович смотрел на берег. Девица исчезла, но не уходила по берегу прочь — он бы заметил. Надо бы сейчас сбегать вниз, поглядеть, не подбираются ли чьи-то агенты к ресторану. Чьи-то агенты! Смешно звучит.

— Главное, — донесся до него ровный голос Чаянова, —

что мы не можем вернуться. Никогда. Мы живем в запаянном гробу. И любой ветерок, любое движение воздуха для нас опасно.

Все посмотрели на море. Все знали, что веет ветерок. Ветерок нес в себе беспорядок и опасность.

— Мы — улица с односторонним движением. Это вообще свойственно смерти. Ты можешь попасть сюда, в Ад, ты никогда не сможешь вернуться. И если кто-то раскроет дверь между нами и миром, в котором мы жили раньше, то вошедшие сюда останутся живы, а живущие здесь умрут.

Чаянов сделал паузу.

— Что нам и грозит, — закончил он.

Все молчали, потому Победоносцев повторил свою фразу:

— В мое время ничего такого не было.

— Ах, что вы знаете! — воскликнула Лариса. — Может быть, этот мир как пузырь на воде — уже возникал и погибал. Все может быть.

— Нам неизвестно, — сказал Чаянов, — когда возникла преграда между миром обычным и нашим. Какой она была тысячу лет назад, как изменилась.

— Тогда не трать время даром, — буркнул Победоносцев.

Чаянов не услышал.

— Но мы можем проследить, какой эта преграда была триста, двести лет назад, сто лет назад.

— Ну только не триста. Трехсотлетних среди нас нет.

— Есть, — сказал Чаянов, — я их отыскал. И обнаружил различия между прежними временами и временем нынешним.

Лаврентий Павлович был недоволен. Оказывается, этот пижон Чаянов раскопал каких-то старцев, и Лаврентий Павлович не знал об этом. А он-то думал, что в его списках есть все ленинградцы. И многие за пределами столицы.

— Где эти люди? — спросила Лариса. — Мне любопытно.

— В обители, — ответил Чаянов. — Я отыскал лесную обитель. Там старцы и старицы.

— И мне не доложил? — рассердился Никифор. — Вот уж не ожидал от тебя, голубчик.

«Конечно, я слышал о сектах, о людях, что прячутся десятилетиями в пещерах, в лесу, полагая, что они обязаны отмолить свои или чьи-то еще грехи. Но не встречал. И не занимался ими специально», — сердито думал Берия.

— Это не мое дело — верующих считать, — ответил Чаянов. — Главное не в этом. Главное, что за подотчетное время

вплоть до ближайших к нам лет никаких обратных контактов не было. То есть сюда, к нам, можно было попасть. От нас вернуться нельзя. И не было дыр в занавесе, что отделяет нас от нашего прошлого. Была как бы воронка, она могла возникнуть в любом месте. Ты мог попасть в нее. Но никогда бы не увидел обратного пути. А за последние годы все изменилось и меняется... тревожно меняется.

— Он прав, — сказал Клюкин.

— Я прибегну к обратному методу доказательства. Сперва сообщу вам, в чем причина перемен. А потом приведу примеры и доказательства.

Никто не стал возражать.

— Население Земли увеличивается катастрофически. Уже в начале века появился кризис перенаселения. На рубеже двадцатого века население насчитывало миллиард человек. К концу века, несмотря на две мировые войны, казни, репрессии и так далее, на Земле народилось уже пять миллиардов. В пять раз больше. А что это значит?

Чаянов обвел взором членов совета, не дождался ответа и продолжал:

— А это означает, что по крайней мере впятеро больше людей проникает к нам. Это значит, что существует очевидная корреляция между населением Земли в целом и нашим населением. Но я скажу больше. Мои подсчеты новых поступлений в наш мир доказывают, что прибавления в нашем семействе увеличились не в пять, а в десять раз. Потому что там, наверху, неуверенность в завтрашнем дне, страх перед концом света все растут... За сто лет в десять раз!

Чаянов ненадолго умолк, давая возможность коллегам охватить разумом его сообщение.

Первым опомнился Грацкий.

— Мои данные этого не подтверждают, — сообщил он. — Я провожу призыв в армию, и он не дает значительного увеличения.

— А кто в твою армию желает? — спросила Лариса, — Я подозреваю, что о ней за пределами Невского никто и не слышал.

— А наш парад в день Октябрьской революции? — спросил Грацкий. — А наш оркестр духовых инструментов? Я попросил бы вас не клеветать. Армия — это самое святое в отечестве.

— Люди возникают не только в Москве и Питере, — сказал Чаянов. — Они появляются и в лесных деревнях, и за Уральским хребтом. Главное, происходит так называемый демографический взрыв. А он ведет к изменению обстановки в нашем мире. Разрешите перейти к примерам?

— Давай, — сказал Берия. Он был недоволен тем, как уверенно Чаянов ведет заседание Политбюро. Слово «Политбюро» Берия давно относил к совету. Но вслух не произносил.

— Я ограничусь несколькими примерами, а вы уж решайте, опасны они или нет. Пример первый: несколько лет назад, уже на памяти всех здесь присутствующих, существовала так называемая Империя Киевского вокзала в Москве.

Присутствующие наклонили головы, все о ней знали.

— Одно из мелких образований, таких здесь десятки, — сказал Чаянов.

Все вновь согласились.

— Там был император.

— Ах, не надо меня смешить, — отмахнулась полной рукой Лариса.

— Люди предпочитают жить по привычным формулам. Чем существовать каждому как придется, в одиночку, они объединяются. Как капли жира. И вот у них есть император, жестокий тиран или вялый барин. Главное, что кто-то их угнетает.

Чаянов скорчил смешную гримасу — оттопырил нижнюю губу, закатил глаза — получилось тупое, покорное судьбе создание.

— Ваша любовь к крестьянству потешна, — сказал Грацкий. — В глубине души вы его презираете.

— Зачем же лезть в глубину моей души? Ищите ближе к поверхности.

— Мы ждем, — строго напомнил Лаврентий Павлович. — Мы собирались по серьезному делу.

— Берия, как всегда, прав. Недаром он стал знаменитым палачом, — сказала Лариса.

— Скажи спасибо, что ты до меня не дожила, — ответил Берия. — Я гарантирую тебе неземное наслаждение и мучительную смерть.

— Я продолжаю, — сказал Чаянов. — Или мы будем шутить, господа?

Чаянов знал, как неприятно Лаврентию Павловичу слышать это слово: «господин». Потому любил употреблять его. Чаянов пришел сюда в тридцатом году, подобно Гуревичу, вырвавшись из мира пыток и смерти, который олицетворял для него Берия. Здесь трудно убить человека, люди становятся почти неуязвимыми. Иначе Чаянов придумал бы смерть для

Берии. Он был мстителен. Ведь убили же Распутина. Здесь. Снова. Но это особый разговор и неприятные воспоминания.

— Этот идиот...

— Павел Первый, — подсказал Клюкин. — Я к нему съездить собирался. Любопытно.

— Павел даже устроил аутодафе, — сказал Чаянов. — Порой жег непокорных.

— Или неверных любовниц, — сказала Лариса.

— Вот с любовницами и возникла проблема, — продолжал Чаянов, — именно с ними. Каким-то образом этот император наладил связь с Верхним миром.

— Мы же расследовали, — сказал Берия, — допрашивали людей. У него был слабоумный медиум. Преемник. Он чувствовал, где и когда в перемычке образуется отверстие. Этого медиума потом убили.

— Это было потом, — сказал Чаянов. — Но самое удивительное, что император наладил регулярный обмен с тем миром. Получал оттуда бананы и девочек. Так по крайней мере нам потом рассказали. Даже притащил оттуда какого-то певца, страшно богатого, но больного, чтобы он поджидал в нашем подвале, пока отыщут лекарство от его болезни.

— Какая-то чепуха, — сказал Грацкий. — Я гарантирую. Как ты можешь дождаться, если не можешь вернуться?

— А кто-то не хотел в это верить, — ответил Берия.

— Все это кончилось бунтом, войной, возмущением, гибелью императора. Мы посылали наших людей, они не вернулись.

— А где была та дыра? — спросила Лариса. — Где было это отверстие? Ведь они должны были пользоваться им регулярно.

— Правильный вопрос, — сказал Чаянов. — Точный вопрос. Ответа на него нет. А вот император погиб, но погибли и наши люди, которые старались следить за ним, хотя не погибли, очевидно, те агенты из Верхнего мира, которые проникли в Империю Киевского вокзала.

— И где они? — спросил Берия. Это был не вопрос, а продолжение спора. Чаянов был убежден, что некие молодые люди — даже их имена ему якобы были известны: Егор и Людмила — пришли из Верхнего мира не с помощью новогоднего желания, а через отверстие в перемычке. Понимаете разницу?

— Живыми на небо берут лишь праведников, — заметил Никифор.

— Именно они попали живыми в наше Чистилище, — сказал Чаянов.

— И вымерли вместе с нами, — заметила Лариса. — Стали тенями.

— Такова история первого прямого контакта, о котором нам известно, — продолжил Чаянов. — И учтите, мы не знаем, сколько всего людей переходили границу между нашими мирами. И сколько из них остались тут.

— И сколько мерзости и грязи приходит к нам из греховной каши, — добавил Никифор. — Прости меня, грешного.

— Мерзость и грязь, — согласился Победоносцев.

Берия смотрел, как волны накатывают на песок. Такого быть не могло. Они прожили здесь долго, они понимали, что им некуда деваться, и потому взяли на себя ответственность править этой пустынной страной. Но она погибала.

— Она погибает на глазах, — сказал Берия вслух.

— Что ты несешь? — спросил Клюкин.

— Ветер, — сказал Берия. — Здесь не может быть ветра.

— Почему?

— Потому что он может разогнать тучи, и обнаружится потолок, понимаешь, товарищ Клюкин?

— Недавно был другой случай, еще более тревожный, — сказал Чаянов, — потому что следы от него ведут к нашим коллегам. К ярославским сенаторам.

И хоть недавняя страшная история была всем известна, все замерли, ожидая рассказа.

Как дети, знающие наизусть страшную сказку, но готовые до смерти пугаться, когда слушают ее вновь.

— Группа сенаторов в Ярославле...

— Все сенаторы Ярославля, — поправил Никифор. Владыка был уже несколько месяцев глубоко оскорблен событиями в Ярославле.

— Все сенаторы Ярославля соблазнились, либо были соблазнены кем-то, использовать связь с Верхним миром в корыстных целях.

— Хуже, в святотатственных! — закричал вдруг Победоносцев.

Никто не ожидал от него такой вспышки. Получилась долгая пауза. Берия откашлялся.

— Давайте сегодня не будем судить сенаторов. Более важные проблемы стоят перед нами, — сказал Чаянов.

— Человек прав, — поддержал Чаянова Клюкин.

— Итак, — сказал Чаянов и поднял вверх руку, как на лекции, призывая к тишине. Он был ранним профессором, даже бородой обзавестись не успел, как его шлепнули. Или собра-

лись шлепнуть. — Сенаторы придумали нечто, не поддающееся человеческому разумению. Томясь скукой и всевластием, они нашли дыру в Верхний мир и наладили свободный переход купленных ими мерзавцев туда и обратно. Эти мерзавцы доставляли им солдат, бойцов, гладиаторов — как хотите, так и называйте, которым внушалось, что они находятся на настоящей войне. Они сражались насмерть на крытом стадионе, а сенаторы на верхней трибуне, невидимые снизу, делали ставки на солдат, на солдатиков, устроили тотализатор... Наконец кто-то из солдат не поддался гипнозу. И всех их перестрелял. А это все для нас означает... третий звонок.

— Третий звонок, — повторил Берия. Он был совершенно согласен с Чаяновым. — Еще несколько лет, еще несколько дыр, еще несколько контактов, черт знает сколько — и наш мир перестанет существовать.

— Мы знаем о случае в Ярославле, мы знаем о случае на Киевском вокзале в Москве, о трагедиях... и мы знаем, что еще полвека назад это было невозможно. К нам прет зараза, к нам идет гибель.

Это говорил не Чаянов. Он как бы передал право на заключительный аккорд старшему в роду.

То есть владыке Никифору.

Тот поднялся, но от этого не стал выше ростом.

— Господь замыслил наказать нас за прегрешения, за грехи, в которые мы впали даже здесь, в Чистилище. И нет нам прощения, если мы не возьмем в длань меч справедливости!

Закончив монолог, Никифор окинул взглядом аудиторию.

Никто на него не смотрел. Обернулись к Чаянову.

— Итак, — сказал Чаянов, — поток беженцев к нам расшатывает перемычку, истончает ее. Допускаю даже, что прочность ее имеет предел. Чем больше здесь людей, тем больше шансов, что среди нас плодятся без меры сумасшедшие, преступники, лица, желающие любой ценой восстановить связи со своим прошлым. Не исключено, что среди нас уже есть люди оттуда.

— Они есть, — сказал Берия. — Их цель — сломать перемычку. Одним это нужно, чтобы безнаказанно грабить, другим — ради бессмертия.

— Иллюзии бессмертия, — сказала Лариса Рейснер.

Берия посмотрел на берег.

Девушки не было видно. Где она спряталась? Охранник сидит все так же спиной к сосне. Почему? Сейчас же надо проверить.

— Мы обречены, — сказал Чаянов. — Прошу отнестись к

этому трезво. Говорят, в Североамериканских Соединенных Штатах врачам велено честно рассказывать раковым больным, что они обречены, и даже сообщать, сколько им осталось жить на земле. Я, как американский врач, могу сказать, что жизнь нашего неладного, нелюбимого, но единственного для нас возможного мира исчисляется месяцами или даже днями. Если мы не примем мер, то не сегодня-завтра дыры в перемычке превратятся в ворота. Смертельный для нас воздух проникнет в наш мир, смертельные для нас люди, да простит господь их невежество, ибо они, вернее всего, погибнут в потопе, который вызовут, пройдут по нашим телам... Что потом?

— Все равно — что потом, — сказал Берия. — Но это не значит, что мы сдаемся. У нас есть план.

— Какой? — спросила Лариса.

— Пока о нем знают двое, — сказал Берия. — Чаянов и я. Кто будет третий, мы решим по мере его разработки.

— И все же вы обязаны намекнуть. Уж если скрываться от нас, — сказала обиженная Лариса, — то тогда некому доверять.

— Хорошо, намекни им, — сказал Берия. — А я должен кое-что проверить.

И он быстро пошел к выходу из зала.

— Наша цель, — сказал Чаянов за его спиной, — единственная возможная для нас цель — уничтожить Верхний мир.

— Как так? — Это голос Никифора.

— Как сделал Бог, послав на землю потоп, — ответил Чаянов. — Но мы не будем искать среди них праведника. Прошли времена праведников. И если мы не уничтожим людей там, наверху, завтра они ворвутся сюда, неизбежно ворвутся, и тогда погибнем мы.

Берия прошел мимо охранников, сидевших у лестницы, спустился по ней и вышел к велосипедистам, носильщикам и иной обслуге. Каждый из консулов имел свой штат обслуги. Самая роскошная карета у Клюкина — его лакеи одеты в красные ливреи.

Откуда пришли те двое? Куда делись? Зачем в этих краях кому-то гулять по берегу?

Берия спускался по лестнице не спеша, оглядываясь и пытаясь понять, где бы он устроил засаду, где бы затаился, если бы ему самому пришла в голову мысль выследить сенаторов и подслушать, о чем они тут рассуждают.

Вот здесь широкий ход в банкетный зал, уютный, но не имеющий такого славного вида на море, как основной, круглый. Он прилепился к круглому залу, как гондола к дирижаблю.

Лаврентий Павлович хорошо помнил полет дирижабля «Земля Советов» через Главный Кавказский хребет. Когда это было? В тридцать втором? Они встречали его на военном аэродроме под Тбилиси, большое было торжество и большое застолье. Капитан дирижабля... как его звали? Панкратьев? Его потом удалось отыскать и убить где-то в Аргентине. Этим занимался Судоплатов. Зонтик? Зонтик с иглой на конце? Как же фамилия его главного мастера по ядам? Могилевский? Могильный? Доктор наук, наверное, остался в институте. Не Менгеле... А Судоплатова похоронят с почестями... Дирижабль тогда поднялся: как красиво, как величественно — великое проявление человеческого духа! Лаврентий Павлович, что выгодно отличало его от обыкновенных людей, умел одновременно думать в двух плоскостях. Люди же, неспособные на это, попадались в тенета, расставленные Лаврентием Павловичем. За видимым безразличием к окружающему миру он оставался его острым и настороженным наблюдателем. Многие здесь постепенно теряли интерес к жизни, лишенной ее земных атрибутов, физически опускались, что и приводило к исчезновению — не к смерти, а к исчезновению. Но Лаврентий Павлович полагал, что если судьба забросила его в дальнюю страну, значит, в этой стране требуется вождь. И требуется борьба.

За пятьдесят лет, проведенных в мертвом мире, он еще более укрепился в своем убеждении. Может быть, он не стал первым на этой Земле. Но одним из первых — да! И станет первым обязательно. Как только окончательно сковырнет своих ближайших соратников.

Пятьдесят лет... прошли ли они как один день? Нет, порой дни тянулись бесконечно, порой отчаяние охватывало его деятельную натуру, порой хотелось прервать эту цепь дней без ночи самоубийством.

«Пока существует тот, Верхний мир, не может быть полной власти в этом. Он всегда будет влиять на наши дела, вмешиваться и в конце концов подавит и поглотит нас».

Верхний мир должен быть уничтожен. В этом Лаврентий Павлович не сомневался.

И тут он увидел, что охранники ведут к нему девушку. Ту, что гуляла по берегу. Через два часа Берия уже допрашивал ее в Смольном, в кабинете Ильича.

— Имя?

— Людмила.

— Целиком. Имя, отчество, фамилия!

— Здесь это неважно.

— Мне важно.

— Людмила Тихонова.

— Меня ты знаешь?

— Я раньше думала, что вы давно вымерли. А оказывается, вы сюда пробрались. А вас что, должны были расстрелять? Я ведь читала, что вас расстреляли, Лаврентий Павлович.

— Значит, все-таки помнишь. Любопытно. И многие меня помнят?

— Больше по кино. Вы там страшнее, чем в жизни. В шляпе и маленьких очках.

— Чего плохого в моей шляпе? Тогда все так ходили.

— Как вам сказать... Ленин в кепке, Сталин — в фуражке. А вы в шляпе.

— Меня ставили рядом с ними?

— Нет, я в кино видела, там показано, что вы садист. Исполнитель.

— А ты не задумывалась, что это клевета?

— Почему? Рано еще.

— Почему рано? — удивился Берия.

— Еще многие живы, которые помнят, — сказала Люся, — или их родственники погибли. А когда они все вымрут, а другим станет все равно, тогда вы можете вернуться.

— А ты думаешь, что можно будет вернуться?

— Физически, чтобы жить, — нельзя. А чтобы побывать и поглядеть, как там жизнь идет, — я думаю, что это будет можно.

— Это твоя мечта или тут есть к этому основания?

Люся насторожилась. Берия не просто разговаривал. Он ее допрашивал. И хоть странно и необычно оказаться на допросе, в обычном кабинете из художественного фильма, откуда Ленин руководил взятием Зимнего дворца, Берия был смертельно серьезен, и самое, конечно, удивительное заключалось в том, что у него были основания ее допрашивать, а ей было что скрывать от него.

— Я надеюсь, что есть такие основания, — сказала Люся. — Мне бы хотелось.

— Почему?

— Надоело мне здесь ошиваться.

— А как вернуться, ты не знаешь?

— Не знаю. А вы знаете?

— Есть некоторые соображения. Тебе, думаю, тоже известные.

— Поделитесь?

— А ты хорошенькая была.

— Я и сейчас хорошенькая.

— Нет, у нас хорошенькие быстро вянут. На тебе тоже видно. Тебе надо поспешить с возвращением.

— Поспешу, если смогу.

— И одной трудно. Нужна компания. Ты с кем была на пляже?

— Там был один мужчина, — честно призналась Люся, — он ко мне еще в поселке подошел. Очень приятный дядечка. Он здесь живет.

— Молодой? Старый?

— Здесь молодых нет.

— Ты — молодая.

— Я — исключение.

— И куда твой дядечка делся?

— А он сказал, что устал, и ушел к себе.

— Куда ушел?

— Ну не знаю я! Вы лучше вашего стукача спросите, который на пляже топтался. Он нас видел, даже разговаривал.

— Мы спросим, — сказал Лаврентий Павлович.

Он смотрел на Люсю и огорчался, потому что глазами мог ее раздеть и уложить рядом с собой, но в самом деле не чувствовал к этому склонности, позыва. Даже в камере ему очень хотелось, просто ночами просыпался от похабных образов, а сейчас знал, что ничего не получится. Он еще сорок—сорок пять лет назад пробовал себя и вынужден был сдаться. Это было невыносимо, и за это он тоже будет мстить тому миру, что остался наверху и наслаждается ночами в постелях. Когда ты лучше прочих знаешь о масштабах этого счастья, о его разнообразии, о том, что, пожалуй, нет ничего выше счастья соединиться с женщиной, тебе остается лишь власть и ненависть. И об этом никто не должен догадываться.

Лаврентий Павлович углубился в чтение бумажек на столе — они были разбросаны по зеленой поверхности как бы невзначай, как бы слетевшиеся к нему из окон или дверей и требующие внимания.

— Ну, я пошла? — спросила Люся.

Берия выдержал паузу. И только за тысячную долю секунды до того, как она повторила вопрос, он поднял глаза и уставился на Люську карими маленькими внимательными глазами.

И увидел худенькую — или, может, худую? — девушку, совсем еще молодую, наверное, лет двадцати. Лицо у нее было простое, таких называют дворняжками — от слова «двор» или «дворня». Ее бабушка еще была просто крестьянкой, скуластой и курносой, мать уже обрела правильность фигуры, стройные ноги, небольшую грудь, бледность кожи — это происходило от недоедания, вечных недостач, может, и пьянства — крестьянская кровь осталась, но разбавилась городской водицей. А в дочке, в этой самой Люсе Тихоновой, все вспыхнуло совершенством красоты бедного квартала, может, арбатских дворов, а может, мытищинского общежития. И уже за пределами жизни Берии эти девочки вырастали шестифутовыми дылдами, из чего половина или две трети падало на стройные ноги.

А вырастали такие девушки в конце века, потому что на них пошел большой спрос — выросли двухметровые женихи и невысокие, но богатые пожилые толстяки, которые могли за них славно платить и держать их в ночных клубах или на Канарских островах. А многие попадали в модели или просто в проститутки: везде в них была нужда. Вот и эта Людмила Тихонова, видно, была длинноногим заморышем, белой дворовой кошкой. А теперь она на две головы переросла Берию, и хорошо еще, что она ему не нужна, — а то даже в постели разница в габаритах будет ощущаться.

— Расскажи биографию, — потребовал Лаврентий Павлович.

Он отметил про себя, что раньше ее не встречал в мертвом времени. Значит, либо новая жертва, либо жила где-то в другом месте. Да и вообще молодых девушек здесь почти не бывает — молодые не могут так страстно желать чего-то, для этого требуется жизненный опыт. Молодые не умеют ценить собственную жизнь. Не могут цепляться за нее. Как можно цепляться за то, что не имеет великой ценности?

Волосы у девушки были русыми, обыкновенными, лицо — правильным, большелобым, чуть скуластым, ровно настолько, насколько нужно для шарма, нос чуть вздернут, губы великоваты для такого лица, но лишь чуть-чуть великоваты.

Совершенно не во вкусе Лаврентия Павловича, который любил пышных полногрудых блондинок, можно даже крашеных, такие его и возбуждали. Не такие палки, как эта.

И в то же время в ней что-то было...

— Я родилась в 1980 году, — сказала девушка. — Попала сюда, когда мне было двенадцать лет.

— Ребенком?

Это уже совсем немыслимо. Детей здесь не было.

— Мы бедно жили, — искренне сказала Людмила, — мать пила, у нее любовники. Я своего отца не знаю, но одного ее мужчину очень любила и на него надеялась. Ждала его под Новый год...

Она улыбнулась, вспомнив зал наверху в конце эскалатора на станции «Университет» в Москве. Как она смотрела на людей, поднимавшихся по эскалатору, и ждала — вот сейчас покажется голова Константина, и он будет улыбаться, завидев Люську: ты чего, малыш, на ночь глядя прибежала, снова мать гуляет? Хоть сам был тоже алкашом. Может, потому и не доехал под тот Новый год?

— Врешь, — сказал Лаврентий Павлович. — Врешь и не краснеешь.

— Почему? — Людмила даже не обиделась и не испугалась.

— Потому что если тебе было двенадцать лет, тебе бы и осталось двенадцать лет. Не думай, что перед тобой недоноски сидят.

Вдруг Лаврентий Павлович испытал странное, давно забытое чувство — он захотел избить ее так, чтобы она кричала и просила о пощаде, и потом овладеть этой девушкой... неужели такое счастье возможно? Неужели с ней он сможет?

И пролетело это чувство, и исчезло. Вернулась уверенность в том, что все это в прошлом.

«Надо будет подождать, — сказал он себе. — И если что-то получится, почувствую — надо быстро действовать».

— Правильно, — сказала Людмила. — Я тут два раза побывала.

— Что? — Берия вцепился в край стола, чтобы не вскочить и не выдать своего изумления. — Ты... снова вернулась?

— Странно, что вы не слышали об этом. Здесь народу не так много, а вы тогда уже здесь были, — сказала девушка. — Я думала, все знают.

Он в самом деле что-то слышал об этом. Давно. Но что? Опять подводит память — она должна быть безукоризненной, и все должны об этом знать.

— Я недолго здесь пробыла. Несколько дней. Еще не успела заразиться... ведь можно до недели. Вы же знаете.

— Знаю.

— А потом мне удалось бежать. Вернее, меня отпустили. Меня отпустил император Киевского вокзала в Москве. Неужели вы и о нем ничего не знаете?

— Знаю, знаю! — Берия вспомнил. — Так это тебя он вернул через шесть лет, чтобы жениться? Он думал, что сможет жениться, идиот!

— Это я была, — призналась Людмила, — меня украли и притащили сюда, это была плата одного человека за то, что ему дадут тут место... не обычным путем, не под Новый год — а через дырку...

— Да, через дырку, и это самое ужасное, — вздохнул Лаврентий Павлович. — Мы здесь погибнем из-за этих дыр. Тебе известно, что через них просачивается смертельная для нас субстанция?

— Нет, я не слышала.

— Я покажу, я обязательно покажу.

Лаврентий Павлович поднялся со стула и пошел по кабинету. Он подошел к окну. «Когда-то в это окно смотрел сам Владимир Ильич. А в то время уже существовал наш мир... как бы у него под ногами. Наверное, когда заболел, он был бы рад сюда уйти, но не догадался. Вот гений, а не догадался. А жаль — мы бы с ним вдвоем тут славно поработали. Как мне не хватает рядом умного, решительного человека. Ведь остальные — сборище неполноценных уродов».

А с этой девицей все выходило как нельзя лучше. В смысле, что он правильно на нее вышел. Интуиция сработала. «Нас, старых ищеек, не проведешь. Конечно, она уже бывала в своем времени, вернулась, снова ушла. И я должен всему этому верить? Да она же камикадзе, она пожертвовала собой, чтобы держать нас под контролем... а вдруг не пожертвовала? А вдруг есть способ остаться здоровым? И она, эта Людмила Тихонова, — член заговора, полна живой кровью?»

— А как у тебя с половой жизнью? — неожиданно спросил Лаврентий Павлович.

— Так же, как у вас.

— Не употребляешь?

— Мы мертвецы, — сказала Людмила.

— Про Александра Матросова помнишь? — спросил Берия.

— И про Муция Сцеволу, — сказала девушка.

Про Муция Сцеволу Лаврентий Павлович не слышал. Потому ее слова как бы не услышал.

— Некоторые, — сказал он, — жертвуют собой ради работы. Мне это понятно. Я таких людей уважаю. Разведчик всегда уважает настоящего разведчика.

Он с ожиданием впился в нее очками.

— Вы ошибаетесь, Лаврентий Павлович, — нет здесь шпионов сверху. По крайней мере я таких не видела.

— А почему?

— Я думаю, что невозможно, — сказала Людмила, — никто там не верит, что мы живы. А дырки если возникают, то они, как я понимаю, непостоянные. Не уловишь...

— А как же у императора Киевского вокзала дырка была?

— У него был особенный человек, в кресле. Я его видела. Он чувствовал, когда и как образуется дыра. Его убили.

— Правильно, — согласился Берия. — А в остальном ты сделала ошибку.

— Какую ошибку? — Тонкими дугами высокие брови поползли наверх, к краю волос. — Я сделала ошибку?

— Лучше бы настаивала на одной версии, — сказал Лаврентий Павлович. Он говорил поучительно, заботливо. Как с собственным агентом, которого готовил к серьезной операции. — Стояла бы на своем, и я бы в конце концов тебе поверил, что глаза обманули старика. А ты сначала сказала, что была одна, а потом плохо придумала местного жителя. А здесь нет местных жителей. Это проверено.

Люся смотрела мимо него, не отвечала.

— По твоим реакциям я все понимаю, — усмехнулся Лаврентий Павлович, — ты сейчас в тупике.

Люся пожала узкими плечами. Упрямилась.

— Жаль, ты мне нравишься, — сказал Берия. — И я сначала просто хотел проверить, не подозревал ничего серьезного. Но интуиция меня не подвела. Тут все очень серьезно. Кому-то важно было знать, о чем мы говорили? Враги у нас могут быть двоякого рода. Или внутренние враги, скажем, какая-то организация в Ленинграде. Сейчас такой организации я не знаю. Была группа интеллигенции — мы ее разогнали... Или не разогнали?

У него была манера: говорить, говорить, а потом прервет поток речи и задает неожиданный вопрос.

— Не знаю, — сказала Люся.

Может, и в самом деле не знает?

— Тогда остается враг внешний. Вот это серьезно, потому что сегодня совет заседал именно для того, чтобы выяснить вопросы, касающиеся внешней опасности. Вопросы секретные. И тут появляешься ты, с неизвестным мужиком, с твоей загадочной биографией. Ну что бы ты стала делать на моем месте?

— Отпустила бы меня, — сказала девушка.

— Зачем? Кто тебя ждет? Что тебя ждет? Нет, я тебя не отпущу. Я сначала попытаюсь узнать о тебе все, что можно. Я ведь не один, у меня есть агентура. Есть и список жителей Ленинграда. Могу затребовать список из Москвы. Так что я твоего мужика найду. А ты пока посиди у меня, благо пищи не просишь. Или тебе надо пищу подавать?

Лаврентий Павлович ждал ответа с нетерпением — от него многое зависело. Потому что, когда больной узнает о том, что кто-то вылечился от его безнадежной болезни, в нем просыпается надежда касательно самого себя.

— Меня не надо кормить. — Люся чуть улыбнулась, потому что догадалась о цели вопроса.

Лаврентий Павлович подошел к двери, открыл ее, там в белом коридоре стоял охранник.

— Здесь есть надежное место спрятать ее или надо везти на Литейный? — спросил он.

Вопрос был ритуальный. На Литейном никого не было. Дом НКВД пустовал, не хватало людей, чтобы его поддерживать в боевой форме. Да и не было дел — как ни придумывай, слишком мало здесь населения и слишком мало это население желает.

— Найдем. Будет надежное место, Лаврентий Павлович, — ответил охранник.

— Тогда отведите гражданку Тихонову, — сказал Берия, — я с ней завтра побеседую.

Это все был набор слов из давно исчезнувшей жизни, но так как охранник когда-то был старшим майором Госбезопасности и берег память о той власти, он с наслаждением служил Берии и поддерживал игру в прошлое.

Берия остался в кабинете Ленина.

Он сидел за его столом, но не исключено, что стол заменяли, так что помощи от стола ждать не приходилось. Но хотелось.

Неожиданно он вскочил и потребовал отвезти себя к заливу, где проходило заседание. Никак не мог успокоиться...

Велосипедисты плелись еле-еле, он по их спинам видел, как они его ненавидели. Но это были его люди, ветераны, некоторые попали сюда в тот же Новый год, что и он сам. Тогда хрущевские недоноски подняли руку на самое святое — на кадры.

Когда они снова остановились перед рестораном, Берия подошел к велосипедистам и сказал:

— Наша служба легкой не бывает. Но кто-то должен взять на себя ответственность. Вы вольные люди, можете идти на все четыре стороны. Но учтите: кто остался в рядах, тот подчиняется строжайшей дисциплине. Иначе нас растопчут враги.

Велосипедисты знали цену таким словам, но человеку нужна востребованность, чувство локтя и право наказывать других, кто слабее.

Берия прошел внутрь ресторана. За ним шагал старший майор.

Лаврентия Павловича интересовали служебные помещения вокруг зала, где они заседали. Раздаточная, куда поступали блюда снизу из кухни, моечная, туалеты, кладовка...

— Если бы раньше, — сказал догадливый старший майор, — мы бы собаку пустили. А здесь и курицы нету.

Снаружи можно было проникнуть через кухню, лесенка вела в раздаточную — об этом не подумали. Кладовка Берии не понравилась. Под ее невысоким потолком были решетки. Вели они почему-то в зал. Если встать на табуретку, то можно все слышать и видеть.

Лаврентий Павлович взобрался на табуретку и заглянул в решетку. «И видно неплохо, — подумал он. — Как на выставке».

— И видно неплохо, — сказал он старшему майору. — Что ты скажешь?

— Это вы табуретку к дырке подвигали? — спросил старший майор.

Берия посмотрел себе под ноги. И чуть не выматерился. Ведь если на пыли были следы Люськиного мужика, он их стер. Прав майор...

Он вернулся в раздаточную и здесь взял реванш.

— Убери ногу, сейчас наступишь, — сказал он старшему майору.

В легком слое пыли были видны четыре квадратика — тут стояла табуретка. Следы тоже были, неясные, но обозначались. Мужские ботинки, размер сорок четыре.

— Судя по следу, — сказал старший майор, — из недавних. Импорт.

Берия поглядел на помощника по-птичьи. Тот занимался криминалистикой — просто так, из любви к искусству. Бывают же такие монстры.

— Будем возвращаться, — сказал Берия. — Если он подслушал, весь наш план под угрозой.

— У него есть связь? — спросил старший майор.

— А вот это мы вышибем из Тихоновой, — сказал Берия. — И срочно. Пока он не ушел.

Но срочно не получилось.

Может, к несчастью для Лаврентия Павловича.

Когда он уже повернулся, чтобы снова оседлать уставших велосипедистов, сверху по лестнице скатился агент, из тех, что стояли за шторами, подслушивали, пока шефа нет.

— Лаврентий Павлович! — крикнул он. — Они провели выборы!

— Не понял, — сказал Лаврентий Павлович. Хотя сразу и тяжело все понял.

Он отстранил агента, который хотел что-то сказать, объяснить, и пошел вверх по лестнице. Он шел тяжело, медленно, иначе здесь не сделаешь ничего.

А когда вошел в зал заседаний, они как раз собирались расходиться.

— Что произошло? — спросил Берия от входа.

— Ага, вернулся, — сказал Клюкин. — Ну и хорошо. А мы решили, что ты, как всегда, гоняешься за врагами Отечества.

Он не улыбался, улыбалась подлая Лариса.

Она ненавидела Лаврентия Павловича, брезговала им. И он ей отомстит за это.

— Вы провели выборы без меня? — спросил он тихо, с тяжелым грузинским акцентом, подражая голосу Хозяина.

— Мы тут посоветовались, — сказал Грацкий неуверенно. Он уже испугался.

— Вы тут посоветовались без меня и решили?

— Лаврентий Павлович, — сказал Чаянов, — можете поздравить меня с выборами на ответственный пост, несущий куда более забот, чем привилегий.

— Почему меня не подождали?

— Мы не знали, вернетесь ли вы, — сказал митрополит.

— Все было сделано по закону, — сказал Клюкин. — Кворум был, голосование открытое. Один голос за Победоносцева, остальные за Чаянова.

Берия непроизвольно кивнул. Он знал, что за Победоносцева был подан голос Победоносцева.

— Но почему не подождали? — повторил он.

Старец Никифор бочком-бочком засеменил к двери, Берия поймал его за рукав рясы и придержал.

— Я вам скажу, — произнесла Лариса. — Мы хотим согласия, мы не хотим страха. И без того страшно. А жандарма де-

лать президентом — грех и гибель для Отечества. Жандармов в президенты никогда не избирают.

— Если бы ты присутствовал, — сказал Клюкин, — ничего бы не изменилось. Ты бы нас не переиграл. Все против.

— Но не против вас лично, — вмешался Чаянов. — Мы решили поручить вам проект.

— Что за проект? — зло спросил Берия.

— Ликвидацию Верхнего мира. В вашем распоряжении будут все ресурсы и возможности нашего Чистилища.

— Я передам вам столько солдат, сколько вы сочтете необходимым, — быстро сказал Грацкий.

— А это знак абсолютного доверия к вам со стороны консулов, — сказал Чаянов. — И я предлагаю вам подумать и без обид остаться, когда остальные уйдут. И мы с вами обсудим некоторые проблемы, те самые, которые у нас считаются секретными. Надеюсь, вы не возражаете?

Последние слова относились к консулам.

Консулы не обижались.

Они по очереди подходили к Чаянову. Жали руку, желали успеха в трудной работе Верховного вождя Чистилища.

Глава 4

ЛЮДМИЛА ТИХОНОВА

Охранник, которому Берия велел отвести Людмилу в надежное место, провел ее в подвал. Там были обширные низкие помещения с мраморными столами — видно, бывшая кухня.

Он отыскал пустую кладовку за кухней. Там даже стула не было. И окна не было. Ничего не было. Он толкнул Люсю в спину, и она пробежала пять шагов, прежде чем уперлась в стену ладонями. Сзади хлопнула дверь, и слышно было, как задвигается засов. Люся догадалась, что они уже использовали эту камеру для заключенных.

Здесь все просто. Дверь без щелей. Как же дышать? Она знала, что при замершем обмене веществ потребность в кислороде не столь велика. Впрочем, они с Егором старались разгонять кровь — двигаться, бегать, пить и даже целоваться...

Она села на пол, обхватила руками колени и стала ждать. Кто-то обязательно придет раньше, чем она задохнется. А куда так поспешил Берия? Не проговорилась ли она? Нет, вроде бы не проговорилась.

Она сидела долго. Впрочем, ощущение времени здесь относительно, хотя есть понятия — долго и коротко, есть даже понятие дней, которые поддерживаются песочными часами — кто остановит песок от движения? Он отмеряет время, но независим от него.

Наверное, Егору удалось узнать нечто важное, недаром они забрались пешком в такую даль. Консулы собрались там, чтобы их никто не видел, и позвали только самых главных. Неужели слухи, что пронизывают гнилую ткань этого мира, несли в себе зерно истины?

Люська ненавидела этот мир и не раз говорила Егору, что лучше покончить с собой. Ведь те, кто влачит здесь жизнь без жизни, чаще всего не способны задумываться о том, что потеряли. Люська знала, что потеряла, и знала, что потерял Егор, когда остался здесь ради нее. И этого она ему не могла порой простить. Без него она давно бы повесилась или лучше еще — прыгнула бы с крыши гостиницы «Астория». А раз он здесь — она не имеет права это сделать.

Но потом пошли слухи о том, что консулы нашли способ уничтожить Верхнюю Землю, ту, которую Люся и Егор считали своей, хоть и покинули ее. Они были одними из последних людей в Ленинграде, которые называли его Питером и любили его.

Егор сказал, что их долг узнать, что замышляют сенаторы.

— Они бессильны, — говорила Люська, — они старые бессмысленные мизантропы.

— Ты права, но у них злобные мозги, а наши миры связаны воедино, ты это знаешь лучше всех. А раз они связаны воедино, то Верхний мир можно погубить...

— Но как?

— Не знаю.

— Это бредовая выдумка.

— Может быть. Но грош нам цена, если мы ничего не сделаем для людей.

— Мы сами не люди.

— Ты так не думаешь.

— Чего думать, если я знаю.

— Ты отказываешься?

— Конечно, нет.

Они сидели тогда в своем убежище, на пятом этаже дома на Большой Подьяческой. Он сохранился целиком. Над подъез-

дом латинская надпись «SALVE» — «СПАСИ». С пятого этажа были видны крыши и подвалы между ними.

— Если мы узнаем что-то особенное, в самом деле не бредовое...

— Ну как может быть не бредовое? — удивилась Люся.

— Объясню. Представь себе каменный замок, но под ним — карстовая пещера. Может, и небольшая, но точно под центральной башней.

— Ну, ты фантаст!

— И в один прекрасный день замок провалится.

— А если что-то узнаем?

— По крайней мере будет жизнь.

Он бывает совсем мальчишкой...

Люся сидела, обхватив коленки, и думала. Вспоминала.

Потом, сидя, вытянула ноги, ноги были длинные и очень стройные. Еще она любила свои щиколотки — узкие, как у породистой кобылы. Это ей еще там сказал один ухажер. И ей понравилось. Только никому эти ноги не нужны. Конечно, Егор ее любит, она знает, но ноги женщины созданы совсем не для того, чтобы бродить по пустым улицам, потому что нечем заняться, или совершать дурацкий поход в Хельсинки, а потом бежать от бандитов на шоссе у Выборга и вернуться еле живыми... Разве это жизнь?

По коридору кто-то шел. Охранник? Или вернулся Берия?

Ей стало страшно. Его боялись на Земле, его боятся и на том свете... Нет, это не его шаги, это шаги осторожные...

Люська кинулась к двери и прошептала, прижав губы к щели:

— Егорка, ты?

Он остановился у двери, отодвинул засов. Люська бросилась к нему на шею.

— Здорово он за тебя взялся, — сказал Егор. — Испугалась. Я был прав.

— Как ты догадался, что меня здесь надо искать?

— Я видел, как тебя увели. А дальше рассчитать несложно: они мыслят стандартно. Если ты Лаврентий Павлович, то отвезешь в свою резиденцию. Ну пошли, а то кто-нибудь заметит.

— Ты услышал? Узнал? По глазам вижу, что узнал.

— Я был прав. Они хотят всех убить. Всех живых.

Егор с Люсей жили на Большой Подьяческой в большом доходном доме конца XIX века. Большинство домов на прямой скучной улице исчезли, образовались пустыри, провалы,

сквозь них виднелся канал Грибоедова. Всего на Подьяческой жили четыре человека — Егор с Люсей, слесарь Эдик и сама Чумазилла.

Квартиру нашла Чумазилла.

Эта странная девушка, скрывавшая от остальных и свое прошлое, и даже стаж жизни, порой казалась юной, а чаще безмерно старой, и обладала рядом странных талантов. Среди них был талант чувствовать дома.

Оказывается, дома бывают совсем мертвые, в них даже вредно жить. Лучше ночевать на набережной, но не каждому это приятно, хоть ночей в Питере и нет — кажется, что в нем стоит бесконечная белая ночь. В Москве такое освещение кажется странным, а в Петербурге оно привычно.

Бывают дома нейтральные, никакие.

А в некоторых сохранилась жизнь. Как говорила Чумазилла — эманация жизни. То есть истечение ее.

Такие дома образуют теплое поле, сохраняют в себе остатки человеческого тепла. В них жить полезно, и домам лучше, если в них есть жильцы.

Конечно, эти теории, которые Чумазилла излагала ровным голосом, для человека постороннего звучали бы бредом, но здесь неизвестно было, во что верить, потому каждый выбирал для себя глупость по нраву, что, впрочем, не так уж отличалось от предыдущей жизни.

Разумеется, Егор с Люсей перебрались в квартиру на третьем этаже. Генерал Мидзогути Кодзи утверждал, что лучше всего жить еще выше, убийцы не любят ходить по лестницам. Но и Люсе не хотелось ходить по лестнице — трудно, задыхаешься.

Егор с Люсей выбрали комнату в длинной коммунальной квартире с большой кухней, на которой сохранились четыре газовые плиты. Из комнаты открывался вид на Исаакий и ряды крыш, по которым будто прошлась бомбардировочная авиация.

Генерал навестил своих молодых друзей. Он пожил у них, пока не надоело. Он никому не мешал. За право принять генерала спорили лучшие умы Ленинграда.

Генерал был совершенно лыс, у него было благородное старояпонское лицо с орлиным носом и тонкими губами. Он носил халат, подобие кимоно, и предпочитал сидеть на полу — на ковре или хотя бы на подушке.

Генерал Мидзогути Кодзи был давним другом России. Когда-то, в начале тридцатых, будучи молодым капитаном в Харбине, он увидел там, в русском театре, постановку «На

дне» Горького. В то время он уже работал в кэмпетаи и, как разведчик, учил русский язык. Он не все понял в пьесе, но стал еще упорнее учить язык и каждый вечер ходил в русский театр в Новом городе. У него даже была связь с бездарной, но хорошенькой актрисой театра.

Будущий генерал был потрясен образом Луки, того самого, которого было принято проклинать в советских школах. Лозунг Луки — жалость — стал жизненным лозунгом Мидзогути.

Чем выше он поднимался по ступенькам узкой, облитой кровью служебной лестницы, тем лучше узнавал русский язык и больше жалел русский народ, которому, несмотря ни на что, повезло в истории куда меньше, чем японцам.

Попал в Чистилище он под новый 1949 год, когда понял, что ему больше не выжить в лагере для японских военнопленных в Канске, и бежал. Он замерзал в поле и понимал, что в лагерь не вернется.

Генерал не замерз, а оказался в Чистилище, ничему не удивился и прошел по этому миру без времени несколько тысяч верст, прежде чем окончательно осел в Ленинграде. Он мог бы пойти и дальше на запад, но в Ленинграде он нашел единомышленников и друзей. И достиг цели своего существования — остановиться в потоке времени и проводить вечность в беседах и покое.

Почему этого японского генерала, человека без возраста, несколько ленинградцев почитали своим учителем, объяснить трудно. Может, и потому, что в любом генерале есть сила, которая позволяет ему повелевать людьми. Иначе бы никто не становился генералом.

Как-то Егор спросил генерала:

— Почему вы не вернетесь в Японию?

— Нет дороги в Японию, — ответил Мидзогути Кодзи.

И улыбнулся. По-японски, хотя обычно улыбался по-русски.

Генерал говорил по-русски правильнее всех. Может, потому, что не впитал язык из воздуха, безответственно, как и все туземцы, а сознательно выучил.

Сам генерал обычно обитал ближе к центру, может быть, в Адмиралтействе. Но никогда никого к себе не приглашал.

Чумазилла как-то сказала:

— Я бы вам носки стирала и горшки выносила.

— Забавно, — ответил генерал, — наши чувства, например материнские, не умирают вместе с телом, а продолжают излучать некий жизненный фон. Может быть, ад и рай в самом деле существуют?

Егор с Люськой пришли сюда год назад, может, побольше — как вычислять дни во время вечных белых ночей?

Они приглянулись генералу потому, что относились, как и он сам, к славному племени путешественников. Ведь в подавляющем большинстве жители мертвого мира никуда и никогда не двигались. Человек может прожить здесь двести лет, не поднимаясь с постели. Правда, постепенно он сгинет.

Егора и Люсю в Питере называли молодыми, молодоженами. Это было констатацией факта.

Сначала они жили в Москве. В Москве было сумрачно, страшно и безнадежно. Город был поделен между бандами и королями, они устраивали карикатурные войны, так как убивать в Зазеркалье трудно, а заманить в армию еще труднее.

А как ты будешь воевать, если нет настоящих стимулов к победам? Нет любви, страсти к размножению, к продолжению рода и страха перед смертью. И все же войны вспыхивали, потому что питались злобой, тщеславием и завистью, а сорочий инстинкт заменял собой страсть к обогащению.

Егора вначале удивляло, как много в Чистилище коллекционеров. Какие странные предметы они собирают. Собирательство компенсировало многие страсти.

В пути Егор и Люся не раз слышали, что именно в Петербурге, ставшем столицей не то России, не то Советского Союза, живет много разных людей, там они чуть ли не театр устроили. То есть в Питере обитают интеллигенты. Там читают книги, там беседуют о судьбах Отечества. Интеллигенцию уничтожают всевозможные власти, а если нет сил уничтожить, обвиняют во всех бедах, свалившихся на землю русскую, но она выживает, она бессмертна.

От Москвы до Питера Егор с Люсей шли больше трех месяцев. У них не было песочных часов, так что время можно было мерить только условно. Известно, например, что даже в мире с нормальным временем спелеологи, которых оставляют в тишине и темноте на несколько недель, постепенно переходят на сорокавосьмичасовую неделю и, выйдя на землю, ошибаются в сроках жизни под землей вдвое.

Путешествие молодоженов было невероятным даже по меркам Чистилища. События и существа, с которыми они сталкивались, были настолько необычны и неожиданны, что даже отупевшее от чудес мертвого мира воображение в ужасе сжималось либо разражалось неудержимым хохотом.

Об этом путешествии поведать соблазнительно. Его можно поставить в один ряд с плаванием Магеллана или походом к полюсу лейтенанта Седова, но скороговорка лишь погубит очарование одиссеи, а действие этой повести не позволяет нам остановиться на полдороге и вернуться назад.

Смиримся с мыслью, что все это случилось, но мы никогда не узнаем как.

...Егор с Людой поднялись по лестнице. Раньше, до революции, здесь обитали состоятельные люди, их достаток был виден по той лестнице.

Егор открыл дверь. Замок в ней был выломан в неизвестно какой древности.

В коридоре было темно.

Егор замер, прислушиваясь. Показалось, что из их комнаты донесся чей-то вздох.

Он сделал Люде знак остаться на лестничной площадке.

Надо быть осторожным. С недавнего времени в Питере стали пропадать люди. Непонятно, кому понадобилось входить в комнаты и уводить жильцов. Генерал подозревал сектантов. Чумазилла грешила на старцев из Валаамского скита. Могли быть извращенцы, бандиты.

Тихо.

Егор пошел впереди. Люда на два шага сзади.

Те, кто увел или убил человека, ничего не оставляли — ни записки, ни следов, ни креста углем на двери.

Генерал велел всем своим знакомым запирать двери.

Это было сложно сделать, так как не все жили в домах и квартирах, некоторые предпочитали странные открытые или затаенные места. Здравомыслие теряло власть над обывателем.

Был один философ, бывший милицейский майор, который устроил гнездо на крыше Биржи. Другой человек, бородатый, косноязычный, по его же уверению, гомосексуалист, освоил канализационные колодцы.

Но в большинстве своем люди не хотели жить в доме под крышей. И не обязательно в доме обыкновенном. Зачастую их влекли дворцы или даже музеи, в которых почти не осталось экспонатов.

У Люси была подруга, феминистка, которая даже в мертвом мире с трудом переносила существование мужчин — этих скотов и угнетателей. Называла себя она Лукрецией и обитала в спальне императрицы в Зимнем дворце, куда притащила несколько одеял из магазина ДЛТ. Недавно она совсем рехнулась и стала уверять знакомых, что понесла на этой кровати от Петра Великого, чья сперма сказочным образом сохранилась в простынях. С историей Лукреция была плохо знакома и не догадывалась, что дворец построили после смерти Петра.

После того как пропали без следа три или четыре человека из друзей генерала, Эдуард поставил желающим замки.

Эдик был странным человеком, самый настоящий слесарь, но при том он попал сюда, пройдя через тюрьму, куда угодил при безнадежной попытке уйти в Европу через границу в 1939 году. Он истратил все свои деньги и силы на переход границы в Польше, чудом добравшись до нее сквозь колонны танков и пехоты, решил переждать немного в лесу по ту сторону границы, а на вторые сутки, когда вышел на дорогу к Львову, на окраинах города был задержан патрулем НКВД, ибо за те двое суток наша доблестная армия далеко вклинилась на территорию Польши, освободила Западную Украину и обогнала беглеца. Ему бы признаться в том, что он следует за доблестной Красной армией, чтобы укреплять советскую власть, а он кинулся бежать и очутился в тюрьме, хорошо еще не расстреляли. Но мучили так, что через полгода решил повеситься... и очутился здесь. Вот Эдуард и ходил по квартирам своих знакомых на том свете и ставил им замки. К тому же он хотел выяснить, что же случилось с пропавшими людьми.

Когда Егор с Люсей возвратились из похода на Взморье, Эдуард ждал их дома, он принес замок, но из деликатности не стал ставить его в отсутствие хозяев.

Он сидел на тахте и читал книжку — журнал «Новый мир», в котором была напечатана повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Он давно собирался прочесть эту повесть, о ней говорили у японского генерала, но ни у кого не было своей книжки.

Егор сказал, что ему нужно сходить к генералу, чтобы рассказать о том, что они с Люсей услышали. Но Эдуард стал настаивать, чтобы он не спешил, потому что надо поставить замок.

— Подождет генерал, — сказал он. — Не могли найти нашего генерала, японца им подавай!

По правилам игры следовало возмутиться, защитить генерала, а слесарь должен был спорить.

Но Егор спорить не стал, устал, не было настроения.

— Книжек у тебя много, слишком много, — сказал слесарь.

— Ты же знаешь, — сказала Люся.

У нее гудели ноги. Сладостная боль — так давно ее не ис-

пытывала! Значит, все же в ней есть какая-то жизнь. Жизнь — это боль. Если нет боли, то нет и жизни.

Люся сбросила туфли, разношенные, как тапочки. Других здесь не нужно. Правда, говорят, что надо особо одеваться на бал у консулов или на ужин у Клюкина. Но это все за пределами нашего общества.

— Я потому к вам первым и пошел, — сказал слесарь, — чтобы вы меня с собой взяли.

— Может, в следующий раз? — спросила Люся.

— А ты дома оставайся. Я сначала замок поставлю, а потом мы с Егоркой сходим.

Слесарь был заядлым книгочеем, но книги и газеты редко попадали в этот мир, правда, были люди, которые любили и умели охотиться на книжки, но слесарь к ним не относился и мест не знал. А вот у Егора была репутация удачливого охотника.

— Человека отличает от животного мира, — говорил слесарь, — особенная любовь к чтению, к значкам.

— К значкам? — удивился Егор.

— Черные значки на папирусе или на бумаге — это мистический знак высшего существа, переданный человеку. Такова ситуация.

Эдуард принес с собой из живого мира любовь к научным словам, которые, как и многие малообразованные люди, он вставлял в непригодные для них ситуации, чтобы показать свою ученость.

Интеллигенты, окружавшие японского генерала, охотились за случайными газетами — чего только не заносило в мертвый мир сверху! Они переживали за битвы Белого дома, следили за сражением в Думе, рыдали при известии о смерти принцессы Дианы. Мало кто застал принцессу в том мире, но скорбь заразительна, и, наверное, английские газеты заплатили бы безумные фунты за то, чтобы взять интервью у наполеоновского капитана, попавшего в русский плен в 1812 году, и узнать о том, что его привлекало в облике принцессы.

Намерения слесаря Эдуарда были также связаны с охотой за информацией. Он, как и Егор, принадлежал к жаждущим наладить связи с Верхней Землей, дать о себе знать, надеясь на то, что земная наука найдет средства помочь покойникам, оживить их, согреть кровь. Ведь бывают чудеса? А здесь, в постоянном изгнании, тебя ждет лишь исчезновение, тоскливая смерть через много лет жизни в стране, где никогда не бывает темно, но никогда не увидишь солнца.

— Чумазилла недавно отыскала новый учебник истории, — сказал слесарь. — Ты не поверишь, Егор, какая трактовка там дается сталинским пятилеткам!

— Отрицательная?

— Они были направлены на то, чтобы полностью обескровить и лишить способности сопротивляться русский народ. А Молотов с Кагановичем названы преступниками. Разве это справедливо, если у них жены были репрессированы? Тебе принести учебник?

— Не надо, я его видел, только поучиться по нему не успел.

— Я все забываю, что ты свежий, — засмеялся слесарь. — Что ты у нас как бы гость. Но все равно тебе интересно узнать, что там происходит?

— Мы сходим за книжками, я не обману.

— Тогда я сейчас побыстрее управлюсь.

— Ты меня сначала проводишь к генералу? — спросил Егор.

— Провожу. Я согласен, что ему надо менять места. Агенты старца хотят до него добраться.

— Или агенты Берии?

— Я разве спорю? Но точнее знать не мешает. А что ты хочешь от генерала?

— Ты не обидишься, если я сначала все расскажу генералу, а потом остальным?

— Конечно, обижусь, — сказал слесарь. — Ты любишь секреты, и люди тебе не верят. Я пришел сделать тебе замок по дружбе, потому что хочу защитить тебя от опасности. Вот брошу с тобой дружить, живи тогда без замка.

— Я и так живу без замка. Ты его еще не поставил, — заметил Егор.

— Не поставил, потому что ты отвлекал меня пустыми разговорами.

Егор сказал гостю:

— Пошли, пошли к генералу.

Они оставили Люсю одну в квартире, но всерьез ни она, ни Егор не боялись убийц. Нельзя же здесь все время бояться.

Слесарь шагал по самой середине улицы, Егор чуть отстал. Возле домов ходить было плохо, потому что иногда от стен отваливались и падали кирпичи или куски штукатурки. К тому же в центре мостовой меньше мусора, легче пройти.

Эдуард говорил сам с собой, вполголоса.

В городе громко говорить не хотелось. Здесь многие верили в привидения и почти все видели их, но так и не сходились во

мнении, что эти привидения означают. Связаны ли они с миром людей или они лишь фантомы.

— Я тут прочел, — говорил Эдуард, и в застоявшемся воздухе его слова как бы покачивались в киселе, — что мы выполняем свои функции в муравейнике, который зовется человечеством. Встает вопрос: а где мы с вами? Это не муравейник, а потерянная веточка, по которой бегают несколько муравьев. Может, я виноват перед народом? А как вы думаете, виноват или просто так, по закону вероятности? Ты слышишь или как?

— Слышу, но ничего не могу тебе ответить.

— А вот генерал уверяет, что, помимо него, никого на свете не существует. Все ему кажется.

— Он шутит.

— Я тоже так думаю.

Мостик через канал Грибоедова отражался в сизой воде. Было тихо и очень красиво.

Перешли на тот берег. Зашли во двор.

— Кодзи, — позвал Эдуард. — К вам пришли.

Откуда-то сверху, с неба, ответил голос:

— Пускай войдут.

— Иди поставь наконец замок, — сказал Егор Эдуарду.

— Если поклянешься, что тотчас пойдем за книгами, то уйду, — сказал Эдуард.

— Иди, раз тебя просят, — сказал генерал, который вышел на лестничную площадку, чтобы встретить Егора.

— Слушаюсь. — Эдуард любил, когда ему солидно приказывали. И не надо больше спорить, сопротивляться. Сказали — пошел!

Генерал провел Егора к себе.

Это было временное убежище, и генерал его уже привел в тот вид, какой имело любое из его жилищ: много бумаг, обрывки книг, гнездо человеческой кукушки, которое, впрочем, не производит впечатления неопрятности. Это была тайна генерала. Он всегда был опрятен.

— Достал сегодня, — сказал генерал, — сразу годовую подшивку «Московских новостей» за восемьдесят девятый. Чудесное чтение. Дюма. Что тебя беспокоит, Егор?

— Я был на Взморье, — сказал Егор. — Я забрался в помещение над залом, где заседали консулы.

— Я предупреждал тебя, что это опасно.

— Вы знаете, я давно заподозрил их в заговоре. Я даже разговаривал с Ларисой Рейснер.

— Она тебе не по зубам, — сказал генерал.

Он уселся на коврик и начал жадно листать подшивку, серую от старости или влаги.

Он спешил.

Егор не обижался. Генерал все слышал и видел. Чтение газеты было лишь дополнительным занятием, не мешающим прочим.

— Она рассуждала, что граница между мирами становится прозрачной, что наш мир скоро погибнет от вторжений извне. Иммиграция превысила все возможности...

Генерал кивал в такт словам.

— Вы говорили, — продолжал Егор, — что консулы могут быть опасны, но чисто умозрительно. Что им не добраться до Верхнего мира.

— Правильно, — согласился генерал. — Я и сейчас так думаю.

— Но если есть ходы сюда и их становится все больше — я согласен в этом с Ларисой, — то есть ходы и отсюда. Помните случай в Ярославле?

— Не учи меня, — вежливо усмехнулся японец. — Мои мысли следуют по тем же путям, что и твои. То, что мне кажется невозможным, не будет невозможным для другого человека. А раз так, он преодолеет препятствия, потому что не подозревает, насколько они непреодолимы.

— Там, наверху, есть место или база. Она называется Максимово — либо подобно этому. Возможно, там атомные бомбы. Они намерены послать туда своих людей или отыскать каких-то людей там, наверху. И с их помощью рвануть. Выпустить джинна на волю, как они говорили.

— Кто присутствовал на совете консулов?

— Все, кроме Берии. Он в это время схватил Люсю и повез ее к себе в Смольный.

— И она до сих пор там? Ты ее не выручил?

— Она дома. Я ее отыскал в Смольном. Берия носится на своих велосипедистах. У него много дел. Без него Верховным избрали Чаянова.

— Он относительно молод, — сказал генерал.

— Он тоже считает, что спасение этого мира зависит от гибели Верхнего. Что это надо сделать обязательно.

— И все остальные консулы?

— Их убедили. Они боятся смерти.

— Точнее, они боятся жизни, которая для них означает смерть, — уточнил генерал.

— Они хотят послать наверх диверсантов, — сказал Егор.

— Как же они взорвут эту бомбу, — спросил генерал, — если мы не можем там жить? Мы помрем через несколько часов.

— Во-первых, можно прожить дольше, — сказал Егор, — а во-вторых, это может сделать купленный ими человек или люди наверху. У консулов достаточно золота и камней, чтобы купить любого полковника.

— А что мы можем сделать?

— Мы можем предупредить наших друзей, — сказал Егор.

— Ты думаешь, что там остались твои друзья?

— Я знаю, что мои друзья ждут от меня вестей.

— Я завидую тебе, — сказал генерал, — мне так не хватает живых друзей. Ты знаешь, куда сообщить?

— Да, — сказал Егор. — А у вас есть путь наверх?

— Может быть, скоро откроется, — сказал генерал. — Но прости, пока я не вправе тебе сказать больше.

— Это все равно для меня радость. Я уж и не надеялся отыскать связь. Я напишу письмо? Сейчас? Его передадут?

— Держи конверт, — сказал генерал. — Он почти чистый.

Егор написал адрес, который хранил в памяти все эти месяцы. Конечно, он мог бы написать и Гарику с Калерией, но надежнее — дяде Мише. Если он еще существует. База. Максимово. Наверное, бомба. Хотя нужно много бомб, чтобы убить весь Верхний мир.

Глава 5

ГАРИК ГАГАРИН

Раньше следовало говорить так: в одном из тихих московских переулков располагался старинный особняк графов Ш.

А теперь надо писать так: в одном из некогда тихих, а нынче заставленном в три ряда иномарками переулке располагался особняк графов Ш., на который уже неоднократно покушались коммерческие структуры.

Все это — о нашем институте, Институте экспертизы, учреждении вполне академическом, настолько академическом, что зарплаты не дают уже третий месяц.

В наш институт поступают проблемы. Извне. Которые по какой-то причине раньше не могли быть решены. Или их не существовало, а потом они начали существовать.

Или проблемы неразрешимые. С которыми никто не хочет возиться.

В нашем институте все как у людей и немножко как в сумасшедшем доме.

А вот с помещениями плохо.

Некогда особняк состоял из ограниченного числа просторных покоев, а теперь каждое из помещений разделено на клетушки. Например, у нашей лаборатории две такие клетушки. И мы ходим в институт по очереди, чтобы не наступать друг другу на голову.

Вернее, так: Лера—Калерия Петровна Данилевская, доктор физматнаук, наш завлаб, ходит всегда. И не потому, что она синий чулок, лишенная личной жизни. Калерия — женщина редкой, но строгой красоты, мать и жена (это за пределами института), ее главное чувство — это чувство долга, что женщину красит, но не украшает. Разница тонкая и не для всех очевидная.

В моей смене трудится еще Тамара, дитя ближнего Подмосковья, лаборантка и цельная натура (если я чего решил, то выпью обязательно), и Катрин, которая на моих глазах выросла до младшего научного и учится в заочной аспирантуре. Наши отношения непросты и балансируют на грани дозволенного. Или мы разбежимся совсем, или поженимся. Не знаю, что лучше.

Во второй смене остается научно-технический сотрудник Саня Добряк, существо не очень доброе, особенно по отношению ко мне, и очень серьезный человек в больших очках по имени Ниночка, она тоже аспирант и появилась у нас недавно.

Два слова обо мне, любимом.

Я — младший научный, дитя детдома. Зовут меня Юрием Гагариным. Чтобы не путать с героем, меня все называют Гариком. Имя и фамилия у меня вымышленные, так как меня нашли не то в лесу, не то в поле, где меня выронил из пеленки аист[1].

В детдом я имел неосторожность поступить 12 апреля, в День космонавтики. Воодушевленные санитарки дали мне героическое имя.

Я обладаю рядом особенностей, которые и обратили на себя внимание Калерии. То есть сначала меня изучали как оче-

[1]См. первые романы цикла «Театр теней»: «Вид на битву с высоты» и «Старый год». — *Примеч. автора.*

редной объект и для того подослали ко мне Катрин. Она закрутила со мной бурный роман, и я до сих пор не знаю, на самом ли деле она мною увлеклась или из чувства долга. А так как этот вопрос не решен, мы и остаемся с ней в странных отношениях: то ли я жених, то ли подопытный кролик, который не выносит людей, сделавших его кроликом. Иногда я люблю Катрин, иногда не выношу, а виновата она лишь в том, что, будучи человеком крайне ответственным, выполнила задание Калерии с полной серьезностью.

И я, и Калерия, и, к сожалению, Катрин полагаем, что я — инопланетянин. И это не умствование: кстати, за несколько дней до того, как я был принят Калерией на работу в институт, ко мне заявился мой соотечественник и предложил возвратиться на родную планету. Я чуть было не согласился, но в последний момент струсил — я настолько свыкся со своей долей, что светлые дали меня отпугнули.

После разоблачения мне не оставалось ничего другого, как сдаться Калерии, но все уладилось к общему согласию: мне предложили место младшего в институте и выделили скромную зарплату.

Вот вроде и все.

В тот день я пришел в институт позже обычного, потому что поезд метро застрял в туннеле и простоял минут двадцать, отчего у меня случился приступ клаустрофобии — то есть боязни замкнутого пространства. Мне стало так дурно, что я, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, вышел из вагона через стеклянную дверь, спрыгнул на пути и дошел до следующей станции. Тут наш поезд приехал на станцию и чуть меня не задавил. В результате я влез в какую-то служебку, кое-как там отряхнулся, и тут появился электрик, который отнесся ко мне как к дикому путешественнику по туннелям: в Москве есть такая группа или даже несколько групп, кажется, они называются диггерами, их любят за таинственность журналисты и не выносят работники метро и водопроводчики.

От электрика я сбежал, а когда добрался до института, лаборатория была пуста, потому что директор созвал общее собрание по вопросам не то приватизации, не то акционирования — я никогда в этом не разбирался.

Пока я был в лаборатории один, я достал журнал ежедневных наблюдений — любимое детище Калерии, потому что в него заносится все необычное, что случилось с нами или у нас на глазах, — одно условие: пишем только чистую правду.

Я открыл журнал на странице 87 и начал записывать свое

путешествие под землей. Конечно, можно было наговорить его на пленку, но Калерия — консерватор, и мы — ее дети, племянники, кузены — желаем существовать лишь по тем канонам, которые она для нас пишет. Мы ее любим.

И даже если я, к сожалению, урод и вынужден в этом признаться, то признаюсь я в первую очередь Калерии.

Позвонил мужской голос. Я не сразу узнал дядю Мишу.

Дядя Миша мне не дядя, это странное прозвище я приклеил к нему в прошлом году, когда произошли события, связанные с миром без времени. В его существование почти никто не верит, и это хорошо. Чем мы от него дальше, тем спокойнее.

Это как бы подвал, в котором в темноте копошатся белые слепые крысы.

Наверное, несправедливо так рассуждать о людях, попавших в безвременье от страха или боли. Но они все равно мертвецы. Даже милая Люся и славный Егорка.

Недавно я читал исследование нашего умника Мирского. ДСП — знаете, что такое? — «Для служебного пользования». Есть у нас такая наука — ДСП. Да и не только у нас. В Штатах тоже. В мире статей ДСП есть какие-то исследования и обо мне. Наверное, надо их извлечь и почитать, что врут о моем феномене умные люди.

А Мирский написал о зомби, о зомбировании. Он решил, что зомби — это и есть жители мира без времени, угодившие к нам и умирающие от излишка времени и огня. Он думает, что в Карибском бассейне есть выбросы из того мира, включая, возможно, и Бермудский треугольник.

Может быть... завтра или послезавтра. Если будет свободный час, пройдусь по улицам Интернета — неужели до сих пор ничего из информации туда не вывалилось? Может, и вывалилось, но пользователи не сообразили, на какой самородок они глядят! А может быть, ведомство дяди Миши научилось эффективно перекрывать кислород?

Нет, еще в прошлом году они сами не сообразили, с чем имеют дело. Только после ярославских событий кое-кто спохватился.

Когда же я попытался отыскать Александру, мою знакомую по Меховску, оказалось, что ее нигде нет. Выписалась. Уехала. Исчезла. И даже Лера по своим каналам не смогла помочь. Хотя, может быть, она не обращалась к дяде Мише.

— Это ты, Гарик? — спросил дядя Миша.

Тогда и я его узнал.

— Я вас слушаю, господин полковник, — сказал я.

Когда ты говоришь слово «господин», чувствуешь себя неловко, будто намерен посмеяться над собеседником. Но и говорить «товарищ» несерьезно.

— Вольно, — сказал дядя Миша. — Тем более что с чином ты не угадал.

— Ясно, — согласился я, — вас понизили.

— Или повысили. Калерия Петровна на месте?

— Заседают.

— Пожалуйста, попроси ее позвонить мне. Хотелось бы поговорить. И сам не уходи.

— Когда не уходи?

— Они у директора заседают?

— Вы много знаете, генерал-майор.

На этот раз он не стал возражать. Значит, я угадал. Скоро его выгонят, но он не догадывается.

— Кончат к ленчу?

— Да, минут через сорок пять, — сказал я.

— Я буду у вас через час. Кофе привезти или есть?

— Тамарочка придет, Тамарочка решит, — сказал я.

— Куплю на всякий случай. Вы — кофейная держава. Пьете, как в современном детективном сериале, где лейтенанты и следователи бегают из кабинета в кабинет и просят щепотку кофе.

— Читал, — признался я.

Дядя Миша повесил трубку.

Он давно у нас не был, так что мы жили мирно.

Дядя Миша несет с собой опасности, тревоги и тайны. Ничего хорошего, если ты не любишь диких приключений.

Я не люблю приключений диких, хотя люблю цивилизованные.

Вошла Тамара — ангел нежной красоты, пока не откроет розовый ротик.

Она тут же его открыла.

— Я за продовольствием ходила, — сообщила она. — И один лже-Нерон тронул меня за грудь. Восхитительно.

Понимай как знаешь. Конечно, Тамара ждала расспросов и даже воплей с моей стороны. Но я думал о дяде Мише и потому ее разочаровал.

— Ты что? — спросила она через полминуты, отчаявшись дождаться взрыва моих чувств. — Зуб болит, да?

— Нет, — сказал я, — с зубами у меня все в порядке. Сейчас дядя Миша приедет.

— Ну, дела! — Тамара сразу забыла о своих проблемах. — Значит, обвал, да? Вот бы за кого вышла. А потом нас с ним утром у подъезда из «калашниковых» наемные киллеры — тра-та-та-та!

— Чувства есть, ума не надо, — невежливо ответил я, чем Тамару не обидел, потому что она уверена в своем сильном оригинальном уме.

— Я кофе не купила, — сказала Тамара. — А этот командарм хлещет кофе, как водку, стаканами.

— Он принесет, — сказал я.

Пришли Лера с Катрин. Лера гармонична и, если хочет, именно с помощью этого совершенства становится незаметной — растворяется в воздухе, как аромат. С Катрин все иначе — она велика, но не массивна, в ней есть элегантность баскетболистки. Я сам не маленький, но уступаю ей два сантиметра. Вернее, три, но она считает, что один, — мы сошлись на полдороге. У нее такая грива волос, словно на голове пшеничное поле. Сейчас лето, она обгорела, но еще не загорела, так что носик покраснел, а глаза чуть выцвели и приобрели берилловый цвет. Вы видели когда-нибудь хороший берилл, который не стал изумрудом, потому что счел свой цвет не уступающим драгоценному?

— Чего натворил? — спросила, поздоровавшись, Лера.

Она смотрела на журнал, лежавший передо мной.

— Почему не был на заседании? — спросила Катрин.

— Дядя Миша звонил, — сказал я. — Он стал генералом.

— Сорок дней назад они праздновали, я не пошла, — сказала Лера.

У Леры один недостаток — она знает ВСЕ.

За исключением того, с какой планеты я родом.

— Когда он приедет? — спросила Катрин.

У них с Катрин не было взаимной симпатии. Катрин ощущала опасность для меня, которая исходила от дяди Миши. Я ее понимал — я знал, что дяде Мише, по большому счету, плевать, буду я жив или нет, убьют нас всех или сохранимся для истории, главное — сделать свое дело.

Я тут как-то думал — зачем Ленин все это делал? Зачем ему была нужна революция, почему он так отчаянно боролся за нее и был так последователен в проведении своей линии? Любил пролетариат и трудовое крестьянство? Никогда в это не поверю. Пролетариат и трудовое крестьянство были орудиями

для того, чтобы захватить власть. Они должны работать ради его идеи. Они были абстракциями, тем более что ни пролетариат, ни крестьянство его не любили, а он не любил их, так как русские труженики слишком отличались от немецких добросовестных и честных арбайтеров. О, как он ждал революции в Германии! Как стремился к ней, как старался верить в нее даже в двадцать третьем! Когда с его умом нетрудно было сообразить: это нелепая и мелкая авантюра. Впрочем, тогда у него оставалась лишь малая доля разума.

Значит, им правила месть? Месть за брата, ненависть к Романовым? Но, полагаю, он не был одержим местью. Месть — это сталинское дело, его наслаждение. Конечно, Ленин ненавидел царя и его семейку, конечно, он убил их всех, до кого дотянулись руки. Но не своими — это он сделал чужими руками. Для этого у него был соратник номер один — Свердлов. Не Сталин, которого он не любил, а Свердлов, которого он держал за равного себе. Хотя с восемнадцатого года побаивался. Но убил — и дело с концом. Кошмары его не мучили, о совести он имел приблизительное представление, как о категории в психологии.

Нет, месть не получается.

Тщеславие? Если и тщеславие, то его особенная тираническая разновидность, когда гордец подчеркивает свою скромность, оставляя петушиную красоту подчиненных, которых он за это может презирать. Наполеон, Ленин, Гитлер, ранний Сталин — как они презирали мишуру власти! Но радовались, когда мишура окружала их, высвечивая истинную ценность одетого в серый сюртук вождя.

А может, страх? Обычное свойство тиранов, которые понимают — сумма ненависти, обращенная против тебя, уже так велика, что остановиться нельзя, ступить в сторону нельзя, смерти подобно. Ведь Ленин не выносил физических неудобств — всю жизнь он прожил как настоящий буржуа и в Россию не совался — могут посадить. И второго Шушенского, где теща и жена кормили его пампушками, а полы мыла прислуга, уже не будет.

Он не мог быть добрым или злым — это дозволялось лишь на уровне семейном. Мне интересно — вот теперь пишут и публикуют его записки и приказы: расстрелять, уничтожить! В назидание прочим! Интересно, что из этих приказов было выполнено, а что было и воспринималось подчиненными как риторика?

Ведь существуют всевозможные табу. И одно из главных — это Ленин. Даже разоблачители вождя эти табу соблюдают.

Почему я подумал о Ленине? Наверное, потому, что какие-то его черты я ищу в непонятных мне, значительных и холодных людях.

В генерале дяде Мише.

Он хороший работник. Он видит за конкретным делом интересы страны (как он их понимает). Он все запоминает и складывает на полки своего мозга — а какова его окончательная цель? Власть? Страх? Тщеславие? Ведь трудно представить себе человека, который бы действовал только в интересах народа или страны. Без симпатий и антипатий. Он понимает, что мы с ним живем на вулкане? Мы не знаем, что может замыслить мир без времени. Какой Гитлер или Ленин родится там? Или перейдет туда из нашего мира. Кстати, разве я уверен, что Ленин умер и похоронен в Мавзолее? Я уверен, что Гитлер покончил с собой, а не загремел в безвременье? А не возникнет ли завтра новая дырка в прошлое? Где возникнет? Какой певец или актер решит туда сбежать?

...Вошел дядя Миша.

— Все в сборе, кофе я принес, «Золотой нестле». Хотя я больше уважаю «Черную карточку».

Он поцеловал Катрин в щечку — он уступал ей полголовы. Это мне понятно: генералам нельзя быть очень высокими, их могут пристрелить. Ага, вон там, среди врагов, стоит кто-то чрезвычайно высокий, направьте на него всю огневую мощь наших пулеметов!

Лере он поцеловал руку — ах ты, хитрец, не будешь же ты обниматься с Лерой!

Тамарочка сама его поцеловала, нарочно оставила на шеке темно-красное пятно и любовалась им.

Но генерал в штатском обладает замечательной интуицией — иначе бы не выжил. Он понял, что натворила коварная Тамарка, по ее взгляду, взял со стола бумажную салфетку и протер щеку. Тамара была разочарована.

— Та ж вы догадались, — сказала она с украинским акцентом — настоящим, не наигранным: Тамарина мама — дитя украинского юга, принесенное в Подмосковье турецким ветром, чтобы найти счастье, мужа и знания. Пока что она была почти счастлива, остальное на подходе.

Дядя Миша склонил свою сухую, правильную, страшно обыкновенную голову, чуть улыбнулся тонкими губами, пригладил редкие волосы и сказал, глядя на Тамару:

— Болтун — находка для шпиона.

— Я могу уйти, — сказала Тамара. — Я могу вообще уехать из Москвы, я могу эмигрировать в Израиль. Динка уже эмигрировала, вот и меня лишитесь.

— Ты еврейка? — спросил дядя Миша.

— Да ты шо? — возмутилась Тамара. — У мэне уси прэдки мордва.

Дядя Миша открыл рот, а Тамарка, страшно довольная тем, что обыграла генерала, пошла в маленькую комнату, где стояла кофеварка, и занялась делом. Ее вроде бы и не было, но в ее маленькой комнате было слышно каждое слово.

Наступила недолгая пауза. Дяде Мише не терпелось спросить, есть ли мордва в предках Тамарки, но он сдержался и достал из своего «дипломата» папочку в прозрачном пластике, вытащил оттуда белый лист и сказал:

— Мы с вами получили письмо.

Никто с ним не стал спорить, хотя ясно было, что письмо получил именно он. Или его контора.

Я смотрел на листок — обычный машинописный, А 4, и у меня нехорошо билось сердце. У меня бывают предчувствия, я им верю. Я не телепат и не знаю, существует ли телепатия или жулики выдумали. Но эмпатия есть, и я эмпат, один из редких таких уродов.

Ничего хорошего нам от этого письма ждать не приходилось.

Дядя Миша прочел:

«Консулы замыслили погубить Землю. Они говорили об абсолютном орудии. Оно спрятано в районе города или села Максимово. Вернее всего, не очень далеко от Питера, иначе им не добраться. Цель — истребить жизнь на Верхней Земле, чтобы спасти себя от проникновения сверху. Консулы боятся, что граница между мирами истончается и, если она исчезнет, они тоже исчезнут. Они очень серьезные люди. Они уверены в успехе. Нас с Люсей обнаружил Л. П. Берия. Он у нас. Слышали о таком? Мы скрываемся, и это нелегко сделать. В. И. обещал мне отправить письмо через окно, которое ему известно. Постоянной связи нет. Подозреваю, что это канал контрабандистов наркотиками. Ищите канал там. Отыщите Максимово. Что за угроза? Не могу написать, где будем скрываться, боюсь предательства. Срок не знаем.

Ваши друзья Люся и Егор».

Дядя Миша передал листок Калерии.

Потом сказал:

— Написано карандашом.

Лера прочла, из маленькой комнаты выплыла Тамара с кофейником. Поставила кофейник на стол и протянула руку.

Лера молча передала ей письмо, потом прочла Катрин. Только потом оно добралось до меня.

А я уже знал, что вернее всего первый кандидат на командировку в мертвый мир — ваш покорный слуга. Или, как можно сказать обо мне: «Ваш покойный слуга».

Тамара разлила кофе по чашкам. Чашки у нас хорошие, Пушкинский дом подарил за нашу электронную собаку. Сервиз Ломоносовского завода.

Мы вели себя как на рауте: чинно, благородно. И товарищ генерал был не хуже нас.

— Что вы скажете, Калерия Петровна? — спросил наконец наш гость.

— Почерк Егора? — спросила Калерия.

— Да, мы проверили, — ответил дядя Миша. Он не удивился милицейскому вопросу. В любом случае мы здесь все следователи.

— Тогда у меня нет сомнений, — сказала Лера.

— А какие ребята! — сказала Тамара и вдруг принялась рыдать. — Вы бы знали!

Дядя Миша встрепенулся, он еще не привык к Тамариным рыданиям — Тамара легко плачет, легко смеется, у нее все железы и гормоны расположены под самой кожей.

Я понимал Тамару. Я был рад, что Егор смог прислать нам письмо, что он остается на живой земле, хоть и умер для нее. Хороший парень.

— Вы чего? — спросил дядя Миша.

— Она так ребеночка хотела, — взвыла Тамара.

Вряд ли у нее был шанс побеседовать с Люсей наедине — я о таком не слышал. Но мыслила она верно.

Наши друзья остались там — так случилось, что они не смогли возвратиться, они стали мертвецами, но не прониклись злобой и холодом Нижнего мира.

— Если вы тоже не сомневаетесь, — сказал дядя Миша, — то мы должны поверить всему, что сказано в письме.

— Вы представляете, как ему было трудно нам весточку послать? — сказала Катрин.

— Я думаю, что трудно, — согласился дядя Миша.

— А вы этот канал засекли? — спросила Лера.

— Пока нет, — сказал дядя Миша.

— А как же вы получили письмо?

— Люди, которые передали, знали обо мне, — ответил дядя Миша. — Они не знали о вашем институте, и плевать им на институт, простите за выражение.

— Понимаю, — улыбнулась Лера.

Тамара обиделась:

— Если плевать, зачем пришли? Тоже поплевать захотелось?

— Преувеличиваете, Тамара, — сказал генерал.

— Вы тоже всегда преуменьшаете, — согласилась Тамара.

Наступила пауза. Она была прелюдией к новой стадии разговора.

— Может, кто-нибудь от вас сгоняет туда на денек? — спросил генерал.

— Может быть, — ответил я. Зачем заставлять других людей говорить за тебя. Дядя Миша имел в виду меня, и только меня.

— Не сейчас, — сказала Калерия Петровна. — Сейчас рано.

— Может быть, — согласился дядя Миша. — Но в принципе?

— В принципе никуда мне от вас не деться, — сказал я.

— Дело достаточно серьезное, — сказал дядя Миша. — Я обращаю ваше внимание на возможные последствия не только для вас лично, но и для всей нашей страны.

— А также всего прогрессивного человечества! — Когда Тамару заденешь, на конце языка у нее вырастают шипы.

— Я не с вашей Земли, — сказал я. — Так что считайте меня альтруистом.

— Какая последовательность действий? — спросила Калерия Петровна. — Что вы намерены делать?

— Первое, — сказал дядя Миша и загнул палец, — найти нужное Максимово и узнать, что там за абсолютное оружие. От этого многое зависит. Второе — нащупать связь с ребятами. Чтобы использовать канал для наших целей. Это тем более важно, что у нас не осталось сейчас каналов. А нужно.

— И третье? — спросила Катрин.

— Наладить наблюдение за консулами-правителями так называемого Нижнего мира. Может, выйти на контакт с кем-то из них? Там ведь тоже разные люди есть...

Разговор с дядей Мишей произошел во вторник. В пятницу после обеда от него позвонил милый женский голос и спросил, чем я намерен заниматься в выходные дни. Я ответил, что самообразованием. Видимо, милый голос не был готов к

такому ответу. Возникла пауза, потом женский голос осторожно хихикнул и произнес:

— Тогда возьмите с собой теплую куртку, там плюс десять-двенадцать.

— И комары? — спросил я.

— О комарах речи не было, — сказал милый голос.

— Значит, комары тоже будут. А когда мы вернемся?

— Возвращение в воскресенье в восемнадцать часов.

Все остальные вопросы смысла не имели — я и так обо всем узнаю.

Машина гуднула под окном в шесть тридцать утра в субботу. В машине, скромной престижной «Ауди», сидел военный шофер в штатском. Когда я спустился — сумка через плечо, в ней белье и куртка, — он спросил:

— Ваше имя, отчество, пожалуйста?

— Гагарин Георгий Алексеевич.

— Вам как удобнее, спереди или сзади?

— Спереди.

С шофером мы немного поговорили о тополином пухе, засохших березах вдоль шоссе и гаишниках, которые вроде бы нашей машине не угрожали, но шофер их все равно не любил.

За дядей Мишей мы заехали к нему домой, у «Аэропорта», он уже спустился и ждал.

— Выспался? — спросил он меня.

— Почти.

— А я думал, что тебе сон необязателен.

— Но желателен, — сказал я.

— Ничего, в самолете выспишься. — Он был почему-то разочарован.

— Я не супермен, — признался я. — И не рассчитывайте.

— Зато юмора у тебя на двоих суперменов, — укоризненно сказал дядя Миша, у которого с юмором бывали провалы.

— Куда едем? В Максимово? — спросил я.

— Без имен и фамилий, — сказал дядя Миша. — Если о чем-то думаешь, оставь мысли при себе.

— И где вы нашли это Максимово? — спросил я.

— Гарик!

— Неужели у вас шоферы непроверенные?

Дядя Миша вздохнул, шофер хмыкнул.

— Весь атлас прошуровали. Никогда не думал, что в стране столько Максимовых.

— Сколько?

— Семнадцать.

— Немного.

— Каждое надо было проверить. Ведь Максимово могло оказаться только ориентиром. Например, есть город Максимов. Вокруг деревни.

— И спецобъекты?

— Разумеется, иначе что же мы искали?

— А потом, что прикажете делать с Максимовскими, Максимами и Максимычами? Тоже немало?

— Тоже.

— А пароход не нашли?

— Какой пароход?

— «Максим Горький»?

— Отплавал свое.

— И что же вам удалось найти?

— К сожалению, не так много, как хотелось.

— Чем меньше нашли, тем спокойнее человечеству.

— Есть одно место, — сказал дядя Миша. — Я тебе в самолете документы покажу. Вроде бы коллеги говорят, что там уже ничего не осталось. Поэтому я тебя и позвал.

— Почему?

— Ты имеешь опыт, ты в курсе дела. У тебя к тому же интуиция.

— Если это так называть, — вздохнул я.

Когда мы доехали до Шереметьева-1 (я-то думал, что полетим с какой-нибудь секретной базы), уже взошло солнце. День обещал быть великолепным. Хотя нас здесь не будет!

— Я все хочу тебя спросить, — сказал дядя Миша, — чего ты на этой академической ставке сидишь? С твоими способностями можно целые стадионы морочить.

— Я занимаюсь домашней практикой, — серьезно ответил я. — У меня есть хрустальный шар. Могу судьбу предсказать.

— Ты мне здесь предскажи, в полевых условиях.

— Нельзя. Несолидно.

Самолет был вполне гражданский — «Як-40» или что-то вроде, я не поглядел. Кроме нас, в салоне был полковник, очень грустный человек. У него были густые брови домиком. И черные глаза.

— Овсепян, — представился он.

— Герман Аршакович, — развил тему дядя Миша.

— Я лечу с вами, чтобы не возникло трений, — сказал полковник Овсепян.

Он сел отдельно от нас и всю дорогу курил.

Мы летели часа три. Сначала мы с дядей Мишей немного

поговорили, вспоминали боевых товарищей и минувшие битвы. Мне казалось, что существование мира без времени пора рассекретить, все равно рано или поздно это случится бесконтрольно и, может быть, с большим бенцем.

— Дурак ты, Гарик, — сказал генерал. — Мы когтями цепляемся, как мальчик вдоль рваной плотины носимся. Представь себе, какое это крушение всех законов физики!

— И религий, — согласился я.

— Религия выпутается, даже будет рада. Докажет, что это чистилище для некоторых душ. А дальше дорога или в рай, или в ад.

— А может, это и есть ад.

— Пока мы сами не поймем... — сказал дядя Миша. — Религия потерпит.

— Вы можете опоздать. Американский империализм не дремлет.

— Как ты понимаешь, я не один. Если полгода назад нас было шестнадцать человек, и то по совместительству, то сейчас... больше тысячи.

— И вы охраняете тайну?

— Из этой тысячи дай бог десятеро знают, о чем идет речь. Если проблему разделить на параграфы, ты никогда не догадаешься, какой кусочек тебе достался и что он означает, если сложить сто кусочков. Да и по-человечески все во мне против того, чтобы люди знали. Это же мир ложных надежд.

— Может быть, вы правы, — сказал я. — Недаром из нашего института ничего не уплыло. Уж на что Тамара — открытая книга.

— Тамара — себе на уме. Но некоторым пришлось наложить швы.

— Что? — не понял я.

— Условное обозначение. Но некоторым людям мы наложили пустое место на воспоминание о Нижнем мире, мире без времени. Они вроде бы и помнят, а желания поделиться с человечеством не высказывают. И вообще я тебе должен сказать... нам этот мир без времени помог решить несколько таких интересных физических проблем... Ого-го!

— Какого черта вы меня позвали?

— Ваша лаборатория для меня как родная деревня. Понимаешь, когда я провожу совещание, то понимаю дай бог каждое пятое слово. Там все умнее меня. А для вас я — кум королю. Эйнштейн.

— Не зазнавайтесь, — сказал я. — Передо мной вы, может быть, и Эйнштейн.

— Неужели ты думаешь, я посмею кинуть камень в Калерию Петровну?

Вот у него и прорезалось чувство юмора. В минимальной форме.

— Этот мир, — сказал он после паузы, за время которой достал сигареты и закурил, — этот мир — лишь часть тех диких тайн и опасностей, которые нас окружают. Ма-а-аленькая часть. Ты просто не представляешь ситуации.

— Маленькая часть? Дай пример более важной проблемы.

— Знаешь, как-то Менухина, это был такой скрипач, спросили, что он думает о советском скрипаче, лауреате Сталинской премии Ойстрахе. И Менухин сказал, что Ойстрах — второй скрипач в мире. А кто первый? — спросили Менухина советские люди. А первых много, — ответил этот агент сионизма.

Дядя Миша замолчал. Этот номер у него был отработан. Я в этом убежден. Но ухмылка была наполеоновская.

Я не выспался и потому задремал. И если дядя Миша хотел меня испытать — сплю или нет, он разочаровался. И меня к себе в тайные агенты на высокую зарплату не возьмет. И правильно сделает. Я сначала разлюбил, а потом и возненавидел передачу «Что? Где? Когда?», которую когда-то держал за лучший телеспектакль. Вместо соревнования интеллектов и чувства юмора возникло соперничество денежных мешков и мешочков. Глазки горят, ручки дрожат — какая тут команда! А мы детдомовские, нас не купишь! И чего я сижу в этом институте? А потому, что мне интересно в нем работать и жить его жизнью, потому, что там рядом со мной работают люди, которых я считаю своей семьей, — и я не идеал, и Тамара не идеал, — но лучше других нет, и перекупить меня нельзя. Вы можете платить мне миллион долларов ежемесячно при условии, что я буду любить, как своих родных, товарищей Иванова, Петрова и Рабиновича? А я их не полюблю. У меня гадкий характер.

Говорят, что каждого человека можно купить, была бы предложена настоящая цена. Нет, господа, встречаются исключения. Ваш покорный слуга доволен своей зарплатой...

Я проснулся, когда самолет снижался, и дядя Миша с чувством превосходства начальника, который никогда не спит, сказал:

— А ты, оказывается, храпишь?

— У нас дома только так и отличают благородного маркиза от золотаря.

Дядя Миша рассмеялся и пристегнул ремень. Он был из тех людей, которые всегда выполняют инструкции.

Мы сели на военном аэродроме. Близко к посадочной полосе подступал лес. Сколько мы летели? Часа три? Два с половиной? Мы на Урале? Гор не видать...

Погода была похуже, чем в Москве, холоднее, ветреней.

И ветер был лесной, зябкий.

— Я думал, что вы с собой возьмете команду, — сказал я, когда мы спустились на бетон.

— Куртку захватил? — спросил дядя Миша.

Я расстегнул сумку и достал куртку. Тогда дядя Миша ответил на мой вопрос:

— Даже среди самых близких ко мне сотрудников никто не знает всего... того, что известно тебе. И зачем расширять круг? Мои люди проверили окрестности всех Максимовок, все прочесали, залезли в документы. Нашли одну Максимовку, возле которой была база. Закрыта два года назад. Но была. Те, кто искал и проверял, в связи с консервацией знали, зачем это нужно. Полковник Овсепян представляет соответствующее управление Минобороны. Но он не знает, что мы ищем, а ты не знаешь, где он служит. Так лучше.

— А вы знаете, что мы ищем?

— В том-то и проблема, — сказал дядя Миша.

По трапу спустился полковник Овсепян. Он был в плаще и фуражке.

От небольших строений рядом с вышкой диспетчера к нам катили две машины.

Первая, к моему удивлению, оказалась малиновым «Мерседесом», не самым новым, но добротным и недешевым. Вторая была обычным «уазиком».

«Мерседес» лихо развернулся и тормознул. Из него вылезли два офицера — полковник и майор. Полковник был помоложе, поухватистей и недостаток роста компенсировал фуражкой с такой высокой тульей, которой могли бы позавидовать преображенцы при Бородине. Майор был вялым, ленивым, растолстевшим без физической закалки провинциальным штаб-офицером. И фуражка у него была обыкновенная.

Полковник сразу вычислил, кто у нас начальник, и, козырнув, сказал:

— Шауро, местный мельник.

Он был слегка и привычно пьян. Такие штуки я чую за полкилометра. Глаза наглые, самоуверенные от безнаказанности. Я подумал, что при осторожности дяди Миши его чина и должности полковнику не сообщили — так, шишки из Москвы, из министерства, проверить шахты. Я думаю, что не ошибся. Такие, как полковник Шауро, не ухмыляются в лицо генералам секретных ведомств.

Майор стоял на шаг сзади и кивал. Он тоже был пьян.

Дядя Миша представился, но без чина, и уступил площадку Овсепяну — видно, так было договорено, пока я спал.

— Мы к вам ненадолго, — грустно сообщил Овсепян, брови еще более надломились, и кончик носа пополз к верхней губе. — Покажите, будьте любезны, состояние шахт, как они... — Тут он замолк. И посмотрел на дядю Мишу.

Дядя Миша был недоволен. Он рассчитывал на то, что Овсепян будет краток и строг. Но не получилось.

— Понял, — сказал полковник Шауро. — Сейчас позавтракаем. Мы вас ждем. Сами понимаете — гости из Москвы. Комиссия.

Он нам сообщил, кто мы, зачем мы и что будем делать.

Дядя Миша смотрел в небо.

— Будет дождь, — сообщил он.

«Ох, где же твоя предусмотрительность, где твой инстинкт самосохранения, полковник Шауро? — подумал я. — Ни черта ты не почувствовал. Думаешь, если у тебя «Мерседес» и покровители в округе, то ты можешь вести себя снисходительно с дядей в штатском, для которого из Москвы при всем режиме экономии не пожалели самолета?»

Но постоянное пьянство ослабило хватку. Шауро продолжал:

— Угостим мы вас в квартире майора Хромого. — Кивок в сторону мягкого майора, на что тот принялся болтать головой, как болванчик. — Столовая у нас не работает за отсутствием персонала — у нас, считайте, только материальный склад и строения. Вот как решат в Москве, куда все это девать, уеду, кем ни быть, уеду! Ваше отчество как?

— Михаил Иванович.

— Чудесно. А я Матвей Иванович, считайте, что тезки. Супруга майора уже салатик порезала, лимонадик на столе... — Он не удержался, засмеялся. — Чай кипит.

— Мы бы хотели сразу осмотреть базу, — сказал полковник Овсепян.

— Нет, не пойдет, — твердо сказал полковник Шауро, — кто здесь хозяин? Кто здесь мельник? Мы!

Он сделал шаг к «Мерседесу», откуда вылез парень в камуфляже и с автоматом на животе. Он открыл заднюю дверцу.

Я видел, что впереди, кроме этого парня, сидит шофер — тоже в камуфляже.

— Садитесь, места хватит, — сказал Шауро дяде Мише и подтолкнул его внутрь. Другой рукой подхватил и ловко подтащил и кинул туда же Овсепяна, успев тут же показать мне перстом на «уазик», где со мной оказался и майор Хромой. Он сразу снял фуражку и стал большим клетчатым платком утирать пот с лысины.

— Погода, — сказал он мне, — никуда не годится. Все дожди и дожди. Сегодня первый день без дождя.

— Далеко ехать? — спросил я.

— А вы из какого управления? — спросил майор Хромой.

Мне было видно, что на сиденье рядом с водителем лежит автомат.

— У вас что, сложная ситуация? — спросил я, показывая на автомат.

— Везде сложная ситуация, — ответил майор. — Растащили страну, сволочи, нажираются теперь. А шахтеры на рельсы идут.

— И вы? — спросил я.

— А у нас, думаете, когда в последний раз жалованье давали? Весной, можете представить?

У водителя бритый затылок и прижатые уши.

Майор подумал и добавил:

— Дерьмократы!

Тут он увидел, что «Мерседес» свернул с бетонки на «кирпич» и пошел, покачиваясь, по старому асфальту.

— Ну вот, — сказал он, — разве так договаривались?

Я догадался, в чем дело: генерал настоял отложить завтрак — сначала заглянем на объект. Там, в «Мерседесе», полковник Шауро был в меньшинстве, и ему пришлось уступить.

— Я думаю, что Михаил Иванович, — сказал я, — хочет поскорее вернуться.

— А он сам, — спросил майор, — он из ХОЗУ?

— Почему вы так решили?

— Слышал, что хотят шахты утилизировать.

Я не стал отвечать. Чем в большем недоумении будет оставаться местное начальство, тем лучше для дела. Ведь не объ-

яснять ему, что на объект обратили внимание консулы. Какие консулы? Советские.

По сторонам дороги шел редкий недокормленный лес, иногда между стволами блестела вода — болотца или маленькие озера, — не очень привлекательный пейзаж.

Майор стал встревожен, даже напуган, от начальства добра не жди. А они-то здесь живут тихо, мирно, «Мерседес» привезли, им чужие глаза не нужны.

До меня докатывались волны его страха и неприязни, и я подумал: вот в Москве, в институте, я неделями не чувствую чужих страхов и опасений. Живу как все — а здесь сразу включился, видно, внутри меня сработал выключатель: ты на работе, Гарик, дядя Миша на тебя надеется.

— А что тут за деревня? — спросил я. — Максимово?

— Максимовка, — поправил меня майор. — Но до нее километра три. — Он показал пальцем направо. — Но название объекта Максимовка. А что?

— Ничего, — сказал я. — В документах было — Максимово.

— Нет, Максимовка.

— А вы давно здесь?

— Шестой год, — сказал Хромой.

— Семья?

— Жена, двое детей. — Почему-то он полагал, что обязан мне отвечать, хотя, наверное, я вдвое его моложе. Но из Москвы, на спецсамолете. Спецрейсом. И хоть видно, что не я — главная шишка, но всегда опасен тот, кто имеет доступ к начальственному уху. Часто — опаснее самого начальства.

«Уазик» выехал на широкую просеку. Она была перекрыта забором из колючей проволоки, в которой были ворота.

«Мерседес» затормозил перед воротами.

Я увидел спрятанную под вековыми соснами сторожку. Наконец из нее вышел солдат.

Он принялся копаться в замке — обычном висячем замке. Но по крайней мере здесь есть охрана... И тут же я поймал себя: у них было время не только охрану поставить. Ведь сейчас майор успокоился, ничего плохого не ждет. Они могли год сюда не заглядывать. А прислать солдата — дело минутное.

Ворота захрустели, заскрипели. Солдат тянул створку на себя, она не поддавалась, охранник выскочил из «Мерседеса» и принялся помогать солдатику. Они догадались поставить часового, но забыли, что ворота два года не открывались... видно, как ушли отсюда, так и не пришло в голову заглянуть снова — заняты были своими делишками.

Оставшись с приятным чувством превосходства над местными ротозеями, я дождался, пока машины проехали по внутренней дорожке и остановились перед входом в бункеры, спрятанные подобно деревенскому погребу под поросшей травой насыпью.

Полковник Овсепян, выйдя из машины, достал из «дипломата» схему, и они с дядей Мишей расстелили ее на радиаторе.

Полковник Шауро тоже стал заглядывать в схему и, просунув руку между телами гостей, водил по ней пальцем. После каждой его фразы дядя Миша и Овсепян поднимали головы и взглядами находили объект, отмеченный на схеме.

Когда мы с майором подошли, дядя Миша как раз говорил:

— Вот тут мы и начнем.

Он первым направился налево, к просвету в кустарнике. Он шагал по-суворовски размашисто и быстро, остальным приходилось поспевать за ним, как придворным на картине Лансере, не помню, как она называлась. Там Петр Великий шагает по берегу.

Полковник встал на колени, потому что замок на бункере не хотел поддаваться.

Дядя Миша отыскал меня взглядом.

— Все в порядке? — спросил он голосом настоящего генерала, который вспомнил о существовании адъютанта.

— Так точно, — ответил я.

Когда-то вход в бункер был иным, посовременнее, но, верно, многое увезли при демонтаже, так что амбарные замки столетней давности вполне соответствовали уровню сохранности базы.

— Почему нет света? — строго спросил дядя Миша.

— Мы дали ток, — сказал полковник. — Но, оказывается, лампы перегорели.

Он сделал жест рукой — показал наверх. Сюда падал свет снаружи, и было видно, что перед лифтом некогда была лампа в матовом колпаке, обтянутом проволокой, чтобы осколки не разлетались. Колпак был разбит, лампочки и следа нет.

— Тогда время было такое, — сказал полковник Шауро.

— Ясно. — Дядя Миша был недоволен. — А почему не проверили, когда получили шифровку о прибытии?

— Мы думали, что сначала позавтракаем, — вмешался майор Хромой. — Я дал распоряжение, но у нас тоже дефицит, приходится в одном месте вывинчивать, чтобы в другом ввинтить.

— Альхен и Сашхен, — сказал я.

Полковник Овсепян улыбнулся углами полных губ.

— Простите? — Полковник Шауро прожег меня снизу жгучим злобным взором. Лишь дядя Миша, который наплевательски относился к юмору и ничего лишнего не читал, остался к моему замечанию совершенно равнодушным.

— Ну что ж, — сказал дядя Миша, — мы погуляем вокруг, пока свет привезут.

— Нет-нет, — расстроился Шауро. — Сейчас все будет. А вы тем временем позавтракайте. Я же предупреждал!

Дядю Мишу ничем не стронешь с места.

— Мы и не уверены, — вдруг сказал майор, — что наши лампы со склада подходят. Нам недавно присылали, а это старые отечественные.

— Пошли, Гарик, — сказал дядя Миша, — а вы, товарищ Овсепян, отдохните пока, покурите, вы, кажется, курите?

— Курю, — по-граждански ответил полковник из Москвы.

Дядя Миша пошел к леску, я догнал его. Уходил он, как статуя командора, совершившая свое дело. Упрашивать о снисхождении было бессмысленно.

Сзади слышались переговоры, они велись с помощью густого мата.

Когда я догнал дядю Мишу, взревел мотор «уазика» — он помчался за лампочками.

— А я думаю, — сказал дядя Миша, поднимая нависающие ветки и держа их, пока я не пройду, — что эти лампы, вернее всего, исчезли сегодня ночью.

— Они не хотят нас пускать?

— Точно не хотят. И это меня радует. Значит, мы не зря сюда приехали.

— Может быть какое-нибудь другое объяснение?

— Может быть. Но мне куда лучше покончить с этим сумасшедшим домом сегодня, чем существовать и дальше в нерешительности, в неуверенности. Наверное, это и есть шизофрения.

— Что вы имеете в виду?

— Когда у шизофреника бывает просветление, он останавливается и спрашивает себя: а чего же я вчера так боялся? Что за идиотские видения меня посещали? Никогда больше в них не поверю... А на самом деле он боится, что видения вернутся, и даже знает, что они вернутся. Мне лучше бы, чтобы не было этого Нижнего мира, этих озверевших от вечности консулов... мне надоело жить на пороховой бочке! А если, я думаю, они доберутся до забытой атомной бомбы и рванут ее? Потом я

думаю — нет никакой забытой атомной бомбы, не теряй времени, Михаил. А если я поверю в то, что ее нет, а она рванет?

— Это не шизофрения, — сказал я. — Я там был. А я не шизофреник.

— Ты вообще урод с Марса, — буркнул дядя Миша. Он не хотел меня обидеть. Я в самом деле урод с Марса.

— Если бы с Марса, — вздохнул я.

Дядя Миша не улыбнулся.

— Послушай, Гарик, — сказал он, — я же тебя не зря с собой взял. Ты мне должен заменить десяток моих сотрудников. Мне не нравится, как себя ведет Шауро и этот... второй.

— Хромой.

— И «Мерседес» не нравится. И этот завтрак, и лампочки. Ты мысли не умеешь читать?

— Вы же знаете, что не умею, и вряд ли кто-нибудь умеет.

— Все равно читай мысли, — приказал генерал.

— Слушаюсь.

— И не смейся, мне не до смеха.

— И мне они тоже не нравятся, — сказал я.

— Смотри, чтобы на тебя в темноте что-нибудь не упало. А то окажется, приехали дураки из Москвы, полезли, куда не просили, а на них крыша упала.

— Не настолько они напуганы, — сказал я. — Если бы была такая ненависть и такой страх, я бы почуял.

— Дай-то бог. Ты не голоден?

— Нет, завтракать с ними не собираюсь. А вы Овсепяна хорошо знаете?

— Я думаю, что он здесь чужой. Значит, могу доверять. Мне он нужен, потому что знает расположение всех объектов.

— И вы допускаете, что здесь могли забыть бомбу?

— Это была ракетная база. Здесь не могли забыть бомбу. Но, что маловероятно, здесь могла очутиться ядерная боеголовка. Некогда, в древности, года три назад, они еще стояли на боевом дежурстве. Разумеется, я в это не верю.

— Где мы находимся? — спросил я.

— Если даже я тебе координаты укажу, ты все равно не поймешь.

— Как знаете.

Он мне не доверял. Я для него все равно чужой. Если для пользы дела меня придется ликвидировать, он сделает это без особых терзаний.

Мы повернули обратно.

Вскоре вышли снова на прогалину. Там был только Овсепян, он сидел на валуне и курил, любуясь колечками дыма.

«Валун, — отметил я, — значит, мы где-то к северу от Москвы, в зоне ледника».

«Мерседес» стоял у ворот, через ветровое стекло мне было видно, как шофер и охранник о чем-то мирно беседуют.

Ну скоро они эти чертовы лампочки привезут? И надо было им обоим ехать!

И тут же, откликаясь на мои возмущенные мысли, вдали зарычал форсированный движок — возвращался «уазик».

Через три минуты он проскочил ворота, оттуда выбежал полковник, изображавший желание услужить и отделаться от гостей, за ним, переваливаясь на ходу, — майор Хромой, который нес мешок.

— Да будет свет! — сказал Овсепян с жестким кавказским акцентом. А я думал, что он — московский армянин. Это грузины всегда говорят с легким хотя бы акцентом, даже если всю жизнь провели в Москве, грузины и англичане. А армяне, как народ диаспорный, говорят чисто, как буряты.

Мы снова спустились вниз. Шесть человек. Трое нас и они с автоматчиком.

— Давай, Сашок! — приказал полковник автоматчику. Видно, не хотел терять своего командирского достоинства.

Автоматчик встал на цыпочки, ввинтил лампочку. Лампочка не загорелась.

— Рубильник, — сказал дядя Миша. — У вас рубильник вырублен.

— Сашок, — приказал полковник.

Автоматчик прошел в темноту, исчез в ней. Лампочка загорелась.

— А вы говорили, — укоризненно заметил полковник Шауро.

— Я не говорил, — произнес дядя Миша, — я спрашивал, задавал вопросы. Лифт работает?

— А как же! — сказал полковник. — Все в полном порядке, мы расконсервировали... А про лампочки, извините, забыли.

Мне было понятно, что лампочки были вывинчены только потому, что в сердце полковника жила наивная надежда: увидит приезжий чин перегоревшую лампочку, выругается и пойдет завтракать — на чем инспекция завершится, как завершались подобные инспекции раньше.

В лифте мы спустились в два приема — шесть человек там не поместились. Еще одну лампочку пришлось ввинтить на

нижней площадке. Но дальше, как ни удивительно, все лампочки оказались в патронах, значит, бандиты и воры сюда не добрались. Ленивые у вас воры, товарищи!

Всюду царила пыльная, паутинная, заброшенная пустота. И в служебных комнатах, где сохранились предметы мебели и старые компьютеры.

Полковник стал говорить, что надо бы вывезти, но нет средств на окончание демонтажа. Дядя Миша и Овсепян знали, куда идти, где смотреть. Оказалось, что подземное хозяйство не ограничивается шахтами, из которых должны хищно выползать осиные жала стратегических ракет. Немалые народные деньги сгинули при создании подземного городка.

Овсепян активнее всех совал нос по разным углам и задавал вопросы: где то? где это? Дядя Миша вслушивался в ответы, и я тоже вслушивался в ответы, стараясь угадать — нет ли внутренней дрожи в голосе. Врут или нет?

Но если вначале и были какие-то вздрагивания, то постепенно все успокоилось, и стало непонятно, зачем лампочки вывинчивать? Как я понимал по вопросам Овсепяна, кое-чего не хватало, кое-что вытащили, правильно или нет, не знаю. Но это все не преступления, а лишь должностные упущения, а так как Овсепян не за скальпами приехал, он спрашивал и выслушивал ответы довольно равнодушно.

Лампы светили тускло, по полу пробежала мышь-полевка, как сюда попала? Неужели и бетон можно прогрызть?

Мы вышли к какому-то другому лифту.

Полковник улыбался. Он был почти спокоен.

— Вот и все, — сказал он. — Ну уж теперь обедать придется.

— Это все? — спросил дядя Миша.

— Все, все! — Страх рухнул на полковника Шауро. Меня передернуло от этого страха. Из него потек пот.

— Никаких больше помещений? — Дядя Миша смотрел на Овсепяна.

Овсепян не ожидал этого вопроса — он уже собрался подниматься.

— Может быть, и есть, — сказал он после паузы, морща лоб и стараясь вспомнить, не упустили ли чего-нибудь.

Ему было все равно, найдут здесь что-нибудь или нет. Он даже не следил по схеме, хотя и делал вид, что следил, где мы бродим. Он отвечал дяде Мише, но сам думал о чем-то другом.

— Дай-ка мне схему, — сказал дядя Миша.

— Мы все посмотрели, видит бог, все посмотрели, — настаивал полковник.

Дядя Миша прижал схему к бетонной стене, разгладил ладонями и, вглядевшись, спросил:

— Мы здесь?

— Кажется, здесь, — ответил полковник Шауро.

— Мы здесь? — уже настойчивее и злее спросил дядя Миша у другого полковника.

— Да, — сказал Овсепян.

Он приглядывался, щурясь, словно забыл дома очки.

— А это что? — спросил дядя Миша.

Я стоял в стороне, мне не все было видно. Я только шкурой ощущал смятение чувств и мыслей, кипевшее вокруг.

— Я спрашиваю, что это?

Овсепян вдруг вскипел, словно Шауро его оскорбил.

— Что это — я спрашиваю! — закричал он. — Отвечайте, в конце концов!

— Где? А, здесь? Слушай, майор, — обернулся Шауро к Хромому, — что там у тебя, товарищи интересуются.

— Вы же знаете, — плачущим голосом откликнулся майор, — это еще при Язове замуровали. Там проседание было, и замуровали.

— Покажи, — приказал дядя Миша.

— Что показать? — спросил майор. Дурак дураком. Это меня всегда тревожит в людях, которые сначала дураками не кажутся.

— Где замуровали?

— У вас устаревшие схемы, — сказал Шауро. — Ну подскажите ему, товарищ Овсепян, что это устаревшие схемы.

— У нас других нет! — отрезал Овсепян. — Что это еще за самодеятельность!

Конечно, он сплоховал и теперь боится за свою шкуру — тебя специально из Москвы прислали, а ты все думал о завтраке?

— Ну пошли, я покажу, — сказал полковник Шауро. — Сами убедитесь.

Мы пошли по коридору. Дядя Миша сложил схему так, чтобы все время держать перед глазами эту часть подземелья.

— Стоп! — неожиданно крикнул он. — Здесь!

Одна лампа освещала эту часть коридора, тупичок, полутьма.

— Видите, штукатурка. Старая штукатурка, — сказал полковник Шауро. — Вы постучите, постучите.

Дядя Миша послушно постучал костяшками пальцев. Стук был глухой — стена капитальная, я чувствовал.

— Это должно быть в документах отражено, — сказал майор. — Мы вам покажем, если хотите, и сметы сохранились.

— Какие сметы! — закричал полковник Шауро. — Сколько прошло! Лет пять, наверное, меня еще не было. Никого из нас не было.

— Я был, — сказал Хромой, — при мне замуровали. Тогда Иваненко на округе был. Он подписывал. Я же помню ЧП. Приезжали из штаба округа, опасались, что может грозить шахтам, геологи брали пробу. Я как сейчас помню.

— Ну вот видите, — сказал полковник Шауро. — А вы говорили.

— Ничего я не говорил, — мрачно ответил дядя Миша. — Только о таких вещах во время инспекции забывать не положено.

— Это правильно, — сказал Шауро. Он не знал, как величать дядю Мишу, потому концы фразы зависали у него на языке.

— Теперь все? — спросил дядя Миша.

— Теперь все, — обрадовался, что к нему обратились, Овсепян.

— Ну пошли. — Дядя Миша был недоволен.

Все поспешили к выходу. Полутемное опустевшее подземелье удручало.

Дядя Миша стал отставать, кроме меня, этого никто не заметил.

— Ты как думаешь? — спросил он тихо, кроме меня, никто не мог услышать.

— Я не уверен.

— И я не уверен. Надо будет тебе отстать и поглядеть.

— Хорошо, — ответил я, — что-нибудь придумаю.

— Попробуй, — сказал дядя Миша. — А то я не знаю, что делать.

Признание генерала меня порадовало. Не часто дядя Миша признает поражение.

— Не отставайте, не отставайте! — воскликнул полковник Шауро. — Все из-за вас и так пять раз греть пришлось. А ведь для вас грибочки собирали.

— Здесь грибы есть?

— Да вы по базе походите, — сказал майор, — белых корзину наберете. Собирать-то некому. Деревенские уже не ходят, естественно, а нашим далеко, полковник машину не дает.

— Я бы остался, пособирал грибов, — предложил я.

— Уважаете грибочки? — спросил майор. — Мы это для вас тут же организуем. У нас соленые есть, маринованные, а Клава уже сушила.

— Я сам люблю, — сказал я. — Пятая охота.

Ох и плохой же я лжец.

Себя слышу и думаю, как плохо и неубедительно звучит голос этого молодого разведчика.

— А если свежих пожелали, — откликнулся полковник Шауро, — то моя жена сегодня утром на рассвете ходила, мы вам с собой корзину сообразим.

— Вот и чудесно. — Дядя Миша пресек все мои дальнейшие попытки отпроситься за грибами. — Спасибо за заботу.

Мы погрузились в машины, я опять ехал с майором, он чувствовал себя хорошо — пронесло!

Нас и в самом деле ждали, обессиленные от разогревания и тщетных пробегов к окну — едут, не едут?! — жены офицеров. Для меня даже привезли какую-то племянницу. Кроме наших офицеров, еще пришел маленький, изображавший Суворова за написанием «Науки побеждать» подполковник по политчасти. Дядя Миша не спорил — он уселся основательно.

Дом, в котором жили офицеры, стоял на краю деревни Максимовка, на высоком берегу речки, отсюда открывались прелестные северные дали.

После первых тостов я сказал Хромому:

— Я пойду на улицу.

— Зачем? Тут все удобства у нас.

— Я пофотографировать хочу, вид у вас чудесный.

— Стоит ли? — Хромой все еще не хотел расслабляться.

— Ты куда? — услышал дядя Миша.

— Пофотографировать хочу, — ответил я.

— Гарик у нас отличный фотограф, — сказал дядя Миша.

Майор догнал меня у дверей.

— А аппарат у тебя где? — спросил он.

— В машине.

— Я с тобой, — вызвался майор Хромой: видно, считал, что мы уже в приятелях.

— Я далеко отходить не буду, — сказал я.

Мы говорили негромко, но нас слушали. Хоть и через шум, который создавали развеселившийся после нескольких рюмок Овсепян и женщины, явно испытывавшие облегчение от

того, что наконец-то ожидание благополучно завершилось и их труды не пропали даром.

Нас слушал дядя Миша, улыбаясь жене Хромого, слушал полковник Шауро, даже уши у него покраснели.

— Проводи, проводи гостя, — приказал или попросил Шауро.

— Я и говорю, — откликнулся Хромой.

Я пошел к двери.

Мы гуляли на втором этаже двухэтажной каменной казармы, разделенной на квартиры. Я вышел из дверей, лестница была широкая, ее недавно покрасили синькой, а потом побелили потолки — во всем был уют и скромное достоинство буржуазии.

«Уазик» стоял неподалеку, шофер сидел рядом в тени елки, на корточках, так приучаются сидеть в лагерях, впрочем, солдаты так тоже умеют сидеть, когда сесть не на что.

— Откройте машину, — сказал я шоферу. — Мне сумку взять надо.

— Нет там никакой сумки, — сказал шофер.

— Как так нет? Я ее в машине оставил. Там у меня аппарат.

— У нас ничего не пропадет, — сказал Хромой. Он открыл дверцу «уазика» и наклонился внутрь. Зад у него был широкий, как у пожилой кухарки.

— Нету, — сказал он.

Шофер поднялся. Подошел к машине.

— И я говорю, что нету. Что я, не заметил бы, что ли?

Я тоже присоединился к поискам.

Моей сумки не было.

— А вы в машину садились без сумки, — сказал водитель. Он был немолод и строг лицом. Со мной он говорил, как с трудновоспитуемым подростком. — Я бы заметил.

— Но где я ее мог оставить? — спросил я водителя. — У меня там аппарат лежит, импортный.

— Да не пропадет твой аппарат! — рявкнул Хромой, который и вовсе во мне разочаровался.

— Может, и вовсе прилетел без сумки? — спросил водитель.

— Вы же говорите, что имеете память, — сказал я укоризненно, — а не видели, что я из сумки вынимал предметы.

Я не помнил, что это за предметы, но говорил уверенно.

— Если вынимал, то твое дело, — сказал шофер.

— Значит, я ее оставил в подвале, — сказал я.

— Этого еще не хватало! — расстроился Хромой.

— Давайте я съезжу, — попросил я. — Можно я воспользуюсь «уазиком»?

— Как так «воспользуюсь»? — спросил майор.

— Сяду и сгоняю туда.

— А кто тебя пустит? — спросил майор. — Бабушка?

— Скажите шоферу, что можно, он пароль или что там передаст вашему часовому.

— Вы военную службу-то знаете? Проходили?

— А почему мне нельзя съездить?

— Ну ладно, — вздохнул майор. — Придется полковнику донести, пускай он решает.

Я остался в полной растерянности и расстройстве — сумку терять мне не хотелось.

Мне казалось, что майора нет полчаса, я даже замерз.

Потом он вышел мрачный, но деловитый.

— Я съезжу, — сказал он, — с шофером, а вы возвращайтесь на завтрак.

— Нормально, — ответил я. — Мне нетрудно. Сейчас сгоняем и обратно.

Я мог бы оставить его здесь. Мало ли что можно внушить испуганному майору! Но я подумал, что мне даже удобнее вернуться в подземелье вместе с Хромым, ведь надо преодолеть часового, спуститься вниз...

Я лишь навел на него некоторое внутреннее недоумение, смешав мысли, от чего он тупо смотрел на меня, когда я устраивался рядом с ним на заднем сиденье.

— Поехали, — сказал я водителю, который следом за нами влез в машину, но ничего более не делал.

Водитель обернулся к Хромому, тот проморгался, надвинул фуражку на брови и сказал:

— Тебе же велели!

— С вами не разберешься, — сказал водитель.

Ехать было недалеко, но я не хотел давать Хромому возможность опомниться и задуматься над тем, почему я возвращаюсь в шахты.

— А вы сами не фотографируете? — спросил я.

Хромой ответил обалделым взглядом.

— Ведь у вас такие здесь пейзажи, — сказал я, — просто одно удовольствие производить съемки. Я бы на вашем месте и видео купил.

— На какие шиши? — спросил Хромой.

— Это не так дорого, — сказал я, — ведь у вас семья? Дети? Вот видите — двое, а ведь детей надо фотографировать, потом

память остается. Мы когда вернемся, я обязательно сделаю фотоснимки ваших детей и пришлю. Нет, не надо благодарности, это из чувства взаимности, вы так хорошо нас встречаете.

Водителю этот разговор не нравился, по затылку видно.

— Слушайте, — сказал он майору, что было неуставным обращением, — а ведь часового сняли, я слышал, что полковник собирался снять.

— Да погоди ты! — рассердился майор Хромой. — Мы еще не доехали.

И тут мы встретили часового — водитель как в воду глядел.

Часовой брел по мокрой сизой дороге, перепрыгивая через трещины и лужи, навстречу нам. Выехали бы мы чуть позже — отыскать мою сумку было бы труднее.

— Садись сюда, — крикнул водитель, — а мы к тебе в гости. Ключи с собой?

— Я обедать иду, — сказал часовой, хотя обедать было еще рано.

«Ну и распущенная у вас часть, майор», — хотел сказать я, но, конечно, не сказал. Хромой не должен меня опасаться.

— Садись, садись, — велел майор, — сколько раз говорить! Вот наш гость в шахте аппаратуру забыл.

Часовой, молодой, действительной службы, с ровным розовым глупым лицом, спросил:

— Какую такую аппаратуру?

За шпиона он меня принял, что ли?

— Фотоаппарат, — сказал я.

Перед воротами мы остановились, часовой ворчал, словно рассерженный медведь.

Любопытно, они успели лампочки вывернуть? Нет, решил я, не будут они этого делать, теперь не надо.

— Подождите здесь, — сказал я, когда часовой открыл дверь в бункер. — Я на минуту.

Майор, конечно же, не стал меня оставлять одного.

— Не положено, Гарик, — сказал он.

Подслушал, значит, как меня кличет любимый генерал.

— Не положено — полезем вместе, — сказал я. — За компанию что-то уже натворили?

— Натворили? — нахмурился майор.

Когда мы спустились на лифте на нижний этаж, он спросил:

— Хоть помнишь, где посеял?

— А мы тут шли?

Но он уже был в моих мягких пальцах — одурачить одного майора, тем более неуверенного в себе, растерянного и принявшего для храбрости граммов триста, для такого бандита, как я, — легче легкого.

— А где же еще идти? — спросил Хромой.

Теперь напрягись, космический урод, Гарик Гагарин! Проведем образцовый допрос сомнительного майора.

— Посмотри на меня, — приказал я майору.

Я уже увидел мою сумку, вон она лежит, удачно положенная мною час назад за упавшим стулом.

Хромой смотрел на меня с готовностью, потому что ему показалось, что он слышит голос своего начальника.

А теперь он и видит своего начальника и пытается понять, что тот здесь делает.

— Товарищ полковник!

— Без разговоров, — осадил его я. — Этот самый, приезжий фотограф, — он что-нибудь узнал?

— А я его и близко не подпустил. — Майор обрадовался ясности.

— Не подпустил? — Я был язвителен. — А где же, прости меня, ты его оставил?

— А он... он где-то здесь... — Майор принялся оглядываться.

— Не ищи его, он уже там, — сказал я.

Тут я увидел, что Хромой полез за пушкой.

— Погоди, — сказал я, — сначала пойдем посмотрим на него. Ты же не хочешь детей сиротками оставить?

— Почему?

— А потому, что эти гады спецрейсом прилетели, забыл? С Овсепяном. Ясно? От нас не отвяжутся. Убивать нельзя.

— Да я только попугать, — виновато произнес Хромой.

— То-то, смотри.

Ему приходилось нелегко. Он не мог не верить глазам — в нескольких шагах стоял любимый (или нелюбимый) начальник. Но ведь я — гипнотизер-любитель, я могу воздействовать на людей, но, во-первых, никогда не учился этому, во-вторых, всегда стесняюсь — какое я имею право лезть грязными руками в разум чужого человека? Я же не фашист! Не какой-нибудь Судоплатов...

— Он не пронюхает? — спросил мой Шауро.

— Чего? — Как в Хромом боролись страх, осторожность и желание довериться Шауре!

— Сам знаешь чего! — Мой Шауро рассердился. — Я же не прошу тебя лишнего говорить! Я боюсь, что стенка тонкая!

— Да ты сдурел! Она в три кирпича.

— Пойдем проверим, не нравится мне это.

Он пошел к тупику, за которым находились замурованные помещения. Я наклонился поднять сумку и потерял контроль над Хромым. И когда выпрямился, он уже прижался к стене спиной — он перепугался всерьез.

— Пошли, пошли. — Мне пришлось взять его локоть, физический контакт усиливал мой контроль.

Хромой покорно пошел к стене.

Он бормотал невнятно, но смысл был ясен.

— Ты, это... не понимаю, кто тут и как тут, что говорить, ты хотя бы объяснил...

— Вот тут? — спросил я, не отпуская его локтя.

— Ты же знаешь? — В голосе звучал вопрос.

— Что я знаю — тебя не касается. А с той стороны, там надежно?

Я предположил, что если часть этого подземелья ими замурована, то никакого входа отсюда нет. Замуровать нечто и скрывать его от Москвы означало достаточно серьезную тайну. Но к тайне надо иметь доступ. Иначе она уже не твоя тайна. А доступ мог быть с другой стороны.

В то же время я боялся задавать прямые вопросы, на которые Шауро наверняка знает ответ, — сознание Хромого не настолько мне подчинялось, чтобы не вырваться из-под моей власти, как только я ослаблю хватку, и толчком к этому может быть неосторожный вопрос.

— Ты лучше знаешь, — сказал Хромой. Он дернул руку, стараясь освободить локоть.

Я решил — бывает же вдохновение! — задать вопрос совсем уж дикий:

— А людей оттуда убрал?

— Каких людей?

Мы стояли у самой стены. Я чувствовал, что там, по ту сторону стены, кто-то есть. Как чудовище, замурованное в горе... я чуял живое присутствие.

Ну не мог я раздвоиться! Я переключил внимание на то, что происходит за стеной...

Хромой рванулся, отскочил от меня.

— Стой! — Я кинулся было за ним, но он, находясь в полном смятении, кинулся бежать по коридору, проскочил мимо лифта и побежал вверх по винтовой железной лестнице.

Я за ним.

Нельзя было его отпускать. Черт их знает, как тут все организовано...

Я поднялся на лифте, но не догнал его. Человек грузный, немолодой, нетренированный... и все же он бежал, как заяц.

Он выскочил из бункера и начал наваливаться на дверь, стараясь замуровать меня внутри.

Он был вне себя, иначе подумал бы о возможных последствиях для своей карьеры.

Я навалился на дверь изнутри, он кричал солдатам:

— Давай сюда, изолируй его! Враг, враг!

«Почему враг? — подумал я. — Неужели он ничего лучше не придумает?»

Вдруг я увидел, что в широкую и расширяющуюся щель — ему меня все же не одолеть — влезла рука с пистолетом.

Ну сумасшедший, прямо сумасшедший!

Я отпрянул к стене, и пистолет начал стремительно вспыхивать, стрелять. Я слышал странный звук, как пули ударялись о бетон. Я считал выстрелы.

Потом снаружи загремели, искаженные преградой, голоса, дверь в бункер, способная выдержать атомное попадание, замкнулась... я остался графом Монте-Кристо, узником подземелья, железной маской...

Тишина.

Я даже и не думал, что бывает такая тишина.

Вот дурак... эта мысль относилась и ко мне, и к майору. Два дурака — пара. Я дурак — попался. Он дурак — себя разоблачил.

Интересно, что за чудовище таится там?

Что ж, пойдем еще раз посмотрим на перегородку — зачем терять время попусту? Надеюсь, у него нет шлюза, чтобы меня затопить? Это было бы красиво, как в американском боевике.

А может, они сейчас устроят за мной охоту? Что у них есть? Один «калашников». Этого недостаточно, чтобы меня выловить. Три человека...

Но они не посмели сунуться за мной. Все-таки майор Хромой не был по-настоящему боевым фельдмаршалом. Трусил он. Сейчас помчится в Максимовку советоваться с полковником.

Они выбрали третий путь, который не исключал и бегства к полковнику.

Трень!

Свет погас.

Простите, я вам не крот, чтобы совершать подвиги в кромешной тьме. И я так надеялся, что наверху нет рубильника... есть, однако!

К счастью, у меня неплохая пространственная память.

Я зажмурился, чтобы не было так темно, и отправился в путешествие к той самой стене.

Добирался я до нее минут десять, включая винтовую лестницу на четыре этажа вниз, и наконец прижался к холодному бетону, за которым мои тонкие чувства улавливали биение биологической жизни. И если вы мне не верите, то вряд ли вам стоит встречаться с нами, братьями по разуму. Контакта не будет!

Я пошел вдоль стены, простукивая ее костяшками пальцев и стараясь уловить волны, исходящие из того пространства.

Майор фактически признал, что в бункере есть второй вход. Надо пробиться вовнутрь.

Эта процедура заняла еще минут пятнадцать.

Спасение все не шло, а ногти я сломал. Хоть я могу сосредоточиться и ударить в нужную точку в нужный момент, мне не мешает иметь инструмент или взрыв-пакет. Руки — хороший инструмент для игры на рояле, но не для проламывания бетонных стен.

На мое счастье, ставили эту стену в высшей степени халтурно, стройбатовцы делали — а вы же знаете, какие они мастера!

Я отыскал методом тыка самый слабый участок стены и смог протолкнуть внутрь висевшую глыбу на проржавевших палках арматуры рассыпчатого бетона.

Потом прополз на ту сторону Тайны.

Там тоже было темно.

Но не так безнадежно темно, как в основном бункере.

И когда я прошел ощупью метров пятьдесят, то увидел вдали свет голой лампочки.

Я утроил осторожность.

Там могла ждать опасность, засада, гибель...

Впереди слышались голоса, придавленные низким потолком. Раздался звон.

Я оказался в небольшом зале, заставленном ящиками.

Ящики давали достаточное прикрытие.

Наконец я смог выглянуть из-за последнего штабеля.

При неярком свете голых ламп несколько человек снимали одинаковые бутылки с не спеша плывущего транспортера и ставили в ящики.

Я сунул руку в ящик рядом.

Мне досталась бутылка водки «Максимовка». Наклейка изображала обнаженную женщину в бане, создание руки народного художника Пластова.

Конечно, можно было бы и посмеяться, но этот подпольный заводик был достаточно осязаемым источником колоссальных доходов, и ради него вполне можно разделаться и с неким Гариком, и с генералом в штатском, заплатив потом за их смерть по существующему курсу в соответствующей прокуратуре.

Наверное, та же мысль пришла в голову и моему отважному дяде Мише, который в этот момент догнал меня.

Его сопровождал полковник Овсепян, который почему-то повторял:

— Ума не приложу... ума не приложу, как я упустил... ума не приложу.

А я уже знал, что Овсепяна потому и послали сюда, что на него была надежда в управлении, без помощи и крыши которого полковнику никогда бы не купить «Мерседес» и не поддерживать деловые отношения в районе.

Дядя Миша был согласен с моим диагнозом:

— Им проще было бы с нами расправиться. Два лишних трупа в такой большой стране — разве это много?

— А я? — спросил Овсепян.

— С вами сложнее, — сердито ответил дядя Миша. — Вас пришлось бы тоже убрать. Вы слишком много знаете. Как в старом шпионском фильме.

— Я тоже так думаю, — печально согласился Овсепян. Он почему-то погладил дядю Мишу пальцами по рукаву.

— Но я вам крайне благодарен, — сказал дядя Миша, может быть, почти искренне. — Вы так испугались за моего юного друга, когда он ринулся за любимой сумкой, что я понял — вам известна тайна страшного подземелья.

— Я как раз намеревался вам сказать, — поспешил с ответом Овсепян. — И как только вы спросили... разве я чего-нибудь скрыл?

— Лучше поздно, чем никогда.

— И лучше войти в дверь, чем ломиться сквозь бетонную стенку, — добавил я.

— Без тебя мне было бы труднее отыскать этот заводик, — сказал дядя Миша, и я понял, что в этой успешной операции моя роль так незначительна, что ею можно было бы пренебречь. Но генерал настолько великодушен, что даже человеку-приманке говорит спасибо.

Грузчики восточного типа, которые трудились на заводике, весьма удивились, увидев, как по проходу между ящиками шагают неизвестные люди, включая армянского полковника. Но работать не прекратили.

— Дурак Хромой застрелился, — сказал дядя Миша. — Это им и спутало все планы.

— Это ужасно, просто ужасно, — сказал Овсепян.

Он первым подошел к солдату, который стерег вход к Али-Бабе, и сказал:

— Выпусти-ка нас.

— Слушаюсь! — Солдат вскочил и нажал на что надо — ворота раскрылись.

Он смотрел нам вслед. Грузчики тоже смотрели нам вслед.

Мы вышли на высокий берег реки.

Я вынул из сумки аппарат и сделал два удачных кадра.

— Мы пойдем прямо на аэродром, — сказал дядя Миша. Потом обернулся к Овсепяну и предложил: — Если вам нужно, то оставайтесь.

— Нет, это не по моему ведомству, — вежливо ответил Овсепян вовсе без акцента. — Пускай военная прокуратура занимается.

До аэродрома пришлось пройти километра три, но нас никто не обогнал и не увидел.

В самолете дядя Миша сказал:

— Может, и лучше, что мы ничего не нашли.

Глава 6

ЛАВРЕНТИЙ ВЕРИЯ

В мире без времени нет автомобилей, и огонь зажигается нехотя, горит так, словно ему не хватает кислорода. А может, и в самом деле не хватает.

Если ты простой человек, то ходи пешком, благо что никто здесь не устает, никто не может проголодаться, испытать жажду или желание заснуть. Можно обойти за два-три года весь материк, такие попытки бывали, но никто из путешественников не возвратился назад.

Чумазилла говорила, что есть мнение: Земля уже не круглая, а так, дощечка в океане.

Особы высокопоставленные — даже в Чистилище такие водятся — ногами ходить не любят. Для них есть два вида

транспорта: телеги или кареты, запряженные велосипедистами, и портшезы — крытые носилки.

У Лаврентия Павловича был автомобиль «Паккард» 50-х годов. Спереди сидел водитель, он командовал четырьмя велосипедистами, а на заднем сиденье располагался сам консул, порой он сажал к себе кого-то из нужных людей, чтобы поговорить. Иногда с ним рядом ездил охранник. Велосипедисты набирались из бывших сотрудников органов и были вооружены хорошими боевыми арбалетами. Лаврентий Павлович брал охранника лишь в крайне опасном случае.

В тот день велосипедисты устали: четыре ездки из города на Взморье — любой завоет.

Они вяло нажимали на педали, и Берия, хоть и очень спешил, потому что им владело чувство мести и оскорбленного достоинства, свойственное проигравшему игроку, понимал, что ему ничего большего из «коней» не выжать. Хоть и сотрудники.

В мире без времени трудно заставить человека делать то, что тебе хочется, а ему вовсе не нужно.

Но методы есть.

У всех сохранился страх перед болью.

Память о боли.

И ее можно возвратить. Об этом лучше всех знали бывшие сотрудники Лаврентия Павловича, попавшие сюда в страхе перед своими бывшими коллегами и жертвами. Неизвестно, кто страшнее. Пожалуй, свои.

Наверное, для нормальной жизни четвертое путешествие Лаврентия Павловича за один день — немыслимое предприятие.

Но кто мерил день в мире без времени? Там никогда не наступает ночь и никогда не встает солнце. Раз нет времени, то нет температуры, нет дождя и снега, нет ветра и облаков. Если бы Лаврентий Павлович возил с собой песочные часы, они могли бы рассказать объективно, сколько миновало отрезков времени. Они умеют мерить уровень воды в пересохшей речке.

Лаврентий Павлович чувствовал, что устал. Устал от того, что не имел возможности прервать череду дел, интриг, споров и передвижений.

Но отдыхать нельзя.

Потому что каждое поражение рождало в этой удивительной натуре не смятение и не упадок сил, а немедленное желание вновь ринуться в бой.

Кто бы ни был врагом Берии, тот всегда проигрывал ему в беспощадности.

Сейчас Берия был разгромлен собственными союзниками, которые воспользовались его кратким отсутствием, чтобы не дать ему взойти на трон. Но они не были беспощадны. Они полагали, что он смирится и будет работать вместе с ними, ибо это разумно. Правда, не первым, но оставим ему силу и права второго.

Глупцы, решившие, что одолели невысокого плотного плешивого вождя, который — ну что поделать — раздобыл в этом мире старую шляпу и носил ее, как носил на парадах, стоя рядом с Хозяином.

Дважды велосипедисты останавливались и переводили дух.

Берия не торопил их. Понимал, что они уже износились и следует поискать им смену. К примеру, говорят, что где-то на берегу Рижского залива есть общество «Здоровое тело». Надо проверить.

Затем мысли Берии перетекли в иное русло — к делам более важным. Во-первых, следовало решить, как избавиться от консулов — если они сумели объединиться и единогласно отвергнуть его кандидатуру, значит, будущее ничего хорошего не сулит. Они его не только не выносят, они его заслуженно боятся. И при первой же возможности постараются убить. Нельзя поворачиваться к ним спиной. Ведь не будь они слюнтяями, способными лишь говорить и готовыми тут же переложить грязную работу на его плечи, то давно бы убили. Нашли бы легальное основание... А у них даже нет палача. Честное слово — на все государство нет палача! У Лаврентия Павловича даже среди велосипедистов по крайней мере три бывших исполнителя.

Не додумав важную мысль, Берия вдруг спохватился: кто и почему подслушивал в ресторане на Взморье? Это люди изнутри или снаружи? Разница могла оказаться жизненно важной.

Девицей он займется. Никуда она не денется.

Сначала надо запустить основную машину.

К счастью, жизнь подарила ему удивительных, исключительных агентов.

Пока они у него в руках, пока они в безопасности — черта с два консулы посмеют поднять на него хвосты! Чаянов знает об агентах, но кто они — лишь догадывается.

И такие козыри всегда радуют.

Не зря мы живем на свете, если еще можем вербовать и держать в норме таких людей!

Ни в коем случае нельзя оставлять экипаж возле Шахматного клуба.

Кто за ним следит, кто ему изменил, кому он случайно попался на глаза — все приходится учитывать.

Центральный шахматный клуб располагался в самой глубине Елагина острова — никогда не догадаешься снаружи.

У входа сохранилась вывеска «ЦПКиО им. С.М. Кирова».

Для ленинградцев эта надпись легко расшифровывалась, а для приезжих, наверное, казалась египетскими иероглифами.

Потому все, кто знал, называли парк Елагиным островом.

Берия сошел на землю и велел велосипедистам ехать дальше.

Они знали куда.

Мостик через протоку был ветхим и опасным. Кое-где доски пропали, в длинных дырах виднелась серая вода.

В одном месте Лаврентию Павловичу пришлось замереть и потом прыгнуть вперед. Прыжок вряд ли был красивым. Главное — не попасть в воду. Даже если и вылезешь, промокнешь до нитки, а здесь все так плохо сохнет!

Лаврентий Павлович пошел по дорожке в глубь острова. На дорожке валялись ветки, куски истлевшей бумаги, проржавевшие консервные банки, подметка, рваная зеленая фуражка. Кое-где на голых стволах были прибиты картонные стрелки с надписью «ШК», что означало — Шахматный клуб.

Сам клуб таился на поляне, между Елагиным дворцом и летним кафе.

Это была истоптанная поляна, с эстрадой, длинными скамейками и несколькими столами, видно, притащенными с разных концов парка или из других мест. Далеко не все столики были шахматными, но все раскрашены белыми и черными квадратиками.

Это и был Центральный шахматный клуб.

Людей там оказалось немного: был промежуток между большими турнирами, а Лаврентий Павлович об этом знал, потому что не раз сюда заходил. Он любил поглядеть, как играют другие, но сам не садился: не хотел, чтобы его обыгрывали.

Шахматисты в основном сидели за столиками.

Но не все.

Некоторые лежали или сидели на земле, другие разгуливали между столиками, наблюдая за игрой своих коллег либо просто беседуя.

В сторонке, возле виселицы, на которой висел труп, стояли действующий чемпион мира Эдик Мирзоян и главный судья федерации Хлопский, он же бессменный шахматный палач.

К ним и направил свои шаги Лаврентий Павлович.

По дороге он остановился у столика, за которым играли Майоранский и Лядов. Они играли блиц, и их руки, совершив движение над доской, неслись к кнопке шахматных часов, чтобы остановить бег времени. Шахматные часы, разумеется, не работали.

Майоранский с Лядовым были так поглощены партией, которая перешла в эндшпиль, что не заметили Лаврентия Павловича. Тот и не стал привлекать к себе внимания, а отошел к виселице, чтобы поздороваться с чемпионом и палачом.

— В чем проблемы? — спросил он.

Он не поздоровался, потому что в мире без времени редко здороваются, не принято. Приветствие после разлуки тоже рождено движением времени. Если время стоит на месте, то нет расставаний и встреч.

— Надо его снимать, — сказал Хлопский.

Это был очень высокий мужчина, схожий по форме с веретеном, так как шире всего он был в бедрах. Он напоминал также скульптуры египетских фараонов периода вырождения династий: маленькая головка с большой нижней челюстью, округлый животик, широкие бедра и ноги, заканчивающиеся маленькими ступнями.

Оскар Хлопский в шахматы играл плохо, но любил игру и не мог представить себя вне ее. Поднимаясь по общественной лестнице, он стремился наверх именно для того, чтобы на общественных началах занимать места в шахматных федерациях. В той жизни он дорос до поста замминистра топливной промышленности и члена Московской шахматной федерации. Но после крушения Хрущева потерял свой мирской пост, а затем его, как раз под новогоднюю ночь, изгнали из федерации как ненужного более функционера. Вот он и оказался в мире без времени. В нем он возвратился в федерацию, больше того, стал ее воссоздателем.

Оскар Хлопский был одним из немногих обитателей Чистилища, полностью довольных своей судьбой и полагавших, что им в жизни повезло. Он не только стал главным судьей федерации, но и видел перед собой будущее, лет на двести вперед, в котором он занимал бы тот же пост.

Лаврентия Павловича Хлопский ценил, так как полагал в нем увлеченного своим делом коллегу, который также всего добился именно здесь. Поэтому радостно принялся объяснять чекисту, что же беспокоит верхушку шахматного истеблишмента.

Повешенный возле шахматных столиков международный гроссмейстер Кремерс вот уже несколько дней как стал подавать признаки жизни. Следовало решить, казнить ли его еще сильнее, как требует устав шахматного общества, либо объявить амнистию и оживить без всякой надежды на то, что его мозг сохранил свои способности. Все-таки он уже месяц условно висит у эстрады.

— А как проявляется? — спросил Лаврентий Павлович.

— Посмотрите на пальцы, — сказал чемпион Мирзоян.

Лаврентий Павлович присмотрелся. Чемпион был прав. Примерно через минуту наблюдения за голубыми отекшими пальцами повешенного Берия уловил легкую судорогу, движение ногтей.

— И веки дрожат, — сказал Хлопский.

— Понятно, — ответил Берия.

Это и в самом деле была нелегкая проблема.

В мире без времени человека убить нелегко. Он приобретает дополнительные системы прочности. Не раз расстрелянные из пулеметов, убитые ударом дубинки люди через некоторое время оживали, кто дома, а кто в могиле. Издавна уже было принято оставлять мертвеца на некий срок в морге, чтобы убедиться, умер ли он на самом деле.

Но как оставишь в доме шахматиста? У шахматиста нет дома, нет крыши над головой. Шахматист — один из немногих здесь людей, у которого есть цель в жизни, есть друзья и спутники, соперники и враги. Его жизнь куда более наполнена, чем жизнь иных обитателей гетто. Шахматист, нашедший путь к игровой площадке, остается тут до смерти, до настоящего перехода в небытие. И к тому есть различные пути.

Например, ты можешь проиграть турнир, в котором ставка — твоя жизнь. Правда, такие турниры заканчиваются на небесах. Чаще всего когда речь идет о чемпионском титуле.

Кто-то сказал, что шахматные поединки подобны боям гладиаторов.

Давно сказал.

И шахматисты усвоили это правило.

Эдик Мирзоян за свою шахматную карьеру лишил жизни уже шестерых гроссмейстеров — своего рода рекорд.

Нет, сам он никого не убивал. Его дело — выигрывать.

А потом уж в дело вступали судьи.

И зачастую на казнь претендента приходило больше зрителей, чем на сам турнир. Правда, чаще зрители съезжались к началу боя и оставались до казни.

Как-то Лариса Рейснер попросила Лаврентия Павловича как отвечающего за безопасность в столице запретить эти страшные поединки.

— Ты не права, Лариса, — ответил Берия. — Борьба за шахматную корону пожирает всего человека, настоящий гроссмейстер не мыслит себя без шахматных побед. Скажи мне, чем шахматист может быть награжден? В чем его слава или гибель?

— Они могут встретиться вновь.

— Чепуха. Это было хорошо, когда в шахматы приезжали играть из других стран или континентов, когда шахматисты получали громадные деньги и должны были придумать, на что их истратить. На что победитель истратит гонорар? На новое одеяло, чтобы мягче лежать у столика? Они страшно надоели друг другу. И возможность с помощью игры, своего ума, своего таланта избавиться от надоевшего конкурента — разве это не счастье?

— Вы монстр, Лаврентий Павлович, — сказала Лариса.

— Значит, они — монстры. Я ни с кем не играю на жизнь.

...Берия стоял под виселицей и смотрел, как оживает, цепляется за крохи жизни отвисевший свое Кремерс.

— Может быть, вернем его? — вдруг спросил Мирзоян.

— И тогда вы лишитесь славного трофея, — сказал Хлопский. — Я лично за то, чтобы историческая справедливость восторжествовала.

— Ах, как мне все это надоело, — вздохнул Мирзоян, или Дюка, как его звали коллеги.

— Я за стремянкой пошел, — сказал главный судья.

— Какие у вас творческие планы? — спросил Берия. — Будем ли мы свидетелями новых достижений?

Мирзоян не ответил. Он стоял, запрокинув голову и вглядываясь в лицо повешенного соперника.

— Мне интересно смотреть на убийц, — сказал Берия. — А у вас такая же психология?

— Молчи, палач! — ответил Мирзоян, он не смотрел на Берию.

— Когда-то, а значит — скоро, придет молодой волк и тебя сожрет.

— Этого не будет. Я навечно останусь молодым. Самым молодым чемпионом мира, понял, мент поганый?

Слово «мент» пришло в язык позже, чем Берия ушел из мира. Поэтому он не понял его, но ощутил оскорбительность.

— Я дождусь, когда тебя тоже повесят... чемпион! — в серд-

цах ответил Берия. Хотя давал себе слово — забудь о мести! Это самый непродуктивный способ сводить счеты с жизнью.

Берия отошел к Майоранскому и Лядову. Они продолжали играть, не обращая внимания на разговоры у виселицы.

— Отойдем, — предложил он, — погуляем?

Его агентам не хотелось прерывать партию. Они относились к числу истинных рыцарей шахматной игры, им она не надоедала, и им неинтересны были корыстные и тщеславные расчеты великих шахматистов. После того как, намаявшись в Чистилище, они отыскали для себя шахматный угол, их жизнь приобрела новый смысл. Они даже не заметили, что эту жизнь им устроил Лаврентий Павлович, который провел с ними беседы, долгие, за ненадобностью торопиться, душевные, вытащил из них все, вплоть до мелких слабостей, и обнаружил общую для Лядова и Майоранского страсть к шахматам. Это позволило ему отправить их в шахматный лепрозорий, подальше от любопытных глаз. Ну кто будет искать агентов Берии среди шахматистов? Какой прок от шахматиста, который лишь об одном мечтает — чтобы его не трогали, не выгнали с площадки.

— Сейчас, — сказал Майоранский, — у меня проходная пешка.

И продолжал метаться руками: кнопка на часах — фигура — кнопка — фигура...

Пешка не прошла в ферзи. Лядов нашел опровержение на мастерском уровне. Берия подумал, что если в чем-то и есть прогресс в Чистилище, то в шахматной игре. Ведь мозги работают, кое-как, но работают. А это значит, что могут обучаться.

Они прошли мимо виселицы.

Палач как раз спускал с виселицы тело Кремерса, короткое, широкое костлявое тело.

Мирзоян, хоть ему не нужно бы трогать убитого, помогал палачу.

Берию охватило лукавое чувство. Оно всегда в нем жило. Если есть жертва, а даже и не жертва, а просто человек рядом, то надо его поймать так, чтобы можно было унизить. Это мальчишеское чувство. Испорченные мальчики любят подложить учителю кнопку на стул, а на приеме, ставши министром, подложить нижестоящему торт, почуяв на то желание вождя. Не под каждого положишь.

— А ну, мальчик, — сказал Берия, — поможем главному судье, а то неловко получается.

— На это есть перворазрядники, — сказал Майоранский,

который дорожил своим реноме кандидата в мастера. Лядов, перворазрядник, ничего не успел придумать, прежде чем Берия подтолкнул его к виселице. И ему пришлось подставить руки.

— И ты иди, Лев Яковлевич, — сказал Берия. — Нехорошо бросать товарища в беде. Скоро вам на задание выходить, а вы еще в бою не обтрепались.

Майоранский сделал шаг к виселице, но тут покойник, которого уже вытащили из петли и укладывали на землю, шевельнулся, будто сделал попытку вырваться.

Майоранский отшатнулся, схватил Берию за рукав и прошептал:

— Я боюсь, боюсь, я покойников боюсь!

— Кончай врать-то, — сказал Берия. — Что я, твоего дела не читал?

— Там неправда, все клевета, — откликнулся Майоранский.

Он так испугался, что потерял часть своего интеллигентного облика. Майоранский всегда старался выглядеть настоящим интеллигентом, для чего носил бородку клинышком. Так в советских фильмах изображали меньшевиков или даже троцкистов.

Видно, он в том мире был полноват, отрастил брюшко, и ему шло бы пенсне. Но здесь он потерял вес, не смог законсервироваться. Бывший толстяк.

Таких здесь немало. Есть даже бывшие богатыри.

Берия с интересом смотрел на Майоранского. На лице профессора отражался ужас и какой-то странный восторг.

Как же эти люди называются? Ему же говорили, есть специальное слово.

— Ты некрофил, — вспомнил Берия нужное слово.

— Ни в коем случае! Только не это!

— А что?

— Старый нервный человек. У меня деликатная конституция.

Нужда в участии Майоранского уже миновала. Лядов помог Хлопскому уложить труп на землю.

— Как ваше мнение? — спросил главный судья у профессора. — Он будет жить?

— Без сомнения, — ответил Майоранский, не глядя на кадавра.

— Я протестую, и вы знаете почему, — вмешался Эдик Мирзоян. — Если бы проиграл я, Кремерс добился бы моей

смерти. Оживши, он станет моим злейшим врагом. Всем известно, что случается с зомби.

Все согласились. Были уже случаи, когда недоубитые мертвецы возвращались к жизни полоумными убийцами, неадекватными людьми. Порой из всех человеческих чувств в них оставалась лишь месть. Они становились бессмысленными и беспощадными охотниками за теми, кого полагали своими обидчиками.

— Тогда надо голову отрезать, — сказал без радости Хлопский. Последняя милость — так называлась эта процедура — входила в его обязанности.

— Я топор принесу, — вызвался Эдик.

Подошли другие шахматисты, стали смотреть на оживший труп, но Берия подтолкнул Майоранского, который никак не мог сделать шага в сторону, где их ждал Лядов. Лядов вытирал руки песком, он сохранил в себе разумную брезгливость.

Берия шел в центре, шахматисты — справа и слева.

— Наше время наступило, — сказал он, когда они отошли на порядочное расстояние от шахматной площадки. — Достигнуто решение.

Майоранский спросил:

— Вы гарантируете, что мы останемся живы?

— Я ничего не гарантирую, — сказал Берия. — Я не специалист.

— Я бы и сам не смог гарантировать, — заметил Лядов.

Лядов был похож на Суворова, но помоложе того фельдмаршала, которого изображают на портретах, будто никто его раньше сорока и в глаза не видал.

Он был прям спиной, скор в движениях, и на голове поднимался суворовский хохолок. Но лицо у этого молодого человека было немолодым — оттого, что тонкую кожу лица изрезало множество морщин и морщинок.

Берия присел на поваленное дерево. Лядов послушно опустился рядом, а Майоранский отошел в сторону. Он все время пытался держать дистанцию между собой и Берией.

Лядову все это было интересно и даже забавно.

Майоранскому страшно. И страх его разделялся между Берией и предстоящим заданием.

Он не мог понять, что же хуже.

Все хуже.

Майоранский был большим специалистом. Всемирно неизвестным. По ядам и отравлениям.

Он был никому не известен, потому что всю жизнь проработал в самой секретной лаборатории КГБ.

Его шеф, генерал Судоплатов, наблюдал за активной деятельностью Майоранского со смешанным чувством брезгливости и возмущения. Для близких людей у Судоплатова не было иного обращения к Майоранскому, как «эта сволочь». Но он же сам подписал документы на орден Боевого Красного Знамени после удачной смерти чехословацкого президента Бенеша, который срывал все наши попытки осуществить в Праге настоящую революцию. А сволочью Судоплатов называл Майоранского после того, как побывал у того на опытах.

Это так и называлось — побывать на опытах.

Некоторым нравилось. Некоторые избегали таких визитов.

Майоранский проводил испытания ядов на глазах у генералов, чтобы они были в курсе его изобретений и открытий. Некоторые не выдерживали криков и мучений бывших писателей или инженеров. Одно дело, когда ты просто избиваешь жертву сапогами или ломаешь ей пальцы. Это просто, это понятно «детям» Дзержинского. Но иное дело, когда у тебя на глазах синий человек, исторгая рвоту, хрипло молит о смерти, когда страшные корявые судороги никак не приносят этой смерти, а Майоранский с помощью сотрудников делает все, чтобы возвратить жизнь жертве только для того, чтобы назавтра повторить опыт и выяснить, что же помешало подопытному преступнику эффектно умереть вчера.

Когда Майоранский был посажен вместе с Судоплатовым, он получил скромный срок — все же не палач, а ученый — и принялся осыпать соответствующие органы письмами и прошениями, доказывая, что всю жизнь бескорыстно трудился на благо Родины, ничего не нажил, кроме гастрита и геморроя, награжден и отмечен и может принести большую помощь, так как ему известны способы истребления империалистов. Отсидевши, по протекции старых друзей он получил незаметное место в Институте биосинтеза и стал ходить на работу, ставить плановые опыты и ждать, когда же вернется настоящая власть, которая вытащит его из забвения. И даст достойный пост. И право закончить его революционные опыты по прекращению жизнедеятельности живых организмов под влиянием внешних агентов.

А потом случилась нелепая история.

Бывают же ошибки и в работе органов.

Особенно если они попадают под топор каких-нибудь глупых и даже либерально-преступных реформ.

Его узнали на улице. Просто на улице. Бывшая медсестра.

Медсестер Майоранский не терпел. У них, как правило, были слабые нервы. Специальный помощник Майоранского по кадрам старший лейтенант Госбезопасности Лютый (фамилия, а не прозвище) следил за психическим состоянием младшего персонала, без которого, к сожалению, в большом деле не обойдешься. И если усматривал опасные тенденции, сестры и санитары ликвидировались или становились подопытными объектами без права выжить.

Эта медсестра очень хотела жить. Она отдавалась любому солдату на скамейке в служебном помещении, она была льстива и послушна, Лютому бы заметить и ликвидировать, но бывает же — была она нежно-хороша настолько, что у Лютого не поднялась рука. Он хотел обладать ею и дальше. Вот Лютый и помог ей сактироваться в обычный лагерь, а потом на поселение. Сам он в пятьдесят третьем смог избежать наказания, но был уволен из органов, уехал в Краматорск, где жила эта Альбина, и женился на ней.

Разумеется, служба ликвидации выследила этого Лютого, и он был уничтожен. А о ней не догадались. Не проверили. Лютый, хитрец, сделал ей липовые документы.

Если бы не ликвидация Лютого, правильная сама по себе, эта Лялька не стала бы искать Майоранского, не потратила бы месяцы и годы, чтобы вычислить его после выхода на свободу. Увидела на улице и подошла.

А подойдя, нагло сказала:

— Я убью тебя. Но не сейчас. Перед этим ты, трусливая скотина, помучаешься. Ты будешь ждать смерти, ты будешь молить о ней. И знать, что твои часы отстукивают последние дни.

И последние дни декабря 1964 года профессор Майоранский, заслуженный деятель науки, видный и способный биолог, специалист по отравлениям газами и ядами, провел в страшном ожидании смерти. Он исхудал, бородка клинышком вылезла, он не мог уже соответствовать скромным желаниям своей сожительницы. Он знал, что Лялька его убьет.

И в ночь на 1965 год он увидел, как у дома остановилось такси, а из такси вышла Лялька. С ней какой-то мужчина.

Звонить в милицию поздно. Да и станет ли милиция его защищать?

Майоранский убежал в ванную и заперся там.

Он был один в квартире, сожительница уже уехала на Новый год к маме. Майоранский сидел в уборной, когда они позвонили в дверь. И Майоранский умер от страха.

Он очнулся в мире без времени.

Там он вскоре встретил Лаврентия Павловича, который не был его непосредственным начальником, но не раз заглядывал в лабораторию на показательные опыты по воздействию на преступные организмы отравляющими веществами. Ничего забавного Берия в том не усматривал, но уклоняться от посещений, подобно другим генералам, не считал нужным. Служба бывает приятной, но чаще она неприятна. Чем легче и тверже ты преодолеваешь неприятности, тем выше взойдешь по служебной лестнице.

Майоранский, испытавши страх, постепенно забыл о нем и стал в Чистилище тосковать. Даже искать путей обратно, так как понял — разоблачение было случайностью, может, оттого, что он так его ждал. Больше оно не повторится.

Но отпустить его обратно никто не мог. И не хотел. Он как бы угодил из одной тюрьмы в другую, бессрочную.

Встреча с Лаврентием Берией сначала испугала бывшего завлаба, но Лаврентий Павлович ничего от него не требовал, даже не очень признавал. Но и не отпускал.

Следил и даже как-то защитил от психа. Психи — о них особая речь, — бывает, мотаются по свету, хотят убивать или погибнуть. Кто чего.

Лаврентий Павлович не спешил.

Идею расправы с Верхним миром он сначала внушил глупому Грацкому, так что Чаянов осознал ее и посчитал своей, не связывая с Берией.

Чаянов от имени консулов поручил Берии осуществить ее.

Берия не хвастал своими победами. Ни перед кем. Ему достаточно было сознания того, что он победил. Таких людей мало. Побеждает и молчит. Зато такие люди могут побеждать снова и снова — их не так остерегаются, как следовало бы.

Мысль о необходимости спасти Чистилище от проникновения сверху, от неизбежной заразы и гибели, овладев консулами, стала его делом.

Еще до этого он стал холить и охранять Майоранского. А потом отыскал и Лядова. Как бы случайно встретил, а на самом деле нашел, потому что искал.

Именно такого.

Скромного, простого парня. Биолога из закрытого городка.

«Кто ищет, тот всегда найдет» — эти слова из советской песни были его гимном. Подпольным гимном.

Но Берия устроил фильтрацию. По всему городу Ленина.

Он даже провел перепись населения. Трудно поверить. Конечно, далеко не все попались ему в тенета.

Зато каких полезных людей он приискал!

Лядов был сокровищем. Может, большим, чем Майоранский. Но Лядов был скромен и лишен инициативы.

Прошлая его жизнь состояла из удобных компромиссов.

Компромиссы не помогли. Оказался здесь.

Пришел Лаврентий Павлович и взял на себя функции государства, которому так честно служил Лядов.

Теперь он честно служил Берии.

Лядов был Берии мил и полезен — он не боялся, а намерен был работать по доброй воле.

Потому что в нем, в его маленькой, как летний прудик, душе тоже жила месть. Маленькая и терпеливая.

И потому неистребимая.

Лядову задерживали заработную плату. Затем вообще законсервировали городок, совхоз имени Максима Горького. Лядов был одним из последних, кто остался в городке, он не желал искать другой работы, раз любил ту, на которой провел уже четверть века. Один, в почти пустом городке, где даже свет и воду выключили, он пожелал себе смерти или забвения в ночь под новый, 1993 год. И очутился здесь.

Знать бы тогда Лядову, что через неделю за ним приедут из Семипалатинска-13, где на подобном же максимовскому предприятии разворачивается производство по контакту с одной азиатской страной... впрочем, Лядов об этом так и не узнал.

Потому что приехали седьмого января.

И никого в его квартире не нашли. Даже удивительно — все вещи на месте, а человека нет. И гитару не взял.

Решили, что ушел в лес, заблудился и погиб. Мало ли что может случиться с человеком в новогоднем лесу.

О нем помнила только первая жена — давно снова замужем, а дочь зовет отчима папой.

— Будьте готовы, — сказал Берия. — Я начал подготовку к акту. Строжайшая дисциплина. Считайте себя мобилизованными. Физически вы готовы?

Лядов пожал плечами:

— Я давно жду. Хочу посмотреть, как они запрыгают.

— Посмотришь.

— Появились новые средства? — спросил Майоранский. Он стремился к благородной деятельности. Он стольких убил, что считал себя совсем безвинным.

— Только что беседовал с доктором Фрейдом, — ответил

Берия. — Вы получите уколы, которые позволят вам находиться в тылу врага трое суток. Надеюсь, что больше задерживаться не придется. Трое суток — это с запасом. Придется ехать на поезде.

— Мы не шпионы, — сказал Лядов, — нам нечего бояться.

— Тогда играйте в шахматы, — сказал Берия. — Только берегите себя. Не падайте, не ушибайтесь и не ввязывайтесь в турниры.

— Виселица по мне еще не плачет, — сказал Майоранский.

Он почесал жидкую треугольную бороду. Он думал. Берия мог следить за ходом его мыслей. Он не доверял. И правильно делал.

Отпустив биологов, Берия вышел с Елагина острова через мостик с другой стороны, куда уже подъехали велосипедисты. Они немного отдохнули.

— В Смольный! — приказал Берия.

От Елагина острова до Смольного путь неблизкий, особенно если ты едешь на машине, которую влекут за собой четыре велосипедиста.

Берия откинулся на кожаную спинку открытого лимузина.

Предстоял разговор с Леонидом Моисеевичем, доктором по прозвищу Фрейд. Доктор — маленький, деликатный, добрый — был постоянно робок и потому склонен подчиняться приказам: он выполнял их, потому что не знал, как их не выполнить. А согласившись, был дотошен в исполнении, потому что честен. Он всегда держал слово. Такому человеку, как Лаврентий Павлович, доктор Фрейд был удобен.

Но сначала его надо убедить или испугать.

Какой путь наиболее удобен сейчас?

Надо начинать с роли доброго следователя.

Беспокоила девушка, которую привезли в Смольный. Кто, зачем может наблюдать за ним? Подслушивать консулов? Может быть, в городе есть силы, затеявшие захватить власть?

Не генерал ли? Чертов самурай!

В конце концов, в столице не так много активных организаторов. В большинстве случаев здесь обитают амебы. А вот самурай — интересная птица. Но у него нет сил захватить власть. И не нужна она ему. Он имеет что хочет.

Перед въездом в Смольный Берию ждал сержант.

Девушка убежала. Ничего удивительного. Подвалы, старые ходы, крысиные норы, кабели и трубы...

Берия в который раз пожалел, что у него нет пистолета. Сейчас бы размазать этого сержанта по стенке.

Берия просчитал про себя до пятидесяти. Сержант покорно стоял перед велосипедистами. Те смотрели на него, наклонив машины и упершись в землю одной ногой.

— Ты ее знаешь в лицо, — сказал он сержанту. Совершенно спокойно. Только снял очки, протер и снова напялил. Спрятал под поля шляпы.

— Так точно, — сказал сержант.

— Ты ее найдешь. Но так, чтобы тебя не заметили и не разгадали. В таком случае тебя, сукин сын, никто жалеть не будет. Я тоже тебя жалеть не буду. А вернешься, не выполнив приказа, мои ребята тебя ликвидируют.

Ребята, велосипедисты, ответили на эти слова довольным гулом, словно цепные псы.

— Ну куда ты пошел, дурак? — остановил сержанта Берия. — Сначала поднимись в штаб. В архив. В отдел внешнего наблюдения. Пускай тебе там дадут рапортичку на японского генерала. Через него отыщешь эту девку. Ты понял?

— Так точно, товарищ министр!

— Исполняй.

Берия поднялся по широкой лестнице. Ему всегда мерещилось, что эта лестница освещена неверным светом прожекторов, стоят пулеметы и пирамиды винтовок. По лестнице спешат люди с красными повязками на рукавах. Часовые курят цигарки... Ждут Ленина.

Берия поднялся по лестнице. Впереди маячила спина сержанта.

Он прошел к себе в кабинет.

У двери стоял часовой Василий, фамилию Берия забыл.

— Доктора привезли? — спросил Лаврентий Павлович.

— Доктор здесь.

— Приведите сразу. Ну, чего вы цацкаетесь!

Сам уселся за стол. Стол был пуст. Он и в Кремле не любил на столе бумаг.

Почему-то старая гвардия, бывшие сотрудники, никак не могла отделаться от грубых манер. Впрочем, грубость требовалась, чтобы подавить первую линию сопротивления арестанта. Задержанный должен понимать, что здесь он козявка, дерьмо, ничтожество.

Но Лаврентий Павлович в последнее время потерял интерес к формальным правилам игры, и страдания отдельных людей его перестали забавлять. Сегодня, например, с этим

повешенным претендентом. Ничего не шевельнулось в душе. Висит, и хрен с ним!

Когда часовой втолкнул Леонида Моисеевича, Берия с укором сказал ему:

— Дурак, старого человека обижаешь. Иди отсюда, без тебя поговорим.

Часовой сразу ушел, даже каблуками не щелкнув, такая распущенность царила в этих местах. Впрочем, и это не самое главное.

— Садись, Моисеич, — сказал Берия. — В ногах правды нет.

— Спасибо, Лаврентий Павлович, — сказал доктор. Доктор всегда ходил в халате, пожелтевшем, не очень чистом, он раньше служил у императора Киевского вокзала, потом попал в плен к бандитам, они продали его Калининскому Голове. Врачи всегда нужны. И так, меняя хозяев, Леонид Моисеевич добрался до Ленинграда, а там попал в руки Лаврентия Павловича. Лаврентий Павлович полюбил его, насколько мог полюбить другого человека, но доктору о своей любви никогда не говорил и даже не намекал. Он был уверен, что признание в любви так обезоруживает, что тебя любая ворона заклюет.

Берия был к доктору требователен.

Теперь ему предстояло выполнить ответственное задание.

Другого для этой цели не найдешь.

Предварительно он прощупал Леонида Моисеевича и почти не сомневался в успехе. Но придется не спускать с доктора глаз. Он очень мягок, добр, совестлив, а потому ненадежен.

— Итак, мы отправляем экспедицию на тот свет, — сказал Берия. — Все готово. Ты ждал этого момента?

— Я чувствую себя неловко, — сказал доктор. — Как баран на бойне. А может, это старый козел?

— Я не понял, — сказал Берия.

— На бойне есть специальный козел. Когда приходит стадо овец, его выпускают к ним, и он говорит: пошли, там кормить будут! И ведет их под нож.

— Ночи не спишь, думаешь? — спросил Берия.

— Я тут давнее многих, — сказал доктор. — Я за облаками потолок видел.

— Не говори глупостей. Если надо, я другого козла найду.

— Я рад.

Доктор встал, он держал руки перед собой, сплетя пальцы. Жалкий человечишка. Но вызывает жалость. Куда денешься от собственного доброго сердца?

— Вакцина готова?

— Мне нужны помощники, я не закончил испытаний. Найдите хотя бы одного медика, профессионала.

— Все тебе будет. Отправляйся в институт и жди. Не уходи, не спи, не гуляй. В любой момент — через час, через сто часов — я буду у тебя.

— Что час, что сто часов, — сказал доктор. — Кстати, я написал стихи.

— Читай!

Что час, что сто часов.
Когда умчалось время,
Оставив пустоту и тяжесть в голове...

— Резинка от трусов! — перебил доктора Берия и засмеялся.

— Я вас не понял, — удивился доктор.

— Я тоже стихи писал. Когда мальчиком был. Бедным мальчиком. Сто часов — резинка от трусов. Иди.

Доктор не уходил. Он ждал главного ответа.

— Тебе что-то непонятно? — спросил Берия.

— Я, боюсь, могу подвести вас, Лаврентий Павлович. И погубить невинного человека.

— Погубим — другого пошлем. Важен не человек, важно дело.

— А в чем оно заключается?

— Это государственная тайна.

— А что эти люди будут делать там, наверху?

— Выполнять мое задание, — ответил Берия. — Что еще они могут делать там, наверху?

— Но я надеюсь, что это не преступно?

Берия рассмеялся.

— Преступление — это только точка зрения на поступок, — сказал он. — Для тебя преступление, для меня геройский подвиг во благо нашей многонациональной Родины. Теперь иди.

Доктор пожал плечами. Он ничего не добился, хотя был убежден, что становится соучастником преступления. С этой мыслью он покинул кабинет.

Берия не спешил. Он подошел к окну. По асфальтовой, в трещинах, прямой дорожке шел к воротам маленький сгорбленный человек в белом халате. Он шел в туман.

И вокруг была пустота и безнадежность.

— Ничего, — сказал Берия. — Ничего особенного. Мы с этим справимся.

Доктор остановился, оглянулся, видно, сообразил, что ему некуда идти, и повернул к Смольному.

Берия крикнул:

— Василий, веди сюда Крошку.

Василий услышал. В такой мертвой тишине трудно не услышать.

И побежал по коридору. Трусцой, медленнее шага.

Тут же заглянул сержант, принес папку с делом генерала Мидзогути Кодзи.

Берия раскрыл папку, начал читать.

Он многое знал. Сейчас искал организацию. Подполье. Опасность. Связь с той самой девицей, которую взяли на берегу. А он так и не выяснил, кто помог ей убежать. Наверное, ее хахаль. А может, у них есть боевики?

Вошла Крошка.

Создание чуть больше лилипутки, но лицом — хорошенькая маленькая женщина. У нее была какая-то таинственная любовная история, то ли с большим мужчиной, то ли с настоящим лилипутом меньше ее самой.

Она попала сюда не так давно, в ней сохранилась сила, может, потому, что для поддержания ее маленького организма не нужно было большой энергии.

Берия увидел ее на улице, приказал привести к себе. Он вдруг ощутил желание и думал, что, овладев Крошкой, снова станет мужчиной. Оказалось, что желание не было подкреплено силой. Крошке все равно было лестно. Она любила мужчин и такого серьезного, в очках и шляпе, которую он не снимает даже в постели, полюбила страстно.

Не то чтобы Лаврентий Павлович доверял ей, но она была ему ближе всех, они даже порой лежали в постели часами, и им было приятно.

Настоящее имя Крошки было Зинаида. Зинаида Дурних. Она говорила, что это немецкая фамилия, а Берия понимал, что хохлацкая.

— Садись в углу, — приказал он, — и читай. Ты должна знать все про этого японского генерала и его свору. Пойдешь к нему, вотрешься в доверие. Немедленно.

Генерал рассказал Егору, что его письмо отправлено наверх и, видимо, дошло до адресата в тот день, когда пошел дождь.

Это было немыслимо.

Некоторые прожили по двести лет и не подозревали, что дождь может сюда пробиться. И хоть все понимали, что небо

здесь настоящее — ведь поднимались же вверх воздушные шары и уходили на высоте во мглу и непроницаемые облака, но до потолка не добрался еще никто, что означает, что потолка, конечно же, нет — там, наверху, небо. Условное небо, как условна жизнь.

А когда легкий дождик пронесся по городу, подгоняемый легким ветром, тревога охватила всех жителей Ленинграда.

Человек свыкается, смиряется с постоянной бедой, рабством, болезнью, но любое неожиданное смещение событий и появление новых бед пугает, как бы плохо ни жилось. Казалось бы, галерный раб может мечтать лишь о смерти, но, когда поднимается буря, в днище галеры обнаруживается течь, он пугается больше, чем капитан. Может, и потому, что он прикован к скамье и лишен возможности прыгнуть за борт.

Дождь испугал всех жителей Чистилища.

Лаврентия Павловича дождь взбесил, потому что перемены в климате означали для него новую ступень в слиянии со старым миром, который желает и может уничтожить своих слабых нижних братьев.

Он бы еще тянул время, потому что был занят другими планами и хотел действовать наверняка, безошибочно. Но тут сам поехал к Чаянову, который проводил время в Музее этнографии, — ему приятен был академический дух залов Кунсткамеры, хоть и разрушенной катаклизмом, в библиотеке которой Чаянов собственными руками навел порядок.

Дверь в кабинет к Чаянову была заперта.

Чаянов боялся покушения. Точнее, боялся Лаврентия Павловича.

Но Берия не намеревался убивать. Дождик испугал его настолько, что он чувствовал нужду в союзниках. Дождик — свидетельство тому, что перемычка рассасывается и не сегодня-завтра исчезнет вовсе, погубив всех жильцов Чистилища. Надо спешить. Разборки и расправы с неверными и коварными коллегами можно отложить. Глупо оставаться одному перед лицом угрозы.

Лаврентий постучал.

В двери был стеклянный «глазок». Его притащили из какого-то нового дома.

Берия отступил назад, давая себя рассмотреть.

— Это вы, Лаврентий Павлович? — спросил из-за двери Верховный вождь. — Что вам надо?

— Беседы, — ответил Берия.

Берия оглянулся. За его спиной был зал библиотеки. И никого больше.

— Не валяйте дурака, — сказал он. — Если мы будем бояться своих союзников, с нами легко расправятся.

Чаянов все еще колебался.

— Александр Васильевич, — сказал Берия, — если понадобится, я всегда найду возможность с вами разделаться. Но это не входит в мои интересы.

Чаянов открыл дверь.

Ему было неловко за подозрения. Он сказал:

— Извините, но я отвлекся. Занимаюсь изящной словесностью. Перо, простите, стремится к бумаге. Я отпустил охрану — на что мне она?

У Чаянова не было настоящей охраны. Берия предлагал своих людей, но Верховный сказал, что на него никто не покусится. Теперь, наверное, раскаивается. Или радуется тому, что не доверился собственной Госбезопасности.

Лаврентий Павлович вошел в кабинет Верховного вождя Чистилища.

Чаянов был одет тщательно, в костюм, потертый, но выглаженный — наверное, держит под матрасом, подумал Берия. Галстук, светлая сорочка — типичный средний чиновник нашего времени.

Только лицо не чиновничье, но и не научное. Этакий... радиолюбитель.

— Дождь, — сказал Берия.

Не снимая шляпы, он прошел к узкому высокому окну.

Дождь прекратился, но мостовая была мокрой. Велосипедисты раскрыли зонты. Откуда у них зонты? Ведь раньше дождей не было.

Чаянов тоже подошел к окну.

— А я не заметил, — сказал он. — Этого быть не может.

— Но случилось, Александр Васильевич.

Пока Чаянова не избрали Верховным, Берия избегал обращаться к нему по имени-отчеству. А теперь подчеркивал такое обращение.

— Вы считаете, что это связано... с общей тенденцией?

— Есть другой вариант? — спросил Берия. — Люди живут здесь по сто лет, по двести лет — никто никогда ни капли с неба не видел.

— М-да, — согласился Чаянов. — В такой ситуации надо отложить в сторону обиды и заговоры. Вы знаете, что кто-то убивает людей? Они исчезают.

— Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. Я — единственный, кто старается с этим бороться.

— А есть мнение, что за убийствами стоит ваша служба, — сказал Чаянов. Не вовремя сказал. И не дождавшись ответа, переменил тему разговора. — Дождь был холодный? — спросил он.

Берия снял очки и без нужды протирал их. Он не ответил.

— Все ложится в логическую цепочку, — сказал Чаянов. — К сожалению, все это — явления одного порядка.

По набережной шел человек. В длинном пальто. Незнакомый.

Берия подумал, что он так еще и не выяснил, кто девушка, кто тот мужчина? Он опасался отправлять экспедицию наверх, если возле сидят шпионы. Агенты неизвестного врага. Враг должен быть известен. Неизвестного очень трудно уничтожить.

Человек поравнялся с велосипедистами, что стояли перед входом в музей. Что-то сказал им, велосипедисты отвечали.

— Глупо, — сказал Берия, — подозревать меня в желании убивать местных жителей. Потому что мне нужен мир, населенный людьми. Чем их больше, тем лучше. Неужели вы этого не понимаете?

— Понимаю, — сказал Чаянов. — Расскажите мне, как идет подготовка к экспедиции.

— Что бы вы хотели узнать?

— Когда, сколько людей, где расположена цель вашего похода? И наконец, главное, о чем вы так упрямо не хотите рассказать нам, Лаврентий Павлович. Как вы сделаете, чтобы эти люди остались живы и выполнили задание?

— Наоборот, — улыбнулся Берия, поворачиваясь спиной к окну. Его силуэт казался Чаянову страшной карикатурой на человека, бочкой с большой затычкой. — Они должны знать, что, оставшись там, наверху, предав меня, они обязательно погибнут. У них должно быть одно желание — вернуться как можно скорее.

— Сколько же они там пробудут?

— Не больше трех дней. И это правда. Я нашел врача, который имеет вакцину.

— Вы не врете?

— Я не буду делиться с вами секретом. Не хочу, чтобы все стали бегать наверх на экскурсии. Но когда там, наверху, не останется живых, я сам организую вам экскурсии.

— Они вам поверят?

Это означало, что Чаянов поверил не до конца.

Лариса Рейснер вбежала в комнату. Рыжие, ничуть не потускневшие, коротко остриженные кудри туго закрутились.

— Дверь была открыта, извините, — сказала она. — Вы знаете, что шел дождь?

— Я промок, — сказал Берия. — Дождь мог быть радиоактивным.

— Но дело не в этом, — сказала Лариса.

Она замолчала, переводя дыхание, — в этом мире нельзя долго бегать.

— Что еще случилось? — спросил Берия капризно. Любое чрезвычайное происшествие касалось его, а он не выносил неизвестности. Он не любил, если узнавал о чем-то не самым первым.

— Там человек, чужой.

— Ну и что? Даже я не всех знаю, — сказал Берия.

— Вы не поняли, Лаврентий Павлович, это совершенно новый здесь человек. Он одет по-новому, это военный.

— И что же? — спросил Чаянов. — Я не понимаю.

— Он только что пришел... его увидели. И он начал стрелять.

— Что ты говоришь! — Берия направился к двери. Именно не пошел, не побежал, а направился, как положено выдающимся людям.

Он спешил навести порядок.

— Он не понимает! Он не понимает, что этот человек вышел из отверстия где-то рядом, совсем рядом...

Берия понимал куда больше, чем эти интеллигенты. Он знал, что сегодня не Новый год. И нигде нет Нового года, даже в чертовом Китае, даже у мусульман. Август месяц. Конец августа, скоро дети в школу пойдут.

Это означает, что нарушилось самое главное правило двух миров: переход возможен только в Юрьев день. У Берии была неплохая память, он помнил еще с детства поговорку: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Эта поговорка знаменует собой отмену известного издавна правила отпускать крепостных к другому барину. Хотя за день многим не перебежать.

«Но если пошел дождь и кто-то провалился к нам в конце августа, то дела наши плохи. И раздумывать и планировать дальше нет смысла.

Все. Сегодня же. Завтра. Я не могу больше ждать...»

Берия сбежал по лестнице вниз. Велосипедисты стояли тесной группой, прислушивались.

Сзади послышались быстрые шаги. Лариса и Верховный спешили за ним.

Берия слушал.

Были слышны выстрелы.

Их здесь странно слышать. Природа оставила этот мир без огнестрельного оружия.

— Изготовиться! — приказал сержант.

По команде велосипедисты открыли багажники велосипедов и вытащили из них короткие черные арбалеты — самое мощное и редкое оружие, их положено иметь только полиции.

— Зачем он стреляет? — спросил Чаянов.

— Он стреляет в людей, — сказала Лариса. — Он бежит там, за Биржей.

Впереди пошли три велосипедиста и сержант — один велосипедист остался сторожить машину консула безопасности.

Открылся простор площади перед Биржей, прямо — Ростральные колонны и направо — мост к центру города.

Солдат стоял на ступеньках Биржи, оттуда ему было лучше видно вокруг.

На ступеньках неподвижно лежал человек.

Солдат нервно озирался.

Сержант скомандовал веселым голосом — давно ему не приходилось так командовать:

— Рассредоточиться! Номера первый — второй, заходь справа, третий— за мной перебежками!

От звука этого голоса Берия взбодрился. Началась славная охота на человека!

Велосипедисты двумя парами побежали к ступеням Биржи, так чтобы зайти к солдату с флангов.

В центре остались Берия и Чаянов с Ларисой, но они не спешили вперед. Они предпочитали быть наблюдателями.

Солдат не стрелял, ждал, пока враги подойдут поближе. А может, раздумывал, куда бежать.

— Может, спросить его, чего он хочет? — спросила Лариса.

— Сначала его надо уничтожить, — сказал Берия. — А потом будем разговаривать.

Но Лариса, как всегда, тут же сделала наоборот. Она взяла за обычай делать все поперек Лаврентию Павловичу. Настолько очевидно, что Берия даже подумал, не влюблена ли она в него. Так бывает с женщинами, которые не смогли побороть свою любовь и не смеют в ней признаться. Об этом ему

рассказала когда-то чудесная птичка, весь организм вздрагивает и напрягается, когда вспоминаешь о ней.

Лариса быстро пошла вперед, она поднялась на несколько ступеней, солдат отступил чуть выше и смотрел теперь на нее.

— Эй! — крикнула Лариса. — Мы не желаем вам зла. Откуда вы, зачем к нам прибыли?

Солдат смотрел на нее. Слушал.

— Вы убили людей?

— Нет, — вдруг ответил солдат. — Я из части ушел, сил нет, как сержант Митяев меня бил, неуставные отношения, понимаешь, вот я и ушел из части. Что будет?

— Ничего не будет, — сказала Лариса.

— А я у вас одного убил, — сказал солдат, показывая автоматом на человека, лежавшего у его ног. — Я не хотел, думал, что он за мной.

— Ничего, мы разберемся, — сказала Лариса и пошла к нему. — Отдай мне оружие. Хватит убивать, правда? У тебя же мать есть. А невеста есть?

Солдат не знал, что ответить. При чем тут невеста, когда ты стоишь на верхней ступеньке гигантской лестницы, открытый, и не знаешь, кто тебя убьет.

И тут ближайший к нему из велосипедистов поднял арбалет и ловко, быстро выпустил стрелу. Стрела летела прямо и чуть жужжала.

Она вонзилась солдату в плечо так, что чуть не опрокинула его.

Солдат завертелся на месте, схватился за плечо, между пальцами била кровь, он рванул стрелу, стрела выпала на камни. Солдат прижал к животу приклад и дал длинную очередь.

Некоторые пули попали в велосипедистов, один упал, другой согнулся вперед, прижимая живот. Упала Лариса: ей досталось хуже других — в лицо. Солдат побежал вдоль сада Биржи.

Велосипедисты, те двое, что остались на ногах, пустили вслед ему по стреле. Одна из них угодила солдату в лопатку и торчала из камуфляжа, дергаясь от каждого его шага.

— Ах, суки! — кричал солдат. И тут было так тихо, что издали его слова долетели до Берии.

— Это неприлично, — сказал Чаянов. — Не было никакого смысла его убивать. Прекратите эту погоню, Лаврентий Павлович.

— Во-первых, это мое дело, — сказал Берия. — Мое дело. Во-вторых, мне не остановить людей, они полны справедливого гнева.

— Ах, не говорите красиво! — рассердился Чаянов и побежал по ступенькам наверх, туда, где лежала Лариса Рейснер.

Он присел над ней, повернул к себе ее лицо. Лицо было размозжено пулей, и Чаянов понял, что даже если Лариса выживет, она уже никогда не станет такой же красивой, как прежде.

Красота не восстанавливается.

Чаянов не видел, как Берия и два велосипедиста гнались за солдатом.

У солдата не оказалось больше магазинов, автомат заело — он выкинул автомат.

В спину ему угодила еще одна стрела.

Он бежал к воде, к парапету, почему-то решив, что там ему удастся спастись.

У парапета остановился, поднял кулак, стал грозить, материться.

Берия видел, какой он молоденький, лет восемнадцать.

А что значит — неуставные отношения? С таким термином Берия еще не сталкивался, надо будет обязательно поговорить с недавно прибывшими.

Велосипедисты подбежали совсем близко, подняли перезаряженные арбалеты.

Солдат понял, что пощады не будет, он перевалился через парапет и сгинул.

На граните и асфальте было много алой крови, такой у местных не бывает. Живой крови.

Потом они все подбежали к парапету.

Здесь воды Невы медленно ударялись о гранит и выворачивали под мост и вниз, к Академии художеств.

Вода была красной, в ней угадывался силуэт солдата.

Его уносило водой.

Потом вода взмутилась, показалась голова солдата, он хватал воздух. Сержант был готов к этому. Он сразу выпустил стрелу, точно в горло. Солдат стал тянуть к горлу руки, но не дотянул и ушел вглубь.

— Собаке, — сказал Лаврентий Павлович чужие слова, — собачья смерть.

Он посмотрел на сержанта. Тот ответил:

— Так точно, товарищ Маршал Советского Союза.

— Пойдите помогите товарищам, — сказал Берия, — положите их в мою машину, только не запачкайте сидений. И быстро везите в Смольный к доктору.

Сам же Берия пошел к Чаянову. Тот все еще сидел, держа на коленях голову Ларисы.

Берия покачал головой. Рана была страшная.

— Наверное, лишится глаза, — сказал Берия.

— Она так дорожила своей красотой.

— Да, эстетика, — сказал Берия.

Внизу зашумела машина. Она остановилась, шофер побежал наверх помочь товарищам затащить в машину раненых. Один пошел сам, второго поддерживали, и он кое-как передвигал ноги. «Ну и славно, — подумал Берия. — У нас так трудно найти хороших людей. А я этих чуть не потерял».

— Ее надо к доктору, — сказал Чаянов.

— Сейчас отвезут моих сотрудников, — сказал Берия, — и машина вернется. Тогда мы и ее отвезем.

— Поменяйте порядок действия, — сказал Чаянов. — Первая очередность — Лариса. Она — консул республики.

— Она любовница консула Клюкина, — сказал Берия. — И то липовая.

— Она близкий мне человек.

— Мы поехали, Лаврентий Павлович! — крикнул сержант.

— Сдайте их доктору и сразу возвращайтесь за мной, — сказал Берия. — Я буду ждать на мосту.

Машина, в которой сидели двое раненых, взялась с места. Сержант и второй велосипедист крутили педали.

Берия смотрел вслед.

— Ты сволочь, — сказал Чаянов.

— Знаю, — сказал Берия. — Но это вопрос точки зрения, понимаешь? Для тебя сволочь, а для моих сотрудников — добрый бог.

— Тише, — предупредил Чаянов, — она приходит в себя.

— Смотри-ка. — Берия заглянул через плечо Чаянова.

Внимание Чаянова было приковано к Ларисе.

Берия оглянулся. Машина уже почти переехала мост. Оттуда ничего не увидят.

Он быстро вытащил нож. Нож был очень острый и тяжелый.

Он ударил Чаянова ножом под лопатку. Он знал, куда ударять.

Тот сразу обмяк и упал головой вперед. Две окровавленные головы — Лариса и Чаянов. Как в фильме ужасов. Лариса снова застонала.

Берия рванул ее за плечо, освобождая от тяжести Чаянова, тело которого послушно отвалилось в сторону.

Берия резанул тяжелым ножом по горлу Ларисы, в горле забулькало, захрипело, по телу пробежала судорога.

Берия твердо знал закон Чистилища. Только безголовый человек мертв навсегда.

Берия потянул Ларису за тугие завитые волосы и в три или четыре удара отрезал ей голову — у нее была тонкая шея.

С Чаяновым пришлось повозиться. Но, к счастью, нож был отличный, хороший нож достали сотрудники консулу.

Закончив работу, Лаврентий Павлович поднялся, спрятал нож, взял за волосы головы убитых и отнес к парапету. Он выкинул их в воду. Потом поднялся снова и осмотрел тела — нет ли в карманах или ухоронках чего-нибудь ценного?

Ничего особенного он не нашел.

Он оставил тела лежать на ступеньках.

В этом городе ничего не портилось. Тела будут лежать всегда.

И в эти края заглядывают немногие. Когда найдут обезглавленные тела да опознают их, некому будет мстить или обвинять.

Берия не спеша перешел Неву по мосту и у того, Адмиралтейского, берега стал поджидать свою машину.

Глава 7

АГЕНТ КРОШКА

Гости собирались на концерт.

На этот раз генерал выбрал для него просторный зал «Ленфильма», небольшой зал, в котором когда-то собирались редакторы или съемочные группы смотреть отснятый материал. Двадцать мягких кресел, белый экран во всю переднюю стену, а сзади дырки в стене, откуда некогда на экран падал луч света.

Генерал выбрал зал, потому что в нем были окна. Прежде они мешали на просмотрах, и их закрывали тяжелыми шторами.

Штор не было. Стульев осталось семь штук.

Гостей встречала Чумазилла. Она была одета как Пьеро: белый брючный костюм, колпак с шариком на конце, на щеках красные круги. Настоящий Пьеро! Неизвестно, где она все это раздобыла.

Чумазилла стояла на входе в студию и каждому объясняла, как пройти наверх.

Гостей набралось человек пятнадцать. Стулья достались

желающим, остальные, склонные к богемной жизни, уселись или улеглись на полу, оставив между собой и экраном лишь полосу метра в два. Там и должны были выступать актеры.

Генерал тоже хотел сесть на пол и даже объяснял это японской склонностью сидеть на татами, но его не стали слушать, а посадили в кресло, в первый ряд.

Егор сидел на полу, опершись спиной о стенку, сбоку от экрана, Люся — перед ним, полулежа, положив голову ему на плечо. Художник Богуславский из Серебряного века стал говорить, как они отлично смотрятся, и приглашал их к себе в студию, чтобы сделать вот именно такой портрет! Но все знали, что Богуславский давно уже не берет кисти, только говорит о своей студии и даже верит, что на Зверинской у него много полотен, набросков и даже скульптур.

Чумазилла пришла позже всех, отдежурив у входа, и сказала:

— Вроде мы больше никого не ждем?

Егор спросил у генерала:

— Вы уверены, что наше письмо дошло?

— Сколько можно спрашивать одно и то же! У меня нет двухсторонней связи.

Генерал был чем-то встревожен.

Потом стало ясно, что случилось.

В двери возникла хорошенькая девичья головка.

— Здесь театр? — спросила девушка. Маленькая, миниатюрная, почти лилипутка, но все же не лилипутка, а просто маленькая девушка. Трогательная и беззащитная.

Генерал вскочил с кресла. Он не мог скрыть радости.

— Входи, Крошка, входи, — сказал он, протягивая девушке руку.

Крошка робела, и Егору показалось, что она покраснела, чего быть не могло.

Генерал вывел Крошку вперед, развернул лицом к аудитории и сказал:

— Я ждал, что Крошка придет. Это наша новая спутница, добрый человечек, талантливая поэтесса.

— Позвольте! — воскликнул Марат Хубаев. — Место поэзии завоевывается самой поэзией, а не покровительством властей.

— Ну что ты несешь, Марат, — остановила его Чумазилла. — Это банальная сцена ревности. А я тебе намерена сказать, что места в поэзии хватит всем. Раз уж мы переписываем поэмы от руки.

— Я печатаю на машинке, — отрезал Марат. Словно это было весомым аргументом.

— Крошка пришла к нам из Царского Села, там она жила в Лицее.

По комнате прошел шум — было непонятно, зачем жить в Лицее?

— Можно я скажу? — спросила Крошка. Голос у нее оказался глубоким и звучным, непонятно, как он помещался внутри ее.

— Она скажет. — Генерал смотрел на Крошку с нежностью.

Может, потому, что она была мала, что он возвышался над ней великой горой, а до этого значительно уступал ростом любому из своих учеников и друзей.

— Когда я осознала себя, — сказала Крошка, — я пошла пешком в Царское Село, к моему кумиру Пушкину. Вы меня понимаете?

— Понимаем, — сказал Марат, готовый уже перейти в стан союзников маленькой поэтессы.

— Я провела несколько лет, а может быть, и месяцев... разве это так важно, в комнате Александра, Саши. На его кроватке. И строки лились из меня, как свежая вода из лейки.

— Хороший образ, — сказал Марат.

— Ты нам потом почитаешь свои стихи?

— Только после всех, — сказала Крошка. — Я здесь новая и не заслужила местечка под солнцем.

— Наш генерал, — прошептала Люся, — плавится как лед под этим солнцем.

— Мне интересно, где он ее раскопал? Ведь он почти не выходит.

— Слово «почти» уже содержит в себе слабость, — ответила Люся.

Сначала выступала Чумазилла, которая раздобыла где-то пьесу Гоцци, в которой был милый и скучный монолог Пьеро, но она произнесла его так весело, с такими ужимками и даже танцами, что ее наградили бурными аплодисментами, и она танцевала на бис.

После нее сам генерал читал Чехова, отрывок из рассказа «О любви». Правда, он заглядывал в томик, который держал в тонкой руке.

Марат Хубаев разразился формалистической поэмой, построенной на повторении гласных. Это было похоже на вой

каких-то койотов, но никто не свистел и не гнал Марата со сцены. Все знали его вой, и его не в первый раз слушали.

Потом вышел человек, который редко приходил на концерты, потому что жил где-то далеко, за Удельной; он рассказывал старые анекдоты. Он их набрал уже более трех тысяч и учил наизусть, потому что полагал, что скоро кончится бумага и тогда, как в повести Брэдбери, он будет ходить от поселения к поселению, как живая книга.

Крошка читала последней, все готовы были примириться с ней, даже несмотря на излишнее внимание к ней генерала.

Крошка вышла к экрану.

Это было трогательное существо. Даже бедное платье с кружевным воротничком не казалось противоестественным. Светлые легкие кудряшки падали на воротничок.

— Стихи о жизни и смерти, — сказала она. — Написаны мною под влиянием моего кумира Александра Сергеевича Пушкина. Прошу тишины.

Все и в самом деле замерли.

— Пора, мой друг, пора, — начала Крошка, — покоя сердце просит.

Летят над нами дни,
И каждый час уносит
Кусок моих мозгов.
И мы с тобой вдвоем
Намеревались спать,
Но скоро мы умрем.

Крошка вздохнула. В комнате было тихо, потом генерал захлопал в ладоши.

— Браво, — сказал он. Обернулся к остальным и сказал: — Будем считать это счастливой вариацией на тему.

— А мне кажется, что это издевательство, — сказал Марат. — И я буду настаивать.

— Александр Сергеевич приходил ко мне, — сказала Крошка. — Он нашептывал отдельные слова и выражения мне на ухо. А я запомнила и донесла до вас. Я думаю, что сам Александр Сергеевич не успел записать слова, потому что его убили из пистолета.

— Вот именно, — сказала Чумазилла, — но он успел записать, правда, не про кусок твоих мозгов.

— Ах, оставьте ее, Чумазилла, — вступился за Крошку генерал. — Ей так кажется. У каждого из нас есть свой воображаемый мир.

— Может, она притворяется? — спросил Егор. Тихо, чтобы только Люся могла услышать.

Люся прошептала в ответ:

— Мне она не нравится.

Егор положил руку на пышные волосы Люси. Волосы были живыми, но не такими теплыми, как раньше.

После концерта все разговаривали, спорили, генерал особенно ценил эти возможности общения.

— Пока мы еще интересны друг другу — мы живы, — говорил он.

Крошка уселась у его ног — живой мягкий комочек плоти. Она переводила с одного спорщика на другого удивленный взгляд голубых глаз, приоткрывала коралловые губки, словно хотела вмешаться в разговор, но потом обрывала себя, смущенная смелостью, и поднимала милую головку к генералу. Тот часто мигал, снимал, протирал очки, виновато оглядывался, будто боялся, что его ученики заметят слабость учителя.

Марат Хубаев присел рядом с Егором и стал говорить о поэзии как моменте уважения. Не может человек, искажающий великие строчки даже подсознательно, считать себя поэтом, правда же?

Когда Крошка покинула свое место возле генерала и подошла к Егору с Люсей, Марат демонстративно отошел.

— А вас как зовут? — спросила Крошка у Люси. — Меня вот все называют Крошкой, а у меня есть имя, Миранда. Правда красивое имя?

— Люся.

— А фамилия?

— Тихонова.

— Какое красивое сочетание, — сказала Крошка Миранда. — А вы давно здесь?

— Не очень.

— И вы тоже посвятили себя поэзии?

— Нет.

— Как жаль! Все хорошие люди должны быть поэтами. Мы с вами раньше не встречались?

— Наверное, нет, — сказала Люся. — Я бы вас заметила.

— Ах, как верно! Я бы хотела с вами дружить. И с вашим мальчиком.

— Вы имеете в виду меня? — спросил Егор.

— А вы можете меня поцеловать. Мне все говорят, что у меня шелковая кожа, вы хотите меня поцеловать, правда? А Люся не возражает.

И Крошка закатилась маленькими колокольчиками смеха.

Она легко отстранила Люсю и проникла, пролилась к Егору. Тот почувствовал легкое прикосновение ее губ.

— Ах, он такой у тебя милый, — сказала Крошка. — Мы будем с вами гулять. Вы любите долгие пешие прогулки?

— Мы иногда гуляем, — сказала Люся, которую эта сцена забавляла.

А Егору в ней вдруг почудилось что-то зловещее. Он не мог бы объяснить, что за опасность могла исходить от этой малышки. Но его интуиция била во все колокола.

— А я люблю гулять на Взморье. Там чудесно, правда?

— Правда, — сказала Люся.

— У тебя чудесные волосы. Здесь у всех вылезают. А у тебя не вылезают?

— Нет, не вылезают, — сказала Люся.

— Я только вчера гуляла по Взморью, а вас не видела. Вы вчера гуляли?

— Что значит — вчера? — спросил Егор.

— Значит, недавно, — сказала Крошка. — Егорушка, я тебя буду звать Егорушкой. Ты настоящий викинг — ты моя девичья мечта. Как жаль, что я не могу отнять его у тебя, Люси.

— А вы откуда знаете мое имя? — насторожился еще больше Егор.

— Мне Кодзи сказал. Он такой милый. Я, может, выйду за него замуж. У меня будет благородный платонический муж. Разве это не исполнение мечты для женщины в моем положении?

— Ничего особенного не вижу в вашем положении, — сказала Люся, которой Крошка тоже не нравилась. Вернее, сначала она находила ее забавной, а теперь вдруг увидела, что у нее маленькие острые зубы, как у акуленка.

Подошел генерал.

— Я позволю себе прервать вашу беседу, — сказал он. — Когда смотришь на вас со стороны, кажется, будто мы в живом мире. Я так рад, что вы уже подружились.

— А вы как нашли генерала? — спросил Егор.

— Это я ее нашел, — ответил за Крошку генерал. — Я совершал моцион и вижу эту патетическую фигурку, бегущую по улице. Вот именно.

— За мной гнались крысы, — сказала Крошка и зажмурилась, как будто вновь переживала страх. — Я не знала, куда прибежала.

Крысы были частью фольклора. Многие твердили, что их

видели, другие утверждали, что даже умные крысы не смогли бы пробраться в Чистилище. Но Егор с Люсей знали, что в Чистилище есть по крайней мере один песик. А если в мире есть собака, то крысы должны водиться почти наверняка.

— Вот такие большие крысы.

Крошка расставила ручки, чтобы показать, какие они были большие.

— Крошка будет жить со мной, — сказал генерал.

Крошка сделала шаг, приблизилась к генеральской подмышке, выглядывала, как котенок.

— Дай вам бог, генерал, — сказала Чумазилла.

Все в той или иной степени чувствовали ревность. Генерал был общей собственностью. Платоническая любовь тоже может вызвать ревность.

Егору и Люсе было далеко идти домой. Они вышли пораньше. Хоть Чумазилла и Эдик жили рядом, но хотелось побыть вдвоем.

С Королевского проспекта они свернули по трамвайной линии и прошли мимо Зверинца задами Петропавловской крепости. Колокольня собора когда-то лишилась, а может, и не дождалась золотого острого шпиля, отчего нарушился весь силуэт города.

Потом они перешли через мост к Пушкинскому дому и дернули налево, к Ростральным колоннам.

На ступенях Биржи их глазам предстало страшное зрелище. Они знали о бандитах и убийцах, но сцена на ступенях Биржи превышала возможности воображения. Там лежало четыре трупа, два из них — обезглавленные. Видимо, убийца боялся, что его жертвы могут ожить, так бывало с убитыми.

Они не стали подниматься к трупам. Конечно, можно было поглядеть в их карманах — станет ясно, кто убит. Но, в сущности, в Чистилище не играло роли, кто погиб. Вид убитых лишь напоминал о бренности существования.

— Я хочу уйти отсюда, — сказала Люся.

— Как уйти?

Этот разговор Люся затевала не впервые. Егор знал, что она скажет дальше.

Люся была куда серьезнее Егора, она не умела отшучиваться и выбрасывать заботы — будет другой новый день, и все образуется.

У нее в жизни никогда ничего не образовывалось.

— Можно утопиться, — сказала она. — Только надо бетонные глыбы к ногам как следует привязать. Так привязать, чтобы не отвязаться.

— Глупо, — сказал Егор. — Куда мне без тебя?

Так он, не говоря прямо, напоминал Люсе, что остался здесь из-за нее и ради нее.

— Я говорю — только вместе. Может быть, следующий мир будет для нас лучше?

— Ты веришь в еще один мир?

— А кто бы мог поверить, что мы попадем сюда?

— А я думаю, — сказал Егор, — что наши там, наверху, что-нибудь придумают. Обязательно придумают.

— Сначала пускай они придумают лекарство от СПИДа, потом средство от рака, а потом заглянут к нам. Ну как можно придумать, если мы с тобой и все вокруг — как бы и не существуем! Те, кто знает, боятся сказать вслух, чтобы это не перекинулось на Землю. Или планируют спрятать здесь какие-нибудь военные базы или склады.

— И победить Америку, — улыбнулся Егор.

Они шли по мосту, слева поднимался Зимний дворец, внешне почти целый, справа — адмиралтейские здания.

— Интересно, а наш мир — под всей Землей? — спросила Люся.

Она остановилась и стала глядеть на воду.

Они уже забыли о телах на лестнице Биржи — в однообразной действительности, где потеряны связи между событиями, легче забывается.

— А Нева все-таки течет, — сказала Люся, как будто не говорила этого уже несколько раз, — как-то медленно течет. И вода совсем черная.

— Ей нечего отражать, — сказал Егор.

На площади перед Зимним дворцом они встретили пару странников. Старик был в военном мундире времен последней войны, а платье старухи было длинным, до земли. Они принадлежали к разным эпохам.

— А встретились здесь, — сказала Люся.

Старики вежливо раскланялись с ними.

Направо, в бывшем сквере у Адмиралтейства, они сели на лавочку возле памятника дедушке Крылову.

— По улице слона водили, — сказал Егор. — Почему этой Крошке не полюбить басни? Писала бы их.

— Она тебе не нравится?

— Она лживая.

Берия приказал дежурному по Смольному сразу же, как явится, вести Крошку к нему. Где бы он ни был. Сразу вести. Он надеялся на ее доклад. Не первый раз Крошка добывала ему сведения, которые не раскопали бы и десять сотрудников. Лучший агент. И бескорыстный. Ее не перекупить. Она получает наслаждение от работы, от риска и пробежек по краю пропасти.

Сам Лаврентий Павлович спустился в подвалы, где когда-то была кухня института. Там располагалась лаборатория Леонида Моисеевича. За время, которое он трудился под крылом Берии, лаборатория обогатилась вполне приличным оборудованием, которое искали по бывшим почтовым ящикам, ни в чем не отказывая доктору.

Берия не был столь наивен, чтобы полагать, что доктор по прозвищу Фрейд, бывший лейб-медик императора Киевского вокзала в Москве, сможет создать чудо-вакцину. Хотелось бы, но ясно: открытия делают большие коллективы. Недаром атомную бомбу разрабатывали несколько институтов, десятки шарашек и официальных групп в Академии наук. Подпольные гении водятся только в романах Жюля Верна.

Но законы в Чистилище другие. Здесь нет больших коллективов. Здесь вообще непонятно, где искать докторов. Оказывается, как правило, ученые не кончают с собой таким образом.

Здесь нужны доктора. Сильные мира сего нуждаются в медицине. Если кто-то сломал ногу, то, вернее всего, он так и останется доживать — нога не залечится. Если глубоко порезался, то рана вряд ли скоро заживет. Несчастья случаются не только с простыми грешниками, но и с властителями Чистилища. Леонид Моисеевич смирился с тем, что в его услугах всегда все нуждаются.

Всю жизнь он мечтал заняться наукой. Но то жена, то дети, то безденежье, то иные заботы и беды. Настолько серьезные, что решил покончить с этой суматохой и с собой в том числе. А в результате оказался здесь.

Леонид Моисеевич был историческим оптимистом.

Он убедил себя, что все складывается как нельзя лучше.

Заботиться о семье не следует. Деньги не нужны, время не считано.

Значит, судьба хочет, чтобы он углубился в науку.

Ни один человек в Чистилище не знал, что же происходит в организме человека, переместившегося вглубь. А Леонид Моисеевич знал. Для этого не нужен институт. Нужно упор-

ство, определенный талант, хорошая школа 1-го Меда и главное — время, в котором нет сна и обедов. Идеальная жизнь.

Леонид Моисеевич пережил гибель Империи Киевского вокзала и после ряда приключений оказался в Ленинграде. Доктора нужны даже бандитам. В Ленинграде он попался на глаза Грацкому, стал его врачом, потом об опытах доктора узнал Берия. Ему не стоило труда украсть доктора Фрейда и устроить ему лабораторию.

И передать ему сначала двух сотрудников со званием санитаров (они же должны были обеспечить доктора, если нужно, трупами или отдельными органами), а потом и двух ассистентов.

Раньше, пока еще не родилась идея уничтожить Верхний мир, Берия хотел было объединить Фрейда и Лядова, настоящего биолога. Но они не спелись с Леонидом Моисеевичем, Лядов ушел в Шахматный клуб, а доктор вздохнул с облегчением. Он не выносил, когда кто-то стоял над его плечом.

Берия сказал доктору, что надеется на его вакцину. Ну, не вакцину еще, а средство, не испытанное на собаках и мышах — откуда их тут возьмешь? Средство, которое позволит прожить там, в настоящем мире, дня три-четыре. Может, два. При условии, что будешь соблюдать правила. Строгие правила. Иначе сгоришь. Мучительно.

— Все они сделают. Они добровольцы, — сказал Берия, — но одно условие обязательно. И пойми меня правильно, Леонид Моисеевич. Эти люди не должны знать лишнего. Они могут испугаться. Они погибнут от страха.

Леонид Моисеевич кивал кудлатой пегой головой, он знал, как можно погибнуть от страха.

— Это укол? — спросил Берия.

— Это курс подготовки.

— Прошу сделать пилюлю, — приказал Берия. — Самое простое. Пилюлю.

— Это я сделать смогу. Это просто.

— И постарайся сделать эту пилюлю быстро, через час, через два, вечером, понимаешь? Я всегда могу найти другого доктора.

Берия ушел, уверенный, что доктор его боится и что доктор сделает все возможное. И что доктор не может догадаться, правду ли говорит Берия или просто пугает. А почему бы у Берии не быть другому доктору, другой лаборатории? Это в пределах теории вероятности.

Хотя доктор понимал, что пилюля не поможет. А Берия по-

нимал, что ничего плохого он доктору не сделает и будет беречь его больше, чем себя самого. Доктор — его надежда. А раз надежда, пускай думает, что его цена ничтожна.

Поэтому Берия, спустившись к доктору после смерти Чаянова и неприятного разговора с Клюкиным, который носится по городу и разыскивает свою Ларису, постарался придать лицу выражение замкнутое и злобное.

Впрочем, это ему всегда удавалось.

Доктор жаловался на темноту и хотел перенести лабораторию на крышу Смольного, но Лаврентий Павлович не разрешал, опасаясь диверсантов. В лаборатории и в самом деле было полутемно.

Один охранник сидел на корточках перед дверью. Не спал, не баловался. Вскочил при приближении Берии.

— Вольно, — сказал Берия. — Никаких событий не было?

— Никак нет! — ответил охранник. — Все там, не выходили.

Помещение было широким, мраморные столы сохранились с дореволюционной кухни. На них стояли приборы. Немало приборов. Берия порадовался тому, как ему удалось славно организовать работу лаборатории. Ему не было дела — да он и не узнает никогда, — что девять десятых приборов, которые приволокли сюда по его приказу, пользы не приносили. А с половиной остальных доктор и его помощники не знали, как обращаться.

Но зрелище было внушительным, Берии казалось, что у него в подвале работает целый институт. Поэтому он приказал, чтобы сотрудники — Фрейд, санитары и ассистенты — всегда были в белых халатах.

Так они и ходили в белых халатах. Правда, новых не давали, а старые уже испачкались.

Фрейд сразу пошел к Берии. Он почти бежал.

Берия протянул ему вялые негнущиеся пальцы.

— Какие успехи, Леонид Моисеевич? — спросил он. — Скоро вы нас порадуете?

В лаборатории он снова почувствовал себя советским министром и потому пользовался словами и интонациями прошлых лет.

— Мы трудимся, — в тон ответил доктор. — Принимаем меры.

Остальные сотрудники лаборатории замерли на местах, где их застал приход Берии. Это ему понравилось.

— Я намерен привести сюда наших товарищей, — сказал он, — которые отправляются туда.

Он показал пальцем в потолок.

— Я польщен, — сказал доктор.

— И чтобы это была пилюля. Я ее выдам, они проглотят и пошли!

— Я должен сделать им анализы, — сказал доктор, стараясь не бояться Берии. — Затем мы изготовим вакцину, именно из конкретной крови каждого пациента.

— Этого еще не хватало!

Берия знал, что процедура должна быть именно такой — доктор не раз ему о ней рассказывал. Но делал вид, что впервые слышит о вакцине.

— Иначе я не смогу ничего сделать! — Доктор готов был заплакать. — Мы же хотим, чтобы товарищи вернулись живыми и здоровыми.

— Вот именно, — ответил Берия. — Живыми и здоровыми. И открывшими нам широкие пути к сотрудничеству с товарищами там.

Берия снова указал пальцем в потолок.

Доктор сокрушенно кивнул.

— Какой срок гарантируете? — спросил Берия.

— Я не могу, к сожалению, гарантировать, — ответил доктор. — Ведь мы же не испытывали.

— Значит, может вообще не подействовать?

— Вообще подействует. Мы же проводили некоторые испытания на вас... кровь изменяет параметры. Это факт.

— Тогда постарайся сделать пилюлю, — сказал Берия и рассмеялся.

Сегодня день складывался славно. Чаянов с Ларисой сами подставились ему. И не было свидетелей. Редкое везение!

Дверь в лабораторию осталась открытой. Поэтому Крошка вошла незамеченной, она остановилась недалеко от двери и сказала глубоким, так не соответствующим ее нежным размерам голосом:

— Лаврентий Павлович, можно с вами поговорить?

— Ну вот! — Берия обернулся к агентше. — Я же просил меня не беспокоить.

— Напротив, — сказала Крошка, которая боялась его куда меньше, чем другие обитатели Чистилища. Не только потому, что была ценным агентом, но и потому, что считала себя любовницей Лаврентия Павловича.

Разумеется, это была не та, настоящая любовь, но Берия старательно ласкал ее, гладил, мял, щипал, а она стонала и причитала:

— Ты мой викинг! Ты мой богатырь! О, сделай мне больно!

Оба они знали, что это подделка, но оба делали вид даже друг перед другом, что это и есть любовь — единственная в мире.

— Напротив, — сказала Крошка, — вы мне велели идти к вам сразу, где бы вы ни находились.

— Тогда подожди в кабинете, — велел Берия.

— У меня мало времени, — сказала Крошка. — Я обманула генерала, сказала, что пошла в Салтыковку искать поэтические книги, но он может меня спохватиться в любой момент. Он меня полюбил.

— Еще чего не хватало! — рассердился Берия. — Я тебя не за развратом посылал! Тогда говори, но коротко.

— Я нашла людей, которых вы искали, Лаврентий Павлович.

— Не может быть! — Берия забыл, что он стоит в лаборатории и несколько человек слушают его. — Не может быть! Кто они? Как тебе удалось?

— Мне удается то, что недоступно другим, — сказала Крошка. — Я же маленькая, беззащитная и добрая.

— Говори, кто ее мужик! Кому они служат?

— Последнее я еще не успела узнать. Но узнаю скоро. Вам нужна Людмила Тихонова? Это она от вас сбежала?

— А он? Кто он?

— Его зовут Егор Чехонин. Они живут вместе.

— Где? Адрес?

— Я была одна. Я не могла побежать за ними. Они пошли пешком. Вернее всего, они живут в районе канала Грибоедова. На Подьяческой.

— Я посылаю людей.

— И не думайте. Как вы будете обыскивать Подьяческие улицы?

— Мне хватит исполнителей, чтобы снести весь район.

— Лаврентий Павлович, — укорила его Крошка. — Время — это то, что у нас есть.

— Времени у нас нет.

— Что-нибудь случилось?

Берия не слушал ее.

— Мне нужно срочно, архисрочно узнать, кто стоит за твоими мерзавцами. Они подчиняются генералу или у них есть хозяин? Что им нужно, зачем они следили за мной?

— Я все это узнаю, мой викинг, — сказала Крошка. — Я тебе обещаю.

— Хорошо, — сказал Берия. — Иди. Чего стоишь? Иди.

— Как в цирке, — сказала Крошка. — Морской лев открывает пасть, и дрессировщик кидает ему рыбешку.

— Я помню, — сказал Лаврентий.

— Вы всегда забываете. Ведь время стоит?

— Хорошо, пошли ко мне.

Он вышел первым, так и не отдав никаких больше указаний доктору. Леонид Моисеевич присел за свой стол.

Он сидел неподвижно, глядя прямо перед собой, и это было так непохоже на доктора, что его ассистент, бывший зубной техник, бездельник и бывший двоечник Коля Гоглидзе, подошел и спросил:

— Эта сволочь произнесла что-то оскорбительное?

— Кто? — Леонид Моисеевич с трудом вернулся из своих мыслей.

— Этот мингрел паршивый. — Гоглидзе сбавил голос до шепота.

— Ах нет, — сказал доктор. — Я просто задумался о том, как мал наш мир.

— Еще бы — от двери до двери. Под колпаком живем.

Доктор знал Егора и Люсю. Давным-давно, хотя нельзя сказать, насколько давно это было. Но в другой жизни, в Москве, когда Люську приволокли туда как невесту императора. Господи, какая глупость! Но потом Егор с Люськой убежали. Все погибли, а они убежали. Значит, они живы, они здесь?

Но никакой радости от этого доктор не испытывал.

За ними охотится его шеф, Лаврентий Павлович, самая ядовитая змея из рожденных природой.

Он послал выслеживать их свою лучшую агентшу — Крошку Миранду. Он так говорит о Люсе, словно она личный враг, словно он ее боится. Он хочет что-то выследить и, конечно же, постарается убить Люсю. Не важно за что.

Главное — не допустить этого.

Следовательно, надо самому успеть к ним, найти их раньше, чем это сделает Крошка.

Подьяческая? Кто там живет из его знакомых?

Была у него приятельница, некая Чумазилла, даже приглашала доктора на концерт. Почему-то тогда они не сдружились — доктор как раз начинал свои исследования и не хотел новых связей, людей, разговоров, а уж тем более концертов — неестественных здесь, на кладбище.

Они как-то раз гуляли с этой странной женщиной, он ее провожал на канал Грибоедова, и она рассуждала о мертвых и

живых домах. И даже уговорила его сменить жилье — переселиться в живой дом.

А он как раз перебрался в подвал Смольного, о чем не стал рассказывать Чумазилле. Стыдно было признаться, что он работает на Лаврентия Павловича.

— Гоглидзе, — сказал доктор, — я хочу пройтись немного.

— Ты? — удивился ассистент.

— Мне надоело дышать нашей химией.

— Наконец-то я слышу речь не мальчика, но мужа, — сказал Гоглидзе. — И дядя Лаврентий не должен ничего знать?

— Я не намерен делать ничего тайного...

— Я тоже думаю, что в ближайший час-два он сюда не зайдет.

— Странное чувство, — сказал доктор, — будто на старости лет я убегаю на тайное свидание.

Доктор не спеша поднялся на первый этаж, вышел на прямую дорожку, что вела от здания к воротам.

Дорога была пустой, если не считать медленно идущего навстречу велосипедиста и охранника у ворот.

Доктор обернулся. Ему показалось, что кто-то наблюдает за ним из окна Смольного. Но он ошибся. В серых, чуть отсвечивающих жемчужной серостью облаков окнах никого не было.

Однако на всякий случай доктор пошел медленно, изображая пожилого джентльмена, которому прописан ежедневный моцион.

Глава 8

ДОКТОР ФРЕЙД

Туфли шлепали, даже чмокали по влажной после недавнего дождика мостовой. Это были домашние туфли, без задника, растоптанные, удобные, но совершенно неприспособленные, чтобы ходить в них по мостовой.

Идти долго, жаль, что трамваев нет.

Надо дойти до Московского вокзала, оттуда по Невскому, до Гостиного двора. Удивительно, но Гостиный двор пропал — будто его и не было. На его месте большой пустырь, бывшая помойка.

Доктору повезло. Он шел в отчаянии, думая, что Берия наверняка заметит его отлучку в такой ответственный момент, когда надо гнать работу над вакциной.

И тут он увидел рикшу.

Это был легендарный человек, единственный чудак в своем роде. Он сделал тележку из велосипеда и инвалидной коляски. Кресло спереди, а сзади руль, и педали, и сиденье. Видно, он был чудаком и до того, как попал сюда. У него была длинная седая борода и длинные волосы. Говорили, что он — бывший чемпион по шоссейным гонкам и ему так скучно без велосипеда. Но идти в полицейские ему не хотелось. Он придумал извоз.

Платы за проезд он не брал. Говорил, что закаляется.

Может быть, и закалялся.

Доктор раньше не видел его, но слышал о нем от других.

— Эй, прокачу! — крикнул рикша.

Доктор не сразу сообразил, что это относится к нему. Потом обрадовался. Рикша ждал его на маленькой прибрежной площади перед Александровской лаврой. Как-то доктор заходил туда и удивился тому, что исчезли некоторые надгробия, может быть, их и не было.

У рикши был куда более живой цвет лица, доктор подумал, что надо будет уговорить его, чтобы согласился пройти исследование в Смольном.

Кровь каждого из пациентов таила в себе загадки, нелогичность и удивительные остатки жизни. У каждого — свои.

Рикша был в накидке, в пелерине, что носили до революции студенты и гимназистки — когда-то доктор видел такие в кино. Седые в желтизну космы падали на плечи и на спину, борода была кривая, хотелось сказать: ну подровняй ты ее, в конце концов!

— Садись, устраивайся, — сказал рикша. — Отвезу. Таксу знаешь?

— Нет, не знаю, — сказал Леонид Моисеевич, хлопая себя по бокам, словно под халатом и брюками был кошелек с деньгами.

— Правдивая история из жизни, — сказал рикша. — Пока я еду, рассказывай. Согласен?

— Разумеется, конечно... вы не представились, и я не знаю вашего имени-отчества.

— Рикша. У меня нет имени, и я его не желаю. А ты — доктор. А может, парикмахер?

— Доктор.

— Где же твоя больница?

— В Смольном, — сказал Леонид Моисеевич.

— Ты хочешь сказать, что служишь тому пауку в шляпе?

— Ничего подобного! — Леонид Моисеевич, всегда ожидавший такого вопроса и заранее оскорбленный, поднял острый подбородок. — Я работаю для людей и ради людей.

— А я не спорю с тобой, — сказал рикша. — Садись, в ногах правды нет. Куда поедем?

— На канал Грибоедова, — ответил Леонид Моисеевич. — Вы знаете, где он находится?

— А точнее?

— Точнее, мне надо на Подьяческую. На угол Большой Подьяческой и канала.

— Все ясно, — сказал рикша.

Он нажал на педали, и тележка поехала довольно быстро — только бегом можно угнаться.

Ветер бил доктору в лицо — он давно не испытывал такого ощущения.

— Был дождь, — сказал доктор.

— Еще какой по нашим меркам! — откликнулся рикша. — Я такого не припомню, хоть живу здесь лет сорок, а может, пятьдесят.

— А я раньше жил в Москве. Там тоже дождей не бывает.

— А я бы сказал, что это тревожный знак, — сказал рикша. — Это значит, что дождь, который не мог зародиться здесь, где нет циркуляции воздуха, пришел оттуда, сверху, прорвался. Представь, какой должна быть отдушина? Но до этого были ветры. Ты чувствовал?

— Чувствовал, — сказал доктор.

И вдруг засмеялся.

— Ты чего?

— Представьте себе, — сказал доктор, улыбаясь, — мы с вами разговариваем о погоде. А это значит, что есть погода.

— Точно! — согласился рикша. — А мне и в голову не приходило.

— И это меня тревожит, — сказал доктор.

Ему трудно было беседовать с рикшей, потому что он сидел в кресле и смотрел перед собой, а голова рикши находилась сзади над его затылком. Голос рикши бил в затылок и был бестелесным.

— На наш век хватит, — сказал рикша. — Хотя умные люди говорили, что это от тех, кто к нам идет. Слишком их много стало за последнее время. Раньше, бывало, едешь-едешь по Невскому, от Московского вокзала до Зимнего, и ни одного

человека не встретишь. А теперь — смотри! Ты уже привык? А я еще не привык. Не сегодня-завтра новые рикши потребуются. Ведь люди стали переезжать с места на место, транспорт нужен. Потом мы трамвай пустим.

— На какой энергии?

— Без энергии, будут велосипедисты трамвай возить, до революции это называлось конкой.

Навстречу проехали два самокатчика. Они ехали на больших самодельных самокатах. Отталкиваясь ногой. Ехали и разговаривали. Оба нестарые. С рикшей они раскланялись.

— Вот видишь, — сказал рикша. — А я что говорил?

— Кто они такие? — спросил Леонид Моисеевич.

— Служба внешнего наблюдения, — ответил рикша. — Я их знаю. Сам помогал им машины делать, но в штат, как они звали, не пошел. Зачем мне в штат идти? Я — птица вольная.

За Московским вокзалом, уже у Литейного, они встретили цыганку. Та стояла посреди мостовой и кричала:

— Кому судьбу? Гарантирую точность и долговременность. А ну, соколики, стройтесь в очередь за судьбой!

— Это тоже внешнее наблюдение? — спросил доктор.

— Не думаю, — серьезно отозвался рикша. — На что ему крикливая цыганка?

Цыганка некоторое время бежала вприпрыжку за коляской рикши.

Они выехали на канал Грибоедова у Сенной площади. Набережная была узкой, неровной, асфальт в выбоинах, кое-где проходила полоса булыжника.

— Вылезай, — сказал рикша, он уже познакомился с доктором, даже расспросил, кого ищет, хотя доктор не стал говорить, зачем ему нужна Чумазилла, которую рикша, оказывается, знал. — Вылезай и пойдем дальше пешком, а то я по этим колдобинам свою телегу сломаю. А она мне дороже твоих удобств, сам понимаешь, источник существования. Не будет кобылы, сам сдохну от голода.

Это была шутка, наверное, отработанная, привычная.

Леонид Моисеевич пошел вперед. Сначала он хотел было распрощаться с рикшей, но рикша обещал отвезти его обратно в Смольный, как только доктору удастся отыскать своих

знакомых, но ждать не хотел — предпочел погулять в своей компании.

Они пошли дальше.

Рикша не задавал лишних вопросов. Он даже объяснил:

— А меня улица научила, дикая жизнь на свежем воздухе. Если ты очень настойчив в вопросах, люди думают, что ты — враг. Потому что рассказывать о себе и своих занятиях опасно. Тот, кто узнал, где спрятана куча золота, и никому не сказал, — останется жив и богат. Ты меня понял?

Рикша оставил коляску — надоело ее толкать по буграм набережной.

— Ничего, — сказал он, — никто не возьмет. Здесь людей и не бывает. Ты кем раньше был?

— Врачом.

Леонид Моисеевич предпочел бы, чтобы рикша оставил его в покое, но, с другой стороны, вдвоем спокойнее. Леонид Моисеевич давно не уходил так далеко от родной лаборатории, и ему казалось, что в темных провалах между домами таятся разбойники, намеренные перегрызть ему глотку.

— А я руководил учреждением. Честное слово. Приходил каждый день в свой кабинет — дубовые панели по стенам, стол с тремя телефонами — и думал: ну почему я не стал велосипедистом-гонщиком?

Вдали показался мостик — он угадывался во мгле.

Доктор заглянул в канал. Вода в нем была черной, бездонной, но в ней замерли клочки человеческой жизни: старый башмак, консервная банка, бутылка...

— А у тебя здесь баба живет? — спросил рикша.

Леонид Моисеевич взглянул на него. Пригляделся.

Волосы белыми космами по плечам. А глаза такие прозрачные и светлые, словно летнее небо над Северным полюсом.

Страшные глаза.

Доктор не смог ответить на глупый вопрос рикши.

— Познакомишь? — спросил рикша. — А то у меня так давно бабы не было — страшно подумать.

— Вы ничего не сможете, — сказал доктор.

— А вот грязных шуток я не потерплю! — взревел рикша. — Ты можешь поплатиться, понял? Меня в Москве в цирке хотели показывать с научными целями за неутомимость, не веришь?

И тут же рикша улыбнулся и продолжал совсем другим тоном:

— Испугался, доктор? Я люблю людей пугать. Если людей

не пугаешь, они тебя уважать не будут. А в сущности, люди должны быть братьями. И мои шутки могут показаться шутками дурного тона. Прости, доктор. Вот и Подьяческая. Тебе какую из них нужно?

— Вроде бы Большая, — сказал доктор. — В угловом доме должна жить моя знакомая. Навес над подъездом.

— В этом?

— Кажется, в этом. Вы подождете здесь?

— Не хочется мне тебя отпускать, — сказал рикша. — Могут и убить. Я лучше на лестничной площадке подежурю. Вы разговаривайте, мне ваши дела не интересны. Но охрана необходима. И ты не думай, что я слишком бдительный.

— Хорошо, — сдался доктор. — Подождите здесь, в подъезде.

Но заходить в подъезд не пришлось. Чумазилла как раз спешила им навстречу через мостик от Телеграфа.

Где-то она добыла синее пальто, широкое, но короткое. Ее туалет дополнял желтый берет и большие мужские ботинки.

— Здравствуйте! — закричал Леонид Моисеевич. — Вы меня помните?

— Как же не помнить, Леонид Моисеевич.

— А меня ты точно знаешь, — сказал рикша.

— По-моему, вы рикша, — сказала Чумазилла, — наша городская достопримечательность. Не имела чести на вас ездить, не по карману.

— А я бы на тебе съездил, — ответил рикша. — Я еще этого удовольствия не забыл.

— Оставим это, — строго сказала Чумазилла. — Я не выношу сексуальных домогательств даже в скрытой форме.

Непонятно, за что ее назвали Чумазиллой. Может, потому, что у нее пышные густые черные брови и усики над полной верхней губой.

Но она не кажется грязной.

— Роман откладываем, — вздохнул рикша.

— Что вас привело, Леонид Моисеевич? — спросила Чумазилла, будто не видя его спутника.

— Мне надо поговорить с вами конфиденциально, — сказал доктор. — Мы можем отойти?

Чумазилла удивилась.

— Вы не хотите при рикше разговаривать? Так чего же вы его сюда притащили?

— Вот именно, — подтвердил рикша. — А то получается, что притащил, защити, говорит, спаси, говорит, от разбойников, а теперь отказывается от признания.

— Так случилось, — сказал доктор. — Этот товарищ и в самом деле мне помог, а мне еще надо вернуться в Смольный.

— Тогда зайдем ко мне.

Доктор пошел к дому Чумазиллы, открыл дверь в подъезд и чуть склонился, приглашая Чумазиллу войти.

— А я как же? — крикнул вслед рикша.

Дверь в подъезд захлопнулась.

Чумазилла остановилась.

— Теперь вы можете рассказать?

— Мне нужен адрес Людмилы Тихоновой, — сказал Леонид Моисеевич.

— Зачем?

Чумазилла поджала губы и сощурила большие глаза. Видно, полагала, что так она выглядит страшнее.

— Можете ее не защищать, — сказал доктор. — Но я боюсь, что им с Егором может угрожать опасность. Клянусь вам.

— Постараюсь поверить, — сказала Чумазилла. — Давайте я вас провожу.

— Далеко отсюда?

— Не очень.

— Как бы мне отвязаться от рикши?

— Прикажите ему ждать здесь.

Когда они вышли снова на набережную, рикша стоял возле двери в подъезд.

— Значит, так, — обратился к нему Леонид Моисеевич. — Вы ждете меня здесь. Отсюда ни шагу.

— Это приказ? — спросил рикша.

— Считайте, что приказ, — сказал доктор.

— Слушаюсь! — *Рикша усмехнулся и уселся на край тротуара.*

Чумазилла повела доктора по Большой Подьяческой.

До дома с надписью «Salve» было шагов сто от угла. Рикше было несложно за ними наблюдать.

Но его не было видно.

Они вошли в подъезд.

— Я не могу гарантировать, — сказала Чумазилла, — что ваши друзья сейчас сидят дома. У нас был такой сложный и радостный день! Концерт, беседы... А по дороге сюда все очарование было погублено. Возле Биржи мы натолкнулись на обезглавленные трупы. Кто-то хотел, чтобы его жертвы погибли безвозвратно.

В подъезде было сумрачно, масляная краска полотнищами отваливалась от стен, и казалось, что пахло скисшим супом,

хотя запахов в Чистилище не бывает. Струйка рыжих муравьев бежала по стене, как струйка крови.

— И кто они — не опознали?

— Кто? — Чумазилла забыла о том, что сказала минуту назад.

— Вы говорили о трупах.

Леонид Моисеевич начал взбираться по лестнице, и Чумазилла последовала за ним.

— Они были обезглавлены. Но Клюкин их узнал. Он подозревал неладное. Он примчался со своей охраной и понял — это Чаянов и Лариса Рейснер.

— Этого быть не может! — Леонид Моисеевич остановился. — Кто поднимет руку на Верховного вождя?

— Вы убеждены, что его избрали Верховным?

— Почти так же, как в своем имени, — ответил Леонид Моисеевич.

— Нам ничего не сообщают.

— На каком этаже они живут? — спросил доктор.

— На третьем. Еще один пролет.

— Вам нет смысла оставаться внизу.

— Разумеется, — согласилась Чумазилла, — только дайте перевести дух.

Они постояли на площадке, потом Чумазилла закричала:

— Егор, открывай, принимай гостей!

— Егор! — Леонид Моисеевич поднимался по последнему пролету.

Дверь отворилась.

— Какие гости! — обрадовался Егор.

За время, пока Леонид Моисеевич его не видел, молодой человек исхудал, лицо осунулось.

Жизнь здесь не красит, подумал доктор, но вслух ничего говорить не стал.

Люся встретила их в коридоре.

Они прошли в комнату, где стоял широкий диван, покрытый одеялами, стол, на котором лежали листы бумаги и несколько карандашей. У стены стоял книжный шкаф, старый, столетней древности, из красного дерева. Книги, которые в нем не поместились, лежали стопками вдоль стены.

— Такой дом был бы приятен и у нас, — сказала Чумазилла, и все ее поняли.

— Садитесь, — сказала Люся.

Леонид Моисеевич любовался ею, и не только потому, что она не потеряла стройной красоты, балетной прямоты спины и изысканной сухости щиколоток. Лицо ее, как и прежде, бы-

ло простым, может быть, простоватым, но гармоничным и тонко очерченным, словно оно было мраморной копией живой Люси. Румянец ушел, пропал, но Люся припудрила щеки, а может, даже клала тон, чтобы казаться живее.

Она обрадовалась доктору даже больше, чем Егор, потому что для нее доктор был первым и одно время единственным другом в этом мертвом мире, куда она впервые попала девочкой и смогла вместе с Егором отсюда убежать — первая и единственная беглянка.

Доктор защищал ее как мог, когда было совсем худо. А потом они потеряли друг друга. И Люся даже не подозревала, что доктор оказался в Петербурге.

— Садитесь, — сказала Люся, расцеловав доктора, для чего ей пришлось немного наклониться. — Мне жаль, что нельзя вас чаем напоить. Не могу привыкнуть. Ко многому привыкла, а к жизни без чая — не могу.

— Я тебя понимаю, — сказала Чумазилла.

— Да вы садитесь, садитесь. — Егор уговаривал гостей посидеть на диване. — Тут не жестко.

— Почему вы нас искали? — спросила Люся.

— Вот именно! — Тут и Чумазилла сообразила, что этот вопрос надо было задать давно.

— Я услышал имя Люси от Берии, — сказал Леонид Моисеевич. — Вот испугался и побежал.

— Почему испугались? — спросил Егор. Но и сам он напрягся.

— Мне не понравился контекст, в котором прозвучало имя Людмилы.

— А что за контекст?

— Лаврентий Павлович разыскивает Люсю, — объяснил доктор. — Он даже узнал, что Люся живет на Подьяческой, только не выяснил, на какой из Подьяческих. Вот я и кинулся сюда, мне еще повезло, я рикшу поймал.

— Который по Невскому людей возит? — спросил Егор. — Я как-то на нем ездил.

— Погоди ты, Егорка, — перебила его Люся. Хоть она и младше Егора на шесть лет, она всегда чувствовала себя старшей, потому что была бедной, битой, несчастной и страшно живучей помоечной кошкой — так ее называла мать. И все, чего она добилась, она добилась упрямством и трудом. Егорка мягкий. Егорка жил в нормальной семье, его лелеяли и любили, у него были друзья, а родители не пили. — Погоди, Егорка, — повторила Люся. — Объясните, зачем меня ищет этот палач?

— Я знаю только, что он посылал своих людей искать вас. У него есть верный агент по имени Крошка, это маленькое хрупкое создание...

— Знаю, — сказала Люся.

— Этого быть не может! — воскликнул Егор.

— Я так и думала. — В голосе Чумазиллы звучало торжество победившей справедливости. — Я с самого начала поняла неладное — как она могла случайно встретить генерала и втереться к нему в доверие? Гадина, задушу ее собственными руками.

— Эта Крошка — агент Берии? Но зачем?

— Я могу воспроизвести ход его мыслей, — сказал Егор. — Мы хотели послушать, о чем они будут говорить на сенате, на выборах Верховного.

— Зачем вам это слушать? — спросил доктор.

— Я чую, — вмешалась Люся, — что грядут перемены. Это не очень торжественно звучит. Но в самом деле что-то плохое, я убеждена. Могут же у нас быть предчувствия?

— Конечно, вам не все равно, — согласился Леонид Моисеевич, который знал, что молодые люди оказались здесь не потому, что убегали от действительности.

— И мы не зря туда пошли, — сказал Егор. — Я услышал страшные вещи. Настолько страшные, что смог рассказать о них только генералу.

— А он теперь все разболтает своей фаворитке, — сказала Чумазилла. — Если уже не разболтал.

— Берия выследил меня и поймал, — сказала Людмила. — Но Егорушка вытащил меня из Смольного, а потом мы... забыли, что Берия будет нас искать.

— Это следствие жизни в нашем мире, — мрачно сказал Егор. — Такие глупости надо наказывать.

— Я виновата, Егорушка, — сказала Люся.

Будучи девушкой сдержанной и даже сухой, всю свою нежность, благодарность и преклонение она обращала лишь к Егорушке, единственной ее ценности.

— И чего же Берия хочет? — спросил Егор у доктора.

— Как я понимаю, ему очень хочется отыскать Люсю. Он не знает, чем она ему угрожает, с кем она связана. Может, он даже преувеличивает ее опасность... — Доктор замолчал, посмотрел на Егора, на Люсю, ничего не прочел на их лицах и продолжал: — Он замыслил какой-то большой эксперимент.

И для этого ему нужен я и еще другие люди. Но он, конечно же, никому здесь не доверяет, он боится и своих союзников, консулов.

— Боюсь, что слишком боится, — сказала Чумазилла. — Если это он убил Чаянова и Ларису, значит, будет война. Клюкин ему этого не простит.

— Я бы на его месте больше боялся владыку Никифора, — сказал Егор. — Мы с Люсей шли через леса из Москвы, мы бывали в скитах. Берия не подозревает, что и кто там скрывается.

— Вы и мне ничего не рассказывали, — обиженно заметила Чумазилла.

— Ты не спрашивала, — сказала Люся.

— Что еще знает Берия и что еще замышляет? — спросил Егор у доктора.

— О вас он больше ничего не знает. Он снова послал Крошку к генералу, чтобы она выведала у него, кто вы и кто за вами стоит. А я как услышал, то улучил момент и убежал из лаборатории.

— Из какой лаборатории? — спросила Люся.

— Из моей лаборатории. Каким бы дурным ни был ваш Берия...

— Он не наш.

— Каким бы дурным он ни был, но он дал мне возможность работать. Без этого я бы снова погиб.

— Бог с ней, с лабораторией, — сказала Чумазилла, — но нам надо отсюда уходить. Если Крошка узнала, где вы живете, то с минуты на минуту могут нагрянуть велосипедисты.

— У Крошки нет крыльев, — сказал доктор. — Даже если ее повезли велосипедисты... я думаю, что у нас есть время.

— Скажи тогда, дядя Леня, — Люся вдруг погрузилась в прошлое, когда была девочкой, попавшей сюда по случайности и могущей надеяться лишь на доктора, — скажи, что у тебя за лаборатория? Чем можно здесь заниматься?

— Кровью, — сказал доктор, — ты же знаешь, что по происхождению я гематолог. Мне было интересно узнать, какие изменения претерпевает человеческая кровь в этом безвременном мире. Мне нужно было понять, не обратимы ли эти процессы.

— Свежо предание, — заметила Чумазилла.

— Я понимаю, насколько малы мои возможности — ведь это проблема глобальная. Но ведь кто-то должен начать? Даже если там, наверху, знают о нас и наших бедах, у них нет возможности изучать нашу кровь. А у меня есть.

— При чем здесь Берия? — спросил Егор.

— А при том, что он помогает мне. Ему тоже хочется это узнать.

— Еще бы, — сказала Чумазилла, — он хочет расправиться с нами здесь, а потом вернуться туда.

— Вряд ли, — сказал доктор. — Но он планирует какую-то вылазку.

— Зачем? — быстро спросил Егор.

— Не знаю, он мне не говорит. Будут добровольцы, какие-то добровольцы, они пойдут туда, на день или на два...

— Значит, вы что-то смогли? — спросила Чумазилла.

— Не знаю. Но у меня есть какая-никакая лаборатория, помощники и оборудование, и мне кажется, что я нащупал некие пути...

— Вы можете возвращать жизнь крови? — спросила Чумазилла.

— Я бы не говорил так решительно, — замялся доктор, — но мне кажется, что я могу защитить человека, уходящего туда, наверх, от гибели. Ненадолго, конечно, но защитить.

— Я боюсь, — сказала Люся, — что Берия использует твою работу, дядя Леня, для каких-то страшных целей. Он плохой человек.

— Я не хуже тебя знаю, что он плохой человек. Ведь я прибежал сюда не только потому, что соскучился по тебе. Но и потому, что испугался.

— А что эти люди будут там делать? Сидеть у выхода и курить? Нет, так быть не может, — произнесла Людмила.

— Я тоже думаю, что не может, — согласился доктор. — Но больше ничего пока не знаю.

— Нарисуйте мне план, — сказал Егор.

— Какой план?

— План вашей лаборатории и план Смольного. Так, чтобы, если нужно, я мог бы вас найти.

— У тебя есть карандаш?

Доктор принялся рисовать, Егор склонился к нему, запоминая детали плана, Чумазилла с Люсей отошли к окну, которое выходило на Большую Подъяческую.

— Ты думаешь, что их убил Берия? — спросила Люся.

— Да. Я почти уверена.

— Мы их тоже видели, когда шли сюда, но мне и в голову не пришло, что там лежит наш Верховный вождь.

— А что узнал Егор, когда он подслушивал их заседания? — спросила Чумазилла.

— Я не хочу тебе говорить, — ответила Люся. — И не обижайся. Пока ты ничего не знаешь, из тебя не вытащат признание. У тебя будут шансы остаться в живых.

Чумазилла хотела было возразить, но потом вдруг согласилась с Люсей.

— Правильно, — сказала она. — По мне будет видно, что я ничего не знаю.

— Теперь понятно? — спросил Леонид Моисеевич, закончив рисовать схему.

— Да, я думаю, что смогу вас найти.

Доктор вздохнул и дотронулся пальцами до рукава Егора.

— Честно говоря, я давно не испытывал такого приятного чувства, — произнес он. — Как будто снова встретил живых людей.

Чумазилла ответила быстрее, чем Егор.

— А вы приходите к нам почаще, доктор, — сказала она, — у нас бывают концерты, а не очень давно мы ездили на Взморье, искали живые сосны, и знаете — нашли.

— Разумеется, — согласился доктор, — разумеется. Я с удовольствием приду на ваш концерт.

— Как будто, — сказала Люся, — как будто встретили живых людей.

— Не грусти, — вдруг улыбнулся Егор. — Как говорилось на Земле, еще не вечер.

Но Люся не ответила. Она думала о другом.

— Доктор, — сказала она, — а что, если Берия готовит какую-то страшную вещь, для этого ему нужна ваша вакцина.

— Что же он может готовить? Разве хуже бывает?

— А если это смерть? Смерть тем, кто остался наверху.

— Сразу всем? — усмехнулся доктор.

— Сразу всем. Пяти миллиардам.

— Не говори глупостей, Людмила, — сказал доктор.

— Но ему этого хочется.

Доктор пожал плечами, он был не согласен с Люсей, но понимал, что замыслы Берии, как и других сумасшедших диктаторов Чистилища, могут привести к трагедии.

— А теперь, — сказала Чумазилла, — как вы понимаете, нам надо отсюда уходить.

— Почему? — удивился Егор.

— Если здесь замешан Берия, то рикшу могли нарочно подсунуть доктору.

— Чтобы выследить, где мы скрываемся? — догадалась Люся.

— Вот именно. Если ты знаешь какой-нибудь безопасный дом, мы туда перейдем, — сказал Егор.

— Пошли, — сказала Чумазилла.

Егор хотел забрать какие-то книги, но Люся разрешила ему захватить с собой только сумку через плечо, в которую он положил бумаги.

Они быстро спустились по лестнице. Муравьиная дорожка исчезла, словно она им приснилась.

Улица была пуста.

Только в конце ее, где Подьяческая упирается в канал Грибоедова, на мостике, опершись спиной о перила, стоял рикша.

— Это он? — спросила Люся.

— Тот самый, — сказал доктор. — Он ждет меня, чтобы отвезти в Смольный.

— Идите, — сказала Люся доктору. — И уезжайте в свой Смольный. Если нужно, Егорушка сам к вам придет. А вам лучше не знать, куда нас поведет Чумазилла.

— Ну уж это излишняя осторожность!

— Не знаю, — сказала Люся, — но лучше, если этот рикша уйдет.

— Излишней осторожность не бывает, — поддержала Люсю Чумазилла.

Они стояли и смотрели вслед доктору, который, не оборачиваясь, подошел к рикше. Они видели, как рикша сделал несколько шагов навстречу и стал смотреть на Люсю с Егором. Что-то спросил доктора. Тот ответил.

Потом доктор пошел направо, к проспекту Майорова, и рикша последовал за ним. Они скрылись из глаз.

— Давай показывай нам резервный дом, — сказал Егор.

* * *

Обратный путь прошел в молчании. Доктору не хотелось подозревать рикшу. Рикша остановил коляску у ворот Смольного. Доктор попросил его к подъезду не приближаться. Он боялся, что кто-то из охраны, а то и сам Лаврентий Павлович увидит, что он возвращается издалека.

— Мне бы как-нибудь в Смольный попасть, — сказал рикша. — Очень хочу посмотреть, где работал Ильич, как он ковал победу рабочему классу.

— Мне вас не провести, — сказал доктор. — Охранники меня совсем не боятся.

Он слез с кресла, с трудом выпрямился.

— Старость — не радость, — сказал Леонид Моисеевич.

Он шарил взглядом по окнам второго этажа, боясь увидеть за окном шляпу и очки Берии.

Но не увидел, потому что Берия отошел за старую пыльную штору, чтобы не попасться ему на глаза.

Берия подождал, пока доктор доберется до подъезда — Леонид Моисеевич семенил, чуть не бежал.

Когда доктор вошел в здание, Берия вызвал из коридора сержанта.

— Одного человека, — сказал он, — отправь в подвал, пускай смотрит, чтобы доктор больше никуда не выходил. А второго человека — к кухонному выходу, чтобы провел ко мне человека по фамилии Кондратенко. Понял? Исполняй.

Берия мелко и напористо принялся ходить по кабинету.

Он был зол, потому что упустил ситуацию из рук и позволил противникам объединиться. Возможно, объединиться. А раз так, то он должен был принять меры и наказать виновных. В этом и состоит задача руководителя.

Но, как Лаврентий Павлович понимал, принять меры было не в его силах.

Он вспомнил старый анекдот:

Скорпион просит лягушку:

— Перевези меня через реку.

— Не перевезу, — отвечает лягушка. — Ты меня укусишь.

— Зачем я буду тебя кусать, если хочу доплыть до того берега живым, я ведь плавать не умею.

Лягушка поверила.

Поплыла.

На середине реки скорпион укусил лягушку.

В страшных мучениях она начала тонуть.

— Зачем ты это сделал? — кричала она.

— Такое вот я дерьмо, — отвечал скорпион.

Что ни будешь делать, понимал Берия, все равно окажешься в положении скорпиона... или лягушки.

— Всюду предатели, — бормотал Берия.

А всему виной нехватка людей. В старой жизни, если тебя предал какой-нибудь Иванов, ты расстреливал его и на место Иванова находил еще десяток других Петровых, не хуже.

А здесь у тебя нет выбора.

Некем у тебя заменить негодяя.

И что тогда должен делать руководитель учреждения?

Руководитель учреждения, скажем прямо, государства, должен уметь ждать. Ждать даже тогда, когда уже невмочь, когда сжимаются кулаки и скрипят зубы. Потому что придет сладкий час мщения, и предатель будет ползать у тебя в ногах, моля о пощаде.

Сержант ввел в комнату рикшу.

Рикша остался у двери, он нервно дергал себя за длинные белые пряди, нос покраснел. Рикша боялся Берию еще с тех времен, когда оба были живы.

— Чего молчишь, Кондратенко? — спросил Лаврентий Павлович так, словно именно рикша был перед ним виноват.

— Я догнал объект недалеко от Московского вокзала и предложил подвезти его.

— Он шел быстро или медленно?

— Обыкновенно шел, товарищ Берия.

— Как реагировал на ваше предложение?

— Как все реагируют. Сначала удивился, а потом обрадовался.

— Сказал, куда едет?

— На Подьяческую.

Берия скрестил на груди руки, чтобы успокоить задрожавшие пальцы. До этого момента он мог утешать себя возможной ошибкой.

Но ошибки не было.

Худший диагноз подтвердился.

— Продолжай, — сказал Берия.

Рикша видел лишь поля шляпы, нижнюю часть очков и нос с подбородком.

— Я повез его.

— Что удалось узнать по дороге?

— Ему надо было отыскать знакомых, которые живут на Подьяческой.

— На какой Подьяческой! — вдруг завопил Берия.

Рикша не смог понять, что прогневило министра Госбезопасности.

— Он не сказал. Или не знал.

У стариков в Чистилище память никуда не годится. Рикша знал, что его задание — выслеживать обитателей Смольного. Кто куда пошел, к кому, зачем? Что касается доктора, то к рикше специально примчался велосипедист, велел догнать доктора и отвезти туда, куда тот пожелает. Рикша это и сделал.

— Я потом с ним пошел, пешком.

— Зачем пошел? — спросил Берия.

— Моя коляска по набережной не проходила. Я ее оставил и с доктором пошел.

— Как он к этому отнесся?

— Не знаю. Может, огорчился, а может, обрадовался.

— Идиот! Это же важно!

Слушая рикшу, своего давнего и полезного агента, Берия понимал уже, что виноват сам. Позволил Крошке говорить при докторе. Что-то доктора связывает с преступниками. И это нельзя пускать на произвол судьбы. В конце концов, не исключено, что доктор — один из этой компании, тоже враг, который копает под Берию. И тогда его нужно уничтожить. Уничтожить... а что тогда делать с операцией «Гадюка»?

— Вот именно, гадюка! — воскликнул Берия, чем удивил рикшу.

— Простите, вы ко мне? — спросил он.

— Ни в коем случае, — отмахнулся Берия. — Я придумал название операции. И неплохо получилось. «Гадюка»! Как тебе нравится?

— Очень нравится, — неубедительно произнес рикша.

— Тогда продолжай. Продолжай.

— По берегу канала Грибоедова мы пошли до Большой Подьяческой.

— Дальше, дальше!

Рикша вспоминал с трудом.

— Я много времени провожу на свежем воздухе, — сообщил он Берии. — Людям нужен свежий воздух и физические упражнения.

— Отлично, — взял себя в руки Берия. — Замечательно. Вы дошли до угла Большой Подьяческой улицы.

— Там что-то было, несущественное, но потом появилась женщина. Любовница доктора.

— У доктора любовница?

— Неприятная, одетая не по моде, грубая в обращении, короткое синее пальто, желтый берет. Когда я руководил учреждением, то никогда таких типов ко мне не допускали.

— Продолжай. — Берия из последних сил держал себя в руках. Ему смертельно надоели недоумки и вялые зомби — ни на кого нельзя положиться!

Рикша уставился на Лаврентия Павловича очень светлыми безумными глазами. Все остальное в нем — рамки. Серая рама — лицо, белая рама — космы.

— А меня они не взяли, — сказал он. — Обидно, правда?

— Куда не взяли? Ты не торопись, думай. Тебя обидели, не взяли. Потом появилась молодая женщина. И что она тебе сказала?

— Ничего, она даже разговаривать со мной не стала. В синем коротком пальто, черная ведьма!

— Куда тебя не взяли?

— Вспомнил! Они с доктором в подъезд вошли и закрылись. А я ведь стоял и слышал.

— Молодец! Что ты услышал?

— Она сказала — пойдем, я покажу.

— А он что сказал?

— А он еще раньше спросил.

— Что он спросил? Что?

— Мне нужно... он сказал, что ему нужно. Нет, нужен...

— Кто?

— Не кто — а что! — с торжеством ответил рикша. — Адрес ему был нужен!

— Чей?

— Этой самой... не помню! Я, знаете, плохо фамилии запоминаю. Мне не раз на это указывали ваши коллеги, Лаврентий Павлович. А вот ваше имя-отчество отлично помню. Потому что оно имеет значение.

— Спасибо. — Берия был мягок и вежлив — со стороны такой кажется пантерой, засевшей в кустах. Но мгновение — она соберется в снаряд и выстрелит собой. — Значит, доктору была нужна женщина, девушка, правильно?

— Как точно! Как прозорливо! — Рикша старался лестью защитить себя.

— А как выглядит эта девушка?

— Которая в подъезде?

— Которую искал доктор.

— Высокая, — сказал рикша, — худая, лицо простонародное, да, именно простонародное, но не лишенное красоты. Такое, знаете, точеное, профиль точеный, лоб широкий, высокий, головного убора не наблюдается. Куртка, именно куртка, такая же, как и у него...

— У кого? — Берия вцепился когтями в плечо рикши. Тот дергал головой, чтобы освободить прядь белых волос.

— Вы же сами сказали.

— У кого? — Берия не сдержался. Ударил ладонью рикшу по щеке. Не сильно, но злобно. Таким несильным ударом можно сорвать кожу со щеки.

Рикша сглотнул слюну, хлюпнул носом. Он не посмел заплакать или закричать.

— С кем была девушка?

— С молодым человеком.

Рикша говорил быстро и отрывисто, он боялся, что Берия ударит его снова.

— Как его зовут?

— Я его близко не видел. Они ко мне не подходили. Только доктор подошел.

— Не сходится, — сказал Берия. — Показания твои не сходятся. Получается, что доктор с этой... в желтом берете вошли в подъезд, а из подъезда вышла другая девушка, но ты ее близко не увидел?

— Нет. — Рикша даже руками замахал. — Они в подъезде посекретничали и вышли, прошли по Большой Подьяческой, зашли в дом номер двенадцать, пробыли в нем полчаса, а потом вышли уже вчетвером.

— Вот! — обрадовался Берия. — Всех вас лупить надо! Пока не применишь физического воздействия, вы все путаете.

Голос был строгим, но не грозным, даже скорее печальным. Берия вроде бы жаловался рикше на то, с какими бестолочами ему приходится работать.

— Вот именно, — обрадовался рикша, который понял, что больше бить не будут.

— Номер двенадцать?

— Большая Подьяческая, дом номер двенадцать; над подъездом надпись по-латыни, одно слово — «сальве».

— Сальве, — повторил Берия. — И куда они пошли?

— Трое — по улице прочь, а доктор подошел ко мне и поехал обратно.

— Девушку и парня узнаешь?

— Непременно, — сказал рикша.

— Тогда иди отдыхай. Катайся по городу, поближе к каналу Грибоедова. Если что-то узнаешь, сразу возвращайся на пост.

Рикша кивнул. Он знал, что Лаврентий Павлович установил посты на расстоянии километра. Постовые были снабжены хорошими велосипедами, и если получали донесение, то могли понестись стрелой, и Берия получал сообщение куда быстрее, чем другие консулы и даже Верховный вождь. Которого уже не было на свете.

Берия позволил себе легко улыбнуться. Улыбка у него была

жуткая, узкогубая, губы разъезжались в стороны и становились нитью.

Рикша вышел.

Берия задумался.

Глава 9

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Берия не сомневался в том, что рикша видел именно ту девицу, которую надо поймать. И ее спутника, который представляет большую опасность, чем девица. Это он забирался под потолок зала и слушал, о чем говорят консулы. И мог наслушаться ненужных для мелких людей подробностей.

Крошка, конечно же, опоздает со своими сообщениями — ей надо встретиться с генералом, разговорить его... А тут судьба подарила адрес опасной девицы.

Время поджимало.

Надо было серьезно поговорить с доктором и понять, случайно он вляпался в эту историю или он давнишний предатель.

Надо было послать экспедицию на поимку девицы и ее спутника.

Что сделать сначала?

Берия вызвал к себе сержанта и приказал ему отправиться в Шахматный клуб на Елагин остров, взять там двух человек и привезти в Смольный. И собрать свободных людей внизу, ждать приказаний.

Сам спустился в лабораторию.

Если вызвать доктора к себе в кабинет, тот будет готов к разговору, соберется, придумает ложь.

Нет, брать его надо тепленьким, сонным, из постельки. Недаром столько лет чекисты работали без ошибок — надо арестовать врага на рассвете, и он поплывет.

В лаборатории все было тихо.

Доктор сидел за рабочим длинным столом, уткнувши длинный нос в микроскоп. Тварь проклятая!

Остальные — оба ассистента и санитары — тоже занимались какими-то делами...

— А ну, все долой! — закричал Лаврентий Павлович. — Долой из комнаты! Катитесь!

Белые халаты побежали, кто как мог, к двери.

А Берия смотрел на Леонида Моисеевича.

Доктор сразу уменьшился, съежился, он не был отважным человеком и ждал этого визита. Не знал, как Берия расправится с ним, но не смел надеяться на то, что его отсутствие прошло незамеченным.

Берия медленно подошел к доктору, изображая статую командора, хотя оценить медленную поступь было некому.

— Ты знаешь, что пришел твой последний час? — спросил Берия, точно как командор.

— Лаврентий Павлович!

— Молчать! На колени!

— Что вы сказали? — Приказ Берии не дошел до испуганного сознания Леонида Моисеевича.

Берия толкнул доктора, сильно, расчетливо, так, чтобы тот, падая, не задел стол с препаратами и приборами — стол был нужен.

Доктор грохнулся на пол, сел и постарался сразу подняться.

— Где они? — зарычал Берия.

— Кто они?

— Где твоя подружка Люся Тихонова и ее хахаль? Немедленно отвечай! Не ответишь — убью. И ты знаешь мою биографию, я умею убивать, а такую мразь, как ты, я давлю походя!

Слова были банальными, как из дурного фильма, но в этом мире не было фильмов, и Леониду Моисеевичу, человеку, всю жизнь страшно боявшемуся драк, физического насилия, не пришло в голову, что у него есть иммунитет от бериевских угроз. Пока доктор — единственный носитель тайны вакцины, которая позволяет хотя бы на несколько дней остаться там, наверху, Берия не посмеет ничего с ним сделать.

Где-то Леонид Моисеевич читал формулу Солженицына: «Не верь, не бойся, не проси».

Формула касалась поведения на допросе. Потому что все следователи устроены совершенно одинаково. Они пугают, обманывают и ждут, когда ты попросишь милости.

Хорошо пользоваться этой формулой в разговоре на кухне или хотя бы в комнате участкового.

Но когда тебе угрожает смертью сам главный чекист Советского Союза, то лучше ничего не слышать, умереть, провалиться сквозь мраморный пол...

Берия подцепил доктора за рукав халата и стал тянуть наверх, чтобы тот встал. Поднять доктора отвыкшему от физических упражнений Лаврентию Павловичу было нелегко. Тем

более что доктор не хотел ему помогать и, как маленький капризный ребенок, которого бабушка хочет посадить за стол есть манную кашу, сопротивлялся пассивно, но эффективно.

Берия отпустил доктора и стал шарить по столу в поисках тяжелого предмета, отыскал ступку и поднял ее, чтобы раздробить доктору голову, и тот закрылся руками.

И тут вошел охранник из старых и сказал:

— Люди ждут приказаний.

— Знаешь рикшу? — спросил Берия, кладя на стол ступку и сразу сбрасывая с себя личину страшного палача.

— Так точно.

— Он ждет у выхода. Он покажет вам, как доехать до Большой Подьяческой. Задерживайте там всех подозрительных. Но главная добыча и моя личная благодарность: молодая девушка по имени Людмила Тихонова. Ты запомнишь или мне самому для них повторить?

— Обижаете, Лаврентий Павлович, — сказал охранник.

— Слава богу, хоть один нашелся. С этой девкой должен быть парень. Он мне нужен еще больше. Запомнил?

— Запомнил.

— Все дома осмотреть. Они могут сменить квартиру: подозрительные, черти!

Берия обернулся к сидящему на полу доктору:

— Они сменили квартиру?

И вопрос оказался столь неожиданным, что доктор, не ожидая того, ответил:

— Конечно, сменили!

— И далеко переехали?

Доктор замолчал. И даже удары ногой, носком ботинка, вполне болезненные, не смогли заставить его заговорить.

— Большего мне от тебя и не нужно, — сказал Берия. — Ты обречен. Вставай и работай.

— Я не буду работать.

Охранник от дверей спросил:

— Нам можно идти?

— Так чего волыните? Идите, и поскорее! Летите, молодцы!

Берия вновь занялся доктором.

— Подумай, Фрейд, — сказал он. — Ты мне нужен, пока полезен. Только попробуй устроить забастовочку! У меня еще есть доктор, подобрал его в Москве. Он тоже вакциной занимается. Может, еще не всего достиг, но завтра достигнет. Главное — желание.

И лишь тут доктора посетило озарение: нет у Берии никакого другого доктора, не может он без Леонида Моисеевича обойтись! Потому-то он так гневен.

— Ты теперь ходишь по ниточке, — сказал Берия. — Никаких ошибочек, никакого вредительства. Твои ассистенты — мои люди, над твоей головой — видишь дырку? — сидит наблюдатель. Так что делай выводы.

Доктор медленно поднялся на ноги.

Куда медленней, чем мог.

— Мне трудно, — сказал он с трудом, — мне трудно работать... мне надо отдохнуть. После ваших избиений мне нужно отдохнуть.

— Сначала ты мне все расскажешь: откуда знаешь Людмилу Тихонову, почему побежал к ней, кто за ней стоит... Я из тебя вышибу сведения. А потом отдохнешь на своем рабочем месте.

Берия был все еще уверен в своей силе, не замечая, что доктор уже меньше боится его, что доктор догадался: Берия его не убьет.

— Ну! — крикнул Берия.

Доктор смотрел куда-то за его плечо.

Берия резко обернулся.

Там стоял один из велосипедистов, в левой руке держал арбалет, правый рукав был распорот, и по нему струилась кровь.

Жидкая кровь Чистилища.

— Что? — спросил Берия, отступая. Он терял смелость, когда видел кровь и оружие.

— На нас напали, — сказал велосипедист.

— Кто? Кто посмел?

— На нас напали люди Клюкина, — сказал велосипедист. — С ними монахи. А у нас мало людей...

— Где люди, где?

— Вы послали людей в город, искать преступников.

— Эх, черт! — Берия сообразил, что ошибся, забыл об опасности, о возмездии за Ларису.

Он вышел в коридор, велосипедист отстранился, чтобы не испачкать кровью Лаврентия Павловича.

Главное, как понимал Лаврентий Павлович, — быстро провести в Смольный Майоранского и Лядова, чтобы они не попали в руки напавших. Остальное уладится...

В коридоре у дверей стояли тесной группой ассистенты и санитары.

И два охранника.

— Оружие есть? — спросил Берия у Гоглидзе, старшего из ассистентов.

— В шкафу. Тесаки и два арбалета, — сказал Гоглидзе.

— Вооружи людей, запри дверь, чтобы до ваших приборов и до доктора никто не добрался. Все ляжете, а доктора сохраните, ясно?

— Мы постараемся, Лаврентий Павлович, — сказал Гоглидзе, который считал себя дальним родственником Берии. Он получил образование и раньше в Госбезопасности не служил. Только здесь вступил в ряды, по необходимости.

— Ты за мной! — велел Берия раненому велосипедисту.

Пока они шли по коридору к лестнице, Берия допрашивал велосипедиста:

— Что произошло? Сколько их? Сколько наших? Какие потери?

Велосипедист отвечал неуверенно, да и понятно — он был в парке, на обходе, когда к Смольному побежали монахи. Он выстрелил раз, вроде бы кого-то убил и тут же получил стрелу. Еле смог добраться до Смольного.

Эх, сержант поведет шахматистов через главный вход! Он же не подозревает, что на Смольный напали.

В бою у Смольного произошел перерыв, пауза, в которой нападающие искали новые пути к овладению цитаделью большевиков, а защитники зализывали раны и решали проблему — убежать или сражаться.

Появление Берии несколько изменило настроение его войска.

Он даже кричать не стал.

Он прошел к тем велосипедистам, что охраняли входные двери и дежурили у окна первого этажа. Он говорил так:

— Ребята, они пришли, чтобы всех убить. Жестоко и безжалостно. Убегать нам некуда. Они выследят нас поодиночке и затравят как зайцев. Мы можем остаться в живых и существовать дальше, если не пустим их внутрь. Ясно вам?

— Ясно, — ответил за всех сержант. — Но что делать? Поглядите, сколько их.

Берия посмотрел в окно. Нападающие не скрывались.

Справа стояли толпой черные монахи владыки Никифора, человек тридцать. Слева — ополченцы Клюкина. Их было меньше, но Клюкин снабдил их бронежилетами и кольчуга-

ми — что удалось добыть по музеям — и даже шлемами. Они и вооружены были посерьезнее.

Вожди стояли сзади своих армий: Клюкин с Грацким, Никифор с Победоносцевым.

На земле между ними и зданием лежали два тела — оба велосипедисты Берии. Если кто-то погиб или был ранен у монахов или ополченцев, их оттащили за боевые порядки.

Как раз между армиями тянулась дорожка, что вела к Смольному.

На ней вот-вот могли показаться шахматисты — и это будет катастрофой, вряд ли сейчас Клюкин и его союзники помнят о договоренностях недавних часов или дней. Их не так волнует поход в Верхний мир, как желание разделаться с Берией.

Наверное, не стоило там, у Биржи, убивать Ларису и Чаянова, из тактических соображений не стоило, — но момент был слишком удобным, чтобы им не воспользоваться. Не удержался он. Как тот скорпион. Да-да, именно как тот скорпион.

Но ведь сделал он это в надежде на то, что вину свалят на сумасшедшего солдата.

Почему же так не подумали?

Почему решили, что виноват Берия?

Он же ушел оттуда сразу, и никто его не видел.

Можно попытаться переговорить врагов, не доверяя им, разумеется, и не ожидая доверия с их стороны.

— Тащите пушку, — приказал Берия.

— Ах, боже мой! — откликнулся сержант. — Ну как же мы... ну прямо головы садовые!

И он принялся кричать на велосипедистов, заставил троих побежать за ним на склад.

А Берия тем временем велел принести рупор.

Рупор часто использовался в Смольном. Берия любил кричать или приказывать в него, чтобы голос грохотом пустых бочек катился по коридору.

Берия подошел к окну, в нем давно не было стекол.

Он крикнул в рупор:

— Клюкин, ты чего сюда пришел?

— Сдавайся, Лаврентий! — откликнулся Клюкин. — Тебе все равно не жить. Ты зачем убил наших товарищей?

— Каких товарищей?

— Не крути, Лаврентий. Ты головы в Невку кинул, тебя видели.

— Клянусь, что я не имею никакого отношения к этим событиям. Я даже не знаю, умерла ли Лариса или ты шутишь.

— Дай сюда! — Клюкин выцарапал арбалет из рук своего солдата и выстрелил в Берию.

Стрела не долетела до здания и косо вонзилась в голую землю.

Тут же по ступенькам лестницы сбежал один из велосипедистов Берии и поднял стрелу.

— Не смей! — закричали солдаты Клюкина.

— Брось вещь! — кричали монахи.

Некоторые даже побежали к велосипедисту, но тот успел вернуться в Смольный, а когда другой солдат приблизился к ступенькам, он получил стрелу в грудь — велосипедисты были наготове.

— Молодец! — крикнул в рупор Берия.

Он видел, что его армия подготовлена к бою куда лучше.

И понятно — он учил велосипедистов воевать, и им приходилось и стрелять, и убивать людей... а солдаты Клюкина были декоративными.

В коридоре послышался грохот.

Катили сооружение, созданное еще в давние времена, когда в городе воевали банды.

Это была катапульта. Ее называли пушкой.

Если оттянуть ложку, то она, освободившись, метала вперед горсть металлических шариков или гравия.

— Клюкин, уходи! — крикнул Берия.

— Сдавайся, убийца! — крикнул Клюкин.

— А вам что здесь делать, братья? — спросил Берия монахов. — Шли бы молиться.

— Эй! — завопил Клюкин. — Войско, к бою готовься! Вперед на штурм преступника и убийцы Лаврентия Берии, объявленного вне закона в обоих мирах, шагом марш!

И тут забил настоящий барабан. Берия даже не знал, что у Клюкина есть барабанщик, и это ему не понравилось. Организуются, сволочи!

Войска союзников направились в бой.

Берия велел своим велосипедистам держать наготове холодное оружие.

— Подпускай их поближе, — сказал он, бросив рупор на пол. — Подпускай, но без моего приказа не стрелять.

Пушку-катапульту подтащили к дверям, но не открывали их.

Велосипедист, который знал, как из нее стрелять, насыпал в ковш гравия и гвоздей.

Берии было трудно поверить, что такая большая, но серьезная на вид игрушка может причинить какой-то ущерб. Притом он понимал, что выстрелить из пушки можно единожды, так что следует подождать, когда нападающие собьются в кучу на лестнице.

Берия стоял рядом с пушкой, затем подошел к дверям, но высовываться не стал.

У нападающих были в основном луки и пращи, а также всякого рода копья и топоры — это была армия каменного века. Ее оружие было примитивным.

А войны, если и случались, не могли зваться войнами — были стычки между бандами.

Настоящее оружие сюда не попадало. А если и попадал пистолет, он отказывался работать. Потому солдат у Биржи мог расстрелять патроны, что были в автомате, но, перезарядивши автомат, он ничего не добился. Оставалось использовать оружие как дубинку.

Несколько стрел влетело внутрь Смольного.

Они добрались до цели на излете, так что вреда не причинили.

Нападающие шумели зловеще и громко.

Особенно монахи, которые пели какой-то гимн или псалом, слов не разберешь, но понятно, что пощады ждать не приходится.

Монахи шли подобием римского легиона, сплоченными рядами, локоть к локтю. Они были похожи друг на друга, только бороды у одних отросли немного, а у других так и не выросли.

Солдаты Клюкина подтягивались с боков, они-то и стреляли из луков и кричали разрозненно, но боевито.

Берия уже видел рожи, разверстые в криках рты, бешеные, но тусклые глаза...

Вот они начали подниматься по лестнице.

Берия мысленно торопил их.

Он ждал, что вот-вот вдали, от ворот, появятся его шахматисты, его главное сокровище.

От волнения и ожидания в глазах Берии все начало двигаться замедленно.

И чем более он торопил нападавших, тем медленнее они передвигались.

Но вот они уже в опасной близости от дверей.

Еще несколько шагов, и они ворвутся внутрь.

Тогда не устоять.

Уже начали отступать оробевшие велосипедисты.

И тогда Берия закричал:

— Огонь!

Он вообразил себя героем Бородина, офицером, поднявшим руку в белой перчатке.

Сейчас рванут огнем сотни пушек его батарей.

— Огонь же!

И велосипедисты отпустили ковш, он рванулся кверху, ударился с размаху о железную балку и метнул металл и камни в толпу.

Берия и сам не ожидал такого эффекта.

Ревущая толпа словно наткнулась на стеклянную стену.

И если передние начали падать назад, так как каждого из них поразило несколько пуль, задние не понимали, что случилось, и еще несколько шагов они пронесли погибших и раненых товарищей вперед.

— Заряжай снова! — закричал Берия.

Он был в восторге. Ему хотелось прыгать, только ноги не слушались.

Пораженных было больше, чем тех, кто уцелел, но не все из упавших умерли, большей частью они были ранены или контужены.

— Ну что вы? — Берия понимал, что время — его враг. Нужно выстрелить еще раз, через три минуты враги опомнятся. — Стреляй же! — крикнул Берия. — Пли!

Но пушка не выстрелила.

Канониры оттягивали обратно ложку. Сзади стоял мужик, прижимавший к груди тяжелый мешочек с пулями.

— Вперед! — закричал тогда Берия. — Молодцы! Вечность смотрит на нас от стен Москвы! Враг не пройдет! Да здравствует товарищ Сталин!

И тут он увидел, что вдали от ворот идут трое — шахматисты и велосипедист, которого он посылал за ними.

Все! Ваше время истекло.

И Лаврентий Павлович совершил то, чего не совершал никогда в жизни.

Он повел за собой армию в бой.

Всегда он благоразумно следовал совету Чапаева из одноименного фильма: командир должен оставаться позади своих войск, чтобы видеть весь бой и руководить им, стреляя, если надо, в спину припозднившихся соратников.

Но никогда еще у него, да и у Чапаева, не возникало такой критической ситуации.

Видя, как шеф побежал по ступенькам, перепрыгивая через копошащиеся тела врагов, как развевается его длинное пальто, как твердо и прямо возвышается на его голове непримятая шляпа, велосипедисты и охранники почувствовали невиданный прилив сил, словно красноармейцы, увидевшие, что в бой их ведет лично Иосиф Виссарионович.

Они обгоняли его, размахивая саблями, стреляли из арбалетов и были столь неудержимы, что толпа монахов и клюкинских необученных пехотинцев кинулась назад, смела Клюкина, завертела и понесла с собой владыку Никифора и покатилась по асфальтовой дорожке.

Завидев эту лавину, шахматисты благоразумно отступили в сторону и спрятались за толстым стволом мертвой липы.

Берия остановился первым и крикнул велосипедистам, чтобы не гонялись за врагами, а вернулись к лестнице и прикончили раненых и убитых.

Шахматисты были в недоумении.

— Что у вас происходит, Лаврентий Павлович? — спросил Майоранский.

Эдакий отвлеченный академик, мухи не обидит.

— Беспорядки, — ответил Берия. — У нас развелось самозванство.

— Ах, опять смутное время, — сказал Майоранский сочувственно.

— Лаврентий Павлович, — позвал велосипедист. — Смотрите, кого пулей задело.

Лаврентий Павлович сразу повернулся к лестнице.

На лестнице лежал консул Грацкий.

На лбу ссадина, на щеке кровь, консул тяжело дышал. Он был ранен.

— Что делать? — спросил велосипедист.

Вокруг происходило страшное действо, схожее с тем, как промысловики добивают котиков на Командорских островах.

Велосипедисты проламывали черепа, а то и отрубали головы павшим на лестнице.

— Спокойно! — велел Берия велосипедисту.

— Что делать? — спросил промысловик.

Берия вытащил из-за пояса острый длинный нож, которым обезглавил Чаянова и Ларису. Он протянул его рукоять к сотруднику.

— Голову, — шепотом сказал он. — И быстро!

Велосипедист был из старых чекистов, все понимал с полуслова. Он опустился на колени, прикрыл спиной Грацкого и в два сильных удара отсек ему голову. Грацкий только подтянул колени к животу и вытянул их, будто засыпал.

Потом чекист поднялся, вытер лезвие ножа о плащ и протянул нож Берии.

— Молодец, — произнес тот.

Потом посмотрел на шахматистов.

Майоранский жадно глядел на умерщвление, а Лядов отошел повыше и читал памятную доску возле входа.

Ну что ж, сказал себе Берия, неплохой выдался день. Совет консулов уменьшился вдвое.

Нет Верховного, Чаянова. Нет Ларисы Рейснер, а вот теперь к ним присоединился и Грацкий, человек пустой и никому не нужный.

К сожалению, Клюкин и владыка Никифор успели сбежать с поля боя. Еще остается Победоносцев.

И конечно же, Берия Лаврентий Павлович.

Нет никакого смысла дополнять или переизбирать консулов, потому что в любом случае тогда у врагов будет большинство. Они уверены, что Берия убил Чаянова. И не простят, потому что боятся. Трепещут.

Обойдемся без них.

Будем ликвидировать поодиночке.

Это совсем не так сложно в этом пустом мире. Только надо внимательнее относиться к собственной безопасности. Никому не доверяй. Предатели водятся в любой норе. Даже в самом сердце империи.

Моей империи.

Империя — неправильное слово.

Мы будем создавать великую мировую державу. Советский Союз, ту самую, за которую выхаркивал легкие Дзержинский и погиб Владимир Ильич.

Советский Союз.

Единственный, неповторимый, преданный и разбазаренный ничтожествами. Которые понесут Кару.

— Пройдемте внутрь, — сказал Берия.

Он посмотрел на чекиста. Тот приподнял брови и расправил плечи, как бы прося шефа отдать приказ.

— Возьмешь мешок, — сказал Берия, — и отнесешь голову Грацкого ко мне в кабинет.

— Слушаюсь.

— Поставь несколько человек с арбалетами у входа. Пускай смотрят. Чтобы снова к дверям не подпускать... И еще, как только уберут трупы, пускай собирают пули и снова зарядят пушку. Это не последнее нападение.

— Скоро они не сунутся, — ответил велосипедист.

— Пушку держать заряженной и возле нее — человека, так сказать, держи порох сухим. Так нас учил Суворов.

— Так точно, товарищ министр!

Берия оглядел подходы к Смольному: окровавленные ступени, трупы, вестибюль, в котором, запрокинув ложку, стояла нелепая пушка. Все вроде в порядке. Все охвачено внимательным взглядом вождя.

Глава 10

ДОКТОР ФРЕЙД

В подвале диспозиция не изменилась. Так как время в Чистилище идет лишь индивидуально, люди, пожившие там, привыкли к пассивности перед его лицом. Привыкли ждать, пока что-нибудь не случится. И хоть лаборатория доктора Фрейда была одним из немногих живых уголков того мира, санитáры, ассистенты и охранники, которых Берия оставил перед дверьми, впали как бы в кататонию и замерли, но не заснули, а проводили время в ожидании того, о чем не имели представления.

Появление Берии в сопровождении двух незнакомых мужчин вернуло всех к жизни, как обитателей заколдованной пещеры после того, как принц поцеловал спящую царевну.

— Все в порядке, — сказал Берия. — Всем оставаться на местах. Гоглидзе, доложи, беспорядков не было?

— Не было, Лаврентий Павлович, — ответил самозваный родственник консула. — Леонид Моисеевич молчит.

— Его счастье, — заметил Берия и открыл дверь.

Доктор сидел за столом, что-то писал.

— Встать! — крикнул Берия.

Доктор послушно поднялся.

Это успокоило Лаврентия Павловича, который боялся бунта на корабле.

— Закройте за собой дверь, — приказал Берия шедшему последним Лядову.

Тот осторожно, чтобы не хлопнуть, прикрыл дверь.

Берия прошел к центру зала. Остановился возле рабочего стола, не доходя нескольких метров до доктора.

— Познакомьтесь, — сказал он. — Доктор Фрейд. Наш медицинский гений. Леонид Моисеевич. Уже давно не покладая рук трудится над тем, как нормальный человек может оказаться в Верхнем мире, то есть там, откуда мы родом, и не погибнуть в первые же часы. В этом смысле он ваш коллега.

Леонид Моисеевич поклонился. Люди, которых привел Берия, были ему незнакомы.

— Профессор Майоранский, — представился первый.

— Лев Яковлевич, — уточнил Берия.

Доктор увидел солидного, хоть и небольшого размерами профессора. На нем было написано слово «профессор». Бородка клинышком, длинные, но в меру, волосы в проседь, щечки, сохранившие пухлость. Глазки прозрачные, но неуловимые из-за постоянного мелкого движения зрачков. Костюмчик поношенный, сшитый на другого, стройного мужчину, а у этого было брюшко. Это не его костюм, Майоранскому не удалось бы растолстеть в этом Чистилище.

Второй человек, которого Берия представил как Лядова, но имени не называл, был невысок, худ и подтянут, лицом похож на Суворова средних лет, даже с хохолком.

— Вот этим вашим коллегам, — сказал Берия, — вы и сделаете вакцину, которая позволит им без всякого вреда для жизни провести неделю наверху, выполнить свое задание и вернуться не только живыми, но и здоровыми.

— Но только не неделю! — возразил Леонид Моисеевич. — Три дня я гарантирую. Но не неделю. Это опасно.

— А вот если будет опасно, Леонид Моисеевич, — предупредил Берия, — то спросим с вас.

— Но нам-то тогда уже будет все равно, — заметил с улыбкой Лядов.

Улыбка у Лядова была язвительная, под стать хохолку. Может, он и знал, что похож на Суворова, вот и носил в себе язвительность.

— Придется вам управиться с делом за три дня, — сказал доктор.

— Пять дней, и ни минутой меньше! — заявил Берия. — Постараешься, бандит долбаный!

— Как? — удивился Леонид Моисеевич. Даже в том жестоком мире никто его еще так не называл. — Почему я кажусь вам бандитом, Лаврентий Павлович?

— Потому что ты и есть бандит. Мой любимый, дорогой бандит. Прошу любить и жаловать — мой друг. — Берия засмеялся. Этого он делать не умел.

В дверь просунулась толстая белая морда велосипедиста в ржавом немецком шлеме.

— Там снова лезут, шеф. Вы не посмотрите?

— Иди, сейчас буду. Из пушки без меня не стрелять.

Берия обернулся к своим шахматистам.

— Доктор Фрейд для вас — старший товарищ и коллега. Слушайтесь его, потому что он не сделает вам дурного.

— А если сделает? — спросил Лядов.

— Во-первых, вы сами во всем разбираетесь, — сказал Берия. — Во-вторых, у вас нет выбора. Я ему доверяю, и вы будете доверять. Вы же из одной компании.

— Разве? — взвился Майоранский. — Я никогда не был в компании с Леонидом Моисеевичем. И не стремился к этому.

— Хватит разговорчиков! — рявкнул Берия, который почувствовал, что зашел слишком далеко в своем либерализме. — Фрейд, начинайте свои опыты. Гоглидзе! Где Гоглидзе? Помогай доктору и смотри, чтобы шахматисты не мешали работать.

И Берия поспешил к выходу, чтобы пресечь очередную попытку конкурентов оспорить его власть.

Майоранский пошел по лаборатории. Он трогал приборы, поднимал пробирки, ему доставляло удовольствие вновь оказаться в привычной атмосфере.

— А где центрифуга? — вдруг спросил он.

— На кой ляд центрифуга алхимикам и колдунам? — ответил за доктора Лядов.

— Вы не правы, — сказал Гоглидзе. — Центрифуга есть в том помещении, только она приводится в движение человеческой силой.

— А какой же еще! — сказал Лядов.

Доктор выпрямился и вздохнул. Он начинал работу.

— Я не имею чести быть с вами знаком, — сказал он. — Но полагаю, что мы с вами коллеги.

— До некоторой степени, — ответил Лядов.

— Это не совсем так, — сказал Майоранский. — Вряд ли вы можете на это претендовать. Должен сказать вам, что в прошлой жизни я занимал достаточно важное место в биологической науке. Моя лаборатория была снабжена лучшим отечественным и импортным оборудованием и аппаратурой.

Его казенный язык не вязался с бородкой и брюшком. Казалось бы, он должен быть изысканно интеллигентен, он говорил, как недавно приехавший с юга партийный выдвиженец.

Лядов этого не замечал, но Леониду Моисеевичу воляпюк Майоранского резал слух.

— Сначала Гоглидзе возьмет у вас кровь на биохимию, — сказал доктор. — Надеюсь, вам известна эта процедура.

— С какой целью?

— Кровь индивидуальна. Даже здесь. Вам приходилось видеть, что она собой представляет?

— Что меня может удивить? — спросил Майоранский.

— Вы видели кровь без лейкоцитов? — спросил Леонид Моисеевич. — А вы знаете, что происходит с вашим гемоглобином?

— Это любопытно, — сказал Лядов. — Давайте же займемся, не будем тянуть время.

— Твой поезд без тебя не уедет, — заметил Майоранский.

— Чем скорее я покину этот мир, тем лучше, — сказа Лядов.

— Чтобы вернуться сюда?

— Может быть, я хочу умереть там.

— Хватит этих разговорчиков при посторонних, — оборвал его Майоранский. — У нас с тобой задание, важность которого трудно переоценить. Я полагаю, что за последние сотни лет судьба никому еще не давала такого преимущества.

— Ты считаешь это подарком судьбы? Ты — злобный гордец!

Доктор подумал, что слушает отрепетированный и многократно повторяющийся спор. Здесь, в мире без времени, можно было спорить бесконечно.

Но слова Майоранского доктора насторожили, может быть, потому, что он готов был услышать что-то необычное и опасное для человечества. Ведь в любом случае все это — ин-

трига Берии, причем задуманная давно и на несколько шагов вперед.

В первое время доктор думал, что Берии нужно добыть что-то из человеческого мира — может, пушку или какой-нибудь яд, — что-то недоступное здесь и могущее способствовать росту его могущества.

Но что?

Если говорить поменьше и слушать побольше, они обязательно проговорятся.

Доктор был прав.

Ошибка Берии, который думал, что все предугадал, заключалась в том, что он не предупредил шахматистов: доктор — чужой и даже опасный человек. И они восприняли его как союзника Берии. И не считали нужным перед ним таиться.

— Вам придется передвигаться? — спросил доктор.

Лядов лег на накрытую белой простыней койку, Гоглидзе принес иглу и пробирку для крови.

Майоранский следил за тем, как Гоглидзе берет кровь на биохимию.

Он чуть вздрогнул, когда игла вошла в сгиб руки и капелька жидкой крови образовалась у места укола.

— Вы куда-то поедете? — спросил доктор.

— Конечно, поедем, если бы это была просто прогулка, вашей помощи бы не потребовалось, — сказал Майоранский.

— Я спрашиваю, — произнес доктор, глядя, как Гоглидзе отошел от Лядова, — потому что должен понять, как составлен ваш график. Сколько вам находиться в пути и когда вы сможете возвратиться.

Лядов сел на койке, зажал согнутой рукой клочок ваты, который ему дал Гоглидзе, потом встал и отошел.

— Ваша очередь, маэстро, — произнес он, приглашая Майоранского занять его место.

Майоранский послушно улегся.

— Мы поедем на поезде, — сказал Лядов. — Какое счастье! Как вы думаете, какое сейчас время года?

— Осень, — ответил доктор. — По докладам Службы точного времени. Они отсчитывают время от Новых годов. Как появляются новые люди оттуда, так и начинаем Новый год.

— А то оденешься в тулуп, а тебя спросят: вы из какого психатория к нам заявились? — засмеялся Лядов.

— Больно же! — закричал Майоранский. — Вас что, не учили, как надо вводить иглу в вену?

— Извините, — сказал Гоглидзе. — Бывает, у вас вены не выражены.

— Хотел бы я с вами отправиться, — сказал доктор. — Хоть глазком поглядеть на живой мир!

— Я разделяю вашу позицию, — сказал Майоранский, — ибо она увеличивает наши шансы на выживание. Ведь медицинский контроль нам просто необходим. К тому же и на месте лишние руки нам пригодятся.

— А ты поговори с Лаврентием Павловичем, — сказал Лядов. — Вдруг он согласится?

— Нет, — ответил доктор. — Он никогда не согласится, потому что я ему здесь нужен.

— Я понял, — сказал Лядов. — Он надеется, что ты выкуешь победу в горячем цехе завода «Серп и молот»!

— Да, он надеется, что я смогу усовершенствовать вакцину. Но я не смогу, — сказал Леонид Моисеевич. — И знаете почему? Совершенно нет не только оборудования, но и препаратов. Ведь наши задачи решаются только на генетическом уровне, а я даже не могу пользоваться электронным микроскопом.

— Чепуха получается, — сказал Лядов. — Какого черта проводим диверсию, если не можем занять тот мир?

— Для того чтобы править, не обязательно жить среди колхозников, — загадочно ответил Лев Яковлевич.

Доктор отошел к своему рабочему столу.

Перед ним были две пробирки с кровью шахматистов.

Куда они едут? Наверх. Что будут делать? Что-то негодное. Они же преступники.

— Давайте, — сказал доктор, — будем считать всерьез, сколько вам добираться до места и сколько времени вы будете там находиться. Нужно все рассчитать с максимальной точностью.

— Давайте, — согласился Лядов. — Вы не слушайте Майоранского, он там не бывал. А для меня это — вторая родина.

— Начнем сначала, — сказал Леонид Моисеевич. — Где находится ваш канал?

— Канал? — не понял Лядов.

— Дыра. Отверстие. Где вы перейдете в тот мир.

— Черт его знает, — сказал Лядов. — Как-то разговора об этом не было.

— И не надо об этом говорить вслух, — нравоучительно заметил Гоглидзе.

Он все почесывал верхнюю губу, ждал, когда появятся усики. Но надежды уже не осталось.

Он вел себя как оголтелый щенок при большом псе. Смотрите, какой я наглый и отважный!

Но без большого пса поблизости Гоглидзе терял отвагу.

Хотя не забывал напоминать о своей преданности.

Вот сейчас — он не столько охранял Тайну, сколько хотел показать всем, что ее охраняет.

— Гоглидзе, — раздраженно сказал доктор, — займитесь своим делом! У вас препарат погибнет. Тогда я буду вынужден вас уволить!

— Еще неизвестно, кто кого уволит.

— Гоглидзе!

Лядов хихикнул.

Гоглидзе насупился, отвернулся. Майоранский, битый, сидевший, никому не верящий, усомнился, допущен ли доктор Фрейд к большим тайнам. Так что не надо с ним откровенничать. Не исключена провокация.

— Хорошо, — сказал доктор. — Будем считать, что отправной пункт в пределах Ленинграда. То есть вы выйдете наверху у Николаевского вокзала.

— Московского вокзала, — поправил доктора Майоранский.

— Я давно здесь живу, — ответил доктор. — Не за всеми переименованиями могу уследить.

— Какую роль могут сыграть ваши расчеты? — спросил Майоранский. — Не все ли равно, куда мы поедем.

— Вы, как мне дал понять Лаврентий Павлович, мой коллега, биолог?

— Экспериментатор, — признался Майоранский.

— Постарайтесь представить себе, что я должен ввести вам вакцину, которая по-разному будет реагировать на окружающую среду. Если вы окажетесь на Северном полюсе, я должен делать одни расчеты, если в тропиках — иные.

— Какие у нас тропики! — засмеялся Лядов. Лицо его не было приспособлено для смеха, и поэтому получалась кривая гримаска. А так как Лядов любил смеяться и шутить, то его лицо часто становилось противным. Он сам этого не знал. А если бы не смеялся, оставался бы милым суворчиком.

— Я рискую только своей научной репутацией, — сказал Леонид Моисеевич. — Вы — своей жизнью. Так что я больше

не задаю вопросов и делаю вакцину для среднерусских условий.

— Вы даже не знаете, какое время года там, наверху? — насторожился Майоранский.

— Леонид Моисеевич пошутил, — быстро сказал Гоглидзе. — Мы все время получаем сводки погоды и календари из Службы точного времени.

Гоглидзе показал на стену. Над его головой на гвоздь была наколота стопка вырванных из блокнотов и тетрадей листков.

— И какое же сегодня число? — спросил Лядов. — Интересно узнать.

— Осень уже вступила в свои права. Листья желтые кружатся, — сказал доктор.

— У нас на Валдайской возвышенности грибов много, — произнес Лядов. — Опята пошли...

— А точнее? — спросил доктор.

Он решил, что любой ценой — хитростью ли, шантажом — вытащит из своих коллег правду о цели их путешествия.

Ничего хорошего он от него не ждал.

Вернее всего, Берия намерен каким-то образом распространить свою власть на всю Землю. Но как?

В этой версии не все состыковывалось.

Во-первых, вакцина действует лишь два-три дня — дальше удерживать распад не было физической возможности. По крайней мере доктор этого добиться не мог.

Во-вторых, у Берии попросту не было сил, чтобы захватить Верхнюю Землю. Значит, все это пустой номер?

Но тем не менее Берия кинул все силы на то, чтобы отправить двух своих клевретов в живой мир. Хотя бы на три дня.

Значит, они должны совершить там, наверху, нечто ужасное.

С помощью вакцины Леонида Моисеевича...

— Доберемся, определимся, — сказал Майоранский.

— Значит, вы садитесь в поезд и едете туда? — спросил доктор.

— Примерно так, — ответил Лядов.

— Это может оказаться не так просто, — сказал доктор.

— Почему же?

— Сколько лет вы здесь? Не интересовались?

— Шесть или семь, — сказал Лядов. — Как кончили зарплату выдавать и народ разбежался. В первой половине девяностых годов.

— А вы еще давнее? — Леонид Моисеевич обернулся к старшему шахматисту.

— Это не играет роли, — ответил Майоранский.

— Еще как играет, — сказал доктор. — За это время все изменилось. У вас есть документы?

— Лаврентий Павлович обещал, что все будет сделано, — сказал Лядов.

— Я допускаю, что они будут, но я не уверен, что они такие же, как те, что используют наверху.

— Ах, перестаньте нас пугать, — сказал Майоранский. — У нас важное дело, и руководство примет нужные меры.

— Все нужно предусмотреть. Например, билет на поезд, деньги на расходы.

— Достанем, — уверенно ответил Майоранский.

— Тогда вам опасно ехать на поезде, где любой пассажир может вас раскусить. Вы же мастодонты, вы же — старики хоттабычи.

— Кто? — удивился Майоранский.

— Был такой, — сказал Лядов. — Не обращайте внимания.

— Потом вам нужно идти к вашему объекту. Там часовые?

— Ах оставьте, я там знаю каждую кочку! — сказал Лядов. — И вернее всего, там нет никаких часовых.

— Лядов! — *остановил его Майоранский.*

— Слушаюсь и повинуюсь. Хотя зря вы дрожите.

— Мы хотим, чтобы наше дело благополучно завершилось и мы смогли бы вернуться сюда, выполнив важное задание.

— Черт его знает — захотим ли мы... — протянул Лядов.

— Это идиотизм, и с ним надо бороться. Сколько вы там проживете?

— Значит, поездом до Бологого, потом по шоссе? — спросил доктор, рассудив, что именно до той станции им ехать. — Сколько всего времени на дорогу?

— Мы пересядем в Бологом на местный рабочий поезд, — сказал Лядов. — Он нас довезет до совхоза.

— До какого совхоза?

— Лядов, помолчите! — взвизгнул Майоранский.

— Молчу, молчу.

— И от станции... — продолжил Леонид Моисеевич.

— Если вы не знаете, — вмешался Майоранский, — значит, вам не следует знать.

— Отличная идея, — согласился доктор. — Следовательно, до места меньше суток.

— Меньше суток, — сказал Лядов. — Я как-то за пять часов на машине добрался. Правда, шофер был классный. Ведь только последние километры нормальная дорога проложена. А от Бологого — сами понимаете...

— И сколько времени вам понадобится на месте?

— Сколько нужно.

Доктор развел руками.

— Тогда я отказываюсь работать. Вы еще не поняли, что ваше здоровье и, может быть, жизнь зависят от того, насколько точно мне будет известно ваше расписание. Но если вы боитесь врагов и американских шпионов, то посмею вас заверить, что американских шпионов здесь не водится, троцкистам я тоже ничего не сообщу.

— Не говорите глупостей, — возмутился Майоранский. — Какие американцы? Кто говорит об американцах?

— Но в чем же дело?

— Секрет — всегда секрет, — сказал Лядов и засмеялся. — Хорошо, слушайте. По прибытии на место мы займемся серьезной работой. Нам надо подготовить ликвидацию складов отравляющих веществ.

— Понятно, — сказал доктор, который ничего не понял.

Ведь он не знал о заговоре консулов — у Егора не было времени рассказать об этом.

— Следовательно, по моим расчетам, мы проведем там день.

— А если вас узнают?

— Кому нас узнать? — усмехнулся Лядов. — Уже при мне там никого не осталось.

— Не нравятся мне ваши разговоры, — сказал Майоранский. — Придется сообщить о них лично Лаврентию Павловичу.

— Прошу вас, — сказал Лядов. — Вы получите медаль.

— Вас накажут, — уверенно сообщил Майоранский.

— И не пустят на операцию, — усмехнулся Лядов.

— Ничего смешного!

Лядов пошел вдоль длинного лабораторного стола, разглядывая приборы.

— Очевидно, — сказал он, — у вас много желающих сгонять в Максимовку. Добро пожаловать!

— Лаврентий Павлович разберется, — сказал упрямо Майоранский. — И примет меры.

— Ему надо было отыскать такого послушного идиота, как

я, — сказал Лядов. — Который даже не боится, что вы, Лев Яковлевич, по окончании операции разберетесь со мной как с нежеланным свидетелем.

— Что за чепуху вы несете! — воскликнул от двери вернувшийся Лаврентий Павлович. — Кто и кого будет уничтожать? Кто мог втемяшить в вашу головку такую мысль?

— Логика, Лаврентий Павлович, — сказал Лядов, — элементарная логика. Вы замыслили уничтожить все человечество или его лучшую часть. Погодите, не перебивайте специалиста. Но если об этом будут знать два человека, то один из них лишний. Я — человек случайный, никому не нужный, но необходимый, чтобы выйти на базу, показать вам, что хорошо, а что плохо, а потом взорвать все к чертовой бабушке. Но тут-то я становлюсь не только не нужен, но и опасен. Не так уж много народу здесь — даже здесь! — кто хочет уничтожить всех людей, чтобы они сюда не хлопались и не угрожали нашему растительному существованию. Значит, вы, Лев Яковлевич, достанете очередной зонтик с острием на конце и вонзите мне под лопатку. Разве не так?

— Ну что он говорит, что он говорит! — возмущался Майоранский.

— Кончай базар! — воскликнул Берия.

Доктор чуть не засмеялся. Эту фразу недавно привезли сверху молодые люди, и она относилась ко времени, когда памяти о Берии почти не осталось.

Шахматисты замолкли.

Доктор старался быть незаметным — хоть под стол лезь.

Но Берия его заметил.

— Долго еще ждать?

— Примерно полчаса.

Ощущение времени у каждого было свое, индивидуальное, но понятие получаса все равно оставалось.

— Тогда занимайтесь делом, — сказал Берия. — А мы с товарищами погуляем.

Он вытолкал шахматистов из комнаты.

И доктор слышал, как он громко спросил:

— Лишнего не трепались?

— А что есть лишнее? — спросил на это Лядов. Он все время подчеркивал свою независимость. Зачем ему надо было — понять невозможно. Наверное, такой характер...

Больше доктор ничего не слышал.

Он узнал немного. Но то, что узнал, испугало его, потому что он боялся Лаврентия Павловича и его черной души.

Майоранский с Лядовым отправлялись в Верхний мир на три дня, чтобы в районе станции Бологое пересесть на автобус и прибыть в деревню Максимово или Максимы, которой, может быть, уже и нет на карте.

Там, в деревне, находится склад или база отравляющих веществ. Лядов в этой Максимовке работал, а Майоранский принадлежит к ведомству Берии, и его можно даже обвинить в каких-то убийствах с помощью зонта. Операцию, которую они намерены совершить, можно отнести к катастрофам — это что-то ужасное.

Возможно, речь идет о бациллах страшной болезни — доктор знал, что есть центры, где такие бациллы выводятся.

Знание, которым обладал доктор, было знанием для одного человека, а потому бессмысленным. Если он не ошибался и не стал жертвой мании преследования, то именно от него теперь зависит судьба всей Земли. Это, конечно, сказано громко, но ведь и само положение доктора не менее невероятно с точки зрения здравого смысла.

Ему надо обязательно увидеть Егора — достойного доверия человека, который не потерял способности к действиям.

Он скажет, что надо делать.

Или сам сделает что надо.

Подошел Гоглидзе.

— Проверьте, Леонид Моисеевич.

Хоть Гоглидзе и считал себя родственником Лаврентия Павловича, хоть и позволял себе выпады против доктора, тем не менее он понимал, что Леонид Моисеевич человек гениальный, не потерявший своих качеств в Чистилище и притом благородный. Для того чтобы выжить, полезно было иметь родственником Берию, но, если бы Гоглидзе дали волю, он бы выбрал в родственники доктора.

Перед доктором лежали индивидуальные параметры крови или, вернее, плазменной жидкости шахматистов. Ее состав позволял ввести в кровь консервант.

Все три дня, которые они проведут в настоящем мире, они не будут нуждаться в пище и во сне, хотя утомившись — а они будут быстро утомляться, — они могут вздремнуть. Им потребуется вода. Но не пища. Атрофированный кишечник работать не сможет.

Вода же нужна для кожного испарения.

Доктор перешел к Гоглидзе, и они принялись за изготовление консерванта, вовсе не панацеи и не спасения. От надежды переселиться наверх, если кто и питал ее, приходилось отказаться.

Конечно, размышлял Леонид Моисеевич, надо бы ему пробраться следом за шахматистами. И заодно поглядеть на столь давно покинутый мир. Но как ты последуешь за ними, если они знают тебя в лицо, если они бегают быстрее тебя и дерутся больнее. Да и сам Берия насторожен. Он проследит за тем, чтобы доктор не убежал.

— Дай мне все расчеты, — попросил доктор Гоглидзе. — Не хочу рисковать.

Гоглидзе пожал плечами.

Тут рискуй не рискуй, шансов за то, что шахматисты возвратятся живыми, немного. Даже Гоглидзе это понимал. Доктор поднял руку на законы природы. Правда, неизвестно, что за природа эти законы установила. Какова ее суть и каковы намерения?

Но сам Гоглидзе, как отважный мужчина, некоторое время назад вызывался сопровождать доктора Фрейда в испытательную вылазку по ту сторону Чистилища. Они побывали в сентябрьском пригороде, и Гоглидзе стало дурно от забытых и невероятно соблазнительных запахов и шумов.

Доктору пришлось тащить его назад на плечах.

В дыре их, правда, встретили чекисты и лично товарищ Берия.

Затем выпустили двух женщин, почти кончившихся, обезумевших от старости. Берия велел выпустить их на длинных веревках.

Женщины обрадовались, стали бегать, прыгать и рвать траву.

Потом они утомились и легли спать.

На второй день они были живы.

А ночью третьего дня каким-то образом избавились от веревок, и больше их не видели.

Надо было бы провести больше опытов, но не было времени и материала.

Доктор взял расчеты и стал их просматривать.

Конечно, можно было без этого обойтись, но доктор тянул время. Он надеялся, что Егор все же проберется к нему в Смольный.

Доктор сидел за столом и мысленно шел вместе с Егором

вдоль стены Смольного и приседал, когда видел издали велосипедиста из охраны штаба Революции.

Возвратились шахматисты вместе с Берией.

— Давай начинай процедуру, — сказал Лаврентий Павлович.

Как настоящий организатор, Берия внимательно следил за своими проектами. Так было с атомной бомбой, так было и с изобретением Леонида Моисеевича. Ведь важность проекта не зависит от числа задействованных в нем сотрудников или вложенных в него миллиардов рублей. Важен результат.

Такого результата Берия не ждал даже от атомной бомбы.

Если все удастся, он станет единственным и безраздельным правителем Вселенной.

Правда, надо будет убрать последних консулов.

Но никогда ничего не бывает просто. Такова жизнь. Доктор — предатель. Этого следовало ожидать. Такая уж нация — небольшая, но крайне опасная. Сколько их было в рядах нашей партии! Лаврентий Павлович полностью разделял точку зрения Хозяина — Россия для тех, кто живет на ее территории испокон веков. Для русских, грузин, мордвы и белорусов.

Хорошо, что Берия не пожалел времени и присутствовал в этом подвале на разных этапах проведения эксперимента. Подталкивал доктора, требовал объяснений. Разумеется, Лаврентий Павлович сам не биолог. Но ему и не нужны детали... Он может проконтролировать поведение предателя в принципе.

Шахматисты оробели.

Даже смешно, когда робеет Майоранский, который стольких убил, медленной и мучительной смертью убил в своей лаборатории — именно уколами. А сейчас он побаивается.

Гоглидзе перетянул руку Майоранскому выше локтя.

— Сожмите кулак, — приказал он.

— Зачем?

— Вы же грамотный человек! — рассердился Гоглидзе. — Неужели не понимаете, что я вашу вену найти не могу?

Майоранский принялся сжимать пальцы.

«Как уйти? — продолжал думать доктор. — Как обмануть их?»

Пока ничего не придумаешь, кроме затяжки времени.

Гоглидзе сам вкатил два кубика в вену Майоранскому. Доктор занялся Лядовым.

— Больно, — сказал Лядов. — Надо было учиться.

— Я не медсестра, — сказал доктор. — А в вас крови не осталось.

— Сколько надо ждать? — спросил Берия.

— Вы знаете, — сказал доктор, — надо будет подождать два часа. У вас же есть песочные часы.

— Я их вам отдавал.

— Мне?

— Они здесь. — Гоглидзе принес часы.

Берия взял часы.

— Пошли, — сказал он шахматистам. — Отдыхать будем в моем кабинете. Нет, вам, доктор, туда пока не нужно, я вас позову.

Он увел шахматистов.

У доктора отлегло от сердца.

Ничего не произошло. Но возникла пауза.

Два часа — доктор нарочно продлил срок растворения вакцины в крови. Потому что каждая лишняя минута увеличивала шансы. Егор успеет прийти...

— Вы можете пойти погулять, — сказал доктор своим помощникам. — Только далеко не отходите. Там был бой...

— Я здесь останусь, — сказал Гоглидзе.

— Неужели вам не интересно поглядеть на бывшее сражение? — произнес доктор.

— Чего же интересного, — ответил Гоглидзе. — Это не сражение, а бандитская разборка. Лаврентию Павловичу приходится отбиваться.

— Он победит?

— Разумеется, победит. Иначе наша с вами работа теряет смысл, — глубокомысленно ответил Гоглидзе.

— Ты им завидуешь?

— Нет, Леонид Моисеевич. Не хотел бы я оказаться на их месте. Три дня отпуска. Через три дня на передовую. Вы меня понимаете?

Гоглидзе попал сюда из Афганистана. Под Новый год их взвод был окружен в каком-то кишлаке, и если к рассвету их не перебьют моджахеды, то утром разбомбят свои. Такая война. И вернее всего, Гоглидзе один остался в живых: он больше других боялся смерти.

— Понимаю, — согласился доктор. — Видимость свободы.

В лабораторию зашел высокий велосипедист, в каске, надвинутой на глаза, и длинном блестящем дождевике. В руке он держал обнаженную саблю.

— Доктора Фрейда срочно к Лаврентию Павловичу, — прохрипел велосипедист.

— Ах да, конечно, — растерянно заговорил Леонид Моисеевич. — Куда идти?

— Доктору нельзя уходить. Сейчас вернутся подопытные товарищи, — сказал Гоглидзе. — Он занят.

— Лаврентию Павловичу лучше знать, кто занят, а кто нет.

— Иду, — сказал доктор, — бегу!

Гоглидзе даже удивился — он никогда не видел, чтобы доктор бегал. Велосипедист пропустил доктора и пошел следом. Гоглидзе смотрел на него и думал: что же в этом неправильно?

Потом, когда велосипедист и доктор уже скрылись за дверью, понял: велосипедист неправильно называл Берию. Лаврентий Павлович — годилось для людей близких или ответственных.

Для охранников и велосипедистов он был товарищем Берией или товарищем министром.

Но, отметив неправильность, Гоглидзе не сделал никаких выводов.

Так что Егор, переодетый велосипедистом, в сопровождении доктора беспрепятственно вышел в коридор.

— Куда теперь? — спросил Егор. — Вы лучше знаете.

— На бывший склад. — Доктор указал на железную дверь метрах в двадцати по коридору, и они поспешили туда.

Дверь была притворена, но не заперта. Доктор потянул ее за горизонтальную рукоять, дверь с трудом поддалась, заскрипела по каменному полу.

Егор помог ему.

Когда появилась широкая щель, они по очереди втиснулись внутрь, в темноту.

— Дальше не ходи, — сказал доктор. — Там ящики и железяки. Ногу сломаешь. Мы здесь оборудование сваливаем, которое нам не нужно, охранники притаскивают. Я уж и не мечтал тебя увидеть. Столько нужно сказать! Ты как сюда попал? Убил его?

— Нет, — ответил Егор. — Я не умею убивать.

— Убивать все умеют, — ответил доктор. — Этому не учатся, а подчиняются обстоятельствам. Но не теряй времени, я тебе должен сказать: Берия посылает наверх, в настоящую жизнь, двух человек: Лядова и Майоранского. Их имена тебе что-нибудь говорят?

— Я ушел оттуда совсем молодым, — сказал велосипедист и снял шлем. Он был великоват и мешал Егору.

— Кстати, ты откуда это достал?

— Там, за углом, лежал мертвый велосипедист. Мне повезло. Тут ведь бой был?

— Был, только я его не видел. Берия держит меня в подвале.

— Видно, он в бою погиб, а его друзья считать не умеют. Я как раз крался вдоль дома и никак не мог сообразить, как мне внутрь проникнуть. И вдруг — лежит! Ну бывает же везение. Говорите дальше, Леонид Моисеевич. У нас, наверное, времени немного.

— Боюсь, что даже меньше, чем ты думаешь, — согласился доктор. — Оба посланца Берии связаны с биологией. Майоранский постарше, он из ведомства Берии. Там работал. Лядов помоложе и к нам попал относительно недавно, даже по коже видно. Он знает какое-то место — базу или склад, — какое-то очень опасное место. Ехать надо поездом до Бологого, а потом по шоссейке на автобусе в пустую деревню Максимовку.

— Значит, точно!

— Что?

— Максимовка! Я же слышал это название, когда забрался на их совет.

— На какой совет?

— Это не так важно. Главное, что совпадает! Интересно, наши уже нашли Максимовку?

Доктор покачал головой.

Впрочем, в кромешной тьме Егор не видел. И не мог почувствовать его недоумение.

— Там, в Максимовке, находится нечто... — сказал Егор, — нечто страшное для всего мира.

— И я так понял, — сказал доктор. — Это яд или чума.

Кто-то шел по коридору, пройдет несколько шагов, останавливается, будто прислушивается.

Шаги замолкли у приоткрытой двери на склад.

Некто стоял в щели.

— Эй, — сказал он негромко, даже с опаской. — Есть тут кто?

Потом сам себе ответил, успокаивал страх:

— Нет тут никого. Чего им в темноте делать?

Когда шаги зазвучали вновь, доктор прошептал:

— Может, нас уже хватились.

— Тогда быстро говорите, что вы еще узнали.

— Я ввел им мою вакцину, — сказал доктор. — Я тебе о ней говорил? Ладно, повторю. У нас есть вакцина, может быть,

это прорыв в будущее. С определенной степенью точности я могу гарантировать, что вы сможете без особого вреда для здоровья пробыть там, наверху, до трех дней.

— Не может быть!

— Но дальше мне не шагнуть. Нет ни людей, ни знаний. Ни оборудования. Интуитивно я чувствую, в каком направление двигаться. Но не более того.

— У них будут три дня? — спросил Егор.

— Они утверждают, что этого достаточно.

— Достаточно для чего?

— Достаточно, чтобы погубить все живое на Земле.

— Но вы — как ученый, вы можете сказать: это возможно?

— Если это биологическое оружие — все возможно. Штаммы бактерий чумы или какой-нибудь другой злобной болезни могут распространяться по всему миру... и защиты от этого нет.

— Значит, их надо остановить.

— Но ты говоришь, что сообщил туда?

— Как я могу быть уверенным, что наверху получили мое послание, что они разобрались в нем, что отыскали нужную Максимовку? Как я могу?

— И что же делать?

— Разве я знаю? — сказал Егор. — Ведь Берия не шутит?

В вопросе прозвучала капля надежды — а вдруг это игра, ход в борьбе за власть... Но Егор не мог поверить в утешительную версию.

— Берия никогда не шутит, — печально ответил доктор.

Они замолчали.

Потом в тишине прозвучал голос Егора.

Доктор знал, что он скажет.

— Мне придется... вы можете сделать вакцину для меня?

— Ты не понимаешь, как это опасно!

— Глупости, — сказал Егор. — Здесь все опасно. Но по крайней мере я знаю, ради чего рискую... Альтернативы нет.

— Альтернатива, альтернатива — глупое слово, — проворчал доктор, — всегда есть альтернатива.

— Какая же?

— Я сам пойду, — заявил доктор.

— Ну сколько можно повторять! — рассердился вдруг Егор. — Вас никто не выпустит.

— Любая нормальная беседа состоит из повторений, — возразил доктор. — Люди стараются найти компромисс.

— Что-то я давно не видел таких людей, — сказал Егор. — Сколько у нас еще времени?

— Боюсь, что времени у нас нет.

— Что с вами, Леонид Моисеевич?

— Я боюсь за тебя. И не только из-за вакцины. А потому, что ты окажешься рядом с очень опасными людьми. А мы с Люсей... будем скучать без тебя.

— Это нечестно. Это удар ниже пояса! Так вы сможете приготовить для меня вакцину?

— Все зависит от того, что делает Гоглидзе. И не вернулись ли агенты.

— Думайте, доктор. Что будем делать?

Доктор первым вышел в коридор. Там было пусто. Они пошли к лаборатории. Охранник у входа не обратил на них внимания.

Внутри было пусто.

Гоглидзе сидел за столом, вытянув ноги и закрыв глаза, словно дремал. Но он не дремал.

— У нас доброволец, — сказал Леонид Моисеевич бодрым голосом. — Быстро готовьте приборы. Возьмите у него кровь.

— Он что, с ними пойдет? — удивился Гоглидзе.

— Лаврентий Павлович не сказал, — ответил доктор.

— Мне прикажут, я сделаю, — подтвердил слова доктора велосипедист.

— Тогда сними плащ и закатай рукав рубашки.

Доктор кинулся к столу и стал готовить вакцину. Он внутренне считал до ста и снова начинал считать. Сейчас распахнется дверь и ворвется взбешенный Берия. И тогда никому из них не жить.

Егор снял плащ, кинул его на стул, но шлема не стал снимать, и сабля осталась на поясе.

Гоглидзе взял кровь и протер сгиб руки какой-то остро пахнущей жидкостью.

— Совершенно не понимаю, — повторял он.

Гоглидзе любил ясность. Сейчас все его естество возмущалось неправильностью ситуации, но придраться он не мог. Хоть и помнил, что этот велосипедист неправильно называл шефа.

В отличие от шефа Гоглидзе не был чекистом, и в нем не жило почти генетическое чувство подозрительности. Берия давно бы расстрелял и доктора, и пациента, а Гоглидзе разрывался между подозрениями и верой в гениальность своего доктора.

Егор уселся на стул.

— Ждите, — сказал доктор после того, как Гоглидзе занялся светлой кровью Егора.

Незаметно для себя Егор тоже начал мысленно считать секунды. И страшиться возвращения Берии.

— Вы можете погулять, — с явным облегчением сказал доктор. — Изготовление вакцины требует времени.

— Тогда вы найдете меня там, где мы встретились, — ответил велосипедист, чем окончательно привел Гоглидзе в растерянность. Либо это не простой велосипедист, либо вовсе не велосипедист.

Когда велосипедист вышел, Гоглидзе обратился к доктору:

— Кто он такой? Почему...

Доктор поднес палец к губам.

— Есть вещи, Горацио, о которых простым смертным лучше не знать.

— Почему Горацио? — не понял его Гоглидзе. — Меня Георгием зовут!

— Правильно, Георгий, — сказал доктор. — Следите за приборами. У меня есть теория, но вы должны поклясться рекой Арагви, что не выдадите меня!

— Клянусь мамой! — ответил ассистент.

— Очень хорошая клятва, — одобрил доктор. — Как вы знаете, Лаврентий Павлович отправляет наверх своих агентов. Вы представляете, в какой обстановке они окажутся?

— В какой?

— Вокруг враги, вокруг их все подозревают, задание может сорваться в любой момент. В конце концов, Георгий, может ли рассчитывать Лаврентий Павлович на людей, которых он нашел здесь и подготовил? Что случится с ними, когда они выйдут на площадь Московского вокзала в Ленинграде, где звенят трамваи и гудят автомобили?

— Вы думаете... — Гоглидзе не закончил фразы, потому что не знал точно, в чем же уважаемый батоно доктор подозревает этих шахматистов. Как называл своих агентов Берия.

— Что бы вы сделали на месте Лаврентия Павловича, ну?

— Я бы? Я бы послал людей, надежных сотрудников.

— И много их здесь?

— Совсем не встречаются, — признался Гоглидзе.

Он даже развел руками от безнадежности, он провел в этом

мире больше двадцати лет по земному счету и не переставал удручаться, насколько плохо все здесь в Чистилище устроено. Правда, у Гоглидзе была одна мечта — неосуществимая, но сладкая: добраться до Тбилиси, где осталась настоящая жизнь, где вечерами хорошие люди гуляют по проспекту Руставели, где пахнет шашлыками и дорогими духами, по улице скользят дорогие машины и каждому вслед можно сказать «Гоги поехал», «Гиви поехал» с уважением или презрением.

Он понимал, что стоит поделиться мечтой с кем-нибудь в этом проклятом подземелье, как его поднимут на смех. Даже сам Лаврентий Павлович, даже Леонид Моисеевич. Так что приходилось молчать.

Леонид Моисеевич перешел на шепот.

— Лаврентий Павлович решил, — произнес он, — что отправлять сотрудников без наблюдения и, если надо, поддержки слишком рискованно. И тогда решено направить с ними негласно... — На последнем слове доктор сделал значительную паузу.

Гоглидзе уловил ее значение и склонил черную голову.

— Этот сотрудник, — доктор показал на прикрытую дверь, — срочно получает от нас дозу вакцины. Но вы его не видели, я его не видел, и даже Лаврентий Павлович его не видел. Вы меня поняли?

— Конечно, как не понять! — громким шепотом ответил Гоглидзе, потрясенный мудрой предусмотрительностью Лаврентия Павловича.

— У меня есть указание, — закончил монолог Леонид Моисеевич, — сделать все в режиме специального обслуживания. Ни один человек в мире, кроме вас, Георгий, этого велосипедиста не видел. Кстати, это не простой велосипедист, а родственник одного человека из членов Политбюро.

— Ой, — сказал Гоглидзе.

Он был эмоционально переполнен и мог взорваться от избытка чувств.

Именно в этот момент вошел сам Берия со своими агентами.

Гоглидзе шумно сглотнул слюну и принялся преданно смотреть на генерального вождя.

— Вольно, — сказал Берия, не придав значения интенсивности взгляда, — давайте поскорее готовьте наших товарищей.

Вакцина, включавшая несколько кубиков крови пациентов, была уже готова, созрела, как говорили в лаборатории.

Доктор сам ввел ее шахматистам. Те посматривали на него с опаской, но подчинялись.

Берия стоял вблизи и не спускал глаз с рук доктора, словно мог уследить тот момент, когда доктор вкатит его сотрудникам смертельный яд.

Нет, конечно, Берия этого не мог уловить, но стоял потому, что знал: его присутствие, его взгляд действуют на всех здесь, как взгляд кобры на кролика.

— Теперь отдых, — сказал Берия за доктора.

— Правильно, — согласился доктор. — Только это не отдых — это возможность организму внедрить вакцину в кровеносные сосуды. Однако прошу вас далеко не отходить. Потому что только я могу определить момент, когда вам следует уходить наверх. Только я.

— Смотри у меня, — впустую пригрозил Берия.

— Смотрю, — как бы пошутил в ответ доктор, что Берии не понравилось. — Гоглидзе, — сказал доктор, — проводите пациентов в лазарет.

Там стояли койки.

Майоранский и Лядов молчали. Как молчат люди, прислушиваясь к неизвестной болезни в своем теле. Они знают, что отравлены, но еще не знают, в чем это выразится.

— Ты иди, — сказал Берия доктору, — я с ними побуду.

— Времени осталось немного, — сказал доктор.

— Не волнуйся, Леонид Моисеевич, — вдруг подобрел Берия, неправильно прочтя мысли доктора.

— Я постараюсь, — ответил доктор. Он думал о том, как незаметно ввести вакцину Егору.

Он был бы рад, если Егор откажется от путешествия, и в то же время был бы в отчаянии, если Егор испугается. Он верил в злой гений Берии.

— Тогда я вас оставлю на несколько минут? — вежливо сказал доктор.

— Давай топай, — сказал Берия. — Нам еще надо перекинуться несколькими словами.

Доктор быстро вышел в лабораторию.

— Готова вакцина? — спросил он.

— Готова. А как они?

— Вроде бы все в порядке. Но Лаврентий Павлович, — доктор снова перешел на шепот, — не хочет, чтобы кто-нибудь из них случайно увидел велосипедиста. Дай мне шприц.

Я введу вакцину снаружи, где он меня ждет. Ну, быстро! А то Лаврентий Павлович позовет меня и будет сердиться.

Гоглидзе не возражал, когда доктор сам схватил шприц и поспешил наружу.

От двери обернулся и сказал:

— Если Лаврентий Павлович спросит, где я, скажешь, что живот схватило. Сейчас буду.

— Живот? Схватило? — Этот предлог показался Георгию невероятно смешным. Он захихикал.

Доктор кивнул охраннику снаружи, тот кивнул в ответ.

Он прошел к складу.

Обернулся перед открытой дверью.

— Ты здесь? — спросил он тихо.

— Заходите.

— Протяните руку, — сказал доктор.

Егор быстро заговорил:

— Сообщите обо всем генералу и Люсе. Та же улица, дом 45...

Глава 11

ЕГОР ЧЕХОНИН

К счастью для Егора, Берия не продумал, как быстро доставить своих агентов к переходнику.

Он не захотел расставаться со своим «Паккардом», поэтому младшему агенту, Лядову, выдали дамский старенький велосипед, на котором он ехал медленно, с трудом крутя педалями.

Майоранский уселся в коляску рикши, уверенно поставив подошвы ботинок на приступку перед креслом, словно всю жизнь только и ездил на рикшах.

Так они и ехали за экипажем первого консула.

Егор быстро шел в квартале позади, иногда переходя на бег, но никто не догадался оглянуться и заметить его. Даже Берия.

Правда, устал он сильно. Все-таки бежать полчаса — это занятие не для человека в Чистилище.

Переходник, оказывается, располагался в кирпичном корпусе заброшенного завода.

Процессия скрылась в нем, и, когда Егор подошел к разбитому окну, он услышал, как гулко разносятся голоса в обширном пространстве.

Берия окликнул:

— Феничка! Ты где?

Посыпались кирпичи, из них вылезла страшная, толстая, покрытая шерстью или рваной ватой фигура — лысая голова поднималась из этой массы, как желтый бильярдный шар. Нет, скорее существо было похоже на преувеличенного новорожденного орленка. Может, таким и был птенец птицы Рокк.

— Ну вот, — загудел Феничка, — а я уж ждать раздумал. На что, думаю, мне спать, раз никто не придет, вы заняты, дела у вас, заботы, разве я не понимаю, я ведь все понимаю...

— Как дела с переходом? — оборвал его Берия.

— Теплится, зиждется, молотится, — ответил Феничка. — До ста досчитайте, и можно лезть. Головкой вперед, все равно не вернетесь.

И Феничка залился неудержимым смехом, блестящая голова дергалась, а приторочennое к ней мохнатое тело шаталось, будто старалось отделиться от головы.

Феничка отсмеялся, и все покорно ждали, пока он утих, потом полез в сторону, по проходу, по битому кирпичу в арматуре, приговаривая:

— Камуфляж долбаный, когда-нибудь я ножку сломаю, вторую сломаю и обезножу. Как вы без меня будете?

Он остановился перед занавесом, висевшим на проволоке. Кольца были тоже сделаны из проволоки.

Феничка потянул занавес в сторону, заглянул туда, в темноту, и сказал:

— Располагайтесь, берите бутерброды, начинается минута ожидания.

Никто не двинулся с места.

— Не хотите — как хотите, а я вам должен заявить, что намедни сюда оттуда две крысы проникли. Они ведь без понятия. Боюсь, что расплодятся они на человеческом мясе.

— Вряд ли, — сказал Лядов. — Не тот у них здесь метаболизм. Мне приходилось их ловить. Жалкие создания.

— Жалкие-жалкие, а им принадлежит будущее, — сказал Феничка. — Было у меня к этому видение. Вы все друг дружку перебьете, передушите, придут крысы во главе с крысиным царем — я его видел, как вас видел, — и возьмут этот мир в свои корявые лапки.

И снова Феничка рассмеялся.

Егор надеялся, что у Фенички нет особого нюха, предчув-

ствия. В Чистилище встречались отшельники — то религиозные, то по склонности души. Большей частью чудаки, иногда опасные маньяки, и именно среди них водились люди с повышенной чувствительностью. Одни могли почувствовать твое настроение или даже намерения, другие чуяли человека за несколько метров — ведь им приходилось все время напрягать свои чувства.

Феничка не почувствовал присутствия Егора. И то хорошо.

— Там ничего не построили? — спросил Лаврентий Павлович.

— А мне что? Если построили, вы лбы расшибете!

— Сначала тебе расшибут, — сказал Лаврентий Павлович.

— И то верно, — согласился Феничка, — вы человек безжалостный. Но, по моему разумению, там никаких перемен нет. Запустение, почти как у нас.

— Кроме крыс, никто не совался?

— Как я понимаю, — сказал Феничка, — наш ход — резервный, о нем знать не положено.

— Другие ходы я ликвидирую, — сказал Берия.

Видно, он был давно и хорошо знаком с Феничкой, потому что после первого укола фразами они стали говорить спокойно и доверительно.

— Не получится, — сказал Феничка. — Не ликвидируете, Лаврентий Павлович, — одеяльце на глазах расползается. Такова наша планида. Я ведь себя последнее время чувствую просто ужасно. А оттуда зараза идет. Честное слово, даже меня напугали. То ветерок ядовитый, то жарой пахнет, а иногда даже запахи стали проникать.

— Потерпи, — сказал Берия. — Скоро мы все это исправим.

— Я слышал, — сказал Феничка, — что ты там натворил.

— Я?

— Чаянова убили, Лариску, а потом война была, и ты еще кого-то из консулов чик-чик? Стремишься к неограниченной власти?

— Без нее не бывает настоящего порядка, — твердо ответил Берия. — Если не взять власть, она упадет на землю, и ее затопчут кому не лень. Тогда поднимай не поднимай, все равно уже не отмоешь.

— Красиво говоришь. Скоро будет свет.

— А какая сейчас периодичность? — спросил Берия.

— Каждые полчаса, — сказал Феничка, — но неточно.

— Смотри не пропусти момент, — сказал Берия.

— Я его чую, — сказал Феничка. — Не зря на этом деле держусь к взаимному уважению.

Они замолчали, ждали. Потом Берия спросил:

— А сам часто туда шастаешь?

— Ну как можно, у меня здоровье одно, — ответил Феничка. — Я хочу досмотреть.

— Что досмотреть?

— Падение дома Эшеров.

Берия почуял подвох. Феничка знал что-то, неизвестное Берии. Берия не стал переспрашивать.

В наступившей паузе громко раздался голос Лядова:

— А вы кем были в прошлой жизни?

— Никогда не догадаетесь, — сказал Феничка.

— По хозяйственной части? — спросил Майоранский.

— Не буду вас мучить подозрениями, — сказал Феничка, поводя вокруг себя орлиным ярким взглядом. В полутьме глаза чуть светились. — Я был секретарем райкома.

— Нет, — откликнулся Лядов. — Таких в секретари не брали. Требовался облик.

— Правильно! — вдруг поддержал его Лаврентий Павлович. — Без облика какой может быть руководитель?

— Я был доцентом кафедры марксизма-ленинизма, — признался Феничка и лукаво усмехнулся. Оказывается, он умел лукаво усмехаться.

И тут слабый отблеск из-за занавеса упал на голову Фенички, вспыхнул искоркой, и громадный заброшенный цех на мгновение осветился алым отблеском адского пламени.

— Ура! — закричал Феничка. — Ура. Карета подана, господа присяжные заседатели. Вы не узнали меня, любимого героя своих детских лет, но я на вас не обижаюсь. Пошли, открывайте занавес и шагайте. Смело. В нашем распоряжении всего две минуты. До свидания, товарищи, — торжественно произнес Феничка и оттянул на себя край занавеса.

Свет оттуда раздражал, он был болезненным и мерцающим.

Агенты Берии задержались, не решаясь сделать шаг.

— А ну, пошли! — крикнул Берия, словно на лошадей.

Как ни странно, этот окрик воздействовал, и шахматисты дружно, парой, как малыши в яслях, шагнули к свету и исчезли, поглощенные им.

И тут же Феничка отпустил занавес.

Свет из-за занавеса тускнел, пока не пропал.

— Славно потрудились, — сказал Феничка. — Какие планы на будущее?

— Через три дня должны возвратиться, — сказал Берия. — Если операция «Гадюка» увенчается успехом.

— То есть если они возвратятся — хорошо, а если не возвратятся — еще лучше?

— Нет, — задумчиво ответил Берия. — Я не планирую их ликвидировать. Если они выполнят задание — пускай живут. Если решат остаться там, то через три дня помрут. Для меня это будет ударом.

— Доктор сказал? — Феничка был в курсе многих дел Берии, и Лаврентия Павловича это не удивляло и не сердило.

— Доктор сказал. Это его вакцина.

— Ценный фрукт — этот доктор.

— Мне он не нравится, но я пока не могу себе позволить...

— ...его ликвидировать, — закончил Феничка фразу за Берию. — Потому что он единственный, кто может сделать вакцину. А мой уважаемый собеседник не исключает, что вакцина может понадобиться и ему самому.

— Если рейд моих шахматистов провалится и если вакцина будет действовать дольше...

— Добро, я устал, мне надоели ваши заморочки. Идите в Смольный, товарищ вождь. Планируйте великие дела. Сколько еще консулов осталось?

— Не говори глупостей.

— А я ничего другого не умею.

Егор отпрянул за колонну, Берия в сопровождении двух охранников быстро прошел к выходу из здания.

Стало тихо.

Потом послышался голос Фенички;

— Вылезайте, лапушки, вылезайте, милые, порадуйте стариковское сердце.

В ответ раздался детский смех.

Егор выглянул из-за колонны.

Феничка стоял на открытом месте, расставив руки и ноги, и был похож на пингвина.

А у его ног прыгали и пели две маленькие девочки в кружевных платьицах, что было совершенно немыслимо, так как дети в Чистилище не попадают. А если и встречаются, старше десяти — когда человек уже догадывается о существовании смерти.

Феничка раскачивался, как игрушечный пингвин, и тоже танцевал, неуклюже и уморительно.

— В саду родилась елочка, — пели девочки.

— В саду она росла, — вторил им Феничка.

На полу что-то шевелилось — и с некоторым ужасом Егор увидел, что несколько крыс тоже танцуют с девочками, перебегая между детских ножек и даже становясь на задние лапки.

Это был веселый, хоть и несколько жутковатый праздник, Егор непроизвольно сделал шаг вперед, не заметив, как покинул спасительную тень, и Феничка крикнул ему:

— Молодой человек, а молодой человек, присоединяйтесь к нам. Судя по всему, вы отличный танцор.

Девочки, завидя Егора, подбежали к нему и потащили на центр танцевального круга, вцепившись в брюки.

И тогда Егор догадался, что это вовсе не девочки, а две одинаковые лилипутки.

— Все в круг, все в круг, с нами наш веселый друг! — распевал Феничка.

Волей-неволей Егор был вынужден принять участие в веселье, правда, душа у него не лежала к танцам, но важнее всего было не испортить отношений с Феничкой.

Они топтались друг против друга, а внизу, дергая за брюки и за пальцы рук, суетились лилипутки.

— Тебе чего надо? — спросил вдруг Феничка.

— Мне надо туда.

— Задание Лаврентия Павловича? Операция «Гадюка»?

Вот тут надо было ответить правильно. Ошибешься — неизвестно, удастся ли достичь цели.

Если не знаешь, что говорить, говори правду — так сказал как-то дядя Миша. А может, прекрасная Тамарочка? Она неожиданно рождала афоризмы вперемежку с очевидными глупостями.

— Нет, — сказал Егор. — Мое собственное задание. Я название операции в первый раз слышу.

— Ну, ты смельчак! — удивился Феничка, он раскачивал желтой блестящей головой, как китайский болванчик, посреди желтого шара блестели маленькие черные глазки. — Я же тебя сейчас сдам охране!

— Ой, не сдавай, папочка, не сдавай! — наперебой закричали лилипутки. — Он хороший мальчик.

— Ты там помрешь, — сказал Феничка.

— Ах, он там помрет! — завопили лилипутки.

— Познакомься, — сказал Феничка, — Анжела и Дездемона, заслуженные артистки республики. Встань на колено.

Егор подчинился.

Он опустился на колено, лилипутки — хорошенькие, круглолицые, но уже немолодые, по очереди сделали книксен и протянули ему махонькие ручки. От них почему-то пахло конфетами, хотя здесь не было запахов.

— Я не помру, — сказал Егор, поднимаясь с колена. — Мне ввели вакцину.

— Ах вот почему Лаврентий Павлович объявил доктора предателем!

— Доктор здесь совершенно ни при чем. Но мне нужно срочно туда попасть.

— Скажи зачем. Постарайся рискнуть и стать дважды честным. — Феничка засмеялся.

— Я хочу их остановить.

— Вот это уже поступок, — сказал Феничка.

— Он герой, герой! — кричали вразнобой лилипуточки. — Ему венок, венок на головку!

— Кому служишь? — спросил Феничка.

— Людям, — сказал Егор.

— Такого не бывает. Людей здесь нет.

— К счастью — есть, — ответил Егор и показал на лилипуток. — Посмотрите — это же настоящие люди, и даже танцуют.

— Вот именно! — закричала тонким голосом одна из лилипуток. — А нас многие не понимают и презирают.

— Тогда скажи мне, какое задание выполняют те двое?

— Зачем вам знать?

— Не серди лектора общества «Знание»!

— Я еще не все знаю, — признался Егор. — Но, вернее всего, они попытаются убить всех, кто живет наверху.

— Это еще зачем? — удивился Феничка.

Он взволновался и принялся чесать свой мохнатый живот.

— Мне кажется, — ответил Егор, — что Берия и его друзья боятся, что перегородки между мирами истончаются и Верхний мир все больше влияет на наш.

— Это точно, — согласился Феничка. — Я уже побаиваюсь, не отравимся ли мы тамошним воздухом.

— Разве это основание для того, чтобы убить всех? Наших детей, наших родных...

— Ах, не говорите так! — закричали лилипутки. — Мы их так любим, мы так туда стремимся.

— Свойственное марксистам желание быть первыми парнями на деревне. В городе все равно не получалось.

— Это парадокс, — сказал Егор. — Сколько лет они правили нашей страной.

— И все равно оставались первыми парнями на деревне. Только тебе этого не понять — терпи и подчиняйся. Мы все стали деревней. Впрочем, я все понял, молодой человек. Лаврентий Павлович, который умело использовал меня, боится потерять призрак своей власти. Ради нее он боролся всю жизнь, а попал сюда и понял, что все едино, так он запрограммирован. Есть деревня — будем первыми!

— Можно я уйду туда? — Егор показал на занавес.

— Девочки, что мы ответим этому молодому человеку?

— Пускай идет, только пускай возвращается.

— Если он не вернется, мы... — Первая из красавиц не смогла отыскать слов, и вторая пришла к ней на помощь:

— Если он не вернется, я отказываюсь от компота!

— И я тоже! — закричала вторая.

— Я вернусь. Мне нельзя там долго оставаться.

— Тогда мы напишем письмо, — сказала лилипутка, — а ты отдашь его в наш цирк.

За занавесом начало разгораться зарево.

— Отстаньте от парня. Как тебя зовут?

— Егором.

— Отстаньте от Егора, ему пора уходить, — сказал Феничка.

— Только возвращайся! — закричали лилипутки.

Феничка откинул занавес. Неверный мерцающий свет залил пустой цех.

— Иди, — сказал он. — И скажи им, что название операции отдает пошлостью.

— Спасибо, — ответил Егор. — Я вернусь через три дня.

Он шагнул в свет, и свет окутал его.

Он был теплый.

Глава 12

ДОКТОР ФРЕЙД

Доктор Фрейд сказал Гоглидзе, что устал и пойдет подышать свежим воздухом.

Занятие непонятное — воздух везде чистый, и никому он не нужен, но Леонид Моисеевич лучше знает, что такое моцион.

То же Леонид Моисеевич сказал и охраннику у двери.

Охранник у двери, как только доктор скрылся за поворотом лестницы, дернул за шелковый шнур, который вел наверх, в комендатуру.

В комендатуре сидел сержант и рассматривал книжку с картинками. Книжка принадлежала старинному писателю Толстому и рассказывала о деревянном человечке Буратино. Там были интересные картинки.

Услышав два звонка снизу, сержант отложил книжку и пошел в кабинет к товарищу Берии.

Берия сидел за большим столом, перед ним лежали чистые листы бумаги. В руке карандаш, красный карандаш, которым он что-то вычеркивал на листах.

— Ушел? — спросил он, не поднимая головы.

— Только что, еще из дома не вышел.

— Отпустить его метров на двести и следовать за ним незаметно. Махальщика на крышу!

Сержант побежал на верхний этаж.

Там сидел в одиночестве и очень скучал махальщик. Перед ним лежал наполовину разложенный пасьянс.

— Опять не вышло, — сказал он сержанту.

— Иди на крышу, — приказал сержант, — подавай сигнал рикше.

— А он где сейчас?

— Где и положено, на площади.

Махальщик посмотрел на пасьянс.

— Минутку, — сказал он. — Вроде получается.

— У тебя еще тысячу раз получится! — рассердился сержант и ногой наподдал по картам. Пасьянс рассыпался и безнадежно погиб.

— Ну зачем ты! — обиделся махальщик. — У меня же получалось.

— Ты пойдешь или нет?! — завопил сержант.

— Да не пойду я никуда, — ответил махальщик и стал собирать карты. — Сам иди и махай.

Люди в Чистилище, как правило, куда замедленнее и равнодушнее, чем их собратья в Верхнем мире. Но это компенсируется редкими дикими вспышками ярости, которые охватывают в Чистилище людей.

Такое случилось и с сержантом.

Словно безумный, он накинулся на махальщика, и тот, так и не собрав карт, принялся отступать к стене, отмахиваясь от сержанта, как от осы.

Сержант стремился к ослушнику, стараясь вцепиться в него длинными ногтями, и ногти уже достигли глаз, когда махальщик всерьез испугался, что придало ему смелости.

Вместо того чтобы отдаться полностью на милость сержанта, он ринулся ему навстречу и, продолжая отбиваться от воображаемой осы, ударил сержанта.

Тот от неожиданности остановился.

— Да ты что... — пробормотал он, — да ты как посмел...

Он говорил это с радостью — теперь он имел все права добить махальщика.

Убежденный, как любой чекист, в оправданности конфликта с низшим существом и в своей неприкасаемости, сержант не видел того, что махальщик и моложе его, и крупнее. Сержант являл собой кабана, ринувшегося на медведя.

Даже получив несколько ударов в грудь и по поясу, сержант еще не понимал, что самое разумное для него — отступить и бежать за подмогой или оружием.

Он же кидался вновь и вновь на махальщика и отшатывался под его ударами.

Махальщик также уже понял, что он сильнее.

И воспылал гневом к сержанту. Не было больше перед ним сержанта, не помнил он о всесилии Лаврентия Павловича — он был оскорблен, его ударили, его пасьянс уничтожили.

И, перейдя в наступление, махальщик загнал в угол сержанта, который еле успевал защищаться, но не мог попросить пощады, так как понимал: сейчас, вот-вот все изменится... все изменится... я тебе покажу.

И тут от удара сержант грохнулся на пол.

А раз в борьбе не было правил, то махальщик принялся бить лежачего, пинать его ногами, так что сержанту стало очень больно.

— Ты что... — Тон сержанта вдруг изменился. До него дошло, что махальщик намерен его убить, что нужно прекратить этот бой, потому что он складывается неправильно.

Может, сержант уже не думал так отчетливо, потому что мысли его путались и каждый удар вносил все большую сумятицу в ослабевший мозг.

— Хватит, — попросил сержант, — хватит...

— Хватит так хватит, — вдруг согласился махальщик. — Тогда лезь сам на крышу и махай — вон там флаг лежит.

Он показал в угол.

Он отошел от сержанта и принялся снова собирать карты.

Сержант с трудом поднялся на ноги.

Ему было больно. Его никто еще никогда так больно не бил.

Он и в самом деле чуть было не пошел сам на крышу махать флагом, но тут понял, что не сможет подняться на целый этаж.

Он махнул рукой и пошел вниз, держась за стенку и кривясь от боли.

Он спускался вниз, и с каждым шагом в нем поднималось чувство мести.

Конечно, ему надо было бы пойти в комендатуру и взять там оружие, а также позвать кого-то на помощь.

Но его затуманенное сознание почему-то выбрало другой путь — к кабинету Берии.

Охранник с удивлением смотрел на окровавленного сержанта.

Тот ввалился в кабинет без стука.

Берия стоял у окна и наблюдал, как доктор Фрейд быстро шагает меж редких деревьев, полагая, что его никто не видит.

Берия представлял себе, как, подчиняясь сигналу, с крыши на перехват доктора выезжает рикша, как поднимают свои машины велосипедисты...

И тут ввалился этот идиот.

— Там, — сказал он, с трудом шевеля распухшими синими губами, — там махальщик меня... избил.

— Что? — Берия сразу напрягся, что бывало с ним в моменты опасности, подобрался, как волк при звуках охоты.

— Махальщик, гад...

— Сигнал дали?

— Он сказал, не будет...

— Почему?

— Я ему сказал — иди, а он сказал — не буду, и стал меня бить.

Сержант всхлипнул и принялся размазывать по щекам жидкую кровь, которая текла из носа.

Берия сразу почувствовал, что сержант врет. Не мог флегматичный махальщик ни с того ни с сего наброситься на сержанта.

Но это не играло сейчас роли.

Он оттолкнул сержанта и выбежал в коридор.

— За мной! — крикнул он.

Охранник побежал за Берией.

Они ворвались в комнату наверху.

Махальщика там не было.

Махальщик, хоть и был неумен, сообразил, что сержант приведет мстителей, а потому ушел из комнаты и залег на чердаке.

Берия увидел, что в углу лежит флаг.

Он схватил его и выбрался наверх, к чердачному окну.

Оттуда был виден простор справа от главного фасада. Там, за палками мертвых деревьев, Берия угадал фигуру рикши.

Берия принялся махать флагом.

Он давно не был так взбешен. Хотелось лечь и завыть, в полной безнадежности, как когда-то в одиночной камере.

Неужели он так стремился на волю и вырвался из застенков только для того, чтобы существовать среди кучки бестолочей и подонков, которым ничего нельзя поручить, которым ни в чем нельзя довериться?

И нет никакой гарантии, что его агенты, отправленные наверх, смогут выполнить задание. И не было уверенности в том, что ему удастся отразить еще один штурм консулов.

Рикша смотрел куда угодно, только не на крышу Смольного, откуда должен был получить приказ.

Берия не выдержал и закричал. Пронзительным, женским голосом, который ему самому показался горным кличем, несущимся от Эльбруса к Тбилиси.

И как ни странно — то ли тишина была чувствительна к звукам, то ли случайно, — рикша обернулся и увидел фигуру человека, махавшего флагом.

Он помахал в ответ — вижу, мол.

Развернул коляску и поехал к воротам Смольного. Но опоздал.

В то время доктор уже выбрался наружу через дыру в ограде и поспешил через площадь в сторону Невского.

Рикша выехал к воротам, никого не увидел и решил, что, наверное, его жертва припозднилась.

Поэтому он остановился, слез на землю и стал прохаживаться вокруг коляски, изображая конского барышника.

Вся эта идиотская сцена была видна Берии, и он понимал, что флагом он себе не поможет.

Он побежал вниз, к выходу, где должны были ждать сигнала велосипедисты.

К счастью, велосипедисты никуда не делись и были готовы к бою.

— Объект, — объяснил еще раз Берия, — пешком или на рикше направится в район Сенной площади и канала Грибоедова. Вы следуете за ним в пределах видимости, но не привле-

кайте внимания. Когда вам удастся установить дом, в котором объект намерен выйти на связь с вражеским разведчиком и диверсантом, вы вступаете в дело. Вы берете доктора и его связника и везете сюда. Вам ясно?

— Так точно, товарищ Берия, — нестройным хором ответили велосипедисты и затопали к выходу, ведя в поводу свои велосипеды.

Их каски тускло поблескивали, плащи отливали серебром.

Славные ребята, подумал Берия, и ему стало легче. Нет, еще не все потеряно.

Он еще будет... и вдруг в ушах зазвучала какая-то забытая ария: «И будешь ты царицей ми-и-ира... голубка верная моя!»

— Вот именно, — вслух произнес Берия и направился в свой кабинет.

Теперь ему предстояло оборонять Смольный и ждать.

Ждать, когда схватят эту девку, ждать, когда можно будет вытащить правду из доктора. Ждать, пока придут вести из Верхнего мира, которому остается жить меньше трех дней.

А славно, товарищ Москаленко! Славно, Жуков с Хрущевым! Славно, старые предатели Каганович с Молотовым. Все вы полетите в яму истории, если уже не полетели, как утверждают вновь прибывшие оттуда. Ничего, и новым вождям, наследничкам, достанется.

Он уселся за большой стол, который называл для посторонних ленинским. Сам придумал эту легенду.

Все верили — а почему не верить, если все равно?

Подвинул к себе лист бумаги, взял хорошо заточенный красный карандаш, точно такой же, как был у Хозяина, и стал ждать.

* * *

Доктор шел каким-то переулком, он только помнил общее направление и подходил к Московскому вокзалу, когда услышал вдали, вне пределов видимости, скрип колес повозки.

Рикша?

Доктор было обрадовался и хотел подождать и окликнуть рикшу, но не сделал этого.

Он не был подозрительным человеком, но вдруг испугался рикши.

Он его уже догонял, он его уже отвозил к каналу Грибоедова.

Чумазилла рикше не доверяла, да и много ли шансов дважды в течение короткого времени встретить единственного ле-

нинградского рикшу, такого навязчивого и любопытного? Никаких шансов на это нет.

Берия доктора подозревает. Готов бы его убить, да не смеет, потому что Леонид Моисеевич обладает Знанием.

Конечно же, рикша ждал момента, когда доктор уйдет. И теперь гонится за ним.

Значит, Берия его послал. Значит, Берии все известно.

Разумно возвратиться в Смольный. И затаиться. Пока.

Нет, он не может так поступить. Люся ничего не знает, она в неведении. Она боится и переживает.

Если ее не предупредить, она имеет немало шансов попасть в лапы к Берии.

Доктор отошел к темной подворотне и продолжал размышлять.

Рикша знает, что Люся таится где-то в районе канала Грибоедова. Он знает об этом независимо от передвижений доктора.

Он не знает лишь, в каком из домов надо искать девушку...

В конце улицы показался рикша. Он был озабочен, он торопился, привстав над спинкой кресла, и перевалился, нажимая на педали.

Доктор вышел из подворотни и замахал руками, словно пионер, который желает непременно остановить поезд, пока тот не наткнулся на украденный диверсантами рельс.

Рикша обрадовался.

Он резко затормозил рядом с доктором и тут же проговорился:

— Я уж боялся, что вас не найду.

— А почему искал? — Доктор не отказал себе в удовольствии поддеть рикшу.

— А я... я тебя издали увидел, когда ты из Смольного вышел. И подумал — наверное, доктор снова на Грибоедова подался. Надо помочь. Человек немолодой, устанет, дойдет туда неизвестно когда да еще попадет под нож какого-нибудь бандита. Я правильно рассуждаю?

— Как я вам благодарен! — воскликнул доктор, который решил быть максимально наивным. — Я уже и не чаял добраться до Грибоедова. А теперь я спокоен.

Доктор взобрался на кресло и откинулся, насколько позволяла спинка. В затылок ему часто дышал рикша, которому нелегко далась погоня за пассажиром.

— Вы один? — спросил доктор.

— В каком смысле?

— Может, еще товарищей с собой позвали, чтобы не скучать в дороге?

— И не думайте, — ответил рикша. — Зачем мне товарищи? У меня обычная работа, общественный транспорт.

Доктор ему не поверил, но полагал, что поступил правильно. Пускай они ничего не подозревают, а рикша сэкономит ему силы.

— Чего, не договорили? — спросил рикша.

— Да, хочется еще поговорить, — согласился доктор.

— Поговорить у нас — главное удовольствие, — подтвердил рикша. В голосе звучало довольство.

А доктор был рад, что обманул Берию и его сатрапа. «Пускай он везет меня на канал Грибоедова. Главное — придумать, как сбежать от него. На месте разберемся».

Доктор устал, и его быстро укачало. Он задремал. Сквозь дрему слышал голос рикши, который задавал ему бесконечные вопросы, но ответов не слышал. Так что и не переспрашивал.

Однако сон в Чистилище — понятие относительное, толком и не заснешь, потому что мозгу сон не нужен. Так что у Гостиного двора, когда коляска зашаталась, запрыгала по трамвайным рельсам, он совсем пришел в себя.

И тут увидел то, что видеть не положено.

Когда коляска повернулась, потому что рикша старался выправить ее, доктор увидел, как по Сенной на той стороне Невского, как раз под кривой вывеской ресторана «Баку», едут пять или шесть боевых велосипедистов в касках и серебристых плащах. Они ехали по тротуару, прижимаясь к стене дома и не приближаясь к рикше.

Но у Леонида Моисеевича не было сомнений: это — охотники. Они выслеживают дичь. И не самого доктора — чего его выслеживать — и так весь на виду. Они выслеживают Люсю и генерала — тех, к кому едет доктор.

От них уйти будет потруднее, чем от рикши.

Это было как в клинике. Ты смотришь с надеждой на доктора, который пишет заключение после анализов, и робко спрашиваешь: «Ну как у меня?» «Плохо, — отвечает доктор. — У вас неизлечимая болезнь».

Доктор сидел в оцепенении, а рикша продолжал сам с собой:

— Человек один ничего не может, недаром об этом мудрые люди писали. Вы как относитесь к членству в организации? Правильно, я тоже воздерживаюсь, потому что непосредственное членство — это удел слабых, но, с другой стороны,

быть одиноким волком я вам не советую... Да вы и без меня это знаете, едете сейчас к своему шефу, я правильно угадал?

Теперь надо было убежать от рикши.

Как это сделать?

И еще над ухом непрерывный словесный поток...

Выехали на набережную. Коляска задергалась — мостовая оставляла желать лучшего.

Где-то здесь рикша оставлял коляску в прошлый раз. Вернее всего, он вот-вот остановится.

Доктор улучил этот момент.

— Так свой экипаж поломаю, — сказал рикша.

Коляска стала останавливаться.

Доктор посмотрел по сторонам. Справа — парапет, за ним — серая вода канала. Слева — старые двухэтажные здания, в одном был когда-то магазин. Этот двор может быть проходным. Впрочем, размышлять не приходится. В его распоряжении минута и эффект внезапности.

Наверное, Леонид Моисеевич с детства так не бегал — как хорек, как солдат под бомбежкой.

Когда он бежал по длинной сводчатой подворотне, сзади донесся громкий и растерянный голос рикши. Значит, он еще только соображает, что делать.

Доктор оказался в узком длинном дворе — в том конце еще одни ворота — в следующий двор.

Теперь рикша уже бежит за ним. Это доктор чуял спиной.

Двор завершался тупиком — выхода на Сенную не было.

Справа была видна распахнутая, на одной петле, дверь, возле нее ржавая вывеска «Ремонт часов».

Доктор вбежал в полутемное помещение и увидел, что за высоким покрытым столом сидит человек в белом халате и рассматривает часы.

— Простите, — сказал доктор, — здесь есть выход?

Он неловко толкнул угол стола, стол пошатнулся, человек упал головой на стол и уронил пинцет.

Часы покатились яичком со стола и звонко ударились о каменный пол.

Часовщик был давно мертв.

За его спиной виднелась дверь.

Доктор кинулся туда. Упал стул.

Он пробежал темным коридором, оказался в небольшой комнате с окном.

На подоконнике стояли в горшках бумажные цветы.

На диване, прикрыв ноги скатертью с изображением плю-

шевого тигра, полулежала рыжая женщина с белым в веснушках лицом.

— Здравствуйте, — сказала она доктору.

Он намеревался спрятаться здесь, но женщина могла его выдать.

Доктор услышал, как в часовую мастерскую вбегает рикша.

Окно было без стекла.

Доктор перевалился через подоконник. За ним на улицу выпали бумажные цветы.

Он был на Сенной.

Логично было бы перебежать улицу и искать спасения в зовущей, открытой двери магазина «Судостроение».

Доктор заставил себя не поддаться очевидному, пробежал по улице — первое окно, второе, третье... дверь.

Вот он в подъезде.

Тут темно, но стекла с переплетами во входной двери сохранились.

Доктор встал у стенки так, чтобы видеть улицу. Он надеялся, что снаружи его не разглядят.

Он увидел, как рикша выбежал на улицу и, почти не задерживаясь, поспешил к книжному магазину.

Теперь он будет носиться по помещениям магазина, разыскивая доктора под полками или на складе.

Доктор перебежал обратно к окну, возле которого приглашающим ярким пятном валялись бумажные цветы, и влез в комнату.

— Ах, это опять вы? — удивилась женщина на диване. — Вы не видели Аркадия?

— Он там, — сказал доктор.

— Скажите ему, что сломался телевизор, — сказала женщина.

Проходя мимо мертвого часовщика, доктор сказал, что сломался телевизор, но часовщик, конечно же, не ответил.

На набережной стояла коляска.

Доктор думал было воспользоваться ею, но решил, что это слишком тяжело, да и он сам будет очень заметен.

Может, выкинуть коляску в воду?

Нет, он этого не сделает. Каким бы человеком ни был рикша, коляска — его жена, любовница, смысл бессмысленной жизни.

Доктор быстро пошел по набережной.

И когда до Большой Подьяческой оставалось всего ничего, он вдруг остановился.

Впереди, у моста через канал, стояли велосипедисты. Может, поджидали его, может, потеряли, но знали, где устроить засаду.

Доктор ринулся к стене дома, прижался спиной.

Он теперь не видел велосипедистов, а они не видели его. Но вот-вот сзади должен был появиться рикша.

Если жертва видит охотника, она получает преимущество. Она может напасть первой, а может кинуться в заросли.

Доктор избрал второй путь.

Побежал к Подьяческой кружным путем по Римского-Корсакова. Потом ему пришлось некоторое время искать проходные дворы. Ведь прямая Большая Подьяческая просматривалась из конца в конец, и если они оставили у начала канала велосипедиста, тот наверняка увидит Леонида Моисеевича.

Доктору опять повезло. Длинные проходные дворы, которые соединяли уходящие в глубь квартала корпуса, помогли добраться до нужного дома. Он поднялся по черной лестнице.

Вот и нужная квартира.

Черная дверь, к счастью, была открыта, стучать не надо.

Впрочем, что в этом хорошего? Ведь предупреждали же ее — двери запирать!

Доктор тяжело дышал.

Ноги дрожали. Это была реакция на нервную гонку.

Он осторожно открыл дверь и оказался на коммунальной кухне, просторной, с четырьмя плитами и четырьмя хозяйственными столами.

Доктор сразу догадался, что Люся выбрала себе один из столов и поставила там вымытую посуду. Он подумал, что Люся, вернее всего, успела спуститься к каналу и набрать воды. Молодец, умная девочка, чистюля.

Доктор прошел по коридору.

— Люся! — позвал он громко.

Никто не откликнулся.

Доктор почувствовал, что в квартире никого нет.

Как будто исчезновение небольшого человеческого тела из всех комнат настолько нарушило состояние воздуха, что ты уверен в том, что квартира пуста.

Доктор заглянул в каждую из комнат, а их в квартире было шесть.

В третьей было жилище Люси с Егором.

На столе лежали бумаги, журналы, даже старые газеты, на тахте валялась толстая открытая книга.

Доктор пошел к двери.

Наружная дверь приоткрыта.

Вернее всего, Люся сама пошла куда-то. Может, за водой? Или к генералу?

Стало ей тоскливо сидеть одной, вот она и пошла к Чумазилле.

Доктор понял, что надо оставить записку.

Он сел за стол, взял чистый лист бумаги, заточенный карандаш.

Как написать, чтобы она поняла, а чужому взгляду записка ничего не скажет?

Доктор успел написать только «Дорогая Люся!», как услышал снизу голоса.

Он кинулся к окну.

С третьего этажа было видно, как в нескольких десятках метров от подъезда посреди мостовой остановилась растерянная Люся.

К ней от канала бежали велосипедисты.

— Стой! — вопили они, стараясь перекричать друг друга.

Люся кинулась было бежать в другую сторону, но оттуда уже крутил педалями рикша.

«И чего же я не кинул коляску в реку!»

— В подъезд, Люся, в подъезд! — закричал доктор.

Люся подняла голову, увидела Леонида Моисеевича.

— Что? — крикнула она. — Что вы говорите?

И тут же на нее накинулся первый из велосипедистов.

Люся стала отбиваться и этим дала им повод ее бить.

— Не смейте! — закричал доктор. — Отпустите!

— Ах вот ты где! — обрадовался рикша.

И кинулся к подъезду.

Но доктор не стал его дожидаться, а побежал по лестнице вниз.

Он встретил рикшу на втором этаже. Рикша схватил его, он был куда сильнее и злее.

— Да я же не убегаю! — кричал доктор.

Рикша заломил ему руку за спину и так вывел его на улицу.

— Ну зачем вы так, — сказала Люся, когда их вели к каналу.

— Что так? — не понял доктор.

— Стали кричать. Они бы вас не заметили. А потом бы вы с Егором меня освободили.

Велосипедисты с шутками и гоготом мальчишек, выигравших футбольный матч у соседнего двора, связали пленникам руки перед животом и потащили их к набережной. Там взо-

брались на велосипеды — одни ехали спереди, натянув веревки, другие перекликались сзади.

Рукам было больно. Веревки дергались, узлы впивались в запястья.

Зато велосипедисты не слышали, о чем разговаривали Люся с доктором.

Доктор рассказал ей, что Егор уже находится в реальном мире, чем ее страшно испугал. Она не думала, не хотела думать об опасности для Земли или каких-то химических складах — ее Егорушка, ее единственное сокровище, ради которого стоит жить, ушел от нее.

Она и жалела его, и боялась за него, а то принималась казнить его и проклинать, потому что нельзя думать только о себе — разве так можно, кинуть ее в этой яме? «Я же за ним пошла бы куда хочешь, хоть на Северный полюс».

Потом ею завладела новая мысль:

— Леонид Моисеевич, а у вас еще вакцина осталась?

— Даже если бы осталась...

— Вы должны, вы обязаны меня тоже уколоть.

— Зачем? Не лучше ли подождать, пока вернется Егор?

— А кто его будет защищать? Он же все позабыл — его любой бандит убить может. Он же мягкий, он же тряпка!

— А ты?

— А я железная, я как кошка живучая.

— Ладно, — согласился доктор, чтобы утешить девушку. — Я тебе вкачу вакцины.

— Почему согласились? — Люся была охвачена подозрением. — А потом обманете?

— Глупышка. Кто нас с тобой подпустит теперь к вакцине? Неужели ты думаешь, что они тащат нас для того, чтобы кормить обедом и отвести в балет?

— Бросьте шутить! — Люся была настроена серьезно. — Мы убежим и отыщем Егора.

— Хорошо, — сказал доктор. — Сделаем, как ты велишь.

Он устал бежать за велосипедистами и готов был уже взмолиться о пощаде.

Но, на счастье, велосипедисты и сами устали крутить педали.

Они поехали тише, со скоростью шага, и пленники уже не так мучились, если не считать, что веревки держали их туго, так, что затекли руки. Доктор достаточно знал Берию, чтобы предположить, что их спрячут в казематах и Берия будет допрашивать обоих.

— Держись, Люся, — сказал он на прощание девушке, когда их подвели к ступеням Смольного.

Рикша остался у ворот. Ждать заданий.

Глава 13

ЕГОР ЧЕХОНИН

Егор недостаточно знал Петербург.

Он был там с отцом на школьных каникулах в девятом классе, отец считал себя просветителем и с утра доставал записную книжку, в которой были учтены все музеи и галереи, а также выдающиеся памятники архитектуры. Егор устал за неделю и мало что запомнил.

Но Егор думал, что у него есть преимущество перед агентами Берии. Вернее всего, они сбежали из мира раньше, и даже значительно раньше, чем он. Может, он думал так оттого, что Майоранский был похож на киноменьшевика, а Лядов — на Суворова. И одеты они старомодно.

Обычно люди одевались в Чистилище так, как привыкли делать при жизни.

Эти мысли промелькнули у Егора, пока он перемещался в свой старый мир. Само перемещение не занимает времени и в то же время объективно кажется долгим.

И тут он очутился в нашем с вами мире.

Он и не мечтал здесь очутиться. И все произошло так быстро, что он не подумал о Люсе. А сейчас, стоя на каменном полу пустого пыльного цеха, он вдруг понял, как плохо он поступил.

Хотя и не мог поступить иначе.

Но он не должен был — не имел права оказаться дома без Люськи. Это было предательством.

Пока сбивчивые мысли неслись в сознании, Егор осматривался и прислушивался.

Все было иначе.

Во-первых, воздух — живой, наполненный запахами и звуками.

Может быть, если ты живешь здесь всегда, то этого гудения воздуха не чувствуешь.

На самом деле — это главное, что ощущает человек, пришедший *оттуда*.

Егор осмотрелся. В гулком здании покинутого цеха, в дальнем конце которого стояли штабеля ящиков, было совсем пусто. Может, поздно, может, выходной, а может, завод стоит.

Пол был пыльным. Пылинки, миллионы пылинок танцевали в воздухе, где из высокого окна цех пронзал по диагонали луч солнца.

Господи, это же солнце! Какая радость!

Егор сделал несколько шагов в сторону луча и остановился — увидел в пыли следы ботинок.

Вернее всего, следы агентов.

Они знали, куда идти. И пошли не прямо в торец цеха, как намеревался Егор, а направо, к небольшой двери.

Он быстро пошел по следам, но, еще не дойдя до двери, был вынужден остановиться, потому что перехватило дыхание.

Воздух здесь был тугим, он с трудом входил в легкие, когда спешишь. Это придется учитывать. Ты же мертвый человек среди живых в отпуске на три дня!

Приоткрытая дверь вывела Егора на заводской двор.

Наконец-то он на улице.

Вечерело. И было не поздно. Скорее тепло, чем холодно; ветер, налетающий вежливо и не спеша, был прохладным.

Множество звуков окружило Егора. И звонок проезжающего за высоким забором трамвая, и вороний крик, и лай собаки, и голос телевизора, передающего спортивный репортаж, и даже отдаленные переклики людей.

Перед ним была проходная.

Егор обернулся.

Сзади поднимался потрепанный корпус цеха, но справа и слева стояли целые и обитаемые здания. Видно, это был большой завод.

Егор вошел в проходную.

Бабка, сидевшая за турникетом, пронзила его орлиных взором из-под сильных очков и спросила:

— Ничего с собой не прихватил?

— Как же можно? — возмущенно и правдиво ответил Егор и этим вахтершу убедил.

Пройдя, он остановился, словно только сейчас вспомнил о пустяке.

— Простите, тут двое наших были, — сказал он. — Один худой, а другой с бородкой, как у Ленина. Они давно прошли?

— Эти-то? Минут десять. Но ничего про тебя не говорили.

— И не должны были, — согласился Егор. — А куда они пошли?

— Мне откуда знать? Я за ними не бегала. Но думаю, что на трамвай пошли. Куда еще у нас пойдешь? У нас только у коммерческого директора джип есть.

Егор вышел на площадку перед проходной. По обе стороны тянулся высокий некрасивый бетонный забор.

Вот и трамвайная линия.

Егор вышел к ней, посмотрел в обе стороны и увидел белую табличку на проводах — остановку.

Там стояла женщина.

Егор решил не терять времени.

— К Московскому вокзалу, — спросил он, — в какую сторону?

— Отсюда, — ответила женщина, — отсюда трамваи ходят.

Егор перешел улицу и встал неподалеку от женщины.

Женщина охватила его цепким и быстрым взглядом.

— Работу ищешь? — спросила она.

— Нет, не ищу, — ответил Егор. Он не хотел заводить разговоры — он мог проговориться, показаться чужим. Правда, паспорт у Егора был: он всегда носил с собой паспорт с московской пропиской.

— Поизносился, — сообщила ему женщина.

Егор внимательно посмотрел на нее.

Она тоже была одета не лучшим образом, в руке — авоська с пустыми бутылками, молодое лицо красное, как на морозе. От нее пахло перегаром и потом.

— До вокзала далеко? — спросил Егор.

— Дай десятку, сообщу.

— Нет денег.

— Так я и думала. Вопросы задавать — все вы мастера, а как помочь человеку, вас нету. Может, продать чего хочешь?

Подошел трамвай. Он был полупустым.

Женщина вошла перед Егором и встала рядом.

Егор хотел было спросить у нее, какое число, но удержался — уж очень она болтлива.

Вместо этого он спросил:

— До Московского сколько ехать?

— Скоро будем. А часы не продашь?

И только тут, как вспышка, на Егора обрушилась мысль: он же кинулся в Верхний мир без денег! Совсем без денег.

Именно когда подумаешь о таком, начинаются новые неприятности.

Трамвай остановился на углу большой улицы. В него вошли два парня, у одного на груди — бляха.

— Прошу приготовить билеты, — сказал он.

Второй быстро прошел в другой конец вагона, чтобы отрезать путь к отступлению безбилетникам.

— Все, нам кранты, — сказала женщина. — Теперь держись за меня, не пропадешь.

— Ваш билет? — контролер приближался к ним.

Второй подошел к женщине и Егору.

— Ваш билет, — сказал он, не глядя на пассажиров.

— Может, лучше бутылки купишь? — спросила женщина. — Бутылки хорошие, отечественные. А то мне далеко ехать до ларька.

— А пошла ты, Верка, — сказал контролер.

— Парень со мной, — сказала женщина. — Любовник.

— А где Емельян?

— Емельян в отлучке, — сказала женщина и громко засмеялась.

— Триппером заразила? — спросил контролер и не получил ответа.

Контролеры сошли с трамвая.

— Хорошие ребята, — сказала женщина. — Только хамье. Ты не слушай про триппер. Емелю дружки порезали. Из-за пустяков — лишний помойный ящик заказал. Представляешь?

Егор сообразил, что она очень молода. Кожа на лице красная, огрубевшая, а зубы целые, губы пухлые — она еще не стала развалиной. И белки глаз пока еще не красные, а белые, нормальные, с голубыми кружочками зрачков.

— Чего уставился? — заявила Вера и вдруг засмеялась. — Понимаешь, я же не думала, что мы с тобой подружимся, и твоих биографических данных не спросила. Как тебя зовут и где ты бедствуешь?

— Егор.

— Такого имени нет.

— Полное имя Георгий, — сказал Егор. — Георгий Чехонин.

— И паспорта нет?

— И паспорт есть.

— А где ночевать будешь?

— Мне на поезд надо, в Бологое.

— Что там делать будешь, попса ты моя наивная? Тебя что, жизнь еще мало била? Оставайся в Питере. Будем вместе жить, не пропадем. Меня вся Нарвская знает. Верка-снайпер. Я нормальная баба, здоровая, ты не подозревай.

— У меня в Бологом важное дело, — сказал Егор.

— Я предложила, ты меня отринул, — сказала Вера громче, чем следовало, словно работала на публику.

К ним поворачивались головы.

— Брезгуешь? — спросила Вера.

— Нет, — сказал Егор. — Честное слово, мне это и в голову не приходило. Но у меня, ей-богу, важное дело в Бологом. От этого зависит жизнь многих людей.

— Цицерон! — воскликнула Вера. — И я должна ему верить.

— Как хочешь, — сказал Егор.

Воздух за окнами трамвая стал синим, желтые огни — так давно он их не видел! — зажглись в домах, загорелись фонари. Люди проходили черными силуэтами мимо витрин, приобретали объем и цвет, когда оказывались на фоне стены.

Огни отражались на крышах автомобилей.

Егору казалось, что город веселится, как Рио-де-Жанейро во время карнавала.

Впереди показалась площадь с высоким обелиском. Площадь была почти круглая и очень просторная. Справа виднелось здание Московского вокзала.

— Спасибо, — сказал Егор Вере, — я пошел.

— Мне тоже сходить, — сказала Верка.

Они сошли с трамвая и пошли к входу в метро.

— Простите, Вера, — сказал Егор. В конце концов, Вера была его единственной знакомой в Петербурге. — У вас не найдется телефонной карточки?

— Проблема, — вдруг развеселилась бомжиха. — Я люблю скоротать вечерок в телефоне-автомате, беседуя с подружкой Мэри в Лос-Анджелесе!

— Извините, — сказал Егор.

— А что, совсем денежек нет?

— Я спешил и не взял.

— И мог бы взять, врунишка мой?

— Мог бы и взять. Сколько угодно. Они же взяли.

— Кто это такие они? У тебя есть враги?

— Не столько у меня, как у всех нас.

— Меня включая?

— И вас.

— Значит, демократы и президент Клинтон.

Вера принялась смеяться. Она все делала преувеличенно, громко и даже вызывающе.

— Значит, тебе карточка нужна?

— Мне надо позвонить в Москву.

— Только не произноси передо мной слова «правоохранительные органы». Если половые органы — пожалуйста, а если правоохранительные, я тебя убью.

— Я не из милиции, — сказал Егор.

— Что же, у меня глаз нет, что ли? Конечно, ты не из милиции, я думаю, ты краденый.

— Как так?

— Тебя украли, чтобы насолить твоему папаше-депутату. А твой папаша им говорит — режьте сына, бейте, убивайте, но бабок от меня вы не увидите. Вот они и держали тебя в подвале, казнили и убивали, а потом плюнули и отправили тебя куда глаза глядят.

— Очень интересно, — сказал Егор и подумал, что при всей нелепости этой версии она была не так уж далека от действительности.

— Мне нужно две минуты...

И он тут же замолк.

Не нужна ему телефонная карта. Просто мозг его настолько ослаб, что выкинул из себя нужные факты: у него же нет домашнего телефона Гарика, а в Институт экспертизы он сможет позвонить только завтра. А завтра он может оказаться так далеко от Петербурга и от телефона...

— Черт побери...

— Опять что-то не так? — спросила участливо Вера.

— Мне нужен билет до Бологого.

— Переночуешь у меня, получишь завтра билет.

Егор спросил:

— А где вход в вокзал?

— Здесь много входов.

— А где кассы?

— С той стороны... Да что я тут с тобой расселась! Иди занимайся своими проблемами, а меня оставь в покое.

Но никуда Верка-снайпер не ушла.

— Вы хотели купить мои часы, — сказал Егор. — Хорошие часы, «Сейко».

— Идут?

— Там, где я был, часы не идут, — сказал Егор.

— В любой зоне часы идут, — возразила Верка. — Может, батарейка кончилась? Покажи.

Егор снял часы. Он их не выбросил в том мире, потому что это был подарок отца, когда он получил аттестат.

Верка взяла часы, стала рассматривать, прочла — «Сейко», потом потянула за винтик, подвела стрелки.

— В порядке, — сказала она. — Идут.

— Не может быть!

— А ты погляди, зачем свои вещи унижаешь?

«Господи, — подумал Егор, — ну как сказать тебе, чтобы отодвинулась? У меня теперь такое обоняние — катастрофа».

Верка протянула Егору часы. Секундная стрелка двигалась толчками — по секунде толчок. Часы шли. Они возвратились домой, все вернулось для них на свои места. А вот для тебя, Егор, ничего не вернулось. Тебе здесь не жить. И Верка тебя, переоценивает. Если бы даже захотел отплатить ей за билеты или за телефонную карточку ночью любви — ничего бы прекрасная бомжиха не добилась от молодого джигита.

— Ты что? — спросила Верка. — Раздумал часы отдавать?

— Возьми.

— Сколько? Только учти, мне еще клиента надо отыскать и всучить. А часы не новые, еле идут.

Егор улыбнулся.

— На твой век хватит, — сказал он.

— Сколько?

— Билет до Бологого и телефонную карточку. И еще на автобус. Может пригодиться.

— Да у тебя губа не дура.

— Я обещаю все тебе вернуть. Все деньги... А часы будут в подарок. Хорошенько подумай, Вера. Может, тебе это выгодно?

— И я должна тебе верить?

— А кому еще, как не мне?

— Разумно, — сказала Верка, почесала в голове острым длинным ногтем. Вокруг совсем стемнело, и потому освещенная площадка перед входом в вокзал, куда они поспешили, казалась яркой сценой. А за ней утопал в темноте зрительный зал.

— А какой вагон тебе? — спросила Верка.

— Все равно какой. Лучше, конечно, купейный. Но все равно.

— Общий пойдет?

— И общий пойдет.

— И карточку? И билет? А сколько билет на автобус стоит?

— Дай из расчета десяти долларов, — сказал Егор.

— Бери свои часы и разбегаемся, — твердо ответила Верка.

— Ну ладно, ладно, сколько дашь, столько и возьму, — сказал Егор.

Верка кинула часы в карман шинели, залезла рукой за пазуху и вытащила оттуда целую пачку десяток.

Отсчитала несколько штук и протянула Егору.

— Этого тебе хватит в два конца. Потому что я жду тебя, понял?

— Спасибо, Вера, — сказал Егор.

— И возьми мою визитную карточку.

Верка протянула ему визитку. Егору показалось нетактичным рассматривать ее, и он сунул в карман куртки. Сунув, спросил:

— А там адрес есть?

— Ну ты, блин, даешь! — сказала Верка. — Я, знаешь, визитками не разбрасываюсь. И кому попало не даю. Все там есть — и адрес, и телефон.

— Обещаю тебе, что если буду жив, то через два дня все верну.

— Может, тебе надо еще помочь?

Егор чуть было не попросил ее позвонить Гарику. Но что-то заставило его удержаться от просьбы. Какое-то опасение — опасение, что Вера не та, за кого себя выдает.

Чувство было сродни тому, что испытывал Леонид Моисеевич, когда увидел возле Невского рикшу. Уж слишком все удачно складывается.

— Ну я пошел, — сказал Егор.

— Ну иди, — согласилась Верка. Она поправила армейскую пилотку времен войны и закинула за плечо авоську с пустыми бутылками.

Егор пошел к билетным кассам и через несколько шагов обернулся. Верка стояла неподвижно. Она смотрела ему вслед. Увидев, что Егор глядит на нее, она подняла руку и помахала ему пальцами.

Егор вошел в кассовый зал.

Теперь многое зависело от везения.

В вечернем зале было много народу, он был светлым и просторным. За стеклянной стенкой, как в террариуме, синие кассирши.

Егор прошел к большой доске — расписанию поездов.

До Москвы вечером и ночью было несколько поездов, и они останавливались в Бологом.

Были ли уже здесь агенты? Или еще подходят?

Егор подошел к справочному экрану и узнал цену билета

до Бологого. Потом пересчитал свои деньги. Только-только хватит на плацкартный. Если купить общий, то останется несколько рублей — на автобус.

Девушка могла бы быть пощедрее.

Вряд ли — что он ей? Ведь живет она, сдавая бутылки, — так что хлеб ей достается нелегко.

Едва ли агенты могли намного его обогнать.

Но стоит, наверное, пройти по перронам. Ведь в расписании есть один почтовый, отходит через час. Может, они решили ехать на нем?

Егор направился к выходу и тут столкнулся с агентами. Они как раз входили. Никогда в жизни ничего не получается так, как ты того желаешь. Он готов был отыскать шахматистов на перроне, у поезда, но не сталкиваться же с ними в дверях.

По инерции Егор вышел на улицу и остановился.

«Не спеши, — уговаривал он себя, — иди спокойно, не бросайся снова к кассам — это самый верный путь обратить на себя внимание».

Он просчитал до двадцати и вошел в зал.

Шахматисты, как и он сам, были одеты странно для внимательного глаза. Они были одеты случайно.

В своих костюмах они многократно лежали на земле или на досках, им дела не было, все ли пуговицы застегиваются, они никогда не чистили ботинок и не гладили брюк.

В общем, такие люди не обращают на себя внимания на российских вокзалах, но если ты поставил целью выследить пришельцев из Чистилища, то отыскать их нетрудно.

Тем более что не только и не столько в одежде дело. У них бескровные сероватые лица, тусклые нечесаные волосы, руки настолько лишены загара и даже действия свежего воздуха, что стали голубоватыми.

Лядов и Майоранский подошли к кассе.

Егор направился за ними и остановился между этой кассой и следующей, вынул из кармана бумажник, принялся в нем копаться.

Каждое слово, сказанное шахматистами, доносилось до него.

— Два билета на Бологое. Чем скорее, тем лучше. Купейные.

Кассирша что-то ответила.

— Какой паспорт? — спросил Майоранский — тот, кто постарше, с бородкой клинышком. — Почему паспорт?

Он выслушал ответ кассирши и сказал, натянуто улыбаясь — улыбка ему не шла:

— Неужели мы производим впечатление террористов?

— Поймите же, — вмешался Лядов, — мы едем в командировку, на один день, всего на один день. И сразу вернемся. Нам даже в голову не пришло...

— Нет, — сказал Майоранский, — мы не можем ехать домой — у нас нет на это времени.

— А что можно сделать? К начальнику вокзала? Зачем мы будем его утруждать?

Лядов прикрыл Майоранского, тот вытащил из кармана конверт, отсчитал несколько бумажек и произнес, протягивая их кассирше:

— Тогда два билета в мягкий вагон.

— В международный, — поправил его Майоранский, отошел в сторону и стал изучать табло-расписание.

Лядов что-то очень тихо сказал, почти прижав губы к стеклу.

Кассирша перестала бормотать и обратилась к компьютеру.

Затем достала две бумажки и протянула Лядову.

Лядов отсчитывал деньги.

Потом он отошел к Майоранскому и стал вместе с ним смотреть на табло.

— С шестого пути, — сказал он.

— С шестого пути, — согласился Майоранский.

Егор, который стоял за их спинами, увидел, что с шестого пути уходит поезд на Москву в 22.40. Пассажирский.

У стены стоял справочный пульт.

Егор набрал на нем номер поезда, чтобы узнать, когда он будет в Болотом. Оказалось, в пять часов сорок минут утра.

Что ж, они правильно рассудили. Они окажутся в Бологом ранним утром — у них целый день, чтобы добраться до цели.

Как же они получили билеты без паспортов? Купили кассиршу? Наверное, Берия снабдил агентов хорошими деньгами. Он же предусмотрел подобные ситуации, хоть и не знал, что теперь билеты продаются только по паспортам.

Егор подошел к той кассе, где брали билеты Майоранский и Лядов. Кассирша подняла к нему сильно накрашенные карие очи. Это был взгляд томной коровы. Зовущий взгляд.

— Только что два гражданина брали билеты на 65-бис до Бологого.

— Я никого не знаю. — Глаза захлопнулись.

— А я и не спрашиваю, — сказал Егор. — Попрошу дать мне билет в тот же вагон, в котором намереваются путешествовать эти граждане. Вам понятно?

— Я же сказала...

— И никому не слова. Ясно?

Кассирша даже не спросила паспорта. Она поверила праву Егора следить за пассажирами и к тому же поняла — ее никто не намерен судить или преследовать за взятку.

К счастью, денег хватило, хоть и в обрез. И Егор с некоторым запоздалым сожалением подумал, что, если бы он дал ей меньше денег, чем стоил билет, кассирша не стала бы требовать остального. Но не сообразил — теперь мучайся.

Билет был в четвертый вагон. Конечно, можно было бы поехать и в другом вагоне, но так по крайней мере можешь быть спокоен, что шахматисты не сойдут на остановку раньше. Ведь поезд пассажирский, останавливается часто...

Времени до отхода поезда оставалось немало.

Надо использовать его разумно.

Были бы сейчас деньги — он бы отправил в Москву телеграмму. Впрочем, может, их хватит?

Егор пошел в почтовое отделение. Тут же, на вокзале.

Когда вошел туда, удивился странному и почти забытому чувству во рту. И в желудке. Он был голоден! Не может быть. Сейчас бы рассказать об этом Леониду Моисеевичу! Может, кажется? А попробовать? Нет, телеграмма важнее.

В почтовом отделении никого не было. Егор истратил три бланка, прежде чем получился кратчайший текст:

МОСКВА ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТИЗЫ
ГАГАРИНУ БОЛОГОЕ ПОЧТА ЕГОР

Сонная тетка долго считала мелочь — хватило впритык. А вот на конверт, чтобы отправить его до востребования, уже денег не было. Хоть бы снова Верка-снайпер встретилась. На конверт она бы дала.

Теперь оставалось еще одно дело — конечно, надежды немного, но попытаться придется.

Егор пошел искать отделение милиции.

В отделении милиции было шумно и людно.

Как раз перед Егором два милиционера втащили туда пьяного гражданина, который кричал, что его ограбили. Две девицы, очевидно легкого поведения, плакали навзрыд на скамейке рядом со столом дежурного, кто-то требовал адвоката.

Неудачное вечернее время на вокзале.

Егор стал ждать. Дежурный что-то писал, и разговаривал

сразу с обиженным гражданином и сержантом, который принес ему чай, и материл девиц.

Егор ждал.

Ничего не менялось. Было душно. Вместо девиц появилась крикливая цыганка, у нее в юбках металась собачонка, на спине в желтом рюкзаке рыдал младенец. Гражданин отошел, но привели кришнаитов, у которых не было паспортов.

Егор пошел дальше по коридору. Но две двери по одну сторону и одна по другую были заперты. В крайней комнате за столом сидела лейтенант — хорошенькая блондинка. Она писала.

— Вам кого? — спросила она.

— Вас, — сказал Егор.

— Тогда скажите рифму к слову «блестят».

— Пустяк, — сказал Егор.

— Это не пустяк, — возразила лейтенант, — это серьезно.

— Пустяк — это рифма.

— О нет, нет, нет! Мне нужна возвышенная рифма. Ведь глаза блестят.

— И это не пустяк.

— Другую!

— В гостях.

— Ага. Тут есть о чем подумать.

— У меня к вам тоже просьба. Мне нужно оставить у вас записку.

— Тоже влюблен? — спросила лейтенант.

— Нет, я слежу за важными преступниками, — сказал Егор, — но необходимо передать о них сведения в Институт экспертизы.

Лейтенант отодвинула листок со стихотворением.

— В Институт судебной экспертизы?

— Просто в Институт экспертизы.

— Такого нет, — сказала лейтенант.

— Мне только написать письмо. Поверьте, я преследую их, но остался без копейки.

— Это очередная ложь?

У лейтенанта были выщипанные высокие брови и голубые тени вокруг глаз. Губы грубо темно-красно, широко и даже размашисто накрашены.

— Я же вам рифму дал, — сказал Егор. — Я еще могу дать. Это честно?

— А с начальником разговаривал?

— Его нет.

— Ну что ж, рискнем, одним добрым делом больше, одним делом меньше, не играет роли. Конверт у меня без марки.

— Нужна марка.

— Ладно, завтра найду. Ты мне нравишься. Садись за тот свободный стол и пиши. А мне дай рифму. Я все хорошо делаю, у меня стихи первый класс, на всех мероприятиях меня привлекают, но с рифмой нелады. Дай мне рифму к слову «гениальный».

— Реальный.

— Не лучший вариант. Ну ладно, на тебе бумагу...

И, как назло, в тот момент в комнату вошел молодой старшина с толстым розовым лицом, желтыми бровями и ресницами.

— Ох, — сказала девушка низким голосом и в мгновение ока одной рукой открыла ящик стола, другой смела в него бумаги — и рифмы, и стихи.

— Это что еще за фрукт? — спросил старшина.

— Ошибся номером, — сказала лейтенант. — Вы идите гражданин, идите.

— Мне можно попозже зайти?

— Гони его, Коля, — сказала девушка равнодушным голосом.

И Егор понял, что старшина и есть объект ее страсти. И потерять его — трагедия. Так что у Егора нет шансов.

Он вышел в коридор.

Возле дежурного все так же клубились задержанные и свидетели.

Бомж в рваном матросском бушлате и бескозырке пытался плясать, напевая «Яблочко».

Егор решил пойти в другое отделение. Должно же быть отделение возле вокзала, но в городе.

В зале, напротив входа в отделение, его ждала Верка-снайпер.

— Ничего не получилось? — спросила она.

— Ничего не получилось.

— Ходил доложить?

— Нет. Хотел оставить письмо.

— Я же тебе денег дала.

— Билет купил.

— И куда надо купил?

Сейчас бы послать ее куда подальше, но Егор понял — нельзя. От этой нелепой девицы зависит, может быть, судьба Земли. Надо рисковать.

— Куда надо.

— В Бологое?

— В Бологое.

— В чем проблема?

— Мне надо отправить письмо в Москву.

— Опять деньги? А мне что за это?

— Я через два часа уезжаю.

— А когда вернешься?

— Когда вернусь? Я буду спешить обратно.

— И у меня не задержишься?

— Вряд ли.

— Ох, не люблю я этих честных юношей, Павка Корчагин трахнутый, вот ты кто. Нет того, чтобы пожалеть женщину, подарить ей минуту душевного покоя. Знаешь, как трудно быть женщиной в этой дикой стране? Ты даже не представляешь.

— Ты сможешь отправить письмо?

— Ты сказку про Василису Прекрасную читал?

— Забыл. Ну отправишь или нет?

— Она была лягушкой, — сказала Верка. — Пошли на почту, я с собой конвертов не ношу.

Они отправились на почту, благо она все еще была открыта.

По дороге Егор думал — никакого смысла посылать письмо по почте нет. Пока оно дойдет, все уже кончится и некому будет его получать. Сама мысль отправить письмо могла прийти в голову лишь не совсем нормальному человеку.

Но как отправить весть в Москву?

— Нет, — сказал Егор. — Так не пойдет. Придется тебе завтра в Москву позвонить.

— Этого еще не хватало!

— Придется, Вера, — сказал убежденно Егор.

— Куда звонить-то?

— На почте я все напишу, а потом поговорим.

Егор подошел к стойке. Там лежали бланки телеграмм. И забытая им неподписанная телеграмма.

Егор перевернул бланк и стал писать:

Институт экспертизы. Москва. Телефон 095-876-2365. Гагарина. Здесь его нет. Калерию Петровну. В крайнем случае Катрин.

Вера стояла рядом. Не так уж от нее воняло помойкой. Она куда-то дела свою авоську с бутылками, теперь у нее была лишь потертая сумка через плечо.

Она делала вид, что ей неинтересно и она не подглядывает.

В районе Бологого есть опасный объект. Название Максимово или Максимовка. Туда направлены два агента, Майоранский и Лядов. Доктор Фрейд сделал вакцину, она действует три дня, можно жить у вас. Мне он тоже вколол эту вакцину. Цель агентов прежняя. Если не получили первого сообщения: уничтожение всей жизни на Земле, чтобы обеспечить благоденствие Чистилища. Я их преследую. Они меня в лицо не знают. У меня нет денег. Еду в Бологое поездом 65-бис. Буду там в 5.40 утра. Оттуда надо ехать автобусом. Это все, что знаю точно. Жду помощи. Егор Чехонин.

Вера взяла листок бумаги, прочла, шевеля губами, — видно, не очень успешно училась в школе. Потом спросила:

— Я это по телефону буду говорить?

— Да. Только проверь, чтобы тебя никто не слушал.

— А может, ты псих?

— Нет, я не псих.

— Они меня засекут и посадят, — сказала Верка. — А ты уже — тю-тю!

— Ты позвонишь из автомата. И не будут тебя сажать. Тебе деньги вернут.

— И ты поверил, чтобы у нас деньги возвращали? — удивилась Верка. — У нас догонят и еще отнимут.

— Добро. Я вернусь через три дня. Где тебя искать?

— Знаешь что, — ответила на это Верка. — Возьми свою ксиву обратно. Не мое это дело — может, ты работаешь на западные спецслужбы?

— Я тебя прошу, Вера. Ты единственный знакомый мне человек. Не имею я отношения ни к каким спецслужбам, клянусь тебе! Это наши дела, внутренние!

— Побожись!

Это было совсем неожиданно. Как в книжке Гайдара или Анатолия Рыбакова.

— Кем мне быть!

Неожиданно Вера сильно ударила его кулачком по плечу.

— Заметано, — сказала она. — Но с тебя честное слово под салютом всех вождей.

Бомжиха смеялась, улыбка была лукавой и вполне разумной.

Потом она спросила:

— Ты давно не ел, Егор?

— Несколько месяцев, — честно ответил Егор.

Вера приняла его слова за шутку.

— Пошли в буфет, — сказала она. — Я тебя угощаю.

— Деньги у тебя откуда? — спросил Егор.

— Я бутылки сдала, — ответила девушка. — Ты же видел у меня бутылки.

В вокзальном буфете было почти пусто.

Они взяли по стакану чая и по булочке с сосиской внутри.

Егор хотел есть, но, когда он откусил от булки, оказалось, что он и кусать разучился.

И глотать было трудно.

— Ты что, больной? — спросила Верка.

— В общем, больной, — признался Егор.

— Не заразный?

— Чтобы заразиться, к нам надо попасть, — сказал Егор.

— А где вы живете?

— Внизу, в аду, — ответил Егор.

— Я на тебя гляжу и думаю: ты сумасшедший или притворяешься? Можно я твою сосиску доем?

— Ешь.

Потом они прошли по перрону. Многие оборачивались, смотрели на Верку. Егору было чуть неловко, что на нее смотрят.

— Ты нарочно так разоделась? — спросил он.

— Нечаянно, — сказала Верка. — Но если я тебя компрометирую, то сейчас исчезну.

Она остановилась, протянула ему руку и сказала:

— Прощай. Я завтра позвоню.

Глава 14

ГАРИК ГАГАРИН

Я живу в однокомнатной кооперативной квартире в блочном панельном доме без прикрас.

Места хватает для библиотеки, компьютера, тренажера, дивана, письменного стола и кухни с минимальным набором посуды. Как что бьется, я покупаю новую чашку. А еще чаще

мне их дарят девушки. Среди моих знакомых есть обычай — дарить мне чашки, чтобы я их спокойно разбивал, не беспокоясь о последствиях.

Но чашки имеют обыкновение обгонять поток подкрепления.

Вчера я разбил английскую кружку, которую так берег, уж очень она была удобна, по руке, и главное, велика. На ней была надпись «Я люблю кофе». Только вместо слова «люблю» изображено красное сердечко.

Больше ничего плохого вчера не произошло.

Что в театр собирались с Катрин и не пошли — в конце концов, это не у меня насморк, а у нее.

Значит, в плохом настроении была виновата только чашка.

В дурном настроении я лег пораньше.

А ночью проснулся от того, что настроение испортилось совсем.

В полусне я вспомнил о том, что жизнь моя не сложилась, что я — урод, что со мной девушки в театр не ходят, что разбилась последняя хорошая чашка...

Я не хотел открывать глаза, чтобы не проснуться окончательно.

Потом все-таки открыл и посмотрел на часы.

Было всего половина первого — и проспал-то только час.

За окном неслись быстрые облака, подсвеченные уличным фонарем. Это было театральное зрелище. Ветер нес бурые и желтые листья, что тоже отдавало плохим театром.

Почему плохим?

Было так тревожно на душе, словно я потерял зарплату младшего сотрудника (в пересчете на у.е. — двадцать пять баксов).

Фонд Сороса не знает о нашем существовании. И это хорошо, они бы нас украли с помощью западных спецслужб, утащили в Штаты и выкачали бы из нас все тайны нашей державы.

Но что меня так беспокоит?

Я стал прокручивать в памяти весь день.

Саня Добряк занимается пушкинистикой и умело заманил на это минное поле Калерию. Нет, это меня не касается.

Катрин, как уже говорилось, в насморке. У нее покраснел нос. Она меня не любит. К тому же я не заслужил ее любви.

Но так ли уж мне нужна любовь Катрин? Мы ее пересидели, переждали, переделикатничали. Помните, у Джека Лондона есть рассказ «Когда боги смеются». Там как раз говорится о влюбленной парочке. Они так любили друг друга, так берегли

свою особенную любовь, что, даже поженившись, дотрагивались до тела любимого партнера лишь кончиками пальцев. Терпели, но сдерживались. Думали, что такая любовь и будет вечной. А боги посмеялись. Однажды возлюбленные проснулись, и оказалось, что они больше не стремятся к интимной близости... Рассказать об этом Катрин или погодить?

Что еще могло случиться? Ага, дядю Мишу, моего генерала, перевели на другую работу, с повышением. О чем он сообщил Калерии. А Калерия — мне. Теперь, если что-то случится в мире без времени, то неизвестно даже, кто захочет в это поверить.

Что еще?

Ага, Тамарочка. Наше разумное животное прекрасной внешности. «Достоевщина, — сказала она, узнав о судьбе дяди Миши. — Его заказали, как братьев Карамазовых».

Нет, близко, но не то...

Я снова закрыл глаза и почему-то вспомнил Егора Исаева.

Должен ли я жалеть его? Он совершил благородный поступок и остался в Чистилище, чтобы не оставлять Люсю Тихонову. Это прошлогодняя история, не имеющая конца, если не считать записки от Егора, полученной недавно. В записке говорилось об опасности, проистекающей от деревни Максимовка. Дядя Миша, привыкший уже всерьез принимать тот мир, сгонял со мной в наиболее подозрительную Максимовку. Безрезультатно. Остается теперь ждать новой весточки от Егора.

Если она будет.

Егор... как они там с Люсей?

У меня было к ним странное, почти родственное отношение. Вроде и не так близко знакомы и даже по душам не разговаривали. Ссылки, лагеря — я не пережил этого, поздно родился, но каково же было половине нашей страны ждать вестей из лагеря, из ссылки или из плена! Что за уродское, несчастное государство!

Егор. Ведь его до сих пор папа с мамой ждут. У Люси нет родных. А его отец как-то приходил в наш институт — откуда-то узнал, что перед исчезновением Егор бывал в Институте экспертизы. Отцу запудрили мозги и доказали, что, к сожалению, никаких сведений о сыне у нас нет. Но возможно, что он жив, хотя и не исключено, что погиб.

Мне нетрудно было представить тот мир — в отличие от многих миллионов соотечественников я там бывал. Я мог представить вечно серо-непроницаемое небо и зябкость воз-

духа — застойного, как в подвале, и лишенного запахов. И тишину мира, в котором не поют птицы, не тормозят автомобили; и людей так мало, что голос слышен за километр.

Егор... Что же меня мучает его лицо? Почему я не могу о нем не думать?

Егор... В груди болело, словно вставили железную палку.

Мне было тревожно. Наверное, никогда еще в жизни я не испытывал такой тягучей тревоги.

Впрочем, я вру. А помнишь ли ты, Гарик, как Васильчиков сорвался в пропасть в Цее? Нет, не в пропасть, а в трещину на леднике, и над трещиной сидела на ледяном ветру Юля Митяева, не смея отойти, словно надеялась, что ее присутствие сохранит Васильчикова от смерти.

Ведь я тогда проснулся ночью, всех поднял, мы побежали к леднику.

Я тогда почувствовал мысли Васильчикова или мысли Юльки — черт теперь разберет. Главное, что мы добежали, я их вел по леднику как днем, и состояние мое было таково, что никто не спорил со мной. А ведь могли бы и не поверить — Юлька с Васильчиковым еще за день ушли, чтобы перевалить Адайхох. Не новички...

Егор... Что с тобой случилось? Ведь я точно знаю — между тем миром без времени и нашим миром никаких эмоциональных связей нет. Как они с Люськой оказались там — словно отрезало!

Егор...

И тут я понял, что Егор здесь.

В нашем мире.

Ищет меня, стремится ко мне... А что он может сделать? Ведь он не знает даже моего телефона. В институт он дозвонится только завтра.

Конечно, Егор здесь. А это означает — случилось что-то неладное. И вернее всего, связанное с той историей: с Берией и Максимовкой.

Если Егор перешел к нам — это для него верная смерть.

Я должен увидеть его в ближайшие часы. Иначе не увижу вовсе.

Но где его искать? Я даже не знаю, где дыра, через которую он сюда вошел. Вернее всего, в Питере. Но и это не доказано.

Я вскочил с постели.

Принял душ, оделся.

Должен сказать, что я был деловит и даже относительно спокоен. Но мои чувства — это не более чем мои чувства.

Скажите мне, что бы я делал на месте Егора, если бы оказался вдалеке от Института экспертизы, но пожелал бы с ним связаться?

Я бы дал телеграмму в институт в расчете на то, что утром Калерия или Гарик Гагарин ее увидят.

Я давно не пользовался левитацией — неловко как-то, я же человек, младший научный сотрудник, а не пришелец без роду без племени.

Значит, мне срочно надо в институт, чтобы получить телеграмму.

Вызвать такси или долететь на своих двоих?

А вдруг увидят?

Но сейчас ночь — кто меня увидит в такую осеннюю погоду? Рано осень началась.

Такси по телефону — слишком накладно. И некогда бегать по городу в поисках попутки.

Вот получу за что-нибудь Нобелевку и тогда куплю себе «Оку». А сейчас придется полетать немного, до института и обратно, хотя, вернее всего, ничего в институте я не найду.

Я вышел на балкон. Зябко. Ветер дул порывами, будто набирал полон рот воздуху, а потом со свистом выпускал его. Он рвал листья с деревьев, хотя в сентябре можно было бы и не спешить, тем более дожди еще не начались.

Пришлось надеть свитер, джинсы и кроссовки. Теперь я был готов для полетов наяву.

Я так давно не тренировался, что, когда перемахнул через перила балкона и ринулся прочь от дома, сразу потерял равновесие и, словно вертолет, превысивший допустимый крен, криво понесся к земле. Лишь над самой клумбой под окнами смог выровнять полет и набрать высоту.

Я успел заметить, как кинулись в разные стороны подростки, которые курили в кустах, не желая возвращаться домой к нормальной жизни.

Я не стал набирать высоту, не хотел замерзнуть. Пошел чуть повыше проводов, чтобы не сгореть невзначай. Летунам в Москве приходилось принимать немало мер предосторожности. Хорошо было Мастеру с Маргаритой. Тогда страшнее трамвайных проводов зверя в воздухе не было.

Когда я вышел к Москве-реке, то вздохнул спокойнее. Можно было летать над самой водой и пролетать под мостами. С берега засвистел милиционер. Я его понимаю — увидеть неопознанный объект во втором часу ночи неприятно. Особенно если ты склонен к мистике.

У уродливого памятника Петру с дубинкой в лапе я выбрал дорожку поуже. Возле «Ударника» свернул на Полянку.

Дальше до самого института пошел над дворами, не выходя на улицы — еще подстрелит какой-нибудь испуганный охранник.

Я опустился на дворе института.

Особняк был темен, за исключением тусклого света в окне первого этажа. Там, в холле, должен сидеть ночной дежурный.

Мне не приходилось появляться в институте ночью. Можно проработать в институте всю жизнь и не увидеть его при лунном свете.

Правда, лунного света нам не дали.

Вот-вот пойдет дождик.

Я подошел к двери и позвонил.

Конечно, неприлично звонить в два часа ночи в свое учреждение, но ведь ночному сторожу не положено спать?

Видно, наш ночной сторож об этом не подозревал.

Я представил себе, как он закроет подушкой ухо, чтобы не слышать безобразного звона, но жалость к несчастному старичку с дробовиком не могла меня остановить. В конце концов, я же встал и пересек полгорода ради встречи со сторожем.

Наверное, прошло минут десять, прежде чем дедуля сдался.

Черная тень возникла за дверью, подсвеченная сзади неярким светом. В дверях возник черный силуэт.

Силуэт хрипло спросил:

— Чего там?

— Откройте, — попросил я миролюбиво.

— Я сейчас милицию вызову, — обещал дедуля.

— Мне только спросить...

— Давай отсюда!

И я понял: я сам виноват. Просительные интонации действуют на охраняющих дедуль возбуждающе. Они ощущают свое превосходство над ночным просителем. Отсюда шаг до хамства и угрозы: беги, а то стрелять буду!

Мне не хотелось доводить дедушку до таких мер. Поэтому я сменил тон на грозный.

— Откройте немедленно! — зарычал я. — Проверка объекта.

Тембр моего голоса должен был напомнить сторожу о существовании начальства.

— Ну чего еще... — Дверь отворилась.

Оказывается, я трагически ошибся.

Дедуля был лет двадцати пяти, сажень в плечах, низкий лоб, шея от ушей, надбровные дуги неандертальца, на поясе дубинка милиционерского типа, с другой стороны — кобура.

Ничего себе — дедушка при собачке! Видно, дирекция достаточно ценит наши компьютеры, чтобы связаться с охранной фирмой современного типа.

— А ну! — Молодец ощутил мою неуверенность. — Иди-ка на свет!

Что ж, придется прибегать к недозволенным приемам. Но что поделаешь! На мне лежит ответственность за все человечество. Нет, без шуток! Ведь так может случиться?

«Голубчик, — подумал я, — представь себе, что перед тобой стоит твой начальник, любимый или ненавистный, который вылез из койки, чтобы проверить, как ты несешь свой крест, не холодно, не страшно ли тебе на твоем крестном пути?»

— Как служится? — спросил я.

А охранник, крутой молодец, увидел своего прямого и грозного начальника.

— Иван Сергеевич, — сказал он, — а я в темноте вас за кого-то еще принял.

— А вот этого делать не следует, — пошутил я. — А то еще выстрелишь невзначай.

— Ну, как можно? Я же печенками чую.

— Если чуешь, тогда скажи мне, телеграмму приносили?

— Приносили, — сразу признался охранник. — Недавно приносили. Я только прикорнул — вы не думайте, я так, несерьезно — и слышу звонок. Ну ведь могли до утра подождать? Я уж им сказал...

— Зря сказал. У тебя своя работа, у них своя. От того, насколько быстро ты передал телеграмму, зависит жизнь людей и принцип дела, ты меня понимаешь?

— Понимаю! — радостно откликнулся охранник и вытащил из верхнего кармана куртки смятую телеграмму.

«Значит, есть еще люди в нашей стране, которые не спят, чтобы принести вовремя телеграмму, понимаете?»

Охранника я отпускать не стал — пригодится.

Прочел телеграмму. Странную, но подтвердившую все мои подозрения.

МОСКВА ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТИЗЫ
ГАГАРИНУ БОЛОГОЕ ПОЧТА ЕГОР

Во-первых, у него плохо с деньгами. Иначе бы объяснил все понятнее. Во-вторых, он сам не знает, куда едет.

Я посмотрел, откуда отправлена телеграмма: из Петербурга.

Значит, с вокзала — и он отправляется поездом в Бологое.

Теперь посмотрим на время отправления: 22.40.

Я сказал охраннику:

— Возвращайтесь на пост. Удвойте бдительность. Считайте, что институт объявлен на особом положении.

— Слушаюсь, — ответил охранник.

Он подобрался, выпрямился — и уже не казался страшным бугаем бандитской породы. Я взял с доски ключ от лаборатории.

Я быстро прошел к нам; в лаборатории было слишком пусто и свободно.

Надо действовать.

Сначала я позвонил Калерии.

— Извините, что разбудил, — сказал я.

— Я еще не ложилась, — ответила моя начальница.

— Это для меня — камень с души, — сказал я.

— Говори, что стряслось, — спросила Калерия Петровна.

— Объявился Егор Чехонин.

— Не может быть! Где? Как? Ему плохо?

— Помните историю с Максимовкой?

— Почему бы не помнить?

— По моему разумению, на этот раз Егор находится в Питере, он дал оттуда телеграмму.

— Прочти ее.

Я прочел телеграмму.

— У него нет денег, — сказала моя прозорливая Калерия. — Он ведь умный мальчик, а так мало информации.

— Что еще? — спросил я. Мне хотелось, чтобы Калерия подтвердила или развила мои мысли.

— Места назначения он не знает. Иначе бы дал хоть э́то слово.

— Чего нам ждать? — спросил я.

— Через двадцать минут я буду в институте, — сказала Калерия. — Пока позвони домой Мише... и на вокзал. В справочную. Сначала даже в справочную. Когда отходит ближайший к телеграмме поезд на Москву с остановкой в Бологом и во сколько он там будет.

Мне стало легче. Калерия взяла дело в свои руки.

Она не ахает, не вздыхает. Если бы дело было пустым, она бы велела мне ехать домой и легла бы спать.

Эх, донести бы до Егора мои мысли, знать бы ему, что он не один. Бологое в пять сорок утра, при условии, что они взяли билеты именно на ближайший поезд. Так что до прибытия поезда остается три часа.

Гигантский отрезок времени!

Затем я решился и набрал телефон дяди Миши. Ему в конечном счете решать.

Никто не взял трубку. Затем включился автоответчик и сообщил мне, что Михаилу Ивановичу можно позвонить утром по такому-то телефону после девяти часов.

Может, он в командировке и именно сейчас прижимает к своей груди нашего Чехонина либо не выносит, когда его будят среди ночи.

Затем я позвонил во Внуково, чтобы узнать, когда ближайший рейс на Бологое. Таковых рейсов не оказалось.

Пока я занимался звонками, прошло минут десять-пятнадцать.

В коридоре послышались быстрые шаги.

В дверях возникла Калерия Петровна, свежая, веселая, бодрая и в меру накрашенная.

За ее спиной маячил охранник, который не пожелал оставить ее без внимания.

— Тут явилась, — сообщил он мне.

— Все правильно, — сказал я, не без труда принимая образ его строгого начальника. — Пропусти женщину и иди на пост.

Охранник был счастлив оттого, что им так хорошо командуют. Он шикарно развернулся и скрылся в темном коридоре.

— Гарик, — сказала Калерия, — ты опять за свое?

— Это был единственный способ его урезонить, — ответил я. — И сейчас не время быть деликатным.

— Не согласна, — сказала Калерия, — деликатным никогда не мешает быть. Быть деликатным — допустимо, — процитировала она известного мне поэта.

Она прошла к моему столику и взглянула на листки бумаги, на которых я записывал информацию и чертил загогулины, пока ждал ответа.

— Так, — сказала она. — Осталось три часа. Нам туда не успеть, а пускать на этом этапе чужих людей, даже очень умных и ответственных, мне не хочется.

— Мне тоже.

— Не зная, что происходит и в каком положении находится Егорка, мы можем наломать дров.

С этим я тоже не спорил.

— А что с Мишей?

Я сказал, что автоответчик отослал меня далеко.

— Давай я попробую другой телефон, — сказала Калерия.

Она села и набрала номер. Причем сделала это так, чтобы

мне номер виден не был. Я не обижался. Как говорил Максим Горький совсем по другому поводу, некоторые вещи лучше не знать, потому что их значение ничего нам не дает.

— Галочка, — сказала Калерия, — извини, что тебя разбудила, но дело важное. Как мне отыскать Мишу?

Последовал какой-то короткий ответ.

Затем Калерия сказала:

— Извини, Миша, надеюсь, ты не успел заснуть?

После довольно длительной паузы, в ходе которой Калерии пришлось выслушать реприманд нашего дяди Миши, она сказала:

— С тобой хочет поговорить Гарик Гагарин. У него новости.

Калерия передала мне трубку, но дядя Миша не захотел со мной разговаривать.

— Это не телефонный разговор, — сказал он. — Буду через пятнадцать минут.

Он повесил трубку.

— Чудесные люди, — сказал я, — среди ночи вскакивают и несутся выполнять свой служебный долг. Ну прямо как Ленин.

— Ленин соблюдал режим, — серьезно ответила Калерия. Будто знала, как это было в Шушенском.

— Где вы его нашли? — спросил я.

— Тебе нужно знать?

— Нет.

Калерия велела мне притащить из библиотеки атлас, но библиотека была закрыта, и только с бескорыстной помощью охранника Федора, который почитал меня как отца родного, удалось вскрыть помещение и раздобыть атлас.

— Нас интересует не само Бологое, — сказала Калерия. — Нам любопытно, куда он двинется оттуда.

Мы в четыре глаза принялись шастать в окрестностях города вплоть до Твери, искали Максимовку или Максимово. И ничего не нашли.

Тут приехал дядя Миша.

Охранник Федор осознал важность события, в котором он принимает участие, и возгордился. Это выражалось, в частности, в том, что он предложил сгонять в кафе «Сумбур вместо музыки» на соседней улице, открытое круглые сутки, и принести сандвичей и выпить.

Мы не воспользовались предложением.

Закрыли дверь и уселись за стол думать.

Вернее, это охранник Федор был уверен, что мы думаем.

Все было сложнее.

— Сам явился? — спросил дядя Миша.

Я показал ему телеграмму.

— А других адресов ему мы не дали, — сказал осуждающе дядя Миша.

— Других у него нет.

— Значит, делаем так, — сказал дядя Миша. — На перроне в Бологом поезд должен встречать наш сотрудник. Он передаст Егору конверт с деньгами и все телефоны.

— Он его узнает?

— А факс зачем изобретали? — спросил дядя Миша. — Рожа его лица у нас оттиражирована многократно.

— Что дальше? — спросила Калерия.

— А между тем Гарик вылетает в Бологое на вертолете.

И было все в порядке, а все проблемы решились сами собой, и Земля была спасена.

Но...

— Тут есть одна заминочка, — сказал дядя Миша.

Он вытащил расческу и прошел умело по линии раздела левых и правых волос.

— Не люблю я этих «но», — сказала Калерия, выразив и мою точку зрения.

— Дело в том, что меня повысили по службе, — сказал дядя Миша.

— Кому же ты мешал? — спросила догадливая Калерия.

— Я обязан был докладывать о своих... находках. Моя фирма подчинялась непосредственно президентской администрации, так что начальников у меня было немного и о моих бредовых приключениях они знать не желали. У них были дела поважнее.

— Удобно устроился! — похвалила дядю Мишу Калерия.

Дядя Миша не оценил комплимента Калерии Петровны. Он переживал свои обиды.

— В ФСБ решили, что мне Нижний мир не по зубам, хотя они совершенно не представляют, что это такое и кому он по зубам. Я просил оставить меня консультантом. Но я не из их конторы, и они наивно полагают, что обойдутся без меня, без вас, без специалистов.

— И где ты теперь?

— Я первый заместитель главного советника. С правом проезда в служебном авто без билета.

— А что за люди пришли вместо тебя? — спросила Калерия.

— Хорошие люди, советские люди, преданные люди. Но пока они сообразят, что держат в лапах раскаленный кирпич, рук уже не будет.

— И что ты делаешь?

— Пишу докладные президенту и близким к нему людям.

— И они не отвечают.

— Пока не отвечают, так как заняты реорганизацией.

— Чем ты можешь нам помочь?

— Старыми связями, — ответил дядя Миша и взял телефонную трубку.

Он подождал гудков шесть. Потом кто-то подошел.

— Иван Сергеевича можно побеспокоить? — спросил дядя Миша. — А когда будет? А кто за него? Да не беспокойся, это я, ты мой голос знаешь. Ну ладно, ладно, утром позвоню.

Дядя Миша положил трубку и сказал:

— Только не падайте духом.

Как будто кто-то, кроме него, пал духом.

Дядя Миша позвонил еще в одно место. Там никто не подошел.

— Ладно, — сказал он, как будто не признавая поражения, — утро вечера мудренее. С утра займемся.

Калерия не стала с ним спорить. Ничего, кроме огорчений, спор не смог бы принести.

Вместо этого она спросила:

— А ты знаешь людей, которые занимаются нашей проблемой?

— Руководитель — Спартак Ахмедов. Молодой, амбициозный, не верящий в чудеса и не читающий фантастики.

— Катастрофа, — вырвалось у меня.

Дядя Миша обернулся ко мне:

— И уж тем более не допускающий существования инопланетных пришельцев.

— Мне стыдно, — признался я.

Дядя Миша погрозил мне тонким пальцем:

— А вот насколько ты, Гагарин, пришелец, еще предстоит разобраться компетентным органам.

— Он молодой?

— Один из самых молодых полковников в органах, — сказал дядя Миша. — Отличник, умница в допустимых пределах. Его отец недавно вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта той же службы, только в республиканском масштабе.

— Какая республика? — спросила Калерия.

— Не важно.

— И правда не важно. А ты ему сдавал дела?

— Настолько, насколько это бывает между соперничающими организациями.

— Он много знает?

— Ему известны все основные факты. Только он полагает, что не все факты являются таковыми.

— У него есть план действий?

— Не все решает именно он.

— Ну ладно, не придирайся к словам. У них есть план действий?

— Боюсь, что с каждым днем они все более к нему приближаются.

Мы молчали. И Калерия, и я могли представить себе, какие светлые идеи возникнут в головах двоюродных коллег дяди Миши.

Дядя Миша поглядел на нас, подумал, потом разъяснил:

— Земля круглая. Существуют светлые идеи использовать Нижний мир в геополитических интересах.

— Ясно, — не выдержал я. — Значит, мы копаем под Америку снизу.

— Казалось бы, чепуха, но эта мысль укоренилась в моих коллегах.

— Тогда можно развивать эту игру дальше, — сказала Калерия. — Как замечательно расположить там, внизу, секретные заводы.

— Но учти, — сказал дядя Миша, — кому-то надо на этих заводах работать и ими руководить при условии полной несовместимости тамошних жильцов и нас с вами.

— Значит, надо кинуть все силы биологической науки на ликвидацию разночтений между полями.

— А для этого нужны постоянные базы и постоянная связь. Ни того, ни другого пока нет.

И тут мы все снова замолчали.

Если вы не поняли почему, то я объясню.

Мы получили телеграмму от Егора. Егор здесь. Это может значить, что он решил пожертвовать собой и сгореть за сутки, если не меньше, причем зная заранее, что сгорит, хотя я бы не отнес его к самоубийцам. Мы даже не знаем, один ли Егор или кто-то пришел с ним вместе. Враг это или друг?

Если сейчас мы как настоящие патриоты бросимся сообщать на Лубянку о контакте с неким молодым человеком, мы

можем спустить на него целую... как мягче сказать... группу товарищей, которым надо узнать, где находится переходник в Чистилище, как им воспользоваться и как в перспективе устроить там несколько военных баз.

В ходе этой операции, проведенной людьми некомпетентными, но глубоко уверенными в том, что Небо подарило им право и умение решать все проблемы внутри своего коллектива, возможно, погибнет и Егор, и еще черт знает сколько народа.

Дяде Мише хуже всех — он официально причастен к государственной машине, которая столь велика, что с небес не сможет рассмотреть муравьишку-человека. У нее свои интересы.

Я вдруг вспомнил, как по телевизору выступал какой-то главный оружейный начальник и журналист спросил его: «Вот раньше были атомные бомбоубежища, в которых руководство страны и генералитет могли чувствовать себя в безопасности во время войны. Как обстоят дела с этими бомбоубежищами сейчас?» И начальник серьезно, без стыда или юмора, ответил: «Не беспокойтесь. Все эти бомбоубежища существуют. Руководство страны и командование армии будут во время войны в полной безопасности».

Именно такие люди, радетели за безопасность государства в пределах его руководства, и будут решать судьбу Чистилища и бессмертных уродов, которые его населяют.

— Считай, что тебя здесь не было, — сказала Мише Калерия. — Мы сами попытаемся что-нибудь придумать.

— Лера, — возразил дядя Миша, — ну что вы можете придумать? У вас нет ни сил, ни возможностей. Вы даже не сможете перехватить в Бологом Егора.

— А ты можешь?

— Я постараюсь еще одному человеку позвонить, — сказал дядя Миша. — Мы с ним рыбу ловили.

— Это достижение, — сказала Калерия, пока дядя Миша набирал еще один номер и снова ждал, заранее зная, что никто не возьмет трубку.

— Тогда, — сказала Лера после того, как дядя Миша прекратил свои бесплодные попытки, — подскажи нам, что делать. Есть задача: козел, капуста и волк...

— Есть задача, — повторил дядя Миша. — Известный нам человек, вернее всего, прибудет поездом на станцию Бологое в пять сорок. У нас нет вертолета, чтобы перекинуть туда Гарика и меня.

— И тебя?

— Не женщину же посылать, — невесело улыбнулся дядя Миша. — К тому же я пользуюсь правом ношения личного оружия. Так что в качестве ассистента я могу пригодиться Гарику. Кстати, у нас с ним уже есть некоторый опыт совместных действий.

— Спасибо, — сказала Калерия.

Мне тоже было приятно, что он будет со мной. Проверенный спутник.

— Давайте действовать, — сказал дядя Миша. — У меня есть еще одна резервная идея. Может быть, сработает.

— Поделишься?

— Тут нет никаких тайн, — сказал дядя Миша. — На Ленинградском вокзале у меня все знакомые. Сейчас тоже. Если повезет и кто-нибудь из них сейчас на дежурстве, я постараюсь по линии железнодорожной милиции связаться с Бологим.

— И что?

— Ничего особенного. Они будут знать, что в Бологом должен выйти наш сотрудник, Чехонин Георгий Артурович. Ему передадут послание — что товарищ Гагарин и сопровождающий его сотрудник прибудут в Бологое позже утром. И в случае, если лейтенант Чехонин знает, куда проследует дальше, он в записке или в устной форме доложит начальнику тамошнего отделения милиции, куда направляется, где встретит наших товарищей, а также всю дополнительную информацию. Если нуждается в средствах, пускай милиция выдаст ему на текущие расходы — я гарантирую компенсацию. Нормально?

— Тогда с богом, — сказала Калерия. — Не теряйте времени.

— А ты? — спросил Миша.

— Разумеется, я останусь в институте.

— Сейчас ночь! Твои домашние с ума сойдут.

— Не сойдут, — сказала Калерия. — Они у меня закаленные.

— Но зачем тебе оставаться здесь? — спросил дядя Миша.

— По простой причине. Может случиться так, что Егор позвонит сюда. Других телефонов он не знает. А потом, и вам может понадобиться связь... конфиденциальная связь.

— Я совершаю должностное преступление, — вдруг сказал дядя Миша.

— Но в то же время совершаешь благородный поступок во имя гуманизма.

— Красиво, — согласился дядя Миша.

Мы оставили Калерию в лаборатории.

В лаборатории есть кожаный диван небольшого размера, на нем можно в случае надобности прикорнуть.

Глава 15

ЕГОР ЧЕХОНИН

Вагон был неполон.

Егор прошел следом за агентами, но не близко к ним. Они устроились в пустом купе. А Егор — через тонкую стенку от них.

Полка была свободна. Он уселся поближе к проходу. Пока поезд стоял, ему было слышно, как разговаривают агенты.

Но они ничего особенного не сказали.

Лядов сказал, что отлично — можно растянуться на полке и поспать.

— Вам хочется спать? — удивился Майоранский.

— Свежий воздух, — сказал Лядов.

— А я, должен вам сказать, всегда ездил в мягком вагоне. Это удобнее, и чай разносят.

— Каждому свое, как говорили римляне, — сказал Лядов. — Мне и полки достаточно.

«Интересно, — подумал Егор, — как в шпионском фильме. Я — бравый лейтенант, преследую немецких шпионов, которые хотят раздобыть советского завода план».

Сознанию так хочется все разложить по привычным полочкам. А в этой системе ценностей шпион более обычное явление, чем какой-то иной мир без времени.

Пришла женщина неопределенного возраста с двумя мрачными молчаливыми детьми, которые тут же уткнулись в окно и стали смотреть на темный перрон.

— Интересно, где мои сейчас? — сказал Лядов.

— Кого вы имеете в виду? — спросил Майоранский.

— У меня жена была, дочка. Только жена дочку увезла. Не хотела жить в номерном поселке. Прошло четыре года и три месяца.

— Откуда такая точность?

— А я в Ленинграде на вокзале газету купил, — сказал Лядов. — С датой выхода.

После долгой паузы, в которой было слышно, как шуршит газетный лист, Майоранский произнес:

— Жаль, что шахмат не взяли. Сейчас бы блиц сыграли.

— У меня живот болит, — сказал Лядов. — У вас не болит?

— Нет... пока нет.

— Черт знает этого еврейчика, — сказал Лядов. — У меня есть подозрение, что вся эта вакцина — липа. Чтобы нас успокоить. А нам обратно не вернуться.

— Перестаньте хныкать и паниковать, — оборвал Лядова Майоранский. — Мы выполняем задание командования, которое лучше нас знает, что именно наше здоровье и самочувствие помогут выполнить задачу.

— Я не командование подозреваю, — ответил Лядов. — А доктора. Хотите газету посмотреть?

— Нет, — ответил Майоранский. — Зачем? Это все равно что марсианскую газету читать. Ни одной знакомой фамилии, ни одного знакомого дела или места. Они и Ленинград переименовали. Какой цинизм!

— Вот мы с вами и поставим их на свои места.

— Тише! Вы что хотите, чтобы каждый милиционер нас услышал?

— Только им и дело, что нас слушать!

— Всегда найдется бдительный товарищ, — возразил Майоранский. — Так было на Руси, так и будет. Лучше подумайте, вы уверены, что найдете то, что нам нужно?

— Почему бы нет?

— Надо сходить в туалет, — сказал Лядов.

Майоранский хихикнул. Ему показалось забавным, что человек собрался в туалет.

«А мне тоже это кажется забавным? — подумал Егор. — Хотя я бы сейчас чего-нибудь съел. А денег нет. Вот бы сейчас подойти к ним и сказать: дайте сто рублей, отдам в Смольном у Берии. Ах, воскликнут они, откуда вы? А я скажу — Лаврентий Павлович поставил меня следить за вами, интеллигентами».

Лядов прошел в туалет и тут же вернулся обратно.

Егор только успел заглянуть за перегородку и увидеть, что Майоранский развернул газету и просматривает ее.

— Заперто, — сказал Лядов, — совсем забыл, что на стоянках туалетами не пользуются.

— Скоро поедем, — сказал Майоранский. — Я тут газету посмотрел, обнаружил, что все эти так называемые демократические процессы вполне обратимы. Недаром оставили Ленинградскую область — чтобы безболезненнее перейти к старым ценностям.

Поезд слегка дернулся и начал двигаться. Мальчики стали

шепотом обсуждать нечто, увиденное ими за окном. Женщина развернула большой пакет с курицей, помидорами и батоном хлеба. В лучших поездных традициях. Два часа ночи, но она собирается поужинать и детей покормить.

Запах еды был соблазнительным. Мальчики сразу отклеились от окна, уселись за столик, замерли, глядели, как мать режет помидоры и курицу.

Поезд был медленным, пассажирским или почтовым. Он намеревался останавливаться на всех станциях.

Егор незаметно для себя задремал.

Впервые за несколько месяцев.

Очнулся он от того, что поезд остановился — видно, недалеко уехал от города.

И сразу стали слышны разные шумы — в вагоне далеко не все спали.

Соседи успели всю еду уплести — на бумаге лежали куриные кости, огрызки помидоров и объедки хлеба. Посреди стола стояла пустая бутыль из-под лимонада. Мальчики спали на верхней полке, внизу женщина. Постельное белье они брать не стали.

Впрочем, в этом поезде мало кто брал постельное белье, потому что ехали не до Москвы, а до разных станций между Питером и Тверью. И народ был небогатый.

Из-за загородки донесся голос Майоранского:

— Что же происходит в организме, когда он подвергся заражению?

Лядов не ответил прямо на вопрос, а сказал:

— Странно, мы столько с вами прожили там, внизу, играли тысячу раз в шахматы, а никогда не приходило в голову понять, что же нас с вами объединяет.

— Профессия, — сказал Майоранский.

— Я не об этом. Я думаю, что это живой мир на нас действует особым образом, мы становимся людьми, а людям свойственно любопытство.

— Вы не рассказали мне о том, что происходит в организме.

— Я могу только очень грубо... приблизительно.

— Я более опытный специалист, чем вы, Лядов.

— Но отстали на поколение. А это непреодолимо.

— Рассказывайте.

— Вот палец, — сказал Лядов, — а вот мозг...

Поезд дернулся, куда грубее, чем в Петербурге, и поехал дальше. Застучали колеса. Лядов немного повысил голос, а

Егор подвинулся так, чтобы его голова фактически выглядывала из-за перегородки. Поэтому ему был слышен разговор.

— Если ты захочешь пошевелить пальцем, — был слышен голос Лядова, — то мозг посылает нервный импульс, и при этом выделяется фермент.

— Не учите меня грамоте, — проворчал Майоранский.

— Вы спросили, я отвечаю. Суть нашего открытия заключается в том, что в нервных волокнах отравляющее вещество заменяет этот фермент и поражает центральную нервную систему... Тело перестает слушаться мозга.

— Примерно представляю. И эти разработки ведутся только у нас?

— Нет, это секрет полишинеля. В Штатах тоже есть такие работы.

— Какова эффективность?

— Что вам сказать? Как-то в лаборатории я отвлекся разговором и дотронулся резиновой перчаткой до незащищенного места на другой руке. Вот здесь, у запястья... Паника началась! Мне сразу антидот вкололи...

— Смешно, — сказал Майоранский, — но ничего принципиально нового.

— Это как сказать, — возразил Лядов. — У нас возможности гигантские, только денег не дают. Я, например, из водки могу такой яд приготовить, что ты никогда не поймешь, от чего умер... Скажем, заложу заданность поражения — один год. Суммарное воздействие — четыре дозы. Вот в течение года если ты примешь по сто граммов, тебе кранты. Я даже с тобой первую рюмку выпью и больше в течение года, пока действует кумулятивный эффект, принимать не буду. А тебе останется до смерти триста граммов. Из любой бутылки, понял?

— В мое время тоже были неплохие яды, — сказал Майоранский. — Вы, может, не слышали, это закрытые дела, что мы ликвидировали нескольких опасных врагов нашей Родины.

— Знаю, — ответил Лядов, — знаю. Бандеру, его помощника, Троцкого — нет, Троцкого вы топором убрали, папу римского...

— Не знаете — не вмешивайтесь. — Майоранский был недоволен — то ли тем, что его напарник слишком много знает, то ли тем, что знает он недостаточно.

— Знаю — люизит, иприт, фосген... — Лядов не скрывал своего превосходства. — Это все позавчерашний день. Вам приходилось читать о японской секте?..

— Я не читаю о японских сектах.

— Ну и молодец... — Лядов хотел обидеться, но спохватился, что тогда он лишится собеседника, а поговорить хотелось.

— Продолжайте, коллега, — подбодрил его Майоранский.

— В июле или августе девяносто пятого года в Москве было совершено убийство крупного банкира и политика Ивана Кивелиди. Ему стало плохо на службе, приехала «Скорая», сначала диагностировали почечные колики, а в ночь он умер от отека мозга.

— Характерно, — заметил Майоранский.

— Никто не мог отыскать причину смерти. Единственная зацепка заключалась в том, что за день до Кивелиди в том же кабинете умерла его секретарша. Вскрытия ничего не дали...

— Я тоже ставил себе задачу — яд должен выводиться из организма в первые же минуты, — сообщил Майоранский.

— Только яд уже не тот. Хотя следов отравы в организме не нашли, стали искать в кабинете и увидели коричневое пятнышко на телефонной трубке. К счастью для сыщиков, за несколько суток вещество потеряло силу, но все же удалось установить, что это — цитирую по памяти — «аналог боевого фосфорорганического отравляющего вещества нервно-паралитического действия». Но неизвестной формулы. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Майоранский, — конкурирующая фирма? Ведь вы не делились с коллегами информацией, и, думаю, им тоже нет смысла...

— Мы сделали десятки тысяч опытов!

— Все в прошлом, — сказал Майоранский, — как и у меня.

Поезд пошел быстрее, стук колес прерывал звук голосов.

К сожалению, все сбылось. Самые худшие опасения сбылись.

Они ехали, чтобы выпустить — пока неизвестно где, как и сколько — отравляющее вещество, современный яд. Лядов работал здесь, видно, в каком-нибудь почтовом ящике — в Максимовке. Майоранский — старый волк еще из бериевских времен, если он принимал участие в убийстве Бандеры.

Они разговаривали спокойно, словно не потрясены заранее ужасом того, что им предстоит сделать.

Дошли ли до Москвы его послания? Выполнит ли его просьбу Верка-снайпер?

Если в Бологом не будет никакого сигнала, придется действовать самому — он должен остановить агентов Берии, прежде чем они доберутся до яда.

Поезд замедлил ход.

— Интересно, знал ли убийца Кивелиди, с каким ядом он имеет дело? — спросил Майоранский.

— Вернее всего, он приговорил себя к смерти.

— А может, он и не приговаривал — если инкубационный период несколько минут или даже часов, он мог спокойно уйти и умереть на улице.

Поезд останавливался.

Женщина открыла глаза и глядела на фонарь за окном. Мальчики спали.

— Сколько времени, не скажете? — спросил Егор.

— В твоем возрасте пора часы заводить, — сказала женщина. Потом поглядела на наручные часы и сказала: — Без двадцати четыре.

Значит, скоро Бологое.

Егор все ждал, что они будут обсуждать, как ехать дальше. Но об этом не было сказано ни слова.

Зато химики с удовольствием соперничали — Майоранский пытался доказать, что яды его молодости были не хуже, чем отравляющие вещества фирмы Лядова. Если бы прислушиваться и запоминать, он бы многое узнал о температурных режимах современных ядов, способах их употребления, от воды до воздуха и даже вакуума, о летальной концентрации, при которой яд убивает половину всех живых существ, попавших в поле его активности. Он даже услышал — может быть, это и есть наш убийца — о том, что Ви-икс имеет летальную концентрацию в 0,015 миллиграмма на килограмм.

Не все в беседе агентов было понятно — они многое опускали, для них очевидное.

Егор не переставал, конечно, прислушиваться к беседе, сбивался на собственные мысли. Агенты устали и подолгу молчали. А может, приближение к цели заставляло их быть серьезными? Пугало?

Если ты работаешь на Лаврентия Павловича, ни в чем нельзя быть уверенным.

— Бологое, Бологое, — громко повторял проводник, пробираясь по проходу общего вагона. — Бологое, не просыпаем, встаем, собираем вещички.

Егор очнулся.

Поезд снова замедлял ход.

За окнами замелькали огни.

У Егора не было багажа. Такого в порядочную гостиницу

не пустят. Из одежды — только куртка, джинсы и, соответственно, трусы с майкой. Одежда по мере жизни в Чистилище неизбежно упрощалась. Зачем человеку одежда? Остаются лишь останки морали или, скажем, привычки ходить в одежде. Хотя нудистов тоже немало, больше, чем в обычном мире. Почти всегда можно найти голых на берегу Невы у Петропавловской крепости, они изображают там пляж.

А некоторые ходят раздевшись по идейным соображениям.

Еще не рассветало.

Рука одного из мальчиков свесилась с полки.

Все-таки начинается осень.

Мимо купе Егора быстро прошли агенты.

Егор поднялся и пошел к выходу.

Кроме них, вагон покинули еще несколько человек — те, кто добирался до работы дальше, за Бологое, и выехал заранее.

Так что под яркими фонарями на третьем пути скопилось довольно много народа.

Почти никто не говорил, словно собрались на похороны. Все были сонные и мрачные.

Егор сразу отыскал глазами своих спутников.

Они ежились, их, как и Егора, тревожно схватил утренний холод. Не то чтобы было очень холодно, Егор подумал, что градусов десять, не меньше, но они ведь отвыкли от холода.

А тут еще подул ветер. Так что зашумело в вершинах деревьев и захлопали крыльями, завопили разбуженные вороны.

Толпа растекалась ручьями через пути — некоторые к вокзалу, другие — по ту сторону путей.

Агенты Берии пошли к станционному зданию.

Егор увязался за ними. Он шел шагах в десяти и думал, что делать человеку, у которого нет денег. Совершенно нет, ни копейки. Водитель автобуса может его не пустить.

«Хорошо, в крайнем случае запомню номер автобуса и подожду рассвета.

Как-нибудь дозвонюсь до института — даже если милостыню придется просить».

Резкий женский голос командовал маневровыми паровозами, которые перевозили вагоны с путей на пути, формировали составы или занимались другими полезными делами.

Егор, уже подойдя к вокзалу, даже не сразу сообразил, что слова радиоголоса относятся к нему.

Впрочем, никто не обратил на эти слова внимания, потому что люди сочли — продолжается разговор между своими, станционными.

— Егора Чехонина просят пройти в комнату дежурной милиции. Повторяю, Чехонина Егора просят пройти в дежурную комнату милиции к лейтенанту Свечкину.

А когда Егор догадался, что призыв относится к нему, он замер от неожиданной радости.

Когда ты уже в отчаянии от одиночества и невозможности ничего сделать... И уже впору садиться и опускать руки...

И тут с неба доносится зов!

Уверенный женский голос приказывает тебе отыскать друга...

Егор кинулся было в милицию и тут же понял, что этого делать нельзя. Милиция и лично лейтенант Свечкин подождут, пока он не выяснит, куда направляются его враги.

Егор пошел за хохолком Лядова. Даже постарался приблизиться к ним — вряд ли они подозревают, что за ними следят. А хорошо бы подслушать, о чем они говорят.

Но воздух здесь, на Земле, куда как более густ — он полон шагов, дыхания, сдержанных голосов, шуршания подошв и шума ветра.

Пришлось подойти совсем близко, даже толкнуть кого-то — тот выругался, и Лядов оглянулся. Впервые встретился глазами с Егором. Пока еще он его не знает, но уже в следующий раз заметит.

Но пока не страшно.

Вот они идут в трех шагах впереди.

Он только сейчас увидел, что Майоранский лысый — он зачесывал волосы вперед так, что не сразу догадаешься.

А у Лядова узкие плечики.

— Вы помните, как ехать? — спросил Майоранский.

— Я скорее забуду, как маму звали, — засмеялся Лядов. — Я на этих поездах и автобусах тысячу раз катался. У меня телка была в Питере.

— Телка?

— Девушка по-вашему. Из Питера. Я раз в неделю к ней ездил, а жене говорил, что консультирую химический техникум.

На площади стояло несколько автобусов. Свет в них был зажжен.

Черные силуэты рассасывались по автобусам.

Лядов прошел к автобусу № 72.

Он был почти пустой.

Егор отстал. Он запомнил автобус и побежал назад к станции.

У дверей вокзала стоял милиционер.

— Где мне лейтенанта Свечкина найти? — спросил Егор.

— А вам на что? — спросил милиционер, сплюнул шелуху и забросил в рот еще одну семечку.

— Меня к нему по радио вызвали. Срочно.

— По радио? Что-то не слышал.

— Но у меня времени нет! Они уйдут.

— А кто уйдет?

Милиционеру было тоскливо, ему хотелось развлечений, но не хотелось двигаться.

Егор, чуть не толкнув его, вбежал в вокзал.

Милиционер медленно развернулся и спросил вслед:

— А тебе зачем?

Более глубокой мысли он родить не смог.

— Где милиция? — спросил Егор у мужчины в кожаной куртке.

— Вон там. — Мужчина показал в дальний угол зала.

Сзади топал милиционер.

— Нет, ты погоди! — заявил он. — Ты не спеши...

— Не приставайте, — сказал Егор.

На свету он увидел, какое розовое и гладкое лицо у этого молодого милиционера. Желтые брови были сурово сдвинуты.

Егор кинулся к милиции, а милиционер за его спиной — ну просто шкурой Егор почувствовал опасность — стал вытаскивать револьвер.

Только добежать до милиции.

«Не успею...»

Дверь под вывеской «МИЛИЦИЯ» резко распахнулась, и оттуда вылетел пьяный бомж. Он кричал:

— Я вам еще покажу!

Бомж не удержался на ногах: худенький поджарый безлобый лейтенант — ну просто макака — вышиб его из отделения и не услышал крика:

— Ложись!

Раздался оглушительный выстрел.

Кто-то завопил.

Егор не догадался упасть, а влетел в дверь милиции, сбив с ног лейтенанта. Они грохнулись на пол, а розовый милиционер снаружи кричал:

— Стой, стрелять буду!

Егор не спешил вставать, ему казалось, что соседство с лейтенантом может его спасти.

— Вставай, пристрелю! — кричал над головой милиционер, и ясно было, что ему очень хочется пристрелить Егора.

— Ты что? — Лейтенант быстро пришел в себя, но тоже не стал рисковать и подниматься на ноги.

— Взял его при попытке, — сказал милиционер. — Он на вас покушался.

— Вы лейтенант Свечкин? — спросил Егор.

Не поднимаясь, маленький лейтенант спросил:

— Егор Чехонин? У меня для вас пакет, ясно?

Он вытащил из кармана обычный почтовый конверт.

— Здесь две сотни, — сказал он. — По приказу из Москвы... да убери ты свою пушку долбаную! — Тут лейтенант перешел на крик. — Считай, что ты у нас больше не работаешь!

— Я до него все равно доберусь, — сказал милиционер.

— Я те доберусь! Сдавай оружие!

Изнутри вышли еще два милиционера. Один помог подняться лейтенанту.

Егор тоже встал.

— Мне можно идти? — спросил он.

— Исполняйте! — приказал ему лейтенант.

— Вы его отпускаете? — удивился розовый милиционер.

— А с тобой, козел, будем разбираться за нападение на начальника.

— Да вы что?

— Вот именно!

Егор быстро пошел прочь.

Сзади еще ссорились милиционеры.

«Ну вот, опять мог погибнуть. И что мне так не везет?» — подумал Егор.

На площади было куда меньше автобусов.

72-й как раз набирал скорость.

Егор бросился за ним. Впустую, только газа наглотался. Надо было бы вернуться в милицию и там выяснить, куда ушел 72-й.

Но идти в милицию не хотелось. Там опять захотят пристрелить.

Тут он увидел, как от вокзала отъезжает милицейский «газик», за рулем сидел розовощекий милиционер, а рядом лейтенант Свечкин.

Вот и потерял последнюю связь.

А он даже не спросил, от кого деньги. Конечно, от Гарика, но непонятно, как ему удалось их сюда перевести.

Если бы не глупый инцидент, он бы поговорил со Свечкиным, ему бы помогли...

Егор вошел в зал вокзала.

Там было пусто, если не считать изгнанного из милиции бомжа, который дремал на скамейке.

Егор сунулся было в милицию, но дверь туда была заперта.

Он кинулся к дежурному по станции. На двери была прикноплена бумажка: «Вышел по делу».

На площади оставался всего один автобус.

Егор подбежал к нему и спросил водителя:

— Скажите, семьдесят второй до Максимовки ходит?

— Не знаю, — сказал водитель. — Я здесь недавно.

И тут он услышал короткий гудок.

Словно его позвали.

Он обернулся. В двадцати шагах стоял «Москвич».

Задняя дверца приоткрылась.

Егор, не размышляя, подошел к «Москвичу», надеясь, что он прислан Гариком или дядей Мишей.

— Садись, садись, — услышал он женский голос.

Голос был знакомый.

Внутри машины было почти темно, но фонари с площади кидали внутрь пятна света — там сидела Верка-снайпер Московского вокзала.

Егор сел молча.

Даже не потому, что растерялся, — он не знал, кто за рулем.

Шофер был в ватнике и шляпе, прижавшей оттопыренные уши. Не оборачиваясь, он сипло спросил:

— Куда едем?

— Ты же знаешь, — сказала Верка-снайпер. — До совхоза.

— До совхоза — лады.

Машина рванула с места, по шоссейке, вслед за семьдесят вторым автобусом.

Егор видел профиль Верки. Она смотрела перед собой. Профиль был четкий, правильный.

И вдруг Егор понял — она не та, за кого себя выдает.

— Что смотришь, ясный сокол? — спросила она, улыбаясь.

И голос изменился. Хрипота пропала.

— Как ты меня нашла?

— Возьми часы, — сказала Верка, — они тебе пригодятся.

— А у меня уже деньги есть. Я тебе долг отдам.

— В следующий раз.

— Как ты меня нашла?

— Села в поезд и доехала, — ответила Верка. — Что может быть проще?

— А зачем?

— Чтобы часы вернуть. Думаю, человеку часы понадобятся.

— И ждала меня на площади?

— Я услышала, как тебя по радио объявили, — сказала Верка. — Все-таки ты из органов.

— Честное слово, не из органов, и ты знаешь, что я не вру.

— Может, и знаю.

Она чуть наклонилась вперед и спросила:

— Нам далеко ехать?

— Еще километров пятнадцать. Дорога пустая, быстро доедем.

— Но зачем ты поехала?

— Потерпи, тебе же сказали — пятнадцать километров осталось по хорошей дороге.

Егор замолчал.

Потом подумалось: а от нее не пахнет. И нет армейской пилотки-шлема и дикого вида шинели. Когда она успела переодеться?

— У меня все с собой было, — ответила девушка на немой вопрос. — В камере хранения на Московском вокзале.

— Ты из Москвы?

— Да.

— Ты за ними следила?

— Если ты скажешь, за кем, то я буду рада ответить.

— Ты от дяди Миши? — спросил Егор.

— От кого? — Удивление было таким очевидным, что Егор ей поверил.

Шляпа впереди покачивалась, и уши, торчащие под прямым углом, чуть шевелились. Водитель слушал.

Иногда они обгоняли машину.

Неожиданно шофер сказал:

— Вон семьдесят второй, вы за ним гоняетесь?

— Примерно, — ответила Верка.

— Хочешь, я на остановке замру, и вы в него сядете?

— Нет, не хотим, — сказала Верка.

— Дело ваше.

Машина обогнала автобус. Внутри автобуса было светло. Нос Лядова прижался к стеклу. За ним угадывалась бородка Майоранского.

«Мы правильно едем», — подумал Егор.

— Они там? — спросила Верка.

Егор кивнул.

Верка не хотела разговаривать при водителе, вернее всего

случайном человеке, из тех, кто дежурит перед станциями, чтобы развозить пассажиров по окружающим поселкам.

Если она не та, за кого себя выдает, ее появление на трамвайной остановке перед фабрикой, в которой есть переход, может объясняться сотней причин, и лучше, если она сама предложит свою версию.

В любом случае лучше, если версия будет. Наверное, лучше.

Он и так старался ей довериться. Когда в дом пришел дьявол, лучше пойти на союз с местными ведьмами, чем отгонять его в одиночестве.

Тем более раз она умылась и стала похожа на человека.

— Тебе холодно? — спросила Верка-снайпер.

— Терпимо. А тебя как зовут?

— Можешь звать Верой. И вообще — чем меньше врешь, тем труднее тебя поймать на слове.

— А где вам остановиться? — спросил водитель.

— На автобусной остановке, — сказала Вера.

Быстрее, чем Егор сообразил.

— Я сама заплачу, — сказала она, — мы уже договорились.

— У меня есть деньги.

— Держи их при себе.

Вера протянула водителю деньги.

Машина стояла под фонарем. Рядом был навес и столб с расписанием автобуса.

На скамеечке под навесом сидели две пожилые женщины с бидонами и мешками. Видно, собрались на рынок в Бологое.

Машина завизжала колесами, резко развернулась и умчалась назад.

Старушки не показались водителю достойными пассажирками.

Ветер дул порывисто, и Егору стало холодно. К тому же еще живот схватило — пришлось извиниться перед Верой и убежать в кусты за остановкой, черной массой замершие на синем фоне рассветного неба.

Вера ждала его за пределами круга света.

Егора мутило.

— Тебе плохо? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Егор. — Может, будет еще хуже.

Ярким и веселым праздником света въехал на площадь автобус.

Майоранский и Лядов сошли с него, а старушки стали втискивать туда свое добро.

Больше никто с автобуса не сошел.

— Так и замерзнуть можно, — сказал Майоранский. — И чего только я согласился!

— А могли не согласиться? — спросил Лядов.

— Не ваше дело!

— Я допускаю, что Лаврентий Павлович обзавелся какими-то рычагами и управляет вами.

Майоранский спросил:

— А куда идти?

— Сейчас пойдем, — сказал Лядов. — Вроде бы ничего не должно измениться, но я давно здесь не был.

— Пошли, а то я замерзну. Могли бы сообразить и выдать нам одежду.

— Чем скорее будем идти, тем теплее, — сказал Лядов.

И тут же закашлялся.

— Какое удовольствие, — сказал он. — Тысячу лет не кашлял.

— Дурак! — воскликнул Майоранский. — Для нас теперь любая бактерия может оказаться смертельной.

Вера схватила Егора за локоть, словно хотела спросить что-то важное, но испугалась, что их услышат.

— Пошли, — сказал Лядов.

— А далеко идти?

— Не бойтесь, не замерзнете. Сейчас солнце встанет, поздние птахи запоют... У вас живот не болит?

— Чертов доктор, — сказал Майоранский. — Попался бы он мне в руки, когда я заведовал лабораторией.

Они пошли по асфальтовой дорожке к желтеющему шагах в ста впереди фонарю.

Егор подождал, пока они отойдут метров на сто.

— Знаешь, куда они идут? — спросила Вера.

— В Максимово, — уверенно сказал Егор.

— Вот и не угадал. Это называется совхоз имени Максима Горького.

— Ах, черт! — сквозь зубы прошипел Егор. — А я им сообщал — Максимовка! Наверняка они не нашли!

— А что в вашем Максимове? — спросила девушка.

Светать еще только начинало, так что Егор видел силуэт Веры и мог лишь оценить, что она, оказывается, стройная и прямая — разве догадаешься, когда она в шинели?

— Я думаю, что военное биологическое предприятие, — сказал Егор. — У них цель — каким-то образом выпустить этот яд или газ на волю, чтобы отравить как можно больше людей, в идеале — всех людей на Земле.

— Ой, какой ужас! Ты уверен?

— Поэтому я за ними и примчался к вам.

— Что значит — к вам?

— Я объясню, только это трудно понять, потому что ты подумаешь, что я псих или ты с ума сошла, — в общем, вернее всего, ты мне не поверишь.

— Тогда я тебе скажу, — прошептала Вера. — Я корреспондент «Московского комсомольца». Знаешь такую газету?

— Желтая пресса.

— Когда желтая, а когда нормальная. По крайней мере мы никого не боимся. У нас были сигналы. А потом мы получили доступ к некоторым документам...

— О чем документы?

— Существует параллельный мир — теперь ты не смейся!

— Говори.

— Существует параллельный мир. В ФСБ и еще какой-то службе безопасности об этом знают, не считают информацию идиотической и даже смогли объяснить таким образом исчезновение некоторых людей. Чего молчишь?

— Смотрю по сторонам, — ответил Егор.

Он пытался запомнить дорогу, как Мальчик-с-пальчик в кармане великана.

По сторонам улицы шли деревенские домики, потом они кончились, и их сменили двухэтажные бараки.

Света в домах и бараках не было — видно, рано.

В одном из дворов забрехала собака, но негромко, словно понимала — нельзя будить людей в такой ранний час.

Белая табличка, прибитая к штакетнику, казалась голубой в рассветной мгле. На ней было написано «2-я Советская ул.».

Улица была освещена скупо — фонари встречались через сто метров, между ними господствовала синь.

Две фигуры, быстро шедшие впереди, вдруг исчезли.

Повернули направо.

— Смотри, как бы не упустить, — сказал Егор.

— Я профессиональная журналистка, — ответила Вера, — поэтому, пока ты бегал за своими друзьями, а потом в милицию, я узнала от людей, что семьдесят второй автобус, в который они сели, идет в совхоз имени Максима Горького, но это ничего не значит, потому что совхоз — обманка для шпионов. На самом деле дорога ведет дальше, к Зиханам-1. А это — закрытое территориальное образование. Химическое предприятие.

— Понятно, — сказал Егор.

— Ничего тебе не понятно, — ответила Вера. — Потому что дорога тут не кончается, а ведет в лес, в ГИТОС.

— Это что?

— ГИТОС — это Государственный институт технологии органического синтеза. Или Зиханы-2. Раньше он назывался филиалом НИИ органической химии и технологии, а еще раньше — филиал № 14 почтового ящика 47. Вот это и есть центр всего живого и неживого.

— Понятно, — повторил Егор.

— Но самое главное начинается дальше — еще семь километров лесом.

— А там что?

— А там Зиханы-4, военный город Министерства обороны, полигон в двадцать гектаров, военный НИИ. Мобильная бригада быстрого реагирования, воинская часть № 534697. Город на четыре тысячи человек...

— А Зиханы-3? Ты пропустила Зиханы-3.

— Может, его и не было.

— Как ты все запомнила? Неужели со слов этого шофера?

— Нет, мне пришлось заниматься захоронением отходов химического оружия. Многого мы не добились, но кое-где я побывала. И документы видела. Ведь беда здесь в том, что нет средств содержать эти городки, но в то же время нет средств, чтобы уничтожить все эти десятки тысяч тонн страшно ядовитой гадости, которой достаточно, чтобы трижды истребить все живое на Земле.

— И у американцев, конечно, тоже есть? — Егор удивился вспышке собственного патриотизма.

— Молодец, — оценила его патриотизм Вера. — Смело, товарищи, в ногу. Кстати, разговор идет об этой базе. Она законсервирована. Разработки не ведутся, склады недоступны для злоумышленников.

— Речь идет о военных Зиханах?

— Нет, там есть народ, и там есть бригада, сведенная до двух рот, там есть население. Военные не уверены, навсегда ли запрещено химическое и биологическое оружие. А вдруг снова позовут штурмовать дворец Амина? Ты знаешь про Амина?

— Все ясно — я инопланетянин, — сказал Егор.

— Не отшутишься. Ты из параллельного мира, на тебе это написано. Я же не первую неделю здесь ошиваюсь. И твои жмурики тоже из параллельного мира. Ты мое везение, ты моя карьера.

— Вера, помолчи, — сказал Егор, — они опять куда-то повернули.

— Они не хотят попасть на военный полигон, — сказала Вера. — Чует мое сердце, что направились они на законсервированный объект Зиханы-2.

Над полем ползли рваные слои тумана, похожие на японский гриб, который раньше было принято держать в домах. Гриб жил на подоконнике, испражнялся в воду, и она приобретала своеобразный кислый вкус. Пили всей семьей, включая невинных детей. Потом кто-то сообразил, что грибы канцерогенные, они из домов исчезли, и Егор так и не узнал, есть ли такие грибы в Японии.

В тумане по пояс шагали две фигурки — химики Берии.

— Не спеши, — сказала Вера, — если мы тоже пойдем по открытому месту, есть опасность, что они нас увидят. Давай подождем. Эта дорога тупиковая — им некуда идти за Зиханы-2.

— *Я посижу? — спросил Егор.*

Ноги страшно устали, просто отваливались. Тошнило.

— Тебе наш воздух вреден? — спросила Вера.

— Это и мой воздух, — обиделся Егор.

— Ладно, тогда объясни. И поверь, что моя голова устроена нормально, в смысле я могу переваривать любую сумасшедшую информацию. Я к этому готова. Я, кстати, два месяца в Чечне в плену была, без света и в наушниках.

Егор смотрел, как две фигурки агентов вдруг разом исчезли.

— Смотри...

— Я думаю, что если ты устал, то они устали втрое, — сказала Вера. — Ты молодой, а они пожилые. Они тоже уселись.

Она была права. Когда туман развеялся, из-за куста на опушке, за которым скрывались Егор с Верой, стало видно, что один из агентов сидит, а второй лежит на земле.

От травы и листьев шли различные запахи, Егор отвык от них, и его мутило еще больше.

— Если тебе не очень плохо, — попросила Вера, — ты расскажи мне, что можешь, а то потом времени не окажется.

— Тогда слушай, — сказал Егор, он решил быть с ней откровенным. Ведь подписки он никому не давал, и чем больше Вера будет знать, тем больше можно ей доверять. Так он чувствовал.

При утреннем свете он смог наконец разглядеть настоящую Веру.

Широкоскулая, с тяжелыми веками и низким широким лбом... лицо из былины. Глаза рыжие, в зелень. Широкие плечи, но грудь совсем маленькая... глаза выхватывали детали тела, лица, но общее пока ускользало.

Поглядывая на поле, не ожили ли там шахматисты, Егор поведал Вере вкратце о Нижнем мире, о том, как в него попадают люди, и даже смог — за те же десять минут — рассказать о Берии и консулах, о борьбе среди них и о том, как они замыслили уничтожить Верхний мир, прежде чем он поглотит их.

— Но для этого надо быть... не людьми! — воскликнула Вера.

Спохватилась и поправилась:

— Я не хотела тебя обидеть.

— Я там не один, — сказал Егор. — Я там с девушкой, мы вместе туда попали.

— Это романтично, — сказала Вера. — Между вами есть что-то? Вы любите друг друга?

— К сожалению, там можно любить... только платонически. У людей изменяется состав крови, мы становимся, как *лягушки, холоднокровными.*

— А когда ты вернешься?

— Еще не знаю. Доктор Леонид Моисеевич работает над вакциной. Пока он говорит, что мы сможем пробыть здесь три дня или меньше...

— А потом?

— А потом помрем... — Судорога скрутила Егора. Чуть не вырвало. Он сказал с трудом: — Может, вакцина действует меньше. Ее же не проверяли на мышах...

— Они поднимаются, — сказала Вера.

Как он мог считать ее бомжихой? Более подтянутого, трезвого, четкого человека и придумать трудно.

— Пошли, — сказал Егор, не двигаясь с места.

— Может, тебе полежать? Я сама пойду дальше.

Егор поднялся. Его повело, и он схватился за ствол березки.

Глава 16

ЕГОР ЧЕХОНИН

Шахматисты брели к лесу, над которым небо розовело, готовясь к восходу солнца.

Даже издали было видно, что чувствуют они себя погано: их пошатывало, порой один уходил вперед, второй останавливался...

Один за другим они скрылись в лесу.

— Далеко до Зихан? — спросил Егор, будто Вера должна была все знать.

— Я думаю, в этом лесу и прячется невинного вида поселок городского типа.

Они перешли поле, полагая, что вряд ли противники затаились, чтобы следить, не преследует ли их кто-нибудь.

Там асфальтированная дорожка расширилась, и в самом деле скоро по ее сторонам пошли коттеджи — поношенные, никому не нужные, те, что именовались раньше финскими домиками. Все они были покинуты, но не все обобраны — наверное, потому, что место это лежало в стороне от наезженных дорог, рядом расположился действующий военный полигон, да и добро, оставшееся после института, большой ценности не представляло. А может быть, у этого бывшего поселка была дурная репутация. Ведь люди из окрестных мест знают, чем занимались здешние химики.

Вера шла чуть впереди, она была легче в движениях.

Деревья разошлись, коттеджи уступили место двухэтажным домикам, также пустым.

Егору этот вид был привычен — он жил в пустом мире. Вера была подавленна.

Справа они увидели кирпичное здание, покрупнее других. По фасаду шли буквы:

КИНОТЕАТР «ОЗОН»

Заскрипела дверь.

— Вот они! — Вера остановилась.

— Только бы не обернулись.

Они увидели, как Майоранский и Лядов скрылись в кинотеатре.

— Странное место они нашли, — сказал Егор.

— Правильное место, — ответила Вера.

— Ты что-то знаешь?

— Я подозреваю.

Лестница к кинотеатру была шириной во весь фасад, она упиралась в стеклянную стену, в которой и находились двери. Тоже стеклянные, частично разбитые и заколоченные листами пластика.

Они поднялись по лестнице сбоку, в надежде, что их не видно изнутри.

Прижавшись лицом к стеклу, Егор увидел высокий холл кинотеатра.

Посреди него стояли три человека — два путешественника из Чистилища и грузный седой мужчина в синей военной форме с нашивками на рукавах, в каскетке с большим гербом.

Над ними висела хрустальная люстра умопомрачительных размеров, которая, как ружье на стене, должна когда-нибудь выстрелить и разлететься на миллион искр по пыльному каменному полу.

Сквозь разбитое стекло было слышно каждое гулкое слово, произнесенное в холле.

— А как Мосин? — спрашивал Лядов. — Гена Мосин, как он?

Человек, обклеенный нашивками, отвечал обстоятельно и басовито. Лядова он знал и доверял ему.

— Мне не докладываются, — говорил он. — Кто будет мне докладываться? Они меня в большинстве и тогда не замечали. Что такое — зам по режиму? Только когда я заходил в лабораторию или к себе вызывал за нарушение. Тогда спохватывались.

— Ну уж брось, Николаич, — возразил Лядов. — Мы с тобой сколько вместе выпили?

— Ты что-то выглядишь неладно, — сказал Николаич. — Болеешь? Или последствия? У нас у многих последствия, а меня ничего не берет.

— А я обрадовался, что тебя увидел, — сказал Лядов, — я когда моего друга сюда подышать воздухом привез, не думал, что кого-нибудь из знакомых встречу.

— А ты что, провалился тогда? Исчез, как дезертир с боевого участка.

— Пришлось уехать. Ты же знаешь мои семейные дела.

— А многие удивлялись.

— Честное слово — личные причины.

— Вот видишь, до чего нас перестройка довела, — сказал Николаич. — Чтобы я, зам по режиму, можно сказать, генерал-майор, работал охранником!

— Ну уж, наверное, не охранником, а начальником охраны.

— Только слово одно. У меня всего двое осталось. Спят еще. Ночью ходили. Ночью опасные воры приезжают, за досками и стеклом по домам шарят. А остальные сбежали.

— Как так сбежали?

— А так, что не платят нам. Вот люди и бегут.

— А что, армия не помогает?

— У нее свои проблемы. Не помогает.

— Хорошо, — сказал Лядов, — пошли к тебе, посидим, ты нам посоветуешь, где можно порыбачить.

— А у вас машина?

— Мы машину не стали брать. Оставили все снаряжение на станции, а сюда на автобусе.

— Ну пошли, пошли, — сказал генерал Николаич.

Он развернулся и понес свой рыхлый живот к приоткрытой двери в дальнем конце вестибюля.

Они по очереди скрылись за дверью — впереди Николаич, за ним легким суворовским аллюром Лядов. Наконец Майоранский. Этот был всех старше и слабее, потому еле тащил ноги.

Но, глядя на него, Егор понимал, что и он безнадежно стар, ему сделать шаг — выше сил. А рядом Вера, интересно, сколько она берет в высоту? Или бегает с барьерами?

Спросить Егор не успел.

Вера сказала:

— Пошли. Больше здесь охраны нет.

— Куда?

— Нельзя от них отставать. Мы не знаем, куда их понесет.

Вера уверенно пересекла вестибюль. Егор брел за ней, он поглядел наверх: хрустальная люстра — сейчас рухнет.

Снаружи встало солнце, и первые горизонтальные лучи достигли подвесок люстры, породив взрыв света.

На полу валялось много окурков.

Вера попала в поток света и, окруженная золотым нимбом, казалась античной богиней из тех быстрых охотниц или бегуний, что соревновались с оленями.

Она подошла к двери со скромной табличкой «Комендатура».

Встала у косяка.

Егор испугался, что дверь откроется и кто-нибудь выйдет. Он собрал все силы и добежал до Веры.

Вера стояла, прижавшись спиной к косяку, голова склонилась к щели в неплотно прикрытой двери.

Ей, может, и было что-то слышно, Егор же не слышал ничего, кроме невнятного гула голосов.

Он хотел попросить Веру повернуться, но тут изнутри донесся короткий и натужный вскрик, будто человек поднимал непомерную тяжесть и надорвался. Потом наступила тишина.

— Да в кармане ищите, в кармане, — раздался громкий голос Лядова. — Быстрее.

Вера оторвалась от стены и, схватив Егора за руку, потащила его в сторону, к лестнице, ведущей наверх, к зрительному

залу. Егор вдруг, как в кошмаре, понял, что он уже был в этом кинотеатре и так же прятался под широкой лестницей на второй этаж, только это была лестница в ресторане «Приморский», где собирались консулы.

Стало совсем муторно, Вера сильно дернула его за руку — и вовремя, потому что как раз в этот момент высунулся Лядов и начал осматриваться. Вера замерла, прикрыв телом Егора, словно полагала, что на женщину не обратят внимания.

Им помогло то, что солнечные лучи, пересекавшие вестибюль, били Лядову в лицо, а лестница была в густой утренней тени.

— Выходите, — сказал Лядов. — Все в порядке.

— Я посижу, — сказал Майоранский, — мне дурно.

— Кончим работу и будем тогда сидеть, — отозвался Лядов.

Майоранский принялся грязно ругаться, но ругался он так негромко, монотонно и равнодушно, что ничего неприличного в его ругательствах не было.

Потом, придерживаясь за стенку, он опустился на пол и сел, прислонясь спиной к стене.

— Пять минут, — сказал он.

— А то пойду без вас, — пригрозил Лядов. — А вы тут останетесь подыхать.

— Славный разговор между коллегами, — отозвался Майоранский. — Как сейчас слышу отзвуки гуманизма.

— Не вам говорить о гуманизме, Лев Яковлевич!

— А вы откуда знаете?

— Птичка в клюве принесла!

— А в самом деле, вы это придумали? Вы придумали, чтобы меня оскорбить?

Майоранский был испуган.

— Почему? Но я знаю от Берии, он мне сам говорил, что, когда отравленные вами заключенные умоляли вас их прикончить, вы смеялись им в лицо.

— Ложь! Наглая ложь.

Сидя, Майоранский поднял тонкий палец, словно боярыня Морозова, сидящая в розвальнях.

— Вставайте, идти пора, — сказал Лядов.

— Нет, постойте! Вы кинули мне в лицо обвинение, и я считаю своим долгом его опровергнуть.

— Даю вам минуту, — сказал Лядов. — Потом уйду.

— Во-первых, — произнес Майоранский, тряся пальчиком, — я отсидел от звонка до звонка по сфабрикованному против меня обвинению в сотрудничестве с Берией и Судоплатовым. Так что даже формально обвинить меня нельзя.

— Кто вас обвиняет?

— Не перебивать! Я доктор наук и профессор! Если бы не эти... эти волюнтаристы, я был бы сейчас академиком! У меня есть план ликвидации американского империализма.

— Тут у нас с вами много общего, — согласился Лядов. — Только американскому империализму плевать.

— Наплюется! Кровью умоется! — пригрозил Майоранский. — Я согласился сотрудничать в этой операции именно потому, что это близко к теме моей работы.

— В чем же тема вашей работы?

— Служить Родине! — завершил спор Майоранский и медленно поднялся. Лядов ему не помогал.

Он пошел вперед, к выходу из кинотеатра.

Майоранский брел следом, перебирая руками по стене, может быть, в самом деле ему было плохо, а может, демонстративно страдал.

— Постой здесь, — приказала Вера. — Не вылезай, все испортишь.

Она была очень молода, моложе Егора, и инстинктивно чувствовала свое моральное превосходство над слабыми. Она не стремилась заботиться о Егоре, но командовать им уже начала, будто именно ей было предписано спасать Землю от гибели.

Вера скользнула вдоль стены, к двери, заглянула в комнату коменданта.

Ее не было минут пять, а может быть, Егору так показалось — он отвык от времени.

Вера вернулась, пряча в карман куртки маленькую фотокамеру.

— Что они с ним сделали? — спросил он.

— Убили. Я задержалась, я пистолет искала или какое-нибудь оружие. Но не нашла. Может, и не было.

— Или Лядов взял.

— Или Лядов взял. Пошли, они наверняка залезли вовнутрь.

— Куда вовнутрь? — спросил Егор.

— Если бы Лядов хотел просто посетить родные пенаты, он бы не стал нападать на Николаича, правда?

— Конечно же, они ключи взяли.

— А Лядов здесь свой человек. Он все ходы и выходы знает, и к тому же, если я тебя правильно поняла, он не так давно нас покинул.

Они подошли к стеклянной стенке и увидели, что биологи только что спустились на улицу и завернули за угол кинотеатра.

Вера и Егор последовали за ними и осторожно выглянули из-за угла.

Впервые Егор увидел своих оппонентов при ярком солнечном свете. И ужаснулся — не тому, что предстало его глазам, а пониманию, что он и сам принадлежит к той же породе.

Казалось, что породу эту можно было назвать лиловыми людьми... а может, серыми...

— Мы похожи на покойников, — сказал Егор.

— Как говорится, краше в гроб кладут, — ответила Вера. Она была возбуждена, как собака, взявшая след. Она неслась к своей журналистской славе.

Они разговаривали почти в полный голос, потому что утро было шумным — от шуршания ветра, скрипа старых домов, пулеметных очередей на военном стрельбище и отдавленного рокота танковых моторов, от далекого стука колес поезда и его дальнего гудка — даже от карканья воронья, населявшего мертвый город номер такой-то.

Биологи остановились у задней двери в кинотеатр. Лядов возился с ключами, а Майоранский, вместо того чтобы исполнять свой долг и стоять на стреме, присел у стены, морщился, подставляя лицо солнцу, и вроде бы собирался помереть.

Дверь заскрипела и открылась.

— Пошли, что ли? — спросил Лядов.

— А если я не пойду? — ответил вопросом Майоранский.

— Тогда я вас подстрелю, — сказал Лядов.

Он вытащил из кармана пистолет — вот куда делось оружие коменданта!

— Ах, не пугайте меня, Лядов, — сказал Майоранский. — Если бы вы знали, сколько меня в жизни пугали пистолетами и револьверами. Ничего, еще живу...

— Но скоро перестанете.

— Чем скорее мы выполним свое задание, — сказал Майоранский, — тем больше шансов вернуться живыми.

— А вы уверены, что мне этого хочется?

— В ином случае через день-два вы просто помрете.

— Не просто, — уточнил Лядов, — а в мучениях. Как ваши пациенты.

— Если вам хочется исторической точности, — сказал Майоранский, — то мои пациенты порой умоляли о смерти. А я ее им не дарил. Потому что обязан был довести опыт до конца.

— Вы убийца хуже фашистов, хуже Менгеле.

— Не старайтесь меня оскорбить, — сказал Майоранский. — Не выйдет. Я причинял людям боль. Но учтите, что

это были не люди, а враги народа, троцкистские двурушники, шпионы и диверсанты, которые хотели уничтожить нашу Родину. Вы куда хуже меня, Лядов, потому что вам совершенно все равно, кого убивать. Это аморальность высшего типа.

— Аморальности высшего типа не бывает, — сказал Лядов, — как не бывает рыбы второй свежести. Я никогда никого не убивал. Я знал, что боевые отравляющие вещества, которые мы разрабатываем, — поручительство того, что наши враги не посмеют развязать биологическую или химическую войну, потому что у нас есть, чем им достойно ответить. От моих ядов погибали крысы и морские свинки. Но люди — никогда.

— А если бы ваши отравляющие вещества были употреблены в какой-нибудь войне... допустим, в Афганистане. Мне много рассказывали о тамошних военных действиях. Если бы их распыляли над кишлаками афганцев...

— Что-то быстро вы забыли про идеологию, — засмеялся Лядов. — А я ее помню. Если мой Ви-икс попадет на базу басмачей, то их смерть спасет жизни нашим советским солдатам.

— А если на мирный кишлак?

— Но ведь этого не было, не было!

— Тогда открывайте дверь, — сказал Майоранский. Он чувствовал себя победителем в споре. — И идите, я вас догоню.

— Идти далековато.

— Я догоню, догоню...

Сначала за дверью скрылся Лядов.

Майоранский последовал за ним через полминуты.

Был слышен его голос:

— Здесь темно, черт побери! Сам черт ногу сломит.

Потом все замолкло.

Вера перебежала к двери.

— Странно, — сказал Егор, — зачем лезть под кинотеатр?

— Я сильно подозреваю, — сказала Вера, — что мы имеем дело с весьма секретным институтом. Не исключено, что какой-то из его объектов помещался именно под кинотеатром.

— Ага, — согласился Егор, — тогда американский шпион ни о чем не догадается.

Они вошли в подземный коридор.

Там в самом деле было темно. Но не так темно, как показалось Майоранскому.

Впереди горела неяркая лампочка.

Видно, охрана заботилась об этом коридоре.

Вера чуть не налетела на медленно бредущего Майоранского.

Майоранский услышал ее шаги.

— Кто там? — спросил он. — Кто идет?

— Вы что кричите? — донесся спереди голос Лядова. — Испугались?

— Там сзади кто-то идет.

— Тогда тише. Стойте и слушайте.

Все замерли.

Все старались не дышать.

Хуже всего это получалось у Майоранского — дыхание вырывалось из его горла хрипло и громко.

— Отодвиньтесь, — приказал Лядов. — К стене!

Теперь он вел себя как главный.

Раздался громкий звук. И тут же, а может, даже раньше, Егор услышал свист пули.

И сразу вспомнил: если услышал свист, значит, это не твоя пуля.

И вспыхнуло возмущение: этот Лядов совершенно отмороженный. Так и убить можно!

Ну конечно, он этого и желал.

«Я до него доберусь!»

— Если там кто есть, — сказал Лядов, — то мотай отсюда, у меня еще полная обойма!

— Может, мне показалось? — спросил Майоранский.

— Любую возможность ищете, чтобы отдохнуть, — проворчал Лядов.

Снова зашуршали шаги, и Лядов сказал:

— Здесь направо. Я сейчас свет врублю.

Справа образовался светлый прямоугольник. Проем в стене.

Голоса Лядова и Майоранского заглохли.

— Майоранский мне понятен, — сказала категоричная Вера. — Он бериевский сокол. А вот Лядов — загадка.

— Он тоже продукт с особенного поля, — сказал Егор. — Во всех странах — и у нас, и в Америке — есть ученые, которым наплевать на результаты своих убийственных экспериментов. Они получают зарплату, живут в спецгородках на свежем воздухе, рыбачат, разводят крокусы, ходят по грибы, выпивают под гитару и обожают Высоцкого. Такие славные ребята. И им все равно, пенициллин ли изобретать или адамсит. Можно до пенсии дожить и не сообразить, как ты опасен для человечества. Думает за них начальство.

— Опаснее всего, — закончила Вера мысль Егора, — когда им надо самим принимать решения. У них нет ограничителей. Даже у Майоранского есть ограничители — приказ Родины,

чувство долга, а у Лядова нет ничего — это следующее поколение, которое даже не назовешь циничным.

Они двинулись дальше. Осторожно. Не исключено, что Лядов устроил засаду. Стоит с пистолетом и ждет...

Поэтому они и дали шахматистам пять минут форы.

Когда же выглянули в освещенное помещение, Егор еле сдержал возглас удивления.

Это был хоть и низкий, но просторный зал с длинными лабораторными столами, рядами полок с приборами и инструментами, на столах тоже стояли приборы, кое-как прикрытые пластиком. Почему-то в поле зрения Егора попал стол в углу, где с каких-то древних времен остался стоять электрический чайник, стопка чайных чашек, пакет с сахаром и коробка с заваркой. Это была «Мария Целеста», покинутая экипажем столь неожиданно, что чайник остался на плите.

Видно, когда уходили, последним сотрудникам Зиханов было не до чайника.

— Куда они делись? — прошептала Вера, входя в комнату и сразу отшатываясь от двери спиной к стене.

— Дальше пошли, — ответил Егор.

— Теперь будь осторожен, — приказала Вера, словно Егор намеревался кричать.

Егор увидел дверь в следующий зал или коридор.

Возле нее стоял Лядов. Если бы он обернулся, он бы обязательно увидел Егора.

Но он не обернулся, он был занят.

Он старался открыть дверь.

Майоранский сидел в сторонке. Он все время старался присесть.

— Ну скоро вы? — капризно спросил Лев Яковлевич.

— Одну минуту, — бодро ответил Лядов.

Замок громко щелкнул.

— Заходите, — сказал Лядов, зажигая свет в следующей комнате. — Мы у цели.

Егору было видно, что дверь открывается не в комнату, а в бункер, подобный отсеку подводной лодки. Посредине стальной двери, что вела в следующий отсек, было колесо вроде небольшого штурвала.

— Проверим, какая у нас память, — сказал Лядов.

Он набрал ряд цифр в замке, а затем стал поворачивать колесо.

— Это опасно? — вдруг спросил Майоранский.

— А вы как думали!

— Нужна специальная одежда, — сообщил Майоранский.

— Я забыл ее вам дать, — сказал Лядов. — Но обещаю, что вы пробудете внутри недолго. У нас с вами общие интересы — вернуться домой живыми. Правда?

Он нажал на стальную дверь, и она открылась неспешно, как в замедленной съемке.

— Лежат, голубчики, — произнес Лядов. Голос его донесся гулко, словно из стальной бочки.

— Осторожнее, — предупредил от входа Майоранский. — Разве так необходимо туда заходить?

— Мой дорогой коллега, — торжественно произнес Лядов. — Много лет я провел рядом с этими крокодилами. Я знаю их повадки куда лучше, чем вы изучили нрав своих лабораторных кроликов. Они рычат, они разевают пасти, но я знаю, где у хищников слабые места и куда ткнуть электрическим шоком или просто палкой. Вы меня понимаете?

— Меня утешает лишь то, что вам тоже хочется вернуться.

— Мне хочется вернуться, но для этого нам с вами придется потрудиться.

— В каком смысле?

— Вы поможете мне перенести в другое место один из баллонов.

— Сколько же они весят?

— Само ОВ — десять литров. Но баллон тоже около десяти.

— Мы его уроним!

— И ничего страшного не случится. Ты его можешь с пятого этажа кинуть, а на него танк положить — отечественная работа.

— Нет, я не могу...

— Лев Яковлевич, вы уволены. Попрошу вас собрать вещички и отправиться домой.

— Куда домой?

— В ваш здешний дом. Помирать от болезней.

— Я вернусь к товарищу Берии и сообщу ему о вашем вызывающем поведении. Вы фактически срываете выполнение важного задания! — закричал Майоранский.

— Наконец-то я слышу речь не мальчика, а психа, — засмеялся Лядов. — Давайте не будем тратить времени даром. У меня ведь тоже живот подводит и голову разламывает местный воздух. Нам нужен вот этот красный баллон.

Они говорили не очень громко, но слова вырывались из двери на склад и звучали куда громче, чем в самом складе.

— Но хоть объясните мне, куда мы его потащим? — взмолился Майоранский.

— Не хочу, — сказал Лядов.

— Это вам дорого обойдется, — обиделся доктор наук. — Учтите, что я все доложу Лаврентию Павловичу.

— Докладывайте, если сможете выбраться живым.

— Я постараюсь, — язвительно ответил Майоранский — видно, он сам себе казался значительным и остроумным. — Благо, я пользуюсь полным доверием товарища Берии, и вы должны мне беспрекословно подчиняться...

— Или?..

— Что или?

— Вы меня расстреляете? Отравите? Ткнете мне в бок отравленным зонтиком и выстрелите из авторучки в нос? Что у вас заготовлено для ликвидации своего ближайшего друга?

И тут Майоранский вдруг испугался, а испугавшись, выдал себя.

— Нет, вы и не думайте и не смейте так думать! Почему я должен вас убивать? Мы же сотрудники!

— Я сам решу, что с вами делать, Паниковский.

— Майоранский, — поправил его Лев Яковлевич.

— Паниковский! И не возражать. А ну, беритесь за тот конец.

После короткой паузы со склада донеслись вздохи, кряхтение, тяжелое шарканье подошв, потом — тупой громкий удар.

— Уронили, — сказала Вера. — Этого и следовало ожидать.

— Хорошо бы они и в самом деле не раскололи баллон, — сказал Егор.

— Боюсь, что мы тогда не успеем сообразить, что же с нами случилось, — ответила Вера.

Внутри склада ругался Лядов и отфыркивался Майоранский. Когда он заговорил, голос его был плачущим, но спросил он нужную вещь — Егор сам рад был бы спросить.

— А это быстро действует?

— Нет, — коротко ответил Лядов. — Зато наверняка. Беритесь поближе к середине. Раз-два, взяли!

Видно, на этот раз им удалось сделать несколько шагов, прежде чем они снова уронили цилиндр.

Майоранский громко дышал, потом спросил:

— А насколько он силен?

— Мы закончили работу над ним как раз перед закрытием института, — ответил Лядов. — Испытания, конечно, проводились, но я бы еще поработал. Кстати, академик Кудрявцев был со мной согласен. У этого тигренка Эл-Д-90... знаете, что это такое?

— В мое время мы такого термина не употребляли.

— Эл-Д — это летальная концентрация, цифра после буквы обозначает дозу, при которой погибает девяносто процентов всего живого, что соприкоснется с веществом. Так вот у тигренка — Ви-икс Эл-Д равна пяти тысячным миллиграмма на килограмм.

— Убедительно, убедительно, — согласился Майоранский, но Егор не был уверен, что Майоранский понял, о чем идет речь. Вера присвистнула — она-то умела считать.

— Мы должны их остановить, — сказал Егор.

— Ты, как всегда, прав, — сказала Вера. — Теперь иди и останови.

— А когда же оно действует? — спросил Майоранский.

— Через четыре часа. Паралич мозга — и кранты человечеству!

— А сколько здесь, вы говорите?

— Десять литров. Можете делить.

— Но это миллионы человек!

— Что и требовалось доказать. Причем учтите: при попадании в воду Ви-икс сохраняет вирулентность и, возможно, смертелен в дозах в сотни раз меньше минимальных теоретических. Вы будете тащить?

На этот раз они вытащили красный цилиндр наружу и бухнули его в десяти метрах от Веры и Егора, затаившихся за шкафами.

— А куда мы несем? — спросил Майоранский, прислонившись к стенке.

— Недалеко. У меня все продумано.

— Ну скажите!

Лядов пощупал поверхность баллона, как будто хотел убедиться, не нагрелся ли он.

— Нам нужно, чтобы вещество попало в воду, — сказал он.

— И чтобы мы остались живы.

— Желательно, — согласился Лядов. — По крайней мере что касается меня.

— Оставьте ваши шутки!

— А я памятливый, — сказал Лядов.

Егору было видно его лицо. Лядов криво усмехался, словно отрицательный герой из боевика.

— Не будем сейчас сводить счеты. Лучше расскажите мне свой план. Ведь я к вам приставлен не как стражник, а как старший и более опытный коллега, — взмолился Майоранский.

— Мы отнесем это, старший коллега, в соседнее помещение, где находится лабораторный слив. Как бы душ. Но он ве-

дет не в сеть канализации, которая, как вы понимаете, давно отключена, а непосредственно в речку. По речке путь...

Егор сжал пальцы Веры, требуя от нее решения.

Вера высвободила пальцы.

— Может, мы его покатим? — спросил Майоранский.

— А что, неплохая идея, — согласился Лядов.

Они вдвоем покатили баллон по лаборатории, и тот, скругленный на концах, похожий более всего на сардельку, норовил вырваться из рук и закатиться под стол.

Они прокатили баллон рядом с Егором, но так тяжело дышали, так старались, что, конечно же, ничего вокруг не слышали.

Перед незамеченной Егором небольшой дверью они остановились, и Лядов стал подбирать нужный ключ.

Майоранский настолько осмелел, что уселся на баллон.

Дверь медленно отворилась. Она была тяжелой, и петли ее хорошо смазаны.

Сначала Лядов сунул голову внутрь, потом обернулся к Майоранскому:

— Пошли, корнет, нас уже ждут.

— Ах, оставьте ваши шутки, — сказал Майоранский. — Как они мне надоели!

— Я вас понимаю, — согласился Лядов. — Не теряйте времени даром, потому что вас в каждый момент может хватить кондрашка. Ах, как я боюсь евреев в медицине.

— Если вы имеете в виду меня...

— Разве вы в медицине? Я думал, что вы палач-биолог. Совсем другая порода.

Майоранский нагнулся к красному баллону.

Лядов зашел с той же стороны, и они покатили чушку в следующее помещение.

Видно, там было несколько ступенек вниз, потому что чушка загромыхала по ним, и Майоранский завопил:

— Я могу ногу потерять!

— Но не лицо, — ерничал Лядов. — Берегите лицо!

Он тоже боялся, но раз уж рядом был некто слабее и пугливее, то ему удавалось поддерживать образ смельчака.

— Стойте здесь, берегите прибор, — сказал Лядов. — Я скоро вернусь.

— Вы куда? — спросил Майоранский.

— Не хочу рисковать, — сказал Лядов.

— Вы оставляете меня одного?

— Дурак, — рассердился Лядов. — Как вы без меня выполните задание?

Он вышел из двери. И несмотря на то что Егор слышал его разговор с Майоранским, он задержался и не успел спрятаться.

На его счастье, Лядов не ожидал засады и не стал обследовать кладовую.

— Давай его... — Егор показал, что надо сделать с Лядовым.

— Давай, — согласилась Вера.

Егор вдруг услышал, как застучало его сердце. Будто у него все последние месяцы не было сердца, а сейчас оно заработало вновь.

— Ты не вмешивайся, — сказала Вера. — Мне нужно его обезоружить.

— Нет, ты женщина...

— А ты рыцарь долбаный, — грубо ответила Вера. — Боюсь, что я здесь буду всех сильнее. Ты возьми на себя Майоранского. Вот соперник тебе по плечу. Иди, — прошипела Вера.

Егор вошел в полуоткрытую дверь.

Он старался идти уверенно, как хозяин этой жизни. Но вряд ли со стороны это выглядело убедительно.

Помещение было поменьше склада с чушками. Бетонный пол незаметно стекал к дальнему углу и кончался решеткой. В стене было несколько кранов и моек. Комната для водных процедур. Неужели она отключена от канализационной сети...

Эта глупая и несвоевременная мысль была прервана пронзительным голосом Майоранского:

— Вы кто? Кто такой, почему здесь?

Егор решил играть роль местного мельника.

— А вот мне интересно, — произнес он, — как вы попали на секретный объект, товарищ? Или вас лучше называть мистер?

Майоранский быстро вскочил, у него тряслись руки.

— Нет, я не шпион, — заговорил он. — И не думайте. Ничего подобного, я советский человек...

Наверное, причиной такого испуга и такой трясущейся реакции на появление Егора было физическое состояние Майоранского — он находился на последнем издыхании. К тому же он, вернее всего, ждал, и с каждой минутой все острее, появления охраны, милиции или просто комсомольца из бдительных граждан. Он готов был сдаться в плен и при виде Егора не поднял руки только потому, что руки тряслись и не слушались его.

Майоранскому стало все равно — будет ли выполнено задание, будет ли доволен товарищ Берия, вернется ли он на шахматную площадку, чтобы играть бесконечную партию с Лядовым в ожидании решительного боя.

Его замутило, вот-вот вырвет, а потом он медленно и мягко

сложился, чтобы удобнее упасть у ног Егора, который кинулся было поддержать пожилого человека, но замер, потому что ему вдруг показалось, что Майоранский притворяется, чтобы, как только Егор до него дотронется, вскочить и вцепиться.

Егор быстро отступил на шаг и сказал:

— Вставайте, вставайте, я понял.

Майоранский не слышал его. Он лежал, свернувшись, как маленький мальчик, спрятав на груди руки, стиснутые в кулачки, и подтянув коленки. Он казался безвредным и даже неживым, но Егор ему не верил.

Снаружи со склада донесся голос Веры:

— Стой, ни с места!

Потом после короткой паузы ответ Лядова:

— Это еще что за явление Христа народу?

— Брось оружие! — сказала Вера. Она говорила громко, словно хотела, чтобы Егор все слышал и, если нужно, помог ей.

Поэтому Егор двинулся к двери в кладовую. Он забыл о том, как гадко себя чувствует. Он должен помочь Вере.

Но движение его запоздало.

Когда он добрался до двери, то увидел, что Лядов каким-то образом обманул Веру.

Правда, Егор не сразу догадался, что это Лядов: тот был в защитном костюме — комбинезоне и бахилах, на голове шлем с открытым забралом.

Он заломил ей руку за спину и заставил нагнуться вперед, приставив к затылку пистолет.

Это была сцена из боевика, так в жизни не бывает.

— Что вы делаете! — закричал на него Егор.

— Ну вот, — сказал Лядов, усмехаясь, словно был рад встрече с Егором, — еще одна рожа лица появилась.

Вера попыталась поднять голову — это не так легко, если тебе заворачивают руку.

— Егорка...

Больше она ничего не успела произнести, так как Лядов сильно толкнул ее вперед. От этого толчка девушка быстро, чтобы удержаться на ногах, побежала вперед, врезалась в Егора, и вместе с ним они устремились вниз, по ступенькам в моечную, причем упали так неудачно, что Егор подвернул или сильно ушиб локоть, взвыл от боли и стал корчиться на полу рядом с неподвижным Майоранским.

Вера лежала на спине и глядела на дуло пистолета.

Лядову нравилось распоряжаться жизнью пленников. Может, всегда нравилось, но судьба не дарила ему такого наслаждения.

— Лежать! — крикнул он Вере и тут же повторил, поглядев на Егора: — Лежать, кому говорю!

Потом толкнул носком ботинка Майоранского.

— А вы зачем лежите? Вы же простудитесь, доктор!

Майоранский быстро сел, словно только и ждал такого крика.

— Вставайте, вставайте, — сказал Лядов.

Его голос звучал глухо — он опустил забрало защитного костюма.

— Зачем?

— Срывайте пломбу с баллона.

— Вы сам, вам удобнее.

— Может, мне и удобнее, но сейчас мне надо держать под присмотром этих наглых детей, которые случайно на нас наткнулись. Правда, случайно?

— Правда, — ответил Егор.

Ему даже говорить было больно.

— И я вам тоже не верю! — рассмеялся Лядов.

Он так легко смеялся, он был такой веселый и очаровательный. За ним куда угодно — на штурм Очакова или на чертов мост.

— А ну! — Переход был неожиданным — от удара ботинком Майоранский чуть не свалился и мелко побежал к баллону.

Вера пыталась подняться.

— Сначала стреляю в руку, — предупредил Лядов. — И учти, что в школе я был ворошиловским стрелком.

Он врал — ворошиловских стрелков не было, когда он родился.

Вера замерла.

— Давай, давай! — кричал Лядов на Майоранского. — Ничего тебе не грозит. Ты только должен вывинтить болт. Начинай!

Майоранский действовал как во сне. Он послушно наклонился к чушке, отыскал нужный болт и начал его откручивать.

— Стой! А то вытечет раньше времени! — крикнул Лядов. — Дай я тебе помогу.

Он в три шага пересек подвал, достиг чушки и с криком:

— Навались! — ринулся на чушку. Она покатилась к решетке слива. И Егор увидел, как маслянистая, тугая жидкость подобно олифе начала выливаться из отверстия.

Вера же воспользовалась моментом, когда внимание Лядова было поглощено чушкой.

Она кошкой вскочила на ноги и кинулась к двери.

— Куда! — крикнул Лядов. — Пристрелю, сучка!

Выскочив наружу, Вера умудрилась навалиться на дверь с такой силой, что та быстро начала закрываться. Когда же Лядов выстрелил, пуля попала в сталь.

Дверь щелкнула. И закрылась!

Глава 17

ГАРИК ГАГАРИН

Дядя Миша нашел на карте Зиханы — он сказал мне, что в одном из Зихан, вернее, в НИИ, закрытом уже три года из-за недофинансирования, и могут оказаться наши знакомые.

Потом он хлопнул себя по лбу.

— Совсем старый дурак стал. Чего же смотрел раньше?

Я потянулся к карте.

— Смотри, — сказал дядя Миша, — мы все обыскали, сомневались, чуть живые вырвались, а не туда смотрели.

Его выхоленный палец с округлым ногтем уткнулся в мелкую надпись: «Совхоз им. Максима Горького».

— Это наша Максимовка?

— Вот именно.

Мы летели в вертолете без опознавательных знаков, а может быть, я не рассмотрел их в темноте.

Но когда мы вышли в Бологом, как можно ближе подобравшись к станции, уже рассвело настолько, что я убедился — именно так: никаких опознавательных знаков, даже нет красных звезд на фюзеляже.

Через три минуты мы уже нашли лейтенанта Свечкина, который признался, что хоть и передал конверт с личными деньгами, но за клиентом не проследил, так как был крайне занят.

Дядя Миша вернул лейтенанту личный долг, и по пройдошистой физиономии лейтенанта можно было предположить, что тот увеличил сумму, накинув проценты.

Не добившись от лейтенанта толку, мы выбежали на площадь перед вокзалом.

Там нам повезло больше.

Неподалеку стояли две или три машины. И первый же водитель признался, что только что, совсем недавно, отвозил клиентов в Зиханы-1. Куда они дальше пошли, он не знает.

Мы уселись к нему, и он повез нас по маршруту, проделанному только что Егором и неизвестной девушкой, которая эту машину и наняла.

Откуда девушка, что за девушка? Наверное, Люся. И в то же время я чувствовал: это не Люся.

Порой мне трудно объяснить, как работает моя интуиция, но она включается независимо от моего желания, что очень сердит профессора Мирского, который меня изучает по утрам в среду. Ему очень хочется, чтобы я работал как машина.

— Тут я их высадил, — сказал водитель. — Они пешком пошли.

На прощание я догадался спросить:

— А еще кто был?

— Те двое, — сказал водитель, — на семьдесят втором приехали. На автобусе. Одного я даже знал, лет пять назад. Фамилия у него простая, русская такая фамилия, то ли Суворов, то ли Кутузов.

Я прочел в его памяти кое-как накаляканное слово «Лядов», которое он сам не смог выцарапать оттуда.

— Лядов? — спросил я.

— Вот я и говорю. На Суворова похож, понимаешь?

Он даже высунулся из машины и махал нам вслед.

— Привет ему от Вени, Вени Смурного. Запомнишь?

— Запомню.

Вокруг стояло неприятное безлюдье. Не такое, как бывает в дневной деревне, когда все в поле или на ферме, а мертвое безлюдье, когда люди ушли совсем.

Дядя Миша шагал уверенно. Он вел меня в Зиханы-гражданские.

— К военным пока соваться нет смысла. Я взял координаты их комбрига, если произойдет худшее. У них служба дезактивации. Но в деликатные детали их впутывать нельзя. Я успел проглядеть документы, созвонился с людьми — по всем данным никаких ОВ на территории института и городка нет. Но один умный человек сказал, что там могут быть испытательные емкости, не для боевого использования, а для продолжения исследований. И не пробирки, понимаешь, а баллоны.

— Зачем их столько?

— Теперь уже никто не скажет. Но считается, что исследовательское хранилище тщательно оберегается и ждет момента, когда приедут добрые итальянцы на уничтожение нашей гадости. Мы правильно идем?

— Правильно, — сразу ответил я, даже не подумав.

Дядя Миша рассмеялся, он был доволен.

— Я знаю, как тебя включать, пришелец, — сказал он. — Да ты не обижайся. Все мы пришельцы. Я вот здесь в деревне

пришелец, и еще неизвестно, между кем и кем больше пропасть. Не исключено, что мы с тобой ближе, чем я с японским самураем.

— Не утешайте, — сказал я. — Мы правильно идем?

— Правильно, Гарик, — ответил дядя Миша. — Надо поспешать. Наверное, зря мы машину отпустили.

Солнце поднялось и начало припекать, но не по-настоящему, как летом, а тем сентябрьским выхоложенным жаром, который уже не может забраться в глубокую тень, и потому там зябко.

Мы пересекли большое поле. Роса почти высохла, но все-таки брюки снизу потемнели от влаги.

Птицы не пели, осенью им нечему радоваться — птенцы ушли в школу, соловей завел молодую любовницу.

Когда мы добрались до кинотеатра, стало совсем тепло, и я даже пожалел, что надел куртку.

— Вот тут, — сказал дядя Миша, — должны храниться святые мощи. Зайдем в комендатуру, там нам скажут, не проходили ли недавно фашистские диверсанты.

Дяде Мише все это не нравилось — у него профессиональное чутье.

Мне тоже не нравилось — у меня свое чутье.

Мы зашли в кинотеатр.

— Это настоящее кино или обманка для американских спутников? — спросил я.

— И то, и другое. С этой стороны кино, с той — подземные помещения: секретные отделы института. Точнее сам не знаю — официального допуска получить не смог.

Дядя Миша подошел к двери в комендатуру.

Он еще не вошел, как я почувствовал тяжелый, тупой запах смерти. Такой, что буквально отшатнулся.

— Там... — начал я.

— Ну вот, — перебил меня дядя Миша, входя внутрь. — Вот и нашкодили.

Он отодвинулся, чтобы мне пройти. Но мне и не потребовалось входить — у стола сидел, упав головой вперед, крупный пожилой седовласый человек в камуфляже.

На рукаве была нашита эмблема — колба в дубовом венке.

— Должны быть еще люди, — сказал дядя Миша. — Не может быть, чтобы он здесь один...

— Все может быть, — ответил я. — По крайней мере русским духом не пахнет.

— Ну, тебе виднее, — согласился уволенный генерал. — Значит, головотяпы.

— Если все это официально не существует...

— Именно так.

— То и охранять нечего.

— Комендант их знал. Иначе бы не пустил к себе. К тому же он был вооружен.

Дядя Миша показал на раскрытую кобуру, притороченную к поясу.

— И еще у него были ключи.

Дядя Миша показал на доску, где в ячейках висели ключи. Стекло, покрывавшее ячейки, было разбито. Некоторых ключей не хватало.

Мы выбежали из кинотеатра.

Солнце нежарко грело, расположившись на фарфоровом сентябрьском небе.

По улице шла милая девушка в джинсах и курточке, сумка через плечо.

Увидев нас, она помахала нам рукой.

— Вы к кому? — спросила она.

— Ждем комиссию, — быстро ответил дядя Миша.

У девушки было грубоватое скуластое лицо и прямые русые волосы — волнующее лицо.

Стройная, легкая — в таких влюбляются безнадежно и безответно.

— Ждите, желаю успеха, — сказала девушка и пошла дальше по улице в сторону поля.

— Погоди, — понизил голос дядя Миша, — дай ей отойти. Я не хочу, чтобы местные видели, куда мы с тобой направились.

Когда девушка скрылась за деревьями, мы обежали здание, чтобы оказаться у задней двери.

От нее вели ступеньки вниз, в подвал.

Дверь в подвал была отперта и приоткрыта.

Пройдя через служебные помещения, ничем не выдававшие специфики этого подземелья, мы оказались в лаборатории.

Лаборатория была умеренно запущена.

В шкафу висели защитные комбинезоны.

Во мне росла тревога.

— Все неладно, — сказал я.

— Тогда быстро одеваемся, — предложил генерал.

Он снял с креплений самый большой комбинезон и влез в него. Я последовал его примеру. Но закрывать забрало шлема не стал.

— Бахилы надевать? — спросил я.

— Обязательно.

Мы потеряли еще минуту. Тревога во мне все росла, даже под ложечкой дергалась тоска.

— Скорее, — попросил я дядю Мишу.

— Сэкономишь минуту — потеряешь жизнь. — Он почти не шутил.

Мы пошли дальше.

К счастью, все двери на нашем пути были открыты.

Даже дверь в хранилище — достаточно скромное помещение с массивными стеллажами, на которых лежали различного вида баллоны. Самые большие, похожие на сардельки почти метровой длины, лежали на нижней полке. Одно место пустовало. Может быть, оно всегда пустовало, а может быть, именно этот баллон они и взяли.

Из хранилища двери вели дальше. В одну мы вошли, другая была закрыта. Дядя Миша потрогал рукоять двери — ничего не вышло. Он постучал в дверь.

И когда я уже хотел сказать, что он зря тратит время, изнутри послышался стук.

Нам ответили.

Дядя Миша склонил голову набок, будто надеялся прочесть в стуке азбуку Морзе.

Ничего не прочел, но вдруг спросил меня:

— Эта девушка... она пошла к станции?

— Наверное, к автобусной остановке.

— Ты ничего не почувствовал?

— Ровным счетом ничего, кроме возбужденных чувств.

— Дураки, — сказал дядя Миша. — Надо ее задержать.

Изнутри стучали. Даже молотили в дверь.

На двери было колесо, как в подводной лодке.

Я попробовал его, штурвал начал поворачиваться.

— А теперь погоди, — велел дядя Миша.

Он быстро прошел назад, закрыл дверь в лабораторию.

— Не надо рисковать, — сказал он. — Ты чего перчатки не надел? Они в верхнем кармане костюма. И забрало опусти.

Пока я надевал перчатки, он несколько раз повернул колесо.

От его напора дверь отворилась.

В отворившуюся дверь ввалился пожилой человек с бородкой клинышком. Как дедушка Калинин.

Он попытался сбить нас с ног и убежать.

— Погодите, — сказал ему дядя Миша. — Всему свое время.

Я окинул взглядом относительно небольшой подвал, в углу которого пол уходил полого вниз, к крупной решетке — метр на метр. На решетке лежал баллон красного цвета. На боку

его было отверстие, и из него выливалась на прутья решетки маслянистая коричневая жидкость, похожая на плохого качества олифу.

Возле баллона, сложив на груди руки и не обращая на нас внимания, стоял человек в защитном, как у нас, комбинезоне, словно Наполеон, наблюдающий с холма за битвой при Ватерлоо.

Наконец, третьим человеком там оказался Егор.

Он стоял, прижавшись спиной к стене. Егор был напуган, но старался не подавать виду, как человек, услышавший плохой диагноз, но помнящий, что на него смотрит хорошенькая медсестра.

Болт, которым завинчивалось отверстие в баллоне, валялся на полу.

Первым делом дядя Миша подобрал болт и завинтил отверстие, прервав поток жидкости.

— Поздно, — сказал человек в комбинезоне. — Все уже свершилось.

— И что же свершилось? — спросил дядя Миша.

— Земля погибла.

— Сомневаюсь, — сказал дядя Миша, — и это ваше заявление требует проверки.

Затем дядя Миша обернулся к Егору и сказал:

— А ты чего здесь стоишь, студент?

— А что?

Егору хотелось кинуться ко мне в объятия, я всей шкурой это чувствовал, но он понимал, что положение настолько серьезно, что пока лучше постоять на месте.

— Немедленно выходи в лабораторию.

— В лабораторию?

— В следующее помещение.

Егор послушно вышел из моечной.

— Вы кто? — спросил дядя Миша у человека в комбинезоне.

— А вы?

— Его фамилия Лядов, — сказал из лаборатории Егор. — Он здесь раньше работал. Он убил коменданта.

— Ах, чепуха, — ответил Лядов. — Я фантом в мире мертвецов. Я не существую. Вы, кажется, тоже.

— Ваша гадость испаряется? — спросил дядя Миша.

— Мой тигренок слабо испаряется, но концентрация его в комнате такая, что вы все существуете в облаке. В смертельном облаке.

— Он не врет, — сказал я. — Эта штука испаряется.

— Почему все они живы? — спросил генерал.

— Потому что они помрут через шесть часов. Включая эту сучку.

— Кого?

— Убийцу, которую притащил с собой этот мальчик, — сказал Лядов. — Вашу агентшу.

— Ну да, конечно, — послушно согласился дядя Миша, к моему вящему удивлению.

— Если я до нее доберусь, — продолжал Лядов, — я ей покажу.

— Куда ведет слив? — спросил дядя Миша.

— Прямо в речку, — сообщил Лядов.

Он вел себя как террорист, выполнивший долг — убивший премьера.

— Не врет, — сказал я.

Вдруг Лядова прорвало:

— Да скажите вы вашему детектору на кривых ножках, что я никогда не вру!

Почему он решил, что у меня кривые ноги, — ума не приложу, никогда раньше меня в этом не подозревали.

— А теперь, — сказал дядя Миша, — все покидают это помещение. Я повторяю: все!

И тут я не отказал себе в удовольствии.

Я схватил Лядова за рукав и потащил к выходу. Он вяло сопротивлялся и заработал от меня подзатыльник, что, конечно, не так чувствительно, если у тебя на голове пластиковый шлем, но всегда обидно.

Дядя Миша закрыл дверь, повернул колесо.

Меня смущало его спокойствие. Словно Земля сейчас не была на пороге гибели.

Где-то щелкают часы — на экране появляются красные цифры: до взрыва шесть минут, до взрыва пять минут сорок секунд...

— А этого зовут Майоранский, — сказал Егор, который поджидал нас в лаборатории. — Это страшный убийца, хуже любого Менгеле, хуже Гитлера. Он испытывал смертельные яды на живых советских людях.

— Я выполнял долг, я боролся с мировым империализмом...

— Ага, — согласился дядя Миша. — Такие опаснее всего.

Лядов спросил:

— А где эта баба?

— Поймаем, — спокойно ответил дядя Миша.

— Я ничего не понимаю, — сказал Егор. — Это же Верка-снайпер.

— Кто?

— Прозвище — Верка-снайпер. А вообще-то Вера, журналистка. Она мне очень помогла.

— Откуда она выскочила? — спросил дядя Миша. — Она из вашего мира?

— Нет, я ее здесь встретил, у переходника. На трамвайной остановке. В Питере.

— Журналистку или Верку-снайпершу? — спросил генерал.

— Сначала она была бомжихой, она, понимаете, наблюдала за переходником, заподозрила неладное и пошла в журналистский поиск.

— Ах, как трогательно! — отметил генерал.

— Вам что-то не нравится? — спросил Егор.

Будто все забыли о яде. Я с трудом сдерживался, чтобы не прервать эту беседу.

Дядя Миша словно почувствовал мое состояние, положил мне руку на плечо и слегка надавил.

Он хотел меня успокоить.

Но я все равно никак не мог успокоиться. И к тому же в этом экранированном подвале среди людей, чувства и мысли которых были в полном раздрызге, я был беспомощен и не мог воспользоваться моими способностями.

— Что же делать? — спросил вдруг Майоранский. — Я умру?

— Это два разных вопроса и две разные проблемы, — откликнулся Лядов. — «Что делать?» — извечный вопрос русской интеллигенции. Никогда не думал, что вы к ней относитесь.

— К кому же я отношусь?! — Майоранский выпятил вперед острую бородку.

— К убийцам, сэр, к убийцам.

— А вы? — закричал Майоранский.

— Тоже к убийцам, но не к самоубийцам. Умирать придется вам и этому вот глупому молодому человеку, который дал себя использовать недостойным лицам. А второй ваш вопрос, Майоранский, умрете ли вы? На него у меня есть ответ. Умрете через шесть часов. Больше вам не жить ни минуты!

— Гарик! — взмолился Егор. Он испугался.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал дядя Миша. — Пошли наружу. Тем более что здесь связь толком не работает.

Майоранский сразу засеменил спереди — он спешил спастись.

— Почему вы не беспокоитесь? — спросил Лядов у дяди Миши. — Вы должны сходить с ума от страха.

— Что я и делаю, — согласился генерал.

Он посмотрел на меня. Я ничем не мог помочь. Я все еще ничего не чувствовал.

Мы поднялись наверх, вышли на солнце.

Два одинаковых чернявых лейтенанта ждали нас у дверей.

— Мы не входили, как и приказано, — сказал один из них.

— Товарищ генерал-майор, — обратился второй к Майоранскому, но тот только отмахнулся и уселся на траву.

Из-за угла дома выбежали человек двадцать солдат в защитных костюмах.

Полковник в камуфляже высунулся из джипа.

— Сюда, товарищ генерал, — сказал он.

— Где «Скорая помощь»? — спросил генерал.

— Кому нужна помощь? — спросил полковник.

— У меня пострадавшие.

— Причина поражения?

— Пока отвезите их в ваш госпиталь на дезактивацию.

— Как вы сказали? — У полковника были длинные, печально висящие усы.

— Ну, как это у вас называется?

— Дезинфекция. Я думаю, что генерал имеет в виду дезинфекцию, — сказал чернявый лейтенант.

Майоранского унесли на носилках, и он был рад, что не надо двигаться.

— Поражение какого рода? — спросил полковник. — У нас не было с вами связи.

— Ви-икс-бис, — сказал Лядов. — Мой тигренок.

— Черт побери!

Полковник был потрясен.

— Там в последнем помещении, — сказал генерал, — лежит баллон. Он был открыт. Я его завинтил обратно.

— Первая группа, — негромко сказал генерал. — В подвал! Вы слышали, лейтенант?

Но на этот раз слова полковника относились не к чернявым лейтенантам, а к вышедшему откуда-то — может, из-под земли — человеку в защитном костюме; в отличие от наших костюмов эти были схожи с глубоководными водолазными.

Нас все сторонились. Даже в таких вот комбинезонах.

Санитары, которые пришли за Егором, тоже были облачены в защитные одежды.

— Но мне пора возвращаться, — сказал Егор. — Вы же не знаете.

— Я буду у тебя через полчаса, — сказал дядя Миша. — Ты можешь подождать?

— Буду ждать, — согласился Егор. — Только пускай они меня не исследуют, а то в обморок попадают.

— Это точно, — согласился Лядов. — Кстати, меня тоже надо как следует вымыть.

Когда всех гостей из Нижнего мира увели, дядя Миша сказал полковнику, который остался с нами:

— Берегите их. Как следует.

— Вы знаете, что убит комендант института? — спросил полковник.

— Знаю, — сказал генерал. — Девушку нашли?

— Ищем, — сказал полковник.

— У вас найдется здесь помещение поскромнее и понезаметнее?

— На нашей базе?

— Лучше где-нибудь здесь.

— Но это не наша территория.

— Нам надо решить, что делать дальше.

— Ну, единственное... — Полковник запнулся. — Может быть, в комендатуре? Тело унесли. Если вас это не травмирует?

— Не травмирует. Оставайтесь со мной на связи. И я попрошу, чтобы наши... гости... были дезинфицированы в ближайшие пятнадцать минут.

— В пятнадцать минут не удастся, — сказал полковник. — Мы же исследовать их должны — ведь это не фосген какой-нибудь, а Ви-икс. Тем более опытная партия.

Дядя Миша пошел было к кинотеатру. Но тут полковник его вежливо остановил.

— Товарищ генерал, вы меня неправильно поняли, — сказал он. — Вам туда нельзя. С вас надо снять костюм и потом вас тоже обработать.

— Меня-то зачем? Я в безопасности.

— К сожалению, никто из вас не в безопасности. А вот те, кто там был без костюмов, — обречены.

— Двое, — сказал генерал. — Егор и тот самый... Майоранский. Знакомая фамилия.

— Лаборатория ядов у Судоплатова, — подсказал я.

— Вот именно, — кивнул дядя Миша.

И мы тоже направились к фургону «Скорой помощи».

Уже перед самым фургоном генерал спросил полковника: видно, все откладывал этот вопрос:

— А сам яд... что с ним?

— Никуда он не делся, — сказал полковник. — Нет оттуда стока в реку. Все ушло в резервуар. В подземный резервуар.

— Разве это не опасно?

— Еще как опасно! Но это ваше дело — поднимать панику в Москве.

— Есть основания для паники? — спросил дядя Миша.

— Всегда есть основания. В нашем деле всегда есть основания. Ведь вещество никуда не ушло. Подземный резервуар стар, в бетоне трещины, влага пойдет под землю, попадет... черт возьми, и думать не хочется. Но мы же не можем перекопать весь район!

Прошло сорок минут, когда мы пришли в бокс, куда спрятали Егора.

Девушку все еще не нашли.

— Я должен тебя огорчить, — сказал дядя Миша. — На коже есть микроскопические следы вещества. К сожалению, достаточно микроскопических следов, чтобы человека отправить на тот свет.

— Вы обо мне? — рассеянно спросил Егор.

— И о тебе, и о профессоре Майоранском, и о той девушке, которую ищут.

— Жалко, — сказал Егор после паузы. — И сколько мне осталось...

— По уверениям Лядова — часов пять-шесть.

— Значит, три, — сказал Егор. — Вы Люське передавайте от меня привет.

Дверь в бокс приоткрылась, и туда сунул голову наш полковник.

— Товарищ генерал, — сказал он. — Вас срочно.

— Что еще?

— Из Москвы прилетел товарищ генерал-лейтенант. Очень сердятся.

— Ну вот, этого еще не хватало.

Дядя Миша был расстроен.

Он вышел из комнаты. В дверях задержался, как детектив, который вспомнил о незаданном вопросе.

— Если будут сложности, — сказал он, — я надеюсь, Гарик, на тебя. Сегуненко тебе поможет.

Последние слова относились к полковнику.

Полковник вежливо и неубедительно кивнул и вышел следом за дядей Мишей.

Мы остались с Егором вдвоем.

Егор изменился за прошедшие месяцы. Лицо стало голубым, волосы поредели. Он исхудал.

— Что с ядом? — спросил Егор.

— Он в безопасном месте. Оказывается, Лядов ошибся — выхода в речку там нет. А есть подземное хранилище.

— Бетонное?

— Бетонное, разумеется.

Егор вроде успокоился. Он лежал на койке в трусах и майке, белье было ему велико — видно, выдали солдатское.

А я представил себе, как яд просачивается сквозь щели в бетоне.

— Как странно, — сказал Егор. — Они получили вторую жизнь, но не отказались от того, чтобы убить вас... за то, что вы живые люди.

— И создать мир мертвецов, — продолжил я.

Время уходило.

Мы сидели в небольшой палате. Генерал не возвращался.

— Я знаю, что надо сделать, — сказал я.

— Что? — Егор хотел надеяться.

— Я думаю, что в любом случае надо возвратиться к вам.

— Зачем?

— Потому что... ты помнишь певца? Веня Малкин? Помнишь?

— Да, — сказал Егор. — Он жил у нас.

— И почему?

— Чтобы не умереть здесь от СПИДа.

Егор задумался.

И тут дверь отворилась и вошел незнакомый мне толстый генерал с грубым неандертальским лицом, в белом халате, накинутом на мундир.

— Привет, орлы, — сказал он. — Как самочувствие?

— Отлично, — сказал я.

Егор промолчал.

— Лежите, отдыхайте, будете находиться под наблюдением. Если что — обращайтесь прямо ко мне.

Представиться он не подумал.

— А генерал... а Михаил Иванович? — спросил я.

— К сожалению, генерал отстранен от разработки. Вы переходите в мое прямое подчинение.

— Спасибо, — сказал Егор. И не потому, что хотел показаться дерзким, а оттого, что не вдумался, что для нас хорошо, а что плохо.

— Отставить разговорчики, — сказал генерал. — Я пришлю сотрудника для беседы с вами. Чтобы через сорок минут быть в полной форме. Ну, как надо отвечать?

— Не помню, — сказал Егор.

На этот раз он уже понял, что новый генерал — существо для нас нежелательное.

Генерал поморщился, но не успел высказать своего отношения к невоспитанности граждан из сомнительной реальности, потому что я перебил плавный ход его мыслей.

— Мне надо поговорить с Михаилом Ивановичем, — сказал я. — Где мне его найти?

— Мы все обсудим, все обсудим, молодой человек. Вы ведь тоже из неопределенной территории?

«Ага, — подумал я, — у вас уже терминология есть».

— Я с определенной территории, — ответил я.

— Тогда вам здесь нечего делать! — рявкнул генерал.

Он обернулся в коридор и крикнул:

— Лейтенант, пойдите сюда! Кому я сказал!

Мне пришлось принимать меры. Я понял, что иначе нам отсюда живыми не выбраться.

Когда генерал снова посмотрел на нас, вместо меня он увидел бывшего министра обороны Язова, который по-отечески сказал ему:

— Не беспокойся, я тут разберусь и к вам зайду. Минут через пятнадцать, вас устроит?

— Разумеется, товарищ министр.

— Иди, голубчик, иди.

Генерал ушел, сохраняя светлый лик кадета, допущенного к лицезрению царственной особы.

— Он кого увидел? — спросил Егор, который генерала Язова не заметил.

— Я попытался найти для него авторитетную фигуру, консервативного радикала.

— И нашел?

— Генерала Язова знаешь?

— Что-то читал, — рассеянно сказал Егор. — И что мы будем делать? Искать дядю Мишу?

— Наш с тобой союзник — человек опытный, — ответил я. — Если будет нужда и возможность, он нас сам отыщет.

— Я боюсь... — сказал Егор.

— Слушай, — сказал я. — Не думай, что я просто пришел тебя повидать. У меня есть план, который я тебе изложил.

— Я и не заметил, — ответил Егор.

— Надо срочно вернуться к вам домой. Срочно, пока еще действует вакцина. И пока не начал действовать яд.

— Это связано между собой?

— Боюсь, что да. Я уже говорил о Вене Малкине. Он ушел

к вам, потому что надеялся пересидеть беду в мире без времени и потому без болезней.

— Если мы вернемся...

— То все остановится. И у нас будет время разобраться.

— И Майоранского возьмем?

— И Лядова тоже.

— Но они же убийцы! Если бы не случайность, они бы погубили Землю.

— Наивный план товарища Берии, — сказал я. — Даже такой страшной концентрации яд в масштабах Земли будет действовать локально. Конечно, погибнут тысячи людей... но, разумеется, судьбы мира это не изменит, и Берии не стать господином Вселенной. Перегородка между нашими мирами истончается, потому что усиливается биологическое и технологическое давление. Еще двадцать лет назад население Земли было вдвое меньше и технологическое давление — куда как слабее...

Я говорил вроде убедительно, но в то же время не мог изгнать видение: наполненный отравленной жидкостью подземный резервуар, которому положено быть непроницаемым, но по стенкам которого тянутся тонкие трещины.

Дядя Миша знает об этом. А дядя Миша уже не всесилен.

Я знал, что смогу вывести из госпиталя только Егора. Майоранского с Лядовым придется оставить.

Пускай умирают? Они же убивали? Значит, заслужили смерть.

— Вставай, — сказал я, — и пошли.

— Но нас остановят.

— Для всех встречных ты идешь в сопровождении офицера, который ведет тебя куда надо. Так что иди и не удивляйся.

— Я тебе иногда удивляюсь.

— Не стоит, — сказал я. — Ты мне льстишь.

— Как странно, — сказал Егор и первым пошел к двери. — Мне иногда кажется, что мы с тобой просто живем в разных городах. Можно сесть на поезд и приехать в гости.

— В общем, так оно и есть.

Мы вышли в коридор. Там было пусто. Стены были выкрашены в человеческий рост тоскливой голубой краской.

— Я очень надеюсь, что Леониду Моисеевичу удастся создать достойную вакцину, — сказал Егор.

— Когда выйдем отсюда, все подробно мне расскажешь.

— Я сейчас начну. Может быть, у нас там не будет времени, — разумно ответил Егор. — Ты сейчас всем кажешься солдатом?

— Нет, полковником. Помнишь того, кто нас у подземелья встретил?

— А почему ты его выбрал?

— Его здесь наверняка все знают. Он — заместитель комбрига.

Первый пост был сестринский — барьерчик, за ним медсестра, как в любой больнице.

Медсестра была молоденькой, и — редкость в наши дни — золотые волосы заплетены в толстые косы и венком завернуты вокруг головы. Она радостно мне улыбнулась.

— Как вы себя чувствуете, Александр Тихонович? — спросила она. — Язва больше не беспокоит?

— Твоими молитвами, — ответил я. — Твоими молитвами.

Медсестра качнула золотым гнездом и серебряно засмеялась.

Егор убедился в моих способностях и начал рассказывать о том, как сюда попал. Мы как раз дошли до конца истории с совещанием консулов на берегу моря, как оказались в холле.

Тут был настоящий барьер, у него дежурный пост.

Я надеялся, что в бригаде царит дух домостроя. Иначе не выпустят.

Дух домостроя победил.

Сержант на выходе потянулся ко мне губами и прошептал:

— Здесь генерал-лейтенант приехал, распоряжается. Но не наш.

— Знаю, — сказал я тихо. — Делай вид, что уважаешь его как товарища министра.

— Понял, товарищ полковник! — сказал сержант.

И тут все погибло.

Потому что сверху раздался голос:

— Эй, погодите, что вы там делаете?

Настоящий полковник Александр Тихонович резво сбегал с лестницы.

А я успел заметить, что снаружи, возле здания, на осеннем солнышке стоит мой дорогой дядя Миша, не подозревающий, в какой переплет он нас затащил. А возле него, под охраной солдатиков, маются Майоранский и Лядов.

И как раз в тот момент все они обернулись и исчезли из поля моего зрения.

Я остался наедине с судьбой.

Такой трудной задачки мне еще не приходилось решать.

Я раздвоился.

Я остался для сержанта полковником и как таковой подтолкнул Егора к выходу, но обернулся к полковнику в виде

того генерала, что захватил здесь власть и лишил таковой моего дядю Мишу.

Полковник смутился и приостановил бег. Какие бы сомнения тебя ни охватывали, вряд ли ты закричишь настоящему генералу, чтобы он остановился. Такой окрик надо обдумать, к нему положено внутренне подготовиться и подумать при этом, насколько тебе дорога карьера и что вообще для тебя важнее: карьера или справедливость?

Пока эти мысли бороздили чело полковника, я вытолкал Егора на улицу.

На свету, на зеленой траве, на поляне, обрамленной елями, стоял наш вертолет. Вертящийся винт прижимал траву.

На полпути к нему шагал генерал дядя Миша.

Перед ним семенили к вертолету бериевские биологи.

Дядя Миша остановился, обернулся к нам и сердито спросил:

— Вы что, ночевать там собрались?

Словно мы с ним заранее договорились обмануть охрану и привести всех биологов и их преследователей именно на эту поляну и к генеральскому вертолету, прежде чем его захватит наш соперник.

— Ну, скорее, — велел он мне, одним глазом наблюдая за тем, как Майоранский и Лядов забираются в кабину.

Тут из госпиталя выскочил полковник, и дядя Миша поднял руку, останавливая его.

— Не беспокойтесь! — крикнул он. — Все под контролем!

Усаживаясь рядом со мной в перенаселенном вертолете, дядя Миша сказал:

— Не будет он ничего предпринимать, пока нет указаний. А новый руководитель проекта от ФСБ пока принимает свои фронтовые сто грамм с комбригом. Славные ребята. Видишь, до чего страну довели!

Я стал спорить с дядей Мишей. У нас принято обвинять в гибели страны и распаде экономики своих личных недругов. Для одного — это коммунисты, для другого — демократы, а для дяди Миши — соперники из ФСБ.

Вертолет пошел вверх.

— Все на борту? — спросил дядя Миша.

— Верки нет, — сказал Егор. — Она ведь тоже схватила дозу, только сама этого не знает.

— Она другого не заслужила, — сказал Лядов.

Он-то себя виноватым не чувствовал. Он уже ожил. Как я понимаю, дядя Миша объяснил биологам, что план уничто-

жения Земли пока не сработал, но есть шансы возвратиться в Чистилище живыми.

Агенты Берии решили, что они избегли наказания. По крайней мере здесь.

— Гарик, — попросил меня генерал Миша, — ты не можешь включить свой радар?

Все обернулись ко мне, подозревая, что сейчас я вытащу курицу из цилиндра.

— Вы имеете в виду девушку?

— Да, — сказал генерал. — Мы ведь не приговаривали ее к смертной казни.

Вертолет наклонился и пошел прочь от домиков и бараков военной части в сторону станции.

— Я думаю, — сказал я, — что она пошла к автобусной остановке. И должна быть поблизости. Вы можете потерять три минуты?

— Но не больше, — пробурчал дядя Миша. У него катастрофически не хватает чувства юмора, а в стрессовых ситуациях оно вообще пропадает.

Я подошел к дверце вертолета и распахнул ее. Внутрь ворвался теплый воздух.

Пилот, обернувшись, что-то закричал мне.

Глава 18

ГАРИК ГАГАРИН

Генерал помахал мне рукой. Он знал о некоторых моих способностях. Пожалуй, я у него единственный настоящий инопланетянин. Хотя кто может ручаться? В секретных организациях Российской Федерации можно и говорящего крокодила отыскать.

Я шагнул наружу, и следом мне раздалось коллективное «Ах». Все поверили в мое самоубийство.

Я же понесся по касательной над лесом, над деревенской улицей, к автобусной остановке, возле которой никого не было.

Я чувствовал страх Веры.

Она шла дорожкой — ей оставалось до автобусной остановки метров сто. И она уже решила для себя, что не будет выходить на открытое пространство и, лишь когда автобус остановится, побежит к нему.

Я опустился перед ней. Метрах в десяти. Но сделал так, словно я не прилетел с неба, а прятался за кустом.

— Вера, — сказал я, — только не волнуйтесь, не стреляйте из пистолета, а сначала выслушайте меня.

Она и в самом деле вытащила трофейный пистолет.

Я увидел круглую дырочку, в глубине которой затаилась пуля.

Я не двигался, как не двигается опытный дрессировщик перед новеньким тигром в своей труппе.

— Чего надо? — спросила девица грубо.

Все равно она была хороша и мне нравилась.

Конечно, я мог бы показаться ей кем-то приятным или, наоборот, страшным. Но не хотелось.

— Когда вы были в подземелье, Вера, — сказал я мягким голосом врача-психиатра, — вы получили смертельную дозу яда.

— Чепуха, — сказала Вера. — Я туда не подходила. Там Лядов был. И Майоранский. Только Лядов в костюме... и еще Егор, тот хороший парнишка. Они умерли?

— Все живы. Инкубационный период — четыре с лишним часа. Теперь осталось три.

— Не врете?

— Нет, не вру, — ответил я. — И у меня нет времени.

— А вы что предлагаете? Разве есть сыворотка?

— Пока нет, — сказал я. — Но есть выход. Для этого надо срочно вернуться в Питер.

— Но как? — Вера была неглупой девушкой и по крайней мере не намеревалась тратить время зря.

— У нас есть вертолет.

— Где?

— Через минуту он опустится у автобусной остановки.

— А почему вы хотите мне помочь?

Я пошел к автобусной остановке, Вера опустила руку с пистолетом.

— Мне вас жалко, — сказал я.

— А что будет в Питере?

Мы вышли к автобусной остановке.

Прямо на дорогу опускался вертолет.

— Пистолет придется отдать мне, — сказал я.

— И не подумаю.

— Тогда через три часа вы умрете. Даю слово. Я проверял. Это не попытка вас запугать.

— А я думала, что мне ничего не грозит, — сказала Вера.

Она протянула мне пистолет.

Я хотел выкинуть его в кусты, потом передумал и положил в карман.

Мы побежали к вертолету. Ветер от винтов сбивал с ног.

Генерал протянул руку, помогая Вере забраться внутрь.

Я вспрыгнул за ней.

Должен сказать, что наши спутники куда больше удивились моему возвращению, чем появлению Верки-снайпера.

Они все ахнули, как и тогда, когда провожали меня в смертельный прыжок.

Но когда вертолет поднялся, гул вопросов и удивления затих и сменился реакцией на появление Веры.

Она тоже не ожидала увидеть столько врагов сразу.

— Это она! — кричал Майоранский. — Она допустила вымывание отравляющего вещества в жизненно важные области.

— Вот именно! — Лядов тут же заразился терминологией от старшего товарища. — Она обрекла нас на неизбежную гибель. Подтвердите!

Он потребовал подтверждения от Егора, который, с его точки зрения, имел какие-то особые связи с теперешним начальством, и потому к его мнению положено было прислушаться.

— Так, — сказал генерал. — У нас впереди час полета. Если нас не собьют у цели.

— Почему? — спросил Лядов.

— Потому, — ответил генерал. — Вопросы здесь задаю я. Сейчас каждый из вас получит по десять минут, чтобы рассказать, как он дошел до жизни такой. Мне нужна общая картина. Я никого не намерен судить, так как почти все здесь пользуются правами экстерриториальности и к тому же многие обречены на скорую и ужасную смерть. С кого начинаем?

Уютно шумели винты вертолета, было тепло.

— Начнем с меня, — сказал Егор. — Я живу там, в Нижнем мире. Его называют по-разному. Но я недавно там живу, и мне хочется вернуться. Когда я заподозрил неладное, а потом узнал, что консулы, и в первую очередь Берия, замыслили ликвидировать Верхний мир, чтобы сохранить свою власть над Нижним миром, я решил обязательно сообщить обо всем моим друзьям. Но не был уверен, что они получили мое послание, а главное, осознали, насколько все серьезно. И тут я узнал от доктора Фрейда о вакцине и о том, что Берия хочет послать в наш мир двух биологов, которые должны отравить Землю.

Егор старался говорить быстро, четко, короткими фразами.

Время от времени его перебивали то Лядов, то Майоранский. Им хотелось выглядеть наивными учеными не от мира сего, которые подчинялись демонической силе бывшего министра. От убийства коменданта они открестились хором, пистолет якобы нашли случайно.

Вера молчала. Тогда Егор поведал о том, как встретил ее на трамвайной остановке и снова у вокзала в Бологом.

Егор закончил рассказ тем, как Вера заточила в подвале биологов. Лядов закричал:

— Она все знала!

Вера пожала плечами.

— Я испугалась, — сказала она. — Я испугалась, что эти мерзавцы отравят и нас с Егорушкой.

И снова замолчала.

Егора сменил Майоранский. Он был велеречив, но, как ни странно, умудрился никакой информации не дать.

Да, он работал некогда в лабораториях МВД, но только как теоретик. И отправился сюда, так как боялся, смертельно боялся всех — и Лядова, и Берию.

Лядов же почти повторил монолог Майоранского за тем исключением, что боялся Майоранского и Берию, сам же происходил из породы овечек и филантропов.

— Нам все ясно, — перебил его дядя Миша. — Ничего нового нам от вас не услышать. Остался пустяк, осталось узнать от прекрасной дамочки, как она попала в эту историю. Только честно.

— Я служила людям! — неожиданно призналась она.

— Быть не может! — возразил Лядов. — Верится с трудом.

— Я работала. Я сопровождала Егора, — убежденно повторила девушка.

— Значит, сопровождала, — сказал дядя Миша ласковым голосом. — Заботилась?

— В определенном смысле — да.

Вера откинула упавшую на лоб прядь волос.

— И заперла его в подвале?

— Поймите меня правильно, — сказала Вера. — И постарайтесь встать на мое место. Я уже знала, что эти убийцы готовы на страшное преступление. Что погибнет вся Земля, в том числе мои родные и я сама. Все, что свято и дорого...

Голос девушки неубедительно дрогнул.

— И вы заперли его в подвале?

— Я вижу, как Лядов опрокидывает баллон и из него выходит яд. Я — слабая женщина. Я ничего не могу сделать для Егора. Но я могу спасти Землю... и закрыла дверь. Потому что, если бы я этого не сделала быстро и неожиданно, они бы вырвались наружу! И вырвался бы яд.

— Врет, — сказал Лядов.

— Я тоже так думаю, — поддержал его дядя Миша.

Я же чувствовал всеми фибрами души, что Вера лжет. Ложь лезла из нее как кисель, с каждым словом.

— Ну почему, почему мне не верят!

— А потому, Вера, — ответил дядя Миша, — что нормальный человек, а тем более журналист, узнав о таком деле и даже приняв в нем участие, не побежит в лес прятаться, не поспешит к автобусной остановке, чтобы убраться отсюда, а ринется в воинскую часть поднимать тревогу.

— И когда меня сочтут сумасшедшей и посадят в тюрьму, я спокойно помру от яда. Вы же мне обещаете такую участь.

— Но, может, стоило попробовать?

— Ах, хорошо быть генералом! — воскликнула Вера. — Вас нельзя пороть, сажать на гауптвахту и прогонять сквозь строй.

— Что ты несешь, девочка! — Майоранский, видно, решил выступить на стороне победителей. — Товарищ генерал знает, что делает.

— Товарищ генерал знает, кого кушать, — упрямо сказала Вера.

Генерал не успел ответить, потому что пилот выгнулся в салон и помахал рукой, призывая генерала.

Дядя Миша прошел к пилотам, и мне было видно, как покачивается его ровно причесанная голова. Что-то было неладно.

Генерала не было минут пять.

Я посмотрел на часы. Мы уже летели около двух часов — так незаметно промчалось время в импровизированных интервью. Под нами начинались пригороды Петербурга.

Вера смотрела в иллюминатор, облаченная в белые одежды моральной чистоты. Я ей не верил.

Лядов и Майоранский тихо ссорились — в чем-то обвиняли друг друга.

Егор спросил меня:

— Как Калерия Петровна?

— Спасибо, не болеет, — ответил я.

— Работает? А Катрин?

— И Катрин, и Тамарочка, и Саша Добряк — все на своих местах. Скучаешь?

— Жутко скучаю. Я так надеялся, что Леонид Моисеевич изобрел вакцину, но она уже прекращает действие — я скоро помру.

— Не помрешь. Не удастся. Мы уже подлетаем.

Вернулся дядя Миша.

— Велят возвращаться, — тихо сказал он мне.

— А вы?

— Приказал пилотам лететь пониже. Не будут же они нас сбивать над колыбелью революции.

— Вы рискованный генерал, дядя Миша, — сказал я.

— Вернее всего, сегодня уже бывший генерал.

— Была бы Родина цела, — ответил я неведомой цитатой.

— Молодец. Егор, — позвал генерал, — ты в топографии хорошо разбираешься?

— Петербург я знаю только приблизительно.

— Вот тебе карта, а вот иллюминатор.

— Товарищ генерал, — вмешалась Вера, — предоставьте это мне. Я пройду к пилотам и все объясню.

— Вы уверены, что сделаете это правильно?

— Совершенно уверена, потому что сама нашла тот завод и провела возле него самые интересные дни моей жизни.

— А если вы нас посадите неправильно?

— Когда сядем, тогда и будем решать, — ответила Вера.

Наглое существо. Но как хороша собой!

— Идите.

Вера поднялась и прошла к пилотам.

— Это недалеко от Московского вокзала, — сказал Егор, — оттуда до вокзала трамвай ходит.

— Трамваи на моем плане не указаны.

— Что представляет собой переходник? С вашей стороны? Он охраняется?

— Там сидит Феничка. Птичка Феничка.

— Попроще, Егор, — сказал генерал. — Что за птица?

— Большой лохматый неопрятный человек с лысой желтой головой, как бильярдный шар для слонов. У него там лилипуты.

— Это сотрудник Берии? — спросил генерал.

— Нет, он сам по себе.

— Откуда знаешь? — спросил генерал.

— Он так себя ведет. И меня выпустил. Потому что поверил, что хочу остановить вот этих... биологов.

— Так ты с самого начала за нами следил?! — воскликнул Лядов.

— А вы только сейчас поняли? — усмехнулся Майоранский. — Вы наивный человек. И именно ваше легкомыслие погубило всю операцию.

— Смотри, — сказал мне генерал.

Над нами шли два военных вертолета. Близко, сверху. Словно торжественно сопровождали нас.

— Начальство сердится, — сказал дядя Миша.

Наш вертолет начал медленно и как-то неуверенно снижаться. Видно, Вера выискивала снизу знакомые ориентиры.

— Слушай, Гарик, нам надо поговорить, — сказал генерал. — Может, больше и не удастся. По крайней мере ты понимаешь, насколько я неправильно себя вел, нарушал законы и распоряжения высших органов власти.

— Никому не объяснишь, — согласился я с генералом, — что можно не только отпустить убийц, но и вывезти их за пределы правосудия.

Я ответил так же тихо, как говорил со мной генерал. Мы сидели плечом к плечу, и нас никто не слышал.

— Но я не могу казнить людей, даже самых мерзких преступников. Наверное, из-за этого не быть мне маршалом.

Я не ответил. И так все было ясно. Дядя Миша доживал последние минуты в генеральском звании. Военные вертолеты шли над нами и не сбивали нас только потому, что обломки упадут на мирный трудящийся город не то Петра, не то Ильича. Они думали, что возьмут нас всех сразу после посадки.

Любопытно, что шаткое равновесие, созданное природой и позволяющее по неизвестной мне причине существовать этой нелепой системе, разрушалось одновременно с двух сторон. Консулы стремились уничтожить нас, чтобы спасти свою власть, наши генералы посылали вертолеты, чтобы контролировать Нижний мир. Может, они еще и не представляют толком, какую жар-птицу схватили в лапы без асбестовых рукавиц, но действовать будут уверенно.

— Я не знаю, каким будет суд, — продолжал дядя Миша, — но они должны дождаться суда живыми.

— Я все понимаю, — сказал я. — И у меня есть другая идея.

— Я не могу толкать тебя. Ты понимаешь, насколько это рискованно.

— Вопрос в одном, — сказал я. — Успеть к переходнику раньше, чем наши преследователи. Мне не хотелось бы, чтобы они знали, где он находится.

— Есть цель! — крикнул пилот.

Дядя Миша легко поднялся и буквально прыгнул к кабине, чтобы увидеть, куда садиться.

Я смотрел вниз глазами генерала.

Под нами была территория завода. Корпуса безлюдны. Я чувствовал, какой корпус нам нужен. И Вера на него как раз показала.

Можно было опуститься на большую площадку в торце корпуса.

— Если сесть сбоку, — крикнул я, — там есть дверь! А дворик так мал, что второму вертолету уже нет места.

Машина пошла вниз.

Генерал обернулся ко мне:

— Если со мной будет неладно, все мои долги и обязанности возьмет на себя Калерия. У нее есть связи, так что не бойся. — Генерал старался говорить убедительно. Но сам не был уверен в своих словах.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Уверен в вашем умении выйти сухим из воды.

— Но не в этот раз.

— Я думаю, — сказал я, — что они сами не понимают еще, как себя вести.

— А я надеюсь на то, что не все доклады представлял в письменной форме, — улыбнулся генерал.

Вертолет ударился о землю и вздрогнул.

— Быстро! — приказал генерал. — Все, кто хочет выжить, выбирайтесь из машины и бегите внутрь, к переходнику. Тот, кто хочет остаться и иметь дело с нашими преследователями, вольны это сделать. У вас еще есть полчаса жизни.

Никто не стал спорить, возражать, рыдать или суетиться.

Первой выскочила Вера и побежала в здание цеха. И по тому, как она это сделала, я понял, что она не в первый раз туда бежит.

За ней выскочил Лядов.

Егор помог спуститься Майоранскому. Такому гуманисту не место на баррикадах.

Мы с генералом замкнули шествие.

До открытой боковой двери в цех было метров пятнадцать.

Я услышал, как с другой стороны цеха на большую площадку опускаются военные вертолеты. Они уже поняли, что рядом с нами места нет.

У нас образовались лишние две-три минуты.

Когда я оказался в цехе и проморгался, привыкая к полутьме, Вера уже подбежала к грязной завесе, прикрывавшей черное пространство между станками.

— Быстро! — приказал дядя Миша. — Первым идет Егор.

— Почему? — вскинулся Майоранский. — Я старше.

— Мы еще увидимся? — спросил Егор, глядя на меня.

— Обязательно, — сказал я.

Вера спросила:

— Я точно умру?

— Через три часа.

Тогда она шагнула внутрь. Затем биологи.

Каждый раз за занавесом образовывалось светящееся пятно. И гасло.

Генерал неловко обнял меня.

Я ткнулся носом в его щеку.

Все-таки мы с ним славно поработали вместе. Жалко, что свою карьеру генерал загубил.

— Иди, — сказал генерал. — Мне надо встретить чекистов, чтобы не выводить на эту дырку.

Я откинул занавес и оказался в теплом сухом пространстве. Передо мной светилась пустота.

Я шагнул в нее.

И оказался в жилище совершенно растерянного от обилия гостей Фенички.

— Если можно, выключите дырку, — сказал я.

— Дырки не выключаются, — ответил Феничка. И повторил: — Дырки не выключаются. Очень смешно.

— Ах, как смешно, — откликнулись очаровательные лилипутки, выглядывая из-под стола.

* * *

— Успели, — сказал я.

— Гарик! — воскликнул Егор. — Ты с ума сошел. Ты зачем у нас?

— По делу, — ответил я. — И не бойся за меня. День-два, как ты отлично знаешь, у меня есть. И кроме меня, к сожалению, некого было командировать.

— Зачем? — Он все еще никак не мог понять, что я делаю в этом мире.

Я оглядел группу беженцев.

По крайней мере успели — всем им положена отсрочка от смерти.

Они были похожи на спринтеров после финиша. Победитель убежал с флагом, окруженный фотографами. А они, проигравшие, еще стоят, думают, как их угораздило засидеться на старте и как они будут смотреть в глаза тренеру. Вот и переминаются с ноги на ногу.

Интереснее всех для меня была Вера.

Именно сейчас я смогу узнать правду.

Я сделал к ней шаг.

Она смотрела на меня спокойно.

— Вы здесь впервые? — спросил я.

— Разумеется, — ответила девушка. — Я даже не подозревала о том, что здесь живут люди.

Неправда.

Я обернулся к Феничке. Между нами возникла взаимная приязнь. Может, потому, что мы оба — уроды.

Феничка пожал плечами:

— Эту мадемуазель не имел счастья знать прежде.

— И мы ее не знаем, — крикнула лилипуточка, — но она плохой человек.

— Ах, плохой! — откликнулась вторая лилипутка.

— Я — журналистка, — упрямо повторила Вера.

— Она — убийца! — возмутился Лядов, который уже искренне полагал себя жертвой злобного заговора.

— Я спасала людей, — сказала Вера. Ее было трудно смутить.

Все это разрушало мою версию. Я был почти уверен, что Вера — агент Берии. В конце концов, ничего не стоит купить журналистку, если в твоем распоряжении есть несколько недограбленных ювелирных магазинов. Задача лишь в том, чтобы выбраться наружу и наладить связь. Впрочем, они же выбирались!

А затем все ложится на место: она дежурит у выхода, чтобы подстраховать операцию «Гадюка». Ведь Берия никогда никому не верит. И если посылает биологов, то, вернее всего, должен послать кого-то, кто будет следить за биологами. И даже сможет их убрать в случае, если в них больше не будет нужды.

И во все это вписывается Вера — и ее появление, и ее поведение.

Феничка, видно, думал, как и я.

— Но мы — не единственный выход в Верхний мир, — сказал он. — У Лаврентия Павловича и на это был резервный вариант.

Мы оба смотрели на Веру.

И оба не понимали, что она чувствует. Словно усилием воли девушка закрылась от наших щупалец.

— Мы не можем задерживаться, — сказал я, вспомнив, что есть более важные дела. — Нам надо увидеть доктора Фрейда.

— А я бы хотел вернуться в Шахматный клуб, — сказал Лядов.

То ли он в самом деле чувствовал себя в безопасности, то ли бравировал.

— Вам бы тоже не мешало встретиться с доктором, — сказал я.

— Чепуха, — возразил Лядов. — Мне не поможет никакой доктор. А если мне здесь ничего не грозит, то я еще успею сыграть несколько хороших партий.

Майоранский переминался с ноги на ногу.

— В самом деле здесь процессы консервируются? — спросил он, ни к кому не обращаясь. Словно не мог решить, последовать за Лядовым или все же подстраховаться.

— Но вы-то что решили? — спросил я Веру.

— Вы уверены, что мне опасно возвращаться домой?

— Смертельно опасно.

— Вот попалась! — вырвалось у Веры.

И она добавила несколько неприличных слов, вполне естественно прозвучавших в ее устах.

— Нет, сначала я встречусь с Лаврентием Павловичем, — произнес Майоранский. — Я должен написать отчет о командировке.

Черт! У меня из головы выскочил диктатор — это может плохо кончиться.

— Лаврентия Павловича больше нет! — сказала из-под стола лилипуточка.

Я обернулся к Феничке.

— Они устроили засаду, — сказал Феничка, — совсем недавно. Он как раз возвращался к себе в Смольный, а они устроили засаду.

— Кто?

— Я думаю, что монахи владыки Никифора. Но, может быть, за этим стоял Клюкин, он был очень сердит на Лаврентия Павловича за смерть его возлюбленной Ларисы Рейснер.

— Это точно?

— Совершенно точно. Потому что это случилось не очень давно, и один из моих актеров стал случайным свидетелем этой жестокой расправы. Его буквально разорвали на куски.

— Какая глупость! — сказал Лядов. — Мы могли бы сыграть сто партий в шахматы вместо того, чтобы, рискуя жизнью, носиться по Земле.

— А я не жалею, — сказал Майоранский. — Мы выполнили свой долг.

— Как вы думаете, нас кто-нибудь подвезет?

— Вас никто не подвезет, — сказал Феничка.

— Мы очень устали и ослабели, — пожаловался Майоранский.

— Идите с перерывами для отдыха, — посоветовал Феничка.

— Может, все же сначала посоветуемся с доктором? — спросил я.

— Не стоит тратить времени, — сказал Лядов. — Вы идете, Лев Яковлевич?

Вера спросила:

— Сколько я здесь пробуду?

Ее не интересовал Берия и его смерть. Или человек может так ловко притворяться?

— Решает Леонид Моисеевич.

— Я могу отправить весточку туда... домой? Меня ждет мама.

— Я постараюсь, — сказал Феничка.

Я спросил Веру:

— А что, если вы выполняли некое задание ФСБ... или подобного органа? Простите за прямой вопрос.

— Вам не надоело меня допрашивать? — огрызнулась Вера. — Через полчаса вы решите, что я — агент ФБР.

— А вы не агент ФБР? — спросил я.

Никто не засмеялся.

Мы вышли в город.

Дул легкий ветерок, которому здесь быть не положено.

Мир Чистилища неотвратимо изменялся.

И теперь уже не было в нем Лаврентия Павловича, который хотел и почти преуспел в том, чтобы предотвратить сближение миров.

На улице стоял одинокий рикша.

— Куда изволите? — крикнул он.

— Осторожнее, это агент Берии, — предупредил Егор.

— Ах, оставьте, — откликнулся рикша. — Берии нет, я работаю сам на себя. Я привез вам приглашение на свадьбу генерала и Крошки. И привет от Люси Тихоновой.

Никто не стал садиться в его коляску.

Пошли пешком.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИД НА БИТВУ С ВЫСОТЫ. *Роман* 5
СТАРЫЙ ГОД. *Роман* 357
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА». *Роман* 689

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Павлова*
Корректор *Л. Гусева*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Саватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 11.09.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 53,76. Уч.-изд. л. 54,6.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 2893.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru